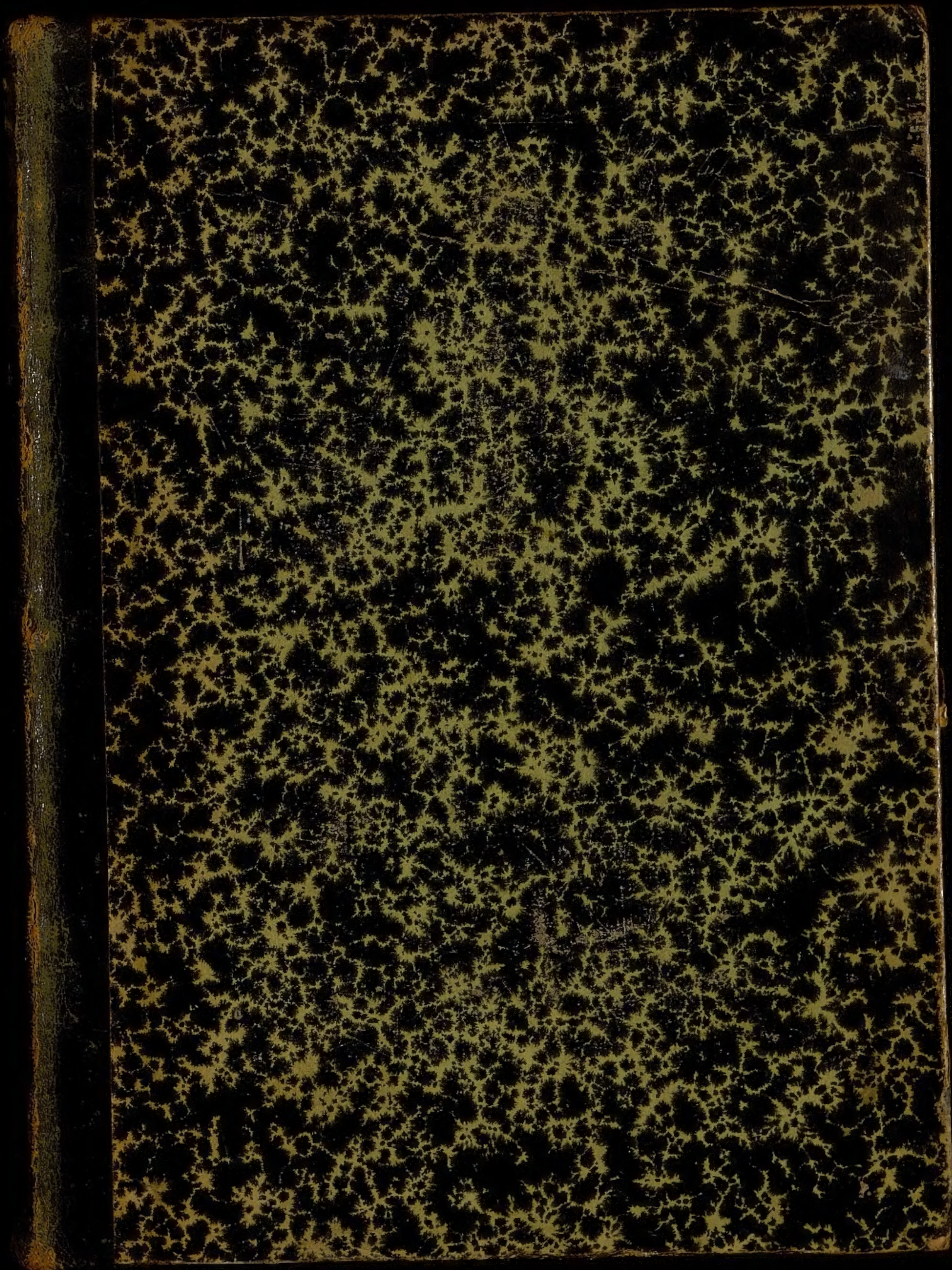

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

КУРСЪ НОВОЙ ИСТОРІИ.

СОСТАВЛЕНА ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ ИСТОРІИ 1-Й ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ И АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ

А. ОВСЯННИКОВЫМЪ.

Je prends mon bien partout où je le trouve.
Molière.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. ОВСЯННИКОВА и П. СТЕПАНОВА.
1875.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 15.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ предлагаемую книгу, я имѣлъ въ виду оказать чрезъ нее помощь учащимся, такъ какъ учебныя пособія при изученіи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще очень скудны, а по курсу новой исторіи не было до сихъ поръ ни хрестоматій, ни сборниковъ историческихъ статей, въ чемъ чувствуется настоятельная и общепризнанная необходимость. Въ то время, когда германская педагогическая литература можетъ справедливо гордиться рядомъ блестящихъ учебныхъ пособій, къ сожалѣнію, наша отечественная далеко еще не достигла высоты такого положенія, и эта относительная ея отсталость отражается чуть-ли не болѣе всего въ отсутствіи пособій при преподаваніи исторіи. Важность и полезность сборниковъ историческихъ статей не подлежитъ сомнѣнію. «Историческія Хрестоматіи», «Сборники историческихъ статей» удовлетворяютъ самымъ многоразличнымъ педагогическимъ цѣлямъ и требованіямъ, они непосредственно полезны не только въ преподаваніи исторіи или словесности, но и служатъ наиболѣе полезною книгою для внѣкласснаго чтенія учащихся, на что въ послѣднее время обращено такое усиленное вниманіе. Въ Германіи одинъ изъ извѣстныхъ педагоговъ (Петеръ) полагаетъ даже, что вся историческая образованность ученика должна основываться не на устной передачѣ учителя, а на собственномъ чтеніи оригинальныхъ историческихъ сочиненій.

И въ нашей педагогической литературѣ уже неоднократно дѣлались заявленія о необходимости сборниковъ историческихъ ста-

тей. Я взялся за составленіе исторической хрестоматіи по новой исторіи и въ объясненіе этого долженъ сказать, что наиболѣе вопіющей нужды въ настоящее время чувствуется именно въ хрестоматіяхъ по новой исторіи, по которой у преподавателей всего менѣе матеріала на отечественномъ языкѣ въ распоряженіи, да и тотъ подъ часъ разбросанъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; къ тому же важнѣйшія эпохи въ исторіи человѣчества, какъ напр. «Реформація» и «эпоха Людовика XIV», еще покуда на отечественномъ языкѣ почти остаются незатронутыми, что ставитъ преподавателей иногда въ несовсѣмъ выгодное положеніе. Я знаю, что въ моемъ трудѣ найдутся пробѣлы и недостатки, завсѣмъ тѣмъ я съ величайшей и искренней моей благодарностью приму всѣ указанія на нихъ и постараюсь воспользоваться ими. *)

С.-Петербургъ. 1875 г. Іюля 29 дня.

А. Овсянниковъ.

---

*) *2-й т. Исторической Хрестоматіи выйдетъ въ непродолжительномъ времени.* Въ него между прочимъ войдутъ: 1) Учрежденіе и организація ордена Іезуитовъ, Тридент. соборъ и пр.; 2) Нидерландск. революція; 3) Исторія постепеннаго упадка Испаніи (Филиппъ II, Инквизиція и пр.); 4) Возвышеніе неограниченной монархіи во Франціи. Генрихъ IV Бурбонъ. Экономическая дѣятельность Сюлли. Людовикъ XIII и кардиналъ Ришелье.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ХАРАКТЕРЪ НОВОЙ ИСТОРІИ.

Новая исторія составляетъ третій главнѣйшій отдѣлъ въ общей исторіи человѣчества. Въ этомъ смыслѣ она можетъ быть поставлена на ряду съ древней и средней исторіей, несмотря на то, что ее не отдѣляетъ отъ предъидущихъ вѣковъ какое-либо особенно выдающееся событіе, въ-родѣ великаго переселенія народовъ и паденія Римской имперіи, которыми древній міръ былъ политически разрушенъ. Многіе, противопоставляя древнюю исторію новой, просто разумѣли подъ нею и среднюю, которую не отдѣляли отъ послѣдующихъ вѣковъ, какъ дѣйствительно культурную эпоху, насколько она можетъ заслуживать такого названія. Въ дѣйствительности же не слѣдуетъ забывать, что образованіе третьяго періода, къ которому мы принадлежимъ, гораздо болѣе основано на второмъ, нежели втораго на первомъ: потому что въ то время, какъ на развалинахъ отжившаго міра возникаютъ средніе вѣка, пуская свой зародышъ на почвѣ, обагренной кровью предшествующихъ временъ, новая исторія является продолженіемъ и завершеніемъ тѣхъ образовательныхъ элементовъ, которые накоплялись въ теченіе среднихъ вѣковъ, не уничтожая прежняго и уже существовавшаго. Несмотря на это, XVI столѣтіе подготовило такое стеченіе событій, вслѣдствіе которыхъ послѣдующіе вѣка измѣняютъ свой характеръ и тѣмъ самымъ представляютъ собой новый періодъ культурнаго развитія человѣчества, рѣзко отдѣленный отъ предъидущихъ.

Завоеваніе Константинополя турками имѣло двоякое значеніе для новой исторіи. Во первыхъ съ нимъ въ Европѣ возникло новое государство, отношенія котораго не могли остаться безъ вліянія на ея равновѣсіе. Паденіе государства, которое впродолженіе почти тысячи лѣтъ сохраняло воспоминаніе о древнемъ мірѣ, хотя только какъ о кучѣ щебня, казалось, многозначительно предвозвѣщало важные перевороты. Османы, уже давно грозившіе Европѣ, сдѣлались въ короткое время владѣтелями прекрасныхъ странъ, принадлежавшихъ всѣмъ тремъ частямъ свѣта, а именно: востокомъ Европы, всей средней Азіей до Каспійскаго моря и сѣвернымъ берегомъ Африки. Всѣ эти земли

турки подчинили себѣ съ необыкновеннымъ мужествомъ, только ихъ храбрость и рѣшимость предводителей, а также несогласіе христіанъ и князей почти разрушеннаго нѣмецкаго государства, лишеннаго всякаго единства и имѣвшаго правителя въ лицѣ слабаго Фридриха III, только все это объясняетъ, какимъ образомъ азіатскій народъ такъ крѣпко утвердился на европейской почвѣ. Но гораздо важнѣе были послѣдствія вторженія турокъ въ Европу въ томъ отношеніи, что многіе греческіе ученые бѣжали, послѣ завоеванія Константинополя, отъ непріятельскаго меча въ Италію, находившуюся съ давняго времени въ торговыхъ сношеніяхъ съ Византійскимъ государствомъ. Здѣсь нашли они миръ, котораго были лишены на родинѣ; здѣсь нашли они друзей, почитателей и защитниковъ учености, значеніе которыхъ болѣе чувствовали, чѣмъ понимали; здѣсь нашли они для всего великаго воспріимчивое чувство. Тогда снова возродилось рвеніе къ почитанію древнихъ съ тою только разницею, что не занимались уже исключительно произведеніями Лаціума, обратившись къ самымъ лучшимъ литературнымъ источникамъ Эллады, и воодушевленіе охватило даже сосѣднія страны. Не только идеи древнихъ получили отъ новыхъ народовъ болѣе обширное и оживленное поле дѣятельности, а новѣйшіе языки окрѣпли, имѣя образцомъ латинскій и греческій, но и науки искали основанія также въ произведеніяхъ древнихъ и чрезъ то болѣе и болѣе совершенствовались.

Особое благоволеніе судьбы проявилось въ изобрѣтеніи искусства *книгопечатанія* за нѣсколько лѣтъ до того времени, какъ выходцы съ Востока перенесли на Западъ остатки величественной литературы, чрезъ что неоцѣнимая собственность прошедшихъ вѣковъ могла сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ. Книгопечатаніе нашло себѣ впервые достойное занятіе въ многочисленныхъ трудахъ *классиковъ* и помогало постепенному развитію и повсемѣстному распространенію интеллигенціи, которая составляетъ главный характеръ и безсмертное достояніе нашего вѣка. Европа измѣнилась, слѣдовательно, какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ *умственномъ*.

Также и *искусство* начало обновляться уже въ измѣненномъ видѣ; *живопись* была снова введена греческими художниками въ Византійской школѣ; она приняла новое направленіе у итальянскихъ маэстро и много выиграла отъ изобрѣтенія голландцевъ (масляная живопись). Въ XV столѣтіи Италія считалась средоточіемъ изящныхъ искусствъ и вскорѣ праздновала ихъ процвѣтаніе; отсюда они перешли во Францію, Германію и Голландію, и Италія, являясь во многихъ отношеніяхъ владычицей человѣчества въ древніе и средніе вѣка, стала въ новое время наставницей Европы.

Одновременно съ этимъ начались преобразованія и въ военныхъ учрежденіяхъ вслѣдствіе введенія во всеобщее употребленіе *пороха* и образованія *пѣхоты*.

Порохъ, слѣды котораго ясно видны у китайцевъ и древнихъ индусовъ, былъ впервые занесенъ Маврами въ Испанію и въ XIII столѣтіи распространился уже отсюда по различнымъ странамъ Европы, но имъ еще не умѣли пользоваться. Въ 1380 г. были изобрѣтены огнестрѣльныя оружія (пушки, мортиры), предназначенныя для защиты укрѣпленій, откуда произошло и самое ихъ названіе (Geschütz); это изобрѣтеніе приписываютъ нѣмецкимъ монахамъ, изъ которыхъ самый извѣстный—*Бертольдъ Шварцъ* — помѣщается то въ Фрейбургѣ или Нюрнбергѣ, то въ Майнцѣ, Кельнѣ или Госларѣ. Однако уже въ началѣ XIII вѣка огнестрѣльныя оружія были употребляемы арабами въ Испаніи, откуда они вскорѣ перешли (1342 г.) во Фландрію, а отсюда во Францію, гдѣ при Эдуардѣ III англичане, соединившись съ фламандцами, примѣняли ихъ къ дѣлу при осадѣ. Эти оружія появились во Франціи при Людовикѣ XI, въ Германіи при Максимиліанѣ I. Небольшія огнестрѣльныя оружія (ружья) появились подъ названіемъ *фитильныхъ* или *огневыхъ трубъ* уже въ XIV столѣтіи. Въ началѣ XV вѣка они назывались *ручными ружьями* или *ручными трубами*, а впослѣдствіи—*ручными самострѣлами*, потому что изъ нихъ стрѣляли съ помощью фитиля, и они были снабжены курками. Въ 1411 году у швейцарцевъ было 4000 огнестрѣльныхъ оружій, вѣсомъ каждое отъ 25 до 28 фунтовъ, въ то время какъ въ другихъ войскахъ предпочитались еще самострѣлы.

Учрежденію *пѣхоты* положилъ начало французскій король, Карлъ VII, образованіемъ пѣшаго войска, которое пользовалось большой свободой, почему и получило названіе *вольныхъ стрѣлковъ*. Служба въ пѣхотѣ, которую до сихъ поръ презирали и на которую не обращали никакого вниманія, снова пріобрѣла значеніе, и дворянство, составлявшее главный элементъ въ конницѣ, утратило всякое влеченіе къ военной службѣ, потому что оно не хотѣло сражаться пѣшимъ и притомъ быть наравнѣ съ самыми простыми людьми. Съ этихъ поръ обнаруживается гораздо менѣе отваги отдѣльныхъ смѣльчаковъ и силачей, чѣмъ всей массы, и менѣе личнаго мужества и силы, чѣмъ ума, руководящаго всею массою. Съ этого времени тактика создавалась на новыхъ основаніяхъ, а стратегія только теперь собственно получила свое существованіе. Веденіе войны возвышалось на степень науки, части которой составляли знанія по артиллеріи и инженернымъ наукамъ. При такихъ правильно обученныхъ и искусно предводимыхъ войскахъ непокорные вассалы должны были смириться, и кулачное право близилось къ паденію. Госу-

дарства, которыя не хотѣли отстать отъ Франціи, должны были точно также формировать пѣхотныя войска. Явившаяся вслѣдствіе этого нужда въ деньгахъ повела къ правильно организованной податной системѣ.

Между великими событіями, ознаменовавшими собою начало новаго времени, слѣдуетъ прежде всего, по степени важности, помѣстить *открытіе Америки и морскаго пути въ Индію.*

Открытіе Америки не только подняло завѣсу, скрывавшую впродолженіе цѣлыхъ столѣтій значительную часть земной поверхности отъ взоровъ жителей другихъ странъ, не только открыло необозримое поле для торговой и промышленной дѣятельности, увеличило количество металловъ, возвысило стоимость предметовъ, придало болѣе утонченности роскоши и нравамъ, но кромѣ этого оно открыло новую безконечную область научнымъ изслѣдованіямъ и увеличило тѣмъ самымъ матеріалъ для творческихъ произведеній жителей Стараго свѣта. Остроуміе людей росло вмѣстѣ съ расширеніемъ арены его дѣятельности. Астрономія, мореплаваніе, физическая географія въ самомъ широкомъ объемѣ, геологія вулкановъ, описательная естественная исторія, всѣ эти науки должны были измѣниться. На новомъ материкѣ взорамъ мореплавателей представилось береговое протяженіе въ 120° широты, естествоиспытатели нашли здѣсь новыя семейства растеній и животныхъ, философы—общую расу людей, измѣнившуюся отъ продолжительнаго вліянія пищи, температуры и обычаевъ и распавшуюся на безчисленное множество нарѣчій, въ общемъ строѣ которыхъ нельзя не узнать основнаго народнаго типа, геологи — обширную горную цѣпь, приподнятую дѣйствіемъ подземнаго огня; она изобилуетъ благородными металлами и соединяетъ на своихъ крутыхъ склонахъ и террасообразныхъ равнинахъ, на такомъ относительно маломъ пространствѣ, климатъ и произведенія самыхъ отдаленныхъ поясовъ. Никогда еще открытіе, касающееся прямо вещественнаго міра, не производило расширеніемъ кругозора бо̀льшаго измѣненія въ умственномъ отношеніи, никогда человѣкъ не чувствовалъ сильнѣе потребности созерцать красоты природы и умножать средства, съ помощью которыхъ это созерцаніе принесло бы пользу.

Открытіе прямаго морскаго пути въ Остъ-Индію имѣло важныя послѣдствія для всемірной торговли, которая преобразовалась изъ сухопутной въ морскую. Старые морскіе пути были оставлены и открыты новые, а чрезъ это совершенно измѣнилось значеніе государствъ. Страны при Средиземномъ морѣ упали въ той же степени, въ какой возвысились земли при Атлантическомъ океанѣ. Въ особенности Венеціанцы потерпѣли отъ этого: то, чѣмъ они до сихъ поръ безраздѣльно владѣли, т. е. остъиндской торговлей, перешло теперь въ руки Португальцевъ и

Голландцевъ, а они должны были ограничиться берегами Адріатическаго моря. Испанія и Португалія стали во главѣ морскихъ державъ, распространяя колоніальную систему, съ помощію которой Европейцы упрочивали свое господство, а также и европейскую цивилизацію во всѣхъ частяхъ свѣта.

Въ то время, какъ повсемѣстно распространившаяся торговля служила связующимъ звеномъ европейскихъ націй, реформація произвела великій расколъ въ лонѣ христіанскихъ народовъ, который повелъ къ кровавымъ войнамъ, а также содѣйствовалъ развитію и поддержанію идеи о политическомъ равновѣсіи. Со времени реформаціи и открытія Америки всѣ міровыя событія вращаются около мореплаванія, торговли, или религіи, поэтому большая часть войнъ были религіозныя или торговыя.

Но какія же отличительныя черты новой исторіи передъ древней и средней?

Прежде всего въ началѣ XVI столѣтія арена исторіи неожиданно расширилась до такихъ размѣровъ, о какихъ никогда нельзя было и думать. Старый свѣтъ (Европа, Азія, Африка) сталъ почвою исторической жизни народовъ, какъ средневѣковыхъ, такъ и древнихъ, и только Европа утвердила за собою первенство передъ обѣими другими частями свѣта, которое осталось неоспоримымъ въ новой исторіи, и самая исторія перешла отъ странъ при Средиземномъ морѣ на сѣверъ и западъ. Благодаря же открытію Америки, исторія, охвативъ собою всѣ части земнаго шара, сдѣлалась всемірною въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Господство Европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта повело къ распространенію въ нихъ европейской культуры, и насколько послѣдняя пріобрѣла значенія, видно изъ того, что источникомъ исторіи внѣевропейскихъ странъ служитъ всемірная исторія, которая въ сущности есть европейская. Вскорѣ колоніи начинаютъ оказывать обратное вліяніе на свои метрополіи и отчасти даже опредѣляютъ взаимныя отношенія между ними. Такого величественнаго зрѣлища не зналъ ни древній міръ, ни средніе вѣка: многосторонняя дѣятельность человѣческаго рода, распространившагося по всѣмъ частямъ свѣта, составляетъ характеръ новаго времени.

Съ расширеніемъ арены человѣческой дѣятельности долженъ былъ увеличиться и кругозоръ наблюдателей. Какъ мореплаваніе поддерживало дружелюбныя или враждебныя отношенія между странами и даже частями свѣта, отдѣленными другъ отъ друга бездоннымъ океаномъ, такъ и книгопечатаніе стало средствомъ умственнаго сближенія людей. Вскорѣ опыты отдѣльныхъ личностей стали всеобщимъ достояніемъ; различнымъ націямъ было сообщено теперь то, что прежде рѣдко переходило за предѣлы отечества, а такія взаимныя сношенія способствовали развитію

мышленія, возраставшаго теперь съ каждымъ днемъ. Въ прежнія времена высшее образованіе принадлежало только привилегированнымъ сословіямъ и лицамъ, а большая часть народа находилась въ презрѣніи и угнетеніи; новая исторія не только расширила кругъ образованныхъ людей, возвысила до тѣхъ поръ угнетаемые классы общества, но и ввела уже *народное образованіе.* Одновременно съ развитіемъ мышленія явились успѣхи въ *наукахъ* и *искусствахъ.* Жизнь должна была улучшиться во всѣхъ отношеніяхъ и преобразоваться вслѣдствіе безчисленныхъ изобрѣтеній, а научныя изслѣдованія и торговыя спекуляціи подготовляли любовь къ роскоши.

Успѣхъ интеллигенціи обнаруживается въ новое время виднѣе всего въ политическомъ отношеніи, потому что хотя государства остались тѣ же, но они подверглись всестороннимъ измѣненіямъ, такъ что вся Европа представляется цѣлою *системою государствъ.* Европейскія державы, вынужденныя къ оборонѣ противъ общаго врага своей религіи, мусульманства, сдѣлали первыя слабыя попытки къ такому союзу. Къ этому времени относится установленіе *международнаго права,* явившагося продуктомъ культуры и имѣвшаго силу во время войны и мира. Руководствуясь народнымъ правомъ, государства считаютъ другъ друга совершенно свободными и независимыми и заключаютъ между собою союзы, основанные на неприкосновенности ихъ владѣній. Вскорѣ въ этомъ союзѣ зарождается мысль о *равновѣсіи,* для поддержки котораго противъ притязаній отдѣльныхъ лицъ государства составляютъ союзы; въ такихъ случаяхъ взаимное уваженіе обезпечиваетъ небольшимъ государствамъ ихъ спокойствіе, устраняя всякое побужденіе къ завоеваніямъ. Важное положеніе, какое выпадаетъ на долю морскихъ державъ, способствуетъ поддержанію равновѣсія уже настолько, что онѣ препятствуютъ единоличному господству большихъ сухопутныхъ державъ, которыя всегда легко образовывались, благодаря скопленію народныхъ массъ. Морскихъ державъ, подобныхъ Англіи, не знаютъ средніе вѣка; итальянскія республики поддерживали своимъ флотомъ—за исключеніемъ крестовыхъ походовъ—скорѣе торговлю, чѣмъ принимали рѣшительное участіе въ политическихъ событіяхъ; подобное же происходило и въ древніе вѣка, и Римъ, получивъ всемірное господство, уничтожалъ морскія державы, стремясь быть сильнымъ безъ всякихъ соперниковъ.

Менѣе ярко выступаютъ реформы, которымъ подверглось *внутреннее* состояніе государствъ. Большинство государствъ были наслѣдственными монархіями; судя по общему ихъ строю, они образовались изъ средневѣковыхъ феодальныхъ государствъ; поэтому въ нихъ вездѣ встрѣчается рядомъ съ монархической властью весьма вліятельное дворянство, которое ведетъ начало

своихъ правъ частью съ давнихъ временъ, когда военные надѣлялись еще ленными владѣніями, частью же — съ союзовъ съ владѣтельными господами. Это дворянство вмѣстѣ съ духовенствомъ, которое въ различныхъ странахъ въ средніе вѣка получило преобладающее значеніе до сихъ поръ составляетъ съ нимъ привилегированныя сословія государства, которыя частью освобождены отъ податей, частью же имѣли первенствующій голосъ въ сословныхъ собраніяхъ при рѣшеніи національныхъ дѣлъ. Но рядомъ съ ними въ позднѣйшіе періоды среднихъ вѣковъ образовалось, вслѣдствіе городской жизни, третье свободное сословіе—*бюргерское*, и хотя оно было наиболѣе обременено податями, но пользовалось такимъ большимъ вліяніемъ на ландтагахъ, что отъ его согласія зависѣло установленіе податей и въ немъ сосредоточилась вообще вся сила націи.

Въ болѣе ограниченной сферѣ и аренѣ древнихъ вѣковъ и отчасти среднихъ мы восхищаемся величественно выступающими образами героевъ и благодѣтелей человѣчества, которые освѣщаютъ путь потомству и сквозь сумракъ грубыхъ отдаленныхъ временъ приближаются къ идеалу. Мудрые государственные мужи Греціи, сильные герои Рима приковываютъ вниманіе даже самаго равнодушнаго изслѣдователя, который принужденъ признать въ нихъ величайшія доблести, до какихъ только можетъ достигнуть человѣкъ. Поэтическіе средніе вѣка съ романтическими чертами героической силы, рыцарской жизни и мистицизма, а также и ужасы кулачнаго права даютъ богатую пищу фантазіи своими постоянными измѣненіями и противоположностями. Особенную прелесть этихъ обоихъ вѣковъ составляютъ для насъ тѣ образы и явленія, которые они вызываютъ въ нашей душѣ, явленія, совершенно несогласныя со всѣмъ тѣмъ, что насъ окружаетъ въ настоящее время. Подобной прелести необычайнаго и удивительнаго напрасно стали бы мы искать въ *трехъ позднѣйшихъ вѣкахъ:* близость ихъ къ намъ ослабляетъ всякое обольщеніе, выставляя все въ дѣйствительности. Въ средѣ ихъ исчезаютъ величественные характеры, индивидуальность народовъ забывается для лицъ, стоящихъ во главѣ послѣднихъ, исторія теряется въ генеалогіи или въ кабинетахъ князей, отношенія государствъ во время войны и мира обусловливаются придворной политикой, силы державъ основываются на благоразумномъ разсчетѣ, и даже тамъ, гдѣ еще до сихъ поръ сохранились республики, напрасно мы стали бы искать великихъ характеровъ древности. Но если отдѣльное, индивидуальное, исчезаетъ въ новой исторіи, то общее, сглаживающее индивидуальность, является гораздо возвышеннѣе; не только личности, но и событія заявляютъ свои права на величіе, возбуждая къ себѣ тотъ же интересъ, какой заставляетъ каждаго любителя исторіи

и вообще образованнаго человѣка *объяснять настоящее изъ прошлаго.* Отсюда, слѣдовательно, отношеніе трехъ послѣднихъ столѣтій къ событіямъ нашего времени сдѣлаетъ доступнымъ главнѣйшій отдѣлъ исторіи человѣчества даже тому кругу читателей, для котораго предъидущіе вѣка остаются чѣмъ-то совершающимся очень далеко.

(Die allgemeine Geschichte der Völker der neuern Zeit und ihrer Cultur— nach *Rudolf Lorenz.*)

I.

Эпоха изобрѣтеній и открытій (XIV и XV в.).

1. ЗНАЧЕНІЕ ИЗОБРѢТЕНІЯ ПОРОХА.

Это важное изобрѣтеніе сдѣлано, какъ утверждаютъ, въ тринадцатомъ вѣкѣ, но вошло въ общее употребленіе не ранѣе четырнадцатаго и даже пятнадцатаго. Какъ только оно было примѣнено къ дѣлу, произошла великая перемѣна во всей системѣ и во всѣхъ пріемахъ веденія войны. До этого времени считалось обязанностью почти всякаго гражданина быть приготовленнымъ къ вступленію въ военную службу, для защиты своего отечества или нападенія на другія страны. Постоянныя арміи были совсѣмъ неизвѣстны; вмѣсто нихъ существовала нестройная, варварская милиція, всегда готовая къ войнѣ и всегда нерасположенная предаваться мирнымъ занятіямъ, которыя тогда были во всеобщемъ презрѣніи. Такъ какъ почти всякій гражданинъ былъ воиномъ, то военное званіе, какъ профессія, не имѣло отдѣльнаго существованія, или, лучше сказать, вся Европа составляла одну огромную армію, въ которой сливались всѣ профессіи. Единственное исключеніе составляло духовенство; но и это сословіе находилось подъ вліяніемъ всеобщаго направленія, такъ что было вовсе не рѣдкостью видѣть большіе отряды войскъ, идущіе въ бой подъ предводительствомъ епископовъ или аббатовъ, большей части которыхъ военное дѣло было весьма знакомо. Какъ бы то ни было, всѣ люди были раздѣлены между этими двумя профессіями: единственными занятіями были война и богословіе, и всякій, кто не желалъ быть служителемъ церкви, долженъ былъ служить въ войскахъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было совершенное пренебреженіе ко всему дѣйствительно важному. Было, дѣйствительно, много священниковъ и много воиновъ, много проповѣдей и много сраженій, но, съ другой стороны, не было ни ремеслъ, ни торговли, ни мануфактуръ; не было ни науки, ни литературы: всѣ полезныя искус-

ства были неизвѣстны, и даже самые высшіе классы общества были незнакомы не только съ самыми обыкновенными удобствами, но и съ простѣйшими приличіями цивилизованной жизни.

Но какъ только порохъ вошелъ въ употребленіе, тотчасъ положено было основаніе великой перемѣнѣ. По прежней системѣ, человѣку нужно было только имѣть — что онъ обыкновенно наслѣдовалъ отъ своего отца — мечъ или лукъ, и онъ уже былъ совсѣмъ вооруженъ для боя. По новому порядку вещей потребовались новыя средства и экипировка, война стала дороже и затруднительнѣе. Во-первыхъ, потребовалось снабженіе воиновъ порохомъ; во-вторыхъ, имъ нужно было имѣть мушкеты, которые стоили дорого и съ которыми обращаться считалось весьма труднымъ.

Наконецъ потребовались другіе снаряды, естественно явившіеся вслѣдствіе изобрѣтенія пороха, какъ-то: пистолеты, бомбы, мортиры, гранаты, мины и т. п. Всѣ эти нововведенія, увеличивъ сложность военнаго дѣла, увеличили вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость въ дисциплинѣ и въ практическомъ обученіи войскъ, между тѣмъ какъ перемѣна, происшедшая въ обыкновенно употребляемомъ оружіи, поставила большинство людей въ невозможность пріобрѣтать его. Для примѣненія къ этимъ новымъ обстоятельствамъ, придумана была новая система — приготовлять извѣстное число людей единственно для войны и отдалять ихъ какъ можно болѣе отъ всѣхъ другихъ занятій, которымъ прежде по-временамъ предавались всѣ воины. Такимъ образомъ явились постоянныя войска, изъ которыхъ первыя были образованы въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія, почти тотчасъ послѣ того, какъ порохъ сдѣлался предметомъ общеизвѣстнымъ. Вошло также въ обыкновеніе употреблять наемныя войска. Мы находимъ, впрочемъ, нѣсколько примѣровъ этого гораздо ранѣе, но это обыкновеніе установилось вполнѣ не ранѣе второй половины четырнадцатаго вѣка.

Важность этого движенія весьма скоро выразилась въ той перемѣнѣ, которую оно произвело въ классификаціи европейскаго общества. Такъ какъ регулярныя войска, по дисциплинѣ своей, были пригоднѣе для боя и болѣе непосредственно подчинялись контролю правительства, то, по мѣрѣ того, какъ преимущества ихъ становились болѣе извѣстными, прежнее ополченіе сперва потеряло значеніе въ общемъ мнѣніи, потомъ впало въ пренебреженіе и наконецъ значительно уменьшилось въ числѣ. Въ то же время такое уменьшеніе въ числѣ недисциплинированныхъ воиновъ лишило каждую страну нѣкоторой части ея военныхъ средствъ и вынудило правительство обратить больше вниманія на дисциплинированное войско и болѣе исключительно

ограничить занятія воиновъ исполненіемъ военныхъ обязанностей. И вотъ, въ первый разъ установилось рѣзкое различіе между воиномъ и лицемъ гражданскаго званія и образовалась особая военная профессія, которая, занимая сравнительно, небольшую часть изъ всего количества гражданъ, дала возможность остальнымъ избрать какое-нибудь другое занятіе. Такимъ образомъ огромныя массы людей отъучены отъ своихъ прежнихъ воинственныхъ привычекъ; они были какъ будто-бы насильственно обращены въ гражданскій бытъ, и умственныя силы были направлены къ достиженію общихъ цѣлей общества и къ занятію тѣми мирными дѣлами, которыя прежде были въ пренебреженіи. Вслѣдствіе этого умъ европейцевъ, вмѣсто того, чтобы исключительно заниматься войною или богословіемъ, теперь нашелъ себѣ третій, средній путь и создалъ тѣ великія отрасли знанія, которымъ современная цивилизація обязана своимъ происхожденіемъ. Въ каждомъ изъ послѣдовательныхъ поколѣній это стремленіе къ отдѣльной организаціи стало болѣе и болѣе обозначаться; польза отъ раздѣленія труда болѣе и болѣе сознавалась и въ то время, какъ знаніе подвигалось впередъ, значеніе этого средняго или умственно трудящагося класса соотвѣтственно увеличивалось. Каждое приращеніе къ его силѣ уменьшало вѣсъ двухъ другихъ классовъ и обуздывало тѣ суевѣрныя чувства и ту воинственность, на которыхъ, при первобытномъ состояніи общества, сосредоточивается весь его энтузіазмъ. Возрастаніе и распространеніе этого начала умственной силы доказывается такими полными и опредѣлительными свидѣтельствами очевидцевъ, что можно было бы, совокупивъ всѣ отрасли знанія, прослѣдить почти всѣ его послѣдовательные шаги. Въ настоящее время достаточно будетъ сказать, что вообще этотъ третій или умственно трудящійся классъ впервые обнаружилъ независимую дѣятельность, хотя безъ опредѣленнаго направленія, въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкахъ; что въ шестнадцатомъ вѣкѣ эта дѣятельность, принявъ опредѣлительную форму, проявилась въ религіозныхъ движеніяхъ; что въ семнадцатомъ столѣтіи его энергія, получивъ болѣе практическое направленіе, обратилась противъ злоупотребленій правительствъ и произвела рядъ возстаній, которыхъ едвали избѣжала какая-нибудь часть Европы; наконецъ, что въ восьмнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкахъ она простерла свое вліяніе на всѣ виды общественной и частной жизни, распространяя воспитаніе, научая законодателей, контролируя монарховъ и—что важнѣе всего—устанавливая на прочномъ основаніи то преобладаніе общественнаго мнѣнія, которому нынѣ не только конституціонные государи, но даже самые деспотическіе владѣтели строго подчиняются.

Все это дѣйствительно составляетъ предметъ самыхъ обширныхъ вопросовъ; не изучивши ихъ, нѣтъ возможности ни понять современное положеніе европейскаго общества, ни составить себѣ какую-нибудь идею о предстоящей ему будущности. Впрочемъ, здѣсь достаточно будетъ, если читатель только пойметъ, какимъ образомъ такое неважное открытіе, какъ изобрѣтеніе пороха, могло ослабить существовавшій во всей Европѣ воинственный духъ, уменьшивъ число лицъ, имѣющихъ обычнымъ занятіемъ войну. Были, безъ сомнѣнія, и другія побочныя обстоятельства, которыя дѣйствовали въ томъ же направленіи, но употребленіе пороха было самымъ дѣйствительнымъ между ними, потому что, увеличивъ затрудненія и издержки, сопряженныя съ войною, оно сдѣлало необходимымъ существованіе особой военной профессіи и, такимъ образомъ, ограничило кругъ дѣйствія воинственнаго духа; это дало возможность образоваться излишку энергіи, который скоро нашелъ себѣ исходъ въ мирныхъ занятіяхъ, оживилъ ихъ новою жизнью и началъ обуздывать страсть къ завоеваніямъ, страсть конечно естественную въ необразованномъ народѣ, но составляющую великое препятствіе просвѣщенію и самое гибельное изъ тѣхъ болѣзненныхъ побужденій, отъ которыхъ страдаютъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто и цивилизованныя страны.

(Бокль. Исторія цивилизаціи. Томъ I. ч. I, стр. 229—236).

2. ЗНАЧЕНІЕ ИЗОБРѢТЕНІЯ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

Около 1440 года въ Европѣ изобрѣтено было искусство печатанія. Для насъ собственно не важны подробности его исторіи; все равно, слѣдуетъ ли приписать это изобрѣтеніе Костеру гарлемскому или Гуттенбергу майнцскому, или принять, что оно было введено венеціанцами изъ Китая, гдѣ оно было извѣстно болѣе 2.000 лѣтъ. Въ Венеціи въ 1441 году вышелъ декретъ относительно печати, судя по которому это искусство было извѣстно въ Венеціи уже нѣсколько лѣтъ. Костеръ, какъ полагаютъ, напечаталъ «Speculum Humanae Salvationis» около 1440 г., а Гуттенбергъ и Фаустъ—Библію около 1455 года. Это искусство съ разу достигло совершенства; печать ихъ Библіи до сихъ поръ возбуждаетъ удивленіе. Къ числу сохранившихся первыхъ образчиковъ печати относится воззваніе взяться за оружіе противъ Турокъ, относящееся къ 1454 году, и двѣ индульгенціи Николая V, того же года. Въ началѣ каждая страница вырѣзалась на отдѣльномъ кускѣ дерева, но въ скоромъ времени введенъ былъ подвижной шрифтъ. Двое изъ рабочихъ Фауста открыли

типографію въ Италіи въ 1465 году; они издали Лактанція, «De Officiis» Цицерона и «De Civitate Dei» Августина. Искусство печатанія въ 1469 году перенесено было во Францію, а черезъ нѣсколько лѣтъ распространилось по всѣмъ большимъ европейскимъ городамъ. Владѣтели типографій были въ тоже время и книгопродавцами; обыкновенное изданіе было въ триста экземпляровъ. Фоліанты (изданія въ листъ) замѣнились потомъ изданіями 4° (въ четвертую долю листа), а въ 1501 г. введены были дуодецимы (12-я доля листа). Въ очень скоромъ времени цѣна на книги понизилась на $^{4}/_{5}$ и возникла потребность въ правилахъ не только на счетъ цѣны, но и на счетъ содержанія книгъ. Такъ, парижскій университетъ установилъ тарифъ на продажу книгъ и держалъ цензуру ихъ со стороны церкви и правительства. Съ самаго начала уже видно было, что книгопечатаніе неминуемо окажетъ вліяніе на умственное движеніе того времени.

Нѣкоторые авторы пытались оцѣнить умственное состояніе въ различныхъ странахъ Европы въ концѣ XV-го столѣтія по числу изданныхъ книгъ. Хотя подобная оцѣнка не можетъ быть вполнѣ справедлива, такъ какъ печатаніе книги обусловливается не только научнымъ развитіемъ, но и состояніемъ промышленности и торговли, тѣмъ не менѣе однако эта оцѣнка, можетъ быть, есть самая вѣрная, какую можно только сдѣлать. Она уже приводитъ насъ къ очень интереснымъ и неожиданнымъ результатамъ, имѣющимъ особенное значеніе по ихъ отношенію къ этой важной эпохѣ. Оказывается, что во всей Европѣ отъ 1470 до 1500 г. напечатано было болѣе 10,000 книгъ и памфлетовъ; большая часть приходится на долю Италіи,—обстоятельство, обнаруживающее, что эта страна стояла во главѣ умственнаго движенія.

И такъ, во главѣ стояла Венеція. Англія была далеко назади. Это заключеніе подтверждается многими другими обстоятельствами, которыя оправдываютъ положеніе, что Италія находилась на такой же степени умственнаго развитія въ 1400 г., на какой Англія въ 1500. Въ Парижѣ число изданій въ шесть разъ больше числа изданій въ Лондонѣ, а въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе непропорціональность становится еще большею, такъ какъ въ Парижѣ въ этотъ промежутокъ времени было напечатано 130 изданій, а въ Лондонѣ только 26. Умственное развитіе было тѣмъ ниже, чѣмъ дальше находилась страна отъ Италіи. До 1550 года, слѣдовательно въ цѣлое столѣтіе, въ Шотландіи было напечатано только 7 книгъ и ни одного классика.

Изобрѣтеніе печатанія дѣйствовало двоякимъ образомъ: вопервыхъ, умноженіемъ и удешевленіемъ книгъ и, во-вторыхъ, замѣщеніемъ проповѣди чтеніемъ.

Во-первыхъ, что касается до увеличенія числа книгъ и пониженія ихъ цѣны, то нѣтъ причины полагать, что число ихъ когда-либо было недостаточно. Подобно тому, какъ во времена Птоломея производство книгъ въ музеѣ Александріи вполнѣ соотвѣтствовало запросу на нихъ, точно также во всѣхъ большихъ монастыряхъ было отдѣленіе—Scriptorium—для переписки и производства книгъ. Подобное усидчивое занятіе не могло не нравиться людямъ созерцательнаго и спокойнаго характера. Но въ Греціи, Римѣ, Египтѣ, вообще во всѣхъ древнихъ странахъ, за исключеніемъ Китая, не было одного очень важнаго элемента новыхъ временъ—читающаго класса. Свѣдѣнія переходили изъ устъ въ уста, а не съ глазу на глазъ. При незначительномъ запросѣ вознагражденіе переписчику было достаточно, а цѣна для покупателя умѣренна. Вообще ошибочно полагать, что методы и выгоды печати не были извѣстны. Это искусство въ различныхъ видоизмѣненіяхъ было въ употребленіи повсюду, гдѣ только была на то потребность. Не говоря о римскихъ образчикахъ этого рода, этотъ фактъ доказываютъ вавилонскіе памятники. Печатаніе разныхъ родовъ было хорошо извѣстно; все затрудненіе было въ недостаткѣ бумаги. Это вещество производилось въ Европѣ прежде всего испанскими маврами изъ тонкаго льна Валенціи и Мурсіи. Хлопчатая бумага, продававшаяся подъ названіемъ «Charta Damascena», впервые производилась въ Дамаскѣ и нѣсколько различныхъ видоизмѣній ея были извѣстны въ Китаѣ.

Если бы число читателей было больше, то бумага производилась бы въ большемъ количествѣ и число переписчиковъ было бы больше; мало того, тогда появилась бы и пресса. За усиленнымъ запросомъ послѣдовало бы усиленное удовлетвореніе. Только что подобный запросъ явился въ Европѣ, появилась и печать, какъ это было за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ въ Китаѣ.

Что касается до общества, то печать принесла ему безусловную пользу; не то было въ отношеніи авторовъ. Долговѣчность книгъ значительно пострадала,—печальное слѣдствіе для честолюбиваго ума. Долгая слава многихъ древнихъ книгъ не можетъ больше повториться. Этому укороченію жизни книгъ сильно способствуетъ чрезмѣрное увеличеніе ихъ числа. Быстрый наплывъ новыхъ книгъ заслоняетъ старыя и затѣмъ предаетъ ихъ полному забвенію. Никакой авторъ въ настоящее время не можетъ надѣяться на безсмертіе. Вся его надежда можетъ состоять только въ томъ, чтобы его книга хотя нѣсколько пережила его самого.

Съ печатью было то же самое, что и съ другими дѣлами рынка; увеличенный запросъ породилъ увеличенное удовлетвореніе, которое, дѣйствуя обратно, въ свою очередь увеличило

запросъ. Дешевыя книги порождали читателей. Когда монахи покинули свою безполезную, лѣнивую жизнь, перестали твердить молитвы по 12 разъ въ день и обратились къ перепискѣ и иллюминовкѣ манускриптовъ, тогда умственнное развитіе всего класса монаховъ повысилось; число грамотныхъ монаховъ возрастало; и такъ, вообще по мѣрѣ того, какъ число книгъ увеличивалось, увеличивалось и число людей, для которыхъ книги составляли потребность.

Во-вторыхъ, что касается способа передачи знаній, то въ немъ произошла перемѣна, немедленно оказавшая вліяніе на духовный міръ и позже на политическій. Вся система богослуженія была основана на неграмотности народа; отсюда чтеніе молитвъ и проповѣди. Кто внимательно сравнитъ XIII столѣтіе съ XIX, тотъ не можетъ не замѣтить, какъ существенно было устное поученіе для перваго и какъ оно незначительно во второмъ. Изобрѣтеніе прессы внезапно представило сильнаго соперника проповѣднической каѳедрѣ. Оно сдѣлало возможнымъ то, что прежде было невозможно въ христіанской Европѣ,—прямое сообщеніе между правительствомъ и народомъ, безъ всякаго посредничества духовенства, а это было первымъ шагомъ къ той важной перемѣнѣ, которая въ первый разъ проявилась въ Америкѣ,—отдѣленію церкви отъ государства. Хотя въ этомъ отношеніи дѣйствіе было благотворно, но въ другомъ отношеніи его выгоды сомнительны, такъ какъ церковь держалась своего прежняго метода и тогда, когда онъ потерялъ почти всю силу; держалась, даже рискуя впасть въ безжизненное состояніе.

Однако мы не должны слишкомъ низко цѣнить вліяніе, которое устное и сценическое поученіе нѣкогда имѣли на неграмотныхъ прихожанъ. Что̀ могло поучать ихъ лучше, чѣмъ формальное стеченіе въ церкви каждое воскресенье съ цѣлью слушать въ тишинѣ и безъ вопросовъ? Въ этихъ обширныхъ храмахъ, архитектура которыхъ возбуждаетъ еще удивленіе нашего матеріальнаго вѣка, все было разсчитано на то, чтобы подѣйствовать на богомольцевъ. Громадное зданіе съ башенками или шпицемъ, возносящимся къ небу, крутая крыша, стѣны съ нишами и статуями, звучныя колокольни, окна изъ разноцвѣтныхъ стеколъ въ овальной формѣ, или въ формѣ круга или розы, пропускающія разноцвѣтный свѣтъ, часовни съ разукрашенными стѣнами, ряды длинныхъ, тонкихъ колоннъ и своды, ярусъ на ярусѣ, священникъ, выступающій изъ-за занавѣсъ съ чашею и запретнымъ виномъ. Среди облаковъ дыма отъ горящихъ благовоній, свѣта лампъ, факеловъ и разноцвѣтныхъ люстръ, при звукахъ серебряныхъ колокольчиковъ, при блескѣ сосудовъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, одеждъ изъ пурпура и золота, проносились хоругви и кресты черезъ ряды богомольцевъ, пре-

клонившихъ колѣна. Пѣніе литаній и псалмовъ замѣняло мелодію небесъ, и голоса хористовъ и звуки органа то громко провозглашали славу Бога, то нѣжно нашептывали миръ упавшимъ духомъ.

Таково было вліяніе большихъ каѳедраловъ; не меньше вліянія имѣла и сельская церковь. Для селянина она была дорога по отношенію къ самымъ памятнымъ обстоятельствамъ его жизни. Здѣсь онъ получилъ свое имя отъ родителей; у ея алтаря онъ поклялся въ вѣрности подругѣ жизни; за невысокимъ зеленымъ валомъ на церковномъ дворѣ ожидали воскресенія его умершіе родные. Связанная такимъ образомъ съ самыми глубокими и священными чувствами человѣчества, церковь была единственнымъ и достаточнымъ средствомъ къ поученію. Ничего подобнаго ей не было во времена язычества. Неправильное, случайное краснорѣчіе греческихъ республиканскихъ ораторовъ не можетъ быть сравниваемо съ такимъ привлекательнымъ, систематическимъ учрежденіемъ. Правительства сознавали силу церкви какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Королева Елизавета была единственнымъ государемъ, умѣвшимъ дѣйствовать на народъ черезъ тысячу церковныхъ каѳедръ.

Какъ и можно было ожидать, принимая въ соображеніе силу духовенства и побочныя благопріятныя обстоятельства,—каѳедра долгое время стояла твердо противъ прессы. Тѣмъ не менѣе, однако, ея подчиненіе было неминуемо. Если методъ пріобрѣтенія знаній чтеніемъ и имѣетъ свои недостатки, то все-таки онъ представляетъ и особенныя выгоды; хотя печать нѣма и лишена сценической помощи, однако,—замѣчательное противорѣчіе,—она часто дышетъ могущественнымъ краснорѣчіемъ, заставляющимъ сердце трепетать или вызывающимъ румянецъ стыда.

Есть еще условіе, дающее чтенію большое преимущество надъ слушаніемъ. Какая громадная разница въ томъ, сами ли мы совершаемъ какое-нибудь дѣло или кто-нибудь дѣлаетъ его для насъ! Въ первомъ случаѣ возбужденный интересъ несравненно больше, изслѣдованія точнѣе, знакомство съ предметомъ полнѣе. Слушать есть пассивное состояніе ума, читать—активное. И послѣднее несравненно благороднѣе.

Изъ этихъ и подобныхъ соображеній можно было предвидѣть, что пресса наконецъ лишитъ проповѣдь ея силы, сдѣлаетъ ее недѣйствительною, или, по крайней мѣрѣ, уменьшитъ ея значеніе. Ясно было, что настанетъ время, когда проповѣдь, хотя бы даже украшенная краснорѣчіемъ великихъ и добродѣтельныхъ людей, не будетъ въ состояніи двигать массами и направлять народную мысль.

Великая перемѣна коснулась не только духовной, но и свѣтской власти. Во время турецкой войны, въ Венеціи, въ 1563 г.

въ первый разъ появились газеты; онѣ были рукописныя. «Gazette de France» началась въ 1631 г. Первыя англійскія газеты появились, какъ говорятъ, во время нападенія испанской армады; хотя экземпляры этихъ газетъ сохраняются въ Британскомъ музеѣ, но дѣйствительность ихъ подвержена сомнѣнію. Газеты окончательно утвердились въ Англіи и стали появляться подъ названіемъ Меркуріевъ, Вѣстниковъ и т. д. только во время гражданской войны.

Все, что я сказалъ о вліяніи прессы на религіозную жизнь, относится въ сущности и къ гражданской жизни. Ораторство упало до второстепеннаго значенія, такъ какъ съ каждымъ днемъ оно все болѣе и болѣе замѣщалось журналистикою. Какъ бы прекрасно ни было ораторство въ своей сферѣ дѣйствія, оно существенно ограничено и не въ состояніи вліять на массы людей такъ, какъ того требуетъ наша современная общественная система. Какое значеніе имѣли бы самыя краснорѣчивыя парламентскія рѣчи безъ газетъ? Газеты дѣлаютъ ихъ орудіемъ силы и придаютъ имъ политическое значеніе, выводя ихъ изъ тѣснаго круга образованныхъ слушателей и распространяя во всемъ народѣ.

(Дрэперъ. Томъ II. Стр. 173—178).

II.

Открытіе новыхъ земель и начало колоніальной системы.

1. ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ.

а) Рожденіе Коломба.—Его родственники.—Его воспитаніе.

О первыхъ лѣтахъ жизни Христофора Коломба нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Многіе города оспариваютъ честь называться мѣстомъ его рожденія; но, кажется, не подвержено сомнѣнію, что онъ родился въ Генуѣ.

Ближайшіе родственники Коломба были бѣдные, но честные и всѣми уважаемые люди. Отецъ его былъ чесальщикомъ шерсти и издавна поселился въ Генуѣ; онъ имѣлъ трехъ сыновей—Христофора, Варѳоломея и Джіакомбо, или, какъ переведено это имя на испанскій языкъ, Діэго, и одну дочь, о которой извѣстно только то, что она вышла замужъ за человѣка низкаго происхожденія, по имени Джіакомбо Баварелло. Христофоръ былъ старшій изъ всѣхъ дѣтей своего отца.

Фамилія его по-итальянски—Коломбо; онъ самъ переиначилъ ее на латинскій ладъ, и въ первыхъ своихъ письмахъ, которыя дошли до насъ, уже подписывается Колумбусъ, имя, сохраненное ему многими писателями, потому что въ то время латинскій языкъ былъ въ общемъ употребленіи въ перепискахъ, и на немъ писались всѣ историческія имена. Однакожъ въ Испанской исторіи онъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Кристоваля Колона, которое принялъ онъ самъ по переходѣ на службу этого королевства. Сынъ его полагаетъ, что главнѣйшею причиной этой перемѣны было желаніе Коломба, чтобъ его потомство отличалось отъ боковыхъ вѣтвей фамиліи. Въ этомъ намѣреніи онъ вывелъ свое имя отъ латинскаго слова Colonus, изъ котораго, отбросивъ окончаніе, сдѣлалъ Colon, Колонъ, чтобы приноровить его къ Кастильскому языку. Изъ всѣхъ, приведенныхъ здѣсь нами именъ,

мы удержимъ въ нашей исторіи имя Коломба, какъ такое, подъ которымъ онъ болѣе другихъ извѣстенъ.

Воспитаніе его было не блестящее, однакожъ выполнено съ такою заботливостью, какъ только позволяли слабыя средства его родителей. Читать и писать онъ выучился еще дитятей и имѣлъ такой прекрасный почеркъ,—говоритъ Ласъ-Казасъ, у котораго было много его рукописей,—что въ случаѣ нужды могъ бы снискивать себѣ пропитаніе перепиской. За этими первыми основаніями слѣдовала ариѳметика, рисованье и живопись, — и въ нихъ онъ столько успѣлъ,—прибавляетъ Ласъ-Казасъ,—что могъ бы также употребить ихъ, какъ средства къ своему содержанію. Онъ пробылъ нѣсколько времени въ Павіи, въ большомъ училищѣ въ Ломбардіи. Тамъ онъ учился грамматикѣ и латинскому языку. Но воспитаніе его было въ особенности направлено на тѣ науки, которыя могли образовать его для морскаго поприща. Онъ бралъ уроки въ геометріи, географіи, астрономіи, или, какъ говорили тогда, астрологіи, и въ навигаціи. Съ самаго нѣжнаго младенчества онъ обнаружилъ сильнѣйшую страсть къ географіи и непобѣдимое влеченіе къ морю и съ жаромъ изучалъ всѣ науки, относящіяся къ этимъ предметамъ. Впослѣдствіи, когда уже совершились великія событія, которыхъ онъ былъ орудіемъ, Коломбъ, бросая взоръ на первые годы своей жизни, съ торжественнымъ, почти суевѣрнымъ чувствомъ, смотрѣлъ на это раннее предрасположеніе своего ума, какъ на тайное внушеніе Провидѣнія, руководившаго его въ такихъ наукахъ и поселившаго въ немъ такія наклонности, которыя наиболѣе приличествовали выполненію великихъ Его опредѣленій, исполнителемъ которыхъ былъ избранъ онъ.

Начертывая исторію первыхъ лѣтъ жизни такого человѣка, какъ Коломбъ, котораго дѣла произвели столь сильное вліяніе на дѣла человѣческаго рода, любопытно знать о событіяхъ того времени и видѣть, до какой степени былъ онъ увлеченъ ими и до какой—собственными побужденіями своей души. Геній самый независимый, самый изобрѣтательный, всегда болѣе или менѣе обязанъ вѣку, въ которомъ онъ является; и это могучее внушеніе, на которое Кромвель смотрѣлъ какъ на сверхъестественную силу, производится на насъ, такъ что мы сами не замѣчаемъ того, дѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Бываютъ минуты, когда мысль вдругъ принимаетъ какое-нибудь внезапное и общее направленіе, — посѣщая ли снова какую-нибудь давно забытую область познаній, которую она разсматриваетъ во всѣхъ направленіяхъ и возстановляетъ въ заброшенныхъ путяхъ, или усматривая, съ такимъ же изумленіемъ, какъ и съ радостью, какое-нибудь совершенно новое поле для открытій, на которое еще никто не вступалъ. Тогда-то геній пламенный и сильный,

схватывая это мимолетное внушеніе, оставляетъ за собой всѣхъ своихъ менѣе искусныхъ современниковъ, указываетъ путь толпѣ, сообщившей ему начальное движеніе, и стремится къ предпріятіямъ, на которыя умы слабѣйшіе не осмѣлились бы даже и покуситься. Коломбъ представляетъ намъ въ этомъ случаѣ разительный примѣръ. Его неукротимая страсть къ географіи, родившаяся такъ рано и сдѣлавшаяся потомъ двигателемъ всѣхъ его дѣйствій, проистекаетъ отъ вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Свѣтильнику географическихъ открытій суждено было впослѣдствіи бросить столь яркій свѣтъ на XV столѣтіе, — на этотъ вѣкъ, обильнѣйшій въ лѣтописяхъ міра изобрѣтеніями. Впродолженіе длинной ночи невѣжества и суевѣрія, географія, какъ и всѣ прочія науки, исчезла для Европы. Къ счастью, онѣ не погибли для человѣчества: онѣ укрылись въ нѣдра Африки, между тѣмъ какъ монастырскій педантизмъ, щеголяя напыщенными выставками учености, блуждалъ въ лабиринтѣ ложной діалектики, а Арабскіе мудрецы, собранные въ Сеннаарѣ опредѣляли мѣру градуса широты и числяли поверхность земли на обширныхъ долинахъ Мессопотаміи.

Сохраненная такимъ образомъ, по счастью, истинная наука начала опять проявляться въ Европѣ; съ ней вмѣстѣ возродилась изящная словесность. Въ числѣ писателей, введенныхъ въ моду пробудившимся вкусомъ къ древней литературѣ, были — Плиній, Помпоній Мела и Страбонъ. Въ ихъ произведеніяхъ снова нашли основаніе географическихъ познаній, давно уже сохранявшихся въ одной лишь памяти. Оживленное любопытство устремилось по этому, давно заброшенному, пути. Сочиненія Птоломея были переведены въ началѣ вѣка на латинскій языкъ Эмануиломъ Хризолеросомъ, благороднымъ и ученымъ грекомъ; это сдѣлало ихъ доступнѣй для учащихся въ Италіи. Потомъ явился другой переводъ, Джакобо Анжела Скарпіартіа, и вскорѣ всѣ итальянскія библіотеки имѣли ихъ уже по нѣскольку экземпляровъ. Открылись также требованія на сочиненія Аверроэса, Альфрагана и другихъ арабскихъ мудрецовъ, сохранившихъ священный огонь науки въ то время, когда Европа была погружена во тьму.

Познанія находились еще въ младенческомъ состояніи; иначе и быть не могло: это время было пробужденіемъ науки; но ея пробужденіе, какъ возвратъ утренняго свѣта, было исполнено прелести и интереса. Она какъ-будто призывала къ жизни новое твореніе и явилась жадному воображенію со всею прелестью неожиданности. Люди не могли надивиться, что такъ мало знали свѣтъ, въ которомъ жили. Каждый шагъ былъ открытіемъ, потому что каждая страна внѣ отечественнаго края была для всякаго неизвѣстною землей.

Таково было состояніе умовъ въ отношеніи къ этой важной наукѣ въ первые годы XV вѣка. Открытія, которыя начали дѣлать вдоль береговъ Африки, прилегающихъ къ Атлантическому океану, увеличили еще болѣе интересъ, возбужденный ею, и это вліяніе въ особенности было чувствительно между приморскимъ и торговымъ народомъ, каковы были генуэзцы. Этимъ-то обстоятельствамъ должно приписать страсть, обнаружившуюся въ Коломбѣ такъ рано, къ космографическимъ изученіямъ, — страсть, имѣвшую вліяніе на всю его судьбу.

Если взять во вниманіе ограниченность его воспитанія, то нельзя не удивляться, какъ мало онъ былъ обязанъ съ самаго перваго мгновенія пособіямъ постороннимъ и какъ много, напротивъ,—природной энергіи своего характера и плодовитости своего генія. Кратковременнаго пребыванія его въ Павіи едва ли было достаточно для пріобрѣтенія первыхъ основаній наукъ. Глубокія познанія его, обнаруженныя впослѣдствіи, не могли пріобрѣстись иначе, какъ личнымъ изученіемъ, особенными трудами, которымъ онъ посвящалъ часы, похищаемые, по возможности, у другихъ своихъ занятій, среди заботъ и превратностей жизни скитальческой и тревожной. Онъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ могучихъ геніевъ, которые какъ-будто образуются сами собою и, принужденые при самомъ вступленіи своемъ въ свѣтъ бороться со всѣми возможными трудностями и лишеніями, пріобрѣтаютъ мужество презирать препятствія и способность легко торжествовать надъ ними во все продолженіе своей жизни. Этого рода люди научаются приводить въ исполненіе великія дѣла съ малыми средствами, вознаграждая то, чего имъ не достаетъ, способами, которые они почерпаютъ въ своей энергіи и своемъ воображеніи. И это составляетъ замѣчательнѣйшую черту исторіи Коломба съ самаго перваго его шага на поприщѣ. Во всѣхъ его предпріятіяхъ скудость и видимая недостаточность средствъ, употребляемыхъ имъ въ дѣло, еще болѣе возвышаютъ достоинство и величіе того, что онъ совершилъ.

b) Молодость Христофора Коломба.

Коломбъ оставилъ университетъ въ Павіи въ самой ранней молодости и возвратился въ Геную къ своему отцу. Джіустиніани, современный авторъ, говоритъ въ своей «Лѣтописи Генуэзской Республики», и другіе историки повторяютъ за нимъ, что онъ жилъ нѣкоторое время въ Генуѣ, занимаясь, подобно отцу своему, ремесломъ чесальщика шерсти. Но это показаніе съ негодованіемъ отвергаетъ сынъ его, Фернандо, не замѣняя его, од-

накожъ, никакимъ другимъ извѣстіемъ. Общее мнѣніе то, что Коломбъ, непосредственно по выходѣ изъ университета, вступилъ въ морскую службу, для которой его приготовляли и къ которой онъ увлекался характеромъ смѣлымъ и предпріимчивымъ. Онъ самъ говоритъ, что въ первый разъ отправился въ море 14-ти лѣтъ.

Въ приморскомъ городѣ, для молодаго человѣка съ пламеннымъ воображеніемъ, океанъ имѣетъ непобѣдимую прелесть: все прекрасное, все очаровательное онъ видитъ только за его водами. Съ другой стороны, Генуя, окруженная и стѣсненная съ твердой земли высокими горами, представляла мало поля для предпріятій на сушѣ, между тѣмъ какъ безконечная торговля, охватывающая всѣ страны, и неустрашимый флотъ, обходящій всѣ моря, естественнымъ образомъ увлекали на волны океана всѣхъ дѣтей, которые чувствовали, что это ихъ родная стихія. Фагліема въ своей «Исторіи Генуи» говоритъ о всеобщей склонности молодыхъ ея гражданъ—искать приключеній въ отдаленныхъ странствованіяхъ, съ цѣлью нѣкогда возвратиться въ свой отечественный городъ и остаться въ немъ навсегда; но онъ прибавляетъ, что изъ 20-ти уѣзжающихъ такимъ образомъ едвали возвращались двое—частію потому, что иные изъ нихъ умирали или женились въ чужихъ краяхъ, а отчасти, что междуусобныя несогласія, раздиравшія республику, отбивали у нихъ охоту возвращаться на родину.

Жизнь моряка на Средиземномъ морѣ состояла въ ту эпоху изъ ряда опасныхъ приключеній и отчаянныхъ предпріятій. Простое коммерческое предпріятіе того времени походило на нынѣшнюю военную экспедицію: купеческое судно часто принуждено было выдерживать не одинъ бой, чтобъ достигнуть отъ одного порта къ другому. Морскіе разбои почти покровительствовались властями. Частые раздоры между итальянскими республиками, каталонскіе крейсеры; армады, вооружаемыя нѣкоторыми знатными, которые управляли своими владѣніями въ родѣ независимыхъ государей и содержали на своемъ жалованьѣ небольшія арміи и флоты; суда и цѣлыя эскадры простыхъ искателей приключеній, этихъ морскихъ кондотьери, то употребляемыхъ непріятельскими правительствами, то разъѣзжавшихъ по морямъ по своей охотѣ для незаконной добычи, — всѣ эти причины, въ соединеніи съ священными войнами, безпрерывно предпринимаемыми западными христіанами противъ магометанскихъ владѣній, дѣлали то, что тѣсныя моря, на которыхъ было сжато почти все тогдашнее мореплаваніе, представляли зрѣлище жесточайшихъ встрѣчъ и бѣдствій не менѣе ужасныхъ.

Такова была суровая школа, въ которой образовался Коломбъ, — и здѣсь наблюденіе за раннимъ развитіемъ его генія

посреди трудовъ, нуждъ и опасностей, столь способныхъ утушить его, представляетъ зрѣлище самой высокой занимательности. Среди лишеній и препятствій, которыя обыкновенно окружаютъ авантюриста безъ средствъ, онъ, кажется, никогда не переставалъ питать высокихъ и благородныхъ мыслей и не созидалъ въ своемъ воображеніи другихъ плановъ, кромѣ какъ о славныхъ предпріятіяхъ. Суровые и разнообразные уроки его молодости доставили ему то практическое знаніе, то обиліе въ источникахъ, ту непоколебимую рѣшимость, то постоянное владычество надъ собой, которыми онъ такъ отличался впослѣдствіи. Такъ-то горькіе плоды опыта становятся цѣлебною пищею для могучаго генія, чувствующаго, на что онъ способенъ.

Достойно сожалѣнія, что вся эта поучительная эпоха его исторіи покрыта тьмою. Сынъ его, Фернандо, могъ бы лучше, чѣмъ кто-либо другой, прояснить ее; но онъ оставляетъ ее въ неизвѣстности, или, лучше сказать, еще болѣе затемняетъ и запутываетъ, представляя намъ иногда ложныя свѣдѣнія, стыдясь, быть можетъ, по неумѣстной гордости, открыть убожествъ и смиренную долю, изъ которыхъ такъ славно вышелъ отецъ его. Нѣсколько разсѣянныхъ и невѣрныхъ анекдотовъ — вотъ все, что намъ осталось отъ нея; но они занимательны, потому что обнаруживаютъ, хотя отчасти, ту странную и исполненную приключеній жизнь, которую онъ долженъ былъ вести въ то время. Первое путешествіе, въ которомъ онъ принялъ участіе, была — морская экспедиція, имѣвшая цѣлію возстановленіе короны. Въ 1459 году Іоаннъ д'Анжу, герцогъ Калабрійскій, вооружался въ Генуѣ, въ намѣреніи сдѣлать высадку въ Неаполитанское королевство, для обратнаго завоеванія его своему отцу, королю Рейніеру, Ренато или Рене, графу Прованскому. Генуэзская республика приняла участіе въ этой экспедиціи и снабдило его кораблями и деньгами. Въ ней участвовали также простые искатели приключеній, вооружили корабли и галеры и стали подъ знаменами д'Анжу. Въ томъ числѣ, говорятъ, находился одинъ храбрый морской капитанъ, по имени Коломбо. Въ экспедиціи было два моряка подъ этимъ именемъ, дядя и племянникъ, оба знаменитые въ ту эпоху, и которыхъ Фернандо Коломбъ причислилъ къ своей фамиліи. Нѣкоторые историки часто говорятъ о нихъ, какъ о французскихъ офицерахъ, потому что Генуя находилась тогда подъ покровительствомъ или, лучше сказать, подъ властью Франціи, и ея корабли и офицеры, участвуя во всѣхъ экспедиціяхъ этой державы, смѣшивались съ французскимъ флотомъ. Имена этихъ капитановъ, являясь отъ времени до времени неопредѣленно въ исторіи, въ темную часть поприща Коломба, ввели въ большое затрудненіе нѣкоторыхъ изъ его біографовъ,

предполагавшихъ, что они означаютъ имя знаменитаго мореходца.

Съ этими офицерами онъ бывалъ въ морскихъ экспедиціяхъ часто и на пространствѣ значительнаго промежутка времени; говорятъ, что и въ экспедицію противъ Неаполя онъ отправился съ Коломбомъ—дядей. О послѣднемъ событіи не упоминаютъ современные ему авторы, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ не сообщаетъ подробностей объ этой части его жизни; но оно было подтверждено не одинъ разъ позднѣйшими писателями, и многія обстоятельства даютъ вѣру ихъ показаніямъ. Несомнѣнно только то, что онъ имѣлъ нѣкоторое время отдѣльное начальство въ службѣ упомянутаго нами неаполитанскаго короля и былъ назначенъ въ отважное предпріятіе — отрѣзать одну галеру отъ Тунисскаго порта. Онъ говоритъ объ этомъ самъ въ одномъ изъ писемъ къ Фердинанду и Изабеллѣ, писанномъ уже гораздо позже. «Одинъ разъ, говоритъ онъ, я былъ посланъ блаженной памяти королемъ Рейніеромъ перехватить галеру Фернандину; поднявшись на высоту острова Санъ-Педро въ Сардиніи, узналъ я, что вмѣстѣ съ галерой идутъ два корабля и одна карака; это такъ встревожило мой экипажъ, что онъ не хотѣлъ плыть далѣе и требовалъ, чтобъ судно возвратилось въ Марсель, взяло съ собой другой корабль и усилило войско. Такъ какъ я не имѣлъ никакого средства принудить экипажъ, то и показалъ видъ, что согласился на его желаніе, перемѣнилъ направленіе компаса и поднялъ всѣ паруса. Это было вечеромъ, а на другой день поутру мы очутились на высотѣ Карѳагена, между тѣмъ какъ всѣ были твердо убѣждены, что мы плывемъ къ Марсели».

Намъ ничего болѣе неизвѣстно объ этой экспедиціи; но мы видимъ уже изъ нея этотъ духъ настойчивости и непреклонной твердости, который обезпечилъ успѣхъ его важнѣйшихъ предпріятій. Его средство успокоить недовольный экипажъ, обманувъ въ направленіи корабля, сходно съ той хитростью, къ которой онъ прибѣгнулъ въ первомъ своемъ путешествіи, предпринятомъ для открытій, гдѣ онъ велъ для экипажа ложное счисленіе о положеніи корабля и пройденномъ имъ разстояніи.

Усилія Іоанна д'Анжу, герцога Калабрійскаго, покорить Неаполитанское королевство, поддерживались въ теченіе четырехъ лѣтъ съ перемѣннымъ успѣхомъ и наконецъ упали. Та часть флота его экспедиціи, въ которой участвовалъ Коломбъ, отличилась мужественными подвигами, и въ то время, когда герцогъ принужденъ былъ удалиться на островъ Искію, горсть галеръ очищала Неаполитанскій заливъ.

Тутъ слѣдуетъ промежутокъ времени въ нѣсколько лѣтъ, на пространствѣ котораго мы находимъ не болѣе какъ одинъ или два темные слѣда Коломба. Полагаютъ, что онъ это время

плавалъ большею частію на Средиземномъ морѣ и въ Левантѣ,— то предпринимая путешествія по коммерческимъ дѣламъ, то участвуя въ войнахъ, безпрерывно возгоравшихся между итальянскими республиками, или въ набожныхъ и наживныхъ экспедиціяхъ противъ невѣрныхъ. По его собственному свидѣтельству, кажется, онъ дѣлалъ путешествіе на островъ Сезіо, гдѣ видѣлъ способъ добыванія мастики.

c) Пребываніе Коломба въ Лиссабонѣ. — Разные слухи объ островахъ на Океанѣ.

Коломбъ прибылъ въ Лиссабонъ около 1470 года. Онъ находился тогда во всей крѣпости силъ. Сынъ его, Фернандо, Ласъ-Казасъ и нѣкоторые другіе изъ его современниковъ оставили подробныя описанія его наружности. По ихъ словамъ, онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ, силенъ и имѣлъ благородную и величавую осанку. Лицо его было продолговато, ни полно, ни сухо, съ живымъ, даже нѣсколько красноватымъ цвѣтомъ, и покрыто небольшими веснушками; носъ орлиный; кости на щекахъ нѣсколько выдавшіяся; глаза свѣтло-сѣрые, легко воспламеняющіеся, и вся наружность его, казалось, внушала повиновеніе. Волосы въ молодости были у него свѣтлые; но Ласъ-Казасъ говоритъ, что безпокойства и заботы скоро измѣнили этотъ цвѣтъ, и въ 30 лѣтъ жизни онъ былъ уже совершенно сѣдъ. Онъ одѣвался просто и былъ чрезвычайно воздержанъ; объяснялся очень свободно и краснорѣчиво; былъ необыкновенно ласковъ въ обхожденіи съ посторонними, и такъ кротокъ и добръ въ своей частной жизни, что привязалъ къ себѣ всѣхъ своихъ домашнихъ. Будучи отъ природы раздражительнаго характера, онъ умѣлъ укрощать его душевною силой, обнаруживая во всѣхъ своихъ поступкахъ осторожность и важность, не имѣвшую ничего суроваго, и никогда не позволялъ себѣ ни одного обиднаго слова противъ другихъ. Во всю жизнь свою онъ отличался строгимъ вниманіемъ къ исполненію обязанностей религіи, въ точности соблюдая всѣ посты и обряды церкви, и набожность его заключалась не въ однихъ наружныхъ знакахъ, но соединялась съ тѣмъ благороднымъ и торжественнымъ энтузіазмомъ, которымъ былъ запечатлѣнъ весь его характеръ.

Живя въ Лиссабонѣ, онъ обыкновенно ходилъ слушать Божественную литургію въ церковъ монастыря Всѣхъ Святыхъ. Въ этомъ монастырѣ жило нѣсколько дамъ—иныя какъ пансіонерки, другія какъ богомолки. Коломбъ познакомился съ одной изъ нихъ, по имени Дона Фелипа Мони де-Палестрелло, дочерью

Варѳоломея Монп де-Палестрелло, Итальянскаго кавалера, который при жизни принца Генриха считался отличнѣйшимъ мореходцемъ и былъ губернаторомъ острова Порто-Санто, гдѣ онъ основалъ колонію. Знакомство скоро превратилось во взаимную привязанность, которая была увѣнчана гименеемъ. Кажется, это былъ бракъ по любви, потому что дама не имѣла никакого состоянія. Какъ бы то ни было, но онъ утвердилъ пребываніе Коломба въ Лиссабонѣ.

Отецъ его жены уже умеръ. Онъ переселился къ тещѣ, которая, замѣтивъ сильное участіе, принимаемое ея зятемъ во всемъ, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ океану, разсказывала ему, что знала о путешествіяхъ и экспедиціяхъ своего покойнаго мужа и передала ему всѣ бумаги, карты и журналы. Это было сокровищемъ для Коломба; онъ началъ изучать всѣ пути, которымъ слѣдовали португальцы, ихъ планы и ихъ мнѣнія и, утвердясь уже въ Португаліи, принималъ иногда уже участіе въ экспедиціяхъ, посылаемыхъ на Гвинейскій берегъ. Возвращаясь въ Лиссабонъ, онъ занимался составленіемъ картъ и глобусовъ, чтобъ имѣть способъ содержать свое семейство. Онъ имѣлъ самое ограниченное состояніе, которое принуждало его наблюдать строгую экономію въ домашней жизни; при всемъ томъ, намъ извѣстно, что онъ жертвовалъ частью своихъ скудныхъ доходовъ на вспомоществованіе своему старому отцу въ Генуѣ и на воспитаніе молодыхъ своихъ братьевъ.

Составленіе вѣрной и исправной карты требовало въ то время необыкновенныхъ познаній и опытности. Географія едва выходила изъ мрака, въ которомъ была погружена цѣлые вѣка. Птоломей пользовался еще тогда полною довѣренностью. Карты XV вѣка представляютъ странную смѣсь истины и заблужденія; событія, переданныя древностью и дознанныя новѣйшими открытіями, перемѣшивались и перепутывались на нихъ съ народными баснями и сумасброднѣйшими предположеніями. Въ эпоху, когда страсть къ морскимъ открытіямъ искала всѣхъ пособій, могущихъ облегчить предпріятія, внушаемыя ею, познанія и искусство такого географа, какъ Коломбъ, не могли не быть оцѣнены, и превосходство его картъ въ отношеніи къ точности, должно было неминуемо обратить на него вниманіе ученыхъ и доставить ему заслуженную извѣстность. И мы видимъ его, въ самомъ началѣ его водворенія въ Лиссабонѣ, уже въ перепискѣ съ флорентійцемъ Пауло Тосканелли, однимъ изъ ученѣйшихъ людей того времени, котораго совѣты и сношенія много способствовали къ воспламененію въ немъ жара къ великимъ предпріятіямъ.

Между тѣмъ какъ географическія занятія Коломба поставили его, такимъ образомъ, въ сношенія съ учеными, они же въ особенно-

сти способствовали и къ содержанію въ его умѣ ряда мыслей, постоянно устремленныхъ на открытія. Сравнивая безпрестанно карты и наблюдая степени дальности путей и направленіе мореплавателей, онъ былъ пораженъ мыслью, что еще столь огромная часть земнаго шара остается неизвѣстною, — и это естественнымъ образомъ привело его къ размышленіямъ о средствахъ открыть ее. Родъ его домашней жизни и сношенія, въ которыя онъ былъ поставленъ своимъ супружествомъ, были такого рода, что еще болѣе способствовали къ питанію и развитію его созерцательнаго ума. Онъ жилъ нѣсколько времени на вновь открытомъ островѣ Порто-Санто, гдѣ жена его получила какое-то наслѣдство и гдѣ подарила ему сына, названнаго имъ Діэго. Пребываніе его на этомъ островѣ, такъ сказать, поставило его на рубежѣ открытій. Его невѣстка была замужемъ за Педро Корреа, знаменитымъ мореплавателемъ, губернаторомъ Порто-Санто. Часто соединенныя вмѣстѣ пріятной дружбой семейной жизни, они разговаривали о путешествіяхъ, предпринимаемыхъ для открытій — не вдалекѣ отъ нихъ, вдоль береговъ Африки,—пути въ Индію, такъ давно уже отыскиваемомъ, и о возможности существованія неизвѣстныхъ странъ на Западѣ.

d) Путь отъ Канарскихъ острововъ и открытие земли (1492 г.) *).

Положеніе Коломба становилось со дня на день затруднительнѣй. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ той части океана, гдѣ надѣялся открыть землю, нетерпѣніе его спутниковъ увеличивалось. Они насмѣхались надъ благопріятными признаками, которые питали ихъ довѣрчивость, называя ихъ призраками, — и онъ опасался, чтобы экипажъ не произвелъ явнаго возмущенія и не принудилъ его повернуть корабли назадъ въ то время, когда онъ уже готовъ былъ достигнуть цѣли всѣхъ своихъ трудовъ. Они съ ужасомъ видѣли, что безпрестанно заходятъ все далѣе и далѣе въ эту безграничную бездну, которую почитали пустыней водъ, окружающихъ обитаемый міръ. «Что съ нами будетъ, говорили они, когда выдутъ всѣ съѣстные припасы?

---

*) Послѣ тщетныхъ попытокъ получить помощь въ Лиссабонѣ отъ португальскаго правительства, К. отправился въ Испанію, гдѣ царствовали Фердинандъ Кат. и Изабелла, осаждавшіе тогда Гренаду. Восемь лѣтъ еще выстрадалъ К., таскаясь по переднимъ вельможъ и наконецъ получилъ помощь отъ великодушной Изабеллы и 3-го августа 1492 г. экспедиція его изъ 90 ч. на 3-хъ корабляхъ (Пинта, Нина и Св. Марія) отправилась изъ гавани Палосъ въ желанный путь.

Корабли наши такъ слабы, такъ повреждены, что едва ли могутъ пройти даже тотъ путь, который уже сдѣлали: что жъ будетъ, если они станутъ все-еще заходить впередъ и безпрестанно увеличивать ужасное разстояніе, отдѣляющее насъ отъ земли? Какъ мы можемъ возвратиться на родину, когда нѣтъ порта, гдѣ бы можно было пополнить припасы и починить суда!»

Такимъ образомъ его спутники возбуждали другъ въ другѣ негодованіе, собираясь въ отдаленныхъ углахъ корабля: сначала по два и по три, потомъ увеличивая постепенно свои толпы до-того, что онѣ приняли уже зловѣщій видъ, и возбуждали себя взаимно къ неповиновенію адмиралу и къ открытому сопротивленію. Они громко называли его честолюбцемъ, который въ припадкѣ безумія рѣшился сдѣлать какое-нибудь сумасбродство для того только, чтобы прославить себя чѣмъ-нибудь. «Что ему за нужда—говорили они—до нашихъ страданій и гибели, когда онъ, очевидно, рѣшился съ удовольствіемъ принесть свою жизнь въ жертву нелѣпой надеждѣ пріобрѣсть знаменитость? Упорствовать въ столь безумномъ предпріятіи значитъ самимъ искать своей гибели. Что принуждаетъ насъ идти далѣе? Не вполнѣ ли мы исполнили свой долгъ? Мы зашли въ океанъ гораздо далѣе, чѣмъ когда-нибудь человѣкъ осмѣливался заходить въ него; углубились въ отдаленныя моря, по которымъ не пронесся еще ни одинъ парусъ. Долго ли намъ отыскивать эту воображаемую землю? Развѣ до того, пока погибнемъ, или когда уже всякій способъ къ возвращенію сдѣлается невозможнымъ? И кто станетъ порицать насъ за то, если мы позаботимся о своей безопасности и повернемъ корабли назадъ, чтобъ возвратиться въ отечество, когда еще не ушло время? Напротивъ, насъ будутъ еще хвалить, что мы, имѣя мужество вдаться въ подобное предпріятіе, умѣли и сохранить себя въ немъ такъ долго. Что касается до жалобъ адмирала, если мы принудимъ его возвратиться силой, то на нихъ никто не обратитъ вниманія: онъ иностранецъ, безъ друзей, безъ вѣса. Его предположенія были признаны учеными, вздорными и несбыточными; всѣ надъ ними смѣялись: слѣдовательно, на его сторонѣ не будетъ никого, между тѣмъ какъ за насъ найдется много людей, которые изъ одного самолюбія будутъ радоваться неудачѣ его предпріятія».

Таковы были отчасти разсужденія этихъ людей, которыми они приготовляли себя къ открытому сопротивленію противъ дальнѣйшаго путешествія; и если мы возьмемъ во вниманіе неукротимый пылъ испанскаго характера, который не можетъ сносить ни малѣйшаго принужденія, и особенный составъ экипажа, сформированнаго большею частью изъ матросовъ, набранныхъ силой, то легко поймемъ всю возможность открытаго возмущенія. Между матросами были даже такіе, которые, ни мало

не смущаясь, явно обнаруживали въ своихъ рѣчахъ самыя кровожадныя намѣренія. Они предлагали, для предупрежденія всякихъ жалобъ на нихъ со стороны адмирала, бросить его въ море, если онъ откажется добровольно повернуть суда назадъ; а по пріѣздѣ въ Испанію сказать, что онъ, разсматривая въ свои астрономическіе инструменты звѣзды и небесные знаки, упалъ въ воду. Этого показанія, говорили они, никто не захочетъ, да и не будетъ имѣть средствъ опровергнуть.

Коломбъ зналъ о преступныхъ намѣреніяхъ своихъ людей, но сохранялъ видъ спокойный и смѣлый, — однихъ обезоруживалъ ласковыми словами, въ другихъ возбуждалъ самолюбіе или жадность къ прибытку; а самымъ безпокойнымъ угрожалъ открыто примѣрнымъ наказаніемъ, если они покусятся въ чемъ-нибудь препятствовать экспедиціи.

25-го сентября подулъ благопріятный вѣтеръ и позволилъ судамъ снова взять направленіе прямо на западъ. Вѣтеръ былъ легкій и море спокойно; корабли плыли почти рядомъ одинъ подлѣ другаго, и Коломбъ имѣлъ продолжительные переговоры съ Мартиномъ Алонсо Пинсономъ по поводу карты, которую онъ за три дня предъ тѣмъ послалъ къ нему на Пинту. Пинсонъ полагалъ, что по ея указаніямъ они должны находиться уже недалеко отъ Чипанго и другихъ острововъ; адмиралъ соглашался, но замѣтилъ, что корабли могли уклониться отъ своего пути силою теченій, или не прошли еще того разстоянія, какое считаютъ лоцманы, и изъявилъ желаніе взглянуть на карту еще разъ. Пинсонъ перебросилъ ее къ нему на веревкѣ, и Коломбъ занялся ею съ своимъ лоцманомъ и нѣкоторыми изъ опытнѣйшихъ офицеровъ, стараясь опредѣлить съ ними настоящее положеніе кораблей. Вдругъ они были выведены изъ своихъ размышленій крикомъ, раздавшимся на Пинтѣ, и, поднявъ глаза, увидѣли Мартина Алонсо Пинсона, который, стоя на кормѣ своего судна, кричалъ изо всѣхъ силъ: «Земля! Земля! Синьоръ, награда принадлежитъ мнѣ!» И въ то же время онъ указывалъ на юго-западъ, гдѣ, дѣйствительно, виднѣлось что-то похожее на землю, миляхъ въ 25 отъ кораблей. Коломбъ тотчасъ упалъ на колѣни и принесъ благодареніе Богу, а Мартинъ Алонсо загремѣлъ: Gloria in excelisis; къ нему пристали его и адмиральскій экипажи и вторили ему громкимъ голосомъ.

Послѣ молитвы матросы тотчасъ бросились на мачты и снасти, устремили глаза къ юго-западу и единогласно подтвердили великую новость. Убѣжденіе сдѣлалось такъ сильно, энтузіазмъ экипажа, такъ увлекателенъ, что Коломбъ почелъ необходимымъ свернуть съ обыкновеннаго своего пути и всю ночь держался на юго-западъ. Но заря разсѣяла, какъ сонъ, всѣ ихъ надежды. Мнимая земля была ничто иное, какъ вечернее облако,

и исчезла ночью. Устрашенный, унылый экипажъ взялъ прежнее направленіе, котораго Коломбъ никогда не оставилъ бы безъ его шумной настойчивости.

Нѣсколько дней сряду они продолжали плыть впередъ подъ тѣмъ же благопріятнымъ вѣтромъ, при томъ же спокойствіи моря, при той же погодѣ, теплой и ясной. Вода была такъ тиха, что матросы забавлялись, кидаясь съ бортовъ въ море и плавая вокругъ кораблей. Около судовъ появилось множество дельфиновъ, и летучія рыбы, устремляясь въ воздухъ, падали на палубы. Признаки земли безпрестанно поражали экипажъ; они разсѣевали его безпокойство и увлекали впередъ, такъ что онъ почти и самъ не замѣчалъ того.

1-го октября, по счисленію лоцмана Коломбова корабля, суда прошли 580 миль къ западу отъ Канарскихъ острововъ; по книгѣ, которую Коломбъ содержалъ для экипажа, счисленіе простиралось до 584, а по той, которую онъ хранилъ втайнѣ, до 707 миль. На другой день плывучія травы неслись отъ востока къ западу, а на третій не показалось болѣе ни одной птицы.

Матросы начали опасаться, что они прошли между островами, гдѣ птицы перелетали съ одного острова на другой. Коломбъ также имѣлъ подобное подозрѣніе, но не хотѣлъ перемѣнить своего пути и упорно шелъ на западъ. Его спутники принялись снова за ропотъ и угрозы, но на слѣдующій день показалось такое множество птицъ, слетавшихся стаями, и признаки близости земли сдѣлались такъ многочисленны, что экипажи изъ глубокаго унынія перешли къ живѣйшимъ надеждамъ.

Испанское правительство обѣщало тому, кто первый увидитъ землю, пенсію въ 30 куроновъ (около 600 рублей). Каждый матросъ желалъ воспользоваться этой наградой: поэтому, при малѣйшемъ признакѣ, на корабляхъ безпрестанно раздавались восклицанія: «земля! земля!» Чтобъ положить конецъ этимъ ложнымъ извѣстіямъ, которыя только наводили на экипажъ большее уныніе, Коломбъ объявилъ, что если кто подастъ сигналъ, и земля послѣ того не будетъ открыта впродолженіе трехъ дней, тотъ навсегда лишится права на всякую награду.

Вечеромъ 6-го октября Мартинъ Алонсо Пинсонъ изъявилъ сомнѣніе на счетъ пути, которымъ слѣдовали корабли, и предложилъ взять направленіе на югъ. Коломбъ не согласился и продолжалъ плыть на западъ. Однакожъ разность во мнѣніи съ такимъ человѣкомъ, который занималъ столь важный постъ въ его эскадрѣ, поразила его, и онъ, опасаясь, чтобъ, случайно или съ намѣреніемъ, корабли не разрознились, отдалъ приказъ, чтобъ, въ случаѣ если которая-нибудь корабелла потеряетъ его изъ виду, она продолжала слѣдовать постоянно на западъ и старалась присоединиться къ нему въ возможной скорости; а между

тѣмъ, чтобъ оба капитана при восхожденіи и захожденіи солнца держались съ своими судами ближе къ нему, такъ какъ въ это время атмосфера позволяетъ легче усматривать землю въ отдаленіи.

Утромъ 7-го октября, при восхожденіи солнца, многимъ матросамъ адмиральскаго экипажа показалось, будто вдали къ западу виднѣется земля, но такъ неявственно, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшился подать сигнала, опасаясь обмануться и такимъ образомъ потерять навсегда надежду на вознагражденіе. Однакожъ Пинта, которая была превосходный ходокъ, вышла впередъ удостовѣриться въ дѣлѣ. Вскорѣ на ея мачтѣ поднялся флагъ и съ борта раздался пушечный выстрѣлъ,—условные сигналы открытія земли. Это было новымъ восторгомъ для экипажей маленькой эскадры, всѣ глаза устремились на западъ; но по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, убѣждались болѣе и болѣе, что надежды ихъ такъ же обманчивы, какъ и пары, которые произвели ихъ,—и прежде наступленія вечера обѣтованная земля разлетѣлась въ воздухѣ.

Тогда экипажъ впалъ въ уныніе, соразмѣрное его недавнему восторгу; но вскорѣ новыя обстоятельства опять оживили его. Коломбъ замѣтилъ, что большія стаи полевыхъ воробьевъ постоянно летятъ по направленію къ юго-западу, и изъ этого заключилъ, что они должны находить въ той сторонѣ, на какомъ-нибудь ближнемъ материкѣ, мѣсто для отдохновенія и пищу. Онъ зналъ, что португальскіе мореходцы приписывали чрезвычайную важность полету птицъ, и что большая часть острововъ открыта ими держась тому направленію, которое указывали эти воздушные путеводители. Онъ прошелъ уже 750 миль,—разстояніе, на которомъ, по его разсчетамъ, онъ долженъ былъ встрѣтить островъ Чипанго; но такъ какъ не было и признака его, то онъ заключилъ, что миновалъ его по ошибкѣ въ широтѣ. Поэтому вечеромъ 7-го октября онъ рѣшился взять направленіе на западо-юго-западъ, въ которомъ обыкновенно летѣли птицы, и держаться его по крайней мѣрѣ два дня. Впрочемъ этотъ путь немного отводилъ его въ сторону, и притомъ онъ выполнялъ этимъ желаніе Пинсона и всего своего экипажа.

Корабли плыли по новому направленію три дня, и чѣмъ далѣе подавались впередъ, тѣмъ признаки близости земли становились чаще и выразительнѣй. Стаи воробьевъ разныхъ цвѣтовъ кружились надъ кораблями, потомъ улетали на юго-западъ; другія слышны были ночью. Тунцы играли на гладкой поверхности моря, и цапля, пеликанъ и утка пролетѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ судовъ,— всѣ въ томъ же направленіи. Травы, носившіяся около кораблей, были свѣжи и зелены, какъ-будто только-что вырваны изъ земли, и «воздухъ, говоритъ Коломбъ,

былъ такъ пріятенъ и благоухающъ, какъ въ апрѣльское утро въ Севиллѣ».

Но на всѣ эти предзнаменованія матросы смотрѣли какъ на обманчивые призраки, которые заводятъ ихъ къ погибели; и когда на третій день вечеромъ солнце спустилось за безбрежный горизонтъ, они разразились въ возмутительныхъ вопляхъ: громко роптали на упорство адмирала; говорили, что онъ испытываетъ благость Провидѣнія, вдаваясь все далѣе и далѣе въ безграничный океанъ; настаивали, чтобъ онъ возвратился въ отечество и бросилъ это путешествіе, не представляющее никакой надежды. Коломбъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ успокоить ихъ: ободрялъ словами, обѣщалъ большія награды; но, видя, что ихъ вопли становятся отъ его увѣщаній еще ожесточеннѣе, принялъ рѣшительный тонъ и объявилъ, что ихъ ропотъ безполезенъ, что экспедиція отправлена королемъ и королевой для открытія Индіи, и онъ не оставитъ предпріятія, что бы ни случилось, до тѣхъ поръ, пока съ Божіею помощью, не выполнитъ его назначенія.

Коломбъ находился тогда въ открытой борьбѣ съ своими матросами, и его положеніе становилось весьма затруднительно; но, къ счастью, на другой день поутру признаки близости земли приняли такой рѣшительный видъ, который уже не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Независимо отъ множества свѣжихъ, собственно рѣчныхъ травъ, мореплаватели увидѣли зеленую рыбу изъ той породы, которая водится у береговъ подъ скалами; потомъ пронеслась мимо нихъ терновая вѣтвь въ цвѣтахъ, только-что отломленная отъ дерева; далѣе они достали изъ воды трость, небольшую доску, и—что было убѣдительнѣй всего,—искусственно обрубленную палку. Всѣ проявленія печали и ропота тогда исчезли и уступили мѣсто нетерпѣливому ожиданію; матросы цѣлый день находились безсмѣнно на-сторожѣ: каждый надѣялся увидѣть прежде другихъ землю, — предметъ столь положительныхъ поисковъ.

Вечеромъ, когда, по неизмѣнному порядку, заведенному на адмиральскомъ кораблѣ, экипажъ пропѣлъ Salve Regina, или вечерній гимнъ Святой Дѣвѣ, Коломбъ произнесъ передъ нимъ трогательную рѣчь. Онъ говорилъ своимъ спутникамъ о благости Божіей, которая доселѣ вела ихъ, какъ-бы за руку, столь тихими и благопріятными вѣтрами по спокойному океану, къ второй обѣтованной землѣ, оживляя ежеминутно ихъ бодрость новыми признаками, умножавшимися по мѣрѣ увеличенія ихъ боязни. Потомъ напомнилъ имъ о приказѣ, отданномъ при отплытіи отъ Канарскихъ острововъ, по которому корабли, пройдя 700 миль разстоянія на западъ, должны на ночь лечь въ дрейфъ. Настоящіе признаки необходимо требовали этой предосторожно-

сти. Казалось весьма вѣроятнымъ, что они впродолженіе той же ночи будутъ въ виду земли. Поэтому онъ велѣлъ матросамъ безпрестанно наблюдать съ форкастля, обѣщавъ тому, кто сдѣлаетъ открытіе, сверхъ пенсіона, назначеннаго ихъ величествами, бархатное полукафтанье.

Весь этотъ день вѣтеръ дулъ, не прерываясь; море волновалось сильнѣй обыкновеннаго, и корабли ушли огромное разстояніе. При захожденіи солнца, эскадра опять взяла направленіе на западъ; корабеллы разсѣкали волны съ удивительной быстротой; Пинта по обыкновенію шла впереди. На бортахъ царствовалъ величайшій энтузіазмъ; ни одинъ глазъ не смыкался во всю ночь. Когда совсѣмъ стемнѣло, Коломбъ вышелъ на рангоутъ своего корабля. Сколько ни старался онъ казаться впродолженіе дня увѣреннымъ и восторженнымъ, но этотъ день былъ для него днемъ самой мучительной тоски, и теперь, когда ночная тѣнь скрыла его отъ глазъ экипажа, онъ устремилъ безпокойный взоръ въ темную даль, стараясь усмотрѣть хотя малѣйшій признакъ земли.

Вдругъ, около десяти часовъ, онъ замѣтилъ вдали мелькающій свѣтъ. Опасаясь быть обманутымъ своими желаніями, онъ подозвалъ къ себѣ Педро Гютьереса, королевскаго камеръ-юнкера и спросилъ его, не видитъ ли онъ чего-нибудь въ той сторонѣ. Отвѣтъ былъ утвердительный. Но Коломбъ, все-еще сомнѣваясь, не оптическій ли это обманъ, пригласилъ Родрига Сангеса и сдѣлалъ ему тотъ же вопросъ. Между тѣмъ какъ Сангесъ подходилъ къ адмиралу, свѣтъ исчезъ. Но опять появлялся, нѣсколько разъ мелькая быстро на горизонтѣ, какъ бы съ рыбачьяго судна, поднимавшагося и западавшаго вмѣстѣ съ волнами, или какъ-будто кто-нибудь ходилъ съ огнемъ по берегу,—блистая то ярче, то слабѣе, смотря по тому, быстрѣе или медленнѣе былъ его путь. Этотъ свѣтъ былъ такъ неопредѣлителенъ и такъ скоро исчезалъ, что спутники Коломба не обратили на него большаго вниманія; но самъ онъ смотрѣлъ на него, какъ на несомнѣнный признакъ близости земли, и притомъ земли обитаемой.

Такимъ образомъ корабли продолжали плыть до двухъ часовъ утра: въ это время пушечный выстрѣлъ съ Пинты подалъ радостный сигналъ. Морякъ, по имени Родриго, увидѣлъ первый землю; но награда впослѣдствіи была присуждена адмиралу, такъ какъ онъ замѣтилъ свѣтъ еще прежде. Тогда увидѣли явственно землю, миляхъ въ двухъ отъ кораблей. Паруса тотчасъ были убраны и корабли поставлены на дрейфъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи утренней зари.

Можно себѣ представить, какъ тревожны и вмѣстѣ глубоки были мысли и чувствованія Коломба въ этотъ краткій промежу-

токъ времени. Наконецъ, несмотря на всѣ опасности, на всѣ препятствія, онъ совершилъ свое дѣло! Великая тайна океана открыта; его теорія, предметъ столькихъ насмѣшекъ со стороны ученыхъ, утверждена побѣдоносно; онъ пріобрѣлъ славу, которая умретъ не прежде, какъ вмѣстѣ съ міромъ!

Трудно даже воображенію постигнуть чувства подобнаго человѣка въ минуту столь величественнаго открытія. Какое множество блистательныхъ заключеній должно было тѣсниться въ его умѣ о землѣ, лежавшей передъ его глазами и покрытой тьмою! Растенія, отдѣлявшіяся отъ ея береговъ, очевидно свидѣтельствовали о ея плодородіи; въ бальзамическомъ воздухѣ ему слышался ароматъ благоухающихъ лѣсовъ; мелькавшій передъ нимъ свѣтъ обнаруживалъ, что на ней есть жители... Но какіе жители?.. Подобны ли они обитателямъ другихъ частей земнаго шара, или составляютъ какую-нибудь особую, странную, чудовищную породу, какими воображеніе любило населять тогда всѣ отдаленныя и неизвѣстныя страны? Къ чему онъ приплылъ? Къ одному ли изъ дикихъ и пустынныхъ островов Индѣйскаго моря, — или передъ нимъ лежалъ самъ знаменитый Чипанго, предметъ его пламенныхъ желаній?.. Эти и тысячи другихъ мыслей должны были волновать его воображеніе въ то время, когда, окруженный своими спутниками, онъ ждалъ въ мучительной тоскѣ, чтобъ ночь разорвала свои покровы, — не зная, встанетъ ли заря надъ дикой пустыней, или надъ благовонными рощами, позолоченными храмами, блестящими городами, надъ всѣмъ великолѣпіемъ гражданской образованности Востока.

e) Первая высадка Коломба въ Новомъ свѣтѣ (1492).

Коломбъ въ первый разъ увидѣлъ Новый свѣтъ въ пятницу поутру 12-го октября 1492 года. Съ разсвѣтомъ дня глазамъ его представился низменный островъ въ нѣсколько миль въ окружности, очаровательнаго вида и покрытый деревьями, которыя давали ему наружность вѣчнаго сада. Хотя островъ представлялъ повсюду лишь дикія красоты невоздѣланной природы, однакожъ очевидно былъ населенъ. Это вскорѣ подтвердилось появленіемъ жителей, которые выбѣжали со всѣхъ сторонъ изъ лѣсу на берегъ и устремили глаза на корабли. Они были совершенно наги и, судя по ихъ тѣлодвиженіямъ и положенію, въ которомъ они стояли, кажется, были поражены величайшимъ изумленіемъ. Корабеллы по сигналу съ адмиральскаго корабля бросили якоря, спустили на море шлюпки и вооружили ихъ. Коломбъ, въ богатой кармазинной одеждѣ, и оба его капитана,

Мартинъ Алонео Пинсонъ и Винцентъ Янесъ, братъ его, сошли съ своихъ судовъ въ шлюпки, каждый неся предъ собой королевское знамя съ изображеніемъ зеленаго креста, по сторонамъ котораго были вышиты начальныя буквы именъ Кастильскихъ монарховъ, F и I, увѣнчанныя короной.

Подъѣзжая къ берегу, они были поражены великолѣпіемъ обширныхъ лѣсовъ, которые въ тѣхъ широтахъ обладаютъ необыкновенною роскошью прозябанія; превосходные плоды неизвѣстной имъ породы висѣли на деревьяхъ, которыми былъ покрытъ берегъ. Пріятность и чистота атмосферы, прозрачный хрусталь водъ, омывающихъ тѣ острова, къ которымъ присталъ Коломбъ, увеличиваютъ еще болѣе ихъ красоту и производятъ эффектъ, который долженъ былъ сильно поразить и очаровать отъ природы пылкую душу адмирала. Вышедъ на берегъ, онъ упалъ на колѣни, поцѣловалъ землю и возблагодарилъ Бога, проливая радостныя слезы. Его примѣру послѣдовали сопровождавшіе его спутники, которыхъ сердца, исполненныя тѣхъ же чувствъ признательности, ощущали равную потребность въ изліяніи. Черезъ нѣсколько минутъ Коломбъ всталъ, обнажилъ шпагу, развернулъ королевское знамя и, собравъ вокругъ себя обоихъ капитановъ, Родрига Эскобидо—нотаріуса эскадры, Родрига Санчеса и другихъ, приставшихъ съ нимъ къ берегу, взялъ торжественно островъ во владѣніе на имя короля и королевы Кастиліи и назвалъ его Санъ-Сальвадоръ. Исполнивъ обычныя формальности, онъ привелъ всѣхъ присутствующихъ съ нимъ къ присягѣ на повиновеніе себѣ, какъ адмиралу и вице-королю, представляющему лицо ихъ величествъ.

Тогда матросы предались неумѣреннѣйшей радости, изъявляя ее въ самыхъ безумныхъ восторгахъ. Не далѣе какъ за нѣсколько дней они почитали себя жертвами, стремящимися къ вѣрной гибели; теперь — смотрѣли на себя какъ на любимцевъ счастья и находились въ какомъ-то упоеніи. Они тѣснились вокругъ адмирала; наперерывъ обнимали его, цѣловали его руки; тѣ, которые впродолженіе путешествія отличались болѣе другихъ буйствомъ и заносчивостью, теперь сдѣлались самыми преданными и изъявляли свой энтузіазмъ самымъ пламеннымъ образомъ. Нѣкоторые просили его, не забыть ихъ своими милостями и поручали себя его покровительству, какъ такому человѣку, который уже имѣлъ возможность раздавать богатства и почести. Негодяи, оскорблявшіе его своей наглостью, теперь ползали у ногъ его, просили прощенія во всѣхъ своихъ дерзостяхъ и обѣщали впередъ исполнять его волю съ самою слѣпою покорностью.

Жители острова, увидѣвъ на разсвѣтѣ корабли, идущіе на всѣхъ парусахъ, подумали, что это какія-нибудь чудовища, вы-

плывшія ночью изъ моря, и, осбравшись толпой на берегу, наблюдали за ихъ движеніями въ величайшей тоскѣ. Разнообразіе маневровъ, выполняемыхъ безъ всякаго видимаго усилія, образъ перестановки и убиранія парусовъ, которые казались имъ огромными крыльями, поражали ихъ удивленіемъ. Но когда шлюпки приблизились къ берегу и они увидѣли, что изъ нихъ выходятъ на землю существа неизвѣстной имъ породы, покрытыя блестящей сталью и одеждой разныхъ цвѣтовъ, то въ ужасѣ разбѣжались въ лѣсъ. Однакожъ, видя, что непонятныя существа не преслѣдуютъ и не безпокоятъ ихъ, мало по малу оправились отъ страха и начали подходить къ нимъ робкими шагами и со всѣми знаками глубокаго почтенія, распростираясь на землѣ и дѣлая знаки обожанія.

Впродолженіе обряда взятія во владѣніе острова, они стояли неподвижно, разсматривая съ боязливымъ удивленіемъ цвѣтъ лица, бороды, блестящее вооруженіе и богатыя одежды Испанцевъ. Адмиралъ въ особенности привлекалъ ихъ вниманіе своимъ высокимъ ростомъ, повелительнымъ видомъ, своею красною одеждою и знаками уваженія, съ которыми относились къ нему его спутники и по которымъ они догадывались, что онъ долженъ быть начальникъ.

Поободрившись еще болѣе, они подошли къ Испанцамъ и начали щупать ихъ бороды, охватывать руки и лица, удивляясь ихъ бѣлизнѣ. Коломбъ, восхищенный ихъ простотой, кротостью и довѣрчивостью къ существамъ, которыя должны были имъ казаться очень странными и ужасными, позволилъ имъ дѣлать все, что они хотѣли, и подвергался ихъ испытанію съ величайшей снисходительностью. Изумленные дикари подумали тогда, что корабли вышли изъ-за кристальной тверди, окружающей ихъ горизонтъ, или слетѣли на своихъ широкихъ крыльяхъ сверху, и что сами эти необыкновенныя существа—обитатели неба.

Островитяне съ своей стороны возбуждали не менѣе любопытства въ испанцахъ своимъ несходствомъ со всѣми извѣстными имъ породами людей. Наружность ихъ не обличала ни богатства, ни гражданской образованности. Они были совершенно наги и испещрены красками разныхъ цвѣтовъ. У однихъ эта живопись покрывала только нѣкоторую часть лица, носъ или мѣста вокругъ глазъ; у другихъ она распространялась по всему тѣлу и давала имъ странный, чудной видъ. Цвѣтъ тѣла они имѣли мѣдный; лица совершенно голыя, безъ малѣйшихъ признаковъ бороды; волосы на головѣ не курчавые, какъ у племенъ недавно открытыхъ на африканскомъ берегу подъ той же широтой, но гладкіе и очень короткіе надъ ушами, за исключеніемъ нѣсколькихъ длинныхъ волосъ, упадавшихъ сзади на плеча. Лица, хотя страннымъ образомъ испещренныя, имѣли пріятное

выраженіе,—съ высокими лбами и замѣчательно красивыми глазами. Они вообще были средняго роста, хорошо сложены и большею частію казались около 30 лѣтъ отъ-роду; съ ними находилась одна только женщина, очень молодая, также какъ они, совершенно голая и очень стройная.

Коломбъ, полагая, что онъ присталъ къ одному изъ острововъ, лежащихъ у предѣловъ Индіи, назвалъ туземцевъ общимъ именемъ индѣйцевъ. Это имя было принято и употреблялось до самаго того времени, пока не сдѣлался извѣстенъ настоящій родъ его открытія, и давалось безъ разбора всѣмъ старожиламъ Новаго свѣта.

Испанцы скоро замѣтили, что открытые ими островитяне характера кроткаго и ласковаго, чрезвычайно просты и безхитростны. Все ихъ оружіе состояло въ копьяхъ, которыхъ концы были обожжены на огнѣ или вооружены острымъ камнемъ, рыбьимъ зубомъ или костью. Желѣза на ихъ островѣ не было, и они вовсе не знали свойствъ его: когда подали имъ обнаженную шпагу, они схватили ее безъ всякой осторожности за остріе.

Коломбъ одѣлилъ ихъ разноцвѣтными шапочками, стекляннымъ бисеромъ, гремушками и другими подобными бездѣлками, которыя въ то время составляли предметъ торговли португальцевъ съ племенами Золотаго берега въ Африкѣ. Дикіе приняли ихъ какъ неоцѣненные подарки, навязали бисерныя ожерелья вокругъ шеи и восхищались этимъ прекраснымъ убранствомъ и звукомъ гремушекъ. Испанцы пробыли на берегу цѣлый день, отдыхая отъ усталости путешествія въ прелестныхъ рощахъ острова, и возвратились на корабли уже очень поздно вечеромъ, очарованные всѣмъ, что видѣли.

На другой день, поутру, на разсвѣтѣ, весь берегъ покрылся туземцами; они, уже нисколько не опасаясь страшилищъ, которыхъ сначала приняли за морскихъ чудовищъ, подплыли къ кораблямъ и кружились около нихъ; другіе пріѣхали въ легкихъ лодкахъ или челнахъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева и поднимающихъ отъ 40 до 50-ти человѣкъ. Они управляли ими очень искусно деревянными веслами, въ родѣ шестовъ и если случалось, что такой челнъ опрокидывался, они бросались въ воду, и, плавая вокругъ него съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ будто-бы находились въ родной своей стихіи, переворачивали его безъ всякаго труда и отливали воду каллебасами *).

Дикіе изъявляли сильнѣйшее желаніе получить еще подобныхъ бездѣлокъ и игрушекъ,—не потому, чтобъ составили какое-

---

*) Каллебасы служили дикимъ американцамъ вмѣсто стакановъ, горшковъ и всякаго рода домашней посуды. Они растутъ на прекрасныхъ деревьяхъ, величиной съ вязъ.

нибудь понятіе о внутреннемъ ихъ достоинствѣ, но что все, полученное ими изъ рукъ чужестранцевъ, имѣло въ ихъ глазахъ сверхъестественную цѣну, какъ принесенное съ неба. Они подбирали даже куски стекла и глиняные черепки, какъ драгоцѣнности. Сами они не многое могли предложить въ замѣнъ испанцамъ: они привезли имъ ручныхъ попугаевъ, которые водились у нихъ во множествѣ; хлопчатую бумагу, которою также изобиловалъ островъ, охотно отдавая фунтовъ 25-ть бумаги за самую ничтожную бездѣлку, — и еще нѣкоторый родъ хлѣба, называемый ими кассава, который составлялъ главнѣйшую ихъ пищу и впослѣдствіи составилъ важную статью испанской торговли. Туземцы приготовляли его изъ большаго корня, называемаго юка, который они разводили на поляхъ. Они разрѣзывали этотъ корень на мелкія части, мяли или терли ихъ и клали подъ гнетъ; изъ этого выходилъ широкій и тонкій пластъ, который, будучи высушенъ, могъ сохраняться очень долго, и при употребленіи въ пищу обмакивался въ воду. Кассава—хотя не вкусная, но питательная пища, не смотря на то, что сокъ, выжимаемый изъ ней при ея приготовленіи,—смертельная отрава.

Дикіе употребляли еще другой родъ юки, не заключающій въ себѣ ничего ядовитаго и котораго корень они ѣли вареный или жареный.

Жадность матросовъ скоро была возбуждена маленькими золотыми украшеньями, привѣшенными у нѣкоторыхъ туземцевъ къ ноздрямъ. Дикіе съ радостью отдавали ихъ за бисеръ и гремушки, — и обѣ стороны равно поздравляли себя съ такой выгодной мѣной, кажется, безъ сомнѣнія, удивляясь простотѣ своихъ противниковъ. Однакожъ, такъ какъ золото составляло вѣтвь торговли, исключительно предназначенную для правительства во всѣхъ путешествіяхъ открытія, то Коломбъ запретилъ вымѣнивать этотъ металлъ безъ особеннаго своего на то позволенія; онъ наложилъ то же запрещеніе и на хлопчатую бумагу, во всѣхъ случаяхъ, когда ея найдется гдѣ-нибудь въ большемъ количествѣ, желая сохранить и эту монополію для ихъ величествъ.

На вопросъ, откуда туземцы достаютъ золото, они отвѣчали знаками, показывая на югъ; причемъ Коломбу показалось, будто они разсказываютъ, что въ той сторонѣ лежатъ владѣнія какого-то государя, до того могущественнаго, что ему подаютъ пищу въ большихъ сосудахъ изъ кованнаго золота. Изъ ихъ объясненій онъ узналъ, что на югъ, на юго-западъ и на сѣверо-западъ отъ острова лежатъ разныя земли и что жители послѣднихъ странъ часто пріѣзжаютъ къ юго-западнымъ отыскивать золото и драгоцѣнные камни и мимоѣздомъ пристаютъ къ ихъ островамъ и захватываютъ съ собой въ плѣнъ ихъ жителей. Нѣкоторые показывали ему шрамы отъ ранъ, полученныхъ ими въ

схваткахъ съ этими враждебными пришельцами. Очевидно, что большую часть этихъ извѣстій изобрѣло воображеніе генерала, которое, сообщая всѣмъ предметамъ свои формы и свой цвѣтъ, весьма часто заставляло его принимать за существенность собственныя свои желанія и надежды. Онъ былъ убѣжденъ, что находится среди тѣхъ самыхъ острововъ, которые, по описанію Марко-Поло, лежатъ противъ Кафая, на Китайскомъ морѣ; и все, по его мнѣнію, совершенно согласовалось съ описаніемъ этого знаменитаго путешественника. Такимъ образомъ, непріятели, пріѣзжающіе, по словамъ туземцевъ, отъ сѣверо-востока, неминуемо должны быть жители азіатскаго материка, подданные Великаго Хана Татаріи, о которыхъ въ повѣствованіи сказано, что они имѣютъ обыкновеніе дѣлать набѣги на сосѣдственные острова и увозить ихъ жителей въ неволю. Западная страна, изобилующая золотомъ, не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ знаменитымъ островомъ Чипанго; а царь, которому подаютъ кушать на золотой посудѣ,—тотъ самый, котораго великолѣпная столица и блистательный дворецъ, покрытый золотыми плитами, возбуждали величайшее удивленіе знаменитаго венеціанца (Марко-Поло).

Первый островъ, къ которому присталъ Коломбъ въ Новомъ свѣтѣ, назывался жителями Гуанагани. Онъ сохраняетъ еще имя Санъ-Сальвадора, хотя англичане называютъ его Кошачьимъ островомъ.

Свѣтъ, видѣнный имъ въ ночь, предшествующую его высадкѣ, доходилъ, безъ сомнѣнія, съ острова Вашлинга, лежащаго нѣсколько миль восточнѣе. Санъ-Сальвадоръ принадлежитъ къ группѣ Лукайскихъ или Багамскихъ острововъ, которая, простираясь отъ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ береговъ Флориды къ Испаніолѣ, закрываетъ собой сѣверный берегъ Кубы.

14-го октября, на разсвѣтѣ, адмиралъ отправился на шлюпкахъ для обозрѣнія острова, взявъ направленіе къ сѣверо-востоку. Берега его окружены грядою скалъ, образующихъ естественную гавань, въ которой могутъ держаться всякаго рода европейскіе корабли. Входъ въ гавань очень тѣсенъ, и впереди лежитъ нѣсколько песчаныхъ отмелей; но вода въ ней стоитъ также спокойно, какъ въ прудѣ.

Весь островъ былъ покрытъ прекраснымъ лѣсомъ; Коломбъ увидѣлъ множество ручьевъ, струящихся по немъ во всѣхъ направленіяхъ, а по серединѣ открылъ большое озеро. Шлюпки миновали два или три селенія; при ихъ приближеніи всѣ жители, мужчины и женщины, выбѣгали на берегъ, распростирались на землѣ и поднимали руки и глаза къ небу, какъ-бы благодаря Бога или обоготворяя своихъ гостей, какъ существъ сверхъесте-

ственныхъ. Они бѣжали за шлюпками вдоль берега, призывая испанцевъ знаками на землю и предлагая имъ разные плоды и сосуды съ водой. Но, видя, что шлюпки продолжаютъ свой путь, многіе дикіе бросились въ море и поплыли за ними; другіе сѣли въ свои чёлны и также пустились догонять ихъ. Коломбъ принималъ ихъ ласково, одѣляя стеклянымъ бисеромъ и другими бездѣлками, которыя они принимали съ восторгомъ, какъ небесные дары, потому что постоянной идеей дикихъ было—что бѣлые люди сошли съ неба.

Испанцы продолжали свое обозрѣніе до тѣхъ поръ, пока достигли небольшаго полуострова, для отдѣленія котораго отъ земли нужно не болѣе одного или двухъ дней и который Коломбъ замѣтилъ какъ превосходную позицію для крѣпости. На немъ стояло шесть туземныхъ хижинъ, окруженныхъ прелестными рощами и садами. Матросы были утомлены греблей, и какъ островъ не представляютъ особенной важности для учрежденія на немъ колоніи, то адмиралъ возвратился на корабль, взявъ съ собой семь туземцевъ, въ намѣреніи образовать изъ нихъ для себя переводчиковъ.

Запасшись водой и дровами, корабли отплыли отъ острова Санъ-Сальвадора въ тотъ же вечеръ. Адмиралъ нетерпѣливо желалъ продолжать свои открытія, начатыя столь удовлетворительнымъ образомъ, и въ особенности скорѣй войти въ тѣ богатыя южныя воды, гдѣ онъ надѣялся отыскать знаменитый островъ Чипанго.

(Стр. 201 — 232).

f) Пріемъ Коломба въ Барцелонѣ.

Молва уже разнесла вѣсть о его славномъ открытіи до отдаленнѣйшихъ предѣловъ королевства, и такъ какъ путь его въ Барцелону лежалъ черезъ прекраснѣйшія и населеннѣйшія провинціи Испаніи, то его переѣздъ уподоблялся торжественному путешествію монарха. Вездѣ, гдѣ онъ ни проѣзжалъ, вокругъ него стѣснялось все окрестное народонаселеніе, обстанавливало большія дороги и загромождало селенія. Въ большихъ городахъ улицы, окна и балконы наполнялись зрителями,—и воздухъ потрясался ихъ шумными восклицаніями. Его задерживали на каждомъ шагу любопытныя толпы, тѣснившіяся на пути и жаждавшія увидѣть его и дикихъ людей, на которыхъ смотрѣли съ такимъ удивленіемъ, какъ будто-бы они упали съ какой-нибудь планеты. Не было возможности удовлетворить ненасытному любопытству испанцевъ; они на каждомъ отдыхѣ осаждали Ко-

ломба и сопровождавшихъ его и осыпали ихъ безчисленными распросами. Молва, по обыкновенію, преувеличивала истину и населяла новооткрытый міръ чудесами.

Около половины апрѣля Коломбъ прибылъ въ Барцелону, гдѣ уже все было приготовлено, чтобъ сдѣлать ему самый торжественный и великолѣпный пріемъ. Ясность атмосферы въ это время года и въ томъ благословенномъ климатѣ еще болѣе увеличивала блескъ этой достопамятной церемоніи. Когда онъ подъѣхалъ къ городу, его встрѣтилъ многочисленный кортежъ хидальговъ и молодыхъ придворныхъ, сопровождаемыхъ большимъ стеченіемъ народа, и привѣтствовалъ его поздравленіемъ. Въѣздъ его въ Барцелону уподоблялся одному изъ тѣхъ тріумфовъ, которыми римляне имѣли обыкновеніе награждать своихъ полководцевъ-побѣдителей. Дикіе открывали шествіе; они были испещрены разными красками по туземному обычаю и наряжены въ свои національныя золотыя украшенія. Вслѣдъ за ними несли живыхъ попугаевъ разныхъ породъ, чучелы неизвѣстныхъ птицъ и звѣрей и рѣдкія растенія, въ которыхъ предполагали драгоцѣнныя свойства; далѣе несли короны, браслеты, разныя золотыя украшенія и все, что могло дать высокое понятіе о богатствѣ новооткрытыхъ странъ, — и всѣ эти вещи были распредѣлены съ величайшею заботливостью, такъ чтобъ ихъ могла видѣть публика. За ними ѣхалъ верхомъ на лошади Коломбъ, окруженный блестящею кавалькадой молодыхъ испанцевъ. Стеченіе народа было такъ велико, что процессія съ трудомъ пробиралась между нимъ; окна и балконы были наполнены дамами, и самыя кровли домовъ покрыты зрителями. Публика какъ-будто не могла насытиться созерцаніемъ этихъ трофеевъ неизвѣстнаго міра и необыкновеннаго человѣка, который умѣлъ найти его. Это чрезвычайное происшествіе заключало въ себѣ нѣчто столь важное, что къ чувству всеобщей радости какъ-бы невольно присоединялось торжественное чувство признательности. На него смотрѣли, какъ на великій и явный даръ Провидѣнія, ниспосланный монархамъ Испаніи въ награду за ихъ благочестіе, — и почтенный и величественный видъ Коломба, столь отличный отъ наружности вѣтряной молодости, готовой часто безъ разсужденія вдаваться въ отчаянныя предпріятія, совершенно гармонировалъ съ величіемъ и важностью его открытія.

Чтобъ увеличить пышность и почетъ его пріема, государи велѣли помѣстить свой тронъ въ такомъ мѣстѣ, откуда бы онъ былъ виденъ всему народу, подъ богатымъ парчевымъ балдахиномъ, посреди обширной и великолѣпной залы. Тамъ король и королева ожидали прибытія Коломба; принцъ Іоаннъ занималъ мѣсто подлѣ нихъ; тронъ окружали всѣ сановники государства и знатнѣйшее дворянство Кастиліи, Валенціи, Каталоніи и Ар-

рагоніи: всѣ они съ нетерпѣніемъ жаждали увидѣть человѣка, доставившаго ихъ отечеству неисчислимыя выгоды.

Наконецъ Коломбъ вошелъ въ залу въ сопровожденіи блестящей свиты рыцарей. «Онъ отличался между ними—говоритъ Ласъ-Казасъ—высокимъ ростомъ, величавою осанкой и сѣдинами, которыя украшали его почтенное чело: все это вмѣстѣ давало ему величественную наружность римскаго сенатора. Скромная улыбка озаряла его уста и обнаруживала, что онъ наслаждался своимъ вполнѣ заслуженнымъ торжествомъ». И, безъ сомнѣнія, ничто не могло болѣе электризовать человѣка, одушевленнаго благородною гордостью и чувствомъ всей важности оказанной имъ заслуги, какъ эти изъявленія признательности и удивленія цѣлаго народа, или лучше сказать цѣлаго свѣта. Когда онъ приблизился къ трону, король и королева встали, какъ-бы при пріемѣ какой-нибудь знаменитѣйшей особы. Коломбъ преклонилъ предъ ними колѣно и просилъ позволенія облобызать ихъ руки; но ихъ величества съ трудомъ согласились на этотъ знакъ вассальства съ его стороны и, поднявъ его самымъ благосклоннымъ образомъ, пригласили сѣсть въ своемъ присутствіи,—честь весьма рѣдкая при этомъ дворѣ, отличавшемся строжайшимъ соблюденіемъ всего, что относилось до этикета. По приглашенію ихъ величествъ, Коломбъ изложилъ замѣчательнѣйшія происшествія своей экспедиціи и описалъ открытые ими острова. Потомъ показалъ имъ неизвѣстныя породы птицъ и животныхъ; рѣдкія растенія, имѣющія лекарственныя или ароматическія свойства; золото въ пескѣ, въ слиткахъ и выдѣланное въ варварскія украшенія; дикіе въ особенности составляли предметъ живаго и неистощимаго любопытства, потому что для человѣка нѣтъ ничего занимательнѣй какъ разнообразіе собственной его породы. Когда зрители надивились всѣми этими чудесами, Коломбъ провозгласилъ, что все это еще только начало, одинъ приступъ къ открытіямъ несравненно важнѣйшимъ, которыя доставятъ во власть ихъ величествъ цѣлыя царства съ несмѣтными сокровищами и поставятъ многочисленные народы подъ знамя вѣры.

Король и королева слушали Коломба съ величайшимъ душевнымъ умиленіемъ, и когда онъ кончилъ рѣчь, повергли́сь на колѣна и со слезами радости и признательности простерли руки къ небу и вознесли къ Богу самую пламенную благодарность за столь великія благодѣянія. Ихъ примѣру послѣдовали всѣ присутствовавшіе; торжественный энтузіазмъ овладѣлъ этимъ блестящимъ собраніемъ и, вмѣсто восклицаній свѣтской радости, вмѣсто обыкновенныхъ кликовъ толпы, хоръ музыкантовъ королевской капеллы загремѣлъ: «Te Deum»; священная и мелодическая гармонія отвѣчала на каждый стихъ, передавая, такъ сказать, небу чувства и мысли всѣхъ слушателей. «Казалось, что

въ эту минуту они предвкушали райское блаженство»,—говоритъ почтенный Ласъ-Казасъ. Такимъ-то набожнымъ и торжественнымъ образомъ привѣтствовалъ блестящій испанскій дворъ это высокое событіе,—принося Небу мелодическую дань благодарности и приписывая славу открытія новаго міра—Богу.

По окончаніи пріема, Коломбъ отправился въ назначенный для него домъ въ сопровожденіи всего двора, при шумныхъ восклицаніяхъ народа. И во все время пребыванія его въ Барцелонѣ онъ былъ постояннымъ предметомъ всеобщаго любопытства: куда бы онъ ни показался — вездѣ окружала его толпа, проникнутая къ нему удивленіемъ. Но между тѣмъ, какъ умъ его вполнѣ предавался благороднѣйшимъ надеждамъ, благочестивая мысль объ освобожденіи Гроба Господня не оставляла его. Мы видѣли уже, что онъ сообщилъ эту мысль испанскимъ монархамъ до отъѣзда своего въ экспедицію, сказавъ имъ, что она составляетъ великую его цѣль, для достиженія которой онъ рѣшился посвятить всю прибыль, какую получитъ отъ своихъ открытій. Убѣжденный въ пріобрѣтеніи великихъ сокровищъ, онъ далъ обѣтъ — вооружить для Святаго Гроба, впродолженіе семи лѣтъ со дня открытія, корпусъ войскъ изъ 4,000 человѣкъ конницы и пяти тысячъ пѣхоты, и такое же число пѣхоты выставить въ послѣдующіе затѣмъ 5 лѣтъ. Объ этомъ обѣщаніи говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ королю и королевѣ, которое не дошло до насъ, и потому неизвѣстно въ точности, когда онъ его писалъ—въ концѣ ли перваго своего путешествія или позже, когда уже обширность и важность его открытій сдѣлались виднѣе. Онъ часто упоминалъ о немъ и въ другихъ письмахъ, и въ особенности въ письмѣ своемъ къ папѣ Александру VI, писанномъ въ 1502 году, гдѣ онъ объясняетъ св. отцу причины, почему не исполнилъ до того времени своего обѣщанія. Мы сочли необходимымъ упомянуть о гигантскомъ и мечтательномъ намѣреніи Коломба для того, чтобъ яснѣе обозначить характеръ и причины его дѣйствій. Зная это обстоятельство, становится очевиднымъ, что завоеваніе Гроба Господня было постоянной его идеей, тѣсно связанной съ великимъ открытіемъ Новаго свѣта, и что въ его мнѣніи святой крестовый походъ долженствовалъ быть вѣнцомъ предпріятія, для котораго онъ почиталъ себя избраннымъ небомъ. Оно показываетъ также, какъ далекъ былъ его умъ отъ всѣхъ корыстныхъ и низкихъ видовъ и до какой степени онъ былъ преисполненъ того благочестиваго и героическаго огня, который во времена крестовыхъ походовъ воспламенялъ рвеніе и направлялъ дѣйствія храбрѣйшихъ воиновъ и знаменитѣйшихъ государей.

(Ваш. Ирвингъ.)

Въ слѣдующія три путешествія свои въ Новый свѣтъ Колумбъ открылъ еще многіе острова, напр. Ямайку и Малые Антильскіе съ сильнымъ, болѣе образованнымъ, но страшнымъ своими морскими разбоями, племенемъ караибовъ (каннибаловъ), и наконецъ сѣверный берегъ Южной Америки недалеко отъ устья Ориноко. Однако новая часть свѣта получила свое названіе не по имени открывшаго, но по первому ея описателю, Флорентинцу Америго Веспуччи, котораго «Описанія» открытыхъ имъ земель при Амазонской рѣкѣ распространили въ Европѣ первыя болѣе точныя свѣдѣнія о новомъ мірѣ. Колумбъ раздѣлилъ участь многихъ геніальныхъ людей, которымъ не было суждено пожать плоды своихъ дѣяній. Еслибы начинатель любаго великаго дѣла не ощущалъ награды за то въ душѣ своей, то признательность свѣта никогда не ободрила бы къ высокимъ предпріятіямъ. Оставленный въ Испаніолѣ гарнизонъ былъ приведенъ въ большое замѣшательство раздорами колонистовъ между собою и враждой съ туземцами, которые сперва радушно приняли къ себѣ иностранцевъ и охотно раздѣлили съ ними плоды и произведенія своего благословеннаго края, но отъ нихъ видѣли только угнетенія и обиды. Ихъ необузданность и распутная жизнь значительно ослабили то почтительное чувство, какое внушилъ индѣйцамъ адмиралъ своимъ благороднымъ и умнымъ обхожденіемъ, и привели ихъ наконецъ къ гибели. Коломбъ возстановилъ доброе согласіе съ туземцами, заложилъ колоніи Изабеллу и Санъ-Доминго и ревностно старался объ укрѣпленіи испанскаго владычества какъ военными мѣрами, такъ и мирными сношеніями и договорами. Но въ гарнизонѣ Испаніолы скоро произошли новыя распри и заговоры, мѣшавшіе продолженію открытій. Когда же Коломбъ, для возстановленія порядка, наказалъ самыхъ дерзкихъ его нарушителей, а другихъ отправилъ обратно въ Европу, то послѣдніе нашли средство оклеветать при испанскомъ дворѣ ненавистнаго иностранца и представить его управленіе въ самомъ дурномъ видѣ. Тогда Фердинандъ послалъ для производства слѣдствія малодушнаго и неспособнаго чиновника Франсуа Бовадилью, который, выходя изъ предѣловъ своего полномочія и власти, отнялъ у Коломба намѣстничество и въ цѣпяхъ отправилъ его въ Испанію (1500). Хотя здѣсь и сняли съ него оковы, возбудившія негодованіе всей Европы, но испанское правительство уже не помышляло объ исполненіи заключеннаго съ нимъ условія. Лишенный всѣхъ должностей и званій, вслѣдствіе неудачи послѣдняго своего путешествія, онъ умеръ 20-го мая, 1506 г. въ Вальядолидѣ, глубоко огорченный неблагодарностью Фердинанда и современниковъ. Впослѣдствіи (1796) прахъ его перенесенъ былъ на островъ Кубу. Только потомство оцѣнило истинное величіе этого

человѣка, который такъ мощно выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ своими заслугами, своимъ величавымъ характеромъ и тѣмъ высокимъ воодушевленіемъ, которое помогло ему осуществить его мысль вопреки безчисленнымъ препятствіямъ и предубѣжденіямъ.

2. ОТКРЫТІЕ В. ОКЕАНА *).

а) Экспедиція для отысканія моря за горами.

Перваго сентября 1513 года Васко Нуньесъ отправился съ своею арміею на одномъ бригантинѣ и девяти большихъ лодкахъ, сопутствуемый радостными восклицаніями и желаніями успѣха испанцевъ, оставшихся въ Даріенской колоніи. Направляя путь къ сѣверо-востоку, онъ благополучно прибылъ въ Койву, резиденцію касика Карсты.

Васко Нуньесъ оставилъ въ Койвѣ около половины своихъ людей оберегать бригантины и лодки. Важность этой экспедиціи, предпринятой имъ не только для личной своей пользы, но и для открытія великой тайны природы, казалось, сдѣлала на него сильное впечатлѣніе и придала всѣмъ его поступкамъ какой-то характеръ торжественности. И потому, передъ походомъ онъ приказалъ отслужить обѣдню и усердно молился объ успѣхѣ этого опаснаго предпріятія.

Шестаго сентября онъ выступилъ въ путь къ горамъ. Переходъ былъ чрезвычайно затруднителенъ, потому что испанцы, обремененные тяжелымъ оружіемъ, подъ палящими лучами тропическаго солнца, должны были взбираться на утесистыя горы

---

*) *Васко Нуньесъ Бальбао* былъ родомъ испанецъ, много лѣтъ жилъ въ колоніи на з. берегу *Испаньолы*, велъ жизнь искателя приключеній и впалъ въ неоплатные долги. Чтобъ уйти отъ преслѣдованія своихъ заимодавцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для удовлетворенія страсти къ приключеніямъ, Бальбао, при помощи знакомаго матроса, спрятался на корабеллѣ, отправлявшейся на поиски къ берегу перешейка. Корабль былъ разбитъ бурею, и люди по совѣту Бальбао перешли на другую сторону Даріенскаго залива въ плодородный край, и, послѣ удачной битвы съ туземцами, основали колонію, которая получила имя Санта-Марія. Бальбао сдѣлался начальникомъ этой колоніи, утвердивъ свою власть незаконнымъ образомъ. Въ одну изъ его экспедицій во внутрь страны онъ получилъ отъ туземцевъ извѣстіе о Великомъ Океанѣ. Но только черезъ два года, желая войти въ милость Фердинанда и избѣгнуть наказанія за самозванство, онъ 1-го сентября 1513 г. отправился въ экспедицію для открытія Океана. В. Океанъ былъ открытъ, принятъ во владѣніе испанскаго правительства и Васко 19 февраля 1514 года вернулся въ Санта-Марія.

и продираться сквозь густые лѣса и чащи кустарниковъ. Индѣйцы облегчали ихъ, сколько могли, перенося на себѣ съѣстные и военные припасы и указывая имъ тропинки, болѣе проходимыя.

Восьмаго сентября они прибыли въ деревню касика Понка, заклятаго врага Карсты, но нашли ее пустою: касикъ, со всѣми своими подданными, убѣжалъ въ горы. Однакожъ испанцы остались тамъ на нѣсколько дней для возстановленія силъ больныхъ, а также для отысканія другихъ проводниковъ, потому что прежніе не твердо знали гористую страну, черезъ которую имъ надобно было переходить. Наконецъ они открыли убѣжище Понка и уговорили его, хотя и не безъ труда, повидаться съ Васко Нуньесомъ, который лучше всякаго другаго умѣлъ пріобрѣтать довѣренность и дружбу туземцевъ. Касикъ дотого былъ очарованъ его ласковымъ обращеніемъ, что открылъ ему, за тайну, все, что зналъ о естественныхъ богатствахъ того края, и подтвердилъ также все, что Нуньесъ слышалъ о существованіи за горами великаго моря. Въ доказательство справедливости этого слуха онъ подарилъ ему нѣсколько украшеній изъ самаго чистаго золота, отличной отдѣлки, привезенныхъ изъ тамошнихъ прибрежныхъ странъ. Наконецъ онъ показалъ ему одну высокую гору, которой вершина, казалось, досягала небесъ, и присовокупилъ, что оттуда они увидятъ это море подъ своими ногами на необозримомъ пространствѣ.

Эти извѣстія еще болѣе одушевили Васко Нуньеса, и, получивъ отъ касика новыхъ проводниковъ, онъ сталъ приготовляться къ переходу черезъ горы. Больныхъ онъ отправилъ въ Койву, а при себѣ оставилъ только самыхъ здоровыхъ и сильныхъ людей. Съ ними онъ выступилъ, 20-го сентября, въ дальнѣйшій путь по неровной и гористой странѣ, покрытой густыми лѣсами и перерѣзанной глубокими и быстрыми рѣками, черезъ которыя, въ иныхъ мѣстахъ, они должны были переправляться на плотахъ. Переходы были такъ затруднительны, что въ четыре дня они подвинулись только на десять миль и во все это время еще жестоко страдали отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Тогда они вступили во владѣнія воинственнаго касика, по имени Квараква, находившагося въ войнѣ съ Понкомъ. Узнавъ, что въ его область вторгся отрядъ какихъ-то неизвѣстныхъ чужестранцевъ, которыхъ проводники были подданные смертельнаго врага его, касикъ вышелъ противъ нихъ съ цѣлою арміею Индѣйцевъ, вооруженныхъ стрѣлами, длинными копьями и тяжелыми дубинами изъ пальмоваго дерева, почти столь же твердаго и тяжелаго, какъ желѣзо. Видя малочисленность испанцевъ, они бросились на нихъ съ яростными воплями, въ полной увѣренности, что истребятъ ихъ въ одно мгновеніе. Но первый залпъ изъ ружей лишилъ ихъ всей храбрости. Они вообразили,

что сражаются съ злыми духами, вооруженными громомъ и молніею, и еще болѣе утвердились въ этой мысли, когда многіе изъ нихъ попадали мертвыми, обливаясь кровію, не будучи, повидимому, ранены никакимъ оружіемъ. Ужасъ растространился между ними и они обратились въ бѣгство въ совершенномъ безпорядкѣ. Испанцы сильно ихъ преслѣдовали, поражая иныхъ копьями, другихъ шпагами и натравливая на нихъ собакъ. Такимъ образомъ, на полѣ сраженія остались шестьсотъ индѣйцевъ, и самъ ихъ касикъ.

Братъ Кваракві и многіе изъ начальниковъ взяты были въ плѣнъ. Они носили длинныя платья изъ бѣлой бумажной матеріи. По тому ли женскому одѣянію, или по навѣтамъ враговъ ихъ, только испанцы стали подозрѣвать этихъ индѣйцевъ, будтобы они преданы противоестественнымъ порокамъ, и почувствовали къ нимъ такой ужасъ и омерзѣніе, что отдали ихъ на растерзаніе своимъ собакамъ.

Говорятъ еще, что въ числѣ плѣнныхъ находилось много негровъ, невольниковъ побѣжденнаго касика, которые, какъ сказывали испанцамъ другіе плѣнные, происходили изъ одной страны, недалеко оттуда лежащей и населенной черными людьми, часто съ ними воевавшими. «Это были—присовокупляетъ испанскій лѣтописецъ—первые негры, видѣнные испанцами въ Новомъ свѣтѣ, и я не думаю, чтобы съ тѣхъ поръ ихъ нашли гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ».

Послѣ этой кровавой побѣды испанцы вступили въ деревню Кваракква, гдѣ нашли значительную добычу золотомъ и другими драгоцѣнностями. Васко Нуньесъ, по обыкновенію, отложилъ отъ нея пятую часть для казны, а остальное раздѣлилъ между солдатами. Эта деревня лежала у подошвы той высокой горы, которую показывалъ имъ сынъ касика Камагра, но многіе испанцы были тяжело ранены въ послѣднемъ сраженіи; а другіе—такъ изнурены усталостью и голодомъ, что не могли идти далѣе, и по неволѣ должны были остаться въ деревнѣ, передъ горою, съ вершины которой ихъ товарищей ожидало давно желанное зрѣлище. Васко Нуньесъ выбралъ между своими плѣнными новыхъ проводниковъ, тамошнихъ уроженцевъ, отпустилъ проводниковъ Понка. Изъ цѣлаго отряда испанцевъ, выступившихъ съ нимъ изъ Даріена, у него осталось теперь только 67 человѣкъ, довольно сильныхъ и мужественныхъ для одолѣнія послѣднихъ трудностей экспедиціи. Онъ приказалъ имъ рано разойтись по квартирамъ для отдыха, и съ разсвѣтомъ быть готовыми къ выступленію, чтобы успѣть достигнуть вершины горы до полуденнаго жара.

(В. Ирвингъ. Ч. I, гл. VIII, стр. 34—39).

b) Открытіе океана.

Съ разсвѣтомъ, Васко Нуньесъ, съ своими сподвижниками, выступилъ изъ индѣйской деревни и началъ взбираться на высоты. Это было весьма трудно для людей уже изнуренныхъ трудностями такого похода, но всѣ они воодушевлялись новымъ жаромъ и бодростію при мысли о торжественномъ зрѣлищѣ, какое вскорѣ долженствовало развернуться передъ ними.

Въ исходѣ десятаго часа поутру, они вышли изъ густыхъ лѣсовъ, чрезъ которые пробивались отъ самой подошвы, и вступили въ возвышенную и открытую полосу горы. Оставалось только взобраться на безплодную вершину, на которой проводники показали имъ небольшое возвышеніе и сказали, что оттуда видно море.

Васко Нуньесъ тотчасъ остановилъ свой отрядъ и запретилъ имъ трогаться съ мѣста; и самъ, съ трепещущимъ сердцемъ, одинъ началъ взбираться на крутизну. Только что онъ достигъ ея вершины, какъ вдругъ увидѣлъ цѣль, къ которой такъ давно стремились пламеннѣйшія его желанія. Передъ нимъ развернулся какъ-будто новый міръ, отдѣленный отъ всего извѣстнаго дотолѣ обширною цѣпью этихъ горъ: подъ его ногами въ огромномъ хаосѣ набросаны были скалы и лѣса, саванны и рѣки, а за ними, вдали, сверкали подъ солнечными лучами волны неизвѣстнаго океана.

При этомъ чудесномъ и величественномъ зрѣлищѣ Васко Нуньесъ бросился на колѣна и возблагодарилъ Бога за то, что Онъ дозволилъ ему первому изъ всѣхъ европейцевъ сдѣлать столь славное и великое открытіе. Потомъ онъ позвалъ товарищей своихъ и сказалъ имъ: «идите, друзья мои, насладиться славнымъ зрѣлищемъ, котораго мы такъ сильно желали. Возблагодаримъ Бога за то, что Онъ даровалъ намъ честь и славу этого открытія, и помолимся Ему, да руководствуетъ насъ своею десницею и поможетъ покорить эти моря и страны, въ которыя еще не проникалъ ни одинъ христіанинъ для распространенія святаго ученія евангелистовъ. А вы будьте мнѣ вѣрны и честны, и, съ помощію Неба, пріобрѣтете такія богатства, какихъ не собиралъ еще ни одинъ испанецъ въ Новомъ Свѣтѣ; окажете королю услуги важнѣе всѣхъ оказанныхъ когда-либо подданнымъ своему государю; и все, что вы здѣсь еще откроете, покорите, или обратите въ нашу святую религію христіанскую — послужитъ въ вашу пользу и принесетъ вамъ вѣчную славу».

Испанцы отвѣчали на эту рѣчь радостными восклицаніями, обнимая Васко Нуньеса и обѣщаясь слѣдовать за нимъ на смерть. Бывшій съ ними священникъ, по имени Андресъ Вара, вдругъ возвысилъ голосъ и запѣлъ Te Deum laudamus, обыкновенную

молитву испанскихъ мореходовъ. При этомъ всѣ стали на колѣни и присоединили свои голоса къ пѣнію священника, проливая радостныя слезы.

И было чему радоваться, потому что это открытіе, дѣйствительно, превосходило своею важностію всѣ другія дотолѣ сдѣланныя въ Новомъ свѣтѣ. Какое безпредѣльное поприще догадкамъ и мечтамъ представлялось тогда этимъ испанцамъ, изумленнымъ собственнымъ подвигомъ! И въ самомъ дѣлѣ, ихъ мысли потерялись въ блестящемъ хаосѣ всевозможныхъ предположеній о новооткрытомъ Океанѣ. Былъ ли то Великій океанъ, Индѣйскій, котораго роскошные острова преисполнены золотомъ, драгоцѣнными камнями и пряностями и усѣяны по берегамъ великолѣпными городами и богатыми торжищами Востока? Или это только пустынное море, окруженное дикими странами и никогда не носившее на себѣ другаго судна, кромѣ легкой лодки дикаря? Но тогда какъ совмѣстить послѣднее предположеніе съ разсказами индѣйцевъ о золотыхъ царствахъ и народахъ могущественныхъ и роскошныхъ, населяющихъ прибрежныя страны. Быть можетъ, между ними находились и народы образованные, хотя и не по-европейски,—народы, которые составляли, нѣкоторымъ образомъ, новый міръ, имѣютъ свои законы, обычаи, науки и искусства, сообщаются между собою чрезъ это великое море и производятъ торговлю между своими материками и островами, не подозрѣвая существованія другаго полушарія.

Таковы были, безъ сомнѣнія, мысли, внушенныя испанцамъ зрѣлищемъ этого безвѣстнаго океана, но всѣ они были увѣрены, что никто изъ христіанъ не видѣлъ его прежде ихъ.

И такъ Васко Нуньесъ взялъ въ свидѣтели всѣхъ присутствовавшихъ, что онъ беретъ это море, его острова со всѣми прибрежными землями на имя государей Кастильскихъ, а нотаріусъ экспедиціи тотчасъ составилъ формальный протоколъ, который подписали всѣ бывшіе при этомъ испанцы, въ числѣ шестидесяти семи человѣкъ. Послѣ того онъ приказалъ срубить высокое и прямое дерево, сдѣлать изъ него крестъ и поставить его на томъ самомъ мѣстѣ, откуда онъ впервые увидѣлъ океанъ, и еще, наконецъ, испанцы сложили изъ камней родъ памятника этому событію и вырѣзали имена Кастильскихъ государей на корѣ ближнихъ деревъ. Индѣйцы, съ безмолвнымъ изумленіемъ, смотрѣли на всѣ эти обряды и восторги и сами помогали строить памятникъ и складывать камни, не понимая смысла этого сооруженія и ни мало не подозрѣвая, что оно означаетъ порабощеніе ихъ родины.

Достопамятное событіе, описанное нами, произошло 26-го сентября 1513 года; слѣдовательно, испанцы употребили двадцать дней на переходъ изъ владѣній Карсты на вершину той горы,— путь, который, говорятъ, совершается нынче, не болѣе какъ въ

шесть дней. Въ тѣхъ мѣстахъ перешеекъ не шире 18-ти миль, а въ иныхъ пунктахъ съуживается до 7 миль; но вдоль его тянется непрерывная цѣпь чрезвычайно высокихъ и крутыхъ горъ, чрезъ которыя не было другихъ дорогъ, кромѣ тропинокъ, едва протоптанныхъ индѣйцами. Кромѣ этого неудобства, испанцы еще должны были безпрестанно бороться съ препятствіями, которыя встрѣчали на каждомъ шагу въ неровности дикой мѣстности и, еще болѣе, дикомъ характерѣ туземцевъ. Подробности этой экспедиціи, выше описанныя нами, достаточно объясняютъ медленность ихъ похода и множество затрудненій и опасностей, которыя «эти желѣзные люди»,—какъ ихъ справедливо называли,—одни только могли перенести и одолѣть.

c) Васко Нуньесъ сходитъ съ горъ къ берегамъ Южнаго моря.

Вступивъ въ обладаніе этимъ океаномъ и всѣми его прибрежными странами, Васко-Нуньесъ, съ маленькимъ своимъ отрядомъ, сошелъ съ горы къ берегамъ моря для отысканія тѣхъ богатыхъ царствъ, о которыхъ такъ много наслышался. Вскорѣ онъ вступилъ въ землю одного воинственнаго касика, по имени Чеапе, который, узнавъ о появленіи испанцевъ, тотчасъ встрѣтилъ ихъ съ своими воинами и, презрительно окинувъ взоромъ ихъ малочисленный отрядъ, приказалъ имъ выйти изъ своихъ владѣній. Но Васко Нуньесъ, чувствуя, что личная ихъ безопасность требовала того, чтобы поразить этихъ дикарей внезапнымъ ужасомъ, тотчасъ разсыпалъ впереди отряда своихъ стрѣлковъ и приказалъ имъ дать залпъ изъ ружей по непріятелю, а потомъ спустилъ на него собакъ. Громъ и молнія огнестрѣльнаго оружія и сѣрный запахъ дыма, который вѣтромъ навѣвало прямо на индѣйцевъ, распространили между ними ужасъ и смятеніе. Нѣкоторые изъ нихъ поверглись отъ страха на землю, какъ-бы пораженные молніею, другіе обратились въ бѣгство.

Васко Нуньесъ приказалъ своимъ людямъ не убивать понапрасну бѣгущихъ, а брать ихъ въ плѣнъ. По прибытіи въ деревню онъ послалъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ своими проводниками, отыскивать касика. Когда нашли Чеапе, проводники разсказали ему, что испанцы обладаютъ сверхъестественнымъ могуществомъ, что они истребляютъ громомъ и молніею все, что имъ сопротивляется, но осыпаютъ благодѣяніями тѣхъ, которые покоряются имъ. И потому они совѣтовали ему обратиться къ ихъ милосердію и снискивать ихъ расположеніе.

Чеапе, слѣдуя ихъ совѣту, съ трепетомъ явился къ испанцамъ и, для умилостивленія ихъ, принесъ имъ въ подарокъ мно-

жество золотыхъ украшеній, вѣсомъ въ 500 фунтовъ: онъ уже узналъ, какъ высоко цѣнятъ они этотъ металлъ. Васко Нуньесъ обласкалъ его, принялъ подарки и въ замѣнъ далъ ему бусъ, соколиныхъ колокольчиковъ и зеркальцевъ, которые показались касику столь драгоцѣнными, что онъ почелъ себя тогда богаче всѣхъ приморскихъ владѣтелей. Такимъ образомъ, между ними утвердилась прочная дружба, и Васко Нуньесъ, располагаясь остаться въ этой деревнѣ нѣсколько дней, отправилъ проводниковъ обратно въ Кваракву и приказалъ имъ сказать оставшимся тамъ испанцамъ, чтобы они присоединились къ нему. Между тѣмъ онъ послалъ три отряда, изъ двѣнадцати человѣкъ каждый, подъ командою Франциско Писарро, Хуана де-Эскарайя и Алонсо Мартына дона Бенита, для отысканія удобнѣйшей дороги къ морю. Изъ нихъ посчастливилось одному Алонсо Мартыну. Послѣ двухчасоваго пути онъ прибылъ къ одному песчаному мѣсту, гдѣ нашелъ на сушѣ двѣ большія лодки, но ни моря, ни рѣки нигдѣ не было видно. Между тѣмъ, какъ испанцы смотрѣли на эти лодки, удивляясь, что онѣ такъ далеко отъ воды, начался приливъ, который весьма силенъ у береговъ Тихаго океана. Вскорѣ волны быстро помчались, покрыли песчаную полосу, и лодки всплыли. Тогда Алонсо Мартынъ вошелъ въ одну изъ нихъ и взялъ товарищей своихъ въ свидѣтели, что онъ первый изъ всѣхъ европейцевъ плаваетъ по этому морю. Его примѣру послѣдовалъ нѣкто Власій Этіенса, который, въ свою очередь, сослался на нихъ, что онъ второй.

Мы приводимъ эти мелочныя подробности для того, что онѣ характеризуютъ дивныя предпріятія и необыкновенныхъ людей, которые совершали ихъ въ Новомъ свѣтѣ. Казалось, самый послѣдній изъ испанскихъ авантюристовъ былъ одаренъ великимъ и честолюбивымъ духомъ, который возвышалъ его иногда надъ всякими корыстными помыслами и заставлялъ желать своей доли славы, принадлежавшей участникамъ въ этихъ великихъ открытіяхъ. Алонсо Мартынъ, отыскавъ, такимъ образомъ, прямую дорогу къ морю, отправился въ обратный путь, донести своему начальнику объ успѣшномъ исполненіи его порученія.

Васко Нуньесъ, по прибытіи къ нему людей, оставшихся въ Кваракве, позволилъ большей части своего отряда отдохнуть отъ трудовъ и оправиться отъ болѣзней въ деревнѣ Чеапе, а самъ, съ двадцатью шестью испанцами отправился 29-го сентября къ морю, въ сопровожденіи касика и нѣкотораго числа его воиновъ. Густые лѣса съ вершины горы спускались до самыхъ береговъ моря, окружая и оттѣняя прекрасныя бухты, далеко вдававшіяся во внутреннія земли. Весь берегъ, на необозримое пространство, казался совершенно дикимъ; на морѣ не видно было ни одного паруса, и очевидно было, что ни воды, ни

земли этого края никогда не были подвластны образованному человѣку.

Васко Нуньессъ пришелъ къ одному обширному заливу, которому далъ имя св. Михаила, потому что открылъ его въ праздникъ этого святаго. Море было на отливѣ, и вода ушла на полмили отъ берега, наполнивъ глубокою грязью все промежуточное пространство. Но вскорѣ волны поднялись и стремительно примчались почти до того мѣста, гдѣ испанцы сидѣли подъ деревьями въ ожиданіи прилива. Тогда Васко Нуньесъ всталъ, взялъ въ руку знамя, на которомъ изображены были Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ Христомъ, а внизу гербы Кастиліи и Ліона, обнажилъ шпагу и, закинувъ щитъ на спину, вошелъ въ море по колѣна. Тамъ, потрясая знаменемъ, онъ вскричалъ громкимъ голосомъ: «Да здравствуютъ высочайшіе и могущественнѣйшіе монархи Донъ-Фердинандъ и Донна-Іоанна, государи Кастиліи, Леона и Аррагоніи, на имя которыхъ, и для кастильской королевской короны, беру нынѣ въ дѣйствительное, существенное и настоящее обладаніе—эти моря, земли, берега, порты и острова, и все, что къ нимъ принадлежитъ, а также всѣ царства и области, зависящія или могущія зависѣть отъ нихъ, какимъ бы то ни было образомъ и по силѣ какого бы то ни было права или титла, древняго или новаго, временъ прошедшихъ, настоящаго или грядущихъ, безъ всякаго прекословія; а если какой либо другой царь или его полководецъ, христіанинъ, или невѣрный, какой бы ни были они вѣры, секты или состоянія, объявятъ притязаніе на эти земли и моря,—я поставляю себѣ долгомъ и готовъ защищать ихъ и охранять отъ имени кастильскихъ государей, настоящихъ и будущихъ, законныхъ обладателей этихъ Индій, острововъ и твердыхъ земель, лежащихъ на сѣверѣ и на югѣ, со всѣми ихъ морями, отъ одного полюса до другаго, по обѣимъ сторонамъ равноденственной линіи, между тропиками Рака и Козерога, и внѣ оныхъ, — нынѣ, и во всѣ времена, и доколѣ міръ существовать будетъ, и до послѣдняго суда человѣчества».

По произнесеніи этой напыщенной декларацiи, такъ какъ никто не являлся съ притязаніями на вызовъ Васко Нуньеса, онъ взялъ своихъ товарищей въ свидѣтели, что этотъ обрядъ совершенъ имъ законнымъ порядкомъ, и вышелъ изъ моря. Всѣ они изъявили полную готовность защищать его права до послѣдней капли крови, какъ слѣдуетъ вѣрнымъ и усерднымъ подданнымъ государей кастильскихъ; и когда бывшій тутъ нотаріусъ составилъ протоколъ, всѣ они скрѣпили его своими подписями.

Потомъ они подошли къ самому берегу моря и отвѣдали воды, которая, несмотря на то, что далеко вдавалась въ землю между

горами материка, была солона, какъ въ сѣверныхъ моряхъ. Тогда они положительно удостовѣрились, что открыли новый океанъ, и снова возблагодарили Бога.

Совершивъ всѣ эти обряды, Васко Нуньесъ вынулъ изъ-за пояса кинжалъ и вырѣзалъ имъ крестъ на корѣ одного дерева, росшаго въ водѣ, и еще два креста на двухъ ближнихъ деревьяхъ,—въ честь Святой Троицы и въ знакъ занятія страны. Его спутники тоже нарѣзали кресты на деревьяхъ близлежащаго лѣса и срубили шпагами нѣсколько вѣтвей, которыя взяли съ собою въ знакъ тріумфа.

Таковъ былъ церемоніалъ, вмѣстѣ религіозный и рыцарскій, которымъ эти испанскіе авантюристы взяли въ обладаніе огромный Тихій океанъ и всѣ около-лежащія страны,—церемоніалъ, который носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ характера этого народа и того вѣка.

(Исторія путешеств. въ Н. Свѣтѣ. Вашингтонъ Ирвингъ. Ч. I. Стр. 39—49).

d) Приключенія Васко Нуньеса на берегахъ Тихаго океана. (1513).

Изъ своей главной квартиры, деревни Чеапе, Васко Нуньесъ, въ разныя времена, обозрѣвалъ окрестныя страны и добылъ у туземцевъ значительное количество золота. Ободренный этими удачами, онъ вздумалъ осмотрѣть съ моря берега ближайшаго залива, весьма обширнаго и далеко вдававшагося во внутреннія земли. Но касикъ Чеапе заранѣе предостерегъ его, что, въ бурное время года, продолжавшееся отъ начала октября до конца декабря, чрезвычайно трудно и почти невозможно плавать по заливу, и что онъ видѣлъ на своемъ вѣку множество лодокъ, опрокинутыхъ волнами или вихрями въ этихъ же мѣстахъ.

Однако жъ, Васко Нуньесъ не уважилъ этого совѣта, потому что, предпринявъ эту экспедицію для распространенія христіанской религіи и расширенія власти государей Кастильскихъ надъ язычниками, онъ твердо вѣровалъ въ непосредственное покровительство Божіе. И въ самомъ дѣлѣ, это упованіе, казалось, было главнѣйшею причиною мужества и отваги испанцевъ въ ихъ экспедиціяхъ противъ мавровъ и индѣйцевъ. Чеапе, видя, что не можетъ перемѣнить намѣренія испанскаго генерала, самъ вызвался сопровождать его въ эту гибельную крейсеровку, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ трусости или въ недостаткѣ доброй воли. И такъ Васко Нуньесъ, избравъ изъ своего отряда 60 человѣкъ, отправился съ ними въ путь, 17-го октября

на девяти лодкахъ, въ сопровожденіи касика и нѣсколькихъ индѣйцевъ для управленія лодками. Другая часть отряда осталась въ деревнѣ Чеапе для отдыха и выздоровленія больныхъ.

Но только что они отплыли, какъ удостовѣрились на опытѣ въ справедливости словъ касика. Поднялся жестокій вѣтеръ, и яростныя волны закипѣли по всему пространству этого огромнаго озера, съ шумомъ и пѣною разбиваясь о скалы, подводные камни и множество мелкихъ острововъ, которыми былъ усѣянъ весь заливъ. Ихъ легкія лодки, тяжело нагруженныя людьми, которые не умѣли управлять ими, то страшно качались на гребнѣ высокаго вала, то повергались съ него въ бездну и исчезали, какъ-бы погружаясь на дно. Сами индѣйцы, хотя съ дѣтства сроднившіеся съ водою какъ амфибіи, казалось, потеряли всю надежду, потому что посреди этихъ скалъ и буруновъ все искусство самаго лучшаго пловца не принесло бы ему никакой пользы. Наконецъ, индѣйцы успѣли, хотя и съ большимъ трудомъ, связать лодки попарно, одна возлѣ другой, такъ, что онѣ могли тогда держаться на водѣ и противостоять бурѣ. Къ вечеру они пристали къ одному островку, вышли на берегъ и, привязавъ лодки къ скаламъ и къ небольшимъ деревьямъ, росшимъ у приморья, сами легли отдохнуть на сухомъ и возвышенномъ мѣстѣ. Но, избавившись отъ одной опасности, они подверглись другой. Привыкнувъ къ морю, омывающему сѣверные берега перешейка, гдѣ приливы и отливы едва замѣтны, они не взяли никакихъ предосторожностей противъ этого движенія морскихъ водъ и потому весьма удивились, когда услыхали въ просонкахъ шумъ подступающихъ волнъ. Они поспѣшно перебрались на другое мѣсто, но пѣнистые валы преслѣдовали ихъ, съ шумомъ падая на скалы, подобно морскимъ чудовищамъ, яростно гоняющимся за добычею. Мало по малу песчаные холмы и утесы, одни за другими, исчезли и, наконецъ, море покрыло весь островъ. Испанцы стояли по поясъ въ водѣ, которая, еслибъ поднялась еще выше, покрыла бы ихъ совсѣмъ; но и безъ того, держась не крѣпко на ногахъ, каждую минуту они могли быть снесены напоромъ малѣйшей волны. Къ счастію вѣтеръ утихъ, и море успокоилось, когда покрыло утесы, которые преграждали ему путь, а приливъ, достигнувъ наибольшей высоты, началъ убывать, и вскорѣ волны попрежнему стали расшибаться о подножія утесовъ, на которыхъ они стояли.

Съ наступленіемъ дня они пошли къ тому мѣсту, гдѣ оставили вчера свои лодки, и увидѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ были совсѣмъ разбиты, другія разсѣялись во многихъ мѣстахъ; а вмѣсто оставленныхъ тамъ съѣстныхъ припасовъ и платья, нашли песокъ и соленую воду. Испанцы смотрѣли на это печальное зрѣлище съ нѣмымъ отчаяніемъ: изнуренные усталостію

и голодомъ; они предвидѣли въ будущемъ одни лишь новые труды и недостатки въ главнѣйшихъ потребностяхъ жизни. Однакожъ Васко Нуньесъ ободрилъ ихъ и подалъ собою примѣръ, весело принявшись за дѣло. По его приказанію, они приступили къ возможной починкѣ поврежденныхъ лодокъ: выбрали изъ нихъ наименѣе пострадавшія, перевязали ихъ своими поясами, полосами древесной коры и длинными, крѣпкими стеблями морской травы особеннаго рода. Потомъ набравъ травы съ мелкихъ морскихъ растеній, растерли ее между камнями, подбавили травы и этою смѣсью законопатили остальныя щели. Наконецъ испанцы отплыли отъ острова; но ихъ тяжело нагруженныя лодки опускались въ воду почти по самые края и едва не тонули при каждомъ перекатѣ черезъ валъ. Такимъ образомъ они пробились на морѣ цѣлый день, претерпѣвая всѣ мученія голода и жажды, и ввечеру пристали къ берегу въ одномъ углу залива, возлѣ жилища касика, по имени Тумако. Оставивъ часть своего отряда охранять лодки, Васко Нуньесъ съ остальными пошелъ къ индѣйской деревнѣ и прибылъ къ ней около полуночи. Всѣ жители были на-сторожѣ и готовы къ оборонѣ, но огнестрѣльное оружіе, вмѣстѣ съ собаками, вскорѣ обратили ихъ въ бѣгство. Испанцы преслѣдовали бѣгущихъ по пятамъ и шпагами вогнали ихъ въ ближайшіе лѣса. Въ этой деревнѣ они нашли значительное количество съѣстныхъ припасовъ, золота и жемчуга, котораго нѣкоторыя зерна были весьма круглы, а въ домѣ касика — много большихъ перламутовыхъ раковинъ и четыре свѣжія, еще не разнятыя жемчужныя устрицы, - что доказывало близость жемчужной ловли. Сгарая нетерпѣніемъ узнать источники этихъ богатствъ, Васко Нуньесъ разослалъ нѣсколькихъ индѣйцевъ Чеапе отыскивать касика, котораго они вскорѣ и нашли въ одномъ дикомъ ущельѣ, посреди горъ. Индѣйцы уговорили Тумако послать къ испанцамъ посредникомъ своего сына, молодаго и красиваго дикаря. Депутатъ, черезъ нѣсколько времени, возвратился къ своему отцу съ множествомъ подарковъ и сталъ выхвалять ему доброту этихъ сверхъестественныхъ существъ, которыя навели на нихъ такой ужасъ въ послѣднемъ сраженіи. Послѣ этого касикъ ободрился и самъ вступилъ въ дружескія сношенія съ испанцами, отдаривъ ихъ приличнымъ образомъ. Между прочимъ, онъ подарилъ Васко Нуньесу золотыхъ украшеній, цѣною на 614 коронъ и 200 крупныхъ жемчужинъ, отмѣнно красивыхъ, только немного тусклыхъ, потому что индѣйцы открывали раковины посредствомъ огня.

Касикъ, видя, что испанцы высоко цѣнятъ жемчугъ, приказалъ нѣсколькимъ изъ своихъ подданныхъ наловить его въ одномъ мѣстѣ, въ десяти миляхъ разстоянія оттуда. Къ этому ремеслу многіе индѣйцы были пріучены съ дѣтства и пріобрѣли въ

немъ такой навыкъ, что могли оставаться подъ водою очень долго. Обыкновенно, крупнѣйшія жемчужныя устрицы находятся въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, иногда на три и на четыре брасса подъ водою, и ихъ можно доставать оттуда только въ тихую погоду, а меньшія лежатъ въ глубинѣ двухъ или трехъ футовъ, а во время бури выбрасываются на берегъ въ большомъ количествѣ.

На жемчужную ловлю касикъ отправилъ 30 индѣйцевъ, а Васко Нуньесъ послалъ съ ними еще 6 испанцевъ для наблюденія способа этой ловли. Но тогда уже наступило бурное время года, и море было такъ сердито, что водолазы не осмѣлились опускаться въ глубокія мѣста. Однакожъ волны выбросили на берегъ такое множество устрицъ, что изъ нихъ достали жемчугу цѣною на 12 марокъ золота. Нѣкоторыя изъ этихъ устрицъ и жемчужинъ впослѣдствіи были посланы въ Испанію для образчика.

Въ отвѣтъ на распросы Васко Нуньеса, касикъ сказалъ ему, что западные берега простираются на безконечное пространство, что, далеко на югѣ, лежитъ страна, изобилующая золотомъ, въ которой жители употребляютъ для переноски тяжестей нѣкоторыхъ четвероногихъ животныхъ.

Въ поясненіе, онъ начертилъ на землѣ изображеніе этого животнаго, которое испанцы приняли: одни за серну, другіе — за верблюда или тапира, тогда они еще не знали ламы—вьючнаго животнаго, употребляемаго въ Южной Америкѣ. Это было второе извѣстіе, полученное Васко Нуньесомъ о существованіи великой имперіи Перу; и такъ какъ оно вполнѣ подтверждало все, что сказывалъ сынъ Комагра, то и внушило ему блистательнѣйшія надежды на счетъ ожидающей его будущности.

e) Дальнѣйшія приключенія и подвиги Васко Нуньеса на берегахъ Тихаго океана (1513).

Чтобы не было ни малѣйшаго упущенія въ обрядѣ взятія этихъ странъ на имя государей испанскихъ, Васко Нуньесъ вознамѣрился выйдти изъ залива и занять еще земли, лежащія за нимъ. Касикъ Тумако далъ ему парадную лодку, сдѣланную изъ одного огромнаго пня и наполненную множествомъ индѣйцевъ. Рукояти у нихъ веселъ были унизаны мелкимъ жемчугомъ, — обстоятельство, которое Васко Нуньесъ приказалъ нотаріусу засвидѣтельствовать особымъ актомъ, за подписью всѣхъ своихъ спутниковъ, для представленія его государямъ, какъ доказательство богатства новооткрытаго міра.

На этой лодкѣ индѣйцы повезли его, 22-го октября, вдоль береговъ залива, по наводненнымъ мѣстамъ, гдѣ море было окраено затопленными лѣсами и стояло тихо какъ прудъ. Достигнувъ оконечности залива, Васко Нуньесъ вышелъ на песчаный берегъ, омываемый водами Великаго океана и, съ щитомъ въ рукѣ, съ обнаженною шпагою и распущеннымъ знаменемъ, вошелъ въ море по колѣна и занялъ его съ тѣми же формальностями, какія употребилъ, въ подобномъ же случаѣ, въ заливѣ св. Михаила.

Тамъ индѣйцы показали ему на горизонтѣ темную черту, въ разстояніи четырехъ или пяти миль отъ берега, и сказали, что это — самый большой островъ архипелага, изобилующаго крупнѣйшимъ жемчугомъ, котораго нѣкоторыя зерна будто-бы равнялись величиною человѣческому глазу и заключались въ раковинахъ, широкихъ какъ щитъ. Большой островъ и окружающая его группа, присовокупили они, принадлежатъ одному сильному касику, страшному тирану, который впродолженіе хорошаго времени года дѣлаетъ частые набѣги на ихъ берега съ цѣлымъ флотомъ лодокъ, уводитъ въ плѣнъ множество туземцевъ и обращаетъ ихъ въ рабство.

Васко Нуньесъ посмотрѣлъ завистливымъ окомъ на это вмѣстилище богатствъ и тотчасъ предпринялъ бы туда экспедицію, еслибъ индѣйцы не удержали его, говоря, что въ это бурное время года безразсудно отваживаться въ море такъ далеко, въ столь непрочной лодкѣ. Впрочемъ, онъ убѣдился въ этомъ болѣе собственнымъ и очень недавнимъ опытомъ, нежели ихъ словами, и потому отложилъ эту экспедицію до удобнѣйшаго случая, а между тѣмъ далъ слово своимъ союзникамъ отмстить тогда врагу ихъ, опустошавшему ихъ земли, и прекратить его разбои. Отправляясь въ обратный путь, онъ назвалъ большой островъ Isla Rica, или Рикою, а окружавшій его архипелагъ — общимъ именемъ жемчужныхъ острововъ.

Третьяго ноября Васко Нуньесъ оставилъ провинцію Тумако, въ намѣреніи посѣтить другія части этого берега, и отправился съ своимъ отрядомъ на лодкахъ, въ сопровожденіи Чеапе, его индѣйцевъ и сына касика Тумако, который очень полюбилъ испанцевъ и самъ вызвался служить имъ проводникомъ. Этотъ молодой индѣецъ ввелъ ихъ въ одинъ морской рукавъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно широкій, но въ другихъ дотого запруженный мангліями, которыя, выходя изъ воды, сплетались вѣтвями неразрывною сѣтью отъ одного берега до другаго, что испанцы часто должны были прочищать себѣ путь саблями.

Наконецъ они вошли въ одну большую рѣку, чрезвычайно быструю, и поплыли по ней вверхъ съ большими усиліями. На другой день, рано по утру, испанцы прибыли къ индѣйской

деревнѣ, лежавшей на самомъ берегу, напали на нее и взяли въ плѣнъ ея касика, Теогана, который, однакоже, выкупился и пріобрѣлъ ихъ благосклонность богатымъ подаркомъ, состоявшимъ изъ значительнаго количества золота, серебра и съѣстныхъ припасовъ. Тамъ Васко Нуньесъ, предполагая оставить берега Южнаго моря и возвратиться въ Даріенъ черезъ горы, простился съ Чеапе и молодымъ сыномъ Тумако, поручивъ имъ сказать своимъ людямъ, оставшимся въ деревнѣ Чеапе, чтобы они присоединились къ нему въ одномъ мѣстѣ, которое онъ назначилъ въ горахъ, на пути въ Даріенъ.

Историки часто упоминаютъ объ особенной способности Васко Нуньеса привязывать къ себѣ дикихъ и дружиться съ ними. И въ этомъ случаѣ онъ умѣлъ такъ обворожить ихъ своимъ обращеніемъ, что Чеапе и сынъ Тумако, разставаясь съ нимъ, не могли удержаться отъ слезъ. Теоганъ, впродолженіе трехдневнаго пребыванія Васко Нуньеса въ его деревнѣ, уже всѣми силами старался угождать ему, тщательно исполняя всѣ обязанности гостепріимства, и, когда онъ отправился въ путь, снабдилъ его провіантомъ на нѣсколько дней и далъ индѣйцевъ для переноски тяжестей черезъ крутыя и безплодныя горы, лежавшія на пути. Этихъ индѣйцевъ онъ отправилъ подъ начальствомъ своего сына, которому приказалъ, ни въ какомъ случаѣ, не оставлять Васко Нуньеса и не позволять никому изъ своихъ людей отлучаться отъ отряда безъ его согласія.

f) Обратный переходъ Васко Нуньеса черезъ горы къ Даріену.

Оставя за собою Южное море, испанцы начали съ трудомъ взбираться на крутыя горы, черезъ которыя пролегалъ путь въ Даріенъ.

Въ самомъ началѣ похода они подверглись неожиданнымъ мученіямъ жажды, нигдѣ не находя ни рѣки, ни фонтана, даже ни одной лужи, которыя всѣ высохли отъ жгучихъ лучей солнца. На каждомъ шагу они испытывали мученія Тантала, видя сухія и пыльныя русла горныхъ источниковъ, по которымъ вода струилась прежде въ такомъ обиліи. Наконецъ ихъ страданія до того увеличились, что они выбились изъ силъ и, въ совершенномъ изнеможеніи, бросались на землю, чувствуя, какъ будто душа вырывалась изъ тѣла. Индѣйцы ободряли ихъ и совѣтовали не останавливаться, говоря, что до воды не далеко; и дѣйствительно, вскорѣ они свернули въ сторону и привели ихъ въ одну узкую и глубокую долину, освѣженную свѣтлымъ источникомъ, вытекавшимъ изъ разсѣлины горы. Уто-

ливъ жажду и отдыхая въ этой маленькой долинѣ, испанцы стали распрашивать своихъ проводниковъ объ окрестныхъ мѣстахъ и узнали, что вся эта страна подвластна одному могущественному касику, по имени Понкра, знаменитому по своимъ богатствамъ. Васко Нуньесъ и прежде слышалъ объ этомъ горномъ Крезѣ, и такъ какъ его люди достаточно подкрѣпили свои силы, то онъ и повелъ ихъ къ его деревнѣ. При появленіи ихъ, касикъ, съ большею частью своихъ подданныхъ, убѣжалъ; но въ ихъ оставленныхъ жилищахъ испанцы нашли весьма удовлетворительный образчикъ его богатствъ,—золота, цѣною на три тысячи коронъ. Эта находка прельстила ихъ надеждою на большую добычу, и Васко Нуньесъ тотчасъ разослалъ индѣйцевъ отыскивать Понкра, котораго вскорѣ они нашли въ его убѣжищѣ, трепещущаго всѣмъ тѣломъ. Обѣщанія и угрозы заставили его выйти оттуда и явиться къ Васко Нуньесу съ тремя изъ знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ. Этотъ дикарь, говорятъ, былъ такой отвратительной наружности, такой уродъ, что на него страшно было смотрѣть. Сначала испанцы старались кроткими средствами вывѣдать у него, гдѣ онъ досталъ найденное въ деревнѣ золото, но касикъ отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ; что все золото, какое у него было, накоплено его предшественниками очень давно, и что самъ онъ, не имѣя никакой надобности въ этомъ металлѣ, никогда и не думалъ добывать его. Тогда испанцы прибѣгнули въ угрозамъ и даже, какъ говорятъ, употребили пытку, но не съ большимъ успѣхомъ. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, взбѣшенные его мнимымъ упрямствомъ, они слишкомъ легко повѣрили навѣтамъ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ касиковъ, которые обвинили Понкра въ разныхъ жестокостяхъ и порокахъ, представляя его, во всѣхъ отношеніяхъ, чудовищемъ.

Въ первомъ порывѣ негодованія они осудили несчастнаго касика, вмѣстѣ съ тремя сопровождавшими его индѣйцами, обвиненными въ тѣхъ же преступленіяхъ, на растерзаніе собаками, что и было исполнено. Это былъ жестокій, варварскій поступокъ со стороны испанцевъ, и если что можетъ уменьшить нѣсколько вопіющую его несправедливость, такъ это отвращеніе и ужасъ, внушенные имъ преступленіями, въ которыхъ обвиняли касика. Но при всемъ томъ, Васко Нуньесъ, основываясь на навѣтахъ заклятыхъ враговъ Понкра, слишкомъ поспѣшно рѣшилъ его участь, по слѣпому чувству личной ненависти, и тѣмъ оставилъ неизгладимое пятно на своей совѣсти.

Въ деревнѣ казненнаго касика испанцы отдыхали 30 дней. Впродолженіе этого времени къ нимъ присоединились оставленные въ деревнѣ Чеапе ихъ товарищи, въ сопровожденіи одного горнаго касика, который угощалъ ихъ, кормилъ и одарилъ

золотомъ, цѣною на двѣ тысячи коронъ. Этотъ гостепріимный дикарь подошелъ къ Васко Нуньесу съ радостнымъ лицемъ и, взявъ его за руку, сказалъ: «смотри, храбрый и могущественный вождь, я привелъ къ тебѣ твоихъ товарищей живыхъ и здоровыхъ, такими, какъ они вошли подъ мою кровлю. Да благословитъ тебя и твоихъ тотъ, кто сотворилъ громъ и молнію и даетъ намъ плоды земные». При этихъ словахъ онъ устремилъ взоръ на солнце, какъ-бы обращаясь къ своему божеству и источнику всѣхъ земныхъ благъ.

Когда всѣ собрались и отдохнули, испанцы выступили изъ этой деревни, въ сопровожденіи тѣхъ же индѣйцевъ, касика Теаогана и пошли вдоль береговъ рѣки Комагры, которая выходитъ изъ сѣверной части перешейка и протекаетъ черезъ владѣнія касика того же имени. Эта рѣка, въ теченіе вѣковъ, прорыла себѣ глубокое ложе въ горныхъ ущеліяхъ и оврагахъ, и берега ея усѣяны были пропастями и покрыты густыми лѣсами. Оттого вскорѣ они должны были уклониться въ сторону и слѣдовать за индѣйцами, которые повели ихъ черезъ крутыя горы, глубокія долины, омраченныя густыми лѣсами и наполненныя грязными болотами, въ которыхъ они утонули бы безъ помощи своихъ проводниковъ.

Въ этомъ походѣ они жестоко пострадали отъ своей жадности. При выступленіи изъ деревни, туземцы не разъ говорили имъ, что мѣста, чрезъ которыя имъ надлежало проходить, совершенно безплодны, и совѣтовали взять съ собою порядочный запасъ провіанта. Несмотря на то, при раздачѣ тяжестей индѣйцамъ, они заботились только о томъ, чтобы взять съ собою всѣ свои сокровища, и съ сожалѣніемъ замѣнили малое количество золота такимъ же количествомъ съѣстныхъ припасовъ. Но когда они истребили въ дорогѣ весь провіантъ,—въ чемъ имъ помогли и индѣйцы, которые, впрочемъ, несли очень легкія ноши, — то испытывали жестокія послѣдствія своего неблагоразумія. Мучимые голодомъ, они рѣдко находили что-нибудь для утоленія его, потому что на этой возвышенной части горъ деревень было очень мало, да и тѣ — весьма бѣдны и почти безъ всякихъ запасовъ. Между ними не было сообщеній, и жители каждой деревни довольствовались произведеніями своихъ полей и лѣсовъ, Нѣкоторыя были совсѣмъ пусты, въ другихъ жители прятались по лѣсамъ, и когда находили ихъ убѣжища, они просили прощенія, говоря, что имъ стало стыдно, что не имѣютъ чѣмъ угостить, достойнымъ образомъ, такихъ небесныхъ гостей, и приносили имъ золота вмѣсто пищи. Но на этотъ разъ испанцы нашли, что золото,—этотъ драгоцѣнный металлъ,—потеряло для нихъ свою утѣшительную силу; и, несмотря на новыя пріобрѣтенія, ихъ страданія усилились до того, что многіе индѣйцы,

въ совершенномъ изнеможеніи, падали на дорогѣ и умирали. Наконецъ они пришли въ одну деревню, гдѣ нашли всякихъ припасовъ вдоволь и, для возстановленія силъ своихъ, провели тамъ цѣлый мѣсяцъ.

g) Экспедиція противъ воинственнаго касика Туванамы. — Прибытіе въ Даріенъ.

Теперь имъ надобно было проходить черезъ владѣнія Туванамы, самаго могущественнаго и воинственнаго изъ всѣхъ горныхъ касиковъ, того самаго, котораго старшій сынъ Комагра описалъ Васко Нуньесу такимъ страшнымъ тираномъ. Но онъ ошибся, говоря, что владѣнія Туванамы лежатъ за горами, и, вѣроятно, повторяя слухи о несмѣтныхъ его сокровищахъ, неумышленно преувеличилъ и опасности, которыя ихъ окружаютъ. Однакожъ, отъ имени этого страшнаго касика трепетали всѣ окрестныя страны; и самъ Васко Нуньесъ, видя горсть своихъ блѣдныхъ и слабыхъ спутниковъ, началъ сомнѣваться въ успѣхѣ сраженія въ открытомъ полѣ съ арміею Туванамы, несмотря на превосходство испанскаго оружія и знанія военнаго дѣла. Поэтому, онъ предпочелъ достигнуть своей цѣли одною хитростью, весьма опасною въ случаѣ неудачи; и несмотря на то, когда онъ сообщилъ ее своимъ людямъ, всѣ они охотно вызвались участвовать въ ней. Выбравъ изъ нихъ 70 человѣкъ самыхъ сильныхъ, онъ приказалъ остальнымъ держаться въ деревнѣ до его возвращенія. Съ наступленіемъ ночи, онъ тайно отправился въ путь съ своимъ отборнымъ отрядомъ, и шелъ такими форсированными маршами, черезъ лабиринты лѣсовъ и горныя дефилеи, что, на другой день ввечеру, прибылъ къ резиденціи Туванамы, хотя до нея было не менѣе двухъ сутокъ обыкновеннаго пути.

Выждавъ въ окрестностяхъ до полуночи, онъ напалъ на деревню въ-расплохъ, и такъ удачно, что захватилъ самого касика со всѣмъ его семействомъ и 80-ю женами. Туванама, попавшись въ плѣнъ, потерялъ все свое присутствіе духа и началъ горько плакать. Индѣйцы, сопровождавшіе испанцевъ, видя опаснѣйшаго врага своего побѣжденнымъ и въ плѣну, приступили къ Васко Нуньесу съ просьбою, чтобъ онъ приказалъ казнить Туванаму, обвиняя его въ разныхъ преступленіяхъ и жестокостяхъ.—Васко Нуньесъ показалъ видъ, будто соглашается на ихъ желаніе и приказалъ связать своему плѣннику руки и ноги и отдать его на растерзаніе собакамъ. Касикъ подошелъ къ нему, трепеща и, положивъ руку на ефесъ его сабли, ска-

залъ: «Кто можетъ надѣяться побѣдить человѣка, который этимъ оружіемъ, однимъ ударомъ, разсѣкаетъ пополамъ своего противника? Съ той поры, какъ твоя слава проникла въ эти горы, я всегда уважалъ твою храбрость. Даруй же мнѣ жизнь, а я отдамъ тебѣ все золото, какое имѣю».

Гнѣвъ Васко Нуньеса былъ притворный, а потому онъ легко смягчился. Съ разсвѣтомъ, касикъ далъ ему золотыхъ браслетъ, цѣною на три тысячи коронъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разослалъ гонцевъ во всѣ концы своихъ владѣній съ приказаніемъ всѣмъ подданнымъ своимъ пособить ему выкупиться. Бѣдные индѣйцы, съ свойственнымъ имъ добродушіемъ, сбѣгались толпами въ его резиденцію, принося съ собою золотыя украшенія, которыхъ, въ теченіе трехъ дней, набралось, такимъ образомъ, цѣною на шесть тысячъ коронъ. Тогда Васко Нуньесъ освободилъ касика и подарилъ ему нѣсколько европейскихъ бездѣлокъ, которыя показались ему драгоцѣннѣе всякаго золота. Однакожъ, ничѣмъ нельзя было его заставить признаться, откуда онъ добывалъ этотъ металлъ, и на всѣ разспросы испанцы получили одинъ отвѣтъ, что все подаренное имъ золото добыто изъ богатыхъ рудниковъ сосѣднихъ странъ, изобилующихъ также жемчугомъ, но что въ его владѣніяхъ нѣтъ ни того, ни другаго. Васко Нуньесъ, сомнѣваясь въ искренности Туванамы, приказалъ осмотрѣть рѣки и источники, протекающіе черезъ его владѣнія и въ нихъ нашли такъ много золота, что онъ вознамѣрился основать здѣсь впослѣдствіи двѣ колоніи.

Кончивъ такъ удачно эту экспедицію, испанцы выступили изъ деревни, и касикъ отправилъ съ ними своего сына, для того чтобы онъ научился ихъ языку и догматамъ ихъ религіи. Говорятъ, что они увели съ собою и 80 женъ Туванамы; но Овіедо, который составлялъ исторію Васко Нуньеса, по его оригинальнымъ бумагамъ, ничего не упоминаетъ объ этомъ. Онъ говоритъ только, въ общихъ выраженіяхъ, что въ этой экспедиціи испанцы не были застѣнчивы въ обращеніи съ женами и дочерьми индѣйцевъ и что въ этомъ ихъ начальникъ подавалъ примѣръ собою.

Возвратясь въ ту деревню, гдѣ осталась большая часть отряда, Васко Нуньесъ взялъ ихъ съ собою и продолжалъ путь къ Даріену. Но его солдаты такъ были слабы и изнурены, а нѣкоторые такъ больны, что иныхъ надобно было нести, а другихъ вести подъ руки; и онъ самъ нѣсколько времени страдалъ лихорадкою, почему и долженъ былъ приказать индѣйцамъ нести себя на плечахъ въ гамакѣ.

Небольшими, но весьма трудными переходами, они достигли наконецъ береговъ сѣвернаго моря и вступили во владѣнія союзника своего Комагра. Старый касикъ уже умеръ и ему наслѣ-

довалъ сынъ его, тотъ самый умный молодой дикарь, который первый сообщилъ испанцамъ извѣстіе о существованіи Южнаго моря и о Перуанской имперіи. Этотъ юный владѣтель, который уже обратился въ христіанскую религію, принялъ ихъ какъ нельзя лучше и снова одарилъ золотыми украшеніями, за которыя Васко Нуньесъ отблагодарилъ его разными бездѣлками, одною рубашкою и солдатскою шинелью. «Юный касикъ,—говоритъ Петръ Мартиръ, — такъ былъ восхищенъ этими подарками, что почелъ себя полубогомъ среди голыхъ своихъ соотечественниковъ». Отдохнувши у него нѣсколько дней, Васко Нуньесъ отправился далѣе и вскорѣ прибылъ въ деревню Понка, гдѣ узналъ, что въ Даріенъ пришли изъ Испаніолы корабли и корабелла съ людьми и съѣстными припасами. По этому извѣстію онъ поспѣшилъ въ Койву, во владѣнія союзника своего Карсты: 20-го января 1514 года сѣлъ на бригантинъ, который, отправляясь въ этотъ походъ, оставилъ тамъ съ двадцатью человѣками и, на другой день, прибылъ въ Санта-Марія де-ла-Антигоа, на рѣкѣ Даріенѣ. Жители вышли къ нему на-встрѣчу и когда узнали, что онъ открылъ великое Южное море и возвращается оттуда, обремененный золотомъ и жемчугомъ, всѣ пришли въ неописанный восторгъ. Высадившись на берегъ, онъ тотчасъ послалъ одно судно и бригантинъ обратно въ Койву за оставшимися тамъ испанцами и за добычею, состоявшею изъ золота, жемчуга, плащей, гамаковъ, бумажныхъ тканей и большаго числа плѣнныхъ обоего пола. Пятую часть отъ всего онъ отложилъ для казны, а остальное раздѣлилъ между участвовавшими въ экспедиціи и остававшимися въ колоніи, соразмѣрно съ заслугами и правами каждаго. Всѣ остались довольны и предались надеждѣ получить еще большую прибыль въ будущихъ предпріятіяхъ.

Такимъ образомъ кончилась одна изъ замѣчательнѣйшихъ экспедицій первыхъ авантюристовъ въ Новомъ свѣтѣ. Неустрашимость, съ какою Васко Нуньесъ пустился съ горстью людей въ дикія, гористыя страны, населенныя воинственными племенами туземцевъ, его способность управлять этою толпою грубыхъ авантюристовъ, воспламенять въ нихъ могущество, внушать имъ повиновеніе и привязанность къ себѣ,—доказываютъ, что онъ обладалъ великими качествами полководца. Говорятъ, что онъ всегда первый бросался въ опасности и послѣ всѣхъ оставлялъ поле сраженія. Можно упрекнуть его въ нѣсколькихъ жестокихъ и несправедливыхъ поступкахъ, но, вѣроятно, они часто бывали вынуждены необходимостію, какъ мѣры предупредительныя, или относящіяся къ личной безопасности своихъ людей.

При всемъ томъ, онъ былъ человѣколюбивѣе большей части современныхъ ему авантюристовъ; а дружба и безпредѣльная

довѣренность къ нему туземцевъ, извѣдавшихъ на опытѣ его характеръ, служатъ лучшимъ доказательствомъ его кротости въ обращеніи съ ними.

Характеръ Васко Нуньеса дѣйствительно возвысился въ уровень съ положеніемъ, которое онъ занялъ въ свѣтѣ: его великое открытіе и важныя обязанности, которыя оно налагало на него, облагородили и возвеличили его духъ. Онъ чувствовалъ тогда, что изъ простаго солдата, начальника шайки авантюристовъ, сдѣлался великимъ предводителемъ и главою безсмертнаго предпріятія. «Посмотрите — говоритъ Петръ Мартиръ — какъ Васко Нуньесъ, прежде безвѣстный интриганъ, вдругъ превратился въ мудраго полководца». Такъ, часто бываетъ, что стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ творитъ славныхъ людей, обнаруживая дотолѣ сокрытыя ихъ качества, которыя становятся тогда могущественными отъ напряженныхъ усилій человѣка подняться на высоту окружающихъ его событій.

(В. Ирвингъ. Часть I. Гл. XI, XII, XIII, XIV), (стр. 49—68).

3. ЗАВОЕВАНІЕ МЕХИКИ (1518 г.).

а) Фернандо Кортесъ. — Его молодость. — Онъ отправляется въ Новый свѣтъ. — Жизнь его на остр. Кубѣ. — Неудовольствія съ Веласкесомъ. — Экспедиція довѣряется Кортесу.

Фернандо Кортесъ родился въ Медеддинѣ, городѣ, находящемся на юго-восточномъ углу Эстремадуры, въ 1485 году. Онъ происходилъ отъ старинной и почтенной фамиліи, которую историки, изъ угожденія къ національному тщеславію, возводятъ до ломбардскихъ королей: по словамъ ихъ, потомки этихъ государей перешли чрезъ Пиренеи и поселились въ Аррагоніи во времена готской монархіи. Эту царственную генеалогію отыскали, однако, не прежде, какъ когда Кортесъ уже пріобрѣлъ себѣ имя, которое могло покрыть блескомъ самое аристократическое происхожденіе. Отецъ его, Мартинъ Кортесъ де-Монрой, былъ капитанъ пѣхоты, человѣкъ небогатый, но съ незапятнанною честью; онъ и жена его, донья Каталина Пизарро Альтамирано, пользовались, повидимому, общимъ уваженіемъ за свои превосходныя качества.

Въ дѣтствѣ, Кортесъ былъ, какъ говорятъ, слабаго сложенія; но по мѣрѣ того, какъ выросталъ, онъ дѣлался крѣпче и крѣпче. Четырнадцати лѣтъ его послали въ Саламанку, потому что отецъ его, основывавшій большія надежды на быстрыхъ способностяхъ

мальчика, предполагалъ воспитать его для законовѣдѣнія и разсчитывалъ, что онъ на этомъ поприщѣ выиграетъ больше, чѣмъ на какомъ-нибудь другомъ. Сынъ, однако, не оправдывалъ такихъ ожиданій: онъ обнаруживалъ мало пристрастія къ книгамъ и, прогулявъ два года въ училищѣ, возвратился домой, къ большому огорченію родителей. Время, впрочемъ, пропало не совершенно попусту: онъ набрался кое-какой латыни, научился хорошо писать прозою и даже стихами «нѣкотораго достоинства», какъ замѣчаетъ одинъ старинный лѣтописецъ, «принимая въ расчетъ, что ихъ сочинялъ Кортесъ». Дома онъ жилъ въ бездѣйствіи, какъ малый слишкомъ своевольный, а между тѣмъ еще не избравшій себѣ цѣли въ жизни. Неугомонный характеръ его обнаруживался въ безпрестанныхъ шалостяхъ и своенравныхъ выходкахъ, вовсе несообразныхъ съ степеннымъ образомъ жизни его родителей. Онъ показывалъ особенную склонность къ военному ремеслу, или скорѣе—къ приключеніямъ, которыми въ тѣ времена военная жизнь была преисполнена. Когда ему минуло 17 лѣтъ, онъ объявилъ родителямъ, что желаетъ опредѣлиться подъ знамена «великаго полководца», Гонзальва Кордуанскаго, а они, разсчитывая, вѣроятно, что жизнь, исполненная трудовъ и лишеній заграницею, будетъ для него полезнѣе праздности дома, изъявили свое согласіе.

Юный гидальго, однако, все еще колебался, идти ли ему искать счастія подъ начальствомъ этого побѣдоноснаго вождя, или отправиться въ Новый свѣтъ, гдѣ предстояла возможность пріобрѣсти столько же золота, сколько славы, и гдѣ самыя опасности имѣли романическую таинственность, невыразимо плѣнительную для молодаго воображенія. Вообще, пылкіе умы того времени, въ-особенности въ той части Испаніи, гдѣ жилъ Кортесъ, по сосѣдству Кадикса и Севиллы, центровъ мореходной предпріимчивости, увлекались больше къ невѣдомымъ краямъ за океаномъ. Онъ рѣшился на послѣднее, къ чему вскорѣ представился удобный случай, такъ какъ снаряжалась блестящая экспедиція подъ начальствомъ дона Николаса де-Овандо, преемника Коломба. Неудача разрушила, однако, замыслы Кортеса.

Въ одну ночь, когда онъ взбирался на высокую старую стѣну, долженствовавшую привести его въ спальню дамы, съ которою онъ имѣлъ интригу, камни не удержались, обрушились, и онъ упалъ на землю и былъ осыпанъ обломками, нанесшими ему довольно важные ушибы. Обстоятельство это продержало его въ постели довольно значительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго флотъ Ованды ушелъ въ море.

Фернандо Кортесъ прожилъ дома еще два года, воспользовавшись, повидимому, очень мало полученнымъ имъ урокомъ. Наконецъ, ему представился случай отправиться на небольшой

эскадрѣ, готовившейся идти къ вестъиндскимъ островамъ. Ему было 19 лѣтъ, когда онъ простился съ родными берегами въ 1504 году,—въ томъ самомъ году, когда Испанія лишилась мудрой королевы Изабеллы.

Судномъ, на которомъ шелъ Кортесъ, командовалъ нѣкто Алонзо Кинтеро. Эскадра зашла, по обыкновенію всѣхъ тогдашнихъ экспедицій, на Канарскіе острова, и пока другія суда нагружали провизію и запасались всѣмъ нужнымъ, Кинтеро снялся съ рейда ночью, украдкою, желая достигнуть Испаньолы прежде товарищей и тамъ выгоднѣе продать свои товары. Онъ встрѣтилъ, однако, сильную бурю, которая лишила его мачтъ, причинила большія поврежденія и принудила возвратиться для починки въ портъ. Спутники его согласились подождать недостойнаго товарища и, чрезъ нѣсколько времени, всѣ вмѣстѣ опять вступили подъ паруса. Но неисправимый Кинтеро, когда они были уже по-близости отъ желанныхъ островов, воспользовался опять темнотою ночи и отдѣлился отъ эскадры съ тѣмъ же намѣреніемъ, что и прежде. Къ несчастію его, онъ былъ встрѣченъ жестокими бурями и противными вѣтрами, которые сбили его съ пути и онъ совершенно потерялъ свое счисленіе. Много дней сряду его судно бросало какъ щепку, и всѣ бывшіе на немъ ожидали гибели, негодуя на причину ихъ бѣдствія. Наконецъ, въ одно утро, они были обрадованы видомъ бѣлаго голубя, который сѣлъ отдохнуть на вершинѣ мачты. Біографы Кортеса говорятъ объ этомъ, какъ о чудѣ; но, къ счастію, это было не чудо, а весьма естественное явленіе, доказывавшее неоспоримую близость берега. Когда голубь поднялся снова, Кинтеро направилъ путь въ сторону его полета и вскорѣ достигъ острова Испаньолы, гдѣ нашелъ товарищей, прибывшихъ прежде его и успѣвшихъ продать свои грузы.

Выйдя на берегъ, Кортесъ немедленно пошелъ въ домъ губернатора, съ которымъ былъ лично знакомъ въ Испаніи. Овандо не было дома: онъ находился въ экспедиціи внутрь острова; но молодаго человѣка принялъ очень ласково секретарь, увѣрявшій, что ему непремѣнно дадутъ выгодный участокъ земли, на которомъ онъ можетъ поселиться и зажить бариномъ. «Но я пришелъ добыть золота», отвѣчалъ Кортесъ, «а не рыться въ землѣ, какъ мужикъ!»

Когда губернаторъ воротился, Кортесъ согласился отказаться отъ своихъ великолѣпныхъ замысловъ, по крайней мѣрѣ, на время, такъ какъ Овандо доказалъ ему, что скорѣе можно осуществить свои мечты медленными, но вѣрными выгодами земледѣлія, имѣя даромъ землю и работниковъ, чѣмъ пустившись искать приключеній, которыхъ результаты такъ сомнительны. Вслѣдствіе этого, Кортесу была отведена земля съ repartimiento индѣйцевъ,

и его назначили нотаріусомъ города или селенія Асуа. Серьезныя занятія не мѣшали ему, однако, предаваться увлеченіямъ своей влюбчивой натуры, — принадлежности климата его отечества,—и это было причиною частыхъ дуэлей, изъ которыхъ, не смотря на свое искусство владѣть мечемъ, онъ вынесъ много рубцевъ, оставшихся на его тѣлѣ до могилы. По-временамъ, ему удавалось вырываться изъ однообразной колеи своей колонистской жизни и участвовать въ военныхъ экспедиціяхъ, которыя посылались подъ начальствомъ Діэго Веласкеса, помощника Овандо, для усмиренія бунтовавшихъ туземцевъ. Въ этой школѣ молодой авантюристъ получилъ первые уроки дикой тактики индѣйской войны, свыкся съ трудами и опасностями, а также со сценами жестокаго безчеловѣчія, которыя, увы! слишкомъ часто пятнали невинною кровью блестящіе гербы кастильскаго рыцарства въ Новомъ свѣтѣ. Болѣзнь, случившаяся теперь весьма кстати, не допустила его отправиться въ злополучную экспедицію Никуэсы, которая оставила послѣ себя преданіе о бѣдствіяхъ, рѣдко встрѣчавшихся даже въ лѣтописяхъ испанскихъ открытій. Провидѣніе хранило Кортеса для другой цѣли.

Въ 1511 году, когда Веласкесъ предпринялъ завоеваніе Кубы, Кортесъ охотно оставилъ мирную жизнь плантатора для тревогъ и опасностей новаго поприща и принялъ участіе въ экспедиціи. Во все продолженіе военныхъ дѣйствій, онъ обнаруживалъ храбрость и неутомимую дѣятельность, которыя пріобрѣли ему одобреніе начальника, а веселый нравъ, открытое обращеніе и живое остроуміе сдѣлали его любимцемъ солдатъ. «У него не видно было великихъ качествъ, которыя оказались впослѣдствіи», говоритъ одинъ современникъ. Очень вѣроятно, что качества эти не были извѣстны даже ему самому, а для постороннихъ людей его безпечность и шутливыя возраженія должны были казаться несовмѣстными съ чѣмъ-нибудь серьезнымъ или глубокимъ:—такъ настоящую глубину моря нельзя узнать, когда солнечные лучи играютъ на его поверхности.

Послѣ покоренія Кубы, Кортесъ былъ, повидимому, въ большой милости у Веласкеса, назначеннаго губернаторомъ острова. По словамъ Ласъ-Казаса, онъ попалъ въ число секретарей своего бывшаго начальника. Прежняя страсть къ волокитству, которому много способствовала пріятная наружность, надѣлала ему еще въ молодости много хлопотъ. Въ числѣ поселившихся на Кубѣ было одно семейство, Хуареса изъ Гренады, въ старой Испаніи. Оно состояло изъ брата и четырехъ сестеръ, замѣчательныхъ по своей красотѣ. Влюбчивое сердце молодаго воина не устояло противъ прелестей одной изъ нихъ, Каталины. Неизвѣстно, какъ далеко заходила дружба между ними, но, повидимому, онъ далъ обѣщаніе жениться на своей возлюбленной,—обѣщаніе, котораго

не спѣшилъ исполнить, когда настало къ тому время, можетъ быть, и потому что тогда разсудокъ взялъ уже верхъ надъ опрометчивымъ увлеченіемъ сердца. Онъ не сдавался на всѣ убѣжденія семейства красавицы, подкрѣпляемыя губернаторомъ, который, съ своей стороны, особенно интересовался другою изъ сестеръ красавицъ и, какъ говорятъ, не могъ жаловаться на ея невнимательность.

Оскорбленіе ли отъ Веласкеса, или какая-нибудь другая причина раздора затлѣлась въ груди Кортеса, только онъ вдругъ охладѣлъ къ своему покровителю и присталъ къ партіи недовольныхъ, достаточно многочисленной на островѣ. Они имѣли обыкновеніе собираться въ его домѣ и толковать о причинахъ своего неудовольствія, которыя основывались преимущественно на томъ, будто бы заслуги ихъ вознаграждаются худо несправедливымъ раздѣленіемъ земель и должностей. Можно вообразить, легко ли было правителю этихъ колоній, какъ бы уменъ и разсудителенъ онъ ни былъ, угодить всѣмъ безконечнымъ требованіямъ неугомонныхъ спекуляторовъ и авантюристовъ, которые налетали, какъ голодная саранча, на новооткрытыя страны!

Недовольные рѣшились принести свои жалобы высшимъ властямъ Испаньолы, отъ которыхъ Веласкесъ зависѣлъ. Путешествіе было сопряжено съ опасностью, такъ какъ приходилось переѣхать на открытой лодкѣ черезъ рукавъ моря, шириною въ 18 лигъ; выборъ ихъ палъ на Кортеса, котораго безстрашіе было извѣстно всѣмъ и который казался способнѣйшимъ изъ всѣхъ для такого предпріятія. Заговоръ этотъ сдѣлался, однако, гласнымъ, и губернаторъ узналъ о немъ прежде отплытія посла, котораго немедленно велѣлъ схватить, заковать въ желѣза и держать въ заточеніи подъ строгимъ надзоромъ. Говорятъ даже, что онъ просто хотѣлъ повѣсить его, но былъ остановленъ просьбами друзей Кортеса. Фактъ этотъ не подлежитъ большому сомнѣнію, ибо губернаторы отдаленныхъ колоній, имѣя въ своихъ рукахъ все состояніе подчиненныхъ, управляли у себя болѣе деспотически, чѣмъ самые государи въ метрополіи. Они были большею частью изъ знатныхъ фамилій и пользовались личною довѣренностью; разстояніе отъ отечества избавляло ихъ поведеніе отъ пытливаго надзора, и если злоупотребленія и открывались, у нихъ всегда были протекція или способы задарить кого нужно, чтобы избавить себя отъ наказанія. Испанская колоніальная исторія первыхъ временъ послѣ открытія Новаго свѣта сохранила множество разительныхъ образцевъ необычайнаго злоупотребленія власти со стороны этихъ миніатюрныхъ государей; горестная участь Васкеса Нуньеса де-Бальбоа, знаменитаго открывателя Тихаго океана, хотя и замѣтнѣйшій изъ подобныхъ примѣровъ, но никакъ не единственный; онъ доказываетъ, что

самыя блестящія заслуги вознаграждались тамъ нерѣдко преслѣдованіями и позорною смертью.

Губернаторъ Кубы, однако, хотя и былъ человѣкъ своенравный и мнительный, не отличался, повидимому, особенною злопамятностью или жестокостью. Въ теперешнемъ случаѣ, скорѣе можно обвинить неосновательныя притязанія его подчиненныхъ, нежели его собственное поведеніе.

Кортесъ оставался недолго въ темницѣ. Ему удалось отогнуть одинъ болтъ своихъ оковъ и потомъ, высвободивъ члены, открыть кандалами окно настолько, что можно было черезъ него вылѣзть. Тюрьма его была во второмъ этажѣ; однако, онъ спустился на мостовую благополучно и, незамѣченный никѣмъ, направился со всевозможною поспѣшностью въ ближайшую церковь, гдѣ требовалъ привилегіи священнаго убѣжища.

Веласкесъ, хотя и былъ взбѣшенъ его побѣгомъ, не смѣлъ, однако, схватить своего плѣнника силою; онъ разставилъ только вокругъ церкви часовыхъ, съ повелѣніемъ овладѣть бѣглецомъ, если онъ забудется и выйдетъ изъ предѣловъ святилища. Это случилось дѣйствительно черезъ нѣсколько дней: когда Кортесъ стоялъ безпечно за стѣнами зданія, на него бросился сзади альгвазилъ и скрутилъ ему руки, а подоспѣвшіе на площадь товарищи связали его окончательно. Человѣкъ этотъ, котораго звали Хуаномъ Эскудеро, былъ впослѣдствіи повѣшенъ Кортесомъ въ Новой Испаніи за какое-то преступленіе.

Несчастнаго плѣнника заковали снова въ желѣза и перевезли на карабеллу, которая должна была отплыть на другой день въ Испаньолу, гдѣ его предполагалось судить. Но счастіе помогло ему еще разъ: съ большимъ трудомъ и значительною болью успѣлъ онъ вытащить ноги свои изъ колецъ, въ которыя онѣ были заклепаны, вылѣзъ осторожно на палубу и, скрытый темнотою ночи, спустился потихоньку въ привязанную къ судну шлюпку, на которой отвалилъ отъ борта безъ малѣйшаго шума и началъ грести къ берегу. Тутъ его встрѣтило сильное теченіе и опасный бурунъ. Онъ не рѣшился пуститься въ него съ лодкою, но, будучи отличнымъ пловцомъ, смѣло бросился въ воду. Теченіе было сильное, но рука человѣка, боровшагося со смертію, была еще сильнѣе; пробившись съ волнами до изнеможенія, онъ добрался до берега и опять укрылся въ томъ самомъ святилищѣ, которое спасло его въ первый разъ. Легкость, съ которою Кортесъ успѣлъ убѣжать во второй разъ, можетъ заставить усомниться въ вѣрности его стражей: очень вѣроятно, что они смотрѣли на него какъ на жертву угнетенія и были подъ вліяніемъ тѣхъ обворожительныхъ пріемовъ, которые пріобрѣтали ему друзей во всякомъ обществѣ, куда бы его судьба ни забросила.

По нѣкоторымъ, необъясненнымъ современниками, причинамъ— можетъ быть, изъ политики—Кортесъ пересталъ теперь отказываться отъ женитьбы на Каталинѣ Хуаресъ и пріобрѣлъ этимъ себѣ доброе расположеніе ея семейства. Вскорѣ потомъ и губернаторъ смягчился и согласился примириться со своимъ несчастнымъ врагомъ. Разсказываютъ странныя вещи касательно этого происшествія: говорятъ, будто бы гордый Кортесъ отказывался принять предложенный Веласкесомъ миръ и что онъ, въ одинъ вечеръ выйдя изъ святилища, предсталъ предъ губернаторомъ внезапно въ походной палаткѣ, когда тотъ былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы, въ военной экспедиціи. Губернаторъ, испуганный неожиданнымъ ночнымъ появленіемъ своего врага, вооруженнаго съ головы до ногъ, растерялся и спросилъ со страхомъ, что это значитъ. Кортесъ требовалъ полнаго объясненія прежнихъ поступковъ. Послѣ краткаго, но жаркаго спора, свиданіе кончилось дружественно, враги обнялись, и когда явился гонецъ съ извѣстіемъ о побѣгѣ Кортеса, онъ нашелъ уже его въ ставкѣ губернатора, спящимъ на одной кровати съ нимъ! Анекдотъ этотъ повторяютъ съ увѣренностію многіе біографы Кортеса. Трудно, однако, повѣрить, чтобъ человѣкъ надменный и раздражительный, каковъ Веласкесъ, снизошелъ до необыкновенной короткости съ подчиненнымъ, неизмѣримо низшимъ его по положенію въ колоніи и, въ добавокъ, еще недавно бывшимъ съ нимъ въ смертельной враждѣ; съ другой стороны, врядъ-ли бы и самъ Кортесъ рискнулъ такъ безразсудно и пошелъ въ логовище льва, которому стоило только поднять палецъ, чтобъ отправить его на висѣлицу, не опасаясь для себя никакихъ послѣдствій, все-равно, какъ будто дѣло шло не больше, какъ о казни индѣйскаго невольника.

Но какимъ бы путемъ Кортесъ ни дошелъ до примиренія съ губернаторомъ, оно было несомнѣнно. Кортесъ, хотя и не возведенный снова въ званіе секретаря, получилъ щедрое repartimiento индѣйцевъ и обширный участокъ земли по сосѣдству Санъ-Яго, въ которомъ вскорѣ былъ сдѣланъ алькальдомъ. Онъ сталъ жить почти исключительно въ своемъ имѣніи, посвятивъ себя земледѣлію съ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде. На плантаціи своей онъ развелъ разные роды скота, изъ которыхъ многіе введены имъ на Кубу; онъ разработывалъ также доставшіеся на его долю рудники, которые, какъ я уже замѣтилъ выше, были здѣсь прибыльнѣе, чѣмъ на Испаньолѣ. Словомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ трудолюбивой жизни, Кортесъ имѣлъ уже около двухъ или трехъ тысячъ castellanos, что тогда было важною суммой для человѣка въ его положеніи. «Богъ, который одинъ знаетъ, сколько жизней индѣйцевъ стоило это богатство», восклицаетъ Ласъ-Казасъ «приметъ это въ разсчетъ!» Жизнь Кор-

теса протекала спокойно среди этихъ мирныхъ занятій и въ обществѣ прекрасной жены, которая, не смотря на незначительность своего происхожденія, была, повидимому, нѣжною и вѣрною супругою. Въ то время, онъ часто говаривалъ, какъ замѣчаетъ добрый епископъ Ласъ Казасъ, «что живетъ съ нею такъ счастливо, какъ будто-бы она была дочерью герцогини». Судьба доставила ему впослѣдствіи возможность возвысить ее и окружить такимъ блескомъ, къ какому она никогда не считала себя предназначенною.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Альварадо возвратился съ извѣстіями объ открытіяхъ Грихальвы и о великолѣпныхъ барышахъ торга съ жителями. Новости эти мгновенно разнеслись по всему острову: всѣ видѣли въ нихъ предвѣстіе гораздо сильнѣйшихъ результатовъ, до которыхъ никогда не доходили въ колоніяхъ. Губернаторъ, какъ уже было упомянуто, рѣшился слѣдовать по стезѣ этихъ открытій съ болѣе значительно силою и сталъ искать около себя человѣка, съ которымъ бы можно было раздѣлить расходы снаряженія и который былъ бы въ состояніи начальствовать экспедиціей.

Многіе гидальго предлагали себя губернатору, но онъ, или находя ихъ недостаточно способными, или думая, что они въ состояніи зазнаться передъ нимъ послѣ, отказывалъ имъ одному за другимъ. Въ Санъ-Яго было два человѣка, къ которымъ онъ имѣлъ большую довѣренность: Амадоръ де-Лоресъ, cantador, или королевскій казначей, и собственный секретарь губернатора, Андресъ де-Дуэро. Кортесъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ ними обоими и воспользовался ею, чтобъ они отрекомендовали губернатору его, какъ самаго лучшаго предводителя экспедиціи. Говорятъ даже, будто-бы онъ подкрѣпилъ свои доводы обѣщаніемъ щедрой доли изъ будущихъ барышей. Какъ-бы то ни было, оба они настаивали у губернатора за Кортеса со всѣмъ краснорѣчіемъ, къ какому только были способны: они доказывали, что самъ губернаторъ видѣлъ на дѣлѣ храбрость и способности предлагаемаго ими кандидата; что Кортесъ пріобрѣлъ состояніе, которое дозволитъ ему содѣйствовать существенно при снаряженіи экспедиціи; что общее расположеніе къ нему жителей острова привлечетъ множество охотниковъ подъ его знамена; наконецъ, что всѣ предшедшія неудовольствія давно уже забыты, а довѣренность, которою губернаторъ почтитъ его теперь, упрочитъ вѣрность и благодарность Кортеса. Веласкесъ послушался доводовъ своихъ совѣтниковъ, послалъ за Кортесомъ и объявилъ ему намѣреніе свое сдѣлать его капитанъ-генераломъ армады.

Теперь Кортесъ достигъ цѣли своихъ желаній—цѣли, къ которой душа его стремилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ ступилъ на землю Новаго свѣта. Онъ больше не будетъ осужденъ на жизнь

кропотливаго труженика, который бьется въ потѣ лица для жалкихъ денегъ; онъ не будетъ запертъ въ тѣсныхъ предѣлахъ ничтожнаго острова: ему предстоитъ новое и широкое поприще независимаго дѣйствія; взорамъ его открывается перспектива безграничная, которая удовлетворитъ не только самымъ алчнымъ порывамъ корысти, но гораздо болѣе возвышеннымъ и безпокойнымъ влеченіямъ его предпріимчиваго ума и человѣколюбивой души. Онъ вполнѣ постигалъ всю важность новыхъ открытій и видѣлъ въ нихъ несомнѣнный признакъ существованія большаго государства на отдаленномъ западѣ,—государства, о которомъ отъ времени до времени доходили на островъ смутные и неясные намеки и о которомъ говорили съ достовѣрностью всѣ, кому только удавалось достигать материка. То была та самая страна, о которой разсказывали «великому адмиралу», когда онъ былъ въ Гондурасскомъ заливѣ въ 1502 г., и до которой онъ бы дошелъ, если бъ направился къ сѣверу, а не къ югу, для отысканія воображаемаго пролива. По собственному горькому выраженію Коломба, «онъ только отперъ ворота, чтобъ въ нихъ могли входить другіе». Настало, наконецъ, время, войти въ эти ворота, и молодой искатель приключеній, волшебному копью котораго суждено было разрушить чары, скрывавшія такъ долго эти таинственные края, былъ готовъ на отважное предпріятіе.

Съ этого часа, все существо Кортеса перемѣнилось. Мысли его, покинувъ пустые проблески веселости, сосредоточились вполнѣ на великомъ предметѣ, которому онъ себя посвятилъ. Упругость духа его обнаруживалась въ поощреніи и ободреніи товарищей въ многотрудныхъ обязанностяхъ, и онъ возвысился до восторженнаго энтузіазма, къ которому никто даже изъ очень короткихъ знакомыхъ не считалъ его никогда способнымъ. Онъ немедленно употребилъ всѣ свои деньги на снаряженіе экспедиціи; заложилъ все свое имущество и, кромѣ того, занялъ денегъ у нѣкоторыхъ жившихъ на островѣ богатыхъ купцовъ, которые согласились ссудить его, взявъ обязательство въ уплатѣ долга и надѣясь быть вознагражденными съ избыткомъ успѣхомъ экспедиціи; когда истощился его собственный кредитъ, онъ пустилъ въ дѣло кредитъ своихъ друзей.

Добытые такимъ образомъ капиталы онъ употребилъ на покупку судовъ, провизіи, военныхъ припасовъ, на снаряженіе сподвижниковъ, которые были не въ состояніи приготовиться къ походу собственными средствами; кромѣ того, онъ привлекалъ подъ свои знамена щедрыми обѣщаніями богатой доли изъ предстоящей добычи.

Все закипѣло и засуетилось въ маленькомъ городкѣ Сан-Яго. Одни хлопотали около судовъ, исправляли ихъ и готовили къ походу; другіе занимались заготовкою морскихъ припасовъ; третьи

превращали въ деньги свои плантаціи—всякій старался такъ или иначе содѣйствовать успѣху предпріятія. Шесть судовъ, изъ нихъ нѣкоторыя большаго размѣра, были уже добыты; триста охотниковъ записались у Кортеса въ теченіе нѣсколькихъ дней, горя жаждою попытать счастія подъ знаменами отважнаго и любимаго вождя.

Не совершенно извѣстно, много ли самъ губернаторъ содѣйствовалъ издержкамъ снаряженія. Если вѣрить друзьямъ Кортеса, почти вся тяжесть ихъ лежала на немъ одномъ, и даже губернаторъ продавалъ ему многіе изъ своихъ собственныхъ припасовъ съ непомѣрными барышами. Повидимому, однако, невѣроятно, чтобы Веласкесъ, имѣя въ распоряженіи столько средствъ, свалилъ всѣ расходы на своего подчиненнаго; съ другой стороны невѣроятно, чтобъ Кортесъ былъ въ состояніи взять на себя всѣ издержки, превышавшія, говорятъ, 20,000 золотыхъ червонцевъ. Нельзя, однако, отвергнуть и того, что человѣкъ честолюбивый, какъ Кортесъ, которому предстояла вся слава предпріятія, не могъ заботиться о деньгахъ столько, сколько его начальникъ, который, оставаясь въ бездѣйствіи дома и не имѣя въ виду лавровъ, долженъ былъ, естественнымъ образомъ, считать единственнымъ своимъ вознагражденіемъ денежныя выгоды. Вопросъ этотъ произвелъ нѣсколько лѣтъ спустя ожесточенный процессъ между обѣими сторонами, но мы не станемъ утомлять имъ читателя.

Должно отдать справедливость Веласкесу въ томъ, что инструкціи, данныя имъ Кортесу, какъ вести экспедицію, не могутъ быть обвинены въ мелочномъ и корыстолюбивомъ духѣ. Первымъ предметомъ путешествія было отъисканіе Грихальвы, послѣ этого оба начальника должны были продолжать экспедицію вмѣстѣ. Кордова, возвратясь изъ перваго посѣщенія Юкатана, привезъ извѣстіе, что, по слухамъ, шестеро, христіанъ томятся въ плѣну во внутренности страны: ихъ предполагали принадлежавшими къ несчастной экспедиціи Никуэсы, и Веласкесъ приказалъ отыскать и освободить ихъ непремѣнно, если будетъ возможно. Но главнымъ предметомъ экспедиціи была мѣновая торговля съ туземцами, причемъ особенно предписывалось не дѣлать имъ зла, не обижать ихъ, но обращаться съ ними со всевозможною кротостью и человѣколюбіемъ. Кортесъ долженъ былъ помнить прежде всего, что первымъ желаніемъ испанскаго монарха было обращеніе въ христіанство индѣйцевъ. Онъ долженъ былъ внушить дикарямъ мысль о величіи и добродѣтеляхъ своего царственнаго повелителя, пригласить ихъ «покориться ему и выразить свое вѣрноподданство приличными приношеніями золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, которыя доказали бы ихъ собственное усердіе и доставили имъ милости его величе-

ства». Онъ долженъ былъ сдѣлать тщательную опись берега и промѣрять глубину его заливовъ и входовъ, для пользы будущихъ мореплавателей. Ему предписывалось ознакомиться съ естественными произведеніями земли, характеромъ населяющихъ ее различныхъ племенъ, съ ихъ общественными уставами и успѣхами просвѣщенія: подробные отчеты обо всемъ этомъ онъ долженъ былъ прислать домой, вмѣстѣ съ вещами, которыя прiобрѣтетъ торгомъ съ жителями. Наконецъ, онъ долженъ былъ приложить самое тщательное стараніе не упускать ничего, что можетъ клониться въ пользу служенія Богу и королю.

Таково было общее содержаніе данныхъ Кортесу инструкцій, и нельзя не допустить, что въ нихъ видна заботливость не только о торговыхъ выгодахъ, но и о пользѣ наукъ и человѣчества. Страннымъ можетъ показаться, если вспомнимъ неудовольствіе Веласкеса на Грихольву за упущеніе колонизаціи открытыхъ странъ, что здѣсь не дано было на этотъ счетъ никакихъ наставленій. Но губернаторъ не получилъ еще изъ Испаніи позволенія уполномочивать этимъ правомъ своихъ агентовъ: разрѣшеніе монаховъ Св. Іеронима на Испаньолѣ касалось только права торговать съ туземцами; вмѣстѣ съ тѣмъ, коммиссія признала власть Кортеса какъ капитанъ-генерала экспедиціи.

(В. Прескоттъ. Отеч. Зап. 1848 г. глава II, стр. 115—124).

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МЕХИКѢ 1519.

b) Описаніе столицы. — Дворцы и музеи. — Дворцовое хозяйство. — Образъ жизни Монтезумы.

Грубые основатели Мехики строили бренныя жилища свои изъ тростника и камыша на группѣ острововъ въ западной части озера. Впослѣдствіи хижины эти уступили мѣсто болѣе прочнымъ зданіямъ. Жители нашли по сосѣдству легкій, хрупкій, ноздреватый камень краснаго цвѣта, изъ породы миндальныхъ (amygdaloid) tetzontli, который обдѣлывали безъ большаго труда и употребляли на строеніе зданій, если не весьма красивыхъ, то по крайней мѣрѣ прочныхъ. Въ Мехикѣ проживали главные князья, которыхъ государь, по разнымъ политическимъ причинамъ, поощрялъ или, лучше сказать, принуждалъ проводить большую часть года въ столицѣ. Въ Мехикѣ также имѣли свое временное пребываніе правители тецкукскій и тлакопанскій, принимавшіе участіе, хотя, можетъ быть, только почетное, въ управленіи имперіею. Жилища какъ этихъ сановниковъ, такъ и знатнѣйшихъ изъ вельможъ, отличались сте-

пенью грубаго великолѣпія, соотвѣтствующаго важности ихъ обитателей. Зданія эти были низки и обыкновенно одноэтажныя, но зато они занимали обширное пространство земли и были расположены около двора въ квадратъ; ихъ окружали портики, изукрашенные порфиромъ и яшмою, которые изобиловали въ окрестностяхъ, а въ центрѣ двора нерѣдко находился фонтанъ прозрачной воды, распространявшій по воздуху пріятную прохладу. Простой народъ обиталъ въ жилищахъ, выстроенныхъ также на каменномъ фундаментѣ, возвышенномъ на нѣсколько футъ надъ землею; на это основаніе клались ряды сыраго кирпича, сверхъ которыхъ настилались поперечныя деревянныя балки. Улицы по большой части были узки и некрасивы. Нѣкоторыя, однако жъ, были широки и весьма длинны. Главная улица, ведущая отъ большой южной плотины, прорѣзывала городъ по прямой линіи во всю его длину, представляя глазу великолѣпное зрѣлище, въ которомъ длинные ряды низенькихъ каменныхъ зданій были по-временамъ прерываемы садами, устроенными на террасахъ, представлявшихъ все великолѣпіе ацтекскаго садоводства.

Главныя улицы, пересѣкаемыя многочисленными каналами, были покрыты твердымъ цементомъ. Вдоль нѣкоторыхъ каналовъ вела прочная дорога, служившая въ одно и то же время тропинкою для пѣшеходовъ и пристанью для выгрузки судовъ. Небольшія зданія, выстроенныя въ нѣкоторомъ разстояніи одно отъ другаго, служили станціями для таможенныхъ чиновниковъ, собиравшихъ пошлины съ различныхъ предметовъ торговли. Черезъ каналы было переброшено множество мостовъ, между которыми были и подъемные; посредствомъ ихъ можно было при надобности отрѣзать сообщеніе между различными частями города.

Всѣ описанія древней столицы напоминаютъ намъ тѣ подводные города Стараго свѣта, которыхъ мѣстность была избираема изъ подобныхъ же видовъ ради экономіи и удобства обороны, а всего болѣе—Венецію, если мы можемъ позволить себѣ сравнивать грубую архитектуру американскаго индѣйца съ мраморными дворцами и храмами, нынѣ, увы, уже лишенными ихъ прежняго великолѣпія! но нѣкогда вѣнчавшими гордую царицу Адріатики. Сосѣдніе города вскорѣ послѣдовали примѣру метрополіи. Вмѣсто того, чтобъ строить основанія своихъ зданій на материкѣ, они стали выдаваться далеко въ озеро, мелкія воды котораго не превышали четырехъ футъ въ глубину. При этомъ открылся легкій способъ сообщенія, и поверхность этого внутренняго «моря», какъ выражается Кортесъ, покрылась тысячами челноковъ, дѣятельно занятыхъ перевозкою между этими маленькими обществами. Можно легко себѣ вообра-

зить веселый и живописный видъ озера въ тѣ времена, когда оно было усѣяно роскошными городами и цвѣтущими островками, стоящими будто-бы на якорѣ на зеркальной поверхности его!

Дошедшія до насъ показанія о народонаселеніи Теноктитлана противорѣчатъ одно другому. Никто изъ современныхъ писателей, однако жъ, не показываетъ менѣе 60,000 домовъ, что, по обыкновеннымъ способамъ вычисленія, даетъ намъ 300,000 жителей. Если же каждое жилище содержало, какъ утверждаютъ многіе, нѣсколько семействъ, то число жителей было несравненно больше. Вычисленія подобнаго рода бываютъ всегда весьма ненадежны для необразованныхъ обществъ, живущихъ безъ порядка и заботы и неимѣющихъ установленной системы для опредѣленія числа народонаселенія. По свидѣтельству самихъ завоевателей, пространство города имѣло почти три лиги въ окружности; обширность площади главнаго рынка, длинные ряды зданій, развалины, существующія до сихъ поръ въ предмѣстіяхъ и простирающіяся на разстояніе нѣсколькихъ миль отъ новаго города; притомъ слава метрополіи, гремѣвшая по всему Анагуаку, заключавшему множество большихъ и населенныхъ городовъ; наконецъ, самая бережливость жителей и остроумные способы, придуманные ими для извлеченія пищи изъ самыхъ странныхъ источниковъ—все это, говорю я, доказываетъ, что древняя столица далеко превосходила многолюдствомъ новый городъ.

Полиція имѣла бдительный надзоръ за порядкомъ и чистотою въ столицѣ. Говорятъ, будто-бы тысяча человѣкъ были заняты ежедневно выметаніемъ и поливкою улицъ, такъ что, выражаясь словами одного стараго испанца, прогуливаясь по нимъ, нельзя было замарать ногъ. «Вода въ городѣ, омываемомъ со всѣхъ сторонъ солеными озерами, была чрезвычайно солоновата. Обильный запасъ свѣжей воды доставлялся въ городъ, однако жъ, съ горы Капольтепека, «горы стрекозы», чрезъ глиняную трубу, которая была проведена по плотинѣ, устроенной для этой цѣли. Чтобъ, въ случаѣ починокъ, не подвергаться недостатку въ предметѣ столь необходимомъ, трубы были положены въ два ряда; толщина ихъ была въ человѣческое туловище. Проходя въ самый центръ столицы, онѣ наполняли фонтаны и цистерны главныхъ домовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водопроводъ, посредствомъ мостовъ, былъ проведенъ чрезъ каналы, сдѣланы были въ немъ отверстія для снабженія водою челноковъ, развозившихъ ее по всѣмъ частямъ города.

Монтезума старался развить въ своихъ вельможахъ вкусъ къ архитектурному великолѣпію и съ своей стороны много содѣйствовалъ къ украшенію столицы. «Въ его царствованіе, огромный

камень, вѣсившій, вѣроятно, въ первобытномъ состояніи, не менѣе пятидесяти тоннъ, былъ привезенъ изъ весьма отдаленной каменоломни въ столицу, гдѣ онъ и по сю пору остается однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ ацтекскаго зодчества. Если мы примемъ въ соображеніе, какихъ трудовъ стоило, не имѣя желѣзныхъ орудій, высѣчь эту огромную массу изъ ея твердаго базальтоваго ложа и потомъ перетащить такую даль сухимъ путемъ и водою, безъ помощи животныхъ, то не можемъ не удивляться механическому генію и предпріимчивости народа, исполнившаго такой огромный трудъ.

Не довольствуясь обширнымъ дворцемъ, гдѣ обиталъ его отецъ, Монтезума выстроилъ другой, еще обширнѣйшій. Новый дворецъ занималъ, какъ мы и прежде говорили, мѣсто, бывшее подъ частными домами на одной сторонѣ главной площади. Это зданіе, или, лучше сказать, громада зданій, покрывала пространство земли столь огромное, что, по увѣренію одного изъ завоевателей, на его плоской крышѣ тридцать рыцарей могли бы разомъ состязаться въ турнирѣ. Я уже говорилъ о его внутренней причудливой отдѣлкѣ, о потомкахъ, изукрашенныхъ кедровыми и другими благовонными деревьями, о безчисленныхъ обширныхъ покояхъ, о которыхъ Кортесъ, въ восторженности своей, преувеличивая ихъ великолѣпіе, говорилъ, что они превосходили все, видѣнное имъ въ Испаніи.

Подлѣ главнаго зданія находились другія строенія, имѣвшія различныя назначенія. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась оружейная палата, наполненная оружіемъ и воинскими одеждами ацтековъ, содержимыми въ отличнѣйшемъ порядкѣ и въ готовности къ употребленію, когда бы въ нихъ ни встрѣтилась нужда. Императоръ самъ владѣлъ макуагултлемъ, или индѣйскимъ мечемъ, съ удивительною ловкостью и присутствовалъ съ особеннымъ удовольствіемъ при атлетическихъ упражненіяхъ и мнимыхъ сраженіяхъ, представляемыхъ предъ нимъ молодыми дворянами. Другое строеніе служило ригою, а иныя анбарами, гдѣ хранились разные жизненные припасы и одежды, доставляемые въ столицу отъ тѣхъ областей, на которыхъ возложена была обязанность заботиться о содержаніи придворнаго хозяйства.

Тутъ были также зданія, имѣвшія особенное назначеніе. Одно изъ нихъ было огромный птичникъ, наполненный прелестнѣйшими птицами, привозимыми со всѣхъ концевъ имперіи. Здѣсь можно было видѣть и краснаго кардинала, золотаго фазана и безконечныя породы попугаевъ всѣхъ возможныхъ радужныхъ цвѣтовъ (между которыми господствовалъ царскій зеленый цвѣтъ), и крошечное чудо природы,—колибри. При этомъ птичникѣ находилось триста человѣкъ прислуги, которымъ извѣстны были различные роды пищи, потребной для своихъ крылатыхъ пи-

томцевъ, стоющей иногда значительной суммы. Во время линянія птицъ они были обязаны собирать прекрасныя разноцвѣтныя перья ихъ, употребляемыя въ ацтекской живописи вмѣсто красокъ.

Различныя породы хищныхъ коршуновъ, огромные орлы, родиной которыхъ были снѣжныя вершины Андскихъ горъ, и многія другія плотоядныя птицы, помѣщались въ отдѣльномъ строеніи. На пищу этимъ свирѣпымъ пернатымъ отпускалось ежедневно не менѣе 500 индѣекъ, мясо которыхъ въ Мехикѣ было дешевле всякаго другаго мяса.

Подлѣ этого птичника находился звѣринецъ, наполненный дикими звѣрями, промышляемыми въ нагорныхъ лѣсахъ, и даже отдаленныхъ болотахъ tierra caliente. Сходство, которое различныя породы этихъ животныхъ представляли съ породами извѣстными въ Старомъ свѣтѣ, но съ которыми ни одна изъ нихъ, вѣроятно, не имѣла тождества, было причиною безпрестанныхъ ошибокъ въ номенклатурѣ не только испанцевъ, но и болѣе ученыхъ естествоиспытателей новѣйшихъ временъ. При этомъ же звѣринцѣ находилось множество пресмыкающихся и змѣй, замѣчательныхъ своею величиною и ядовидостію; въ числѣ послѣднихъ испанцы удивлялись быстрому маленькому животному, «имѣвшему въ хвостѣ костаньетки», — почитавшемуся ужасомъ американскихъ степей. Змѣи содержались въ длинныхъ клѣткахъ, устланныхъ пухомъ или перьями, или въ корытахъ, наполненныхъ иломъ или водою. Хищные звѣри и птицы помѣщались въ просторныхъ клѣткахъ. Различныя породы были отдѣлены одна отъ другой и отъ зрителей крѣпкою рѣшеткою, свободно пропускающею свѣтъ и свѣжій воздухъ. Все заведеніе находилось подъ надзоромъ многочисленной прислуги, которая обязана была ознакомливаться съ привычками и заботиться о чистотѣ и благосостояніи своихъ плѣнныхъ. Съ какимъ бы глубокимъ участіемъ взиралъ просвѣщенный натуралистъ того вѣка, напримѣръ, Овіедо, или Мортиръ, на это великолѣпное собраніе, въ которомъ всѣ различныя невѣдомыя породы, обитающія въ безвѣстныхъ пустыняхъ запада, представлялись глазамъ при одномъ взглядѣ! Съ какимъ бы восхищеніемъ занялись они изученіемъ отличительныхъ свойствъ этихъ животныхъ сравнительно съ тѣми, которыя были извѣстны въ обитаемомъ ими полушаріи, достигая мало по малу понятія о тѣхъ законахъ, по которымъ дѣйствуетъ природа во всѣхъ своихъ чудесахъ! Грубые товарищи Кортеса не вдавались въ такія утонченныя разъисканія. Они смотрѣли на эти зрѣлища съ чувствомъ безотчетнаго любопытства, смѣшаннаго со страхомъ; и, прислушиваясь къ дикимъ крикамъ хищныхъ животныхъ и къ шипѣнію змѣй, воображали, что попали въ преисподнюю.

Не могу здѣсь оставить безъ вниманія странное собраніе чудовищъ человѣческаго рода, карликовъ и другихъ несчастныхъ уродовъ. Ацтеки взирали на подобныя произведенія причудницы-природы какъ на необходимыя принадлежности царскаго величія. Увѣряютъ даже, будто бы безжалостные родители, иногда, желая пристроить своихъ дѣтей, употребляли искусственныя средства, чтобы сдѣлать ихъ достойными помѣщенія въ придворномъ музеумѣ.

Вокругъ этихъ зданій раскинуты были обширные сады благовонныхъ кустарниковъ и цвѣтовъ, а въ особенности лекарственныхъ растеній. Никакая страна не производитъ послѣднихъ въ большемъ изобиліи, чѣмъ Новая Испанія; цѣлительныя свойства ихъ были вполнѣ извѣстны ацтекамъ, изучившимъ врачебную ботанику, какъ науку. Посреди этого лабиринта благоухающихъ рощъ были устроены фонтаны, чистыя воды которыхъ били вверхъ блестящими струями и, разсыпаясь, освѣжали распускающіеся цвѣты. Берега десяти большихъ искусственныхъ прудовъ, наполненныхъ рыбою, служили убѣжищемъ различныхъ породъ земноводныхъ птицъ; нѣкоторые изъ прудовъ наливались соленою водою для удовлетворенія потребности тѣхъ птицъ, которыя по природной своей склонности предпочитали ее прѣсной, — до такой степени простиралась заботливость и наблюдательность ходившихъ за птицами! Края прудовъ были вымощены мраморными плитами разныхъ цвѣтовъ, а воды ихъ осѣняли легкіе красивые павильоны, подъ благодѣтельнымъ навѣсомъ которыхъ Монтезума отдыхалъ во время удушливыхъ лѣтнихъ жаровъ, наслаждаясь благоуханіемъ, навѣваемымъ съ прилежащихъ садовъ.

Но окрестности дворца ацтекскаго монарха, находившагося на царской горѣ Капольтепекъ, гдѣ хранился священный прахъ его отцовъ, были несравненно роскошнѣе. Гора эта лежала на западъ отъ столицы, и подошва ея въ то время, о которомъ мы говоримъ, была омываема водами Тецкуко. Теперь, на надменной вершинѣ ея стоитъ великолѣпный, но покинутый замокъ, выстроенный въ концѣ XVII-го столѣтія юнымъ вице-королемъ Галвецомъ. Изъ оконъ этого зданія представляется взору такой видъ, прелестнѣе котораго нѣтъ ничего во всей Мехикѣ. Здѣсь не видно тѣхъ бѣлыхъ, безплодныхъ пятенъ, которыя наводятъ грусть въ другихъ мѣстахъ; напротивъ, здѣсь представляется обширное непрерывное пространство, покрытое лугами и обработанными полями, гдѣ волнуются богатыя нивы европейскаго хлѣба. Сады Монтезумы окружали подошву горы на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Двѣ статуи, высѣченныя барельефомъ изъ порфира и изображавшія Монтезуму и его отца, сохранялись еще въ цѣлости до половины прошлаго столѣтія, вмѣстѣ

съ огромной величины кипарисными деревьями, имѣвшими болѣе пятидесяти футъ въ окружности и пережившими нѣсколько вѣковъ со времени завоеванія. Тамъ, гдѣ были сады, теперь находится почти непроходимая пустыня, поросшая дикимъ кустарникомъ; тѣнистые, свѣтлозеленые листы мирта представляются взору рядомъ съ красными ягодами и нѣжными листьями перцоваго дерева. Трудно вообразить себѣ мѣсто, видъ котораго располагалъ бы душу болѣе къ думѣ о минувшемъ; гдѣ путешественникъ, сидя подъ тѣнью величественныхъ кипарисовъ, обросшихъ вѣковымъ мхомъ, могъ бы удобнѣе размышлять о горькой судьбѣ, постигшей индѣйскія племена и монарха, нѣкогда весело пировавшаго съ своимъ дворомъ подъ сѣнью этихъ самыхъ деревьевъ.

Придворное хозяйство Монтезумы отличалось тѣмъ же грубымъ великолѣпіемъ, какъ и все прочее. У него было женъ не менѣе, чѣмъ у какого-нибудь восточнаго султана. Онѣ жили въ своихъ собственныхъ покояхъ и, судя по ихъ понятіямъ, пользовались всѣми необходимыми удобствами. Время свое проводили онѣ въ обыкновенныхъ женскихъ работахъ, какъ-то: тканьѣ и вышиваньѣ; но однимъ изъ любимѣйшихъ занятій ихъ было изготовленіе разныхъ красивыхъ издѣлій изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, доставляемыхъ къ нимъ изъ царскихъ птичниковъ. Онѣ вели себя весьма скромно, подъ надзоромъ извѣстныхъ пожилыхъ женщинъ, исполнявшихъ въ отношеніи къ нимъ почтенную обязанность дуэннъ, точно такъ, какъ дѣлалось въ священныхъ домахъ, состоявшихъ при теокалли. Во дворцѣ были устроены многочисленныя ванны, и Монтезума самъ, своими частыми омовеніями, подавалъ примѣръ опрятности. Онъ купался по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ день, а одежду перемѣнялъ, говорятъ, до четырехъ разъ въ сутки. Одну и ту же одежду болѣе одного раза никогда не надѣвалъ, а снявъ, дарилъ ее своимъ слугамъ.

Кромѣ множества женщинъ, въ великолѣпныхъ чертогахъ дворца толпились дворяне, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ неотлучно находиться при особѣ монарха и служить ему тѣлохранителями. Въ прежнія времена допускалось людямъ простаго происхожденія въ награду за особенное достоинство, занимать нѣкоторыя должности при дворѣ. Но гордый Монтезума не хотѣлъ, чтобъ ему прислуживали люди не дворянскаго рода. Въ числѣ его приближенныхъ нерѣдко находились сыновья главныхъ князей, остававшіеся заложниками во время отсутствія отцевъ.

Императоръ ѣлъ всегда одинъ. Полъ большой залы, устланный коврами, покрывался сотнями блюдъ. Иногда Монтезума самъ, а чаще его домоправитель, указывалъ прислугѣ на блюда,

предпочитаемыя монархомъ, которыя и имѣли всегда въ готовности къ царскому столу. Кромѣ блюдъ изъ домашнихъ животныхъ, подавалась дичь изъ отдаленныхъ лѣсовъ, и рыба, игравшая за день передъ тѣмъ, можетъ быть, въ Мехиканскомъ заливѣ! Всѣ эти предметы изготовлялись въ разнообразныхъ видахъ, потому что, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, ацтекскіе артисты имѣли глубокія познанія въ таинствахъ поваренного искусства.

Благородные слуги подавали императору блюда и потомъ уступали свои мѣста дѣвушкамъ, избраннымъ за красоту и ловкость въ царскія прислужницы. Во время трапезы особа монарха скрывалась отъ взоровъ толпы за богато-вызолоченными ширмами рѣзного дерева. Онъ сидѣлъ на подушкѣ, и обѣдъ подавался на низенькомъ столѣ, покрываемомъ тонкою бумажною скатертью, въ драгоцѣнной посудѣ, приготовляемой въ Чолулѣ Монтезума имѣлъ золотой сервизъ, употреблявшійся только въ торжественныя праздничныя пиршества. Правда, что даже и при его огромныхъ доходахъ едва ли можно было употреблять подобные сервизы при обыкновенныхъ случаяхъ, потому что обѣденная посуда два раза сряду не подавалась, а становилась собственностью слугъ. Зала освѣщалась посредствомъ факеловъ, сдѣланныхъ изъ какого-то смолистаго дерева, издававшихъ пріятный запахъ и, вѣроятно, не мало дыма. При обѣдѣ присутствовали человѣкъ шесть изъ его старшихъ совѣтниковъ, которые, стоя въ почтительномъ разстояніи, отвѣчали на его вопросы, и бывали иногда угощаемы блюдами съ царскаго стола.

Вслѣдъ за первыми, питательными блюдами, подавались разныя сласти и пирожное, изготовленіемъ которыхъ славились ацтекскіе повара. Въ составъ ихъ входили преимущественно маисовая мука, яйца и алойный сахаръ. Во время обѣда, у другаго конца комнаты, дѣвушки занимались приготовленіемъ вафлей и булокъ, подавая ихъ отъ времени до времени на столъ. Питье императора состояло исключительно изъ чоколатая, напитка изъ шоколада, съ примѣсью ванили и другихъ пряностей, взбиваемаго въ пѣну до густоты меда, такъ что онъ постепенно таялъ во рту. Этотъ напитокъ, если его можно такъ назвать, подавался въ золотыхъ кубкахъ, съ золотыми же, или черепаховыми ложками богатой отдѣлки. Надо полагать, что императоръ былъ страстный любитель этого напитка, потому что собственно для него одного приготовляли ежедневно до 50 кувшиновъ.

Общій порядокъ стола, кажется, имѣлъ мало разницы отъ европейскаго. Но ни одинъ изъ европейскихъ государей не могъ похвалиться такимъ десертомъ, какой украшалъ трапезу ацтекскаго императора: этотъ десертъ собирался изъ самыхъ разнообразныхъ климатовъ и состоялъ изъ нѣжныхъ продуктовъ его

собственнаго умѣреннаго края и изъ нѣжныхъ тропическихъ плодовъ, срываемыхъ за день въ зеленыхъ рощахъ tierra caliente и пересылаемыхъ въ столицу съ быстротою паровъ, посредствомъ курьеровъ.

Утоливъ свой голодъ, императоръ умывался въ серебряной чашѣ, подаваемой прислужницами, что дѣлалъ онъ и до начатія стола; ибо ацтеки въ то время не уступили бы ни одному изъ нынѣшнихъ восточныхъ народовъ въ частыхъ своихъ омовеніяхъ. Потомъ подавались трубки, изъ богато-вызолоченнаго, лакированнаго дерева, изъ которыхъ онъ, то ртомъ, то чрезъ ноздри, вдыхалъ испаренія какой-то упоительной травы, называемой «tobacco», смѣшанной съ жидкою амброю. И между тѣмъ, какъ императоръ услаждался куреніемъ, его развлекали своими представленіями фигляры и скоморохи, которыхъ при дворѣ была труппа. Ни одинъ народъ, даже ни китайцы, ни индустанцы, не превосходилъ ацтековъ подвигами ловкости и проворства.

Иногда императоръ забавлялся со своимъ шутомъ, ибо индѣйскій монархъ имѣлъ также своихъ шутовъ. Онъ даже говорилъ, что ихъ разговоръ былъ поучительнѣе разговора мудрыхъ людей, потому что они не боялись говорить истину. По временамъ, онъ любовался граціозною пляскою, или слушалъ музыку,— если можно назвать музыкою грубые звуки мехиканскихъ инструментовъ, сопровождаемые мѣрнымъ, торжественнымъ припѣвомъ, въ которомъ восхвалялись геройскія дѣянія великихъ ацтекскихъ воиновъ, или его предковъ.

Насытившись этими увеселеніями, онъ ложился спать, ибо діэту онъ соблюдалъ также строго, какъ любой испанецъ. Проснувшись, онъ принималъ пословъ иностранныхъ державъ или подвластныхъ ему городовъ, или кациковъ, пришедшихъ къ нему съ просьбами. Эти лица бывали ему представляемы молодыми дворянами, находившимися при его особѣ, и будь они самаго знатнаго происхожденія, но не царской крови, они должны были въ униженіи предстать предъ нимъ съ босыми ногами и потупя голову, нося сверхъ богатой своей одежды грубую мантію изъ некэна. Съ просителями императоръ говорилъ вообще немного и объявлялъ имъ свое рѣшеніе черезъ секретарей; они оставляли его присутствіе съ тѣми же знаками глубочайшаго благоговѣнія, съ какими являлись и, не обращаясь къ нему спиною, выходили задомъ. Кортесъ не даромъ говоритъ, что ни при одномъ дворѣ, даже при дворѣ турецкаго султана, не соблюдался церемоніалъ столь пышный и строгій.

Кромѣ толпы домашнихъ, о которой мы упомянули, царское хозяйство дополнялось еще цѣлыми полками ремесленниковъ, занимавшихся безпрестанно постройкою или починкою разныхъ зданій, и ювелировъ и людей, искусныхъ въ разработкѣ метал-

ловъ, которые находили легкій сбытъ своимъ издѣліямъ между черноокими красавицами гарема. Царскихъ скомороховъ и фигляровъ было также значительное число, а придворные плясуны занимали цѣлый кварталъ города, назначенный исключительно для нихъ.

Содержаніе такого множества народа требовало значительныхъ издержекъ, влекущихъ за собою разсчеты запутанные и даже затруднительные. Они велись, однакожъ, съ удивительною точностію, приходъ и расходъ записывался извѣстнымъ картиннымъ письмомъ. Ариѳметическіе знаки были нѣсколько сложнѣе и изысканнѣе тѣхъ, которые употреблялись для повѣствовательныхъ потребностей, и во дворцѣ находилась особая комната, наполненная іероглифическими счетными книгами, содержавшими въ себѣ полный обзоръ дворцовой экономіи. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ казначей, занимавшій нѣкоторымъ образомъ должность домоправителя и распоряжавшійся всею хозяйственною частію. Эта отвѣтственная обязанность лежала, при прибытіи испанцевъ, на одномъ вѣрномъ кацикѣ, именемъ Тапіа.

(В. Прескоттъ. Отечеств. записки. 1848 г. Томъ LVII, мартъ и апрѣль).

c) Рынокъ въ Мехикѣ.—Великій храмъ.—Внутренния святилища. Квартиры испанцевъ.

Четыре дня прошли съ того времени, какъ испанцы вступили въ Мехику. Какіе бы замыслы ни толпились въ душѣ ихъ предводителя, но онъ чувствовалъ, что ему невозможно было рѣшиться на какой-нибудь планъ дѣйствія, покуда подробно не разсмотритъ столицу и не увѣрится, по собственному наблюденію, какими средствами онъ можетъ располагать. Вслѣдствіе этого, онъ послалъ просить у Монтезумы разрѣшенія посѣтить великій теокалли и нѣкоторыя другія мѣста въ столицѣ.

Монархъ изъявилъ свое согласіе на его просьбу. Онъ даже рѣшился идти лично въ великій храмъ, чтобъ тамъ принять своихъ гостей и, можетъ быть, для того, чтобъ оградить святыню отъ оскверненія. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, ему былъ извѣстенъ образъ дѣйствія испанцевъ въ подобныхъ случаяхъ во время ихъ похода. Собравъ свой небольшой отрядъ конницы и почти всю пѣхоту, Кортесъ выступилъ вслѣдъ за кациками, посланными отъ Монтезумы въ званіи проводниковъ. Они предложили ему провести его сперва къ большому рынку Тлателолоко, въ западной части города.

Дорогою, испанцы, какъ и при входѣ въ столицу, были поражены наружностью жителей, далеко превосходившихъ обитателей окрестныхъ странъ изящностію и богатствомъ своихъ одѣяній. Tilmatli, или плащъ, накидываемый на плечи, дѣлался изъ бумажной ткани, болѣе или менѣе тонкой, смотря по состоянію носившаго, а широкій кушакъ, которымъ опоясывались, былъ часто богато вышитъ красивыми фигурами и украшался густою бахромою. Погода становилась теперь прохладнѣе, и испанцы встрѣчали людей, одѣтыхъ въ плащи изъ мѣха, или изъ извѣстныхъ богатыхъ перяныхъ издѣлій, соединявшихъ въ себѣ двѣ выгоды: теплоту и красоту. Изъ шерсти кроликовъ и другихъ животныхъ Мехиканцы также выпрядали тончайшую нить, выдѣлывая изъ нея нѣжную ткань, которая не линяла по окрашиваніи.

Здѣсь, какъ и въ прочихъ мѣстахъ, чрезъ которыя они проходили, женщины, казалось, пользовались тою же свободою, какъ и мущины. Онѣ носили нѣсколько юбокъ различной длины, украшенныхъ красивыми бахромами и сверху надѣвали иногда свободное широкое платье, опускавшееся до лодыжекъ. Ходили безъ покрывалъ, которыя въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Анагуака, употреблялись изъ алойной нити, или изъ вышеупомянутой тонкой шерстяной ткани. Ацтекскія женщины ходили съ открытыми лицами, съ распущенными по плечамъ роскошными волосами, черными какъ крыло ворона, и черты ихъ, не смотря на смуглый, даже коричневый цвѣтъ и на печальное выраженіе, характеризующее національную физіономію, были большею частію пріятны и привлекательны.

Приблизившись къ большому рынку, испанцы удивились множеству народа, стремящагося туда; но они еще болѣе изумились, когда, вступивъ на площадь, увидѣли несмѣтныя толпы, которыя уже тамъ собрались, и обозрѣли размѣры ограды, величиною въ три раза больше знаменитой площади соломанкской. Тутъ были купцы со всѣхъ странъ, привезшіе съ собою произведенія и издѣлія, свойственныя ихъ почвѣ; мастеръ золотыхъ дѣлъ изъ Ацкопазалько; горшечники изъ Чолула, живописцы изъ Тецкуко, каменотесы изъ Тенохокана, охотники изъ Хилотепека, рыболовы изъ Куитлагуака, овощники изъ теплыхъ странъ, торговцы изъ Кауттитлана съ цыновками и стульями, и садовники съ цвѣтами изъ Хочимилько, всѣ суетились, расхваливали, продавали и покупали товары.

Рынокъ былъ окруженъ широкою галереею, подъ сводами которой каждый товаръ имѣлъ свое опредѣленное мѣсто. Въ числѣ прочихъ предметовъ, испанцы замѣтили множество бумажныхъ издѣлій, какъ-то: одеждъ, шпалеръ, занавѣсей, одѣялъ и тому подобнаго, и огромныя кучи тюковъ сырой бумаги. Ярко

выкрашенныя и тонкія ткани напомнили Кортесу alcaycería, или рынокъ шелковыхъ товаровъ въ Гренадѣ. Въ мѣстѣ, назначенномъ для мастеровъ золотыхъ дѣлъ, покупатель находилъ разные предметы роскоши изъ благородныхъ металловъ и любопытныя игрушки, сдѣланныя въ подражаніе птицъ и рыбъ, съ чешуями и перьями попеременно золотыми и серебряными и у которыхъ головки и туловища были подвижныя. Эти бездѣлушки украшались иногда драгоцѣнными каменьями, и вся отдѣлка ихъ доказывала ребяческое искусство и терпѣніе, подобное безполезному трудолюбію китайскихъ ремесленниковъ.

Въ сосѣдней части рынка была выставлена на показъ глиняная посуда, отъ самой грубой до нѣжнѣйшей; тщательной отдѣлки деревянныя рѣзныя вазы, какъ лакированныя, такъ и золоченыя, страннаго, а иногда красиваго вида. Здѣсь продавались топоры, сдѣланные изъ мѣди съ нѣкоторою примѣсью олова, которые, при неимѣніи желѣза, довольно удовлетворительно соотвѣтствовали требуемой цѣли, какъ испанцы впослѣдствіи узнали. Здѣсь воинъ могъ получить всѣ необходимыя принадлежности для своего ремесла. Шлемы, сдѣланные въ видѣ головъ разныхъ дикихъ звѣрей, съ оскаленными клыками и съ шерстью, стоящею дыбомъ, окрашенною яркимъ цвѣтомъ кошенили; escaupil, или стеганый кафтанъ изъ бумажной матеріи, богатыя перяныя кольчуги и оружіе всякаго рода: копья, стрѣлы съ мѣдными остріями и широкій maguahcatl, мехиканскій мечъ, острый клинокъ котораго дѣлался изъ итцтли. Тутъ были также бритвы и зеркала, сдѣланныя изъ того же твердаго, блестящаго ископаемаго, замѣнявшаго сталь у ацтековъ. На площади были выстроены шалаши для цирюльниковъ, употреблявшихъ эти самыя бритвы для бритья бородъ. Ибо мехиканцы, вопреки общепринятымъ ложнымъ понятіямъ о жителяхъ Новаго свѣта, имѣли бороды, хотя и не густыя. Другія лавки или шалаши были заняты аптекарями, продававшими москательные товары, коренья и разныя врачебныя снадобья. Въ иныхъ мѣстахъ были выставлены бѣлыя книги, для іероглифическаго картиннаго письма, сложенныя на подобіе вѣеровъ и сдѣланныя изъ хлопчатой бумаги или изъ кожъ, а всего чаще изъ волоконъ алоэ, ацтекскаго папируса.

Въ иныхъ мѣстахъ, подъ аркадами, они видѣли звѣриныя шкуры, сырыя и выдѣланныя, и различныя кожаныя вещи для домашняго употребленія. Тутъ продавались животныя, и дикія и ручныя, а подлѣ нихъ стояла иногда толпа невольниковъ, съ ошейниками, означавшими, что и они продавались, — зрѣлище, свойственное, къ несчастію, не однимъ мехиканскимъ рынкамъ, хотя тамъ злополучная участь ихъ увеличивалась еще сознаніемъ того, что ихъ униженное существованіе можетъ во

всякое время быть принесено, по страшному приговору, въ жертву ацтекскимъ богамъ.

Тяжелые строительные матеріялы, какъ-то: известь, камень, лѣсъ, считались слишкомъ громоздкими и не складывались на площади; они потому лежали въ сосѣднихъ улицахъ, на набережныхъ каналовъ. Обременительно было бы исчислять всѣ предметы роскоши или необходимости, собранные со всѣхъ концевъ на этотъ обширный базаръ. Не могу, однако жъ, не сказать нѣсколько словъ о выставкѣ съѣстныхъ припасовъ, составлявшей одну изъ замѣчательнѣйшихъ чертъ рынка; мясо всѣхъ родовъ, домашнія птицы, дичь изъ сосѣднихъ горъ, рыба изъ озеръ и рѣкъ, въ величайшемъ изобиліи прелестные плоды этихъ умѣренныхъ странъ, зелень, овощи и маисъ. Тамъ и сямъ привлекательный запахъ отъ разныхъ вкусныхъ яствъ искушали проходящихъ; тутъ были пирожное, хлѣбъ изъ кукурузы, пряники и разныя сласти. Подлѣ нихъ продавались разные прохладительные и горячіе напитки, пѣнистый, ароматный chocolatl, распространяющій по воздуху прелестный ванильный запахъ, и упоительный pulque, перебродившій сокъ алоэ. Всѣ эти предметы и каждая лавка въ галереѣ были украшены или, лучше сказать, завалены цвѣтами, во вкусѣ, подобномъ тому, который и нынѣ господствуетъ на рынкахъ Новой Мехики, но въ размѣрахъ, несравненно большихъ. Цвѣты родятся какъ будто произвольно въ этомъ роскошномъ климатѣ, гдѣ земля, безъ помощи рукъ человѣка, всегда готова скрыть свою наготу подъ этой богатой и разнообразною одеждою природы.

Я избавлю читателя отъ повторенія всѣхъ подробностей, исчисляемыхъ изумленными испанцами, занимательныхъ потому собственно, что онѣ доказываютъ механическое искусство и образованныя нужды, приличныя скорѣе просвѣщенному обществу, чѣмъ полудикому народу. Это было просвѣщеніе воинственное, которое ни тому, ни другому не свойственно. Очевидно, что ацтеки достигли средняго состоянія, столько же возвышеннаго надъ состояніемъ грубыхъ племенъ Новаго свѣта, сколько оно было ниже образованія просвѣщенныхъ обществъ Стараго.

О числѣ народа, собиравшагося на рынкѣ, писатели отзываются несогласно. Испанцы часто посѣщали это мѣсто, и ни одинъ изъ нихъ не насчитывалъ менѣе 40,000 человѣкъ! Иные же гораздо больше. Не полагаясь слѣпо на исчисленія завоевателей, знаемъ за достовѣрное, что во время базарнаго дня, случавшагося черезъ каждые пять дней, столица кипѣла пестрою толпою, стекавшеюся въ нее со всѣхъ сторонъ, не только изъ окрестностей, но и изъ мѣстъ, отдаленныхъ на нѣсколько лигъ; народъ толпился на большихъ дорогахъ, и озеро покрывалось челноками, наполненными торговцами, которые отправлялись на

великій рынокъ. Этотъ рынокъ походилъ на срочныя европейскія ярмарки среднихъ вѣковъ, когда по трудности сообщенія онѣ служили великими центральными рынками для торговыхъ сношеній и производили на общество вліяніе самое важное и благодѣтельное.

Торговля происходила здѣсь частію мѣновая, но частію посредствомъ ходячей монеты, состоявшей изъ кусочковъ олова, заклейменныхъ знакомъ, похожимъ на T, изъ мѣшковъ какао, цѣнность которыхъ устанавливалась сообразно ихъ величинѣ и, наконецъ, изъ перьевъ, наполненныхъ золотымъ пескомъ. Замѣчательно, что механцы не имѣли понятія о вѣсахъ, а въ торговыхъ своихъ дѣлахъ опредѣляли количество счетомъ и мѣрою.

Въ этомъ огромномъ сборищѣ царствовалъ совершенный порядокъ. По площади безпрерывно ходили чиновники, обязанные предупреждать ссоры, собирать подати, налагаемыя на различные предметы торговли, наблюдать, чтобы никто не употреблялъ подложныхъ мѣръ и вообще не обманывалъ покупателей. Провинившихся они немедленно приводили въ судъ, расположенный на рынкѣ же, гдѣ засѣдали 12 судей, распоряжавшихъ самою полною, самою безотчетною властію. Строгость, съ которою они во многихъ случаяхъ преслѣдовали виновныхъ, доказываетъ, что они занимали должность не маловажную.

Весьма естественно, что мехиканскій рынокъ былъ предметомъ, возбудившимъ не только любопытство, но и удивленіе испанцевъ. Здѣсь они видѣли какъ-бы сосредоточенные въ одинъ фокусъ, всѣ лучи просвѣщенія, раздѣленнаго по странѣ. Взгляду ихъ представлялись всѣ различныя доказательства мехиканскаго искусства, хозяйственной промышленности и многочисленныхъ и разнообразныхъ средствъ, которыми распоряжались туземцы. Видъ рынка заставилъ ихъ составить себѣ высокое мнѣніе о важности этихъ средствъ, а также о торговой дѣятельности и объ общественной подчиненности, связавшихъ всѣ сословія народа; и удивленіе ихъ выразилось вполнѣ въ подробныхъ, энергическихъ описаніяхъ.

Съ этого шумнаго зрѣлища, испанцы направили свои шаги къ великому teocalli, лежавшему по сосѣдству отъ ихъ квартиръ. Я уже объяснялъ читателю, что это зданіе, вмѣстѣ съ строеніями, принадлежавшими къ нему, покрывало все то обширное пространство земли, которое теперь занято соборомъ, частію рынка и нѣкоторыми изъ прилегающихъ къ нимъ улицъ. Мѣсто это имѣло то же самое назначеніе, вѣроятно, съ самаго основанія города. Настоящее зданіе, однако жъ, было построено Агуитзотлемъ, ознаменовавшимъ освященіе его, въ 1486 году, тѣмъ кровавымъ жертвоприношеніемъ, о которомъ въ лѣтописяхъ сохранились такія неимовѣрныя преданія.

Оно стояло посреди обширной площади, окруженной каменною стѣною, вышиною около шести футъ, украшенною снаружи барельефами, изображавшими змѣй, отъ чего она и получила названіе cqatepantli, или «стѣны змѣй». Змѣя была обыкновенный символъ въ священныхъ изваяніяхъ Анагуака, какъ и Египта. Стѣна была четыреугольная, съ огромными зубчатыми воротами, выходившими на четыре главныя улицы города. Надъ каждыми воротами находился родъ арсенала, наполненнаго оружіемъ и воинскими снарядами; и если вѣрить разсказамъ завоевателей, то по сосѣдству находились казармы, въ которыхъ помѣщались 10,000 человѣкъ воиновъ, служившихъ въ родѣ военной полиціи города и представлявшихъ императору вѣрную опору на случай возмущенія или мятежа.

Teocalli состоялъ изъ крѣпкаго пирамидальнаго зданія, построеннаго изъ земли и булыжника и выложеннаго тесанымъ камнемъ той самой легкой ноздреватой породы, которая, вѣроятно, употреблялась на постройку городскихъ зданій. Есть причина думать, что онъ былъ квадратный и что бока его были обращены на четыре главные компасные румбы. Онъ состоялъ изъ пяти этажей, расположенныхъ уступами, такъ что каждый изъ нихъ былъ меньше размѣрами противъ того, надъ которымъ онъ былъ надстроенъ; таковъ былъ обыкновенный видъ ацтекскихъ teocalli, имѣвшихъ очевидное сходство съ нѣкоторыми изъ первобытныхъ пирамидальныхъ строеній Стараго свѣта. Всходъ на него былъ по наружной лѣстницѣ, ведущей на узкую террасу или площадку, служившую основаніемъ второму этажу; и оттуда вторая лѣстница вела на подобную же площадку у основанія третьяго. По причинѣ этого устройства, посѣтитель не иначе могъ достичь вершины, какъ обойдя кругомъ всего зданія четыре раза. Это обстоятельство придавало много величественнаго религіознымъ обрядамъ, когда въ торжественномъ шествіи жрецы, при звукахъ дикой музыки, шли мѣрными шагами кругомъ громадныхъ сторонъ пирамиды, поднимаясь выше и выше къ вершинѣ, въ виду несмѣтныхъ жителей.

О размѣрахъ храма нельзя сказать ничего вѣрнаго. Завоеватели судили по глазомѣру и рѣдко принимали на себя трудъ измѣрить что-либо съ точностію. Онъ занималъ пространство, вѣроятно, не менѣе трехсотъ квадратныхъ футъ въ основаніи, а такъ какъ испанцы сосчитали 114 ступеней, то онъ имѣлъ, вѣроятно, не менѣе ста футъ въ вышину.

По прибытіи на мѣсто, Кортесъ нашелъ предъ teocalli двухъ жрецовъ и нѣсколько касиковъ, которымъ было повелѣно отъ Монтезумы избавить гостя отъ труда всходить на вершину и поднять его туда на плечахъ такъ, какъ поднимали всегда императора. Но генералъ отказался отъ этой почести и предпочелъ

взойти самъ впереди своихъ людей. Достигнувъ вершины, увидѣли, что она образуетъ обширную площадь, вымощенную широкими плоскими камнями. Первый предметъ, попавшійся имъ въ глаза, былъ большой яшмовый камень, особенный видъ котораго доказывалъ, что на немъ раскладывались тѣла несчастныхъ, назначаемыхъ въ жертву. Выпуклая его поверхность, поднимая грудь ихъ, способствовала жрецу къ удобнѣйшему исполненію своей адской обязанности — вынимать сердце. У противнаго конца площадки были двѣ башни или святилища, состоявшія изъ трехъ этажей; нижній изъ камня, а два верхнихъ изъ рѣзнаго дерева. Въ нижнемъ отдѣленіи находились истуканы боговъ; верхніе покои заключали въ себѣ утварь, употребляемую при священныхъ обрядахъ и прахъ нѣкоторыхъ изъ ацтекскихъ принцевъ, пожелавшихъ быть схороненными въ этомъ воздушномъ склепѣ. Предъ каждымъ святилищемъ стоялъ алтарь, и на немъ горѣлъ тамъ вѣчный огонь, погашеніе котораго предвѣщало имперіи столько же бѣдствій, сколько въ древнемъ Римѣ угрожало погашеніе огня, хранимаго весталками. Здѣсь также сохраняли огромный цилиндрическій барабанъ, сдѣланный изъ змѣиныхъ кожъ, въ который ударяли только въ важныхъ случаяхъ, причемъ онъ издавалъ унылый звукъ, слышимый на разстояніи нѣсколькихъ миль, звукъ, неоднократно возвѣщавшій горе и бѣдствія испанцамъ въ позднѣйшія времена.

Монтезума, въ сопровожденіи верховнаго жреца, выступилъ на встрѣчу къ Кортесу, когда тотъ взошелъ на площадку. «Ты усталъ, малинче», сказалъ онъ ему, «взбираясь на нашъ великій храмъ». Но Кортесъ съ благоразумнымъ хвастовствомъ увѣрялъ, что «испанцы никогда не уставали»! Взявъ его за руку, императоръ сталъ ему указывать на примѣчательнѣйшіе предметы, расположенные по сосѣдству. Храмъ, на которомъ они стояли, возвышаясь надъ всѣми прочими зданіями столицы, представлялъ точку зрѣнія самую возвышенную и центральную. Внизу передъ нимъ лежалъ городъ, какъ на ладони, прорѣзанный улицами и каналами, пересѣкавшимися подъ прямыми углами; плоскія крыши пестрѣли цвѣтами. Каждая часть его, казалось, кипѣла дѣятельностію и движеніемъ; по каналамъ неслись безчисленные челноки, на улицахъ толпился народъ въ красныхъ, живописныхъ одеждахъ; съ рынка, только что ими оставленнаго, до нихъ достигалъ неясный говоръ многихъ звуковъ и голосовъ. Отсюда они могли видѣть симметрическое расположеніе города, главныя улицы котораго, казалось, исходили отъ четырехъ воротъ coatepanli и соединялись съ большими дорогами, составлявшими главные входы къ столицѣ. Они замѣтили это правильное и красивое расположеніе во многихъ изъ второстепенныхъ городовъ, гдѣ большія дороги направлялись къ вели-

кому teocalli, или собору, какъ бы въ общій фокусъ. Они замѣтили также, что столица была ничто иное, какъ островъ, омываемый со всѣхъ сторонъ соляными волнами Тецкука. Вдали виднѣлись свѣтлыя прѣсныя воды Чалко, а за ними широкое пространство, покрываемое полями и волновавшимися лѣсами; кое-гдѣ надъ вершинами деревъ высились, или увѣнчивали вершины отдаленныхъ горъ, блестящія стѣны храмовъ. Этотъ видъ простирался непрерывною линіею до самой подошвы кругообразной цѣпи горъ, снѣжные хребты которыхъ горѣли огнемъ подъ утренними лучами солнца; между тѣмъ, какъ пары, клубившіеся длинными черными кольцами надъ сѣдою вершиною Попокатепетля, вѣщали о присутствіи истребительной стихіи въ нѣдрахъ прелестной долины.

Исполненный восхищенія при видѣ такого величественнаго, торжественнаго зрѣлища, Кортесъ обратился къ императору, владыкѣ этого цвѣтущаго края и въ пламенныхъ словахъ выразилъ свои чувства. Мысли его, однако жъ, вскорѣ приняли другое направленіе; обратясь къ отцу Ольмедо, стоявшему возлѣ него, онъ замѣтилъ ему, что площадка представляла самое приличное мѣсто для христіанскаго креста, лишь бы только Монтезума позволилъ воздвигнуть его тутъ. Но осторожный духовникъ, съ благоразуміемъ, которое, въ подобныхъ случаяхъ, казалось, совершенно покидало Кортеса, напомнилъ ему, что просьба такого рода была бы чрезвычайно неумѣстна при теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что индѣйскій монархъ не изъявилъ покуда никакого расположенія въ пользу христіанства.

Кортесъ попросилъ потомъ у Монтезумы позволенія войти въ святилище и осмотрѣть его боговъ, на что императоръ, послѣ краткаго совѣщанія съ жрецами, согласился и ввелъ испанцевъ въ зданіе. Они очутились въ обширномъ покоѣ, котораго вынштукатуренныя стѣны были украшены барельефами, изображавшими, быть можетъ, мехиканскій календарь, или религіозные обряды. У одного конца залы находилось углубленіе съ рѣзною крышею изъ богато-вызолоченнаго дерева. Въ этомъ святилищѣ, предъ алтаремъ, стоялъ исполинскаго роста истуканъ, изображавшій ацтекское божество — хранителя, Гуитцилопочли, или бога войны. Страшно-искаженныя черты его лица имѣли символическое значеніе. Въ правой рукѣ онъ держалъ лукъ, а въ лѣвой пукъ золотыхъ стрѣлъ, которыя, по мистическому преданію, находились въ тѣсной связи съ побѣдами народа. Вокругъ его поясницы обвивалась огромная змѣя изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, и вся его особа была унизана такими же богатыми камнями. Лѣвая нога была покрыта нѣжными перьями колибри и,—что довольно странно, — эта птица давала свое имя страшному божеству. Самое поразительное изъ всѣхъ украшеній

состояло изъ цѣпи золотыхъ и серебряныхъ сердецъ, расположенныхъ попеременно и висѣвшихъ кругомъ шеи, какъ эмблема того жертвоприношенія, которое было ему наиболѣе пріятно. Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ этого служили три дымившіяся и почти еще трепетавшія человѣческія сердца, которыя лежали предъ нимъ на алтарѣ, какъ-будто только-что вырванныя изъ жертвъ.

Сосѣднее святилище было посвящено божеству болѣе кроткому, именно Тецкатлипока, первому, по воздаваемымъ почестямъ, послѣ того незримаго Существа, которому не ставили истукановъ и не воздвигали храмовъ. Тецкатлипока создалъ вселенную и заботился о ней неусыпно. Онъ изображался въ видѣ юноши, и истуканъ его, изъ полированнаго чернагó камня, былъ богато убранъ золотыми украшеніями; между прочими его эмблемами замѣчательнѣйшею былъ золотой щитъ, въ зеркальной поверхности котораго онъ видѣлъ всѣ дѣла людей. Этому божеству, однакожъ, отдавались иногда почести, не уступавшія въ жестокости тѣмъ кровавымъ жертвамъ, которыя приносили его плотоядному брату; ибо на его алтарѣ, въ золотомъ блюдцѣ, лежали три окровавленныя сердца.

Стѣны обоихъ святилищъ были запятнаны человѣческою кровью. «Зловоніе здѣсь», восклицаетъ Діасъ, «было нестерпимѣе, чѣмъ въ бойняхъ Кастиліи!» И жрецы, мелькавшіе безпрестанно мимо въ окровавленныхъ ризахъ темнаго цвѣта, съ лицами, исполненными неистовства, казались испанцамъ служителями ада!

Они съ радостью вырвались изъ этой нечистой храмины на свѣжій воздухъ, и Кортесъ, обратившись къ Монтезумѣ, сказалъ съ улыбкою: «мнѣ непонятно, что такой великій и мудрый государь, каковъ ты, можешь вѣровать въ подобныхъ нечистыхъ духовъ, каковы эти истуканы, представители діавола! Еслибы ты только позволилъ намъ воздвигнуть здѣсь знаменіе истиннаго креста и въ святилищѣ поставить образа Пресвятой Дѣвы и ея Сына, ты бы скоро увидѣлъ, какъ предъ Ними затмится блескъ твоихъ лжебоговъ!»

Монтезума до крайности оскорбился этими словами. «Эти боги», отвѣчалъ онъ, «водя ацтековъ къ побѣдамъ съ того самаго времени, какъ этотъ народъ существуетъ, — эти боги даруютъ намъ, въ свое время, жатву и плоды земные. Еслибы я могъ думать, что ты ихъ такъ дерзко оскорбишь, я бы тебя не впустилъ въ ихъ присутствіе.»

Выразивъ свое сожалѣніе о томъ, что оскорбилъ императора, Кортесъ простился съ нимъ. Монтезума остался въ храмѣ, говоря, что ему должно, если возможно, очиститься отъ преступленія, въ которомъ онъ виновенъ тѣмъ, что допустилъ иноземцамъ ругаться надъ святынею.

Спустившись во дворъ, испанцы внимательно осмотрѣли всѣ прочія зданія, находившіяся внутри ограды. Площадь была вымощена гладкими каменьями, дотого выполированными, что лошади съ трудомъ могли устоять на ногахъ. Тутъ было нѣсколько другихъ, гораздо меньшихъ теокалли, выстроенныхъ на подобіе главнаго и посвященныхъ различнымъ ацтекскимъ божествамъ. На ихъ вершинахъ находились неугасаемые огни, которые, вмѣстѣ съ огнями, горѣвшими на другихъ храмахъ въ прочихъ частяхъ столицы, освѣщали улицы яркимъ блескомъ въ ночное время.

Между прочими теокалли, внутри ограды, былъ одинъ, посвященный Кветцалькоатлю, круглаго вида, со входомъ на подобіе драконовой пасти, наполненной острыми, окровавленными клыками. Когда испанцы взглянули украдкою въ горло этому страшному чудовищу, они увидѣли тамъ собраніе орудій, служившихъ при жертвоприношеніяхъ, и другія мерзости, свидѣтельствовавшія о страшныхъ дѣлахъ. Смѣлыя сердца ихъ содрогнулись при этомъ зрѣлищѣ и они дали этому мѣсту довольно приличное названіе «ада».

(В. Прескоттъ. «Отеч. Зап.», т. XLVII, 1848 г.).

d) Военный совѣтъ.—Испанцы оставляютъ городъ.—«Печальная ночь».—Жестокое кровопролитіе.—Ночные бивуаки.—Исчисленіе потерь испанцевъ.

Между испанцами не было другихъ разговоровъ, какъ о средствахъ къ выходу изъ города. Трудно было избрать время и путь для этого. Испанскій начальникъ созвалъ на совѣтъ своихъ офицеровъ, для совѣщанія объ этомъ предметѣ. По его мнѣнію, лучше было отступить на Тласкалу и въ этой столицѣ рѣшиться уже, смотря по обстоятельствамъ, на дальнѣйшія операціи. По нѣкоторомъ разсужденіи, они согласились выйдти изъ города по тлактанской дорогѣ. Правда, что эта дорога значительно удаляла ихъ отъ того пути, которымъ они пришли въ столицу. Но ее избрали въ томъ предположеніи, что она менѣе другихъ была защищаема; притомъ же; будучи короче другихъ выходовъ, она скорѣе поставляла войско въ безопасность на матерпкѣ.

Относительно часа отправленія, были различныя мнѣнія. День, предполагали нѣкоторые, былъ выгоднѣе, ибо онъ доставлялъ возможность обозрѣвать опасность во всемъ ея объемѣ и принимать мѣры къ ея отвращенію. Темнота же могла гораздо болѣе

затруднить ихъ собственныя движенія, нежели движенія непріятеля, знакомаго съ мѣстностію. Тысячи препятствій могли встрѣтиться ночью, которыя воспрепятствовали бы имъ дѣйствовать дружно или согласно съ волею начальника. Но, съ другой стороны, утверждали, что ночь представляла многія явныя выгоды, ибо непріятель рѣдко продолжалъ свои военныя дѣйствія далѣе вечера. При послѣдней схваткѣ съ мехиканцами, испанцы обманули всѣ ихъ предположенія, и потому невѣроятнымъ казалось, чтобъ они могли предугадать намѣреніе бѣлыхъ, выступить такъ поспѣшно изъ столицы. При быстротѣ и осторожности, они, дѣйствительно, могли пройти избранную дорогу, по оставленіи города, прежде, чѣмъ замѣтятъ отступленіе ихъ, и, по совершеніи этого опаснаго перехода, остальное уже не будетъ для нихъ страшнымъ.

Эти предположенія были подкрѣплены, говорятъ, совѣтами одного воина, по имени Ботелло, занимавшагося таинственною наукою гадательной астрономіи. Онъ пріобрѣлъ довѣріе войска нѣкоторыми своими предсказаніями, оправдавшимися на дѣлѣ; этотъ человѣкъ совѣтовалъ своимъ соотественникамъ во всякомъ случаѣ оставить квартиры ночью, какъ въ наиболѣе благопріятное къ тому время, хотя бы ему пришлось самому погибнуть тогда. Послѣдствія доказали, что астрологъ зналъ лучше свою судьбу, нежели будущность другихъ.

Быть можетъ, что предсказанія Ботелло имѣли нѣкоторое вліяніе на рѣшимость Кортеса. Суевѣріе было главною отличительною чертою тогдашняго времени, и испанскій генералъ, какъ мы уже видѣли, былъ вполнѣ зараженъ имъ. Смутныя времена, по большей части, располагаютъ душу къ воспріятію чудеснаго. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что Кортесъ принялъ мнѣніе астролога, согласное съ его собственнымъ, для того болѣе, чтобы сильнѣе дѣйствовать на своихъ подчиненныхъ и внушить имъ бо̀льшую довѣренность къ себѣ. Во всякомъ случаѣ, было рѣшено оставить городъ въ ту же самую ночь.

Главною заботою генерала было безопасное перевезеніе сокровищъ. Многіе изъ простыхъ воиновъ превратили свою часть добычи, какъ мы уже видѣли, въ золотыя цѣпи, ошейники и другія украшенія, которыя удобно могли носить на себѣ. Королевская же пятая доля и большая часть богатой добычи, доставшейся Кортесу и главнымъ его офицерамъ, была превращена въ полосы и слитки и сложена въ одну изъ крѣпкихъ комнатъ дворца. Кортесъ сдалъ долю, принадлежавшую казнѣ, королевскимъ офицерамъ, назначивъ имъ одну изъ сильнѣйшихъ лошадей, и стражу изъ кастильскихъ воиновъ, для перевоза ея. Однакожъ, весьма много сокровищъ, принадлежавшихъ казнѣ и нѣкоторымъ лицамъ, было по необходимости оставлено, за недостаткомъ приличныхъ средствъ къ перевозкѣ.

Золото лежало въ блестящихъ кучахъ на полу, возбуждая корыстолюбіе воиновъ. «Возьмите, сколько хотите», сказалъ имъ Кортесъ. «Пусть оно лучше вамъ достанется, нежели этимъ мехиканскимъ собакамъ. Но будьте осторожны и не перегружайте ими себя. Тотъ безопаснѣе путешествуетъ въ темную ночь, кто имѣетъ немного при себѣ». Болѣе осторожные воины послушались его совѣтовъ и забрали небольшія вещи, хотя, можетъ быть, и весьма многоцѣнныя. Но войска Нарваэса,—алкая сокровищъ, о которыхъ они такъ много наслышались, но которыхъ не видали никогда еще въ такомъ количествѣ предъ собою, — не оказали такой же умѣренности. Тутъ имъ казалось, будто самые рудники Мехики раскрывались передъ ними, и они, бросившись на обманчивую добычу, жадно хватали драгоцѣнности и дотого нагрузились, что не только обложили ими себя гдѣ было можно, но даже набили ими мѣшки, ящики и все, что только было подъ рукою.

Вскорѣ Кортесъ устроилъ порядокъ марша. Авангардъ, состоявшій изъ двухсотъ пѣшихъ испанцевъ, находился подъ командою храбраго Гонзало де-Сандоваля, при которомъ находились Діэго де-Ордасъ, Франциско де-Лухо и около двадцати человѣкъ другихъ офицеровъ. Арьергардъ, состоявшій изъ главныхъ силъ пѣхоты, былъ порученъ Педро де-Альварадо и Веласкесу де-Леону. Самъ генералъ принялъ команду надъ центромъ, въ которомъ находились транспорты, нѣсколько тяжелыхъ орудій, изъ которыхъ большая часть, однакожъ, оставлена въ арьергардѣ, и плѣнные. Эти послѣдніе были: сынъ и двѣ дочери Монтезумы, Какома, низложенный владѣлель Тецкуко, и многіе другіе благородные ацтеки, которыхъ Кортесъ удержалъ, какъ важныхъ аманатовъ, на случай будущихъ переговоровъ съ непріятелемъ. Тласкаланцы были распредѣлены поровну на каждыя три дивизіи; Кортесъ имѣлъ подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ сотню отборныхъ удальцовъ, изъ своихъ ветерановъ, наиболѣе привязанныхъ къ нему, которые, съ Кристоваль де-Олидомъ, Франциско де-Морла, Алонзо де-Авила и двумя или тремя другими офицерами, составляли избранную дружину для дѣйствія тамъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства.

Генералъ уже надзиралъ за постройкою переноснаго моста, для наведенія черезъ каналы, прорѣзывавшіе путь. Онъ поручилъ этотъ мостъ офицеру, по имени Магарино, съ 40 воинами, присягнувшими защищать переправу до послѣдней крайности. Мостъ должно было, по переходѣ всего войска, убирать и переносить на слѣдующее мѣсто переправы. Подобныхъ мѣстъ въ плотинѣ было три; и счастливо было бы войско, если бы Кортесъ заготовилъ такое же число мостовъ. Но трудъ для этого требовался большой, а время было дорого.

Въ полночь войска были подъ оружіемъ и готовы къ походу. Отецъ Ольмедо, совершая молебствіе, молился о покровительствѣ всемогущаго Бога отъ страшныхъ опасностей ночи. Ворота были отворены, и 1-го іюля 1520 г. испанцы въ послѣдній разъ вышли изъ древней крѣпости, ознаменованной столь многими бѣдствіями, перенесенными съ такимъ непоколебимымъ мужествомъ.

Ночь была облачная, и мелкій дождь, падавшій безпрерывно, увеличивалъ еще болѣе ея темноту. Большая площадь передъ дворцомъ была совершенно пуста, какъ и прежде, со времени паденія Монтезумы. Твердымъ шагомъ, но безъ малѣйшаго шума, испанцы шли вдоль большой тлакопанской улицы, которая такъ недавно еще кипѣла битвою. Все погружено было въ безмолвіе, и только тамъ и сямъ одинокіе трупы, случайно ими замѣчаемые, или мрачныя кучи убитыхъ, напоминали имъ о прошедшемъ и указывали на тѣ мѣста, гдѣ битва была въ разгарѣ. Когда они проходили переулки и аллеи, вводившія ихъ въ главныя улицы, или смотрѣли внизъ на канавы, которыхъ гладкая поверхность отражала какой-то мрачный блескъ въ ночной темнотѣ, они воображали, что видятъ тѣни своихъ непріятелей, стерегущихъ ихъ въ засадѣ и готовыхъ ринуться на нихъ. Но это было только воображеніе; городъ наслаждался невозмутимымъ сномъ, несмотря на безконечное эхо лошадинаго топота и шумнаго поѣзда артиллеріи и обозовъ. Наконецъ, выбравшись на болѣе свѣтлое пространство за темнымъ рядомъ зданій, авангардъ увидѣлъ, что онъ достигъ внѣшней плотины. Они могли бы здѣсь поздравить себя съ избавленіемъ отъ гибельной аттаки въ самомъ городѣ и съ надеждою на скорую безопасность на противоположномъ берегу. Но мехиканцы не всѣ погружены были въ сонъ.

Когда испанцы подошли къ тому мѣсту, гдѣ улица упиралась въ плотину, и готовились навести мостъ свой черезъ незащищенный проломъ, который они только - что увидали, нѣсколько индѣйцевъ, стоявшихъ тутъ на стражѣ, подняли тревогу, побѣжали по улицамъ, пробуждая криками своими согражданъ. Жрецы, стоя ночью на стражѣ на вершинахъ своихъ теокалли, тотчасъ по полученіи извѣстія затрубили въ рога, и огромный барабанъ въ опустошенномъ храмѣ бога войны загудѣлъ торжественными звуками, потрясавшими всѣ концы столицы. Испанцы видѣли, что терять нечего. Мостъ былъ скоро наведенъ. Сандоваль первый рѣшился испытать его прочность, за нимъ слѣдовалъ его небольшой отрядъ кавалеріи, пѣхота и союзные тласкаланцы, составлявшіе первую дивизію войска. Потомъ ѣхалъ Кортесъ съ своимъ эскадрономъ, багажемъ, аммуниціей и частію артиллеріи. Но прежде, чѣмъ они успѣли совершить переправу, послышался шумъ, будто бы ропотъ собиравшейся толпы, похожій

на шелестъ деревьевъ въ дремучемъ лѣсу, колеблемомъ вѣтромъ. Онъ становился постепенно слышнѣе и слышнѣе; между тѣмъ на мрачной поверхности озера были слышны всплески, какъ-бы отъ множества веселъ. Вскорѣ прилетѣло нѣсколько камней и стрѣлъ, брошенныхъ на удачу въ торопливо переходившее черезъ мостъ войско. Съ каждою минутою они падали чаще и съ большею силою и наконецъ сгустились въ страшную тучу града; воздухъ оглашался воплями и воинскими криками множества ополченныхъ, которыми, казалось, разомъ покрылись весь берегъ и озеро!

Испанцы съ твердостію шли сквозь этотъ градъ стрѣлъ, хотя варвары, приставая на лодкахъ своихъ со стороны плотины, взлѣзали на нее и приводили ихъ ряды въ смятеніе; но христіане думали только о своемъ бѣгствѣ, уклоняясь отъ всякаго сраженія: они дрались только, исключая развѣ для самосохраненія. Всадники, шпоря своихъ коней, отбивали нападавшихъ и ѣздили по ихъ распростертымъ трупамъ; между тѣмъ, пѣхота гнала ихъ въ безпорядкѣ опять внизъ по крутизнѣ плотины ударами своихъ увѣсистыхъ мечей.

Но для перехода нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, шедшихъ фронтомъ, вѣроятно не болѣе 15-ти или 20-ти человѣкъ, необходимо требовалось много времени, и передовыя линіи достигли уже втораго пролома въ плотинѣ, прежде чѣмъ арьергардъ успѣлъ перейти первый. Здѣсь они остановились и, не имѣя никакихъ средствъ для переправы, претерпѣвали все время безпрерывную стрѣльбу со стороны непріятеля, покрывавшаго все пространство водъ около этого мѣста цѣлыми роями. Сильно поражаемый авангардъ безпрестанно посылалъ гонцевъ къ арьергарду, требуя переносный мостъ. Наконецъ, остатки арміи перешли черезъ первый проломъ, и Магаринъ съ своими дюжими сподвижниками старался снять тяжелыя стропила моста, но они глубоко вдавились въ плотину. Напрасны были всѣ ихъ усилія. Тяжесть столькихъ людей и лошадей, и сверхъ того тяжелой артиллеріи, такъ твердо вдавила лѣса въ землю между камнями, что не было никакой возможности освободить ихъ. Работая долго подъ градомъ стрѣлъ, копій и камней, они принуждены были, наконецъ, оставить свои покушенія, когда многіе изъ нихъ были уже убиты, а остальные ранены.

Слухъ объ этой неудачѣ скоро распространился во всемъ войскѣ; тогда поднялся крикъ отчаянія, заглушившій на время весь шумъ битвы. Всѣ средства къ отступленію были отрѣзаны и едва оставалась надежда на спасеніе. Единственная надежда состояла теперь въ тѣхъ отчаянныхъ средствахъ, какія кто могъ придумать для себя. Порядокъ и дисциплина нарушились. Большая опасность породила въ каждомъ большой эгоизмъ. Всякій

думалъ только о своей собственной жизни. Тѣснясь впередъ, каждый сминалъ слабаго и раненаго, не разбирая ни врага, ни друга. Передовыя линіи, нажимаемыя арьергардомъ, столпились на краю залива. Сандоваль, Ордасъ и другіе офицеры бросились въ воду. Нѣкоторымъ удалось спастись вплавь на своихъ коняхъ. Другіе потонули, а тѣхъ, которые достигали другаго берега, — опрокидывали при выходѣ, и они скатывались съ лошадьми своими въ озеро. Пѣшіе двигались въ безпорядкѣ, падая одинъ на другаго, безпрестанно поражаемые копьями, или страшными булавами ацтековъ, между тѣмъ какъ многія жертвы полумертвыми были втаскиваемы въ ихъ лодки, для сбереженія къ позднѣйшей, но ужаснѣйшей смерти.

Битва страшно свирѣпствовала вдоль всей плотины, которой темная масса представляла мѣткую цѣль для непріятельскихъ стрѣлъ; они часто убивали своихъ въ слѣпомъ ожесточеніи битвы. Ближайшіе къ плотинѣ, причаливая къ ней съ силою, которая разбивала въ дребезги ихъ челноки, выскакивали на берегъ, схватывались съ христіанами и вмѣстѣ съ ними скатывались съ плотины. Но ацтекъ падалъ среди друзей своихъ, между тѣмъ какъ противника его увлекали съ торжествомъ на жертвенникъ. Борьба была продолжительная и кровопролитная. Мехиканцевъ узнавали по бѣлому цвѣту бумажныхъ туникъ, которыя, впрочемъ, трудно было замѣтить въ темнотѣ. Надъ сражающимися гудѣлъ дикій и пронзительный шумъ, съ которымъ смѣшивались ужасные крики мщенія, стоны умирающихъ, взывавшихъ къ святымъ и Пресвятой Дѣвѣ, и вопли женщинъ, какъ туземныхъ, такъ и испанскихъ, сопровождавшихъ христіанскій лагерь. Изъ нихъ одна, по имени Марія де-Эстрада, особенно замѣчательна мужествомъ, оказаннымъ ею въ битвѣ, въ которой она участвовала съ мечемъ и щитомъ въ рукѣ, какъ храбрѣйшій воинъ.

Проломъ въ плотинѣ, между тѣмъ, былъ заваленъ обломками, воинами, тяжелыми пушками, тюками богатыхъ матерій, сундуками, полными золота, и трупами человѣческими и лошадиными, и такимъ образомъ образовался мало по малу проходъ, черезъ который арьергардъ и перешелъ на другую сторону. Разсказываютъ, что Кортесъ, найдя мѣсто, удобное для перехода въ бродъ, на которомъ вода достигала только до его сѣдла, старался остановить безпорядокъ и повелъ безопасною дорогою своихъ послѣдователей на другую сторону. Но голосъ его терялся въ дикомъ крикѣ; наконецъ, несясь по теченію, онъ пробился впередъ къ авангарду съ немногими преданными ему гидальгами. Здѣсь любимый пажъ его, Хуанъ де-Салазаръ, палъ мертвый въ глазахъ его; здѣсь встрѣтилъ онъ Сандоваля съ своими товарищами, остававшимися у третьяго и послѣдняго про-

лома и старавшимися ободрить своихъ подчиненныхъ къ новому переходу. Но рѣшимость ихъ колебалась. Проломъ былъ широкъ и глубокъ, хотя проходъ не былъ такъ сильно занятъ, какъ предъидущій. Офицеры опять показали примѣръ, пустившись вплавь. Конные и пѣшіе слѣдовали за ними, кто какъ могъ: одни плыли, другіе въ изнеможеніи хватались за гривы и хвосты утомившихся лошадей. Тотъ безопаснѣе шелъ впередъ, какъ предсказывалъ генералъ, кто былъ на-легкѣ; и много было несчастныхъ, которыхъ влекло ко дну роковое золото, столь ими обожаемое: они были погребены съ нимъ въ соленыхъ волнахъ озера. Кортесъ, съ храбрыми своими товарищами, Олидомъ, Морлою, Сандовалемъ и немногими другими, ѣхалъ впереди, ведя за собою остатокъ спасшихся отъ пагубной плотины. Шумъ битвы затихалъ уже вдали, какъ вдругъ получаютъ они извѣстіе, что арьергардъ ихъ совершенно погибнетъ безъ скорой помощи. Отчаяніе поразило всѣхъ; но великодушныя сердца испанскихъ рыцарей недолго разсчитывали, когда дѣло шло о спасеніи своихъ отъ гибели. Поворотивъ коней, они поскакали назадъ къ мѣсту битвы, пробились черезъ толпу, переплыли каналы и врубились въ непріятеля на противоположномъ берегу.

Сѣдой разсвѣтъ просыпался надъ водами и обнажалъ ужасную сцену, скрывавшуюся въ ночномъ мракѣ. Темныя толпы сражающихся вдоль плотины отбивались отъ превосходящаго числомъ непріятеля, между тѣмъ какъ самая плотина, на которой они стояли, казалось, трепетала и шаталась изъ стороны въ сторону, какъ во время землетрясенія; поверхность озера чернѣлась на необозримое пространство лодками, полными воиновъ, которыхъ копья и пики сверкали при свѣтѣ восходящаго солнца.

Всадники нашли Альварадо безъ лошади, защищавшагося съ горстью своихъ товарищей противъ многочисленной толпы непріятеля. Его отличная лошадь, выносившая его изъ многихъ битвъ, пала подъ нимъ. Самъ онъ былъ раненъ во многихъ мѣстахъ и тщетно старался привести въ порядокъ свою разстроенную колонну, загнанную на край плотины свирѣпымъ натискомъ непріятеля, овладѣвшаго всею заднею частью плотины, куда безпрестанно являлись изъ города новые воины. Артиллерія въ началѣ битвы дѣйствовала успѣшно, и желѣзный дождь, разсыпаясь вдоль плотины, сотнями пожиналъ атакующихъ; но ничто не могло остановить ихъ стремительности. Передовые ряды, тѣснимые задними, были, наконецъ, придвинуты къ самымъ пушкамъ и, бросившись на нихъ подобно сильному потоку, опрокинули людей и пушки. Быстрый натискъ прибывшихъ испанскихъ офицеровъ остановилъ на-время непріятеля и далъ время ихъ соотечественникамъ сомкнуть свои ряды. Но они вскорѣ были смяты новымъ натискомъ. Кортесъ и его товарищи

снова были принуждены броситься въ озеро; спаслись не всѣ; Альварадо стоялъ на краю пролома, недоумѣвая, на что рѣшиться. Безъ лошади бросившись въ воду въ виду непріятельскихъ лодокъ, окружавшихъ проломъ, едвали можно было надѣяться на спасеніе. Но ему одна секунда оставалась для размышленія. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, и отчаяніе придало ему необыкновенную силу. Воткнувъ свою длинную пику въ запруженное дно пролома, онъ со всею силою ринулся впередъ и однимъ скачкомъ этимъ перелетѣлъ черезъ широкую пропасть пролома! Ацтеки и тласколанцы остолбенѣли отъ удивленія при видѣ такого невѣроятнаго подвига и говорили: «Дѣйствительно, этотъ человѣкъ — сынъ солнца!» О ширинѣ пролома намъ неизвѣстно; но онъ былъ, однакожъ, такъ великъ, что храбрый капитанъ Діосъ, который хорошо помнилъ это мѣсто, говоритъ, что скачекъ былъ невозможенъ для человѣка. Другіе современники не сомнѣваются въ этомъ происшествіи. Нѣтъ сомнѣнія, что таково было народное повѣрье въ то время; память объ этомъ подвигѣ сохранилась до нашего времени между жителями столицы, и названіе Salto de Alvarado (Скачекъ Альварады), данное тому мѣсту, осталось памятникомъ подвига, который не уступалъ подвигамъ греческихъ баснословныхъ полубоговъ.

Кортесъ и его товарищи ѣхали впередъ къ фронту, гдѣ войска, на свободѣ и въ безпорядкѣ, удалялись отъ роковой плотины. Только немногіе изъ непріятелей преслѣдовали ихъ арьергардъ, или безпокоили его по-временамъ стрѣлами, бросаемыми съ озера. Вниманіе ацтековъ было привлечено богатою добычею, покрывавшею поле сраженія; счастье испанцевъ, что непріятель не преслѣдовалъ ихъ съ тою свирѣпостію, съ какою онъ сражался, ибо тогда они были бы всѣ до одного перерѣзаны. Ихъ мало безпокоили, и потому имъ можно было пробираться черезъ сосѣднія деревни, или такъ сказать, предмѣстія Попотлы.

Испанскій начальникъ сошелъ тамъ съ утомленной лошади и, сѣвъ на ступеняхъ крыльца индѣйскаго храма, грустно смотрѣлъ на ряды своихъ воиновъ, проходившихъ мимо него. Какое зрѣлище представляли они! Конные, большею частью безъ лошадей, мѣшались съ пѣхотинцами, съ трудомъ передвигавшими свои ноги отъ усталости; сквозь ихъ избитые панцыри и оборванную одежду, забрызганную солеными отеками, виднѣлись вспухшія мѣста отъ ударовъ и ужасныя раны; свѣтлое оружіе ихъ было запачкано, плюмажи и знамена потеряны; багажъ, артиллерія, однимъ словомъ, все, что составляетъ красу и торжество воинскаго дѣла, потеряно навсегда. Кортесъ, смотря въ задумчивости на уменьшившіеся и безпорядочные ряды войска, тщетно искалъ многихъ знакомыхъ ему лицъ и не находилъ многихъ драгоцѣн-

ныхъ своихъ товарищей, которые рука объ руку прошли съ нимъ всѣ опасности завоеванія. Хотя онъ привыкъ подавлять свои чувства, или, наконецъ, скрывать ихъ, однакожъ, зрѣлище это было слишкомъ для него поразительно. Онъ закрылъ руками лице, и слезы, катившіяся изъ-подъ нихъ, ясно выражали его душевную тревогу.

Онъ утѣшился, однакожъ, немного при видѣ тѣхъ офицеровъ, на которыхъ возлагалъ большую часть надеждъ своихъ. Альварадо, Сандоваль, Олидъ, Ордасъ, Авила были живы. Онъ невыразимо обрадовался также, узнавъ о спасеніи индѣйской переводчицы своей — Марины, столь любезной ему и необходимой для войска. Она была поручена, съ дочерью тласколанскаго начальника, нѣсколькимъ тласколанцамъ, и, по счастію, попала въ авангардъ, въ которомъ вѣрный конвой благополучно провелъ ее чрезъ всѣ ночныя опасности. Агвиларъ, другой переводчикъ, также спасся. Не съ меньшимъ удовольствіемъ узналъ Кортесъ о спасеніи корабельнаго мастера Мартина Лопеса. Заботливость генерала о судьбѣ этого человѣка, столь необходимаго, какъ то доказано опытомъ, для успѣха его послѣдующихъ операцій, показала, что, посреди всѣхъ своихъ несчастій, неусыпный умъ его смотрѣлъ въ будущее и видѣлъ часъ мести.

Между тѣмъ шедшая колонна достигла сосѣдняго тласколанскаго города Такубы, бывшаго нѣкогда столицею независимаго княжества, и остановилась тамъ на большой улицѣ, какъ-будто заблудилась и не знала куда идти, подобно стаду робкихъ оленей, которые, убѣгая отъ охотниковъ и слыша лай собакъ и звукъ роговъ, дико озирались, ища пещеры или кустарника, куда бы могли укрыться. Кортесъ проворно сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ фронту: предчувствуя опасность оставаться въ многолюдномъ мѣстѣ, гдѣ жители могли сильно безпокоить войска съ *азотей* съ небольшимъ вредомъ для себя, онъ поспѣшно вывелъ войска свои въ открытое поле и занялся устройствомъ своихъ батальоновъ.

Тутъ, въ небольшомъ разстояніи налѣво начиналась возвышенность, примыкавшая къ цѣпи горъ, закрывавшихъ къ западу долину. Высота эта называлась Омонкальпоко, а иногда Монтезума: на вершинѣ находился индѣйскій теокалли съ обширными внѣшними каменными зданіями, занимавшими большое пространство, и своею крѣпкою позиціею, которая командовала сосѣднею равниною, представляла надежное убѣжище изнуренному войску. Но упавшіе духомъ и ошеломленные послѣднимъ пораженіемъ воины, казалось, были еще неспособны для дальнѣйшихъ трудовъ; а мѣсто было занято отрядомъ вооруженныхъ индѣйцевъ. Кортесъ видѣлъ необходимость выгнать ихъ, если хотѣлъ спасти остатки своего войска отъ совершенной гибели. Случай пока-

залъ, что его вліяніе надъ ними было сильнѣе всѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ. Ободривъ своихъ воиновъ и подкрѣпляемый своими храбрыми офицерами, онъ успѣлъ вдохнуть въ самаго послѣдняго изъ нихъ частицу своей неустрашимости и въ виду непріятеля повелъ ихъ на высоту. Но непріятель оказывалъ слабое сопротивленіе и, послѣ немногихъ незначительныхъ залповъ стрѣлъ и копій, мало наносившихъ вреда, уступилъ поле сраженія осаждающимъ.

На вершинѣ горы находилось строеніе значительной величины, представлявшее просторное помѣщеніе для уменьшившагося числа испанцевъ. Они нашли тамъ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, и болѣе значительные запасы, говорятъ, были имъ принесены, въ теченіе дня, изъ дружественныхъ сосѣднихъ селеній. На дворахъ было также нѣсколько топлива, назначеннаго для употребленія при храмѣ. Они тотчасъ развели огонь для просушенія своей мокрой одежды и прилежно занялись перевязкою одинъ другому ранъ, засохшихъ и чрезвычайно разболѣвшихся отъ непокрытія ихъ и долгихъ усилій. Поправившись такимъ образомъ, усталые воины улеглись на полу и на дворѣ отдыхать и скоро нашли временное забвеніе, въ чемъ природа рѣдко отказываетъ даже во время величайшихъ страданій.

Но тамъ было, однакожъ, одно блюстительное око, которое не скоро сомкнуло вѣжди. И какія безпокойныя мысли толпились въ душѣ начальника, при обозрѣніи бѣднаго остатка его сподвижниковъ, валявшихся въ такомъ безпорядкѣ на этихъ жалкихъ бивакахъ! И вотъ все, что пережило блестящую армію, вступившую за нѣсколько недѣль въ столицу Мехики! Куда дѣвались теперь мечты о завоеваніи имперіи? И что такое былъ онъ самъ? Не болѣе, какъ несчастный искатель счастія, на котораго насмѣшка могла указать какъ на безумца! Куда бы онъ ни обратился, всюду горизонтъ былъ равно мраченъ для него; едва одна свѣтлая точка ободряла его. Ему предстояло еще трудное путешествіе по опаснымъ и неизвѣстнымъ тропинкамъ, съ проводниками, въ преданности которыхъ онъ не могъ быть увѣренъ. И могъ ли онъ надѣяться на дружескій пріемъ въ Тласкалѣ, мѣстѣ его назначенія, въ странѣ прежнихъ враговъ своихъ, куда нѣкогда самъ, какъ непріятель, а теперь какъ другъ, вносилъ отчаяніе въ каждую семью цѣлаго народа?

Но это душевное безпокойство и мрачныя мысли, которыя привели бы въ отчаяніе всякаго другаго, не могли измѣнить твердости Кортеса; онѣ даже служили къ увеличенію въ немъ энергіи и возвышенію духа, подобно тому, какъ бури природы очищаютъ и освѣжаютъ атмосферу. Онъ смотрѣлъ на минувшее бѣдствіе безъ унынія; но, довѣрчивый къ своимъ средствамъ, онъ сквозь тьму провидѣлъ свѣтъ, чего другіе не могли видѣть. Даже между со-

крушенными остатками, его окружавшими, походившими, жалкимъ видомъ и странною одеждою, на шайку изнуренныхъ голодомъ бандитовъ, — онъ находилъ средства къ возстановленію измѣнившаго ему счастія. Въ самое время бѣгства и всеобщаго отчаянія, несомнѣнно, геройскій умъ его разсуждалъ уже о планѣ дѣйствій, который онъ впослѣдствіи преслѣдовалъ съ такою неустрашимою твердостью.

Потеря, понесенная испанцами въ эту роковую ночь, подобно какъ и при всякомъ другомъ случаѣ, описанномъ въ исторіи завоеванія, показана вообще весьма невѣрно. Если вѣрить собственному письму Кортеса, то она не превосходила 150-ти испанцевъ и 2000 индѣйцевъ. Но бюллетени генерала, отдающіе полную справедливость трудностямъ, которыя должно было преодолѣть, и важности результатовъ, менѣе заслуживаютъ довѣрія въ отношеніи къ показаніямъ его о средствахъ и о потеряхъ его. Тоанъ Кано, одинъ изъ его офицеровъ, насчитываетъ число убитыхъ до 1,170-ти испанцевъ и до 8,000 индѣйцевъ. Но это ужъ превосходитъ, кажется, все количество людей, составлявшихъ его армію. Вѣроятнѣе, можетъ быть, исчисленіе Гомары, духовника Кортеса, который имѣлъ свободный доступъ не только къ бумагамъ Кортеса, но и къ другимъ достовѣрнымъ источникамъ свѣдѣній. По показанію его, число христіанъ, убитыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти, простиралось до 450-ти человѣкъ, а туземцевъ до 4,000. Это число, вмѣстѣ съ потерею, понесенною въ битвахъ предыдущей недѣли, составляетъ: первыхъ—нѣсколько болѣе трети, а послѣднихъ—одной четверти, или даже пятой части всего войска, вошедшаго въ столицу. Сильнѣйшее нападеніе было сдѣлано на арьергардъ, изъ котораго немногіе остались въ живыхъ. Онъ былъ преимущественно составленъ изъ воиновъ Нарваэса, которые пали жертвою своей алчности. 46 всадниковъ погибли, что, съ предыдущими потерями, уменьшило число этого отряда войска до 23-хъ человѣкъ. Большая часть сокровищъ, багажа, бумагъ Кортеса, въ томъ числѣ его отчеты, и небольшой дневникъ занятій со времени оставленія Кубы, — который для потомства былъ бы дороже самаго золота,—погибли въ волнахъ озера. Аммуниція, прекрасная легкая артиллерія, съ которою Кортесъ вошелъ въ городъ, — все погибло безвозвратно. Даже ни одного ружья не осталось въ войскѣ, ибо воины побросали ихъ, стараясь освободиться отъ всего, что могло замедлить ихъ бѣгство въ ту ужасную ночь. Короче сказать, изъ военныхъ снарядовъ не осталось ничего, кромѣ мечей, жалкихъ лошадей и немногихъ поврежденныхъ арбалетовъ.

Плѣнные, въ томъ числѣ, какъ выше уже сказано, дѣти Монтезумы и кацикъ тецкукскій, всѣ погибли отъ рукъ своихъ невѣжественныхъ соотечественниковъ, во время ослѣпленной

ярости аттаки. Изъ замѣчательныхъ испанцевъ находится на томъ же кровавомъ спискѣ имя Франциско де-Морла, павшаго возлѣ Кортеса, при возвращеніи съ нимъ на выручку арьергарда. Но важнѣйшая потеря состояла въ Хуанѣ Веласкесѣ де-Леонѣ, который вмѣстѣ съ Альварадою командовалъ арьергардомъ, занимавшимъ во всю ночь самый опасный постъ; онъ палъ, храбро защищая его, при началѣ отступленія. Онъ былъ превосходный офицеръ, обладавшій многими рыцарскими качествами, хотя немного надменный въ своемъ обращеніи, потому что принадлежалъ къ одному изъ знатнѣйшихъ семействъ во всей Испаніи. Близкій родственникъ губернатора Кубы, онъ сначала смотрѣлъ холодно на притязанія Кортеса; но, по убѣжденію ли, что послѣдній былъ обиженъ, или по уваженію къ его личнымъ достоинствамъ, Веласкесъ искренно привязался къ выгодамъ своего вождя. Генералъ платилъ ему полною своею довѣренностью, назначилъ его, какъ мы видѣли, отдѣльнымъ и независимымъ начальникомъ, котораго малѣйшее дурное распоряженіе или ошибка могли подвергнуть гибели всю экспедицію. Но Веласкесъ доказалъ, что онъ былъ достоинъ довѣренности Кортеса, и генерала не поразила бы такъ горестно ни чья смерть, развѣ, можетъ быть, смерть Сандоваля или Альварадо. Таковы были бѣдственныя послѣдствія этой ужасной переправы черезъ плотины, предъ которыми всѣ прочія неудачи, когда-либо помрачавшія славу испанскаго оружія въ Новомъ свѣтѣ, были незначительны; въ память этихъ несчастій та ночь, въ которую они случились, названа въ народныхъ лѣтописяхъ «горестная или печальная ночь».

(В. Прескоттъ. Завоев. Мехики. «Отеч. Зап.», 1848 г. Глава III, стр. 148—158).

4. ПОКОРЕНІЕ ПЕРУ.

а) Страна и народъ. — Столица. — Инки. — Сословія. — Религія. — Земледѣліе.

Когда въ 1524 году предпріимчивый Францискъ Пизарро вступилъ въ перуанскую землю, эта монархія простиралась отъ береговъ Великаго океана, занимаемыхъ теперь республиками Экватора, Перу, Боливіи и Чили, т. е. отъ 2° с. ш. до 37° ю. ш. внутрь материка до неизвѣсныхъ до сихъ поръ предѣловъ, лежащихъ далеко на востокъ отъ Андскаго хребта. Наружный видъ этого государства весьма замѣчателенъ. Узкая полоса земли тянется вдоль берега, окаймленная съ другой стороны исполинскимъ хребтомъ Кордильерасъ де-лосъ-Андесъ, идущимъ по всему протяженію Южной Америки отъ Магелланова пролива до Панамскаго перешейка. Путнику, ѣдущему съ моря, представляется

картина горъ, взгроможденныхъ другъ на друга, и надъ этою колоссальною грядою отдѣльные пики огромныхъ вулкановъ и заоблачная гигантская вершина Чимборазо, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ. Природа работала здѣсь въ такихъ размѣрахъ, что только изъ значительнаго отдѣленія можно судить о взаимныхъ отношеніяхъ огромныхъ частей къ колоссальному цѣлому. По первому взгляду, земледѣліе и средства удобнаго сообщенія не могутъ процвѣтать въ этой странѣ. Песчаная полоса вдоль берега никогда не пьетъ благотворныхъ дождей и орошается только быстрыми, небольшими рѣчками, текущими съ Андъ на западъ, какъ-бы для противоположности непомѣрной массѣ водъ, изливающихся къ востоку въ Атлантическій океанъ. Что дѣлать земледѣльцу на крутыхъ бокахъ Сіерры, сложенныхъ изъ порфира и гранита, усѣянныхъ пропастями и въ верхней полосѣ покрытыхъ снѣгомъ, не тающимъ даже отъ лучей экваторіальнаго солнца? Что дѣлать плугу на отвѣсахъ вулкановъ, снѣгъ которыхъ растаялъ отъ внутренняго огня горы и обнажилъ голую скалу, опаленную и покрытую лавой и сѣрой? Какое сообщеніе учредить тамъ, гдѣ дикая природа повсюду набросала горы и утесы, съ ихъ ужасающими пропастями, бурые потоки, яростно крутящіе по узкому, но глубокому ложу огромные камни; гдѣ нога путника не можетъ ступить тысячи разъ, не встрѣтивъ новой, едвали одолимой преграды? И при всемъ томъ, трудолюбивый геній индѣйца умѣлъ поработить эту землю своей волѣ и преодолѣть непобѣдимыя съ перваго взгляда препятствія. Прокопали каналы для искусственнаго орошенія, и песчаная пустыня превратилась въ плодородную ниву; перекинули мосты черезъ пропасти и потоки; на ребрахъ горъ вырубили ступени гигантскихъ лѣстницъ, и странникъ до сихъ поръ дивится дорогамъ древняго Перу. Трудолюбивое населеніе построило города и деревни, развило земледѣліе, садоводство, скотоводство и широко раскинуло хотя одностороннюю и своеобразную, но тѣмъ не менѣе замѣчательнѣйшую образованность.

Столицею инковъ былъ великолѣпный Куско. Городъ расположенъ въ горной долинѣ, по которой текла быстрая, но не широкая рѣка; черезъ нее перекинуты, для сообщенія противоположныхъ береговъ, деревянные мосты, выложенные тяжелыми плитами изъ тесанаго камня. Длинныя, узкія улицы обстроены низенькими домиками, или, правильнѣе, мазанками изъ тростника и глины. Но зато храмы, сложенные изъ камня, были истинно громадны и великолѣпны. Куско, столица и священный городъ перуанцевъ, вмѣщалъ въ себѣ великій храмъ солнца, выстроенный посреди обширной площади; сюда стекались густыя толпы богомольцевъ изъ цѣлаго царства. Этотъ дивный храмъ былъ величественнѣйшее зданіе тогдашней Америки, а

по несмѣтному богатству заключавшихся въ немъ украшеній едвали какое-нибудь зданіе въ цѣломъ мірѣ могло съ нимъ поспорить. Въ сѣверной части города возвышалась на горѣ крѣпость, развалины которой еще въ наше время удивляютъ путешественниковъ своею громадностью. Построенная на возвышеніи, едва доступномъ по мѣстному своему естественному положенію, крѣпость защищалась со стороны города весьма толстою каменною стѣною въ тысячу двѣсти футъ длины; съ другой стороны, гдѣ склонъ горы былъ не такъ крутъ, находились двѣ также толстыя, полукруглыя стѣны, значительно отстоявшія одна отъ другой. Лежавшее между ними пространство было такъ возвышено, что, въ случаѣ приступа, стѣны служили брустверомъ для помѣщенныхъ между ними войскъ. Цитадель, или собственно крѣпость, состояла изъ трехъ отдѣльныхъ башенъ. Первая, назначенная для инки, по обширности и великолѣпію, скорѣе походила на царскій дворецъ; двѣ остальныя служили казармами для гарнизона, составленнаго изъ дворянъ и находившагося подъ командою офицеровъ, изъ семейства инковъ. Главный начальникъ или комендантъ, по особенной важности этого поста, выбирался обыкновенно изъ ближайшихъ родственниковъ царствовавшаго государя. Во внутренности горы подъ крѣпостью были выкопаны многочисленные подземные ходы, соединявшіе крѣпость съ городомъ и дворцомъ инковъ. Стѣны, крѣпость и ходы были выстроены изъ огромныхъ кусковъ камня, обтесанныхъ по краямъ и хотя сложенныхъ безъ цемента, но такъ плотно, что между ними нельзя было просунуть лезвія ножа. Между камнями, служившими для этихъ исполинскихъ построекъ, находились куски въ тридцать восемь футъ длины, восемнадцать футъ ширины и шесть — толщины. Какъ не изумиться, вспомнивъ, что эти чудовищные камни были высѣчены, обтесаны, перенесены (изъ каменоломень, лежащихъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ) чрезъ рѣки и пропасти, подняты на высокую гору и съ величайшею точностью сложены другъ на друга, безъ помощи лошадей или другихъ вьючныхъ животныхъ, безъ всякой изъ нашихъ европейскихъ машинъ и орудій, народомъ, не знавшимъ употребленія желѣза? По преданію, двадцать тысячъ работниковъ строили крѣпость въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Она представляетъ намъ величественный образецъ системы укрѣпленій, которую вводили инки на всѣхъ предѣлахъ своихъ обширныхъ владѣній.

Самодержавный скипетръ инковъ передавался по прямой линіи отъ отца къ старшему сыну, рожденному отъ законной супруги, всегда отличенной отъ толпы наложницъ. Для поддержанія чистоты божественной крови инковъ, предполагаемый наслѣдникъ престола сочетавался всегда *законнымъ бракомъ* съ од-

ною изъ сестеръ своихъ, такъ чтобы будущій наслѣдникъ былъ по мужскому и женскому колѣну божественнаго происхожденія. Воспитаніе наслѣдника поручалось *амаутасамъ* (мудрымъ мужамъ), которые учили его тому, что сами знали, преимущественно мелочамъ многообразныхъ религіозныхъ обрядовъ и военному искусству. Для послѣдняго была учреждена особая военная школа, гдѣ наслѣдникъ престола обучался съ другими инками, равныхъ ему лѣтъ. По окончаніи курса дѣлалось воспитанникамъ тридцатидневное строгое испытаніе въ борьбѣ, кулачномъ бою, бѣганьѣ въ-запуски и фехтованіи, причемъ наносились иногда опасныя раны; сверхъ того, испытываемые должны были соблюдать многодневный строгій постъ. Наслѣдникъ престола въ этомъ случаѣ подвергался тѣмъ же строгостямъ, ходилъ босоногій, въ разодранномъ рубищѣ и спалъ на голой землѣ. По окончаніи экзамена, отличившіеся воспитанники представлялись государю, который съ торжественнымъ обрядомъ нарицалъ ихъ *дѣтьми солнца* и присоединялъ къ учрежденію, похожему на наши кавалерскіе ордена. Для этого каждый удостоенный становился на колѣни передъ инкою, который собственноручно прокалывалъ ему уши золотыми шпильками, оставшимися въ ранѣ до тѣхъ поръ, пока образовавшееся отверстіе могло принять ушко огромныхъ серегъ, отличительнаго кавалерскаго знака. Эти тяжелыя серьги оттягивали уши иногда до плечъ, но всемогущая мода выставляла такую уродливость, какъ завидное украшеніе лица. Ноги новопосвященныхъ кавалеровъ обувались въ полусапожки, что напоминаетъ намъ наложеніе шпоръ у христіанскихъ рыцарей; а поясъ, которымъ съ этихъ поръ дозволялось подпоясывать платье, однозначущъ съ позволеніемъ римлянъ носить мужскую тогу. Головы украшались вѣнками изъ цвѣтовъ, и торжество оканчивалось веселымъ праздникомъ съ пѣснями и плясками, на главной площади города.

Кончившій курсъ и выдержавшій экзаменъ наслѣдникъ престола признавался торжественно въ этомъ званіи и принималъ поздравленія отъ дворянства и сановниковъ; въ то же время пріобрѣталъ онъ право засѣдать въ государственномъ совѣтѣ и получалъ одну изъ почетныхъ гражданскихъ должностей или отправлялся въ походъ, подъ командою знаменитѣйшихъ полководцевъ, пока долговременною службою подъ знаменемъ радуги *) пріобрѣталъ достаточную опытность въ военномъ дѣлѣ и самъ могъ принять главное начальство надъ войсками.

Самодержавный инка стоялъ на недоступной высотѣ величія въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Знатнѣйшіе сановники и

---

*) Радуга была гербомъ инковъ.

близкіе родственники государя не иначе смѣли являться предъ нимъ, какъ босоногіе и съ легкимъ бременемъ на плечахъ, въ знакъ своей покорности. Прямой потомокъ бога-солнца, государь былъ вмѣстѣ и верховнымъ жрецомъ; онъ самовольно налагалъ подати, издавалъ законы, назначалъ и смѣнялъ правителей и судей и главно-начальствовалъ надъ войскомъ. Власть его была неограниченна, и воля—закономъ для подданныхъ. Роскошь и великолѣпіе постоянно окружали его и всюду ему сопутствовали. Платье инки было соткано изъ тончайшей вигоньей шерсти, окрашенной яркимъ цвѣтомъ, вышитой золотомъ и украшенной драгоцѣнными камнями. На головѣ носилъ онъ отличительный знакъ своего достоинства — пестрый тюрбанъ (лауту), покрытый пунцовой сѣткой и украшенный двумя перьями рѣдкой птицы (кораквенки), которая водилась въ горахъ. Убивать или ловить ее было запрещено подъ страхомъ смертной казни.

Были, однако, случаи, когда инка дѣлался довольно доступнымъ народу. Въ извѣстные дни онъ присутствововалъ при религіозныхъ торжествахь и потомъ приглашалъ къ собственному столу почетныхъ лицъ, причемъ пилъ за здоровье тѣхъ, которыхъ хотѣлъ отличить своимъ вниманіемъ. Въ извѣстные промежутки времени инка съ большой свитой и торжественностью совершалъ путешествіе по имперіи. Носилки, на которыхъ сидѣлъ государь, были богато изукрашены золотомъ и изумрудами; носильщики, особо для того назначенные (исключительно изъ двухъ городовъ), принимали это весьма почетное порученіе довольно неохотно, потому что казнились смертію въ случаѣ, еслибы уронили царскія носилки. Путешествіе государя шло довольно быстро, онъ останавливался или въ царскихъ дворцахъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи, или въ тамбо *); на дорогу высыпало окрестное народонаселеніе, сметало пыль, грязь и другія препятствія, усыпало дорогу цвѣтами; несло дорожный скарбъ и привѣтствовало государя радостными кликами. По-временамъ инка останавливался, милостиво выслушивалъ просьбы подданныхъ и давалъ аудіенціи мѣстнымъ властямъ.

Мы сейчасъ говорили о царскихъ дворцахъ, построенныхъ внутри имперіи: они находились не въ однихъ городахъ, но были разсѣяны по разнымъ мѣстностямъ. Архитектура этихъ зданій отличалась прочностью, а не красотою: они были очень искусно сложены изъ камней, безъ цемента, и состояли изъ рядовъ многочисленныхъ низкихъ комнатъ, не имѣвшихъ между собою прямаго сообщенія, но выходившихъ на одинъ общій

*) Тамбо были родъ гостинницъ, устроенныхъ по дорогамъ, на счетъ правительства.

дворъ. Зданіе всегда было одноэтажное и покрывалось соломою, листьями или даже ситою. Но зато внутреннее украшеніе комнатъ напоминало всю роскошь перуанскихъ владыкъ. Стѣны были богато изукрашены золотомъ и серебромъ или обиты удивительными по своей красотѣ тканями. Эти предметы, перевезенные впослѣдствіи въ Европу, занимали видныя мѣста во дворцахъ владыкъ Испаніи.

Любимымъ мѣстопребываніемъ инки былъ Юкай, въ четырехъ лигахъ отъ Куско, гдѣ они выстроили прекраснѣшій изъ своихъ дворцовъ, въ прелестной горной долинѣ, орошаемой живописными рѣчками. Здѣсь, отказавшись отъ шума и дѣлъ столицы, владѣтели Перу проводили сладостные часы покоя посреди роскошныхъ садовъ, усѣянныхъ ароматными цвѣтами, въ золотыхъ купальняхъ, куда кристальная вода текла изъ серебряныхъ трубъ. И, не довольствуясь богатою естественною растительностью тропиковъ, инки помѣстили въ этихъ садахъ небывалыя искусственныя растенія, съ серебряными стволами, золотыми листьями, плодами и цвѣтами изъ драгоцѣнныхъ камней; дивныя, необыкновенныя формы этихъ растеній были работаны съ искусствомъ, которому позавидовали бы знаменитѣйшіе изъ европейскихъ ювелировъ. Непомѣрное изобиліе золота, составлявшаго исключительную собственность государя, и неограниченная его власть дѣлали возможнымъ осуществленіе фантазіи итальянскихъ поэтовъ, описавшихъ сады Альцина и Морганы.

Дивная роскошь владыкъ Перу тѣмъ замѣчательнѣе, что каждый государь пользовался только имъ самимъ накопленными сокровищами, не получая ихъ по наслѣдству отъ предковъ: это былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ обычаевъ, свойственныхъ Перу. По смерти каждаго государя всѣ принадлежавшія ему сокровища, за исключеніемъ необходимыхъ для его погребенія, оставлялись въ томъ видѣ, какъ при его жизни, и никто не смѣлъ коснуться до принадлежавшихъ покойному вещей. Многочисленные дворцы умершаго монарха запирались на-вѣки, со всѣми накопленными въ нихъ богатствами, и новый инка долженъ былъ все заводить и строить снова. Основаніе такого страннаго обычая должно искать въ вѣрованіи индѣйцевъ, что душа умершаго инки, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, вновь возвратится на землю и, одушевивъ новое тѣло, очень будетъ довольна, найдя оставленную на землѣ собственность въ томъ самомъ видѣ, какъ разсталась съ нею.

Послѣ смерти инки или, говоря оффиціальнымъ языкомъ, послѣ возвращенія его къ отцу-солнцу, похороны умершаго совершались съ необыкновенною пышностью. Съ трупомъ инки зарывали множество драгоцѣнностей и на могилѣ его приносились въ жертву любимые его служители и наложницы: число

этихъ жертвъ простиралось иногда до тысячи. Трупы умершихъ государей бальзамировались съ большимъ искусствомъ и выставлялись въ великомъ храмѣ солнца—въ Куско. Они сидѣли тамъ рядомъ, на золотыхъ стульяхъ, одѣтые въ царскіе наряды, съ наклоненными головами и скрещенными на груди руками, мужчины по правую, а жены ихъ по лѣвую руку отъ золотаго солнца. Перуанцы такъ искусно бальзамировали трупы, что всякій, съ перваго взгляда, счелъ бы ихъ за живыхъ людей.

Дворянство дѣлилось на два класса. Первый состоялъ изъ членовъ семейства инковъ, т. е. всѣхъ, происходившихъ по мужской линіи отъ священнаго рода; на нихъ отражалась часть блеска монарха. Злоупотребленіе многоженства,—привилегія рода инковъ, — было главною причиною непомѣрнаго распложенія ихъ племени. Они пользовались особенными, важными преимуществами, носили отличительный костюмъ и говорили между собою особеннымъ языкомъ; для содержанія ихъ были назначены лучшіе участки общественныхъ земель. Значительнѣйшіе изъ нихъ жили при дворѣ, засѣдали въ совѣтѣ, обѣдали за однимъ столомъ съ государемъ или, по крайней мѣрѣ, получали кушанье изъ его кухни. Одни изъ нихъ составляли ближайшихъ окружающихъ государя, другіе же командовали войсками, или занимали губернаторскія и другія почетнѣйшія мѣста въ провинціяхъ. Самые законы, вообще чрезвычайно строгіе, казалось, были не для нихъ писаны, потому что народъ, привыкшій видѣть въ инкахъ членовъ божественнаго семейства, считалъ невозможнымъ допустить мысль о преступленіи, совершенномъ однимъ изъ дѣтей солнца.

Второй классъ дворянства составляли *курака*, потомки кациковъ покоренныхъ народовъ. Это дворянство было также наслѣдственное и права его различны, смотря по важности мѣста, занимаемаго каждою личностью. Оставаясь въ родныхъ провинціяхъ, они занимали тамъ второстепенныя и низшія административныя должности, подъ главнымъ начальствомъ или непосредственнымъ руководствомъ правителей изъ семейства инковъ.

Главный оплотъ перуанскаго трона состоялъ, безспорно, въ дворянствѣ инковъ, связанномъ съ государемъ узами родства и общихъ интересовъ. Отличенные одеждою, языкомъ и происхожденіемъ отъ всѣхъ прочихъ подданныхъ, они никогда не смѣшивались съ многоразличными племенами, населявшими Перу, и постоянно образовывали рѣзко-отдѣльный классъ, окружавшій тронъ, управлявшій провинціями, командовавшій войсками и занимавшій мѣста жрецовъ, однимъ словомъ, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ физическую и нравственную власти. Самое образованіе ихъ черепа доказываетъ, какъ высоко они стояли

надъ прочими племенами, населявшими обширное пространство Перуанской имперіи. Но откуда пришло это замѣчательное племя и каковы его прежнія судьбы, это остается въ числѣ загадокъ, которыми такъ богата исторія Америки и которыя до сихъ поръ еще такъ мало изслѣдованы.

Устройство низшихъ классовъ народа еще примѣчательнѣе. Здѣсь кстати замѣтить, что древніе перуанцы не имѣли слова для обозначенія общности ихъ монархіи и называли ее «Четыре страны свѣта» (Тавантинсую), потому что все государство дѣлилось на четыре большія провинціи, названныя по странамъ свѣта. Въ нихъ вели четыре государственныя большія дороги, соединявшіяся въ Куско. Самая столица раздѣлялась на четыре части, по странамъ свѣта, и лица, стекавшіяся въ нее, должны были жить въ части города, по которой пролегала дорога на ихъ родину. Каждый былъ обязанъ носить присвоенную его племени одежду, такъ что столица представляла, въ маломъ видѣ, образчикъ всей имперіи.

Провинціи управлялись особенными намѣстниками, при которыхъ находились совѣтники, помогавшіе въ отправленіи различныхъ правительственныхъ дѣлъ. Намѣстники собирались ежегодно, въ опредѣленное время, въ столицу, для засѣданія въ верховномъ государственномъ совѣтѣ. Весь народъ дѣлился на десятки, сотни и тысячи, подъ начальствомъ особыхъ десятниковъ, сотниковъ и тысяцкихъ, изъ которыхъ каждый былъ обязанъ, подъ страхомъ строгаго взысканія, радѣть о своихъ подчиненныхъ, защищать ихъ права, наблюдать за исполненіемъ ихъ обязанностей и, въ случаѣ проступковъ или преступленій, предавать виновныхъ въ руки правосудія. Десятскіе, сотскіе и тысяцкіе принадлежали къ дворянству *курака*; обязанности и власть каждаго изъ нихъ были подробно опредѣлены закономъ. Каждыя десять тысячъ жителей образовывали округъ, управляемый чиновникомъ изъ дворянства инковъ, имѣвшимъ въ рукахъ высшую полицейскую власть и надзоръ надъ подчиненными ему кураками. Въ городахъ и общинахъ были учреждены изъ низшихъ чиновниковъ судейскія палаты, вѣдавшія мелкіе проступки; важнѣйшіе рѣшались судебнымъ мѣстомъ подъ предсѣдательствомъ начальника округа, а тяжкія преступленія поступали на разсмотрѣніе судовъ, учрежденныхъ при намѣстникахъ. Судьи опредѣлялись и увольнялись государемъ и обязаны были рѣшать каждое дѣло, предоставленное ихъ разсмотрѣнію, не позже какъ въ теченіе пяти дней. Для упроченія правильнаго хода правосудія, были посылаемы, въ извѣстные промежутки времени, особыя коммисіи, обязанныя ревизовать дѣйствія провинціальныхъ судебныхъ мѣстъ, причемъ, въ случаѣ открытія какихъ-либо упущеній, судьи наказывались жестокими казнями.

Судебныя мѣста и правительственныя лица обязаны были ежемѣсячно подавать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ непосредственнымъ своимъ начальникамъ, такъ что въ столицѣ инки стекались ежемѣсячно подробныя донесенія о дѣйствіяхъ правительства въ цѣломъ пространствѣ монархіи.

Число законовъ было ограничено, но самые законы—необыкновенно строги и даже жестоки. Почти всѣ относились къ числу уголовныхъ; да и какимъ же гражданскимъ законамъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ ни денегъ, ни торговли и гдѣ едва существовало понятіе о постоянной собственности? Смертоубійство, воровство, прелюбодѣяніе и блудъ наказывались смертью; впрочемъ, облегчительныя обстоятельства могли иногда смягчать наказаніе. Зажигательство, порча водопроводовъ и межевыхъ знаковъ также наказывались весьма строго; сожженіе моста наказывалось смертью. Но всего строже казнились, подъ безразличнымъ названіемъ богохульниковъ, оскорбители солнца и его сына инки, такъ какъ считалось равнымъ преступленіемъ оскорбить бога-солнце и сына солнца. Если гдѣ-либо вспыхивалъ бунтъ, то непокорный городъ или даже цѣлая страна превращались въ пустыню, а жители умерщвлялись всѣ до послѣдняго, безъ различія пола и возраста.

Строгость перуанскихъ уголовныхъ законовъ объясняется тѣмъ, что всякое преступленіе закона считалось неуваженіемъ къ волѣ инки, изъ которой истекали всѣ законы; поэтому часто полагалась смерть за неважные проступки. Впрочемъ, при исполненіи приговоровъ суда никогда не мучили напрасно осужденныхъ на смерть, быстро прекращая жизнь преступника.

Распредѣленіе общественнаго имущества составляетъ самое интересное проявленіе перуанской политики. Всѣ земли и ихъ произведенія дѣлились на три неравныя части: первая принадлежала солнцу, вторая—инкѣ, третья—народу. Отношеніе между этими частями было неодинаково въ различныхъ провинціяхъ; но въ какой пропорціи оно измѣнялось, объ этомъ не дошло до насъ свѣдѣній.

Доходъ съ земель, предназначенныхъ солнцу, посвящался на покрытіе значительныхъ расходовъ, необходимыхъ для совершенія пышныхъ обрядовъ и торжественностей перуанской религіи. Земли, назначенныя на долю инки, доставляли средства къ роскошной жизни государя, его двора и всего рода; изъ этихъ же доходовъ производились всѣ выдачи на государственныя потребности. Остальная часть была раздѣлена между народомъ поголовно, равными участками. Законъ обязывалъ каждаго перуанца жениться на извѣстномъ году отъ-роду, и, по исполненіи этой законной обязанности, община снабжала новобрачныхъ хижиной и участкомъ земли, достаточнымъ для прокормленія

двухъ человѣкъ. Въ случаѣ прибыли семейства, участокъ увеличивался, а въ случаѣ убыли—уменьшался всегда пропорціонально. Этотъ раздѣлъ полей возобновлялся ежегодно, по наличному числу душъ каждаго семейства.

Такъ какъ жрецы и дворянство не занимались земледѣліемъ, а рабство было неизвѣстно въ Перу, то, по необходимости, всѣ участки земель обработывались народомъ, подъ надзоромъ правительства. Прежде всего пахали поля, принадлежащія солнцу, потомъ участки стариковъ, больныхъ, вдовъ и сиротъ, служащихъ воиновъ и вообще всѣхъ членовъ общины, которые по уважительной причинѣ не могли сами заниматься земледѣліемъ и прокормить себя. Потомъ всякій обработывалъ собственный участокъ, причемъ члены общины обязаны были по-возможности пособлять другъ другу. Наконецъ обработывались поля инки, и весь народъ съ торжественными обрядами приступалъ къ этому священному труду, почитавшемуся народнымъ праздникомъ.

Такой же порядокъ былъ заведенъ относительно другихъ частей сельскаго хозяйства. Льямы (lama) (видъ перуанскихъ овецъ),—одно изъ государственныхъ богатствъ, принадлежащихъ солнцу и инкѣ: число этихъ животныхъ было необычайно велико, и правила для ихъ сохраненія и распложенія опредѣлялись строгими, точными постановленіями, заслужившими справедливое удивленіе европейцевъ.

Главнымъ продуктомъ льямъ была ихъ драгоцѣнная шерсть. Въ опредѣленную эпоху года стригли овецъ въ цѣломъ государствѣ и собранную шерсть сдавали въ казенные магазины, гдѣ она сортировалась, и опредѣлялось количество, слѣдующее въ выдачу каждому отдѣльному семейству; всѣ женщины, начиная отъ дряхлой старухи до пятилѣтней дѣвочки, обязаны были тотчасъ заняться пряжею и тканьемъ выданной семейству шерсти, и когда всѣ члены его были снабжены теплою одеждою къ зимѣ (довольно суровой въ горныхъ округахъ), то народъ обязанъ былъ приняться за обработку шерсти для инки.

Количество потребныхъ тканей, ихъ видъ и качества заранѣе опредѣлялись въ Куско; потомъ особые пристава дѣлили шерсть между работницами цѣлой имперіи, наблюдая притомъ, чтобы лучшій матеріалъ достался въ искуснѣйшія руки. Пристава непрерывно надзирали за точнымъ исполненіемъ этихъ работъ, не разбирая, впрочемъ, на кого работали,—на инку или самихъ себя: всякій обязанъ былъ трудиться по опредѣленному закономъ порядку, и лѣность была строго наказываема, какъ кража общественнаго имущества; трудолюбивые поощрялись различными наградами.

Всѣ рудники составляли исключительную собственность инки и разработывались въ его пользу привыкшими къ дѣлу рудоко-

пами. Небольшое, опредѣленное число жителей занималось ремеслами, преимущественно изготовленіемъ земледѣльческихъ и другихъ орудій и потребностей роскошнаго двора инки. Ремесленники работали подъ надзоромъ приставовъ опредѣленное число часовъ и получали инструменты и содержаніе отъ правительства, которое съ отеческою заботливостью пеклось о рудокопахъ и ремесленникахъ, стараясь всѣми средствами улучшить ихъ бытъ и сдѣлать работы необременительными. Ремесла передавались по наслѣдству, отъ отца къ сыну, и обыкновенно ремесленники одной общины всѣ занимались однимъ и тѣмъ же дѣломъ.

Всѣ продукты ремеслъ и сельскаго хозяйства, за выдѣломъ народу нужной части и доставленіемъ въ Куско потребностей для двора, хранились въ общественныхъ магазинахъ, обширныхъ и прочныхъ каменныхъ зданіяхъ, куда складывались всѣ избытки народнаго труда и богатства. Изъ этихъ-то магазиновъ черпали въ случаѣ неурожая или недостатка какихъ-либо предметовъ. Магазины ревизовались ежегодно особыми чиновниками — *квипукамаую*, которые доставляли въ столицу подробные реестры всѣхъ вещей, хранившихся въ этихъ общественныхъ запасахъ. Этимъ же чиновникамъ было поручено собраніе и составленіе разныхъ статистическихъ свѣдѣній, списковъ наличнаго народонаселенія, родившихся и умершихъ, надзоръ за разнородными работами, наконецъ сборъ и храненіе податей или продуктовъ, слѣдующихъ инкѣ и солнцу.

Изъ этого очерка видно, что вся тяжесть матеріальнаго труда, слѣдовательно и налоговъ, лежала особенно на низшемъ классѣ населенія, которое, несмотря на отсутствіе возможности улучшить свой бытъ, работало изъ всѣхъ силъ, побуждаемое строгими законами, наказывавшими лѣность и нерадѣніе. Правда, и правительство, требовавшее безусловнаго повиновенія, исполняло съ своей стороны всѣ обязанности, возложенныя на него заведеннымъ порядкомъ вещей, и пеклось не только о продовольствіи рабочаго класса, но и немощныхъ его членовъ. Если въ Перу не было богатыхъ, зато не было и нищихъ: всякій имѣлъ необходимое, не зная излишества. Только инка и его семейство утопали въ роскоши. Народъ былъ трудолюбивъ поневолѣ: честолюбіе, скупость и страсть къ перемѣнамъ для него не существовали. Инки употребляли всѣ средства, чтобы упрочить навсегда такой порядокъ вещей и, къ удивленію, успѣвали въ этомъ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Самодержавная власть инки легко управляла государствомъ, при существованіи хорошихъ путей сообщенія. Изъ всѣхъ остатковъ древней перуанской цивилизаціи—развалинъ ихъ храмовъ, дворцовъ, памятниковъ, крѣпостей, водопроводовъ, всего замѣ-

чательнѣе удивительныя военныя дороги. Главная изъ нихъ соединяла столицу Куско съ Квито, старымъ городомъ имперіи, и пролегала черезъ снѣжныя горы, глубокія пропасти, быстрые потоки; ничто не остановило перуанскихъ инженеровъ, работавшихъ притомъ безъ помощи пороха и желѣза. Они успѣли проложить удобный путь черезъ вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, прорубили многоверстныя галереи въ гранитныхъ и порфировыхъ горахъ, засыпали пропасти или переходили черезъ нихъ по широкимъ ступенямъ, высѣченнымъ на ребрахъ скалъ; черезъ рѣки перекинули висячіе мосты. Мы видимъ еще и теперь развалины такихъ дорогъ, простирающихся до 2,000 англійскихъ миль. Ширина дорогъ была незначительная и едва достигала трехъ саженъ. Ихъ мостили плитами изъ песчаника, соединенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смолистымъ цементомъ, затвердѣвшимъ не хуже камня. Тамъ, гдѣ, для веденія полотна дороги черезъ пропасти, воздвигнуты были каменныя стѣны, упиравшіяся въ глубокое дно, кладка камней дивно прочная. Вѣковыя усилія горныхъ потоковъ промыли въ иныхъ мѣстахъ основанія этихъ стѣнъ, но, несмотря на то, верхняя ихъ половина твердо виситъ надъ бездною, въ видѣ свода.

Мосты чрезъ бурные потоки были повѣшены на канатахъ, толщиною въ человѣка, сплетенныхъ изъ волоконъ *магея* (агавы) или изъ ивовыхъ прутьевъ; эти канаты прикрѣплялись на противоположныхъ берегахъ къ огромнымъ бревнамъ, вдѣланнымъ въ каменные устои. Такіе воздушные мосты были иногда длиннѣе двухъ сотъ футъ, и, несмотря на кажущуюся ихъ ненадежность, испанцы до сихъ поръ ихъ поддерживаютъ, какъ единственное средство переправы черезъ быстрые горные потоки.

Другая дорога по долинѣ вдоль моря и Андскаго хребта была устроена на земляной плотинѣ, съ обѣихъ сторонъ окаймленной брустверомъ и обсаженной, въ видѣ аллеи, благовонными кустарниками, деревьями и цвѣтами. Благоуханіе и прохладная тѣнь провожали здѣсь странника по всему пути.

Вдоль этихъ дорогъ устроены были на каждыхъ 15 или 20 верстахъ *тамбо*, или гостинницы, преимущественно назначенныя для отдохновенія инки и чиновниковъ, путешествующихъ по дѣламъ службы; другіе путешественники рѣдко попадались въ Перу. Нѣкоторыя изъ этихъ гостинницъ были выстроены въ большихъ размѣрахъ и окружены крѣпкими стѣнами. Содержаніе и поправка дорогъ лежали на обязанности общинъ; ремонтъ, впрочемъ, былъ не обременителенъ, потому что всѣ путешествовали пѣшкомъ, и единственный экипажъ — были носилки; дороги же такъ прочно устроены, что могли бы стать на ряду съ лучшими европейскими мостовыми. Небреженіе испанцевъ и разрушительное дѣйствіе горной воды и подземнаго огня превра-

тили ихъ въ развалины, похожія на остатки древнихъ римскихъ дорогъ въ Европѣ; подобно послѣднимъ, онѣ представляютъ образчики полезнѣйшихъ и изумительнѣйшихъ работъ, совершенныхъ человѣческими руками.

По большимъ дорогамъ, на каждыхъ семи верстахъ были почтовые домики, въ которыхъ жили гонцы правительства (шаски), переносившіе бѣгомъ до слѣдующей станціи депеши и изустныя повелѣнія властей. Быстрота этихъ сообщеній была такова, что депеша дѣлала отъ 200 до 250 верстъ въ сутки. *Шаски* доставляли такъ же, и съ тою же поспѣшностью, плоды, дичину, рыбъ и другія потребности для стола инки, шедшія иногда изъ довольно отдаленныхъ округовъ имперіи. Въ то время, когда въ Европѣ почти были неизвѣстны, подобныя учрежденія существовали въ Перу и Мехикѣ, двухъ полудикихъ державахъ Новаго свѣта, не имѣвшихъ, впрочемъ, никакихъ между собою взаимныхъ сношеній и не знавшихъ даже о существованіи другъ друга.

Самая рѣзкая черта политики инковъ заключалась въ средствѣ удалять изъ мирнаго общества недовольныхъ и вообще тѣхъ, которые были тревожимы безпокойнымъ духомъ перемѣнъ и нововведеній. Во имя бога-солнца, владѣтели Перу вели безпрестанныя войны съ сосѣдними племенами: тревожные умы были обращаемы на военную дѣятельность, и безпокойный среди мирной общины гражданинъ, сдѣлавшись отличнымъ солдатомъ, пособлялъ своему владыкѣ покорять другіе народы тому порядку вещей, которымъ самъ былъ недоволенъ.

Войско инки было вооружено, подобно прочимъ, не знающимъ еще употребленія пороха, луками и стрѣлами, копьями, дротиками, короткими мечами, сѣкирами и пращами; послѣдними дѣйствовали они чрезвычайно ловко. Острія копій и стрѣлъ были мѣдныя, костяныя и часто золотыя. Начальники носили на головахъ деревянные или кожаные шлемы, украшенные золотомъ, каменьями и перьями красивыхъ птицъ. Каждая рота имѣла свой особый значекъ, а передъ главнымъ полководцемъ несли государственное знамя съ изображеніемъ радуги, фамильнаго герба дѣтей солнца.

Переходимъ теперь къ религіи перуанцевъ. Замѣчательно, что дикіе и полуобразованные обитатели американскаго материка не чужды были идеи о Единомъ, Великомъ, Безтѣлесномъ Духѣ, Творцѣ вселенной, который, пребывая вездѣ и исполняя собою все, не можетъ заключаться въ храмахъ или быть представленъ глазамъ смертныхъ въ какомъ-либо естественномъ изображеніи. Но великая идея объ истинномъ Богѣ осталась здѣсь безплодною, и народъ погрузился въ грубое идолопоклонство.

Религіозныя понятія солнцепоклонниковъ, несмотря на пышность обрядовъ и вліяніе религіи на политику, были самыя ограниченныя или, лучше сказать, младенческія. Въ ихъ теогоніи, за исключеніемъ общаго большей части народовъ преданія о всемірномъ потопѣ и поэтической басни о Манко Капакѣ, нѣтъ ничего замѣчательнаго. Но ихъ идеи о будущей жизни заслуживаютъ большаго вниманія: они вѣрили воскресенію по смерти, но полагали, что тѣло возстанетъ вмѣстѣ съ душою изъ гроба. Каждый получитъ по смерти возмездіе по дѣламъ, совершеннымъ въ теченіе жизни: добрые будутъ наслаждаться вѣчнымъ спокойствіемъ посреди изобилія всѣхъ наслажденій, злые—осуждены на вѣки къ тяжкимъ работамъ внутри земли. Полагая, что и въ будущей жизни всякій сохранитъ санъ и нравы земнаго существованія, они старались искусно бальзамировать тѣла, чтобы сохранить въ нихъ, сколько возможно, видъ живаго человѣка, хоронили съ знатными часть ихъ платья, сокровищъ и утвари, употребительныхъ въ общежитіи, и наконецъ убивали на могилѣ любимыхъ женъ и служителей умершаго, чтобы онъ не скучалъ на томъ свѣтѣ безъ прислуги и наложницъ. Муміи помѣщались внутри холмовъ, прорытыхъ, съ этою цѣлью, подземными ходами и галереями.

Мы уже сказали, что индѣйцы признавали существованіе Безтѣлеснаго, Великаго Творца вселенной, которому не строили храмовъ; только одинъ весьма древній храмъ Незримаго Бога существовалъ близъ Лимы, построенный задолго до пришествія инковъ, которые ввели поклоненіе солнцу. Верховное существо, творецъ міра, назывался *Пачакамакъ* или *Виракоча*. Солнце было видимое божество, источникъ тепла, свѣта и жизни; оно имѣло храмы не только въ городахъ, но и въ большей части деревень: ему сожигались многочисленныя жертвы, тогда какъ Незримому Богу приносилась въ жертву молитва. Кромѣ солнца обоготворяли перуанцы и другіе предметы, относившіеся, по ихъ мнѣнію, къ солнцу; напримѣръ—луну, сестру и супругу солнца,—планеты и звѣзды — его придворныхъ, громъ и молнію — его страшныхъ слугъ, и наконецъ радугу—истеченіе божественнаго солнечнаго духа. Кромѣ того причислялись къ низшимъ божествамъ рѣки, горы, воздухъ, земля, вѣтры. Идолы покоренныхъ народовъ переносились въ Куско, гдѣ имъ воздавались почести и служеніе на счетъ племенъ, отъ которыхъ они были взяты.

Но великолѣпнѣйшее служеніе было посвящено солнцу, древнѣйшій храмъ котораго стоялъ на островѣ озера Титикаки, отчизны инковъ. Все, принадлежавшее къ этому храму, считалось благодатнымъ, и онъ отличался своимъ богатствомъ, хотя въ этомъ отношеніи далеко уступалъ великому храму въ Куско, украшенію столицы и диву цѣлаго царства, обогащенному свыше

мѣры огромными дарами цѣлаго поколѣнія инковъ и носившему названіе *кориканта*, т. е. *золотаго*. Онъ былъ весь каменный и состоялъ изъ главнаго храма и многихъ придѣловъ, обнесенныхъ общею стѣною и выстроенныхъ на обширной площади, посреди города. Внутренность храма была поистинѣ залита золотомъ. На западной стѣнѣ главной залы находилось исполинское золотое изображеніе солнца, представленнаго въ видѣ человѣческаго лица, окруженнаго лучами: оно было вырѣзано на толстой и огромной золотой доскѣ, украшенной изумрудами и другими драгоцѣнными камнями. Изображеніе было поставлено такимъ образомъ, что лучи восходящаго солнца отражались на немъ чрезъ отворенныя восточныя двери стѣны, потолокъ и колонны зданія были обиты золотыми листами, и даже внѣшній карнизъ, окаймлявшій огромное зданіе, былъ выкованъ изъ чистаго золота.

Одинъ изъ придѣловъ, посвященный лунѣ, былъ копіею большаго храма, только въ меньшихъ размѣрахъ, и притомъ золото замѣнялось вездѣ серебромъ. Придѣлъ, посвященный радугѣ, сіялъ радужными переливами драгоцѣнныхъ камней. Были еще придѣлы, посвященные грому, молніи, звѣздамъ и другимъ божествамъ. Кругомъ храмовъ выстроены обширныя и великолѣпныя жилища для многочисленныхъ жрецовъ. Всѣ утвари храмовъ, вся мебель и украшенія были изъ чистаго золота. Несмѣтное количество этого металла, заключавшееся въ храмѣ, было бы невѣроятно, еслибы не подтверждалось единогласно всѣми очевидцами и свидѣтельствомъ лицъ, движимыхъ самыми разнородными интересами. Множество другихъ храмовъ, разсѣянныхъ по всему пространству монархіи, отличались своими сокровищами, спорившими иногда съ богатствами великаго храма. Несмѣтное число жрецовъ и служителей совершали тамъ торжественные обряды и жертвоприношенія: въ одномъ храмѣ Куско число жрецовъ простиралось до 4000 человѣкъ, и всѣ они принадлежали къ роду инковъ.

Духовными дѣлами управлялъ верховный жрецъ *Виллакъ Уму*, обыкновенно одинъ изъ самыхъ близкихъ царскихъ родственниковъ. Онъ назначался инкою и, въ свою очередь, назначалъ всѣхъ подчиненныхъ ему служителей вѣры: званія жрецовъ были пожизненныя. Они не отличались отъ прочихъ членовъ царскаго рода одеждою и не имѣли никакихъ другихъ обязанностей, какъ только исполненіе религіозныхъ торжествъ: вся наука ихъ ограничивалась точнымъ знаніемъ малѣйшихъ тонкостей многочисленныхъ и разнообразныхъ обрядовъ, осуществлявшихъ всю религію солнцепоклонниковъ.

Въ числѣ религіозныхъ учрежденій встрѣчаемъ одно, похожее на наши женскіе монастыри, или, еще ближе, на весталокъ древняго Рима: это такъ называемыя *дѣвы солнца*, обязанность

которыхъ состояла въ сохраненіи вѣчнаго священнаго огня, горѣвшаго въ честь солнца, въ тканьѣ изъ вигоневой шерсти священныхъ покрововъ, облаченій и одеждъ для инки и его родственниковъ. Дѣвы эти выбирались между красивѣйшими дочерями дворянъ, и только необыкновенная красота простолюдинки могла допустить ее въ среду избранницъ изъ высшаго сословія. Эти дѣвицы жили подъ надзоромъ *мамаконъ*, устарѣлыхъ дѣвъ солнца, въ особыхъ одноэтажныхъ, низкихъ, но весьма обширныхъ зданіяхъ, обнесенныхъ снаружи высокою стѣною, внутри же украшенныхъ и меблированныхъ съ необыкновенною роскошью. Кромѣ необходимой прислуги, одинъ только государь и его супруга (*коя*) имѣли доступъ въ эти священныя убѣжища, въ которыхъ затворницы проводили цѣлую жизнь среди священныхъ работъ, изобилія и спокойствія. Но не всѣмъ имъ суждено было кончать жизнь за монастырскою стѣною: изъ среды этихъ дѣвъ выбиралъ инка своихъ наложницъ, число которыхъ простиралось иногда до нѣсколькихъ тысячъ. Эти наложницы населяли гаремы многочисленныхъ дворцовъ, а въ случаѣ немилости или сокращенія женскаго штата, отставныя красавицы отсылались къ своимъ родителямъ, гдѣ жили, окруженныя почетомъ и пользуясь значительною пенсіею.

Дѣвы солнца, въ случаѣ небрежности о сохраненіи священнаго огня или нарушенія обѣта дѣвства, наказывались смертью, и въ самомъ выборѣ казни мы видимъ странное сходство съ закономъ республиканскаго Рима: несчастныя жертвы погребались за-живо. Соблазнителя суждено было удавить, а родимый его городъ или деревню сравнить съ землею и мѣсто посыпать камнями, для истребленія памяти о гнусномъ преступникѣ. Прибавимъ, что, по свидѣтельству Гарцильясо, не встрѣтилось ни разу случая къ примѣненію страшнаго закона.

Многоженство было дозволено только государю и роду инковъ; всѣ прочіе должны были довольствоваться одною женою. Всякій перуанецъ, достигшій 24-хъ-лѣтняго, а перуанка—18-тилѣтняго возраста, обязаны были вступить въ бракъ, и эти союзы дозволялись только между членами одной и той же общины. Въ назначенный день всѣ, обязанные закономъ жениться въ томъ году, послѣ обоюднаго согласія и позволенія родителей, собирались на площади города, въ которомъ жили начальники общины, и становились попарно; являлся начальникъ и, соединяя поочередно руки каждой пары, объявлялъ ихъ сопряженными узами брака. Подобная же церемонія совершалась для членовъ семейства инковъ въ Куско, гдѣ самъ государь лично соединялъ новобрачныхъ.

Воспитаніе юношей, какъ мы уже упоминали, поручалось *амаутамъ* или ученымъ, но учиться могли и должны были одни

дворяне, потому что для простолюдина науки считались не только ненужными, но даже вредными. Впрочемъ, научныя познанія въ Перу были вообще въ младенческомъ состояніи. Исключая наслѣдника престола и его ближайшихъ родственниковъ, обучавшихся всѣмъ отраслямъ перуанскихъ знаній, прочіе благородные юноши поступали въ спеціальныя школы по роду будущихъ служебныхъ занятій. Предназначавшіеся къ солнцеслуженію обучались всѣмъ подробностямъ многосложныхъ религіозныхъ обрядовъ; будущіе правители округовъ и другіе чиновники изучали законы и административный порядокъ; готовившіеся къ военной службѣ упражнялись въ занятіяхъ, необходимыхъ для воина. Одинъ *квипу*, перуанская грамота, былъ общимъ предметомъ ученія во всѣхъ школахъ безъ изъятія.

Квипу былъ снурокъ около аршина длиною, на которомъ висѣло въ видѣ бахромы множество нитей, окрашенныхъ во всѣ возможные цвѣта. На этихъ нитяхъ навязывались узелки, означавшіе извѣстные условные предметы и цифры. Помощію квипу велись счеты, собирались статистическія и другія свѣдѣнія и велась вся вообще оффиціальная переписка; разумѣется, это было возможно только при навыкѣ, облегчающемъ самыя затруднительныя занятія. Квипу могъ означать только матеріальные, опредѣленные предметы; все отвлеченное оставалось для него недоступнымъ. Какъ низко стоялъ этотъ мнемотехническій снарядъ передъ азбукой, геніальнымъ изобрѣтеніемъ, помощью котораго нѣсколько простыхъ знаковъ изображаютъ намъ самые нѣжные и мимолетные оттѣнки человѣческой мысли! Квипу стоитъ гораздо ниже іероглифовъ египтянъ и ацтековъ и, однакожъ, онъ способствовалъ перуанцамъ къ созданію нѣсколькихъ легендъ и къ начертанію исторіи царствованія инковъ. Разумѣется, изустный разсказъ, передаваемый отъ одного поколѣнія другому, служилъ почти необходимымъ пособіемъ для точнаго разумѣнія преданія, котораго главные факты были замѣчены на квипу.

Географическія свѣдѣнія инковъ ограничивались предѣлами ихъ обширной монархіи; познанія же въ астрономіи были самыя жалкія. Годъ дѣлился на 12 лунныхъ мѣсяцевъ, означенныхъ особыми названіями и праздниками, а какъ солнечный годъ не сходился съ луннымъ, то первый исправлялся наблюденіями высотъ солнца, совершаемыми измѣреніеми длины тѣни столбовъ, нарочно для того поставленныхъ въ окрестностяхъ Куско. Этимъ ограничивались всѣ ихъ астрономическія изысканія о солнцѣ. Касательно звѣзднаго неба, они отличали названіями одно или два созвѣздія и наблюдали движенія планеты Венеры, которой, какъ мы выше видѣли, были даже посвящены храмы, въ званіи *пажа солнца*. Затмѣнія считались болѣзненнымъ сномъ солнца или луны: все народонаселеніе выбѣгало въ этихъ случаяхъ въ

поле, гдѣ стукомъ и крикомъ старалось разбудить погруженное въ сонъ свѣтило и, разбудивши, развеселить его. Какъ ничтожны эти дѣтскія понятія въ сравненіи съ мехиканскими! Мы имѣемъ доказательства, что мехиканцы основательно понимали истинную причину этихъ небесныхъ явленій.

Но если дѣти солнца обращали мало вниманія на небесную отчизну ихъ праотца, зато они стояли высоко надъ всѣми американскими племенами въ отношеніи воздѣлыванія земли. Земледѣліе въ Перу было основано на истинно научныхъ началахъ и составляло фундаментъ всего политическаго устройства монархіи. Весь народъ, за исключеніемъ дворянства, обязанъ былъ пахать землю — главнѣйшій, если не единственный источникъ общаго богатства. Самъ инка подавалъ примѣръ уваженія къ земледѣлію и въ извѣстный день года золотыми орудіями пахалъ на участкѣ, принадлежащимъ солнцу. Странно только, что перуанцы не знали ни сохи, ни плуга и употребляли вмѣсто нихъ заостренный колъ, который втыкали въ землю и бороздили ее силою восьми и десяти человѣкъ. Такъ какъ полоса земли, лежащая между морскимъ берегомъ и Андами, никогда не видитъ дождя и вообще весьма бѣдна водою, то правительство устроило цѣлую систему подземныхъ водопроводовъ и искусственнаго орошенія полей. Водопроводы состояли изъ одѣтыхъ камнемъ трубъ отъ четырехъ до пяти футъ ширины и около трехъ футъ глубины, проведенныхъ иногда на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ верстъ. Испанцы не поддержали этихъ полезныхъ устройствъ: теперь они по большей части осыпались или заросли травою и деревьями.

Для увеличенія пространства пахотныхъ полей и полезнаго употребленія плодородной почвы, покрывавшей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутые откосы горъ, индѣйцы, безъ помощи извѣстныхъ европейцамъ механическихъ орудій, обтесали склоны горъ уступами и разсыпали по ступенямъ этой гигантской лѣстницы хлѣбородную землю. Вся вообще пахотная почва удобрялась лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ наземовъ, изверженіемъ морскихъ птицъ, драгоцѣннымъ и въ наше время — *гуано*. Многіе острова, лежавшіе вдоль берега, были глубоко покрыты этимъ землеудобрительнымъ тукомъ; закономъ запрещалось не только убивать производящихъ его птицъ, но и ступать на эти острова въ то время, когда полезныя пернатыя клали яйца и высиживали своихъ птенцовъ. Массы гуано были такъ велики, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовали цѣлыя горы; покрытыя бѣлою кристаллизаціею, онѣ получили отъ первыхъ испанскихъ завоевателей названіе «снѣжныхъ горъ» (Sierra-nevada).

Мѣстное положеніе Перу, лежащаго подъ тропиками и усѣяннаго высокими горами, доставляло ему удобство и климатъ

всѣхъ широтъ, начиная отъ тропическихъ до полярныхъ. На равнинахъ, у подошвы горъ, зрѣли подъ лучами экваторіальнаго солнца кассавы и, благословеніе тропиковъ, бананы; тамъ, гдѣ исчезали послѣдніе, — воздѣлывали маисъ, главный продуктъ хлѣбопашества на цѣломъ американскомъ материкѣ. Въ умѣренномъ климатѣ горныхъ долинъ росъ *магей* (agave americanum), котораго всѣ полезныя качества были извѣстны перуанцамъ, за исключеніемъ возможности приготовлять изъ него писчую бумагу. Вмѣстѣ съ агавою произрасталъ табакъ, котораго не курили, но употребляли съ медицинскою цѣлью, въ видѣ нюхательнаго порошка. Замѣну наркотическаго дѣйствія курительнаго табаку нашли перуанцы въ листьяхъ *кука* (Erythoxylum peruvianum), кустарника, вышиною въ человѣческій ростъ; высушенные на солнцѣ листья смѣшивали съ небольшимъ количествомъ глины и жевали, подобно остъиндскому бетелю. Употребленіе *куки* было преимущественно предоставлено дворянскому сословію. Еще много воздѣлывали *квиноа*, родъ риса, и наконецъ картофель, который родился даже близъ предѣловъ вѣчнаго снѣга.

У большей части народовъ замѣчено, что промышленность развивается въ той же мѣрѣ, какъ совершенствуется сельское хозяйство, потому что оба вида труда направлены къ одной великой цѣли—удовлетворить потребностямъ и удовольствіямъ общественной жизни. Въ промышленныхъ занятіяхъ перуанцевъ замѣчается болѣе сходства съ восточными народами — индусами и китайцами, привязанными къ родной землѣ, чѣмъ съ западными европейцами, болѣе наклонными къ торговымъ странствіямъ, соединяющимъ отдаленнѣйшія части свѣта. И въ самомъ дѣлѣ, перуанцы, несмотря на неизмѣримую длину морскаго берега, тянувшагося западною границею ихъ имперіи, сдѣлали только дѣтскія попытки къ мореплаванію и торговлѣ.

Мануфактурная промышленность находила дома драгоцѣнные сырые матеріялы. Крѣпкія волокна агавы служили для выдѣлки холста; изобильно росшій по жаркому берегу моря хлопчато-бумажникъ доставлялъ одежду жителямъ умѣреннаго климата горныхъ долинъ; льямы и другіе виды перуанской овцы—неоцѣненное руно, изъ котораго ткались теплыя одежды.

b) Дальнѣйшій путь Пизарро. — Свиданіе съ инкою. — Плѣнъ.

Послѣ семидневнаго пути книзу, испанцы и Пизарро вступили въ цвѣтущую долину Кахамалки: голые, каменистые утесы смѣнились роскошнымъ ковромъ тропической флоры; вездѣ вид-

нѣлись слѣды искусной обработки земли, и многочисленное население казалось гораздо просвѣщеннѣе, чѣмъ племена, живущія на склонѣ, прилежащемъ морскому берегу. Въ глубинѣ долины бѣлѣлись на солнцѣ чистенькіе домики Кахамалки, и неподалеку отъ города поднимался туманный столбъ паровъ, восходившихъ изъ минеральнаго источника. Но видъ этой картины не во всѣхъ частяхъ понравился испанцамъ, потому что вдоль по склону горы тянулись длинные ряды бѣлыхъ палатокъ, тѣсно жавшихся другъ къ другу и покрывавшихъ землю какъ-бы полотномъ снѣга. Отступать было теперь поздно, и странствующіе рыцари съ стѣсненнымъ сердцемъ, но съ смѣлымъ видомъ, пошли по направленію къ городу.

Что почувствовалъ инка, когда таинственные незнакомцы, въ блестящихъ панцыряхъ и съ распущенными знаменами, выѣзжали изъ ущелій Сіерры, это останется для всѣхъ вѣчною тайною. Какія имѣлъ онъ намѣренія, заманивъ бѣлыхъ людей въ сердце своей имперіи, рѣшить трудно, потому что ходъ происшествій слишкомъ быстро пресѣкъ самостоятельную дѣятельность со стороны Атахуальпы.

Пизарро вступилъ въ пустынный городъ, гдѣ не было ни одной живой души: онъ былъ не великъ и едва ли могъ содержать болѣе семи тысячъ жителей. Дома выстроены изъ глины, засушенной на солнцѣ, и покрыты соломой, досками и листьями; только немногія общественныя зданія были выстроены изъ тесанаго камня. Посреди города, нѣсколько ближе къ перуанокому лагерю, находилась обширная площадь, обстроенная съ трехъ сторонъ длинною цѣпью низенькихъ зданій, сообщавшихся съ площадью непрерывнымъ рядомъ дверей и воротъ. Въ городѣ находились еще двѣ весьма хорошо построенныя изъ гранита крѣпости, изъ которыхъ одна защищалась толстою, улиткообразною стѣною, дѣлавшею три оборота.

Вечеромъ 15-го ноября 1532 года вступилъ будущій завоеватель Перу въ Кахамалку, колыбель его будущаго величія и славы. Онъ такъ нетерпѣливо желалъ узнать намѣренія инки, что несмотря на бурю, съ дождемъ и градомъ, посылалъ къ Атахуальпѣ рыцаря де-Сото съ пятнадцатью всадниками и вслѣдъ за ними отправилъ брата своего, Эрнандо, съ двадцатью всадниками, для подкрѣпленія въ случаѣ нападенія со стороны индѣйцевъ.

Отъ города къ лагерю вела хорошо устроенная дорога, по которой испанцы поскакали во весь галопъ. Перуанцы съ нѣмымъ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣли на поѣздъ христіанскихъ рыцарей, несшійся впередъ, какъ-бы на крыльяхъ вѣтра, съ трубнымъ звукомъ, грохотомъ оружія и топотомъ копытъ. Передъ самымъ лагеремъ протекала широкая и глубокая, но тихая

и съ отлогими берегами рѣка, черезъ которую былъ перекинутъ деревянный мостъ, охраняемый стражею. Не довѣряя прочности моста и не желая напрасно прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, испанцы, не въѣзжая на мостъ, бросились вплавь и легко переплыли рѣку, казавшуюся индѣйцамъ непреодолимою преградою для людей, не имѣвшихъ ни лодокъ, ни плотовъ. Растерявшіеся индѣйцы съ трепетомъ спѣшили проводить таинственныхъ пришлецовъ къ жилищу инки, которое состояло изъ просторнаго каменнаго павильона, съ дворомъ—впереди и садомъ—назади. Вдоль двора къ самому павильону вела галерея, украшенная колоннами, а на дворѣ красовалась огромная каменная ванна. Вокругъ нея стояло множество мужчинъ и женщинъ, роскошно одѣтыхъ и принадлежавшихъ къ придворному штату; посреди этой блестящей толпы не трудно было узнать Атахуальпу, по пурпурной бахромѣ, обвитой вокругъ головы: то была священная борла — корона инковъ. Владыка Перу сидѣлъ на невысокой подушкѣ, поджавъ подъ себя ноги, какъ еще теперь сидятъ на Востокѣ, и смотрѣлъ на пришлецовъ съ спокойнымъ видомъ, не выражавшимъ ничего, кромѣ строгой важности и безстрастія, свойственнаго многимъ американскимъ племенамъ. Какъ ни всматривались испанцы, но не могли прочесть на лицѣ индѣйскаго монарха чувствъ, волновавшихъ его сердце.

Рыцарь де-Сото и Эрнандо Пизарро, оставивъ свиту у входа во дворъ, подъѣхали, въ сопровожденіи только трехъ всадниковъ, къ престолу инки и, не сходя съ лошадей, низко поклонились и привѣтствовали Атахуальпу отъ имени своего начальника, который прибылъ въ Перу по приказанію великаго кастильскаго короля для предложенія ему своихъ услугъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они приглашали перуанскаго монарха удостоить испанцевъ своимъ посѣщеніемъ. Инка не отвѣчалъ ни слова и даже не показалъ вида, что понялъ рѣчь, которую Филипилло (одинъ изъ перуанцевъ, ѣздившихъ въ Кастилію) перевелъ на туземный языкъ; только одинъ изъ стоявшихъ подлѣ инки царедворцевъ коротко отвѣчалъ однимъ словомъ: *хорошо!*

Однакожъ Эрнандо не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и вѣжливо, но твердымъ голосомъ, просилъ инку удостоить его собственноустнымъ отвѣтомъ. Атахуальпа улыбнулся и едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ, что онъ теперь постится, но что завтра постъ кончится, и онъ потомъ посѣтитъ бѣлыхъ людей со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ; а до тѣхъ поръ онъ приглашаетъ ихъ поселиться въ казармахъ, окружающихъ главную площадь города, не касаясь другихъ зданій. При личномъ же посѣщеніи, Атахуальпа объявитъ дальнѣйшія свои приказанія.

Между тѣмъ Сото, лучшій всадникъ Пизаррова отряда и притомъ сидѣвшій на истинно-отличномъ конѣ, видя, съ какимъ

вниманіемъ смотрѣлъ на него Атахуальпа, повернулся назадъ и началъ описывать круги по равнинѣ, скача во весь карьеръ; потомъ подскакалъ къ инкѣ, такъ что пѣна съ удила брызнула на борлу, и вмигъ осадилъ лошадь свою какъ вкопанную. Атахуальпа, по свидѣтельству самихъ испанцевъ, не мигнулъ глазомъ, тогда какъ многіе изъ стоявшихъ на часахъ солдатъ и окружавшихъ инку придворныхъ разбѣжались отъ ужаса. Однакожъ они дорого заплатили за свою трусость, потому что инка приказалъ ихъ казнить въ тотъ же вечеръ, какъ измѣнниковъ, показавшихъ свою презрительную трусость предъ чужестранцами и тѣмъ оскорбившихъ величество государя.

По приказанію инки, нѣсколько красивыхъ дѣвушекъ его гарема предложили чужеземцамъ тяжелые золотые кубки съ *чичею*, которую испанцы выпили, сидя верхомъ; потомъ, раскланявшись съ Атахуальпою, отправились обратно въ Кахамалку съ грустною вѣстью о видѣнномъ ими величіи и страшномъ могуществѣ перуанскаго государя. Когда они сравнивали горсть собственныхъ воиновъ съ многочисленною, довольно хорошо вооруженною арміею инки, то невольно должны были согласиться, что слишкомъ поторопились идти впередъ и что даже съ удесятеренными силами нельзя надѣяться на успѣхъ завоеванія; а имъ нечего было ждать даже небольшаго подкрѣпленія. Возвратившись въ городъ, уже по наступленіи совершенной темноты (такъ какъ подъ тропиками сумерки едва замѣтны), они видѣли, какъ зажгли въ перуанскомъ лагерѣ огни, превосходившіе числомъ звѣзды на тверди небесной, и послѣднее мужество готово было уступить мѣсто отчаянію.

Одинъ только Пизарро не терялъ мужества и всячески старался ободрить своихъ оробѣвшихъ спутниковъ, дѣйствуя преимущественно на ихъ воображеніе съ религіозной стороны и представляя предпринятое ими завоеваніе крестовымъ походомъ, главная цѣль котораго состоитъ въ обращеніи невѣрныхъ; небесная помощь—говорилъ онъ—непремѣнно доставитъ воинамъ креста побѣду надъ язычниками. Возбудивъ религіозный фанатизмъ, такъ дѣйствительный въ сердцахъ испанцевъ XVI вѣка, Пизарро созвалъ военный совѣтъ, не столько для выслушанія мнѣній офицеровъ, сколько для сообщенія имъ собственнаго, почти до безумія смѣлаго, плана — полонить инку въ виду всего перуанскаго войска. Такой отчаянный планъ можетъ быть объясненъ только отчаяннымъ же положеніемъ горсти смѣльчаковъ, окруженныхъ несмѣтнымъ числомъ враговъ, посреди чужой земли и вдали отъ всякой помощи. Бѣжать было некуда, а оставаться въ бездѣйствіи значило обречь себя на вѣрную гибель. При неудачѣ плана, погибель ускорялась, но опасность не увеличивалась; въ случаѣ же успѣха представлялась блестящая бу-

дущность, выгодъ которой нельзя было теперь вдругъ предвидѣть: съ Пизарровымъ планомъ испанцамъ нечего было терять, а можно было все выиграть. Надо было только торопиться его исполненіемъ, пока не прибудутъ новыя побѣдоносныя силы съ юга; затруднительное положеніе испанцевъ становилось съ каждымъ днемъ опаснѣе и невыносимѣе. Пизарро имѣлъ въ памяти примѣръ Кортеца, взявшаго въ плѣнъ владѣтеля ацтековъ.

Ярко взошло на безоблачномъ небѣ тропическое солнце въ рѣшительный для Перу день—субботу, 16-го ноября 1532 года, и съ первыми лучами дневнаго свѣта Пизарро, собравъ свою дружину, подробно объяснилъ ей планъ дѣйствій.

Мы уже говорили, что посреди города находилась обширная площадь, обстроенная съ трехъ сторонъ рядомъ низкихъ, но просторныхъ помѣщеній, соединявшихся съ площадью множествомъ дверей и воротъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ, похожихъ на большіе сараи, поставилъ Пизарро свою конницу, раздѣленную на два отряда, изъ которыхъ однимъ командовалъ братъ его, Эрнандо, а другимъ кавалеръ де-Сото; туда же помѣстились и пѣхотные солдаты, за исключеніемъ двадцати человѣкъ, оставшихся съ Пизарро, и небольшаго отряда, снабженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ и занявшаго, подъ предводительствомъ рыцаря Петра де-Кандіи, главную цитадель. Здѣсь кстати упомянуть, что, не считая полутора десятка ружей, у Пизарро были еще двѣ маленькія пушки, длинныя, но довольно легкія, которыя называли въ то время полевыми змѣями. Солдатамъ приказано быть готовыми всякую минуту и когда, по данному знаку, выпалитъ изъ крѣпости пушка, съ крикомъ броситься изъ засады на индѣйцевъ, рубить и колоть ихъ безъ разбора, стараясь только взять въ плѣнъ самого инку. Казармы кругомъ площади были очень просторны, и полъ ихъ выстроенъ наравнѣ съ уровнемъ площади; эти обстоятельства благопріятствовали засадѣ.

За часъ до полудня Атахуальпа прислалъ вѣстника, что онъ скоро прибудетъ въ гости къ бѣлымъ людямъ, вмѣстѣ со всѣмъ придворнымъ штатомъ и отрядомъ вооруженныхъ тѣлохранителей. Какъ ни непріятно было Пизарро послѣднее обстоятельство, онъ ничего не могъ возражать, потому что самъ посылалъ въ лагерь инки посланника съ вооруженною силою; да и всякое замѣчаніе испанцевъ по этому поводу могло бы возбудить недовѣрчивость и опасенія, если не въ Атахуальпѣ, смѣломъ отъ природы, то въ окружающихъ его осторожныхъ сановникахъ.

Поэтому Пизарро отвѣчалъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ посѣщенія, которымъ инка благоволитъ его удостоить, и что съ какою бы свитою ни явился перуанскій государь, посланные кастильскаго монарха встрѣтятъ его съ подобающимъ уваженіемъ.

Въ полдень началось шествіе изъ перуанскаго лагеря. Впереди шли слуги, очищавшіе дорогу отъ малѣйшихъ препятствій; потомъ явился инка, несомый главнѣйшими сановниками на золотомъ тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями; его окружала блестящая, густая толпа придворныхъ, великолѣпно одѣтыхъ; сзади слѣдовалъ отрядъ вооруженныхъ тѣлохранителей. Все остальное войско было частью выстроено въ два ряда вдоль дороги, ведшей отъ лагеря къ городу, частью же — колоннами, покрывавшими луга вокругъ лагеря.

Не доходя съ версту до города, шествіе остановилось, и европейцы съ изумленіемъ увидали, что инка приказалъ разбивать палатки; вскорѣ затѣмъ прибылъ къ Пизарро гонецъ съ извѣстіемъ, что инка намѣренъ провести ночь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, и только завтра утромъ вступитъ въ городъ и посѣтитъ бѣлыхъ людей. Эта новость до крайности опечалила Пизарро, потому что онъ раздѣлялъ нетерпѣніе своихъ товарищей, стоявшихъ подъ ружьемъ съ ранняго утра; къ тому-же онъ зналъ, какъ вредно дѣйствуетъ такая отсрочка на духъ и рѣшимость солдатъ, которыхъ восторженный энтузіазмъ непремѣнно охладѣлъ бы отъ долгаго ожиданія. А потому онъ приказалъ убѣдительнѣйше просить Атахуальпу не измѣнять данному обѣщанію и удостоить своимъ немедленнымъ посѣщеніемъ бѣлыхъ людей, уже приготовившихся принять его достойнымъ образомъ. Инка, услышавъ, что для принятія его сдѣланы необыкновенныя приготовленія, и самъ любопытствуя узнать поближе таинственныхъ незнакомцевъ, приказалъ тотчасъ же опять снимать палатки и двигаться къ городу, пославъ сказать притомъ Пизарро, что онъ, для изъявленія ему своей довѣренности и дружескаго расположенія, оставитъ войска внѣ города и только съ безоружными придворными посѣтитъ жилище испанцевъ, съ которыми намѣренъ провести всю ночь. Можно себѣ представить, какъ обрадовала Пизарро такая вѣсть.

Незадолго до солнечнаго захода прибылъ инка въ Кахамалку. Сперва явилось нѣсколько сотъ слугъ, богато одѣтыхъ и несшихъ разную мебель и туалетныя принадлежности, служившія государю; за ними множество дворянъ, составлявшихъ ближайшую его прислугу и отличавшихся огромными золотыми серьгами; въ заключеніе шествовалъ золотой тронъ, на которомъ сидѣлъ Атахуальпа, украшенный разноцвѣтными перьями тропическихъ птицъ и несмѣтнымъ количествомъ изумрудовъ значительной величины. Вся свита инки простиралась свыше пяти или шести тысячъ человѣкъ.

Атахуальпа, прибывъ на средину площади, обозрѣлъ ее съ своего высокаго сѣдалища и, не видя бѣлыхъ людей, спросилъ: *„гдѣ же чужестранцы?“* Въ эту минуту выступилъ доминиканецъ,

Виценте де-Вальверде съ библіею въ одной рукѣ и крестомъ въ другой и, приблизясь къ инкѣ, объявилъ ему, что онъ является вѣстникомъ благодати и желаетъ обратить язычника въ истинную вѣру, спасительную для человѣческой души. Доминиканецъ не удовлетворился длиннымъ изложеніемъ исторіи христіанства и его догматовъ, но развилъ еще подробнѣе ученіе о власти папъ надъ цѣлымъ міромъ и заключилъ приглашеніемъ Атахуальпы обратиться въ христіанство и сдѣлаться вѣрнымъ слугою папы и вассаломъ кастильскаго короля. Перуанскій владыка, выслушавъ съ явнымъ нетерпѣніемъ длинную рѣчь доминиканца, съ гнѣвомъ отвѣчалъ ему, что онъ мало и худо понялъ эту рѣчь, но изъ того, что понялъ, заключаетъ, что бѣлые люди забываютъ должное къ нему уваженіе и что онъ не намѣренъ перемѣнять своей вѣры и дѣлаться вассаломъ другаго короля или слугою папы. Я очень вѣрю — говорилъ инка — что кастильскій король—великій государь, и готовъ считать его за брата и союзника; что же касается до папы, то онъ не можетъ распоряжаться по своему произволу чужими землями. На вопросъ, по какому праву Вальверде смѣетъ дѣлать инкѣ такія предложенія, доминиканецъ указалъ на книгу, бывшую у него въ рукахъ. Атахуальпа взялъ книгу изъ рукъ монаха, осмотрѣлъ внимательно и, не видя въ ней ничего особеннаго, тутъ же громкимъ голосомъ потребовалъ къ себѣ начальника бѣлыхъ людей для отвѣта за причиненное такому великому государю оскорбленіе. Вальверде тотчасъ побѣжалъ назадъ и закричалъ Пизарро: *„Гордый инка оскорбляетъ нашу религію, бейте язычниковъ; именемъ папы даю вамъ разрѣшеніе!“* Въ эту минуту Пизарро махнулъ шарфомъ, грянула сигнальная пушка съ крѣпостной стѣны, и испанцы хлынули изъ засады съ крикомъ: *„бейте язычниковъ съ разрѣшенія папы!“* Грохотъ выстрѣловъ, крики испанцевъ, закованныхъ въ желѣзо, видъ и натискъ страшной конницы поразили индѣйцевъ паническимъ страхомъ. Пороховой дымъ повисъ сѣроватою тучею надъ мѣстомъ страшной бойни; закованные въ панцыри воины рубили направо, налѣво длинными мечами и разсѣкали пополамъ члены легко одѣтыхъ перуанцевъ, а сомкнутые ряды конницы топтали всѣхъ безъ разбора. Безоружные перуанцы искали спасенія въ бѣгствѣ, но выходъ съ площади былъ заваленъ грудою тѣлъ, на которую должно было карабкаться, какъ на гору. Вѣрные дворяне густою толпою окружили своего государя, хватали лошадей за ноги и мужественно умирали подъ копытами коней и мечами всадниковъ; но мѣсто каждаго убитаго занимала тотчасъ же новая жертва, представлявшая сопротивленіе массою собственнаго тѣла. Вокругъ инки составилась гора труповъ, а онъ, какъ-бы ошеломленный неожиданнымъ ударомъ, безумно смот-

рѣлъ кругомъ съ высоты трона и не двигался съ мѣста, не давалъ никакихъ приказаній. Между тѣмъ солнце заходило, и воины, думая, что ночная темнота скроетъ отъ нихъ Атахуальпу, сдѣлали послѣднее отчаянное усиліе и пробились до трона. Пизарро громовымъ голосомъ закричалъ, что казнитъ того, кто подниметъ мечъ на инку, и собственной рукою отразилъ ударъ, назначенный Атахуальпѣ; то была единственная рана, полученная испанцемъ въ этотъ достопримѣчательный день.

При отчаянномъ напорѣ, пали многіе изъ дворянъ, несшихъ тронъ на плечахъ, и Атахуальпа грянулся съ него на землю; но при паденіи онъ попался на руки испанца *Эстета*, который, стиснувъ плѣнника на груди, сорвалъ съ головы несчастнаго монарха *борлу*. Тутъ подоспѣли другіе рыцари и отвели Атахуальпу, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ жилище Пизарро.

Послѣ плѣненія инки никто не думалъ о сопротивленіи, и перуанцы старались только о спасеніи собственной жизни. Конница преслѣдовала и поражала бѣгущихъ, пока темная ночь не укрыла побѣжденныхъ отъ ярости побѣдителей, и Пизарро приказалъ трубнымъ звукомъ сзывать воиновъ обратно въ городъ.

Вся эта схватка продолжалась съ небольшимъ полчаса, а число убитыхъ перуанцевъ простиралось до пяти тысячъ человѣкъ. При этомъ надо однако же вспомнить, что у перуанцевъ не было никакого оружія и что они голыми руками должны были отражать удары длинныхъ мечей и защищаться отъ закованныхъ въ желѣзные панцыри латниковъ. Лучшимъ доказательствомъ безоружности индѣйцевъ служитъ то, что единственная рана, полученная испанцемъ въ эту схватку, была нанесена Пизарро собственнымъ солдатомъ

Инкѣ было тогда около тридцати лѣтъ; онъ былъ высокъ, строенъ и крѣпкаго сложенія; его красивое лицо могло бы назваться привлекательнымъ, еслибы налившіеся кровью глаза не придавали ему выраженія дикости. Пріемы инки, медленные и величественные, обнаруживали человѣка, привыкшаго повелѣвать. Съ индѣйцами онъ былъ неумолимо строгъ, даже жестокъ, но противу испанцевъ казался ласковымъ и часто позволялъ себѣ шутить съ ними.

Пизарро обращался съ своимъ плѣнникомъ какъ нельзя лучше, посадилъ съ собою за столъ и старался разсѣять его печаль всѣми зависящими средствами. Онъ говорилъ: Атахуальпа испыталъ участь прочихъ государей, противившихся бѣлымъ людямъ; испанцы пришли въ его государство съ цѣлію просвѣтить жителей объ истинномъ Богѣ, и если Атахуальпа будетъ его слушать, то все окончится какъ нельзя лучше. Плѣнный молчалъ и скрывалъ чувства, волновавшія его грудь.

Вмѣстѣ съ инкою взяты были въ плѣнъ многіе изъ его слугъ. На другой день Пизарро заставилъ ихъ хоронить убитыхъ, а самъ послалъ отрядъ изъ тридцати всадниковъ въ павильонъ инки, находившійся посреди перуанскаго лагеря, съ приказаніемъ овладѣть всѣми вещами плѣннаго монарха и сокровищами, которыя онъ возилъ за собою. Перуанское войско, несмотря на свою многочисленность и хорошее вооруженіе, было поражено паническимъ страхомъ; лишенное главнаго вождя, оно не знало, что дѣлать; никто не думалъ сопротивляться бѣлымъ людямъ, которыхъ считали за сверхъестественныхъ существъ, — *дѣтей бога Виракочи*, непобѣдимыхъ земными силами. Въ павильонѣ испанцы нашли множество мужчинъ и женщинъ, принадлежавшихъ къ прислугѣ и гарему инки; имъ немедленно приказано было идти въ городъ для прислуги плѣнному государю, и перуанцы охотно повиновались такому приказу. Здѣсь найдено также большое количество сосудовъ и другой утвари изъ золота и серебра, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, великолѣпный гардеробъ инки и его царскія регаліи. Все это вмѣстѣ съ тканями и другими вещами, найденными въ лагерѣ и городскомъ магазинѣ, представлены Пизарро. Особенно въ магазинѣ было столько драгоцѣнныхъ тканей, что не смотря на то, что каждый солдатъ бралъ себѣ для одежды, сколько хотѣлъ, убыль вещей въ запасномъ магазинѣ была едва замѣтна, и можно было этими сокровищами нагрузить не одинъ корабль. Золото, серебро и драгоцѣнные камни были сложены въ одно мѣсто до предстоящаго общаго раздѣла.

Число перуанскихъ плѣнниковъ было такъ велико, что въ Кахамалкѣ не доставало мѣста для ихъ помѣщенія. На вопросъ Пизарро, что дѣлать съ этими людьми, которые числомъ своимъ могли сдѣлаться опасными для завоевателей, нѣкоторые изъ офицеровъ отвѣчали предложеніемъ умертвить всѣхъ людей, ненужныхъ для прислуги; только самые умѣренные соглашались отпустить ихъ восвояси, отрубивъ предварительно кисти на обѣихъ рукахъ, для страха прочимъ, которые вздумали бы противиться испанцамъ. Но Пизарро на этотъ разъ нашелъ такое мнѣніе слишкомъ жестокимъ и, отдѣливъ для прислуги инкѣ необходимое число слугъ обоего пола, предложилъ своимъ выбрать изъ остальныхъ по нѣскольку человѣкъ для собственной прислуги. Оставшихся затѣмъ безъ дѣла отпустилъ онъ домой, наказавъ имъ разсказывать повсюду, что бѣлые люди милостивы къ покорнымъ, но неумолимы къ тѣмъ, кто осмѣлится имъ сопротивляться. Впрочемъ и послѣ этого число индѣйцевъ въ Кахамалкѣ было значительно, потому что послѣдній кастильскій солдатъ имѣлъ не менѣе четырехъ индѣйцевъ для прислуги.

Въ окрестностяхъ Кахамалки собраны были огромныя стада льямъ для потребностей двора и большое количество разнородныхъ съѣстныхъ запасовъ для собраннаго въ лагерѣ войска. Пизарро приказалъ оставить большую часть запасовъ для продовольствія испанцевъ и ихъ прислуги; впрочемъ, европейцы такъ неразсчетливо распоряжались чужимъ добромъ, что рѣдкій день проходилъ безъ убійства сотни льямъ. Безразсудное истребленіе полезнаго животнаго продолжалось впослѣдствіи до тѣхъ поръ, пока сбереженныя перуанскимъ правительствомъ стада въ скоромъ времени почти совсѣмъ исчезли.

Пизарро распустилъ по домамъ лишенное предводителей войско, объявивъ, что ужасная смерть грозитъ всѣмъ, кто осмѣлится поднять оружіе противъ бѣлыхъ людей.

Приведя въ порядокъ дѣла свои въ Кахамалкѣ, Пизарро съ нетерпѣніемъ ожидалъ возможности двинуться на Куско; но разстояніе было слишкомъ велико, а число солдатъ его очень мало, чтобы рѣшиться на такой походъ посреди могущественнаго и густо заселеннаго государства и притомъ съ драгоцѣннымъ плѣнникомъ въ рукахъ. Онъ чувствовалъ теперь, болѣе чѣмъ когда либо, необходимость въ подкрѣпленіи и пользу отъ осѣдлыхъ колоній. Безпрерывно посылалъ онъ гонцовъ въ Санъ-Мигуэль съ вопросомъ, нѣтъ ли вѣстей и подкрѣпленія изъ Панамы, а между тѣмъ исправлялъ укрѣпленія Кахамалки, на случай неожиданнаго нападенія со стороны перуанцевъ. Въ устроенной наскоро католической церкви доминиканцы, сопровождавшіе Пизарро, ежедневно служили обѣдню, и плѣнный инка обязанъ былъ присутствовать при исполненіи обрядовъ чуждаго ему богослуженія.

Впрочемъ, не смотря на такую религіозную пропаганду испанцевъ, хитрый умъ Атахуальпы скоро замѣтилъ, что золото для бѣлыхъ людей дороже папы и короля, и рѣшился прибѣгнуть къ корыстолюбію побѣдителей, чтобы получить свободу. Свобода была для него самымъ важнымъ вопросомъ, отъ котораго зависѣли всѣ прочіе, и чего бы она ни стоила, все же нельзя было не заплатить за нее. Въ самомъ дѣлѣ, братъ его, Хуаскаръ, содержавшійся плѣнникомъ въ Андрамаркѣ (недалеко отъ Кахамалки), могъ, узнавъ о плѣнѣ Атахуальпы, подкупить своихъ стражей и, выйдя на свободу, собрать новое войско, завладѣть столицею и объявить себя вновь инкою. Атахуальпа, будучи самъ плѣнникомъ, не могъ противиться такому покушенію. Слѣдовательно, отъ свободы зависѣла теперь вся его будущность. Несчастный не зналъ, что для инковъ не существовало теперь уже никакой будущности.

Съ цѣлію убѣдиться, какъ сильно корыстолюбіе побѣдителей, плѣнный инка сказалъ однажды Пизарро, въ присутствіи дру-

гихъ испанскихъ офицеровъ, что если согласятся его отпустить на волю, то онъ выстелетъ толстыми золотыми листами полъ этой комнаты, въ которой тогда они находились; испанцы улыбнулись и ничего не отвѣчали; тогда инка всталъ и, вытянувъ руку кверху, сказалъ: «Не только выстелю полъ золотомъ, но наполню имъ всю комнату такъ высоко, какъ можетъ хватать моя рука». Присутствующіе изумились, считая слова плѣнника хвастовствомъ человѣка, который, изъ желанія получить свободу, готовъ обѣщать самыя несбыточныя вещи; но Пизарро задумался. Онъ видѣлъ уже образчики богатствъ Перу и слышалъ отъ самого инки о несмѣтномъ количествѣ золота, покрывающаго стѣны, полы и потолки дворцовъ и храмовъ въ Куско; теперь представлялся случай разомъ овладѣть всѣмъ этимъ золотомъ, прежде чѣмъ оно будетъ спрятано жрецами и родственниками инки. Сообразивъ все это, Пизарро принялъ предложеніе и, проведя красною краскою черту на той высотѣ, до которой хватала рука Атахуальпы *), приказалъ королевскому нотаріусу составить актъ договора о выкупѣ плѣннаго монарха, на предложенныхъ имъ условіяхъ. Пространство около 3,500 кубическихъ футъ должно было наполнить золотомъ въ слиткахъ, сосудахъ или другихъ вещахъ, а такъ какъ между вещами будетъ оставаться много пустаго мѣста, то Атахуальпа обязывался близлежащую небольшую комнату наполнить дважды до той же высоты серебромъ. На выполненіе обѣщанія давалось инкѣ два мѣсяца сроку.

(«Современникъ», 1848 года, Ноябрь, и 1849 года, Январь.)

5. ЛАСЪ-КАЗАСЪ (1474—1566).

Въ глазахъ людей, понимающихъ назначеніе какъ отдѣльной личности, такъ и всего рода человѣческаго согласно съ духомъ Христова ученія, имя Ласъ-Казаса будетъ представлять большее всемірно-историческое значеніе, чѣмъ имена Кортеса, Пизарро и другихъ героевъ меча.

Бартелеми де Ласъ-Казасъ, родившійся въ Севильѣ въ 1474 г., былъ сынъ морскаго солдата, который по собственному своему желанію принималъ участіе въ двухъ первыхъ путешествіяхъ

---

*) Эта черта отстояла отъ пола на девять футъ; комната же, въ которой должно было складывать золото для выкупа, имѣла 22 фута длины и 17 футъ ширины.

Колумба. Молодой Лась-Казась, по окончаніи своихъ богословскихъ и философскихъ занятій, участвовалъ вмѣстѣ со своимъ отцемъ въ третьемъ и четвертомъ путешествіяхъ Колумба. Онъ не возвратился съ послѣдней экспедиціей на родину, а остался на о. Эспаньолѣ, гдѣ, посвященный въ 1510 году въ санъ священника, онъ вскорѣ выступилъ въ своихъ проповѣдяхъ самымъ ревностнымъ и неутомимымъ защитникомъ несчастныхъ туземцевъ противъ испанцевъ, которые жестоко съ ними обращались. Назначенный приходскимъ священникомъ въ городѣ Цангварамѣ на о. Кубѣ, онъ и здѣсь съ такой же ревностью продолжалъ свою дѣятельность и своими настойчивыми донесеніями испанскому двору довелъ дѣло до того, что послѣдній сдѣлалъ испанскимъ чиновникамъ въ Америкѣ нѣсколько распоряженій противъ все больше и больше усиливавшагося произвола колонистовъ. На эти распоряженія обращали, однако, мало вниманія, такъ какъ испанскіе чиновники руководствовались своими личными выгодами и сами же участвовали въ прибыльной торговлѣ рабами.

Несравненно больше пользы приносило личное заступничество набожнаго священника, который при каждомъ случаѣ то просьбами, то угрозами вырывалъ вопившихъ индѣйцевъ изъ рукъ ихъ палачей и возвращалъ имъ свободу. За это индѣйцы его любили, какъ своего роднаго отца, и ихъ довѣріе къ его справедливости было такъ велико, что намѣстникъ, желая привести въ исполненіе какъ можно скорѣе какое-либо изъ своихъ приказаній, обнародывалъ его или черезъ самого Ласъ-Казаса, или отъ его имени. Но такъ какъ Ласъ-Казасъ своимъ личнымъ вліяніемъ могъ смягчить участь тѣхъ только индѣйцевъ, которые находились въ ближайшей къ нему мѣстности, то онъ отправился въ 1515 г. въ Испанію, гдѣ, послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій, успѣлъ таки отстоять устройство лучшей системы управленія, получивъ при этомъ дозволеніе самому основать колонію въ Куманѣ и управлять ею, сообразно предложенному имъ плану. Онъ собралъ теперь толпу изъ 300 хорошихъ рабочихъ и въ 1519 г. благополучно доставилъ ихъ къ мѣсту ихъ назначенія. Такъ какъ ему хорошо извѣстна была ненависть индѣйцевъ къ его соотечественникамъ, то ему пришла въ голову странная мысль, отмѣтить своихъ колонистовъ бѣлымъ крестомъ, на одеждѣ, въ отличіе отъ прочихъ испанцевъ. Его планъ — пріобрѣсти расположеніе индѣйцевъ гуманнымъ обращеніемъ и искреннимъ уваженіемъ ихъ свободы и собственности—можетъ быть и удался бы ему, но, къ несчастію, не задолго до его прибытія, нѣсколько испанскихъ авантюристовъ, избравъ для поселенія приморскую мѣстность, разграбили въ ней индѣйскую деревню, въ награду за радушную встрѣчу и гостепріимство, а

жителей ея отвели къ себѣ на корабли, въ качествѣ рабовъ. Гонзальво Окампо, Куманскій намѣстникъ, вмѣсто того, чтобы наказаніемъ грабителей успокоить раздраженное подобнымъ злодѣйствомъ населеніе, своимъ свирѣпымъ обращеніемъ возбуждалъ его съ каждымъ днемъ все больше и больше противъ испанцевъ и нетолько отклонилъ предложеніе Ласъ-Казаса, желавшаго явиться въ этомъ дѣлѣ посредникомъ, но не хотѣлъ даже признать даннаго ему правительствомъ полномочія на основаніе новой колоніи. Глубоко оскорбленный Ласъ-Казасъ, кое-какъ размѣстивъ своихъ колонистовъ въ фортѣ, который, защищенный однимъ только частоколомъ, представлялъ весьма ненадежное укрѣпленіе, принужденъ былъ возвратиться въ С. Доминго и пожаловаться на Окампо вестъ-индскому генералъ-губернатору, на его непослушаніе распоряженіямъ правительства. Но въ то время, какъ онъ хлопоталъ здѣсь о своемъ дѣлѣ, было получено печальное извѣстіе, что индѣйцы напали не только на спутниковъ Окампо, но и на его собственныхъ колонистовъ, и съ такой яростью, что только немногимъ удалось спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ. Ласъ-Казасъ отказался теперь отъ своего плана, какъ отъ неосуществимаго при подобныхъ обстоятельствахъ; онъ вступилъ въ 1523 г. въ доминиканскій орденъ и съ этого времени втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвизался въ качествѣ проповѣдника евангелія и защитника индѣйцевъ въ различныхъ мѣстахъ Новаго свѣта, въ особенности въ провинціяхъ Мехико, Никарагуа, Гватемалѣ и Веропацѣ, гдѣ онъ наставлялъ въ христіанской вѣрѣ и крестилъ безчисленное множество людей. Впродолженіе этого времени онъ ѣздилъ не разъ въ Испанію, откуда вывезъ нѣсколько распоряженій папскаго престола, благопріятныхъ для несчастныхъ индѣйцевъ. Такимъ образомъ ему удалось, наконецъ, опровергнуть, какъ гнусную ложь въ оправданіе рабства, мнѣніе, будто вестъ-индскіе туземцы немногимъ лучше дикихъ звѣрей и совершенно неспособны къ пониманію христіанской религіи, склонивъ испанскій дворъ къ установленію лучшей и болѣе кроткой системы управленія Новымъ свѣтомъ.

Съ этой цѣлью онъ составилъ въ 1542 г. докладную записку о жестокостяхъ испанскихъ завоевателей въ Америкѣ; она обратила на себя необыкновенное вниманіе и заслужила всеобщее одобреніе благомыслящихъ людей, и въ ней мы видимъ ясную картину плачевнаго положенія бѣдныхъ дикарей и безграничнаго произвола и безчеловѣчія ихъ корыстолюбивыхъ угнетателей. Въ ней Ласъ-Казасъ, хотя и несправедливо, слагаетъ съ государей Испаніи нравственную отвѣтственность въ совершонныхъ въ Новомъ свѣтѣ ужасахъ, исключительно сваливая ее на ихъ недостойныхъ слугъ; затѣмъ онъ обращаетъ печальный

взоръ на завоеванныя прекрасныя земли, въ которыхъ въ моментъ открытія кишѣло населеніе, какъ въ пчелиномъ ульѣ, и которыя, повидимому, провидѣніе избрало предпочтительно передъ всей остальной землей для распространенія въ нихъ наибольшей части человѣческаго рода. Всѣ эти люди, продолжалъ онъ, имѣютъ простыя, открытыя сердца, безъ всякой лжи и коварства, они послушны и вѣрны какъ своимъ старымъ начальникамъ, такъ и христіанамъ, которымъ принуждены служить, они терпѣливы, спокойны и смирны, не затѣваютъ сами никакихъ ссоръ и раздоровъ, не знаютъ, что такое ненависть и месть. У нихъ тонкое, слабое и нѣжное тѣлосложеніе, совершенно неспособное къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ, вслѣдствіе чего они, при малѣйшемъ напряженіи силъ, легко заболѣваютъ и скоро умираютъ. Дѣти индѣйскихъ землевладѣльцевъ и наемныхъ рабочихъ въ дѣйствительности слабѣе, чѣмъ княжескія дѣти въ Европѣ, растущія въ роскоши и въ изобиліи. Всѣ племена этихъ дикарей бѣдны, но довольны своей участью, равнодушны къ богатству, вслѣдствіе чего у нихъ не замѣтно присутствія гордости, честолюбія и алчности. Ихъ питаніе такъ скудно, что поселенцы въ пустынѣ не могли бы хуже жить. Ихъ одежда состоитъ обыкновенно изъ звѣриной шкуры, которою они прикрываютъ свою наготу и ужъ въ важномъ случаѣ кутаются, какъ въ мантію, въ четыреугольный кусокъ бумажной матеріи. Постелью служитъ для нихъ плетенка изъ камыша и большимъ комфортомъ для себя считаютъ спать въ чемъ-то въ родѣ сѣтей, называемыхъ на Эспаньолѣ «гамоксъ». Ихъ образъ мыслей такъ же простъ и непритязателенъ, какъ и ихъ жизнь; однако слѣдуетъ съ похвалой отозваться объ ихъ быстромъ, рѣшительномъ и проницательномъ умѣ, а также и объ ихъ необыкновенной понятливости и воспріимчивости, вслѣдствіе чего они, можетъ быть, способнѣе, чѣмъ всѣ прочіе смертные, къ воспринятію съ искренней любовью христіанскаго ученія, къ благочестивой жизни и ко всему хорошему. И вотъ среди этихъ-то кроткихъ людей, которыхъ Творецъ надѣлилъ столькими прекрасными качествами, испанцы, тотчасъ послѣ своего прибытія, стали дѣйствовать подобно голоднымъ волкамъ, тиграмъ и львамъ и ужъ сорокъ лѣтъ мучатъ и умерщвляютъ ихъ самымъ ужаснымъ образомъ. Они довели ихъ дотого, что изъ трехъ милліоновъ туземцевъ, жившихъ на о. Эспаньолѣ, едва осталось теперь 200 чел. Куба, С. Жуанъ, (Порторико) Ямайка и остальные острова Антильскаго моря, которые были переполнены людьми, походятъ теперь на пустыни; Лукайскіе острова, имѣвшіе болѣе 1/2 м. жит., такъ обезлюдѣли, что во время предпринятой нѣсколько лѣтъ тому назадъ погони за рабами едва нашли тамъ 11 душъ жителей. Та же печальная участь постигла и жителей материка, и можно

смѣло согласиться съ тѣмъ, что со времени открытія Америки 15 милл. мужчинъ, женщинъ и дѣтей было приведено на бойню съ необыкновенной жестокостью, вслѣдствіе дьявольскаго неистовства такъ-называемыхъ христіанъ. Средства, которыя избирались для истребленія этихъ, достойныхъ полнаго сожалѣнія, племенъ, безошибочно вели къ цѣли; ихъ завоевывали съ кровожадной радостью, и едва только покоренные индѣйцы задумывали возвратить себѣ свободу, какъ ихъ безпощадно убивали. Такимъ-то образомъ испанцы скоро отдѣлались отъ индѣйскихъ предводителей и отъ всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе; женщины же и дѣти подвергались такимъ тяжкимъ работамъ, которыхъ даже и скотъ не въ состояніи переносить.

И единственная причина, вслѣдствіе которой погибло такое огромное число ни въ чемъ неповинныхъ людей, заключалась лишь въ томъ, что испанцы, вмѣсто того, чтобы, поселясь въ этихъ благодарныхъ земляхъ и, живя въ согласіи съ туземцами, накоплять свои богатства, хотя и медленнымъ, зато честнымъ путемъ, одержимы были жаждой золота, неукротимымъ желаніемъ быстрой наживы. Гнусный образъ дѣйствій испанцевъ возбуждаетъ тѣмъ большее негодованіе, что индѣйцы не наносили ни малѣйшаго оскорбленія завоевателямъ ихъ страны, а смотрѣли и почитали ихъ, какъ съ неба сошедшихъ къ нимъ гостей, пока слишкомъ уже ощутительное дурное обращеніе съ ними испанцевъ не вывело ихъ изъ такого заблужденія.

Островъ Эспаньола, на которомъ испанцы впервые утвердились, былъ также и первой страной, которую они опустошили и обезлюдили. Они начали съ того, что оскорбляли женщинъ, брали ихъ дѣтей въ рабство и истребляли тѣ немногіе жизненные припасы, которые индѣйцы добывали цѣною трудовъ и усилій, такъ какъ одинъ испанецъ въ состояніи съѣсть и испортить въ одинъ день такое количество пищи, которое впродолженіе цѣлаго мѣсяца потребляютъ три индѣйскихъ семейства, каждое въ 10 человѣкъ. Индѣйцы, пораженные безстыдствомъ чужестранцевъ, которыхъ они такъ дружески приняли, стали впервые прятать своихъ женъ, дѣтей и жизненные припасы, или скрывались въ горахъ и лѣсахъ, чтобы не приходить больше въ столкновеніе съ опасными людьми. Испанцы пришли въ неописанную ярость отъ этихъ предосторожностей, которыя должны были бы образумить ихъ, и осмѣлились наносить оскорбленія самымъ предводителямъ дикихъ и ихъ родственникамъ. Эта неслыханная на островѣ дерзость послужила поводомъ ко всеобщему заговору индѣйскихъ предводителей, имѣвшему своей цѣлью изгнаніе ихъ мучителей. Индѣйцы поднялись неожиданно и одновременно, но ихъ оружіе было слишкомъ несовершенно и слабо, а потому они и были побѣждены въ борьбѣ съ испан-

цами, сражавшимися на коняхъ и вооруженными мечами и копьями. Испанцы послѣ страшной рѣзни, произведенной ими въ непріятельскомъ лагерѣ, ворвались въ открытыя деревни, умерщвляли стариковъ, женщинъ и дѣтей самымъ отвратительнымъ образомъ.

Такъ какъ вслѣдствіе постепенно увеличивавшихся ужасовъ все почти населеніе прибрежной полосы убѣжало внутрь страны, то безчувственные душители индѣйцевъ дрессировали большихъ щеекъ, съ помощью которыхъ приводили бѣглецовъ и растерзывали на куски. Если же иногда индѣйцамъ удавалось убить нѣсколькихъ христіанъ, то такой поступокъ велъ ихъ еще къ большей гибели, такъ какъ завоеватели постановили за правило— за каждаго убитаго христіанина убивать по крайней мѣрѣ сто индѣйцевъ. Когда, наконецъ, всѣ взрослые люди были перебиты, то, по словамъ Ласъ-Казаса, оставшіеся еще юноши, женщины и дѣти были раздѣлены между колонистами, которые вмѣсто того, чтобы наставлять ихъ въ христіанской религіи, обременяли ихъ самыми тяжкими работами и обращались съ ними хуже, чѣмъ со скотомъ. Молодые люди должны были непрерывно работать въ золотыхъ рудникахъ или таскать такія большія тяжести, что у нихъ кровь текла съ плечъ. Слабыхъ женщинъ принуждали къ самымъ напряженнымъ полевымъ работамъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не падали за-мертво на землю. Находились люди, которые дотого были скупы, что ничего не давали ѣсть своимъ рабамъ, а гнали ихъ всякій разъ черезъ день въ лугъ, гдѣ они должны были отъискивать себѣ пищу въ деревьяхъ и кустарникахъ. Такимъ образомъ, было истреблено въ короткое время многочисленное населеніе Эспаньолы. Такая же участь постигла жителей прекрасныхъ острововъ С. Жуана (Порторико) и Ямайки, которыхъ можно было сравнить съ цвѣтущими садами.

Послѣ того, какъ испанскіе авантюристы, благодаря своему ненасытному корыстолюбію, превратили прелестные острова Антильскаго моря въ пустыни и истребленіемъ жителей отняли у самихъ себя средства къ добыванію благородныхъ металловъ, они направили свои нападенія на ближайшіе берега материка и съ такою же яростью продолжали и здѣсь свою систему грабительства. Мѣста, прилегавшія къ Даріенскому заливу и принадлежавшія къ числу самыхъ плодородныхъ и населенныхъ странъ Новаго свѣта, послужили преимущественно ареною ужасныхъ преступленій. Намѣстники, которые по приказанію короля должны были пріобрѣсть расположеніе жителей посредствомъ хорошаго съ ними обхожденія и обращать ихъ въ христіанскую религію, посылали своихъ сыщиковъ подъ различными предлогами, чтобы выжать съ индѣйцевъ какъ можно больше золота, не заботясь о числѣ жертвъ, которыя падутъ во время этихъ разбойниче-

скихъ походовъ отъ огня, меча и ищеекъ. Чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, хоть внѣшній видъ благообразія, грабители поступали обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Рѣшивъ, что слѣдуетъ уничтожить извѣстное мѣсто, въ которомъ они подозрѣвали существованіе благородныхъ металловъ, они приближались къ нему на разстояніе получаса и приказывали прочитывать вслухъ слѣдующее воззваніе, съ которымъ правительство предписало имъ обращаться къ индѣйцамъ: «Начальники и жители этого мѣста! Мы этимъ даемъ вамъ знать, что есть только одинъ Богъ, одинъ папа и одинъ король кастильскій, который есть господинъ этой земли, потому что папа, какъ намѣстникъ всемогущаго Бога, властвующій надъ цѣлымъ міромъ, подарилъ ему эту землю подъ условіемъ, обратить ея жителей въ христіанскую вѣру, чтобы они послѣ своей смерти жили вѣчно и счастливо среди небеснаго великолѣпія. Придите же, начальники и жители, явитесь сюда, оставьте вашихъ ложныхъ боговъ, поклонитесь Богу христіанъ и исповѣдуйте ихъ религію; вѣрьте въ Евангеліе и примите св. крещеніе; признайте кастильскаго короля своимъ господиномъ и повелителемъ, присягните ему въ вѣрности и исполняйте все, что его именемъ вамъ будетъ повелѣно. Если же вы этого не сдѣлаете, то знайте, что мы нападемъ на васъ, умертвимъ или сдѣлаемъ васъ своими рабами, что мы отнимемъ у васъ ваше имущество и будемъ мучить васъ, по праву и обычаю войны, такъ часто и такъ долго, какъ мы это найдемъ нужнымъ». Такъ какъ со стороны тѣхъ, къ которымъ обращались съ этимъ воззваніемъ, не могло, конечно, послѣдовать никакого отвѣта, потому что они его не слышали, да и не могли бы понять его, то испанцы при наступленіи дня врывались въ это мѣсто, насильно вламывались въ дома, которые, будучи покрыты соломой, легко загорались еще прежде, чѣмъ застигнутые врасплохъ жители успѣвали подняться съ своихъ постелей. Кто избѣгалъ смерти отъ огня, того мучили всевозможными пытками, какія только въ состояніи были придумывать испанцы, до тѣхъ поръ, пока онъ не указывалъ извѣстное ему золото и всѣ другія, богатыя золотомъ, мѣста. Оставшихся въ живыхъ жгли раскаленнымъ желѣзомъ и обращали въ рабство.

Достаточно извѣстно, какія жестокости совершали при завоеваніи Новой Испаніи, въ особенности въ окрестностяхъ Мехико, Кортесъ и его спутники и что слѣдствіемъ этой безпощадной войны была погибель болѣе чѣмъ 4 м. ч. Гораздо безчеловѣчнѣе Кортеса свирѣпствовалъ однако Петро де-Альварадо, одинъ изъ его капитановъ, который былъ посланъ имъ для завоеванія провинціи Гватемалы. Для истребленія туземнаго населенія, онъ съ особенной любовью пользовался самыми отвратительными изъ

средствъ, которыя до сихъ поръ употреблялись. Онъ водилъ съ собою толпу, состоявшую изъ многихъ тысячъ индѣйцевъ, которые воевали съ другими, непріязненно относившимися къ нимъ, людьми и должны были отъискивать убѣжища, въ которыхъ тѣ скрывали своихъ женъ и имущество. Этимъ вспомогательнымъ войскамъ, численность которыхъ достигала часто отъ десяти до двадцати тысячъ человѣкъ, онъ не давалъ ни жалованья, ни пищи, предоставляя имъ часть захваченной добычи, съ правомъ истреблять тѣхъ, кого они возьмутъ въ плѣнъ. И все-же эти люди могли считать себя счастливыми въ сравненіи съ оставшимися въ живыхъ, на которыхъ, какъ на рабовъ, налагали клейма и обращались съ ними какъ съ вьючнымъ скотомъ. Они должны были таскать на плечахъ якоря, вѣсомъ отъ трехъ до четырехъ центнеровъ, и орудія для снаряженія флота отъ Мехиканскаго залива до береговъ Южнаго океана, на разстояніи 130 миль. Эти люди изнемогали въ дорогѣ, или же сажались на старые корабли и предоставлялись волнамъ и голодной смерти. Умнѣе и болѣе сообразно съ своими собственными выгодами поступали съ индѣйцами намѣстники другихъ провинцій, которые щадили ихъ жизнь, съ цѣлью посылать ихъ потомъ тысячами въ Эспаньолу, или Кубу и тамъ съ выгодой продавать ихъ колонистамъ. Когда Альварадо, послѣ опустошенія Гватемалы, выступилъ для завоеванія населенной и плодородной провинціи Мехуакамъ, владѣтель этой земли, вмѣстѣ съ своими начальниками и въ сопровожденіи многочисленной свиты, вышелъ къ нему навстрѣчу, далъ ему драгоцѣнные подарки и предлагалъ ему всевозможныя услуги. Жестокій капитанъ, желавшій какъ можно скорѣе завладѣть благородными металлами и драгоцѣнными каменьями кациковъ, вмѣсто того, чтобы принять все это, приказалъ сковать его, растянуть во весь ростъ по землѣ, связавъ ему руки и ноги, и держать у его подошвъ головню до тѣхъ поръ, пока онъ не укажетъ мѣста, гдѣ хранятся его сокровища. Слуга долженъ былъ по-временамъ опрыскивать подошвы его ногъ масломъ, чтобы кожа была изжарена надлежащимъ образомъ. Возлѣ него съ одной стороны стоялъ наемникъ, который съ натянутымъ арбалетомъ прицѣливался ему въ сердце, а съ другой стороны—гнусный слуга, грозившій каждую секунду пустить на него жадную собаку. Такъ истязали его до тѣхъ поръ, пока случайно не явился сюда одинъ изъ францисканцевъ, странствовавшихъ по всѣмъ провинціямъ Новаго свѣта для обращенія въ христіанство туземцевъ, который и освободилъ его изъ рукъ мучителей, но онъ, однако, скоро затѣмъ умеръ отъ претерпѣнныхъ истязаній. Мы должны здѣсь упомянуть съ величайшимъ уваженіемъ объ усиліяхъ францисканцевъ воспрепятствовать неслыханнымъ жестокостямъ противъ туземцевъ, въ

кротости и сердечной добротѣ которыхъ они ежедневно имѣли случай убѣждаться. Но число ихъ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы они могли повсюду посылать посредниковъ между испанцами и индѣйцами; кромѣ того они рѣдко были поддерживаемы въ своихъ стараніяхъ правительственными чиновниками, которые меньше заботились о тѣлѣ и душѣ, чѣмъ объ имуществѣ и богатствахъ лицъ, защита которыхъ была имъ ввѣрена.

Въ концѣ 1510 года явились на островъ Эспаньолу доминиканцы, и, едва пробывши въ Новомъ свѣтѣ одинъ годъ, они геройски дали клятву защитить туземное населеніе отъ тяготѣющаго надъ ними безсмысленнаго гнёта. Это былъ смѣлый рискъ, такъ какъ нужно было опасаться сопротивленія всѣхъ колонистовъ. Но монахи осторожно приступили къ дѣлу; они сперва изложили свои основныя положенія на бумагѣ и торжественно подписали свой проэктъ. Неустрашимый и пылкій братъ Антоніо Монтезино былъ избранъ для того, чтобы въ первый день рождественскаго поста 1511 года начать нападеніе съ каѳедры. Такъ какъ предварительно распространяли самыя настойчивыя приглашенія, не пропускать этого богослуженія, то на немъ присутствовало очень много членовъ общины. Проповѣдь была на текстъ субботы: «*Ego vox clamantis in deserto*», и, какъ голосъ изъ пустыни, звучалъ испанцамъ могучій и потрясающій голосъ проповѣдника; голова оратора была высоко поднята среди опасности, въ которой онъ находился, и воодушевленіе, сообщенное ему его положеніемъ, увеличивало его краснорѣчіе. Но когда онъ оставилъ каѳедру, община была скорѣе изумлена, чѣмъ поучена. Повсюду слышались выраженія неудовольствія, и едва можно было дослушать богослуженіе. Исполненная душевнаго волненія, подступила толпа по выходѣ изъ церкви ко дворцу вице-короля Донъ-Діего-Колона и потребовала наказанія дерзкаго монаха, который распространяетъ такія ученія, опасныя для общественнаго спокойствія. Адмиралъ долженъ былъ вести теперь переговоры съ викаріемъ доминиканцевъ. Монтезино же былъ побужденъ къ тому, чтобы для успокоенія толпы отречься отъ своихъ словъ, но положили, что братъ Антоніо долженъ въ ближайшую субботу лучше пояснить свою прошлую проповѣдь. Такъ какъ распространилась молва, что «дерзкій» Антоніо формально отречется отъ своихъ словъ, то церковь наполнилась еще большимъ числомъ людей, чѣмъ во время предшествовавшей проповѣди. Къ общему разочарованію, онъ началъ свою проповѣдь важнымъ текстомъ изъ Іова. Такъ какъ онъ, не отрекаясь отъ своихъ словъ, повторилъ всѣ свои положенія пунктъ за пунктомъ съ самыми убѣдительными поясненіями, то община удалилась изъ церкви въ глубокомъ смятеніи. Колонисты обращаются теперь съ своими жалобами къ королю и неотступно

умоляютъ францисканцевъ заступиться за то, что̀ они называютъ «*правомъ и порядкомъ*». Орденъ, дѣйствительно, принялъ на себя защиту колонистовъ и послалъ ко двору брата Алонзо дель-Эспиналя. На томъ же самомъ кораблѣ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Испанію доминиканецъ Монтезино. Вліяніе колонистовъ было велико въ индѣйскомъ Совѣтѣ, а также и дальнѣйшее полученіе государственныхъ доходовъ зависѣло отъ поддержки стараго положенія дѣлъ. Съ трудомъ, даже насильно, добылъ себѣ доминиканецъ аудіенцію у короля Фердинанда и съумѣлъ подъ-конецъ разстроить его своимъ краснорѣчивымъ описаніемъ бѣдствій индѣйцевъ. Однако, благородному дѣлу, которое защищали доминиканцы, вредило ихъ незнакомство съ положеніемъ дѣлъ по ту сторону океана, и потому они навлекли на себя подозрѣніе въ пристрастіи. Король созвалъ своихъ лучшихъ богослововъ и юристовъ и потребовалъ ихъ мнѣнія на счетъ индѣйскихъ дѣлъ. Этотъ ученый совѣтъ, хотя и призналъ индѣйцевъ свободными, но предложилъ удержать ихъ для умѣренной работы за дневную плату. Это установила еще Изабелла, такъ какъ доброй государынѣ представили то соображеніе, что безъ принужденія индѣйцы никогда не оставятъ своей праздной и безцѣльной жизни. И тогда уже не было недостатка въ безжалостныхъ людяхъ, которые оспаривали у смуглыхъ расъ общечеловѣческую природу.

Такимъ образомъ, въ теоріи индѣйцы признаны были свободными людьми, но на практикѣ рабство продолжало свое существованіе. Дѣйствіе этого закона ужъ потому не могло имѣть важныхъ послѣдствій, что онъ достигъ Вестъ-Индіи только въ 1513 г., когда гибель Антильскихъ острововъ не могла слишкомъ замедлить.

Самыми злыми тиранами оказывались именно королевскіе ревизоры, которые были назначены въ занятыхъ испанцами мѣстечкахъ и деревняхъ, для поддержанія порядка и правосудія. Если кто-нибудь изъ нихъ узнавалъ, что живущіе въ его округѣ индѣйцы прячутъ своихъ кумировъ и продолжаютъ чтить ихъ, тотъ сейчасъ же приказывалъ схватывать ихъ начальника и подвергалъ его ужаснымъ истязаніямъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не выдавалъ ему своихъ кумировъ. Тиранъ, видя себя обманутымъ въ своей надеждѣ найдти эти кумиры изъ золота или серебра, съ подобной же жестокостью принуждалъ предводителя надѣлить его вторично всѣми благородными металлами, какіе только онъ въ состояніи добыть въ своей области, причемъ уже дальше не заботились, поклоняются ли индѣйцы истинному Богу или нѣтъ. Можно себѣ легко вообразить, какимъ образомъ эти ревизоры разбирали дѣла, возникавшія между ихъ земляками и туземцами. Если колонистъ выступалъ передъ судомъ въ качествѣ обвинителя и утверждалъ, что та

или другая собака изъ индѣйцевъ не хочетъ работать или замышляетъ убѣжать, то ревизоръ, не требуя даже ни одного доказательства, собственной рукой привязываетъ обвиненнаго индѣйца къ колу, беретъ въ руки обваренную въ дегтѣ плеть и до тѣхъ поръ сѣчетъ ею бѣдняка, пока со всѣхъ членовъ его тѣла не польется кровь и пока онъ самъ за-мертво не упадетъ на землю. «Вотъ какимъ образомъ», прибавляетъ почтенный епископъ Ласъ-Казасъ, «нечестивые испанцы ревновали по ту сторону океана о словѣ Божіемъ».

Гнусное дѣло торговли рабами было уже въ первой половинѣ XVI вѣка ведено, въ особенности поселенцами на островахъ Эспаньолѣ и Кубѣ, въ обширныхъ размѣрахъ, и на глазахъ правительственныхъ чиновниковъ и во всѣхъ большихъ портахъ жили судохозяева, которые посылали на свой счетъ корабли для добычи рабовъ. Начальники этихъ кораблей, которымъ доставалась опредѣленная часть барыша, высаживались обыкновенно въ какомъ-нибудь еще нетронутомъ ими приморскомъ пунктѣ; здѣсь они со своими людьми бражничали въ жилищахъ гостепріимныхъ жителей, а потомъ неожиданно и безъ всякаго къ тому повода нападали на нихъ. Тѣ, которые сопротивлялись, были изрублены, а изъ оставшихся вытаскивали съ собою на бортъ столько людей, сколько въ состояніи былъ вмѣстить въ себѣ корабль. Такъ какъ эти суда были едва только снабжены необходимыми для экипажа припасами, то, когда на возвратномъ пути стояла неблагопріятная погода, множество индѣйцевъ умирали отъ голода и жажды. Сами судохозяева принимали въ разсчетъ то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ третья часть груза выбрасывается въ море. «Когда несчастные», продолжаетъ сострадательный Ласъ-Казасъ, «пережившіе путешествіе, высаживаются, наконецъ, на островѣ, гдѣ назначена ихъ продажа, то у всякаго человѣка, въ которомъ есть хоть искра чувства, сердце должно обливаться кровью, при видѣ этихъ нагихъ, заморенныхъ голодомъ людей, изъ которыхъ дѣти и старики, мужчины и женщины валяются по землѣ въ совершенномъ изнеможеніи; когда на его глазахъ ихъ опять выгоняютъ и какъ овецъ отдѣляютъ однихъ отъ другихъ въ кучи отъ десяти до двадцати человѣкъ въ каждой, чтобы посредствомъ жребія удовлетворить каждаго изъ участниковъ въ экспедиціи, принимая здѣсь въ соображеніе и величину полученныхъ въ задатокъ денежныхъ суммъ. На рабовъ же не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, безпощадно разлучаютъ дѣтей съ ихъ отцами и матерями, мужей съ ихъ женами и т. д.».

Вотъ какъ соблюдали испанцы въ Новомъ свѣтѣ божественный законъ любви къ ближнему! И все-же едва ли можно сравнить эти безчеловѣчные поступки съ тѣми ужасными дѣлами,

которыя совершали надъ индѣйцами при добываніи жемчуга, одномъ изъ самыхъ жестокихъ и самыхъ предосудительныхъ человѣческихъ изобрѣтеній. На этомъ свѣтѣ навѣрное нѣтъ ни одного столь мучительнаго занятія, которое могло бы быть поставлено въ параллель съ адской работой водолазовъ. Они опускаются въ море на глубину трехъ или пяти саженъ, гдѣ они должны, не переводя дыханія, оставаться до тѣхъ поръ, пока не найдутъ достаточнаго запаса жемчужныхъ раковинъ, не отдѣлятъ одну отъ другой и не соберутъ вмѣстѣ. Когда сѣть, которую они носятъ на шеѣ, наполнена этими раковинами, то они могутъ подняться и нѣсколько отдохнуть въ лодкѣ, которая стоитъ вблизи и въ которой находятся надсмотрщики. Но если они отдыхали хотя бы только одной секундой больше, чѣмъ это позволялось, то ихъ опять толкаютъ въ воду или тащатъ ихъ туда за волосы, чтобы извлечь изъ нихъ, прежде чѣмъ они окончатъ свое мучительное существованіе, какъ можно больше барыша. Ночью, чтобы сдѣлать для нихъ бѣгство невозможнымъ, ихъ привязываютъ на цѣпь къ кольямъ, около которыхъ они валяются на голой землѣ. Многіе, однако, не возвращались вечеромъ отъ дневной работы въ свои жалкія хижины, потому что они въ глубинѣ моря пожирались голодными акулами, но и остальные, которые спасались отъ этихъ прожорливыхъ рыбъ, переносили подобный образъ жизни лишь весьма недолго. Отъ природы черные волосы этихъ людей дѣлаются бурокраснаго цвѣта и все тѣло покрывается, вслѣдствіе ѣдкости морской воды, чешуистыми нарывами; большая часть получаетъ кровохарканіе и поносъ и скоро затѣмъ умираетъ. Справедливое негодованіе овладѣваетъ каждымъ при изображеніи этого по-истинѣ дьявольскаго поведенія испанцевъ съ ни въ чемъ неповинными индѣйцами, но это негодованіе обращается въ жгучую боль, когда онъ узнаетъ, что и нѣмцы виновны въ такихъ же позорныхъ жестокостяхъ, совершонныхъ ими въ Новомъ свѣтѣ. Предоставимъ почтенному епископу, который всегда остается вѣрнымъ истинѣ, самому говорить. «Въ 1536 году», начинаетъ онъ, «правитель нашей страны польстился различными обѣщаніями и уступилъ на неопредѣленное время нѣмецкимъ купцамъ (Вельзерамъ въ Аугсбургѣ) провинцію Венецуэлу, страну, которая занимаетъ большее пространство, чѣмъ все испанское королевство, и предоставилъ имъ управленіе ею вмѣстѣ со всѣми относящимися къ нему преимуществами. Нѣмецкіе наемники, въ числѣ около 300 человѣкъ, посланные туда на испанскихъ корабляхъ, нашли въ ея жителяхъ такихъ же, даже еще болѣе кроткихъ ягнятъ, чѣмъ всѣ другіе индѣйцы въ этой мѣстности. Но они нападали на нихъ, по моему мнѣнію, еще свирѣпѣе, чѣмъ большая часть упомянутыхъ уже нами тира-

новъ, еще неразумнѣе и яростнѣе, чѣмъ кровожадные тигры, хищные волки и львы. Побуждаемые корыстолюбіемъ и алчностью, они придумывали еще болѣе позорныя средства къ выжиманію золота и серебра, чѣмъ ихъ предшественники; они отложили въ сторону всякій страхъ передъ Богомъ и всякій стыдъ передъ людьми и, имѣя въ своихъ рукахъ судебную и исполнительную власть, они почти совершенно позабыли о томъ, что они не болѣе какъ люди. Эти воплощенные черти разрушили и опустошили пространство болѣе чѣмъ въ 400 миль съ прекрасными и плодородными равнинами и уничтожили множество мѣстъ, наполненнныхъ людьми и благородными металлами. Большія племена вмѣстѣ съ ихъ языками были всецѣло истреблены, такъ что мы бы не нашли больше никакихъ слѣдовъ ихъ существованія, если бы нѣкоторымъ бѣглецамъ не удалось скрыться въ пещерахъ и пропастяхъ и избѣгнуть такимъ образомъ смерти. Они умертвили самымъ безбожнымъ и затѣйливымъ образомъ около 5.000,000 невинныхъ жителей, и донынѣ не предвидится конца этому давящему гнету.

«Еслибъ я хотѣлъ назвать по имени всѣ опустошенныя ими провинціи и всѣ города и мѣстечки, преданныя пламени, то читатели мои содрогнулись бы и съ трудомъ повѣрили бы мнѣ, хотя я разсказываю истинную правду. Но всѣ эти позорныя дѣянія доказаны достовѣрными свидѣтельствами, и все-же не сожгли и даже не наказали ни одного изъ этихъ проклятыхъ варваровъ. Ущербъ, нанесенный ими королевской казнѣ, простирается на цѣлые милліоны, такъ какъ въ промежутокъ времени въ шестнадцать лѣтъ они ограбили и опустошили пространство земли величиною, по крайней мѣрѣ, въ 400 миль, которое было такъ богато золотомъ и такъ благословенно людьми, какъ никакая земля въ цѣломъ мірѣ. Не вѣрится, чтобы этотъ убытокъ былъ когда нибудь вознагражденъ. Всемогущій Господь да воскреситъ изъ мертвыхъ милліоны людей, которые были здѣсь отправлены въ вѣчность!»

Ласъ-Казасъ обращается съ строгими словами къ эспаньольской судебной палатѣ и упрекаетъ ее въ томъ, что она не только смотрѣла сквозь пальцы на ужасы, совершавшіеся въ Новомъ свѣтѣ, но изъ грязнаго своекорыстія даже и поощряла ихъ.

Въ-заключеніе онъ обращается съ самыми почтительными и убѣдительными просьбами къ своему монарху о наискорѣйшемъ искорененіи подобнаго безчинства и помощью самыхъ строгихъ распоряженій, спасти остатки вестъ-индскаго населенія. Его представленія, дѣйствительно, произвели на Карла V очень глубокое впечатлѣніе, такъ что онъ многими узаконеніями запретилъ дурное обращеніе съ индѣйцами и повелѣлъ изслѣдовать образъ дѣйствія намѣстниковъ и чиновниковъ и наказывать ихъ

безъ всякаго къ нимъ снисхожденія. Но его благонамѣренныя приказанія не достигли своей цѣли, и по ту сторону океана по прежнему продолжали совершенно безбоязненно продавать и травить несчастныхъ туземцевъ и истреблять ихъ тяжелыми работами. Между тѣмъ императоръ задумалъ поручить ревностному Ласъ-Казасу, въ вознагражденіе за его труды, епископство Куцео въ Перу, одно изъ самыхъ большихъ и самыхъ богатыхъ въ Новомъ свѣтѣ. Но безкорыстный монахъ именно вслѣдствіе этого-то и не принялъ предложеннаго ему епископства, просивъ въ 1544 году назначить себя епископомъ въ бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ провинціи Хіога, принадлежавшей къ Новой Испаніи, куда онъ тотчасъ же и отправился. Неумолимая строгость, посредствомъ которой онъ старался положить конецъ торговлѣ рабами въ его округѣ, скоро ожесточила поселенцевъ до такой степени, что они пожаловались на него правительству, какъ на человѣка, сѣющаго смуты въ обществѣ, и требовали его удаленія. Такъ какъ ихъ лживыя увѣренія встрѣчали очень благосклонный пріемъ у королевскихъ совѣтниковъ, и глубоко оскорбленный епископъ увидѣлъ, что приближается замышленное противъ него нападеніе, то онъ добровольно сложилъ съ себя свой санъ и въ 1547 году въ седьмой и послѣдній разъ отправился въ Испанію, чтобы лично вести свою защиту. Принесенныя на него жалобы были признаны, послѣ многократныхъ допросовъ и совѣщаній, недостаточными, и всѣ оказывали величайшее уваженіе человѣку, смѣло выступившему въ сознаніи своей невинности и своего достоинства, но радовались, однако, его рѣшенію прожить свои послѣдніе дни на родинѣ.

Ласъ-Казасъ не пропускалъ даже въ глубокой старости ни одного удобнѣйшаго случая, чтобы посредствомъ устныхъ и письменныхъ совѣтовъ открыть доступъ своимъ человѣколюбивымъ взглядамъ, и многія превосходныя установленія, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ его неослабному рвенію, не оставались безъ благотворительныхъ послѣдствій. Онъ подвергся, наконецъ, въ 1566 году въ Мадридѣ на 92-мъ году жизни, непродолжительной болѣзни, послѣ очень дѣятельной жизни. Бѣдные индѣйцы лишились въ немъ своего ревностнѣйшаго защитника и неутомимаго благодѣтеля.

(Charakterbilder der allgemeinen Geschichte, Schöppner, 1873 г., стр. 83).

6. ОТКРЫТІЯ И КОЛОНІИ ПОРТУГАЛЬЦЕВЪ.

Десять лѣтъ протекло со времени возвращенія *Бартоломео Діаца*, открывшаго *мысъ Доброй Надежды*, пока Португалія не

снарядила дальнѣйшую экспедицію въ Индію. Главнымъ образомъ путешествія Колумба, имѣвшія огромное значеніе для Испаніи, побудили короля Эммануила Великаго послать лѣтомъ 1497 г. въ Индію четыре корабля подъ командою адмирала *Васко-де-Гама.* Когда эскадра обогнула южный берегъ Африки (22-го ноября), путь по восточному берегу былъ замедленъ теченіемъ въ Мозамбикскомъ каналѣ. Лишь въ срединѣ апрѣля 1498 г. достигли Малинды, владѣтель которой вошелъ съ Гамой въ аудіенцію, заключилъ съ нимъ союзъ, предоставлявшій на будущее время значительныя преимущества португальскимъ путешественникамъ въ Индіи. Подъ управленіемъ кормчаго изъ арабовъ эскадра проѣхала въ юго-западномъ направленіи Индѣйскій океанъ и прибыла (20-го мая) въ Калькутту, главнѣйшую гавань на Малабарскомъ берегу и вообще Индіи. Сюда съиздавна являлись арабскіе купцы и вели богатую торговлю между востокомъ и западомъ. Они-то, изъ опасенія конкурренціи португальцевъ, первоначально съумѣли вооружить мѣстное правительство противъ чужестранцевъ, выдавая послѣднихъ за пиратовъ. Гама, потерявъ часть своего отряда вслѣдствіе скорбута, пустился въ обратный путь и, по возвращеніи въ Лиссабонъ (1499 г.), былъ пожалованъ королемъ Эммануиломъ дворянскимъ достоинствомъ.

Морской путь въ Индію такимъ образомъ былъ отысканъ, но негостепріимный пріемъ въ Индіи показалъ португальцамъ необходимость уничтожить вліяніе арабовъ, прежде чѣмъ разсчитывать на удачную торговлю съ востокомъ. 9-го марта 1500 г. *Кабраль* съ 13-ю кораблями и 1500 людей отплылъ изъ Лиссабона. На этомъ пути онъ открылъ Бразилію, но буря у мыса Доброй Надежды разбила нѣсколько кораблей и разсѣяла эскадру, такъ что только шесть кораблей бросили якорь въ виду Калькутты 13-го сентября 1500 г. Здѣсь арабскіе купцы дѣйствовали съ чисто азіатскимъ коварствомъ противъ моряковъ. Но политическая вражда неожиданно открываетъ друзей. Поэтому, когда Кабраль пыталъ свое счастье въ Готшинѣ, второстепенной гавани, онъ нашелъ у владѣтеля (раджи) этой ленной области самый радушный пріемъ и достаточное количество перцу для своего экипажа. Въ Кананорѣ, владѣтель котораго также пригласилъ его, онъ могъ запастись инбиремъ, послѣ чего 16-го января 1501 г. онъ снялся съ якоря и прибылъ 31-го іюля въ Лиссабонъ

Эти двѣ гавани, Готшинъ и Кананоръ, были посѣщены третьей эскадрой, которая отправилась еще въ мартѣ 1501 г. На возвратномъ пути отысканъ былъ совсѣмъ необитаемый островъ св. Елены, и изъ этого узнали, на какомъ большомъ разстояніи отъ самаго континента Африки уже тогда они отыскивали свой путь. Португальскія эскадры были ничѣмъ инымъ

какъ вооруженными купеческими флотами. Въ 1502 году пришла эскадра изъ 20-ти кораблей, изъ которыхъ 10 Васко-де-Гама повелъ на Малабаръ. Онъ бомбардировалъ Калькутту, разбилъ два индійскихъ флота и возвратился на родину съ 13-ю кораблями, наполненными пряностями. Въ этотъ разъ вторая эскадра задержалась въ водахъ Индійскаго океана, остановившись при Джаръ-Гафунѣ, на восточной отлогости Африки, чтобъ захватить арабскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Индіей, на пути изъ Краснаго моря, такъ какъ теперь замышляли окончательно ниспровергнуть арабско-александрійскую торговлю. Египетскій султанъ долженъ былъ это замѣтить, такъ какъ александрійская таможня болѣе не наполнялась уже индійскими товарами. Также венеціане, предвидя совершенное запустѣніе египетскихъ рынковъ, склоняли мамелюкскаго султана къ изгнанію португальцевъ изъ Индіи. Но приходившее въ упадокъ государство мамелюковъ уже не въ состояніи было спасти александрійскую торговлю, этотъ жизненный источникъ египетскаго государства, потому что всѣ усилія привели лишь къ уничтоженію единственнаго, перваго и послѣдняго военнаго флота. Но португальцы предупредили ихъ; въ 1505 г. одинъ изъ отличнѣйшихъ предводителей, Донъ Франциско *д'Альмейда*, привелъ въ Индію 22 корабля и 1500 человѣкъ, которые завербованы были на трехлѣтнюю службу. Въ первой битвѣ (1508 г.) португальцы потерпѣли пораженіе, несмотря на геройство предводителя, сына перваго вице-короля Индіи, Лоренца д'Альмейда, который самъ палъ. Однако же отецъ отмстилъ за смерть храбраго сына, завладѣвши послѣ второй битвы, продолжавшейся съ утра до ночи, соединеннымъ египетско-арабскимъ флотомъ (февр. 1509 г.).

Осенью 1509 г. главное управленіе перешло въ руки великаго *Альфонса Альбукерка*. Послѣдній завоевалъ также *Гоа*, сдѣлавшійся значительнымъ торговымъ городомъ, какъ и *Ормузъ*, при входѣ въ Персидскій заливъ, захватившій въ свои руки морскую торговлю съ Индіею Ирана и странъ между Тигромъ и Евфратомъ. Съ тѣхъ поръ португальцы владѣли Индійскимъ океаномъ безъ соперниковъ. Они завладѣвали значительными мѣстностями для гаваней посредствомъ фортовъ, которые они основывали; арабская торговля прекратилась, ирано-индѣйская существовала подъ ихъ охраною. Ни одного экипажа не видно было на морѣ безъ португальскаго флага, такъ какъ со всякимъ другимъ купеческимъ кораблемъ поступали какъ съ принадлежащимъ морскимъ пиратамъ. Арабскіе города на мозамбикской сторонѣ Африки платили португальцамъ дань, ихъ эскадры ходили въ Красное море и опасную Джидду, гавань Мекки. Европейскіе купцы теперь могли найти пряности только въ Лиссабонѣ, куда привозился перецъ изъ Калькутты,

инбирь изъ Кананора, корица—съ Цейлона. Это господство на морѣ удерживалось безъ большихъ усилій, такъ какъ по уничтоженіи египетской эскадры уже не было болѣе ни одного азіатскаго военнаго флота по сю сторону Коморина, и цѣлое столѣтіе должно было пройти, прежде чѣмъ европейскія морскія силы столкнулись съ португальцами въ этихъ отдаленныхъ водахъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Калькутту португальцы узнали, что Малакка есть торговый пунктъ, гдѣ арабскіе, индѣйскіе, малайскіе, японскіе и китайскіе купцы вымѣниваютъ другъ у друга свои товары. Поэтому въ 1508 г. португальцы заключили договоръ съ туземнымъ владѣтелемъ, въ силу котораго давалось преимущество ихъ флагамъ передъ всѣми другими. Но здѣсь также имъ пришлось испытать помѣху со стороны арабовъ, и Альфонсъ, также какъ и Георгъ Альбукеркъ, должны были выдержать нѣсколько битвъ, чтобъ утвердиться на Малаккѣ. Для упроченія португальскаго господства въ Индіи, Альбукеркъ заложилъ рядъ укрѣпленій и торговыхъ конторъ, и легко защищаемый городъ Гоа служилъ мѣстомъ и центромъ этого господства, какъ справедливо могъ называть его основатель его, Альбукеркъ. Въ то же время онъ пролагалъ путь господству своего отечества посредствомъ посольствъ въ Сіамъ, на Молуккскіе острова, въ Японію, Китай, которыя (посольства), ознакомившись съ положеніемъ, образомъ правленія этихъ странъ, ихъ торговыми сношеніями другъ съ другомъ, всячески старались съ ними сблизиться.

Однако же, недовольнымъ подданнымъ генералъ-капитана въ Индіи и тайнымъ врагамъ въ королевскомъ совѣтѣ удалось набросить тѣнь на Альбукерка, обвинивъ его въ томъ, что онъ съ помощью ему подвластныхъ офицеровъ, постройки укрѣпленій и туземныхъ владѣтелей, расположеніемъ которыхъ онъ пользовался, стремится къ независимому господству въ Индіи. Подобные наговоры такъ подѣйствовали на Эммануила, что онъ рѣшился отозвать Альбукерка, а губернаторомъ Индіи послалъ нерасположеннаго къ нему Лопо Зоареса. Вскорѣ, однако, онъ уже раскаявался въ изданномъ распоряженіи, и когда египетскій султанъ, не желая вторженія португальцевъ въ Красное море, снарядилъ сильный флотъ для борьбы съ ними въ Индіи, король ввѣрилъ Альбукерку главное начальство надъ флотомъ, который долженъ былъ дѣйствовать противъ упомянутой армады. Но и такое блистательное оправданіе невиннаго человѣка не придало ему жизни. Великій герой и государственный человѣкъ умеръ съ разбитымъ сердцемъ (дек. 1515 г.).

Ко времени его смерти могущество португальцевъ достигло своего апогея. Насколько его основателемъ и ревнивымъ охранителемъ былъ Альбукеркъ, выяснилось только тогда, когда, по

уходѣ его, въ средѣ подчинившихся союзныхъ владѣтелей и народностей Индіи обнаружились знаки непослушанія и опасеній, а въ средѣ португальцевъ—стремленіе къ обогащенію и необузданность. При пріемникахъ Альбукерка завязались сношенія лишь съ Китаемъ и Сіамомъ, пріобрѣтены были нѣкоторые пункты на Цейлонѣ и Суматрѣ, Молуккскіе же острова проданы испанцамъ. Какъ только исчезла страсть къ славѣ, служившая главнымъ двигателемъ въ дѣлахъ португальцевъ въ Индіи, на ея мѣсто выступила жажда обогащенія. Вице-короли смотрѣли на свой постъ, котораго они достигали нерѣдко посредствомъ различныхъ происковъ, какъ на вѣрнѣйшее средство къ личному обогащенію въ короткій періодъ (3 года) своего управленія. Подчиненные имъ чиновники слѣдовали ихъ примѣру; солдаты, при полномъ отсутствіи военной дисциплины, вели праздную жизнь или дѣлались торговцами. Со времени присоединенія Португаліи къ Испаніи (1580 г.), паденіе португальскаго господства въ Индіи пошло чрезвычайно быстро, пока, наконецъ, одна за другою индійскія владѣнія не перешли въ руки голландцевъ.

(По Пешелю).

7. КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ОТКРЫТІЯ НОВАГО СВѢТА.

I.

При разсказѣ о тѣхъ безумствахъ и ужасахъ, которыми сопровождались открытія новыхъ странъ, много разъ приходилось пожалѣть, зачѣмъ эти страны не остались неизвѣстными, такъ какъ онѣ и сами терпѣли много золъ, да и другимъ ихъ причиняли не меньше.

Вотъ каково было мнѣніе многихъ людей, жившихъ въ томъ самомъ вѣкѣ, который былъ свидѣтелемъ этихъ открытій, когда всѣ, происходившія отсюда, бѣдствія приписывались тому, что открытія начались съ пятницы; въ вѣкѣ же, предшествовавшемъ нашему, думали, что главныя общественныя неурядицы и всѣ бѣды человѣчества являлись слѣдствіемъ цивилизаціи, и что народы были бы совершенно счастливы, еслибы оставались въ первобытномъ состояніи.

И въ самомъ дѣлѣ, не мало было доказательствъ, что открытія имѣли пагубные результаты. Открытія, ввѣренныя Европейской черни-авантюристамъ, преступникамъ, наемнымъ рекрутамъ и служа приманкой, за которой гнались съ ненасытной алчностью, повлекли за собою убійства и разныя гнусности. Народы, счастливые въ своемъ невѣжествѣ, отторгнуты были отъ своей религіи и семейства, чтобы быть подчиненными капризу

Европейца; ихъ убивали или принуждали къ работамъ, которыя составляли для нихъ нѣчто въ родѣ непрерывной пытки, заставляли усвоивать такія понятія, которыя недоступны были ихъ слабому уму, и то, что внушала имъ кровожадная нетерпимость.

Всѣмъ завладѣла алчность, но ничего она не укрѣпила въ своей власти. По мѣрѣ умноженія золота, умножаются и нужды, возрастаетъ роскошь и уменьшается довольство, развращаются нравы, а отъ постоянныхъ наслажденій портится и уничтожается здоровье.

Началась нелѣпая система новыхъ колоній. Древнія колоніи служили мѣстомъ жительства для излишка населенія, ими награждали за военныя заслуги, и тотъ, кто переселялся въ колонію, не пользовался уже никакими политическими правами въ метрополіи. Въ средніе вѣка колоніи открывали путь къ свободному труду. Что же касается до новыхъ, то онѣ отказались отъ этого прогресса и возвратились къ древнему личному рабству, къ той системѣ, которая для выгоды метрополіи готова пожертвовать колоніями и только и заботится, чтобы какъ можно меньше платить работникамъ и продавать товары дороже, а покупать дешевле.

Если кто заберетъ себѣ въ голову какую нибудь одну исключительную идею, то онъ немедленно будетъ стараться привести ее въ исполненіе, какъ бы она ни была нелѣпа и безнравственна. Колоніи, такимъ образомъ, открывали обширное поприще для алчности, несправедливости и тираніи — не только въ Новомъ свѣтѣ, но и въ Старомъ, стѣснявшихъ торговлю разными законами и исключительными постановленіями. Природа въ изобиліи одарила Молуккскіе острова извѣстными произведеніями, а на Антильскихъ—произведенія Азіи и Африки были воздѣлываемы иноземцами. Лишь только обращено было вниманіе на эти острова, какъ для метрополій не стало иной заботы, какъ препятствовать торговлѣ, чтобы изъ этого извлечь для себя какъ можно больше выгоды и довольства; эгоизмъ, помѣшавшій распространенію самихъ колоній, повелъ за собою и необходимость рабства. Находясь въ зависимости отъ безчеловѣчныхъ завоевателей, скупыхъ купцовъ и проповѣдниковъ нетерпимости, туземцы страдали подъ гнетомъ безусловнаго рабства, они или погибали, или спасались бѣгствомъ, такъ что ихъ пришлось замѣнять неграми.

Люди, разлученные со своей родиной, вдали отъ близкихъ и родныхъ, которые порой могли бы сдерживать ихъ дикіе порывы, вдали отъ мѣстъ, гдѣ протекло ихъ дѣтство, легко предаются всѣмъ излишествамъ, въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается наиболѣе возможности дѣлать дурное. Различные народы, устремившіеся къ Антильскому архипелагу и Ти-

хому океану, входили въ частыя столкновенія между собой, а эти столкновенія повлекли за собой войны, усложнившія политику: такимъ образомъ мирныя отношенія между торговыми націями не существовали болѣе, а были только кратковременныя перемирія, во время которыхъ метрополіи ревниво наблюдали другъ за другомъ, смѣшивая интересы торговые съ интересами политическими.

И такъ, не лучше ли было бы, еслибъ корабли Христофора Колумба и Варѳоломея Діаца погибли во время своихъ путешествій, къ вѣчному ужасу того, кто еще когда либо задумалъ бы идти нарушить покой неизвѣстнаго міра или міра, не принадлежащаго къ старому материку?

Однако, если взглянуть на факты съ другой точки зрѣнія, то подобное мнѣніе легко можетъ измѣниться. Прежде всего выкинемъ изъ головы мысль, традиціонное предположеніе о возможности блаженства между дикарями; у нихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ ни идиллическихъ сценъ, ни поэтической невинности, ни патріархальной простоты, напротивъ распространено право сильнаго, рабство женщины, притѣсненіе слабаго, корыстолюбіе, неосмотрительность, дѣтоубійства, часто даже людоѣдство и всегда грубое суевѣріе.

Конечно, никто не станетъ защищать поступки Европейцевъ; но хорошо, еслибъ не смѣшивали открытій съ завоеваніями и не думали, что первыя непремѣнно должны сопровождаться вторыми. Религіозная и философская нетерпимость, которая обагряла кровью Европу съ конца XV и до половины XVII столѣтія, вдохновляла также и первыхъ завоевателей обѣихъ Индій и убѣждала ихъ въ томъ, что дикари-идолопоклонники принадлежатъ къ низшей расѣ, чѣмъ наша; что ихъ земля, даже ихъ собственная личность не принадлежатъ имъ, что обратить ихъ какимъ бы то ни было средствомъ въ христіанство будетъ дѣломъ вполнѣ похвальнымъ. Такая нетерпимость происходила не изъ чистаго источника, а—какъ это обыкновенно бываетъ со всѣми слишкомъ восторженными чувствованіями—сюда примѣшивались матеріальные интересы и соціальные пороки.

У могущественныхъ людей она соединялась съ ненасытнымъ корыстолюбіемъ, результатомъ потребностей, созданныхъ новой возмутительной политикой, которая въ древнемъ мірѣ также возстановляла одну націю противъ другой, съ единственной цѣлью лишить эту послѣднюю ея правъ и богатства. И такъ, на суровости испанскаго характера надо останавливаться меньше, нежели на холодныхъ разсчетахъ алчнаго честолюбія и недовѣрчивой осторожности и на разныхъ жестокостяхъ, которыя надѣялись оправдать необходимостью утвердить свое соціальное положеніе.

Какое же поколѣніе избавлено въ этомъ отношеніи отъ подобнаго упрека? Природное населеніе Америки слишкомъ много страдало, это правда, но пусть сравнятъ тѣ народы, которые еще не были подчинены, съ тѣми, надъ которыми Европа господствовала уже впродолженіе трехъ столѣтій. Народонаселеніе земли не соотвѣствовало ея обширности, и въ странахъ, примыкающихъ къ Азіи, гдѣ давно могла бы развиться туземная цивилизація, видны были только разсѣянныя племена дикарей-звѣролововъ; такъ что въ этихъ странахъ можно было основать такія значительныя колоніи, какихъ никогда не существовало въ Азіи и Африкѣ, и эти колоніи получили тамъ успѣхъ, благодаря быстрой акклиматизаціи европейскихъ злаковъ. Франклинъ, Вашингтонъ, Боливаръ родились тамъ, гдѣ прежде бродили людоѣды. Фультонъ приводитъ въ движеніе первые пароходы на тѣхъ самыхъ берегахъ, гдѣ не умѣли сдѣлать даже простой лодки. За звѣроловами слѣдуютъ земледѣльческіе народы, за грабежемъ—торговля; филантропическія учрежденія заступаютъ мѣсто грубой силы, и Европа, какъ учитель, превзойденный своимъ ученикомъ, преклоняется передъ свободой, утвердившейся на берегахъ Миссиссипи и Ориноко; она видитъ, что народонаселеніе англо-американской республики увеличилось втеченіе полу-столѣтія почти вчетверо, она видитъ повсюду каналы, желѣзныя дороги и рѣки, облегчающія сообщенія между племенами, раздѣленными другъ отъ друга громадными пространствами. Въ Нью-Іоркѣ насчитывается больше школьниковъ, чѣмъ дѣтей. Въ Филадельфіи, Бостонѣ и во многихъ другихъ городахъ открываются академіи, повсюду основываются университеты и, что еще важнѣе, во всѣхъ мѣстахъ появляются земледѣльческія и филантропическія общества, банки и другія учрежденія, имѣющія цѣлью удовлетворить обширной потребности дѣйствовать, научаться, усовершенствоваться.

Подобные факты кажутся намъ болѣе всякихъ софизмовъ филантроповъ годными къ тому, чтобы мы лучше и по существенному ихъ достоинству оцѣнили открытіе Новаго свѣта, который доставилъ европейской расѣ превосходство надъ всѣми другими.

Очевидному злу, происшедшему отъ колоній, можно противопоставить много и полезныхъ результатовъ, такъ напр. успѣхи въ области географіи и этнографіи, а также и усовершенствованія по части мореплаванія. Древняя торговля производилась на сушѣ, а море служило ей только вспомогательнымъ средствомъ для соединенія тѣхъ мѣстъ, которыя оно раздѣляло, и успѣхи мореплаванія нельзя приписывать успѣхамъ торговли. Плаваніе производилось по Средиземному морю, но оно служило только для распространенія или расширенія сухопутной торговли и какъ средство для перевозки товаровъ изъ одного мѣста въ другое.

Путешествій вокругъ береговъ Африки недостаточно было для того, чтобы произвести ту перемѣну, которую произвели новыя открытія, и индѣйская торговля долго еще оставалась бы каботажной.

Только открытіе Америки сдѣлало возможнымъ веденіе морской торговли въ большомъ размѣрѣ и измѣнило путь съ Востока въ Европу, путь, который, за исключеніемъ частныхъ случаевъ, оставался однимъ и тѣмъ же со времени учрежденія разныхъ обществъ. Хотя бы даже не былъ обогнутъ мысъ Доброй Надежды, то и тогда открытіе Колумба должно было произвести подобную перемѣну, потому что нельзя было достигнуть Новаго свѣта, ни придерживаясь береговъ, ни плавая отъ одного острова до другаго. И такъ, честь преобразованія сухопутной торговли въ морскую принадлежитъ знаменитому генуэзцу Колумбу. Когда Европа открыла свои порты для судовъ обѣихъ Индій, то порты Средиземнаго моря значительно обѣднѣли, и Океанъ сталъ главнымъ путемъ сообщенія. Въ началѣ XVII столѣтія Европа насчитывала 22,000 транспортныхъ судовъ, изъ которыхъ 11,000 принадлежали Голландіи, 2,300—Англіи, 1,300—Франціи и 6,000 вмѣстѣ Испаніи, Италіи, Даніи и Швеціи. Каждый можетъ замѣтить, насколько и какимъ образомъ впослѣдствіи увеличилось число этихъ судовъ.

Съ того времени увеличилась въ Европѣ потребность наслажденій и роскоши, а также и средства къ удовлетворенію нуждъ всякаго рода. Въ настоящее время, будучи человѣкомъ и не слишкомъ достаточнымъ, можно щеголять въ гостиныхъ, обитыхъ дамасскими тканями, попирать ногами персидскіе ковры, одѣваться въ одежды, вытканныя въ Индіи, на японскомъ фарфорѣ услаждаться чаемъ изъ Китая, кофеемъ изъ Мокки и Мартиники и подслащивать эти напитки сахаромъ съ Антильскихъ острововъ, или изъ Сіама; вдыхать въ себя запахъ табаку изъ Виргиніи или Гаванны, приправлять свою пищу пряностями Молуккскихъ острововъ и украшать свои сады деревьями и растеніями Капской земли и Новой Голландіи. Съ другой стороны— хлопокъ, маисъ, картофель явились для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ бѣдняка, и съ этого времени онъ болѣе обезпеченъ на случай неурожая.

Пошлины на иностранные товары обогатили финансы правительствъ, въ то время когда преобразованіе войскъ и централизація въ управленіи заставляли ихъ почувствовать потребность въ новыхъ доходахъ. Европейскія мануфактуры приняли невѣдомые до этого времени размѣры для того, чтобы снабжать одеждой и домашней утварью такіе народы, которые еще недавно не имѣли никакой нужды во всемъ этомъ, или для того, чтобы соперничать въ роскоши съ Востокомъ; кромѣ того они могли

пользоваться сырыми произведеніями, которыя или по своей новизнѣ, или по своему обилію были причиной того, что народъ также началъ стремиться къ удобствамъ или украшеніямъ, которыя прежде предоставлены были только знатнымъ вельможамъ.

Основаны были кафе-рестораны, куда стали собираться, чтобы потолковать о дѣлахъ и политикѣ, не подвергаясь опасностямъ и неудобствамъ харчевенъ, и дома эти способствовали такимъ образомъ къ поддержанію общительности и вѣжливости. Умъ получилъ болѣе пищи, когда ему стало больше дѣла, когда ему открылся доступъ къ неизслѣдованнымъ народамъ, когда было опровергнуто столько заблужденій, столько старинныхъ предубѣжденій и было, въ свою очередь, открыто столько истинъ; тогда по необходимости расторгнулся тотъ тѣсный кругъ, въ который власть заключила разумъ, и ему открылось обширное поле для изслѣдованій.

Тогда стало необходимымъ съ величайшею точностью разсмотрѣть новыя явленія, побудившія впослѣдствіи къ провѣркѣ старыхъ. Захотѣли узнать подробности и причины каждой вещи, а это было логическимъ упражненіемъ, которое положило конецъ авторитету учителя. Нечаянныя соприкосновенія повели къ научнымъ комбинаціямъ, и начали учить тому, о чемъ толковали прежде, какъ о неслыханномъ и случайномъ.

И такъ, нѣкоторыя науки могли разработываться, но кромѣ того создались и новыя. Появилась физическая географія, трактовавшая о всѣхъ поясахъ и высотахъ, исторія могла стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться всемірною,—выступила изъ своей классической колеи археологія, родились геологія и этнографія. Такое количество новыхъ предметовъ для размышленія было причиной того, что вмѣсто прежняго недостатка идей появилось неожиданное изобиліе ихъ. Мнѣнія, законы, нравы и политика, все было измѣнено новыми понятіями, которыя, происходя изъ болѣе близкаго и болѣе обширнаго соприкосновенія съ міромъ дѣйствительнымъ, доставляли мысли постоянную пищу.

Такой прогрессъ въ частномъ воспитаніи послужилъ къ развитію и воспитанію всеобщаго и съ этого времени началась новая жизнь ума, чувства, надеждъ, попытокъ, мечтаній. Появились новыя отрасли промышленности, а старыя подверглись реформамъ. Разумъ, просвѣщаясь, пріобрѣлъ еще болѣе смѣлости, такъ что чисто матеріальное открытіе повело за собой громадную и неизбѣжную нравственную перемѣну.

Если родъ человѣческій долженъ былъ почувствовать себя униженнымъ при видѣ того, до какой степени варварства онъ могъ спуститься и до какой чудовищности довела его жажда золота, то все-же онъ могъ гордиться, видя, какъ человѣкъ на

утломъ кораблѣ шелъ на встрѣчу невѣдомымъ бурямъ и дѣлалъ проводникомъ цивилизаціи ту самую стихію, которая, казалось, должна была служить для нея непреодолимой преградой. Извѣстно, что могущество человѣка бороться съ природой особенно проявляется въ тѣхъ путешествіяхъ, гдѣ, переходя попеременно отъ экватора къ полюсамъ, онъ подвергается невѣдомымъ опасностямъ для того, чтобы сорвать завѣсу, скрывающую отъ насъ тайны нашей планеты. Но въ то же время онъ чувствуетъ на себѣ то слѣпое и тираническое вліяніе, которое мы называемъ случаемъ, и тогда, какъ отлично сооруженный экипажъ разбивается о скалы, безумный искатель приключеній совершаетъ самыя важныя открытія на худо снаряженномъ кораблѣ.

Это совпаденіе разныхъ случайностей, приводящихъ совершенно неожиданно къ одному великому концу, встрѣтилось въ первыхъ открытіяхъ; такимъ образомъ они слѣдовали другъ за другомъ нетолько съ быстротою, но и чудеснымъ успѣхомъ. Овладѣвъ Константинополемъ, турки грозили Европѣ новымъ вторженіемъ, и когда Селимъ уничтожилъ господство мамелюковъ въ Египтѣ, то онъ могъ забрать въ свои руки торговлю, потому что владѣлъ всѣми путями въ Индію. Ни онъ, ни Солиманъ не имѣли недостатка ни въ умѣ, чтобы понять важность этого источника богатства, ни въ честолюбіи, чтобы сохранить его для себя. Солиманъ составилъ даже торговый уставъ, посылалъ корабли въ Красное море для того, чтобы прогнать оттуда португальцевъ, лишь только они тамъ покажутся. И такъ, открытіемъ новаго пути мимо мыса Доброй Надежды португальцы остановили увеличеніе мусульманскаго могущества и избавили Европу отъ торговаго перевѣса турокъ, что было весьма кстати, такъ какъ Европа и безъ того должна была опасаться ихъ военнаго могущества.

Когда этотъ новый путь былъ открытъ, то всѣ деньги Европы должны были разойтись вдаль, въ страны, совершенно не нуждающіяся въ нашей странѣ, отъ этого у насъ деньги истощились бы и вслѣдствіе того упала бы торговля. Но тутъ совершенно неожиданно открывается Америка со своими золотыми рудниками и скоро становится извѣстною на всемъ своемъ протяженіи, какъ бы въ доказательство того, что счастье не покидаетъ націй, упорно стремящихся къ своей цѣли. Испанія, стараясь извлечь изъ этой страны непосредственную выгоду и удержать за собою золото, истребляетъ туземцевъ, притѣсняетъ колонистовъ и употребляетъ нелѣпыя мѣры какъ противъ нихъ, такъ и противъ европейцевъ; но золото, напротивъ, безвозвратно ускользаетъ изъ ея окровавленныхъ рукъ и въ видѣ платы за индѣйскіе товары, или за предметы, приготовляемые въ Европѣ,

переходитъ въ промышленныя руки португальцевъ, французовъ, голландцевъ и англичанъ; и вотъ такимъ-то образомъ горделивая безпечность испанцевъ вызываетъ промышленность цѣлой Европы.

Португальцы открывали страны образованныя, торговыя; испанцы встрѣчались съ варварскими народами, не знакомыми ни съ земледѣліемъ, ни съ торговлей, не имѣющими ни желѣза, ни домашнихъ животныхъ. Первые извлекли поэтому непосредственныя выгоды изъ своихъ открытій, вторые же только тогда получили барыши, когда начали пользоваться рудниками Потози и Мехики. Португальцамъ достаточно было пріобрѣсти себѣ порты, мѣста стоянокъ и конторы, они не имѣли нужды въ колоніяхъ, хлѣбопашествѣ и невольникахъ и предоставляли туземцамъ заботу о доставленіи себѣ тѣхъ товаровъ, которые служили имъ предметами вывоза. Испанцы, напротивъ, вынуждены были образовать колоніи, развитіемъ промышленности въ нихъ, извлечь пользу изъ природныхъ богатствъ Новаго свѣта и пріобрѣсти ихъ въ ущербъ европейскимъ продуктамъ; благодаря всему этому, Америка гораздо болѣе, чѣмъ путешествія въ Индію, способствовала къ поощренію мануфактуръ Стараго свѣта.

Какъ много есть о чемъ поразмыслить! Америка открыта итальянцемъ и служитъ къ разоренію Италіи. Она покорена испанцами, и слѣдствіемъ этого покоренія является ихъ бѣдность. Итальянцы, прежде принимавшіе огромное участіе въ экспедиціяхъ, впослѣдствіи уже не встрѣчаются въ нихъ и стушевываются въ ряду націй. Сами испанцы скоро перестаютъ оказывать свое содѣйствіе открытіямъ, и тотъ свѣтъ, который былъ раздѣленъ папой между Испаніей и Португаліей, утрачивается для этихъ двухъ державъ и владѣльцами его становятся народы, не получившіе доли въ этомъ раздѣлѣ.

Горькимъ опытомъ доказана была вся несостоятельность тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ надѣялись оживить торговлю и заставить процвѣтать колоніи, жалуя привилегіями однихъ во вредъ другимъ и стѣсняя даже природу въ тѣхъ дарахъ, которые она расточаетъ самымъ щедрымъ образомъ. По мѣрѣ увеличенія жестокостей, къ которымъ прибѣгали съ цѣлію сохраненія монополіи, контрабанда производилась во избѣжаніе ея все съ большей ловкостью и смѣлостью. Наконецъ, пріобрѣтая свободу, колоніи доказали, что ихъ земля можетъ воздѣлываться руками свободныхъ людей, если только не будетъ стѣснена продажа ея продуктовъ.

Компанія имѣетъ интересы діаметрально противоположные интересамъ колоній, и такъ какъ она можетъ предписывать имъ законы и возлагать на нихъ разныя условія, то изъ этого становится яснымъ то, что она старается разорить ихъ для своей

выгоды; это-то и обнаружилось повсюду, гдѣ торговля составляла привилегію какого-нибудь общества, а такъ какъ виновники коммерческихъ ошибокъ кончаютъ тѣмъ, что и сами переносятъ послѣдствія ихъ, то можно замѣтить, что всѣ компаніи послѣ недолгаго благоденствія ослабѣваютъ и къ концу извѣстнаго времени приходятъ въ упадокъ. Даже та компанія (Остъ-Индская); которая прославилась между всѣми и готовилась господствовать надъ государствомъ еще болѣе обширнымъ, чѣмъ древній Римъ, даже и эта компанія въ наше время принуждена была сложить оружіе и умолять о способахъ, необходимыхъ для ея поддержки. Но какъ бы то ни было, а ей удалось рѣшить ту задачу, которую не могли рѣшить цѣлые вѣка. До открытія Капской земли и послѣ этого, Индія постоянно оставалась пропастью, поглощавшею золото цѣлаго свѣта; туда шло золото, которое испанцы добывали изъ Америки, голландскіе, англійскіе и португальскіе корабли развозили товары съ Индійскаго полуострова въ Пегу, Сіамъ, Цейлонъ, Макассаръ, на Малдивскіе острова, въ Мозамбикъ и изъ всѣхъ этихъ мѣстъ привозили деньги на полуостровъ; туда шли и тѣ деньги, которыя голландцы получали изъ Японіи. Хотя Индія и имѣла нужду въ гвоздикѣ, мѣди, корицѣ, мускатномъ орѣхѣ, получаемыхъ ею чрезъ посредство Голландіи, хотя она и имѣла нужду въ оловѣ Англіи, лошадяхъ Персіи и Аравіи, мускусѣ и вазахъ Китая, плодахъ Кабула, жемчугѣ Багрейскихъ островов, но и тутъ она не платила за нихъ денегъ, а вымѣнивала всѣ эти продукты на продукты своей страны.

Такое положеніе дѣлъ много измѣнилось послѣ завоеванія англичанъ и въ особенности со времени примѣненія силы пара къ мореплаванію; чрезъ это послѣднее обстоятельство на Востокѣ открытъ былъ сбытъ товарамъ европейскихъ фабрикъ, и даже тканямъ, которыя прежде покупались въ Китаѣ и Индіи. Безпрестанно вытягивая деньги изъ этой послѣдней, англичане до того довели туземцевъ, что тѣ принуждены были покупать все нужное для своего пропитанія, а поля свои должны были уступить для исключительнаго разведенія мака, изъ котораго приготовлялось вещество, предназначенное для отравленія Китая; Китай же въ свою очередь давалъ Англіи чай, такъ что она и отсюда извлекала деньги.

Сначала такая необузданная тиранія никому не доставляла наживы. Такъ какъ англійская торговля ограничена была такими дѣйствіями, которыя только и могли быть выгодными при частной промышленности, то нація дорого платила за товары, получаемые съ Востока, и индѣйская компанія находилась въ упадкѣ. Но только что въ 1814 году была уничтожена монополія, какъ моря начали покрываться кораблями предпріимчи-

выхъ спекуляторовъ; выгоды увеличились, а съ ними и дѣятельность, увеличилось потребленіе, и ввозъ англійскихъ тканей сдѣлался въ 50 разъ значительнѣе; при томъ же государство избавилось отъ огромныхъ издержекъ для сохраненія монополіи.

Мы знаемъ, какіе мотивы приводятся въ пользу колоній: онѣ служатъ къ развитію мореплаванія, заставляютъ уважать тѣ націи, которыя ими владѣютъ, и наконецъ служатъ источниками богатства и славы. Но Азія теперь уже не та, какою она была во времена Васко-де-Гама и Альбукерка, нечего уже опасаться, что мусульманскій міръ помрачитъ блескъ Европы; Америка—та, конечно, и не думаетъ о покореніи Европы, она скорѣе стремится къ тому, чтобы обезпечить свою свободу и дать намъ достойный образецъ ея въ видѣ единственной мести за тѣ удары, которые ей наносили наши предки.

Однако изъ бюджетовъ различныхъ государствъ мы можемъ замѣтить всю тягость учрежденія колоній; такъ Мартиника и Гваделупа насчитываютъ свой долгъ Франціи до 130.000,000 фр., между тѣмъ какъ полная стоимость всѣхъ недвижимыхъ собственностей цѣнится въ нихъ не болѣе какъ въ 300.000,000. Такимъ образомъ колоніи только уменьшаютъ число потребителей и продавцевъ, а правительство является вынужденнымъ прибѣгать къ самымъ нелѣпымъ мѣрамъ и все для того только, чтобы поддержать порядокъ вещей, противный природѣ. Нравственное чувство возстаетъ противъ рабства, неизбѣжнаго при подобной системѣ, если только освобожденіе негровъ дѣйствительно могло способствовать къ ея уничтоженію. Сѣверныя колоніи сами могли доставить себѣ свободу, потому что онѣ были земледѣльческія, онѣ могли, слѣдовательно, сдѣлаться какъ бы самобытными, т. е. такими, которыя зависятъ только сами отъ себя; иное, напротивъ, мы видимъ въ Индіи и испанскихъ и португальскихъ владѣніяхъ. Хотя особенныя событія, какъ напримѣръ французская революція и испанскія войны, и помогли учрежденію негрской республики въ Гаити и конституціи въ Колумбіи, но, впрочемъ, ничто не въ состояніи было естественнымъ образомъ поставить эти колоніи на путь эмансипаціи, еслибъ европейцы не рѣшились покинуть ихъ и искать тѣхъ же продуктовъ въ странахъ болѣе близкихъ.

Однако, по самомъ простомъ практическомъ размышленіи, можно предложить себѣ такой вопросъ: почему плантаціи заводятъ на островахъ отдаленныхъ, когда онѣ могли бы превосходно удасться въ Сициліи, Испаніи и, въ особенности, на берегахъ Африки, гдѣ привольно ростутъ хлопокъ, сахарный тростникъ и кофе и гдѣ даже негры, которыхъ перевозить въ Америку стоитъ большихъ издержекъ, считаются чуть не туземными жителями? Наука въ свою очередь спрашиваетъ, за-

чѣмъ мы отправляемся за сахаромъ въ Гваделупу и Гавану, когда можемъ добывать его и у себя изъ маиса и свекловицы?

Мы знаемъ, какъ отвѣчаютъ на эти вопросы, но подобные отвѣты не кажутся намъ удовлетворительными и нельзя серьезно предполагать, чтобы они на будущее время имѣли много силы.

По переходѣ цивилизаціи съ востока на западъ, замѣчательнѣе всего является ея постоянное стремленіе возвратиться къ своему источнику, а также мысль, занимавшая собою всѣ государства, даже во время ихъ полнѣйшаго благоденствія, именно мысль объ утвержденіи за собою тѣхъ мѣстъ, откуда открывается путь къ Азіи. Александръ В. основалъ свой городъ тамъ, гдѣ Суэзскій перешеекъ отдѣляетъ Средиземное море отъ морей, ведущихъ къ окраинамъ востока; Константинъ выбираетъ мѣстомъ своей новой столицы Босфоръ и впослѣдствіи крестоносцы, монголы, турки и русскіе оспариваютъ эту столицу другъ у друга. Калифы перенесли столицы своего государства и торговлю съ роднаго полуострова въ Багдадъ и Бассору и франки постарались утвердиться въ Палестинѣ и на берегахъ Сиріи. Колумбъ и Васко де-Гама отправляются противоположной дорогой для изслѣдованія тѣхъ же самыхъ странъ и все для того только, чтобы найти кратчайшій путь — чрезъ льды арктическаго полюса, съ которыми люди еще не могутъ справиться. Даже въ настоящее время мы видимъ, что Англія и Россія, — эти единственныя громадныя державы — завоевательницы нашей эпохи, неудержимо стремятся къ востоку, одна чрезъ Туркестанъ, а другая чрезъ Индію и обращаютъ при этомъ завистливый взоръ на Суэзскій каналъ и Босфоръ. Англія тираннически господствуетъ надъ индійскими странами, куда еще труднѣе было проникнуть по причинѣ ихъ древней цивилизаціи, и на огромномъ пространствѣ отъ Инда до Брамапутры и отъ Индійскаго моря до горъ Тибета владѣетъ 183.000,000 подданныхъ, вассаловъ и данниковъ. Россія занимаетъ сѣверный склонъ стараго материка до Камчатки и Берингова моря и, покоряя бродячія племена и пріучая ихъ къ земледѣлію, готовится выпустить на Китай орды, которыя нѣкогда покорили ее саму, но только предварительно цивилизовавъ ихъ.

Между тѣмъ, Небесная имперія подвергается нападеніямъ контрабандистовъ; не обращая никакого вниманія на законы этой имперіи, они проникаютъ въ ея порты, и только нѣсколько тысячъ англичанъ нападаютъ на имперію въ 450.000,000 жителей. Событія смѣняются очень быстро. По Нанкинскому миру (августъ 1842 г.) 5 портовъ имперіи открылись для Европы, и она будетъ отсюда продолжать свой дальнѣйшій торжественный путь, удовлетворяя неутомимой жаждѣ дѣятельности и муча-

щему ее желанію безконечнаго. Можетъ быть острову Гонгъ-Конгъ, на короткое время уступленному англичанамъ, суждено сдѣлаться вторымъ Гибралтаромъ и, можетъ быть, его пушки будутъ повелѣвать на р. Кантонѣ.

Европейскіе народы спѣшатъ занять благопріятные посты для той минуты, когда Антильскіе острова будутъ только на небольшомъ разстояніи отъ Маркизскихъ. А въ ожиданіи этого пароходы ходятъ вверхъ по Евфрату, Тигру, Инду и Нигеру, и установлено правильное сообщеніе между Англіей, Сѣверной Америкой и окраинами Индіи. Дорога мимо мыса Доброй Надежды служитъ единственнымъ путемъ на востокъ; туда можно прибыть и черезъ большія рѣки Месопотаміи, чрезъ Александрію, Каиръ и Суэзъ. Когда же Средиземное море снова станетъ портомъ Европы, то кто знаетъ, не возвысится ли тогда Венеція и какія судьбы ожидаютъ на Средиземномъ морѣ Сицилію и цѣлую Италію?

Недавно казалось слишкомъ много проѣхать 16,000 метровъ въ часъ, теперь же и люди и товары дѣлаютъ въ это время 54,000 метровъ. Люди поднимаются вверхъ по самымъ быстрымъ рѣкамъ на протяженіи 8—9 сотъ миль и основываютъ государства въ такихъ странахъ, которыя, кажется, навсегда осуждены были оставаться въ отдаленіи отъ странъ просвѣщенныхъ. Кто можетъ сказать, что случится, когда желѣзныя дороги прорѣжутъ весь нашъ материкъ, когда онѣ поведутъ въ Константинополь, освобожденный отъ мусульманскаго ига, и въ Трапезундъ, вновь пріобрѣтающій свое прежнее значеніе, откуда уже открывается сообщеніе чрезъ Эрзерумъ и Таврисъ съ Абукиромъ при Персидскомъ заливѣ, а оттуда съ Бомбаемъ?

Итакъ смѣлѣе! Открытія суть священный долгъ, потому что они направлены къ болѣе полному удовлетворенію нашихъ настоятельныхъ нуждъ, къ распространенію господства человѣка надъ полудикими еще странами земнаго шара, къ заселенію міра народомъ болѣе многочисленнымъ и болѣе образованнымъ, къ образованію правильныхъ и дружескихъ семей въ тѣхъ странахъ, гдѣ до того времени господствовалъ безпорядокъ и вражда, къ сближенію людей и націй, такъ чтобы они могли вмѣстѣ и за-одно укрощать, покорять природу и эксплуатировать ее.

Но средства къ распространенію прогресса требуютъ многихъ улучшеній. Во времена Колумба двигателемъ открытій служилъ энтузіазмъ—господствующая сила той эпохи,—теперь всѣмъ руководитъ разсчетъ. Прежде думали обращать язычниковъ силой, теперь, напримѣръ Англія, до того доводитъ вѣротерпимость въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ, что позволяетъ вдовамъ по прежнему сожигать себя ежегодно, цѣлыми сотнями на тѣхъ кострахъ, гдѣ погибли ихъ мужья. Прежде достаточный чело-

вѣкъ, гордо считая себя существомъ высшей природы, предавался безнаказанно страшнымъ жестокостямъ, теперь даже самый развращенный воздерживается отъ нихъ, потому что боится силы общественнаго мнѣнія, которое можетъ составиться о немъ, благодаря свободѣ прессы. Теперь колоніи имѣютъ цѣлью научный или филантропическій интересъ. Древніе превозносили того сицилійскаго царя, который поставилъ побѣжденнымъ карѳагенянамъ только одно условіе — это прекращеніе человѣческихъ жертвъ, въ настоящее время не иначе заключаютъ договоры съ неграми внутренней Африки и европейскими государями, какъ только съ условіемъ уничтоженія постыднаго торга, для отмѣны котораго кажутся позволительными даже и крайнія средства. Теперь на жителей колоніи надо дѣйствовать убѣжденіемъ, примѣромъ, вліяніемъ высшей цивилизаціи; надо уважать личность народовъ и убѣдиться, что настаетъ время, когда эти народы, какъ дѣти, достигшія совершеннолѣтія, должны стать уже не покорными помощниками своего отца, но его свободными и разумными товарищами.

Много разъ доказывали, что народы обманываются, основывая всѣ свои дѣйствія на эгоизмѣ и исключительности, преслѣдуя свой частный интересъ въ ущербъ интересамъ рода человѣческаго. Пароходы сдѣлали даже невозможною зависть со стороны колоній. Продажа сахару, кофе, хлопка, въ которой уже нельзя отказать имъ, благодаря свободѣ культуры, пріобрѣла болѣе выгоды; вслѣдствіе этого исчезнетъ необходимость рабства, результатомъ котораго являлось всеобщее зло, не поправимое ни сердечной добротой, ни законами людскими, ни милосердіемъ господъ.

За политикой исключенія послѣдуетъ политика братскаго единенія, взаимнаго содѣйствія, великодушія, щедрости. Человѣкъ, будучи созданъ для борьбы, будетъ продолжать ее и теперь, но только для того, чтобы покорять природу, а не людей. Только тогда можетъ человѣкъ сообщить цивилизаціи присущія ей величіе и великодушіе, когда онъ ознакомится со всей поверхностью нашей земли.

И такъ остается еще изслѣдовать центръ Азіи и Африки, Китай и Новую Голландію; стремленіе къ этимъ странамъ вызвано такими же точно обстоятельствами, какія были во времена Колумба и легко можетъ быть, что и слѣдствія будутъ такія же. Тогда явился порохъ и книгопечатаніе, теперь паровозъ и электро-магнитизмъ. Тогда могущество мусульманъ падало въ Испаніи, теперь оно или разрушается, или преобразовывается въ Константинополѣ; тогда возраждались классическія науки, теперь изученіе восточныхъ языковъ; тогда родилась реформація и утвердились европейскія народности,—наши потомки увидятъ,

что приготовили теперешнія событія; навѣрное, впрочемъ, героями не будутъ ни Лютеръ, ни Карлъ V, и, надо надѣяться, ни Кортесы и ни Пизарро.

(Histoire universelle C. Cantu, t. VII.)

ПРОДУКТЫ АМЕРИКИ.

II.

Относительно первыхъ открытій должно замѣтить, что просвѣщенныя правительства старались благоразумнымъ образомъ пользоваться благопріятными обстоятельствами и употреблять въ дѣло трудъ и знаніе, но ввѣряли открытія людямъ, жаждущимъ денегъ и славы и часто развращеннымъ. Отъ поперемѣннаго дѣйствія этихъ двухъ двигателей, т. е. денегъ и славы, произошла странная смѣсь героизма и злодѣяній, религіозности и вѣроломства, страшныхъ жестокостей и едва вѣроятныхъ героическихъ подвиговъ. Храбрость завоевателей зависѣла или отъ рыцарскаго энтузіазма, который въ средніе вѣка заставлялъ пренебрегать опасностями, или, и еще въ большей степени, отъ духа предводителей шаекъ, или такъ называемыхъ «кондотьеровъ», которые въ борьбѣ за прибыль выказывали геройское мужество.

Самая трудность предпріятій заставляла авантюристовъ стараться извлекать изъ нихъ какъ можно больше выгодъ, чтобы имѣть возможность разомъ обогатить себя и не приниматься два раза за одно и то же. Также близко ихъ сердцу было желаніе, похвастать на родинѣ своимъ богатствомъ и доказать, что и они гонялись не за пустой мечтой. Вотъ что послужило причиной несостоятельности перваго вторженія и вотъ что совратило Европу съ правильнаго пути и увлекло ее на путь риска и случайныхъ выгодъ.

Къ несчастью, новыя колоніи подверглись такой же участи, какъ и древнія: изъ нихъ также старались извлекать пользу только въ интересахъ метрополій, что составляло единственную цѣль, къ которой стремились среди различныхъ обнародованныхъ постановленій; а чтобы достичь этой цѣли, надо было подчинить колоніи исключительнымъ законамъ; такъ напр. ихъ заставляли продавать дешево и покупать дорого, возводили на степень преступленій такіе поступки колонистовъ, какіе въ Европѣ преспокойно допускались законами, заботились, чтобъ количество производства продуктовъ было въ равновѣсіи съ ихъ потребленіемъ, умножали законы и статуты для всего, что только не касалось выгодъ провинцій и составляли изъ этого какъ бы цѣлый кодексъ государственной и торговой безнравственности.

Такія мѣры принесли ожидаемые плоды, и зло укоренилось такъ глубоко, что ни ученія послѣдующихъ экономистовъ, ни дорогіе уроки опыта не могли до сихъ поръ уничтожить его окончательно.

Драгоцѣнные металлы были главными двигателяли завоеваній, и въ этомъ-то и состоялъ главный вредъ. Привыкнувъ считать золото единственнымъ средствомъ для удовлетворенія своихъ потребностей и страстей, человѣкъ вообразилъ, что общество только тогда и достигнетъ высоты своего счастья, когда будетъ имѣть много золота и серебра. Онъ не разсудилъ того, что обиліе этихъ металловъ возвысило бы цѣну товарамъ, а вслѣдствіе этого не замедлило бы снова установиться равновѣсіе между наслажденіями и средствами доставлять ихъ себѣ.

Къ одному изъ чудесъ Америки принадлежитъ безспорно то количество золота и серебра, которое тамъ лежитъ почти вровень съ поверхностью земли и въ особенности въ наносной почвѣ Перу, въ Шоко, Колумбіи, Бразиліи, Мехикѣ и по склонамъ Кордильеровъ. Въ Перу почва, можно сказать, пропитана имъ. Въ обвалахъ полуразвалившейся горы около Паца добывались куски серебра отъ 2-хъ до 50 фунтовъ; прошло столѣтіе со времени открытія этихъ рудниковъ, и, однако, тамъ находятъ еще слитки вѣсомъ въ унцію. Кусокъ въ 200 унцій былъ найденъ въ рудникѣ Буенавентура (Buenaventura) въ Гаити.

Изъ вычисленій извѣстно, что сокровища, ежегодно привозимыя изъ Америки въ Европу, дошли съ 1546 по 1600 г. до 58,300,000 франковъ, въ слѣдующемъ столѣтіи до 85 милл., съ 1700 по 1750 г. до 119 милл., а съ 1751 и до конца XVIII столѣтія до $185^1/_2$ милліоновъ. Можно предположить, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія сумма сокровищъ простиралась до $43^1/_2$ милл., и что до 1810 года американскіе рудники приносили почти около 47 милл. піастровъ*), изъ которыхъ 27 приходится на долю Мехиканскихъ рудниковъ.

Вслѣдствіе переворота 1810 года продуктъ этихъ послѣднихъ уменьшился, потому что не стало ни рукъ, ни капиталовъ; однако съ 1811 по 1828 г. они дали еще 954 милл. франковъ, т. е. около 53 ежегодно, а остальная часть Америки—42.

Неизвѣстно, говоритъ Гумбольдтъ, сколько золота добыто изъ внутренней Африки и Азіи, Тонкина, Китая и Японіи. Торговля золотымъ пескомъ, производившаяся на восточныхъ и западныхъ берегахъ Африки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсказы древнихъ объ этихъ странахъ, съ которыми мы мало имѣемъ сношеній, все можетъ дать поводъ къ предположенію, что земля на югъ

*) Піастръ = 5 к.

отъ Нигера чрезвычайно богата драгоцѣнными металлами. То же должно замѣтить и о высокихъ горахъ, идущихъ на С.В. отъ Паропамиза до границъ Китая. Золото и серебро, добытыя одно время португальцами и голландцами изъ Японіи, доказывали, что рудники Садо, Сурума, Бинго, Кинсима не уступаютъ, по своему богатству, рудникамъ Америки. Но какъ бы то ни было, а изъ 73,191 марки золота (17.635 килограм. *) и 3,554,447 марокъ серебра (869,960 кил.), добываемыхъ въ началѣ XIX столѣтія изъ всѣхъ рудниковъ Америки, Европы и сѣверной Азіи, Америка одна только доставляла 57,658 марокъ золота и 3,250,000 марокъ серебра, т. е. 8 сотыхъ всего золота и 91 сотую серебра.

Одинъ индѣецъ преслѣдовалъ раненую ламу и, зацѣпившись за вѣтвь, которая осталась у него въ рукѣ, замѣтилъ подъ землей, на томъ мѣстѣ, гдѣ она росла, груду серебра, а между корнями множество серебряныхъ блестокъ. Онъ не упустилъ случая поживиться и никому не сказалъ о своей находкѣ. Но одинъ изъ его друзей примѣтилъ его внезапное обогащеніе и заставилъ товарища открыть ему источникъ своего богатства. Вскорѣ тайна его разгласилась повсюду, и такимъ образомъ былъ открытъ рудникъ Потози, расположенный въ области Ла-Платы. Работы въ рудникѣ начались съ 1545 г. Добываніе серебра въ первые годы было такъ велико, что только пятая часть его, шедшая на долю короля, доходила ежегодно до $1\frac{1}{2}$ милл. піастровъ, независимо отъ контрабанды, которая получала, можетъ быть, столько же. Съ 1547 по 1574 г. было извлечено 76 милл. пезо **), а съ этого года и до 1585 г. еще 55 милл., не считая притомъ пятой части.

Долгое время не знали другой методы, кромѣ плавленія, и для этого требовалось болѣе 6,000 печей; потомъ съ 1597 года Педро Фернандесъ де Веласко ввелъ употребленіе амальгамы, на что натолкнулъ его случай, благодаря которому въ руки одного индѣйца попалъ красноватый камень, гдѣ найдена была руда ртути. Ея было извлекаемо по 8,000 центнеровъ ежегодно; а съ 1570 по 1789 г. государство получило ея 1,040,452 центнера ***).

Рудники Пассо въ Перу также чрезвычайно богаты; но наибольшее количество серебра добывается изъ рудниковъ Гуанахуато, Каторсіо и Закатекасъ въ Мехикѣ. Въ 1803 г., когда Гумбольдтъ посѣтилъ Мехику, рудникъ Валенціаны доставлялъ

*) Килограммъ = около $2\frac{1}{2}$ ф.
**) Пезо около 1 р. 33 к. с.
***) Центнеръ англ. = 3,101137 русск. пд.

работу для 3,100 человѣкъ; на работы тратилось ежегодно 5 милл. и изъ этихъ 5-ти милл.—400 т. франковъ только на одинъ порохъ для взрыва; количество добываемаго серебра доходило до 360 т. марокъ (240 т. ливровъ), такимъ образомъ акціонеры получали 5 милл. чистой прибыли. И такъ Мехика доставила серебра вдвое больше цѣлой Европы и больше всего остальнаго свѣта, не считая того, что такія жилы, какъ la Véta-Mère, толщиною въ 50 метровъ и Véta-Grande толщиною въ 25 метровъ при неопредѣленной длинѣ могли чрезмѣрно увеличить добываніе металла, еслибъ примѣнялись къ дѣлу теперешнія машины и химическіе процессы. Гельмсъ (Helms) утверждаетъ, что если бы извлекали хотя только часть серебра Андовъ, то оно могло бы замѣнить собою желѣзо въ большинствѣ тѣхъ работъ, гдѣ оно употребляется, и произошелъ бы переворотъ въ торговой системѣ цѣлаго свѣта.

Рудники, открываемые мало по малу, вознаграждали тѣ издержки, которыя влекли за собой колоніи. Робертсонъ разсказываетъ, что въ 1765 г. набѣги дикарей до того разоряли области Синалоа и Сонора на восточномъ берегу Калифорнскаго залива, что для изгнанія ихъ пришлось просить войска у маркиза де Сентъ-Круа, вице-короля Мехики. Испанія испытывала такія лишенія, что ничѣмъ не могла помочь жителямъ, несмотря на всѣ ихъ просьбы; но слава, которою пользовался вице-король, побудила негоціантовъ ссудить его необходимыми суммами. Во время войны, которая была удачна, послѣдовало открытіе равнины Сінегильи, гдѣ, на протяженіи 14 миль, найдено было множество золотыхъ зеренъ, толщиною до 16 дюймовъ и вѣсомъ въ 9 марокъ. Ихъ было здѣсь такъ много, что не стоило даже промывать ту землю, которая содержала зерна меньшей величины. Потомъ начались розыски, давшіе громадные результаты. Америка изобиловала въ томъ же количествѣ и разными другими металлами, какъ-то: оловомъ Гвадалахары, мѣдью Чили, свинцомъ съ Миссури, желѣзомъ Соединенныхъ Штатовъ и платиною, которая первоначально найдена была въ Шоко. Къ этимъ богатствамъ надо еще присоединить алмазы и прочіе драгоцѣнные камни Бразиліи, а также и жемчугъ. Манко-Капакъ запретилъ перуанцамъ заниматься ремесломъ водолазовъ, какъ не представляющимъ достаточной пользы сравнительно съ той опасностью, которой приходится подвергаться; но европейцы тотчасъ стали пріобрѣтать жемчугъ туземцевъ, а потомъ и ловить его. Они нашли, что въ Мехикѣ было его очень много и въ 1557 г перевезли въ Севилью до 316 килограммовъ. Въ Панамскомъ заливѣ происходили очень выгодныя ловли жемчуга, такъ что онѣ могли составить состояніе первыхъ авантюристовъ; теперь же съ довольно давняго времени количество жемчуга исто-

щилось. Изумруды, добываемые около Санта-фе-де-Богота, считаются самыми цѣнными послѣ египетскихъ.

И такъ насчитываютъ, что открытіе Америки пустило въ оборотъ въ 10 разъ больше драгоцѣнныхъ металловъ, чѣмъ это было прежде. Цѣнность серебра уменьшилась, однако только въ шесть разъ, потому что его много разошлось въ Азію для покупки пряностей; притомъ, нѣкоторое количество серебра обращено было въ дорогія вещи и домашнюю утварь; частью же его много истрачено было на доставку тѣхъ продуктовъ, которые, благодаря развитію промышленности, значительно умножились.

Драгоцѣнные металлы значительно уменьшились въ Европѣ, когда, вслѣдствіе перенесенія господства въ Константинополь, она перестала пользоваться податями и добычами отъ побѣжденнныхъ народовъ. Торговля съ Индіями, которая отъ всего требовала денегъ въ самомъ значительномъ количествѣ, также расширилась; кромѣ того много денегъ шло на покупку рабовъ. Крестовые походы повели за собой новые расходы, такъ что недостатокъ въ деньгахъ дѣлался чувствительнымъ для Европы, а это было остановкой для торговыхъ дѣлъ до открытія новыхъ рудниковъ.

И такъ, богатство сдѣлалось ощутительнымъ въ принципѣ, но не представляло тѣхъ неудобствъ, какія бываютъ при внезапномъ наплывѣ денегъ. Съ другой стороны, издержки на разработки почти равнялись суммѣ добываемыхъ изъ первыхъ рудниковъ металловъ, и увеличеніе количества звонкой монеты замѣтили только тогда, когда открыты были рудники Потози и Véta Mère де Гванахуато. Тогда всѣ цѣны измѣнились и уже въ послѣдней четверти XVI столѣтія возвысилась цѣна на всѣ товары, потомъ къ половинѣ XVII вѣка она увеличилась вчетверо и настолько же увеличилась масса драгоцѣнныхъ металловъ. Вмѣсто того, чтобы отвратить умы отъ этой обманчивой спекуляціи, правительство только поощряло ихъ, судя о богатствѣ открытыхъ странъ по тому, сколько онѣ заключали въ себѣ рудниковъ. Плодородныя равнины Мехики и Перу были заброшены, начали вмѣсто того основывать города на безплодныхъ возвышенностяхъ, и ради этого всякій другой способъ обогащенія былъ оставленъ.

Мы очень далеки отъ вѣры въ то, что умноженіе драгоцѣнныхъ металловъ приноситъ вредъ торговлѣ и промышленности; приведемъ новое доказательство противнаго. Богатство американскихъ рудниковъ никогда не достигало тѣхъ размѣровъ, какихъ оно достигло въ первые десять лѣтъ этого столѣтія, такъ какъ стоимость добываемыхъ металловъ доходила тогда до 250 милл. Однако мы вовсе не испытали отъ всего этого пагубныхъ результатовъ, хотя въ то же время явилась цѣлая масса бумаж-

ныхъ денегъ, пущенныхъ въ оборотъ. Но это возрастаніе богатствъ шло рядомъ съ развитіемъ промышленности, которая потребовала большихъ капиталовъ: потребовалось много металловъ на золотыя и серебряныя украшенія, вошедшія въ обыденное употребленіе; также много шло ихъ черезъ мысъ Доброй Надежды, пропорціонально съ увеличившимися пышностью и довольствомъ, и если возвысилась цѣна на товары и ручную работу, то не иначе какъ съ возрастающимъ изобиліемъ металловъ.

Но вспомогательныхъ средствъ тогда не было, и когда распространилась эта масса металловъ, то цѣна ихъ внезапно понизилась, т. е. возвысились цѣны на товары и съѣстные припасы; бѣдный классъ людей, которому платили жалованье еще по прежней таксѣ и который принужденъ былъ покупать необходимые жизненные припасы по новымъ цѣнамъ, доведенъ былъ до крайней бѣдности.

Трудно вычислить въ точности, на сколько увеличилось количество звонкой монеты и возвысились цѣны въ эту эпоху, потому что государи, вынужденные изъ честолюбія къ войнамъ и завоеваніямъ внѣ своихъ странъ, всѣ были принуждены существенно измѣнять цѣнность денегъ: это было обманчивое средство близорукой экономіи, средство, которое умножило затрудненія и плачевные результаты котораго обрушились на народную массу.

Но недостатокъ въ звонкой монетѣ внушилъ государямъ непреодолимую страсть къ обладанію золотомъ, и тотъ, кто не имѣлъ рудниковъ, старался эксплуатировать кошельки своихъ подданныхъ. Въ особенности Испанцы, видя, что золото приходило въ такомъ изобиліи въ ихъ порты, сочли себя богатыми и думали безъ всякаго труда пользоваться разными удобствами и удовольствіями; вмѣсто того, чтобы горячо добиваться богатства, пріобрѣтаемаго трудомъ, они думали только о пріобрѣтеніи металловъ, распространяя свою тиранію на покоренные народы и утверждая за собою монополію сбыта. Нажившись разъ отъ богатствъ, заключающихся въ рудникахъ, и вслѣдствіе выгодъ, получаемыхъ отъ сбыта металловъ, они предались изнѣженности: уничтожили культуру самыхъ плодородныхъ странъ въ Европѣ и арабскую промышленность, доведенную до высшей степени совершенства, и основу своего величія полагали въ томъ, чтобы сдѣлать всю Европу данницей ихъ золота.

И такъ, Европа должна была доставлять имъ различные предметы, что послужило къ процвѣтанію мануфактуръ въ другихъ странахъ, гдѣ работникъ видѣлъ возможность улучшить свое положеніе, и банковыя операціи были въ полномъ ходу вслѣдствіе удобствъ отъ изобилія звонкой монеты. Правда, прежде можно было доставить себѣ большее количество предметовъ

по низшей цѣнѣ, но въ такихъ предметахъ былъ недостатокъ, тогда какъ въ настоящее время Старый Свѣтъ и Новый предлагали въ изобиліи все то, чѣмъ можно было удовлетворить всевозможнымъ желаніямъ. И работникамъ дано было такое поощреніе, что, по недостатку золота, пришлось прибѣгнуть къ билетамъ и общественному частному кредиту.

Этого должно было быть достаточно, чтобы открыть глаза Испаніи и даже всѣмъ экономистамъ касательно истиннаго значенія богатствъ; но они, напротивъ, продолжали считать золото и серебро всеобщимъ мѣриломъ богатствъ и думали, что надо было доставлять его себѣ всякимъ способомъ, такъ какъ самой богатой націей считалась та, которяя имѣла его наибольшее количество. Можетъ быть, даже и теперь есть люди, которые, будучи ослѣплены блескомъ золота, не понимаютъ того, что каменно-угольныя копи принесли въ послѣднее время Европѣ болѣе значительныя богатства, чѣмъ рудники Потози.

Но сколько крови стоило такое заблужденіе! Цѣлыя поколѣнія погребены были въ рудникахъ, гдѣ они погибли, посылая проклятія, а между тѣмъ они могли бы даже при гнетѣ рабства найти лучшее средство извлечь пользу изъ такой почвы. Еще и теперь плодоносныя мѣстности Антіокіа и Шоко, на З. отъ центральныхъ Кордильеровъ, очень богаты золотоносными жилами, которыхъ не разработываютъ только по недостатку рукъ. Тамъ найденъ былъ самородокъ, вѣсомъ въ 25 фунтовъ, и только одна промывка золотаго песку доставляла 22,000 марокъ ежегодно. Недостатокъ дорогъ, затрудняющій доступъ въ эту страну, служитъ причиной того, что эта плодородная мѣстность населена только небольшимъ числомъ индѣйцевъ и черныхъ невольниковъ. За бочку европейской муки платится тамъ до 90 піастровъ, и страшные неурожаи разоряютъ бѣдное населеніе самой богатой страны.

Однакожъ, съ раннихъ поръ старались, согласно съ идеями Колумба и нѣкоторыхъ другихъ, извлекать пользу изъ почвы Новаго Свѣта. Однимъ изъ первыхъ продуктовъ, перенесенныхъ туда, былъ *сахарный тростникъ*. Уже много вѣковъ, какъ его стали употреблять и разводить въ Европѣ. По словамъ Марини, въ 1319 г. было послано изъ Венеціи въ Англію 100,000 ф. чистаго сахару и 10,000 ф. сахару-леденца. Первые путешественники перенесли этотъ драгоцѣнный тростникъ изъ Сициліи и Испаніи на Канарскіе острова, а оттуда въ Америку. Пьерръ д'Атіэнца посадилъ его въ 1513 г. въ Гаити, а въ 1520 г. около Консепсіонъ де-ла-Вега. Уже въ 1553 г. Мехика производила его въ такомъ количествѣ, что могла снабжать имъ Перу и Испанію. Сначала изъ него приготовляли только патоку, а потомъ одинъ каталонецъ, по имени Михаилъ Балестреросъ, на-

шелъ способъ дѣлать настоящій сахаръ, и Гонзалесъ де-Велоза устроилъ первые валы, приводимые въ движеніе водой, или лошадьми. Тридцать машинъ уже приведены были въ дѣйствіе въ Гаити въ 1535 г.; вскорѣ онѣ послужили образцомъ для постройки такихъ машинъ въ другихъ мѣстахъ, и корабли, возвращавшіеся въ Испанію, были нагружены сахаромъ. Употребленіе сахару мало по малу распространилось въ Европѣ, но наиболѣе значительнымъ сдѣлалось оно въ XVII вѣкѣ, когда вошли въ употребленіе кофе и чай. Съ этого времени сахаръ сдѣлался такъ же необходимъ, какъ и соль, и послужилъ причиной упадка торговли медомъ, которая до того времени была очень дѣятельна. Для питанія пчелъ оставлялись обширныя мѣста, покрытыя пахучими растеніями, и въ Венеціи, Лангедокѣ, Лотарингіи находились огромныя мастерскія для приготовленія въ твердомъ видѣ меда, какъ напитка и воску. И такъ, если туземный сахаръ долженъ былъ одержать верхъ надъ сахаромъ колоніальнымъ, то это было ничто иное, какъ реакція, возвращеніе къ прежнему положенію.

Кофе, который удался въ Америкѣ, не отличался, однако, тамъ аравійскимъ ароматомъ; только позднѣе Мартиника въ состояніи была доставлять кофе превосходнаго качества. Первый разъ доставленъ онъ былъ въ Марсель въ 1644 году.

Сначала его продавали въ Парижѣ по два съ половиною су за чашку въ монастыряхъ и аптекахъ. Два американца открыли первый кофейный домъ на Сенъ-Жерменской ярмаркѣ, а потомъ— въ улицѣ des Fossés Saint-Germain des Prés.

Шоколадъ приготовлялся въ большомъ количествѣ въ Мехикѣ, гдѣ жители дѣлали изъ него смѣсь, называемую «chocolate», соединяя шоколадъ съ небольшимъ количествомъ маисовой муки, ванили и перцу; изъ этой смѣси они дѣлали плитки и въ случаѣ надобности распускали ихъ въ горячей водѣ.

Европейцы скоро узнали его питательное свойство, а отцы іезуиты первые научили употреблять этотъ напитокъ; благодаря отеческой снисходительности почтенныхъ отцовъ къ изнѣженному обществу, употребленіе его дозволено было даже во время поста. Отецъ Лаба, издавшій въ началѣ прошлаго столѣтія свои путешествія, называетъ себя защитникомъ шоколада, онъ думалъ сдѣлать изъ него общенародную пищу и продавать по одному су за чашку, утверждая, что для этого достаточно было бы какао изъ Мартиники. Но старанія его остались безуспѣшны.

Чай былъ первоначально введенъ голландцами въ 1610 г. Они вымѣнивали его отъ китайцевъ на шалфей, который они доставали съ береговъ Италіи и Прованса; ящикъ шалфея они отдавали за три ящика чая, который продавали потомъ на вѣсъ золота.

Весь XVII вѣкъ прошелъ въ борьбѣ за и противъ кофе, чая и шоколада, и, какъ всегда, борьба велась во Франціи съ большимъ шумомъ, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Мы имѣемъ передъ глазами тысячи памфлетовъ по этому поводу, гдѣ каждый изъ названныхъ напитковъ считается или ядомъ, или превозносится какъ всеобщее лекарство. Съ своей стороны и политика вмѣшалась сюда же: тѣ, которые чай предпочитали кофе, были обвиняемы, какъ защитники принца Оранскаго и англичанъ. Богословы также вступили въ споръ, и поднятъ былъ вопросъ о томъ, не нарушается ли этими напитками постъ; набожные люди во время поста воздерживались отъ нихъ.

Іезуитамъ же мы обязаны знакомствомъ съ *хиною*. Они привезли ее въ Римъ въ 1640 году изъ Перу, гдѣ ее употребляли какъ средство противъ лихорадки. Впослѣдствіи хина распространилась въ остальной части Италіи и въ Испаніи; кардиналъ Люго привезъ ее во Францію, гдѣ она продавалась на вѣсъ золота.

Въ числѣ странностей, замѣченныхъ Колумбомъ въ Кубѣ, особенно поразило его то, что жители брали какіе-то большіе листья, свертывали ихъ въ видѣ маленькихъ свѣчей, зажигали одинъ конецъ такой трубки и вдыхали въ себя дымъ, выходившій изъ другаго конца. Туземцы называли такой свертокъ *табакко*. Путешественники часто говорятъ о дикаряхъ, которые даже во время сраженій зажигали эти *трубки* и пускали изъ нихъ дымъ. Этотъ дымъ замѣнялъ имъ при жертвоприношеніяхъ ѳиміамъ; гадатели прибѣгали къ нему, чтобы привести себя въ состояніе опьянѣнія, для предсказанія будущаго или излеченія болѣзни. Подать трубку пришедшему служило у дикихъ символомъ мира и гостепріимства.

Какъ ни противенъ показался сначала испанцамъ этотъ обычай варваровъ, тѣмъ не менѣе они захотѣли испробовать его и полюбили его въ свою очередь; такимъ образомъ табакъ, благодаря производимому имъ ощущенію, которое могло повторяться безконечное число разъ и все-же не приводило за собой пресыщенія, благодаря этому, табакъ встрѣченъ былъ очень благосклонно. Моряки первые ознакомились съ нимъ и распространили его по берегамъ; они не только курили его, но жевали и нюхали въ порошкѣ. Знаменитый сэръ Вальтеръ Ралей привыкъ курить табакъ, но тайно и запершись въ кабинетѣ; когда разъ слуга его вошелъ туда нечаянно, то со страхомъ отступилъ назадъ и пошелъ разсказывать всѣмъ, что мозгъ его господина проходилъ чрезъ его ноздри въ видѣ дыма. Жанъ Нико, французскій посланникъ въ Португаліи, прислалъ въ 1560 году нѣсколько листьевъ табаку Екатеринѣ Медичи, и отъ этого табакъ прозванъ былъ *«порошкомъ королевы»* или *«никотиномъ»*. Онъ былъ привезенъ въ Италію кардиналомъ Санта Кросъ, пап-

скимъ нунціемъ въ Лиссабонъ и Николаемъ Порнабуони, легатомъ во Франціи. Однако, настоящій табакъ, приготовленный, протертый въ порошкѣ, не употреблялся во Франціи до временъ Людовика XII и продавался по 12 су за фунтъ; вскорѣ появились настольныя табакерки. Въ 1674 г. государственная казна присвоила себѣ монополію табаку, а въ 1697 г. Дюплантье за 150,000 ливровъ ежегодно купилъ исключительное право продажи его во всемъ королевствѣ.

Доктора, моралисты, богословы разсуждали о пользѣ и вредѣ табаку, наперерывъ писали за и противъ него; одни находили, что это—превосходное успокоительное, другіе—что это пріятное возбудительное средство, третьи дѣлали изъ него лекарство. Было время, когда противники табаку одержали верхъ и онъ былъ запрещаемъ во всѣхъ государствахъ; декретомъ 1600 г. онъ былъ запрещенъ во Франціи. Римскій дворъ поступилъ такъ же, и не изъ пустяковъ, но потому, что употребленіе табаку производило въ церквахъ довольно большой безпорядокъ, такъ какъ каждый носилъ съ собой (въ то время табакъ еще не продавался въ порошкѣ) маленькую терку, чтобы, по мѣрѣ надобности, растирать его листья, а такое занятіе во время божественной службы причиняло не мало замѣшательства. Также казалось неприличнымъ, чтобы священники, находясь на клиросѣ, пачкали себѣ этимъ порошкомъ лицо, а вмѣстѣ съ тѣмъ стихари и служебники; все это повело къ запрещенію табаку сначала въ нѣкоторыхъ церквахъ, а потомъ и во всѣхъ. Такъ поступили русскій царь, персидскій шахъ и султанъ. Но какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ, такъ случилось и теперь: запрещеніе не помѣшало до такой степени распространиться привычкѣ къ табаку, что онъ сталъ предметомъ одного изъ наиболѣе производительныхъ доходовъ различныхъ государствъ. Германія одна изъ первыхъ начала злоупотреблять имъ, благодаря воинскому характеру, который она усвоила себѣ въ прошломъ вѣкѣ по примѣру пруссаковъ. Франція пошла по ея слѣдамъ, когда, уступивъ солдатскимъ привычкамъ, забыла вѣжливыя манеры, составлявшія прежде ея отличительную черту. Другія страны, не отличавшіяся ни особеннымъ трудолюбіемъ, ни воинственностью, ввели у себя употребленіе табаку по глупой подражательности и по необходимости чѣмъ нибудь развлечь себя, заняться и прогнать такимъ образомъ скуку, слѣдствіе умственнаго бездѣйствія.

Къ числу главныхъ богатствъ Мехики надо причислить *ялапу* (jalap), вещество, очень полезное въ медицинѣ, и *ваниль*, растущій только въ сырыхъ мѣстностяхъ Мехики; оттуда высылалось ее каждогодно на 400,000 фр. Ее разводятъ меньше, чѣмъ этого можно было бы ожидать по ея высокой цѣнѣ. Изъ Америки также идутъ копайскій бальзамъ, какао Гватемалы,

индиго на 8—9 милл. франковъ ежегодно и кошениль, продажа которой производится иногда на 12 милл.

Америка изобиловала питательными растеніями, каковы: маисъ, корень маньока, бананъ, tuberosum. Маисъ превосходитъ другія растенія и разводится почти повсюду, потому что служитъ для пищи, не требуя за собой особеннаго ухода Его нашли въ дикомъ состояніи на берегахъ Парагвая. Въ Мехикѣ онъ достигаетъ высоты двухъ и трехъ метровъ, принося иногда самъ 800, и жатва считается недостаточною, когда онъ приноситъ самъ 100. До открытія Америки, туземцы извлекали сахаръ изъ его стебля, который подъ тропиками очень богатъ имъ.

Изъ культуры, равно какъ и изъ языка, хотѣли получить свѣдѣнія касательно переселенія американцевъ, потому что кочевые народы, проходя черезъ страны земледѣльческія, всегда заимствуютъ изъ нихъ или какихъ нибудь животныхъ, или какія нибудь сѣмена или же какія нибудь выраженія. И такъ, изъ растеній, разводимыхъ на югѣ, считаютъ возможнымъ выводить заключеніе, что народы съ сѣвера Калифорніи и съ береговъ рѣки Жила много разъ дѣлали вторженія въ южное полушаріе. Другіе, напротивъ, отрицали азіатское и африканское происхожденіе обитателей Америки, руководствуясь тѣмъ мотивомъ, что они не разводили ни пшеницы, ни ржи, растущихъ въ Индіи.

Они приготовляли спиртные напитки не только изъ маиса, маньока, банана и нѣкоторыхъ мимозъ и разводили съ единственною цѣлью, добыть ликеръ, одно растеніе изъ семейства ананасовыхъ. Это *тагиеу*, родъ агавы, сокъ котораго служитъ для приготовленія *пульке*. Его сажаютъ даже въ самыхъ безводныхъ мѣстностяхъ, и хотя онъ по своей высотѣ не превышаетъ 1½ метра, тѣмъ не менѣе въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ даетъ до 1100 куб. дециметровъ сока въ день.

Это крѣпительный и питательный напитокъ для тѣхъ, кто можетъ переносить его запахъ, напоминающій запахъ испорченной говядины. Введеніе этого напитка въ 1793 г. въ Мехику, Полука, Пуэбло принесло государственной казнѣ 817,739 піастр. Независимо отъ того, что *тагиеу* замѣнялъ мехиканцамъ виноградную лозу, которая имъ была неизвѣстна, они дѣлали изъ нея разныя употребленія и волокна ея служили имъ вмѣсто конопли для приготовленія тканей и бумаги. Сахаръ изъ этого растенія, которое, пока еще не цвѣтетъ, бываетъ терпко на вкусъ, былъ очень полезенъ для очищенія ранъ, а иглы его употреблялись вмѣсто гвоздей.

Картофель росъ самъ по себѣ въ Перу, хотя Гумбольдтъ предполагаетъ, что это не его родина и что онъ занесенъ сюда изъ Чили. Его называли «папа», тогда какъ названіе «пататъ» или «бататъ» дано было вьюнку. Увѣряютъ, что Ралей нашелъ картофель въ Виргиніи тогда, когда онъ не былъ еще извѣстенъ

въ странахъ Средней Америки, въ Мехикѣ и на Антильскихъ островахъ.

Всѣ европейскіе фрукты, перенесенные въ Америку, удались тамъ такъ же, какъ и индѣйскія пряности, а западныя колоніи доставляли гвоздику, перецъ, мускатный орѣхъ, хлопокъ. Маслина, виноградъ, тутовое дерево, конопля и ленъ принесли бы болѣе дохода, чѣмъ рудники, еслибъ не запретили ихъ культуры, съ цѣлью принудить къ покупкѣ масла, вина и тканей въ метрополіяхъ.

Одинъ негръ, невольникъ Кортеса, нашелъ въ рисѣ, который ему давали, нѣсколько зеренъ пшеницы и посѣялъ ихъ въ Перу; въ 1530 г. Марія д'Эскобаръ перенесъ ихъ въ Лиму, распредѣляя между новыми колонистами только 20 или 30 зеренъ въ продолженіе трехъ лѣтъ; но въ 1547 г. тамъ еще не знали пшеничнаго хлѣба. Отецъ Іосифъ Рикси изъ Гента посѣялъ первую рожь въ Квито, возлѣ монастыря Св. Франциска, и монахи хранятъ, какъ святыню, тотъ сосудъ, въ которомъ онъ привезъ изъ Европы это сокровище. Франсуа де-Каравантъ въ 1540 г. посадилъ тамъ виноградную лозу; въ 1560 г. донъ Антоніо де Рпберо—маслину; сестра Екатерина де Ритецъ—ленъ; позднѣе китайскій чай былъ замѣненъ перуанскимъ. Скоро быки, бараны и козы, размножившіеся на пользу человѣка, присоединились къ туземнымъ ламамъ и вигонямъ. Де ла Вега видѣлъ въ 1557 г., какъ продавали перваго осла за 480 червонцевъ; сдѣлали было попытку ввести и верблюдовъ, но они скоро исчезли. Лошади перешли изъ Андалузіи въ Кубу и Эспаньолу, а оттуда въ Мехику и Перу; они стоили отъ 2—3000 монетъ по 8 реаловъ; а въ 1554 г. не принимали и 12,000 червонцевъ за выѣзженную лошадь съ невольникомъ-конюхомъ.

Европейцы, переселившіеся въ Америку, старались напомнить себѣ свою родину и съ этой цѣлью разводили тамъ продукты отечественной почвы; если новыя растенія удавались, то колонисты радовались и праздновали. Де ла Вега разсказываетъ намъ о приглашеніи, сдѣланномъ его отцемъ, Андреемъ де ла Вега, своимъ старымъ товарищамъ по службѣ съ тѣмъ, чтобы отвѣдать первую спаржу, поспѣвшую на высотахъ Куско.

Въ ту эпоху, когда туземцы обрабатывали много что одинъ участокъ земли и довольствовались растительной пищей, домашній скотъ мало былъ нуженъ имъ. Такимъ образомъ Американцы не умѣли даже пользоваться двумя породами дикихъ быковъ (americanus и moschatus), которые бродятъ около сѣвера Мехики. Они не умѣли извлечь пользы ни изъ ламы, которая водится въ Андахъ по сю сторону экватора, — ни изъ дикихъ овецъ Калифорніи, ни изъ козъ, водящихся въ горахъ Монтере, ни изъ обыкновенной свиньи, ни изъ куръ. Они разводили только

одну породу собакъ для своего пропитанія. Что же касается до дикарей, то нельзя не подивиться тому, что они употребляли столько труда для прирученія обезьянъ и не обращали никакого вниманія на такихъ животныхъ, которыя могли бы имъ быть гораздо полезнѣе. Послѣ открытія Америки европейскія породы отлично привились здѣсь; несмотря на то, что колонисты нисколько не заботились о разведеніи рогатаго скота, послѣдній размножился до такой степени, что бродитъ теперь цѣлыми стадами въ 30 или 40 тысячъ головъ на необозримыхъ долинахъ между Андами и Буеносъ-Айресомъ, а также и въ Новой Испаніи. За ними охотятся только для кожи, а ихъ оставленные трупы распространяютъ такое зловоніе, что воздухъ долженъ былъ бы заразиться, еслибъ не собаки и коршуны, которые пожираютъ ихъ. Такимъ образомъ торговля кожами стала для Испаніи одной изъ важныхъ.

И такъ, Америка надѣлена была отъ Европейцевъ плодами, животными и разными свѣдѣніями, которыя были завѣщаны имъ послѣдующими переселенцами, или были слѣдствіемъ изслѣдованій пятидесяти столѣтій. Различные сорты фруктовъ Гвинеи также были введены туда для питанія негровъ.

Въ свою очередь къ нашимъ произведеніямъ присоединились произведенія Америки. Что касается животныхъ, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ птицъ, содержащихся въ птичникахъ, и разнообразныхъ арасовъ и попугаевъ, мы вывезли только индѣйскаго пѣтуха изъ Новой Испаніи. Напротивъ, европейскія растенія и фрукты обязаны своимъ разнообразіемъ Америкѣ. Садъ Карла Великаго казался чудомъ, такъ какъ въ немъ росли яблоки, груши, рябина и каштановыя деревья.

Св. Людовикъ привезъ изъ Сиріи непахучій ранункулъ, а ранункулъ садовый обязанъ своимъ появленіемъ въ Европѣ посланникамъ, которые хитростью завладѣли имъ въ Левантѣ. Трубадуръ Тибо возвратился изъ крестоваго похода съ розаномъ изъ Дамаска. Вязъ едвали былъ во Франціи до Франциска I, а артишокъ до XV столѣтія. Константинополь далъ въ началѣ XVII вѣка индѣйское каштановое дерево; позднѣе былъ пересаженъ изъ Турціи тюльпанъ, котораго насчитывается теперь до 900 породъ болѣе роскошныхъ, чѣмъ во всякой другой странѣ. Кипръ прислалъ намъ мальвазію, Вавилонъ—иву. Цвѣтную капусту и барбарисъ мы получили изъ Леванта; ревень — родомъ изъ Татаріи, рѣдька—изъ Китая; дягиль (коровникъ) — изъ Лапландіи, желтая лилія—изъ Сибири, первые ананасы, созрѣвшіе въ оранжереѣ, были поданы за столомъ Людовика XVI.

Эти различные дары приходили въ Европу постепенно, время отъ времени, но съ открытія обѣихъ Индій произошелъ внезапный наплывъ новыхъ продуктовъ и неожиданнаго богатства для

ботаническихъ садовъ и музеевъ. Всѣ произведенія принимались сначала съ особенной тщательностью, какъ рѣдкости, а потомъ съ научнымъ интересомъ, такъ что пришлось измѣнить прежнія классификаціи и помѣстить въ нихъ новые виды, которые почти удвоили число извѣстныхъ до того времени родовъ.

Мы, бывшіе свидѣтелями радости, съ какой встрѣчали новыя растенія и цвѣты, напр. гортензіи, камеліи и недавно дрокъ, папоротники, плауны, вереcки изъ Капской земли—и странное семейство орхидныхъ растеній, совершенно исключительное въ растительномъ царствѣ, мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ удовольствіи, съ какимъ смотрѣли на новыя ежегодныя пріобрѣтенія. Скоро акація изъ Виргиніи, черный ясень и туйя изъ Канады осѣнили наши страны. Мехика дала намъ ночной жасминъ, шалфей, георгину, manzélia; Мадера—amomon, Индія бальзаминъ, Цейлонъ—туберозу и проч.

Безъ дальнѣйшихъ перечисленій достаточно будетъ сказать, что насчитывается 2345 различныхъ породъ деревьевъ, пересаженныхъ изъ Америки, 7000 изъ Капской земли, независимо отъ многихъ тысячъ породъ Китая, Восточной Индіи и изъ тѣхъ, которыя недавно перевезены къ намъ изъ Индіи. Путешествующіе въ Индіи чувствуютъ при возвращеніи большое удовольствіе, находясь на кораблѣ среди самыхъ прекрасныхъ цвѣтовъ, особенно орхидныхъ, которые предназначены для обогащенія нашихъ оранжерей, будучи герметически заперты въ стекляныя рамы, эти же рамы предназначены къ перевозкѣ въ Индію простыхъ цвѣтовъ нашихъ деревень, съ цѣлью веселить въ другихъ странахъ взоры Европейцевъ, напоминая имъ луга и нивы ихъ отечества.

Картофель и маисъ должно отнести къ числу самыхъ полезныхъ пріобрѣтеній. Маисъ быстро распространился и получилъ названіе Турецкой ржи, потому что ему приписывали азіатское происхожденіе: онъ отвратилъ неурожаи, значительно способствуя увеличенію европейскаго населенія. Математикъ Гарріо первый составилъ описаніе картофеля подъ названіемъ *openawk*, имя, которое ему давали, вѣроятно, индѣйцы Виргиніи; но когда Ралей перенесъ его изъ этой страны въ Англію, онъ воздѣлывался уже въ Испаніи и Италіи. Нерадивость и привычка къ старинѣ долго мѣшали населенію извлекать изъ картофеля всю пользу, доставляемую имъ теперь менѣе плодороднымъ странамъ Европы.

Тогда почувствовалась необходимость въ новыхъ потребностяхъ, а благодаря имъ новыя спекуляціи открылись для торговли, которая приняла невѣдомые до того времени размѣры.

(Histoire universelle, César Cantu, t. VII).

III.

Renaissance.

1. Политическое состояніе Италіи въ эпоху Renaissance.

Есть страна, которой, благодаря ея положенію около юга Европы, въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря и у подножія Альпійскихъ горъ, проходящихъ чрезъ всю среднюю Европу, благодаря развитію ея береговой линіи, при обширности водной системы и изобиліи острововъ, ее окружающихъ, благодаря ея божественному небу, ея превосходному климату и пышной растительности, благодаря всему этому, выпала на долю честь управлять міромъ въ теченіе 2,000 лѣтъ. Страна эта—Италія.

Италія! У кого не бьется сердце при одномъ этомъ имени? Кто не чувствуетъ безконечно страстнаго стремленія туда, чтобы вкусить новой жизни изъ этого родника неувядаемой славы искусствъ и наукъ? У кого не возстаютъ въ головѣ эти любимые образы оливковыхъ рощъ и фиговыхъ деревьевъ, тѣнистыхъ виллъ и вѣчно зеленѣющихъ садовъ, развалинъ величественныхъ амфитеатровъ, храмовъ, тріумфальныхъ арокъ и прохладныхъ галлерей, разукрашенныхъ безсмертными твореніями кисти Рафаэля, Микель-Анджело, Тиціана, Леонарда да-Винчи и другихъ? Передъ кѣмъ не рисуются живописныя группы сильныхъ, загорѣлыхъ мальчиковъ, нарядно, но пестро одѣтыхъ дѣвочекъ, похожихъ на мадоннъ, набожно выглядывающихъ монаховъ и дерзко смотрящихъ биржевыхъ игроковъ? Кто тотчасъ не вспомнитъ бѣлѣющаго и богатаго башнями Миланскаго собора, печальной Венеціи, недавно утратившей свое господство на морѣ, ея гондолъ, развалившихся дворцовъ, Флоренціи съ могилами Данта, Саванароллы и Макіавелли, Рима, всегда господствующаго или стремящагося къ господству надъ міромъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, его катакомбъ, руинъ и базиликъ, церкви св. Петра, Пантеона и Ватикана; наконецъ, кто не вспомнитъ

Неаполя съ его дымящимся Везувіемъ, очаровательной Капреи съ прелестными гротами и темносиняго моря?

И такъ, если мы ищемъ самой роскошной природы и совершенства въ искусствахъ, то намъ нужно обратиться къ Италіи; только тамъ мы можемъ постигнуть хранилища исторіи, только тамъ мы научимся познавать противоположности въ политическомъ и религіозномъ развитіи народовъ. Но никогда эти противоположности не кидаются такъ рѣзко въ глаза, какъ въ началѣ того времени, которое принято называть «новымъ». Въ это время Италія считала еще себя средоточіемъ, изъ котораго вышли всѣ жизненные потоки человѣчества. Со времени паденія эллинской свободы до паденія всемогущества папы, исторія Италіи была вмѣстѣ съ тѣмъ всемірною исторіею. Строгое государственное единство Италіи во время римскаго владычества было нарушено переселеніемъ народовъ и вторженіемъ варваровъ. Тогда наступила тамъ другая крайность: именно — распаденіе Италіи на чрезвычайно мелкія владѣнія, которыя хотя и всѣ признавали власть германскаго, или такъ-называемаго римскаго императора, но тѣмъ не менѣе представляли собою безчисленное множество укрѣпленныхъ общинъ съ республиканскими формами правленія, на-манеръ германскихъ; ихъ политическій строй удостоился назваться «свободой». Но это громкое названіе надо понимать такъ, какъ его понимали въ средніе вѣка и какъ на это смотрѣли въ ганзейскомъ и швейцарскомъ союзахъ, т. е. какъ на обладаніе властью, господствомъ и силой. По средневѣковымъ понятіямъ, свободнымъ считалось то государство, которое не принадлежало другому, но если оно само угнетало другое государство, то въ глазахъ современниковъ оно чрезъ это ничего не теряло. Имъ было чуждо современное понятіе о свободѣ, по которому свобода существуетъ только тамъ, гдѣ никто никого не угнетаетъ, гдѣ каждый уважаетъ права другихъ, можетъ свободно дѣйствовать и гдѣ никто не смѣетъ отнимать свободы у другихъ. Въ Италіи же происходила постоянная борьба между тѣми, которые искали свободы, т. е. власти, и тѣми, которые ею уже пользовались. Въ такомъ положеніи былъ каждый городъ, распадаясь на двѣ партіи, на которыя раздѣлилась вся «Римская Имперія», именно — партія Вайблинговъ (итал. Гибеллиновъ) и Вельфовъ (Гвельфовъ). Обѣ эти партіи раздорами не только раздирали всю Италію вообще и города ея въ частности, онѣ служили еще поводомъ къ раздорамъ въ семействахъ, дѣлая сына враждебнымъ отцу, брата брату.

Благодаря этой борьбѣ партій, итальянскія республики переходили изъ рукъ аристократовъ въ руки демократовъ, при самыхъ разнообразныхъ формахъ правленія. Во Флоренціи народная аристократія вытѣснила родовую, которая въ глазахъ пер-

вой признавалась безправной, даже ненавистной, къ которой причислялись всѣ нелюбимыя личности, если хотѣли сдѣлать безвреднымъ ихъ политическое значеніе.

Въ Венеціи же, напротивъ, дворянство пріобрѣтало все болѣе и болѣе значенія, и она была единственной республикой, сохранившей свою самостоятельность вплоть до французскихъ революціонныхъ войнъ, не подчинившись никакому сосѣднему городу, ни монархіи и не сдѣлавшись добычею иностранцевъ. Комо же, Кремона и др. подчинились Милану; Брешія, Верона и др.—Венеціи; Пиза и Сіена—Флоренціи, и т. д. Въ Миланѣ сперва управляла династія Висконти, затѣмъ Сфорца; въ Мантуѣ—династія Гонзага, въ Пармѣ—династія Фарнезе, а потомъ испанскіе Бурбоны, въ Моденѣ—династія Эсте, во Флоренціи—Медичи, и т. д. Болонья, Урбино, Перузія сдѣлались «наслѣдіями св. Петра», Генуя подпадала подъ власть то Милана, то Франціи; самъ Миланъ переходилъ отъ французовъ къ швейцарцамъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ надолго не подчинился Испаніи и Австріи; тоже было и съ Неаполемъ и съ Сициліей.

Наконецъ, итальянская политика въ самой Италіи почти исчезла, ее замѣнили мѣстная (венеціанская и др.), или даже иностранныя (французская, испанская), а нѣкоторыя отдѣльныя итальянскія государства не останавливались даже передъ союзомъ съ турками противъ своихъ соотечественниковъ.

Всѣ эти перемѣны переживали страшный кризисъ въ концѣ XV и XVI столѣтій; наконецъ, страшная катастрофа постигла какъ ихъ, такъ и церковную власть Италіи, папство, и потому первая наша задача—сдѣлать общій очеркъ тогдашняго положенія Италіи въ политическомъ и церковномъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе уменьшенія итальянскихъ республикъ, которыя подчинялись то одна другой, то княжествамъ, то даже иностранцамъ, уменьшалось и число людей, имѣющихъ политическія права; въ XIII столѣтіи ихъ насчитывалось милліонъ восемьсотъ тысячъ (десятая часть населенія), а послѣ, въ XIV столѣтіи, число это уменьшилось въ десять, пятнадцать и даже на сотую часть; но ничто не смущало властолюбивыхъ правителей въ ихъ междоусобныхъ войнахъ; политическая безправность казалась имъ еще слишкомъ хорошей долей для народа, рожденнаго для послушанія, и потому побѣжденные были часто обращаемы въ состояніе крѣпостныхъ. Францъ Сфорца, этотъ свирѣпый кондотьеръ, сдѣлавшись правителемъ въ Миланѣ, велѣлъ въ 1447 году продать съ аукціона жителей Піаченцы, имъ завоеванной; впрочемъ, папы точно такъ же поступали съ побѣжденными, несмотря на то, что они считались намѣстниками Христа и апостоловъ и съ высоты амвона проповѣдывали общече-

ловѣческую братскую любовь. Бонифацій VIII, въ порывѣ апостольскаго гнѣва, позволилъ продавать всѣхъ вассаловъ фамиліи Колонна, какъ крѣпостныхъ; Сикстъ IV поступилъ точно такъ же въ отношеніи Болонцевъ; примѣру ихъ послѣдовалъ и Юлій II, этотъ воинъ, сражавшійся не за Бога, а изъ-за міра, въ 1509 г. примѣнивъ это къ венеціанцамъ. Впрочемъ, эти слишкомъ позднія мѣры не достигли своей цѣли: покупатели не знали, что имъ дѣлать съ этимъ живымъ товаромъ, содержать который они не имѣли ни малѣйшей охоты, тѣмъ болѣе, что эти люди, работая по принужденію, приносили мало пользы, и потому-то вскорѣ въ Италіи не было больше «рабовъ», кромѣ присужденныхъ къ ссылкѣ на галеры «невѣрныхъ».

Въ итальянскихъ республикахъ хотя и существовала превосходная мѣра, въ силу которой, призывая изъ-за границы судей и адвокатовъ, тѣмъ самымъ препятствовали правительству захватывать въ свои руки судебныя должности, но такая мѣра, слѣды которой еще до сихъ поръ сохранились въ безсмертной маленькой республикѣ Санъ-Марино, была горькимъ обманомъ, такъ какъ правительство искусно умѣло ее обходить. При первомъ удобномъ случаѣ правительство объявляло, что интересы государства требуютъ его вмѣшательства въ судебныя дѣла— что легко было объявить во всякое время — забирало на-время въ руки судебную власть и тогда, по выраженію Сисмонди, всѣ ненавистные соперники его власти подвергались пыткѣ и умирали на эшафотѣ. Затѣмъ судопроизводство и законы были таковы, что не давали обвиненному возможности имѣть защитника, ни надѣяться на снисхожденіе во время слѣдствія; онъ даже не могъ быть увѣреннымъ, что его приговорятъ къ тому наказанію, какое онъ дѣйствительно заслуживаетъ; случалось и то, что представители какой нибудь партіи подъ именемъ «балія» захватывали неограниченную власть и произносили надъ принадлежащими къ противной партіи, безъ суда и слѣдствія, самые строгіе приговоры. Подъ предлогомъ государственнаго устройства, «балія» принимала на себя временное правленіе или диктаторство и пользовалась нѣкоторое время неограниченною властью; если же она хотѣла увѣрить народъ, что и онъ имѣетъ право голоса, то сзывала его подъ именемъ парламента, гдѣ приверженцы господствующихъ властей поднимали страшный шумъ, и тѣмъ заглушали голоса прочихъ. По требованію всемогущаго въ Италіи духовенства были приняты безчеловѣчныя мѣры противъ мнимой ереси и всѣхъ преступленій чародѣйства; были присуждаемы страшныя наказанія какъ за это, такъ и за неудовольствія на правительство, обнаруженныя не только въ поступкахъ, но и въ словахъ и жестахъ и заподозрѣнныя въ мысляхъ.

Въ государствахъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, свобода прессы была окончательно подавлена; гражданинъ не имѣлъ права жаловаться ни на какія несправедливости административныхъ мѣстъ.

Свобода, которою пользовались члены присутственныхъ мѣстъ въ обсужденіи и постановленіяхъ, была значительно ограничена, и правительство часто самымъ очевиднымъ образомъ старалось нарушить ее для своихъ выгодъ.

Таковы были темныя стороны итальянскихъ республикъ; но мы не замедлимъ показать и ихъ свѣтлыя стороны, хотя, вслѣдствіе упомянутаго кризиса, стороны эти мало по малу исчезали. Всякое насиліе, производимое надъ народомъ, понималось какъ зло, происходящее отъ него самого, и никогда не приступали къ полному выбору властей, не испрашивая на то его содѣйствія. Власти всѣхъ республикъ выбирались на опредѣленное и очень короткое время и считались смѣняемыми; исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только Венеція, гдѣ даже и сенаторы выбирались пожизненно; самый же большій служебный срокъ въ прочихъ республикахъ былъ годъ, въ нѣкоторыхъ же государствахъ, какъ напр. во Флоренціи, высшія должности ввѣрялись только на два мѣсяца. Кромѣ того, занимающіе государственную должность отвѣчали передъ своими избирателями, т. е. народомъ, за свой образъ дѣйствій, и по истеченіи срока службы опять становились въ ряды простыхъ гражданъ. Такое ограниченіе произвола правителей было очень благопріятно для республикъ, такъ какъ на мѣсто тирана могъ попасть его противникъ, его жертва, и потребовать съ него страшнаго отчета.

Впрочемъ, эти республиканскія учрежденія дѣлались одно за другимъ, какъ было уже упомянуто, мало по малу жертвою деспотизма, поработившаго себѣ итальянскія республики. Тираны, достигшіе господства въ этихъ республикахъ, выжимали изъ нихъ послѣдніе соки на удовлетвореніе восточной роскоши, которая казалась бы смѣшной, еслибъ не имѣла такихъ возмутительныхъ послѣдствій; они потворствовали своимъ чувственнымъ удовольствіямъ и жаждѣ мщенія и, подражая самымъ испорченнымъ римскимъ императорамъ, прикрывали кровавыя преступленія утонченной роскошью; безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти жертвовали они своими согражданами для собственныхъ прихотей; вслѣдствіе своихъ эгоистическихъ дѣйствій они отпадали отъ вѣры, переходя не къ критическому изслѣдованію, а къ языческому и самому грубому суевѣрію, въ особенности къ астрологіи.

Чтобы обезпечить свое положеніе, они стали принимать къ себѣ на службу войска, нанятыя на холодномъ сѣверѣ, во Франціи, Англіи (подъ начальствомъ свирѣпаго Дэкана Гивквуда),

въ Германіи (подъ начальствомъ ужаснаго Вернера фонъ-Урурслингена) и др. Начальники этихъ войскъ не щадили итальянскій народъ и держали страну въ постоянномъ страхѣ. Вообще подобныя наемныя войска могутъ быть названы невыносимымъ бичемъ страны; когда не было тирана, нуждающагося въ ихъ услугахъ, то они сами опустошали страну, такъ что зависящія отъ нихъ республики никакъ не могли заключить противъ нихъ союзъ, хотя Флоренція и нѣкоторые папы побуждали ихъ къ этому въ XIV столѣтіи (1349 г.). Однако воинственный духъ итальянцевъ не былъ еще окончательно подавленъ, они наконецъ возстали противъ иноземцевъ, прогнали ихъ и сами образовали вооруженныя толпы, предводители которыхъ, кондотьери, вели междоусобную войну и искали славы въ томъ, чтобы щадить на сколько возможно своихъ «дорогихъ» воиновъ и проливать какъ можно менѣе крови, такъ что въ одномъ сраженіи, длившемся цѣлый день, не было убито ни одного человѣка, но за то при взятіи городовъ, ни на что не обращая вниманія, совершали неслыханные ужасы. Во время подобныхъ войнъ въ Италіи очень развилось военное искусство, которому посвящали себя многіе молодые люди, какъ напр. Макіавелли. При этомъ кондотьери презирали народъ, желавшій мира, и безсовѣстнымъ образомъ обходили его гражданскія права, но и они въ свою очередь терпѣли тоже отъ своихъ начальниковъ: въ случаѣ пораженія они были презираемы и строго наказываемы, въ случаѣ побѣды они, правда, внушали страхъ, но за то были устраняемы. Но случалось также и то, что они становились правителями государствъ, какъ напр. Сфорца въ Миланѣ, и когда могущественные князья увеличивали предѣлы своихъ владѣній, то они обращались къ своимъ болѣе славнымъ согражданамъ и тѣ исполняли должность кондотьеровъ; это обстоятельство способствовало ослабленію своеволія князей, которые начали обращать вниманіе на свое образованіе, развитіе вкуса и болѣе утонченныхъ нравовъ; въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Федериго Монтефельтро, герцогъ Урбино (1444 — 82).

Аристократія утратила свое значеніе и часто князьямъ наслѣдовали ихъ побочные сыновья, чѣмъ никто не возмущался.

Таковы были событія, наполнявшія XV ст. Но въ началѣ XVI вѣка эти маленькія княжества стали уничтожаться одно за другимъ; причиной этому были междоусобныя войны, а также и разные ужасы, которые совершались въ господствующихъ династіяхъ, какъ напр. кровавыя бани Баглiони въ Перужіи. Чувство независимости было подавлено, за исключеніемъ Венеціи, гдѣ въ 1432 году сенатъ, напоминающій намъ древній Римъ, имѣлъ смѣлость схватить и казнить честолюбиваго кондотьери Франческо Карманьола; никакая республика такъ открыто и

смѣло не заявляла о своемъ духѣ независимости. Но Венеція, этотъ городъ лагунъ, сохранила его, благодаря своему замкнутому положенію, оригинальному государственному устройству, во главѣ котораго стояло нѣсколько заслуженныхъ фамилій, господство которыхъ было неподвижнымъ, но прочнымъ; они умиротворяли благодѣяніями политическо-безправный народъ, часто строили бѣднымъ дома, гдѣ послѣдніе могли жить безвозмездно, и занимали торговлей и войной людей, которые въ противномъ случаѣ старались бы разрушить существующій порядокъ дѣлъ и свергнуть правительство. Изъ остальныхъ республикъ только Флоренція отстояла свою независимость передъ попытками Галеаццо Висконти, правителя Милана, и Ладислава, правителя Неаполя, завладѣть ею.

Во главѣ республики Флоренціи находилась съ давнихъ временъ «Синьорія» въ качествѣ высшей власти; она состояла изъ восьми пріорій и одного гонфалоньера («Gonfaloniere di giustizia»), которые смѣнялись каждые два мѣсяца; эта синьорія вмѣстѣ съ двѣнадцатью гонфалоньерами, которые начальствовали надъ войскомъ, и двѣнадцатью Buoni nomini, составляла коллегію. Военными дѣлами завѣдывали смѣняющіеся каждые шесть мѣсяцевъ «Dieci della guerra», а политическія и уголовныя преступленія обсуждались совѣтомъ «Восьми», смѣняющимся каждые четыре мѣсяца. Приведеніе въ исполненіе законовъ и выборъ властей были предоставлены «Consiglio del Commune» и «Consiglio del popolo».

Но республикѣ на Арно не долго суждено было пользоваться славой быть послѣдней демократіей Италіи. Вслѣдъ за паденіемъ родовой аристократіи, возвысилась въ этомъ промышленномъ городѣ другая аристократія, пріобрѣтшая свое достоинство за деньги. Изъ среды послѣднихъ особенно выдается фамилія Медичи; она сначала достигала высшихъ должностей безъ домогательствъ, и вскорѣ члены ея возвысились надъ всѣми другими фамиліями, такъ какъ они употребляли всѣ свои способности на увеличеніе доходовъ: съ 1434 до 1471 года выдала она на публичныя постройки 663,755 золотыхъ гульденовъ (одинъ Козимо—100,000). Это утвердило ихъ на почетныхъ мѣстахъ, а привычка видѣть ихъ въ такомъ очетномъ положеніи усыпила ревность гражданъ къ стариннымъ демократическимъ учрежденіямъ. Этому способствовало еще и то, что со времени подчиненія ея соперницы, республики Пизы, и лишенія ея всѣхъ правъ, Флоренція не могла уже считаться настоящей республикой. Первый изъ Медичей, присвоившій себѣ власть, былъ Сальвестро († 1388 г.). Внукъ его Козимо, сопровождавшій папу Іоанна XXIII въ его роковомъ путешествіи на Констанцскій соборъ, избѣгалъ всего, что могло бы дать поводъ считать его

узурпаторомъ, и вообще дѣйствовалъ такъ умно и умѣренно, что пріобрѣлъ въ своемъ родномъ городѣ много приверженцевъ и большое вліяніе; когда же, несмотря на это, послѣ одной борьбы партій его изгнали, то онъ былъ радушно принятъ въ Венеціи, а затѣмъ съ почетомъ призванъ опять во Флоренцію, и здѣсь снова назначали его на высшія должности по истеченіи каждаго срока. Свою власть и свои богатства онъ употреблялъ на умственное усовершенствованіе и на покровительство искусствъ и наукъ. При немъ прославились четыре талантливые ученика школы итальянскаго законодателя искусствъ Джіотто: ваятели художники и скульпторы Брунеллески, Донателло, Джиберти, Массаччіо. Всѣ они были флорентинцы, но ихъ призывала вся Италія, чтобы поручить имъ исполненіе всего прекраснаго. Память Козимо не запятнана никакимъ злоупотребленіемъ его власти, никакимъ пренебреженіемъ къ республиканскимъ учрежденіямъ. Его внукъ, Лоренцо, росъ подъ вліяніемъ стремленія къ идеалу, возбужденному возрожденіемъ классической древности. Въ годъ смерти его дѣда (1464) ему было только 16 лѣтъ, но, несмотря на это, онъ уже игралъ значительную роль въ возгорѣвшейся борьбѣ партій противъ его жаднаго и нелюбимаго отца Піетро; онъ обезоружилъ своихъ враговъ обходительностью, возстановивъ оскорбленную честь своей фамиліи. Флорентинцы формально просили его стать во главѣ правленія и онъ не замедлилъ исполнить ихъ желаніе: воспользовавшись предупредительностью своихъ согражданъ и ихъ равнодушіемъ къ республиканскому прошлому ихъ города, онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Юліаномъ завладѣлъ выборомъ высшихъ властей; составилъ изъ своихъ приверженцевъ совѣтъ семидесяти, предоставивъ имъ этотъ выборъ; всѣ сословныя различія были такимъ образомъ уничтожены. Его слава росла съ каждымъ днемъ; она гремѣла не только во Флоренціи, въ Италіи, но и по другимъ странамъ; богатство, нажитое имъ торговлей, давало ему возможность окружать себя такой роскошью и блескомъ, которые могли выдержать сравненіе съ роскошью и блескомъ другихъ европейскихъ дворовъ, и поэтому получилъ прозваніе отъ своихъ современниковъ — «Великолѣпнаго» (Magnifico). Его приглашали въ посредники между королями, такъ напр. между королемъ Франціи (Людовикомъ XI) и королемъ Неаполя; его посѣтилъ Христіанъ, король Даніи, Швеціи и Норвегіи, а германскій императоръ Фридрихъ III домогался его благосклонности, португальскій же и венгерскій короли добивались чести имѣть съ нимъ сношенія.

Будучи въ такомъ положеніи, онъ могъ противиться жадности и стремленію папы Сикстата IV къ пріобрѣтенію земель, поддержавъ пограничный городъ Кастелло, на который папа имѣлъ виды. Св. отецъ, который по безнравственному обычаю того вре-

мени давалъ своимъ сыновьямъ высшія церковныя должности, рѣшился устранить могущественнаго Медичи и его брата Юліана; для выполненія этого намѣренія онъ употребилъ фамилію Пацци (Pazzi), соперницу фамиліи Медичи, архіепископа Пизы Салвіати и нѣсколькихъ дерзкихъ развратниковъ и кондотьери; театромъ этого чернаго дѣла во Флоренціи была выбрана церковь, какъ это было и шестнадцать мѣсяцевъ тому назадъ при умерщвленіи сладострастнаго тирана Галеаццо Марія Сфорца благородными юношами Милана.

Родственникъ папы, кардиналъ Ріаріо, посвященный въ этотъ заговоръ, долженъ былъ служить обѣдню, папскія войска направлялись къ Флоренціи и поднятіе причастія служило условнымъ знакомъ для убійцъ. Двое убійцъ, назначенныхъ для Лоренцо, были священники, а одинъ изъ нихъ даже папскій секретарь; для Юліана были назначены одинъ изъ фамиліи Пацци и одинъ Барончелли. Послѣдніе сами привели въ соборъ 2 мая 1478 года свою колеблющуюся жертву и измѣннически обняли ее, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли подъ платьемъ брони, и какъ только началось самое священнодѣйствіе, они исполнили свое дѣло съ безчеловѣчной жестокостью; священникамъ же не удалось убить Лоренцо: онъ защищался мечомъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Яростный флорентійскій народъ, приверженцы братьевъ, изрубили убійцъ; архіепископъ былъ повѣшенъ во всемъ своемъ одѣяніи передъ окнами судилища; Пацци былъ осужденъ, а затѣмъ изгнанъ; Барончелли бѣжалъ въ Константинополь, но султанъ выдалъ его изъ уваженія къ Лоренцо, слава котораго была извѣстна и ему, а во Флоренціи Барончелли былъ повѣшенъ. Папская армія отправилась назадъ, а Лоренцо оповѣстилъ всему міру о поведеніи папы; онъ поступилъ очень великодушно въ отношеніи ни въ чемъ неповинныхъ родственниковъ убійцъ.

Папа, страшно раздраженный неудачей, конфисковалъ все имущество флорентинцевъ, въ Римѣ же произнесъ проклятіе надъ Лоренцо и надъ другими членами флорентійскаго правительства за то, что они осмѣлились предать смерти священниковъ, отрѣшилъ ихъ отъ церкви, наложилъ на всю страну интердиктъ и грозилъ флорентинцамъ вмѣстѣ съ Неаполитанскимъ королемъ своимъ мщеніемъ, если они ему не выдадутъ Лоренцо. Флоренція, конечно, стояла за своего любимца, но такъ какъ счастіе въ войнѣ не благопріятствовало ему, то Лоренцо отправился самъ тайно въ Неаполь къ своимъ врагамъ, обнаруживъ такимъ образомъ все величіе своей души; впрочемъ онъ выказалъ не одно величіе, но и замѣчательный умъ, такъ какъ успѣлъ, преодолѣвши всѣ препятствія, склонить короля къ отпаденію отъ папы и перейти на сторону Флоренціи. Только грозящее нападеніе на Италію турокъ примирило заботящагося о единствѣ хри-

стіанства папу съ проклятыми флорентинцами. Но Италія была уже слишкомъ слаба, чтобы что-нибудь сдѣлать противъ вторженія враговъ, и избавилась отъ нихъ только тогда, когда они добровольно оставили ее.

Когда такимъ образомъ прекратилась вражда съ папой и когда наконецъ этотъ послѣдній умеръ, оставя по себѣ сомнительную славу за учрежденіе инвеституры и цензуры, то Лоренцо съ рвеніемъ принялся увеличивать благосостояніе своего отечества и укрѣплять свой родной городъ, который въ это время достигъ высшей степени своего процвѣтанія. Промышленность развилась, народонаселеніе увеличивалось такъ быстро, что должны были просить у папы позволенія обратить монастырскіе сады въ жилыя мѣста; полиція была такъ улучшена, что не было больше и слуху нетолько о нападеніяхъ съ цѣлью грабежа или убійства, но даже и вообще о ночныхъ безпорядкахъ; онъ поправилъ финансовыя дѣла, приведенныя въ разстройство войной, а республика изъ признательности заплатила его долги, сдѣланные отчасти въ ея собственныхъ интересахъ, отчасти же вслѣдствіе его расточительности. Тогда онъ, пристыженный этимъ, оставилъ торговлю, призваніе своей фамиліи, и занялся сельскимъ хозяйствомъ, какъ дѣломъ болѣе вѣрнымъ, и его очаровательная вилла, названная Амброй, съ зоологическимъ и ботаническимъ садомъ, съ плантаціями тутовыхъ деревьевъ, обѣщавшими понизить цѣну шелка, и сыроварней снабжающей всю Флоренцію сыромъ, считалась чудомъ того времени и была воспѣта поэтами.

Заслуги Лоренцо въ сферѣ наукъ и искусствъ гораздо болѣе обезсмертили его память, нежели его политическая дѣятельность.

Лоренцо былъ очень религіозенъ, несмотря на то, что много занимался античной философіей и что его сочиненія проникнуты олимпійскимъ спокойствіемъ Платона; но его религіозность нетолько не мѣшала ему, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ даже побуждала его противиться папскому произволу. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ свѣтлыхъ сторонъ стушовываются его недостатки и даже дурныя качества, какъ при его жизни, такъ и теперь, именно его непомѣрный эгоизмъ, неправильное завладѣніе властью и имуществомъ, непомѣрная расточительность и безнравственное вліяніе на народъ. Съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ казнилъ онъ своихъ политическихъ соперниковъ, позволялъ себѣ утаивать часть денегъ изъ государственныхъ имуществъ: если онъ и много способствовалъ къ подавленію республиканскихъ учрежденій, то въ этомъ виновато не столько его властолюбіе, сколько испорченность его соотечественниковъ. Въ годъ открытія Америки (1492) тогдашніе доктора свели его въ могилу; несмотря на его

недостатки вся Италія оплакивала его смерть; фантазія народа была такъ возбуждена, что являлись видѣнія тройнаго солнца, вооруженныхъ войскъ и обагренныхъ кровью статуй. Единственнымъ памятникомъ ему служатъ его творенія, другаго онъ и не желалъ. Съ нимъ сошли въ могилу расцвѣтъ итальянской науки и гуманность при огромномъ политическомъ вліяніи въ этой странѣ; послѣ него господствовало, отчасти не безъ его вины, самаго возмутительнаго равнодушія къ справедливости, свободѣ, честности, постыдное нарушеніе всего этого, совершенное безучастіе къ человѣческимъ страданіямъ. Флорентинцы уже такъ привыкли видѣть во главѣ своего правленія фамилію Медичи, что совершенно спокойно позволили занять мѣсто во главѣ управленія старшему сыну Лоренцо, Піетро, далеко непоходившему на своего отца.

Республиканскія основанія были подавлены не деспотизмомъ правителей, не низостью управляемыхъ, но одной лишь силой привычки; хотя они еще и не дошли до окончательнаго паденія, но поддерживать стремленіе къ свободѣ могъ только геній, а не жалкая посредственность. Ограниченный Піетро союзомъ съ Фердинандомъ Неаполитанскимъ, заключеннымъ имъ для усиленія своего могущества, возбудилъ страшное соревнованіе и глубокое недовѣріе между итальянскими государствами, а ихъ правители призвали для посредничества въ Италію сперва Людовика Сфорца, названнаго Моро, герцога Миланскаго, а потомъ французскаго короля Карла VIII, тщеславнаго и физически и нравственно разслабленнаго человѣка. Это было смертнымъ часомъ итальянской самостоятельности и началомъ того ряда войнъ, которыя въ продолженіе трехъ съ половиною столѣтій изъ-за чужихъ интересовъ орошали кровью Ломбардскія равнины. Такимъ образомъ французы отправились въ свой походъ на Неаполь, гдѣ они хотѣли свергнуть испанское владычество, теперь они въ первый разъ также вступили и на почву республики Флоренціи; граждане скрежетали зубами при этомъ униженіи, а презрѣнный Піетро, вспомнившій вѣроятно, какъ его отецъ самъ выдалъ себя врагамъ, бросился къ ногамъ чужеземнаго короля и предлагалъ ему управленіе своей страной. Это ужъ было слишкомъ и онъ со стыдомъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе, чтобы спастись отъ ярости своихъ согражданъ, которыхъ онъ такъ охотно назвалъ бы своими подданными; онъ потонулъ французскимъ наемникомъ при переходѣ черезъ Гарильяно.

Такимъ образомъ пало республиканское господство фамиліи Медичи.

(Kulturgeschichte der neueren Zeit, vom Wiederaufleben der Wissenschaften bis auf die Gegenwart. Von Otto Henn am Rhyn. 1870. Leipzig). Ст. 1—11.

2. Италія и завѣтъ римской древности.—Италія, какъ мѣсто возрожденія послѣдней.—Печальное существованіе римской литературы въ средніе вѣка.—Церковь и остатки язычества.—Рукописи классиковъ въ монастыряхъ.—Данте Алигіери и древность.—Отношеніе его къ латинскому языку.—Личность Данта.

Ни въ одномъ государствѣ Европы не жило столько различныхъ народовъ, какъ въ Италіи, и ни одно изъ нихъ не было свидѣтелемъ такихъ разнообразныхъ и важныхъ переворотовъ. Даже тотъ величайшій кризисъ, какой только когда-либо испытывала исторія человѣчества въ своемъ развитіи, паденіе всемірнаго господства античнаго міра и возникновеніе новаго, основаннаго на крови Христа, Италія должна была переживать среди броженія и бурь, затѣмъ ей предназначено было образовать мостъ между античнымъ и христіанскимъ міромъ. Для послѣдняго она сохранила палладіумъ будущности, камень, на которомъ основана церковь; отъ древняго же міра она сохранила различные памятники, имѣющіе гораздо больше значенія, чѣмъ это намъ кажется съ перваго взгляда. Если гдѣ-либо античный духъ и могъ снова ожить и проникнуть въ поры новаго организма, такъ это именно въ Италіи.

Несмотря на смѣшеніе народовъ, Италія сохранила литературный языкъ, на которомъ древніе римляне выражали свои мысли, во всей его чистотѣ и вѣрности. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, космополитическій языкъ Лаціума, языкъ торговли, сохранился здѣсь въ этомъ центрѣ церковной и умственной жизни, ученыхъ, богослуженія. Далѣе, всѣмъ извѣстно, что въ Италіи никогда не теряли своего значенія римское право и юриспруденція; эта послѣдняя вмѣстѣ съ всемірнымъ господствомъ—самое исполинское твореніе древнихъ римлянъ. Какъ кровь древнихъ народовъ смѣшивалась съ кровью новыхъ, такъ и римское право постепенно и незамѣтно оказывало большее или меньшее вліяніе на образъ мыслей послѣднихъ, на общественныя ихъ отношенія и политическую жизнь. Новое населеніе наслѣдовало множество воспоминаній о герояхъ, потомкахъ Ромула, покорившихъ міръ.

Часто случается, что сохранился только памятникъ, служащій загадочнымъ привидѣніемъ, какъ свидѣтельствуютъ средневѣковыя сказанія о конной статуѣ Марка Аврелія, или о постройкѣ Пантеона. Часто представленія крайне темны и смутны, какъ напримѣръ о цезарствѣ, возстановленномъ Карломъ Велик. или о древней римской республикѣ, когда Арнольдо Бресчіа хотѣлъ снова учредить сенатъ, возстановить консуловъ и римскій народъ. Нерѣдко также все-еще существовало какое-нибудь учрежденіе и никто и не подозрѣвалъ его античнаго зародыша; такъ муниципальныя учрежденія древ-

няго римскаго міра никогда окончательно не исчезали въ отдѣльныхъ городахъ, какъ въ Римѣ и Флоренціи. Но важнѣе всего то, что Италія, а особенно Римъ никогда не могли забыть, что отсюда былъ покоренъ міръ и здѣсь сосредоточивалось управленіе имъ.

Нельзя отрицать того, что по духу Италія служила колыбелью не только іерархіи, но и Германской имперіи. Она была свидѣтельницей ихъ развитія, ихъ ужасной борьбы и наконецъ ихъ роковаго паденія. Но то и другое, іерархія и римское государство германской націи, незамѣтно прониклись древне-римскими идеями міра и получили отъ нихъ свое космополитическое и универсально-монархическое направленіе. Такимъ образомъ языкъ, право и церковь Рима проложили путь развитію европейскаго образованія, связали духовными узами народы, руководство которыми доставило Италіи гегемонію въ Европѣ.

Разсматривая съ политической точки зрѣнія исторію Италіи въ продолженіе XIV и XV столѣтій, мы сразу убѣждаемся, что этотъ полуостровъ не былъ способенъ выполнить свою важную задачу; онъ сталъ ареной пагубныхъ и безцѣльныхъ страстей. Эти, не сдерживаемыя сильной рукою императора, маленькія государства употребляютъ свою свободу лишь на то, чтобы безпрерывно и неудержимо мучить и вредить другъ другу. Упадку и безсилію способствуютъ нескончаемые споры династій и узурпаторовъ съ республиками, а въ республикахъ — вѣчная борьба дворянства съ народной партіей, дворянскихъ фамилій между собой и демократическими властями, одна противъ другой, постоянныя гражданскія войны. Полуостровъ, возставая противъ чужеземнаго господства, въ то же время допускаетъ господство отдѣльныхъ личностей. Удаленіе куріи изъ Италіи и церковный расколъ подрываютъ религіозное единомысліе и предвѣстники великаго раздѣленія церквей указываютъ уже на расхожденіе націй въ вѣрѣ и культѣ. Какимъ образомъ могъ бы остаться Римъ алтаремъ космополитическихъ идей!

Такъ какъ Италія можетъ быть названа центромъ средневѣковой государственной организаціи, то и исторія ея представляетъ какъ-бы нѣчто общее съ ней. Съ половины же XIII вѣка возраставшее развитіе среднихъ вѣковъ какъ будто почти внезапно прерывается и всѣ средневѣковыя творенія продолжаютъ существовать только чисто механически. Имперія падаетъ, вмѣстѣ съ своими широкими планами, по прекращеніи династіи Гогенштауфеновъ; за нею слѣдуетъ іерархія съ своей тенденціей божественнаго царства, лишившись возбуждающихъ противорѣчій, умъ и сердце тупѣютъ повсюду подъ гнетомъ холоднаго формализма. Высшія учебныя заведенія служатъ темницей для ума, гдѣ всякая жизненность подавляется желѣзными оковами

схоластики; эта же послѣдняя, хотя она и заключаетъ въ своемъ обиходѣ нѣкоторую долю знаній и воззрѣній, все же не наука, а только дисциплинарный методъ всѣхъ наукъ, которыя влачатъ свое существованіе подъ строжайшимъ контролемъ, какъ въ монастырѣ, подчиняясь самымъ мелочнымъ правиламъ. На этомъ пути никакой прогрессъ былъ невозможенъ и дѣятельному уму приходилось вращаться какъ въ колесѣ. Тогда-то въ Италіи развивается зародышъ новаго образованія, котораго цвѣты прежде всего распускаются въ области литературы и искусствъ, и подъ знаменемъ музъ совершается новое объединеніе нетолько Италіи, но и вообще всего образованнаго міра. Это развитіе выступаетъ на первый планъ, тогда какъ интересы церковной политики, войнъ и революцій и даже научныя стремленія все болѣе и болѣе отступаютъ въ сторону. Укажемъ новую задачу Италіи, насколько мы въ состояніи ее обнять. Подвести итоги плодамъ древности и цвѣтамъ христіанско-романтической жизни, соединять въ художественныхъ произведеніяхъ форму съ духовнымъ изяществомъ, какъ наслѣдство классическихъ народовъ съ духомъ романтизма,—въ этомъ заключается цѣль, на осуществленіе которой идутъ лучшія силы, въ этомъ все значеніе Аріоста и Тасса, Браманте и Палладіо, Леонардо да Винчи и Рафаэля Санчіо.

Мы здѣсь прослѣдимъ только одну степень и сторону этого всемірнаго культурнаго процесса, это именно—возрожденіе классической древности и ея проникновеніе въ духовную жизнь прежде всего Италіи. Далѣе мы разберемъ только дѣтскій и юношескій періодъ этихъ стремленій: насколько первый приспособляется, подготовляется къ жизни и совершенствуется путемъ подражанія и насколько второй примѣняетъ пріобрѣтенныя силы и знанія и бодро и смѣло себя проявляетъ. Поэтому намъ интересно разсмотрѣть самое возникновеніе и ростъ ихъ, а не творенія, которыя уже носятъ на себѣ печать зрѣлости и твердости.

О классической древности намъ свидѣтельствуютъ преимущественно литературные памятники; вмѣстѣ съ ними она погружается въ зимній сонъ, вмѣстѣ съ ними и пробуждается къ новой веснѣ. Слѣдовательно ея исторія въ тѣсной связи съ ея литературой. Всѣ тѣ, которые вызывали къ жизни греческихъ и римскихъ писателей, упоминали о ихъ снѣ, продолжавшемся семьсотъ лѣтъ. Они считали вѣрно; вмѣстѣ съ римскимъ государствомъ исчезла мало по малу и склонность къ римской литературѣ: въ VII столѣтіи ея какъ-бы не существовало. Но все-же нельзя безусловно полагаться на ихъ слова, находясь среди пламени, они не замѣчали тлѣющихъ искръ; какъ книги римскаго права, такъ и историческая, философская и поэтическая литера-

тура римлянъ не оставались совсѣмъ безъ вниманія; всегда въ какой-нибудь уединенной монастырской келіи читался Ливій, Саллюстій, нѣкоторыя сочиненія Цицерона, Сенеки, Виргилія. Лукана, Горація, Овидія, Теренція, Плинія и переносились въ историческія, схоластическія и церковныя сочиненія. Даже отцы церкви, и тѣ часто ссылались на свѣтскихъ писателей, которымъ они преимущественно были обязаны своей ученостью. Благодаря ихъ сочиненіямъ, а также еще и позднѣйшимъ составителямъ церковныхъ сборниковъ, какъ напр. епископа Исидора Севильскаго, нѣкоторыя свѣдѣнія и замѣтки изъ классической древности оставались въ постоянномъ обращеніи. Другія продолжали распространяться, хотя и въ искаженномъ видѣ, посредствомъ сказаній, легендъ и стихотвореній, какъ напримѣръ темныя преданія о Троянской войнѣ, объ Александрѣ Великомъ и о нѣкоторыхъ римскихъ императорахъ. Боэцій, книга котораго *„Объ утѣшеніи въ философіи“* всегда высоко цѣнилась, побудилъ къ изученію или, по крайней мѣрѣ, обратилъ вниманіе въ своихъ коментаріяхъ на философію Аристотеля. Подобныхъ книгъ насчитывалось сотнями. Кромѣ того частныя лица издавна изучали греческій языкъ или въ Апуліи, или въ Греціи. Наконецъ мы имѣемъ отъ всѣхъ средневѣковыхъ періодовъ рукописныя копіи классическихъ авторовъ, что несомнѣнно доказываетъ, насколько интересовались этой литературой.

Однако же въ общемъ преобладали моменты, враждебные изученію древности; ни христіанская вѣра, ни церковь не могли съ ней долго примириться. Въ постоянной борьбѣ съ языческимъ міромъ, послѣдніе сдѣлались великими, а подъ развалинами его храмовъ все-еще тлѣла, хотя и едва замѣтно, искра язычества, которое со своими свободными, сохранившимися благодаря искусству, воззрѣніями на жизнь, оставалось страшнымъ врагомъ, не смотря на то, что было уже побѣждено. При самомъ своемъ паденіи оно являлось нерѣдко соблазнительной сиреной для какого-нибудь чтимаго учителя церкви, бывшаго прежде софистомъ или риторомъ. Правда, намъ приводятъ ригоризмъ Григорія Великаго въ доказательство того, насколько въ тѣ времена языческіе писатели потеряли уже кредитъ и уваженіе къ себѣ, но одно уже то, что Григорій считалъ себя вынужденнымъ энергично возставать противъ чтенія ихъ, убѣждаетъ насъ, что обращеніе къ нимъ и ихъ обольстительная сила далеко еще не исчезли. Даже когда борьба съ остатками язычества утратила свое значеніе, когда споръ западной церкви съ восточной и борьба римскихъ епископовъ съ императорской властью всецѣло поглощали умы, когда наука, при антагонизмѣ въ средѣ церковныхъ властей, преимущественно занималась приготовленіемъ богословскаго и каноническаго оружія, даже тогда не могли безъ ужа-

са вспомнить объ этой побѣжденной силѣ, которая, какъ-бы заключенная въ аду, но еще живая, угрожала мщеніемъ. Время римлянъ и грековъ представлялось какой-то ночью, во время которой люди поклонялись нечистымъ демонамъ; послѣдніе же, съ которыми христіанская вѣра разъ навсегда покончила, находили себѣ пріютъ въ суевѣріи. Нѣтъ, пока церковь стремилась противопоставить мірскимъ стремленіямъ царство Божіе на землѣ, она никогда не могла протянуть руки примиренія древности. Она не могла допустить, чтобы умъ съ любовью погружался въ прошедшее, которое не принадлежало ей, уклоняясь въ то же время отъ царства, обѣщаннаго Христомъ въ будущемъ, отъ царства, ключи отъ котораго были только у нея одной.

И потому, пока въ церкви жилъ еще духъ очищенія и ея идеаломъ было святое господство, до тѣхъ поръ она пользовалась для своихъ цѣлей чувствомъ и фантазіей, этими могущественнѣйшими двигателями человѣческихъ дѣлъ; она держала мысль въ повиновеніи и оковахъ подвластной ей схоластики, она готова была скорѣе подавить стремленіе къ прекрасному, нежели допустить, чтобы оно нашло себѣ пищу у классическихъ народовъ. Это не простая случайность, что свѣтъ язычества засіялъ снова тогда, когда померкло солнце католической церкви, такъ долго его затмѣвавшее.

Если не искать въ этомъ болѣе глубокаго основанія, то тогда намъ будетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ занятія отдѣльныхъ личностей классической литературой,—примѣры чего нерѣдки въ средніе вѣка,—оставались безплодными для образованія вообще.

Древность заключаетъ въ себѣ собственный, обособленный міръ, и только тому, кто смотритъ на нее съ такой точки зрѣнія и безъ предразсудковъ, она представляетъ образовательный матеріалъ. Никакая отрасль науки не можетъ дѣлать успѣхи до тѣхъ поръ, пока она принуждена оставаться слугою для другой.

Безъ всякаго сомнѣнія, сохраненіемъ классической литературы, насколько она дошла до насъ, мы обязаны преимущественно монастырской братіи. Цѣлыя столѣтія сохраняли они и оберегали сокровище, полученное ими отъ своихъ предшественниковъ, и увеличивали его множествомъ копій. Но это никогда не было ихъ призваніемъ, они не посвящали этой работѣ ни ума, ни сердца. Списываніе книгъ было ничѣмъ инымъ, какъ изнурительной работой, отчасти требуемой правилами ордена для того, чтобы или мирнымъ занятіемъ смягчить грубые нравы, или наполнить досугъ болѣе слабыхъ братій, или чтобы доставить монастырю доходъ, отчасти лишь дозволенный, но нерѣдко также и совсѣмъ запрещенный. А если въ знаменитыхъ монастыряхъ бенедиктинцевъ въ Монте-Кассино, Клюни, С. Галле-

нѣ или въ Фульдѣ вмѣстѣ съ богословскими книгами, молитвенниками и служебниками списывались и классическія сочиненія, то дѣлалось это или по приказанію игумена, или просто по желанію самого брата. Но дѣло всегда ограничивалось мертвой буквой. Часто случалось также, что знатный настоятель монастыря разъѣзжалъ по полямъ съ соколомъ на рукѣ, или уѣзжалъ на турниры и придворные праздники, или смотрѣлъ на шутовъ во время веселой пирушки; братія бродила безъ дѣла и оживляла виномъ безцѣльную болтовню, а книги покрывались толстымъ слоемъ пыли и гнили, лежа въ самыхъ темныхъ и сырыхъ кельяхъ, за исключеніемъ развѣ только требниковъ, которые приносили доходы и выгоды монастырю, молитвенниковъ и астрономическихъ и терапевтическихъ книгъ. Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ продолженіе столѣтій для насъ навсегда потеряно столько же классическихъ писателей, сколько и спасено ихъ; они должны были пользоваться гостепріимствомъ, такъ какъ никогда не имѣли правъ гражданства.

Содержаніе классическихъ книгъ жило въ умахъ такимъ же образомъ, какимъ онѣ существовали въ монастыряхъ. Пока образованіе вообще и обученіе въ частности находилось исключительно въ рукахъ духовенства, до тѣхъ поръ античная литература не пользовалась особеннымъ уваженіемъ. Вотъ почему кажущееся развитіе ея во времена Каролинговъ и затѣмъ отголосокъ этого развитія во времена Оттоновъ оставались внѣ всякаго вліянія на жизнь, подобно тому, какъ и сношенія съ Византіею, этимъ архивомъ эллинизма, приносившія съ собой на западъ быстро измѣнившіяся моды, а также нерѣдко изумительныя усилія частныхъ лицъ. Не доставало интенсивности въ стремленіяхъ и совмѣстной дѣятельности стремящихся. Понятія большинства не шли дальше того, что считали латинскій языкъ слугой церкви. Его изучали по Донату и Присціану, читали отдѣльныя сочиненія Цицерона или какого-нибудь поэта для того только, чтобы подъискивать примѣры для правилъ грамматики. Едва ли можно себѣ представить болѣе жалкое прозябаніе римскихъ авторовъ, когда они служили только подготовкой клириковъ, или безсодержательнымъ второстепеннымъ занятіемъ. Но не лучше имъ было, когда они изъ монастыря переселялись въ монастырскія, а потомъ и высшія школы, гдѣ они также служатъ великимъ наукамъ факультета, и даже у самыхъ выдающихся умовъ, какъ Абеляра и Іоаннъ фонъ-Салисбёри, они не достигали самостоятельной жизни. Замѣтки изъ древности служили только къ пополненію пробѣловъ въ какой-нибудь богословской или философской системѣ, подобно тому, какъ если бы мраморныя колонны старинныхъ храмовъ и дворцовъ безстыдно употребляемы были на простыя частныя постройки.

Мы не будемъ повторять старую пѣсню объ отсутствіи мнѣній, критики и вкуса въ средніе вѣка; съ какимъ бы безсмысліемъ она иногда ни выражалась, все-же остается неоспоримымъ, что въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій умственныя и эстетическія сокровища древности оставались какъ бы скрытыми отъ насъ. Мы здѣсь хотимъ выставить только нѣкоторыя явленія, на которыя не было обращено большаго вниманія, такъ какъ на нихъ лучше всего видно уничтожающее вліяніе церковной диктатуры.

Господствующая церковь не терпитъ индивидуализма, все должно сдѣлаться покорнымъ членомъ ея системы и подчиняться установленнымъ ею законамъ; она не признаетъ отдѣльнаго, обособленнаго умственнаго достоянія и въ этомъ же смыслѣ она поступала и съ классической литературой. Вотъ почему произведенія послѣдней по произволу сокращались, добавлялись, искажались и христіанизировались и, безъ всякаго намѣренія совершить подлогъ, злоупотребляли знаменитѣйшими именами писателей для новѣйшихъ произведеній. Извѣстно, какъ имя Доната сдѣлалось коллективнымъ понятіемъ для каждой грамматики, а имя Сервія — для каждаго комментарія къ Виргилію. Сила, которая возставала противъ такихъ стремленій, это — критика; съ ней каждый, полагаясь на собственныя силы, борется противъ стѣсняющаго авторитета. Затѣмъ сама церковь имѣла въ своемъ основаніи множество различныхъ авторитетовъ, и назначеніе церковной науки состояло въ сглаживаніи ихъ противорѣчія, созданіи системъ преподаванія, согласно съ извѣстными тенденціями; чтобы не подорвать ни одного изъ этихъ авторитетовъ, она относилась ко всѣмъ имъ съ одинаковымъ уваженіемъ. Такой же участи подверглись и классики. Философская мораль Аристотеля не должна была противорѣчить церковной, сочиненія Цицерона, Сенеки и Боэція ставились безъ различія на-ряду одно съ другимъ; Флоръ, Евтропій, Валерій Максимъ цѣнились одинаково съ Саллюстіемъ и Ливіемъ; на-ряду съ Виргиліемъ, Стаціемъ, Луканомъ, Ювеналомъ и Персіемъ стояли стихотворенія Марбода, Алана и Іоанна фонъ Салисбёри. Различіе между этими авторитетами требовало одинаково какъ силы критики, такъ, если только не больше, воспитаннаго чувства благородныхъ формъ и глубокаго содержанія; но вкусъ, котораго не терпѣла церковь, опять-таки составлялъ принадлежность отдѣльной личности, индивидуальности.

Чтобы расширить поле дѣятельности этой индивидуальной силы, новая наука, получившая наслѣдство классическихъ народовъ, должна была оставить монастырь, умственную дрессировку и университеты, находящіеся подъ гнетомъ духовенства. Ея ученики должны были сбросить съ себя монашескія рясы и

ризы и подобно сынамъ древняго Рима облечься въ тунику и тогу. Въ общество должно было войти новое сословіе, съ новымъ самостоятельнымъ образованіемъ, сословіе, то стоящее на сторонѣ церкви, то относящееся къ ней враждебно, но всегда вполнѣ отдѣленное отъ нея.

Кто хочетъ прослѣдить развитіе новѣйшей Италіи, въ какомъ бы ни было отношеніи, тотъ не можетъ оставить безъ вниманія Данта Аллигіери. Мы, конечно, не можемъ причислить его къ возстановителямъ классической древности. Его величіе заключается въ томъ, что онъ превосходно соединялъ въ себѣ систематическую схоластику съ провансальскимъ романтизмомъ. Его образованіе основывалось еще вполнѣ на дисциплинѣ тривіума и квадріума; путеводительными звѣздами ему служили Библія и «философъ», а затѣмъ попеременно, то Августинъ и Томасъ Аквинатъ, то Боэцій и Цицеронъ. У Данта серьезный умъ, его не прельщаютъ легкія, красивыя формы, онъ ищетъ въ глубинѣ золото мудрости и не поддается заманчивой поверхности. Въ немъ нѣтъ ни капли этой горячей крови грековъ и римскихъ писателей. Строгая логика держитъ въ границахъ его фантазію, никогда не дозволяетъ его генію необузданнаго паренія. Но несмотря на это нельзя съ точностію опредѣлить того вліянія, какое каждый великій умъ оказывалъ на развитіе человѣчества; вообще, мы уже замѣчаемъ и въ сочиненіяхъ Данта какіе-то таинственные импульсы, которые, кажется, возвращаютъ насъ къ классическому времени Рима. Онъ читалъ его лучшихъ писателей: Овидія, Виргилія, Горація и Ювенала, и если онъ и цѣнитъ въ нихъ лишь ихъ мудрыя, жизненныя правила, а не благозвучіе ихъ стиховъ и изящность поэтическаго стиля, какъ позднѣйшіе гуманисты, важно однако уже и то, что онъ осмѣливается ставить слово поэтовъ на ряду съ принимаемыми авторитетами и дѣлать его ключемъ для своего искусства. Множество доказательствъ этому можно найти скорѣе въ его прозаическихъ сочиненіяхъ, чѣмъ въ его великой поэмѣ; но и въ этой послѣдней достойно вниманія, какъ часто онъ искусно переплетаетъ языческія и христіанскія идеи, древнюю и новѣйшую исторію, греческіе миѳы и церковныя воззрѣнія. Онъ вводилъ древность въ этрусскую поэзію, хотя и отдѣльными замѣтками и разсѣянно; подобно его учителю и другу Брунетто Латини, онъ впервые переводилъ римскихъ писателей Овидія и Боэція на народный языкъ. Такими писателями, какъ наприм. Ливій, Дантъ сильно увлекался: здѣсь передъ нимъ раскрывалось понятіе о той патріотической доблести, при свѣтѣ которой блистали дѣянія древняго Рима; объ этомъ свидѣтельствуетъ вторая книга его сочиненія *„о монархіи“*.

Дантъ хорошо понималъ, что латинскій языкъ по силѣ и красотѣ превосходитъ народный, который еще не успѣлъ выработаться, и онъ началъ свою «Божественную Комедію» латинскимъ гекзаметромъ: «Ultima regna canam» и т. д. И если онъ, несмотря на это, впослѣдствіи обратился къ привилегированному нарѣчію, то едвали причина этому заключалась въ той гордой мысли, которую нѣкогда высказалъ поэтъ: онъ видитъ, какъ великіе поэты древности были непоняты и не оцѣнены своими современниками, и потому онъ, откладывая въ сторону классическую лиру, приготовляетъ другую, которая болѣе подходитъ новѣйшимъ людямъ, ибо грудному младенцу безплодно давать твердую пищу. Напротивъ, его несомнѣнно побудила къ этому другая хотя не менѣе гордая мысль: онъ имѣлъ въ виду возвеличить презрѣнный народный языкъ, дѣлая его выразителемъ своихъ высокихъ мыслей. Когда Джіованни ди Виргиліо совѣтовалъ ему не бросать передъ чернью своихъ благородныхъ твореній, не метать жемчуга передъ свиньями и не облачать музъ въ недостойное ихъ одѣяніе, Дантъ въ своей первой идилліи, шутя отклонилъ подобный совѣтъ. Въ концѣ своей жизни, въ своемъ разсужденіи «de vulgari eloquio» онъ и теоретически на варварскомъ латинскомъ языкѣ отпраздновалъ тріумфъ народнаго языка. И однако же обѣ его латинскія идилліи именно потому такъ и замѣчательны, что въ нихъ снова выступаетъ изящество древнихъ, а Виргилій взятъ образцомъ относительно формы. Даже примѣненіе народнаго языка къ «Божественной Комедіи» привело къ одному послѣдствію, которое, конечно, не имѣлъ въ виду самъ авторъ, но которое, тѣмъ не менѣе, много подготовило приближеніе новыхъ временъ; благодаря этому языку, стихотвореніе сдѣлалось чуждымъ церковной средѣ и перешло къ той части его націи, которая призвана была стать во главѣ гуманическаго направленія.

Но выше всего этого мы ставимъ личность Данта; этотъ великій міряninъ прошелъ жизнь одиноко и съ гордой самостоятельностію. Величіе мыслителя и поэта, которое его современники видѣли на его челѣ и въ чертахъ его лица, не было ни святымъ сіяніемъ, ни достоинствомъ, которое могутъ дать свѣтскіе и церковные князья, это было величіе человѣка, расчитывающаго только на самого себя.

(Voigt, 1—11).

3. Развитіе гуманизма въ началѣ XV вѣка.—Литературныя открытія.—Монастырскія библіотеки.—Боккачіо на Монте-Кассино.—Путешествія Поджіо съ цѣлью литературныхъ открытій.—Онъ находитъ въ С.-Галленѣ «Институціи» Квинтиліана. — Дальнѣйшія находки. — Бартоломео да-Монте-Пульчіано. — Поджіо находитъ 8 рѣчей Цицерона.—Ложные слухи о недостающихъ декадахъ Ливія.— Находка сочиненій Плавта. — Открытіе сочиненій Цицерона. — Греческія книги изъ Византіи. — Чиріако де-Пиццикол.

Въ XV вѣкѣ въ Италіи начинается такая кипучая литературная дѣятельность, какая въ наше время едва замѣтна развѣ въ сферѣ промышленности. Сигналъ, данный Петраркой, находитъ сотни тысячъ отголосковъ. Повсюду, даже въ чужихъ краяхъ, разыскиваютъ древнія рукописи, сравниваютъ и исправляютъ ихъ, списываютъ и пускаютъ ихъ въ обращеніе. Скромный ученый болѣе уже не работаетъ въ тиши своей уединенной кельи, съ своими открытіями и произведеніями онъ немедленно выступаетъ на публичный литературный рынокъ. Вездѣ открываются каѳедры, которыя ставятъ своей цѣлью освѣщеніе древности и ея обоихъ классическихъ языковъ. Въ республикахъ и при дворахъ первое мѣсто занимаютъ гуманисты, находя для себя здѣсь поощреніе въ видѣ опредѣленнаго оклада. Это самые прославляемые герои вѣка. Они живутъ между собою въ сообществѣ, имѣющемъ множество развѣтвленій, въ ученой республикѣ, доступъ въ которую открываютъ только талантъ и прилежаніе. Возникаетъ новое сословіе, далекое отъ какой-либо кастической замкнутости, стоящее свободно и независимо и въ то же время почитаемое знатными міра. Весь кругозоръ мышленія и творчества этихъ людей концентрируется вокругъ древности: ея литературныя произведенія, ея медали, ея статуи и драгоцѣнности, все это собирается и почитается, какъ святыня, ея дворцы, храмы, цирки и раскопки начинаютъ говорить и оживать.

Какъ только пробудилось воодушевленіе и положенъ былъ первый фундаментъ, тотчасъ же явилось желаніе, какъ у Петрарки, спасти изъ остатковъ древности то, что еще можно было спасти. Всюду раздавались голоса о плѣсени, которую наложило время на ея памятники и которая наконецъ-то должна быть счищена. Книги, хранившіяся въ монастыряхъ и даже внѣ Италіи, казалось, обречены были варварствомъ своихъ хранителей на безвозвратную погибель; ихъ нужно было или похитить, или списать. Если одна забота и энергія не избавляли еще искателя отъ опасности, то въ цѣломъ имъ все-же руководилъ вѣрный инстинктъ: уже опытъ, что множество неоцѣнимыхъ произведеній римской литературы потеряно, могъ научить, что нужно было производить свои изысканія поспѣшно и осторожно. Боккачіо разсказываетъ, съ чѣмъ ему пришлось встрѣтиться у бене-

диктинцевъ въ Монте-Кассино. Желая видѣть ихъ древнюю библіотеку, онъ просилъ одного изъ монаховъ показать ему ее. Послѣдній сухо указалъ на крутую лѣстницу: «взойди сюда, она открыта». Когда Боккачіо открылъ нѣкоторыя изъ рукописей, то нашелъ, что тамъ обрѣзаны края, здѣсь не достаетъ цѣлыхъ страницъ и вездѣ попорчены. Невольно плача, онъ сходитъ съ лѣстницы и спрашиваетъ монаха, который попадается ему навстрѣчу, почему такъ безсовѣстно обращаются съ такими драгоцѣнностями. Двое изъ братьіи, отвѣчалъ тотъ, чтобы получить отъ двухъ до пяти солидовъ, должны были употребить изорванный и обрѣзанный пергаментъ на обертку псалтырей и папскихъ граматъ, которыя продавались дѣтямъ и женщинамъ.—Если это происходило въ разсадникѣ учености, то что же можно было ожидать отъ другихъ монастырей?

Тѣ же молодые люди и юноши, которые во Флоренціи слушали Джіованни да-Равенна и Хризолораса, съ неутомимой энергіей продолжали дѣло изысканій и наслаждались торжествомъ находокъ. Сокровища, скрытыя въ Италіи, вскорѣ были выдвинуты на свѣтъ. Для изслѣдованія другихъ странъ составилъ эпоху костанцскій соборъ, какъ и вообще вліяніе обоихъ великихъ соборовъ на сближеніе націй между собою весьма высоко цѣнилось. Нерѣдко даже легаты и нунціи куріи, настоятели монастырей являлись въ то же время литературными развѣдчиками. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ кардиналы Бранда и Цезарини, обладали достаточнымъ образованіемъ для того, чтобы заниматься изслѣдованіемъ произведеній древности, находившихся въ монастырскихъ библіотекахъ Германіи; другіе причисляли къ своему духовному семейству гуманистическихъ секретарей. Около времени Базельскаго собора легаты Цезарини и Альбергатти занимаются книжнымъ дѣломъ наряду съ политическимъ и церковнымъ.

Въ этой области особенно замѣчательна дѣятельность *Поджіо Браччіолини*. Онъ явился въ Костанцъ въ качествѣ папскаго секретаря, но онъ внутренно смѣялся, когда ученые прелаты и доктора предавались длиннымъ и безконечнымъ спорамъ о расколѣ и гусситской ереси. Ихъ рѣчи для него отзывались рутиною и безсмысліемъ. Такимъ образомъ, совершенно предоставивъ имъ «книги въ руки» въ этихъ спорахъ, самъ онъ продолжалъ заниматься своей литературной миссіей, ободряемый письмами своихъ венеціанскихъ и флорентійскихъ друзей, нисколько не заботясь о церкви и о своемъ апостольскомъ секретарствѣ. Вліяніе нѣкоторыхъ церковныхъ сановниковъ, между которыми особенно выдавался кардиналъ Забарелла, открыло ему доступъ въ библіотеки ближайшихъ монастырей. Суровая зима и снѣгъ на улицахъ не удерживали его. Первая экскурсія по окрестностямъ

привела его въ виноградники бенедиктинскаго аббатства, откуда нѣкоторыя драгоцѣнныя рукописи, во время собора, отданы были въ пользованіе ученыхъ отцевъ и не возвращались болѣе. Блестящую награду за свои труды онъ нашелъ прежде всего въ С.-Галленѣ. Въ какомъ положеніи онъ нашелъ здѣсь богатую и еще до сихъ поръ славящуюся библіотеку, онъ съумѣлъ изобразить это не безъ картинности. *Книги*, разсказываетъ онъ, *лежали въ темной башенной кладовой, недоступной даже для самаго опытнаго и ловкаго вора, — среди сора и пыли мертвая тишина. Никто не заботился о драгоцѣнныхъ памятникахъ, которые здѣсь сохранялись скрытыми во мракѣ.* Поэтому Поджіо рѣдко упоминаетъ о нѣмцахъ, не клеймя ихъ варварами, а ихъ монастырскія библіотеки — тюрьмами, и въ этомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, онъ считалъ добрымъ дѣломъ—увезти нѣкоторыхъ изъ благородныхъ плѣнниковъ, гдѣ только это было возможно, передавъ ихъ своему отечеству по ту сторону Альпъ.

Его открытія оправдываютъ на дѣлѣ тотъ торжественный тонъ, какимъ онъ возвѣстилъ о нихъ. Прежде всего онъ нашелъ *«Институціи» Квинтиліана*, хотя и не въ полномъ составѣ, какъ онъ въ порывѣ первой радости объявилъ Италіи и даже нѣсколько позже утверждалъ. До тѣхъ поръ этотъ писатель извѣстенъ былъ лишь въ самомъ отрывочномъ видѣ. Петрарка въ 1350 г. отыскалъ во Флоренціи экземпляръ, признанный дурнымъ и подложнымъ, который лишь способствовалъ къ оцѣнкѣ этого учителя римскаго краснорѣчія, а не къ изученію его. Тогда Салютато обманутъ былъ извѣстіемъ, что въ полномъ видѣ сочиненія Квинтиліана можно ожидать изъ Франціи. Желаніе было сильно возбуждено, но тѣмъ печальнѣе являлось разочарованіе. *Ліонардо Бруни* во Флоренціи мучился надъ отрывками, отысканными Петраркой, въ Миланѣ. *Гаспарино де-Барцицца* предпринялъ безплодную работу—дополнить недостающее изъ собственной головы. Въ это-то время пришелъ во Флоренцію экземпляръ, списанный красивымъ почеркомъ Поджіо въ теченіе 32-хъ дней, изъ котораго Бруни, по сравненіи его съ имѣвшимся экземпляромъ, могъ установить чтеніе Квинтиліана.

Посыпался цѣлый рядъ сочиненій, которыя до тѣхъ поръ не были еще извѣстны Италіи и даже имена которыхъ, можетъ быть, пропали бы безъ вѣсти, если бы на зовъ Поджіо они не вышли изъ своей пыльной и заплѣсневѣвшей могилы, чтобы снова возвратиться въ ту страну, языкъ которой они собой прославляли. Только теперь усердіе монаховъ IX вѣка становилось плодотворнымъ для міра. Еще въ С. Галленѣ Поджіо списалъ *«Argonautica» Валерія Флакка*, хотя только три первыхъ книги и половину четвертой, затѣмъ — комментаріи грамматика *Асконія*

Педіана на 8 рѣчей Цицерона. Изъ нѣмецкихъ и французскихъ монастырей снова вышли на свѣтъ древніе поэты, *Лукрецій Каръ*, поэтъ — повѣствователь «о природѣ вещей», хотя также въ отрывкахъ, *Силій Италикъ*, воспѣватель пуническихъ войнъ, *Манилій*, учившій о вліяніи звѣздъ на судьбы людей. Сочиненія *Витрувія* объ архитектурѣ и *Колумеллы* — о сельскомъ хозяйствѣ обогатили знакомство съ древностью. Нѣсколько позже книгу *Фронтина* «о римскихъ водопроводахъ» открылъ Поджіо также въ Монте-Кассино, гдѣ онъ сдѣлался другомъ аббата послѣдняго. Часть исторіи царей была освѣщена *Аммiаномъ Марцеллиномъ*, произведеніе котораго Поджіо нашелъ въ томъ же неполномъ видѣ, въ какомъ мы и до сихъ поръ его знаемъ. Николи тотчасъ же списалъ какъ эту, такъ и книги Лукреція и Колумеллы; его копіи до сихъ поръ сохраняются въ Лаврентіаніи. Къ Квинтиліану присоединились позднѣйшія грамматическія сочиненія Нонія Марцелла, Присціана изъ Цезареи, Флавія Капера, Евтихія, Проба.

Въ своихъ путешествіяхъ съ цѣлью изысканій, предпринятыхъ имъ изъ Костанца, Поджіо имѣлъ соперника, заслуги котораго въ то время совершенно оставались неизвѣстными. Это былъ Бартоломео де-Монтепульчіано, человѣкъ весьма недюжиннаго таланта, считавшій себя философомъ потому, что усвоилъ нѣсколько древнихъ изрѣченій о дружбѣ и о высшемъ благѣ, затѣмъ потому, что нѣкогда посѣщалъ школу Хризолора и, въ бытность свою въ Костанцѣ, вращался въ обществѣ его ученика, *Ченчи де-Рустичи*, и, наконецъ, главнымъ членомъ литературнаго міра потому, что ему удавалось вести переписку съ такими людьми, какъ *Гварино*, *Барбаро* и *Траверсари*. *Леонардо Бруни* считалъ этого Бартоломео вполнѣ необразованнымъ человѣкомъ и насмѣхался надъ его причудами,—поставить себѣ мраморную статую, чтобы могила не привела въ забвеніе имени поэта. Подобное же пустое и смѣшное тщеславіе сказывается въ одномъ изъ писемъ, которое дошло до насъ и сохранилось не потому, что оно написано имъ, а потому, что адресовано къ знаменитому человѣку. Бартоломео также объѣзжалъ швабскіе монастыри и, конечно, изъ зависти къ успѣхамъ Поджіо. Ему мы обязаны сочиненіемъ Вегеція о веденіи войны и грамматическими отрывками Помпея Феста, но, вѣроятно, также Силія и Лукреція, хотя Поджіо приписывалъ себѣ знаніе всѣхъ этихъ авторовъ, оставляя тѣмъ лучшую часть славы на долю своихъ товарищей.

Въ монастырѣ Клуніацензовъ въ Лангрѣ, въ руки Поджіо попалась впервые рѣчь Цицерона, которой еще не было въ Италіи, именно за Цецину. Впослѣдствіи онъ отыскалъ еще 7 другихъ рѣчей Цицерона въ различныхъ мѣстахъ. Если вспом-

нить о томъ уваженіи, которымъ пользовалось имя Цицерона со временъ Петрарки, то будетъ понятенъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ кружокъ флорентинскихъ ученыхъ привѣтствовали копіи, присланныя Поджіо, и унесенныя рукописи. Съ какимъ рвеніемъ здѣсь занимались копировкой и собираніемъ ихъ, видно изъ собранія писемъ *Амброджіо Траверсари.* Вскорѣ нужно было оказывать денежную поддержку всякому, путешествующему съ цѣлью литературныхъ изысканій, такъ какъ зачастую пріобрѣтенія можно было сдѣлать лишь путемъ подкупа и извѣстной суммы денегъ. Такъ Поджіо договорился однажды съ монахомъ, нуждавшимся въ деньгахъ, чтобы послѣдній, взявши изъ своего монастыря Аммiана Марцеллина, Ливія и томъ Цицероновскихъ рѣчей, довезъ эти книги до Нюренберга, откуда онъ самъ уже позаботится о нихъ, предварительно вознаградивъ похитителя. Если теперь не было подъ рукой Казимо де-Медичи, и флорентинскіе друзья, сами нуждавшіеся, не могли помочь, Поджіо имѣлъ въ Венеціи двухъ меценатовъ, Ліонардо Джустиніани и Франческо Барбаро. Послѣдній иногда самъ побуждалъ его къ новымъ изысканіямъ и изслѣдованіямъ, «Ты, кажется, рожденъ для того, чтобы еще отыскать сочиненіе Цицерона «о государствѣ», римскія древности Варрона и Катона, римскую исторію Саллюстія и потерянныя десятикнижія Ливія». Подобнымъ же образомъ побуждалъ его и Ліонардо Бруни: «По истинѣ, ты достигнешь славы, если не пожалѣешь своихъ трудовъ и энергіи на то, чтобы подарить нашъ вѣкъ открытіемъ уже затерянныхъ и схороненныхъ твореній этихъ славныхъ людей». Какъ Камилла считаютъ вторымъ основателемъ Рима, такъ его можно назвать вторымъ авторомъ упомянутыхъ произведеній.

Поджіо переносилъ свою судьбу на нѣкоторое время въ Англію, но здѣсь его розыски были напрасны и для него не составляло никакой охоты отыскивать вмѣсто классиковъ хронику Зигберта Гемблура, дѣлая изъ нея замѣтки для себя. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не покидалъ Италіи. Еще въ глубокой старости онъ съ гордостью взиралъ на коллекцію авторовъ, которыхъ онъ «снова возвратилъ латинскому міру». Однажды онъ узналъ отъ одного изъ своихъ португальскихъ друзей, Веласкеца, что въ Бенедиктинскомъ монастырѣ въ Алькобасѣ есть нѣсколько классическихъ сочиненій, между прочимъ, полный экземпляръ А. Геллія «*Аттическія ночи*». Тотчасъ же онъ обратился къ португальскому епископу съ просьбой дозволить ему изслѣдовать и составить списки всѣмъ, такъ называемымъ языческимъ книгамъ. Какъ на особенно желательныя, онъ указалъ ему на потерянныя сочиненія Цицерона и Ливія. Въ благодарность за это, онъ обѣщалъ епископу быть провозвѣстникомъ его славы. Послѣдній же, кажется, мало придавалъ значенія подобной славѣ. Въ дру-

гой разъ Поджіо былъ обнадеженъ однимъ нѣмецкимъ монахомъ, Николаемъ Трирскимъ, что потерянныя части исторіи Тацита можно извлечь изъ пыли и забвенія. Тотъ же нѣмецъ опредѣленно указалъ на историческое сочиненіе Плинія, гдѣ будто бы разсказывалась война римлянъ противъ нѣмцевъ, и на сочиненіе Цицерона о государствѣ. Но во всѣхъ этихъ ожиданіяхъ Поджіо былъ разочарованъ. Поэтому-то онъ и не хотѣлъ вѣрить въ Тацита и слѣдилъ за извѣстіемъ о его открытіи совершенно хладнокровно. Послѣднее какъ будто не имѣло никакого важнаго значенія: при папѣ Львѣ X манускриптъ, содержавшій въ себѣ пять книгъ его исторіи, которыя считались потерянными безвозвратно, дѣйствительно были найдены въ Германіи и перенесены въ Лаврентіану.

Также Поджіо еще питалъ надежду на открытіе недостающаго десятикнижія Ливія и на этотъ разъ на далекомъ сѣверѣ. При куріи Мартина V находился одинъ датчанинъ, по имени Николай, который, въ присутствіи Поджіо, кардинала Джіордано дельи Орсини и другихъ, увѣрялъ, что онъ видѣлъ въ Цистерзіанскомъ монастырѣ Сороё при Рескильдѣ два или три большихъ тома, въ которыхъ, судя по заголовку на одномъ изъ нихъ, всѣ десять десятикнижій, и что онъ даже нѣкоторыя изъ нихъ прочелъ; шрифтъ рукописи должно быть лонгобардскій, хотя и перемѣшанный съ готскимъ. Датчанинъ хотя и казался пустымъ болтуномъ, однако представлялся такъ хорошо образованнымъ, что ему, конечно, можно было повѣрить, что онъ понималъ толкъ въ этихъ вещахъ, и не было основанія подозрѣвать въ его словахъ безстыдную ложь. Кардиналъ Орсини, по совѣту Поджіо, немедленно отправилъ вѣстника въ приморскую страну, послѣдній обратился также къ Никколи и, побуждаемый имъ, Козимо де Медичи съ своей стороны снарядилъ агента, который тотчасъ же долженъ былъ отправиться на мѣсто и произвести тамъ изысканіе. Однако же, въ указанномъ монастырѣ не нашли ни одной книги съ упомянутымъ содержаніемъ, хотя спустя нѣкоторое время и другой свидѣтель, путешественникъ, подтверждалъ слова Николая. Этотъ назвалъ другой монастырь на сѣверѣ и сюда также по настоянію Поджіо отправились, но все-же напрасно.

Мы понимаемъ, конечно, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ высокіе покровители, отпускавшіе деньги на изысканія, сдѣлались равнодушнѣе и неподатливѣе, и при этомъ все-же считаемъ естественными жалобы Поджіо на князей и епископовъ, которые только склонны къ деньгамъ и комфорту, которые охотнѣе проводятъ время въ войнахъ и увлеченіяхъ, чѣмъ въ заботахъ объ освобожденіи изъ мрака варваровъ тѣхъ авторовъ, *„благодаря мудрости которыхъ и учености можно достигнуть*

истиннаго счастія и благополучной жизни". Ему казалось, что весь міръ долженъ былъ благоговѣть и удивляться его открытіямъ, а между тѣмъ ему приходилось встрѣчать холодность и малодушные взоры, совсѣмъ не достойные открывателя новаго свѣта.

Отъ того же Николая Трирскаго, слывшаго въ куріи за лихоимца, Поджіо и его другъ Никколи получили извѣстіе, что въ нѣмецкой рукописи, кромѣ 8 уже извѣстныхъ комедій Плавта, находятся еще 12 другихъ. Этотъ Николай въ концѣ 1429 г. отправился въ Римъ, принесъ съ собой драгоцѣнную рукопись и передалъ ее кардиналу Джіордано Орсини. Здѣсь мы видимъ, какъ такая маленькая находка произвела тотчасъ же небольшую революцію, какъ все кинулось добывать себѣ копію. Камалдулъ Траверсари прежде всѣхъ подалъ свою просьбу и не получилъ отвѣта. Того же самаго добивались у кардинала герцогъ Филиппо-Марія Миланскій, маркграфъ Ліонелло д'Эсте и Лоренцо де Медичи. Перваго изъ нихъ побуждалъ, вѣроятно, Гаспарино да Барцицца, маркграфа — Гварино, но Медичи — Никколи, Поджіо и Траверсари. Однако же кардиналъ затруднялся выпустить изъ рукъ рѣдкое сокровище. Только когда самъ Лоренцо Медичи явился въ Римъ засвидѣтельствовать новому папѣ, Евгенію IV, почтеніе отъ имени республики, ему удалось, съ помощью хитрости, выманить рукопись у кардинала и привести во Флоренцію, гдѣ Траверсари и Никколи тотчасъ же собственноручно сняли съ нея копіи. Послѣднему особенно не хотѣлось возвращать прекрасный манускриптъ назадъ въ Римъ.

Мы выше указали тѣ изъ сочиненій Цицерона, которыя никогда въ теченіе среднихъ вѣковъ не приходили совсѣмъ въ забвеніе. Петрарка нашелъ еще письма и часть рѣчей, собраніе которыхъ было значительно пополнено Поджіо. Какія перемѣны, только благодаря этимъ письмамъ и рѣчамъ, испытала литература, свидѣтельствуютъ не только безчисленныя подражанія имъ, но и самый терминъ «Цицероніанизмъ», сдѣлавшійся лозунгомъ гуманистовъ и наиболѣе нравившійся для обозначенія лучшаго эпистолярнаго и риторическаго изложенія. Всякая счастливая случайность, открывавшая какое-либо еще неизвѣстное сочиненіе Цицерона, привѣтствовалась, какъ новое евангеліе. Ліонардо Бруни пришелъ въ неописанную радость, когда, во время его пребыванія въ Пистоѣ (около 1409, г.), найденъ былъ древній сборникъ Цицероновскихъ писемъ. Если послѣдній и не содержалъ всѣхъ писемъ, которыя уже были извѣстны, все-же онъ могъ пригодиться для сравненія и исправленія текста. Въ то же время, отыскивая подтвержденія извѣстныхъ привилегій въ долго закупоренномъ ящикѣ, стоявшемъ въ монастырѣ Лоди, найденъ былъ Герардо Ландріани, епископомъ города, очень древній сбор-

никъ Цицероновскихъ сочиненій, состоявшій изъ нѣсколькихъ частей. Въ немъ заключались, кромѣ извѣстныхъ риторическихъ сочиненій (именно Libri quatuor Rhetoricum ad C. Herennium, которыя тогда еще приписывали Цицерону, и Rhetorica sive de inventione rhetorica Libri duo), еще три полныхъ книги «Объ ораторѣ», «Брутъ, или о знаменитыхъ ораторахъ» и «Ораторъ», произведеніе, посвященное Бруту. Лишь изъ сочиненія «Объ ораторѣ» тогда извѣстны были искаженные отрывки, надъ которыми опять же, какъ и надъ «Институціями» Квинтиліана, Гаспарино упражнялъ свое искусство дополнителя. Теперь же Лодесскій сборникъ съ своей древнѣйшей рукописью оставался книгою съ семью печатями, передъ которой ломбардскіе ученые приходили только въ безмолвное изумленіе, пока, наконецъ, не нашелся искусный дипломатъ, Козьма изъ Кремоны, который разобралъ книги «Объ ораторѣ», и затѣмъ во множествѣ копій распустилъ ихъ по истинѣ тріумфальнымъ шествіемъ по всей Италіи. Гаспарино былъ вознагражденъ, получивъ первую копію. Молодой Флавіо Біондо изъ Форли, прибывшій въ Миланъ по дѣламъ своего роднаго города, списалъ «Брута» «съ удивительнымъ жаромъ и быстротой», какъ онъ самъ говорилъ; прежде всего онъ послалъ его Гварино изъ Вероны, затѣмъ въ Венецію къ Леонарду Джустиніани, и вскорѣ экземпляры этого сочиненія также распространились по всей Италіи.

Едва ли можно считать преувеличеніемъ, сказавъ, что этотъ Біондо распространеніемъ упомянутаго сочиненія Цицерона, «этого разсадника велерѣчія», открылъ новую литературную эру. Съ ея наступленіемъ сдѣланы были великія открытія, по крайней мѣрѣ для этого столѣтія, въ области римской литературы. То, что послѣ было найдено, является лишь незначительнымъ дополненіемъ. Теперь уже можно было приступить къ усвоенію, распространенію и переработкѣ накопившагося матеріала.

Въ добавокъ, ко всему этому возвратились тѣ итальянцы, которые отправлялись въ Византію, чтобы изъ самаго источника почерпнуть греческую мудрость и пріобрѣсти греческія рукописи. Они принесли съ собой богатыя сокровища. Гварино потерялъ часть своего греческаго сборника на морѣ; впослѣдствіи разсказывали, что онъ посѣдѣлъ съ горя. Но Ауриспа, пристававшій въ 1423 г. къ Венеціи, привезъ съ собой коллекцію, состоявшую изъ 238 рукописей, заключавшихъ въ себѣ однихъ только древнихъ авторовъ, такъ какъ о послѣднихъ греки мало заботились, жалуясь въ то же время своему императору на всякій вывозъ «священныхъ книгъ». Въ числѣ первыхъ же были напр. всѣ сочиненія Платона и Ксенофонта, Арріана, Діона Кассія, Діодора, Страбона, Лукіана. Точно также Франческо Филельфо, возвратившись въ 1427 г., привезъ съ собой въ Венецію множество

ящиковъ, наполненныхъ книгами. Знаніе же греческаго языка, насколько оно нужно было для чтенія классиковъ, оставалось все-же еще собственностью лишь немногихъ счастливцевъ. Но переводы вскорѣ доставили новый матеріалъ для изученія латинскаго міра, и древность все яснѣе и ярче выступала изъ подобной темной завѣсы.

Какъ книги, такъ и развалины, статуи, надписи, медали и монеты древняго времени пріобрѣли теперь снова значеніе. Недвижимыя древности стояли, какъ-бы освященныя, подъ покровомъ національнаго чувства, движимыя же мало по малу соединялись въ кабинетахъ и галереяхъ. И здѣсь даже энергія при добываніи и собираніи предшествовала пониманію, и какъ Поджіо явился духомъ, разрывавшимъ пыльныя библіотеки, такъ древніе памятники имѣли своего удивительнаго изслѣдователя, въ лицѣ *Чиріако де Пиццаколли* изъ Анконы. Безпредѣльная жажда знаній, неутомимое изслѣдованіе, торжество при нахожденіи, тщеславіе, легкомысліе, хвастливость, словомъ все, что налагало на литературную жизнь этого періода печать чуднаго блеска и недостатковъ юности, все явилось какъ бы олицетвореннымъ въ этомъ ученомъ туристѣ. Если мы представимъ себѣ гуманиста того времени при свѣтѣ мерцающей лампы читающимъ и пишущимъ съ возрастающей охотой одинъ листъ за другимъ, одну книгу за другой, торопливо переходящимъ отъ одного драгоцѣннаго пріобрѣтенія къ другому, какъ его фантазія переносится на эллинскій востокъ и оттуда по всѣмъ вмѣстилищамъ античной жизни, то тоже самое въ дѣйствительности побуждало нашего анконійца переходить отъ одного исторически-священнаго мѣста къ другому. Гдѣ находились какіе либо слѣды древности, или ихъ можно было только предполагать, тамъ и была для него обѣтованная земля. О, еслибъ его умъ былъ развитъ основательнѣе, но онъ былъ самоучка одинаково какъ въ латинскомъ, такъ и въ греческомъ языкѣ, его знанія довольно значительны, но перепутаны и перемѣшаны, подобно всей его жизни. Первоначально, казалось, онъ велъ жизнь купца и промышленника и въ то же время авантюриста, затѣмъ ученаго собирателя и опять-таки авантюриста. Путешественникъ по профессіи и находясь постоянно въ сношеніяхъ съ венеціанскими и генуэзскими торговцами, онъ всюду умѣлъ себѣ найти путь. Три или четыре раза былъ онъ въ Греціи, побывалъ въ Византіи, Мореѣ, на Родосѣ, Критѣ, Кипрѣ и островахъ архипелага; доходилъ до Бейрута и Дамаска и дважды былъ въ египетской Александріи. Но его помыслы были направлены къ стовратнымъ Ѳивамъ, къ Персіи и Индіи; тогда онъ составилъ себѣ планъ проникнуть въ Эѳіопію, къ оракулу Аммонскому и до Атласскихъ горъ. Въ его головѣ постоянно носилось землевѣдѣніе древняго и новаго вре-

мени. Даже когда онъ возвратился изъ Италіи, мы видимъ его объѣзжающимъ ее вдоль и поперегъ: то онъ во Флоренціи, Феррарѣ, Миланѣ, то онъ снова быстро появляется въ Неаполѣ и Палермо.

Не менѣе странной была и самая его дѣятельность. Въ Кипрѣ онъ пріобрѣлъ поэмы Гомера и трагедіи Эврипида; въ Италіи посѣщалъ дворы и ученыхъ и литераторствовалъ. Въ каждомъ городѣ, монастырѣ и мѣстечкѣ онъ отыскивалъ древнія постройки, развалины, статуи и рельефы. Въ Римѣ онъ указывалъ королю Сигизмунду на безжалостное обращеніе съ постройками древности. Между прочимъ, его особенною страстью было собирать монеты и медали и переписывать надписи, т. е. все такія вещи, которыя онъ обыкновенно называлъ *„печатью исторіи“*. Но онъ собиралъ и другія многочисленные антикваріи и почему либо любопытныя бездѣлушки.

Что же касается до результатовъ его изслѣдованій, то я не знаю ни одного компетентнаго приговора въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя изъ его надписей, отечествомъ которыхъ была Италія, впослѣдствіи были отысканы также другими и провѣрены, другія онъ копировалъ, не понимая; большая часть была признана новѣйшими изслѣдователями на первый взглядъ подложными и поддѣльными. Уже въ средѣ его современниковъ о немъ думали различно. Филельфо, Барбаро и Бруни, даже Поджіо вспоминали о немъ какъ объ ученомъ и энергичномъ человѣкѣ. Впрочемъ, Поджіо и впослѣдствіи, даже нѣсколько спустя послѣ его смерти, говорилъ о немъ какъ о болтливомъ хвастунѣ, а Траверсари, которому онъ вырѣзалъ на камнѣ монеты Филиппа и Александра Македонскаго, портретъ Сципіона младшаго, когда онъ разложилъ передъ нимъ всѣ подобнаго рода рѣдкости, казалось, разсматривалъ послѣднія не безъ недовѣрчивой ироніи. Герцогу Филиппо-Маріа Миланскому Чиріако предлагалъ такіе обширные планы, что тотъ выгналъ его какъ лжеца. Между тѣмъ одно время онъ умѣлъ заставить уважать себя въ глазахъ папы Евгенія IV и Козьмы Медичи. Такимъ образомъ оказывается, что нашъ антикварій хотя и былъ вначалѣ принимаемъ вездѣ съ большимъ интересомъ, и его удивительные разсказы слушались съ жадностью, однако же его легкомысліе вскорѣ обнаружилось, и его болтливость показала въ немъ хвастуна. Но какъ бы тамъ ни было и какого бы ничтожнаго довѣрія не заслуживало его собраніе надписей, все-же нельзя не упомянуть объ этомъ выразительномъ образѣ, изъ переходнаго времени, по его огромному живительному вліянію.

(Voigt, 132—147.)

4. Гуманизмъ въ итальянскихъ республикахъ.—Флоренція, какъ резиденція музъ. — Дворянство республики. — Козимо Медичи. — Его меценатство — Братъ его Лоренцо.—Другіе флорентинскіе дворяне, какъ литераторы: Роберто де'Росси, Ринальдо де Альбицци, Палла де'Строцци. — П. Пацци. — Маттео Пальміери.—Литературный кружокъ Козимо Медичи.—Николо Никколи.—Леопардо Бруни.—К. Марзушпи.—А. Траверсари.—Д. Манетти.—Поджіо Браччіолини. — Заѣзжіе ученые во Флоренціи: Гварино, Авриспа, Филельфо и первый дебютъ его во Флоренціи.—Его сатиры.—Греческіе ученые во Флоренціи. — Георгій Трапезундскій. — I. Аргиропулъ.

Прежде и лучше всего формировалась республика музъ во Флоренціи, въ этомъ разсадникѣ утонченныхъ нравовъ, которая была для литературной и художественной жизни такимъ же солнцемъ, какимъ Венеція была для торговой, а Римъ—для церковной, и чѣмъ болѣе меркло церковное солнце, тѣмъ ярче засіяло послѣ ночи забвенія солнце язычества, и его лучшій лучъ упалъ на столицу Тусковъ. Казалось, ея назначеніе—служить для Италіи тѣмъ же, чѣмъ послѣдняя была для средневѣковаго міра.

То политическое значеніе, которое имѣло до сихъ поръ церковное государство, перешло со времени его паденія къ Флоренціи; она сдѣлалась италійской державой, приводившей въ равновѣсіе династіи Верхней и Нижней Италіи. Наконецъ послѣ внутреннихъ междоусобій и продолжительныхъ колебаній достигли уравненія между аристократическимъ и плебейскимъ элементами. Хотя борьба партій и доводила до многихъ кровавыхъ сценъ, но въ то же время она пробудила скрытые таланты и внесла жизненную бодрость въ государственный организмъ. Господство лучшихъ и наиболѣе способныхъ сдѣлалось здѣсь естественной потребностью. Достаточные граждане гордились тѣмъ богатствомъ умственнаго образованія, сопровождаемаго изяществомъ, какого достигло ихъ свободное государство.

Подъ вліяніемъ такого взгляда они составляли себѣ понятіе и о знатности, а такъ какъ вообще въ республикахъ великіе люди древнихъ временъ не скоро забываются, то Дантъ, Джіотто, Петрарка, Боккачіо и Салютато получили права гражданства въ республикѣ, занявши мѣсто между благородными. Съ основательною гордостью, хотя бы даже съ большимъ или меньшимъ правомъ, ихъ называли флорентинцами.

Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ Италіи нельзя было найти знати, подобной флорентійской. Въ Венеціи дворянство, какъ партія заговорщиковъ, рѣзко отдѣлялось отъ народа, котораго держали въ почтеніи и страхѣ передъ «государствомъ», т. е. передъ чѣмъ-то невидимымъ, таинственнымъ, моральнымъ. Въ Генуѣ кромѣ привилегированнаго сословія купцовъ существовало еще и привилегированное сословіе поземельныхъ владѣльцевъ, которые вели

разбойническую жизнь въ своихъ замкахъ. Неаполитанцы полагали дворянское достоинство въ томъ, чтобы жить доходами со своихъ помѣстій, вести замкнутую, недоступную жизнь и только разъ когда нибудь совершать прогулку верхомъ. Здѣсь дворянинъ не могъ заниматься земледѣліемъ и вообще долженъ былъ презирать наклонность ко всякому промышленному занятію. Если какой нибудь дворянинъ продавалъ свой виноградникъ, то дочь его не могла найти себѣ мужа, несмотря на свое приданое, такъ какъ отецъ ея считался уже торговцемъ. Въ Церковной Области существовали дворяне, которые занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, а во время смутъ не отказывались заниматься грабежомъ и уличной борьбой, но и здѣсь торговля была презираема. Флоренція же, напротивъ, имѣла родовое дворянство, которое, нисколько не стѣсняясь, жило торговлей и другими коммерческими занятіями.

Этимъ самымъ оно стояло на одной доскѣ съ богатыми бюргерами, вступало съ ними въ постоянныя сношенія и нерѣдко заключало даже браки. Народъ, подобно древне-римскому обычаю, забавлялся свѣтскими и церковными зрѣлищами, причемъ танцы, пѣніе, фейерверки и сраженія смѣнялись благочестивыми церемоніями. Рѣже давались эти праздники на общественный счетъ, обыкновенно же они устраивались богатыми людьми, которые какъ въ древнемъ Римѣ соперничали другъ съ другомъ въ пышности и роскоши. Такимъ образомъ флорентинское дворянство старалось сохранить свое достоинство посредствомъ рвенія и заслугъ обществу, посредствомъ придворныхъ нравовъ и особенно посредствомъ широкаго и утонченнаго образованія. Его идеалъ подобенъ былъ идеалу доблести эллиновъ и государственной добродѣтели римлянъ.

Потому-то флорентинское дворянство и пошло впередъ, когда древній гуманизмъ сталъ непремѣннымъ условіемъ образованія; *Козимо Медичи*, котораго исторія литературы и искусствъ окружила какимъ-то ореоломъ, былъ только его выдающимся типомъ. Уже сокровища, оставленныя ему отцемъ, сдѣлали его самымъ богатымъ частнымъ человѣкомъ въ Италіи, но онъ ихъ увеличилъ еще невѣроятно. Его торговыя сношенія проходили черезъ всю Европу и достигали Египта; потому-то онъ и могъ обращать свое вниманіе на общее и отдаленное. Еще въ молодости онъ присутствовалъ на констанцскомъ соборѣ, объѣздилъ большую часть Германіи и Франціи, особенно хорошо онъ зналъ Италію; ему были извѣстны тайны дворовъ и настроеніе народа. Онъ узнавалъ политическія и торговыя новости различными путями; но самъ казался скрытнымъ и совершенно недоступнымъ для любопытныхъ, подсматривавшихъ за нимъ, являлся загадочнымъ для государственныхъ людей и посланни-

ковъ, которые всячески старались разгадать его. Больше всего ему въ этомъ помогала, свойственная флорентинской дипломатіи, сдержанная уклончивость его словъ. Но совершенно другимъ представлялся онъ своимъ согражданамъ: съ ними онъ былъ умѣренъ и ровенъ, рѣчь его была всегда спокойна и даже нѣсколько лаконична, чужда шутокъ и легкаго тона, но всегда онъ былъ общителенъ и готовъ помочь нуждавшимся. Онъ жилъ просто, но эта простота была исполнена достоинства; вообще, казалось, онъ не былъ ни честолюбивымъ, ни тщеславнымъ. Когда онъ шелъ по городу, за нимъ слѣдовалъ только одинъ слуга; какъ на улицѣ, такъ и на совѣтѣ онъ съ скромностью уступалъ первенство старѣйшимъ гражданамъ. Его неутомимое трудолюбіе, которому онъ нерѣдко приносилъ въ жертву свой сонъ, было посвящено только государству, а пышность и роскошь, которыя доставлялись его богатствомъ, шли на пользу и украшеніе республики. Республиканская щедрость, которая дѣлала банкъ Медичей государственной кассой, вытекала изъ благоразумнаго разсчета, хотя ее считали привычкой и наслѣдственной чертой характера. Человѣкъ, которому были заложены общественные доходы, у котораго были въ долгу почти всѣ граждане, — этотъ человѣкъ не зналъ отдыха и удовольствія, кромѣ того, когда читалъ, или обрѣзывалъ и подпиралъ виноградныя лозы въ своихъ садахъ, или, иногда случалось, съигрывалъ партію въ шахматы. Очень естественно, что онъ былъ первымъ въ государствѣ; но никому онъ не давалъ этого чувствовать. Также, со времени своего возвращенія въ 1434 году изъ изгнанія, онъ побѣдилъ зависть и господствовалъ вплоть до своей смерти, болѣе 30 лѣтъ непрерывно и былъ несравненно могущественнѣе, чѣмъ нѣкогда Периклъ въ Аѳинахъ.

Всѣ Медичи считались меценатами наукъ и искусствъ, но никого изъ нихъ, даже Лаврентія Великолѣпнаго, нельзя назвать имъ въ такомъ благородномъ и высокомъ смыслѣ, какъ Козимо Медичи. Онъ не былъ ученымъ, но былъ всесторонне образованъ и начитанъ, отличался быстротой сообраценія и имѣлъ тонкое чутье ко всему изящному; всякую научную заслугу, оказанную даже сухимъ умомъ, онъ готовъ былъ оцѣнить по достоинству. И прилежный критикъ, описывающій и сравнивающій рѣдкія рукописи, и поэтъ, изъ-подъ пера котораго съ легкостію генія появлялись гекзаметры, и учитель-грамматикъ, и переводчикъ съ греческаго, и ученый богословъ, и философъ, и художникъ, набрасывающій планы дворцовъ, церквей, виллъ, мостовъ или украшающій ихъ статуями и картинами, всѣ они были въ глазахъ Козимо звеньями одной и той же цѣпи; всѣ они украшали городъ и возвеличивали государство. Таланты призывались, имъ назначали мѣста и жалованье, они занимались, получали возна-

гражденіе, но со всѣмъ тѣмъ они едва сами знали, кому они обязаны: Козимо ли «отцу отечества», или Козимо «частному человѣку». Онъ открывалъ каждому полную свободу для творчества и изобрѣтательности, налагалъ обязанности сообразно съ профессіей или внутреннимъ призваніемъ, для себя же не требовалъ ѳиміама, но если кто воскурялъ его, принималъ благосклонно. Такимъ образомъ онъ, предметъ почитанія, стоялъ выше споровъ и сплетенъ, которые и въ литературномъ мірѣ встрѣчаются не рѣже, чѣмъ и на другихъ поприщахъ, гдѣ только существуетъ конкуренція.

Сходство съ нимъ имѣлъ его братъ *Лаврентій Медичи*; онъ также былъ всесторонне образованъ, любитель древнихъ картинъ, монетъ, вазъ, и онъ былъ воспѣтъ литераторами за свою щедрость. Но онъ уже умеръ 23 сентября 1440 г., болѣе возвеличенный блестящей надгробной рѣчью Поджіо, нежели честью, какую оказалъ его трупу папа Евгеній своимъ присутствіемъ. Дѣти Медичи были воспитаны подъ руководствомъ тѣхъ ученыхъ, которые пользовались благосклонностью ихъ отцевъ; такимъ образомъ меценатскій духъ сдѣлался наслѣдственнымъ въ этомъ домѣ.

Но мы уже выше упомянули, что не одни только Медичи сдѣлали Флоренцію Аѳинами. Въ выдающихся личностяхъ дворянства жилъ тотъ же духъ, съ тою только разницею, что богатство и счастіе менѣе благопріятствовали имъ. Литературнымъ праотцемъ между дворянами былъ *Робертъ де-Росси*, богатый старый холостякъ, который, запершись въ своемъ дворцѣ, переводилъ тамъ Аристотеля, списывалъ для собственнаго удовольствія древнихъ писателей и между прочимъ училъ еще и молодыхъ дворянъ. Если онъ выходилъ, то его сопровождали его благородные ученики изъ фамилій: Буонинсеньи, Тебальди, Альбицци, Алессандри; къ числу ихъ принадлежалъ и Козимо Медичи. Ринальдо Альбицци, соперникъ Козимо, сталъ во главѣ дворянства и пользовался своимъ литературнымъ вліяніемъ больше для того, чтобы возбудить общественное мнѣніе противъ Медичи. Но Палла де-Строцци, хотя и болѣе умѣренный, принадлежалъ къ той же партіи, и легко могъ бы достигнуть такой же меценатской славы, какъ и Козимо, но со времени возвышенія народной партіи онъ долженъ былъ жить въ изгнаніи. Учившій его дѣтей, Томасъ Парентучелли, былъ потомъ папой Николаемъ V, воспѣтый литераторами. Мы упоминали выше, что Робертъ де-Росси и Палла де-Строцци были ревностными послѣдователями Джіованни де-Равенна и Хризолора; чтобы привлечь послѣдняго во Флоренцію, Палла собралъ, благодаря своимъ частнымъ знакомствамъ, нужную сумму, прежде чѣмъ государственная касса подумала объ этомъ; и самъ больше всѣхъ спо-

собствовалъ этому переселенію. Во время своего изгнанія Козимо скупалъ въ Венеціи книги, такъ и изгнанный Строцци взялъ въ Падуѣ къ себѣ въ домъ грека Іоанна Аргиропула, заставилъ его излагать себѣ Аристотеля, а затѣмъ самъ перевелъ съ греческаго сочиненія Плутарха, Платона и Хризостома. Онъ умеръ въ Падуѣ въ 1462 г., 90 лѣтъ отъ роду, среди непрерывныхъ философскихъ занятій. Фамилія Аччіаоли также соединяла въ себѣ знаменитость рода съ научными стремленіями. Пьеро де-Пацци, страстно любившій роскошь, зналъ наизусть Энеиду и многія рѣчи изъ Ливія, понималъ немного по гречески, постоянно держалъ въ своемъ дворцѣ переписчиковъ и тратилъ много денегъ на книги. Матео Пальміери, благодаря своей учености, сдѣлалъ знаменитымъ свой родъ.

Онъ былъ два раза въ числѣ пріоровъ и 1453 гонфалоньеромъ; кромѣ того много разъ былъ посланникомъ отъ республики къ королямъ и папамъ; онъ написалъ всемірную хронику, пизанскую лѣтопись и богословское стихотвореніе «Città di Vita», подражаніе «Божественной комедіи», которое, заключая въ себѣ нѣкоторыя еретическія ученія, никогда не было напечатано. Вмѣстѣ съ ними учился греческому языку и Леонардо де'Датти, впослѣдствіи нотаріусъ республики; они занимались подъ руководствомъ Траверсарія и Марзупини. Онъ написалъ комментаріи къ «Città di Vita», какъ Боккачіо къ стихотворенію Данта. Лапо де-Кастильвіонхіо перевелъ нѣсколько жизнеописаній Плутарха. Мы могли бы привести еще нѣсколько болѣе или менѣе знаменитыхъ именъ изъ флорентинскаго дворянства, но мы упомянемъ еще только о геніальномъ Альберти.

Посмотримъ же поближе на этотъ литературный кругъ, центромъ котораго былъ Козимо Медичи, и сейчасъ намъ бросится въ глаза одна, въ высшей степени оригинальная, личность: человѣкъ почти средняго роста, немного дородный, всегда изящно и изысканно одѣтый, съ постоянной живостью въ чертахъ лица, готовый смѣяться, своими остротами заставляющій всѣхъ присутствующихъ заливаться неудержимымъ смѣхомъ, но иногда съ выраженіемъ неумолимаго сарказма на лицѣ. Это литературный министръ Козимо, почти такой же меценатъ, какъ и онъ, съ тою только разницею, что онъ столько же бѣденъ, сколько первый богатъ, столько же счастливый своей судьбой философъ, сколько Козимо дальновидный государственный человѣкъ. *Это Никколо де-Никколи.* Его отецъ былъ флорентинскимъ купцомъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріучалъ его къ тому же занятію.

Когда же отецъ умеръ, оставивъ ему достаточное состояніе, то онъ бросилъ торговлю и посвятилъ себя изящнымъ наукамъ. Разъ составивъ планъ своей жизни, онъ не отступалъ отъ него ни на шагъ. Онъ учился латинскому языку, а у Хризолораса

немного и по-гречески. Въ С.-Спирито онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя знанія по философіи и богословію; затѣмъ его преобладающей страстью сдѣлалось чтеніе. Онъ отправился въ Падую, чтобы получить сочиненія Петрарки; онъ достигъ апогея своего значенія нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти великаго Аретинера. Люди, знавшіе этого сѣдаго философа, много разсказывали о немъ пылкому Никколи, особенно Луиджи Марсилій. Сочиненія Петрарки сдѣлались основаніемъ его библіотеки, которую съ этихъ поръ онъ увеличивалъ съ изумительной энергіей.

Большая часть этой библіотеки была написана имъ самимъ. Еще и теперь сохраняются въ Лаврентіанѣ и другихъ собраніяхъ многочисленныя его рукописи, и нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Лукреціи и 12 комедій Плавта, занимаютъ между рукописями первое мѣсто; вообще онъ былъ первымъ, при которомъ начались списываться вновь находимыя рукописи. Еще за нѣсколько дней до своей смерти онъ выказалъ въ этомъ отношеніи такое усердіе и заботливость, съ какими ничто не можетъ сравниться. Чѣмъ стариннѣе былъ шрифтъ, тѣмъ больше онъ былъ доволенъ. Если же ему нужно было вносить въ текстъ греческія слова, въ этомъ ему помогалъ Траверсари. Затѣмъ онъ покупалъ книги при первомъ удобномъ случаѣ и какъ только у него были деньги. Напримѣръ томы, оставленные Салютато, были разсѣяны и разбросаны его наслѣдниками. Никколи же частію пріобрѣлъ ихъ по одиночкѣ самъ, частію же побудилъ Козимо купить ихъ. Правда, скоро онъ впалъ въ крайнюю бѣдность, но ему стоило только послать въ банкъ Медичей квитанцію, кассиру котораго было приказано Козимой выплачивать Никколи требуемую сумму. Такимъ образомъ эта форма займа избавляла его отъ стыда жить благодѣяніями. По своей смерти онъ остался долженъ банку 500 червонцевъ, истраченныхъ имъ частію на книги, частію на собственныя нужды.

Личность Никколи была какимъ-то биржевымъ бланкомъ для всѣхъ замѣтокъ о библіотекахъ и книгахъ. Къ стариннымъ и драгоцѣннымъ кодексамъ онъ имѣлъ какое-то особенное чутье. Это была изобрѣтательная голова, и факторіи Медичей давали ему возможность доставать ихъ; очень рѣдко уѣзжалъ какой-нибудь флорентинецъ во Францію или Грецію безъ того, чтобы Никколи не давалъ ему какихъ-либо порученій касательно литературы. Такіе люди, какъ напр. Поджіо и Бруни, регулярно извѣщали Никколи въ своихъ письмахъ, гдѣ бы они ни были, въ Римѣ ли, гдѣ курія имѣла свою резиденцію, или же въ Костницѣ на соборѣ, откуда они объѣзжали нѣмецкіе и французскіе монастыри, о литературныхъ и политическихъ новостяхъ и даже о своихъ дружескихъ и семейныхъ дѣлахъ; въ свою очередь Никколи сообщалъ имъ флорентинскія извѣстія, литературныя новости, и

посылалъ имъ книги и даже деньги. Даже знаменитымъ кардиналамъ, какъ напр. Альбергати и Цезарини которые, въ качествѣ легатовъ, объѣзжали много странъ, давалъ онъ списки книгъ, на которыя нужно было обратить вниманіе. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ все еще лелѣялъ планъ объѣздить Грецію и собрать греческія рукописи, такъ какъ и эти одинаково были для него святыней, хотя онъ и не очень много понималъ по-гречески. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, когда напримѣръ получилъ изъ Византіи прекрасную древнюю рукопись, въ которой заключалось 7 трагедій Софокла, шесть Эсхила и Аргонавтика Аполлонія, и когда его другъ Траверсари приписалъ происхожденіе этой рукописи къ 600 году.

Но онъ не былъ простымъ переписчикомъ; онъ сравнивалъ между собой различные экземпляры, исправлялъ очевидныя ошибки, возстановлялъ текстъ, дѣлилъ на главы и составлялъ оглавленія. Его склонность къ подобной работѣ, въ которой значительное мѣсто отведено было критикѣ, и служила основаніемъ его литературной славы.

Собраніе книгъ Никколи было лучшимъ и самымъ обширнымъ во Флоренціи; когда онъ умеръ, оно заключало въ себѣ 800 томовъ и цѣнилось, насколько вообще можно оцѣнить подобныя вещи, въ 4,000 цехиновъ. Онъ имѣлъ карту свѣта и отдѣльныя карты Италіи и Испаніи; къ этому присоединялась еще и небольшня галлерея древнихъ статуй, скульптурныхъ работъ, картинъ, вазъ, мозаики, драгоцѣнныхъ разныхъ каменьевъ, монетъ и медалей. Послѣднія преимущественно были древняго происхожденія; впрочемъ тогда уже умѣли дѣлать искусные свинцовые снимки.

Вотъ міръ, въ которомъ жилъ этотъ маленькій человѣкъ, подобно тому, какъ паукъ живетъ въ своей паутинѣ, хотя и не былъ особенно склоненъ къ уединенію и не обладалъ ненавистью этого насѣкомаго къ другимъ; онъ рѣдко оставлялъ Флоренцію. Только разъ былъ онъ въ Венеціи, отчасти для того, чтобы навѣстить изгнаннаго Медичи; отчасти, чтобы основательно пересмотрѣть книгохранилища, принадлежащія тамошнимъ монастырямъ и его венеціанскимъ друзьямъ. Его страстное желаніе посѣтить Римъ, овладѣвшее имъ еще въ молодости, было наконецъ приведено въ исполненіе; онъ былъ тамъ вмѣстѣ съ Козимо Медичи, но вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ ихъ пребываніе тамъ было очень кратковременнымъ. Но Римъ, эта груда античныхъ развалинъ, произвелъ на него только впечатлѣніе горькаго сожалѣнія; только во Флоренціи могъ онъ быть счастливъ по-своему; онъ никогда не старался получить какую-нибудь общественную должность, и вообще не соперничалъ о какой-нибудь почести; онъ остался холостякомъ, желая всецѣло

посвятить себя наукѣ, но въ немъ не было ничего монашескаго; въ молодые годы Бруни и онъ становились по праздникамъ у церковныхъ дверей, чтобы поглазѣть на хорошенькихъ женщинъ. Впослѣдствіи онъ жилъ въ дружной связи съ своей Бенвенутой, которую нѣжно любилъ; онъ требовалъ, чтобы друзья уважали ее, и изъ-за нея перессорился со своими пятью братьями; онъ говорилъ, что только эта семейная ссора и нарушаетъ его счастіе. Бенвенуто въ тоже время и прислуживала ему, ибо изъ нихъ двухъ состоялъ весь домъ; все, что находилось внѣ его дома и литературнаго круга, все это не могло помрачить его веселости. Но за обѣдомъ на столѣ должны были стоять древнія вазы, изящная глиняная посуда, старинныя кружки и кристальные кубки, большею частью ему подаренные; скатерть должна быть чистой и тонкой; въ этомъ отношеніи онъ былъ даже педантиченъ. Кромѣ того, нервы его были очень чувствительны и онъ не могъ переносить нѣкоторыхъ непріятныхъ впечатлѣній, такъ напримѣръ онъ не выносилъ ревъ осла, скрипъ пилы и пискъ мышей.

Подобные странные люди, сосредоточенные въ самихъ себѣ, обыкновенно погружаются въ свои сборники и не чувствуютъ никакого побужденія обращаться къ общему и великому дѣлу. Не то, по крайней мѣрѣ, представлялъ собою Никколи. Его двери были открыты для каждаго, кто искалъ знаній или литературной помощи, его книги были къ услугамъ всѣхъ, кто желалъ ими пользоваться. Когда онъ умеръ, то 200 томовъ были внѣ его библіотеки. Онъ принадлежалъ къ такимъ личностямъ, которыя болѣе способны возбуждать другихъ, нежели сами сдѣлать что-нибудь систематически-послѣдовательное. Кому случалось столкнуться съ нимъ, тому сообщался этотъ живой научный интересъ, который проглядывалъ въ каждомъ его словѣ. «Всякій разъ, когда я получаю отъ тебя письмо, признавался ему Леопардо Бруни всякій разъ я съ новымъ жаромъ принимаюсь за занятія». Его домъ походилъ на музей, на сборное мѣсто всѣхъ избранныхъ умовъ Флоренціи, не только молодыхъ, полныхъ надеждъ литераторовъ, но и художниковъ, ваятелей и архитекторовъ. Часто являлись даже чужестранцы, чтобы поближе посмотрѣть на этого замѣчательнаго человѣка въ его оригинальной обстановкѣ; здѣсь не задавались пиры и праздники, но велись ученые разговоры и происходилъ всесторонній обмѣнъ мыслей. Часто можно было видѣть отъ 10 до 12 молодыхъ людей, сидѣвшихъ въ этой учебной залѣ, каждаго съ книгою въ рукахъ.

Никколи заговаривалъ то съ однимъ, то съ другимъ, и допытывался отъ нихъ, кто и что прочиталъ, и какъ понялъ: никогда тутъ не было слышно ни шутокъ, ни пустыхъ разговоровъ. Въ

этомъ частномъ музеѣ продолжались собранія ученыхъ въ С. Спирито, конечно въ совершенно измѣненномъ духѣ; и намъ кажется немаловажнымъ, что Никколи считается ученикомъ Луиджи Марсилія, главы С. Спирита.

Какъ переписка съ Никколи была литературной газетой для гуманистовъ, такъ онъ самъ былъ флорентинскимъ оракуломъ, когда поднимался вопросъ о латинскихъ и греческихъ книгахъ; онъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о предметахъ, относящихся къ исторіи, къ исторіи литературы и къ космографіи. Онъ обладалъ замѣчательной памятью и еще въ старости могъ почти совсѣмъ безъ книги прочитать всю «Божественную комедію», которую нѣсколько разъ читалъ въ молодости, высоко цѣня ее; кромѣ того, онъ считался эстетическимъ и точнымъ знатокомъ латинскаго языка. Самъ онъ написалъ только трактатъ объ орѳографіи латинскаго языка, предназначенный къ руководству молодыхъ людей въ ея изученіи; спорные пункты онъ старался рѣшать, принимая за авторитетъ древнія монеты и надписи. Но и это сочиненіе, написанное на итальянскомъ языкѣ, кажется, не было долго въ обращеніи, особенно послѣ того, какъ оно подверглось сильнымъ нападкамъ со стороны Гварино. Всѣ его письма также писаны на народномъ языкѣ; насколько извѣстно, онъ изъ принципа не писалъ ничего по латыни, и никогда не говорилъ на этомъ языкѣ. Объ этомъ были различнаго мнѣнія; въ своемъ пасквилѣ на Никколи, Бруни замѣчаетъ, что Никколи хочетъ прикрыть этимъ свое полнѣйшее незнаніе латинскаго языка; Манетти же, который въ хвалебномъ тонѣ описалъ его жизнь, и Веспасіано, который отдавалъ ему видимое предпочтеніе, думали, что у него составился въ умѣ слишкомъ совершенный идеалъ латинскаго стиля, какого онъ не надѣялся достигнуть въ дѣйствительности. Тоже признаетъ и Поджіо въ своей надгробной рѣчи, которая не менѣе предъидущихъ представляетъ собою панегирикъ; онъ говоритъ, что Никколи одобрялъ только самое изящное и совершенное, почему и не могъ оставаться довольнымъ своими собственными сочиненіями. Но всего вѣрнѣе замѣчаніе Энея Сильвіо: Никколи не довѣрялъ себѣ и не хотѣлъ отдавать на судъ другихъ свои творенія, потому что самъ не былъ доволенъ ничьимъ и критиковалъ всѣхъ живущихъ, а изъ великихъ покойниковъ хвалилъ только Платона, Виргилія, Горація и Іеронима.

Въ этомъ только и заключался пунктъ, затруднявшій сближеніе съ нимъ. Онъ слишкомъ мало считалъ себя непогрѣшимымъ художественнымъ судьей и независимымъ человѣкомъ. Будучи ревностнымъ покровителемъ и другомъ всего великаго, онъ часто пренебрегалъ внимательностью и вѣжливостью, которыя необходимы для близкаго знакомства и которыхъ онъ самъ

требовалъ въ отношеніи къ себѣ отъ своихъ самыхъ задушевныхъ друзей; кромѣ того, онъ былъ крайне раздражителенъ, сомнѣніе очень легко закрадывалось въ его душу, и держался онъ его съ упрямствомъ. Всякое противорѣчіе раздражало и сердило его. Скоро замѣчая ошибки и слабости другихъ, онъ часто выражалъ съ неосторожною откровенностью свои мнѣнія и впечатлѣнія по поводу ихъ; въ этомъ отношеніи его считали ученикомъ Марсилія. Также онъ никогда не сдерживалъ своего рѣзкаго остроумія, тогда какъ въ каждой шуткѣ съ нимъ онъ видѣлъ намѣреніе одурачить его. Терпѣливые друзья не обращали вниманія на его дурное настроеніе и, въ крайнемъ случаѣ, только на нѣкоторое время не посѣщали его; но гордыя и вспыльчивыя натуры не пропускали такъ нападокъ. Такимъ образомъ къ Никколи относились враждебно многіе изъ тѣхъ, которые были призваны во Флоренцію, благодаря его вліянію, и сначала находились подъ его покровительствомъ. Но такъ какъ онъ имѣлъ громадное значеніе у Козимо и у чиновниковъ, завѣдующихъ ученою частію (uffciali dello studio), то его противники обыкновенно должны были покидать Флоренцію, эту обѣтованную страну литераторовъ. Такъ случилось напр. съ Мануиломъ Хризолорасомъ и съ Гварино изъ Вероны, призванными по его рекомендаціи въ качествѣ учителей греческаго языка, и съ Ауриспа и Филельфо. Даже Леонардо Бруни и тотъ поссорился съ Никколи, хотя когда-то они были друзьями, вмѣстѣ брали уроки греческаго языка у Хризолораса, и Бруни посвятилъ Никколи свои первые переводы съ греческаго и признавалъ его цензоромъ и судьей своихъ произведеній. Первая причина охлажденія ихъ дружбы заключалась, вѣроятно, въ томъ, что Никколи съ большимъ участіемъ относился къ ученымъ занятіямъ Траверсари, но поводомъ къ разрыву послужила скандальная исторія съ Бенвенутой. Родственники Николи напали на нее и на улицѣ, въ глазахъ смѣющихся сосѣдей, отколотили ее безчестнымъ образомъ. Взбѣшенный и раздраженный Никколи услышалъ, что и Бруни, вмѣсто того, чтобы явиться другомъ въ этомъ дѣлѣ выразилъ свое презрѣніе къ этой нѣжной связи и назвалъ Бенвенуту кухаркой. Эта ссора произвела много шуму и не въ кругу однихъ только флорентинскихъ литераторовъ: Траверсари нѣсколько разъ и все напрасно старался примирить ихъ. Даже папа Евгеній IV, бывшій въ это время во Флоренціи, старался привести ихъ къ взаимному соглашенію, но все было напрасно. Бруни написалъ на Никколи пасквиль, въ которомъ не было недостатка ни въ насмѣшкахъ, ни въ клеветахъ; но Никколи не вступалъ въ полемику съ нимъ, ограничиваясь изрѣдка рѣзкими остротами на счетъ Бруни. Только уже спустя нѣсколько лѣтъ удалось венеціанцу Франческо Барбаро, во время своего пребыванія во Флоренціи, поми-

рить ихъ хоть внѣшнимъ образомъ, а Поджіо изъ Рима поздравлялъ этого миротворца такъ торжественно, какъ будто міръ освободился отъ одного изъ самыхъ большихъ золъ. Но никогда уже больше между ними не было прежней задушевности.

Напротивъ, тѣ, которые терпѣливо ожидали, пока Никколи самъ не замѣтитъ своей несправедливости по отношенію къ нимъ, тѣ неразрывно поддерживали съ нимъ дружескія отношенія, какъ напр. Амброжіо Траверсари и Карлъ Марсупини, наконецъ Поджіо, который съ удивительнымъ терпѣніемъ сносилъ рѣзкія и подозрительныя замѣчанія своего друга. Горькую потерю потерпѣла наука когда умеръ, 4 февраля 1473 года, на рукахъ своего друга Траверсари, добрымъ христіаниномъ этотъ незначительный диктаторъ, бѣдный меценатъ, прожившій 73 года. Послѣдней земной заботой его было обезпечить завѣщаніемъ судьбу своихъ книгъ; его тѣло было, согласно его желанію, погребено въ С. Спирито.

Не разъ мы уже упоминали о *Леонардо Бруни*, какъ о другѣ Никколи; вообще его прозваніе было Аретино; онъ происходилъ изъ того же городка, откуда и Петрарка. Какъ и этотъ послѣдній, онъ долгое время принужденъ былъ для самообезпеченія заниматься изученіемъ права, такъ какъ былъ бѣденъ и низкаго происхожденія. Но самъ онъ всегда чувствовалъ склонность къ свободному выбору занятій. Еще будучи 15-лѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ заключенъ во время городской революціи въ замокъ Ареццо и не могъ оторвать глазъ отъ изображенія своего земляка Петрарки; уже тогда онъ чувствовалъ страстное желаніе слѣдовать за нимъ. Нѣсколько позже, какъ сироту, взялъ его подъ свое покровительство Салютато и любилъ какъ сына; по его собственному признанію, Бруни былъ обязанъ ему изученіемъ греческаго языка и хорошимъ знаніемъ латинскаго. Онъ жилъ до 38 года подъ покровительствомъ этого государственнаго канцлера, котораго всегда и впослѣдствіи съ любовью называлъ своимъ отцомъ и учителемъ. Но свѣжій умъ Бруни выработался такъ быстро, что Салютато увидѣлъ его скоро наряду съ собой и сознавался, что они оба служатъ другъ для друга ученикомъ и учителемъ. Мы уже приводили выше собственныя слова Бруни касательно того, какое опредѣленное вліяніе имѣло на него прибытіе во Флоренцію Хризолораса, но все-же нужда еще заставляла его заниматься изученіемъ права, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока Салютато и Поджіо не выхлопотали ему мѣсто секретаря при папѣ Бонифаціи IX; съ этихъ поръ онъ имѣлъ обезпеченное положеніе и слѣдовалъ всюду за куріей. Такимъ образомъ онъ отправился въ Костницъ съ Іоанномъ XXIII, но возвратился въ Италію еще раньше того, чѣмъ счастіе окончательно покинуло его господина. Въ 1427 г. онъ получилъ мѣсто

государственнаго секретаря или канцлера во флорентинской республикѣ, мѣсто, занимаемое прежде Салютатой; такимъ образомъ, благодаря своему знанію нравовъ, но болѣе своему тонкому знакомству съ латинскимъ языкомъ, онъ достигъ почетнаго положенія, которое дало ему возможность жить со своими друзьями и въ той атмосферѣ, какая была ему наиболѣе по душѣ; здѣсь онъ имѣлъ также достаточно времени, чтобы прославить свое имя учеными сочиненіями. Главную славу его составили его переводы греческихъ авторовъ; они не только считались безусловно вѣрными, но еще, благодаря толковому изложенію, дѣлали доступными сокровища эллинскаго міра каждому, кто только зналъ латинскій языкъ. Ему обязана Флоренція и первой исторіей своей республики, написанной согласно съ требованіями того времени, изысканной латинской рѣчью. За это его наградили флорентинскимъ правомъ гражданства и освобожденіемъ отъ государственныхъ податей, которое распространилось и на его потомство; онъ много разъ участвовалъ въ совѣтѣ «Десяти» и не разъ его слово вліяло на рѣшеніе самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Письма его, какъ частныя такъ и должностныя, считались образцомъ изящной латыни. Его публичныя рѣчи напоминали величіе Перикла; хотя и было извѣстно, что онъ долженъ приготовлять ихъ заранѣе, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ или ничего не могъ сказать или говорилъ одинъ лишь вздоръ.

Во Флоренціи Бруни былъ извѣстнымъ, высоко уважаемымъ человѣкомъ, хотя онъ и не былъ такъ любимъ, какъ Салютато, и не обладалъ такимъ чувствомъ къ общественнымъ интересамъ, какъ Никколи.

Онъ былъ увѣренъ, что онъ единственный преобразователь латинскаго языка, и что никто не можетъ съ ними сравниться въ этомъ отношеніи. Въ высшей степени самодовольный, онъ жилъ исключительно въ своей канцеляріи и въ своемъ собственномъ домѣ; у другихъ гражданъ его почти никогда не видѣли.

Онъ гордо и торжественно ходилъ по улицамъ въ своемъ красномъ плащѣ, представляя собой олицетворенное величіе. Подобно многимъ людямъ, которымъ плохо приходилось въ ихъ молодые годы, онъ былъ угрюмъ, недоступенъ, неразговорчивъ, обидчивъ и скупость его была всѣмъ извѣстна. Но эти недостатки не имѣли никакого вліянія на уваженіе, которымъ онъ пользовался. Испанцы, французы, имѣвшіе дѣла въ Италіи, нарочно пріѣзжали во Флоренцію, чтобы видѣть знаменитаго государственнаго канцлера, хотя бы и издалека, въ то время, когда онъ послѣ обѣда выходилъ изъ своей канцеляріи. Когда 7 марта 1443 г. онъ умеръ, то городскіе пріоры собрали совѣтъ на счетъ его погребенія и рѣшили почтить умершаго по древ-

нему обычаю. Тѣло его одѣли въ темное шелковое одѣяніе, на грудь положили флорентинскую исторію, какъ самый благородный подарокъ государственнаго канцлера республикѣ.

Во главѣ погребальныхъ носилокъ было устроено возвышеніе, откуда ученый Манети, тоже членъ совѣта «Десяти», сказалъ рѣчь; въ концѣ ея онъ подошелъ къ праху умершаго и сказалъ: «Теперь мы обращаемся къ тебѣ, достославная звѣзда латинянъ, и вѣнчаемъ твое счастливое, блаженное чело, по повелѣнію senatus consultus этимъ достойнымъ тебя украшеніемъ—лавровымъ вѣнкомъ, въ безсмертное доказательство твоей замѣчательной мудрости, твоего невѣроятнаго краснорѣчія, чтобы этотъ вѣнокъ свидѣтельствовалъ о тебѣ живущимъ и будущимъ поколѣніямъ». Затѣмъ, въ виду народа, многихъ знатныхъ посланниковъ и куріаловъ—папа Евгеній былъ тогда во Флоренціи — голова умершаго государственнаго канцлера была увѣнчана лавровымъ вѣнкомъ, а его тѣло было погребено съ почетною эпитафіею въ церкви Св. Креста.

Его преемникъ въ достоинствѣ канцлера и какъ писатель, не менѣе цѣнимый, былъ *Карло Марзупини*, также аретинецъ. Въ прозѣ его считали почти равнымъ Леонардо и стоящимъ выше его по легкости стиха. У него была невѣроятная память. Когда онъ держалъ первую соборную проповѣдь, то рѣшили, что такъ еще никто не говорилъ и что нѣтъ ни одного латинскаго или греческаго автора, котораго онъ тогда не цитировалъ. По внѣшности онъ былъ во многомъ сходенъ съ Бруни, онъ также былъ блѣденъ, односложенъ, ипохондриченъ, сосредоточенъ въ самомъ себѣ, его губы, казалось, стыдились всякой легкой шутки; онъ избѣгалъ веселаго общества; знакомство его ограничивалось кругомъ Медичей, а тѣсной дружбой его пользовался только Никколи, которому Карло былъ такъ преданъ и такъ почиталъ его, что слова: «онъ сказалъ» были для него оракуломъ, какъ ученикамъ Пиѳагора. Уваженіе, которымъ пользовался этотъ мрачный, сухой человѣкъ, ни въ чемъ не уступало уваженію, какимъ пользовался Бруни; Карло получилъ право гражданства во Флоренціи, и его тѣло было публично увѣнчано лавровымъ вѣнкомъ рукою ученика его Матео Пальміери, и гробъ былъ поставленъ противъ гроба Бруни въ той же церкви.

При всемъ этомъ Карло былъ извѣстнымъ язычникомъ и даже на смертномъ одрѣ отказался отъ послѣдней исповѣди и отъ принятія Св. Тайнъ. Въ другое время христіанское погребеніе его встрѣтило бы множество затрудненій, теперь же стихотворная слава его разрѣшила всѣ сомнѣнія.

Если вышеупомянутыя личности составляютъ,—однѣ, благодаря своему независимому, другія своему вліятельному положенію,—литературную аристократію, которая жила съ дворянствомъ

Флоренціи, какъ съ равнымъ себѣ, то къ ней съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ можетъ быть присоединенъ также и умственный элементъ въ лицѣ *Амвросія Траверсари* (Амвросій Камальдульскій). Во Флоренціи гуманистическое собраніе великихъ умовъ было нейтральной почвой, на которой встрѣчались различныя сословія и считались другъ другу равными. Амброжіо вступилъ 14 лѣтъ въ монастырь Maria degli Angioli, передъ стѣнами Флоренціи; впрочемъ на него сильнѣе подѣйствовали литературное движеніе этого города, знакомство съ Никколи и прибытіе Хризолораса, хотя своимъ знаніемъ греческаго языка онъ былъ болѣе обязанъ самому себѣ, нежели этому учителю. Вѣроятно онъ провелъ бы монастырскую тихую литературную жизнь, еслибы папа Евгеній IV, который, будучи кардиналомъ Кондольміери и протекторомъ, зналъ его и не назначилъ его 27 октября 1431 года генераломъ ордена камальдуловъ. Съ этихъ поръ онъ былъ втянутъ въ общественную жизнь, которая показала его честолюбію другія цѣли, кромѣ литературной славы.

Траверсари очень хотѣлось обратить на себя вниманіе и замѣшаться въ политику; такъ какъ въ своемъ орденѣ онъ ревностно заботился о всѣхъ мелочахъ, которыя можно было назвать обсервантизмомъ и преобразованіемъ и въ которыхъ папа видѣлъ спасеніе міра, то онъ могъ чувствовать себя совершенно бесопаснымъ, вслѣдствіе такого высокаго покровительства. Съ одной стороны онъ началъ разыгривать въ отношеніи папы роль святаго Бернарда, краснорѣчиво, хотя и осторожно доказывая ему необходимость церковной реформы, вооружаясь противъ роскоши и симоніи куріи, и въ своемъ рвеніи позволяя себѣ иногда въ божьемъ домѣ либеральныя рѣчи. Съ другой стороны онъ былъ искуснымъ придворнымъ, велъ дружескую переписку съ монахами, которые были духовниками папы и его совѣтниками въ церковной политикѣ, и если онъ подобно Св. Бернарду, повидимому, наносилъ какую либо рану своимъ смѣлымъ словомъ, тѣмъ скорѣе и искуснѣе старался ихъ умаслить. Затѣмъ онъ былъ начитанъ въ полномъ смыслѣ этого слова; объ отцахъ Базельскаго собора, которые серьезно желали заняться дѣломъ реформы, онъ отзывался не иначе, какъ о сборищѣ сумасшедшихъ преступниковъ; самый же Базель обыкновенно называлъ западнымъ Вавилономъ. Играя здѣсь лишь незначительную роль, въ качествѣ папскаго посланника, онъ своимъ обычнымъ чутьемъ понялъ, насколько выгодно было бы для его партіи отвлечь отъ дѣлъ собора президента его, кардинала Цезарины. Правда, этой цѣли достигнуть могъ онъ только благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, безъ которыхъ она также какъ и посольство къ императору Сигизмунду, осталась бы безъ послѣдствій; но онъ

своей дипломатіей и своими рѣчами произвелъ такое впечатлѣніе, какъ будто переворотъ вещей былъ его дѣломъ.

Конечно, онъ намъ не сообщаетъ, что въ своей главной рѣчи въ Базелѣ передъ собравшимися отцами онъ вдругъ запнулся и долженъ былъ вынуть изъ рукава конспектъ. Еще раньше онъ былъ призванъ, чтобы содѣйствовать соединенію съ Византійскою церковью; онъ былъ посланъ навстрѣчу грекамъ въ Венецію и приготовилъ греческую рѣчь, въ которой, по его собственному мнѣнію, не было недостатка въ изящности. «Но къ несчастію легатъ нашелъ это неподходящимъ къ дѣлу и долженъ былъ обойтись безъ рѣчи и безъ славы. Въ Феррарѣ и во Флоренціи онъ принималъ участіе въ преніяхъ по поводу Filioque и по другимъ подобнымъ вопросамъ, отчасти переводя подходящія сюда сочиненія греческихъ церковныхъ писателей, отчасти вмѣстѣ съ другими принимая на себя обязанность толкователя. Ему казалось впослѣдствіи, что и здѣсь большая часть сдѣланнаго принадлежала одному ему.

Кто зналъ Траверсари какъ общественнаго человѣка, тотъ счелъ бы его за жестокаго, хвастливаго, притворяющагося и интригующаго монаха. Мы не удивляемся, что его не слишкомъ любили, что онъ находился въ страшной ссорѣ съ братіей своего ордена и всюду, вмѣсто примиренія, вносилъ ссору и вражду.

Но онъ былъ совсѣмъ другимъ въ своей родной Флоренціи, въ кругу литераторовъ; здѣсь онъ являлся болѣе обходительнымъ и любимымъ. Въ монастырѣ degli Angioli почти ежедневно собирались задушевно поговорить братья Медичи, веселый, остроумный Никколи, холодный, меланхолическій Марзупини и многіе другіе. За столомъ у Козимо можно было видѣть небольшаго Камальдула съ веселымъ лицемъ и чрезвычайно живо занимающаго все общество.

Такіе люди, какъ Марзупини, этотъ классическій язычникъ, какъ Бруни и Поджіо, легкомысленные насмѣшники, не могли выслушивать его проповѣдей о нравственности; съ Никколи онъ велъ почти студенческую дружбу, связью для нихъ служили книги и литературныя симпатіи.

Когда Траверсари осматривалъ монастыри и монастырскія библіотеки въ Италіи, онъ посылалъ Никколи отчеты и все, что могъ достать; когда же Никколи уѣзжалъ куда нибудь со своею Бенвенутой, онъ отдавалъ ему на храненіе самое дорогое, что онъ оставлялъ, именно — ключъ отъ желѣзнаго шкафа съ книгами (кромѣ того, что въ келіи у Траверсари постоянно находилось порядочное количество книгъ), поручалъ ему еще древнія сокровища дома и свои платья, которыя Траверсари, по желанію своего педантично-чистоплотнаго друга, долженъ былъ ежедневно

отдавать выколачивать и чистить братьямъ своего ордена. Изъ ихъ корреспонденціи мы видимъ, съ какимъ удивительнымъ терпѣніемъ переносилъ Траверсари малѣйшіе капризы и слабости Никколи, съ какимъ вниманіемъ и нѣжностью онъ относился къ нему, какое теплое участіе выказывалъ онъ даже къ его личнымъ дѣламъ и какъ задушевно шутливъ даже его тонъ, когда въ письмахъ упоминается о флорентинскихъ скандалахъ неприличнаго свойства. Само собою разумѣется, что Никколи высоко цѣнилъ то, что почетный генералъ ордена оказывалъ свое уваженіе Бенвенутѣ, которая и послѣ упомянутой скандальной исторіи осталась дорога для Никколи; очень рѣдко случалось, чтобы Траверсари забылъ поклониться въ концѣ письма Бенвенутѣ, какъ самой вѣрной женѣ. И во Флоренціи жили они по-братски и вмѣстѣ работали. То Никколи служилъ довѣреннымъ секретаремъ, когда Амброжіо, рука котораго впослѣдствіи ослабѣла, переводилъ сочиненія Хризостома, то Амброжіо долженъ былъ разрисовывать греческія буквы въ текстѣ, когда Никколи, списывая какого нибудь классика, напр. Авлія Геллія, вносилъ туда и греческій текстъ.

Вообще нужно цѣнить выше литературной дѣятельности Траверсари его энергію, нежели талантъ. О первой лучше всего свидѣтельствуютъ его письма, собраніе его одъ и эподъ и древнихъ его дѣловыхъ путешествій. Подобно Никколи, онъ неутомимо отыскивалъ книги, покупалъ ихъ, давалъ переписывать или даже самъ переписывалъ. Его положеніе и дружба съ Медичи отворяли ему вездѣ двери и онъ находился въ постоянномъ литературномъ общеніи почти со всѣми любителями греческаго міра въ Италіи, съ Гварино и Ауриспа, особенно же съ венеціанцами Франческо Барбаро и Леонардо Джустиніани; при этомъ онъ обращалъ главное вниманіе на греческихъ писателей церкви; въ этой области онъ безспорно былъ первымъ по богатству книгъ и знаній. Его литературная слава основана на его переводахъ съ греческаго, о которыхъ онъ постоянно говоритъ въ своихъ письмахъ. Не безъ зависти смотрѣлъ онъ на переводъ Бруни изъ свѣтской греческой литературы, который произвелъ совершенно другое впечатлѣніе, нежели его. Изъ латинянъ онъ особенно хвалилъ Лактанція, который, по его мнѣнію, не уступалъ въ краснорѣчіи Цицерону.

Особенный интересъ возбуждаетъ въ насъ личность Траверсари, если мы присмотримся, какъ въ немъ боролись догматы христіанства съ увлеченіемъ язычествомъ, монашество съ литературой. Въ общежитіи онъ имѣлъ всегда два лица: одно для своихъ монаховъ, другое для своихъ флорентинскихъ друзей; но гораздо труднѣе ему было ладить со своею совѣстью. Это стремленіе къ отличію передъ своими современниками и достиженію

славы у потомства, это стремленіе, котораго не стыдились ни Бруни, ни Поджіо, не подходило генералу Камальдуловъ. Въ его груди кипѣло честолюбіе, и онъ старался подавить его, призывая на помощь свою совѣсть. Когда онъ говорилъ съ папой, то онъ не иначе называлъ себя, какъ ненужнымъ рабомъ, пылью, золой, земнымъ червякомъ, ослѣпленнымъ папскимъ величіемъ. Когда при назначеніи его генераломъ ордена, думали, что онъ поднимется еще выше, онъ завѣрялъ своего брата Гироламо, что «безумное честолюбіе» чуждо ему и что ему дѣлается не по себѣ при одномъ видѣ пышности и роскоши, и что онъ лучше согласенъ жить съ каторжниками, чѣмъ съ великими міра сего. Но, несмотря на это, онъ въ Римѣ бывалъ у всѣхъ кардиналовъ и хвалился тѣмъ радушнымъ пріемомъ, какой ему оказывали. Даже Никколи, который хорошо его зналъ и цѣнилъ, и тотъ высказывалъ въ кругу друзей свое большое мнѣніе о томъ, что мірское честолюбіе не чуждо Амброжіо и что онъ не прочь получить красную шапку. Кажется, что этого ироническаго человѣка чрезвычайно радовало, когда онъ могъ подслушать мірскія мысли своего религіознаго друга. Онъ самъ, посредствомъ похвалъ и лести, давалъ ему поводъ помечтать о себѣ въ своихъ изящныхъ письмахъ, и если тогда Траверсари объявлялъ, что онъ нечувствителенъ къ литературной похвалѣ, то Никколи недовѣрчиво качалъ головой и тѣмъ заставлялъ своего друга окончательно высказываться; тогда братъ Амброжіо сознавался въ «порокѣ тщеславія», но онъ дѣлалъ это съ такимъ изысканнымъ смиреніемъ, что, казалось, такое сознаніе ничто иное какъ угрызеніе черезчуръ ужъ строгой совѣсти.

Такимъ же образомъ долженъ онъ былъ переламывать себя, когда на него вдругъ находило сознаніе, что генералу Камальдуловъ не годится стоять во главѣ гуманистической ученой республики и домогаться превосходства изяществомъ рѣчи. Онъ старательно избѣгалъ приводить въ своихъ письмахъ мѣста изъ свѣтскихъ писателей, какъ будто бы правило ордена запрещало ему это дѣлать; мы нашли одно только мѣсто, гдѣ у него вырвались вмѣстѣ съ словами библіи и слова на эклоги Виргилія. Замѣчательно то, что въ письмахъ и рѣчахъ онъ постоянно придерживался цицероновскаго краснорѣчія, какъ будто оно болѣе согласовалось съ монашескимъ платьемъ, нежели какой нибудь невинный стихъ. А какъ опасался онъ, чтобы его письма не распространялись въ искаженной формѣ и не посрамили его своимъ ошибочнымъ латинскимъ языкомъ! Въ какое комическое затрудненіе поставили его Никколи и Козимо Медичи, предлагая ему перевести съ греческаго свѣтское сочиненіе Діогена Лаерта «Извѣстія о знаменитыхъ философахъ». Еслибы его совѣсть была на самомъ дѣлѣ такъ противъ этого, то онъ легко бы отклонилъ

предложеніе, но его самого, кажется, тянуло къ такой работѣ, можетъ быть изъ-за соперничества съ Бруни. Онъ спрашивалъ объ этомъ самыхъ важныхъ лицъ, архіепископа Генуи, Антоніо де-Масса, знаменитаго богослова; они не находили здѣсь ничего противозаконнаго. Тогда, ссылаясь на эти авторитеты, онъ спросилъ совѣта у Леонардо Джустиніани, очевидно надѣясь, что онъ, какъ человѣкъ либеральный, побудитъ его къ этой работѣ; но этотъ обманулъ его ожиданія и посовѣтовалъ ему слѣдовать примѣру прежнихъ смиренныхъ свѣтилъ церкви, которыя не занимались переводами языческихъ писателей. Но работа была уже начата, и онъ долженъ былъ сослаться на неодолимыя просьбы друзей. Во время самаго перевода и еще занимаясь сравненіемъ различныхъ текстовъ своего писателя, онъ вздыхалъ въ борьбѣ съ совѣстью: «Лучше бы я никогда не начиналъ этой работы! какъ это согласовалось бы съ моимъ желаніемъ и прежнимъ намѣреніемъ! Но зато послѣ я перейду къ переводу св. Писанія съ большимъ желаніемъ, съ сильнѣйшей жаждой, и займусь имъ тѣмъ охотнѣе, что привыкъ къ нему почти съ дѣтства». Несмотря на эти размышленія и мученія, онъ кончилъ работу и напечаталъ ее въ видѣ посвященія Козимо. Также и то, что велѣлъ собирать и списывать свои письма, онъ объясняетъ тѣмъ, что таковы были сильныя просьбы его высокихъ друзей, отказать которымъ онъ не могъ.

Въ немъ мы видимъ образецъ монаха, въ которомъ стремленіе къ изящному боролось съ святымъ настроеніемъ, и видимъ также, какъ во Флоренціи любовь къ искусствамъ овладѣвала самой жизнью церкви. Число гуманистовъ-священниковъ и монаховъ не мало, и у нихъ эта боязливая совѣстливость Камальдула все болѣе и болѣе исчезаетъ.

Джіаноццо Манетти происходилъ изъ благородной флорентинской фамиліи, былъ ученикомъ Траверсари по греческому и латинскому языкамъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ даже продолжателемъ его трудовъ. Онъ началъ учиться латыни уже на 25 году, но учился такъ ревностно, что спалъ только пять часовъ въ сутки; онъ старался изучить, узнать все, что только могъ. Мы видимъ какъ онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, попалъ въ философскую академію С. Спирито. Хотя онъ былъ еще новичекъ въ наукахъ, но, несмотря на это, находилъ отвѣты на самые трудные вопросы и смѣло вмѣшивался въ пренія самыхъ ученыхъ людей. За неимѣніемъ ихъ онъ готовъ былъ спорить съ каждымъ ученымъ евреемъ о его вѣрѣ, не для того, чтобы отклонить ихъ отъ нея, но, становясь въ такихъ случаяхъ на ихъ точку зрѣнія, ему доставляло удовольствіе пристыдить ихъ тѣмъ, что онъ лучше ихъ знаетъ еврейскій языкъ. Если Марзупини былъ язычникомъ, то Манетти былъ, напро-

тивъ, болѣе чѣмъ православный христіанинъ: христіанскую вѣру, говорилъ онъ, нельзя называть вѣрой, это сознательная увѣренность; ученіе церкви такъ же истинно, какъ треугольникъ есть истинно треугольникъ. И онъ былъ именно такимъ, который могъ доказать это. Онъ былъ замѣчательно начитанъ въ философіи и богословіи; греческихъ писателей онъ понималъ при одномъ бѣгломъ обозрѣніи; говоря и споря по латыни, онъ возбуждалъ даже зависть Бруни; онъ могъ, не приготовляясь, сказать рѣчь безъ запинокъ и притомъ со множествомъ ученыхъ прикрасъ; конечно, съ точки зрѣнія риторики и приготовленная рѣчь его была посредственна. Когда во Флоренціи онъ объяснялъ этику и политику Аристотеля, то у него всегда была масса восторженныхъ слушателей, между которыми не мало было молодыхъ дворянъ. Онъ написалъ біографіи Сократа, Сенеки, Данта, Петрарки, Боккачіо, Никколи, папы Николая V и свою автобіографію; кромѣ того, много обширныхъ, основныхъ ученыхъ сочиненій богословскаго содержанія, которыя по всей справедливости остались ненапечатанными. Одинъ старый знатокъ упомянутой литературы удивлялся, что слава Манетти, несмотря на его необыкновенныя, всестороннія знанія какъ-то стушевывалась передъ другими, вѣроятно потому, что онъ зналъ все хорошо, но ничего въ совершенствѣ. Это объясняется гораздо проще; при всей учености въ сочиненіяхъ Манетти не достаетъ изящности; тотъ, кто писалъ однообразнымъ и утомительнымъ, по пустотѣ содержанія, латинскимъ языкомъ, кто восхвалялъ такъ пошло, что только употреблялъ однѣ превосходныя степени, тотъ по приговору тогдашняго вкуса не могъ пріобрѣсти значенія при всѣхъ его знаніяхъ.

Это были почтенные ученые, переводчики, преподаватели языковъ, собиратели книгъ, основатели библіотекъ, которые могли сдѣлать свой городъ новой Александріей, но никакъ не были способны доставить ему славу сдѣлаться новѣйшими Аѳинами. Къ нимъ присоединялись геніи, живые свободные умы, которые въ мертвую науку вносили жизнь и огонь, а въ кругъ ученыхъ—недовольство и коварство; это были быстро воспроизводящіе таланты безъ характера, полные слабостей и пороковъ. Ихъ мѣстопребываніе рѣдко бываетъ постояннымъ, ихъ дѣятельность рѣдко посвящается одному направленію. И потому нечего удивляться, что они встрѣчаются то здѣсь, то тамъ, и что въ этой книгѣ даже о нихъ приходится упоминать то тутъ, то тамъ, то въ одномъ, то въ другомъ отношеніи.

Такимъ образомъ *Франческо Поджіо Браччіолини* давно уже извѣстенъ нашимъ читателямъ. Мы его причисляемъ къ флорентинской группѣ. Онъ родился во Флоренціи въ замкѣ Terranuova, своимъ образованіемъ онъ обязанъ Флоренціи, какъ ученикъ

Джіованни де-Равенна и Хризолораса. Затѣмъ онъ впродолженіе 40 лѣтъ (1413—1453) слѣдовалъ за папскимъ дворомъ; но если онъ даже въ Германіи и Франціи собиралъ сочиненія древнихъ римлянъ, его все-таки можно считать членомъ флорентинскаго круга, хотя и жившимъ внѣ его: оттуда его поддерживали, своихъ тамошнихъ друзей онъ извѣщалъ о своихъ находкахъ и посылалъ имъ классиковъ, которыхъ онъ вытаскивалъ на свѣтъ Божій; изъ Рима онъ почти ежегодно пріѣзжалъ во Флоренцію; цѣлыхъ 10 лѣтъ, впродолженіе которыхъ Евгеній IV избѣгалъ возмутившагося Рима, жилъ Поджіо преимущественно со своими друзьями во Флоренціи. Онъ женился тамъ на прекрасной 18-ти-лѣтней флорентинкѣ изъ благороднаго дома Буондельмонти. Когда умеръ Карло Аретино, онъ былъ призванъ во Флоренцію въ качествѣ его преемника въ достоинствѣ государственнаго канцлера, хотя былъ уже 72-лѣтнимъ старикомъ; онъ получилъ право гражданства въ республикѣ, избранъ былъ въ члены сеньоріи и самъ охотно называлъ себя флорентинцемъ. Онъ умеръ во Флоренціи 30 октября 1459 г.; его послѣднимъ сочиненіемъ, за которымъ постигла его смерть, была флорентинская исторія.

Во Флоренціи онъ велъ жизнь веселаго философа; онъ разбогатѣлъ при римскомъ дворѣ и пользовался на своей родинѣ плодами своихъ стараній и трудовъ. Его должность отнимала у него немного времени: онъ хвалилъ флорентинцевъ за ту свободу, которая предоставляла его собственному желанію исполнять налагаемыя на него обязанности или отклонять ихъ. Лучшую часть года онъ проводилъ въ Villeggiatur, радовался тамъ на своихъ дѣтей, на ихъ ропотъ и говоръ, которые были для него лучше всякаго краснорѣчія. Когда противники начали завидовать ему и мѣшать вести дѣла канцеляріи, то онъ во избѣжаніе непріятностей сложилъ съ себя эту должность и, будучи все еще высокоуважаемымъ человѣкомъ, посвятилъ себя ученымъ занятіямъ и почтенному досугу. Когда время заботъ о кускѣ хлѣба — въ молодости онъ жилъ лишь тѣмъ, что̀ получалъ за переписку книгъ—и время охоты къ путешествіямъ прошло, онъ съ радостнымъ, самодовольнымъ чувствомъ припоминалъ тѣ дни, когда онъ въ С. Галленѣ нашелъ «Институціи» Квинтиліана и переписалъ ихъ, и когда многихъ другихъ римскихъ писателей освобождалъ изъ монастырскихъ могилъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ небольшое имѣніе въ 4,000 шагахъ отъ города и назвалъ его своей Вальдарніаной. Онъ хорошо и удобно устроился въ домѣ, а для своихъ любимыхъ книгъ велѣлъ выстроить отдѣльную библіотечную залу, такъ какъ, шутилъ онъ, если ужъ такъ заботишься о собственномъ удобствѣ, надо же не забывать и о книгахъ. Въ этой залѣ сосредоточивалась гордость всей его жизни—рядъ латинскихъ и греческихъ рукописей, затѣмъ маленькій

музей мраморныхъ головокъ, монетъ и другихъ древностей, которыя онъ собралъ во время своихъ поѣздокъ въ Ферентино и Тиволи, Фраскати и Арпино, въ этихъ классическихъ мѣстахъ или у монаховъ знаменитаго Монте-Кассино, отчасти же получилъ черезъ друзей изъ Хіоса. Только одна мраморная головка сохранилась у него въ цѣлости, другія же въ борьбѣ съ столѣтіями или поплатились носами, или понесли другія варварскія искаженія. Но на нихъ онъ всегда узнавалъ руку древняго художника, и когда однажды онъ получилъ такого рода подарки изъ Греціи, его фантазія скоро превращала разбитые мраморные куски въ художественныя творенія Праксителя и Поликлета. Подобную обстановку онъ называлъ своею академіею. Его жизнь въ Вальдарніанѣ была досугомъ ученаго, также какъ жизнь Цицерона въ тускуланской или антіанской виллѣ, и, подобно римлянину древней республики, сѣдой государственный канцлеръ освѣжалъ свой умъ, занимаясь земледѣліемъ и садоводствомъ. Иногда онъ чувствовалъ себя здѣсь такимъ спокойнымъ и счастливымъ, что думалъ, будто сама судьба должна ему завидовать.

А какимъ злымъ и рѣзкимъ человѣкомъ былъ этотъ Поджіо! Онъ жилъ въ мирѣ только со своими флорентинскими друзьями. Старый Никколи съ самой молодости оказывалъ ему помощь и защиту; Поджіо признавался, что онъ обязанъ ему болѣе, чѣмъ родному отцу; когда онъ пріѣзжалъ изъ Рима, то первымъ его дѣломъ было пойти къ Карло Марзупини, съ которымъ онъ сходился въ томъ, что одинаково ненавидѣлъ монаховъ и лицемѣровъ. Также и съ Бруни онъ находился на дружеской ногѣ. Но, отдѣльно взятый, онъ былъ, такъ сказать, литературнымъ уличнымъ мальчишкой. Онъ владѣлъ неоспоримымъ талантомъ яростно браниться и клеветать самымъ низкимъ образомъ; между своими современниками онъ былъ безспорно самымъ ловкимъ, писалъ остроумно и пикантно, какъ никто другой; слогъ его отличался увлекательной живостью; страшно боялись его остроумія и его ѣдкой колкости: онъ не щадилъ даже могущественныхъ князей. Когда онъ посвятилъ и послалъ королю Альфонсу неаполитанскому и арагонскому свой переводъ «Киропедіи» и когда долго не была прислана ожидаемая награда, то онъ думалъ, что въ этой забывчивости виноваты нашептыванія его противника Лоренцо Валла, и въ своей досадѣ совсѣмъ иначе сталъ относиться къ королю: «Это была моя вина, что я посвятилъ мой трудъ тому, кто въ своихъ сужденіяхъ не самостоятеленъ, а зависитъ отъ другихъ; меня обманулъ слухъ, который распространился объ учености князя! Какъ я вижу, онъ не умѣетъ даже различать умныхъ людей отъ дураковъ. Онъ дѣлаетъ нѣкоторыя вещи напоказъ, чтобы подумали, что онъ цѣнитъ ученыхъ людей. Ты

утверждаешь, что надо выносить и презирать глупость тѣхъ людей, которые стараются унизить другихъ; ты правъ. Но глупость князей не нужно выносить, а нужно отдаляться отъ нея, потому что она вредна, и вѣрь мнѣ, что ничего не можетъ быть хуже такой глупости, которая только мѣшаетъ справедливому приговору и, соединяясь съ силой, готова на всякое преступленіе. Ничего нѣтъ хуже неблагодарности, она есть мать всѣхъ пороковъ; въ комъ есть этотъ порокъ, тому чужда добродѣтель. Еслибъ дѣло не было еще начато, то я поступилъ бы умнѣе, давъ болѣе благодарному возможность оказать мнѣ благодѣяніе». Въ такія разсужденія пускался Поджіо, когда писалъ своимъ друзьямъ въ Неаполь. Мы не знаемъ, узналъ ли Альфонсъ о недовольствѣ, впрочемъ вѣроятно узналъ, такъ какъ Поджіо нарочно разсылалъ и распространялъ между своими друзьями тѣ письма, въ которыхъ такимъ образомъ выражалъ свои приговоры. Въ тѣхъ экземплярахъ своего перевода, которые онъ велѣлъ переписать и издать еще когда былъ озлобленъ на Альфонса, имя послѣдняго и посвященіе вычеркнуты. Но, несмотря на это, король прислалъ ему вскорѣ 600 червонцевъ и удовлетворенный писатель восхвалялъ его величество по прежнему. Онъ посвятилъ ему напыщенное сочиненіе, въ которомъ восхвалялъ мудрость короля, какую онъ выказалъ при успокоеніи Италіи, и побуждалъ стать во главѣ морскаго похода на Турокъ, оно написано въ самомъ пылкомъ панегирическомъ тонѣ. Бартоломео Фаціо читалъ его королю въ присутствіи многихъ придворныхъ и Альфонсъ со вниманіемъ слушалъ льстивыя рѣчи знаменитаго литератора.

Мы упомянемъ послѣ о пасквилѣ Поджіо, направленномъ противъ Феликса, папы Базельскаго собора, за который безъ сомнѣнія ему заплатили; пропустимъ также пока его распри въ Римѣ съ Валлою, Перотти и Георгіемъ Трапезунтскимъ, а остановимся на той борьбѣ его, которая дѣлаетъ большую честь его перу.

Во Флоренціи онъ завязалъ споръ съ Гварино о превосходствѣ Сципіона надъ Цезаремъ. Поводомъ къ этому, вѣроятно послужило одно мѣсто изъ Петрарки «Торжество славы». Поэтъ пускаетъ въ этомъ сочиненіи идти впередъ вмѣстѣ и Сципіона африканскаго старшаго и Юлія Цезаря, но не рѣшая, кто изъ нихъ прежде подошелъ къ богинѣ славы; одинъ изъ нихъ былъ рабомъ добродѣтели, но не любви, а другой—рабомъ той и другой. Поджіо въ одномъ письмѣ стоялъ за превосходство Сципіона и не могъ удержаться отъ сильныхъ нападокъ на Цезаря. Это сочиненіе было для него, какъ онъ самъ сознается, скорѣе упражненіемъ въ слогѣ и тѣмъ невиннѣе, что дѣло не касалось никого изъ живыхъ, и мы никакъ не можемъ понять,

что заставило стараго Гварино, который находился на дружеской ногѣ съ Поджіо и вообще былъ мирнымъ человѣкомъ,— принять этотъ вызовъ. Его противникъ думаетъ, что маркграфъ Ліонель фонъ-Эсте былъ особеннымъ почитателемъ Цезаря, и что изъ любви къ нему, а также надѣясь получить награду, Гварино сталъ защищать Цезаря. Ихъ письменная борьба, которой нѣтъ въ печати, была обширна и въ ней не было недостатка въ личныхъ нападкахъ. Это оскорбленіе, говоритъ Поджіо, нанесенное старымъ другомъ, онъ никакъ не могъ пропустить безъ вниманія. Но онъ не хочетъ биться «по своему обычаю», а будетъ сдерживать себя. И въ самомъ дѣлѣ, пасквили Поджіо еще можно назвать вѣжливыми въ сравненіи съ другими, хотя онъ и называетъ въ нихъ Гварино невѣжественнымъ хвастуномъ. Онъ считаетъ такой споръ честнымъ, достойнымъ людей науки, смотритъ на него какъ на похвальное упражненіе съ цѣлью изощрить остроуміе, какъ въ похвалахъ, такъ и въ порицаніяхъ; онъ говорилъ, что въ подобныхъ случаяхъ можно думать различно и все-же остаться хорошими друзьями. Когда онъ женился на молодой флорентинкѣ и Гварино прислалъ ему вѣжливое поздравленіе, Поджіо отвѣчалъ тѣмъ же на такое дружеское обращеніе и хорошія отношенія опять возстановились. Поджіо относился съ уваженіемъ и защищалъ Гварино, говоря, что онъ принадлежитъ еще къ старой школѣ, изъ которой вышло столько отличныхъ людей. И съ этихъ поръ оба они награждали другъ друга самой изысканной вѣжливостью.

Но Поджіо было суждено еще разъ заступиться за это дѣло, хотя здѣсь уже былъ не ученый турниръ, а просто литературная схватка. Несчастная звѣзда навела Чиріако де Пицциколи на мысль написать Поджіо возраженіе отъ имени императора, именно: онъ защищалъ Цезаря, какъ основателя монархіи и называлъ умаленіе его достоинствъ — святотатствомъ. Относительно его Поджіо далъ полную свободу своей страсти злословить, называлъ его безстыднымъ и сумасшедшимъ болтуномъ, глупцомъ, надоѣдливой кобылкой, козлоногимъ сатиромъ, двуногимъ осломъ и т. д. Кромѣ того, Поджіо осмѣялъ францисканскихъ ученыхъ, съ которыми онъ былъ въ постоянной враждѣ, и наконецъ въ «Остротахъ» задѣлъ массу живущихъ и память многихъ умершихъ лицъ. Но хуже всего была сцена, когда онъ встрѣтился съ Филельфо, который въ этомъ отношеніи былъ достоинъ его. Въ своихъ 4 пасквиляхъ на него, Поджіо излилъ всю свою злость, какъ будто его желчь хотѣла освободиться отъ всего въ ней накипѣвшаго, а затѣмъ опять лились торжественныя, пышныя надгробныя рѣчи, опять онъ восхвалялъ до-пельзя Медичи, того или другаго дворянина, того или другаго кардинала; съ высоты философіи и изъ глу-

бины вѣры тогда являлась блестящая похвала и дѣлала мертвыхъ любимцевъ святыми, для того чтобы они были прославлены живущими.

Три итальянца почерпали свои знанія по греческому языку и литературѣ изъ самаго источника ихъ, изъ Византіи; это были: *Гварино* фонъ-Верона, Джіованни *Ауриспа* и Франческо *Филельфо* изъ Толентино. Ихъ жизни представляютъ очень много сходнаго. Когда они съ ящиками, полными греческихъ книгъ, въѣзжали въ каналы Венеціи, то обыкновенно старались удержать ихъ здѣсь, но свѣтлое и болѣе жаркое солнце Флоренціи всегда сманивало ихъ подъ свои лучи. Но все-же ни одинъ изъ нихъ не могъ ужиться во Флоренціи: ихъ самолюбіе было постоянно раздражаемо коварнымъ, остроумнымъ Никколи, этимъ литературнымъ диктаторомъ, и онъ, самъ вызвавъ ихъ, черезъ какихъ нибудь два года заставилъ ихъ удалиться, послѣ чего они избрали своимъ мѣстопребываніемъ княжескіе дворы: Гварино и Ауриспа жили въ Феррарѣ, а Филельфо въ Миланѣ. Отсюда ясно видно, что природные флорентинцы, или вѣрнѣе сказать Туски (этруски) относились недружелюбно къ пришельцамъ и составляли противъ нихъ оппозицію.

Чтобы привлечь Гварино въ свою академію, кураторы этой послѣдней (ufficialli dello studio) предоставили ему самому опредѣлить сумму жалованья. Вообще онъ былъ сноснымъ человѣкомъ, пользовавшимся расположеніемъ всѣхъ, но онъ надоѣлъ потому, что не поладилъ съ Никколи.

Ауриспа былъ кажется во Флоренціи очень не долго. Правда, когда ему пришлось ужъ очень плохо въ Болоньи и даже тогда, когда онъ оттуда отозванъ былъ въ Эсте, ему хотѣлось вернуться во Флоренцію, и онъ черезъ Траверсари и посредствомъ нѣкоторыхъ интригъ сильно добивался, чтобы его опять призвали туда. Чтобы придать себѣ больше значенія, онъ намекалъ на предложенія, сдѣланныя ему Болоньею, Миланомъ, Римомъ, привлекая въ то же время на свою сторону Никколи и Траверсари своими книгами. Желая удержать за собой возможность возвратиться на прежнее мѣсто, онъ просилъ держать эти переговоры въ тайнѣ, чтобы они не дошли до маркграфа. Но такъ какъ флорентинцы сдѣлали уже предложеніе Филельфо, то онъ дружески предупредилъ его не принимать такого предложенія, доказавъ ему, что въ Феррарѣ его положеніе гораздо лучше. Такимъ способомъ онъ хотѣлъ освободиться отъ конкурента во Флоренціи и замѣстить свое мѣсто въ Феррарѣ.

Но Филельфо былъ не изъ тѣхъ, которые пренебрегали бы такимъ почетнымъ и выгоднымъ приглашеніемъ во Флоренцію, сдѣланнымъ ему Козимой Медичи, Палла Строцци, Никколи, Бруни и Траверсари. Чтобы переманить и Никколи и чтобы

выхлопотать себѣ хорошее жалованье, по крайней мѣрѣ въ четыреста гульденовъ, онъ употребилъ то же средство, какъ и Ауриспа: онъ намекнулъ, что ему хорошо и въ Болоньи, и что кромѣ того его звали и въ Падую, а также и въ Римъ; при-этомъ онъ отослалъ имъ списокъ своихъ греческихъ книгъ, говоря, что ждетъ еще другія изъ Византіи на венеціанскихъ корабляхъ; затѣмъ онъ въ своихъ письмахъ къ Траверсари и Бруни, совсѣмъ не кстати употреблялъ греческія слова, какъ-бы желая этимъ сказать: вы видите, на что способенъ Филельфо. Не было также недостатка въ лести и въ дружескихъ завѣреніяхъ; по его словамъ, онъ страстно стремился во Флоренцію, въ монастырѣ delli Angioli къ Траверсари и Никколи. Между тѣмъ переговоры не затягивались, такъ какъ Филельфо не хотѣлъ удовольствоваться частнымъ приглашеніемъ флорентинскихъ дворянъ, желая получить приглашеніе отъ лица самихъ кураторовъ академіи. Вотъ что онъ обязывался прочесть или лучше сказать истолковывать: ежедневно четыре постоянныхъ лекціи о Тускуланахъ Цицерона; первое десятикнижіе Ливія, риторическое сочиненіе Цицерона и Иліаду. Сверхъ этого, онъ предполагалъ объяснять Теренція, письма Цицерона съ практическими упражненіями, нѣсколько рѣчей его, а изъ греческихъ писателей Фукидида и Ксенофонта, и еще прочесть лекцію о нравственной философіи.

Филельфо прибылъ во Флоренцію въ апрѣлѣ 1429 года. Въ то время онъ считался лучшимъ греческимъ учителемъ, самымъ искуснымъ стихотворцемъ запада и кромѣ того слылъ еще за извѣстнаго латиниста. Куда онъ ни являлся, вездѣ уже ходила о немъ слава; это былъ кумиръ литературнаго міра, которому всѣ поклонялись. И во Флоренціи нѣкоторое время онъ былъ предметомъ разговоровъ, люди глазѣли на него на улицахъ; онъ носилъ еще греческую бороду, а жена его, съ которой онъ обыкновенно выходилъ, была природная византійка; богатый Козимо и Палла Строцци своими дружескими посѣщеніями выказывали свое уваженіе къ нему. Даже Бруни, тогда государственный канцлеръ, считалъ за честь дружбу съ Филельфо; послѣдній написалъ ему по гречески письмо, въ которомъ просилъ ходатайствовать за него, и переслалъ ему свой переводъ Діона Кассія. Даже Никколи сдѣлался предупредительнѣе и почтительнѣе, чѣмъ всегда. Еще до Флоренціи не дошла худая слава, какая слѣдовала за молодымъ ученымъ изъ Венеціи, гдѣ онъ имѣлъ сношеніе съ нѣкоторыми образованными дворянами. Однако же нѣкоторыя дурныя стороны его характера, которыя тамъ вполнѣ выяснились, успѣли уже и здѣсь незамѣтно обратить на себя вниманіе.

Филельфо былъ молодъ, въ немъ кипѣли еще свѣжія могучія силы, онъ думалъ, что ему, какъ любимому сыну боговъ,

не трудно достигнуть вѣчной, безграничной славы, и потому всякое поклоненіе онъ принималъ какъ должную дань. Подобно избалованному ребенку, онъ и не подозрѣвалъ, что весь этотъ воскуряемый ему ѳиміамъ основанъ былъ скорѣе на надеждахъ, какія возлагали на него, чѣмъ на его дѣйствительныхъ заслугахъ. Онъ ходилъ по улицамъ съ гордостью человѣка, чело котораго увѣнчано лучшимъ лавровымъ вѣнкомъ и который поэтому можетъ съ презрѣніемъ взирать на завидующихъ его славѣ. Что онъ—геній своего времени, это у него обратилось въ idée fixe; отсюда происходила его ребяческая, смѣшная хвастливость, не оставлявшая его и въ старости. Очень понятно, что онъ нажилъ себѣ массу враговъ и что первое пренебреженіе, оказанное ему возбудило въ его душѣ подозрѣніе, ненависть и ярость.

Безъ сомнѣнія только любознательность сначала побуждала Никколи и Карло Ареццо присутствовать сначала въ школѣ Филельфо, въ числѣ тѣхъ 200 и болѣе слушателей, которые обыкновенно его посѣщали. Но самъ Филельфо разсуждалъ иначе; онъ былъ убѣжденъ, что ихъ къ этому побуждаетъ зависть и что они хотятъ подмѣтить у него какую-нибудь ошибку или слабую сторону; особенно не довѣрялъ онъ молчаливому Карло; про Никколи же онъ думалъ, что это скорѣе глупый болтунъ, нежели хитрый человѣкъ. Въ дѣйствительности же ему не пришлось долго заблуждаться; воодушевленіе, съ какимъ его приняли, должно было скоро пройти; его научились понимать и мнѣніе о немъ, какъ нѣкогда высказался Траверсари, составилось слѣдующее: «онъ полонъ греческаго тщеславія и легкомыслія, много о себѣ думаетъ, и еслибъ похвала была даже и заслужена, то все-же въ его собственныхъ устахъ она теряетъ всякое значеніе». Наконецъ, казалось, что онъ болѣе обращаетъ вниманія на наряды и золото, чѣмъ можетъ допустить благородный умъ. Однажды по обыкновенію онъ читалъ что-то изъ своихъ сочиненій своимъ литературнымъ друзьямъ и ожидалъ, что каждому слову его будутъ аплодировать съ энтузіазмомъ. Никколи же прерывалъ его часто своими замѣчаніями, которыя были отчасти насмѣшливы и рѣзки; это было сигналомъ къ яростной борьбѣ. Филельфо началъ жаловаться, называлъ Никколи нарушителемъ дружбы, невѣжей, неблагодарнымъ; послѣднее на томъ основаніи, что онъ, Филельфо, своими похвальными письмами способствовалъ славѣ Никколи, человѣка, никому прежде неизвѣстнаго. Онъ написалъ на него сатиру подъ другимъ именемъ, и былъ настолько дерзокъ, что посвятилъ ее Траверсари, зная при этомъ, въ какой дружбѣ онъ былъ съ Никколи; но онъ хотѣлъ освятить уважаемымъ именемъ камальдуловъ тѣ грязныя обвиненія, которыя онъ взводилъ на Никколи, имѣя въ

виду показать этимъ, что Траверсари самъ побудилъ его написать такой пасквиль, но Амброжіо, напротивъ, протестовалъ противъ этого, заявивъ, что подобная сатира, по его мнѣнію, ничто иное какъ клевета, а авторъ ея лжецъ. Не смотря на это Филельфо обнародовалъ ее вмѣстѣ съ посвященіемъ, вслѣдствіе чего пріобрѣлъ себѣ рѣшительнаго врага и въ лицѣ Траверсари. Послѣдній въ то время переводилъ «Извѣстія о знаменитыхъ философахъ» Діогена Лаерція; Филельфо помогалъ ему въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ мѣстахъ, обѣщая также взять на себя переводъ нѣкоторыхъ стиховъ, входившихъ въ сочиненіе. Это обстоятельство дало поводъ Филельфо къ саркастической сатирѣ, въ которой онъ называетъ Траверсари чваннымъ человѣкомъ, желающимъ воспользоваться чужимъ перомъ для собственной славы; онъ совѣтуетъ ему перевести стихи самому; если же онъ не можетъ, то или выпустить ихъ, или переложить въ прозу, или предварительно научиться переводить, лучше же всего, если онъ совсѣмъ не будетъ браться за переводъ свѣтскаго сочиненія и обратится къ своимъ священническимъ обязанностямъ, что болѣе подойдетъ къ монашескому клобуку, нежели ученая профессія. Эта сатира была адресована Манетти, ученику Траверсари, въ чемъ, конечно, также проглядывала нѣкоторая доля коварства. Тогда во Флоренціи распространился на Филельфо пасквиль, авторомъ котораго не трудно было узнать Поджіо, друга Никколи. Филельфо потребовалъ отчетъ у него, не онъ ли написалъ «такую глупую, безсмысленную вещь». Поджіо открыто не признался, но и не отказывался; пусть Филельфо не думаетъ, что онъ только одинъ имѣетъ право браниться и клеветать и что никто не въ состояніи постоять за Никколи.

Такимъ образомъ у дерзкаго Толентинца явилось уже четыре рѣшительныхъ врага, которые при всемъ этомъ были уважаемыми людьми, хотя Траверсари, по крайней мѣрѣ, сохраняя сдержанность въ публичныхъ выраженіяхъ, не вполнѣ оправдывалъ и Никколи. Конечно, въ дружескихъ письмахъ къ этому онъ былъ совершенно согласенъ съ противниками Филельфо; такъ онъ предложилъ, будучи въ Венеціи, пригласить въ качествѣ учителя греческаго языка Георгія трапезунтскаго и такимъ образомъ вытѣснить Филельфо. Одинъ только Бруни стоялъ еще за Филельфо и то лишь потому, что онъ былъ въ ссорѣ съ Никколи изъ-за Бенвенуты. Къ несчастью Филельфо, его враги были любимцы Медичи и ему скоро пришлось убѣдиться въ ихъ вліяніи. Несмотря на то, что сынъ Козимо, Пьетро, былъ его ученикомъ, онъ не могъ ожидать, однако, отъ послѣдняго ничего хорошаго, такъ какъ самъ Козимо представлялся ему недоступнымъ, гордымъ и сдержаннымъ. Но онъ считалъ еще возможнымъ противодѣйствовать вліянію Никколи, Поджіо и Марзупини

на Козимо. Относительно же Лаврентія Медичи, онъ увѣренъ былъ, что тотъ чувствуетъ къ нему непреодолимую антипатію; онъ смотрѣлъ въ сторону, когда Филельфо кланялся ему. Но яснѣе всего высказалась немилость Медичей къ нашему ученому въ томъ, что, благодаря ихъ вліянію, Карло Ареццо приглашенъ былъ на каѳедру краснорѣчія и такимъ образомъ являлся его несомнѣннымъ соперникомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Марзуппини удалось открыть свою школу съ блестящимъ успѣхомъ и возбудить сильную зависть Филельфо, такъ какъ передъ его каѳедрой находились самые ученые люди Флоренціи и папской куріи, папскіе фавориты и нѣкоторые кардиналы. Было сдѣлано предложеніе уменьшить жалованье Филельфо и такимъ образомъ побудить его къ добровольному отъѣзду; съ большой ловкостью былъ затронутъ финансовый вопросъ и возникали сомнѣнія, дѣйствительно ли заслуживаетъ дѣятельность Филельфо такого высокаго жалованья. Марзуппини предложилъ прочитать тоже самое за третью часть этой суммы; казалось, не хотѣли возбуждать слишкомъ большаго шума. Но самъ Филельфо, благодаря всѣмъ этимъ мелочнымъ придиркамъ, сдѣлался какъ будто слѣпымъ и съумасшедшимъ. Онъ больше чѣмъ когда-либо говорилъ о своей славѣ, становился все ядовитѣе въ отношеніи Никколи и Карло Ареццо и все оскорбительнѣе и безстыднѣе насмѣхался надъ ними въ своихъ письмахъ и сатирахъ. Затѣмъ онъ замѣшался въ партіи республики, задѣвалъ въ своихъ сатирахъ народную партію и Медичей, особенно Козимо, котораго онъ дерзко предостерегалъ не разсчитывать на свое богатство и не забывать судьбы Креза. Разъ, когда Филельфо шелъ утромъ въ академію, на него съ мечемъ наскочилъ убійца, одѣтый флорентинскимъ купцомъ, но Филельфо сильнымъ ударомъ въ грудь оттолкнулъ его отъ себя и успѣлъ уйти. Не безизвѣстно было, кто былъ убійца: назывался онъ Филиппо, происходилъ изъ Казале на По и считался бандитомъ. Знали также, кто побудилъ его къ убійству, именно нѣкто Джироламо Броккардо изъ Имолы, но кто заставилъ послѣдняго? Филельфо былъ убѣжденъ, что Медичи знали объ этомъ, и утверждалъ, что Броккардо имѣетъ сношеніе съ Лаврентіемъ Медичи, Марзуппини и Никколи, и съ тѣхъ поръ ненависть его уже не знала предѣловъ. Но этотъ случай уже былъ забытъ, когда въ сентябрѣ 1433 года произошла революція. Дворяне захватили въ руки власть и Козимо Медичи былъ арестованъ, радость Филельфо не знала границъ, его пророческое слово, казалось, сбылось и день мщенія наступилъ. Въ одной сатирѣ, направленной противъ главы побѣждающей партіи, Палла Строцци, онъ упрекаетъ послѣдняго въ мягкосердечіи, вслѣдствіе которой онъ довольствуется только изгна-

ніемъ демагога, между тѣмъ какъ Филельфо требовалъ его смерти.

Козимо былъ тогда сосланъ въ Венецію; его литературные друзья и при Строцци и Альбицци остались въ прежнемъ уваженіи, хотя конечно должны были выносить заносчивость Филельфо, который въ особенности задѣвалъ Никколи, Марзуппни и Поджіо, поддерживававшаго въ то время больнаго Никколи. Впрочемъ и они не остались въ долгу. Извѣстно, что не прошло и году, какъ голосъ народа повелительно потребовалъ возвращенія Козимо.

При его приближеніи враги удалились, а съ ними и Филельфо. Еслибъ я остался, говорилъ онъ, чтобы случилось тогда съ музами и съ Филельфо? Его приглашала Сіена въ свою академію. Теперь Поджіо щедро отплатилъ ему за всѣ клеветы и оскорбленія, которыя онъ нанесъ его флорентинскимъ друзьямъ, а въ умѣніи браниться Филельфо долженъ былъ уступить Поджіо, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній писалъ свои пасквили прозой и истощалъ терминологію брани, тогда какъ Филельфо оставался вѣренъ щегольскимъ стихамъ сатиры, гдѣ рѣзкость выраженій имѣла свои границы.

Мы еще не разъ возвратимся къ литературѣ пасквилей и думаемъ обратить вниманіе читателя, который бы пожелалъ себѣ составить понятіе о ней; здѣсь мы только упомянемъ о той несдержанности въ обвиненіяхъ, которая, вѣроятно, не имѣла ничего подобнаго себѣ. Нѣтъ ничего такого, что было бы пощажено перомъ Поджіо, но противники Филельфо и Палла дѣлали тоже самое. Отецъ, мать, жена подвергались равнымъ образомъ брани и клеветѣ. Нравственности тѣхъ, на кого нападали, старались повредить невѣроятными подозрѣніями и упреками, указаніемъ же на самые случаи и имена придать имъ значеніе и вѣроятность. Филельфо между прочимъ обвиняли въ томъ, что онъ «въ Венеціи не отдалъ занятыхъ имъ денегъ у Леонардо Джустиніани и потому подвергся тюремному заключенію во Флоренціи; оставшись одинъ въ библіотекѣ Бруни, онъ укралъ у него клейноды, принадлежавшія женѣ Бруни; Поджіо знаетъ одного флорентинскаго юношу, съ которымъ Филельфо велъ самую постыдную игру; развѣ я лгу, выдумываю, прибавляю что нибудь къ истинѣ? нѣтъ, юноша этотъ живъ и засвидѣтельствуетъ мои слова, и есть свидѣтели, которые услышатъ это и имена которыхъ, совершенно помимо ихъ желанія, могли бы быть приведены для твоего вѣчнаго позора.»

Ярость литературныхъ схватокъ не уменьшилась и тогда, когда Филельфо окончательно покинулъ Флоренцію, и, къ сожалѣнію, дѣло не ограничилось письменной перебранкой, хотя мы и допускаемъ, что разгоряченная фантазія Филельфо увеличила

въ его глазахъ преслѣдованіе его. Въ Сіенѣ сошлись много изгнанныхъ изъ Флоренціи дворянъ, а политическіе враги Медичей заключили союзъ съ литературными. Въ своей рѣчи, полной огня и ядовитости, Филельфо призывалъ изгнанныхъ флорентинцевъ къ вооруженному нападенію на городъ, и герцога Миланскаго просилъ о помощи; эта рѣчь сохранилась, списанная рукой Ринальдо дельи Альбицци, главою заговорщиковъ. Въ то же время Филельфо изливалъ свою желчь въ сатирахъ на Козимо, Марзупини, Никколи и Поджіо; въ силу закона, изданнаго противъ возмутителей, онъ былъ окончательно изгнанъ изъ Флоренціи. Не удивительно, что при такомъ озлобленіи умовъ на сцену снова являются ядъ и кинжалъ. Около десяти мѣсяцевъ спустя послѣ побѣга Филельфо изъ Флоренціи, въ Сіенѣ явился вышеупомянутый Филиппо и тайно разузнавалъ объ образѣ жизни, какой велъ молодой профессоръ. Онъ былъ схваченъ, подвергнутъ пыткѣ и наказанъ отсѣченіемъ руки, сознавшись, что хотѣлъ убить Филельфо, но зато все остальное было покрыто непроницаемымъ мракомъ. Филельфо публично обвинялъ въ этомъ Медичи и своихъ флорентинскихъ соперниковъ, утверждая, что его даже здѣсь, въ Сіенѣ, хотятъ отравить, какъ прежде во Флоренціи.

Мы не думаемъ, чтобы Козимо-Медичи зналъ о подобныхъ покушеніяхъ; онъ стоялъ выше всѣхъ литературныхъ споровъ и имѣлъ въ виду только талантъ и его способность возвеличить государство. Когда въ сентябрѣ 1437 г. Никколи, главнаго противника Филельфо, не было уже въ живыхъ, то Медичи даже при посредствѣ Траверсари велъ переговоры съ Филельфо, приглашая его снова возвратиться. Еслибъ онъ имѣлъ что нибудь худое на умѣ, какъ утверждаетъ Филельфо, то врядъ-ли онъ обратился бы къ посредничеству генерала камальдуловъ. Но отвѣтъ изгнаннаго былъ рѣшителенъ и гордъ: «Козимо употребляетъ противъ меня ядъ и кинжалъ, я же свое перо и умъ. Я не хочу дружбы Козимо и презираю его вражду.»

Черезъ нѣсколько лѣтъ ярость почти настолько уже охладѣла, что онъ самъ протянулъ руку примиренія Козимо, которымъ онъ такъ долго пренебрегалъ; правда, это было сдѣлано съ высокомѣріемъ: онъ поставилъ себя наряду съ Козимой и хвасталъ, что Медичи заслужитъ безсмертную славу, призвавши его назадъ, а флорентинскій народъ по примиреніи этихъ двухъ враговъ будетъ вѣчно блаженствовать. И дѣйствительно, изгнаніе Филельфо было отмѣнено по рѣшенію Синьоріи, но герцогъ Миланскій, не желая лишиться своего придворнаго поэта, помѣшалъ этому дѣлу. Но какъ бы то ни было, а затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ мы видимъ, что Филельфо окончательно помирился съ Козимо и находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Рядъ ученыхъ, которые, подобно спутникамъ, вращались вокругъ солнца Медичей, замыкается двумя греками, которые были приглашены для чтеній въ академіи. Во время Уніатскаго собора здѣсь училъ греческой грамматикѣ, латинской риторикѣ, логикѣ и діалектикѣ *Георгій Трапезунтскій*, какъ называлъ онъ себя, хотя родиной его былъ островъ Критъ. Кромѣ публичныхъ лекцій, онъ еще частнымъ образомъ занимался упражненіями со своими учениками. Однако же онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые призываются республикой, получаютъ жалованье, но не пользуются личной благосклонностью ея представителей.

Дѣятельность *Іоанна Аргиропула* начинается конечно въ томъ періодѣ, о которомъ мы говоримъ, но простирается гораздо дольше его, такъ какъ онъ жилъ очень долго. Онъ толковалъ изгнанному Палла Строцци сочиненія Аристотеля, а въ 1456 г. былъ призванъ Козимо во Флоренцію и училъ здѣсь перипатетической философіи и черезъ 10 лѣтъ получилъ права гражданства. По праздникамъ, онъ въ сопровожденіи своихъ лучшихъ учениковъ отправлялся во дворецъ Медичей, чтобы тамъ спорить о безсмертіи души и о другихъ философскихъ и богословскихъ матеріяхъ съ Козимо Медичи, которому уже тогда подагра не позволяла выходить изъ комнаты.

Учениками Аргиропула были: Пьетро сынъ Козимо, великій Лаврентій, его внукъ, Донато Аччіаоли; позднѣе въ Римѣ Анъоло Полиціано и Іоаннъ Рейхлинъ. Безспорно, онъ былъ самымъ талантливымъ изъ всѣхъ грековъ, переселявшихся въ Италію, и настоящимъ византійцемъ: капризенъ, хвастливъ, ненадеженъ, несносенъ и притомъ замѣчательный обжора. Дерзкій и колкій, какъ большая часть его земляковъ, онъ объявилъ разъ, чтобы позлить итальянцевъ, что Цицеронъ былъ полнѣйшимъ невѣжей въ греческомъ языкѣ, равно какъ и въ философіи; только въ одномъ онъ признавалъ превосходство латинянъ, это въ вѣрѣ, такъ какъ, опять таки подобно своимъ землякамъ, не только отрекался отъ своихъ греческихъ ересей, но даже доказывалъ въ одной полемической статьѣ происхожденіе Святаго Духа отъ Отца и Сына.

Такимъ образомъ Флоренція стала новымъ отечествомъ греческой литературы и въ концѣ XV ст. Анъоло Полиціано могъ сказать Флорентинскимъ гражданамъ: «Это вы, мужи Флоренціи, въ государствѣ которыхъ воскресло и расцвѣло греческое образованіе, давно уже потухшее въ самой Греціи; изъ среды васъ вышли люди, которые открыто изучаютъ греческую литературу, дѣти вашихъ лучшихъ дворянъ говорятъ такъ свободно и на такомъ чистомъ аттическомъ языкѣ, что кажется будто Аѳины не разрушены, не заняты варварами, а добровольно оторваны

отъ своей почвы, и со всѣми своими средствами къ образованію перенесены во Флоренцію, гдѣ достигли своего высшаго процвѣтанія.

(Die Wiederbelebung des Klassischen Alterthums. Dr. Georg Voigt, ст. 148—188. Berlin. 1859).

5. ВОЗРОЖДЕНІЕ.

а) *Италія.* — Тѣни древняго міра. — Естественное предназначеніе Италіи. Отсутствіе чистой готики.—Возрожденіе латинской литературы въ XII в.— Пизано, Чимабуе, Джіотто, Оркапья. — Данте, Бокаччіо, Петрарка. — Запустѣніе Рима. — Призваніе Тосканы ко главенству.—Медичи. Новая Греція при Козимо, платоническая Академія, Фичино, Пико де-Мирандола. — Книгопечатаніе въ Италіи, его непопулярность.—Предвѣстники Возрожденія: Брунелески, Джиберти, Массаччіо и др. Савонорола. — Николо Макіавелли, его принципы, тенденціи, характеръ и система. — Процвѣтаніе искусствъ въ эпоху Renaissance: Леонардо да-Винчи, Микель Анджелло и Рафаэль.

Если есть какая либо страна, способная вызвать воспоминаніе объ античномъ идеалѣ, такъ это именно Италія. Надъ нею не переставалъ носиться духъ древняго классическаго міра даже во время бурнаго переселенія народовъ. Всѣ попытки въ сферѣ искусствъ являются ничѣмъ инымъ, какъ предвозвѣстниками эпохи возрожденія. И, однако же, какъ различно долженъ былъ дѣйствовать классическій геній на почвѣ древняго Рима, который служилъ пантеономъ и святилищемъ всего языческаго міра! И совсѣмъ иначе тамъ, гдѣ верховный жрецъ увѣковѣчилъ титулъ Цезаря, и Флоренція наслѣдовала мистическое имя Рима! Эстетическое чутье населенія стояло на сторонѣ духовнаго господства папъ надъ міромъ.

Италія никогда не вступала вполнѣ на путь идеала настоящей средневѣковой жизни, она никогда не пропадала въ немъ безслѣдно; въ ея потрясеніяхъ всегда давало себя знать присутствіе чуждыхъ ей языческихъ элементовъ; раньше всѣхъ странъ она возвратилась отъ символизма къ пластикѣ.

Готическій стиль, какъ осуществленіе христіанско-германскаго идеала; стремленіе къ небесамъ романскаго храма, та высокая единая система искусства, въ которой архитектура и ваяніе взаимно дополняютъ другъ друга, та «свѣтлая высь» съ голыми стѣнами и закрытыми окнами, съ исполинскими колоннами и подпорами, съ своими башнями и башенками, которыя крестообразно стремятся въ облака; зачастую съ массивными, расположенными по нишамъ и притворамъ, изваяніями; съ живописью на алтарѣ и окнахъ; съ магическими, почти музыкальными органами (Radrose) на западной сторонѣ,—такое искусство

въ Италіи никогда не было вполнѣ туземнымъ. Въ Римѣ единственный храмъ S.-Maria sopra Minerva подражаетъ остроконечному стилю; въ Орвіето, Сполето, Ассиси, Перуджіа, Сіенѣ храмы считаются «готскими», но ихъ красивые фасады, не прорѣзанные откосо и расписанные въ рельефѣ, представляютъ собою каменные *Intarsia*; камень употребляется для красоты, онъ не уходитъ въ небо. Особенной чистотой готическаго стиля отличается небольшая церковь С.-Марія делла Спина въ Пизѣ, а настоящій готическій корабль мы видимъ въ Верхней Италіи, въ Чертоза въ Павіи, который только въ концѣ XIV вѣка былъ начатъ *).

Для подобныхъ построекъ, чуждыхъ ей, Италія не всегда умѣла найти у себя даже мастеровъ. Церковь св. Андрея въ Верцелли строилъ англичанинъ въ XIII столѣтіи; церковь св. Франциска въ Ассизѣ была дѣломъ нѣмца Якобуса. Сто лѣтъ спустя Генрихъ Гмундскій воздвигъ въ Миланѣ мраморный соборъ готическаго стиля; а въ то время, какъ иностранцы воздвигали свои постройки въ Верцелли и Ассизѣ, въ это время уже начался переворотъ въ итальянскомъ искусствѣ.

Въ XII столѣтіи уже Италія праздновала возрожденіе *латинской* литературы. Около половины XIII вѣка, какъ-бы воодушевляемый духомъ древняго міра, выступаетъ здѣсь великій *Никола Пизано,* оставляя живое свидѣтельство первыхъ пробесковъ возрожденія въ перенесеніи христіанской миѳологіи на Олимпъ, въ передѣлкѣ Мадонны въ Юнону и въ изображеніи страшнаго суда еще за три столѣтія до появленія Микель-Анджело. Съ такимъ же античнымъ духомъ является и его сынъ, *Джіованни,* въ своей мадоннѣ на южной сторонѣ собора во Флоренціи, между тѣмъ какъ его же рельефы на соборѣ въ Орвіето и на каѳедрѣ св. Андрея въ Пистоѣ уже вполнѣ предвѣщали

---

*) *Готическій, вѣрнѣе германскій* стиль, явился въ 12 ст.; основанъ на соединеніи остраго арабскаго свода съ колоннами, и на общей формѣ базилики. Круглые столбы и острые своды смѣло поднимаются вверхъ и по мѣрѣ развитія стиля все болѣе гармонически соединяются другъ съ другомъ. Тяжеловѣсность романскаго стиля изчезаетъ, массы голыхъ стѣнъ скрадываются разнообразными украшеніями; все вмѣстѣ представляетъ одно послѣдовательно развитое цѣлое, отъ самыхъ основаній до легкихъ рѣзныхъ, на подобіе кружевъ, смѣло уходящихъ въ небо башень.—Въ *византійскомъ стилѣ*, входитъ, какъ новая составная часть, сводъ въ видѣ подковы, острый, стрѣльчатый, и стремленіе къ фантастической и роскошной орнаментаціи. Но все это не проникнуто одной идеей, не составляетъ гармоническаго цѣлаго. Здѣсь смѣсь арабскаго или мавританскаго съ римскимъ.—*Романскій стиль.* Главная форма есть также римская базилика, но круглый сводъ здѣсь господствуетъ, и съ нимъ сообразуются всѣ другія части. Лучшіе его памятники въ Тосканѣ и въ Нормандіи.

страстный пылъ Микель-Анджело. Еще и теперь можно видѣть въ Пизѣ античный саркофагъ, первоначально предназначенный для погребенія матери графини Матильды, а впослѣдствіи служившій классическимъ образцомъ для Никколы.

Третій Пизано, Андреа, какъ ученикъ Джіотто, принималъ участіе въ постройкѣ колокольни во Флоренціи, но увѣковѣчилъ память о себѣ чудною картиною «Исторія Іоанна Крестителя» въ настоящемъ архитектонскомъ стилѣ (1330 г.).

Какъ братья Пизано освободили архитектуру отъ средневѣковыхъ оковъ, точно такъ же Чимабуэ въ XIII столѣтіи освободилъ живопись отъ мертвенности и безжизненности византійскаго стиля. Въ его мадоннахъ пробивается первое впечатлѣніе, руководившее художникомъ, сквозь условное подражаніе, а въ своихъ «Викторіяхъ» онъ превосходно воспользовался выдающимися геніями древности. *Джіотто*, архитекторъ и ваятель, современникъ Данта, возсоздалъ на флорентійской колокольнѣ цѣлый эпосъ духовнаго развитія, отъ созданія человѣка до примиренія человѣческаго рода подъ сѣнью искусствъ и наукъ; при этомъ онъ превосходно владѣетъ кистью и возводитъ искусство Чимабуэ на высоту, вѣрнаго дѣйствительности, натурализма. Какая сила творчества въ его «Исторіи Іисуса и Маріи» въ церкви Санта Марія въ Падуѣ! Андрей Орканья, ваятель, сдѣлалъ въ церкви св. Михаила, во Флоренціи, дарохранительницу и, кромѣ того, написалъ двѣ замѣчательныя картины: «Торжество смерти» и «Страшный судъ». Затѣмъ, величайшій поэтъ среднихъ вѣковъ пробудилъ своихъ двойниковъ въ образовательномъ искусствѣ. Джіотто изобразилъ самого поэта, а Бернардо Орканья—его «Адъ» совершенно въ духѣ Данта; въ немъ былъ даже великій Аверроесъ.

Необыкновеннымъ видѣніемъ начинаетъ Дантъ свою «Божественную комедію». Въ путеводители по чистилищу и аду избираетъ себѣ предводитель литературнаго возрожденія, величайшаго латинскаго поэта, волшебника Виргилія, традиціи котораго такъ тѣсно связываютъ древній Римъ съ новой Италіей. Изъ-подъ его руки вылились тѣ чудныя терцины, которыя невольно облекались пластичностью въ искусно созданной риѳмѣ; гармоническая легкость въ нихъ идетъ наряду съ неизбѣжностью мысли, возвѣщая собою великое, единое воззрѣніе на міръ. Основываясь всецѣло на католическихъ преданіяхъ внѣ всякой полемики съ какимъ либо ученіемъ вѣры, хотя бы послѣднее касалось «вѣчныхъ» мукъ ада, Данте, однако, является вполнѣ оригинальнымъ мыслителемъ. Изъ-подъ его пера оживляется бездушная природа до полноты вызвышеннѣйшихъ и очаровательныхъ явленій. Онъ непосредственно вращается въ ней и для нея, выставляя ее безъ всякой абстракціи. Если воз-

рожденіе въ то же время разсматривать какъ пробужденіе индивидуальности, онъ, безспорно, является настолько смѣлою личностью, чтобы имѣть мужество *самого себя изслѣдовать* и характеризовать въ сонетахъ. Какъ въ Данте народный языкъ привѣтствуетъ своего перваго поэта, такъ въ Бокаччіо привѣтствуетъ онъ своего перваго прозаика въ такое время, когда нигдѣ въ Европѣ не было еще и рѣчи объ установившихся законахъ языка. Обаяніе его новеллъ неотразимо, а что онъ осмѣивалъ безпорядочную жизнь духовенства, не можетъ быть поставлено ему въ вину, такъ какъ это—слѣдствіе возрожденія. Но Бокаччіо былъ въ то же время чрезвычайно серьезный человѣкъ; онъ читалъ Гомера на греческомъ языкѣ, какъ Данте—Виргилія на латинскомъ; его наставникъ, Леонтій Пилатъ, былъ первый странствующій грекъ изъ Константинополя, основательно толковавшій съ каѳедры «Божественную комедію».

На помощь Бокаччіо явился Петрарка, впервые замѣнившій церковный жаргонъ классическою латынью. Горько жаловался поэтъ, что во всей Италіи нѣтъ и десяти человѣкъ, которые понимали бы и цѣнили Гомера! Монахъ Варлаамъ изучалъ съ нимъ Платона въ оригиналѣ, и такимъ образомъ мало по малу вмѣстѣ съ греческимъ языкомъ вторгался и греческій складъ мысли въ страну возрожденія. Пробудилась страсть къ собиранію старинныхъ рукописей; Бокаччіо и Петрарка были первыми *провозвѣстниками* академіи и библіотеки во Флоренціи въ XV столѣтіи. Римъ тогда опустѣлъ; переселеніе папъ въ Авиньонъ и послѣдовавшій затѣмъ великій расколъ сдѣлали вѣчный городъ безлюднымъ и пустыннымъ. Поджіо говоритъ, что въ началѣ XV столѣтія было въ Римѣ только шесть античныхъ статуй. Ранке говоритъ: въ 1443 году Римъ былъ городомъ пастуховъ. Холмы были покинуты, жили только въ долинѣ Тибра, въ немощеныхъ улицахъ, и скотъ свободно расхаживалъ вездѣ какъ въ деревнѣ. «Не называется ли и до сихъ поръ Форумъ «Il campo vaccino»? Капитолій назывался горою козъ. Старинная церковь Св. Петра грозила разрушеніемъ. Такимъ образомъ первенство въ возрожденіи естественно перешло къ Тосканѣ; Медичи, приглашавшіе византійскихъ ученыхъ, и введеніе книгопечатанія послужили возрожденію могучимъ рычагомъ.

Городскія общины во Флоренціи исчерпали всѣ фазы республики и не оставалось ничего болѣе, какъ возвратиться къ какой бы то ни было формѣ монархическаго правленія. Верховная власть сама собою перешла въ руки современныхъ Пизистратидовъ, богатыхъ, щедро одаренныхъ природою и честолюбивыхъ Медичи. Средневѣковаго единства не существовало. Какъ искусство распалось на отдѣльныя и различныя отрасли, какъ наука отдѣлилась отъ искусства и религіи, точно такъ и

личные характеры людей отрѣшились отъ религіознаго направленія и отъ самой нравственности, основанной на религіи. Въ это время мы встрѣчаемъ въ Италіи или чисто политическіе характеры, которые существовали только для государства и не знали другаго нравственнаго кодекса, кромѣ государственнаго, или отвлеченно-эстетическіе характеры, жившіе исключительно для прекраснаго, для удовольствія, для радости. Медичи занимали середину между эстетическими и политическими характерами.

Козимо, родоначальникъ этихъ эстетиковъ - тирановъ, вступилъ въ управленіе республикой въ 1428 г. Онъ основалъ академію и библіотеку во Флоренціи. Въ его правленіе Марсиліо-Фичино перевелъ Платона; онъ покровительствовалъ живописцу Масаччіо скульптору Джиберти, архитекторамъ Брунелески. При дворѣ Козимо были въ упоеніи отъ древнихъ. Эллинизмъ проникъ даже на каѳедру: католическое духовенство восхищалось «божественнымъ» Платономъ. Ученые и прелаты жили какъ язычники и мечтали на подобіе аѳинскихъ академиковъ и философовъ; къ сожалѣнію народъ слышалъ объ этомъ только одни фразы. Флоренцію нельзя было элленизировать, да и самыя Аѳины уже не существовали.

Рядъ великихъ историческихъ событій вызвалъ грекоманію въ знатныхъ флорентинцахъ. Уже во время Флорентинскаго собора въ 1439 году прибылъ во Флоренцію, съ цѣлію примиренія между католическою и византійскою церковью, Георгій Гемистосъ и къ ужасу благочестивыхъ отцовъ основывалъ христіанство на греческихъ философскихъ началахъ. Съ 1453 года бѣжали отъ турецкаго ига во Флоренцію извѣстные ученые: Мануилъ Хризолоросъ, Францъ Филельфусъ, Іоаннъ Аргиропулосъ, Димитрій Халкондиласъ, Константинъ Ласкарисъ. И Аристотель уже былъ освобожденъ отъ арабскихъ преданій и читался въ оригиналѣ. Изъ среды самихъ итальянцевъ возвысились Полиціанъ и Лаврентій Валла, открывшій обманъ, такъ называемаго, «Константинова дара». Ульрихъ фонъ Гуттенъ впослѣдствіи перевелъ это сочиненіе на нѣмецкій языкъ. Кардиналъ Виссаріонъ одинаково чтилъ какъ Аристотеля, такъ и Платона, и Козимо Медичи даже за нѣсколько часовъ до смерти заставилъ себѣ прочитывать отрывки изъ «Парменида» и «Филеба» Платона; это было въ 1464 году. Сынъ его Піетро слишкомъ напоминалъ банкира; какъ правитель, онъ былъ неистовъ. Послѣ его смерти наслѣдовали ему его оба сына—Лоренцо и Джульяно. Противъ нихъ составился заговоръ, жертвою котораго палъ Джульяно у самаго престола. Заговоръ этотъ составленъ былъ съ согласія папы Сикста IV. Архіепископъ пизскій участвовалъ въ немъ и былъ повѣшенъ. Молодой кардиналъ Рафаилъ ди Ровера спря-

тался за престолъ и спасся. Одинъ священникъ, Стефано, взялся убить Лоренцо, но это ему не удалось. Францъ Пацци дѣйствовалъ удачнѣе въ отношеніи Джульяно; сигналомъ къ убійству было поднятіе остіи во время литургіи; но покушеніе удалось только на половину: Лоренцо же остался въ живыхъ, получивъ все наслѣдство своего дѣда. *Анжело Полиціано*, *гуманистъ*, воспитывалъ его дѣтей; самъ Лоренцо былъ великая и изящная натура и получилъ названіе «il Magnifico», подобно тому, какъ дѣдъ его получилъ названіе «отца отечества».

При дворѣ Лоренцо жилъ юный геній, графъ *Пико-де-ла-Мирандола*, внесшій два новыхъ элемента въ изслѣдованія гуманистовъ. Во-первыхъ «Каббаллу», т. е. устныя преданія отъ Адама или Авраама, оставленныя Моисеемъ древнимъ, записанныя во второмъ столѣтіи христіанской эры, вліяніе которой глубоко проникло въ міръ Фаустовъ. Во-вторыхъ «Созерцаніе природы», такъ какъ Пико писалъ противъ астрологіи, различая истинную и ложную магію; первая породила въ немъ склонность къ изученію природы.

Какъ понималъ Пико назначеніе человѣка, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова изъ его сочиненія о достоинствѣ человѣка:

«Посреди вселенной — говоритъ Создатель Адаму — поставилъ я тебя для того, чтобы ты, смотря вокругъ себя, могъ видѣть все, что она совмѣщаетъ въ себѣ. Я сотворилъ тебя существомъ не вполнѣ смертнымъ и не вполнѣ безсмертнымъ, не вполнѣ земнымъ и не вполнѣ небеснымъ для того, чтобы ты самъ для себя оставался свободнымъ творцемъ и побѣдителемъ. Ты можешь выродиться въ звѣря, ты можешь возродиться до Божескаго существа. Животныя изъ утробы матери выносятъ все то, чѣмъ они должны обладать,—высшіе духи съ самаго начала являются такими, какими они должны оставаться вѣчно: одинъ только ты можешь развиваться и усовершенствоваться по собственной свободной волѣ, имѣя въ себѣ зародыши всесторонней жизни.»

Это было самое здравое заключеніе, которое только можно было вывести изъ греческаго ученія; но народу отъ этого академическаго сепаратизма было не легче; ни Платонъ, ни Аристотель ни въ чемъ ему не помогли; не изучалъ онъ ни Птоломея, ни Діоскорда; болѣзни его не излечивались легче оттого только, что академики изучали Гиппократа. Писать о шахматной игрѣ латинскими гекзаметрами было безплоднымъ искусствомъ. Дѣйствительно, рѣзкое вліяніе гуманизма должно было бы сказаться въ изящной литературѣ, но мы дальше увидимъ, что это встрѣчалось лишь въ весьма ограниченной степени. И, однако же, не было недостатка въ великихъ средствахъ для истинно народной пропаганды, въ томъ чудотворномъ орудіи, которое слу-

житъ прочнымъ ручательствомъ въ демократизаціи науки и общества. Подвижныя буквы были изобрѣтены и книгопечатаніе проникло въ Италію. Вопросъ былъ въ томъ, на что и какимъ образомъ будетъ примѣнено это великое изобрѣтеніе. Знаменитые типографы Швенгеймъ и Паннартцъ издали въ Судіако сочиненіе отца церкви Лактанція, потомъ въ Римѣ сочиненіе Цицерона „de Oratore“ (1465). Въ Венеціи обезсмертилъ себя Альда Мануцій (1490), но предпочтеніе отдавалось все-таки классикамъ. Ихъ иллюстрировали, украшали политипажами, даже геніальный Монтенья, въ Падуѣ, принималъ участіе въ этихъ иллюстраціяхъ и такимъ образомъ распространилъ классическій орнаментъ. Вообще Венеція была во главѣ книгопечатанія; тамъ отъ 1470 года до 1500 появилось болѣе 10,000 книгъ и періодическихъ изданій и большая часть изъ нихъ появилась въ Италіи, а именно: въ Венеціи 2,853, въ Миланѣ 625, въ Болоньѣ 298, въ Римѣ 925. Но какое же вліяніе произвело это могучее движеніе собственно на Италію? Италія сдѣлалась наставницею Европы, распространила гуманистическое направленіе по всѣмъ странамъ, сама же исключительно ограничилась возведеніемъ образовательнаго искусства на недосягаемую высоту.

Вся Италія была переполнена гробницами, алтарями, купелями, кропильницами, рельефами, которые, какъ выразился одинъ древній соборъ о картинахъ, «стали книгою для невѣдущихъ» и распространяли чувство изящнаго, которое и до сихъ поръ такъ присуще итальянскому народу, при всемъ недостаткѣ интеллектуальнаго развитія.

Есть во Флоренціи, на одной изъ лучшихъ площадей ея, одинъ древній доминиканскій монастырь Санъ-Марко. Обитель эта и ея церковь, построенныя въ старинномъ тосканскомъ стилѣ, принадлежатъ къ знаменитостямъ города. Еще въ XV вѣкѣ, въ памятный вѣкъ медичейской славы, это былъ одинъ изъ центровъ художественной и умственной жизни цвѣтущаго края. Медичи-Козимо и внукъ его, Лоренцо великолѣпный, любили искать здѣсь отдыха и душевнаго освѣженія среди правительственныхъ заботъ своихъ. Монастырь и теперь еще сохранилъ много слѣдовъ и памятниковъ ихъ покровительства и щедрости. Здѣсь-то, три съ половиною вѣка тому назадъ, жилъ одинъ замѣчательный человѣкъ, Іеронимъ Савонарола.

Іеронимъ Савонарола родился въ Феррарѣ, въ 1452 г. Онъ не далъ склонить себя къ свѣтской учености, а напротивъ углубился въ изученіе Св. Ѳомы и арабскихъ толкованій Аристотеля, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ музыкантомъ, поэтомъ-лирикомъ и жи-

вописцемъ. Изъ ненависти къ герцогу Феррарскому за его «свѣтскую несправедливость» и любовь къ роскоши постригся онъ въ монахи въ доминиканскомъ монастырѣ, въ Болоньѣ; а потомъ, въ 1482 году, перешелъ въ монастырь Св. Марка, во Флоренціи, гдѣ и былъ сдѣланъ пріоромъ.

Лоренцо Медичи «свѣтскій», но и «остроумный», не задолго до смерти призвалъ къ своему смертному одру всѣми уважаемаго пріора, прося у него отпущенія грѣховъ. Савонарола, съ своей стороны просилъ возстановленія «Флорентинской свободы». Объ этомъ Лоренцо Медичи и слышать не хотѣлъ, а Савонарола не давалъ ему отпущенія, тогда Лоренцо Медичи велѣлъ читать себѣ «Филеба» Платона. Яснѣе не могло выразиться разногласіе между этими личностями.

Лоренцо умеръ въ самый годъ открытія Америки. Сынъ его, Піетро, наслѣдовалъ ему въ управленіи республикой. Въ это время Карлъ VIII, король французскій, предпринялъ походъ противъ Италіи. Народная партія возлагала большія надежды на Піетро, но когда онъ, въ 1494 году, уступилъ французскому королю крѣпости и открылъ свободный доступъ къ морю, тогда поднялось во Флоренціи страшное волненіе, Піетро бѣжалъ. Савонарола, во главѣ демократической партіи, долженъ былъ самъ вести переговоры съ Карломъ.

Флоренція была осаждена французами; Карлъ, считая себя побѣдителемъ, грозилъ что «заставитъ своихъ трубачей трубить»; на что неустрашимый Петръ Каппони отвѣчалъ: «а мы ударимъ въ набатъ». Но Карлъ уступилъ Савонарола убѣдилъ его отступить.

Савонарола сдѣлался теперь повелителемъ республики. Какъ-бы побуждаемый духомъ этрусскихъ жрецовъ или тѣнью Дульчино, этотъ итальянскій пуританинъ стремился къ осуществленію своего религіозно-политическаго идеала. Леонардо-да-Винчи оставилъ портретъ его: большой съ горбомъ носъ, вдавшаяся верхняя и выдавшаяся нижняя губа, впалыя щеки, морщинистая шея, сильно развитой затылокъ, густыя брови. Савонарола не занималъ никакой особенной должности, но былъ душою республики. Его аскетическая ревность, вмѣстѣ съ очевидною практическою опытностію, предвѣщали одно время совершенно новое общественное устройство.

Онъ былъ демократъ и теократъ. Какъ демократъ, онъ ввелъ чисто народную конституцію, далъ обширнѣйшую амнистію и издалъ справедливѣйшіе законы о податномъ сборѣ. Барышничество считалъ источникомъ народнаго несчастія и народной испорченности. Во время владычества Медичи жиды брали по 32 %, такъ что капиталъ въ 100 флориновъ въ продолженіе ста лѣтъ отъ процентовъ возрасталъ до 50,000 флориновъ. Савона-

рола основалъ «Monta di Pieta», кассу ссудъ, гдѣ выдавались деньги по 6 %.

И назорейство его не было для него большою помѣхою, не смотря на то, что возбуждало противъ него сильныхъ противниковъ. Онъ возставалъ противъ современнаго язычества, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ; онъ хотѣлъ снова ввести старинную церковную музыку и возстановить прежнюю духовную живопись. Сильно возставалъ онъ противъ «эмансипаціи плоти», противъ ослѣпительной красоты современныхъ мадоннъ; но никогда не возставалъ онъ въ принципѣ противъ самаго искусства; онъ только настаивалъ на очищеніи его отъ гибельныхъ элементовъ и тенденцій. Эстетическая погрѣшность его состояла только въ томъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать мораль непремѣннымъ масштабомъ искусства.

Его громовыя стрѣлы поразили Филиппа Липпи, Доминика Ghirlandajo, Луку Сигнорелли и не замедлили произвести свое дѣйствіе. Многіе замѣчательные художники дѣйствительно устрашились. Сандро Ботичелли, нарисовавшій прелестную Венеру на колесницѣ изъ раковины и нѣсколько историческихъ сценъ въ капеллѣ Сикста IV, бросилъ живопись, когда Саванарола былъ сожженъ. Еще при жизни его были ему преданы Lorenzo di Credi, Cronoca и фамилія della Robbia, двое изъ членовъ которой даже поступили въ доминиканскій монастырь. Baccio della Porta постригся въ монастырѣ Св. Марка, подъ именемъ Fra Bartolomeo и посвятилъ свою классически вѣрную кисть «Священной Исторіи». Самъ Рафаэль постоянно съ любовію относился къ строгому монаху; въ его «Disputa» Саванарола занимаетъ мѣсто между учеными католической церкви. И Микель-Анджело уважалъ его въ продолженіе всей своей жизни.

Ахиллесовою пятою Саванаролы была его вѣра въ свою чудодѣйственную силу; этою-то слабостію и воспользовались враги его, а преданный ему народъ покинулъ его, когда чудесъ не послѣдовало.

Въ то время на папскомъ престолѣ былъ барселонскій адвокатъ, отецъ и соперникъ Цезаря Борджіо, отецъ, тесть и поклонникъ Лукреціи, Александръ II, названный жалкими льстецами «непогрѣшимымъ». Для него, конечно, флорентійскій пуританинъ былъ бѣльмомъ на глазу.

Прежде всего папа хотѣлъ употребить въ отношеніи его свое обыкновенное средство—подкупъ, и предложилъ ему кардинальскую шапку; но Саванарола отвѣчалъ: «Я не хочу носить другаго вѣнца, кромѣ мученическаго, обагреннаго моею кровью». О папѣ же онъ говорилъ: «это свинья, неопрятная, свирѣпая; онъ любитъ грязь и наслаждается кровью». Другая слабость этого благороднаго человѣка заключалась въ томъ, что онъ былъ слишкомъ самоотверженъ.

Соединеннымъ усиліямъ Аррабіоти, неистовствовавшаго дворянства и папы тѣмъ легче было погубить этого мнимаго чудотворца, чѣмъ яснѣе онъ предсказывалъ свою мученическую смерть. Послѣдовало проклятіе изъ Рима, верховный совѣтъ Флоренціи допустилъ инквизиторскій судъ, народъ колебался, и Саванарола былъ сожженъ на Gran Piazza, во Флоренціи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Giovani da Bologna воздвигъ въ честь перваго Козимо конную статую, въ насмѣшку названную народомъ «Бѣлянкой».

Мы выше упоминали о Дульчино; но Саванарола въ одномъ важномъ пунктѣ не походилъ на свой образецъ; онъ не защищалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, съ оружіемъ въ рукахъ, свое незапятнанное ученіе. Въ этомъ же упрекалъ его и Макіавелли, вообще сочувствовавшій ему; онъ довольно ясно высказывался объ этомъ: «заблужденіе, что Богъ совершитъ для насъ чудо потому только, что мы лѣниво преклоняемъ предъ Нимъ колѣна, можетъ быть гибельнымъ для народовъ и государствъ».

Николо Макіавелли — характеръ абсолютно политическій, и только какъ таковой онъ можетъ быть понятъ и оцѣненъ. Вполнѣ чуждавшійся всякихъ религіозныхъ началъ, стоя выше церковной исключительности, не имѣя никакого нравственнаго идеала, онъ преслѣдовалъ чисто государственныя цѣли. Какъ гуманисты держались Платона и Аристотеля, художники классическихъ построекъ и картинъ, такъ Макіавелли жилъ только политическимъ идеаломъ древняго міра, почерпая изъ ученія и исторіи древнихъ временъ совѣты и правила для настоящаго. Умѣть разумно пользоваться обстоятельствами, гдѣ недостаточно благоразумія употребить силу; прежде всего основать національное итальянское государство, «l'impero latino», какъ говоритъ Данте, «и если народъ даже не желаетъ свободы, силою сдѣлать его свободнымъ». Не вступила ли Францiя на тотъ же путь и не стремилась ли Англія по окончаніи войны Алой и Бѣлой розы также къ монархическому единству, не истребила ли и не изгнала ли иностранцевъ Испанія? Отчего же бы и Италіи не сдѣлать того же? Спрашиваетъ Макіавели.

Макіавелли несправедливо упрекали въ томъ, что онъ былъ врагомъ свободы, онъ слишкомъ хорошо зналъ древнихъ писателей и особенно Ливія. Первое назначеніе во Флоренціи получилъ онъ по изгнаніи Медичи, въ 1492 году, и былъ назначенъ статсъ-секретаремъ и счастливо исполнялъ многія важныя государственныя порученія, оффиціальнымъ же дѣятелемъ былъ только до конца республики. Въ его время составленъ былъ планъ первой извѣстной намъ національной милиціи, долженствовавшей замѣнить наемное войско. По возвращеніи Медичи, томился онъ въ заточеніи, и былъ подвергнутъ страшной пыткѣ.

Безстрастность его ученія была его личнымъ свойствомъ; онъ никогда не сантиментальничалъ. Конечно, онъ не возвышался въ своихъ политическихъ взглядахъ настолько, чтобы лишить свободы церковь въ новѣйшемъ государствѣ; нужно было главнымъ образомъ разорвать цѣпи, оправдывая тѣмъ, что поработители лишены будутъ своего свободнаго ремесла.

Кромѣ того Макіавелли былъ *іозефинистомъ* *); но тѣмъ не менѣе онъ небылъ правъ, предсказывая революціонеру на престолѣ: «тѣ, которымъ было хорошо при старомъ порядкѣ вещей, будутъ твоими заклятыми врагами, тѣ же, которымъ твои нововведенія полезны, не поймутъ тебя и защитятъ тебя лишь равнодушно». А какъ глубоко понималъ этотъ самый Макіавелли христіанство, какъ превосходно постигалъ онъ то, что въ это время происходило по ту сторону Альповъ! «Что христіанство еще не совсѣмъ угасло на западѣ, этимъ обязано оно только немногимъ праведникамъ, которые своею бѣдностію, безпорочностію возвели его до первоначальной высоты и чистоты, такъ что глубокая испорченность прелатовъ и главы церкви уже не можетъ уничтожать его совершенно».

Но само собою понятно, что ему, характеру античному, была чужда религія, требующая отъ человѣка только пассивныхъ добродѣтелей, что онъ могъ исповѣдывать только культъ, не запрещающій человѣку геройскихъ подвиговъ.

Свое сочиненіе «Principe» посвятилъ онъ молодому Лоренцо, сыну изгнаннаго Піетро: «девять книгъ флорентинской исторіи» написалъ онъ по желанію Джульяно (папы Климента VII). И Джіованни, папа Левъ X, благоволилъ къ нему. Но народъ не довѣрялъ его дипломатической пропагандѣ; онъ умеръ въ 1527 году, послѣ изгнанія Медичи. Макіавелли не считалъ демократическую партію надеждою, въ народѣ онъ не видѣлъ средствъ для достиженія своей цѣли, онъ надѣялся на сильныхъ міра сего, какъ Данте на царей. Макіавелли ошибался, но не текла ли и жизнь народа ложнымъ путемъ?

У него не было идеала нравственнаго, послѣдній вообще въ тогдашней Италіи скрывался подъ власяницей назореевъ, или таился въ замкнутыхъ натурахъ Микель-Анджело. Макіавелли имѣлъ множество привязанностей и въ своемъ духовномъ завѣщаніи назначилъ своимъ «настоящимъ» и «будущимъ» незаконнымъ дѣтямъ одинаковыя части съ своими законными дѣтьми. Въ изгнаніи работалъ онъ неутомимо, а для развлеченія иг-

---

*) Поклонникъ реформъ и переворотовъ, исходящихъ отъ трона. Типомъ такого реформатора былъ Іосифъ 2-й.

ралъ съ своимъ хозяиномъ, мясникомъ, однимъ мельникомъ и двумя кирпичниками. Возвратясь вечеромъ въ свою комнату бесѣдовалъ съ древними. Зато онъ не жаловался на «горечь чужой соли» или на неудобства «чужихъ лѣстницъ».

Римъ и церковь охарактеризовалъ онъ слѣдующими словами: «тѣ народы, которые ближе всего къ римской церкви, имѣютъ меньше всего религіи». Римъ не можетъ помочь итальянцамъ по двумъ причинамъ: «во первыхъ онъ утратилъ всякую нравственность и религіозность отъ дурнаго примѣра папскаго двора; Италія, слѣдовательно, обязана церкви и духовенству тѣмъ, что не религіозна и испорчена; но мы обязаны ей еще большимъ, и въ этомъ вся причина нашего несчастія. Церковь разъединила Италію и препятствуетъ ея соединенію. И дѣйствительно никогда, ни одно государство не было счастливо до тѣхъ поръ, пока не составляло одной республики, или не было подъ властію одного государя, такъ было съ Франціей, такъ было съ Испаніей, а причиною тому, что Италія не составила республики, или не имѣетъ государя, который бы управлялъ ею,—была только церковь, она живетъ между нами, имѣетъ свою свѣтскую власть, а между тѣмъ не была настолько смѣла и отважна, чтобы покорить остальную Италію. Съ другой стороны она не была и достаточно слабою, она боялась потерять свою свѣтскую власть и призвать на помощь сильнѣйшаго противъ всякаго, кто захотѣлъ бы въ Италіи явиться слишкомъ сильнымъ. Макіавелли предлагаетъ переселить римскій дворъ въ Швейцарію, единственную страну, которая до сихъ поръ въ отношеніи религіи и военнаго устройства держится старинныхъ правилъ. Quantum mutatus ab illo!

Такъ выражается Макіавелли въ своихъ разсужденіяхъ (Discorsi) о первой декадѣ Ливія; въ этомъ же сочиненіи идетъ онъ далѣе, поднимая вопросъ о томъ, почему древніе народы болѣе любили свободу, нежели новые. Онъ отвѣчаетъ: «разница зависитъ отъ воспитанія, которое основано на религіи». «Мы научились бы менѣе цѣнить свѣтскія почести; мы были бы мягче, скромнѣе, намъ не достало бы мужества». Въ древности считали счастливыми тѣхъ, кто пользовался большей славой,—предводители войскъ, правители республикъ. Наша же церковь болѣе прославляетъ людей смиренныхъ и созерцательныхъ, нежели дѣятельныхъ; она полагаетъ высшее совершенство въ самоотверженіи, въ презрѣніи къ земнымъ благамъ. «Наша религія требуетъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ терпѣть, а не совершать что нибудь великое. Поэтому-то міръ ослабѣлъ, сдѣлался добычею плутовъ, которые видятъ, что большая часть людей, для того, чтобы попасть въ рай, болѣе заботятся о томъ, чтобы умѣть стерпѣть побои, а не отплатить за нихъ».

Это можно было отнести не только къ папѣ, въ Римѣ, а еще скорѣе къ Савонаролѣ, и еще далѣе къ самому Лютеру. Это болѣе касалось возстановителей древняго христіанства, которые такъ высоко цѣнили самоотреченіе и пассивную покорность, нежели свѣтскихъ князей церкви, для которыхъ вся религія составляла вопросъ власти.

Съ нашей точки зрѣнія мы можемъ сказать: «Макіавелли, несмотря на все свое нежеланіе, въ своемъ «Государѣ» прославилъ политику современныхъ папъ; онъ возвеличилъ Александра VI, Цезаря Борджіо, Юлія II; онъ даже предупредилъ іезуитовъ: «цѣль оправдываетъ средства».

Но ни одинъ папа, ни одинъ іезуитъ, ни одинъ Медичи такъ безкорыстно не проповѣдывали единодержавіе. Ни одинъ итальянецъ не любилъ искреннѣе своего отечества. Въ его груди билось патріотическое сердце, нерѣдко обнаруживавшее глубокую нѣжность, какъ напримѣръ, когда онъ въ послѣдней главѣ своего Государя» обращается къ Лоренцо Медичи:

«Между тѣмъ,—говоритъ онъ,—какъ я обдумываю все вышесказанное, я прихожу къ тому убѣжденію, что настало теперь въ Италіи время поднять на щитъ новаго государя; я даже не знаю, будетъ ли для этого время болѣе благопріятное. Если нужно было народу израильскому томиться въ Египтѣ для того, чтобы явилась вся слава Моисея, если персамъ нужно было быть покореннымъ мидянами для того, чтобы обнаружить величіе и мудрость Кира, если аѳинянамъ нужно было быть разбитыми для того, чтобы во всемъ блескѣ явилось совершенство Тезея, то въ настоящее время, для того чтобы познали силу и величіе одного итальянскаго генія, Италія должна быть болѣе порабощена нежели евреи, болѣе удручена, нежели персы, сильнѣе разбита, нежели Аѳины; безъ главы, безначальна, порабощена, раззорена, угнетена, обременена всякаго рода бѣдствіями. Одинъ, казалось, хотѣлъ спасти насъ (Цезарь Борджіо) и народъ готовъ былъ видѣть въ немъ избранника Божія, посланнаго для избавленія Италіи; но мы видѣли, какъ онъ, достигнувъ высоты своего положенія, былъ отвергнутъ провидѣніемъ, и снова осталась Италія безсильной и безжизненной, все ожидая себѣ избавителя, который исцѣлилъ бы ея раны, который положилъ бы конецъ опустошеніямъ и пожарамъ въ Ломбардіи, грабежамъ въ Неаполѣ и Тосканѣ, который исцѣлилъ бы ея раны, давно обратившіяся въ фистулы. Италія на колѣнахъ молитъ Бога, чтобы онъ избавилъ ее отъ ужасныхъ варварскихъ безстыдствъ. Она готова послѣдовать за знаменемъ, лишь бы оно поднято было однимъ. Правосудіе Божіе велико, а потому и всякая война справедлива, если она необходима, и оружіе благословенно, если поднимается для защиты. Настроеніе

умовъ превосходно, а гдѣ настроеніе хорошо, тамъ трудность не можетъ быть слишкомъ велика. Иногда бываютъ и чрезвычайныя, неслыханныя явленія, посылаемыя Богомъ: море разверзается, облако указываетъ путь, камень источаетъ воду, манна ниспадаетъ съ неба. Но Господу не угодно совершить всего, чтобы не отнять у насъ нашей свободной воли, чтобы мы получили ту долю славы, которая надлежитъ намъ. Италія имѣетъ все необходимое для введенія новой реформы правленія. Здѣсь большая способность въ членахъ, лишь бы главы не имѣли въ ней недостатка. Потому нельзя упускать такого удобнаго случая, надо скорѣе дать Италіи избавителя. Я не могу выразить съ какою любовью этотъ избавитель будетъ встрѣченъ въ провинціяхъ, такъ много пострадавшихъ отъ притѣсненій; съ какою жаждою мести, съ какою непоколебимою вѣрою, съ какою преданностію, съ какими радостными слезами! Такъ совершите же этотъ подвигъ съ мужествомъ и надеждою, съ которыми правыя дѣла совершаются, дабы подъ вашимъ знаменемъ облагородилось отечество, дабы подъ вашимъ управленіемъ осуществились слова Петрарки: «кротость противъ ярости». Возьмите же оружіе, битва будетъ непродолжительна, потому что старое мужество не изсякло въ сердцахъ нашихъ!»

Въ то время, когда Макіавелли былъ еще статсъ-секретаремъ республики, собрались въ Флоренцію величайшіе художники и геніи того времени. Не смотря на проповѣди Савонаролы эти геніальные художники стремились къ совершеннѣйшей красотѣ, къ чистѣйшей гармоніи между мыслію и выраженіемъ, и они преимущественно предъ всѣми возвели возрожденіе на степень культуры. Сотни лѣтъ могутъ пройти, прежде чѣмъ снова въ одномъ и томъ же городѣ, въ одно и тоже время, соберутся такіе геніи, какъ *Леонардо да Винчи Микель Анджело* и *Рафаэль.*

Леонардо да Винчи (1452—1519), родившійся близъ Флоренціи и образовавшійся здѣсь въ школѣ Андрея Вероккіо, открываетъ собой эру полнаго блеска итальянской живописи. Леонардо былъ надѣленъ пытливымъ, изыскательнымъ духомъ и самымъ многостороннимъ творчествомъ; свѣдущій во всѣхъ искусствахъ и наукахъ, умѣлъ онъ проникать и воспроизводить въ своихъ созданіяхъ точно также глубоко и мѣтко душевную, какъ и тѣлесную жизнь; и не смотря на то былъ совершенно свободенъ отъ всякой черствости въ замыслѣ и передачѣ; отъ всѣхъ его изображеній вѣетъ, напротивъ, нѣжною и глубокою мечтательностью, которая при полнотѣ выражавшейся въ нихъ жизни, придаетъ имъ тѣмъ еще болѣе своеобразную прелесть. Вслѣдствіе того и внѣшняя ихъ отдѣлка отличается, правда, очень мягкимъ, но чрезвычайно выработаннымъ блескомъ исполненія.

Многосторонняя дѣятельность Леонардо, кажется, сократила число живописныхъ его работъ, хотя живопись конечно составляла для него главное. Гораздо болѣе должно сожалѣть о томъ, что важнѣйшія изъ нихъ погибли и что наши свѣдѣнія о нихъ поэтому очень не достаточны. Лучшія произведенія его молодости, ужасающую голову Медузы, картонъ Нептуна среди бурныхъ морскихъ волнъ, и другой картонъ, съ изображеніемъ Рая, знаемъ мы только по описанію. Въ 1482 году Леонардо вызванъ былъ въ Миланъ, ко двору Людовика Сфорцы, и прожилъ тамъ до 1499 года. Здѣсь впервые открылась ему привлекательная своеобразность ломбардскаго искусства, съ ея мягкою и сладостною граціею, съ тою строгомѣрной выработкой, какою она была обязана вліянію Падуанцевъ. Конечно, это художественное направленіе подѣйствовало болѣе или менѣе и на Леонарда; а онъ въ свою очередь довелъ его потомъ до изящнѣйшаго развитія, во главѣ той многочисленной школы, которая скоро собралась вкругъ него. Тутъ создалъ онъ величайшее изъ всѣхъ своихъ произведеній, знаменитую *Тайную Вечерю*, написанную имъ на стѣнѣ трапезницы въ Санта-Марія делле-Граціэ (масляными красками); при живѣйшемъ драматическомъ развитіи картина эта отличалась величайшей гармоніей стиля; при самой обдуманной характеристикѣ она была полна высшаго религіознаго вдохновенія. Но, рано уже поврежденная и записанная, потомъ снова записанная и поврежденная опять, она представляетъ теперь только печальную, призрачно—глядящую развалину, и мы знаемъ ее собственно только по разнымъ старымъ копіямъ, снятымъ отчасти учениками художника, да по набросаннымъ на бумагѣ собственноручнымъ его очеркамъ головъ, находящимся теперь преимущественно въ великогерцогскомъ собраніи въ Веймарѣ и дѣйствительно дающимъ самое высокое понятіе объ изяществѣ этой работы, въ ея полной законченности. Въ 1499 году воротился онъ во Флоренцію. Къ первымъ годамъ жизни его тамъ относятся два опять чрезвычайно важныхъ произведенія, оба—картоны. Одинъ изъ нихъ, уцѣлѣвшій и хранящійся въ лондонской академіи, представляетъ Дѣву Марію съ ея матерью (св. Анной) и младенцемъ Христомъ, который играетъ съ ягненкомъ; въ этомъ созданіи видно высокое, вполнѣ выработанное чувство красоты формъ и вмѣстѣ внутренняго одушевленія. Ученики его неоднократно выполняли этотъ образъ. Другой картонъ представляетъ кавалерійскій бой, сцену изъ флорентинской исторіи; Леонардо трудился надъ нимъ по порученію тамошняго правительства и въ состязаніи съ Микель-Анджело, здѣсь съ необыкновенной, потрясающею силой выражено было самое высокое и энергическое

проявленіе жизни, и въ людяхъ, и въ животныхъ. Къ прискорбію, мы знаемъ этотъ картонъ (если только еще не часть его) единственно изъ одной позднѣйшей гравюры, вырѣзанной Эдилинкомъ по рисунку Рубенса; но тутъ все содержаніе, хотя и отличающееся могучимъ замысломъ, существенно переложено въ тяжеловатыя Рубенсовыя формы. Первый изъ этихъ картоновъ, когда былъ выставленъ, привелъ всю Флоренцію въ невольное удивленіе, второй, наравнѣ съ одновременнымъ картономъ Микель-Анджело, считался настоящей школою для младшаго поколѣнія художниковъ. Въ 1516 году Леонардо былъ вызванъ королемъ Францискомъ I во Францію, и тамъ черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ.

Изъ числа работъ, на которыя, кромѣ вышеприведенныхъ, можно обратить особенное вниманіе при обзорѣ художественной дѣятельности Леонардо, мы отмѣтимъ слѣдующія: какъ одно изъ раннихъ его произведеній, стѣнной образъ Мадонны, въ монастырѣ Сант'Онофріо въ Римѣ. Потомъ колоссальный и чрезвычайно величественный фресковый образъ Мадонны съ младенцемъ, въ Ваπріо. Далѣе, портреты Галеаццо Марія Сфорцы и его супруги въ собраніи Амвросіевской библіотеки въ Миланѣ, еще строго обдѣланные и потому справедливо признаваемые за ранній трудъ мастера; мужской портретъ менѣе привлекателенъ и притомъ сильно потертъ; зато женскій—дивной красоты и живописной законченности. Тамъ же многіе другіе портреты, набросанные цвѣтными карандашами; несмотря на бѣглость работы, нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно хороши. «Поклоненіе волхвовъ» во флорентинскихъ уффиціяхъ,—большая и богатая композиція, только лишь подмалеванная, но тѣмъ не менѣе безцѣнная. Такой же обдѣлки маленькій образъ св. Іеронима, перешедшій изъ собранія Феша въ Ватиканъ. Нѣсколько античныхъ Мадоннъ и Святыхъ Семействъ, отчасти выполненныхъ учениками; Мадонна, кормящая грудью Спасителя, въ палаццо Литта въ Миланѣ; Святое Семейство, встрѣчающееся съ нѣкоторыми отмѣнами въ разныхъ мѣстахъ; въ Миланской области, въ петербургскомъ Эрмитажѣ, въ англійскихъ галереяхъ (извѣстнѣйшая этого рода композиція слыветъ подъ именемъ «Vierge au basrelief», и настоящій подлинникъ ея находится у лорда Варвика, въ имѣніи Гаттон-Паркѣ); чрезвычайно знаменательное Святое Семейство, извѣстное подъ названіемъ «Vierge aux rochers», но быть можетъ исполненное кѣмъ либо изъ учениковъ Леонарда, въ парижскомъ музеѣ, и т. д.

Повидимому, Леонарду же принадлежитъ сочиненіе одной картины, равномѣрно существующей въ разныхъ экземплярахъ: «Христосъ, юношей, среди четырехъ книжниковъ». Считавшійся прежде подлинникомъ экземпляръ лондонской Національной га-

лереи—превосходная работа Бернардина Луини. Тоже должно замѣтить и о чрезвычайно граціозномъ изображеніи «Суетности и скромности» въ палаццо Шіарра въ Римѣ. Объ одной пропавшей въ новѣйшее время картинѣ, которая находилась прежде въ Кассельской галереѣ и слыла за одно изъ отличнѣйшихъ произведеній Леонарда, едва-ли можно сказать что либо вѣрное. Она представляла мать съ дѣтьми и называлась «Caritas» (семейная любовь); въ ней превозносятъ глубоко-сладостное, млѣющее выраженіе головъ. Съ недавнихъ поръ стали, напротивъ, положительно увѣрять, что картина первоначально представляла Леду и превращена въ «Caritas» только благодаря записи, прикрывшей наготу, и что въ послѣднее время она будто-бы находилась въ собраніи короля голландскаго въ Гагѣ.

Какъ навѣрно ему принадлежащія и притомъ отлично выработанныя картины его лучшей художнической поры, слѣдуетъ назвать еще три, находящіяся въ парижскомъ музеѣ. Одна «Креститель Іоаннъ» въ полроста, съ вдохновеннымъ, чуть не до блаженства, выраженіемъ въ головѣ. Другая—женскій портретъ, который прежде напрасно называли «la Belle ferronière» («Прекрасная желѣзница», одна изъ возлюбленныхъ короля Франциска I); вѣроятно это портретъ Лукреціи Кривелли, фаворитки Людовика Сфорцы, писанный стало быть въ Миланѣ, чрезвычайно благороднаго и чистаго характера, привлекательный тѣмъ меланхолическимъ оттѣнкомъ, который слегка разлитъ по чертамъ лица. Наконецъ третья—портретъ Манны Лизы (дель Джоконда), писанный позже во Флоренціи; онъ отличается необыкновенной тонкостью въ рисункѣ, нѣжностью въ моделировкѣ формъ и дивною очаровательностію въ цѣломъ.

Но что почти такъ же важно, какъ и его художественная универсальность, это то, что онъ въ продолженіе всей своей жизни ревностно изучалъ природу. Академія наукъ въ Парижѣ имѣетъ 12 томовъ его рукописей, изъ которыхъ видно, что онъ еще до Коперника понималъ движеніе земли, что обращеніе крови не было для него тайной, до Сервета и задолго до Гарвея, что онъ признавалъ капилярность свойствомъ тѣлъ, зналъ дѣйствіе магнита, преломленіе лучей свѣта, сверканіе звѣздъ, причины прилива и отлива; онъ серьезно занимался физіологіею растеній, изслѣдовалъ троякое листоположеніе и былъ великій механикъ. Геологію изучалъ онъ тоже, окаменѣлости на высокихъ горахъ объяснялъ поднятіемъ стараго морскаго дна; процессъ дыханія сравнивалъ съ горѣніемъ; и знаменитая индукція, о которой двѣсти лѣтъ спустя, упоминаетъ Баконъ Веруламскій, была его логическимъ выводомъ: «опытъ есть основаніе нашего знанія, опытъ есть мать заключенія». Леонардо изготовилъ первую камеръ-обскуру, до Баттиста Порта. Онъ создалъ знаменитую по-

лутѣнь. Не будь Леонардо, не было бы и Корреджіо. Въ Римѣ и въ настоящее время употребляется для жаренія вертелъ его, который самъ собою движется отъ разрѣженія воздуха.

Леонардо-да-Винчи былъ прекраснѣйшимъ человѣкомъ своего времени, типъ возрожденія, все возрожденіе, олицетворившееся въ одномъ человѣкѣ, homo omnis своего періода.

Прекрасныя, исполненныя силы и нѣжности картины Леонардо, лѣпка нарисованныхъ головъ, даже самое предпочтеніе его къ темнымъ тѣнямъ воспламенили во Флоренціи величайшаго живописца не только того времени, но и всѣхъ временъ, молодаго Рафаэля де Санти, изъ Урбино. Онъ былъ также архитекторъ, скульпторъ, даже рѣзчикъ, но онъ былъ и остался преимущественно великимъ живописцемъ, обольстительнымъ толкователемъ вѣчно-женственнаго культа Мадонны. Въ его картинахъ дѣлается яснымъ что отношенія между религіею и искусствомъ сдѣлались обратныя, что религія изъ повелительницы обратилась въ исполнительницу, сдѣлалась поэтическимъ предметомъ, легендою. Этотъ же переворотъ совершился нѣкогда въ Греціи съ Гомеромъ; но въ Италіи онъ былъ гораздо короче.

Микель-Анджело Бонаротти (1475—1564) начальное свое образованіе получилъ у Доменико Гирландайо; но вскорѣ почти исключительно посвятилъ себя ваянію. Здѣсь снова примѣнимо къ дѣлу то, что сказано было прежде объ особенностяхъ его замысла и передачи въ отношеніи къ скульптурѣ. Къ этому остается только присовокупить, что обдѣлка его и въ живописи болѣе имѣла въ виду пластическую, нежели собственно живописную эффектность (которой однимъ изъ высочайшихъ торжествъ была напр. свѣтотѣнь, разработанная Корреджіо); что композиція его однако не односторонно держится законовъ скульптуры, но умѣетъ воспользоваться и тѣми свободнѣйшими средствами, которыя представляетъ живопись. Еще важнѣе замѣтить при этомъ, что именно живописи, въ которой онъ вовсе не хотѣлъ видѣть главнаго своего дѣла, и принадлежатъ самыя величавыя и благороднѣйшія его созданія: оттого-ли, что предпріятія его по этой части не страдали отъ превратностей судьбы, или что художественные его помыслы не стѣснялись въ своемъ полетѣ техникой, или же наконецъ оттого, что въ самомъ направленіи его заключалось нѣчто, не вполнѣ подходящее къ истиннымъ законамъ скульптуры.

Самымъ раннимъ изъ живописныхъ произведеній Микель-Анджело, о какомъ дошло до насъ свѣдѣніе, былъ картонъ, представлявшій одно событіе изъ флорентинской исторіи и сработанный имъ (около 1504 г.) въ состязаніе съ картономъ Леонардо да Винчи,—вышеупомянутымъ кавалерійскимъ дѣломъ. Микель-

Анджело изобразилъ толпу купающихся воиновъ, въ ту именно минуту, какъ ихъ неожиданно зовутъ на бой; хотя выборъ этой сцены опять-таки очень ясно указываетъ на реалистическіе интересы тогдашняго флорентинскаго искусства, художникъ тѣмъ не менѣе развернулъ здѣсь такое мастерство, что былъ превознесенъ хвалою надъ самимъ даже Леонардомъ. Но этотъ картонъ для насъ погибъ, мы знаемъ важнѣйшую часть его только по гораздо позднѣйшей копіи въ два тона, находящейся въ замкѣ Гокгамъ (Holkham) въ Англіи, и нѣкоторые его отрывки— по двумъ стариннымъ гравюрамъ.

Мы замѣчали уже, что Микель-Анджело былъ послѣ этого вызванъ въ Римъ трудиться надъ могильнымъ памятникомъ Юлія II, но что работа эта была прервана порученною ему отъ папы большою росписью потолка въ Сикстинской часовнѣ. Этотъ значительнѣйшій по объему трудъ, начатый въ 1508 году и выполненный имъ въ теченіе немногихъ лѣтъ собственноручно, составляетъ самое высокое и удачное изъ созданій Микель-Анджело по всѣмъ доступнымъ ему отраслямъ искусства. Въ середней плоской части потолка онъ изобразилъ рядъ важнѣйшихъ сценъ изъ первой книги Моисея; въ большихъ треугольныхъ поляхъ по краямъ свода — сидячія фигуры пророковъ и сивиллъ, какъ предвозвѣстниковъ искупленія; въ люнетахъ и находящихся подъ ними надоконныхъ аркахъ—предковъ св. Дѣвы (которыхъ циклъ также намекаетъ на будущность Спасителя), въ пазухахъ, по четыремъ угламъ, сцены спасенія израильскаго народа (опять таки въ предзнаменованье искупленія. Здѣсь Микель-Анджело нашелъ для себя цѣлый рядъ сюжетовъ, которыхъ внутренній смыслъ вполнѣ отвѣчалъ своеобразному его направленію. Нигдѣ первичный элементъ книги Бытія не нашелъ себѣ такого удачнаго выраженія, какъ въ этихъ картинахъ, и подлинно въ обликахъ первой четы онъ развертывается до высочайшаго изящества, а также въ фигурахъ пророковъ и сивиллъ, гдѣ приходилось именно олицетворить ту силу духа, которая среди всеобщаго разврата людей способна была сохранить и поддержать непоколебимую надежду; въ семейныхъ же группахъ святыхъ праотцевъ талантъ Микель-Анджело доходитъ нерѣдко до такой кротости и нѣжности, которыя, въ противоположность обыкновенно свойственной ему чрезмѣрной силѣ, производятъ на душу зрителя почти умиляющій эффектъ. Гораздо позже второе великое созданіе его по части живописи—*картина Страшнаго Суда* (въ 60 футовъ вышиною) на алтарной стѣнѣ Сикстинской часовни, начатая въ 1534 и оконченная въ 1541 г. Произведеніе это, какъ ни художнически оно выработано въ частностяхъ, значительно уступаетъ предъидущему именно тѣмъ, что здѣсь не достаетъ того высокаго, очищеннаго (отъ всякихъ

затѣй) благородства, которое именно и составляетъ главную красу въ первомъ; особенно въ сонмахъ небесныхъ силъ нѣтъ вовсе и искры того просвѣтленія, какое безусловно необходимо для подобной картины. Впрочемъ, не смотря на этотъ недостатокъ, и здѣсь предстаетъ съ самой потрясающей энергіей величавая сила мастера; въ сценахъ нижней части, въ низверженіи осужденныхъ въ преисподнюю, въ ихъ борьбѣ съ демонами и т. д. онъ достигъ и здѣсь недосягаемой высоты. Почти современны Страшному Суду двѣ другія его фрески въ Павловской часовнѣ Ватикана, изображающія распятіе Петра и обращеніе ап. Павла, онѣ въ свою очередь также не безъ большихъ достоинствъ.

Къ досчатой живописи (иконописи въ тѣсномъ смыслѣ) Микель-Анджело не обнаружилъ особеннаго рвенія. Изъ числа такихъ работъ достовѣрно приписываютъ ему только два произведенія: выполненную по дереву клеевыми красками Мадонну въ трибунѣ флорентинскихъ Уффицій, вещь смѣлой, хотя и насильственной отчасти композиціи, и самой добросовѣстной, отчетливой выработки формъ, и другую (полузаконченную) Мадонну съ младенцемъ, Іоанномъ Крестителемъ и четырьмя ангелами, величественной красоты; эта послѣдняя икона принадлежитъ г-ну Лабушеру въ Лондонѣ. Зато нерѣдко дѣлалъ онъ рисунки для станковыхъ картинъ, которыя ученики его выполняли потомъ красками. Цѣлая вереница иногда величаво-знаменательныхъ композицій такого рода разсѣяна по разнымъ собраніямъ: *Благовѣщеніе Богородицы, Святое Семейство, Христосъ на горѣ Элеонской, Распятіе Спасителя* и т. д.; также сцены изъ античныхъ миѳовъ: Венера и Амуръ, Леда, три Парки, Похищеніе Ганимеда, и мн. др.

Предполагаютъ, что Микель-Анджело долженъ бы былъ рисовать, что кисть и палитра были бы болѣе сродны его вдохновленной думѣ. Онъ и рисовалъ величественно и возвышенно величественное и возвышенное; но какъ его пластика была лирическою, такъ и живопись была пластическою.

Какъ великій непризнанный геній прошелъ Микель-Анджело свое поприще. Самыя отвратительныя семейныя обстоятельства терзали его душу; самъ отецъ его мучилъ его несказанно. Онъ былъ и остался до конца дней своихъ республиканцемъ, а между тѣмъ искусство его нуждалось въ князьяхъ и папахъ. Въ 1530 году направлялъ онъ артиллерію республики Флоренціи противъ Карла V, а въ часы досуга онъ работалъ надъ памятниками Лоренцо и Джульяно Медичи.

Его въ высшей степени независимый характеръ отражается въ слѣдующихъ отчеканенныхъ стихахъ: «Я же, одинаково пре-

зирая и ненависть и честь, спокойно и одиноко продолжаю свой путь» *). Величественно, подобно словамъ Данте:

«Segui il corso tuo,
E lascia dir le genti.»

Въ глубинѣ души этого сосредоточеннаго мужа жила философская религія; христіанство совмѣстно съ идеалами Платона; отголосокъ Фичинской академіи и эхо по ту сторону горъ, симпатичное содроганіе, носившееся въ воздухѣ того времени; глубокое напоминаніе самоуглубленія Данте; сознаніе, что критеріумъ для всего въ мірѣ сосредоточенъ внутри самого человѣка. Такимъ является передъ нами Микель-Анджело, какъ поэтъ, въ своихъ сонетахъ; сотрудницею его на этомъ поприщѣ была его благородная подруга Витторія Колонна.

Италія находится у предверія, запоры гремятъ, каждую минуту думаютъ, что войдутъ, что должны войти! Всѣ человѣческія силы напряжены: философія, исторія, классическая литература, пластика, живопись, все за дѣломъ; остроуміе, трудолюбіе, умъ, фантазія, чувство, даровитость, все пущено въ ходъ. Но врата остаются запертыми, возрожденіе стоитъ на сторонѣ папы. Каждое великое движеніе, переводящее народъ за параллель новой эры, имѣетъ свою народную литературу, которую никакъ нельзя смѣшивать съ такъ называемой «изящной литературой». Новыя идеи, выражаясь въ пластичныхъ, доступныхъ образахъ, раскрываютъ сердце и волю массъ. Народная литература, это библіотека неученыхъ. Какъ же далеко пошла Италія въ народной литературѣ въ эпоху возрожденія?

Только до тѣни, до формы, безъ національнаго содержанія, до изящной литературы только. Готическое искусство могло бы и не быть развито во всей полнотѣ и совершенствѣ; лишь бы содержаніе средневѣковыхъ сагъ проникло въ плоть и кровь, или если бы о нихъ сохранились одни лишь преданія, какими напр. обладала Испанія во время борьбы съ маврами. Но къ сожалѣнію поэты фантастически витали въ пустотѣ. Боярдо, который жилъ въ блестящій періодъ первыхъ Медичи, до революціи, придавалъ большое значеніе «Orlando Inamorato»; это стихотвореніе должно было служить отраженіемъ рыцарства, позже только, въ 1490 году, *Берни*, измѣнившій содержаніе, сталъ любимцемъ народа. *Пульчи*, другъ Лоренцо Медичи, въ своемъ «Великанѣ» тѣмъ болѣе нравился, чѣмъ язвительнѣе осмѣивалъ церковь и чѣмъ серьезнѣе относился къ

*) «Ich aber, hass und ehre gleich verachtend,
Geh'still und einsam weiter meine Wege».

язычеству. *Аріосто*, современникъ Микель-Анджело, уже въ 1516 году расположилъ къ себѣ всю Италію своимъ «Неистовымъ Роландомъ», отрывкомъ изъ каролингскихъ сагъ. Это и было единственнымъ достояніемъ Италіи изъ среднихъ вѣковъ. Восемьдесятъ разъ издавалась эта эпопея впродолженіе ста лѣтъ! Никто не обращалъ вниманія на то, какъ изящно заимствовалъ великій Аріосто у древнихъ Латинцевъ, Испанцевъ и Провансальцевъ; еще менѣе заботились о содержаніи и направленіи сочиненія.

b) *Германія.* — Математика и астрономія во Франконіи и Швабіи. — Гуманисты. — Ѳома Кемпійскій и его ученики. — Рейхлинъ. — Гуттенъ и «письма темныхъ людей». — Конрадъ Цельтъ. — Эразмъ. — Университеты и школы.

И въ Германіи пробудились умы къ новой дѣятельности, частію самостоятельно, частію съ помощію могучаго возбужденія въ Италіи. Высшая математика и астрономія имѣли своихъ представителей въ лицѣ Пейербаха въ Вѣнѣ и въ знаменитомъ Регіомонтанѣ, который въ 1470 году поселился въ Нюрнбергѣ. Регіомонтанъ изобрѣлъ астрономическіе инструменты, которые впослѣдствіи были улучшены его ученикомъ Вальтеромъ. Въ 1506 году сдѣлался извѣстенъ Коперникъ. Папа Сикстъ IV призвалъ Регіомонтана въ Римъ, гдѣ онъ занялся исправленіемъ календаря, былъ сдѣланъ епископомъ Регенсбургскимъ и умеръ въ 1476 году.

Особенно сильное вліяніе на развитіе общественнаго образованія имѣлъ штутгардскій математикъ и филологъ Штефлеръ, который въ первой трети XVI столѣтія издалъ особаго рода календарь. Подъ его руководствомъ развивался ученый *Себастіанъ Мюнстеръ* и отчасти великій Кеплеръ въ концѣ столѣтія. Филиппъ Меланхтонъ, великій германскій ученый, praeceptor Germaniae, былъ его ученикъ. Двадцати одного года былъ онъ уже въ состояніи занять профессорскую каѳедру въ Виттенбергѣ, на которую и вступилъ въ 1518 году. Меланхтону многія изъ его колебаній и его религіозный модерантизмъ извиняются изъ уваженія къ его истинно-гуманистической природѣ и ученой дѣятельности.

Пойдемъ далѣе, чтобы ближе намѣтить сущность нѣмецкаго гуманизма и его отличіе отъ проявленій его въ Италіи.

Первое пробужденіе нѣмецкаго духа началось въ Нидерландахъ, въ *«братствѣ общественной жизни»*.

Благочестивый Ѳома Кемпійскій ревностно изучалъ самъ словесныя науки и училъ других. Его многочисленные ученики: Рудольфъ Ланге, графъ Морицъ Шпигельбергъ, Рудольфъ Агри-

кола, Гегій, Дрингенбергъ были апостолами культуры въ Германіи. Частію посылалъ онъ ихъ и прямо въ Италію, какъ напр. самаго умнаго между ними фридландца Рудольфа Агриколу. Въ Эрфуртѣ былъ даже доцентомъ университета Итальянецъ. Въ Италіи познакомился Іоганнъ Дальбергъ съ Агриколою, котораго онъ пригласилъ впослѣдствіи въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ и былъ кураторомъ университета.

Какъ видно, въ Германіи не одни только міряне посвящали себя изученію классическихъ наукъ; Дальбергъ былъ епископъ Вормскій; Виссаріонъ, дѣйствовавшій въ Вѣнѣ, былъ кардиналъ, и самъ Эней Сильвій, впослѣдствіи папа Пій II, благотворно дѣйствовали на Германію; Дрингенбергъ основалъ въ 1450 году въ Шлеттштатѣ, въ Эльзасѣ, знаменитую школу, въ которой было до 900 учениковъ. Рудольфъ Ланге подвизался въ Мюнстерѣ; честный Германъ Буше былъ ученикъ его. Гегіусъ управлялъ школою въ Девентерѣ, откуда собственно и началось все это движеніе.

То, что можно назвать возрожденіемъ науки въ Германіи, концентрируется въ трехъ великихъ именахъ: *Рейхлина, Конрада Цельтеса* и *Эразма.*

Іоаннъ Рейхлинъ, сынъ форцгеймскаго разсыльнаго (1455—1522), учился въ Парижѣ, получилъ ученую степень въ Базелѣ, отлично зналъ греческій языкъ и двадцати лѣтъ отъ роду издалъ латинскій словарь. Наступила пора фаустовъ, когда въ народѣ развилась страсть къ ученію и странствованію; подобно Корнелію Агриппѣ странствовалъ Рейхлинъ по свѣту, изучалъ права въ Орлеанѣ, учился и училъ другихъ. Въ 1482 году пріѣхалъ онъ въ Римъ секретаремъ Эбергарда. Италія удивлялась его познаніямъ въ классическихъ языкахъ. Въ 1492 году выучился онъ еврейскому языку у лейбъ-медика императора Максимиліана, затѣмъ онъ издалъ грамматику и словарь латинскаго языка и былъ прозванъ «трехъ-язычнымъ». Свои обширныя филологическія познанія примѣнилъ онъ къ анализу одной изъ книгъ, наиболѣе подвергавшихся критикѣ — Библіи и такимъ образомъ явился основателемъ герменевтики и экзегетики.

Рейхлинъ, философъ, богословъ, филологъ и юристъ — есть олицетвореніе гуманизма. Никогда не относился онъ враждебно къ христіанству или къ католичеству; онъ возставалъ только противъ затворничества монаховъ. Ложной вѣры въ Астрологію, господствовавшей въ его время, онъ не раздѣлялъ, хотя и онъ заплатилъ дань мистицизму въ сочиненіи «о чудодѣйственномъ словѣ», которое было внушено ему еврейскою «Каббалою».

Одинъ еврей, по имени Пфефферкорнъ, обращенный въ христіанство, предложилъ сожженіе всѣхъ еврейскихъ книгъ, за

исключеніемъ ветхаго завѣта, на основаніи мнимаго изрѣченія калифа Омара, въ Александріи. По желанію императора высказался и Рейхлинъ противъ этого сожженія. Кёльнскій инквизиторъ Яковъ Гогстратенъ возсталъ противъ Рейхлина; этотъ сначала, казалось, оробѣлъ, но потомъ, въ 1513 году, возражалъ Кёльнцамъ. Гогстратенъ пригласилъ его въ Майнцъ, въ инквизиторскій судъ, но отсюда самъ Гогстратенъ долженъ былъ бѣжать, потому что жители Майнца ему совсѣмъ не сочувствовали. Судъ оправдалъ Рейхлина. Кёльнцы такимъ образомъ проиграли процессъ, самъ папа, которому апеллировала проигравшая партія, отказалъ. Теперь ссора сдѣлалась общею: Пиркгеймеръ, графъ Нюнаръ, Вимпфелингъ, даже нѣкоторые каноники изъ Бромберга и Вюрцбурга приняли въ ней участіе; загремѣлъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ; онъ писалъ самыя рѣзкія изъ тѣхъ писемъ, которыя въ 1516 и 1517 годахъ, подъ именемъ *Epistolae obscurorum virorum*, заслужили справедливое вниманіе. Эти удачныя «Письма темныхъ людей» получили начало въ кружкѣ Эрота, въ Эффуртѣ, и Мутіана Руффа, въ Готѣ. Только во второй половинѣ вмѣшался въ этотъ споръ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, но онъ былъ слишкомъ серьезенъ для этой комедіи. Самымъ дурнымъ церковнымъ латинскимъ языкомъ подражалъ онъ поразительной тупости обскурантовъ такъ мастерски, что сами монахи пришли въ восторгъ. Въ слѣдующій за тѣмъ годъ Гуттенъ издалъ «Торжество Рейхлина», прибавивъ къ нему приписку: «развиваются искусства, крѣпнутъ науки, процвѣтаютъ умы. Самъ папа стыдится вашей тупости. Хотите еще разъ попробовать? Не совѣтую: у Германіи теперь есть глаза.» Друзьямъ же онъ говорилъ: «Тюрьма открыта, жребій брошенъ, монахамъ я подалъ веревку, мы побѣдили». Даже Лютеръ высказывался противъ обскурантовъ, хотя письма казались ему слишкомъ «шутовскими».

Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ, имя котораго должно быть и здѣсь упомянуто, не смотря на то, что онъ болѣе принадлежитъ исторіи реформаціи, считался послѣ Лютера замѣчательнѣйшимъ характеромъ Германіи и первымъ активнымъ народнымъ агитаторомъ своей націи; молодой герой, подобный Ахиллу, съ тою только разницею, что онъ въ досадѣ не запирался въ свою палатку.

Онъ родился въ 1488 г. въ замкѣ Штекельбергѣ, на границѣ Гессена и Франконіи. Изъ монастыря въ Фульдѣ бѣжалъ онъ въ 1505 году въ Кёльнъ, въ слѣдующемъ году отправился въ Эрфуртъ, гдѣ въ монастырѣ жилъ Лютеръ, а Эротъ и Гессе читали публичныя лекціи словесныхъ наукъ; въ сосѣдней Готѣ подвизался достойный удивленія Мутіанъ Руфъ. Въ слѣдующую зиму видимъ мы Гуттена во Франкфуртѣ на Одерѣ, гдѣ въ это время именно курфирстъ Іоахимъ I Бранденбург-

скій съ помощію наставника своего Дитриха Бюлова и совѣтника Эйтельвольфа основалъ университетъ. Зиму 1507—1508 г. провелъ Гуттенъ въ Лейпцигѣ. Какъ бѣдный странникъ, отправляется онъ въ Грейфсвальдъ и Ростокъ, претерпѣваетъ различныя превратности, которыя дѣлаютъ изъ него латинскаго Лессинга, вступающаго въ неслыханную до тѣхъ поръ полемику.

Несчастіе сдѣлало его мужественнымъ. Онъ отправляется въ Вѣну, а въ 1511 г. въ Италію. Уже тогда протестовалъ онъ противъ папы Юлія II и отпущенія грѣховъ.

Въ 1513 г. Альбрехтъ, курфирстъ Майнцскій, дѣлается его покровителемъ; онъ познакомился съ знаменитымъ Эразмомъ; 1515 г. провелъ онъ въ Эмсѣ для излеченія отъ тяжкаго недуга. Въ Эмсѣ получилъ онъ извѣстіе о злодѣйскомъ убіеніи своего двоюроднаго брата, Ганса, Ульрихомъ Виртембергскимъ. Противъ этого злодѣя написалъ онъ, какъ Цицеронъ противъ Верреса, четыре классическія письма, которыя проповѣдывали крестовый походъ противъ тирана. Изъ Рима опять металъ онъ ядовитыя стрѣлы противъ папской испорченности. Въ Римѣ,—говоритъ онъ,—гдѣ вмѣстѣ съ Святыми продаютъ и самого Бога, можно сдѣлаться святѣйшимъ человѣкомъ, заплативши деньги; тамъ деньгами можно откупиться и за будущія злодѣянія. Вездѣ проглядываетъ у него патріотическое чувство. Когда же доживемъ мы до того, что глаза Германіи откроются?*)

Таковъ былъ великій патріотъ, когда онъ со всею живостію своего духа вмѣшался въ ученый споръ противъ монаховъ; онъ имѣлъ на готовѣ для борьбы со своимъ вѣкомъ перо, лиру, мечъ и полную лишеній жизнь.

Второй настоящій гуманистъ былъ *Конрадъ Цельтъ*, родившійся въ 1459 году не далеко отъ Швейнфурта. Восемнадцати лѣтъ бѣжалъ онъ въ Кёльнъ, чтобы учиться. Въ 1484 г. училъ онъ въ Гейдельбергѣ исторіи и піитикѣ. Особенная заслуга Цельта состоитъ въ томъ, что онъ принялся за изслѣдованіе источниковъ для исторіи Германіи. Онъ составилъ планъ большаго литературнаго общества, въ которомъ онъ думалъ организовать новую науку. Такъ основалъ онъ сначала Рейнское общество, потомъ Дунайское. Рейнское общество въ Гейдельбергѣ было средоточіемъ духовной жизни верхней Германіи и Рейна. Дальбергъ конечно участвовалъ въ этомъ. Агрикола училъ здѣсь, а Рейхлинъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ; Меланхтонъ учился нѣкоторое время въ Гейдельбергѣ.

---

*) „Wo mit dem Heiligen man selber den Gott auch verkauft.
Bringet ihr Geld nach Rom, so seid ihr die rechtlichsten Leute,
Ja, auch künftig Verruchtes zu thun erkauft man in Rom sich.“

Яковъ Вимпфелингъ, основатель Страсбургскаго общества и авторъ небольшой „Исторіи Германіи“, имѣлъ сношеніе съ Гейдельбергомъ, точно также какъ и Іоганнъ Тритгеймъ, знаменитый аббатъ Шлоссгейма, ученикъ Агриколы, который собралъ 2 т. драгоцѣнныхъ латинскихъ, греческихъ и еврейскихъ рукописей. Въ Базелѣ читалъ Себастіанъ Брандтъ литературу и право. Конрадъ Цельтъ былъ призванъ въ 1497 г. въ Вѣну, гдѣ онъ былъ профессоромъ университета и исправлялъ должность библіотекаря. Онъ умеръ въ 1508 г.

Эразмъ Роттердамскій, остроумнѣйшій латинистъ, изящнѣйшій ученый, родился въ 1467 г. Пять лѣтъ, проведенные имъ противъ его воли въ монастырѣ, сообщили его характеру боязливость и осторожность. Онъ учился въ Парижѣ богословію и возненавидѣлъ схоластику и монашество. Въ Базелѣ, гдѣ онъ долѣе всего прожилъ, издалъ онъ исправленное изданіе Новаго Завѣта, съ латинскимъ переводомъ. Но всемірною извѣстностью пользовалось его сочиненіе на латинскомъ языкѣ «Похвала глупости», разошедшееся въ 27-ми изданіяхъ, не считая переводовъ; всѣ иллюстраціи къ этому сочиненію были рисованы Гансомъ Гольбейномъ. Долгое время назывались Эразмъ и Рейхлинъ «очами Германіи».

Настоящимъ выраженіемъ германскаго возрожденія былъ городъ Нюрнбергъ, съ 1313 г. имперскій городъ. Здѣсь появились первые нѣмецкіе драматурги, Розенплютъ и Фольцъ; здѣсь былъ торжественно принятъ Гуссъ, на пути въ Констанцъ. Здѣсь же блисталъ первый астрономъ Европы, Іоганнъ Мюллеръ, изъ Кёнигсберга, и Бернгардъ Вальтеръ, ученикъ его. Представителемъ науки былъ Вилибальдъ Пиркгеймеръ, родившійся въ 1470 г., за годъ до Альбрехта Дюрера, изъ аристократическаго сословія. Отецъ его былъ друженъ съ Цельтомъ и другими гуманистами. Вилибальдъ учился четыре года въ Падуѣ, греческому языку у Марка Музуруса изъ Крита, четыре года посвятилъ изученію права въ Павіи, говорилъ превосходно по итальянски и игралъ на лютнѣ. Въ 1497 г. женился въ Нюрнбергѣ, ходилъ подъ знаменами императора Максимиліана въ походъ противъ швейцарцевъ, былъ императорскимъ совѣтникомъ, но еще лучше воевалъ съ монахами и съ Экомъ. Онъ переводилъ съ греческаго на латинскій и нѣмецкій языки и занимался географіею древнихъ германцевъ.

Въ Аугсбургѣ представителями, скорѣе итальянскаго возрожденія, были Конрадъ Пейтингеръ и семейство Гольбейнъ. Конрадъ Пейтингеръ учился въ Италіи, какъ и Гансъ Гольбейнъ, былъ въ 1493 г. секретаремъ въ Аугсбургѣ; императоръ Максимиліанъ возвелъ его въ званіе императорскаго совѣтника. Онъ изучалъ древности и издалъ знаменитыя, названныя по его имени, географическія таблицы.

Въ Бранденбургѣ прославился въ 1499 году двадцатилѣтній Іоахимъ, братъ майнцскаго Альбрехта. Гуманисты пользовались расположеніемъ двора, какъ впослѣдствіи французскіе энциклопедисты.

Всегда благонамѣренный императоръ Максимиліанъ, всегда щедрый въ томъ, чѣмъ онъ могъ располагать, возвелъ въ дворянское званіе Рейхлина, сдѣлалъ императорскимъ пфальцграфомъ и пригласилъ въ 1497 году Цельта въ вѣнскій университетъ. Австрійскій дворъ былъ составленъ изъ классически образованныхъ людей.

Университеты въ это время дѣлали свое дѣло: старые преобразовывались, новые учреждались, какъ настоящіе разсадники новаго духа *).

Честь и слава этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, которыя образовали борцовъ за новое освобожденіе; но еще большее значеніе имѣли учрежденныя въ Нидерландахъ среднія учебныя заведенія, потому что ихъ вліяніе проникло, такъ сказать, въ самое сердце гражданъ.

Какимъ великимъ благомъ для Германіи были, кромѣ упомянутыхъ выше университетовъ, школы въ Герфордѣ, Минденѣ, Дюссельдорфѣ, Госларѣ, Люнебургѣ, Оснабрюкѣ, Дортмундѣ, Гарлемѣ, Любекѣ, Эммерихѣ, гдѣ подвизались ученики Гегіуса и Рудольфа Ланге! Нѣтъ сомнѣнія, что въ Германіи наука получила полное право *гражданства*, между тѣмъ какъ въ Италіи она была достояніемъ только избранныхъ, считаясь *академической*. Въ Италіи возрожденіе было аристократическимъ, а потому и безплоднымъ, въ Германіи сѣмена возрожденія сѣялись демократически и взошли обильнѣйшей жатвой. Въ Италіи прививали преимущественно древнее убѣжденіе, въ Германіи подготовляли силы къ выработкѣ *новаго*.

И еще одно преимущество имѣло германское возрожденіе предъ итальянскимъ. Знатные академики Италіи и ихъ еще болѣе знатные покровители выносили изъ древнихъ классиковъ ученіе, совершенно противное христіанской нравственности и теоретически освобождались также отъ ученія о нравственности связаннаго съ догматической вѣрой. Но положительнымъ элементомъ новѣйшей нравственности оставался эстетическій, связанный съ чувственностью, стремившейся къ наслажденію и произволу.

---

*) Первый нѣмецкій университетъ былъ, какъ извѣстно, Пражскій, основанный Карломъ IV, въ 1348 г., затѣмъ слѣдовалъ вѣнскій въ 1365, гейдельбергскій въ 1386 г., кельнскій въ 1388 г., эрфуртскій въ 1392. Такимъ образомъ въ началѣ XV ст. было въ Германіи пять университетовъ. Въ XV ст. число ихъ значительно возрасло, и скоро изученіе классическихъ наукъ и древнихъ языковъ распространилось повсюду.

Платонизмъ только для нѣкоторыхъ великихъ душъ имѣлъ жизненное значеніе. Для большинства же задача жизни состояла въ томъ, чтобы «устроить себѣ пріятную жизнь». Совсѣмъ иначе было дѣло въ Германіи.

Стремленіе къ *естественной* нравственности, къ пониманію обязанностей такъ, какъ онѣ представляются простѣйшему уму человѣческому, издревле составляло принадлежность націи. Эта естественная мораль проглядываетъ уже у Вальтера фонъ-Фогельвейде, и особенно въ «Vrydank», твореніи, приписываемомъ также вюрцбургскому пѣвцу.

Популярный гуманизмъ пятнадцатаго столѣтія особенно обращалъ вниманіе на эту естественную мораль, и какъ свои, такъ и заимствованные разсказы того времени заключаютъ въ себѣ моральную тенденцію. Собственно въ эпоху возрожденія такое направленіе оказалось еще сильнѣе; для этого стоитъ только сравнить «Корабль дураковъ» Брандта. Что сталось съ этимъ направленіемъ при ближайшемъ знакомствѣ съ древними писателями, которые объ этой христіанской нравственности никогда ничего не слыхали? «Жить сообразно съ природой», «соблюдать законы природы», слышалось тамъ со всѣхъ сторонъ. «Соглашай свои чувства съ желаніями». Какъ рѣзко и понятно звучало это въ сравненіи съ слѣдующими изрѣченіями: «Исполняй волю Божію, берегись гнѣва Божія, Богъ награждаетъ добрыхъ и наказываетъ злыхъ!»

Никому не придетъ въ голову сравнивать первые историческіе опыты того времени Германіи съ историческими писателями итальянскаго возрожденія. Въ Германіи лепетали еще, между тѣмъ какъ въ Италіи писали уже совершенно правильнымъ языкомъ. Краткость Макіавелли почти неподражаема, а его преемникъ Гвиччіардини плавно ведетъ читателя отъ событія къ событію. Оба имѣли въ рукахъ уже готовое орудіе—прекрасный, благозвучный языкъ Италіи.

Напротивъ того Авентинъ и Себастьянъ Франкъ должны были прокладывать совершенно новую дорогу. Вѣдь это было подвигомъ со стороны Авентина — написать баварскую хронику и хронику о происхожденіи древнихъ германцевъ, на своемъ родномъ языкѣ.

Еще болѣе одаренъ, хотя столь же безсиленъ въ формѣ былъ *Себастьянъ Франкъ*, авторъ «des Zeitbuchs» или «Исторической библіи отъ самаго начала до 1531 года» и подобной ей «Germania oder deutsche Chronik». Радикальный Франкъ, всецѣло проникнутый реформатскимъ духомъ, отказавшись отъ реформаціи съ 1525 года, вступилъ въ сильную полемику противъ новаго папства. Онъ явился даже пантеистомъ, видя въ цѣломъ ходѣ исторіи одни лишь проблески міроваго духа. Нѣмцамъ нужно было

вообще формально переработать себя, освободившись изъ-подъ грубости. Это видно уже у геніальнаго Теофраста Парацельса изъ Гогенгейма, доктора и философа. Говорить съ каѳедры по нѣмецки было съ его стороны геройскимъ подвигомъ, который черезъ двѣсти лѣтъ послѣ него былъ опять необходимъ и который тогда совершенъ былъ Томазіусомъ въ Лейпцигѣ. И какъ вѣрно и точно провозглашалъ онъ принципъ Леонардо-да-Винчи въ изученіи природы: «Глаза, внимательно изучающіе все окружающее, истинные пророки». И сказавшій это, — родился годъ спустя послѣ открытія Америки; на его вѣку объѣхали мысъ Доброй Надежды, Магелланъ совершилъ свое путешествіе вокругъ свѣта; онъ былъ современникъ Коперника.

Изъ «Kulturgeschichte des Sechzehnten Jahrhunderts» von Karl Grün (47—86). Leipzig 1872.

6. ДРЕВНОСТЬ.

Если Петрарка проливалъ радостныя слезы, смотря на манускриптъ Гомера, съ благоговѣніемъ дотрогивался до него и цѣловалъ, будучи еще не въ состояніи понимать его, каковъ же былъ бы его восторгъ при видѣ, какъ онъ распространяется въ благородныхъ характерахъ Венеціи и Франціи, обтекаетъ всю Европу, проливая всюду чистѣйшій свѣтъ эллинскаго неба, свѣжесть своихъ живыхъ водъ, этихъ потоковъ юности, которые вѣчно текутъ изъ источниковъ Иліады!

Но теперь трудно вообразить, какого труда, какого бдительнаго безпокойства стоило великимъ типографщикамъ первое печатаніе древнихъ манускриптовъ, трудныхъ, часто несогласныхъ. Святое дѣло! Первые принявшіеся за него были поражены религіознымъ волненіемъ и невыразимымъ безпокойствомъ. Какими они отдаютъ міру этихъ боговъ мысли, такими онъ ихъ и сбережетъ. Типографщики, корректоры, издатели не спали вовсе (одинъ изъ нихъ спалъ три часа въ сутки); они молили Бога помочь имъ; ихъ трудъ былъ смѣшанъ съ молитвами. Они чувствовали, что въ этихъ свинцовыхъ, ничтожныхъ, тусклыхъ буквахъ заключается источникъ молодости міра, сокровище безсмертія.

Римъ и Іерусалимъ этой новой религіи книгопечатанія не столько Майнцъ и Страсбургъ, сколько Венеція, Базель и Парижъ. Первые, т. е. Майнцъ и Страсбургъ, только печатали, Парижъ, Базель и Венеція издавали съ безконечнымъ трудомъ очищенія, исправленія, критики, расположенія текстовъ и варіантовъ, тернистыя библіи философіи, мы хотимъ сказать—ве-

ликое творенiе Платона; исполненное такой деликатной тонкости грацiи и дiалектики, что малѣйшее измѣненiе въ акцентѣ, запятой, разрушаетъ все и самое пониманiе дѣлается невозможнымъ; но еще болѣе гигантское творенiе Аристотеля, страшная энциклопедiя древности, написанная алгебраическимъ языкомъ,—такъ она сжата и глубокомысленна! Страшно много было говорено о Платонѣ и Аристотелѣ; ихъ и переводили, но слабо и весьма невѣрно. Все это ничто въ сравненiи съ страшнымъ трудомъ, который Альды окончили въ Венецiи. Они воскресили и поставили на ноги этотъ двойной колоссъ, эту троянскую лошадь, полную плодотворныхъ войнъ, которая въ своей утробѣ содержитъ всякiя школы, всякiе диспуты, всякiя ереси, неугасаемую борьбу человѣческаго разума.

Аристотель снова ожилъ въ годъ смерти Савонаролы и Карла VIII, во время полнаго разгара царствованiя Борджiо (въ 1498 году). Ужасъ Венецiи въ это проклятое время, нескончаемыя бѣдствiя войны, камбрiйская лига, которая заключила Венецiю въ ея лагуны, остановила труды Альдовъ. Варварскiя бомбы перелетали море и не щадили стараго убѣжища, которое уважалъ даже Аттила. Однакожъ Венецiя въ это время была почтенною колыбелью возрожденiя Платона. Онъ не могъ явиться раньше кроваваго 1512 года, среди рѣзни Брешiи и Равенны. Свѣтъ среди всѣхъ несчастiй получилъ отъ отчаявшейся Венецiи несравненный цвѣтокъ греческой мудрости, высокое утѣшенiе въ безсмертномъ дiалогѣ Платона «Федонъ».

Гомеръ, Платонъ, Аристотель—три древнiя библiи. Прибавьте къ нимъ не менѣе великiй памятникъ Corpus juris.

Да не удивляются, если Лютеръ, яростный защитникъ забытаго христiанизма, негодуетъ, (не безъ ужаса) смотря съ поднятою къ небу головой, на этихъ исполиновъ, которые съ высоты вѣчной логики съ сожалѣнiемъ взираютъ на легенду.

Возродилась новая дiалектика, хитрая, тонкая и вмѣстѣ сильная; смертельный врагъ схоластики, торжествуя и разсудкомъ и изяществомъ доказательствъ, она уничтожила въ прахъ Ломбарда и Дунъ-Скота, поставила въ тупикъ св. Ѳому и смѣшала его dixtinguo.

И это не была пустая игра, фехтованiе, дуэль языковъ. Въ основанiяхъ ничего не было враждебнаго христiанизму. Новый духъ его разрушалъ, не замѣчая самъ того въ удивительной невинности. То, что видѣли, было далеко не распря, напротивъ, это было лобзанiе, трогательная благодарность заблудшихся членовъ большаго семейства; новая Европа увидѣла свою мать-древность, и бросилась въ ея объятiя.

И Востокъ и Америка сближаются въ одинъ часъ. Зрѣлище, достойное божественнаго созерцанiя! человѣческое семейство,

раздѣленное и мѣстомъ и временемъ, соединяется, всматривается другъ въ друга, узнаетъ другъ друга и проливаетъ слезы, что долго себя не узнавали.

На сколько эта великая мать, благородная, непорочная, героическая древность, оказалась выше того, что знали спустя столько вѣковъ, когда взглянули на ея почтенное, прекрасное лице! «О мать, какъ ты молода! говорилъ міръ со слезами,—какъ ты очаровательно прекрасна! Ты унесла съ собой въ могилу поясъ вѣчно юной матери любви... А я, тысячелѣтній, ужъ согбенъ и покрытъ морщинами».

Тутъ была, въ самомъ дѣлѣ, горькая тайна человѣчества. Новое оказалось старымъ, дряхлымъ, морщинистымъ. Древнее явилось молодымъ своей необыкновенной прелестью и глубокимъ согласіемъ съ рождающеюся наукой. Кровь стала горячѣе и пламя любви вливалось въ наши старыя жилы вмѣстѣ съ вкуснымъ виномъ Гомера, Эсхила и Софокла. Такъ же мужественъ, какъ и очарователенъ, былъ греческій геній, руководившій Коперника и Колумба. Пиѳагоръ и Филолай преподавали имъ систему міра, Аристотель ручался имъ въ круглости земнаго шара, Платонъ показывалъ имъ востокъ и опредѣлялъ Гесперидовъ.

Все? Нѣтъ, наши сердца просили у древности чего-то другаго, а не Америки, чего-то другаго, а не науки, не прелести литературы. Мы, главное, требовали отъ нея освободить изъ заточенія наши души, позволить намъ свободнѣе дышать, расширить нашу грудь моральной кротостью и человѣколюбіемъ, не связаннымъ темнымъ византійскимъ формализмомъ, занесеннымъ изъ Никеи. Мы отъ нея требовали не разрушать храма, а расширять его, не уменьшать числа святыхъ, а увеличивать ихъ; открыть объятія церкви, такъ недостойно сжатыя, Сократу, Антонинамъ, Виргилію!

«Виргилій помоги мнѣ!» Мы содержали это слово въ нашемъ сердцѣ еще прежде, чѣмъ узнали, что другой говорилъ его въ шестнадцатомъ вѣкѣ. И онъ имѣетъ большее право сказать это слово, чѣмъ мы,—мы, воспитанные на твоихъ колѣняхъ, мы, которые такъ долго питались одною только пищей древности, услажденной тобою, мы, которые жили твоимъ молокомъ прежде, чѣмъ испили въ Гомерѣ вино, кровь и жизнь. Свои молодые годы меланхоліи мы провели около тебя; въ старости, когда сами собой приходятъ грустныя мысли, эти любимые сонеты раздаются еще въ нашихъ ушахъ, достаточно кроткаго голоса сивиллы, чтобы разогнать черный рой дурныхъ сновъ.

Когда переходите отъ грубыхъ и хриплыхъ голосовъ, отъ схоластики къ этой великолѣпной древности, точно такая же перемѣна поражаетъ васъ, какъ если, оставляя остроконечныя швейцарскія мостовыя съ потоками и камнями, рѣжущими ноги,

вы переходите на гладкія мостовыя, по которымъ вы скользите, какъ душа праведнаго, проходя по итальянскимъ городамъ, по Флоренціи, по обширному Милану.

Въ средніе вѣка произошелъ сильный и суровый оборотъ. Христіанство при своемъ рожденіи обвиняло въ грубости древній символизмъ, а возраждающаяся древность упрекала средніе вѣка за ихъ грубость и вмѣстѣ тонкость, за матеріализмъ, окутанный византійской насмѣшкой и безплодной схоластикой.

Типографія бросила въ глаза среднимъ вѣкамъ всю ихъ ложь, нечаянно открытую, ложныя легенды, ложныя постановленія первыхъ папъ.

Страшная ненависть возстала противъ истребителей древностей, сожигателей, подскабливателей манускриптовъ. Ауто-да-фе милліона томовъ, совершенное въ Гренадѣ, послѣ ея покоренія, явилось громаднымъ преступленіемъ противъ разума, противъ Бога. Кардиналъ Хименесъ, напечатавшій библію на пяти языкахъ, искупилъ ли этимъ грѣхъ, сжегши своей рукой 80,000 манускриптовъ?

Всякій разъ, какъ находили подъ какимъ нибудь грустнымъ антиѳономъ слово великихъ затерянныхъ авторовъ, тысячу разъ проклинали это преступленіе, этотъ грабежъ, сдѣланный у человѣческаго рода, это ничѣмъ невознаградимое убавленіе его достоянія. Часто начатая линія наводила на слѣдъ открытія, на идею, которая казалась плодотворною; воображали уловить этотъ летучій профиль нимфы; все зрѣніе напрягали на этотъ исчезнувшій слѣдъ, напрягали до помраченія, до изнеможенія. Напрасно; желаемый предметъ упорно скрывался во мракѣ, воскресшая Евридика снова погружалась въ темное царство и исчезала навсегда.

Не безъ основанія было сказано, что дошедшія до насъ древнія мраморныя статуи составляютъ самое меньшее изъ того, чѣмъ владѣла древность. Капитальныя произведенія Фидіаса, Праксителя были сдѣланы изъ золота, серебра, перламутра, и всѣ погибли. Вѣроятно, что изъ манускриптовъ дошла до насъ только ничтожная часть. Гдѣ же эти политическія творенія, столь знаменитыя въ древности? Гдѣ мемуары Силлы и Теберія? Гдѣ книга: «описаніе римской имперіи», которую Августъ велѣлъ написать для себя? А Карѳагенъ, а Сирія, ближайшія родственницы еврейскаго міра, отчего отъ нихъ ничего не осталось? Здѣсь было бы истинное разъясненіе библейскаго народа, котораго книги, такъ изолированныя среди общей развалины семитическихъ націй, остаются столь же малодоступными, какъ арка изломаннаго моста посреди рѣки. Оба конца снесены; ни съ того, ни съ другаго берега вы не можете до нея достичь; развалина тѣмъ болѣе грандіозная, что къ ней нѣтъ болѣе доступа.

Въ этомъ милліонѣ восточныхъ книгъ, сожженныхъ испанцами, кто знаетъ, что не заключалось ничего относящагося до высокой древности, до Сиріи, Аравіи, Измаила, брата Израиля?

Возрожденіе, негодуя на истребителей древностей, хотѣло видѣть въ древности только гармонію и единство. Оно не смотрѣло на нее какъ на міръ разнообразія, смѣшенія всѣхъ возрастовъ и безконечно разнообразныхъ цвѣтовъ, но смотрѣло какъ на вѣчную Афродиту. Въ этомъ единствѣ, которое оно преувеличивало, оно порицало трудолюбивую, разностороннюю многосложность среднихъ вѣковъ, мѣшавшую драгоцѣнные камни съ штукатуркой. Негодованіе и злоба воспослѣдовали за столь долгое колѣнопреклоненіе передъ этой готической безурядицей. Этотъ міръ противорѣчія, лицемѣрія, сангвинической кротости, этотъ міръ родства, міръ монаховъ, поставленный лицемъ къ лицу съ античнымъ міромъ, съ міромъ гармоніи и достоинства, заставлялъ содрогаться отъ ненависти. Не увидятъ ли снова тотъ день, когда человѣкъ, сдѣлавшись гражданиномъ, исправивъ и пересоздавъ человѣка, вступитъ въ совершеннолѣтіе, такъ долго прерываемое религіею рабства?»...

Тѣ, которые знаютъ, что такое революція и наводненіе, знаютъ, что вода, скопившись разъ, становится опасною, что одна лишняя капля можетъ произвести разрывъ и унести плотину. *Эразмъ былъ этой каплей.*

Эразмъ, рожденный въ Голландіи, обладалъ итальянской душой (а вовсе не голландской). Въ своей скитальческой жизни, существуя преподаваніемъ, корректурой и компиляціями, онъ въ 1500 году, проѣздомъ въ Парижѣ, напечаталъ маленькое собраніе пословицъ и старинныхъ поговорокъ. Публика накинулась на это изданіе. Лавка, въ улицѣ Сенъ-Жакъ, гдѣ появился этотъ счастливый томъ, была биткомъ набита. Всякій спѣшилъ купить и носить въ своемъ карманѣ маленькую, практическую мудрость, народное благоразуміе древности. Увеличиваясь все болѣе и болѣе съ каждымъ изданіемъ, книга въ Венеціи и Базелѣ превратилась въ огромный фоліантъ мелкаго шрифта. Альдъ выпустилъ полное изданіе въ 1508 году, а Фробенъ въ Базелѣ перепечаталъ его шесть разъ. Замѣчательно еще одно обстоятельство: Эразмъ, бывши въ Италіи, присутствовалъ при великомъ выходѣ папы. Первосвятитель и его кардиналы привѣтствовали знаменитаго компилятора пословицъ. Еще ни одно образцовое произведеніе не возбуждало такого сильнаго энтузіазма. Дѣйствительно это было большимъ для всѣхъ пособіемъ, настоящимъ dictionnaire de la conversation. Вообразите себѣ всю древность, соединенную въ одной книжкѣ; все, что прежній міръ произвелъ глубокомысленнаго, остроумныхъ изрѣченій, правилъ, все, какъ солнечные лучи, собрано въ одинъ фокусъ.

Знаменитый купеческій старшина Бюдэ, другъ Эразма и Раблэ, Бюдэ, который самъ столько разъяснилъ древность своимъ трудомъ о монетахъ и замѣчаніями о Пандектахъ, говорилъ о книгѣ Adoges: «Это магазинъ Минервы; всѣ прибѣгаютъ къ нему, какъ къ листьямъ сивиллы».

Великій базельскій живописецъ Гольбейнъ нарисовалъ Эразма въ одеждѣ тріумфатора, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Онъ проходитъ римскую арку и какъ-будто увлекаетъ міръ этой via sacra древности.

Заслуга была въ самомъ дѣлѣ законная и дѣйствительно великая въ двухъ отношеніяхъ. Всѣ увидѣли, что большая часть этихъ древнихъ поговорокъ была не ниже новыхъ, что древность отнюдь не была непонятной волшебной книгой, тарабарщиной грамотѣевъ, но что она представляла насъ самихъ, вѣчно одного и того же человѣка. Увидѣли, что эта древность, которую Яноты Брагмарды (Janotus de Bragmardo), грязные педанты, о которыхъ говоритъ Раблэ, представляютъ, по своему подобію, педантскою и глупою, было олицетворенное изящество, грація. Дворъ, какъ и городъ, узнали, что Платонъ и Ксенофонтъ были истинно порядочными людьми (parfaits gentilshommes), исполненными ума, вѣжливости, деликатности. L'honnête homme, этотъ слабый идеалъ, который былъ всегда такъ популяренъ въ мудрой французской посредственности, явился совершенно вѣрно представленнымъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ поблѣднѣвшей древности, какъ напр. въ цицероновскихъ Officies, —въ книгѣ, которая всюду была напечатана и которая вездѣ была во всеобщемъ употребленіи.

Однако, какъ бы слабы еще и были результаты, въ нихъ заключалось многое: усиліе, воля. А что же въ этомъ мірѣ можетъ быть выше какъ серьезно хотѣть? Въ восторгѣ никогда не проходящемъ, въ задыхающейся дѣятельности, выкапывали изъ земли, изъ пыли старыхъ амбаровъ медали и монеты, барельефы, манускрипты всѣхъ видовъ, медицину, географію, поэзію, нравы, домашніе обычаи, всю жизнь древности. Достойные гуманисты! Кто откажетъ имъ въ этомъ имени, смотря, съ какою безпристрастною любовью охватили они все, что только могли тогда знать, всѣхъ народовъ, всѣ возрасты, всѣхъ боговъ, всѣ языки и все человѣчество?

Пойдемте темною ночью, зимой, рано утромъ, въ улицу Сенъ-Жакъ. Видите ли эти огни? Мужчины, даже старики и дѣти, идутъ, неся подъ мышкой фоліантъ и держа въ другой рукѣ желѣзный подсвѣчникъ. Повернутъ ли они на право? Нѣтъ, старая Сорбона еще не просыпалась, она плотно закуталась въ теплое одѣяло. Толпа идетъ въ греческія школы. Аѳины въ Парижѣ. Этотъ человѣкъ съ большой бородой, въ своемъ вели-

чественнымъ горностаѣ, это потомокъ императоровъ, Іоаннъ Ласкоріесъ. Другой это докторъ, Александръ, преподаватель еврейскаго языка. Ватабль сидитъ у его ногъ, пишетъ и уже печатаетъ. Странное превращеніе вещей! Этотъ городъ, который въ 1300 году похищалъ у евреевъ манускрипты, чтобы жечь ихъ, теперь самъ печатаетъ ихъ. Въ 1508 году отлиты первыя еврейскія буквы. Старый завѣтъ, такъ жестоко преслѣдуемый новымъ, дѣлается нетлѣннымъ и размножается христіанами. Защитникъ еврейскихъ книгъ, Рейхлинъ, потрясаетъ Германію въ геройской войнѣ противъ невѣждъ, преслѣдователей и истребителей, которые жгутъ книги, не умѣя читать ихъ.

Будемъ вѣрить въ побѣду разума! Въ то время, какъ Испанія истребляетъ книги тысячами, Германія, Франція, Италія печатаютъ ихъ милліонами.

Улица Сенъ-Жанъ-де-Бовэ не изъ прекрасныхъ и притомъ въ ней помѣщалась школа высокой суеты, называемая каноническимъ правомъ. Однако и у ней была своя слава. Здѣсь красовалась почтенная вывѣска Эстьеновъ, первыхъ типографщиковъ въ мірѣ. Эта замѣчательная династія, при Генрихѣ I, великомъ Робертѣ, Карлѣ и Генрихѣ II, въ продолженіе цѣлаго столѣтія озаряла міръ. Отсюда вышла вся древность, очищенная, исправленная и толково отмѣченная для удобности употребленія. Колоссальное сокровище латинскаго языка обезсмертило Роберта, также какъ греческій языкъ—Генриха II. Они не были педантами. Всѣ ихъ изданія отличаются сердечной теплотой и здравымъ смысломъ. Одинъ изъ нихъ знаменитый медикъ, образцовый натуралистъ, написалъ и сейчасъ же издалъ первый практическій трактатъ о земледѣліи—«Сельскій домъ.»

Эстьены печатаютъ въ 1512 году, за четыре или за пять лѣтъ до Лютера, первую книгу о реформаціи, новый завѣтъ Лефебра д'Етапль.

Французская реформа однако еще далека. Религія дома Эстьеновъ заключается до сихъ поръ въ ихъ типографіи. Извѣстно, что они назначили премію тому, кто отыщетъ ошибку въ ихъ изданіи. Корректура производилась децемвиромъ изъ людей знающихъ и большею частію знаменитыхъ. Одинъ изъ нихъ былъ грекъ Ласкаріусъ, другой Ренанусъ, германскій историкъ, аквитанецъ Рансонэ, впослѣдствіи президентъ парижскаго парламента, Мюзюрусъ, котораго Левъ X сдѣлалъ архіепископомъ,

Спрашивается, какъ Эстьены, удивительные типографщики, безукоризненные коректоры, обязанные управлять такимъ большимъ заведеніемъ, могли въ то же время быть полезными издателями, остроумными писателями, учителями языка. Одинъ изъ нихъ объясняетъ это въ предисловіи къ своему Thucydide, адрессуя другу слѣдующія слова: «Прими, другъ, произведеніе,

созданное тяжелымъ трудомъ, вызывавшимъ потъ на моемъ лицѣ, произведеніе, надъ которымъ я трудился во время суровой зимы, въ продолженіе темныхъ ночей, когда сквозной вѣтеръ охватывалъ меня.»

Два обстоятельства поддерживали ихъ:

Одно (на которое мы отвѣчаемъ) — благодарность, которую они отъ насъ ожидали. «Потомство!—говоритъ Генрихъ,—ты будешь отдыхать—мы за тебя работаемъ. Ты будешь спать спокойно, счастливое нашимъ бдѣньемъ.»

Другая поддержка (благословилъ насъ Богъ послѣдовать этимъ великимъ работникамъ!) заключалась въ семейномъ единствѣ, сосредоточенномъ у семейнаго очага. Дамы Эстьены вставали рано утромъ и между толпой мужчинъ всѣхъ націй говорили однимъ и тѣмъ же, всѣмъ понятнымъ латинскимъ языкомъ. «Вашъ прадѣдъ, писалъ Генрихъ Эстьенъ въ предисловіи къ Олю-Желъ, въ совершенствѣ зналъ латинскій языкъ; ваша тетка Катерина со всѣми превосходно объяснялась по латыни. Даже лакеи привыкали и начинали говорить на немъ. Что же касается до насъ дѣтей, то съ тѣхъ поръ, какъ мы начали лепетать, мы никогда не осмѣливались при отцѣ и его корректорахъ говорить на какомъ-либо другомъ языкѣ».

Итакъ здѣсь все было гормонія: великій типографщикъ, его знаменитые корректоры, его ученые работники, дѣти, дамы, всѣ вмѣстѣ представляли собой согласіе настоящаго древняго очага, подобіе римскихъ семействъ и кліентовъ, такъ что входя къ Генриху, къ Роберту, Карлу, творцу «Сельскаго дома», вы подумали бы, что вы вошли къ Катону.

(Мишле. Ист. Фр. XVI вѣка, томъ I, Глава XI, Стр. 87—94).

7. ЭРАЗМЪ РОТТЕРДАМСКІЙ (1467—1536 г.).

Хотя Эразмъ Роттердамскій по рожденію былъ голландецъ, но собственно не принадлежалъ никакой націи. Это былъ одинъ изъ тѣхъ абстрактныхъ ученыхъ, какихъ эпоха гуманизма породила довольно много, особенно въ Италіи. Нельзя даже и назвать его космополитомъ, потому что прямымъ отечествомъ его былъ один только древній, классическій міръ или правильнѣе—его возрожденная литература. Всю жизнь свою переѣзжая съ мѣста на мѣсто, изъ одного края въ другой, и проживая иногда по цѣлымъ годамъ то въ Нидерландахъ, то во Франціи, то въ Англіи, или Италіи, онъ однако же остался совершенно чуждъ общественнымъ интересамъ этихъ странъ. Даже въ Швейцаріи, гдѣ онъ провелъ послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни, не

умѣлъ онъ привязаться ни къ чему. и жилъ въ Базелѣ просто по привычкѣ, уставши подъ старость отъ кочующей жизни. Съ какою-то гордостью, хвалился онъ тѣмъ, что не умѣетъ говорить ни по итальянски, ни по французски, ни по англійски. Можно думать, что и по голландски зналъ онъ также довольно плохо. Настоящимъ роднымъ его языкомъ былъ латинскій, на которомъ онъ писалъ и говорилъ съ такою легкостью, свободой и изяществомъ, что даже лучшіе итальянскіе гуманисты удивлялись ему и завидовали. Почти въ такомъ же совершенствѣ владѣлъ онъ и греческимъ. Даже думалъ онъ не иначе, какъ на одномъ изъ древнихъ языковъ, преимущественно по латыни.

Такихъ удивительныхъ познаній въ мертвыхъ языкахъ достигъ Эразмъ долгимъ и настойчивымъ самовоспитаніемъ, такъ какъ не девентерская школа, гдѣ онъ началъ свое гуманистическое образованіе, ни парижскій университетъ, гдѣ онъ продолжалъ его, не могли дать ему и сотой доли того громаднаго знакомства съ древними литературами, какое усвоилъ онъ себѣ при своей необыкновенной памяти и неусыпномъ трудѣ. Всѣ его симпатіи, съ ранней молодости, стремились къ Италіи и тамошней гуманистической школѣ. Особенно Лоренцо Валла произвелъ на него впечатлѣніе до того неизгладимое, что онъ всю жизнь оставался вѣренъ направленіямъ и задачамъ, поставленнымъ этимъ ученымъ. Возможно большее распространеніе научныхъ свѣдѣній, борьба съ предразсудками и обскурантизмомъ монаховъ, примѣненіе филологической критики къ исправленію каноническаго текста библіи,—все, къ чему стремился и что началъ Валла, было воспринято и довершено Эразмомъ. Даже богословскія мнѣнія итальянца, напримѣръ о свободѣ человѣческой воли, нашли отголосокъ въ роттердамскомъ ученомъ. Изъ древнихъ же писателей самое большое образовательное вліяніе на Эразма имѣлъ Лукіанъ, отрицатель и скептикъ, ни вѣрившій ни во что и надъ всѣмъ смѣявшійся. Если мы прибавимъ къ этому моральный гнетъ не по убѣжденію принятыхъ монашескихъ обѣтовъ и хилое тѣлосложеніе, то получимъ довольно приблизительное понятіе объ условіяхъ, среди которыхъ сложился нравственный и ученый характеръ роттердамскаго мудреца. Сухимъ раціонализмомъ, безусловнымъ поклоненіемъ древнимъ авторитетамъ, раздражительнымъ и чуткимъ самолюбіемъ и не всегда честнымъ заискиваніемъ у сильныхъ меценатовъ, онъ совершенно напоминаетъ итальянскихъ гуманистовъ. Отъ этихъ же образцовъ заимствовалъ онъ и неутомимую жажду славы и земнаго безсмертія, бывшую, какъ извѣстно, какимъ-то лихорадочнымъ недугомъ тогдашнихъ итальянцевъ. Впрочемъ, чисто античная черта эта—одно изъ общихъ явленій «возрожденія», въ противоположность средневѣковому, аскетическому взгляду на жизнь,—

и Эразмъ только знаменитѣйшій ея представитель. Наконецъ, подобно итальянцамъ же, выше всего ставилъ онъ интересы своей просвѣтительной миссіи и думалъ, что прочныя благодѣянія древней науки возможны и безъ нравственной почвы въ самой совѣсти и сердцѣ человѣка. Оттого всѣ его усилія направлены лишь къ тому, чтобы разлить между своими современниками возможно большую массу научныхъ свѣдѣній. Съ этою цѣлью предпринимаетъ онъ цѣлый рядъ изданій классическихъ писателей и отцевъ церкви съ богатѣйшими критическими примѣчаніями и комментаріями, составляетъ громадные сборники древнихъ пословицъ и апофтегмъ или замѣчательнѣйшихъ сентенцій и изреченій древнихъ философовъ и моралистовъ, возстановляетъ болѣе правильный латинскій текстъ новаго завѣта и издаетъ къ нему великолѣпнѣйшія парафразы, полагая тѣмъ первое основаніе наукѣ библейской критикѣ и экзегезы. Этимъ же господствующимъ побужденіемъ объясняется и его ожесточенная борьба съ обскурантизмомъ, схоластикой и ихъ опасными представителями, тогдашними католическими монахами. Извѣстно, съ какимъ ѣдкимъ сарказмомъ осмѣивалъ онъ ихъ невѣжество, тупоуміе и развратъ въ своихъ діалогахъ, письмахъ и сатирѣ «похвала глупости». А каково было дѣйствіе этой борьбы на умы и вообще успѣхъ этой дѣятельности — можно судить по тому, что знаменитый памфлетъ, еще при жизни автора, выдержалъ восемь большихъ изданій и былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и что Германія, гдѣ въ половинѣ XV вѣка, по свидѣтельству Энеа Сильвіо, университетскіе профессора едва знакомы были съ греческимъ алфавитомъ и гдѣ было множество священниковъ, которые въ жизнь свою никогда не читали полнаго текста евангелія,—семьдесятъ лѣтъ спустя, классической ученостью могла уже потягаться съ самими итальянцами. Между дѣятелями и виновниками такого быстраго, почти внезапнаго научнаго перерожденія нѣмецкаго общества Эразму роттердамскому безспорно принадлежитъ первое мѣсто и безсмертная историческая заслуга. Это былъ великій учитель обновленной «возрожденіемъ» Европы, и не даромъ общественное мнѣніе эпохи украсило его своими лучшими вѣнками. Въ наше время трудно себѣ представить то высокое уваженіе, какимъ онъ пользовался у современниковъ. Отъ Англіи до Италіи, отъ Польши до Венгріи, по выраженію одного изъ нихъ, шла его слава. Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему подарки, пенсіоны и почетныя приглашенія. Римская курія предлагала ему кардинальство. Въ его базельскомъ домѣ была цѣлая комната, сверху донизу уставленная цѣнными вещами, присланными къ нему изъ разныхъ странъ Европы. Могущественнѣйшіе государи—Генрихъ VIII англійскій, король Франсуа I, папы, кардиналы, прелаты, государственные

люди и первые ученые вѣка считали за счастіе съ нимъ переписываться. Баварское правительство готово было назначить ему огромное содержаніе только за то, чтобы онъ избралъ мѣстомъ пребыванія своего Нюрнбергъ. Когда ему случилось однажды пріѣхать въ Фрейбургъ, то магистратъ, цехи съ распущенными знаменами, университетъ съ привѣтственными рѣчами и дипломами и все населеніе города вышли къ нему на встрѣчу, какъ къ какому-нибудь монарху. И дѣйствительно онъ былъ властелинъ своего рода. Этотъ маленькій бѣлокурый старичекъ съ голубыми полузажмуренными глазками, полными тонкой наблюдательности, и съ саркастической улыбкой на устахъ, съ робкими манерами и походкой, вѣчно больной и хилый, дрожавшій при словѣ смерть,—представлялъ собою великую нравственную силу, впервые тогда возникшую въ Европѣ и незнакомую ни среднему вѣку, ни древности, — силу общественнаго мнѣнія, предъ которымъ невольно склонялись сильные міра, пока не научились управлять имъ въ извѣстной степени.

Между тѣмъ, въ то самое время, какъ Эразмъ достигалъ уже апогея своей ученой извѣстности, жадно прислушиваясь къ хору похвалъ и лести, несшихся къ нему ото всѣхъ концовъ образованнаго міра,—въ стѣнахъ эрфутскаго августинскаго монастыря томился молодой и безвѣстный инокъ Мартинъ Лютеръ,—томился неутомимою жаждою христіанской истины. Посреди распущенной, или равнодушной братіи, странный человѣкъ этотъ весь поглощенъ былъ безъисходною думой о вѣчномъ спасеніи и о лучшихъ къ нему путяхъ. Ради нея оставилъ онъ міръ, простился съ грезами юности, съ веселымъ студентскимъ кружкомъ,—и никогда, быть можетъ, древнія стѣны обители не видѣли болѣе ревностнаго и самоотверженнаго сподвижника. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что эти думы и тяжкая борьба, порожденная ими, принесли Германіи и Европѣ цѣлый періодъ нравственнаго обновленія.

Что же привело его на этотъ путь исканія и затѣмъ—плодотворной жизненной дѣятельности?

Сынъ мансфельдскаго рудокопа, Лютеръ вышелъ изъ самыхъ чистыхъ и глубокихъ нѣдръ нѣмецкой народности. Ребенкомъ покинулъ онъ бѣдный родительскій кровъ, унося съ собою праотческую честность и патріархальную простоту. Горе и нужда, и, какъ слѣдствіе ихъ, раннее знаніе жизни воспитали его дѣтство; а юность посвящена была богословскимъ и классическимъ наукамъ въ эрфуртскомъ университетѣ. Къ пустой и безплодной схоластикѣ онъ тогда же получилъ отвращеніе; зато «humaniora» привлекли его очень серьезно и даже, вступая въ монастырь, изъ всего своего имущества, онъ взялъ съ собою только Виргилія и Плавта. Правда, онъ не сдѣлался блистательнымъ латини-

стомъ и впослѣдствіи вовсе оставилъ эти занятія; но чтеніе римскихъ историковъ, ораторовъ и поэтовъ развило въ немъ тотъ дѣльный практическій смыслъ, которымъ такъ славились древніе и который потомъ не измѣнялъ ему никогда. Съ другой стороны, изучалъ онъ мистиковъ XIV столѣтія, читалъ св. писаніе и творенія бл. Августина, все болѣе и болѣе напитываясь изъ этихъ источниковъ глубокимъ и внутреннимъ благочестіемъ сердца, столь противоположнымъ внѣшней обязанности средневѣковаго католицизма. Вотъ первый зародышъ его сомнѣній въ самостоятельности старой церковной системы и начало его испытующаго анализа. Но прежде, чѣмъ дать имъ полный просторъ, онъ рѣшается испробовать еще послѣднее средство этого внѣшняго благочестія — предается аскетическимъ подвигамъ и, когда и это не дало желаннаго мира его душѣ, приходитъ къ рѣшимости отложиться вовсе отъ безсильной и безплодной старой религіи папства.

Такимъ путемъ вырабатывался въ Лютерѣ будущій реформаторъ церковный, начавшій великое историческое дѣло съ собственнаго своего преобразованія. Но гуманизмъ и мистики едва ли бы произвели на него такое могучее впечатлѣніе, если бы сѣмена ихъ не упали на благодарную почву, если бъ духъ Таулера и кемпійскаго Томаса не нашелъ себѣ сочувственнаго пріюта въ честномъ и искреннемъ сердцѣ патріархальнаго крестьянина, еслибъ житейская мудрость Горація не столкнулась дружески съ горькою опытностію безпріютнаго школьника, съ девятилѣтняго возраста уже промышлявшаго о себѣ. И здѣсь, стало быть, основу и сущность человѣка создала сама жизнь, образованіе же только развило ихъ въ извѣстномъ направленіи.

Далѣе мы видимъ, что не книжное стремленіе, а та же неотразимая сила жизни увлекаетъ Лютера и на поприщѣ практической дѣятельности, заставляетъ и для другихъ желать того же духовнаго перерожденія, какое онъ испыталъ уже въ себѣ самомъ. Было вѣдь и до него много благочестивыхъ мужей, проникнутыхъ тѣми же убѣжденіями. Съ самаго XII вѣка тянется рядъ непрерывныхъ протестовъ противъ свѣтскаго характера римской церкви, противъ нравственной порчи ея пастырей. Августинское ученіе о грѣховности и безсиліи человѣческой воли, о всемогуществѣ единоспасающей благодати, убѣжденіе въ непогрѣшительности одного только св. писанія, — все то, на чемъ Лютеръ основалъ свою догматическую реформу, точно также руководило и всѣми прежними отщепенцами католицизма. Между современниками его были тысячи людей, которые также ясно, какъ онъ, понимали злоупотребленія іерархіи и на всѣ голоса вопіяли противъ невѣжества, предразсудковъ, фанатизма и неизлѣ-

чимой моральной порчи тогдашнихъ монаховъ. Отчего же именно онъ, Лютеръ, сдѣлался центромъ всего движенія и главнымъ героемъ долговѣчнаго переворота? Мы не будемъ говорить о благопріятно-сложившихся политическихъ условіяхъ времени. Каковы бы они ни были, обстоятельства эти одинаково благопріятствовали какъ Лютеру, такъ и сотнѣ другихъ теологовъ подобнаго же евангелическаго направленія. Но что неизмѣримо возвысило этого человѣка надъ всѣми его единомышленниками, это—глубокая и горячая преданность своей родинѣ. Съ дѣтства онъ выросъ и воспитался среди народа, жилъ его жизнію, видѣлъ и раздѣлялъ его нужды и интересы, его бѣдами болѣло у него сердце. Безсовѣстный грабежъ тунеяднаго духовенства, поглощавшаго трудовой потъ бѣдняка, продававшаго ему, какъ товаръ, богослуженіе и таинства, не только оскорблялъ его, какъ христіанина, но и наполнялъ негодованіемъ, какъ патріота. Какое честное гражданское чувство звучало въ его словахъ, когда, изложивъ свои убѣжденія и требованія предъ лицемъ главы и представителей всей имперіи, говорилъ онъ на вормскомъ сеймѣ: «я знаю, что столь великіе и мудрые государи не нуждаются, конечно, въ моихъ бѣдныхъ совѣтахъ. Но одно побужденіе, единственная цѣль моя та, чтобъ исполнить долгъ, котораго Германія вправѣ ожидать отъ каждаго изъ вѣрныхъ сыновъ своихъ». Только эта преданность родной землѣ, сливавшаяся въ душѣ его гармонически съ христіанской любовью къ человѣчеству, и могла внушать ему ту несокрушимую энергію, ту твердость и мужество, которыя одолѣли всѣ препятствія, пренебрегли всѣми опасностями и довели трудное дѣло до благополучнаго конца. «Если бы,—говорилъ онъ друзьямъ своимъ, боявшимся за участь его на сеймѣ,—если бы огонь разведенъ былъ отъ Виттемберга до Вормса и въ вышину достигалъ до небесъ, я и тогда бы пошелъ туда». Исторія знаетъ, что такую самоотверженную, желѣзную волю можетъ дать человѣку только религія и патріотизмъ.

Что же дѣлалъ и какъ велъ себя Эразмъ во время начавшейся борьбы со старою церковью? Естественнѣе всего было ожидать, что онъ смѣло станетъ на сторону реформаторовъ. Вѣдь въ своихъ сочиненіяхъ тысячу разъ высказывалъ онъ тѣ же нападки на испорченность клира и учрежденій церковныхъ; а надъ выродившимся монашествомъ вѣка никто не смѣялся такъ зло и безпощадно, какъ онъ, никто не питалъ къ нему столько ненависти. Съ Лютеромъ онъ расходился только въ догматическомъ вопросѣ о благодати; во всемъ же остальномъ былъ съ нимъ совершенно согласенъ. И, однакожъ, мы видимъ, что, посреди разыгравшагося движенія, онъ постоянно держится въ какомъ-то уклончивомъ и двусмысленномъ положеніи, осторожно

и ловко лавируя между спорными вопросами времени и не рѣшаясь открыто высказаться въ какомъ-нибудь смыслѣ. Чаще всего старается онъ угодить и тому, и другому лагерю. Дастъ онъ, напримѣръ, по какому-нибудь случаю, благопріятный отзывъ о новыхъ теологахъ, какъ тотчасъ уже спѣшитъ оправдаться предъ папой и кардиналами. Онъ не прочь и отъ реформъ, но желалъ бы ихъ путемъ добровольнаго и мирнаго соглашенія, какъ-бы забывая, что этотъ путь испытанъ уже много разъ и никогда не приводилъ ни къ чему. Сначала онъ какъ будто поддерживалъ Лютера, переписывался съ нимъ, обмѣнивался взаимными комплиментами; когда же простой академическій споръ превратился въ общественный пожаръ и, посреди волненія, охватившаго всю страну, послышались зловѣщіе крики о кострахъ, козняхъ, изгнаніяхъ и проклятіяхъ, мало по малу отдѣлился отъ него и умылъ руки. «Демонъ овладѣлъ этимъ неукротимымъ человѣкомъ», писалъ онъ уже о реформаторѣ тотчасъ послѣ разрыва его съ папствомъ и скандальной полемики съ Генрихомъ VIII,—изъ страха прослыть еретикомъ, сочинилъ цѣлый трактатъ противъ его ученія и кончилъ тѣмъ, что не только отрекся отъ всякой съ нимъ солидарности, но, подъ конецъ жизни, примирился даже со злѣйшими своими врагами, нищенствующими монахами. Но, употребляя всѣ возможныя усилія, чтобы не подать и малѣйшаго подозрѣнія въ сочувствіи открытому возстанію противъ папства, онъ въ то же время продолжалъ потихоньку посмѣиваться надъ старыми грѣхами старыхъ грѣшниковъ папистовъ. Такимъ поведеніемъ, разумѣется, онъ не удовлетворилъ никого и былъ оставленъ обѣими партіями. Протестанты заклеймили его именемъ малодушнаго отступника, а монахи все-же не перестали твердить, что онъ-то и есть корень всего зла, что онъ положилъ яйцо, а Лютеръ его только высидѣлъ.

Вотъ роль, которую разыгрывалъ Эразмъ въ величайшемъ жизненномъ вопросѣ своего времени. Безучастнымъ и холоднымъ наблюдателемъ стоитъ онъ на берегу, глядя на мимонесущіяся волны и заботясь только о томъ, какъ бы и его не подхватило теченіе. А между тѣмъ какой огромный вѣсъ могъ бы имѣть голосъ такого человѣка посреди поднявшихся отвсюду сомнѣній,—какъ дѣятельно могъ бы онъ послужить реформѣ со своимъ всеевропейскимъ авторитетомъ и властью надъ умами! Но кому много дано, съ того и взыщется много. Потомство не забыло этого равнодушія, почти измѣны общественному дѣлу, и па памяти великаго ученаго легла несмываемая тѣнь.

Лучшіе историки нашего времени объясняютъ такое недостойное поведеніе роттердамца отчасти его болѣзненной и хилой организаціей, не позволившей въ немъ развиться сильному

характеру, отчасти же тѣмъ, что, дорожа больше всего успѣхами гуманистическаго образованія, онъ боялся, что смуты и волненія реформаціи могутъ повредить этой тогда еще неокрѣпшей наукѣ. Оттого онъ и ограничился только отвращеніемъ отъ зла и указаніемъ пути къ его исцѣленію, но самъ не пошелъ по немъ. Намъ кажется, что такой взглядъ на практическую несостоятельность Эразма еще далеко не исчерпываетъ вопроса и что коренная ея причина заключается все-таки въ отсутствіи всякой реальной почвы подъ этимъ человѣкомъ. Это былъ типъ отвлеченнаго гуманиста, преданнаго всецѣло однимъ только древнимъ литературамъ. Въ настоящей, дѣйствительной жизни не было у него никакихъ сильныхъ интересовъ, а стало быть не было и побужденій къ достойной практической дѣятельности. Что создаетъ истинно великія дѣла, воспитываетъ героевъ, одушевляетъ на подвиги и жертвы? Рѣдко отвлеченная истина. Чаще всего это — евангельская любовь къ человѣчеству, это преданность родной землѣ, привязанность къ семьѣ и близкимъ нашему сердцу. Въ душѣ Эразма не было никакихъ подобныхъ пружинъ. Его религія состояла въ томъ холодномъ, раціонализованномъ католицизмѣ, очищенномъ отъ нѣкоторыхъ старыхъ злоупотребленій, какой впослѣдствіи развивали іезуиты; его мораль была вычитана только изъ книгъ и слѣдовательно безплодна, отечества у него не было, семейства тоже, а на дружбу онъ смотрѣлъ просто какъ на античный философскій обычай. Откуда же у него могли взяться энергія, мужество и вся дѣятельная сила, даже еслибъ онъ одаренъ былъ самымъ атлетическимъ сложеніемъ и былъ бы меньше преданъ интересамъ кабинетной науки? Все-же и тогда вышелъ бы изъ него только ученый эгоистъ, сибаритъ и эпикуреецъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. «Пусть кто хочетъ идетъ на муки за истину, я же считаю себя недостойнымъ подобной чести», говорилъ онъ съ своимъ холоднымъ цинизмомъ, видя, какъ другіе отваживаютъ жизнь для счастія ближнихъ. Лютеръ совершенно вѣрно понялъ и оцѣнилъ этотъ характеръ, сказавши, что, при всѣхъ его достоинствахъ и заслугахъ, ему все-же недоставало главнаго, т. е. благодатной и плодотворной любви, какъ лучшаго источника истинно-человѣческой дѣятельности.

(Очерки изъ всеобщ. исторіи, Петрова).

8. УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ГУТТЕНЪ.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей реформаціонной эпохи. Человѣкъ неукроти-

мо пылкій, желчный, рыцарь и гуманистъ въ одно время, онъ всегда былъ впереди движенія, рѣзко и смѣло обличалъ противную партію, и при перемѣнѣ главнаго пункта борьбы, когда она превратилась въ исключительную борьбу съ римскимъ духовенствомъ, сталъ въ ряду главныхъ двигателей реформаціи. Любопытна жизнь этого человѣка, которому суждено было, кажется, пройти чрезъ всѣ страданія и закалить свою душу въ борьбѣ съ болѣзнью, нищетою и людьми, — жизнь полная событій, замѣчательная и по важной роли, какую игралъ Гуттенъ въ эпоху реформаціи.

Гуттенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые приносятъ все въ жертву принципу, идеѣ, — вещественное благосостояніе, жизнь, даже и тѣ предубѣжденія, которыя всосаны съ молокомъ матери и отъ которыхъ отказаться чуть-ли не труднѣе, чѣмъ отъ жизни.

Франконскіе рыцари, между которыми находился и родъ Гуттеновъ, принадлежали къ числу самыхъ воинственныхъ, но зато и самыхъ гордыхъ рыцарей. Они признавали надъ собою только власть императора, что впрочемъ не мѣшало имъ грабить сосѣдей и разбойничать. Что касается до Гуттеновъ, то владѣнія ихъ были не велики, и они жили отправленіемъ придворныхъ и другихъ должностей у болѣе богатыхъ сосѣдей, графа Ганаускаго, епископовъ и архіепископовъ Вюрцбургскихъ и Майнцскихъ, и пр. Замокъ Ульрихова отца, также Ульриха, Штакельбергъ, находился между Фульдою и Майномъ. Тамъ, на крутой горѣ, окруженной густыми лѣсами, жилъ отецъ Ульриха, человѣкъ крутой, суровый, — натура, сложившаяся подъ вліяніемъ „*благородныхъ*“ рыцарскихъ занятій, какъ-то: охоты, войны или просто грабежа, среди своей шайки, лошадей, собакъ и волковъ, вой которыхъ раздавался въ стѣнахъ рыцарскаго замка. Тамъ, 21-го апрѣля 1488 года, родился Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Несмотря на то, что онъ былъ старшій въ родѣ, отецъ рѣшился сдѣлать изъ него духовнаго. Что было причиной этого рѣшенія: болѣзненное сложеніе Ульриха или набожность его отца, не извѣстно; какъ бы то ни было, въ 1499 году, т. е. 11-ти лѣтъ отъ роду, отправилъ онъ сына въ Бенедиктинское аббатство Фульду, съ тѣмъ чтобы онъ остался тамъ навсегда и постригся въ монахи. Но какъ скоро появилось въ Гуттенѣ сознаніе своихъ потребностей, онъ сталъ стремиться на свободу, старался вырваться изъ заключенія, въ которомъ не представлялось пищи для его дѣятельной и пылкой натуры.

Эйтельвольфъ фонъ-Штейнъ, находившійся въ то время на службѣ у курфирста Бранденбургскаго, человѣкъ замѣчательный, умѣвшій соединить дѣятельность государственную съ гуманистическими занятіями, — явленіе, въ то время небывалое, —

употреблявшій все свое вліяніе, какъ сановникъ, для осуществленія своихъ гуманистическихъ стремленій, для противодѣйствія упорному коснѣнію дворянства въ невѣжествѣ, Эйтельвольфъ увидѣлъ Гуттена въ монастырѣ и отгадалъ его призваніе. Но напрасны были всѣ его старанія уговорить старика отца, чтобы онъ перемѣнилъ свое рѣшеніе; упрямый старикъ остался непреклоненъ — и Гуттенъ рѣшился бѣжать изъ монастыря.

Когда, куда, какъ, съ кѣмъ бѣжалъ онъ—неизвѣстно. Вскорѣ находимъ его въ Кёльнскомъ университетѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Кротомъ Рубіаномъ, который, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, помогалъ ему бѣжать. Странно, что друзья, имѣвшіе въ виду изученіе древней классической словесности — что тогда еще не называлось гуманизмомъ, а bonae literae, — выбрали Кёльнскій университетъ, который былъ гнѣздомъ схоластики и средневѣковой тьмы. При такой обстановкѣ друзья не могли долго оставаться въ Кёльнѣ, и Гуттенъ отправился въ Эрфуртъ, потомъ во Франкфуртъ на Одерѣ. Въ Эрфуртѣ познакомился Гуттенъ съ Эобаномъ Гессомъ, въ которомъ возрожденная гуманистами латынь нашла своего поэта. Но онъ былъ не только поэтъ, но и извѣстный ученый. Какъ человѣкъ, отличался онъ рѣдкимъ добросердечіемъ и ровнымъ, веселымъ характеромъ, котораго не сломили ни бѣдность, ни разныя семейныя неудачи.

Во главѣ гуманистовъ, кромѣ Рейхлина и Эразма, стоялъ Муціанъ Руфъ, или по-просту Конрадъ Мутъ. Изъ Мута вышелъ Mutianus, а рыжіе волосы послужили поводомъ къ прозванію Rufus. Получивъ мѣсто каноника въ Готѣ, жилъ онъ тамъ, предаваясь своимъ любимымъ занятіямъ, ходатайствуя о прощеніи политическимъ преступникамъ, принимая живѣйшее участіе въ дѣлахъ и успѣхахъ гуманистовъ. Самъ онъ, кромѣ писемъ, ничего не писалъ.

Въ этотъ кружокъ передовыхъ людей вступилъ Гуттенъ. Общій интересъ долженъ былъ тѣсно связать ихъ между собой противъ поклонниковъ старины. Объ нихъ уже говорили какъ объ опасныхъ вольнодумцахъ. Онъ поэтъ, онъ говоритъ по-гречески, это значило: онъ плохой христіанинъ. Поэты — пагуба университетовъ, говорили гасильники. Называли ихъ также «философами», придавая этому слову значеніе порицанья.

Гуттенъ оставался въ Эрфуртѣ очень не долго, потому что въ это время основанъ былъ Франкфуртскій университетъ, куда онъ и переѣхалъ. Тамъ появились первыя его стихотворенія, въ которыхъ еще нельзя видѣть Гуттена. Его желчная натура требовала внѣшняго толчка для возбужденія своей дѣятельности. Мы увидимъ, что въ этихъ внѣшнихъ толчкахъ у него не было недостатка.

Отецъ продолжалъ на него сердиться и не давалъ ему ни копѣйки, но родственники его присылали ему деньги, а вѣроятно Эйтельвольфъ выхлопоталъ ему пособіе и отъ маркграфа Альбрехта Бранденбургскаго.

Гуттенъ самъ себя называетъ animum irrequietum et versatilem. Путешествіе было для него необходимостью; онъ не могъ довольствоваться одними книгами; ему нужно было видѣть города и земли, наблюдать надъ живыми людьми, испытать свои силы въ борьбѣ съ живыми противниками. Самыя опасности, бури и бѣдствія страннической жизни были для него привлекательны. Сверхъ того, онъ былъ честолюбивъ, хотѣлъ пріобрѣсть значеніе въ свѣтѣ, а для этого надо было пуститься въ свѣтъ. Въ немъ текла кровь странствующаго рыцаря, и вотъ въ 1509 году отправился онъ въ сѣверную Германію. Что звало его именно туда, какъ онъ туда прибылъ, что испыталъ на дорогѣ,— опять неизвѣстно. Появляется онъ у береговъ Балтійскаго моря совершившимъ опасное морское путешествіе, лишеннымъ всѣхъ средствъ къ существованію, больнымъ, питающимся подаяніемъ и между тѣмъ жадно пользующимся всякимъ случаемъ познакомиться съ какимъ-нибудь ученымъ. Такъ дошелъ онъ до Грейфсвальда, гдѣ ректоръ высшаго учебнаго заведенія внесъ его въ университетскій матрикулъ, какъ совершенно безпомощнаго человѣка. Профессоръ правъ Летцъ и отецъ его бургомистръ – въ то время сильная особа — также приняли въ молодомъ человѣкѣ большое участіе. Первый даже одѣлъ его, далъ ему денегъ и былъ съ нимъ очень ласковъ. Но вскорѣ отношенія перемѣнились; Гуттена стали рѣже принимать, обращаться съ нимъ свысока, смѣяться надъ его гуманистическимъ направленіемъ, словомъ, довели его до необходимости удалиться. Но Летцъ требовалъ обратно своихъ денегъ, на которыя онъ былъ такъ щедръ сначала, вѣроятно, надѣясь получить ихъ съ процентами отъ отца Гуттена. Долго не соглашался онъ отпустить Ульриха, наконецъ склонился на его доводы, что единственное средство для него добыть деньги было—искать счастія въ другомъ мѣстѣ.

Больной, въ сильную стужу, пошелъ Гуттенъ пѣшкомъ въ Ростокъ, надѣясь на лучшій пріемъ въ Мекленбургскомъ университетѣ. Но несчастіямъ его еще не суждено было кончиться. Въ глухомъ мѣстѣ, на замерзшемъ болотѣ, напала на него шайка людей, сняла съ него почти всю одежду, отняла даже тетрадку стиховъ, которую онъ носилъ при себѣ, и пустила полунагаго идти далѣе. То были люди стараго Летца, которому жаль стало подареннаго Гуттену платья. Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ добрался онъ до Ростока. Тамъ онъ окончательно слегъ въ постель и лежалъ въ какой-то дрянной гостинницѣ,

безъ всякихъ средствъ и знакомыхъ. Давши знать университетскимъ профессорамъ о своемъ положенiи, онъ показалъ имъ свои сочиненiя и возбудилъ въ нихъ участiе. Профессоръ философiи Экбертъ Гарлемъ принялъ его въ свой домъ, не такъ какъ Летцъ, а какъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ сострадательный; употребилъ всѣ средства къ его излеченiю, далъ ему денегъ и вскорѣ Гуттенъ сталъ преподавать bonas literas.

Въ продолженiе своего несчастнаго путешествiя, Гуттенъ совершенно возмужалъ. Первый толчекъ былъ данъ, желчь его заиграла и его обличительное сочиненiе противъ Летцовъ носитъ уже характеръ его будущихъ полемическихъ и обличительныхъ образцовыхъ произведенiй. Значенiе его сочиненiй возрастаетъ въ той мѣрѣ, въ какой возрастаютъ предметы его гнѣва. Сначала дѣйствуютъ въ немъ только личные интересы, но мало-по малу кругъ этихъ интересовъ расширяется, и врагами его становятся всѣ враги истины и прогресса.

Между тѣмъ напечаталъ онъ свою поэму De arte versificandi въ Лейпцигѣ, и вскорѣ потомъ мы видимъ его, по-прежнему безпомощнаго, на пути въ Вѣну. Снова нашелся добрый человѣкъ, епископъ Ольмюцскiй, поклонникъ Эразма и гуманистовъ, который далъ ему денегъ и лошадь на дорогу. Въ Вѣнѣ, разумѣется, тотчасъ вступилъ онъ въ кружокъ гуманистовъ и возбудилъ къ себѣ сильное участiе съ ихъ стороны, прочитавъ имъ свое увѣщанiе къ императору Максимилiану настойчиво продолжать войну съ Венецiей. Въ первый разъ оставилъ онъ тѣсную сферу личныхъ интересовъ и коснулся государственнаго вопроса. Извѣстно, что Максимилiанъ, увлеченный темною идеей о возстановленiи Римской Имперiи, хотѣлъ, по старому обычаю, идти на Римъ и короноваться, но Венецiанцы не позволяли ему пройдти чрезъ ихъ владѣнiя. Вслѣдствiе различныхъ неблагопрiятныхъ обстоятельствъ, война съ ними была безуспѣшна, и уступки, которыя они дѣлали, казались Максимилiану слишкомъ ничтожны. Въ это время Гуттенъ написалъ свою Exhortatio, въ которой совѣтуетъ императору не прекращать военныхъ дѣйствiй. Въ этомъ стихотворенiи ясно проглядываютъ презрѣнiе и ненависть рыцаря Гуттена къ республикѣ обогатившихся купцовъ. Онъ до конца жизни не могъ совершенно отдѣлаться отъ сословнаго предразсудка, хотя, какъ мы увидимъ далѣе, обстоятельства заставили его протянуть руку людямъ, которыхъ онъ считалъ неизмѣримо ниже себя.

Путешествiе въ Италiю было въ то время нравственною необходимостью каждаго гуманиста. Видѣть страну, въ которой развились древнiе Римляне, которой ясное небо внушало Горацiю его поэтическiя картины природы, видѣть своими глазами тотъ форумъ, гдѣ гремѣло когда-то слово Цицерона,—это было

страстное желаніе людей, посвятившихъ себя изученію древняго міра. Гуттена влекло туда, можетъ быть, и желаніе уступить волѣ отца и заняться правовѣдѣніемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ въ апрѣлѣ 1512 года слушалъ онъ въ Павіи лекціи знаменитаго правовѣда Язона Майнуса. Ломбардія была тогда въ рукахъ Французовъ. Послѣ кровопролитной битвы при Равеннѣ, 20,000 Швейцарцевъ, призванные папою, осадили Павію. Французы недовѣрчиво смотрѣли на подданныхъ Максимиліана и арестовали Гуттена въ его тѣсной комнатѣ. Но вскорѣ они должны были очистить Павію и впустить Швейцарцевъ. Швейцарцы, въ свою очередь, видя въ Гуттенѣ союзника Французовъ, ограбили его и едва отпустили. Въ іюнѣ отправился онъ въ Болонью, гдѣ снова очутился больной и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Не видя никакого исхода изъ этого бѣдственнаго положенія, онъ, не смотря на разстроенное здоровье, вступилъ въ военную службу. Каждая перемѣна, каждая новая обстановка въ жизненныхъ отношеніяхъ вызывала поэтическую дѣятельность Гуттена. Такъ эта воинственная атмосфера, въ которой вращался онъ теперь, внушила ему книгу Эпиграммъ къ императору Максимиліану, одно изъ самыхъ свѣжихъ и лучшихъ его произведеній. Это—собраніе совѣтовъ и мнѣній, написанныхъ въ различное время подъ непосредственнымъ вліяніемъ разнообразныхъ происшествій. Всѣ эпиграммы касаются политическихъ и военныхъ дѣлъ. То выражается въ нихъ надежда на побѣду, то опасеніе, при видѣ неудачнаго хода войны, и пр. Не можемъ воздержаться, чтобы не привести здѣсь содержаніе одной изъ нихъ, которая показываетъ, какое неизмѣримое разстояніе раздѣляло гуманистовъ отъ схоластиковъ: интересы жизни, откинутые, затемненные, подавленные схоластикой, явно начинаютъ вступать въ свои права.

Италія жалуется Аполлону, что на нее напали съ трехъ сторонъ — вѣроломные Венеціанцы, пьяные Нѣмцы и высокомѣрные Французы. Если ужъ суждено мнѣ пасть, говоритъ она, то укажи мнѣ по крайней мѣрѣ, чье иго будетъ для меня сноснѣе. «Венеціанецъ всегда коваренъ, отвѣчаетъ Аполлонъ, Французъ всегда кичливъ, Нѣмецъ—не всегда пьянъ. Выбирай, кого хочешь».

Но замѣчательнѣе всего для исторіи дальнѣйшаго развитія Гуттена то, что послѣднія эпиграммы его направлены противъ папы. Находясь въ Италіи, онъ могъ видѣть своими глазами какъ Юлій II, въ противность своему священному сану, если и не былъ самъ зачинщикомъ войны, то принималъ личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ самый годъ прибытія Гуттена въ Италію, Юлій II лично распоряжался осадою Мирандолы и съ мечемъ въ рукахъ взошелъ на осадную лѣстницу. Здѣсь

опять видимъ мы, что для Гуттена необходимо было личное столкновеніе, чтобы вызвать въ немъ потокъ кипучихъ чувствъ, который, однажды вырвавшись наружу, уже не переставалъ клокотать и уничтожать то, на что былъ направленъ. Въ своихъ эпиграммахъ онъ не ограничивается отвлеченною идеею о значеніи папы, о противоположности его духовнаго значенія съ воинственными стремленіями; онъ прямо нападаетъ на Юлія II, на его нравы, на продажу индульгенцій и буллъ, на безсовѣстное обиранье Германіи. Но это было только начало. Гуттенъ еще не скоро превратится изъ гуманиста въ реформатора, и мы видимъ въ самомъ слогѣ его вліяніе гуманистической школы. Юпитеръ, Олимпъ, римскія божества играютъ еще роль въ этихъ обличеніяхъ. «Еслибы возвратились Титаны, говоритъ онъ, то Юпитеръ бы погибъ; папа Юлій продалъ бы имъ Олимпъ за деньги».

Голосъ не одного только Гуттена громилъ злоупотребленія Церкви; все чаще и чаще стали появляться памфлеты, сатиры и т. п. Число ихъ увеличилось, когда умеръ Юлій II. Появились эпитафіи, сатирическіе разговоры въ царствѣ мертвыхъ и т. д.

Въ 1514 году прибылъ онъ назадъ въ Германію. Отецъ и родственники, видя, что онъ возвратился изъ Италіи ни съ чѣмъ, что курсъ правовѣдѣнія онъ выслушалъ, а степени никакой не получилъ, рѣшили, что онъ не достоинъ никакого вспомоществованія. Но судьба улыбнулась ему съ другой стороны. Эйтельвольфъ фонъ-Штейнъ, о которомъ мы уже упоминали, перешелъ на службу къ новому майнцскому архіепископу, маркграфу Альбрехту Бранденбургскому. Какъ префектъ города Майнца, Эйтельвольфъ рѣшился употребить все свое вліяніе для того, чтобы подвинуть впередъ возрождавшіяся науки. Изгнать изъ университета старыхъ схоластиковъ и посадить на ихъ мѣсто людей новаго направленія было его первымъ дѣломъ. При этомъ онъ не забылъ Гуттена и просилъ его написать въ стихахъ панегирикъ архіепископу, по случаю его пріѣзда въ Майнцъ. Гуттенъ исполнилъ заказъ и воспользовался случаемъ, чтобы, восхваляя ученаго рыцаря Эйтельвольфа, посмѣяться надъ невѣжественною спѣсью дворянства и его презрѣньемъ ко всякому образованію. Курфирстъ далъ Гуттену 200 золотыхъ гульденовъ, и онъ остался въ Майнцѣ, гдѣ жилъ еще другой его покровитель и родственникъ Фровинъ фонъ-Гуттенъ. Тутъ познакомился онъ въ первый разъ съ Эразмомъ, верховнымъ главою всѣхъ гуманистовъ. Въ ту пору Эразмъ стоялъ во главѣ движенія. Это былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, воплощеніе гуманизма. Изученіе древней словесности не только давало внѣшній лоскъ стилю или развивало вкусъ, оно дѣйствовало на весь духовный организмъ человѣка, давало болѣе свободный полетъ мыслямъ, связаннымъ вѣчными авторитетами и схоластикой.

Постоянно больной, Гуттенъ поѣхалъ лечиться на воды въ Эмсъ и тамъ получилъ снова одинъ изъ тѣхъ ударовъ, которыми такъ щедро осыпала его судьба. Ударъ на этотъ разъ былъ чувствительнѣе всѣхъ прежнихъ: въ одно время получилъ онъ извѣстіе о смерти Эйтельвольфа и объ убійствѣ своего двоюроднаго брата, Ганса фонъ-Гуттена, герцогомъ Ульрихомъ виртембергскимъ. Гуттенъ противъ Ульриха написалъ нѣсколько рѣзкихъ обличительныхъ рѣчей, въ которыхъ изложилъ весь ходъ дѣла, и сложилъ печальную пѣсню о кончинѣ Ганса.

Возвратимся теперь къ той минутѣ, когда Гуттенъ пріѣхалъ изъ Италіи домой, и вспомнимъ, что онъ былъ принятъ холодно и даже съ насмѣшками. Тогдашнее дворянство допускало для своихъ представителей дѣятельность военную, духовную и отчасти юридическую. Изучивши рядомъ съ каноническимъ правомъ римское или, какъ называли его въ то время, императорское право, можно было занять почетный постъ при дворахъ. Эту-то перспективу составилъ старикъ Гуттенъ для своего сына, когда, видя, что въ немъ рѣшительно нѣтъ призванія къ духовной карьерѣ, послалъ онъ его учиться правовѣдѣнію въ Италію. И вотъ этотъ сынъ возвратился — ни магистромъ, ни докторомъ, словомъ ничѣмъ, и опять принялся за свое шутовское стихоплетство. Чтобы отклонить его отъ этого постыднаго пути, отецъ и родственники предложили Гуттену денегъ, если онъ только снова поѣдетъ въ Италію продолжать изученіе правъ. Архіепископъ майнцскій Альбрехтъ обѣщалъ также съ своей стороны помощь и мѣсто при дворѣ, когда онъ возвратится. Первые гуманисты нерѣдко присоединяли юридическія занятія къ занятіямъ по части древней литературы, но новое поколѣніе чувствовало отвращеніе къ правовѣдѣнію и хотѣло посвятить себя единственно любимой наукѣ. Только необходимость заставляла ихъ, какъ теперь Гуттена, измѣнять этой исключительности. Гуттенъ поѣхалъ въ Италію.

Но до отъѣзда еще вспомнилъ онъ о своемъ сочиненіи Nemo, переправилъ его и издалъ съ посвященіемъ Рубіану. Это шуточное стихотвореніе, въ которомъ Nemo (никто) является то именемъ собственнымъ, то отрицаніемъ, написано остроумно, но замѣчательно, въ особенности, по новымъ нападкамъ на духовенство и по вступительному посвященію. Игра словъ не переводима на русскій языкъ потому, что на латинскомъ одно отрицаніе соотвѣтствуетъ двумъ нашимъ. Такъ, напримѣръ Гуттенъ говоритъ:

Nemo sacerdotum luxum vitamque supinam
Nemo audet Latium carpere Pontificem.

«Немо смѣетъ (или никто *не* смѣетъ) порицать роскошь и праздную жизнь духовенства, Немо смѣетъ порицать папу».

Въ посвященіи мы опять видимъ, какъ въ произведеніяхъ Гуттена отражаются неудачи собственной жизни. «У насъ теперь двѣ касты, говоритъ онъ, почитаютъ себя единственными обладателями знанія: юристы и теологи. Но юристы—язва правосудія и общественнаго блага; теологи—язва истинной религіи и богословія». Начертавъ картину современнаго значенія юристовъ при дворахъ, Гуттенъ обращается къ духовенству; отличаетъ истинную, старую теологію отъ схоластической, заваленной въ продолженіе трехсотъ лѣтъ страшной массой суевѣрія. «Вмѣсто примѣрной жизни, эти люди бьются только изъ-за клобуковъ и привилегій, говоритъ онъ: считаютъ себя за соль земли; выслушивая исповѣдь владѣтельныхъ особъ и зная тайны женщинъ, они считаютъ себя мудрѣе всѣхъ остальныхъ людей. А попадись кто-нибудь къ нимъ въ руки, какъ еретикъ, — нѣтъ побѣдителя безпощаднѣе ихъ».

Гуттенъ поѣхалъ въ Римъ. Папскій Римъ не могъ произвесть хорошаго впечатлѣнія на гуманиста, а тѣмъ болѣе на человѣка, который, какъ Гуттенъ, съ гуманизмомъ соединялъ уже ненависть къ чрезмѣрной власти духовенства и къ его злоупотребленіямъ. Рядъ эпиграммъ, одна другой сильнѣе, были плодомъ этого впечатлѣнія. Въ особенности обличалъ онъ продажность всего въ мірѣ, преимущественно отпущеній грѣховъ. «Смѣлѣе! восклицаетъ онъ, обращаясь къ римскому духовенству: смѣлѣе! наложите руку, живите грабежомъ, убивайте, воруйте священное достояніе, оскорбляйте права! Пусть будутъ рѣчи ваши ужасомъ, дѣла преступленіемъ; погрязайте въ тинѣ разврата! Отрекайтесь отъ Бога на небеси!»

«Кто принесетъ деньги въ Римъ, говоритъ онъ далѣе, тотъ честнѣйшій человѣкъ; въ Римѣ покупаютъ и продаютъ добродѣтель и блаженство. Въ Римѣ можно откупить даже будущее преступленіе».

Вскорѣ, вслѣдствіе ссоры съ пятью французами за Максимиліана, Гуттенъ долженъ былъ оставить Римъ и отправился въ Болонью. Болѣзнь не покидала его, занятія юриспруденціею были ему вовсе не по сердцу; однакожъ онъ подчинился волѣ родителей и продолжалъ ихъ, не теряя впрочемъ изъ виду собственныхъ цѣлей. Такъ посвятилъ онъ въ Болоньѣ свое свободное время на изученіе греческаго языка и читалъ съ грекомъ Трифономъ Лукіана и Аристофана. Не прекратилъ онъ также своей политической дѣятельности и писалъ воззванія къ Максимиліану противъ Венеціи, которой досталось сверхъ того въ комической поэмѣ «Marcus»; воззваніе къ нему же отъ лица всей Италіи, спасти ее отъ разоренія, отъ самовластія флорентинскихъ торгашей (Медичи),—воззваніе, на которое Эобанъ Гессе отвѣчалъ именемъ императора; тамъ же писалъ онъ вторую и

третью рѣчь противъ герцога Виртембергскаго. Занятіе греческимъ языкомъ, въ особенности изученіе Лукіана, познакомило его съ разговорною формой произведеній словесности,—формой, которую съ этихъ поръ онъ особенно полюбилъ. Всѣ его лучшія сочиненія написаны въ видѣ разговоровъ. Впрочемъ было и другое, вредное вліяніе изученія греческой словесности на Гуттена: онъ взялъ привычку примѣшивать къ своей чистой и безукоризненной латыни греческія слова.

Первое произведеніе его въ разговорной формѣ было направлено противъ того же герцога Виртембергскаго. То была ѣдкая сатира, въ видѣ разговора въ царствѣ мертвыхъ. Она раздѣляется на двѣ сцены. Первая, на берегу Стикса, происходитъ между Харономъ, Меркуріемъ и тираномъ,—такъ означаетъ Гуттенъ герцога, не называя его по имени. Меркурій приводитъ тирана къ перевозчику. Харонъ удивляется, видя живаго человѣка, и Меркурій объясняетъ ему, что давно умершій Фаларисъ, желая, чтобы и въ Германіи завелись тираны, явился во снѣ этому Швабскому принцу, и далъ ему должныя увѣщанія и совѣты.—«Да не тотъ ли это тиранъ, спрашиваетъ Харонъ, на котораго недавно жаловалась тѣнь франконскаго рыцаря, а вскорѣ послѣ того тѣнь его отца (отецъ Ганса умеръ)? Она еще разсказывала при этомъ трагическую исторію объ убійствѣ молодаго рыцаря, такъ что всѣ были тронуты».—«Онъ самый, отвѣчаетъ Меркурій, и затѣмъ начинается споръ между Харономъ и тираномъ, который не хочетъ ему помогать грести; однакожъ наконецъ долженъ онъ отложить спѣсь и приняться за весло. Меркурій ведетъ его въ ущелье, гдѣ находятся подобные ему тираны, и между ними Фаларисъ. Начинается вторая сцена. Тиранъ даетъ отчетъ Фаларису о томъ, какъ онъ пользовался его уроками, какъ убилъ Ганса. Фаларисъ находитъ, что ученикъ превзошелъ его, потому что онъ, Фаларисъ, губилъ только враговъ и подозрительныхъ людей, и никогда рука его не поднималась на друзей и благодѣтелей. Чтобы избавиться, продолжаетъ тиранъ, отъ возмездія за это преступленіе, я заключилъ договоръ, котораго не исполняю, а готовлюсь къ войнѣ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы возвратить бѣжавшую отъ меня жену. Въ случаѣ побѣды, тиранъ намѣренъ удовлетворить своему звѣрству вполнѣ и потому пришелъ просить у Фалариса новыхъ совѣтовъ. Фаларисъ предлагаетъ ему разныя классическія средства, какъ напримѣръ своего мѣднаго быка, сожалѣетъ, что тиранъ недостаточно воспитанъ и не можетъ прочесть въ подлинникѣ исторію Тиберія, Калигулы, Нерона и пр., совѣтуетъ ему приказать ее перевести для себя. «Недурно также, прибавляетъ онъ, четвертовать, разстрѣливать изъ пушекъ, какъ недавно дѣлали въ Богеміи, отрѣзывать руки, ноги, языкъ, носы,

вырывать глаза и зубы, и. т. д.» — «Да я уже это дѣлывалъ,» отвѣчаетъ ученикъ. Въ этомъ родѣ продолжается ихъ разговоръ. Потомъ Фаларисъ представляетъ тирана всѣмъ его предшественникамъ, даетъ ему еще совѣтъ приложить одно изъ разобранныхъ ими procédés къ его маршалку Тумбу, и Меркурій уводитъ его домой.

Эта сатира, названная Phalarismus, подняла страшную бурю противъ Гуттена. Въ Вюрцбургѣ сожгли ее публично на площади. Герцогъ былъ еще силенъ, могуществен, и Гуттенъ зналъ, чѣмъ рискуетъ. Съ этой поры онъ принялъ для своихъ сочиненій девизъ Цезаря: «alea jacta est!»

Въ 1516 г. между прочими сочиненіями по поводу извѣстнаго Рейхлинова спора, появилась сатира подъ названіемъ «Письма темныхъ людей» (Epistolae obscurorum virorum). Самое названіе указываетъ на параллель письмамъ «Знаменитыхъ людей» къ Рейхлину, о которыхъ мы упоминали выше. Эта книга— одна изъ удачнѣйшихъ сатиръ, какія когда-либо были написаны. Лица, принадлежащія къ партіи обскурантовъ, схоластики и т. п., отчасти вымышленныя, отчасти дѣйствительныя, ведутъ между собой переписку, въ которой довѣряютъ другъ другу свои изслѣдованія и задушевныя мысли. Содержаніе и слогъ этихъ писемъ были такъ вѣрно схвачены съ натуры, что «Темные люди» сначала не раскусили пилюли и приняли ихъ за дѣйствительное сочиненіе кого нибудь изъ своей братіи, обрадовались, что появилась такая капитальная вещь противъ Рейхлина, и только изъ послѣдняго письма втораго тома увидѣли ясно, что они въ чистыхъ дуракахъ.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности о содержаніи этихъ писемъ, потому что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, собраны всѣ темныя стороны «темныхъ людей», съ которыми должны были бороться свѣтлыя головы гуманистовъ. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ право это сдѣлать, что послѣ появился еще одинъ дополнительный томъ, въ составленіи котораго несомнѣнно участвовалъ и самъ Гуттенъ.

«Письма темныхъ людей» подвергаютъ бичу своей безпощадной сатиры самыя разнообразныя формы схоластическаго направленія. Кто-то, напримѣръ, съѣлъ яйцо и замѣтилъ въ немъ зародышъ; вдругъ вспомнилъ онъ, что день былъ постный. Отсюда подробное изслѣдованіе вопроса: когда зародышъ начинаетъ быть скоромнымъ. Ученый Ортуинъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: слышалъ онъ отъ врача, хорошо знающаго естественную исторію, что черви принадлежатъ къ рыбамъ, а зародышъ цыпленка тотъ же червякъ. Такъ какъ рыба—кушанье постное, то и зародышъ, пока онъ еще не развился, тоже постный. При обсужденіи подобныхъ задачъ, мнимые схоласты безпрестанно выка

зываютъ свое вопіющее невѣжество, перепутываютъ лица и эпохи, грамматика Діомеда смѣшиваютъ съ героемъ Иліады, жалуются, что Рейхлинъ, прозванный по еврейски Капніономъ, и другой гуманистъ, по имени Proverbia Erasmi, хотятъ ввести въ теологію новую латынь. Между прочимъ рѣшаютъ такой вопросъ: совмѣстно ли съ душеспасеніемъ изучать грамматику по свѣтскимъ поэтамъ, каковы Виргилій, Цицеронъ, Плиній и др.? Нѣтъ, потому что, по свидѣтельству Аристотеля (Metaphys. 1), поэты много лгутъ; кто лжетъ, тотъ грѣшитъ, и кто свое ученіе основываетъ на лжи, тотъ основываетъ его на грѣхѣ; но что основано на грѣхѣ, не хорошо и противно Богу, который врагъ грѣху. Хороша также ихъ филологія. Magister, по ихъ мнѣнію, происходитъ отъ magis и ter, потому что онъ долженъ знать *втрое* болѣе другаго, или отъ magis и terreo, потому что ученики его больше всего *боятся*, и т. д. Часто въ задушевной бесѣдѣ высказываются самыя низкія страсти, которыми богато надѣлены были эти люди, и съ величайшимъ цинизмомъ разсматриваются и разрѣшаются такіе вопросы, которые мы должны пройдти молчаніемъ, но которые способны вызвать смѣхъ у самаго степеннаго читателя.

Сверхъ всѣхъ своихъ внутреннихъ достоинствъ, эти письма отличаются удивительной пародіей той латыни, какою дѣйствительно писали «темные люди».

Возвратясь изъ Болоньи, Гуттенъ прибылъ въ Аугсбургъ въ одно время съ императоромъ, и былъ радушно принятъ ученымъ вельможей Бейтингеромъ. Тутъ совѣтовали ему поднести Максимиліану его итальянскія, еще неизданныя, эпиграммы, а между тѣмъ Максимиліану разсказали о всѣхъ бѣдствіяхъ и талантахъ Гуттена, о томъ, какъ онъ чуть-было не погибъ отъ руки пятерыхъ французовъ, вступившись за честь своего государя, и пр. Слѣдствіемъ всего этого было торжественное возложеніе лавроваго вѣнка на голову Гуттена императоромъ, дарованіе ему титула придворнаго поэта и оратора, съ правомъ преподавать словесныя науки гдѣ угодно, а въ изъявленіе особаго монаршаго благоволенія, дарована ему привилегія быть подсуднымъ только самому императору и его совѣту. Но эта привилегія не давала ѣсть, и Гуттену все-таки надо было искать службы. Онъ нашелъ ее у того самаго майнцскаго архіепископа, Альбрехта, который помогъ ему побывать въ Италіи.

Еще до вступленія въ эту службу Гуттенъ издалъ найденное имъ въ Болоньѣ сочиненіе Лаврентія Валлы о мнимомъ дарѣ Константина В. римскимъ епископамъ. Валла былъ извѣстный итальянскій гуманистъ XV столѣтія: ужъ одного этого было довольно, чтобъ обратить на эту находку вниманіе Гуттена; но самое содержаніе рукописи такъ гармонировало съ главнымъ направленіемъ его

идей, что онъ рѣшился ее напечатать. Дѣло въ томъ, что Валла поражалъ въ своемъ сочиненіи папскую власть въ самое чувствительное мѣсто. Главною опорой всѣмъ притязаніямъ папъ служилъ мнимый эдиктъ императора Константина, въ силу котораго римскому епископу Сильвестру и его преемникамъ отдавались не только дворецъ въ Римѣ, но и городъ Римъ, вся Италія и вся Западная имперія. Валла очевидными, положительными и сверхъ того краснорѣчивыми аргументами доказывалъ въ своемъ сочиненіи, что такого эдикта никогда не бывало и даже быть не могло. Къ изданію этого-то сочиненія Гуттенъ приложилъ посвященіе, которое только ему могло придти въ голову, посвященіе — самому папѣ Льву X. Подъ видомъ добродушія и чуть не юродивости, скрывается въ этомъ посвященіи самый злой сарказмъ. Гуттенъ начинаетъ хвалить Льва X, говоритъ, что между нимъ и его предшественниками не можетъ быть и сравненія. Тѣ запретили сочиненіе Валлы, но онъ, поборникъ истины, даже согласится съ тѣмъ, что говоритъ Валла. То, что сказано здѣсь о дурныхъ папахъ, къ нему не относится, потому что онъ хорошій папа. Дурные папы придумали этотъ небывалый подарокъ Константина, но Левъ X, разумѣется, какъ хорошій папа, не замедлитъ отказаться отъ того, что ему не принадлежитъ. Мира между грабителемъ и ограбленнымъ, прибавляетъ Гуттенъ, существовать не можетъ, пока первый не возвратитъ послѣднему то, что награбилъ. Называя такимъ образомъ папъ грабителями, Гуттенъ убѣжденъ, что Левъ X не обидится этимъ; сомнѣваться въ этомъ было бы величайшимъ оскорбленіемъ для папы, который не имѣетъ ничего общаго съ предшественниками. (Не мѣшаетъ замѣтить, что Гуттенъ въ письмахъ къ друзьямъ говоритъ о Львѣ X раньше этого посвященія, что онъ такой же папа какъ и другіе, — легкомысленный, корыстолюбивый флорентинецъ, святѣйшій, котораго нечестивость бросается въ глаза всякому, у кого есть здравый смыслъ; впрочемъ сарказмъ посвященія и безъ этого замѣчанія очевиденъ.) Потомъ онъ перечисляетъ всѣ злоупотребленія и притѣсненія предшественниковъ Льва X. «Нельзя достаточно порицать тѣхъ людей, говоритъ онъ, которые пользовались малѣйшимъ предлогомъ, чтобы награбить себѣ денегъ, торговали буллами, установили таксу на отпущеніе грѣховъ, сдѣлавъ такимъ образомъ источникъ доходовъ изъ наказанія грѣшника въ будущей жизни; продавали духовныя должности; не довольствуясь ежегодною обременительною податью, разсылали собирать деньги подъ разными вымышленными предлогами: то для войны противъ Турокъ, то для построенія церкви Св. Петра въ Римѣ, которая никогда не отстроится (!); — людей, наконецъ, которые поступая такимъ образомъ, титуловались святѣйшими и не терпѣли не только никакого поступ-

ка, даже никакого слова, направленнаго противъ ихъ дѣйствій. И если кто осмѣлится сравнить тебя съ этими разбойниками, съ этими чудовищными тиранами, не почтешь ли ты его, великій Левъ, твоимъ врагомъ заклятымъ? Доводя иронію до высшей степени, Гуттенъ заключаетъ свое посвященіе тѣмъ, что онъ не сомнѣвается въ благосклонномъ пріемѣ своей книги со стороны папы, но все-таки проситъ его выразить публично эту благосклонность, для поощренія его къ отысканію еще какого нибудь подобнаго сочиненія.

Мы не можемъ входить въ подробности жизни Гуттена, и потому упомянемъ только, что онъ не надолго съѣздилъ во Францію, куда посылалъ его архіепископъ, и, возвратившись, занялся новымъ сочиненіемъ, въ которомъ доказывалъ необходимость турецкой войны. Въ этомъ сочиненіи, какъ почти во всѣхъ послѣдующихъ, онъ не упускаетъ случая сказать нѣсколько ѣдкихъ словъ относительно папскихъ злоупотребленій. Въ лицѣ папы видѣлъ Гуттенъ главнаго врага прогресса, и гуманистъ началъ уже превращаться въ реформатора, хотя до сихъ поръ онъ не ожидалъ ничего хорошаго отъ монаха Лютера и выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ о спорѣ доминиканцевъ съ францисканцами: «Пожирайте другъ друга, да взаимно пожретесь!»

Въ февралѣ 1519 года появился сатирическій разговоръ, названный «Лихорадкою» и весь направленный на роскошную жизнь духовенства и богачей, а въ особенности на кардинала Каетана, возбудившаго въ Аугсбургѣ негодованіе своею спѣсью и великолѣпіемъ. Содержаніе сатиры заключается въ томъ, что Гуттенъ прогоняетъ отъ себя лихорадку и совѣтуетъ ей идти къ Каетану, присланному изъ Рима въ Германію собирать деньги, будто бы для войны противъ Турокъ, а на дѣлѣ для удовлетворенія расточительности римскаго двора. Завязывается у него съ лихорадкою разговоръ о Каетанѣ и вообще о духовенствѣ, и т. д.

Надоѣла Гуттену придворная жизнь, сталъ онъ хлопотать при помощи Эразма объ исходатайствованіи себѣ средствъ жить на свободѣ, какъ вдругъ важное политическое событіе дало новый поворотъ его жизни и дѣятельности: императоръ Максимиліанъ умеръ, и тотчасъ начались междоусобія. Ульрихъ Виртембергскій и Швабскій союзъ, во главѣ котораго стояли Баварскіе герцоги, собрали войска и готовились напасть другъ на друга. Гуттены со многими другими франконскими рыцарями воспользовались случаемъ отмстить своему врагу и стали въ ряды швабскихъ войскъ. Ульрихъ Гуттенъ безъ сомнѣнія не оставался сложа руки и сблизился при этомъ съ Францемъ фонъ-Зикингенъ, чтобы не разлучаться съ нимъ до конца его бурной

жизни. Изъ происшествій этого похода мы упомянемъ только объ одномъ: по настоянію Гуттена и Зикингена начальники швабскаго войска, передъ взятіемъ Штутгарда, гдѣ доживалъ дни свои Рейхлинъ, обѣщали повѣстить войскамъ, чтобы домъ знаменитаго ученаго остался неприкосновененъ.

Первый походъ кончился отступленіемъ герцога Виртембергскаго, и Гуттенъ поѣхалъ въ Вильдбадъ поправить снова разстроившееся свое здоровье, оттуда въ Эйслингенъ, гдѣ союзники, завоевавшіе Виртембергъ, держали совѣщанія. Тутъ наконецъ Гуттенъ почувствовалъ усталость страннической жизни и сталъ мечтать о женѣ, о постоянномъ и спокойномъ пребываніи,— мечты, которымъ не суждено было сбыться.

Мы должны теперь познакомить читателя съ замѣчательною личностью Зикенгена. Для насъ, живущихъ въ совершенно другую эпоху, трудно сохранить безпристрастіе при обсужденіи рыцарскихъ образовъ того времени, каковы Зикингенъ, Гецъ фонъ Берлихингенъ, и т. п. Мы ставимъ ихъ слишкомъ высоко или слишкомъ низко. Первое случается обыкновенно, если мы знаемъ объ нихъ только общія, неопредѣленныя черты; второе, если мы войдемъ въ мелочи и частности. Въ этомъ случаѣ совершенно разсѣивается ложная мысль, что эти рыцари обнажали мечъ только на защиту угнетенныхъ, изъ безкорыстной любви къ свободѣ и справедливости. Въ ихъ браняхъ возмущаетъ насъ не только жестокосердіе, съ которымъ они грабятъ имѣнья бѣдныхъ людей, предаютъ пламени деревни, опустошаютъ поля, но чуть ли не болѣе еще то соображеніе, что все это у нихъ считается какимъ-то ремесломъ, что добыча или выкупъ плѣнныхъ составляютъ ихъ главную цѣль, а право, проистекающее изъ оскорбленія ихъ другихъ дворяниномъ, городомъ и пр., большею частью служитъ только предлогомъ, чтобы у одного ограбить крестьянъ, у другаго купцовъ. Зикингенъ получилъ рыцарское, т. е. весьма плохое воспитаніе; онъ не понималъ латинскаго языка, составлявшаго тогда ключъ ко всѣмъ знаніямъ безъ изъятія, потому что все писалось тогда по-латыни. Отецъ его былъ казненъ, и ему должно было поднять прежнюю славу Зикингеновъ. Храбрый и буйный, онъ дѣйствительно является защитникомъ угнетенныхъ, требуетъ удовлетворенія, и въ случаѣ отказа идетъ на отказавшаго, который обыкновенно большой суммой денегъ откупается отъ него. При этомъ, какъ истинный рыцарь, Зикингенъ не обращалъ вниманія ни на нарушеніе правъ, ни на императорскія замѣчанія и выговоры; былъ бы походъ торжественно объявленъ съ совершеніемъ всего церемоніала, и совѣсть его была спокойна. Онъ могъ играть роль независимаго владѣтеля, потому что власть императора была слишкомъ слаба и онъ по неволѣ щадилъ рыцаря, который могъ быть ему силь-

нымъ и храбрымъ помощникомъ. Впрочемъ Зикингенъ, хотя и не получившій порядочнаго воспитанія, по натурѣ своей не былъ чуждъ идеальныхъ стремленій и высшихъ потребностей; это доказывается его заступничествомъ за Рейхлина, его связью съ Гуттеномъ, вводившимъ его въ новый, еще незнакомый ему міръ идей. Эти двѣ личности дополняли другъ друга, одинъ— богатствомъ своего внутренняго міра, другой — внѣшнею силой, которая позволяла имъ на дѣлѣ защищать свои стремленія.

Мы предполагаемъ извѣстными читателю политическія событія, слѣдовавшія за смертью Максимиліана. Для насъ важно то обстоятельство, что государь Гуттена, курфирстъ Альбрехтъ Майнцскій, Зикингенъ, равно какъ вообще всѣ гуманисты и передовые люди стояли за избраніе Карла, между тѣмъ какъ папа, его легаты и обскуранты изо всѣхъ силъ домогались доставить престолъ французскому королю Франциску I. Карлъ былъ еще молодъ, братъ его Фердинандъ покровительствовалъ гуманистамъ, и потому избраніе Карла казалось имъ новою эрою возрожденія. Для Гуттена это была самая удобная минута поднять голосъ противъ самаго корня всѣхъ золъ,—чужеземной власти въ Германіи, открыть глаза юному правителю и указать ему прямой путь къ прочной славѣ. Они не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Между тѣмъ Гуттенъ перемѣнилъ свое мнѣніе о Лютерѣ. Онъ уже не видѣлъ въ его дѣлѣ споръ монаха, онъ понялъ, что они ратуютъ за одно и то же, и гуманистъ окончательно превратился въ реформатора. Можетъ быть эта перемѣна и не совершилась бы такъ быстро, еслибы дальнѣйшій ходъ Рейхлинова дѣла не вооружилъ Гуттена рѣшительно противъ духовенства. По окончаніи виртембергскаго похода, Зикингенъ, безъ сомнѣнія по настоянію Гуттена, потребовалъ отъ Гохштратена и всего ордена доминиканцевъ-проповѣдниковъ (Predigerorden), чтобы шпейерскій приговоръ былъ исполненъ и Рейхлинъ получилъ полное вознагражденіе. Не исполнить подобное требованіе значитъ навлечь на себя весь гнѣвъ пылкаго рыцаря, т. е. грабежъ и разореніе. Доминиканцы повиновались, отрѣшили Гохштратена отъ должности, противъ воли заплатили пеню Рейхлину и даже написали къ папѣ адресъ, прося его предать это дѣло вѣчному забвенію. Вслѣдъ за этою бумагой отправили они другую, въ которой изъяснялось, что они дѣйствовали по принужденію. Въ Римѣ рады были придраться къ Рейхлину, въ которомъ видѣли зародышъ Лютера, и слѣдствіемъ всего этого было уничтоженіе шпейерскаго приговора и осужденіе Рейхлина. Зикингенъ снова вступился въ дѣло, но все кончилось смертью осужденнаго.

Между сочиненіями Гуттена, относящимися къ этому времени (1520—1521), первое мѣсто занимаетъ «Вадискъ, или рим-

ская тройственность». Форма—разговорная, любимая форма Гуттена; содержаніе: бесѣда Гуттена съ другомъ, только что возвратившимся изъ Рима. Между прочимъ Гуттенъ говоритъ ему, что какой-то Вадискъ написалъ памфлетъ на Римъ, придавъ ему странную форму *тріадъ*. Такъ, по словамъ Вадиска, *трехъ* вещей въ Римѣ всякій желаетъ: краткихъ мессъ, стараго золота и роскошной жизни; о *трехъ* вещахъ тамъ не любятъ слушать: о реформѣ духовенства, всеобщемъ соборѣ и о томъ, что нѣмцы становятся умнѣе; *три* вещи до сихъ поръ препятствовали нѣмцамъ поумнѣть: тупоуміе правителей, паденіе науки и суевѣріе народа; въ Римѣ боятся *трехъ* вещей: чтобы государи не были единодушны, чтобы у народа не открылись глаза, чтобы римскіе обманы не обнаружились. Исправить Римъ могутъ только *три* средства: серьезная дѣятельность правителей, нетерпѣніе народа, или турецкое войско у городскихъ воротъ. Есть тріады гораздо сильнѣе, но и этихъ достаточно, чтобы видѣть, съ какою энергіей взялся Гуттенъ за дѣло. Разговоръ кончается пламеннымъ воззваніемъ къ германцамъ.

Вслѣдъ за этимъ разговоромъ выдалъ Гуттенъ другой, подъ названіемъ «Зрители». Фебъ, съ своимъ сыномъ Фаэтономъ, смотритъ на землю, видитъ, что дѣлается на Аугсбургскомъ сеймѣ 1518 года и разсуждаетъ о событіяхъ на землѣ. Всего больше достается тутъ папскому легату Каетану. Мы не станемъ входить въ подробности объ этомъ сочиненіи, потому что въ немъ повторяются тѣ же обвиненія, высказываются тѣ же мысли и желанія, какъ и прежде.

Въ это время случилось Гуттену найдти какой-то старый, запыленный манускриптъ, безъ начала и конца, временъ Григорія VII и Генриха IV. Это былъ трактатъ о папской власти, написанный очевидно противъ притязаній Гильдебрандта и какъ нельзя лучше приходившійся къ жизненному вопросу эпохи. Такъ какъ Карлъ былъ еще въ Испаніи, то Гуттенъ посвятилъ изданіе этого сочиненія эрцгерцогу Фердинанду, думая, что оно произведетъ цѣлебное дѣйствіе на новаго императора.

Замѣчательно, что вмѣстѣ съ перемѣной главнаго пункта борьбы, произошла перемѣна въ слогѣ Гуттена. Гуманистическія цитаты изъ древнихъ авторовъ уступили мѣсто цитатамъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Но Гуттенъ былъ рыцарь по рожденію и по натурѣ; эта манера, перенятая имъ у Лютера, не шла ни къ его слогу, ни къ роду его воззрѣнія. Между тѣмъ какъ у Лютера она проистекала изъ самой сущности духовной организаціи, у Гуттена была она посторонней прививкой, а не необходимой потребностью.

Послѣднія сочиненія и изданія Гуттена обратили на себя всеобщее вниманіе. Похвалы, предостереженія, злобные укоры

посыпались со всѣхъ сторонъ; Эразмъ убѣждалъ его обуздать пылъ своего пера, чтобы не потерять милости Курфирста; другіе говорили объ изгнаніи, темницѣ, даже о кинжалѣ и ядѣ; извѣстный Экъ, одинъ изъ упорнѣйшихъ противниковъ новаго движенія, послалъ въ Римъ доносъ на Гуттена: но Гуттенъ не обращалъ вниманія ни на что и нетерпѣливо ждалъ прибытія Карла, надѣясь на его поддержку. Наконецъ Карлъ прибылъ въ Нидерланды. Гуттенъ рѣшился ѣхать туда, лично представить Фердинанду свое посвященіе и дѣйствовать на Карла непосредственно. До сихъ поръ онъ не имѣлъ личныхъ сношеній съ Лютеромъ изъ уваженія къ курфирсту Альбрехту. Теперь, когда настала минута дѣйствовать рѣшительно, Гуттенъ написалъ къ реформатору патетическое письмо, полное уваженія и удивленія къ его подвигу. На пути заѣхалъ онъ къ Эразму, получилъ отъ него рекомендательныя письма ко двору и увѣщанія — оставить сумасбродное предпріятіе. Неизвѣстны подробности его пребыванія въ Брюсселѣ; знаемъ только, что онъ долженъ былъ скоро уѣхать совершенно разочарованнымъ въ Фердинандѣ. Изъ Италіи шла на него грозная туча; друзья удивлялись, какъ онъ еще возвратился невредимъ изъ Брюсселя, но не совѣтовали ему оставаться въ Майнцѣ, гдѣ непремѣнно ожидалъ его ядъ или кинжалъ. Гуттенъ удалился во Франкфуртъ и узналъ здѣсь, что папа требуетъ отъ всѣхъ владѣтельныхъ лицъ, въ особенности же отъ Майнцскаго архіепископа, чтобы Гуттена задержать и въ цѣпяхъ препроводить въ Римъ. Гуттенъ видѣлъ, что рискуетъ головой, но смѣлѣй и смѣлѣй шелъ онъ впередъ, нисколько не помышляя объ опасности и готовый принести себя въ жертву своему дѣлу. «Наконецъ, пишетъ онъ своему пріятелю, запылало пламя, и можно считать истиннымъ чудомъ, если его не погасятъ моею кровью. Но во мнѣ больше храбрости, нежели въ нихъ силы. Впередъ, впередъ, на проломъ! Пора покончить мнѣ съ кроткими мѣрами; я вижу, что римскіе львы алчутъ крови. Но, если я не обманываюсь во всемъ, они сами скорѣе изойдутъ кровью, сами прежде истомятся въ оковахъ и тюрьмѣ, которыми мнѣ угрожаютъ.» Это письмо писано изъ Штекельберга. Оставаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ было опасно: съ часу на часъ могли Гуттена арестовать, но онъ нашелъ убѣжище, безопасное отъ всѣхъ угрозъ и преслѣдованій, — у своего друга Зикингена, который, оставивъ его въ своемъ замкѣ Эбернбургѣ, поѣхалъ встрѣчать Карла, передать ему записку Гуттена и употребить всѣ средства для его защиты. Записка эта была не прошеніе, а жалоба. Гуттенъ доводилъ до свѣдѣнія императора обо всемъ и просилъ его приказать считать недѣйствительнымъ требованіе папы, разосланное циркулярно ко всѣмъ владѣтельнымъ лицамъ

Германіи, объ его арестѣ. «Что римскому епископу до нѣмецкаго рыцаря?» спрашиваетъ Гуттенъ. Дѣло, за которое онъ стоитъ, старается онъ представить дѣломъ самого Карла, говоритъ о противодѣйствіи духовенства его избранію, о безпрестанномъ нарушеніи правъ его, какъ независимаго государя, нисколько не отрицаетъ, что всѣ его сочиненія клонятся къ совершенному перевороту настоящаго порядка дѣлъ, но что онъ не видитъ никакого преступленія въ этой цѣли, направленной къ благу отечества и самого Карла, и впередъ будетъ всѣ свои силы употреблять на ту же борьбу. Какимъ неподдѣльнымъ безкорыстіемъ, даже самоотверженіемъ дышатъ слѣдующія строки:

«Дѣло, которое я преслѣдую, не частное дѣло: я забочусь не о собственныхъ, не о личныхъ моихъ интересахъ. Какъ бы порадовались враги мои, съ какимъ высокомѣріемъ одержали бы они верхъ надо мной, если бы въ моихъ предпріятіяхъ хотя что-нибудь касалось лично меня. Но они все-таки меня преслѣдуютъ и твою власть хотятъ употребить противъ меня, какъ орудіе. Мнѣ служитъ оплотомъ моя совѣсть и твоя справедливость. Въ моихъ свободно написанныхъ книгахъ ратовалъ я за истину; я хотѣлъ служить тебѣ — по чувству долга, отечеству — изъ любви къ нему. На твердыхъ основаніяхъ пошелъ я противъ папскаго обмана, старался уничтожить посяганія какъ на вмѣшательство въ твою власть, такъ и на общественную свободу. Гдѣ награда за такую заслугу? — спрашиваю я, чтобъ никто не подумалъ, будто я боюсь наказанія, какъ преступникъ.»

Вслѣдъ за этимъ идетъ перечисленіе злоупотребленій папской власти, и въ заключеніе Гуттенъ говоритъ, что хотя бы и былъ въ состояніи поднять на враговъ своихъ оружіе, но предпочитаетъ просить Карла о наказаніи ихъ его императорскою властью. — Въ это же время написалъ онъ письмо къ курфирсту Фридриху Саксонскому, на котораго было больше надежды, нежели на Карла. Къ своему курфирсту Альбрехту и къ Лютеру Гуттенъ также отправилъ письма и наконецъ обнародовалъ воззваніе къ германцамъ всѣхъ сословій и состояній. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ препятствій, вмѣстѣ съ измѣненіемъ цѣли, которая принимала все большіе и большіе размѣры, росла и энергическая дѣятельность Гуттена. Война была объявлена на жизнь и смерть. Булла папы противъ Лютера послѣдовала непосредственно за приговоромъ Гуттену, и имена ихъ стали нераздѣльны въ глазахъ народа. Появились памфлеты въ защиту того и другаго; послѣднія письма Гуттена, вышедшія изъ печати, расходились въ народѣ не смотря ни на какія запрещенія; сочиненія Лютера были преданы огню, но изъ этого огня возникали новыя, гораздо сильнѣе прежнихъ.

Дѣятельность Гуттена въ эту эпоху была изумительна. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ пущено имъ пять памфлетовъ противъ папы. Тутъ въ первый разъ Гуттенъ сталъ писать по-нѣмецки, чтобы сочиненія его были доступны массѣ, не знавшей латинскаго языка. Къ числу самыхъ сильныхъ памфлетовъ его надо отнести толкованія на папскую буллу противъ Лютера. Она была издана съ папскимъ гербомъ и печатью, а между строками и на поляхъ находились замѣчанія въ родѣ слѣдующаго, къ тому мѣсту, гдѣ папа говоритъ о сожженіи сочиненій Лютера: «Твое желаніе достигнуто, замѣчаетъ Гуттенъ: они горятъ, горятъ въ сердцахъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей. Пламя пагубное для тебя! Попробуй загасить его, если можешь!» Вѣрный своей новой мысли знакомить съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ большинство, онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ почти всѣ свои латинскія сочиненія.

Отношенія Гуттена къ Лютеру обусловливались ихъ личностями. Они преслѣдовали одну, общую цѣль; но Лютеръ видѣлъ въ этой цѣли торжество истины, освобожденіе слова Божія отъ плевелъ католицизма, — Гуттенъ видѣлъ въ ней независимость отечества, освобожденіе Германіи отъ чужеземной власти. Поэтому Лютеръ не одобрялъ дѣйствій Гуттена. «Я не хотѣлъ бы, пишетъ онъ, доставить побѣду Евангелію путемъ крови и убійства. Словомъ должно возстановить Церковь, основанную Словомъ.» Но и Лютеръ не ограничивался словомъ, а собственноручно сжегъ папскую буллу въ Виттенбергѣ.

Живя у Зикингена, посвящая его въ ученіе Лютера, Гуттенъ продолжалъ переводить свои прежнія сочиненія и писать новыя на нѣмецкомъ и на латинскомъ языкахъ.

Въ Ворсмѣ подлежало рѣшиться дѣлу Лютера. Приверженцы его уже не ждали ничего добраго отъ Карла, который ѣхалъ въ сопровожденіи толпы духовенства, для котораго Испанія и Нидерланды были важнѣе Германіи, который, однимъ словомъ, не понялъ и не могъ понять важнаго значенія реформаціи. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Гуттенъ за ходомъ дѣла на сеймѣ и, разумѣется, не сидѣлъ сложа руки. То выходили изъ-подъ пера его памфлеты противъ поборниковъ католицизма, то новое посланіе къ императору... Приговоръ надъ Лютеромъ нанесъ страшный ударъ Гуттену. Онъ не ослабилъ его энергіи, и однакожъ дѣятельность Гуттена съ этой минуты обратилась въ краснорѣчивыя, но тщетныя слова. Оставалась одна надежда — на Зикингена. Но реформа не была призваніемъ сильнаго рыцаря, — его увлекли въ это дѣло бесѣды съ Гуттеномъ; когда пришлось дѣйствовать, личные интересы взяли верхъ. Хотя онъ и не отступилъ отъ интересовъ реформаціи, но не рѣшался выйдти за нее въ поле; готовилась война съ Франціей, тутъ

служба его Карлу могла доставить Зикпнгену существенныя выгоды, и угрозы, которыя Гуттенъ щедро разсыпалъ противной партіи, остались пустыми словами. Онъ долженъ былъ сознаться, что повелъ дѣло слишкомъ далеко, что тѣ самые, за чьи интересы стоялъ онъ, отставали и не хотѣли идти за смѣлымъ предводителемъ. Должно было покориться необходимости. Къ этому присоединилось новое непріятное обстоятельство: Зикингенъ отправился въ походъ; вновь обнаружившіеся припадки болѣзни не позволили Гуттену сопровождать его, и онъ долженъ былъ скрываться въ тайномъ убѣжищѣ до возстановленія своего здоровья.

Въ началѣ 1522 года обстоятельства, казалось, перемѣнились къ лучшему. Отецъ Гуттена умеръ, Штекельбергъ долженъ былъ перейти къ нему и къ его братьямъ, и могъ, по своему неприступному положенію, доставить ему вѣрное убѣжище; Зикингенъ окончательно объявилъ себя защитникомъ реформаціи; можно было возобновить борьбу. Но Гуттенъ не успѣлъ достигнуть обладанія Штекельбергомъ. Противъ него издавались приговоръ за приговоромъ, и до самой смерти не получилъ онъ достоянія предковъ. Карлъ между тѣмъ уѣхалъ въ Испанію, учредивъ въ Германіи верховный правительственный совѣтъ, въ которомъ участвовали представители курфирстовъ, князей, прелатовъ, графовъ и пр., но гдѣ рыцарство не имѣло своихъ представителей и потому сильно негодовало. Города, съ другой стороны, были недовольны тѣмъ, что число депутатовъ, которыхъ предоставлено имъ было выслать въ верховный совѣтъ, не соотвѣтствовало ихъ силѣ и значенію. Такимъ образомъ рыцари и города, эти вѣчные и непримиримые враги, встрѣтились въ общемъ чувствѣ неудовольствія. Предразсудокъ силенъ, предразсудокъ сословный чуть-ли не сильнѣе другихъ: какъ рыцарю подать руку какому-нибудь торговцу? Для этого нуженъ переворотъ во взглядахъ и мнѣніяхъ. Гуттенъ пожертвовалъ этимъ предразсудкомъ; онъ увидѣлъ, что тѣсный союзъ рыцарства съ городами можетъ придать важный вѣсъ церковно-политической реформѣ и направилъ сочиненія свои къ примиренію враждующихъ сословій, доказывая купцамъ, что не всякій рыцарь грабитель, что есть между ними люди безкорыстные, готовые дѣйствительно вступаться за обиженныхъ, а рыцарямъ внушая, что союзъ съ городами необходимъ для сверженія политическаго и религіознаго ига правителей, въ особенности духовныхъ. Мы говоримъ политическаго ига, потому что свободное, неподначальное рыцарство должно было теперь уступить мѣсто власти владѣтельныхъ особъ и подчиниться общимъ законамъ. Большая часть этихъ особъ стояли за прежній религіозный порядокъ, были врагами реформы, и такимъ образомъ въ глазахъ рыцарей

вопросъ церковный смѣшивался съ политическимъ; ратуя за свободу исповѣданія, они ратовали и за свою независимость, дѣлали такимъ образомъ въ одно время шагъ впередъ по одной дорогѣ и шагъ назадъ по другой, потому что свобода рыцарства равнялась средневѣковой безурядицѣ. Зикингенъ, въ лицѣ котораго были всѣ хорошія и дурныя качества рыцаря, который былъ достаточно силенъ, чтобы стать въ ряду независимыхъ государей, созвалъ всѣхъ рейнскихъ рыцарей на совѣщаніе, гдѣ заключенъ былъ союзъ на шесть лѣтъ. Рыцари обязались признавать надъ собою только судъ своихъ собратій, въ противномъ случаѣ—идти вооруженною рукою на обидчика. Зикингенъ выбранъ былъ главою союза. Самыя разнообразныя побужденія заставляли его дѣйствовать такимъ образомъ: личныя отношенія его къ императору, которыя въ послѣднее время стали не хороши; сословныя убѣжденія, вслѣдствіе которыхъ всѣ рыцари считали себя униженными; наконецъ, религіозныя начала, которыя могли быть средствомъ къ одушевленію войска. Онъ желалъ упрочить свою независимость во всѣхъ отношеніяхъ. Врага и предлогъ найдти было не трудно. Зикингенъ пошелъ на трирскаго архіепископа—курфирста, своего личнаго врага и врага всѣхъ исповѣдуемыхъ имъ принциповъ. Походъ кончился отступленіемъ: Зикингенъ былъ побѣжденъ.

А Гуттенъ, противъ котораго воздвиглось страшное гоненіе, сначала скрывался тамъ и сямъ, и наконецъ долженъ былъ бѣжать изъ Германіи. Неизвѣстно, гдѣ именно онъ скрывался, пока мы не находимъ его, томимаго болѣзнью, въ Базелѣ, подъ гостепріимнымъ покровительствомъ городскаго совѣта. Всѣ приняли его здѣсь съ почетомъ, городъ поднесъ ему подарокъ, правители посѣщали его; одинъ только человѣкъ не хотѣлъ его видѣть, человѣкъ, котораго присутствіе, можетъ быть, заставило Гуттена избрать Базель своимъ мѣстопребываніемъ. Этотъ человѣкъ былъ Эразмъ.

Эразмъ, характера тихаго, хотя и съ значительною примѣсью ироніи, привыкъ къ своимъ мирнымъ кабинетнымъ занятіямъ, привыкъ слыть главою всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, видѣть уваженіе отъ владѣтельныхъ особъ, благоговѣніе отъ молодыхъ людей, стекавшихся отовсюду, чтобы только взглянуть на него. При такомъ характерѣ и при такомъ исключительномъ положеніи, Эразмъ не могъ стоять за реформацію: она отдаляла его личность на второй планъ, она лишала его того спокойнаго существованія, съ которымъ онъ такъ свыкся; наконецъ она заставляла людей терять изъ виду то, чѣмъ прославился Эразмъ, что̀, по его мнѣнію, было важнѣе всѣхъ реформъ на свѣтѣ—гуманизмъ.

А между тѣмъ духовенство видѣло въ Эразмѣ, какъ и въ Рейхлинѣ, главнаго виновника движенія. Эразмъ снесъ яйцо,

говорили они, а Лютеръ его высидѣлъ. Хотя Эразмъ и оправдывался, говоря, что онъ снесъ куриное яйцо, а Лютеръ высидѣлъ совершенно иную птицу, но обвинители были правы отчасти. Всякій человѣкъ, распространявшій образованіе, способствовалъ движенію умовъ, а особенно такіе люди, какъ Эразмъ, Рейхлинъ, Муціанъ и проч. Есть въ сочиненіяхъ Эразма даже положительные зародыши реформаціонныхъ идей, которые не развились по вышесказаннымъ причинамъ. Такъ въ своихъ Colloquia familiaria (обиходныхъ бесѣдахъ) изображаетъ онъ человѣка, только больнаго, который не рѣшается ѣсть скоромное, какъ ему совѣтуютъ врачи, а между тѣмъ даетъ ложную клятву. Сначала Эразмъ былъ и съ Лютеромъ въ короткихъ отношеніяхъ, но ему не нравились рѣзкость, пылъ, съ которымъ онъ извергалъ свои идеи. Онъ совѣтовалъ ему въ письмахъ выражаться помягче, — но напрасно. Лютеръ выступалъ все рѣзче и рѣшительнѣй, все смѣлѣе и безпощаднѣй, а Эразмъ все болѣе и болѣе отъ него отдалялся. Но человѣкъ не можетъ оставаться на одной точкѣ: онъ или идетъ впередъ, или отступаетъ назадъ. Послѣднее случилось съ Эразмомъ. Думая остаться на своемъ гуманистическомъ пьедесталѣ, подрытомъ реформаціей, онъ долженъ былъ принять отрицательное участіе въ борьбѣ, дѣйствовать заодно съ своими естественными врагами, обскурантами; онъ не могъ быть простымъ зрителемъ, потому что реформація и всѣ споры за и противъ нея опутали его безвыходными сѣтями. Отброшенный на второй планъ, но, избавясь своимъ нейтральнымъ положеніемъ отъ подозрѣній и ежеминутно ожидая преслѣдованій, видя, что ряды гуманистовъ рѣдѣютъ, что большая часть ихъ переходитъ на сторону реформы,—Эразмъ увидѣлъ въ новомъ движеніи несчастнѣйшее для него событіе, начало варварства и тьмы.

Изъ всего этого можно уже предугадать, что отношенія Эразма къ Гуттену должны были измѣниться. Эразмъ видѣлъ въ Гуттенѣ, болѣе и болѣе примыкавшемъ къ реформаціи, дезертира изъ арміи гуманистовъ. Если сочиненія Лютера казались ему жесткими, то сочиненія Гуттена должны были привести его въ ужасъ. Гуттенъ, съ своей стороны, видѣлъ въ Эразмѣ человѣка, отрекшагося отъ началъ, которыя онъ самъ проповѣдывалъ всю жизнь, и хотѣлъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Базелѣ, чтобы побесѣдовать съ Эразмомъ и постараться раскрыть ему глаза. Но Эразмъ уже считалъ его за человѣка опаснаго, съ которымъ не слѣдовало имѣть сношеній, и не постыдился передать ему черезъ третье лицо просьбу не компрометировать его своимъ посѣщеніемъ; что впрочемъ, если онъ въ силахъ быть ему чѣмъ-нибудь полезнымъ, Гуттенъ можетъ на него разсчитывать. Не для чего, говорить о томъ, какъ

принялъ Гуттенъ подобное предложеніе. Эразмъ лишился самаго жаркаго поклонника и пріобрѣлъ опаснаго врага.

Между тѣмъ Гуттенъ получилъ печальную вѣсть о смерти Зикингена: онъ палъ отъ раны, побѣжденный соединившимися противъ него князьями западной Германіи. Гуттена продолжали преслѣдовать и гнать; онъ долженъ былъ покинуть свое убѣжище и бѣжалъ въ Цюрихъ, гдѣ тогда находился Цвингли. Молодой реформаторъ принялъ несчастнаго подъ свое покровительство и помогалъ ему сколько было силъ. А Гуттенъ былъ дѣйствительно несчастливъ. Яростно преслѣдуемый врагами, безъ всякихъ средствъ къ существованію, измученный болѣзнію, на чужой сторонѣ, онъ даже не имѣлъ надежды, что когда-нибудь положеніе его измѣнится къ лучшему. На островкѣ Уфнау Цюрихскаго озера началъ онъ новый и послѣдній курсъ леченія, но уже его нельзя было спасти. Передъ смертью довелось ему перенести еще одно горе,—совершенно разочароваться въ Эразмѣ, который написалъ въ цюрихскій совѣтъ письмо, наполненное предостереженій противъ Гуттена. Человѣкъ, говорилось въ немъ, который не щадилъ ни папы, ни императора, ни владѣтельныхъ особъ, ни авторитетовъ, — человѣкъ опасный и можетъ употребить гостепріимство во зло. Они доставятъ удовольствіе Эразму и пользу наукамъ, если укротятъ немного самовольство Гуттена.

Гуттенъ умеръ тридцати пяти лѣтъ. Скорбь друзей и радость враговъ были соразмѣрны той роли, какую онъ игралъ въ послѣднее время.

Эразмъ, отставшій отъ вѣка, имѣлъ несчастіе пережить свою славу. Вмѣсто прежняго уваженія видѣлъ онъ насмѣшки и наконецъ долженъ былъ оставить Базель, гдѣ реформація пріобрѣтала все болѣе и болѣе приверженцевъ. Онъ удалился было во Фрейбургъ; потомъ, на дорогѣ въ Нидерланды, куда пригласила его правительница Марія, скончался семидесяти лѣтъ отъ роду.

(Ulrich von Hutten von D. F. Strauss. Leipzig, III Bde. 1858).

9. МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

Рожденный въ городѣ судей (Ареццо), откуда другіе города брали себѣ подестовъ (градоправителей), онъ былъ сыномъ судьи. Онъ происходилъ отъ графовъ Каносса, родственниковъ императоровъ, основавшихъ въ Болоніи, противъ желанія папъ, школу римскаго права. Не нужно удивляться, что родные дали ему при рожденіи имя ангела правосудія, ангела Михаила, точно также, какъ и отецъ Рафаэля назвалъ его ангеломъ милосердія.

Это было племя холерическое. Ареццо, старый этрусскій городъ, маленькая павшая республика, былъ презираемъ большимъ банкирскимъ городомъ: Дантъ, проходя, наноситъ ему ударъ. Одною изъ самыхъ обыкновенныхъ личностей итальянскихъ фарсовъ былъ подеста, безсильный представитель закона въ иностранныхъ городахъ, куда его приглашали, платили жалованье и выгоняли. Всѣ въ Италіи издѣвались надъ правосудіемъ. Нужно было геройское усиліе, въ родѣ Бранкалеоне, чтобы заставить уважать мечъ судьи. Ему нужно было львиное сердце, чтобы иностранцу, изолированному, самому приводить въ исполненіе свои судебные приговоры, всѣми пренебрегаемые. Микель-Анджело былъ однимъ изъ такихъ воинственныхъ судей. И сердцемъ, и ростомъ онъ походилъ на великихъ Гибелиновъ своего времени, на того, которому Дантъ дѣлаетъ честь на своемъ огненномъ ложѣ, на того съ стагическимъ лицомъ: «Ломбардская душа, какое медленное движеніе твоихъ глазъ? Сказали бы — это левъ въ своемъ покоѣ.» (A guisa di leone, quonda si posa).

Не носивши меча во время этого царствованія денежныхъ людей, онъ вмѣсто него взялъ ножницы. Онъ былъ Бранкалеоне, судьей и подестой итальянскаго искусства. Онъ вырѣзалъ на мраморѣ великую цензуру времени.

Его жизнь, почти цѣлое столѣтіе, была борьбой, безпрерывнымъ кровопролитіемъ. Благородный и бѣдный, онъ воспитывался въ домѣ Медичи, гдѣ мы его видѣли ваятелемъ смѣшныхъ статуй.

Республиканецъ душой, онъ всю свою жизнь служилъ принцамъ и папамъ.

Зависть его обезобразила: соперникъ навсегда его изуродовалъ. Созданный любить и быть любимымъ, онъ вѣчно оставался одинокимъ.

Но самое главное противорѣчіе заключалось въ немъ самомъ. Созданное стоическимъ, воздержнымъ, въ гордомъ сознаніи обязанностей, это сердце не было камнемъ, не было той скалой, на которой Зенонъ представляетъ мудреца; эта была возвышенная итальянская душа, всегда разлитая внѣ себя въ жадномъ созерцаніи прекраснаго, въ преслѣдованіи идеала. Онъ происходитъ въ одно и тоже время и отъ Зенона и отъ Платона. Отъ этой внутренней борьбы, отъ этого противорѣчащаго усилія онъ страдалъ и умеръ, если можно такъ сказать, въ продолженіе всей своей долголѣтней жизни. Еслибы кто ночью взошелъ къ нему (онъ мало спалъ), то засталъ бы его работающимъ, какъ Циклопа, съ лампою у лба и непремѣнно бы подумалъ, что видитъ одного изъ братьевъ Титана. Въ самомъ дѣлѣ нѣчто титаническое было въ этомъ геніи. Но подъ Титаномъ былъ человѣкъ. Его единственномъ наперсникомъ была поэзія. Каждый

вечеръ послѣ обѣда (онъ ѣлъ разъ въ сутки), состоявшаго изъ кусочка хлѣба и вина, онъ риѳмовалъ сонаты и всегда на одну и туже тему, на безсиліе души изваять саму себя, на затрудненіе, которое она встрѣчаетъ, выдѣляя изъ мрамора идею, предметъ его желаній, его суровую невѣсту.

Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ умереть.

Разъ онъ ранилъ себѣ ногу, заперъ дверь, легъ и никогда болѣе не хотѣлъ вставать. Одинъ изъ друзей, видя его дверь такъ долго запертою, съ трудомъ нашелъ средство пробраться къ художнику, принудилъ его встать, ходить и лечиться.

Отчего же такое отчаяніе? Онъ никому не сказалъ причины, но мы, мы ее скажемъ. Потому что его душа безконечно превзошла его назначеніе, даже огромный талантъ, потому что онъ два раза оказывался несостоятельнымъ въ своихъ произведеніяхъ: Смерть и Судъ.

Монументомъ смерти должна быть гробница. Свирѣпый Юлій II въ своемъ самообожаніи осмѣлился для своего мавзолея принять планъ Микель-Анджело, планъ непостижимо — громадный, который былъ бы храмомъ въ храмѣ, настоящей гробницей Цезаря или Александра Великаго. Онъ содержалъ бы въ себѣ сорокъ колосовъ, всѣ добродѣтели, всѣ завоеванныя государства, всѣ религіи, Моисея и Евангеліе. Небо бы отъ него возрадовалось и зарыдала бы земля. Здѣсь должно было обнаружиться на своемъ мѣстѣ это глубокое изученіе смерти, на которое онъ посвятилъ десять лѣтъ жизни (все было забыто, даже искусство для анатоміи). Все уже было готово, и половина площади св. Петра покрыта была мраморомъ, который онъ самъ выбиралъ въ Каррарѣ и привезъ моремъ. Вдругъ все повернулось вверхъ дномъ. Намѣреніе Юлія II измѣнилось при мысли, внушенной ему Брамантомъ: «дурной знакъ строить гробницу при жизни.» И отъ начатаго творенія ничего не осталось, кромѣ Моисея и невольниковъ; эти послѣдніе находятся теперь въ Луврѣ. (Гипсовый слѣпокъ Моисея въ академіи художествъ.)

Юлій II, котораго считали великимъ папой, этотъ завоеватель Юлій II, который, казалось, былъ созданъ за тѣмъ, чтобы быть патрономъ Микель-Анджело, вдругъ оставилъ его, въ тотъ день, когда искуситель его, Брамантъ, представилъ ему милую фигуру живописи мадоннъ, это удивительное дитя, въ которомъ заключалось всеобщее могущество реализаціи, даже самая Италія въ ея плодоноснѣйшемъ ingegno. Юлій II приказалъ вымарать существующую уже живопись и поручилъ ему разрисовать Ватиканъ.

Однако Моисей былъ уже тамъ, хотя не конченный, но уже страшный; онъ, казалось, упрекалъ папу за его непостоянство. Произведеніе нисколько не льстящее; изъ мрамора выдѣлялась

уже дикая фигура, напоминавшая Савонаролу. Сердце Микель-Анджело, полное невыносимыхъ страданій, преобразило его здѣсь и смѣлою чертою, какъ утверждаетъ исторія, на вѣки запечатлѣло эту единственную въ своемъ родѣ физіономію: что-то козлиное (oculi caprini); фигура величественно звѣрская и сверхъестественная, какъ въ тѣ, близкія къ днямъ созданія времена, когда двѣ натуры не были еще совершенно отдѣлены одна отъ другой. Рога или лучи, исходящіе изъ чела, напоминаютъ видѣнія этого ужаснаго козла, «который идетъ только силою своихъ чреслъ и поражаетъ желѣзными рогами.» Сильная, приведенная въ движеніе нога отдѣляется отъ земли, чтобы раздавить враговъ Бога, ослушниковъ закона. Моисей есть воплощенный законъ, живой, неумолимый. Онъ одинъ далъ Микель-Анджело полное удовлетвореніе духа. Разсказываютъ, что сорокъ лѣтъ спустя его ввели въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать въ засѣданіи. Отецъ, шедшій впереди, разсердился, видя, что онъ такъ тихо идетъ. Онъ обернулся и ударилъ Микель-Анджело, приговаривая нѣжно: «Эхъ, что же ты такъ тихо идешь?... вѣдь ты еще въ полномъ цвѣтѣ жизни!»

Эти-то личности надо скрывать отъ сильныхъ міра сего. Онѣ слишкомъ откровенно напоминаютъ справедливый судъ и равенство искупленія.

Папа рѣшительно отвернулся отъ Микель-Анджело. Онъ не видалъ его болѣе; онъ принудилъ его заплатить собственныя свои деньги полировальщикамъ мрамора. Разъ, напрасно ожидая у дверей папы, онъ сказалъ: «Если его святѣйшество спроситъ меня, скажите, что меня нѣтъ здѣсь болѣе. «Онъ отправляется во Флоренцію, а можетъ быть Константинополь; султанъ вызывалъ его для постройки моста въ Перу.

Но пять курьеровъ, въ одно время, пять писемъ одно за другимъ летятъ во Флоренцію. Жалобы, гнѣвъ, угрозы; папа готовъ сейчасъ объявить войну, если не возвратятъ его скульптора. Скульпторъ не обращаетъ вниманія. Юлій II, завоеватель Болоніи, былъ въ апогеѣ своей холерической гордости. Бѣдный судья Содерини испугался: «Мы не можемъ, сказалъ онъ Микель-Анджело, вести за тебя войну... Ты съ честію отправишься, какъ посланникъ республики».

Вышла смѣшная сцена. Юлій II, опираясь на посохъ и гнѣвно озирая художника, говоритъ: «Наконецъ!... Стало быть ты ждалъ, чтобы я самъ къ тебѣ пришелъ!» Одинъ епископъ, находившійся тутъ въ это время, сказалъ: «Прости его, святой отецъ, люди этого рода грубы, только и знаютъ свое ремесло». Папа обрадовался, что нашелъ случай излить свою ярость. Онъ кинулся на епископа: «Ты самъ грубъ!» закричалъ онъ и выгналъ его вонъ, осыпая палочными ударами.

Между тѣмъ эта змѣя, Браманте выдумалъ штуку, чтобы привести въ отчаяніе Микель-Анджело. Онъ приказалъ ему, чрезъ этого сумасшедшаго папу, ему, скульптору, разрисовать сикстинскую капеллу. Микель-Анджело никогда не дотрогивался ни до красокъ, ни до кисти, не имѣлъ понятія о фрескѣ, и вдругъ отъ него требуютъ конкуренціи съ величайшимъ изъ живописцевъ, требуютъ выполненія гигантскаго труда, разрисовать эту маленькую церковь (въ двѣсти футовъ ширины и сто вышины). Онъ ужаснулся и пробовалъ отказаться; Юлій II былъ неумолимъ. Микель-Анджело выписывалъ изъ Флоренціи самыхъ искуснѣйшихъ мастеровъ, чтобы ознакомиться съ фреской, и заставляетъ ихъ немного поработать; потомъ недовольный расплачивается съ ними и не хочетъ болѣе видѣть. Онъ запирается въ свою комнату, самъ растираетъ краски и рисуетъ. Жестокая пытка! способная убить человѣка болѣе сильной комплекціи. Дойдя до трети этого огромнаго труда, онъ думалъ, что все погибло. Известь сохла медленно и мѣстами покрывалась плѣсенью.

Много помогло Микель-Анджело то, что сикстинская капелла, созданіе Сикста IV, дяди Юлія II, была второстепенною вещью для этого послѣдняго, который всю славу своего папствованія полагалъ въ сооруженіи св. Петра. Микель-Анджело добился, что ему позволили одному имѣть ключи отъ капеллы и не принимать посѣтителей. Папу онъ не могъ не принять, но затруднилъ ему входъ на свой эшафотъ; чтобы достигнуть туда, надобно было взбираться по веревочной лѣстницѣ, на что папа едвали бы рѣшился.

Темный и мрачный сводъ, подъ которымъ онъ провелъ по крайней мѣрѣ пять лѣтъ (съ 1507 до 1512 года), былъ для него кармельской пещерой, гдѣ онъ жилъ какъ Илія. Тамъ была его постель, привѣшенная къ своду, который разрисовывалъ онъ съ опрокинутой головой. У него не было никакого другаго общества, кромѣ пророковъ и проповѣдей Савонаролы.

Въ какомъ порядкѣ нужно разработать эту сивильскую книгу? Вотъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ, которые можетъ намъ представить критика. Одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, который всего болѣе насъ затрудняетъ. Нѣтъ ничего важнѣе, какъ логическое теченіе идей, дѣйствительный, хронологическій порядокъ трудовъ въ этомъ капитальномъ, господствующемъ твореніи возрожденія.

Отложимъ въ сторону Страшный Судъ, который былъ исполненъ гораздо позже, въ старости художника, отъ 1539 до 1541 года.

Здѣсь дѣло идетъ о сводѣ и еще болѣе о промежуткахъ между окнами.

Вазари прежде всего передаетъ намъ, что, когда была открыта первая половина и Рафаель увидѣлъ пророковъ и сивиллъ, то, въ противоположность имъ, для конкурренціи, нарисовалъ святую Марію della Pace.

Потомъ—что другая половина была отдѣлана въ двацать мѣсяцевъ, послѣ чего капелла была совершенно открыта въ день всѣхъ святыхъ (1-го ноября 1512 года).

Слѣдовательно въ этомъ совершенномъ одиночествѣ, въ продолженіе 1507, 1508, 1509 и 1510 годовъ, т. е. во время войны камбрійской лиги, когда папа нанесъ послѣдній ударъ Италіи, убивъ Венецію, великій итальянецъ, созидая пророковъ и сивиллъ, осуществилъ это произведеніе скорби, высокой свободы, темныхъ предчувствій, проникающаго свѣта. Лампа, которую великій циклопъ держалъ у глаза, во мракѣ сводовъ, еще и теперь продолжаетъ свѣтить намъ.

Онъ употребилъ четыре года на свой трудъ. Я же употребилъ тридцать лѣтъ, изучая его. По крайней мѣрѣ не проходило году, чтобы я не бралъ эту библію, этотъ завѣтъ, который есть ни старый, ни новый; рожденный отъ еврейской библіи, онъ превосходитъ и выступаетъ за ея предѣлы.

Дантъ, которому онъ слѣдовалъ гораздо позже въ Страшномъ Судѣ, и безъ сомнѣнія слишкомъ много, не показывается здѣсь вовсе. И сивиллы—отнюдь не виргиліевскія.

Съ этого времени, онъ потерялъ изъ виду землю, какъ Христофоръ Колумбъ среди океана не видѣлъ болѣе береговъ.

Его непосредственнымъ учителемъ,—зналъ онъ его или не зналъ,—былъ уже не Савонарола, а двѣнадцатый вѣкъ и видѣнія Іоахима де-Флоръ, котораго Савонарола не смѣлъ читать.

Не должно входить въ капеллу, какъ это дѣлаютъ въ торжественные дни страстной недѣли или въ толпѣ людей. Должно входить туда одному, проскользать туда, на что иногда рѣшался папа (но Микель-Анджело испугалъ его, бросивъ доску). Нужно дерзнуть одному остаться съ глазу на глазъ. Успокойтесь: эта живопись, угасшая и потемнѣвшая отъ дыму ладона и свѣчъ, не имѣетъ уже прежнихъ чертъ ужаса; она не навѣваетъ уже внезапнаго страха; выигравъ въ гармоніи и мягкости, она пріобщилась долгому терпѣнію и безпристрастію времени, но не менѣе того она побѣдоносна, вѣчна, неопровержима.

Сначала происходитъ волненіе между зрителями и затрудненіе, съ какой стороны стать къ свѣту. Смотря во всѣ стороны на эти страшныя лица, не знаешь, которое начать слушать, на которомъ остановить вниманіе. Эти гигантскія особы такъ сильно заняты, что не осмѣлишься ихъ безпокоить. Езекіиль въ страшномъ спорѣ. Даніилъ списываетъ, списываетъ безъ остановки, не переводя духа. Либика встаетъ. Старый Захарія, съ

лысой головой, одна нога поднята, другая опущена, съ жадностью читаетъ, не замѣчая такого утомительнаго положенія. Персика, съ заострившимся носомъ, одѣтая въ старую мантію, которая обвиваетъ ей голову, сгорбленная временемъ и чтеніемъ вѣковъ, читаетъ жадная, завистливая, читаетъ для себя, читаетъ маленькую книжку съ непонятными словами, на которыя она устремляетъ свои огненные глаза. Она, безъ сомнѣнія, читаетъ и позднею ночью, потому что я вижу подлѣ прекрасную Еритрею, которая, чтобы записывать, велитъ засвѣтить свой потухающій огонь и налить масла въ лампу. Учащіяся и ученыя сивиллы составляютъ прекрасную принадлежность шестнадцатаго вѣка. Одна только античпа, самая юная Дельфика, она гремитъ на своемъ треножникѣ.

Великое вѣяніе, великій духъ! Какой свободный воздухъ течетъ здѣсь, внѣ всякихъ предѣловъ націй, временъ, религій! Здѣсь весь ветхій завѣтъ. О христіанствѣ нѣтъ и помину. Придетъ ли искупленіе? Объ этомъ ни слова, здѣсь все говоритъ о судѣ. Даже самые ангелы, точно ли они ангелы? Я ничего объ нихъ не знаю. У нихъ нѣтъ крыльевъ. Существа особенныя, дѣти Микель-Анджело, которыя никогда не имѣли и никогда не будутъ имѣть братьевъ; они происходятъ отъ своего отца, отъ Геркулеса, отъ Титана.

Если Давидъ, помѣстившись въ углу, воспѣваетъ будущаго Спасителя, нужно предполагать, что онъ поетъ тихо. Кажется, никто его не слушаетъ. Его сосѣдъ Исаія такъ глубоко погруженъ въ созерцаніе, что почти не обращаетъ вниманія на зовъ ребенка, который, можетъ быть, говоритъ ему: «слушай»! онъ поворачиваетъ немного голову, но безъ вниманія; въ этомъ машинальномъ движеніи его задумчивость продолжается и будетъ продолжаться.

Но, что же это такое? Развѣ Микель-Анджело разорвалъ союзъ съ христіанствомъ? Нѣтъ, но очевидно онъ не вспомнилъ объ немъ.

Правосудіе и судъ, великое ожиданіе страшной будущности, вотъ что наполняетъ сикстинскую капеллу. Ужасъ сотрясаетъ стѣны, сводъ, и, чтобы успокоиться, не знаешь, куда обратить взоръ. Вотъ матери въ ужасѣ прижимаютъ своихъ дѣтей къ груди. Тамъ блѣдное лице видитъ прядущуюся на самопрялкѣ, непреодолимую нить, которую ничто не остановитъ. Другой противъ зеркала; онъ видитъ въ немъ отраженіе предметовъ, проходящихъ, конечно, позади его; эти предметы такъ страшны, что онъ судорожно сведенной ногой толкаетъ стѣну и пятится назадъ. Тотъ же жестъ и на потолкѣ; тѣ же отчаянныя лица, нагія, потрясаютъ сводъ стукомъ ногъ. Они слышатъ громъ пророчества, заставшій ихъ въ глубокомъ снѣ. Это замѣтно по ихъ

внезапно проснувшимся товарищамъ, у которыхъ отъ ужаса дыбомъ поднялись волосы; они вскакиваютъ изъ-подъ одѣялъ и трепещущей рукой подбираютъ и путаютъ свою одежду.

Очевидно, что лица не въ логическомъ порядкѣ, но размѣщены по произволу эффекта, по требованію искусства и свѣта. Чтобы руководствоваться въ этомъ страшномъ лабиринтѣ, нужно менѣе смотрѣть на тѣхъ, которые говорятъ, и обращать преимущественно вниманіе на слушающихъ. Только тогда начнешь входить въ тайну этого откровенія.

По нашему, исходная точка заключается въ прекрасной заснувшей женщинѣ, помѣщенной внизу Іезекіиля. Это слово Бога пророку: «ты родишь младенца». Буквально вѣрно. Пророческое слово — въ самомъ дѣлѣ дѣйствительность и существо; предсказаніе доказывается современемъ; упорная инкубація вѣковъ, мыслей отцевъ, мечтаній матерей, питающихъ сѣмя жизни, воспроизвела желаемое существо. Оно рождается, почему? Его предсказали... Слово есть причина его бытія. То, что Богъ выразилъ однимъ словомъ: «Поди, возрождай младенца».

Но какой же сынъ? Какое слово? Дитя правосудія, само правосудіе.

Іезекіиль, говорятъ, былъ простымъ слугой Іереміи. Ничтожные сдѣлались великими. Этотъ слуга знаетъ объ этомъ болѣе своего господина.

Его бѣшеное, циническое слово символически содержитъ послѣднее откровеніе пророчествъ, которое разрушаетъ нечестивую доктрину мщенія, продолжающагося на ребенкѣ до десятаго поколѣнія и постоянно осуждающаго міръ за грѣхъ одного.

Іезекіиль Микель-Анджело, съ головой обернутой сирійскимъ тюрбаномъ, головой желѣзной, головой революціонерной, быстрымъ движеніемъ, въ какомъ его схватилъ артистъ, поворачивается къ спрашивающему, котораго не видно (безъ сомнѣнія, къ израильскому учителю), и, оставляя въ сторонѣ законъ, который онъ держитъ въ лѣвой рукѣ, бросаетъ ему могучій стихъ: «Откуда слѣдуетъ, сказалъ Господь, что вы говорите какъ пословицу: наши отцы ѣли кислый виноградъ, отъ этого у насъ на зубахъ оскомина? Нѣтъ, это неправда. Клянусь, подобная пословица болѣе не явится. Каждая душа принадлежитъ мнѣ. Кто грѣшитъ, умретъ своимъ грѣхомъ; кто справедливъ, тотъ будетъ жить. Если сынъ воръ, ростовщикъ, убійца, это не касается отца. Отчего же грѣхи отца переходятъ къ сыну? Нѣтъ, кто грѣшитъ, тотъ и заплатитъ только за себя».

Этотъ лучезарный свѣтъ послѣдняго изъ пророковъ, это уничтоженіе предразсудковъ, это основаніе правосудія оканчивало жестокую борьбу ученика Савонаролы, присутствующаго

при несчастіяхъ Италіи, слушающаго ея жалобы. Онъ ему возвратилъ и сердце и руки, въ тотъ день, когда вѣчное правосудіе вложило въ него новое слово: «Нѣтъ, зло не происходитъ отъ ошибокъ посторонних; нѣтъ, человѣкъ, зло происходитъ отъ себя самого»!

Внизу этого пророка, противъ спящей, молодой женщины, вы снова видите ее; она уже не такъ молода, теперь она мать. И онъ стоитъ передъ вами, сильный, этотъ сынъ слово, это живое слово. Артистъ васъ успокаиваетъ: какая сила! Какіе крѣпкіе мускулы у него! Онъ будетъ жить, этотъ плодъ правосудія.

«Но я хотѣлъ бы знать, о мать, какъ росъ этотъ сильный ребенокъ». Посмотрите на него тамъ, въ ногахъ Персики. Тамъ грудной младенецъ. Онъ невинный спитъ и грезитъ, завернутый въ пеленки, какъ египетская мумія, ни рукъ, ни ногъ у него не видно, глаза закрыты, на головѣ нѣтъ волосъ; бѣдная головка гладка... Мать наклонилась надъ нимъ, она его окружаетъ, цѣлуетъ, закрываетъ собственнымъ своимъ тѣломъ... Къ счастію! потому что надъ обоими проносится буйный вѣтеръ Духа... Спи малютка, не открывай глазъ, пусть пройдетъ гроза. И пусть завистливая сивилла, вонъ тамъ, надъ твоей головой, старая, злая дѣва, похожая на колдунью, пусть читаетъ она, не подозрѣвая, что то, что для нея составляетъ книгу, для тебя—твое собственное назначеніе, твое слабое дѣтское существованіе.

Его назначеніе состоитъ въ томъ, что онъ съ Божіею помощію мужаетъ, начинаетъ вкушать слово Божіе. Вы его наконецъ видите вышедшимъ изъ пеленокъ, большенькимъ; у него теперь и руки, и ноги, и волосы; онъ видитъ, смотритъ. Онъ смотритъ и со вниманіемъ на мать, какъ та варитъ кашку; мать знаетъ, когда и какъ ее слѣдуетъ давать; она беретъ на палецъ и осторожно подаетъ малюткѣ (наивная живопись, нѣжное произведеніе столь возмужалаго генія!). А это такъ и должно быть.: Время необходимо, необходима мѣра, всякій разъ, каждый день по немногу; жизнь будетъ рости въ немъ, придетъ и разумъ, и все болѣе и болѣе, онъ будетъ яснѣе видѣть и наконецъ будетъ посвященъ въ таинство.

Развѣ это тотъ самый ребенокъ, котораго испуганная мать прижимаетъ къ сердцу, тотъ самый, которому показываются въ зеркалѣ какіе-то предметы, которыхъ онъ не хочетъ видѣть, трепеща отъ ужаса?.. Развѣ это онъ четырнадцати, пятнадцати лѣтъ—геркулесъ съ величественнымъ лицомъ, сдѣлавшись атласомъ пророковъ, гордо поднявъ голову, не сгибаясь, носитъ этихъ гигантовъ. Я вижу, ребенокъ—народъ и народъ греческій, который рождается отъ правосудія и который внесетъ правосудіе въ міръ.

Но намъ нужны вѣка, поколѣнія, несчастія! и въ какомъ изобиліи слезъ продолжается это гордое твореніе!... Артистъ не предвидѣлъ такого наводненія несчастій... Но что пронзаетъ, такъ это то, что всѣ семейства палигримовъ сидятъ въ мрачномъ углу; бѣдные, уставшіе путешественники, они болѣе не жалуются, не плачутъ, остаются неподвижными, поглупѣвъ отъ голоду и нищеты; мѣшокъ и палка на землѣ; часто, опершись подбородкомъ на руку, они глядятъ на идущихъ по дорогѣ. Чего они ждутъ? и сами не знаютъ Можетъ быть и придетъ что-нибудь, можетъ быть, милостыня. Вся Италія нищая или сдѣлается нищей. Подайте, Христа ради, Италіи... А этимъ женщинамъ, съ опущенными глазами, что имъ дадутъ? И что возвыситъ ихъ униженныя сердца? Глазъ (ихъ стыдъ былъ слишкомъ великъ) онѣ никогда не поднимутъ.

«Ah! ah! ah! Domine Deus!» Этотъ дѣтскій крикъ Іереміи выражаетъ все, что можетъ случиться, слезы, невыразимыя несчастія. И безъ сомнѣнія, невидимыя слезы текутъ по космамъ его длинной восточной бороды. «Ah! ah! ah! Domine Deus!» Его колоссальная голова падаетъ на руки, онъ не въ силахъ поддержать ее... Но еслибы вы видѣли, что онъ видитъ! у васъ сердце разорвалось бы на части... Я думаю, онъ никогда не поднимется съ своего ложа, на которое опустился, пригвожденный разъѣдающею скорбью.

И видитъ онъ не только то, что вызываетъ ваши слезы, нѣтъ, видитъ онъ грядущее, будущее... И видитъ онъ Равенну, Брешію, всеобщее запустѣніе, убійство народа кроваваго 1512 г. (Картина была кончена за два года до этого). И видитъ онъ пытки Милана, еще дальше гибель Рима... Міръ искусства, полную umonito, утопающую въ волнахъ и подъ ударами, начинающееся варварство, ужасы пустыни, всюду дикая трава, всюду колючій терновникъ.

Еще осталось два человѣка, справедливыхъ и добрыхъ... Увы! Я ихъ вижу тамъ, пониже Іереміи. Найдите мнѣ въ этомъ мірѣ лице достойнѣе этого бѣднаго богомольца, котораго я вижу направо: слабая голова, можетъ быть, неблагоразумная; вѣтеръ развѣваетъ его бороду; онъ не съумѣлъ предвидѣть, и вотъ почему онъ прошелъ всю землю, испрашивая кусокъ хлѣба. Это итальянскій эмигрантъ, вѣчный изгнанникъ, который теперь идетъ и будетъ идти до страшнаго суда. Какой еще безконечный путь лежитъ передъ нимъ! а онъ ужъ усталъ, онъ ужъ постарѣлъ, сгорбился! его бѣдная спина согнулась подъ тяжелой котомкой, обезобразилась. Но какъ онъ пойдетъ дальше? мозолистыми, больными ногами онъ не можетъ переступать; сѣвши на камень, онъ ужъ не въ состояніи отправиться дальше. Однакоже, ступай, ты долженъ идти, ты долженъ идти всегда, чтобы народы сказали: «Вотъ проходитъ Италія».

Но этотъ еще идетъ, двигается... Что же сказать о томъ, который сидитъ напротивъ? Само отчаяніе! и такое страданіе, какого еще ни одна рука не осмѣливалась нарисовать... Несчастіе на голову того, кто засмѣется! Откуда взялъ онъ подобное лицо? У отца, который видѣлъ, какъ разбойникъ взялъ его ребенка за ноги и разбилъ о камень... у мужа, котораго связали и который смотритъ на свою жену, тщетно зовущую на помощь, умирающую..., и все это въ его глазахъ.

Онъ превращенъ въ камень. Голова поднята вверхъ, большіе и открытые глаза потухли. Видите, онъ умеръ и проклялъ....

Вы думаете это все? Нѣтъ, вы еще не видѣли отвратительной мерзости. Къ несчастію, она плодовита; таково насиліе, рабство, слезы, отчаяніе всегда плодовиты. Но здѣсь страданіе артиста было такъ велико, что онъ потерялъ даже цѣломудренный стыдъ артиста; я разумѣю здѣсь уваженіе къ красотѣ, которое искусство всегда сохраняетъ, даже рисуя чудовище. Когда Винчи рисуетъ ящерицу, змѣю, онъ заставляетъ васъ сказать: прекрасная змѣя! Но здѣсь, увы! Здѣсь настоящая дѣйствительность, способная привести въ отчаяніе, низкая, гадкая, гнусная: сѣмя отъ рабскаго сѣмени, чтобы преслѣдовать насъ своимъ гнуснымъ безобразіемъ, чтобы представить роковыя подлости времени, преданнаго пороку, чтобы заставить стыдиться за человѣка и богохульствовать каждый день.

Эта презрѣнная каріотида, которую онъ помѣстилъ внизу Іереміи, безъ сомнѣнія, самое грустное его произведеніе, и конечно онъ задумалъ ее, въ минуту самаго горькаго отчаянія, можетъ быть, въ тотъ день, когда онъ заперся, чтобы умереть.

Вотъ что ужасно затрудняетъ Іеремію, это ясно, потому что передъ его глазами находится это жестокое возрожденіе. И, всматриваясь внимательнѣе, я въ самомъ дѣлѣ вижу, онъ не плачетъ болѣе. Ужасъ совершенно поглотилъ его; онъ весь погрузился въ бездну сомнѣнія, въ бездну тьмы, откуда ему нѣтъ выхода. Рука Іезекіиля не можетъ вытащить его оттуда. Какъ быть, чтобы наконецъ повѣрить правосудію? Съ минуты на минуту голова его тяжелѣетъ, онъ не въ силахъ держать ее... она готова склониться ему на колѣни.

Если бы онъ могъ еще вполнѣ сомнѣваться! Онъ увѣровалъ бы въ свое сомнѣніе. Но даже и этого нѣтъ... Онъ остался бѣднымъ пловцомъ, жалкимъ, разбитымъ въ кораблекрушеніи, какъ морская трава, прибиваемая къ берегу и уносимая прочь. Нѣтъ словъ отвѣчать: ни на жалобу свѣта, ни на вопль собственнаго сердца.

Собственное сердце говоритъ ему: «Лжецъ! ты предсказалъ царство Бога, а между тѣмъ царствуетъ дьяволъ!»

Дьяволъ принимаетъ образы неслыханные и невиданные. Это ужъ не тотъ фантастическій дьяволъ дѣтскихъ лѣтъ, которымъ пугали слабыхъ смертныхъ; нѣтъ, онъ возмужалъ, полонъ дьявольскаго искусства, силенъ противъ человѣка. Здѣсь — демонъ-докторъ; на рынкѣ во Флоренціи демонъ-священникъ, и демонъ-атеистъ; тамъ демонъ-монахъ, демонъ въ платьѣ набожнаго испанскаго солдата, въ рубищѣ неумолимаго нищаго, демонъ bisogni'евъ (имя страшное для итальянца) вынуждаетъ деньги, мучитъ, поджариваетъ и въ тоже время говоритъ хрипящему подъ пыткой человѣку: «что нибудь бѣдному солдату!»

Дантъ не видѣлъ этихъ вещей въ своемъ послѣднемъ кругѣ. Но Микель Анджело ихъ видѣлъ и предвидѣлъ, осмѣлился нарисовать ихъ въ Ватиканѣ и написать три слова изъ вальтазаровскаго пиршества на стѣнахъ, оскверненныхъ Борджіями, убійцами Ровера. Къ счастію, его не поняли. Иначе они велѣли бы все стереть.

Извѣстно, что онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ запиралъ двери сикстинской капеллы и что Юлій II сказалъ ему: «Если ты опоздаешь, я сброшу тебя оттуда, съ подмостковъ.»

Когда наконецъ растворилась дверь капеллы и папа въ сопровожденіи многочисленной свиты вошелъ въ капеллу, Микель-Анджело могъ замѣтить, что его твореніе осталось непонятой буквой, что, смотря на нее, они не видѣли ничего. Озадаченные неразрѣшимой загадкой, порицатели однако не смѣли порицать этихъ гигантовъ, которыхъ глаза уничтожали ихъ; всѣ хранили молчаніе. Чтобы не поддаться впечатлѣнію ужаснаго видѣнія, папа пробормоталъ: «Во всемъ этомъ нѣтъ золота.»

Микель-Анджело тогда убѣдился, что его не поняли, на это ничтожное сужденіе онъ отвѣчалъ горькимъ, трагическимъ смѣхомъ: «Отецъ Святой, люди, которые тамъ, были не богаты, но святы, не носившіе золота и мало обращавшіе вниманіе на земныя блага.»

(Мишле. Ист. Франціи XVI вѣка. Глава XII. Т. I. Стр. 98—108.)

10. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ПРАЗДНЕСТВА.

Изъ итальянской культуры въ эпоху Renaissance.

Наружный видъ и все окружающее человѣка въ Италіи, его нравы и обычаи, гораздо были совершеннѣе, изящнѣе, утонченнѣе въ эту эпоху, нежели у другихъ народовъ. Замки и дома превосходили удобствомъ и разумнымъ практичнымъ расположеніемъ замки сѣверныхъ вельможъ. Фасонъ и покрой платья мѣнялись такъ часто, что почти нѣтъ возможности провести точной параллели съ модами другихъ странъ, тѣмъ болѣе, что уже въ концѣ XV столѣтія принимались въ Италіи иностранныя моды. То же, что итальянскіе живописцы называютъ модою того времени, было вообще самое прекрасное и изящное, что только можно было встрѣтить въ Европѣ; но были ли то господствующія моды, и вѣрно ли ихъ живописцы изображали, этого нельзя сказать достовѣрно. Несомнѣнно однако то, что нигдѣ не придавали наряду такого громаднаго значенія, какъ въ Италіи. Итальянскій народъ былъ и остался тщеславнымъ; но и серьезные люди считали изящный нарядъ за одно изъ достоинствъ порядочнаго человѣка. Во Флоренціи было даже время, когда нарядъ составлялъ нѣчто индивидуальное, когда каждый изобрѣталъ свою собственную моду, и даже въ XVI столѣтіи многіе значительные люди отваживались на это; но всѣ вообще въ господствующую моду всегда вносили много личнаго вкуса. Это было уже признакомъ упадка Италіи, когда Джіованни делла Каза предостерегаетъ противъ всего бросающагося въ глаза, противъ уклоненія отъ господствующей моды.

Въ Венеціи и Флоренціи въ эпоху возрожденія были установлены извѣстныя правила для одежды мужчинъ и женщинъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ для моды не было особыхъ постановленій, какъ напр. въ Неаполѣ, тамъ моралисты не безъ грусти замѣчаютъ, что нельзя отличить высшаго сословія отъ бюргеровъ. Кромѣ того жалуются на слишкомъ частыя смѣны модъ, на слѣпое подражаніе всему французскому, хотя нерѣдко присылаемыя изъ Франціи моды были чисто итальянскаго происхожденія съ небольшими уклоненіями. На сколько частыя перемѣны въ покроѣ платья и подражаніе французскимъ и испанскимъ модамъ способствовали развитію природной страсти къ нарядамъ, объ этомъ мы уже не будемъ говорить.

Нельзя не удивляться старанію женщинъ всѣми возможными туалетными средствами совершенно измѣнять свою наружность. Ни въ одной европейской странѣ съ самаго паденія римской имперіи не обращали такого вниманія на бюстъ, цвѣтъ

лица, рощеніе волосъ, какъ въ то время въ Италіи. Все стремилось къ естественности съ самымъ очевиднымъ обманомъ. Мы не будемъ уже говорить о прежнихъ модахъ, которыя въ XIV столѣтіи отличались особенною пестротою и множествомъ драгоцѣнныхъ украшеній, позже были изящно роскошны, и займемся только туалетомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Фальшивыя накладки изъ бѣлаго и желтаго шелка носились во множествѣ, на нѣкоторое время оставлялись и потомъ опять носились, пока одинъ проповѣдникъ не убѣдилъ наконецъ свою паству; тогда на площади возвысили красивый костеръ, на который вмѣстѣ съ лютнями, разными игрушками, амулетами, масками, пѣсенниками и другими бездѣлушками сложили и фальшивыя накладки, и очистительное пламя разнесло все по воздуху. Какъ въ природныхъ, такъ и въ фальшивыхъ волосахъ преимущество отдавалось бѣлокурымъ. И такъ какъ думали, что отъ дѣйствія солнечныхъ лучей волосы могутъ сдѣлаться бѣлокурыми, то были дамы, которыя въ хорошую погоду цѣлый день просиживали на солнцѣ; кромѣ того употреблялись разныя краски и микстуры для болѣе успѣшнаго рощенія волосъ. Къ этому надо прибавить еще такое множество разныхъ умываній, притираній, румянъ, для каждой отдѣльной части лица, о которыхъ въ наше время не имѣютъ и понятія. Ни сатиры писателей, ни увѣщанія проповѣдниковъ, ни предостереженіе о преждевременномъ разрушеніи кожи, ничто не могло удержать женщинъ отъ употребленія притираній.

Очень можетъ быть, что частыя и великолѣпныя представленія мистерій, въ которыхъ сотни людей являлись разряженными и нарумяненными, способствовали укорененію этого злоупотребленія въ обыденной жизни; но во всякомъ случаѣ румяна и бѣлила вошли во всеобщее употребленіе; даже деревенскія дѣвушки всѣми силами стремились подражать горожанкамъ. Не помогало и то, что употребленіе румянъ и бѣлилъ считалось какъ-бы признакомъ женщины легкаго поведенія; и, какъ нарочно, самыя почтенныя женщины, которыя цѣлый годъ не дотрогивались ни до какихъ косметическихъ средствъ, румянились по большимъ праздникамъ, когда онѣ появлялись въ обществѣ. Не принять-ли эту страсть румяниться и бѣлиться за черту варварства, которой можно поставить въ параллель татуированіе дикихъ, или за естественную потребность къ возстановленію юношеской красоты въ чертахъ и цвѣтѣ лица? во всякомъ случаѣ, мужчины, съ своей стороны, не щадили увѣщаній.

Употребленіе духовъ и разныхъ благовоній превосходило всякое вѣроятіе и простиралось на все, окружающее человѣка. Во время празднествъ, даже муловъ спрыскивали духами, и Піетро

Аретино благодаритъ Козимо I за присылку надушенныхъ денегъ.

Въ то время итальянцы были убѣждены, что они опрятнѣе всѣхъ народовъ. По всѣмъ культурно-историческимъ даннымъ это предположеніе можно скорѣе принять, нежели отвергнуть; точно также и то, что итальянцы были однимъ изъ богатѣйшихъ народовъ того времени, скорѣе говоритъ въ пользу этого предположенія, чѣмъ противъ него. Точныхъ доказательствъ, конечно, представить нельзя, хотя касательно превосходства правилъ опрятности можно найти древнѣйшія указанія въ рыцарской поэзіи среднихъ вѣковъ. Но достовѣрно то, что у нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ защитниковъ возрожденія особенно выставляется замѣчательная опрятность во всемъ ихъ существѣ, особенно за столомъ; тогда какъ олицетвореніемъ нечистоплотности считался нѣмецъ. Какія дурныя привычки привились Максимильяну Сфорца нѣмецкимъ воспитаніемъ и какъ онѣ всѣмъ бросились въ глаза въ Италіи, видимъ мы изъ Джовіо, автора «Historia sui temporis» (1483—1552). Но удивительно при этомъ, почему, по крайней мѣрѣ въ пятнадцатомъ столѣтіи, гостинницы были преимущественно въ рукахъ нѣмцевъ; впрочемъ это было по большей части въ деревняхъ, потому что во всѣхъ значительныхъ городахъ итальянскія гостинницы занимали первое мѣсто.

Въ первой половинѣ XVI столѣтія была написана та школа вѣжливости, которую Джованни делла Каза *), по рожденію флорентинецъ, издалъ подъ заглавіемъ «Il Galateo». Въ ней не только предписывается чистота въ тѣсномъ смыслѣ, но и запрещается все то, что мы привыкли называть неприличнымъ, съ такою же строгостью, съ какою моралистъ говоритъ о высшихъ законахъ нравственности. Въ другихъ литературахъ о подобныхъ вещахъ нѣтъ систематическихъ правилъ и ученій; кромѣ того Galateo есть прекрасное, остроумное сочиненіе, въ которомъ изложены правила свѣтскаго обращенія и деликатности и, въ особенности, такта. И въ настоящее время чтеніе этой книги было бы очень полезно людямъ всѣхъ сословій. Если считать тактъ свойствомъ душевнымъ, то съ самаго начала развитія у всѣхъ народовъ онъ можетъ быть врожденнымъ извѣстнымъ людямъ, другіе могутъ пріобрѣсти его силою воли, но всеобщею, общественною обязанностью и признакомъ образованія

---

*) Д. делла Каза (1503—1556), итальянскій писатель, вступилъ въ духовномъ санѣ въ службу кардинала Александра Фарнезе, бывшаго папою подъ именемъ Павла III. Д. д. Каза принадлежитъ къ лучшимъ итальянскимъ прозаикамъ.

и воспитанія первые признали его итальянцы. Вообще весь наружный быть итальянцевъ въ XV и началѣ XVI столѣтія доведенъ былъ до такого совершенства и такой утонченности, какихъ мы не видимъ ни у одного народа въ мірѣ. Множество тѣхъ значительныхъ и незначительныхъ предметовъ, которые, всѣ вмѣстѣ взятые, составляютъ то, что мы въ новѣйшее время называемъ комфортомъ, какъ извѣстно, впервые появились въ Италіи. По хорошо вымощеннымъ улицамъ итальянскихъ городовъ давно разъѣзжали въ экипажахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ ходили пѣшкомъ или ѣздили верхомъ. Мягкія, эластичныя кровати, туалетныя принадлежности, чудные ковры, о которыхъ нигдѣ, никогда не было и рѣчи, встрѣчаемъ мы у новеллистовъ. О множествѣ и изяществѣ бѣлья часто упоминается съ особенною похвалою. Многое принадлежитъ уже области искусства; и нельзя не согласиться, какъ оно вездѣ облагороживаетъ роскошь; оно не только наполняетъ массивный буфетъ и легкую этажерку превосходной посудой, не только увѣшиваетъ стѣны великолѣпными коврами, устанавливаетъ туалетный столикъ множествомъ всевозможныхъ бездѣлушекъ, но преимущественно и вполнѣ чуднымъ образомъ увлекаетъ въ свою область и столярное и токарное мастерство.

Взглянемъ на домашній быть въ Италіи въ эпоху возрожденія. Многіе думаютъ, что семейная жизнь тогдашнихъ итальянцевъ была не привлекательна вслѣдствіе испорченности нравовъ того времени. Между тѣмъ, достаточно указать на то, что супружеская невѣрность тамъ далеко не такъ гибельно дѣйствуетъ на семью, какъ на сѣверѣ, пока только не будутъ переступлены извѣстныя границы.

Домашній быть нашихъ (нѣмецкихъ) среднихъ вѣковъ былъ продуктомъ господствующаго народнаго обычая, или скорѣе высшій естественный продуктъ, основанный на стремленіяхъ народнаго развитія и на вліяніи образа жизни, смотря по званію и состоянію. Во время цвѣтущаго состоянія рыцарства семейная жизнь оставалась неприкосновенною; жизнь рыцаря проходила въ поѣздкахъ ко двору, въ походахъ; его поклоненія систематически принадлежали другой женщинѣ, а въ замкѣ, дома дѣла шли, какъ могли. Только въ эпоху возрожденія стремятся создать семейную жизнь, какъ нѣчто благоустроенное, даже художественное. Много способствовали этому экономія въ обширномъ смыслѣ, раціональный порядокъ домашняго устройства, а въ особенности строгое обсужденіе всѣхъ вопросовъ *сожительства*, воспитанія, домашняго устройства, прислуги.

Драгоцѣннѣйшимъ документомъ для этого можетъ служить разговоръ о домоводствѣ А. Пандольфини. Одинъ отецъ бесѣдуетъ со своими взрослыми сыновьями и посвящаетъ ихъ во

всѣ свои дѣйствія. Здѣсь представляется обширное богатое хозяйство, которое поддерживается разумною бережливостью и умѣренностью въ жизни и обѣщаетъ счастіе и благоденствіе многимъ поколѣніямъ. Обширное недвижимое имѣніе составляетъ основаніе всего и всегда соединяется съ какою нибудь промышленностью, напримѣръ съ шелковою или шерстяною фабрикою. Жилище должно быть прочно и надежно, пища питательна; все, что касается устройства и основанія, должно быть обширно, прочно и дорого; каждодневная же жизнь — сколько возможно проста. Всѣ прочія издержки, начиная отъ самыхъ значительныхъ расходовъ, до карманныхъ денегъ меньшихъ сыновей, имѣютъ раціональное, а не условное отношеніе. Самое же главное составляетъ воспитаніе, которое хозяинъ простираетъ не только на дѣтей, но и на весь домъ. Прежде всего воспитываетъ онъ свою супругу; изъ боязливой дѣвушки, воспитанной въ строгомъ уединеніи, превращаетъ онъ ее въ смѣлую повелительницу, въ хозяйку дома; потомъ воспитываетъ онъ дѣтей, безъ излишней суровости, заботливымъ надзоромъ и увѣщаніемъ, болѣе авторитетомъ, нежели силою; наконецъ выбираетъ себѣ прислугу на такихъ условіяхъ и обращается съ нею такъ, что она охотно и вѣрно служитъ въ домѣ. Еще на одно обстоятельство нужно обратить вниманіе, а именно на склонность образованнаго итальянца къ сельской жизни. На сѣверѣ дворяне жили тогда въ деревняхъ въ своихъ замкахъ, и знатнѣйшіе монашескіе ордена въ своихъ монастыряхъ; богатѣйшіе же граждане жили изъ году въ годъ въ городѣ. Въ Италіи же напротивъ, по крайней мѣрѣ, что касается окрестностей извѣстныхъ городовъ, частью политическая и полицейская безопасность были больше, частью стремленіе къ сельской жизни было такъ сильно, что даже не особенно боялись потерь въ военное время. Такъ возникли лѣтнія жилища богатыхъ горожанъ — виллы. Драгоцѣнное наслѣдіе древняго Рима.

Авторъ нашъ на своей виллѣ наслаждается постояннымъ счастіемъ и миромъ, но объ этомъ нужно послушать его самого. Экономическая сторона вопроса состоитъ въ томъ, что одно и то же имѣніе, по возможности, должно доставлять рѣшительно все: хлѣбъ, вино, масло, кормъ скоту и лѣсъ, и что такія имѣнія охотно покупались и за очень дорогую цѣну, потому что впослѣдствіи уже ничего болѣе не нужно покупать на рынкахъ. Высшее же наслажденіе выказывается въ слѣдующихъ словахъ предисловія къ этому сочиненію: «Вокругъ Флоренціи много дачъ, расположенныхъ въ прекрасной мѣстности, съ прелестными живописными окрестностями; тамъ нѣтъ тумановъ, не дуетъ разрушительный вѣтеръ; тамъ все хорошо, и прозрачный воздухъ, и чистая прозрачная вода; изъ множества построекъ, нѣ-

которыя походятъ на княжескіе дворцы, другія на великолѣпные и роскошные замки». Онъ говоритъ о тѣхъ, въ своемъ родѣ образцовыхъ загородныхъ жилищахъ, которыя въ 1529 году самими Флорентинцами были пожертвованы на защиту города.

Въ этихъ виллахъ, какъ и въ тѣхъ, которыя были на рѣкѣ Брентѣ, въ ломбардскомъ предгородіи, получила общественная жизнь болѣе свободный характеръ, нежели въ городскихъ гостиныхъ.

Совмѣстная жизнь гостящихъ другъ у друга, охота и другія удовольствія деревенской жизни прелестно описаны. Но въ этихъ же загородныхъ жилищахъ получили начало многія серьезнѣйшія и глубочайшія произведенія ума и благороднѣйшія и чистѣйшія поэтическія произведенія.

Съ нашей стороны не будетъ простымъ произволомъ, если къ разсмотрѣнію общественной жизни присоединимъ и описаніе торжественныхъ празднествъ и различныхъ представленій. Художественное великолѣпіе, которое въ этихъ случаяхъ выказывала Италія въ эпоху возрожденія, могло быть достигнуто только этою самою совмѣстною жизнью всѣхъ сословій, которая и составляетъ основу итальянскаго общества. На сѣверѣ монастыри, дворъ и граждане имѣли свои отдѣльныя празднества и представленія, какъ въ Италіи, но тамъ они были различны, какъ по содержанію, такъ и по выраженію, здѣсь же, напротивъ, общимъ образованіемъ и искусствомъ они возведены были на общественную высоту. Декоративная архитектура, которая имѣла важное значеніе въ этихъ празднествахъ, занимаетъ особый отдѣлъ въ исторіи искусства хотя намъ она представляется фантастическою картиной, заимствованнаго изъ различныхъ описаній. Здѣсь занимаетъ насъ гораздо болѣе самое празднество, какъ возвышенный моментъ его народнаго бытія, причемъ его релизіозные, нравственные и поэтическіе идеалы облекаются въ видимые образы. Итальянскія празднества составляютъ настоящій переходъ отъ жизни къ искусству.

Двѣ главныя формы торжественныхъ представленій, какъ и вездѣ на западѣ, были въ началѣ мистеріи, т. е. драматизированная священная исторія или легенда, и процессіи, т. е. по какому нибудь церковному поводу устроенныя торжественныя шествія.

Представленіе мистерій въ Италіи уже въ это время было вообще великолѣпнѣе, многочисленнѣе и, благодаря развитію образовательнаго искусства и поэзіи, изящнѣе, нежели гдѣбы то ни было. Потомъ выдѣлились изъ нихъ, какъ и вездѣ на западѣ, не только водевиль и свѣтская драма, но и прекрасная пантомима съ пѣніемъ и танцами.

Въ ровной мѣстности, въ городахъ съ широкими, хорошо вымощенными улицами, изъ процессій развились Тріумфы, т. е. шествія замаскированныхъ въ экипажахъ и пѣшкомъ, сначала имѣвшіе религіозный характеръ, а потомъ мало по малу получившіе и свѣтское значеніе. Похоронныя и карнавальныя процессіи, къ которымъ можно присоединить и торжественные княжескіе въѣзды, сходны по своему великолѣпію. И другіе народы въ подобныхъ случаяхъ не щадили издержекъ и обнаруживали большую роскошь, но только въ Италіи процессіи устраивались по всѣмъ правиламъ искусства и имѣли глубокій смыслъ.

То, что изъ подобнаго рода процессій сохранилось до нашего времени, можно назвать только жалкими остатками. Какъ церковныя, такъ и царскія торжественныя процессіи почти совершенно утратили драматическій элементъ костюмированія; образованные классы, принимавшіе прежде дѣятельное участіе въ подобнаго рода торжествахъ, теперь, по разнымъ причинамъ, не находятъ въ нихъ больше удовольствія. Даже и во время карнавала не встрѣчаются уже такіе торжественные маскарадные поѣзды. Изъ того, что еще сохранилось до нашего времени, т. е. маски въ процессіяхъ нѣкоторыхъ братскихъ общинъ и торжественное празднество Св. Розаліи въ Палермо, ясно показываютъ, какъ высшее образованіе отдалилось отъ подобнаго рода вещей. Полнаго своего блеска достигли торжественныя процессіи въ XV столѣтіи, и здѣсь Флоренція первенствовала. По крайней мѣрѣ здѣсь были сдѣланы распредѣленія для общественныхъ представленій, которыя отличались художественной роскошью. Какъ напр. представленіе ада, на подмосткахъ, на баркахъ на рѣкѣ Арно, перваго мая, причемъ разъ мостъ подломился подъ зрителями. Также и то, что флорентинцы разъѣзжали по всей Италіи какъ устроители празднествъ, доказываетъ извѣстную степень ихъ совершенства.

Если мы будемъ отыскивать причину превосходства итальянскихъ торжествъ предъ иноземными, то въ первомъ ряду мы должны поставить способность итальянцевъ въ совершенствѣ изобрѣтать и носить маску и играть. Живописцы и скульпторы не только создавали сценическую обстановку, но и назначали костюмы и гримировку дѣйствующихъ лицъ. Вторая причина — общепонятность поэтическаго основанія. Представленіе мистерій было одинаково успѣшно на всемъ западѣ, потому что библейскія и легендарныя исторіи всѣмъ извѣстны; во всемъ же остальномъ Италія имѣла преимущество. Для выраженія отдѣльныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ идеаловъ имѣла она благозвучную лирическую поэзію, которая увлекала всѣхъ. Потомъ большая часть зрителей понимала миѳологическія фигуры и по крайней мѣрѣ легче отгадывала аллегорическія и историческія,

такъ какъ уровень образованія въ тогдашней лучшей части общества находился на очень высокой степени.

Это требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Всѣ средніе вѣка сплошь были періодомъ аллегоріи по преимуществу; ихъ теологія и философія трактовали о своихъ категоріяхъ какъ о самостоятельныхъ сущностяхъ; искусство и поэзія должны были дополнять то, чего еще не доставало индивидуальному творчеству. Въ этомъ отношеніи всѣ страны запада стояли на одинаковой ступени; изъ ихъ міра мысли могли повсюду возникать образы, только окраска и аттрибуты послѣднихъ по правилу оставались загадочными и недоступными большинству. Послѣднее обстоятельство часто встрѣчалось и въ Италіи нетолько въ теченіе всей эпохи возрожденія, но и послѣ нея. Приэтомъ довольствовались, если какой-нибудь предикатъ соотвѣтствующаго аллегорическаго образа неправильно переводился, аттрибутомъ. Даже Данте не былъ свободенъ отъ подобныхъ ложныхъ гиперболъ и темнота его аллегорій, какъ извѣстно, доставила ему извѣстность. Петрарка въ своемъ «Тріумфѣ» (Trionfi) по крайней мѣрѣ старается изображать ясно, хотя и въ сжатомъ видѣ, образы любви, ханжества, смерти, славы. Другіе, напротивъ, свои аллегоріи обставляли явно ошибочными аттрибутами. Напр. въ сатирахъ Винчигверра ненависть изображается съ «огромными желѣзными зубами», прожорливость — обкусывающей себѣ губы, съ взъерошенными волосами и т. п., вѣроятно, обозначая послѣднимъ аттрибутомъ свое равнодушіе ко всему, что не входитъ въ область ѣды. Нечего объяснять, въ какомъ жалкомъ состояніи находилось творчество (bildende Kunst) при подобныхъ несообразностяхъ. Оно считалось удачнымъ, если аллегорія выражалась въ какомъ-нибудь миѳологическомъ образѣ, т. е. въ искусственной формѣ, защищавшей себя отъ нелѣпости своимъ заимствованіемъ изъ древности, если вмѣсто войны представлялся Марсъ, вмѣсто страсти къ охотѣ—Діана. Въ это время въ искусствѣ и поэзіи также встрѣчались и лучше удававшіяся аллегоріи и затѣми фигурами подобнаго сорта, какія являлись на итальянскихъ праздничныхъ процессіяхъ, по крайней мѣрѣ слѣдуетъ признать то, что публика, руководствуясь своимъ исключительнымъ образованіемъ, такимъ же образомъ явно старалась уразумѣть ихъ. Въ другихъ мѣстахъ, особенно при Бургундскомъ дворѣ, тогда еще можно было встрѣтить весьма неясныя фигуры, даже простые символы, такъ какъ считалось особенной привилегіей быть или казаться посвященными въ нихъ. Въ прославленной «Свадьбѣ фазановъ» въ 1453 г. красивая молодая всадница, которая представляла собою царицу радости, — единственно утѣшительная аллегорія; коллосальныя украшенія столовъ съ автоматами и подвижными лицами или простыя куклы,

или олицетвореніе узкой морали. Въ нагой женской статуѣ въ буфетѣ, защищаемой львомъ, можно угадать Константинополь съ его будущимъ освободителемъ, герцогомъ бургундскимъ. Остальное, за исключеніемъ пантомимы (Язонъ изъ Колхиды), или слишкомъ глубокомысленно, или совершенно безсмысленно; описатель праздника, самъ Оливье, ѣхалъ костюмированный въ видѣ «церкви» въ башнѣ на спинѣ слона, котораго велъ великанъ, и распѣвалъ жалобныя пѣсни на побѣду невѣрныхъ.

Хотя аллегоріи *) итальянскихъ стихотвореній и празднествъ по вкусу и связи въ цѣломъ и стоятъ выше другихъ, но не въ нихъ главная сила. Рѣшительное преимущество заключалось гораздо болѣе въ томъ, что здѣсь, кромѣ олицетворенія общаго, были извѣстны и историческіе представители этого общаго. здѣсь были привычны какъ къ поэтическому перечисленію, такъ и къ художественному представленію многочисленныхъ личностей. Божественная комедія, «Тріумфъ» Петрарки и пр. произведенія основаны на этомъ; кромѣ того, всеобщее распространеніе образованія освоило націю съ этимъ историческимъ элементомъ.

И вотъ появляются эти фигуры въ торжественныхъ шествіяхъ, или вполнѣ индивидуальными, какъ опредѣленныя маски, или, по крайней мѣрѣ, какъ группы, какъ характеристическія дополненія одной главной аллегорической фигуры.

Мы начнемъ, быть можетъ, съ самаго перваго вида драматическихъ произведеній,—съ мистерій. Въ цѣломъ, онѣ сходны со всѣми европейскими мистеріями; и здѣсь на общественныхъ площадяхъ, въ церквахъ, въ монастырскихъ крытыхъ ходахъ воздвигались большіе подмостки, имѣвшіе наверху замыкавшійся рай, иногда внизу—адъ, а между ними собственно сцену; и здѣсь часто начинается библейская или легендарная драма вступительнымъ разговоромъ апостоловъ, отцовъ церкви, пророковъ и оканчивается, смотря по обстоятельствамъ, танцами. Что въ полукомичныхъ интермедіяхъ второстепенныхъ лицъ и въ Италіи не было недостатка, понятно само собою; но этотъ элементъ здѣсь не такъ преобладаетъ, какъ на сѣверѣ. Итальянцы были опытнѣе всѣхъ другихъ народовъ во всемъ, что касалось до поднятія и опусканія на искусственныхъ машинахъ, и уже въ XIV столѣтіи у флорентинцевъ существовали насмѣшливыя рѣчи, въ случаѣ неудачи. Скоро послѣ того изобрѣлъ Брунеллески для праздника Благовѣщенія въ Піацца С. Феличе тотъ невыразимо художественный аппаратъ, который представлялъ окруженный двумя рядами ан-

*) *Аллегорія* (греч. слово), иносказаніе, картинное выраженіе понятія или мысли; имѣетъ нѣкоторое сходство съ метафорою.

геловъ небесный сводъ, съ котораго спускался Архангелъ Гавріилъ въ миндалевидной машинѣ. Духовныя братства, которыя принимали на себя устройство, а частію и самое исполненіе мистерій, требовали, смотря по своему состоянію, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, содѣйствія всѣхъ возможныхъ пособій искусства. Тоже самое можно предполагать, когда на княжескихъ празднествахъ, вмѣстѣ со свѣтскою драмою или пантомимою, представлялись и мистеріи. При дворахъ Петра Ріаріо, Феррарскомъ и другихъ, представленія также отличались неслыханнымъ великолѣпіемъ. Напримѣръ: мистерія Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, въ Феррарѣ, во время бракосочетанія Альфонса съ искусственными подъемными мостами и фейерверкомъ. Мистерія Сусанны, Іоанна Крестителя и одной легенды у кардинала Ріаріо. Мистерія о Константинѣ Великомъ, въ папскомъ дворцѣ. Если мы представимъ себѣ сценическій талантъ и богатые костюмы актеровъ, изображеніе мѣстностей идеальными декораціями тогдашняго зодчества, лиственной рѣзьбы и ковровъ, наконецъ, на заднемъ планѣ великолѣпныя зданія большаго города, или изящные портики дворцовъ и монастырей, то получится роскошная картина. Но какъ отъ всѣхъ этихъ декорацій много потеряла свѣтская драма, точно такъ же непомѣрное преобладаніе театральности препятствовало высшему духовному развитію мистерій. Въ сохранившихся текстахъ находимъ мы, по большей части, очень бѣдную драматическую завязку съ нѣкоторыми отдѣльными прекрасными лирически-риторическими мѣстами; но нѣтъ и тѣни того величественнаго символическаго паренія, которымъ отличаются «Autos sacramentales» Кальдерона.

Быть можетъ, въ маленькихъ городахъ, при болѣе бѣдной обстановкѣ, эти духовныя драмы дѣйствовали сильнѣе на душу зрителя. Одинъ великій проповѣдникъ, Роберто, изъ Лечче, заканчиваетъ рядъ своихъ великопостныхъ проповѣдей, въ страстную пятницу, во время чумы 1448 года, въ Перуджіо, представленіемъ страданій Христовыхъ. Дѣйствующихъ лицъ было немного, но весь народъ рыдалъ. Эти представленія, въ которыхъ изображающій Христа актеръ является избитый, съ каплями крововаго пота, съ источающею кровь раною, можно поставить въ параллель картинамъ Маттео изъ Сіены и статуямъ Гвидо Маццони.

Причины для представленія мистерій, кромѣ извѣстныхъ большихъ церковныхъ праздниковъ, царскихъ бракосочетаній и др., были весьма различны. Напримѣръ, когда Бернардино изъ Сіены былъ причисленъ къ лику святыхъ, тогда на большой площади его родины, вѣроятно, былъ родъ драматическаго подражанія его канонизаціи и даровое угощеніе для всѣхъ. Или какой нибудь ученый монахъ празднуетъ полученіе

степени доктора богословія представленіемъ легенды патрона своего города. Король Карлъ VIII едва прибылъ въ Италію, какъ вдовствующая герцогиня савойская, Бланка, встрѣтила его въ Туринѣ полудуховной пантомимой; сперва представлена была пастушеская сцена «Законъ Природы», потомъ явились патріархи въ «Законѣ Милости» (Милосердія).

Но если кокое-нибудь торжество отличалось особеннымъ великолѣпіемъ, то это, безъ сомнѣнія, праздникъ тѣла Господня. Шествіе начиналось отъ огромной великолѣпной палатки у монастыря св. Франциска, направлялось по главной улицѣ, до соборной площади; кардиналы и богатѣйшіе прелаты раздѣляли между собою дорогу на участки и не только заботились о коврахъ, балдахинахъ, цвѣтахъ, но и устраивали нѣсколько сценъ, на которыхъ во время шествія представлялись небольшія историческія и аллегорическія сцены. Изъ повѣствованія не видно ясно, все ли представлялось людьми или употреблялись при этихъ представленіяхъ и фигуры (куклы); во всякомъ случаѣ издержки были огромныя. Такъ, напримѣръ, изображали распятаго Христа, окруженнаго поющими ангелами, Тайную вечерю, борьбу Архангела Михаила съ дьяволомъ; тутъ были и хоры ангеловъ, и колодцы съ виномъ. Гробъ Господень, со всею сценою воскресенія; наконецъ, на соборной площади гробъ Богородицы, который послѣ литургіи и благословенія открывался; окруженная славословящими ангелами, возносилась Пресвятая Дѣва въ рай, гдѣ Христосъ возлагалъ на главу Ея вѣнецъ и приводилъ къ Предвѣчному Отцу. Между всѣми представленіями на главной улицѣ особеннымъ великолѣпіемъ и аллегоріями отличались представленія въ участкѣ кардинала вице-канцлера Родериго Борджіо, впослѣдствіи папы Александра VI; здѣсь употребляема была шуточная пальба, пристрастіемъ къ которой отличалось семейство Борджіо.

Въ Римѣ, въ томъ же году, устроилась процессія, съ полученнымъ изъ Греціи черепомъ Св. Андрея. И въ этомъ случаѣ Родериго Борджіо отличался особеннымъ великолѣпіемъ; но вообще праздникъ этотъ имѣлъ скорѣе свѣтскій, мірской характаръ, потому что, кромѣ всегдашнихъ поющихъ ангеловъ, участвовали здѣсь и маски и «сильные люди», т. е. геркулесы, которые дѣлали разныя гимнастическія упражненія.

Празднества свѣтскія, или съ преобладающимъ свѣтскимъ характеромъ, давались исключительно при большихъ королевскихъ дворахъ и отличались изяществомъ и великолѣпіемъ. Но и здѣсь не было недостатка въ странныхъ, необыкновенныхъ явленіяхъ: напримѣръ, огромныя животныя, изъ которыхъ выходили цѣлыя толпы масокъ. Такъ при одной княжеской встрѣчѣ въ Сіенѣ, въ 1465 г., изъ золотой волчицы вышло двѣнадцать человѣкъ для

представленія балета; но вообще на всемъ былъ отпечатокъ художественнаго и поэтическаго. Всемірную извѣстность получили празднества, дававшіяся кардиналомъ Піетро Ріаріо, въ Римѣ, при проѣздѣ Леоноры Арагонской, невѣсты, принца Феррарскаго, Геркула. Собственно драматическія представленія здѣсь были мистеріи церковнаго содержанія, пантомимы же, напротивъ, были содержанія миѳологическаго. Здѣсь былъ Орфей со звѣрями, Персей и Андромеда, Церера, везомая драконами, Бахусъ и Аріадна, ѣдущіе на пантерахъ; воспитаніе Ахиллеса; балетъ знаменитой въ древности четы и танцы нимфъ; балетъ этотъ прерывался нападеніемъ центавровъ, которыхъ побѣждаетъ и прогоняетъ Геркулесъ. Одно маловажное обстоятельство, но могущее служить характеристическою чертою тогдашняго времени, есть слѣдующее: Если при всѣхъ празднествахъ являлись живыя фигуры въ видѣ статуй въ нишахъ, на колоннахъ или у колоннъ и тріумфальныхъ воротъ и потомъ эти статуи вдругъ начинали пѣть или декламировать, то имъ давали на это право естественный цвѣтъ ихъ лица и обыкновенная одежда; въ замкѣ Ріаріо разъ было, хотя и живое, но совершенно вызолоченное дитя, которое лило изъ фонтана воду. Разсказываютъ, что подобное дитя на одномъ флорентинскомъ праздникѣ, въ 1513 году, умерло вслѣдствіе усталости, а можетъ быть и золоченія! Бѣдный мальчикъ долженъ былъ изображать золотой вѣкъ.

Другія блестящія пантомимы въ этомъ же родѣ были въ Болоньѣ, во время бракосочетанія Ганнибала Бентиволіо съ Лукреціей д'Эсте, вмѣсто оркестра пѣли хоры; между тѣмъ какъ прекраснѣйшая изъ нимфъ Діаны перешла къ Юнонѣ, Венера танцовала со львомъ (переодѣтымъ человѣкомъ); при-этомъ декораціи изображали дѣйствительную рощу.

Въ Миланѣ Леонардо да-Винчи устраивалъ празднества въ честь герцоговъ и нѣкоторыхъ вельможъ; одна изъ его машинъ, которая, конечно, могла бы соперничать съ машиною Брунеллески, представляла въ колоссальныхъ размѣрахъ солнечную систему въ полномъ движеніи; каждый разъ, когда какая-нибудь планета приближалась къ Изабеллѣ, невѣстѣ меньшаго герцога, выходилъ изъ шара принадлежащій этой планетѣ богъ и пѣлъ, сочиненные придворнымъ поэтомъ, Беллинчіони, стихи (1489). На другомъ празднествѣ, въ 1493 году, парадировала модель конной статуи Франциска Сфорца, а именно надъ тріумфальными воротами на Кастельплацѣ. Изъ Вазари *) далѣе видно, какіе замысло-

---

*) Георгъ Вазари живописецъ, архитекторъ и писатель (1512—1574). Въ архитектурѣ прославился постройкою во Флоренціи великолѣпнаго зданія «Degli uffici».

ватые автоматы изобрѣлъ Леонардо для встрѣчи французскихъ королей. Но и другіе меньшіе города устраивали не менѣе торжественныя празднества. Когда, напримѣръ, герцогъ Борзо, въ 1453 году, прибылъ въ Реджіо для присяги, его встрѣтили у городскихъ воротъ съ огромною машиною, посредствомъ которой возносился Св. Просперъ—патронъ города, осѣненный поддерживаемымъ ангелами балдахиномъ; подъ нимъ вертящійся кругъ съ восемью ангелами; двое изъ нихъ испросили у святаго ключи города и скипетръ и передали то и другое герцогу. Затѣмъ слѣдовали подмостки, на которыхъ находился пустой тронъ; за нимъ стояла богиня правосудія, а за нею—геній; на углахъ четыре старца—законодателя, окруженные шестью ангелами со знаменами; а по обѣимъ сторонамъ вооруженные всадники также со знаменами. На другой колесницѣ, везомой единорогомъ, находилась Харита съ горящимъ факеломъ; обѣ эти аллегоріи предшествовали герцогу, но у собора св. Петра остановились; тогда съ фасада собора спустился къ герцогу св. Петръ съ двумя ангелами, возложилъ на главу его лавровый вѣнокъ и опять вознесся. И о другой, чисто церковной аллегоріи позаботилось духовенство; на двухъ колоннахъ стояли «Идолопоклонство» и «Дружба»; послѣ того, какъ послѣдняя, прекрасная молодая дѣвушка, сказала свое привѣтствіе герцогу, упала другая колонна вмѣстѣ со стоящею на ней статуей. Далѣе видимъ мы Цезаря съ семью прекрасными женщинами, изображающими добродѣтели, къ которымъ Борзо долженъ стремиться. Наконецъ прибыли къ собору; послѣ богослуженія сѣлъ Борзо на улицѣ на золотой тронъ, гдѣ часть уже названныхъ масокъ снова привѣтствовала его.

Въ заключеніе спустились къ нему съ близстоящаго зданія три ангела и съ пѣніемъ передали пальмовыя вѣтви, какъ символъ мира.

Обратимся теперь къ тѣмъ празднествамъ, въ которыхъ самая процессія составляетъ главное. Нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ церковныя процессіи подали поводъ къ костюмированію; были ли то дѣти, изображавшіе ангеловъ при перенесеніи иконъ и мощей, или лица, участвовавшіе въ изображеніи страданій Христовыхъ, какъ Самъ Христосъ, разбойники, воины и святыя жены. Но уже издавна въ этихъ церковныхъ торжествахъ замѣчается множество прибавленій чисто мірскаго свойства. Особенно замѣчателенъ, перешедшій еще изъ языческихъ временъ, Schiffwagen, который возили при всѣхъ возможныхъ торжествахъ, но который по преимуществу остался неотъемлемою принадлежностью карнавала. Само собою понятно, что такой корабль, роскошно убранный, приводилъ въ восторгъ зрителей, ни мало не заставляя думать

о первоначальномъ его значеніи, и когда напр. Изабелла англійская встрѣтилась со своимъ женихомъ, императоромъ Фридрихомъ II, въ Кельнѣ, выѣхало ей на встрѣчу нѣсколько такихъ Schiffwagen съ поющимъ духовенствомъ.

Духовныя процессіи не только могли быть украшаемы всякаго рода прибавленіями, но и просто замѣняемы шествіями духовныхъ.

Поводомъ для этого было, можетъ быть, шествіе для мистеріи актеровъ по главнымъ улицамъ одного города, но еще ранѣе и независимо отъ этого, быть можетъ, уже образовался родъ духовныхъ торжественныхъ шествій. Данте такъ описываетъ тріумфъ Беатриче съ двадцатью четырьмя старѣйшинами откровенія, четырьмя мистическими животными, тремя христіанскими и четырьмя главными добродѣтелями, св. Лукою, св. Павломъ и другими апостолами, что мы почти должны допустить дѣйствительное раннее существованіе подобныхъ шествій.

Яснымъ доказательствомъ можетъ служить колесница, на которой ѣдетъ Беатриче и которая въ призрачномъ лѣсу не только не была нужна, но можетъ показаться страшной; или Данте, быть можетъ, считаетъ колесницу существеннымъ символомъ торжества, и его стихотвореніе положило начало такого рода шествіямъ, форма которыхъ была заимствована изъ торжествъ римскихъ императоровъ? Но какъ бы то ни было, а во всякомъ случаѣ поэзія и богословіе съ пристрастіемъ придерживались символа. Савонарола въ своемъ «Торжествѣ креста» изображаетъ Христа на торжественной колесницѣ, надъ нимъ сіяющій шаръ Троицы, въ Его лѣвой рукѣ крестъ, въ правой оба завѣта, далѣе Пресвятая Дѣва Марія; передъ колесницей патріархи, пророки, апостолы и проповѣдники; по обѣ стороны мученики и отцы церкви съ раскрытыми книгами; за нимъ весь обращенный народъ; въ отдаленіи безчисленныя толпы враговъ, императоровъ, сильныхъ міра, философовъ, еретиковъ, всѣ побѣжденные, ихъ кумиры поврежденные, ихъ книги сожженныя. Изъ тринадцати элегій Сабеллико о Богоматери, въ девятой и десятой заключается подробное описаніе Ея торжественнаго шествія, особенно интересное по тому самому противопризрачному, дѣйствительному характеру, который реальная живопись XV ст. сообщаетъ подобнаго рода сценамъ.

Но гораздо чаще церковныхъ торжествъ совершались торжества, по образцу одного римскаго императорскаго шествія, какъ оно изображено на одномъ античномъ рельефѣ и описано у древнихъ писателей.

Кромѣ того были и дѣйствительные въѣзды побѣдоносныхъ завоевателей, которые праздновались очень торжественно, хотя иногда и противъ желанія самого тріумфатора. Франческо Сфор-

ца, въ 1450 году, при своемъ въѣздѣ въ Миланъ, имѣлъ настолько характера, чтобы отказаться отъ приготовленной для него торжественной колесницы. Альфонсо Великій при своемъ въѣздъ въ Неаполь отказался, по крайней мѣрѣ, отъ лавроваго вѣнка, которымъ, какъ извѣстно, не пренебрегъ Наполеонъ при своемъ коронованіи въ Notre Dame Во всемъ же остальномъ въѣздъ Альфонсо черезъ брешь въ стѣнѣ и потомъ по всему городу до собора былъ соединеніемъ античнаго, аллегорическаго и чисто шутовскаго. Запряженная четырьмя бѣлыми лошадьми колесница, на которой онъ сидѣлъ на тронѣ, была необыкновенно высока и совершенно вызолочена; двадцать патриціевъ несли палки золотаго парчеваго балдахина, который его осѣнялъ. Ту часть шествія, которую взяли на себя находившіеся тутъ флорентинцы, составили во-первыхъ нарядные молодые всадники, которые искусно владѣли копьями, колесница съ фортуной и семь добродѣтелей на лошадяхъ. У богини счастія по той же самой неумолимой аллегоріи, которой подчинялись иногда и художники, были волосы только на передней части головы, а находившійся на нижнемъ уступѣ колесницы геній, изображавшій быстрое исчезновеніе счастья, долженъ былъ поэтому держать ноги въ лоханкѣ съ водою. Затѣмъ слѣдовала толпа всадниковъ въ національныхъ костюмахъ разныхъ народовъ, и наконецъ на высокой колесницѣ, надъ вертящимся земнымъ шаромъ, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ, Юлій Цезарь, который итальянскими стихами объяснилъ королю всѣ аллегоріи и потомъ самъ присоединился къ шествію.

Въ заключеніе шестьдесятъ флорентинцевъ въ пурпуровыхъ одеждахъ. Потомъ слѣдовала толпа пѣшихъ каталонцевъ, а за ними везли огромную башню, дверь которой охранялъ ангелъ съ мечомъ; на верху стояли опять четыре добродѣтели; и каждая изъ нихъ отдѣльно пѣла королю привѣтствіе.

При въѣздѣ Людовика XII въ Миланъ, въ 1507 г., кромѣ неизбѣжной колесницы съ добродѣтелями, была и живая картина. Юпитеръ, Марсъ и покрытая большою сѣткой Италія, потомъ колесница съ трофеями и разныя другія.

Настоящіе тріумфальные въѣзды побѣдителей были только исключеніемъ. Но вообще всякое торжественное шествіе, совершалось ли оно въ память какого нибудь событія, и само по себѣ, почти всегда принимало характеръ и названіе „trionfo“. Удивительно, что сюда не включили и погребальныя процессіи.

Сперва во время карнавала и при другихъ случаяхъ представлялись тріумфы знаменитыхъ древнеримскихъ полководцевъ. Такъ во Флоренціи, при Лоренцо Великолѣпномъ, представляли тріумфъ Павла Эмилія, а при посѣщеніи Льва X трі-

умфъ Камилла, оба подъ руководствомъ живописца Франческо Granacci. Въ Римѣ, первое въ совершенствѣ устроенное торжество въ этомъ родѣ былъ тріумфъ Августа послѣ его побѣды надъ Клеопатрой, при Павлѣ II, причемъ, кромѣ веселыхъ и миѳологическихъ масокъ, въ которыхъ не было недостатка и въ древнихъ тріумфахъ, явились и другія принадлежности: плѣнные короли, шелковыя таблицы съ народными и сенатскими указами, по античному образцу устроенный сенатъ съ эдилами, преторами, квесторами и т. д., четыре колесницы съ поющими масками и конечно колесница съ трофеями. Другія представленія вообще болѣе олицетворяли всемірное владычество Рима, и въ виду дѣйствительно грозившей отъ турокъ опасности являлись толпы темныхъ турокъ на верблюдахъ. Позже, въ карнавалъ 1500 года велѣлъ Цезарь Борджіо представить тріумфъ Юлія Цезаря. Прекрасные и изящные тріумфы устроиваемы были двумя соперничавшими корпораціями въ 1513 году, для празднованія избранія Льва X: одинъ изображалъ три возраста жизни человѣческой, другой вѣка, остроумно изображенные въ пяти картинахъ изъ римской исторіи и двухъ аллегоріяхъ. Фантастическое украшеніе колесницъ, если въ этомъ принимали участіе флорентинскіе художники, производило такое впечатлѣніе, что періодическое повтореніе подобныхъ зрѣлищъ было очень желательно. Прежде подвластные города каждый годъ въ день присяги просто отдавали свои символическіе дары (дорогія ткани и восковыя свѣчи), теперь же купеческое сословіе велѣло сдѣлать пока десять колесницъ (къ которымъ впослѣдствіи прибавились еще многія), не столько для того чтобы, везти дары, но гораздо болѣе для того, чтобы показать ихъ символическое значеніе, и знаменитый живописецъ Андрей дель Сарто, который украшалъ нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ это превосходно. Такія колесницы съ дарами и трофеями составляли уже принадлежность всякаго празднества. Жители Сіены праздновали въ 1477 г. союзъ между Феррантою и Сикстомъ IV тѣмъ, что возили по городу колесницу, на которой на латахъ и другомъ оружіи стоялъ человѣкъ, изображавшій бога міра.

Венеціанскимъ празднествамъ ѣзда по водѣ придала чудную, фантастическую прелесть. Выѣздъ буцентавра (гондолы дожа) для встрѣчи княженъ феррарскихъ представляется намъ сказочнымъ явленіемъ; передъ нимъ ѣхало множество гондолъ, украшенныхъ коврами и гирляндами, съ великолѣпно костюмированною молодежью; на висячихъ машинахъ носились геніи, далѣе, внизу были группы тритоновъ и нимфъ; вездѣ пѣніе, благоуханіе, вездѣ развѣвались затканныя золотомъ знамена. За буцентавромъ слѣдовало такое множество разнаго рода гондолъ, что

на милю кругомъ не было видно воды. Изъ прочихъ празднествъ, кромѣ вышеупомянутой пантомимы, заслуживаетъ вниманія, какъ нѣчто новое, «регата» *) при участіи пятидесяти сильныхъ дѣвушекъ. Въ XVI столѣтіи аристократія была раздѣлена на особыя корпораціи, для исполненія празднествъ, главную часть которыхъ составляла какая нибудь необыкновенная машина на кораблѣ. Такъ напр., въ 1541 году, на одномъ празднествѣ, даваемомъ Семпитерни, двигался по большому каналу огромный шаръ *«вселенной»*, въ открытой внутренности котораго устроенъ былъ великолѣпный балъ. Также и карнавалъ отличался здѣсь великолѣпными балами и всякаго рода представленіями. Иногда на площади Св. Марка производились не только турниры, но и Trionfi. Въ одномъ празднованіи мира участвовали и благочестивыя братства. Здѣсь, между золотыми канделябрами съ красными восковыми свѣчами, между толпами музыкантовъ и крылатыхъ юношей съ золотыми чашами и рогами изобилія, была колесница, на которой Ной и Давидъ сидѣли вмѣстѣ на тронѣ; потомъ слѣдовалъ Абигааль, который велъ нагруженнаго сокровищами верблюда, и вторая колесница съ группою, имѣвшею политическое значеніе: Италія между Венеціею и Лигуріею, и на возвышеніи три генія съ гербами союзныхъ князей.

Самый карнавалъ въ XV ст., можетъ быть, нигдѣ не былъ такъ разнообразенъ, какъ въ Римѣ. Здѣсь скачки и ристалища были раздѣлены на всевозможныя степени; здѣсь были скачки лошадей, ословъ, буйволовъ, здѣсь были состязанія старцевъ, юношей, жидовъ и т. д. Павелъ II угощалъ обѣдомъ массы народа передъ Піацца ди Венеція, гдѣ онъ жилъ. Игры на Піацца Навона, которыя, можетъ быть, не прекращались съ самыхъ древнихъ временъ, стали принимать великолѣпный воинственный характеръ; здѣсь производились сраженія всадниковъ и парады вооруженныхъ гражданъ. Карнавалъ продолжался иногда нѣсколько мѣсяцевъ (при Александрѣ VI одинъ разъ отъ октября до поста). Сикстъ IV не стѣснялся проходить между толпами масокъ въ самыхъ многолюдныхъ частяхъ города, на Campo Fiore и у Banchi, но намѣренный пріѣздъ масокъ въ Ватиканъ онъ отклонилъ. При Иннокентіи VIII безнравственность кардиналовъ достигла крайнихъ предѣловъ; въ карнавалъ 1491 г. посылали они другъ другу кареты съ великолѣпно наряженными масками, разумѣется, ихъ сопровождали всадники. Кромѣ карнавала, римляне кажется первые стали употреблять факелы въ

*) Регатою называлась въ Италіи гонка судовъ, первоначально устроившаяся въ Венеціи.

разныхъ процессіяхъ. Когда Пій II возвращался съ конгреса въ Мантую, въ 1459 г. его встрѣтилъ весь народъ съ факелами, пламя которыхъ огненными кругами двигалось вокругъ дворца.

Флорентинскій карнавалъ превосходилъ римскій извѣстнымъ родомъ представленій и памятники которыхъ сохранились въ литературѣ. Между толпами пѣшихъ и конныхъ масокъ является фантастическая форма колесницы и на ней или одна аллегорическая фигура, или цѣлая группа; напр.: ревность съ четырьмя, вооруженными очками, лицами, четыре темперамента, съ принадлежащими имъ планетами, парки, благоразуміе, преобладающее надъ надеждою и боязливостью, которыя лежатъ передъ нимъ связанныя; четыре стихіи, возрасты человѣческіе, времена года и т. д.; также знаменитая колесница смерти съ гробами, которые открываются. Или представлялась великолѣпная миѳологическая сцена, напр Бахусъ и Аріадна, Парисъ и Елена и т. д. Наконецъ хоры людей, которые представляли или сословіе, или состояніе, или категорію; напр. нищіе, охотники съ нимфами, бѣдныя души, бывшія безжалостными женщинами, пустынники, астрологи, бродяги, черти. Самыя пѣсни, которыя собраны и сохранены, иногда въ патетической, иногда въ шутливой, а иногда и въ очень нескромной формѣ объясняютъ значеніе процессіи. Нѣкоторыя изъ самыхъ дурныхъ приписываются Лоренцо magnifico, вѣроятно потому, что настоящій ихъ авторъ не рѣшился себя назвать; достовѣрно однако то, что онъ написалъ прекрасную пѣсню къ сценѣ Бахуса и Аріанды, напѣвъ который изъ XV столѣтія перешелъ къ намъ, какъ грустный отголосокъ непродолжительнаго блеска самаго возрожденія:

Quanto è bella giovenezza,
Che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman non c'e certezza.

Какъ прекрасна юность, скоро проходящая, которая хотѣлабъ быть постоянно веселою, но кто поручится ей, что завтра принадлежитъ ей.

(Die Kultur der Renaissance in Italien. Burckhardt. Basel, 1860, Seite 397—423).

IV.

Эпоха реформаціи.

---

1 Состояніе западной церкви въ концѣ XV столѣтія.— Значеніе власти папской.—Причины первой оппозиціи, возникшей въ Германіи.—Нравы духовенства. — Народная литература. — Вліяніе классическихъ писателей. — Возстаніе противъ схоластики университетовъ.—Эразмъ и Рейхлинъ.

Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, Восточная Европа, потрясаемая набѣгами варваровъ, не могла достигнуть самостоятельной дѣятельности; только въ западной сосредоточились всѣ элементы общественнаго образованія; тамъ мало по малу развилось стремленіе къ наукамъ и искусствамъ, къ законамъ, которые Провидѣніе внушило человѣчеству: прошедшее распалось, сѣмена новой жизни начали приносить плоды.

Очень естественно, что пробудившійся міръ началъ распространять свои предѣлы: въ концѣ XV вѣка представилось ему новое поприще безграничной дѣятельности — открытіе обѣихъ Индій. Всѣ элементы европейскаго образованія, изученіе древнихъ, успѣхи въ техническихъ искусствахъ, духъ торговыхъ и политическихъ предпріятій, религіозное стремленіе — стали дѣйствовать за-одно. Вслѣдствіе этого, необходимо измѣнились отношенія народовъ; западныя націи пріобрѣли новое, высокое значеніе. Выше всего стала религія; христіанство, въ формахъ латинской церкви, пріобрѣло быстрое неожиданное вліяніе въ отдаленныхъ странахъ. Для судьбы человѣчества двойную важность получило такое усиленіе римской церкви, потому что представителемъ ея былъ папа, могуществу котораго никто не смѣлъ противиться. Ученіе и правила римской церкви окончательно утвердились одновременно съ великою іерархическою распрею. Съ XII в. утвердилось семь таинствъ, относящихъ къ церкви всѣ великіе моменты человѣческой жизни; со всѣмъ тѣмъ важнѣйшее изъ нихъ, таинство священства, и тогда еще не было торжественно признано на западѣ, не смотря на положеніе синода, который при Григоріи VII такъ много содѣйствовалъ къ

утвержденію іерархіи. Съ XIII вѣка, началось рѣшительное отдѣленіе духовныхъ отъ свѣтскихъ и священника начали считать посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ. Въ ту же эпоху вопросъ о безбрачіи священниковъ сдѣлался основнымъ закономъ, и свѣтскимъ отказано въ пріобщеніи крови Христовой; такъ какъ духовенство говорило, что причащеніе тѣла и крови Христовой хранится только для достойнѣйшихъ, т. е. для служителей Божіихъ. Такимъ образомъ, духовенство, отдѣлясь отъ сословій свѣтскихъ, пріобрѣло надъ ними громадное значеніе, овладѣвъ исключительно проповѣдью евангелія и таинствами. Непринадлежащіе къ духовенству могли только чрезъ его посредство надѣяться на полученіе благодати Божіей. Прежде всего, въ началѣ XIII в., каждому вмѣнено было въ обязанность исповѣдывать грѣхи свои священнику по крайней мѣрѣ разъ въ годъ; это дало духовенству власть надъ совѣстью каждаго. Кто же могъ воспользоваться этимъ и пріобрѣсть власть еще большую? Разумѣется, папа, глава всѣхъ духовныхъ, глава церкви Христовой, обнимающей небо и землю, все живое и мертвое.

Въ то же время, развилось это ученіе; Иннокентій III не объяснялъ своихъ поступковъ отъ того, что они, по словамъ его, были выше всего человѣческаго, были внушеніемъ Бога,—воля папы замѣнила всѣ высшіе законы, церковные и свѣтскіе, судъ его сталъ приговоромъ неба; безъ сомнѣнія, Иннокентій III могъ дѣйствовать такъ потому только, что власть папская одержала тогда верхъ надъ императорскою и не видѣла ничего, что могло бы ей воспротивиться. Какъ велико было вліяніе папы, можно судить по словамъ писателей того времени. І. Торквемада говоритъ, что сомнѣваться въ могуществѣ папы все равно, что сомнѣваться въ Св. писаніи, которое сильно только чрезъ посредство церкви, глава которой—папа. Въ началѣ XVI в., въ сочиненіи доминиканца Ѳомы Гаэтскаго сказано, *что церковь есть природная рабыня папы* и пр. Доминиканцы перенесли это ученіе въ университеты и поддерживали его огнемъ и мечемъ: послѣ І. Гусса еще многіе пали жертвами католицизма; къ тому же странное противорѣчіе представляютъ папы, каковы Александръ VI, Левъ X, которые, будучи сами болѣе всѣхъ склонны къ свѣтской жизни, возобновили инквизицію со всѣми ея ужасами.

Ни одинъ человѣкъ разсудительный, съ неослѣпленной фантазіей, не могъ пожелать, чтобы подобный порядокъ вещей остался неизмѣннымъ въ Европѣ, чтобъ не возникла вѣчная истина, чистое основаніе вѣры; могъ ли кто думать, чтобъ спасеніе міра зависѣло отъ эгоистическаго стремленія западной церкви? Хорошо извѣстно было всѣмъ, что восточные христіане противи-

лись соединенію, между прочимъ боясь властолюбія римскаго престола; да и въ самыхъ нѣдрахъ католической церкви пастыри скрывали евангеліе, не позволяли читать его свѣтскимъ и запрещали даже духовнымъ передавать его на отечеств. языкѣ, между тѣмъ какъ съ распространеніемъ христіанства въ другихъ земляхъ возникло желаніе узнать его и возстановить въ первобытной чистотѣ. Германцы съ жаромъ принялись за разрѣшеніе этого вопроса; и тогда различные моменты народной жизни соединились и внушили Германіи рѣшительную оппозицію папскому престолу.

Первый шагъ оппозиціи сдѣланъ былъ въ 1487 году, когда къ папѣ отправлено было прошеніе объ уничтоженіи сбора десятой части доходовъ, которымъ онъ самовольно обложилъ всю Германію. Въ 1495 году, при мысли объ учрежденіи государственнаго сейма, предполагалась постановить въ обязанность президенту, чтобъ онъ защищалъ городъ противъ тягостныхъ притязаній западной церкви. Когда, въ 1498 году, сословія соединились на самое короткое время съ королемъ, тогда съ общаго согласія предположено было потребовать у папы, чтобъ онъ предоставилъ столь щедро возвышаемыя имъ подати въ ихъ распоряженіе для войны съ Турками. Въ 1500 году (когда состоялся сеймъ), дѣйствительно, отправились послы съ этимъ требованіемъ, къ которому присовокуплено было прошеніе объ уничтоженіи незаконныхъ поборовъ, противныхъ благу народа; когда же явился папскій легатъ для празднованія перваго года новаго столѣтія, ему не позволили дѣйствовать безъ разрѣшенія мѣстнаго правительства, чтобъ не произошло чего нибудь противнаго его пользѣ. Легатъ настаивалъ на своемъ, и правительство дало ему коммиссаровъ для сбора денегъ, долженствовавшихъ поступать въ казну государственную. Императоръ Максиміліанъ принялъ дѣятельное участіе въ соборѣ, созванномъ въ Пизѣ, въ 1511 г., называлъ себя защитникомъ и блюстителемъ церкви, обѣщалъ членамъ собора покровительство и милость до окончанія ихъ переговоровъ, «которые, какъ онъ надѣется, будутъ угодны Богу и заслужатъ похвалу людей.» Воскресла прежняя надежда, что положенія собора произведутъ благодѣтельная перемѣны въ управленіи церкви; но не долго слабый Максиміліанъ былъ покровителемъ рождающихся идей; помирившись съ папою Юліемъ II, онъ потребовалъ у имперскихъ членовъ пособія для потушенія ереси, возжженной пизанскимъ соборомъ. Итакъ первая оппозиція не удалась, потому что не было истинной, самобытной дѣятельности; но первая неудача не поселила отчаянія въ успѣхѣ: живо сохранилось въ сердцахъ стремленіе къ независимости и жалобы на церковную тиранію раздавались все громче и громче. Геммерлинъ, котораго сочиненія

вездѣ читались съ жаромъ, представляетъ огромный перечень обмановъ и ухищреній папскаго двора. Поистинѣ, нельзя себѣ представить, до какой степени достигло корыстолюбіе западнаго духовенства: по разсчету, сдѣланному на сеймахъ, до 300.000 гульденовъ ежегодно переходили въ папскую казну, за исключеніемъ огромныхъ суммъ, платимыхъ епископами при ихъ посвященіи, за исключеніемъ сбора съ приходовъ, поступавшихъ туда же. Къ чему послужили всѣ эти пожертвованія? Христіанство въ короткое время потеряло множество земель и городовъ и безпрерывно претерпѣвало лишенія со стороны Турокъ: еслибъ Германія имѣла въ рукахъ своихъ эти суммы, она иначе могла бы встрѣтить врага своего!

Къ жалобамъ на корыстолюбіе духовенства присоединились споры относительно отправленія правосудія свѣтскаго и духовнаго, особенно въ Саксоніи, гдѣ, кромѣ трехъ туземныхъ епископовъ, право суда имѣли архіепископы майнцскій и пражскій, епископы Вюрцбурга, Бамберга, и др. Замѣшательство происходило преимущественно отъ того, что всѣ распри между духовными и свѣтскими рѣшаемы были одними духовными судами, которые стѣсняли свѣтское правосудіе. Еще въ 1454 году, герцогъ Вильгельмъ жаловался на это стѣстеніе и представлялъ о томъ папѣ; въ 1490 году повторилась та же жалоба съ присовокупленіемъ замѣчанія, что народъ приходитъ въ нищету отъ безпрерывныхъ процессовъ. Наконецъ, въ 1518 г. герцоги обѣихъ линій, Георгъ и Фридрихъ, настоятельно требовали, чтобъ духовные судьи ограничились духовными дѣлами, чтобъ одни свѣтскіе судьи имѣли власть надъ свѣтскими, и чтобъ сеймъ рѣшалъ, что̀ должно относиться къ дѣламъ свѣтскимъ и что̀ къ духовнымъ. Впрочемъ не одна Саксонія желала подобныхъ измѣненій: это было всеобщимъ требованіемъ, поглотившимъ вниманіе всѣхъ послѣдующихъ сеймовъ.

Особенно города отягощены были привилегіями духовенства; и дѣйствительно, что можетъ быть непріятнѣе для благоустроеннаго государства, какъ видѣть въ предѣлахъ своихъ особенное общество, которое не признаетъ его законовъ и не считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать его постановленіямъ? Церкви были убѣжищами для преступниковъ, монастыри – сборищами преступной молодежи; даже появились духовные, которые, пользуясь привилегіею не платить пошлины, занимались торговлею и, къ великому соблазну истинно-благочестивыхъ людей, заводили шинки; а если кто-нибудь вмѣшивался въ ихъ беззаконныя дѣла, тому они грозили проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви. При такихъ важныхъ злоупотребленіяхъ духовной власти, обнаружились и прочіе поступки недостойнаго духовенства; съ какимъ жаромъ ратуетъ Геммерлинъ противъ неслыханнаго

приращенія богатства монаховъ, опустошающихъ цѣлыя деревни, противъ множества праздниковъ, противъ безбрачія, которое развратило нравы западнаго духовенства, противъ безчисленнаго множества священниковъ, которыхъ въ одномъ Констанцѣ посвящалось ежегодно до 200!

Безпорядки зашли такъ далеко, что самые обычаи духовенства оскорбляли общественную нравственность. Священники, жившіе въ беззаконныхъ связяхъ и обремененные дѣтьми, продавали разрѣшеніе грѣховъ, а потому, вмѣсто уваженія къ своему сану, возбуждали къ себѣ презрѣніе; большая часть людей, вступавшая въ монашество, искала спокойной, безпечной жизни; всѣ говорили, что духовенство беретъ изъ всѣхъ сословій только одно пріятное и убѣгаетъ всего тягостнаго: у рыцарей прелатъ заимствуетъ блестящія одежды, огромную свиту, великолѣпные поѣзды, соколиную охоту; съ женщинами раздѣляетъ онъ красивые покои и сады, но не вѣдаетъ ни тяжести латъ, ни трудовъ домохозяйства. Отсюда произошла на Западѣ и пословица: «кто хочетъ быть доволенъ на одинъ разъ, тотъ убей курицу; кто хочетъ доставить себѣ спокойствіе на одинъ годъ, тотъ возьми себу жену, а кто на всю жизнь, сдѣлайся священникомъ». Такихъ пословицъ ходило множество въ народѣ: ими наполнены брошюры того времени.

На литературѣ народной вполнѣ отразился оппозиціонный духъ, стремившійся поразить злоупотребленія, которыя становились невыносимыми. Чтобы имѣть доказательства справедливости сказаннаго нами, достаточно назвать Ганса Розенблюта и Себастіана Бранта, «Eulenspiegel» (Игры на Рождество Христово) и передѣлку «Reineke Fuchs» (лисица Рейнеке) 1498 года. «Игры на Рождество Христово» Розенблюта отличаются тѣмъ же характеромъ: онъ выводитъ на сцену турецкаго султана и заставляетъ его возвѣщать истину всѣмъ его окружающимъ. Успѣхъ «Eulenspiegel» зависѣлъ не отъ грубыхъ шутокъ его, но отъ ироніи, разлитой на дѣйствія всѣхъ сословій; въ этомъ же духѣ усвоилъ себѣ передѣлыватель басню о лисицѣ; онъ видитъ въ ней символъ недостатковъ человѣческаго общества и разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ. При первомъ взглядѣ на «Narrenschif» Бранта, вы можете усмотрѣть то же направленіе. Это не насмѣшка надъ глупостями частныхъ лицъ, — нѣтъ! Съ одной стороны, вы видите пороки, преступленія, съ другой—высокое, пламенное стремленіе возвыситься надъ пошлою, вседневною жизнью, когда напр. всѣ помышленія направлены на изслѣдованіе земли и городовъ, когда берется циркуль для измѣренія, какъ далеко простерлась земля, какъ широко раскинулось море. Слава и красота не заслуживаютъ уваженія: онѣ пройдутъ; «останется одна только наука».

Во всѣхъ этихъ твореніяхъ осмѣяны духовные, ихъ домашняя жизнь, ихъ общественныя отношенія,—словомъ все, что касается до католическихъ монастырей и монаховъ. Оппозиція, явившаяся въ формѣ шутки и находившая себѣ пищу въ понятіяхъ народа, сдѣлалась главнымъ элементомъ его, утвердилась крѣпко и непосредственно слилась со всѣми явленіями жизни. Замѣшательство и неустройство, видимыя вездѣ въ общественныхъ отношеніяхъ, пробудили естественнаго противника—здравый умъ человѣческій, который возникъ въ глубинѣ націи, и хотя онъ проявлялся въ бюргерскихъ, прозаическихъ, низкихъ формахъ, но представилъ собою истину, сдѣлался двигателемъ міровыхъ явленій.

Изумительно было въ то время стараніе Италіи воскресить прекрасные образы древности, соперничествовать съ великими памятниками искусствъ Греціи и древняго Рима; но не менѣе изумителенъ и несравненно болѣе важенъ въ исторіи человѣчества порывъ національнаго духа, образовавшагося въ продолженіе столѣтій въ своемъ внутреннемъ дѣйствованіи, сорвавшаго цѣпи чуждаго вліянія и возвѣстившаго міру вѣчныя истины, какъ плоды собственнаго сознанія.

Въ Германіи тоже не пренебрегали требованіями формы. Въ «Рейнеке» замѣтно, что передѣлыватель избѣгалъ всѣхъ принадлежностей романтической поэзіи, старался представить сцены обыкновенной жизни, старался быть общепонятнымъ, народнымъ. Себастіанъ Брантъ неподражаемъ въ нравоученіяхъ и поговоркахъ; онъ умѣетъ однообразію мыслей своихъ придать рѣзкое разнообразіе впечатлѣній; риѳмы его текутъ плавно, сливаются въ стройную гармонію. «Здѣсь» говоритъ Гейлеръ «соединено пріятное съ полезнымъ—то сосуды чистаго вина, то на драгоцѣнныхъ блюдахъ царскія яства». И несмотря на все это, главный предметъ остается все тотъ же—оппозиція, составленная семейною нравственностію и здравымъ разсудкомъ противъ злоупотребленій общественной жизни и развращенія времени.

Не одна народная литература подвизалась на этомъ поприщѣ: ученая приняла такое же и, можетъ быть, еще болѣе рѣшительное направленіе. Въ этомъ отношеніи, важнѣе всего вліяніе Италіи; тамъ ни схоластика, ни романтическая поэзія не достигли совершеннаго преобладанія; въ Италіи сохранилось воспоминаніе древности, которое развилось въ XV вѣкѣ, заняло всѣ умы и дало новую жизнь литературѣ. Подобное развитіе подѣйствовало и на Германію. Нѣмцы видѣли, что воспитанники итальянскихъ грамматиковъ и риторовъ презираютъ ихъ, и сами почувствовали, что говорятъ и пишутъ очень дурно. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что подвигнутые соревнованіемъ умы

рѣшились искать просвѣщенія, что молодежь толпами отправлялась въ Италію учиться мудрости и древнимъ языкамъ; изъ этой толпы вышелъ человѣкъ даровитый, усвоившій себѣ все классическое образованіе того времени — Рудольфъ Гуэсманъ, прозванный Агриколою; столь сильно было вліяніе, имъ пріобрѣтенное, что его въ школахъ уважали наравнѣ съ Виргиліемъ. Онъ и друзья его старались объ образованіи народа, завели школы поэзіи въ Нюрнбергѣ, Ульмѣ, Франкфуртѣ и другихъ городахъ. Трудно повѣрить, что эти словесники умѣли держать въ порядкѣ и посвящать въ таинства науки суровую молодежь, жившую большею частію подаяніемъ, неимѣвшую книгъ и странствовавшую изъ одного города въ другой, и что изъ среды этой молодежи могли явиться великіе ученые; достаточно уже и того, что они стремились всѣми силами къ распространенію общественнаго образованія. Между тѣмъ, схоластика университетовъ, овладѣвшая элементарнымъ преподаваніемъ, оставалась еще твердою на своемъ мѣстѣ, и, слѣдовательно, необходимо должны были возгорѣться распри между старымъ и новымъ гуманнымъ способомъ преподаванія, распри, которыя не могли ограничиться однимъ языкомъ, но должны были захватить всѣ области человѣческаго знанія.

Въ это время выступилъ на поприщѣ дѣятельный человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою истребленію схоластики въ университетахъ и монастыряхъ, первый писатель, принадлежавшій къ оппозиціи въ новѣйшемъ значеніи этого слова: *Эразмъ Роттердамскій*.

Въ первыя тридцать лѣтъ жизни своей, Эразмъ находился въ безпрерывномъ противорѣчіи между монастырскими западными правилами и образомъ ученія того времени; можно даже сказать, что онъ родился въ этомъ противорѣчіи: отецъ его никогда не могъ жениться на его матери, потому что назначенъ былъ для монастыря; самого его не пускали ни въ какой университетъ, а держали въ одномъ изъ монастырскихъ учебныхъ заведеній, которое скоро сдѣлалось недостаточнымъ для его пылкой души; сверхъ того, всѣми силами старались склонить его къ духовному званію. Онъ вполнѣ почувствовалъ все свое угнетеніе, и счелъ уже освобожденіемъ, когда ему удалось получить мѣсто въ одномъ изъ парижскихъ коллегіумовъ; однакожъ и здѣсь положеніе его не улучшилось: онъ долженъ былъ выслушивать схоластическія чтенія и диспуты и въ добавокъ, какъ самъ жалуется, употреблять дурную пищу, совершенно разстроившую его здоровье. Здѣсь, однако же, онъ достигъ собственнаго сознанія; еще мальчикомъ, по какому-то инстинкту предугадывалъ онъ превосходство новаго образа мыслей; теперь же усвоилъ его себѣ съ ничтожными вспомогательными средствами, но

съ вѣрнымъ взглядомъ, отличающимъ истинное дарованіе. Здѣсь онъ пріобрѣлъ легкую и плавную дикцію по образцу древнихъ и превзошелъ правильностію и граціею языка всѣ тогдашнія знаменитости Парижа; здѣсь разорвалъ онъ узы, привязывавшія его къ схоластикѣ: онъ предался искусству жить въ томъ значеніи, въ какомъ самъ понималъ его. Занимаясь преподаваніемъ, онъ вошелъ въ связи, упрочившія его будущность; потомъ обнародовалъ нѣкоторыя сочиненія, пріобрѣтшія ему поклонниковъ и покровителей, потому что хорошо понималъ, что любитъ и чего требуетъ публика. Такимъ образомъ, онъ совершенно предался литературѣ, составлялъ учебники сообразно съ новою методою, занимался переводами съ греческаго языка, который въ то время изучилъ основательно, и издалъ творенія древнихъ писателей; въ своихъ же собственныхъ сочиненіяхъ онъ подражалъ то Лукіану, то Теренцію, и, несмотря на это, у него вездѣ проявляется собственно ему принадлежащій духъ тонкой наблюдательности. Болѣе же всего занимало публику направленіе, имъ избранное.

Всю обычную горечь противъ ханжества того времени, весьма понятную по обстоятельствамъ его жизни, излилъ Эразмъ въ свои произведенія, не такъ, однакожъ, чтобъ это негодованіе казалось главнымъ его побужденіемъ; напротивъ, оно выражалось у него какъ-то косвенно, неожиданно, часто въ пылу ученаго диспута, но всегда съ увлекательнымъ, неподражаемымъ остроуміемъ. Особенно же онъ утвердилъ свое вліяніе представленіями шуточными, которыя сдѣлались народными и положили печать свою на всѣ дѣйствія современнаго ему человѣчества. Онъ выводитъ на сцену Морію, дочь Плутуса, родившуюся на счастливомъ островѣ: она владычица сильнаго государства, къ которому принадлежатъ всѣ сословія свѣта. Она скрывается между всѣми сословіями, но дольше и охотнѣе всѣхъ остается между духовными, хотя они, будучи ей всѣмъ обязаны, не хотятъ признать ея благодѣяній. Она насмѣхается надъ лабиринтомъ діалектики, въ которомъ блуждаютъ ученые, надъ силлогизмами, которыми они думали поддержать западную церковь, какъ Атласъ поддерживаетъ небо, и надъ рвеніемъ и жестокостью, съ которыми они преслѣдуютъ каждое несогласное съ ними мнѣніе; далѣе, нападаетъ на невѣжество, нечистоту, странныя и смѣшныя потребности католическихъ монаховъ, ихъ грубыя и ругательныя проповѣди; смѣло задѣваетъ она и римскій дворъ и самого папу, объясняя, что онъ призваніемъ своимъ почитаетъ одни удовольствія. Между гравюрами, которыми украсилъ эту книгу Гансъ Гольбейнъ, является и папа, увѣнчанный тіарою.

Духъ времени ясно выразился въ этомъ сочиненіи: потому-то оно и произвело необыкновенное дѣйствіе; еще при жизни

Эразма, разошлось 27 изданій; оно переведено было на всѣ языки и послужило къ развитію анти-католическаго духа, характеризующаго ту эпоху. Вмѣстѣ съ вліяніемъ народнымъ, Эразмъ соединилъ глубокое вліяніе ученое. Мы уже сказали выше, что изученіе греческаго языка пробудилось въ Италіи въ XV вѣкѣ и, перешедши, вмѣстѣ съ латинскимъ, въ Германію и Францію, расширило для всѣхъ живыхъ и пытливыхъ умовъ ограниченный горизонтъ ученія западной церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ представило имъ новые, блестящіе пути. Эразму понравилась идея итальянцевъ, что науками должно заниматься по древнимъ: географіею по Страбону, медициною по Гиппократу, философіею по Платону, а не по сухимъ и неполнымъ учебникамъ, бывшимъ тогда въ общемъ употребленіи; онъ пошелъ еще далѣе, требовалъ, чтобы правила религіи преподавались не по книгамъ Скотта и Ѳомы, но по писаніямъ св. отцевъ греческой церкви и преимущественно по книгамъ Новаго Завѣта. По примѣру Лаврентія Валлы, имѣвшаго большое вліяніе на Эразма, онъ доказывалъ, что невозможно придерживаться латинской библіи, наполненной множествомъ ошибокъ, и приступилъ самъ къ великому дѣлу *изданія греческаго текста*, который до тѣхъ поръ не былъ основательно извѣстенъ на западѣ. Онъ желалъ, по его собственному выраженію, обратить теологію къ ея источникамъ; хитро-построенной системѣ онъ указалъ простоту начала, изъ котораго она произошла и къ которому необходимо должна возвратиться. Онъ тѣмъ болѣе могъ успѣть въ своихъ предпріятіяхъ, что показывалъ злоупотребленія, имъ порицаемыя, и за ними—не страшную пропасть, но улучшеніе вовсе незатруднительное и, сверхъ того, тщательно остерегался оскорбить начала, на которыхъ основаны были религіозныя вѣрованія; остальное совершено его необыкновеннымъ литературнымъ дарованіемъ. Онъ безпрерывно трудился, занимался неутомимо различными отраслями знанія, но не имѣлъ терпѣнія заняться отдѣлкою своихъ сочиненій, большая часть которыхъ была напечатана въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ набросалъ; можетъ быть, это самое и нравилось современникамъ, какъ представленіе быстро развившейся идеи смѣлаго, тонкаго и образованнаго ума. Кто же могъ замѣтить ошибки, которыя отъ него самого ускользали? Образъ его выраженія и теперь плѣняетъ читателя, а тогда увлекалъ, очаровывалъ каждаго. По справедливости онъ пріобрѣлъ репутацію умнѣйшаго человѣка въ Европѣ; общественное мнѣніе, которому онъ же проложилъ путь, украсило его блистательными вѣнцами; подарки лились въ его жилище въ Базелѣ; со всѣхъ сторонъ посѣщали его, отвсюду онъ получалъ приглашенія. Это былъ бѣлокурый, малорослый человѣкъ съ голубыми, полузакрытыми глазами, исполненными тонкой прони-

цательности, съ остроумною улыбкою на устахъ, съ какою-то робостію въ движеніяхъ; малѣйшее дуновеніе, казалось, могло его опрокинуть; онъ трепеталъ при одномъ словѣ «смерть!»

Примѣръ Эразма служитъ уже доказательствомъ, какъ опасно было новое литературное направленіе для исключительнаго богословія факультетовъ; университеты вооружились какъ могли. Если Кёльнъ незадолго до этого съ ожесточеніемъ возсталъ противъ введенія новой элементарной книги, то можно судить, какія притѣсненія претерпѣли послѣдователи новой школы и, несмотря на это, заря новаго ученія яркимъ лучомъ освѣтила мракъ схоластики.

Но міръ ученый не могъ преобразиться вдругъ, безъ жаркаго боя.

Дивно было начало этого боя: онъ закипѣлъ не отъ грознаго врага, не отъ опаснаго нападенія, противъ котораго необходимо было бы изготовить оружіе; самому спокойному, самому мирному изъ всѣхъ неофитовъ судьба назначила раздуть пламя сокрушительной распри; неофитъ этотъ былъ *Іоганъ Рейхлинъ.*

Чисто личныя способности возвысили *Іогана Рейхлина,* бывшаго, какъ кажется, сыномъ бѣднаго разносчика писемъ въ Пфорцгеймѣ. Прекрасный голосъ далъ ему доступъ къ баденскому двору; красивымъ почеркомъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе во Франціи; чистый латинскій выговоръ доставилъ ему возможность участвовать въ посольствѣ къ римскому двору, съ чѣмъ для него непосредственно связано было значительное мѣсто и обширное поприще дѣятельности при дворѣ виртембергскомъ. Отъ Эразма онъ отличался и внутренними и внѣшними свойствами. Онъ былъ высокъ ростомъ и строенъ; во всѣхъ его дѣйствіяхъ было какое-то достоинство, спокойствіе и увѣренность въ самомъ себѣ, что съ перваго взгляда внушало къ нему довѣріе. Какъ писатель, онъ не могъ снискать общаго расположенія въ ученомъ свѣтѣ; рѣчь его только-что посредственна и въ ней не замѣтно красивой формы и граціи; зато онъ сгоралъ жаждою учиться, жаждою раздѣлить познанія, которыхъ не имѣли его собратія. Онъ самъ разсказывалъ, какъ собиралъ по частямъ свои свѣдѣнія, *крупицы, падающія отъ стола господъ,* въ Парижѣ и Ватиканѣ, въ Миланѣ и Флоренціи, въ Базелѣ и при императорскомъ дворѣ; для пособій къ изученію латинскаго языка составилъ онъ словарь, послужившій болѣе всего къ вытѣсненію схоластики; для изученія греческаго языка — краткую грамматику; онъ не щадилъ ни трудовъ, ни денегъ для пріобрѣтенія изъ Италіи классическихъ авторовъ въ рукописяхъ и въ печати; о чемъ не подумалъ ни одинъ вельможа, ни одна богатая община, то совершилъ сынъ бѣднаго разносчика писемъ!

Въ его жилищѣ хранились значительныя собранія древнихъ письменныхъ памятниковъ, гомерическія пѣсни, которыя преобразились въ германскомъ духѣ и снова стали понятны свѣту. Выше всего этого поставили современники его знаніе еврейскаго языка, въ чемъ онъ и самъ сознавалъ свою заслугу. «Никто еще до меня», восклицаетъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства одному изъ своихъ соперниковъ, «не потрудился собрать въ одну книгу правила еврейскаго языка, и хоть сердце его разорвется отъ зависти, но я первый совершилъ это. Exegi monumentum aere perennius!» Въ этомъ отношеніи, онъ обязанъ благодарностію еврейскимъ раввинамъ, съ которыми часто бесѣдовалъ, и ни одна изъ такихъ бесѣдъ не пропадала безъ пользы для него и для науки.

Рейхлинъ дѣйствовалъ подобно великому современнику своему, открывшему новый свѣтъ, когда тотъ, перерѣзывая бездны моря то на югъ, то на сѣверъ, то прямо на западъ, изъискивая и обозначая берега, часто воображалъ при самомъ началѣ подвига, что онъ достигъ уже своей цѣли. Рейхлинъ былъ убѣжденъ, что къ системѣ своей философіи, возрожденной по ученію Платона и Аристотеля, онъ присоединилъ и пиѳагорейскую, возникшую изъ гебраизма. По ступенямъ кабалистики, переходя отъ символа къ символу, отъ формы къ формѣ, онъ мечталъ возвыситься до конечной, чистѣйшей формы—властительницы надъ царствомъ духа, въ которой человѣческая измѣняемость приближается къ неизмѣнно-божественному.

Занятый своими мечтами, погруженный въ свои идеальныя, отвлеченныя изслѣдованія, онъ не замѣчалъ, что всѣ нападки схоластической партіи обратились противъ него, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, увидѣлъ онъ себя въ самомъ центрѣ жаркаго боя. Вотъ какимъ образомъ это случилось:

Инквизиторскія преслѣдованія кёльнскихъ доминиканцевъ устремлены были противъ евреевъ. Въ 1508 году, одинъ старый раввинъ, бросившій на 50 году своей жизни жену и дѣтей и сдѣлавшійся христіанскимъ священникомъ, выдалъ въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ обвинялъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ въ грубѣйшихъ заблужденіяхъ, напр., въ поклоненіи солнцу и лунѣ, но болѣе всего осуждалъ ихъ за клеветы, возводимыя ими на христіанство, и представлялъ доказательства изъ Талмуда. Основываясь преимущественно на этихъ обвиненіяхъ, кёльнскіе богословы просили императора дать имъ повелѣніе, въ силу котораго они могли бы отобрать Талмудъ и преслѣдовать Іудеевъ, какъ еретиковъ. Императорскіе совѣтники признали за благо призвать для совѣщанія, кромѣ богословскаго факультета, посторонняго знатока еврейской литературы и возстановителя кабалистической философіи—Рейхлина.

Рейхлинъ подалъ свое мнѣніе, какъ можно было ожидать, въ пользу еврейскихъ книгъ; его добросовѣстность—прекрасный памятникъ чистой души и благороднаго убѣжденія. Но тѣмъ самымъ всю бурю, готовую разразиться, онъ обратилъ на себя. Кёльнскіе богословы, взбѣшенные поступкомъ Рейхлина, велѣли одному изъ своихъ приверженцевъ сдѣлать ему возраженіе, онъ отвѣчалъ, и отвѣтъ его предали проклятію; онъ назвалъ такое дѣйствіе несправедливымъ: противъ него нарядили инквизиціонный судъ. То было общимъ сигналомъ; обѣ партіи рѣшительно выступили другъ противъ друга. Доминиканцы надѣялись смѣлымъ ударомъ утвердить снова свое колебавшееся могущество и поразить страхомъ враговъ, которые становились имъ грозны. Нововводители, наставники и воспитанники поэтическихъ школъ хорошо чувствовали, что въ лицѣ Рейхлина имъ всѣмъ угрожала опасность; твердость, съ которою они обнаружили свое стремленіе, получила новыя силы чрезъ сознаніе въ себѣ оппозиціи настоящей власти, сомнительное состояніе которой они всѣ понимали.

Въ октябрѣ 1513 года, составился въ Майнцѣ инквизиціонный судъ, членами котораго были доктора университета и совѣтники архіепископа, подъ предсѣдательствомъ Іакова Гогстратена, инквизитора жестокаго и злаго, и уже готовъ былъ приговоръ, подобный приговору, произнесенному, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, противъ Іоанна Везаліи.

Но какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ! Въ Германіи слабо дѣйствовалъ католицизмъ, который такъ энергически потрясалъ Испанію; императорскіе совѣтники не слишкомъ горячо принимали сторону Кёльнцевъ, и потому призвали для совѣщанія такого человѣка, какъ Рейхлинъ, литературное направленіе распространилось далеко и образовало себѣ общественное мнѣніе, котораго придерживались многія духовныя лица, между которыми находился и совѣтникъ императора, кардиналъ Лангъ, пользовавшійся самымъ большимъ вліяніемъ; ктому-же, высшее духовенство не имѣло сочувствія къ инквизиціи и не желало ее поддерживать. Приговоръ противъ Везаліи подписанъ былъ курфирстомъ Дитгеромъ противъ воли, изъ боязни къ сильнымъ доминиканцамъ; теперь же они были не страшны, и деканъ Лоренцъ Трухзесъ говоритъ, что когда уже судъ собрался для произнесенія приговора, то курфирстъ воспротивился ему и отозвалъ своихъ совѣтниковъ. Потомъ уже въ пользу Рейхлина дѣйствовалъ, подъ предсѣдательствомъ епископа швейцарскаго, другой судъ, наряженный по повелѣнію папы; этотъ второй судъ произнесъ, 24 августа 1514 года, приговоръ, по которому обвинители Рейхлина, ложно его оклеветавшіе, присуждены были къ вѣчному молчанію и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Изъ этого ясно, какъ распространилась и усилилась антипатія къ доминиканцамъ; какое живое участіе принялъ образованный міръ въ стремленіи новой литературы и какъ сильно было мнѣніе ученыхъ: это была первая его побѣда.

Въ Германіи ратующая ортодоксія (какъ называли себя защитники старыхъ мнѣній) не нашла себѣ заступленія ни у императора, ни у высшаго духовенства; не смотря на то, она не считала дѣла своего потеряннымъ. Въ Кёльнѣ приговорили къ сожженію книги Рейхлина; богословскіе факультеты въ Майнцѣ, Эрфуртѣ и Парижѣ громко изъявили свое одобреніе. Съ такимъ-то подкрѣпленіемъ обратились Кёльнцы къ верховному трибуналу римскому; римское ортодоксальное богословіе падало къ стопамъ его святѣйшества, просило его явить свое милостивое, непогрѣшительное заступничество древнимъ поборникамъ римскаго престола и помощь свою противъ нововводителей.

Римскій дворъ пришелъ въ замѣшательство отъ этого прошенія. Неужели оскорбить общественное мнѣніе, представителями котораго были люди, столь сильные вліяніемъ? какая выгода отъ борьбы съ ними? Съ другой стороны, какъ отвергнуть приговоръ могущественныхъ университетовъ, разорвать связь съ орденомъ, который такъ ревностно боролся за римскій престолъ и по всему свѣту распространялъ его могущество?

Въ Коммисіи, созванной папою въ Римѣ, большинство было въ пользу Рейхлина; но и противники его были значительны; римскій дворъ счелъ за лучшее отсрочить свое опредѣленіе и далъ повелѣніе de supersedendo.

Рейхлинъ не былъ совершенно доволенъ этимъ рѣшеніемъ, ибо въ сознаніи справедливаго дѣла ожидалъ безусловнаго оправданія; но и отсрочка была уже почти побѣдою: сподвижники его, думавшіе прежде только о своемъ существованіи, приняли теперь систему наступательную. Въ собраніи писемъ Рейхлина, которое служитъ доказательствомъ любви и уваженія, которыя онъ питалъ къ наукѣ, мы видимъ, какое множество всякаго званія людей стекалось подъ его знамена: духовные и императорскіе совѣтники, о которыхъ мы упомянули выше; патриціи значительныхъ городовъ, доктора медицины, и всѣ любители и цѣнители новой литературы, особенно же тѣ поэты и ораторы изъ университетовъ и школъ, которые въ дѣлѣ Рейхлина видѣли собственное дѣло, собирались толпами на мѣсто сраженія. Достопримѣчательная книга, въ которой отразилось ихъ стремленіе, называется «Epistolae Obscurorum Virorum»; народная сатира, столь привлекательная для публики, получила здѣсь право гражданства, и хотя письма эти не представляютъ ничего поэтическаго и геніальнаго, зато содержатъ въ себѣ

много истины, обрисованной грубыми, сильными чертами, и вліяніе ихъ было столь велико, что римскій дворъ счелъ за нужное запретить ихъ.

Теперь уже можно было сказать, что литературная оппозиція одержала побѣду. Радостно смотрѣлъ вкругъ себя Эразмъ въ 1518 году; повсюду ученики и послѣдователи его втѣснились въ университеты и всѣ были преподавателями античной литературы.

И въ самомъ дѣлѣ, неужели великіе люди древности жили напрасно? Неужели произведенія ихъ, созданныя въ юношескіе годы человѣчества, съ которыми въ изяществѣ и внутренней гармоніи ничто не могло сравниться впослѣдствіи, должны были погибнуть для вѣковъ грядущихъ? Переворотъ, имѣвшій всемірное историческое значеніе, состоялъ именно въ томъ, что по прекращеніи всѣхъ народныхъ волненій, чрезъ которыя прошелъ древній міръ, собраны были всѣ жизненные элементы его, всѣ драгоцѣнные остатки его духа, въ которыхъ съ этого времени исключительно сосредоточилась ученая дѣятельность, съ ревностью, дотолѣ небывалою, и быстро начала пріобрѣтать себѣ сподвижниковъ.

«Реформація» Ранке.

2. Церковь и церковная область въ началѣ XVI столѣтія. — Борджіи. (Александръ VI и Цезарь Борджіа.) (1492—1503) *).

Городъ Римъ носилъ въ своей матеріальной обстановкѣ отпечатокъ прошедшихъ надъ нимъ вѣковъ и переворотовъ, слѣдовавшихъ одни за другими; храмы, базилики и термы, обращенные въ церкви, дворцы Цезарей, съ зубцами и бастіонами, носили слѣды имперіи, католицизма, общинъ и феодализма. Каждый кварталъ принадлежалъ какому-нибудь одному семейству, напр.: фамиліи Колонна, Орсини и проч. Кварталы эти отдѣлялись одинъ отъ другаго стѣнами и дверями; въ центрѣ, вокругъ острова, кипѣла вѣчно нуждающаяся чернь. Папа жилъ въ Ватиканѣ и чрезъ замокъ Св. Ангела препятствовалъ гражданамъ переходить Тибръ. Каждый дворецъ представлялъ какъ-бы особое владѣніе въ небольшихъ размѣрахъ, перенесенное изъ деревни въ городъ и подчиненное іерархическимъ предписаніямъ, въ

---

*) *Борджіа*, испанскій дворянскій родъ, переселившійся въ Италію. Альфонсъ Борджіа былъ избранъ папою въ 1455 г., подъ именемъ Каллиста III. Родриго Борджіа—папою подъ именемъ Александра VI (1492).

силу которыхъ башня вассала не должна была находиться на равной высотѣ съ башнями сеніоровъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга съ враждою и завистью, всѣ противоставляли свои льготы и преимущества установленной правительствомъ власти и давали многочисленныя пристанища толпѣ злодѣевъ.

Промышленность и земледѣліе исчезли; единственнымъ источникомъ существованія оставалось папство, которое привлекало богатства цѣлаго свѣта; только и видны были, что множество клерковъ, нотаріусовъ, прелатовъ, банкировъ, адвокатовъ и пилигримовъ, суетливое населеніе, которое не подчиняло себя никакимъ законамъ. Тысячи должностей созданы были для папскаго двора и папской канцеляріи, а такъ какъ онѣ приносили много доходовъ, то еще прежде чѣмъ онѣ дѣлались вакантными ихъ продавали по повышенной или пониженной цѣнѣ, какъ въ позднѣйшее время общественные доходы. Прелаты, кардиналы, епископы, лица полудуховныя и полусвѣтскія покидали свои эпархіи и отправлялись въ Римъ, чтобы тамъ тратить деньги, наслаждаться, хвастаться пышностью и интриговать посреди ослѣпительной роскоши и страшной распущенности нравовъ.

Каждое знатное итальянское семейство желало имѣть въ священной комиссіи сына, чтобы въ немъ пріобрѣсти опору, чтобы блистать и обогащаться. Дворъ каждаго кардинала имѣлъ свою гвардію, своихъ камераріевъ, лакеевъ, шутовъ, пѣвцовъ, поэтовъ и пр., а такъ какъ подобныя богатства были пожизненны, то никто и не заботился ни о сбереженіи денегъ, ни объ улучшеніи своихъ владѣній, всякій спѣшилъ только наслаждаться. Съ удовольствіями были перемѣшаны хищническіе инстинкты и стремленіе къ измѣнѣ, что вовсе не представляло ничего удивительнаго. Комедія имѣла своими интермедіями убійства; яды императоровъ римскихъ, дистиллированные новыми Канидіями (Canidies), служили тѣмъ, кто не имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы прибѣгнуть къ мечу; но кинжалы du Vieux de la Montagne, «Старца Горы», дѣлали свое дѣло и съ того дня, какъ Иннокентій VIII сдѣлался боленъ, вплоть до избранія его преемника Александра VI погибло 220 гражданъ.

Орсини, которые господствовали на западъ отъ Тибра, назывались Гвельфами, Колонна, утвердившіеся на востокѣ и югѣ на почвѣ древнихъ Сабинянъ, объявляли себя приверженцами Гибеллиновъ, но эти названія свидѣтельствовали только о наслѣдственной ненависти и солдатской вѣрности въ такомъ видѣ, въ какомъ ее тогда понимали. Вителли присоединялись къ первымъ, Савелли и Конти къ послѣднимъ; впрочемъ, какъ тѣ, такъ и другіе выказывали свою силу въ тайныхъ мщеніяхъ, когда не могли продать ее иностранцамъ. Сдѣлавшись слишкомъ слабыми, папы возбуждали однихъ противъ другихъ, потому что какова

бы ни была побѣжденная партія, все же она увеличивала ихъ могущество. Сикстъ IV и Иннокентій VIII будучи врагами первый—фамиліи Колонна, другой—Орсини, ослабили эти фамиліи, однако же Павелъ, Вирджиніо и Николай Орсини, графъ Питигліано съ одной стороны и Фабрицій и Просперъ Колонна съ Антоніемъ Савелли съ другой были славными полководцами и вельможи наперерывъ искали ихъ дружбы.

Александръ VI, одушевленный большею энергіей и рѣшимостью, положилъ себѣ уничтожить эти препятствія. Посреди ненависти, безпорядковъ, народнаго недовольства, онъ надѣялся соперничать съ Сикстомъ IV и Людовикомъ XI и небольшія итальянскія государства соединить въ одно, какъ это дозволялъ тотъ порядокъ вещей, который слѣдовалъ за средними вѣками. Задавшись этою цѣлью, онъ задумалъ пріобрѣсти себѣ опору въ расположеніи народа, потому что, какъ говорилъ его сынъ, *«тотъ, кто хочетъ усмирить великихъ, долженъ много сдѣлать для малыхъ»*. Для принятія жалобъ несправедливо заключенныхъ гражданъ учреждены были инспекторы, затѣмъ 4 судьи получили обязанность установить силу закона и правосудія въ Римѣ, гдѣ никогда, пока только Александръ занималъ тамъ папскій престолъ, не было голода и гдѣ ремесленника не обманывали при уплатѣ ему жалованья.

Хорошо, если бы Александръ VI ограничился только такими средствами! Къ несчастію онъ думалъ, что можно употреблять вѣроломства и жестокости, лишь бы только достичь своихъ намѣреній. Посредствомъ браковъ и денегъ онъ вступалъ въ союзы съ сильными властителями, поселилъ несогласіе между мелкими, чтобы впредь имѣть возможность притѣснять ихъ, и подъ предлогомъ того, что Орсини помогали Карлу VIII, онъ заключилъ въ тюрьму Павла и Вирджиніо Орсини, но кондотьеръ Варѳоломей д'Альвіано, ихъ воспитанникъ, собралъ солдатъ и бродягъ, далъ имъ дикихъ лошадей, бродившихъ въ римскихъ деревняхъ и, вооруживъ, какъ могъ, этихъ людей, онъ съ этимъ войскомъ и съ союзниками Колонна Браччіано, Ангвиллара, Тревиджіано, не уступалъ папскимъ солдатамъ до той минуты, когда Вителлоццо Вителли подоспѣлъ съ другими отрядами вассаловъ, привыкшихъ къ побѣдамъ при его отцѣ и братьяхъ.

Папа противопоставилъ имъ доблестнаго Гвидубальдо д'Урбино и Франсуа, герцога Гандійскаго *), но когда они потеряли значительное сраженіе при Соріано, во время котораго первый былъ взятъ въ плѣнъ, а второй раненъ,—папа согласился на миръ.

---

*) Гандія, городъ въ испанской провинціи Валенсіи, близъ Средиземнаго моря.

Не будучи въ состоянiи дать своему сыну герцогу Гандiйскому владѣнiя, взятыя въ долинахъ своихъ противниковъ, папа сдѣлалъ для него Беневентъ герцогствомъ, а Террачину и Понтекорво—графствами. Всѣ кардиналы, кромѣ одного, одобрили это въ консисторiи, въ надеждѣ получить вознагражденiе бенефицiями, или чѣмъ либо другимъ. Нѣсколько дней спустя, герцогъ Ганди былъ коварно убитъ своимъ роднымъ братомъ Цезаремъ. Вотъ правдивый разсказъ одного современника (Бурхарда) объ обстоятельствахъ гибели старшаго сына папы:

«Iюля 14 кардиналъ валенсинскiй (Цезарь Борджiа) и сiятельный синьоръ Франсуа Борджiа, герцогъ Ганди (старшiй сынъ папы), ужинали у своей матери, г-жи Ванозы, въ ея виллѣ, близъ церкви Св. Петра. Послѣ ужина герцогъ и кардиналъ сѣли на муловъ; но герцогъ, подъѣхавши ко дворцу вице-канцлера, сказалъ, что онъ намѣренъ отправиться поразвлечь себя; онъ простился съ братомъ и удалился въ сопровожденiи гайдука и еще одного человѣка, который приходилъ на ужинъ замаскированный и ежедневно, въ продолженiе мѣсяца, навѣщалъ его во дворцѣ. Доплывъ до еврейской площади, герцогъ отослалъ гайдука, приказавъ ему дожидаться его на этомъ мѣстѣ и потомъ вернуться во дворецъ, если онъ не прiѣдетъ. Сказавъ это, онъ удалился съ замаскированнымъ человѣкомъ, и я не знаю, куда онъ уѣхалъ, но онъ былъ убитъ и кинутъ въ Тибръ около госпиталя Св. Iеронима. Гайдукъ, оставшись на еврейской площади, былъ смертельно раненъ, и, изъ состраданiя, его подняли и перенесли въ одинъ домъ. Онъ не могъ объяснить, что случилось съ его господиномъ.

«Поутру, не видя возвращенiя герцога, его приближенные слуги доложили папѣ, который сильно встревожился, но сталъ, однако, увѣрять себя, что герцогъ непремѣнно веселится у какого нибудь прiятеля и воротится вечеромъ. Этого не случилось; папа, сильно огорченный, тронутый до глубины души, приказалъ начать поиски. Нѣкто Георгъ, имѣя на берегахъ Тибра дрова, караулилъ ихъ по ночамъ. Стали распрашивать, не видалъ ли онъ, чтобы бросили кого нибудь, въ среду ночью, въ воду; Георгъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ двухъ человѣкъ, шедшихъ пѣшкомъ изъ переулка съ лѣвой стороны госпиталя, около пяти часовъ ночи (одиннадцать часовъ). Эти люди осмотрѣлись по сторонамъ, не видитъ ли ихъ кто, и какъ скоро успокоились на этотъ счетъ, къ нимъ вышли еще двое другихъ изъ переулка и дали знакъ кавалеру на бѣлой лошади, который везъ трупъ; они подъѣхали къ тому мѣсту рѣки, куда бросаютъ всякую нечистоту, и бросили туда тѣло.

«Его спрашивали, отчего же онъ объ этомъ происшествiи не донесъ городскому префекту. Онъ отвѣчалъ, что въ свою жизнь

онъ видѣлъ подобные случаи разъ сто и потому привыкъ не обращать на нихъ вниманія. Тогда собрали триста рыбаковъ, которые во время всенощной и нашли герцога, одѣтаго въ свою мантію, въ платьѣ, обутаго и съ тридцатью дукатами въ перчаткахъ; онъ былъ пораженъ девятью ударами: однимъ въ горло, а остальными восемью въ голову, туловище и ноги. Тѣло положено было въ лодку и отправлено въ зàмокъ Св. Ангела, гдѣ его раздѣли, вымыли и облачили въ военный мундиръ; весь этотъ обрядъ совершался подъ присмотромъ моего товарища Бернардино Гютторія, церемоніальнаго клерка. Вечеромъ онъ былъ вынесенъ дворянами своего дома въ церковь Св. Маріи. Впереди шли двѣсти двадцать факельщиковъ и всѣ дворцовые прелаты. Камераріи и папскіе конюшіе, безъ приказанія, шли, заливаясь слезами. Тѣло съ большою почестію везли на катафалкѣ и, казалось, скорѣе спящаго человѣка, чѣмъ покойника. Папа, видя, что сынъ его убитъ и брошенъ въ воду, какъ какой нибудь навозъ, былъ очень смущенъ, отъ печали заперся въ своей комнатѣ и горько плакалъ. Кардиналы и нѣкоторыя другія лица, увѣщаніями и просьбами, заставили его отворить дверь и впустить ихъ. Онъ не пилъ и не ѣлъ съ вечера среды до слѣдующей субботы и совсѣмъ не ложился. Наконенъ, ихъ убѣжденіями печаль утихла; онъ сообразилъ, что могло произойти еще большее несчастіе.»

Такъ простъ и холоденъ разсказъ церемоніймейстера Бурхарда, добрѣйшаго страсбургскаго нѣмца, которому никогда не измѣняло его флегматическое состояніе и который на все смотрѣлъ безъ удивленія: на убійства и насилія, отравленія и банкеты, рѣзню для увеселенія новобрачныхъ, на колодниковъ, приговоренныхъ къ смерти для забавы двора, и пр. и пр. Ничто не выводитъ его изъ обычной сферы, ничто не возмущаетъ. Мы ошибаемся: онъ очень горячится, видя, какъ французы, не освѣдомляясь ни о порядкѣ, ни объ этикетѣ, наводняютъ собою дворецъ съ дерзкимъ любопытствомъ и безъ разбору садятся, какъ попало, съ кардиналами.

Прежде мы были несправедливы къ этому честному малому; обращая вниманіе на то, что при Юліѣ II, врагѣ Борджіа, Бурхардъ достигъ епископства, мы заподозрили журналъ его въ преувеличеніи. Но когда мы одни и тѣ же факты находимъ у всѣхъ историковъ, даже тѣхъ, которые пишутъ для друзей Борджіа, мы снова начинаемъ вѣрить ему. Къ тому-же разсказы Бурхарда носятъ на себѣ характеръ чистосердечія, правдивой простоты, которыя совершенно разсѣеваютъ всякія подозрѣнія. Мы видѣли и читали множество обмановъ; такъ не лгутъ.

Но возвратимся къ дѣлу. Римскіе судьи были слишкомъ хорошо образованы, чтобы позволить себѣ нескромно изслѣдовать

дѣло. Простые люди молчали, не вмѣшиваясь въ дѣла Борджіи. Дѣло было не юридическое, а политическое въ высшей степени; оно имѣло въ себѣ всѣ данныя перемѣны правленія.

И дѣйствительно, это было восшествіемъ на престолъ Цезаря Борджіа.

Клинкомъ въ четыре вершка кардиналъ валенсинскій сдѣлалъ много.

Сначала онъ снялъ съ себя духовный санъ, сдѣлался старшимъ наслѣдникомъ. Его отецъ, желая основать собственный домъ, принужденъ былъ разрѣшить Цезаря отъ даннаго имъ обѣта и обратить его въ міряне. Онъ думалъ устроить его судьбу женитьбой на принцессѣ царской крови.

Потомъ онъ сдѣлался властелиномъ Рима, властелиномъ папы и распорядителемъ его сундуковъ. Онъ закупилъ всѣхъ бандитовъ (bravi) Италіи и держалъ въ страхѣ кардиналовъ, убивая изъ нихъ одного всякій разъ, когда ему встрѣчалась надобность въ деньгахъ. Ужасъ охватилъ и святаго отца. Цезарь закололъ его фаворита Перозіо въ его объятіяхъ, подъ его мантіею, гдѣ тотъ искалъ себѣ убѣжища; кровь брызнула въ лице папы.

Убивъ брата, онъ сдѣлался, наконецъ, полновластнымъ хозяиномъ своей игрушки, оспариваемой всѣмъ семействомъ, повелителемъ Лукреціи. Андалузская итальянка, обожаемая своимъ отцемъ, Лукреція изъ двухъ братьевъ предпочитала старшаго, кроткаго герцога Ганди, и, говорятъ, это было главной причиной его смерти. Цезарь избавился также и отъ мужа Лукреціи, ея третьяго мужа. Не смотря на свою молодость, она имѣла уже трехъ мужей. Первый мужъ ея былъ неаполитанскій дворянинъ; но отецъ ея, сдѣлавшись папой, нашелъ этотъ бракъ унизительнымъ и выдалъ ее за одного изъ незаконнорожденныхъ Сфорцовъ. Потомъ, становясь все самолюбивѣе, онъ снова развелъ ее и снова выдалъ за незаконнорожденнаго сына неаполитанскаго короля. Этотъ мужъ послѣдовалъ за Карломъ VIII и не хотѣлъ возвратиться въ Римъ, страшась ужаснаго семейства и ревности Цезаря. Но Лукреція убѣдила его воротиться, увѣряя всѣми клятвами, что защититъ его. Однако Цезарь велѣлъ заколоть его среди бѣлаго дня во дворцѣ, на лѣстницѣ. Рана оказалась не смертельною. Лукреція не отходила отъ его постели, сестра больнаго сама приготовляла ему питье, боясь отравы. Папа приставилъ даже караулъ къ двери, чтобы защитить зятя отъ сына. Цезарь только смѣялся надъ ними: *чего не сдѣлано въ полдень, говорилъ онъ, то сдѣлается вечеромъ*. Онъ сдержалъ свое слово, ворвался въ комнату больнаго, начинавшаго уже поправляться, выгналъ обѣихъ женщинъ и при себѣ же велѣлъ задушить несчастнаго.

Людовикъ XII, король французскій, желалъ расторгнуть свой первый бракъ и дать кардинальскую шапку Георгу д'Амбуазу,

своему духовнику, черезъ посредство Цезаря папа прислалъ разрѣшеніе на то и другое. Цезарь отправился къ Людовику, окруженный такимъ великолѣпіемъ и пышностью, что казалось превзошелъ своимъ богатствомъ блескъ и величіе самаго королевскаго двора. Французскіе хроникеры не перестаютъ удивляться пышности его слугъ, его многочисленной свиты, его самаго, сіяющаго драгоцѣнными камнями, его лошади, закованной въ золото, кромѣ богатыхъ украшеній изъ золота, и жемчуга. Въ благодарность Цезарь получилъ герцогство Валентинуа, роту въ 100 человѣкъ, 20 тысячъ ливровъ ежегодно и обѣщаніе прекраснаго лена въ Миланѣ, тотчасъ послѣ его покоренія.

Онъ снялъ тогда оскверненный пурпуръ, чтобы обезчестить имя герцога Валентинуа. Онъ имѣлъ своей полнѣйшей опорой Францію и благоденствіе Людовика XII служило къ его возвеличенію; король объявлялъ, что всякое оскорбленіе нанесенное герцогу онъ будетъ считать своимъ личнымъ оскорбленіемъ. Повторяя «или Цезарь или ничего!» Борджіа надѣялся образовать для себя небольшое независимое владѣніе между мелкими принцами, которые владѣли Романіей. Неудача не останавливала его; онъ имѣлъ привычку говорить: *что нельзя сдѣлать въ полдень, то легко исполнить вечеромъ* и зналъ, что успѣхъ заставитъ простить ему нечестныя средства. Вошло въ пословицу, *что папа никогда не дѣлалъ того, что говоритъ, а сынъ его никогда не говоритъ того, что дѣлаетъ.*

При помощи французовъ и герцога Валентинуа, папа Александръ VI-й смѣло рѣшился лишить мелкихъ принцевъ ихъ владѣній, онъ предложилъ Орсини вступить съ нимъ въ союзъ противъ другихъ и предлагалъ имъ раздѣлить военную добычу съ его сыномъ. При помощи Орсини, Александръ изгналъ изъ Форли и Имола племянниковъ Сикста IV, хотя эти города защищаемы были неустрашимою Екатериной Сфорцей, которая, сдѣланная впослѣдствіи плѣнницей и освобожденная Людовикомъ XII, стала послѣ втораго брака матерью Жана Медичи, знаменитаго полководца Черныхъ шаекъ (Bandes noires). Фамиліи Сфорца изъ Пезаро, Малатеста изъ Римини и Манфреди изъ Фаенцы также поплатились въ свою очередь; герцогъ Валентинуа, прославившійся своими пороками и жестокостью, объявленный хоругвеносцемъ святой церкви, былъ почтенъ въ Римѣ великолѣпнымъ тріумфомъ, въ то время, когда юбилейный годъ привлекалъ множество народу къ порогу храма святыхъ Апостоловъ и наполнялъ золотомъ сундуки папы. Эти деньги увеличили силы Цезаря, который обратился противъ Орсини и лишилъ ихъ владѣній; затѣмъ, сдѣлавшись самъ кондотьеромъ, онъ болѣе значительнымъ жалованьемъ привлекъ подъ свои знамена тѣхъ наемниковъ, которые служили Орси-

ни или фамиліи Колонна и съ этимъ войскомъ, увеличеннымъ французскими солдатами, овладѣлъ всей Романіей, кромѣ Болоньи *). Александръ назначилъ 12 новыхъ кардиналовъ и заставилъ ихъ провозгласить герцогомъ Романьи сына своего, и этотъ, чтобы вполнѣ заслужить титулъ, рѣшилъ очистить страну отъ разбойниковъ и бунтовщиковъ.

Тогда честолюбіе заставляетъ его устремить свои взоры на Тоскану, Болонью, Мархіи, герцогство Урбино, и онъ, съ помощью французскихъ союзниковъ, направляется къ этимъ странамъ съ своей обычною поспѣшностью; но Іоаннъ Бентиволіо избѣгаетъ опасности, ввѣряясь защитѣ французскаго короля, а герцогъ Валентинуа является до такой степени преданнымъ его интересамъ, что объявляетъ ему о тѣхъ заговорахъ, которые недовольные составили вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Этотъ тиранъ принуждаетъ тогда сыновей знатнѣйшихъ домовъ умертвить сообщниковъ заговорщиковъ, и 38 членовъ фамиліи Марескотти вмѣстѣ съ двумя-стами своихъ соумышленниковъ, были, какъ говорятъ, убиты. Въ Сіенѣ кондотьеръ Пандольфо Петруччи управлялъ хотя и со строгостью, но умѣренною, и былъ конечно настоящимъ господиномъ безъ нарушенія своихъ законныхъ правъ; самъ находясь въ страхѣ, онъ купилъ покровительство Людовика XII.

Флоренція была ослаблена несчастной войной съ Пизой, которую никакъ не могла покорить вслѣдствіе сомнительной дружбы французскаго короля, соперничества всѣхъ своихъ сосѣдей, равно искавшихъ ея погибели, а также и по причинѣ интригъ Медичисовъ, которые постоянно помышляли о возстановленіи своего владычества. Флоренція, обвиненная въ постигшихъ Францію бѣдствіяхъ и въ гибели своей арміи, сдѣлавшейся жертвою всевозможныхъ лишеній, отказалась съ наступленіемъ весны содержать другую армію и, за неимѣніемъ денегъ, заключила перемиріе съ своими сосѣдями. Герцогъ Валентинуа тотчасъ купилъ тѣ шайки, которыя были распущены Флоренціей, и распу-

---

*) Былъ моментъ, когда Цезарь имѣлъ въ своей власти Римъ и всю папскую область. Онъ былъ красивѣйшій мужчина; обладалъ такою силою, что въ бою съ быками однимъ ударомъ отрубалъ животному голову; былъ щедръ, не лишенъ нѣкотораго великодушія, сладострастенъ и весь обрызганъ кровью. Римъ трепеталъ предъ однимъ его именемъ. Цезарь постоянно нуждался въ деньгахъ и имѣлъ много враговъ. Почти всякую ночь въ Римѣ находили убитыхъ. Каждый боялся шевельнуться; не было человѣка, который бы не трепеталъ, опасаясь, что и до него дойдетъ очередь. Кого нельзя было взять силою, того отравляли силою. Было только одно положеніе въ свѣтѣ, гдѣ подобные факты были возможны. Они возможны были лишь тамъ, гдѣ сосредоточивалась вся полнота свѣтской власти и господство надъ высшимъ духовнымъ судомъ. Положеніе это занималъ Цезарь. (Ранке: Рим. Папы, стр. 41. Т. I).

стилъ слухъ о томъ, что ему во время неаполитанской экспедиціи требовалось помогать королю Людовику, съ арміей котораго онъ долженъ былъ соединиться въ Піомбино. Итакъ онъ потребовалъ прохода чрезъ Флоренцію и, не дожидая отвѣта, вступилъ на ея территорію; потомъ, будучи возбужденъ Вителоццо Вителли, который его сопровождалъ, и желая отомстить за казнь Павла, онъ потребовалъ, чтобы ему выдали 6 гражданъ, виновныхъ въ смерти этого послѣдняго, и чтобы власть была возвращена фамиліи Медичи, правленіе которыхъ было единственно достойно довѣрія. Флорентинцы снова обратились къ Франціи, которая, въ качествѣ союзницы, приказала герцогу Валентинуа щадить ихъ; и такъ онъ удалился ограничившись требованіемъ, чтобы ему за 3 года заплатили въ видѣ жалованья 56 т. червонцевъ. Затѣмъ онъ напалъ на княжество Піомбино *), которымъ владѣлъ Жакъ Аппіано, опустошилъ его и овладѣлъ даже замкомъ, намѣреваясь покорить и Тоскану. Папа такъ былъ обрадованъ этимъ завоеваніемъ, что прибылъ лично насладиться тріумфомъ герцога Валентинуа.

Людовикъ XII, не наученный участью своего предшественника, помышлялъ о Неаполѣ, гдѣ французамъ надо было загладить свое безчестіе; но вмѣсто того, чтобы принять великодушныя предложенія Фредерика II, онъ предпочелъ вступить въ переговоры съ Фердинандомъ Католикомъ.

Испанія со времени покоренія ея арабами въ 711 году въ продолженіе семи вѣковъ старалась освободиться отъ иностраннаго владычества; она была раздѣлена на столько королевствъ, сколько ихъ могли создать мужество и патріотическая или религіозная настойчивость и постоянство. Эти королевства мало по малу сконцентрировались и число ихъ было низведено до четырехъ; вслѣдствіе же брака Изабеллы, королевы Кастиліи и Леона, съ Фердинандомъ арагонскимъ и эти четыре слились 1469 г. въ одно. Это соединеніе позволило довершить побѣду надъ маврами въ Гренадѣ (1492); Фердинандъ могъ установить въ Испаніи централизацію прежде всякаго другаго европейскаго правительства и съ большею полнотою, чѣмъ это было во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, идеи католицизма отождествлялись въ Испаніи съ національнымъ чувствомъ, такъ что духовенство не составляло оппозиціи монарху. Три очень богатыхъ монашескихъ ордена, главы которыхъ имѣли княжескую власть, сдѣлались главной опорой короля и тотъ объявилъ себя великимъ магистромъ этихъ орденовъ. Если священная война противъ арабовъ и не повела за собой учрежденія постоянной арміи, тѣмъ не менѣе она позволила королю во всякое время, когда онъ только

*) Піомбино, укрѣпленный городъ въ Тосканѣ.

захочетъ, вооружить цѣлую націю, не ставя въ этомъ случаѣ, какъ другіе монархи, себя въ зависимость отъ ленниковъ. Такимъ образомъ испанцы получали военное воспитаніе все-таки въ хорошей школѣ національныхъ войнъ и когда познакомились съ тактикой нѣмецкихъ ландскнехтовъ, то создали особую военную систему, которую Гонзальво Кордуанскій, прозванный «великимъ полководцемъ», во время итальянской войны улучшилъ, присоединивъ къ ней силу артиллеріи и военнаго генія.

Фердинандъ былъ могущественнымъ государемъ и въ тоже время тонкимъ политикомъ, достойнымъ служить примѣромъ макіавеллизма. Владѣя островомъ Сициліей, онъ постоянно стремился къ обладанію и Неаполемъ, какъ будто бы онъ по праву принадлежалъ Арагоніи и король Альфонсъ пріобрѣлъ его воспользовавшись его деньгами и военными силами. Людовикъ XII не примѣтилъ, что сдѣлался бы скоро его соперникомъ и соперникомъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что императоръ приходился ему родственникомъ. Въ Гренадѣ они раздѣлили между собою королевство. Испанія должна была получить Апулію и Калабрію, Франція — остальное (11 октября 1500 г.). Папы были въ высшей степени снисходительны къ королю, который носилъ титулъ католика, который уничтожилъ мусульманское владычество въ Испаніи и который былъ самымъ сильнымъ оплотомъ христіанства противъ турокъ. Фердинандъ съумѣлъ даже дать понять Александру VI, что владѣніе Апуліей было ему необходимо, какъ оплотъ противъ турецкаго могущества. Въ самомъ дѣлѣ онъ послалъ противъ нихъ вмѣстѣ съ венеціанской эскадрой флотъ изъ 60 кораблей подъ начальствомъ Гонзальво кордуанскаго и далъ этому флоту приказаніе остаться на зиму въ Сициліи, чтобы быть въ состояніи дѣйствовать противъ Неаполя. Фредерико II, двоюродный братъ и искренній союзникъ Фердинанда, встрѣтилъ его безъ подозрѣній и ввѣрилъ ему крѣпость Гаэту, а самъ въ это время долженъ былъ расположиться въ ущельяхъ Санъ-Джермано, чтобы заградить проходъ французамъ.

Но тогда (1501 г.) посланники объявили въ Римѣ объ условленномъ раздѣлѣ, который вызвалъ негодованіе всѣхъ, у кого сохранилось хоть сколько-нибудь нравственнаго чувства, и королевство подверглось насиліямъ и варварству Борджіи и солдатъ, привыкшихъ къ жестокимъ убійствамъ туземцевъ въ Америкѣ. Фредерико, принужденный бороться съ силою и окруженный измѣной, счелъ себя потеряннымъ и заперъ свои войска въ крѣпостяхъ. Капую защищалъ Фабрицій Колонна. Доставшись обманомъ во власть французовъ и герцога Валентинуа, она перенесла самыя ужасныя оскорбленія: множество монахинь и другихъ женщинъ, спасаясь отъ нихъ, бросались изъ оконъ или въ рѣку и большинство изъ нихъ было продано.

Подобные ужасы были причиной такого унынія, что Фредерико едва успѣлъ убѣжать въ Искію вмѣстѣ со своей женой и четырьмя дѣтьми, племянницей Изабеллой, вдовою Сфорцы, герцога миланскаго, и ея сестрой Беатрисой, которая была сперва женою венгерскаго короля Матвея Корвина, а потомъ богемскаго короля Вадислава II; затѣмъ, вмѣсто того, чтобы переждать ходъ событій, онъ рѣшился вступить въ переговоры съ Франціей уступилъ ей всѣ свои права, прося для своихъ приверженцевъ амнистіи. Онъ отправился во Францію и получилъ тамъ графство Анжуйское и 30,000 червонцевъ, но съ запрещеніемъ выходить изъ королевства, въ которое онъ прибылъ однако же съ охранной граматой. Самъ Гонзальво, овладѣвшій тѣми городами, которые предназначались его господину, клялся святыми дарами дону Ферранду, старшему сыну короля, мужественному защитнику Таранто, что будетъ щадить его свободу; но едва завладѣлъ онъ крѣпостью, какъ послалъ Ферранда въ Испанію, гдѣ тотъ всю жизнь содержался въ заключеніи. Арагонская династія, господствовавшая въ теченіи 65 лѣтъ, кончала свое существованіе въ заключеніи; королевство было раздѣлено на двѣ части—французскую, которою управлялъ вице-король Арманьякъ и другую, испанскую, которою управлялъ великій полководецъ (Гонзальво).

Во время этихъ побѣдъ Александръ VI напалъ на владѣнія фамиліи Колонна и Савелли, которыя высказались за короля Фредерико, и принудилъ ихъ къ повиновенію. На время своихъ экспедицій Александръ VI оставлялъ во дворцѣ Ватикана свою дочь Лукрецію, которая должна была оттуда управлять всей страной. Сначала Лукреція была женою одного неаполитанскаго дворянина, но когда Александръ получилъ тіару, то расторгнулъ этотъ бракъ и выдалъ свою дочь замужъ за Жана Сфорцу, властителя Пезаро. Вскорѣ папа нашелъ, что союзъ съ Альфонсомъ арагонскимъ, принцемъ Салернскимъ, сыномъ Альфонса II, былъ еще почетнѣе, но когда эта династія была лишена престола, Альфонсъ былъ умерщвленъ на лѣстницѣ Ватикана. Тогда для Лукреціи, которая въ 17 лѣтъ уже три раза выходила замужъ, найденъ былъ супругъ болѣе знаменитый, въ лицѣ Альфонса д'Эсте *), сына герцога Феррарскаго, который вступилъ въ этотъ постыдный бракъ, страшась герцога Валентинуа.

Александръ отдалъ Лукреціи Сермонету, отнятую у Гаэтани и безсмѣнное управленіе герцогствомъ Сполетскимъ; она при-

---

*) Эсте, древній княжескій родъ въ Италіи; предокъ ихъ Аццо II получилъ огромные лены въ Италіи отъ императора Генриха II. Мужская линія этого дома прекратилась въ 1797 году.

несла своему мужу 100,000 червонцевъ золотомъ, множество драгоцѣнностей и разныхъ вещей, которымъ не было и цѣны, города Сента и де-ла-Піевъ, кромѣ будущаго наслѣдства отцовскихъ имуществъ. Бракъ праздновался во дворцѣ папы и папа подарилъ ей пару туфлей, которыя стоили болѣе 3,000 червонцевъ, что даетъ достаточное понятіе о цѣнности другихъ драгоцѣнностей и предметовъ роскоши. Такъ выражается хроникеръ, которому мы обязаны описаніемъ тѣхъ страшныхъ гнусностей, которыми были осквернены празднества по случаю свадьбы, гнусностей, можетъ быть и вымышленныхъ, но тѣмъ не менѣе разглашенныхъ.

Во время путешествія Лукреціи ее сопровождали посланники, епископы, дворяне, и великолѣпіе ея свиты было таково, что лошадей въ ней насчитывали 420, лошаковъ было 234, а людей — 753. Дворъ Урбинскій и главные граждане Феррары вышли къ ней на встрѣчу, вмѣстѣ со стрѣльцами, трубачами и музыкантами, одѣты были всѣ въ новыя платья и выказывали такую пышность, что насчитывалось до 70 золотыхъ цѣпей, изъ которыхъ меньшая стоила 500 червонцевъ, а большая часть была по 1,200 червонцевъ. Одежда герцога и сбруя его лошади оцѣнены были въ 6,000 червонцевъ; люди, принадлежащіе къ ученому сословію, несли балдахинъ, подъ которымъ помѣщалась герцогиня, приближавшаяся среди звуковъ музыки и пушечной пальбы. Золото и алмазы блестѣли на ней и на всѣхъ тѣхъ, кто ее окружалъ, ея приданое везли 56 лошаковъ, покрытыхъ желтымъ и чернымъ сукномъ, и 12 лошаковъ, покрытыхъ атласными попонами.

Этотъ союзъ и бракъ съ Шарлотою, дочерью Жанна д'Альбре короля Наваррскаго, представлялъ герцогу Валентинуа новыя выгоды, которыя позволяли ему спокойно обдумывать свои обширные замыслы, чтобы потомъ привести ихъ въ исполненіе ужасною рѣшимостію. Асторре Манфреди, молодой человѣкъ, одаренный рѣдкою красотою, изъ преданности къ которому жители Фаенцы защищались съ упорствомъ, сдается ему, полагаясь на его слова; онъ посылаетъ его въ Римъ и, сдѣлавъ его жертвой разныхъ жестокостей, приказываетъ задушить его и одного изъ его братьевъ и бросить ихъ тѣла въ Тибръ. Онъ домогается герцогства Урбино; но какимъ образомъ овладѣть имъ, зная, что Гвидубальдо преданъ былъ папѣ? Цезарь объявляетъ войну Камерино и проситъ солдатъ и пушекъ у Гвидубальдо, который спѣшитъ послать ихъ ему; тогда онъ занимаетъ его 4 города съ ихъ 300 замковъ и герцогъ Урбино спасается бѣгствомъ съ большимъ трудомъ; потомъ онъ нападаетъ на Камерино, куда входитъ посредствомъ измѣны и умерщвляетъ герцога Юлія Варано и его дѣтей.

Герцогъ Валентинуа оправдывалъ свои завоеванія необходимостью уничтожать частные заговоры и тиранію, онъ заставлялъ народъ рукоплескать себѣ, истребляя разбойниковъ, безчисленныя шайки которыхъ вскормлены были революціями. Рамиро д'Орко, исполняя его приказанія, преслѣдовалъ ихъ и предавалъ быстрымъ и страшнымъ казнямъ; потомъ, съ того времени, какъ этотъ исполнитель его воли сдѣлался всѣмъ ненавистнымъ своимъ неумолимымъ правосудіемъ, Борджіа приказалъ его четвертовать и выставилъ на висѣлицѣ, а народъ провозглашалъ Цезаря Борджіа великимъ другомъ правосудія.

Венеція была серьезно занята охраненіемъ христіанской цивилизаціи отъ посягательства турокъ и не могла поэтому препятствовать ни честолюбію Борджіа, ни вторженіямъ испанцевъ и французовъ. Во Флоренціи безпрестанная перемѣна правительства не позволяла существовать политикѣ долгихъ наблюденій и препятствовала сохраненію дипломатическихъ тайнъ. Будучи окружена алчными и безсильными друзьями, она за казнь Павла возбудила противъ себя ненависть предводителей шаекъ. Вителоццо успѣлъ возмутить противъ нее Ареццо; потомъ, не будучи въ состояніи убѣдить герцога Валентинуа завладѣть ею съ титуломъ главы церкви (général de l'Eglise), онъ продолжалъ воевать съ ней, опустошилъ засѣянныя поля и завладѣлъ всею Шіанскою долиной, которую потомъ уступилъ Франціи. Петруччи изъ Сіены говорилъ флорентинскимъ посланникамъ: «Надо мнѣ послать вамъ Медицисовъ, а то безъ нихъ вы никогда не выздоровѣете», и многіе граждане предлагали призвать ихъ. Тѣмъ не менѣе прибѣгли къ избранію гонфалоньера уже не на два мѣсяца, а на всю жизнь по примѣру венеціанскаго дожа и съ тѣмъ, чтобы онъ могъ подлежать смертной казни, въ случаѣ если бы онъ былъ осужденъ восемью изъ „balia". На основаніи всеобщей подачи голосовъ выборъ палъ на Пьерра Содерини, человѣка хотя и честнаго, но слишкомъ слабаго характера, чтобы управлять въ то время и при тогдашнихъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ тѣхъ вельможъ, которые теряли надежду сдѣлаться гонфалоньерами.

Для того чтобы защитить Флоренцію отъ нападеній Борджіи, новый правитель республики послалъ къ нему искуснаго политика Николая Макіавелли, который могъ вблизи изучить коварнаго сына Александра, изъ котораго онъ долженъ былъ сдѣлать впослѣдствіи образецъ настоящаго тирана. Герцогъ Валентинуа и Макіавелли заняты были одною и той же мыслью: необходимостью соединить Италію подъ владычествомъ одного и того же человѣка, но доказать притомъ, что для успѣха нужно употребить разомъ силу льва и хитрость лисицы. Вотъ чему Макіавелли училъ въ своихъ книгахъ и что хотѣлъ исполнить

герцогъ Валентинуа, быстрый во всякомъ рѣшеніи, не щадящій денегъ и одаренный дѣятельностью, которая увеличивала его силы. Онъ посылаетъ (сообщаетъ намъ Макіавелли) дона Микеля Coрeлiа, своего кондотьера, и снабжаетъ его деньгами для набора около 5000 пѣхотинцевъ, онъ нанимаетъ 800 пѣхотныхъ солдатъ изъ Ламонской долины и становится такимъ образомъ во главѣ почти 2500 пѣхотинцевъ, сотни своихъ дворянъ и трехъ ротъ солдатъ каждая по 50 человѣкъ, при трехъ испанскихъ начальникахъ. Рафаэль Пацци посланъ былъ въ Миланъ, чтобы набрать тамъ 500 Гасконцевъ, а одинъ свѣдущій человѣкъ въ Швейцарію, для набора 1500 солдатъ. 5 дней провелъ онъ дѣлая смотръ 6000 пѣхотинцевъ, которые выбраны были на его доменахъ и которыхъ онъ могъ собрать въ два дня. Что же касается до конныхъ латниковъ (gens d'armes) и легкой кавалеріи, то онъ обнародовалъ призывъ, въ который повелѣваетъ явиться къ себѣ всѣмъ тѣмъ, кто живетъ въ его владѣніяхъ, и всѣмъ обѣщаетъ дать удовлетвореніе. Артиллерія его, всегда находившаяся, въ хорошемъ состояніи, равнялась по многочисленности артиллеріи всей Италіи. Порученія и приказанія, посылаемыя имъ въ Римъ, Францію и Феррару, умножаются и онъ надѣется, что отъ всѣхъ получитъ то, чего желаетъ.

Цезарь Борджіа, завладѣвъ Романіей, Лаціумомъ и частью Тосканы, сталъ стремиться къ достиженію короны Неаполитанской и надѣялся осуществить это желаніе троякимъ образомъ: при помощи отца, собственной силы и вѣроломства; но онъ никому не говорилъ объ этихъ средствахъ и Макіавелли оставался въ недоумѣніи предъ такою таинственностью двора, гдѣ никогда не говорятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ должно молчать и всѣ дѣла ведутъ съ удивительной таинственностью. Онъ писалъ Флорентинцамъ: «кто наблюдалъ за Цезаремъ Борджіей, тотъ видѣлъ, что онъ для поддержки государства никогда не расчитывалъ на итальянскихъ союзниковъ, мало цѣня Венеціанцевъ и еще менѣе васъ; и такъ онъ вѣроятно думаетъ создать себѣ въ Италіи великое государство, сильное, благодаря ему самому, и полагаетъ, что другіе властители будутъ искать его дружбы. Пусть онъ стремится къ господству надъ Тосканой, такъ какъ онъ болѣе другихъ съумѣетъ составить изъ нея королевство при присоединеніи ея къ другимъ своимъ владѣніямъ, это возможно судя или по тому, что сказано выше, или по его честолюбію, или же по его неопредѣленному поведенію, когда дѣло шло о томъ, чтобы рѣшать недоразумѣнія съ общаго согласія; впрочемъ и это есть новое доказательсто его будущихъ дѣйствій — онъ никогда не хотѣлъ вести съ вами никакихъ переговоровъ. Я, помнится, слушалъ какъ говорилъ кардиналъ

Содерини, что къ другимъ качествамъ, могущимъ дать папѣ и герцогу названіе великихъ людей, нужно отнести слѣдующее: они умѣютъ пользоваться случаемъ. Если бы разбирали вопросъ о томъ, удобнѣе ли вступить съ нимъ въ союзъ, я скажу нѣтъ, но такъ какъ герцогъ не можетъ ожидать покоренной партіи, потому что ему мало остается времени по причинѣ преклонныхъ лѣтъ папы, то необходимо, чтобы онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ и предоставилъ на волю судьбы большую часть своихъ намѣреній».

Никто не считалъ себя безопаснымъ отъ честолюбія герцога Валентинуа и сосѣди, которымъ онъ угрожалъ, обращались къ королю Людовику XII; этотъ дѣйствительно спустился въ Италію, весьма дурно расположенный къ Борджіи, но кардиналъ Амбуазъ, душа его совѣтовъ, который домогался тіары и управлялъ Франціей, какъ другой папа, угождалъ Александру для того, чтобы онъ увеличилъ число его друзей въ священной коллегіи. Герцогъ Валентинуа самъ поспѣшилъ въ Миланъ къ королю и оправдалъ себя, представивъ такіе вѣскіе доводы, что Людовикъ возобновилъ свой союзъ съ нимъ и далъ ему французскихъ солдатъ. Онъ возвратилъ флорентинцамъ тѣ замки, которые отняты были у нихъ Вителоццо; но слабость, выказанная Флоренціей, внушила ему желаніе воспользоваться ею. Когда кондотьеры и вельможи собрались въ ла-Маджіоне, загородномъ домѣ Баліони на территоріи Перузіи для того, чтобы поразмыслить о средствахъ къ укрощенію честолюбія Борджіи, флорентинцы не осмѣлились присоединиться къ нимъ; сверхъ того они «чрезъ Макіавелли предложили герцогу Валентинуа убѣжище и войско противъ этихъ новыхъ враговъ его особы.» Наконецъ на основаніи постановленныхъ условій возстаютъ жители Урбина и Камерино и Уго де Кардонъ, намѣстникъ Борджіи, подвергается заключенію. Герцогъ Валентинуа, пораженный неожиданнымъ возмущеніемъ, удаляется и съ благоразумнымъ спокойствіемъ даетъ время потухнуть этому первому энтузіазму, который заставляетъ предпочитать общее благо частному интересу, потомъ, когда начали обнаруживаться ревность, скупость и утомленіе, онъ уничтожилъ этотъ заговоръ и принесъ въ жертву своихъ разъединенныхъ противниковъ.

Главными изъ нихъ были Монтефельтро, Варано, Бентиволіо и славные полководцы Павелъ и Вирджиніо Орсини, Вителоццо Вителли и Оливеротто Фредуччи изъ Фермо. Когда они увидѣли, что французскій король примирился съ Борджіей, они потребовали переговоровъ съ этимъ послѣднимъ, позволяя разными обѣщаніями обмануть себя, всегдашнихъ клятвопреступниковъ, и помогли ему противъ другихъ мелкихъ владѣтелей. Орсини, Вителоццо и Оливеротто отправились со своими наемни-

камп подъ стѣны Синегаліи *), города, принадлежавшаго Франциску де ла Роверу. Тутъ герцогъ Валентинуа принялъ ихъ какъ друзей и повелъ въ свой дворецъ, но тотчасъ же затѣмъ приказалъ ихъ схватить и задушить. Вителоццо плакалъ, сваливая всю вину на своихъ товарищей, Оливеротто молилъ своего палача спасти по крайней мѣрѣ его душу, дать ему получить отъ папы отпущеніе грѣховъ. Шайки его были внезапно окружены и ограблены, шайкамъ Вителоццо удалось спастись открытою силой.

Папа насмѣхался надъ жертвами, говоря: «*Богъ наказалъ ихъ за то, что они ввѣрились герцогу Валентинуа, тогда какъ клялись никогда этого не дѣлать!* Онъ арестовалъ въ Римѣ кардинала Орсини и его родственниковъ, съ которыми недавно помирился, и продержалъ ихъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока они не сдали ему всѣхъ своихъ крѣпостей. Онъ потребовалъ даже, чтобы кардиналъ уступилъ ему всѣ свои имѣнія, а увидя въ своихъ счетныхъ книгахъ заемъ 2000 червонцевъ, сдѣланный одному неозначенному въ книгѣ лицу, и покупку за такую же сумму одной жемчужины, которой не находилось, онъ объявилъ, что не дастъ ему ѣсть до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратитъ ему данной въ заемъ суммы и жемчужины. Мать кардинала заплатила долгъ, одна пріятельница принесла жемчужину и кардиналъ получилъ пищу, но вмѣстѣ съ нею и смерть.

Макіавелли безъ малѣйшаго порицанія расказываетъ о томъ, что случилось съ Флоренціей, сверхъ того онъ писалъ къ верховнымъ властямъ республики: «Каждый начинаетъ удивляться, что вы ни письменно, ни устно не поздравили Валентинуа съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ въ послѣдній разъ, а онъ думаетъ, что вы ему даже обязаны, такъ какъ вамъ иначе стоило бы 200,000 червонцевъ, чтобы освободиться отъ Вителоццо и истребить Орсини, да кромѣ того вы и не успѣли бы въ этомъ такъ, какъ онъ». Страхъ повсюду объялъ вельможъ, народъ же питавшій глубокое отвращеніе къ авантюристамъ, своимъ убійцамъ, радовался ихъ гибели, въ надеждѣ добиться наконецъ спокойствія. Солдаты переходили на службу къ герцогу Валентинуа, который находилъ себѣ защитниковъ и панегиристовъ. Болонья обѣщала давать ему въ продолженіе 8 лѣтъ 12,000 золотыхъ червонцевъ, 100 вооруженныхъ людей и 200 конныхъ стрѣльцовъ, а Пиза не будучи болѣе въ состояніи сопротивляться Флоренціи, рѣшилась покориться ему. Когда Борджіа безчестными средствами завладѣлъ Перузіей и Синегаліей, онъ обратилъ свои взоры на Сіену и старался избавиться отъ Пандольфа Петруччи, кото-

*) Городъ при впаденіи Мизы въ Адріатическое море.

рый считался душой непріятельскаго союза и успѣлъ съ трудомъ избѣжать засады въ Синегаліи.

Наглость, съ которой герцогъ Валентинуа открывался Макіавелли, внушаетъ еще большій ужасъ, чѣмъ всѣ его преступленія; онъ говоритъ: лица, бывшіе нашими общими врагами, частію умерщвлены, частію заключены въ тюрьмы, нѣкоторые бѣжали, иные осаждены въ своихъ жилищахъ, между послѣдними находится и Пандольфъ Петруччи, который долженъ быть послѣднимъ препятствіемъ къ достиженію нашего предпріятія и къ безопасности нашихъ общихъ владѣній. Я не считаю особенной трудностью изгнать его изъ Сіены, но мнѣ хотѣлось бы имѣть его у себя въ рукахъ; для этой цѣли папа думаетъ усыпить его своими граматами, показывая ему, что съ него довольно и того, если Пандольфъ будетъ считать своими врагами враговъ папы. Между тѣмъ я приближаюсь съ арміей, потому что ничего нѣтъ пріятнѣе какъ обмануть тѣхъ людей, которые превзошли самыхъ великихъ мастеровъ по части измѣны. Сіенскіе посланники прибыли ко мнѣ отъ имени «balia» и надавали мнѣ заманчивыхъ обѣщаній, но я увѣрилъ ихъ, что ничего не имѣю противъ ихъ свободы и желаю только, чтобы они изгнали Пандольфа. Они должны бы были имѣть нѣкоторое довѣріе ко мнѣ послѣ того, что случилось съ Кастелло и Перузіей, которыхъ я, не желая принимать, отдалъ суду церкви. Король Франціи не слишкомъ-то благосклонно посмотрѣлъ бы на меня, если бы я вздумалъ взять себѣ Сіену, да и я не такъ безразсуденъ, чтобы думать объ этомъ. Эта община должна же наконецъ вѣрить мнѣ, если я говорю, что не желаю пользоваться ничѣмъ изъ того, что ей принадлежитъ, а прошу только прогнать Пандольфа; впрочемъ я думаю, что Сіенская община мнѣ повѣритъ, если же нѣтъ, то я готовъ двинуться впередъ, разставить около ея воротъ артиллерію и сдѣлать окончательное условіе (ultimatum de potentia) объ изгнаніи Пандольфа. Отнявъ отъ моихъ враговъ ихъ войска, я отниму отъ нихъ и ихъ разсудокъ, который всецѣло заключается въ Пандольфѣ и его уловкахъ и пріемахъ. Я справедливо думаю, что если бы я годъ тому назадъ обѣщалъ властителямъ Флоренціи уничтожить Вителоццо и Оливеротто, ослабить Орсини, выгнать Іоанна-Павла и Пандольфа, цѣною обязательства въ 100,000 червонцевъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Флоренція поспѣшила бы дать его. Такъ какъ дѣло совершилось въ такомъ широкомъ размѣрѣ и не стоило ей ни денегъ, ни труда и усталости, то я думаю, что хотя обязательство и не сдѣлано «in scriptis», тѣмъ не менѣе оно все же подразумѣвается. Такъ хорошо бы было начать платить по нему, а то мнѣ или кому другому можетъ показаться, что Флоренція, вопреки ея привычкамъ и характеру, является неблагодарною.

Когда Савелли, Орсини и Колонны были разъ подавлены, то другіе менѣе важные вельможи начали трепетать и тѣмъ болѣе, что несчастія Людовика XII ставили Борджіа въ большую независимость и давали ему болѣе смѣлости торговать своимъ союзомъ; и въ самомъ дѣлѣ онъ вступилъ въ переговоры съ Гонсальвомъ Кордуанскимъ. Папа получилъ бы для него изъ своей снисходительной консисторіи титулъ короля Романіи, Мархіи и Омбріи, да и самъ Цезарь Борджіа (герцогъ Валентинуа) всѣмъ распорядился для того, чтобы тотчасъ же послѣ смерти своего отца быть въ состояніи остаться главою конклава и возвести на папскій престолъ кого нибудь изъ своихъ приверженцевъ, но послѣдній часъ для фамиліи Борджіа пробилъ наконецъ. Говорятъ, хотя и не подкрѣпляя этого никакимъ доказательствомъ, что когда Александръ хотѣлъ отравить кардинала Корнето, то предложилъ ему полдникъ, но по ошибкѣ онъ самъ и его сынъ выпили то вино, которое предназначалось кардиналу. Дѣло въ томъ, что папа, нежданно, негаданно умеръ, имѣя 72 года отъ роду. Герцогъ Валентинуа былъ опасно боленъ, а Орсини, Колонны, Аппіани, Вителли, Баліони воспользовались между тѣмъ этимъ случаемъ, чтобы освободиться изъ-подъ его власти и снова завладѣть своими доменами. Повсюду вспыхнула ненависть, дома жглись, лавки грабились, деревни опустошались. Фабіо Орсини моетъ себѣ руки и лице въ крови одного Борджіи, испанцы и французы, пришедшіе подъ предлогомъ утвержденія независимости конклава, дерутся въ Римѣ. Однако герцогъ Валентинуа оправляется, благодаря кардиналу Амбуазу, который при помощи его вліянія надѣялся получить тіару; онъ овладѣваетъ папской казной, доходящей до 100,000 червонцевъ, помѣщаетъ 12,000 человѣкъ въ Ватиканѣ, а самъ укрѣпляется въ замкѣ Св. Ангела. Но французскій кардиналъ былъ обманутъ въ своихъ долгихъ надеждахъ и конклавъ отдалъ тіару Пію III (Франсуа Тодечини Пикколомини изъ Сіены), а 27 дней спустя Юліану делла Ровере, извѣстному подъ именемъ Юлія II.

Будучи заклятымъ врагомъ Борджій, которые въ первый разъ отняли отъ него папство, Юліанъ оставался до этого времени или въ военной службѣ или въ ссылкѣ и на всѣ ласки и приглашенія Борджій: отвѣчалъ: «Юліанъ не ввѣряется Марано». Тотчасъ возобновляется союзъ между Испаніей и Франціей и множество властителей вступаетъ во владѣніе своими утраченными доменами: Форли возвращенъ Орделаффи, Римини—Малатеста, Фаенца и другія владѣнія—венеціанцамъ. Каждый городъ вооружается; герцогъ Валентинуа, доведенный до крайности, даже арестованный, уступаетъ тѣ замки, которые составляли владѣнія его рода, потомъ, отпущенный на волю, согласно сло-

ву, данному ему папой съ цѣлію полученія голоса кардиналовъ его партіи, укрывается въ Неаполѣ, обѣщая испанцамъ употребить всю свою силу и свои таланты для того, чтобы способствовать пріобрѣтенію ими Пизы и другихъ городовъ. Донъ Гонзальво принялъ его очень вѣжливо и благопріятствовалъ его намѣреніямъ до той самой минуты, когда король Фердинандъ отдалъ приказаніе прислать его въ Испанію. Надѣясь на данное ему честное слово, Валентинуа отправился, но безсовѣстный обманщикъ былъ самъ обманутъ и, послѣ блестящаго пира, его измѣннически взяли, заключили, и отправили въ Испанію. Оттуда ему удалось бѣжать къ Іоанну II, королю наваррскому, своему зятю; онъ былъ убитъ при осадѣ Віаны и погребенъ безо всякой пышности.

(Histoire des Italiens, par C. Kantu, t. VII, chapitre CXXX).

3. ИЗБРАНІЕ КАРЛА V (1519).

Сеймъ былъ созванъ 18 іюня. По положеніямъ Золотой буллы избиратели прежде всего отслушали въ церкви св. Варѳоломея обѣдню и совершили молебствіе ко св. Духу, прося Его просвѣтить ихъ умы и сердца въ трудномъ дѣлѣ избранія. Послѣ обѣдни они приблизились къ алтарю, гдѣ поочередно произнесли слѣдующую клятву (при этомъ архіепископы Майнцскій, Трирскій и Кёльнскій положили руку на грудь, пфальцграфъ Рейнскій, герцогъ Саксонскій, маркграфъ Бранденбургскій и нунцій богемскаго короля положили руку на евангеліе отъ Іоанна, открытое на первой главѣ): «Клянусь св. Евангеліемъ, лежащимъ предо мною, что я по вѣрѣ, связывающей меня съ Богомъ и съ священной римской Имперіею, изберу, по моему сужденію и уму и при Божьей помощи, временнымъ главой христіанскаго народа, т. е. императоромъ римскимъ, будущимъ цезаремъ, того, кто болѣе всего будетъ способенъ къ выполненію этихъ обязанностей, на сколько я объ этомъ могу судить, и что я подамъ голосъ свой и выскажу свое мнѣніе безъ предварительнаго соглашенія, совершенно безкорыстно и независимо отъ моего личнаго расположенія, подъ какимъ бы видомъ оно ни проявилось. Да поможетъ мнѣ Богъ и Его святые.»

По открытіи сейма, послы обоихъ королей обратились къ нему съ заявленіями, въ которыхъ, объявляя своихъ королей кандидатами, приводили въ пользу ихъ всѣ доводы, уже столько разъ изложенные каждому избирателю отдѣльно. Совѣщанія и козни тянулись въ продолженіе нѣсколькихъ дней; больше всѣхъ имѣлъ значенія пфальцскій избиратель, рѣшеніе котораго могло

вынудить рѣшеніе кёльнскаго; а пфальцскій избиратель, продавъ поочередно свой голосъ въ апрѣлѣ — посланникамъ испанскаго короля, а въ маѣ—посланникамъ французскаго, колебался между воспоминаніемъ о своемъ прежнемъ обязательствѣ и боязнью, внушаемой ему солдатами Зикингена. Графъ Фридрихъ, который убѣдилъ его заключить союзъ съ Максимиліаномъ въ Аугсбургѣ, обѣщался также заставить его, подать голосъ въ пользу Карла во Франкфуртѣ. Онъ сказалъ Армерсторфу: «я отвѣчаю вамъ за моего брата» и предложилъ, въ видѣ ручательства въ справедливости своихъ словъ, сдѣлаться, если это нужно, «плѣнникомъ короля». Чтобы положить конецъ нерѣшительности пфальцскаго избирателя и склонить его на сторону короля испанскаго, онъ, переодѣтый, пробрался во Франкфуртъ; ему удалось поколебать его нерѣшительность. Архіепископъ Трирскій предупредилъ объ опасности Бонnивета, написавшаго пфальцграфу самое убѣдительное и рѣзкое письмо, сказавъ ему, что было бы чрезвычайно странно, если бы онъ пфальцграфъ, вздумалъ измѣнить государю, своему другу и родственнику, и поддерживать того, дѣдъ котораго подвергнулъ его опалѣ и уменьшилъ его владѣнія. «Умоляю васъ, милостивый государь», прибавилъ онъ, «подумайте, въ какой степени вы заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Вы приготовляете страшную гибель своему дому, показывая на примѣрѣ, что честное слово и убѣжденіе пустыя слова. Не допускайте, чтобы боязнь, видѣть свои земли сожженными и раззоренными, могла заставить васъ перемѣнить ваше мнѣніе; я предлагаю вамъ тотчасъ же самолично воспользоваться 7-ю или 8-ю тысячами воиновъ, которыми я располагаю и 800 конницы и находящеюся на границахъ Германіи королевскою арміею, самою могущественною, которую когда либо видѣли, если же желаете, то можете получить половину солдатъ Франца Зикингена, находящагося въ королевской службѣ,—доставленіе вамъ всего этого находится въ моей власти». Наконецъ, чтобы его еще болѣе склонить на свою сторону, онъ предложилъ ему выдать за него одну изъ сестеръ французскаго короля съ приданымъ отъ 200 до 300 т. флориновъ, въ теченіе всей его жизни содержаніе 200 человѣкъ конницы, для охраны его государства и какъ вознагражденіе за убытки, которые онъ можетъ понести, если ему будутъ мстить за подачу голоса въ пользу французскаго короля. Въ то же время онъ обо всемъ извѣстилъ Франциска I; этотъ государь принялъ рѣшительное намѣреніе и написалъ Боннивету, что если собраніе еще не окончено и если онъ и его друзья увидятъ, что избраніе его невозможно, то пусть употребятъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать испанскому королю сдѣлаться императоромъ. Въ этомъ случаѣ они должны подать голосъ за германскаго принца, и именно за

маркграфа Бранденбургскаго, съ которымъ онъ, Франциск, находился въ дружбѣ; если же нельзя, то примкнуть къ партіи герцога Саксонскаго, Фридриха, на сторонѣ котораго стоитъ и самъ избиратель, епископъ Трирскій; отъ того же, кого изъ нихъ изберутъ, нужно требовать удостовѣренія въ томъ, что послѣ коронаціи онъ похлопочетъ о доставленіи себѣ титула римскаго короля. Если же герцогъ Саксонскій не согласится на это условіе, то все-же выбрать его и такимъ образомъ окончательно отстранить отъ престола испанскаго короля, возвышеніе котораго для Франціи очень опасно. На это Францискъ I давно долженъ былъ рѣшиться; въ его интересѣ было не быть избраннымъ въ императоры, въ противномъ случаѣ онъ скоро раскаялся бы. Бонниветъ сначала обратилъ вниманіе на маркграфа Бранденбургскаго, но этотъ не могъ получить въ свою пользу даже голосъ своего брата, архіепископа Майнцскаго; затѣмъ онъ обратилъ свое вниманіе на саксонскаго курфирста, который былъ достойнымъ кандидатомъ, благодаря своему уму, безкорыстію и своей прямотѣ. Безпристрастная политика Германіи, казалось, совѣтовала избирателямъ не выбирать главою страны ни того, ни другаго изъ двухъ могущественныхъ монарховъ, которые, правда, могли ее защитить, но въ тоже время и поработить. Римскій дворъ въ той же степени опасался избранія въ императоры герцога Миланскаго или короля Неаполитанскаго, такъ какъ это поставило бы его въ зависимость или отъ верхней или отъ нижней Италіи, а поэтому выборъ герцога Саксонскаго былъ бы ему болѣе по душѣ. Но этотъ принцъ, осторожный и нерѣшительный, боялся, что такое тяжелое бремя ему не по силамъ, что онъ падетъ подъ его тяжестью и тѣмъ приготовитъ гибель своему дому. Необходимость отразить Турокъ, водворить въ Имперіи миръ и съ энергіей преслѣдовать нарушающихъ его, а также и обязанность утвердить религіозное единство, готовое расторгнуться, все это казалось ему дѣломъ свыше его силъ. И такъ онъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе и приготовился подать голосъ за того, который впослѣдствіи завладѣлъ всѣмъ его государствомъ, лишилъ свободы его наслѣдника и заставилъ избирательное право перейти изъ вѣтви его дома въ другую.

Этотъ великій споръ, ознаменованный различными перемѣнами, въ продолженіе которыхъ даже самъ испанскій король имѣлъ такъ мало шансовъ на успѣхъ, что ему совѣтовали дѣйствовать въ пользу другаго, этотъ великій споръ приближался къ концу. 28-го іюня избиратели въ ярко красныхъ одеждахъ и при звонѣ колоколовъ отправились въ церковь св. Варѳоломея, чтобы окончательно приступить къ избранію императора. Они собрались въ маленькой часовнѣ возлѣ клироса, который служилъ имъ конклавомъ. Первымъ началъ говорить архіепи-

скопъ Майнцскій: онъ предложилъ себѣ вопросъ, кого лучше избрать, короля ли французскаго или испанскаго, или же принца германскаго. Сначала онъ разобралъ, можно ли избрать Франциска I; при этомъ онъ замѣтилъ, что по положеніямъ Золотой буллы избиратели клялись не выбирать императоромъ иностранца и потому они нарушатъ этотъ законъ и эту клятву, если изберутъ короля Франціи; притомъ Францискъ I захочетъ расширить предѣлы своего королевства въ ущербъ предѣламъ Имперіи, тамъ какъ королевство его наслѣдственно, а Имперія нѣтъ; овладѣвши Миланомъ послѣ своей побѣды надъ Швейцарцами при Мариньяно, онъ станетъ стремиться къ тому, чтобы подчинить себѣ всю Италію, и будетъ стараться отнять Фландрію и Австрію у короля Карла, отчего могутъ произойти многіе раздоры и междуусобныя войны, если же избиратели и другіе принцы воспротивятся его намѣреніямъ, желая защитить права Имперіи и внука Максимиліана, которому они много обязаны, то онъ лишитъ ихъ владѣній и замѣстить ихъ другими. Чтобы имѣть понятіе о свободѣ, которой они будутъ пользоваться при немъ, стоитъ только бросить взглядъ на Францію, гдѣ было недавно очень много великихъ принцевъ, пользовавшихся властью, а теперь всѣ дрожатъ передъ королемъ. Отвергнувъ такимъ образомъ Франциска I, архіепископъ Майнцскій исключилъ его изъ списка кандидатовъ. Также неблагопріятно отозвался онъ и объ избраніи принца германскаго, говоря, что этотъ слабый принцъ, которому никто не повинуется, не будетъ въ состояніи управлять Германіей, защищать ее, поддерживать и возстановить разрушенное единство религіи. Такимъ образомъ кандидатомъ оставался только испанскій король. Архіепископъ сознался, что если избрать его, то дѣла Германіи потерпятъ отъ его отсутствія, а свободѣ ея будетъ угрожать его могущество, но прибавилъ, что все-же, по его мнѣнію, онъ болѣе другихъ достоинъ сдѣлаться императоромъ, если только принять съ соображеніе его германское происхожденіе, владѣнія, принадлежащія ему въ Имперіи, замѣчательныя качества, которыми онъ одаренъ, и средства, которыя онъ употребитъ на пользу не только Германіи, но и всей христіанской общины; во избѣжаніе же опасностей его могущества можно взять предосторожности.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на избирателей, которые однако пожелали выслушать и архіепископа Трирскаго. Этотъ выразилъ удивленіе по поводу того, что архіепископъ майнцскій оказываетъ предпочтеніе королю испанскому передъ королемъ французскимъ, и замѣтилъ, что Золотая булла одинаково не дозволяетъ какъ избраніе Испанца, такъ и избраніе Француза и что если перваго предпочитаютъ потому, что онъ имѣетъ владѣнія въ Имперіи, то не надо забывать, что и

французскій король имѣетъ право на это предпочтеніе, владѣя Ломбардіей и Арльскимъ королевствомъ, такъ что приходится только рѣшить, который изъ нихъ болѣе достоинъ императорской короны. Онъ утверждалъ, что въ случаѣ избранія французскаго короля, съ условіемъ не нападать ни на Флоренцію, ни на Неаполь, этотъ послѣдній предприметъ походъ противъ Турокъ, чтобы изгнать ихъ изъ Венгріи, и такимъ образомъ защитить Германію, составляющую оплотъ королевства Франціи; если же будетъ избранъ испанскій король, то можно быть увѣреннымъ, что въ Нидерландахъ и Италіи вспыхнетъ война и что Карлъ будетъ стараться отнять у Франциска I Миланъ съ цѣлью присоединенія его къ своимъ владѣніямъ, а въ продолженіе этой борьбы между двумя могущественными христіанскими государями, Турки безъ всякаго сопротивленія завладѣютъ Венгріей; особенно налегалъ онъ на испытанныя достоинства и на извѣстную храбрость Франциска I, противопоставляя имъ неопытную молодость его соперника; еще упиралъ онъ на обходительность французовъ и на горделивую суровость испанцевъ. Въ заключеніе онъ замѣтилъ, что ужъ если выбирать иностранца, то лучше избрать французскаго короля, нежели испанскаго, если же иностранныхъ королей исключить, то тогда слѣдуетъ выбрать принца чисто германскаго и по происхожденію, и по привычкамъ, и по характеру, и по языку и что въ этомъ случаѣ три могущественныя фамиліи: Баварская, Бранденбургская и Саксонская представляютъ достойный выборъ императора, который, по примѣру Рудольфа Габсбургскаго и Максимиліана, заставитъ уважать себя не только во всей Германіи, но и во всемъ мірѣ.

Это соображеніе могло бы имѣть успѣхъ, еслибы саксонскій избиратель согласился съ этимъ, но онъ перешелъ на сторону архіепископа Майнцкаго и сказалъ, что законъ, въ силу котораго они совѣщаются, не позволяетъ имъ избрать короля Франціи, но не препятствуетъ избранію короля испанскаго, который былъ Австрійскимъ эрцгерцогомъ и природнымъ германскимъ принцемъ; при настоящихъ обстоятельствахъ этотъ выборъ кажется ему наилучшимъ и потому онъ подаетъ голосъ въ пользу этого короля, но предварительно предложивъ ему условія, которыя обезпечатъ свободу и неприкосновенность Имперіи и такимъ образомъ предупредятъ опасность, на которую указывали архіепископы Майнцскій и Трирскій. Это мнѣніе взяло верхъ, всѣ согласились съ нимъ, даже Архіепископъ Трирскій, и въ 10 часовъ вечера семь избирателей вознесли свои молитвы о счастливомъ Карлѣ и избрали его римскимъ королемъ и императоромъ подъ именемъ Карла V.

(Revue des Deux-Mondes, janvier 1854, Mignet.)

Домъ Габсбурговъ.

Фердинандъ Католикъ. (Король Арагоніи, Сардиніи и Сициліи, позднѣе также Неаполя и Наварры † 1516).

Изабелла Кастильская († 1504). (Открытіе Америки и покореніе Гренады).

1) Максимиліанъ I. a) въ супр. съ Маріей Бургундской. b) въ супр. съ Біанкой Маріей Миланской.

Владиславъ II. (Король Богеміи и Венгріи).

Изабелла (супруга Эммап. В. † 1498). Іоанна Безумная

Филиппъ Красивый † 1506.

Анна съ Фердин. I.

Людовикъ II. † 1526.

2) **Карлъ V** (I) † 1558, (въ супр. съ Изабеллой Португ).

3) **Фердинандъ I** (1556—1564).

Марія (въ супр. съ Людов. II Венгерскимъ).

Филиппъ II (1555—1598).

Донъ-Карлосъ. **Филиппъ III** (1598—1621).

4) Максимиліанъ II (1564—1576).

Карлъ.

5) **Рудольфъ II.** 6) **Маттіасъ.** (1576—1612).

7) **Фердинандъ II** (30-лѣтняя война).

8) **Фердинандъ III.** (30-лѣтняя война).

Анна супр. Людов. XIII. **Филиппъ IV** (1621—1665).

Люд. XIV (1661—1715).

Марг. Терез. Карлъ II.

9) **Леопольдъ I** (1658—1705). (въ супр. съ Марг. Терез. Испанской.

Людов. Доф. † 1711.

Люд. герц. Бург. Фил. V.

Людов. XV (1715—1774).

1) Марія Антуан.

10) **Іосифъ I** † 1711.

11) **Карлъ VI** († 1740) прагм. санкція.

Іосифъ (претенд. въ войнѣ за Исп. н.)

Карлъ Альбертъ VII.

12) **Марія Терезія** (война за Австрійское наслѣдство и 7-лѣтн. в.)

13) **Іосифъ II.** 14) **Леопольдъ II** † 1792.

15) **Францъ II** † 1835.

4. Начало и распространеніе протестантизма въ Германіи. — Происхожденіе Лютера и его дѣтскіе и юношескіе годы. — Вступленіе въ монашество.

«Я сынъ крестьянина», говоритъ самъ Лютеръ; «отецъ мой, дѣдъ, прадѣдъ были добрые поселяне; отецъ отправился въ Мансфельдъ и сдѣлался рудокопомъ: въ это время я родился на свѣтъ» (1483 г.). Родъ Лютера принадлежитъ селенію, лежащему на самой высотѣ Тюрингенскихъ горъ, недалеко отъ страны, съ которою связано воспоминаніе первой христіанской проповѣди, когда св. Бонифацій возвѣстилъ народу слово Божіе. Дѣйствія Лютера могли остаться прикованными къ его участку земли, потому что въ обычаѣ у тюрингенскихъ крестьянъ была передача имѣнія одному изъ братьевъ, между тѣмъ какъ другіе должны были добывать себѣ пропитаніе на сторонѣ. Послѣднее было удѣломъ Ганса Лютера. Принужденный собственными руками пріобрѣсти себѣ родину и стадо, онъ опредѣлился въ мансфельдскія рудокопни и въ потѣ лица добывалъ насущный хлѣбъ; жена его Маргарита раздѣляла труды его и сама носила дрова въ свою бѣдную хижину. Отъ нихъ произошелъ Мартинъ Лютеръ. Онъ увидѣлъ свѣтъ въ *Эйслебенѣ*, куда его добрая мать отправилась на ярмарку, и выросъ въ рудокопняхъ мансфельдскихъ. Мало по малу, трудами и строгою бережливостью, они обезпечили свое состояніе и даже оставили по себѣ довольно значительное имущество. Гансъ Лютеръ представляетъ типъ настоящаго нѣмца: прямота, честность, суровость, упрямство его имѣли вліяніе на судьбу молодого Мартина; здоровый, практическій умъ его чуждался суевѣрій его соотечественниковъ, онъ не жаловалъ католическаго духовенства, ненавидѣлъ монаховъ. Мать Лютера обладала всѣми качествами хорошей, домовитой хозяйки и доброй матери семейства, впрочемъ, женщина крутаго характера.

Мартину было шесть мѣсяцевъ, когда родители его изъ Эйслебена переселились въ городокъ Мансфельдъ. Здѣсь провелъ онъ 14 лѣтъ своей жизни, эпоху самыхъ живыхъ впечатлѣній, извѣстную намъ только изъ отрывочныхъ свидѣтельствъ самого реформатора. Родители его, при ограниченности средствъ своихъ, не смотря на многочисленное семейство, старались дать ему приличное воспитаніе, обращенное преимущественно на нравственную сторону жизни. Онъ учился дома и въ мансфельдской школѣ; впечатлѣнія дѣтства живо врѣзывались въ его воспріимчивую душу. Рано воспитанъ былъ въ немъ духъ религіозный, который хранился въ семействѣ его какъ-бы по преданію.

Свѣтлыя впечатлѣнія дѣтства Лютера заключались въ томъ, что въ семьѣ его, какъ и въ большинствѣ нѣмецкихъ семействъ

того времени, умѣли веселиться, и послѣ усердной работы въ теченіе цѣлой недѣли по праздникамъ собирались вмѣстѣ, пѣли пѣсни и занимались музыкой. Эти вкусы остались у Лютера на всю жизнь. Особенно онъ любилъ музыку, которую считалъ высшимъ изъ искусствъ. Рано онъ отличился своими способностями, такъ что отецъ его изъ всѣхъ сыновей назначалъ его преимущественно къ ученому званію, громко и горячо молился о духовномъ его усовершенствованіи и старался поддерживать дружественныя связи съ духовенствомъ мансфельдскимъ, подъ руководствомъ котораго началось обученіе молодого Мартина. Должно думать, что этотъ послѣдній, при всемъ религіозномъ характерѣ, отъ времени до времени обнаруживалъ дурныя наклонности, которыя родители его старались искоренять мѣрами строгости. Онъ разсказываетъ въ застольныхъ рѣчахъ, что мать избила его до крови за покражу орѣха. Въ другой разъ отецъ наказалъ его такъ строго, что сынъ бѣжалъ отъ него и получилъ къ нему отвращеніе, пока отецъ снова не пріучилъ его къ себѣ. «Родители мои», говоритъ Лютеръ, «держали меня сурово, отчего я сдѣлался робкимъ; ихъ строгое обращеніе было причиною того, что я послѣ бѣжалъ отъ нихъ въ монастырь и сдѣлался монахомъ. Побужденія ихъ были прекрасны, но они не умѣли различать врожденныхъ характеровъ, съ которыми всегда должны быть соразмѣряемы и наказанія». Эта излишняя строгость въ исправительныхъ мѣрахъ отвела сердце Лютера отъ отца и матери и посѣяла ту холодность въ отношеніи къ родителямъ, которая непріятно поражаетъ насъ во все продолженіе жизни его. Всѣ послѣдующія дѣйствія, въ которыхъ замѣчаемъ со стороны его сближеніе съ отцомъ, были слѣдствіемъ болѣе разсчитаннаго убѣжденія, нежели чувства. Сохраняя благодарность къ отцу и матери за труды при его воспитаніи, онъ не побоялся произнести надъ ними собственный судъ, который перешелъ въ потомство, преданный письму его обожателями наравнѣ съ другими незабвенными изреченіями великаго человѣка. Но несомнѣнно, что раздражительность, впослѣдствіи типическая черта реформатора, во многомъ участвовала и въ дѣтскихъ отношеніяхъ его къ родителямъ.

Школьная жизнь его была продолженіемъ домашней. Учители вступили въ колею, проложенную родителями, и также неумѣренною строгостью раздражали его впечатлительность. Въ наставленіи нѣмецкимъ городамъ объ учрежденіи школъ онъ сильно нападаетъ на неспособныхъ наставниковъ, сравниваетъ ихъ съ палачами, которые, не принося пользы дѣтямъ, только отвращаютъ ихъ отъ ученія. «Я видалъ въ жизни учителей, для которыхъ наказаніе ребенка составляло наслажденіе. Учениковъ держали такъ строго, что имъ давали названіе мучени-

ковъ. Экзамены были настоящею пыткою для учащейся молодежи». Это сказано, конечно, въ примѣненіи къ собственному опыту, ибо Лютеръ, тотчасъ послѣ того, прибавляетъ, что онъ самъ въ одно утро 15 разъ наказанъ былъ ударами. Запуганные мальчики не могли выносить обличительнаго взора. Во время вакапцій, на святкахъ, Лютеръ, еще мальчикомъ, съ своими товарищами обходилъ дворы поселянъ и, припѣвая въ четыре голоса обыкновенные псалмы о младенцѣ Іисусѣ, въ Виѳлеемѣ родившемся, просилъ милостыню. За грошъ нанимался онъ провожать похороны. Чѣмъ занимался онъ въ мансфельдской школѣ? Средства воспитанія были слишкомъ недостаточны; наставники—не опытны и невѣжественны. Она была школой латинской, а такихъ было немного въ Германіи въ XV вѣкѣ. Читать и писать онъ выучился еще въ домѣ отца, а въ школѣ, по собственному свидѣтельству — десяти заповѣдямъ, символу вѣры, молитвѣ Господней, Донату, грамматикѣ и духовному пѣнію. Здѣсь оставался онъ до 14 лѣтъ. Но послѣдующія усилія его наверстать пропущенное въ молодости свидѣтельствуютъ, какъ мало вынесъ онъ познаній изъ мансфельдской школы. Впечатлѣнія религіозныя даютъ, конечно, главное содержаніе этому первому періоду его юношеской жизни. Бѣдность и лишенія рано посѣтили его скорбное одиночество. Безотрадная жизнь въ угрюмомъ родительскомъ домѣ и безпривѣтномъ училищѣ, холодность всего окружающаго своимъ мрачнымъ прикосновеніемъ рано погружаютъ его во внутренній міръ, заставляютъ бесѣдовать съ Богомъ и совѣстью.

Въ 1497 году онъ былъ отправленъ въ Магдебургъ, безъ средствъ для существованія, предоставленный собственной судьбѣ. Онъ пробылъ не болѣе года въ тамошней францисканской школѣ. Воспитаніе подъ монашескимъ надзоромъ, разумѣется, не могло развить въ немъ болѣе свѣтлаго міросозерцанія; представленія о Богѣ и религіи должны были сохранить свой мрачный оттѣнокъ, развернуться еще съ большею силою. Нищенствующіе монахи, искусно пользуясь выгодами своего положенія — воспитателей юношей, словомъ и примѣромъ внушали уваженіе къ монашеской жизни, не только убѣжденіемъ, но и насиліемъ привлекали въ свой орденъ наиболѣе талантливыхъ. Магдебургъ, резиденція архіепископа, богатый и цвѣтущій, представлялъ типъ самаго строгаго церковнаго управленія и крайняго развитія теократическихъ началъ средневѣковой Германіи. Сильно потрясло душу Лютера одно впечатлѣніе, которое и въ счастливѣйшіе дни его жизни не изгладилось изъ памяти, а въ то время вполнѣ подходило къ его мрачному воззрѣнію на жизнь. «Я видѣлъ своими глазами принца Вильгельма ангальтскаго, блѣднаго, какъ смерть, измождившаго тѣло свое суровымъ по-

стомъ и бдѣніемъ. Онъ ходилъ въ монашеской шапкѣ, сгибаясь до земли подъ тяжестію нищенской сумы, и просилъ милостыню; между тѣмъ какъ впереди его ходилъ здоровый монахъ, которому въ десять разъ легче было бы снести его бремя, но благочестивый князь не давалъ ему его. Кто смотрѣлъ на него, невольно приходилъ въ умиленіе и учился стыдиться своего свѣтскаго состоянія».

Когда средства существованія истощились въ Магдебургѣ, онъ, по волѣ родителей, перешелъ въ Эйзенахъ, гдѣ отъ многочисленныхъ родственниковъ его они надѣялись доставить ему поддержку. Въ этомъ городѣ было хорошее латинское училище. Здѣсь 16-ти-лѣтній Мартинъ, прошедши чрезъ школу несчастія, съ необыкновеннымъ усердіемъ предается наукѣ, подъ руководствомъ хорошихъ наставниковъ изучаетъ успѣшно латинскую грамоту; отсюда выноситъ онъ жажду къ познаніямъ, эту истинно безпримѣрную дѣятельность, которая сдѣлала его достойнымъ представителемъ реформаціи. Какъ бы предчувствуя высокое свое назначеніе, онъ всею душою стремится въ университетъ, въ которомъ, по словамъ Меланхтона, онъ видѣлъ источникъ всѣхъ своихъ познаній. Между тѣмъ надежда на содѣйствіе родственниковъ обманула его. Доведенный до крайности, онъ жилъ подаяніемъ, которое теперь, при развившемся сознаніи, могло оскорблять его самолюбіе.

Въ то время въ Тюрингіи существовалъ у бѣднѣйшихъ студентовъ обычай ходить по улицамъ съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ и собирать милостыню. Лютеръ также ходилъ по городу и самъ разсказываетъ, какъ часто ему приходилось выслушивать грубость и отказъ у чужихъ дверей и за свои пѣсни не получать и остатковъ сытнаго стола у богатаго дома. Онъ уже начиналъ отчаяваться и думалъ возвратиться къ отцу, когда однажды, отправившись за милостынею къ одному богатому дому, онъ познакомился съ хозяйкою этого дома, г-жею Коттою; она пригласила Лютера къ себѣ и, узнавъ его ближе, просила давать уроки ея дѣтямъ. Лютеръ охотно принялъ это предложеніе и съ признательностью всегда вспоминалъ объ этой доброй женщинѣ, въ домѣ которой онъ нашелъ все, чего не видалъ въ своей семьѣ. Благодаря ей, онъ могъ перейдти въ эрфуртскій университетъ и впослѣдствіи любилъ разсказывать о своемъ миломъ городѣ, въ которомъ онъ узналъ много хорошаго. 17-го іюля 1501 года, онъ переселился въ Эрфуртъ и вступилъ въ тамошній университетъ.

Съ университетскою жизнью Лютера начинается для него новое поприще успѣховъ и возрастающей извѣстности. Онъ принятъ въ философскій факультетъ, подъ названіемъ Martinus Ludher ex Mansfeld, подъ ректорствомъ магистра Іодока Трут-

феттера. Гансъ Лютеръ готовилъ сына къ званію ученаго законовѣда, вообще къ занятію выгоднаго мѣста въ гражданской службѣ; онъ считалъ себя въ правѣ располагать судьбою своего сына, потому что, по собственному свидѣтельству его, «со всею любовью и вѣрностью содержалъ его въ университетѣ и, тяжелыми трудами, въ потѣ лица своего, помогъ ему сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ мы видимъ его въ послѣдствіи.» Въ 1503 году Мартинъ получаетъ степень баккалавра и съ нею — право читать философскія лекціи; въ началѣ 1504 года — степень магистра. Занявъ второе мѣсто между 17-ю кандидатами послѣ экзамена, онъ сталъ читать лекціи объ Аристотелевой физикѣ и этикѣ, а чтобъ исполнить желаніе отца, принужденно занимался правами, хотя отъ природы питалъ отвращеніе къ законовѣдѣнію и послѣ не пропускалъ ни одного случая задѣть за живое юристовъ. Богословскія науки тогда по самому роду занятій поглощали досугъ; къ тому же онъ страстно любилъ ихъ, и молодой умъ, познавая свое назначеніе, уже прокладывалъ себѣ собственный широкій путь развитія. Вмѣстѣ съ годами усиливалось въ немъ религіозное стремленіе, крѣпли представленія дѣтства; онъ росъ ревнивымъ поклонникомъ римской церкви, которая доставила ему и средства образованія и не переставала манить его подъ благодатный покровъ свой. Два раза въ Эрфуртѣ повторялъ онъ обѣтъ — *сдѣлаться благочестивымъ* и идти на богомолье въ Римъ. 1503 года, на Святой недѣлѣ онъ вышелъ изъ Эрфурта въ сопровожденіи одного товарища, для посѣщенія родителей, вооруженный, по обычаю странствующихъ студентовъ. На разстояніи одной мили отъ города, нечаянно выскочившая изъ ноженъ шпага порѣзала ему главную жилу ноги. Кровь съ трудомъ остановлена, пока выписывали городскаго врача; но эта насильственная остановка крови причинила ему невыносимую боль. «Maria hilf!» взывалъ больной, въ ожиданіи смерти. Цѣлую ночь имя Богородицы не сходило у него съ языка. Онъ отчаявался въ жизни и боялся смерти; его тревожили помышленія о будущей судьбѣ его за гробомъ. Тогда какой-то священникъ успокоилъ его знаменательною рѣчью: «Будь покоенъ», сказалъ онъ ему: «это ложе болѣзни не будетъ твоимъ смертнымъ одромъ; Богъ еще сдѣлаетъ тебя великимъ мужемъ, и ты, въ свою очередь, станешь утѣшать многихъ, потому что кого Богъ любитъ и кому хочетъ доставить блаженство, на того рано налагаетъ святой крестъ Свой въ испытаніе терпѣнія.»

«Въ Эрфуртѣ—говаривалъ Лютеръ—былъ другъ у меня, который на опасенія мои о слабомъ здоровьи отвѣчалъ мнѣ:

«Не безпокойся, любезный баккалавръ! Ты еще будешь нѣкогда великимъ мужемъ.»

«Слова его были пророчествомъ.» Видно, что они тогда еще залегли въ его сердцѣ, что онъ имъ вѣрилъ, какъ предопредѣленію Божію. Въ предчувствіи чего-то великаго, онъ работалъ неутомимо. Достигнувъ степени магистра, онъ сказалъ: «Съ этихъ поръ я не перестану трудиться, чтобы не уронить чести нѣмецкихъ магистровъ»; слово великое, признакъ глубоко развитаго народнаго и личнаго самосознанія; а съ этими двумя всемогущими орудіями совершена имъ побѣда надъ западною церковью.

Въ началѣ XVI столѣтія католическая церковь въ Германіи стояла на незыблемомъ основаніи, исключая немногихъ отдѣльныхъ вспышекъ патріотизма въ благороднѣйшихъ сынахъ нѣмецкой земли. Глубоко невѣжественная толпа еще благоговѣла въ безмолвіи передъ истуканомъ, покрывавшимъ себя личиною патріотизма, выставлявшимъ въ папѣ попечительнаго отца нѣмецкой народности, а въ Римѣ—христіанскій оплотъ противъ дикой турецкой силы. Не смотря на частныя противодѣйствія во многихъ мѣстахъ Германіи, формы іерархіи и папскаго абсолютизма сохраняли вездѣ еще огромный перевѣсъ силы. Эрфуртъ, гнѣздо гуманистовъ и оппозиціонныхъ ученій, въ тоже время былъ городомъ монашескимъ по преимуществу. Самые отъявленные противники Рима, не только въ политическихъ, но и въ религіозныхъ стремленіяхъ, не смѣли еще доходить до отрицанія монашества, такъ сильно тянувшаго къ себѣ и Лютера въ стѣнахъ этого города, и послѣдніе дни свои посвящали служенію Богу въ монастырскомъ уединеніи. Духовенство крѣпко властвовало въ іерархическомъ городѣ и подавляло всякое противодѣйствіе всемогущимъ вліяніемъ на убѣжденія народа. Исполненный мрачныхъ представленій католика, Лютеръ съ намѣреніемъ удалялъ себя отъ общенія съ веселою и отчасти испорченною школою гуманистовъ, собиравшихся въ Эрфуртѣ при веселомъ звонѣ стакановъ; онъ отыскивалъ и съ избыткомъ находилъ страшныя сцены монастырскихъ лишеній. Онъ видѣлъ Картезіанскихъ монаховъ больныхъ, истощенныхъ, опиравшихъ на клюку свое дряхлое тѣло; онъ спрашивалъ: «Не освобождаютъ ли ихъ ради немощи отъ службы и бдѣній?» Они жалобно отвѣчали: «Нѣтъ.» Онъ спрашивалъ ихъ съ удивленіемъ: «Отчего дошли они до такой преждевременной старости?» Они отвѣчали: «Отъ лишенія сна.» Онъ спрашивалъ далѣе: «Отчего же вы не спите?» и снова внималъ отвѣту, что «уставъ не разрѣшаетъ имъ сна и въ мѣру.» Мартинъ испытующимъ взоромъ обходилъ всѣ окрестные монастыри и вездѣ представлялись ему однообразно-печальныя сцены, раздражая его пламенное воображеніе.

Между тѣмъ, какъ впечатлѣнія монашества развивали созерцательное воззрѣніе Лютера, успѣхи земные и обаянія времен-

ной славы сильно привязывали его къ жизни. Борьба этихъ двухъ противоположныхъ стремленій продолжается до самаго вступленія его въ монастырь. Онъ еще въ старости сохранилъ живыя воспоминанія о пышныхъ и торжественныхъ актахъ, сопровождавшихъ возведеніе въ магистерскій санъ, о томъ, какъ съ преднесеніемъ факеловъ новые члены университета разъѣзжали по городу великолѣпными поѣздами. Значеніе университетовъ въ средніе вѣка условливалось ихъ іерархическою важностью; ученыя степени давали право на участіе въ привилегіяхъ духовнаго сана, на всеобщее уваженіе простаго народа, на короткое общеніе съ верховною властью. Ученое званіе въ то время не было однимъ только средствомъ къ достиженію другихъ общественныхъ цѣлей, или же отвлеченнымъ стремленіемъ къ высшему духовному образованію. Надменные magistri nostri составляли почетное сословіе въ настоящемъ значеніи, и это сословіе входило органическою частію въ развитіе средневѣковой жизни, потому что авторитетъ его считался непогрѣшительнымъ; а въ средніе вѣка вопросы науки непосредственно связаны были съ вопросами церкви и государства. Права властей и сословій и самыя уклоненія отъ нихъ развивались въ строгой законности юридическихъ формъ; на все создались теоріи; иначе и быть не могло при сильномъ развитіи личности, отличающемъ средневѣковую жизнь. Лютеръ находился на перепутьи къ соблазнамъ мірскаго величія: онъ не былъ нечувствителенъ къ внушеніямъ славы; описавъ торжественный церемоніалъ посвященія въ магистры, онъ прибавляетъ: «Я полагаю, что ни одна временная свѣтская радость не можетъ сравниться съ этою почестію.» Здѣсь говоритъ его собственный опытъ. Въ его время Эрфуртскій университетъ стоялъ на высшей степени славы; въ позднѣйшее время онъ говоритъ о ней, какъ объ отжившей, укоряетъ архіепископа Майнцкаго въ пренебреженіи къ высокимъ школамъ Майнца и Эрфурта. Въ послѣдней давно уже господствовало броженіе религіозныхъ идей, враждебныхъ католицизму; здѣсь въ половинѣ XV-го вѣка дѣйствовалъ Вейсель, но самое преподаваніе не выходило изъ тѣсныхъ предѣловъ ученія, которое узаконено было Римскою іерархіею.

Предметы преподаванія: богословіе, въ сухой схоластической формѣ; каноническое и римское право въ ближайшемъ ихъ отношеніи къ спору императора съ папой; философія въ примѣненіи ея къ богословію въ извращенномъ Аристотелѣ; изученіе латинской словесности, даже римскихъ классиковъ, съ которыми Лютеръ впервые познакомился здѣсь основательно. Объ исторіи, наукахъ естественныхъ не имѣли и понятія. Церковная исторія доходила до нѣмцевъ только въ итальянскихъ источникахъ, писанныхъ въ духѣ папскаго самовластія. Наставники Лю-

тера были монахи, напитанные господствующимъ ученіемъ Рима.

Въ 1505 году Лютеръ оставляетъ свѣтъ и вступаетъ въ обитель. Прежніе писатели удивлялись этому дѣйствію, считая его внезапной рѣшимостью, плодомъ минутнаго увлеченія, неразсчитаннымъ дѣломъ его суевѣрія; но мы уже знаемъ, что вся совокупность религіозныхъ впечатлѣній, на него дѣйствовавшихъ, одной стороной незамѣтно влекла его въ монастырь. Ближайшій поводъ къ его отреченію отъ міра такъ передается въ источникахъ: Одинъ изъ друзей его, или университетскихъ товарищей, по имени Алексѣй, убитъ былъ неожиданно возлѣ него, либо громомъ, либо рукою измѣнника. Какъ бы то ни было, но это сильно потрясло душу Лютера. Вскорѣ послѣ того, въ душный лѣтній день онъ шелъ по одинокой тропинкѣ, въ мрачномъ предчувствіи будущаго, въ размышленіяхъ о страшныхъ примѣрахъ гнѣва Божія и о необходимости получить заранѣе спасеніе души. Моровое повѣтріе, опустошавшее въ то время Эрфуртъ, нагоняло на него мрачныя думы. Въ такомъ болѣзненномъ расположеніи и духа и тѣла, его настигла страшная гроза между Эрфуртомъ и деревней Штоттергеймъ. Оглушительный ударъ раздался вблизи, молнія ударила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Въ ужасѣ Мартинъ воскликнулъ:

«Боже! помоги мнѣ! Я буду монахомъ». Это была минута душевнаго изнеможенія, минута сильнаго, всеобъемлющаго стремленія посвятить себя служенію Богу, который Самъ какъ будто взывалъ къ нему въ небесномъ видѣніи.

Давши обѣтъ, онъ взялъ себѣ двѣ недѣли на размышленіе. Первымъ повѣреннымъ тайны своей онъ выбралъ наставника своего, магистра Штаффельштейна, какъ главнаго начальника школъ. Онъ одобрилъ рѣшеніе Лютера, совѣтовалъ ему вступить въ монастырь Францисканскій, самъ повелъ его къ монахамъ, хвалилъ способности молодаго сподвижника, называлъ его единственнымъ ученикомъ, къ которому онъ чувствуетъ неограниченную довѣренность. Мартинъ только хотѣлъ испросить согласія родителей; но ректоръ и монахи всѣми силами воспротивились этому. Они предложили ему слова Іеронима, что должно оставить отца и матерь и прилѣпиться къ Кресту. Мартинъ обѣщался торжественно возвратиться въ непродолжительномъ времени, сдѣлаться благочестивымъ, богобоязненнымъ и набожнымъ инокомъ.

День Алексія назначенъ былъ Лютеромъ для вступленія въ обитель. Наканунѣ этого дня онъ въ послѣдній разъ созвалъ друзей своихъ, въ послѣдній разъ занимался съ ними пѣніемъ и музыкой и, при самомъ прощаніи, поразилъ ихъ неожиданною вѣстью. Они тщетно упрашивали его отказаться. «Сегодня въ

послѣдній разъ меня видите», было прощальное слово его: «я твердо пребываю въ намѣреніи заключиться навѣки въ монастырскія стѣны». Вечерняя пирушка была послѣднею данью міру, юности, дружбѣ. Еще въ ту же ночь, или на другое утро, онъ поспѣшилъ въ монастырь Августинскій и принятъ былъ съ отверстыми объятіями. Оставивъ все имущество, онъ взялъ съ собою изъ книгъ — Виргилія и Плавта; всѣ прочія возвратилъ книгопродавцамъ. Родителей и отсутствующихъ друзей своихъ увѣдомилъ обо всемъ письменно, благодаря всѣхъ за оказанную любовь и ласку; въ-заключеніе отослалъ магистерскій перстень и свѣтское платье.

Въ 1522 году Лютеръ посвящаетъ отцу своему сочиненіе о духовныхъ и монашескихъ обѣтахъ и здѣсь, въ откровенной бесѣдѣ съ родителемъ, сознается, что онъ не охотно и не по доброй волѣ принималъ постриженіе, но въ минуту отчаянія, среди ужасовъ смерти, принесъ насильственный, принужденный обѣтъ, что онъ шелъ въ монастырь безъ вѣдома и противъ воли родителей въ то самое время, когда отецъ уже готовилъ ему богатую невѣсту. Восторженный юноша разставался съ міромъ не безъ сожалѣнія, не съ холоднымъ чувствомъ старческаго разочарованія, а приносилъ дѣйствительно великую жертву своимъ убѣжденіямъ. Онъ бѣжалъ въ монастырь отъ мірской суеты и соблазновъ, чтобы тяжкими подвигами умерщвленія плоти и дудуховнаго самоотверженія искупить спасеніе души своей. 15 лѣтъ, проведенныхъ въ монастырѣ, обусловливали всю послѣдующую дѣятельность Лютера, всю будущую судьбу европейскихъ событій; жизнь его, по отдѣленіи отъ Римской церкви, есть жизнь поворотная, обратное шествіе по тому же пути: всѣ позднѣйшія выходки его противъ монашества суть рядъ ощущеній, пережитыхъ имъ самимъ, и слѣдствіе его взгляда на пустынножительство, за которымъ слѣдовала горесть разочарованія и досада обманутыхъ ожиданій.

По совершеніи обыкновеннаго церемоніала, Лютеръ поселился въ монастырѣ, подъ надзоромъ «старшаго брата», съ обѣтомъ— не имѣть частной собственности, жить цѣломудренно, по уставу Бл. Августина, до самой смерти. Друзья его, подошедшіе къ монастырской оградѣ въ послѣдній разъ уговаривать юношу, не были впущены. Но ничто не можетъ сравниться съ негодованіемъ старика Ганса, когда онъ получилъ извѣщеніе сына. Онъ на цѣлыхъ два года прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Пронесшаяся молва о смерти Мартина нашла въ немъ глубокое равнодушіе и нисколько не смягчила его гнѣва. Всѣ увѣщанія родственниковъ, возражавшихъ, что если онъ хочетъ принести жертву, угодную Богу, то долженъ рѣшиться пожертвовать сыномъ, лишь только раздражали упрямаго старика. Онъ считалъ

его отжившимъ членомъ семейства, хотя кромѣ его, не имѣлъ уже сыновей. Правила Августинскаго ордена отличались соразмѣрно большей свободой противъ всѣхъ прочихъ уставовъ. Постриженникъ вручался надзору старшаго брата, испытаннаго въ вѣрѣ и нравственности. Всякій шагъ келейной и общемонастырской жизни его былъ размѣренъ и опредѣленъ цѣлымъ рядомъ мелочныхъ узаконеній и не могъ совершаться безъ особеннаго разрѣшенія настоятеля, или этого брата. Малѣйшее отступленіе считалось грѣхомъ, а грѣхи въ свою очередь дѣлились на три разряда, смотря по важности преступленій. Безропотно подчиняясь всей тяжести монастыркихъ законовъ, Мартинъ скоро сдѣлался предметомъ зависти цѣлаго конвикта. Члены его всѣми мѣрами старались отвратить его отъ чтенія библіи, въ которой не могли отказать ему, какъ лицу духовному; старались за то отнимать у него время на книжныя занятія. Кроя всѣхъ на одну мѣрку, они не дѣлали различія между способностями и дарованіями иноковъ. Сами отличаясь невѣжествомъ, боялись умственнаго преобладанія тѣхъ изъ монаховъ, которые обнаруживали любовь къ чтенію. По опредѣленію конвикта, Лютеръ, подвергся усиленной строгости: принужденъ былъ исполнять караулы, заводить часы монастырскіе, выметать церкви, ходить по улицамъ города съ нищенской сумой, въ униженномъ видѣ являться жителямъ, которые помнили такъ хорошо его университетскую славу.

Жизнь Лютера въ монастырѣ представляетъ примѣръ высокаго самоотверженія, строжайшаго исполненія самыхъ суровыхъ обязанностей, поста и воздержности. Меланхтонъ свидѣтельствуетъ, что онъ по нѣскольку сутокъ не ѣлъ хлѣба и не пилъ воды. Всѣ роды тѣлесныхъ лишеній выносилъ онъ съ стоическою твердостью. Усиленныя молитвословія, бдѣнія, посты, голодъ и холодъ, жесткое ложе подтачивали его жизненныя силы: изъ цвѣтущаго здоровьемъ юноши сдѣлался блѣдный, безжизненный остовъ. Въ позднѣйшихъ отзывахъ его читаемъ подробную келейную лѣтопись его тѣлесныхъ и душевныхъ страданій. Этой ревности въ исполненіи внѣшнихъ подвиговъ иночества соотвѣтствовали строгія убѣжденія послушнаго сына Западной Церкви. «Папу боготворилъ я отъ чистаго сердца и глубины души не ради тучныхъ пребендъ, прелатуръ и духовныхъ имѣній; но все, что я дѣлалъ, то дѣлалъ отъ простоты сердца, съ усердіемъ искреннимъ, нелицемѣрнымъ. Я такъ высоко уважалъ папу, что былъ увѣренъ, что кто отступаетъ отъ него въ малѣйшей чертѣ закона, тотъ осужденъ на вѣкъ и становится добычею дьявола». Не смотря на все это, измученная совѣсть его не находила покоя. «О грѣхъ мой, грѣхъ мой, грѣхъ мой!» взывалъ онъ въ отчаяніи, не достигая желаннаго примиренія

съ Богомъ, чувствуя вѣчныя, нескончаемыя угрызенія совѣсти. Если по временамъ и выдавались отрадныя минуты успокоенія, онѣ были непродолжительны, смѣняясь страшными картинами гнѣва Божія, предвѣстниками вѣчнаго огня въ аду. Лишенія и скорби лишь только сильнѣе рождали въ немъ безпредѣльное чувство внутренняго неудовлетворенія. И днемъ и ночью смущалъ его таинственный голосъ, какъ вѣщаніе высшей силы: «Кто знаетъ, угодны ли Господу твои подвиги»?

Мартинъ 2-го мая 1507 году въ первый разъ служилъ литургію. По этоту случаю старикъ Гансъ Лютеръ изъявилъ согласіе на примиреніе съ сыномъ и пріѣхалъ на торжество. Онъ явился въ сопровожденіи 20 всадниковъ и, по обычаю того времени, подарилъ сыну 20 гульденовъ.»

На общей трапезѣ, окончившей торжество, произошла новая сцена между Мартиномъ и Гансомъ. Первый обратился съ вопросомъ къ отцу, отчего онъ такъ долго противорѣчилъ рѣшимости его вступить въ монастырь на стезю покойной, богобоязненной жизни? прибавляя, что самъ Богъ небеснымъ страшнымъ видѣніемъ воззвалъ его къ служенію Себѣ. Присутствующіе говорили въ духѣ Мартина. «Дай Богъ!» воскликнулъ старикъ, «чтобъ это не было навожденіемъ дьявольскимъ. А этого ты никогда не слыхалъ, что Богъ велѣлъ повиноваться родителямъ? Господа ученые!» прибавилъ онъ, окинувъ собраніе испытующимъ взоромъ:» неужели вы не читали въ св. Писаніи: «Чти отца твоего и матерь твою?» — «Я не понималъ тогда этой рѣчи», писалъ Лютеръ въ посвященіи отцу своему: «я ожесточалъ свое сердце въ мнимой набожности, я презиралъ тебя, какъ человѣка. Но слово твое проникло до глубины души моей, какъ будто Самъ Богъ говорилъ твоими устами».

(Новиковъ: «Гусъ и Лютеръ».)

5. Продажа индульгенцій въ окрестностяхъ Витенберга. — Обвинительные тезисы, прибитые Лютеромъ къ дверямъ собора. — Отношеніе къ нему курфирста Фридриха. — Каэтанъ. — Мильтицъ. — Меланхтонъ.

Папа Юлій II началъ строить храмъ св. Петра; Левъ X, покровитель всѣхъ искусствъ, точно также процвѣтавшихъ въ Италіи, какъ во время Перикла въ Аѳинахъ, продолжалъ эту постройку; кромѣ того, онъ жилъ въ Римѣ съ баснословною роскошью и потому былъ принужденъ не пренебрегать ничѣмъ, чтобы добыть денегъ. Средства придумывались самыя разнообразныя; изъ нихъ мы упомянемъ о самомъ гнусномъ—продажѣ отпущенія грѣховъ; странствующіе монахи развозили эти индульгенціи и какъ рыночные торгаши продавали свой товаръ, въ

томъ числѣ даже прощенія будущихъ грѣховъ. Папа отдалъ продажу индульгенцій на откупъ, за что получилъ порядочную сумму; примасъ германскій, архіепископъ майнцскій Альбрехтъ, дѣлилъ съ нимъ барыши и пріискивалъ безстыдныхъ монаховъ, разъѣзжавшихъ повсюду и продававшихъ разрѣшенія. Архіепископу Альбрехту, человѣку образованному и расположенному къ новой наукѣ, торговля индульгенціями была съ руки, потому что ему приходилось много платить папѣ за такъ называемый паліумъ; къ тому же, владѣя противно церковнымъ уставамъ, въ одно и то же время двумя аріепископствами (майнцскимъ и магдебургскимъ) и епископствомъ, онъ долженъ былъ жить въ ладу съ папой. Комиссаромъ архіепископа для продажи индульгенцій былъ доминиканецъ Тецель, который съ 1517 г. въ продолженіе трехъ лѣтъ развозилъ индульгенціи и выкликалъ ихъ на базарѣ, какъ разнощикъ; онъ дошелъ до того, что взялъ себѣ помощника, который велъ себя всюду еще безстыднѣе, чѣмъ Тецель. Церковь учила, что множество мучениковъ и святыхъ церкви имѣли такое обиліе заслугъ передъ Богомъ, что изъ нихъ составилось сокровище, которое глава видимой церкви можетъ дарить или продавать вѣрующимъ, имѣющимъ мало заслугъ или даже совершившимъ тяжкіе грѣхи. Съ перваго взгляда видно, куда могла повести подобная теорія. Тецель и его помощникъ пользовались ею для сбыта своего товара; люди же, подобные Льву X и Альбрехту майнцскому, вѣроятно въ душѣ не оправдывали ее.

Наконецъ Тецель открылъ свою лавочку близъ Виттемберга въ Ютербокѣ и Цербстѣ, и когда Лютеръ требовалъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей покаянія, они въ отвѣтъ ссылались на индульгенціи, купленныя ими. Тогда набожный, но очень вспыльчивый Лютеръ вышелъ изъ себя и, говоря его словами: «Когда множество народа бросилось изъ Виттемберга въ Ютербокъ и Цербстъ за индульгенціями, я, клянусь Господомъ моимъ Іисусомъ Христомъ, не зналъ, подобно всѣмъ прочимъ, что такое отпущеніе, и сталъ осторожно проповѣдывать, что можно бы дѣлать что нибудь получше и повѣрнѣе, чѣмъ покупать разрѣшенія». Такой проповѣдникъ, какъ Лютеръ, превосходно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, противопоставлявшій звучнымъ фразамъ классическихъ ученыхъ задушевное краснорѣчіе и бывшій самымъ популярнымъ человѣкомъ въ народѣ и молодежи, былъ опаснымъ соперникомъ невѣжественному монаху, знавшему только діалектику. Тецель бранилъ и проклиналъ его или, какъ наивно говоритъ Матезій, «онъ проклиналъ, ругалъ и бранилъ Лютера архіеретикомъ, какъ подобаетъ защитнику индульгенцій». Лютеръ вышелъ изъ себя и предложилъ своему противнику поединокъ, какъ дѣлали тогда ученые, подражая

рыцарямъ. Рыцарь бросалъ перчатку или посылалъ противнику вызовъ; ученый же публиковалъ свой тезисъ и вызывалъ противника опровергнуть его на публичномъ диспутѣ. Лютеръ сдѣлалъ это наканунѣ праздника всѣхъ святыхъ 1517 г.; онъ прибилъ къ дверямъ замковой церкви въ Виттембергѣ 95 параграфовъ и предлагалъ защищать ихъ. Мы не будемъ говорить о содержаніи этихъ параграфовъ; для нашей цѣли достаточно сказать, что споръ двухъ монаховъ о церковномъ ученіи произвелъ расколъ въ церкви и въ государствѣ, чего не подозрѣвалъ и самъ Лютеръ, публикуя свои тезисы.

Девяносто пять тезисовъ Лютера скоро распространились не только по всей Германіи, но и по всей Европѣ; охотниковъ оспаривать ихъ однако не нашлось. Тецель два раза публиковалъ возраженія на нихъ, и о вторыхъ возраженіяхъ его происходилъ 20 января 1518 г. диспутъ во Франкфуртѣ на Одерѣ. Вѣроятно невѣжественный Тецель убѣдилъ франкфуртскаго профессора и доктора богословія Вимпину написать возраженія, въ которыхъ схоластическое папское ученіе защищалось противъ Лютера. При этомъ Тецель ругалъ страшнымъ образомъ, хотя прямо не называя Лютера, преступную ересь и наконецъ въ качествѣ духовнаго судьи велѣлъ сжечь параграфы Лютера. Въ отместку друзья Лютера сожгли въ Виттембергѣ, хотя, какъ онъ говоритъ, помимо его вѣдома и желанія, возраженія Тецеля.

Съ этого времени доминиканцы, которымъ были тогда предоставлены церковныя и свѣтскія каѳедры и право духовнаго суда, яростно проповѣдовали противъ августинскаго монаха, призваннаго курфирстомъ Фридрихомъ въ Виттембергъ, по рекомендаціи провинціала его ордена, Штаупица; надо согласиться, что Лютеръ не остался у нихъ въ долгу. Онъ основательно зналъ терминологію эйслебенской черни, что впослѣдствіи и доказалъ. Лютеръ былъ человѣкъ смѣлый; сначала онъ долженъ былъ обратиться къ народу. Мы конечно не отрицаемъ его грубости, но она, какъ мечъ, разсѣкла узелъ, котораго никогда бы не развязали льстивыя придворныя рѣчи Эразма и мягкость Меланхтона. Отвѣтъ Лютера на возраженія Тецеля доказываетъ, что онъ разсчитывалъ на поддержку своего государя: «Я, докторъ Мартинъ Лютеръ въ Виттембергѣ, если найдется кто нибудь думающій, что можетъ ѣсть желѣзо и взрывать скалы, пусть знаетъ, что найдетъ здѣсь вѣрное убѣжище, открытыя двери, даровое пристанище и продовольствіе по милостивому слову достохвальнаго и христіанскаго государя, герцога Фридриха курфирста въ Саксоніи». Въ первыя же недѣли 1518 г. это преніе превратилось въ споръ о значеніи римскаго престола и о томъ, должно ли давать важнѣйшимъ схоластическимъ писателямъ вѣсъ въ вопросѣ о сущности христіанства. По неосторож-

ности двухъ богослововъ, занимавшихъ важное мѣсто въ церковной іерархіи, дѣло Лютера стало дѣломъ всей нѣмецкой имперіи, и когда въ него вмѣшался папа Левъ X—дѣломъ всего христіанства. Сильвестръ Пріэріасъ, доминиканскій монахъ и папскій придворный и Іоганнъ Эккъ, проканцлеръ ингольштадтскаго университета и каноникъ эйхштедтскій, приняли на себя защиту ученія, на которое нападалъ Лютеръ; но они дѣйствовали такъ неблагоразумно, что исказили самый характеръ этого ученія. Пріэріасъ посвятилъ свой памфлетъ папѣ, при дворѣ котораго жилъ, но доказалъ, что такъ же неспособенъ состязаться съ Лютеромъ, какъ въ XVIII ст. гамбургскій пасторъ Гёце—съ Лессингомъ. Римскій придворный доминиканецъ относился въ своей книжкѣ, къ Лютеру такъ, какъ и у насъ еще относятся къ своимъ противникамъ знатныя особы, благоволящія взяться за перо писателя. Лютеръ, въ характерѣ котораго было нѣсколько санкюлотизма, разумѣется не могъ стерпѣть. Что касается тона, которымъ римскій придворный осмѣливался говорить папѣ о Лютерѣ, на котораго уже всѣ смотрѣли какъ на гордость нѣмецкой націи, то о немъ можно судить по слѣдующему образчику: «Нѣкто (nescio quis) Мартинъ Лютеръ, говоритъ онъ, поднимаетъ свою дерзкую выю противъ самой истины и противъ священнаго престола». Далѣе авторъ увѣряетъ, что чувствуетъ себя довольно сильнымъ, чтобы не бояться въ предстоящей борьбѣ самого дьявола и жаждетъ посмотрѣть, желѣзный ли носъ у этого Мартына и мѣдная ли у него голова. Изъ подобныхъ пошлостей состоитъ все сочиненіе. Лютеру легко было показать, что за жалкій шутъ этотъ монахъ, собирающійся бороться съ чортомъ.

Нападки римскаго доминиканца не такъ раздосадовали Лютера, какъ поступокъ одного изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ богослововъ, который выступилъ за римскую продажу индульгенцій, огорчавшую всѣхъ честныхъ нѣмцевъ. Іоганнъ Эккъ въ Ингольштадтѣ написалъ епископу эйхштадтскому язвительныя замѣчанія (obelisci) на тезисы Лютера; замѣчанія эти хотя не были напечатаны, но распространялись въ рукописяхъ. Это тѣмъ болѣе разсердило Лютера, что хотя онъ спорилъ объ этомъ съ Эккомъ, но былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и въ перепискѣ. Онъ написалъ противъ обелисковъ Эка свои астериски. Мнѣніе, выраженное Лютеромъ въ этомъ сочиненіи, о знаніяхъ и наукѣ надменнаго и гордаго ученаго, привело послѣдняго въ такую ярость, что онъ успокоился только тогда, когда впуталъ въ это дѣло папу. Въ возраженіи своемъ Лютеръ говоритъ, что во всемъ хаосѣ этихъ обелисковъ онъ не нашелъ ничего ни изъ священнаго писанія, ни изъ отцевъ церкви, ни изъ постановленій соборовъ, но что все, приводимое Эккомъ, есть сует-

ное мудрствованіе, ничтожная діалектика и пустыя бредни. Въ числѣ задѣтыхъ Лютеромъ защитниковъ папскаго и схоластическаго ученія былъ кельнскій великій инквизиторъ Гоохстратенъ, преданный Гуттеномъ, Кротусомъ и другими во время ссоры съ Рейхлиномъ на посмѣшище всему свѣту; они не замедлили еще въ 1518 г. довести дѣло до папы. Незадолго до вмѣшательства папы, Лютеру удалось своимъ краснорѣчіемъ разъяснить многимъ свою мысль о значеніи ученаго богословія и о непогрѣшительности папы, которую онъ начиналъ слегка задѣвать. На общемъ собраніи ордена августинцевъ въ Гейдельбергѣ въ концѣ апрѣля 1518 г. онъ произнесъ блистательную рѣчь въ присутствіи Буцера, Бренца, Шнепфа и Теобальда Биликана, которые стали потомъ распространять ученіе Лютера въ своихъ кружкахъ. Буцеръ примкнулъ къ Цвингли и Буллингеру, которые независимо отъ Лютера возбудили швейцарскіе города сбросить папскую власть, между тѣмъ какъ пастушескіе кантоны, Фрейбургъ и Люцернъ и другія мѣстности оставались вѣрны папѣ; такимъ образомъ черезъ шесть лѣтъ въ Швейцаріи, какъ и въ Германіи, началась ожесточенная борьба между двумя фанатизмами. Пфальцграфъ Вольфгангъ, братъ Лудвига V Пфальцскаго, тоже присталъ къ Лютеру, а на вюрцбургскаго епископа, Лоренца Бибру, гейдельбергская рѣчь произвела такое впечатлѣніе, что онъ горячо рекомендовалъ реформатора курфирсту Саксонскому. Курфирстъ взялъ Лютера подъ свою защиту, но далъ понять, что съ своей стороны не намѣренъ ссориться съ папою и императоромъ, требовавшими прекращенія поднявшагося всюду крика о злоупотребленіяхъ римской церкви. Лютеръ покорился; онъ написалъ епископу своей епархіи объясненіе, въ которомъ оправдывался въ своихъ 95 тезисахъ и весьма покорное письмо къ папѣ, которое послалъ чрезъ своего провинціала Штаупица. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ между прочимъ: «я вполнѣ убѣжденъ, что голосъ его святѣйшества есть голосъ Христа, который говоритъ и дѣйствуетъ чрезъ него».

Императоръ былъ уже очень сердитъ на Лютера. Въ августѣ 1518 г. онъ писалъ папѣ изъ Аугсбурга, прося его прекратить брань, строченіе и диспуты о религіи; но при этомъ онъ говорилъ, что если не будетъ прекращена предосудительная торговля римскими индульгенціями, то можно опасаться, что многіе государи и города примутъ сторону Лютера. Еще до полученія письма императора папа сдѣлалъ шагъ, сильно взволновавшій нѣмецкую націю. Онъ назначилъ въ Римѣ духовный судъ, прокуроромъ въ которомъ былъ назначенъ Сильвестръ Пріэріасъ, бывшій съ Лютеромъ въ сильной ссорѣ. Эта коммисія скоро окончила предварительное изслѣдованіе, и уже 7 августа

Лютеру было прислано приглашеніе, составленное въ іюлѣ, явиться въ судъ въ теченіе шестидесяти дней. Но вслѣдъ затѣмъ въ Римъ пришло письмо императора, и сверхъ того курфирстъ Саксонскій также просилъ папу, велѣть изслѣдовать дѣло Лютера въ Германіи нѣмецкимъ епископамъ. Поэтому папа Левъ согласился поручить дѣло Лютера кардиналу Томасу Віо или, какъ его называютъ, Каэтану, такъ какъ онъ родился въ Гаэтѣ. Кардиналъ былъ недавно посланъ, въ качествѣ папскаго нунція, на аугсбургскій сеймъ, гдѣ присутствовали шесть курфирстовъ. Ему было поручено поступить съ смѣлымъ Лютеромъ, какъ съ еретикомъ, если онъ не откажется безусловно отъ всего. Каэтанъ, немедля, хотѣлъ распорядиться этимъ, тѣмъ болѣе, что Лютеръ не задолго до того сильно напалъ на Пріэраса, который до того превозносилъ значеніе папы, что заслужилъ порицаніе всего духовенства, даже іезуита Маймбурга. Кромѣ того Лютеръ произнесъ и напечаталъ проповѣдь, въ которой отвергалъ право папы отлучать отъ церкви, съ смѣлостью, испугавшею всю Германію.

Курфирстъ Фридрихъ звалъ Лютера въ Аугсбургъ, и онъ поѣхалъ, хотя всѣ отговаривали его отъ этой поѣздки. Онъ сказалъ провизору своего ордена въ Веймарѣ, который предостерегалъ его: «пожалуйста, прочитайте за меня отче нашъ; Господь услышитъ молитву ради своего Сына, Христа, за котораго я веду борьбу». Лютеръ отправился въ Аугсбуръ пѣшкомъ и только за нѣсколько миль до города нанялъ тележку, занявъ дорогою рясу у одного пріятеля, чтобы показаться въ приличномъ видѣ. Ему дали императорскую охранную грамоту лишь по прибытіи его въ Аугсбургъ. Онъ имѣлъ три совѣщанія съ Каэтаномъ, который долженъ былъ или убѣдить его публично отречься или же напугать Лютера и добиться его выдачи. Основываясь на слѣдствіи, произведенномъ надъ Лютеромъ, кардиналъ потребовалъ сначала полнѣйшаго отреченія; но когда Лютеръ протестовалъ противъ подобнаго поступка, онъ согласился на диспутъ съ нимъ. Лютеръ разсказываетъ слѣдующее о своемъ вторичномъ свиданіи съ этимъ важнымъ господиномъ, думавшимъ, что монахъ повергнется передъ нимъ ницъ: «Тогда легатъ закричалъ, чтобы я отрекся, и произнесъ длинную рѣчь изъ сочиненій Ѳомы, думая, что побѣдилъ и заставилъ меня молчать. Я нѣсколько разъ пытался говорить, но онъ кричалъ и бушевалъ и властвовалъ одинъ. Наконецъ началъ и я кричать». Третіе свиданіе кончилось тѣмъ, что Каэтанъ велѣлъ монаху уйдти, настаивая на простомъ отреченіи. Пристыженный и раздраженный кардиналъ послѣ трехъ аудіенцій не хотѣлъ принимать письменнымъ возраженій. Положеніе Лютера становилось не безопасно, такъ какъ курфирстъ его уже уѣхалъ.

Фридрихъ поручилъ, правда, Лютера своему послу и многимъ членамъ аугсбургскаго магистрата; но уже 19 октября дѣло приняло такой оборотъ, что друзья Лютера неожиданно взяли его и потихоньку выпроводили изъ города, ворота котораго были уже заперты. Штаупицъ досталъ ему лошадь, на которую Лютеръ сѣлъ безъ нижняго платья и сапоговъ; аугсбургскій сенаторъ Лангемантель отворилъ калитку, и Лютеръ спасся только тѣмъ, что сдѣлалъ въ ночь восемь миль, не останавливаясь. Папа еще не находилъ удобнымъ поступить съ Лютеромъ строже, потому что курфирстъ саксонскій хотя явно не признавалъ ученія Лютера, но покровительствовалъ ему. Въ январѣ слѣдующаго года умеръ императоръ Максимиліанъ и Фридрихъ сталъ главнымъ лицомъ въ Германіи. Въ Римѣ не одобряли грубость и вспыльчивость Каэтана; но папѣ дали неблагоразумный совѣтъ издать особую буллу для защиты ученія о власти римскаго престола и отпущенія грѣховъ и предать проклятію противниковъ ихъ, не называя однако никого по имени.

Между тѣмъ, во время отсутствія Лютера, въ Виттембергѣ надѣлалъ много шума Филиппъ Меланхтонъ, прибывшій туда не за долго до его отъѣзда. Когда Лютеръ возвратился, Меланхтонъ сталъ его достойнымъ помощникомъ. Въ немъ было все, чего недоставало Лютеру; онъ былъ мягокъ, кротокъ и миролюбивъ, тогда какъ Лютеръ былъ горячъ, вспыльчивъ, грубъ и одностороненъ. Недостатки Лютера были полезны для его дѣла, потому что добродѣтели Меланхтона никогда не произвели бы реформаціи; но его кротость и спокойствіе вновь привлекли къ ученію Лютера всѣхъ, устрашившихся горячности реформатора. Меланхтонъ былъ вполнѣ классически образованъ; онъ помогалъ своему другу Лютеру въ ученыхъ языкахъ и, основательно изучивъ философію Аристотеля, напалъ на схоластическое богословіе, вышедшее изъ нея; но онъ дѣйствовалъ иначе, чѣмъ Лютеръ. Лютеръ, какъ человѣкъ народа, а не школы, опирался въ духѣ народа на врожденный здравый смыслъ, называемый практическимъ умомъ; Меланхтонъ же, напротивъ, какъ человѣкъ школы и науки, видѣлъ въ ходѣ философіи отъ Аристотеля до своего времени старанія человѣческаго ума облечь въ научную форму то, чему учитъ библія.

По отъѣздѣ Лютера изъ Аугсбурга, дѣло его взволновало всю Германію; диспуты его съ кардиналомъ Каэтаномъ были напечатаны противъ воли Лютера и его курфирста. Лютеръ аппелировалъ на кардинала папѣ, а послѣ появленія папской буллы будущему собору на папу. Папскій камерарій, саксонскій дворянинъ Карлъ фонъ-Мильтицъ, пользуясь порученіемъ, возложеннымъ на него папою, сдѣлалъ попытку прекратить религіозный споръ. Папа еще прежде поручилъ Мильтицу передать

курфирсту Саксонскому освященную золотую розу, что тогда имѣло такое же значеніе, какъ нынче посылка отъ одного государя къ другому 1-й степени важнѣйшаго ордена. При попыткѣ окончить споръ Мильтицъ велъ себя чрезвычайно благоразумно; сначала онъ постарался прекратить продажу индульгенцій и съ этою цѣлью отправился въ Лейпцигъ, гдѣ именемъ папы сдѣлалъ Тецелю выговоръ и объявилъ ему, что его пороки и проступки заслуживаютъ наказанія. Тецель умеръ еще въ томъ же году. Историки, по своему обыкновенію, говорятъ, что онъ умеръ отъ страху, но, къ несчастію, люди, подобные Тецелю, отъ этого не умираютъ. Съ Лютеромъ у Мильтица были переговоры въ Альтенбургѣ, куда реформаторъ ѣздилъ къ нему по приказанію своего курфирста. Подъ вліяніемъ дружескихъ рѣчей и изъ опасенія грозящихъ непріятностей, Лютеръ хотя не согласился на безусловное отреченіе, но написалъ папѣ покорное письмо. Въ этомъ письмѣ онъ обѣщалъ молчать, если заставятъ молчать и противниковъ его, и изъявлялъ готовность подчиниться приговору епископа трирскаго, зальцбургскаго или фрейзингенскаго.

Еще до полученія отвѣта отъ папы, Мильтицъ, послѣ разныхъ подозрительныхъ совѣщаній съ нунціемъ Каэтаномъ, отправился къ архіепископу трирскому, который, не дожидаясь полномочія отъ папы, пригласилъ Лютера въ Эренбрейтштейнъ. Лютеру и его курфирсту это показалось подозрительнымъ, и они отклонили приглашеніе. Но за то Лютеръ давно уже согласился на диспутъ или ученый турниръ съ защитниками схоластическаго богословія. Неизвѣстно, Эккъ ли первый бросилъ перчатку своими десятью параграфами или Лютеръ, объявивъ съ своей стороны тринадцать параграфовъ. Параграфы эти были напечатаны. Диспутъ долженъ былъ происходить въ Лейпцигѣ, гдѣ была резиденція главы герцогской саксонской линіи, герцога Георга, слѣпаго фанатика и суевѣрнаго ханжи.

«Всемірная исторія» Шлоссера, т. XI, (стр. 327—337).

6. ДИСПУТЪ ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ (1519 г.).

Въ то самое время, когда во Франкфуртѣ собирались курфирсты для избранія императора, собрались въ Лейпцигѣ богословы (1519 г.) для другаго дѣла, не менѣе важнаго.

Во главѣ всѣхъ явился Эккъ изъ Ингольштадта. Безъ сомнѣнія, Іоганнъ Эккъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ своего вѣка; онъ не щадилъ трудовъ для достиженія этого званія: во всѣхъ университетахъ слушалъ отличныхъ профессоровъ, и на 20-мъ году началъ читать лекціи въ Ингольш-

штадтѣ. Множество путешествій обогатило его новыми познаніями и распространило молву о немъ по Италіи и Южной Германіи. Съ радостію увидѣлъ онъ случай распространить свою славу и на сѣверѣ Германіи; онъ смотрѣлъ на возгаравшуюся битву съ желаніемъ на новомъ турнирѣ доказать силу своего оружія, увѣренный въ несомнѣнномъ, блистательномъ успѣхѣ. Въ Лейпцигѣ явился онъ посреди профессоровъ, которые радостно привѣтствовали его, какъ союзника противъ наступающихъ враговъ. 24 іюня прибыли Витенбергцы: въ открытыхъ повозкахъ ѣхали впереди всѣхъ Карлштадтъ, потомъ Меланхтонъ и Лютеръ вмѣстѣ, а за ними нѣсколько молодыхъ лиценціатовъ и баккалавровъ, между которыми находился Барнимъ, герцогъ Помераніи, учившійся въ то время въ Виттембергѣ и имѣвшій званіе ректора; около нихъ сотни двѣ студентовъ, вооруженныхъ алебардами, сѣкирами и копьями.

Стараніемъ герцога Георга, постановлены были условія диспута; положено было, не смотря на сопротивленіе Экка, записывать возраженія, чтобъ другіе университеты могли произнести приговоръ. Объ этомъ особенно хлопоталъ герцогъ, желавшій придать диспуту видъ процесса; онъ назначилъ для того залу въ собственномъ замкѣ. Поставили двѣ каѳедры одна противъ другой, и покрыли ихъ коврами, на которыхъ изображены были св. Георгій и св. Мартинъ; вокругъ поставили столы для нотаріусовъ и лавки для слушателей; наконецъ, 27 іюня отслужили обѣдню св. Духу и приступили къ диспуту. Первый выступилъ на поприще Карлштадтъ, но снискалъ себѣ мало славы. Онъ принесъ множество книгъ, и потомъ уже дѣлалъ возраженія; часто на другой день отвѣчалъ онъ на тезисы своего соперника. Совершенно иной диспутантъ былъ Іоганнъ Эккъ; онъ ежеминутно умѣлъ приложить разнообразныя свѣдѣнія свои къ дѣлу; приготовлялся онъ не долго: съ прогулки тотчасъ взошелъ на каѳедру. Это былъ мужчина высокаго роста, съ сильными членами, съ громкимъ, могучимъ голосомъ; возражая, онъ ходилъ взадъ и впередъ, и на каждое слово противника имѣлъ на-готовѣ десять словъ; его огромная память, ловкость и умѣнье попадать на слабую сторону оппонента ослѣпили слушателей. Но скоро противники отвлеклись отъ настоящаго предмета — и слушатели, соскучившись, разошлись изъ залы.

Тѣмъ живѣе было участіе Лютера: 4-го іюля, въ семь часовъ утра, явился соперникъ, сразиться съ которымъ болѣе всего желалъ Эккъ и на блистательномъ низложеніи котораго надѣялся основать всю славу торжества своего. Лютеръ былъ средняго роста и съ тѣмъ вмѣстѣ худощавъ до чрезвычайности; онъ не имѣлъ громоваго голоса, которымъ обладалъ Эккъ, ни его гибкой памяти, ни его ловкости въ ученыхъ преніяхъ. Но

и онъ былъ во всемъ цвѣтѣ мужскаго возраста (ему было тогда 36 лѣтъ отъ роду), во всей полнотѣ силы; голосъ его былъ звученъ и внятенъ; онъ зналъ превосходно библію, и цитаты изъ нея лились изъ устъ его какъ-бы сами собою; но болѣе всего въ рѣчи его кипѣло желаніе высказать истину. Дома онъ былъ всегда спокоенъ и за столомъ часто веселъ; здѣсь же, на каѳедрѣ, обнаружилъ смѣлую, увлекательную важность: изъ глубины до сихъ поръ еще не вполнѣ сознавшаго себя убѣжденія, извлекъ онъ новыя идеи, и въ самомъ пылу битвы поставилъ ихъ съ такою твердостью, которая не знала отступленія; въ чертахъ его отражалось все могущество бурь, волновавшихъ его душу, все могущество, съ которымъ онъ противился имъ;— наружность его была проникнута глубокомысліемъ, бодростію, предвидѣніемъ грядущаго. Споръ тотчасъ же обратился на вопросъ о власти папской и выраженіями, понятными для народа, приковалъ къ себѣ общее вниманіе. Сыновья нѣмецкихъ крестьянъ (Эккъ былъ также сынъ крестьянина Михайла Майра) были представителями двухъ мнѣній, которыя тогда раздѣлялъ весь западный міръ; отъ рѣшенія спора ихъ, отъ успѣха нападенія одного и защиты другаго большею частію зависѣла будущность церкви и государства.

Главнымъ возраженіемъ Лютера былъ вопросъ: неужели отцы греческой церкви не святы, не велики, потому что они не признаютъ папы? неужели папа осмѣлится назвать еретическою церковь восточную, потому что она не признаетъ его могущества? неужели Григорій Назіанзинъ, Василій Великій и другіе пастыри церкви не святы потому только, что то не угодно папѣ? Слова Лютера были такъ сильны, такъ глубоко-истинны, что Эккъ, не находя ничего для возраженія, старался отдѣлаться общими вопросами и быстро перешелъ къ вопросу, что, сталобыть, Лютеръ почитаетъ власть главы западной церкви человѣческимъ установленіемъ и раздѣляетъ мнѣніе еретиковъ Виклефа и Гусса, осужденныхъ папами и Вселенскимъ соборомъ въ Костницѣ. Эккъ радовался, поставивъ Лютера въ такое опасное положеніе; отъ отвѣта его зависѣло, признаетъ ли онъ всемогущую силу папы, какъ главы латинской церкви, и ея соборовъ, или нѣтъ?

Необходимо вспомнить, что диспутъ этотъ происходилъ въ странѣ, лежащей недалеко отъ богемской границы, которая, вслѣдствіе проклятія, произнесеннаго на Костницкомъ соборѣ, перенесла всѣ ужасы долгой, опустошительной войны и всю славу свою полагала въ сопротивленіи, оказанномъ ею противъ гусситовъ, въ университетѣ, который основанъ въ противность ученію Іоанна Гусса, князьями, владѣтелями и общинами, отцы которыхъ пали въ этой борьбѣ. Что было дѣлать Лютеру? Могъ

ли онъ дѣйствительно отвергнуть все могущество римской церкви, противиться собору, который осудилъ на сожженіе Гусса и могъ его подвергнуть той же участи? Съ другой стороны, могъ ли онъ отказаться отъ своихъ убѣжденій? Непоколебимый Лютеръ не задумался ни на мгновеніе. Онъ смѣло произнесъ, что между правилами Іоанна Гусса, осужденными Костницкимъ соборомъ, найдутся истинно-христіанскія и евангельскія. Изумленіе поразило всѣхъ... Герцогъ Георгъ покачалъ головою и воскликнулъ: «das walt die Sucht!». Эккъ получилъ новыя силы. «Едва вѣроятно», сказалъ онъ, «что Лютеръ осмѣливается дерзость свою простирать до того, чтобы порицать положенія святѣйшаго собора.» Лютеръ напомнилъ ему, что не всѣ правила Гусса названы еретическими и что нѣкоторыя находятся въ книгахъ святаго Августина. Эккъ возразилъ, что всѣ они отвергнуты соборомъ и что соборъ погрѣшать не можетъ. Лютеръ отвѣчалъ, что новаго догмата никакой соборъ составить не можетъ: чѣмъ же докажутъ, что онъ не подверженъ ошибкамъ? «Достопочтенный отецъ» возразилъ на это Эккъ: «если вы полагаете, что правильно собранный соборъ можетъ погрѣшить, то я почитаю васъ язычникомъ и мытаремъ.»

Вотъ къ чему повелъ диспутъ. Сущность его заключалась въ томъ, что Лютеръ не признавалъ болѣе власти папской въ дѣлахъ церкви. Сначала онъ ратовалъ противъ индульгенцій, противъ схоластики, не касаясь декретовъ папы, потомъ почти уничтожилъ ихъ силу, но признавалъ соборы; теперь онъ отвергнулъ и послѣдній авторитетъ; ему осталось одно—Священное Писаніе.

(Отеч. Зап. 1844 г. Т. XXXVI). «Реформація» Леоп. Ранке.

7. ВОРМСКІЙ СЕЙМЪ (1521 ГОДЪ).

Лютеръ, проклинаемый папою, папа—Лютеромъ, два непримиримые противника, озлобленные до-нельзя другъ противъ друга, нація въ лихорадочномъ возбужденіи, впереди—всѣми ожидаемый сеймъ, послѣдствія котораго, однако, трудно опредѣлить. Таково было положеніе дѣлъ въ концѣ 1520 года. Ни Лютеръ, ни его сочлены по университету не сомнѣвались въ томъ, что дѣло церкви стало дѣломъ цѣлой націи; рѣшеніе не могло быть отсрочено до собранія свободнаго собора изъ міряиъ, котораго Лютеръ требовалъ; впрочемъ, такимъ соборомъ изъ міряиъ можно было назвать и предстоявшій сеймъ. Уже въ началѣ года Лютеръ обратился къ императору съ просьбою, защитить церковь отъ угрожавшей ей опасности. Теперь, какъ и всегда, воз-

лагались большія надежды на молодаго государя, только что вступившаго въ управленіе государствомъ, но послѣдній въ душѣ не одобрялъ церковныхъ реформъ. Онъ допустилъ въ своихъ бургундскихъ наслѣдственныхъ земляхъ публичное сожженіе сочиненій Лютера и представлялъ себѣ нераздѣльнымъ единство церкви и государства. Къ тому же въ церковныхъ вопросахъ онъ руководился, не смотря на свою молодость, исключительно только политическими соображеніями, а послѣднія побуждали его къ нѣкоторымъ уступкамъ въ отношеніи приверженцевъ реформаціи. Онъ былъ много обязанъ курфирсту Саксонскому за услуги, оказанныя послѣднимъ при избраніи его въ императоры. Императоръ, смотря по обстоятельствамъ, изъ политическихъ расчетовъ могъ въ дѣлѣ Лютера склоняться то на сторону папы, то на сторону курфирста Фридриха. Ему пришлось имѣть столкновеніе и съ имперскими чинами; негодованіе ихъ, равно какъ и нѣмецкой націи, противъ римской системы притѣсненія достигло крайнихъ предѣловъ; тогда какъ симпатія народа къ Лютеру, какъ къ человѣку, умѣвшему затронуть самыя чувствительныя струны его, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возрастала. Папскій легатъ, Алеандръ, во время пребыванія своего на Рейнѣ для обнародованія буллы, имѣлъ случай убѣдиться въ непріязненномъ настроеніи народа противъ папства; въ городахъ энтузіазмъ къ Лютеру не имѣлъ границъ. Даже самъ Алеандръ былъ того мнѣнія, что папѣ слѣдовало предпринять что-либо для успокоенія умовъ, удовлетворить хоть нѣкоторымъ требованіямъ съ тѣмъ, чтобы уже потомъ не щадить еретика.

Дальновидный Карлъ V понималъ, что рѣшеніе церковнаго спора стало національно-политическою потребностью. Обнародованіе буллы встрѣтило непреодолимыя препятствія, а курфирстъ Саксонскій требовалъ, чтобы этотъ церковный споръ былъ рѣшенъ безпристрастными судьями по сю сторону Альпъ.

Назначенный на 6-е января 1521 года государственный сеймъ явился въ дѣлѣ Лютера посредникомъ, наиболѣе заслужившимъ довѣрія, и потому императоръ, письмомъ отъ 28 ноября 1520 года, поручилъ курфирсту Саксонскому привезти Лютера въ Вормсъ на сеймъ съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ былъ допрошенъ учеными и свѣдущими людьми; при этомъ Карлъ ручался за безопасность Лютера и просилъ только прекратить на время полемику съ папой.

Впрочемъ, намѣреніе императора, предоставить сейму рѣшить дѣло Лютера, не вездѣ было встрѣчено съ сочувствіемъ. Даже покровители и друзья его не одобряли безусловно этого намѣренія, такъ какъ императоръ, дозволивъ сжечь въ своихъ владѣніяхъ сочиненія Лютера, показалъ тѣмъ самымъ, что онъ

принялъ сторону враговъ его. Сторонникамъ Лютера было еще памятно, какъ императоръ Сигизмундъ поступилъ въ Констанцѣ съ Гуссомъ; чего лучшаго можно было ожидать теперь въ Вормсѣ? Саксонскій курфирстъ, не скрывая отъ императора своего опасенія, просилъ избавить его отъ приглашенія Лютера въ Вормсъ. Но уже черезъ три дня по отсылкѣ отвѣта курфирста, императоръ самъ измѣнилъ свое намѣреніе. Папа, по его желанію, уничтожилъ всѣ свои распоряженія по испанской инквизиціи, а потому и императоръ хотѣлъ сдѣлать угодное папѣ. Онъ рѣшилъ, что судъ надъ Лютеромъ долженъ послѣдовать въ Вормсѣ въ отсутствіи послѣдняго, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ предварительно отрекся отъ своего ученія и покорился папѣ; но и въ данномъ случаѣ онъ долженъ будетъ ожидать результата переговоровъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Курфирстъ былъ тѣмъ болѣе озабоченъ судьбою Лютера, что когда въ ноябрѣ предшествовавшаго года онъ находился въ Кёльнѣ, гдѣ участвовалъ въ процессіи праздника всѣхъ святыхъ (неся по церемоніалу мечъ передъ императоромъ), то за сочувствіе къ Лютеру подвергся сильнымъ нападкамъ со стороны римскихъ легатовъ, Караччіоли и Алеандра. Они смотрѣли на «еретика» какъ на окончательно уже осужденнаго и полагали, что курфирсту и императору оставалось только привести въ исполненіе приговоръ надъ нимъ. Уже одной этой причины было для римской партіи достаточно, чтобы всѣми силами воспрепятствовать прибытію Лютера въ Вормсъ. Понятно, что для всемогущаго Рима могло быть чрезвычайно опаснымъ передавать на разсмотрѣніе политическаго сейма дѣло, уже окончательно рѣшенное церковною властью; но и по другимъ причинамъ онъ не могъ желать вмѣшательства сейма. Римскіе легаты нисколько не обманывались въ томъ, что большинство имперскихъ чиновъ сочувствовали Лютеру, что даже тѣ, которые не раздѣляли его религіозныхъ воззрѣній, съ уваженіемъ относились къ его патріотизму и видѣли въ немъ человѣка, защищавшаго всѣми силами и съ успѣхомъ нѣмецкую честь и самостоятельность противъ итальянскихъ посягательствъ. Кромѣ того они знали умственное превосходство Лютера, твердость его характера, обаятельную силу его краснорѣчія и не скрывали отъ себя, что каждое его слово, произнесенное въ Вормсѣ, проникнувъ, подобно бурѣ, въ душу собравшагося германскаго народа, найдетъ себѣ тысячу отголосковъ. Такимъ образомъ друзья Лютера только опасались преній о церковномъ спорѣ на Вормскомъ сеймѣ, противники же его рѣшительно были противъ этого. 27 января послѣдовало въ Вормсѣ открытіе сейма; засѣданіе открылось торжественною рѣчью императора. Желая польстить нѣмецкому самолюбію, онъ въ высокопарныхъ фразахъ указалъ

прежде всего на важное назначеніе германо-римскаго государства.—Имперія, говорилъ онъ, съ теченіемъ времени вовсе утратила свое прежнее величіе и отъ него можетъ ожидать возстановленія въ прежнемъ своемъ блескѣ.—Конечно, дѣла его не согласовались съ словами. Родственныя связи стояли для него выше благосостоянія государства; главной цѣлью стремленій императора было утвержденіе своей династіи. Вскорѣ возгорѣлся споръ объ учрежденіи государственнаго управленія. Императоръ хотѣлъ какъ можно болѣе ограничить участіе въ управленіи государственныхъ сословій, которыя требовали расширенія своихъ правъ. Государственное устройство и составъ имперскаго верховнаго суда были еще для князей весьма удовлетворительны, но граждане и крестьяне не получили при этомъ никакихъ правъ. При такомъ-то положеніи дѣлъ извѣстіе о томъ, что Лютеръ не будетъ призванъ въ Вормсъ, сильно опечалило патріотовъ. Новыя козни Куріи еще болѣе увеличили дурное настроеніе умовъ. Между тѣмъ истекъ назначенный Лютеру срокъ для отреченія, и 3 января 1521 года послѣдовали въ Римѣ болѣе строгія постановленія папской буллы; Курія не считала себя уже обязанною щадить «еретика».—Онъ, «человѣкъ съ превратными понятіями, соблазнъ міра, болѣе прежняго безумный», предается со всѣми своими приверженцами вѣчному проклятію и присуждается къ казни еретиковъ, т. е. къ сожженію. На всякую страну, которая окажетъ Лютеру убѣжище, будетъ положенъ интердиктъ; проклятіе надъ нимъ должно быть провозглашено во всѣхъ приходскихъ церквахъ при колокольномъ звонѣ и затушенныхъ свѣчахъ. Горе тому, кто не прекратитъ немедленно всякихъ сношеній съ нимъ или съ его приверженцами!

Даже и теперь, послѣ провозглашенія такого страшнаго отлученія отъ церкви, императоръ не измѣнилъ своего двусмысленнаго образа дѣйствій. Лютеръ служилъ для императора орудіемъ, посредствомъ котораго онъ, смотря по обстоятельствамъ, могъ то угрожать папѣ, то располагать его въ свою пользу. Но незадолго до открытія сейма, въ половинѣ января, настроеніе умовъ при императорскомъ дворѣ было крайне неблагопріятно для Лютера. Императора окружали вожди римской партіи, а исполненіе папской буллы, повидимому, не заставляло себя долго ждать. Тѣмъ болѣе увѣренъ былъ курфирстъ Саксонскій въ томъ, что истина въ свое время еще обнаружится. Послѣ открытія сейма, Карлъ V, уступая настояніямъ папы и римской партіи, рѣшился, повидимому, принять противъ Лютера самыя крайнія мѣры. Первый проэктъ изданнаго противъ него эдикта обнаруживаетъ передъ нами все нерасположеніе къ нему императора: Лютеръ выстав-

ляется возмутителемъ народа, возстающимъ противъ «папской святости и духовенства, учрежденнаго самимъ Богомъ, и вообще противъ всякаго начальства и порядка»; ему ставилась въ вину возбужденіе народа къ возстаніямъ, сопротивленію и кровопролитію. Императоръ, какъ верховный охранитель христіанства, считаетъ своею обязанностью придти на помощь папѣ и защитить святую вѣру, такъ преступно поруганную Лютеромъ. Дальнѣйшіе допросы и переговоры, какъ излишніе, не допускаются: приговоръ произнесенъ полномочною властью. Сочиненія Лютера должны быть сожжены, онъ самъ долженъ быть схваченъ, преданъ въ руки государственной власти и вмѣстѣ съ своими приверженцами подвергается опалѣ.

Впрочемъ, на такія крутыя мѣры императоръ не рѣшался безъ согласія имперскихъ чиновъ; они же едва могли скрыть впечатлѣніе оказанное на нихъ эдиктомъ; привести его въ исполненіе едва ли было возможно: опасались возстанія всей націи. Это рѣшительное сопротивленіе, и не совсѣмъ еще выяснившіяся отношенія къ папѣ, побудили императора снова вступить въ переговоры не только съ Саксонскимъ курфирстомъ, но даже съ смѣлыми вождями политической партіи въ Эбернбургѣ. Исполненіе этого намѣренія онъ возложилъ на своего духовника, ловкаго и увертливаго Глапіо, отличавшагося либеральными рѣчами; послѣдній же радовался случаю пожать лавры, ускользавшіе изъ рукъ Милотица. Глапіо разсчитывалъ, что если только убѣдить Лютера отречься, въ какой либо формѣ, отъ нѣкоторыхъ самыхъ смѣлыхъ и опасныхъ его мнѣній, то папа будетъ этимъ вполнѣ удовлетворенъ и сверхъ того даже приметъ мѣры объ отмѣнѣ существовавшихъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, на которыя открыто жаловались Имперскіе чины. Этотъ францисканскій монахъ, обладавшій хитростью придворнаго, съумѣлъ сохранить свои переговоры съ саксонскимъ канцлеромъ, Брюкомъ, въ такой тайнѣ, что даже Спалатинъ (бывшій воспитатель Саксонскаго курфирста), не могъ ничего узнать несмотря на то, что находился въ то время въ Вормсѣ и пользовался довѣріемъ курфирста. Глапіо отзывался о Лютерѣ весьма благосклонно и дружелюбно, сознавалъ и восхвалялъ его превосходныя качества. По его мнѣнію, такой человѣкъ могъ бы, смотря по обстоятельствамъ, принести церкви благодѣяніе и, если бы онъ не написалъ своей книги «*Вавилонское плѣненіе*» или потомъ отказался отъ этого сочиненія, то можно было бы много надѣяться. Съ многозначительнымъ видомъ далъ онъ понять, что императоръ желалъ съ своей стороны оказать Лютеру снисхожденіе. Изъ сочиненія Лютера «Вавилонское плѣненіе» Глапіо полагалъ исключить 32 положенія, признавая ихъ еретическими, такъ какъ въ нихъ заключалась

сущность «новой теологіи», и преимущественно то, что относились до общаго священства всѣхъ христіанъ вообще и до не зависимости мірянъ отъ церковной власти. Съ исключеніемъ этихъ положеній уничтожалось самое сочиненіе Лютера.

Курфирстъ держалъ себя, какъ и всегда, весьма умѣренно и осторожно. Онъ избѣгалъ принимать на себя отвѣтственность за мнѣнія Лютера, но въ тоже время не хотѣлъ вмѣшивать его въ тайные переговоры, которые со стороны послѣдняго повели бы или къ злонамѣренному разрыву или къ недостойной его уступчивости. Курфирстъ отклонилъ отъ себя новое посредничество, такъ что переговоры, бывшіе по этому предмету въ Лейпцигѣ въ 1519 году, не имѣли никакого успѣха.

Зрѣло обдумавъ настоящія обстоятельства, Карлъ V не скрывалъ отъ себя, что только одинъ сеймъ могъ окончательно рѣшить церковный споръ, такъ какъ о прямомъ соглашеніи Лютера съ римской партіей нельзя было и думать. Едва только Алеандръ, которому въ Римѣ поручено было слѣдить за императоромъ и за сеймомъ, прослышалъ о дѣйствіяхъ Глапіо, какъ немедленно предложилъ Имперскимъ чинамъ собраться для выслушанія его. Требованіе его было исполнено, и 17 февраля, въ среду на первой недѣлѣ великаго поста, онъ три часа говорилъ рѣчь въ защиту папской граматы, требуя, чтобы императоръ безотлагательно привелъ въ исполненіе буллу, отлучившую Лютера отъ церкви. Онъ очень ловко представилъ на видъ собранію опасныя для государства волненія, возбужденныя этимъ реформаторомъ. Лютеръ, продолжалъ Алеандръ, стремится ниспровергнуть существующее правительство, законодательство, всѣ власти и всякій гражданскій порядокъ. Говоря языкомъ нашего времени— это демократъ, демагогъ, агитаторъ. Единственное спасительное средство противъ этихъ опасностей—исторженіе одной негодной овцы изъ паствы, чтобы не погубить остальныхъ овецъ. Въ лицѣ Лютера возстали изъ ада казненные въ прошедшемъ столѣтіи въ Констанцѣ еретики Гуссъ и Іеронимъ Пражскій. На костеръ и его! Его сочиненіе «Вавилонское плѣненіе» доказываетъ всю неисправимость этого еретика, потому что отрицаніе таинствъ ведетъ къ паденію самой религіи. Эта ересь, какъ язва, проникаетъ во всѣ націи, и слухи о ней доходятъ до турокъ и язычниковъ; и все это происходитъ въ нѣмецкомъ государствѣ, которое съ давняго времени было свѣтиломъ для другихъ, какъ примѣръ преданности церкви и покорности духовенству. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе ересей Лютера. Нельзя отрицать, что у Лютера много почитателей и друзей, но по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это только заносчивые учителя, безнравственные священники, бѣглые монахи, невѣжественные адвокаты, распущенные дворяне и развращенная чернь. Нельзя отри-

цать его безукоризненнаго образа жизни, но это и заставляетъ сомнѣваться въ чистотѣ его нравовъ: когда дьяволъ хочетъ соблазнить кого нибудь, то принимаетъ видъ ангела свѣта. Нападаютъ на сожженіе сочиненій Лютера, но зачѣмъ выводить изъ употребленія обычай, установленный нѣсколько столѣтій тому назадъ благочестивыми императорами, Аркадіемъ и Ѳеодосіемъ. Требовали, чтобы Лютеръ былъ выслушанъ имперскими чинами; отвѣтъ на такое предложеніе и составляетъ сущность всей рѣчи Алеандра. Развѣ можно ожидать перемѣны убѣжденій и исправленія отъ такого человѣка, какъ Лютеръ? Папа произнесъ надъ нимъ свой приговоръ, кто осмѣлится измѣнить его? Судить о дѣлахъ вѣры не можетъ даже императоръ, не говоря уже о простыхъ мірянахъ; вообще никто не имѣетъ права вступать въ переговоры съ еретикомъ, безъ особаго на то папскаго разрѣшенія. Христіанская вѣра требуетъ безусловнаго единства. Какое же понятіе о христіанствѣ будутъ имѣть турки, евреи и язычники, услышавъ, что о догматахъ вѣры допускаются споры? Въ заключеніе предлагалось запретить и сжечь всѣ сочиненія Лютера. Въ своей рѣчи легатъ держался точки зрѣнія римской церкви. Не слѣдовало имѣть никакихъ болѣе переговоровъ съ еретикомъ, который проклятъ папой; императоръ и сеймъ не должны вмѣшиваться въ церковныя дѣла, булла должна быть немедленно приведена въ исполненіе, т. е. сочиненія Лютера должны быть уничтожены, а онъ самъ — осужденъ. Никакихъ церковныхъ преобразованій, но прежде всего укрѣпленіе папскаго и церковнаго абсолютизма въ средѣ дорогаго, набожнаго нѣмецкаго народа, безпрекословно подчинявшагося до сихъ поръ церкви. Вотъ требованія Алеандра.

Имперскіе чины имѣли полное основаніе негодовать на такую оскорбительную рѣчь легата: они должны были, слѣдовательно, служить только орудіями въ рукахъ Куріи и палачами Лютера. Въ рѣчи Алеандра ни слова не упоминалось объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ церковныхъ злоупотребленій, а, съ другой стороны, у имперскихъ чиновъ отнималось не только право рѣшенія церковныхъ дѣлъ, но и право подавать свои мнѣнія.

Въ отвѣтномъ адресѣ на предложенія императора имперскіе чины хотя и восхваляли его ревность къ вѣрѣ, но въ то же время находили предложенный имъ на разсмотрѣніе эдиктъ противъ Лютера слишкомъ жестокимъ и боялись, чтобы обнародованіе его не произвело сильнаго волненія націи. Приведеніе въ исполненіе папской буллы безъ предварительнаго объясненія Лютера было прямо отклонено. Они требовали, чтобы Лютеръ былъ призванъ въ Вормсъ, но не для переговоровъ, а съ цѣлью дать ему случай, отвѣтить на вопросъ: отрекается ли онъ отъ своего ученія, «противнаго христіанской церкви», или нѣтъ.

Если Лютеръ не отречется отъ своихъ заблужденій, тогда императоръ, при защитѣ отечественной вѣры, можетъ смѣло разсчитывать на помощь и содѣйствіе имперскихъ чиновъ; но и отъ императора они ожидаютъ, что онъ передъ Римомъ будетъ рѣшительно настаивать на отмѣнѣ злоупотребленій римской церкви.

При составленіи отвѣтнаго адреса императору, дѣло не обошлось безъ оживленныхъ преній. Въ совѣтѣ курфирстовъ большинство голосовъ (четыре противъ одного) было противъ Лютера, но въ собраніи сословій представители дворянъ и гражданъ взяли перевѣсъ. Ими руководила не одна политика, они также хотѣли «защищать истинную вѣру, унаслѣдованную ими отъ отцевъ и праотцевъ», но это еще не значило, что они считали Лютера отпавшимъ отъ истинной вѣры. Въ адресѣ была соблюдена замѣчательная осторожность касательно религіознаго спорнаго вопроса. Если Лютеръ, какъ и прежде, утверждалъ, что онъ признаетъ только одну общую истинную христіанскую вѣру, основанную на Св. Писаніи, то еще подлежитъ спору, не папа ли и римская церковь отступили впослѣдствіи отъ истинной вѣры?

Теперь уже императоръ не могъ болѣе идти противъ общественнаго мнѣнія и общаго требованія чиновъ. Онъ согласился, несмотря на горячій протестъ Алеандра, призвать Лютера въ Вормсъ подъ надежнымъ прикрытіемъ. 6-го марта Лютеру было послано приглашенія явиться въ Вормсъ и, къ величайшей досадѣ Алеандра, Лютера называли въ немъ «почтеннымъ, любезнымъ, набожнымъ».

Въ то время, когда вокругъ Лютера все колебалось, бросалось изъ стороны въ сторону и прибѣгало къ дипломатическимъ уловкамъ, онъ одинъ остался твердъ, какъ скала среди бушующаго моря. Твердость его характера была тѣмъ болѣе удивительна, что и друзья его колебались. Еще въ началѣ апрѣля они старались, говоритъ канцлеръ Брюкъ, удержать Лютера отъ поѣздки въ Вормсъ. Какъ проклятому папой, ему повсюду грозила опасность; данное такому человѣку слово императоръ всегда могъ нарушить. Если онъ не дастъ въ Вормсѣ требуемаго отреченія, то его легко могутъ схватить на мѣстѣ,—а при его твердости характера нельзя было и думать о такомъ отреченіи. Онъ могъ бы изложить свое мнѣніе письменно въ Витенбергѣ или въ другомъ безопасномъ мѣстѣ и требовать опроверженія, основаннаго, на Св. Писаніи, а затѣмъ и дальнѣйшіе переговоры вести также письменно.

Эти соображенія имѣли нѣкоторое основаніе, но не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на Лютера. Получивъ первое приглашеніе въ Вормсъ 21 декабря 1520 года, Лютеръ писалъ Спалатину: «Я поѣду въ Вормсъ, хотя больной; я твердо уповаю

на Бога, избавившаго трехъ отроковъ отъ печи огненной.» Онъ думалъ не о себѣ, а только о томъ, чтобы Евангеліе не было посмѣшищемъ для безбожниковъ. Теперь время доказать истину, хотя бы цѣною крови. Ему больно думать, что юный императоръ въ самомъ началѣ правленія долженъ будетъ, можетъ быть, обагрить свой престолъ кровью; но Лютеръ готовъ на все, онъ только не намѣренъ ни бѣжать, ни, еще менѣе того, отречься отъ своего ученія. Канцлеръ Брюкъ раздѣлялъ это мнѣніе; послѣ такого сильнаго доказательства твердости характера, Лютеръ не будетъ малодушенъ на сеймѣ. Враги его въ трепетномъ волненіи надѣялись, что онъ не явится.

Сильно огорченный извѣстіемъ объ отмѣнѣ призыва въ Вормсъ, Лютеръ обратился 28 января къ своему монарху съ ходатайствомъ о дозволеніи ему явиться на сеймъ для своей личной защиты. Окруженный всевозможными опасностями, онъ въ то же время ободрялъ письмомъ Штаупица, обвиненнаго передъ архіепископомъ Зальцбургскимъ въ сочувствіи къ убѣжденіямъ Лютера и малодушно старавшагося очистить себя отъ подобнаго подозрѣнія. Когда Глапіо представилъ Лютеру исключенныя изъ его сочиненія статьи, для отреченія отъ нихъ, послѣдній торжественно объявилъ, что никогда этого не сдѣлаетъ, что повелѣніе церковной власти не имѣетъ въ этомъ отношеніи для него никакого значенія. Съ горькой ироніей замѣтилъ онъ, что хочетъ дать только такого рода отреченіе: «Сперва я говорилъ, что папа — намѣстникъ Христа, а теперь говорю: папа — противникъ Христа и апостолъ дьявола».

Замѣчательна неутомимая литературная дѣятельность Лютера въ эти тревожные и бѣдственные дни. Начатую имъ духовную борьбу онъ хотѣлъ вести только духовныхъ оружіемъ, и въ этомъ онъ совершенно расходится съ Ульрихомъ Гуттеномъ. Оба они были убѣждены, что «римскій Вавилонъ» на краю погибели, но Гуттенъ хотѣлъ сокрушить его мечомъ, Лютеръ— могуществомъ слова. Сочиненія Гуттена, какъ пламя, зажгли въ нѣмцахъ любовь къ свободѣ напоминая имъ о геройскомъ духѣ отцевъ и объ обязанности внуковъ навсегда сбросить съ себя иго духовенства. Онъ раньше Лютера понялъ, что на императора нельзя полагаться: послѣдняго постоянно окружали представители римской партіи и льстили ему, заглушая въ немъ чувство истины. Не при содѣйствіи князей, а съ помощью народнаго движенія и возстанія воодушевленной націи надѣялся Гуттенъ одержать побѣду. Народъ роптал, едва сдерживая свое негодованіе, и приверженцамъ Рима опасно было показываться въ при-рейнскихъ земляхъ. Когда легатъ Алеандръ сжигалъ въ Майнцѣ сочиненія Лютера, бюргеры едва не побили его камнями. А что произошло бы, еслибъ Лютеръ призвалъ народъ

къ оружію? Такъ какъ Францъ Зикингенъ согласовался съ Гуттеномъ въ его планахъ, то замокъ Эбернбургъ представлялъ бы собою вѣрный оплотъ возставшихъ. Самоотверженіе, съ какимъ Лютеръ смѣло шелъ на всѣ опасности, съ какимъ противился всякому внѣшнему сопротивленію, раздражало Гуттена, онъ хотѣлъ вывѣдать отъ Спалатина, можно ли, въ случаѣ необходимости, разсчитывать на вооруженную помощь курфирста.

Но Лютеръ рѣшительно высказался противъ всякаго употребленія насилія. «Словомъ покоренъ міръ и сохранена церковь,» — писалъ онъ Спалатину въ отвѣтъ на вопросъ Гуттена — «словомъ же будетъ сверженъ и антихристъ.» Чѣмъ свободнѣе была его совѣсть отъ принятія насильственныхъ мѣръ, тѣмъ менѣе нужнымъ считалъ онъ заявлять, какъ отъ него требовали о томъ, что онъ ничего не будетъ писать противъ свѣтской власти.

Гуттенъ не однимъ только мечомъ боролся противъ Рима, онъ въ то же время ратовалъ въ Эбернбургѣ за Лютера перомъ, острымъ какъ мечъ. Сперва онъ сталъ бичевать папскихъ легатовъ, Алеандра и Караччіоли, которые въ Вормсѣ раздували угли противъ Лютера, потомъ рѣзко напалъ на прелатовъ и духовенство, наконецъ не пощадилъ и императора. Партія въ Эбернбургѣ была очень подробно извѣщаема о всемъ происходившемъ. О рѣчи Алеандра знали тамъ уже на другой день рано утромъ, и Гуттенъ тогда же немедленно написалъ Алеандру, что этой рѣчью онъ срывалъ съ себя личину предъ всей Германіей; часъ мщенія наступаетъ, мечи обнажены. Пусть рѣшитъ Христосъ между безупречнымъ Лютеромъ и порочными священниками,—пишетъ онъ духовенству; для Евангелія всегда найдутся поборники, для свободы — избавители. Первое письмо Гуттена къ Карлу V написано уже прямо въ угрожающемъ тонѣ. Карлъ, говорилъ онъ, заблуждается, полагая, что Лютеръ будетъ безнаказанно выданъ римской партіи.

Между тѣмъ папа новою буллою, послѣдовавшею 28-го марта, въ страстной четвергъ, въ третій разъ провозгласилъ проклятіе надъ Лютеромъ и его приверженцами, а за нѣсколько дней передъ тѣмъ императорскій почетный герольдъ, Каспаръ Штурмъ прибылъ въ Витенбергъ, чтобы везти Лютера въ Вормсъ на имперскій сеймъ для выслушанія «еретика».

— На сеймѣ, въ Вормсѣ, сильно бушевали самыя разнообразныя страсти, яростно боролись между собою представители духовной и свѣтской власти. Гуттенъ старался вовлечь Лютера въ политическое движеніе, увѣренный въ томъ, что подъ гнетомъ безчисленныхъ вопіющихъ примѣровъ высокомѣрія римской церкви и папскихъ притѣсненій большинство имперскихъ чиновъ горячо примется за національное дѣло. Чувствовалась всеобщая

потребность въ настоятельномъ преобразованіи церкви. Даже герцогъ саксонскій, Георгъ, вполнѣ покорный римской церкви, и тотъ сильно негодовалъ на ея положеніе. Въ особой запискѣ, представленной имперскомуу сейму въ мартѣ, онъ подвергъ строгому разбору господствовавшія въ духовенствѣ злоупотребленія и оскорбительные поборы съ нѣмецкаго народа. Изъ этой записки ясно видно, какъ въ то время за денежную плату можно было не только освободиться отъ церковнаго покаянія, но и получить разрѣшеніе всевозможныхъ грѣховъ; одни бѣдняки не могли надѣяться на прощеніе церкви; какъ, далѣе, папскіе нунціи расточали для своихъ удовольствій полученныя за индульгенціи деньги а священники проповѣдывали ложь и обманъ, чтобы только собрать какъ можно больше денегъ. Изъ той же записки видно, что это происходило отъ епископскихъ оффиціаловъ (судей); бѣдныхъ обирали за ихъ прегрѣшенія, богатые безнаказанно погрязали въ грѣхахъ; всѣ таинства были продажны. Въ монастыряхъ, и именно въ такъ-называемыхъ коллендахъ, духовное начальство замѣщало мѣста только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, а значительные доходы съ нихъ брало себѣ въ карманъ. И все это зло происходило отъ духовенства, народъ бѣдствовалъ, и потому искорененіе всѣхъ золъ и всеобщее преобразованіе посредствомъ собора сдѣлалось крайнею необходимостью. При такихъ обстоятельствахъ папа, проклиная Лютера, казалось, дѣйствовалъ болѣе въ интересахъ своей партіи, и никто не вѣрилъ, что онъ заботится о вѣчномъ блаженствѣ совращенныхъ душъ и о спасеніи христіанства. Папа преслѣдовалъ только одну цѣль: увеличивать свое могущество и богатство и награждать своихъ приверженцевъ и сообщниковъ. Судя по различнымъ мнѣніямъ, высказаннымъ о дѣлѣ Лютера въ началѣ апрѣля, дѣла находились въ такомъ положеніи: прежнія церковныя собранія были созываемы не только папой, но и императоромъ; дѣло Лютера не было еще основательно изслѣдовано, государству и церкви угрожала погибель отъ распространившейся во внутреннемъ церковномъ строѣ развращенности и еще не извѣстно, можно ли было впредь «возвѣщать и проповѣдывать открыто правду».

Явилось требованіе, чтобы судьями Лютера не были назначаемы ни креатуры папы, ни льстецы народа. Если Лютеру докажутъ его заблужденіе, то онъ долженъ въ этомъ сознаться, но ему должны возражать. Даже и эта, отчасти нейтральная сторона, заявила желаніе, чтобы дѣло было рѣшено соборомъ, такъ какъ имперскимъ князьямъ въ ихъ положеніи едва ли возможно было уладить его.

Императоръ, принявъ во вниманіе желанія имперскихъ чиновъ, отмѣнилъ свой первый эдиктъ, но въ душѣ былъ предубѣж-

денъ противъ Лютера и намѣревался не иначе пожертвовать имъ какъ за самую дорогую цѣну. Второй эдиктъ былъ полонъ упрековъ Лютеру и выставлялъ приглашеніе его въ Вормсъ въ какомъ-то странномъ свѣтѣ: оно какъ будто было сдѣлано съ цѣлью разставить ему сѣти. Этотъ эдиктъ содержалъ въ себѣ что-то въ родѣ опалы и потому также не могъ быть одобренъ имперскими чинами. Уже 4 дня, по приглашеніи Лютера въ Вормсъ, было готово новое постановленіе, которое въ смягченныхъ выраженіяхъ упоминало о папскомъ проклятіи и требовало, чтобы императорскимъ чиновникамъ были выданы всѣ сочиненія Лютера, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны и какихъ бы предметовъ ни касались; 26-го марта, можетъ быть, въ тотъ самый день, когда императорскій почетный герольдъ въѣзжалъ въ Вормсъ, это постановленіе, все еще неблагопріятное для Лютера, было прибито къ церковнымъ дверямъ въ Вормсѣ, а на другой день провозглашено публично. Сочиненія Лютера были сожжены въ Вормсѣ, и тогда только стало извѣстно, чего можно было ожидать отъ императора въ церковныхъ дѣлахъ.

Въ началѣ апрѣля Лютеръ отправился изъ Виттенберга въ Вормсъ, путешествіе его продолжалось цѣлыхъ двѣ недѣли и походило болѣе на оффиціальный поѣздъ, чѣмъ на поѣздку частнаго человѣка. Въ большихъ городахъ, лежавшихъ на пути, граждане готовили ему торжественные пріемы; жители Лейпцига ограничились провозглашеніемъ обычнаго въ такихъ случаяхъ заздравнаго тоста; но жители Эрфурта встрѣтили своего бывшаго, теперь столь знаменитаго сочлена Августинскаго монастыря, за двѣ мили до города. Онъ проповѣдывалъ въ Эрфуртѣ, Готѣ, Эйзенахѣ при такомъ стеченіи народа, какое нѣкогда было при проповѣди св. Бернарда. Въ Эрфуртѣ онъ получилъ извѣстіе, сильно поразившее его объ эдиктѣ, требовавшемъ выдачи его сочиненій; въ Тюрингскихъ городахъ онъ нашелъ эдиктъ уже обнародованнымъ. Человѣкъ съ меньшимъ мужествомъ два раза подумалъ бы, продолжать ли свое путешествіе. Друзья Лютера были сильно озабочены его судьбой.

Кромѣ того, онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, вѣроятно, вслѣдствіе постоянныхъ волненій и непривычной усталости отъ дороги, но, не смотря на свое физическое утомленіе и на представленія, дѣлаемыя ему со всѣхъ сторонъ, въ томъ числѣ и со стороны почетнаго герольда, сопровождавшаго его, онъ былъ непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи пріѣхать въ Вормсъ, хотя бы ему угрожали «врата ада, и непреодолимыя воздушныя силы. Въ Оппенгеймѣ, близъ Вормса, его встрѣтилъ Мартынъ Бутцеръ страсбургскій реформаторъ, прибывшій изъ Эбернбурга съ отрядомъ всадниковъ отъ Франца Зиккингена для его защиты. Хитрый Глапіо съумѣлъ внушить жителямъ Эбернбурга опасе-

нія за жизнь Лютера. Для римской куріи ничего не было желательнѣе, какъ если бы Лютеръ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на сеймѣ, спрятался гдѣ нибудь въ горахъ.

Наконецъ, у самыхъ воротъ Вормса онъ получилъ предостереженіе отъ Спалатина, совѣтовавшаго ему при настоящемъ положеніи дѣлъ не показываться въ городѣ. На это Лютеръ далъ замѣчательный отвѣтъ: «Я поѣду туда, хотя бы тамъ было столько же чертей, сколько черепицъ на кровляхъ». «Тебя сожгутъ, какъ Гусса», кричали другіе испуганные единомышленники его. Онъ отвѣчалъ имъ: «И если бы пламя разведеннаго тамъ огня достигало неба отъ Виттенберга до Вормса, и тогда я явился бы туда, во имя Господне, влѣзъ бы въ самую пасть бегемота и тамъ исповѣдывалъ и прославлялъ бы Іисуса Христа».

Что чувствовалъ Лютеръ, въѣзжая 16-го апрѣля, въ простой повозкѣ, въ ворота имперскаго города? Въѣздъ еретика былъ торжественный, и голосъ народа произнесъ надъ эдиктомъ императора свой приговоръ, котораго нельзя было не понять. Улицы кишѣли народомъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ Лютера; передъ нимъ ѣхалъ верхомъ императорскій герольдъ; рядомъ съ нимъ сидѣли: братъ его, Николай Амсдорфъ, бывшій потомъ первымъ протестантскимъ епископомъ въ Саксоніи, и Петръ Суавеніусъ; на встрѣчу ему выѣхали саксонскіе и многіе другіе графы и дворяне. Было время обѣденное, вокругъ его повозки тѣснилось до двухъ тысячъ человѣкъ; только крестьяне, настроенные духовенствомъ, оказывали ему, казалось, менѣе расположенія. Но эти оваціи продолжались только нѣсколько дней; и ту, и другую партію занимало болѣе всего скорѣйшее окончаніе дѣла; въ особенности императоръ желалъ прежде всего рѣшить ненавистный ему церковный споръ. На слѣдущій же день по прибытіи Лютера, въ среду 17-го апрѣля, въ четыре часа по полудни, наслѣдственный маршалъ имперіи, Ульрихъ фонъ Паппенгеймъ, пригласилъ Лютера на сеймъ для перваго допроса.

Положеніе Лютера было чрезвычайно опасно, и предостереженія его сторонниковъ оказывались весьма основательными, такъ какъ императоръ былъ къ нему, рѣшительно не расположенъ; между имперскими князьями онъ могъ разсчитывать только на своего государя, да и тотъ твердо рѣшился не поддерживать открыто воззрѣній Лютера. Но особенно непріязненно относилось къ нему духовенство, потому что онъ сильно задѣлъ папу и монаховъ Если бы теорія Лютера о церкви съ общиннымъ началомъ была утверждена, то съ тѣмъ вмѣстѣ рушилось бы все господство римскаго духовенства со всѣми его почестями, преимуществами и привилегіями. Озлобленіе римской партіи, во главѣ которой стояли папскіе легаты, Караччіоли, Алеандръ и Эккъ, не знало предѣловъ. Эти папскіе наемники на-

ставали на томъ, чтобы императоръ нарушилъ обѣщаніе охранять Лютера и привелъ въ исполненіе буллу, т. е. казнилъ бы Лютера. Видѣть его погибающимъ на кострѣ въ самомъ Вормсѣ, въ глазахъ сейма и гражданъ, мечтавшихъ о религіозной и политической свободѣ, было ихъ искреннимъ желаніемъ. Они не переставали ссылаться на достойный подражанія примѣръ съ Гуссомъ, сожженнымъ на Констанцскомъ соборѣ по повелѣнію императора Сигизмунда, и на выраженномъ самимъ Лютеромъ сознаніи въ сродствѣ своей ереси съ ученіемъ богемскаго еретика. Такъ какъ даже часть крестьянъ, возбужденная духовенствомъ, стала относиться къ Лютеру непріязненно, то онъ могъ разсчитывать только на поддержку дворянства и бюргеровъ, въ которыхъ, къ счастію, соединялись всѣ лучшія доблести германской націи: правильный религіозный взглядъ, нравственная сила и умственное образованіе. Въ высшихъ же классахъ господствовали преимущественно грубость и страсть къ наслажденіямъ, въ низшихъ — тупость и невѣжество. На дворянствѣ и бюргерствѣ лежала обязанность провести церковную реформу, и здѣсь, въ Вормсѣ, предстояло имъ доказать на опытѣ, съумѣютъ ли они выполнить свою задачу.

Лютеръ не могъ никогда освободиться отъ свойственной ему застѣнчивости, происходившей оттого, что онъ выросъ въ крестьянской семьѣ и провелъ свою юность въ монашеской келіи; онъ никогда не вращался въ высшемъ обществѣ и не жилъ въ кругу придворныхъ; какъ человѣку, занимающемуся наукой, кабинетъ его былъ для него всѣмъ. Теперь вдругъ онъ увидѣлъ себя въ блестящемъ собраніи; на него были обращены взоры князей и народа. Сочувствіе къ нему было такъ велико, что его должны были провести въ залу собранія потаенными ходами епископскаго дворца; нѣкоторые изъ толпы, желая его видѣть издали, влѣзали на крыши домовъ. Посреди залы собранія сидѣлъ императоръ, окруженный князьями, кардиналами, епископами и имперскими прелатами, около нихъ — пестрый рядъ графовъ, господъ и рыцарей, большинство которыхъ за недостаткомъ мѣста должны были стоять. При появленіи Лютера произошла такая давка, что служителямъ пришлось прочищать дорогу палками и аллебардами. Вожди римской партіи бросали кровожадные взгляды на проклятаго «еретика». Удивительно ли послѣ этого, что сердце Лютера билось сильнѣе обыкновеннаго? На ближайшемъ столѣ лежало до двадцати печатныхъ сочиненій. Оффиціалъ архіепископа Трирскаго, докторъ Іоаннъ Эккъ, предложилъ Лютеру вопросъ: признаетъ ли онъ себя авторомъ этихъ сочиненій? Лютеръ, не колеблясь, отвѣчалъ утвердительно; его адвокатъ, докторъ Іеронимъ Шурфъ, совершенно справедливо потребовалъ прочтенія заглавій сочиненій и подробнаго ихъ разсмотрѣнія.

Второй вопросъ оффиціала былъ: отрекается ли Лютеръ отъ своихъ сочиненій? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ Лютеръ указалъ сначала на различіе своихъ сочиненій, изъ которыхъ одна часть полемическія, написанныя въ пылу гнѣва, другія—поучительныя, имѣвшія цѣлью душевное назиданіе; можетъ ли онъ, не обдумавъ, отречься отъ тѣхъ и другихъ? Въ такомъ важномъ дѣлѣ, продолжалъ онъ многозначительно, гдѣ говорится о словѣ Божіемъ и о спасеніи души, величайшихъ благахъ неба и земли, отвѣчать необдуманно было бы непростительно. Для очищенія совѣсти просилъ онъ императора дать ему отсрочку для обдуманія отвѣта. Послѣ преній, при которыхъ меньшинство голосовъ требовало немедленнаго разрѣшенія вопроса, отсрочка была дана Лютеру на одинъ день.

Еще большая толпа народа осаждала на другой день, 18 апрѣля, дворецъ и залу засѣданій сейма. Наступилъ рѣшительный часъ, Лютеръ былъ допущенъ въ шесть часовъ вечера послѣ двухчасоваго ожиданія. Оффиціалъ объявилъ ему, что теперь онъ долженъ объяснить, отрекается ли онъ отъ «чего нибудь» изъ написаннаго въ его книгахъ, или будетъ твердо отстаивать «все» въ своихъ сочиненіяхъ. Къ великой досадѣ вождей римской партіи, Лютеръ началъ скромно, но рѣшительно, убѣждающимъ голосомъ, просить о милостивомъ и справедливомъ приговорѣ. По его словамъ, проповѣдуя свое ученіе, онъ имѣлъ всегда цѣлью только славу Божію и наставленіе вѣрующихъ въ истинномъ познаваніи Бога. На первый вопросъ, предложенный ему наканунѣ, онъ отвѣчалъ, что признаетъ себя авторомъ предлежащихъ сочиненій, если въ нихъ только не сдѣлано какого нибудь злонамѣреннаго измѣненія. Отвѣчая на второй вопросъ, онъ объяснилъ, что его сочиненія дѣлятся на три рода: одни имѣютъ назидательную цѣль, другія направлены противъ папы и его установленій, третьи составляютъ его частную переписку. Первыя сами противники его признаютъ пригодными и безвредными; въ сочиненіяхъ втораго рода онъ не отрицаетъ, что преслѣдуетъ церковныя учрежденія и тиранство папы, какъ сильно обременяющія нѣмецкій народъ, угнетая его совѣсть. Въ перепискѣ его съ частными лицами ему, какъ защитнику Евангелія, дѣйствительно не слѣдовало выражаться мѣстами такъ рѣзко и запальчиво. Онъ не выдаетъ себя за святаго, но защищая истину Христову, онъ не отказывается отъ своихъ выраженій. При этомъ Лютеръ привелъ примѣръ самого Спасителя, Который, на вопросъ первосвященника Анны о ученіи Его, отвѣчалъ: «Если я сказалъ худо, покажи, что худо». Къ такой отвѣтственности онъ готовъ каждую минуту. Пусть его опровергнутъ и научатъ лучшему изъ пророческихъ и евангельскихъ книгъ; тогда онъ сознается въ своемъ заблужденіи и самъ первый сожжетъ свои

сочиненія. Онъ сообразилъ, какъ слѣдуетъ, настоящія обстоятельства; если причина спора—его ученіе, то это предопредѣленіе Божіе и согласно съ изрѣченіемъ Христа, что Онъ пришелъ на землю не съ миромъ, а съ мечемъ. Если слово Божіе подвергнется нынѣ осужденію, то на всей землѣ наступитъ страшное бѣдствіе, и горе правленію юнаго императора, если оно начнется такимъ злосчастіемъ. Когда Лютеръ привелъ въ примѣръ Фараона и царя Вавилонскаго, то былъ остановленъ оффиціаломъ, замѣтившимъ ему, что онъ уклоняется отъ предмета, что о томъ, что разъ уже рѣшено церковными собраніями, не слѣдуетъ и говорить; онъ долженъ отвѣчать положительно: отрекается или нѣтъ? Да или нѣтъ?

Отъ этой минуты зависѣло дальнѣйшее развитіе государствъ и народовъ, ихъ религіозной, политической и умственной жизни и ихъ нравственнаго преуспѣянія. На этотъ разъ будущность міра рѣшалась не кровавой битвой, а простымъ честнымъ словомъ.

«Его императорскому величеству угодно получить отъ меня прямой отвѣтъ», сказалъ Лютеръ, «и я дамъ такой, *въ которомъ не будетъ ни сучка, ни задоринки* (*weder Hörner noch Zähne*), *а именно: пусть побѣдятъ и убѣдятъ меня свидѣтельствами и доводами. Такъ какъ я убѣжденъ указанными и приведенными мною текстами, и совѣсть моя во власти слова Божія, то я не могу и не хочу отрекаться; ибо не хорошо поступать противъ совѣсти. Вотъ я весь; иначе поступать не могу; да поможетъ мнѣ Богъ; аминь!*

Въ то время, когда Лютеръ давалъ свои объясненія, въ залѣ произошелъ сильный шумъ и страшная давка; не всѣ слова его были слышны, а его противники въ волненіи поняли менѣе всѣхъ другихъ заключеніе его рѣчи.

Если вникнуть въ эти знаменательныя слова, то нельзя не сознаться, что они имѣютъ нѣкоторый искусственный оттѣнокъ и не совсѣмъ соотвѣтствуютъ прямому и простому образу дѣйствій Лютера въ Вормсѣ. Въ томъ преимущественно и состояло его достоинство, что онъ въ минуты страшной опасности вовсе не думалъ о себѣ, никогда не придавалъ себѣ какого-либо значенія, не выставлялъ своего собственнаго «я», не гонялся за театральными эффектами; для евангельской истины и свободы жертвовалъ всѣми своими силами и жизнью, какъ будто это такъ и слѣдовало само собою. Слова же: «Здѣсь стою я», видимо придаютъ ему личное значеніе и указываютъ на его «я», что вовсе не въ его характерѣ, а о томъ, что «иначе не могу», т. е. не можетъ отречься, онъ уже столько разъ говорилъ въ своей рѣчи, что повтореніе этихъ словъ въ заключеніи ея только ослабило бы впечатлѣніе; новаго эти слова въ себѣ не содер-

жать, они только усиливаютъ эффектъ рѣчи, а потому достовѣрность ихъ, при недостаткѣ историческихъ свидѣтельствъ, сомнительна. Давая свое рѣшительное объясненіе, Лютеръ, болѣе чѣмъ когда либо чувствовалъ, что вся его сила лежала не въ немъ самомъ, а въ защищаемомъ имъ дѣлѣ. На сторонѣ враговъ его была сила, на сторонѣ его — чистая совѣсть. Поэтому въ заключеніе онъ испрашивалъ помощи только у Бога; на этомъ священномъ упованіи онъ основывалъ свою самоувѣренность.

Императоръ призвалъ Лютера въ Вормсъ съ тѣмъ, чтобы онъ отрекся отъ своего ученія; намѣреніе его не достигло цѣли: Лютеръ соглашался отречься только въ томъ случаѣ, если его опровергнутъ текстами изъ св. Писанія, или ясными доводами; другими словами: онъ сознался бы въ своемъ заблужденіи только тогда, когда его противники съумѣли бы убѣдить его, что онъ ошибается; иначе онъ считалъ отреченіе измѣной совѣсти и слову Божію.

Но съ этой точки зрѣнія римская церковь не могла и не можетъ смотрѣть на дѣло; вся ея система состоитъ въ подчиненіи отдѣльныхъ лицъ своему непогрѣшимому авторитету, т. е. папской власти. Противъ такого авторитета всякая личная совѣсть безправна и беззащитна и должна безусловно покориться ему. По мнѣнію католиковъ, религія держится только духовенствомъ съ его исключительными правами. Противъ этихъ-то правъ Лютеръ возбудилъ теперь сомнѣніе и самыя основанія ихъ подвергъ строгой критикѣ. При этомъ онъ, сверхъ своего личнаго убѣжденія, сослался еще на свидѣтельства св. Писанія. Такія свидѣтельства, называемыя имъ «словомъ Божіимъ», признавала, конечно, и римская церковь, не сомнѣваясь въ ихъ божественномъ происхожденіи, но присвоила себѣ исключительное право толковать ихъ смыслъ и содержаніе. Поэтому императорскій оффиціалъ, держась точки зрѣнія римской церкви, далъ Лютеру, послѣ его ссылки на св. Писаніе, слѣдующій отвѣтъ: «То, что однажды утверждено или отвергнуто церковью, имѣетъ для ея членовъ окончательно обязательную силу, и затѣмъ объ этомъ не можетъ быть далѣе никакого спора, никакого разсужденія. Что было бы, если бы каждый членъ церкви началъ ссылаться на свое личное пониманіе св. Писанія, въ противорѣчіе съ установленными церковными рѣшеніями? Послѣ этого ни законная вѣра, ни существованіе церкви не были бы обезпечены».

Впечатлѣніе, произведенное Лютеромъ въ Вормсѣ, было весьма различно. Нѣмецкимъ князьямъ поставлялось на видъ, чтобы они, изъ уваженія къ императору, воздерживались отъ мнѣній, даже если бы они и были расположены къ Лютеру. Говорили между прочимъ, что молодой ландграфъ Гессенскій, посѣтивъ Лютера въ гостинницѣ, сказалъ ему: «Любезный докторъ, если

вы правы, то да поможетъ вамъ Господь Богъ»; далѣе, что Георгъ Фрундсбергъ, при первомъ появленіи Лютера въ собраніи сейма, ударивъ его по плечу, выразился такъ: «Если ты увѣренъ въ правотѣ дѣла, то продолжай съ Богомъ». Но изъ всѣхъ этихъ словъ еще не слѣдуетъ, чтобы оба они раздѣляли мнѣніе Лютера. Вообще всѣ эти анекдоты ничѣмъ не удостовѣрены.

Но сколько было и такихъ, которые относились къ Лютеру враждебно. Испанцы неистовствовали противъ еретика монаха. На Вормскомъ рынкѣ сочиненія Лютера вмѣстѣ съ сочиненіями Гуттена рвали въ клочки и топтали ногами. Императоръ не понималъ мужественной прямоты Лютера и съ усмѣшкой говорилъ о немъ: «этотъ человѣкъ не сдѣлаетъ меня еретикомъ». Впрочемъ, народъ и большая часть дворянства стояли за Лютера. Тѣ рыцари, которые при выходѣ Лютера изъ залы собранія, хватались за мечи, спрашивая, не ведутъ ли его въ темницу, безъ сомнѣнія, принадлежали къ партіи въ Эбернбургѣ, ожидавшей только сигнала къ возмущенію. Императоръ не долженъ былъ допускать до подобныхъ вспышекъ.

Лютеръ преградилъ себѣ всѣ пути къ соглашенію, но и императоръ принялъ самыя рѣшительныя мѣры. Онъ сильно раскаявался, что допустилъ еретика-монаха къ гласнымъ преніямъ на имперскомъ сеймѣ; онъ вполнѣ могъ убѣдиться, что объ эту каменную грудь разбивались всѣ придуманныя ухищренія. Такое упорное сопротивленіе наносило ему и личное оскорбленіе; самолюбіе Карла было бы сильно польщено, если бы ему удалось склонить Виттенбергскаго упрямца отречься отъ его ученія; а какъ доволенъ былъ бы имъ папа, если бы еретикъ предъ блестящимъ собраніемъ покорно преклонилъ свою выю. Теперь, когда этого не случилось, для императора всего важнѣе было положить конецъ дѣлу. И Лютеръ долженъ былъ почувствовать всю силу его гнѣва. Теперь Алеандръ былъ для Карла V всѣмъ и не отходилъ отъ него ни на минуту. Уже на другое утро послѣ окончательнаго засѣданія, 19 апрѣля, было готово императорское опредѣленіе по дѣлу Лютера; Карлъ собственноручно написалъ его на французскомъ языкѣ, такъ велико было его усердіе; имперскимъ чинамъ прочитанъ былъ латинскій переводъ. Онъ прежде всего напомнилъ о своихъ обязанностяхъ, какъ объ обязанностяхъ главнаго охранителя католической вѣры. Онъ не могъ долѣе терпѣть, чтобы его подданныхъ совращали съ пути истины, чтобы одинъ человѣкъ смѣлъ возставать противъ общенародной церкви, противъ всего прошлаго, освященнаго вѣками. Имперскіе чины также обязаны защищать христіанскую вѣру; нарушеніе этого долга покрыло бы стыдомъ ихъ и его самого. Послѣ, выслушаннаго наканунѣ, дерзкаго за-

ключенія Лютера, императору остается только сожалѣть, что онъ такъ долго медлилъ: съ такимъ человѣкомъ не слѣдуетъ вести дальнѣйшихъ переговоровъ. Ему дозволяется возвратиться, подъ надежнымъ прикрытіемъ, въ Виттенбергъ, но воспрещается проповѣдывать; онъ не долженъ долѣе совращать народъ своимъ пагубнымъ ученіемъ. Въ заключеніе императоръ опредѣляетъ поступить съ Лютеромъ, какъ «съ озлобленнымъ еретикомъ». Послѣ такого рѣшенія и имперскіе чины обязаны исполнять свой долгъ, какъ добрые христіане.

Предлагая такое опредѣленіе, императоръ не спрашивалъ уже болѣе мнѣнія чиновъ; онъ порѣшилъ безотлагательно приступить къ дѣлу. Многіе были сильно поражены; немедленно по прочтеніи акта имперскіе чины собрались, чтобы представить протестъ; въ немъ они указывали на могущее произойти возстаніе народа, — и были правы. Къ городской ратушѣ прибито было объявленіе, призывавшее бюргеровъ и крестьянъ къ оружію противъ римской партіи; нѣмецкая кровь наконецъ закипѣла; Эбернбургскіе друзья готовились къ бою. 17-го апрѣля, въ день первыхъ допросовъ, Лютеръ получилъ письмо отъ Гуттена, въ которомъ тотъ клялся быть ему вѣрнымъ до послѣдней капли крови. И онъ въ своемъ письмѣ говорилъ о кабанѣ, но искалъ его не въ Виттенбергѣ, а въ Римѣ. Доказательствомъ намѣренія Гуттена напасть съ оружіемъ на римскую партію служитъ письмо его отъ того же числа. 20-го апрѣля онъ, вѣроятно, уже зналъ о содержаніи императорскаго рѣшенія. Онъ хотѣлъ немедленно ворваться въ Вормсъ съ вооруженною толпою, но былъ удержанъ благоразумными друзьями. Между тѣмъ ежедневно ожидали взрыва.

Вопреки желанію Алеандра, императоръ далъ Лютеру еще три дня отсрочки. Переговоры были возобновлены въ частныхъ засѣданіяхъ; императоръ желалъ уловить изъ устъ Лютера хоть одно слово, которое можно было бы принять за отреченіе. Архіепископъ Трирскій, Рихардъ фонъ-Грейфенклау, неоднократно уже бывшій посредникомъ въ этомъ спорѣ, предсѣдательствовалъ въ особомъ собраніи, дѣлавшемъ новыя попытки къ соглашенію. 24 апрѣля Лютеръ былъ приглашенъ къ архіепископу въ собраніе; первый началъ говорить Баденскій канцлеръ, докторъ Іеронимъ Фейсъ. Онъ далъ понять, что, согласно постановленію чиновъ отъ 2-го марта того года, пренія съ Лютеромъ не будутъ допускаемы, что собраніе даетъ ему настоятельный и благой совѣтъ не отпадать отъ церкви, что его осудилъ не одинъ приговоръ церкви, но и его собственная совѣсть, и что въ дѣлахъ вѣры никто не можетъ полагаться на свой разумъ, а каждый обязанъ избѣгать соблазнительныхъ расколовъ. За увѣщаніями послѣдовали угрозы.

Лютеръ твердо стоялъ на объясненіи, данномъ имъ на сеймѣ, утверждая снова, что только слово Божіе можетъ научить и руководить его, что приписываемый ему соблазнъ не можетъ измѣнить его убѣжденій, такъ какъ только въ борьбѣ въ соблазномъ, съ искушеніями, познается истина. На вопросъ маркграфа Іоахима Бранденбургскаго, можетъ ли его убѣдить исключительно Св. Писаніе, Лютеръ отвѣчалъ: «да, или другіе неопровержимые доводы.»

Собраніе находилось въ большомъ замѣшательствѣ, цѣль переговоровъ не была достигнута, не благоразумно было и прервать ихъ, разойтись безъ всякаго соглашенія. Нѣкоторые члены собранія отправились въ залу засѣданій имперскихъ чиновъ, для совѣщанія съ ними. Между тѣмъ архіепископъ пригласилъ Лютера къ себѣ въ комнату вмѣстѣ съ своимъ оффиціаломъ и съ докторомъ Кохлейсомъ, ревностнымъ сторонникомъ римской партіи, присланнымъ изъ Франкфурта на Майнѣ, чтобы вывѣдать, что происходило на сеймѣ. Со стороны Лютера участвовали въ переговорахъ Шурфъ и Николай Амсдорфъ. Это были только безполезныя попытки къ соглашенію: двѣ непримиримыя партіи съ яростью нападали одна на другую. Наконецъ собраніе высказалось, что оно было бы вполнѣ удовлетворено, если бы Лютеръ далъ обѣщаніе впредь ничего не говорить и не писать противъ римской церкви. Но такое обѣщаніе Лютера прямо означало бы отреченіе отъ предложенныхъ имъ церковныхъ преобразованій.

Какъ сильно желали болѣе умѣренные изъ противниковъ Лютера достигнуть соглашенія съ нимъ, доказывается уже тѣмъ, что ему не только было дано еще два дня отсрочки, но кромѣ того докторъ Фейсъ и депутатъ Аугсбургскаго сейма, Пейтингеръ, 25-го апрѣля рано утромъ посѣтили Лютера въ гостинницѣ. Они предложили ему, не отрекаясь отъ своего ученія, предоставить дѣло на благоусмотрѣніе императора и государственныхъ чиновъ. Но могъ ли Лютеръ допустить, чтобы исповѣдываемое имъ ученіе поставлено было въ зависимость отъ приговора политической власти? Со стороны архіепископа Трирскаго послѣдовало даже предложеніе передать дѣло о церковномъ спорѣ рѣшенію предстоявшаго новаго собора; архіепископъ, по всей вѣроятности, не принадлежалъ къ числу лицъ, считавшихъ себя непогрѣшимыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали отъ Лютера, чтобы онъ до того времени удерживался отстаивать долѣе тѣ положенія изъ своихъ сочиненій, которыя подлежали еще подробному разъясненію и притомъ признавались ошибочными, т. е. ему хотѣли зажать ротъ и вырвать у него перо изъ рукъ. Но на это именно онъ и не хотѣлъ согласиться. Въ послѣдній разъ пригласилъ его къ себѣ архіепископъ, но все без-

успѣшно. Напрасно онъ предлагалъ Лютеру мѣсто пріора въ своей эпархіи съ условіемъ, чтобы онъ не упорствовалъ долѣе; напрасно онъ изыскивалъ всевозможные иные пути и средства, какъ выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія. Переговоры прекратились, враги разошлись, ожесточенные пуще прежняго.

Императоръ уже болѣе не настаивалъ и не склонялся на подстрекательства римской партіи; онъ не отдалъ Лютера подъ стражу, а отправилъ его обратно въ Виттенбергъ, продолживъ срокъ на пять дней, подъ прикрытіемъ и въ сопровожденіи почетнаго герольда; онъ поступалъ такъ, опасаясь народнаго возстанія и изъ уваженія къ курфирсту Фридриху. 30-го апрѣля императоръ потребовалъ отъ имперскихъ чиновъ мнѣнія, какія принять дальнѣйшія мѣры противъ строптиваго монаха, упомянувъ при-этомъ, что Лютеру предстоитъ изгнаніе, такъ какъ онъ оставилъ Вормсъ «закоренѣлымъ еретикомъ». Члены сейма не посмѣли долѣе сопротивляться; ихъ ряды рѣдѣли въ собраніи. Уже 24 апрѣля курфирстъ Фридрихъ сильно опасался дурныхъ послѣдствій для Лютера; онъ боялся, что Лютеръ будетъ изгнанъ, а его приверженцевъ объявятъ еретиками. Онъ взялъ съ императора обѣщаніе поступать въ этомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ христіанскому государю. Между тѣмъ Карлъ V достигъ своей цѣли. 8-го мая 1521 года онъ заключилъ съ папою выгодный для себя союзъ; за это онъ пожертвовалъ ему Лютеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, перевѣсомъ своей силы въ Германіи. Папа былъ на все согласенъ, явно объявилъ себя врагомъ Франціи и не противился болѣе изгнанію французовъ изъ сѣверной Италіи. То былъ союзъ оборонительный и наступательный; съ этого времени у императора и папы были общіе друзья и враги.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Вормса нѣсколькихъ имперскихъ чиновъ, наиболѣе расположенныхъ къ Лютеру, 26 мая послѣдовалъ Императорскій эдиктъ противъ Лютера. Въ Римѣ пришли въ неописанный восторгъ. Два изображенія Лютера всенародно были сожжены. Вормскій эдиктъ вышелъ изъ-подъ ядовитаго пера Алеандра, совершенно въ духѣ тѣхъ прежнихъ эдиктовъ, которыхъ нельзя было привести въ исполненіе вслѣдствіе сопротивленія имперскихъ чиновъ. Это былъ отголосокъ рѣчи, произнесенной Алеандромъ въ собраніи сейма въ среду на первой недѣлѣ великаго поста. Императоръ, гласилъ эдиктъ, исполняетъ свой долгъ, какъ главный охранитель истинной католической вѣры. Противъ еретика, Мартина Лютера, истощены всѣ примирительныя средства, онъ совершилъ много зла; величайшее же зло—его поруганіе семи святыхъ таинствъ, презрѣніе къ священническому сану, возбужденіе мірянъ противъ клира. Въ этомъ монахѣ скрывается нечистый духъ, принявшій человѣче-

скій образъ. Съ истеченіемъ срока, даннаго Лютеру отъ императора для его охраненія, онъ, какъ отпавшій членъ церкви, какъ отъявленный еретикъ, долженъ быть изгнанъ изъ государства со всѣми своими друзьями и приверженцами. Снова предписывается уничтоженіе всѣхъ его сочиненій, а по дѣламъ печати назначается строжайшая духовная цензура.

Померкли, казалось, всѣ свѣтила нѣмецкаго міра. Виттенбергскій монахъ затоптанъ въ грязь. Кто отнынѣ осмѣлится сопротивляться двумъ сильнѣйшимъ властямъ христіанства, папѣ и императору, соединившимся для защиты римскаго владычества?

(Luther in Worms und in Wittenberg, Dr. D. Schenkel Elberfeld, 1870 г.)

8. ВАРТБУРГЪ. *)

«Отъявленнымъ еретикомъ» оставилъ Лютеръ 26-го апрѣля Вормсъ, подъ императорскимъ почетнымъ прикрытіемъ. Незадолго до отъѣзда друзья сообщили ему, что на время онъ будетъ укрытъ въ безопасномъ мѣстѣ, но гдѣ—неизвѣстно. Охотно отдалъ бы онъ жизнь за свои убѣжденія и за свободу; но, съ другой стороны, онъ считалъ долгомъ беречь свои силы и жизнь для лучшихъ временъ и притомъ не хотѣлъ пренебречь добрымъ совѣтомъ. По его убѣжденію, съ нимъ вели безсовѣстную игру. Вмѣсто того, чтобы дать ему возможность выяснить и представить важнѣйшіе спорные вопросы на обсужденіе извѣстныхъ ученыхъ, отъ него требовали просто одного отреченія. «О мы, слѣпые нѣмцы», воскликнулъ Лютеръ: «мы поступаемъ какъ дѣти и даемъ себя низко обманывать и дурачить ревнителямъ римской партіи. Но сквозь глубокій мракъ блеститъ уже лучезарный свѣтъ, за дикими криками изувѣровъ раздадутся побѣдные звуки: аллилуія!—Будемъ нѣкоторое время молчать и страдать». Остановясь на пути въ Фридбергѣ, Лютеръ отправилъ оттуда 28-го апрѣля два письма: одно къ императору, другое къ имперскимъ чинамъ. Съ спокойною совѣстью онъ завѣряетъ императора въ безусловномъ повиновеніи его повелѣніямъ, не касающимся святости его религіозныхъ убѣжденій. Въ дѣлахъ вѣры

---

*) *Вартбургъ*, замокъ въ великогерцог. Саксенъ Веймарскомъ, на горѣ, близъ города Эйзенаха, на с. з. окраинѣ Тюрингенскаго лѣса; былъ нѣкогда мѣстопребываніемъ тюринг. ландграфовъ. В. лежитъ въ живописной мѣстности. Тутъ скрывался Л. втеченіе 10 м. въ 1521 г. и перевелъ Библію на нѣмецкій языкъ.

человѣкъ не подчиненъ человѣку; гдѣ рѣчь идетъ о спасеніи души, тамъ каждый, послѣ Бога, несетъ отвѣтственность только за самого себя, тамъ рѣшаетъ все только слово Божіе. Такого же рода завѣреніе давалъ онъ и имперскимъ чинамъ. Императору и имперскимъ чинамъ онъ клянется, въ свѣтскихъ дѣлахъ, во всемъ и всегда быть неизмѣнно вѣрнымъ.

Уже во Фридбергѣ Лютеръ освободился отъ почетнаго герольда и отправилъ его обратно въ Вормсъ съ обоими письмами. Возвращеніе Лютера уже не походило на торжественный поѣздъ. Съ увеличеніемъ опасности ложные друзья его отдѣлились отъ истинныхъ.

Въ Герсфельдѣ Лютеръ встрѣтилъ радушный пріемъ у знатнаго аббата, который выслалъ ему на встрѣчу стройный отрядъ всадниковъ и потомъ роскошно угостилъ его въ монастырѣ. Хотя Лютеру строго было запрещено проповѣдывать, но въ Герсфельдѣ онъ не могъ не согласиться на просьбу жителей сказать имъ проповѣдь, конечно не безъ нѣкотораго колебанія: онъ боялся не за себя лично, а за гостепріимнаго аббата, котораго не хотѣлъ вводить въ непріятное положеніе. Но проповѣдь христіанская должна была быть свободна, а потому и въ Эйзенахѣ онъ не смотря на протестъ духовенства проповѣдывалъ, по желанію жителей.

Между тѣмъ курфирстъ Фридрихъ принялъ свои мѣры для защиты Лютера и для предохраненія самого себя отъ угрожавшихъ ему дѣйствій правительства. Лютеръ нѣсколько разъ намѣревался оставить Виттенбергъ и искать убѣжища внѣ предѣловъ государства; онъ не хотѣлъ ставить своего добраго монарха въ затруднительное положеніе: послѣдній охранялъ его вѣрною и твердою рукою. Довѣріе благороднаго государя къ Лютеру и къ предпринятымъ имъ реформамъ оставалось и въ послѣднее время непоколебимымъ. «Хорошо говорилъ докторъ Мартинъ Лютеръ», сказалъ онъ Спалатину послѣ рѣшительнаго объясненія Лютера передъ имперскими чинами, — прибавивъ: «только онъ слишкомъ смѣлъ». Дальнѣйшая дѣятельность Лютера представляла большія опасности и замѣшательства для Курфирста. Въ Вормсѣ курфирстъ все обдумалъ, при содѣйствіи преданныхъ ему совѣтниковъ, въ особенности Спалатина, и составилъ весьма умный планъ дѣйствій. На возвратномъ пути Лютера въ Виттенбергъ, на него должны были напасть замаскированные люди, схватить его и доставить въ безопасное мѣсто, съ цѣлью скрыть его отъ общаго вниманія, т. е. спасти отъ опалы и преслѣдованія враговъ.

Выѣхавъ изъ Эйзенаха, Лютеръ на обратномъ пути посѣтилъ своихъ родственниковъ въ Мёрѣ. По лѣсистой дорогѣ въ Вальтерсгаузенъ, близъ замка Альтенштейна, въ лощинѣ, повозка его была

остановлена. Преданные ему саксонскіе дворяне съ своимъ отрядомъ вырвали его какъ бы насильно изъ рукъ нападавшихъ, посадили на лошадь, укутавъ въ плащъ, и отвезли въ Вартбургъ, куда онъ прибылъ около полуночи, совершенно утомленный. Теперь онъ былъ саксонскимъ государственнымъ преступникомъ и содержался подъ надзоромъ коменданта замка, Берлепша. Весьма немногіе были посвящены въ эту тайну. Лютера въ его рыцарской одеждѣ, съ длинными волосами и отпущенной бородой не узнавали даже ближайшіе друзья. Здѣсь жилъ онъ въ уединеніи, среди горъ и лѣсовъ, подъ именемъ рыцаря Георга, здѣсь отдыхалъ онъ отъ сильныхъ тревогъ и ужасной борьбы, еще такъ недавно угрожавшихъ его существованію.

Извѣстіе объ исчезновеніи Лютера одинаково сильно подѣйствовало на друга и недруга и дало поводъ къ всевозможнымъ предположеніямъ. Рука ли друга спасла его отъ преслѣдованія враговъ, лукавый ли кинжалъ или коварный ядъ итальянца прекратилъ его жизнь? Уже 1-го мая написалъ Гуттенъ къ Пиркгеймеру въ Нюрнбергъ письмо о сильно заботившей его судьбѣ Лютера. Онъ зналъ о жестокомъ приговорѣ императора. «Да спасетъ Богъ своего избранника до настоящаго времени», молился Гуттенъ. Въ Вормсѣ сильно волновался народъ; жизнь императорскихъ легатовъ подвергалась опасности. Что станется съ нѣмецкою свободою безъ Лютера?

Вормскій эдиктъ сначала былъ приведенъ въ исполненіе въ однихъ нидерландскихъ владѣніяхъ императора; скоро запылали тамъ въ городахъ костры съ сочиненіями Лютера. Что было бы въ Германіи, если бы и здѣсь послѣдовало исполненіе эдикта? Но уже въ маѣ 1521 г. императоръ занятъ былъ другими мыслями. Отъ дѣлъ Германіи вниманіе его было прежде всего отвлечено союзомъ, заключеннымъ съ папою, жертвою котораго сдѣлался Лютеръ. Вслѣдъ за этимъ союзомъ возгорѣлась давно подготовлявшаяся война между Карломъ V и Францискомъ I, королемъ французскимъ. Кромѣ того, сильныя смятенія въ Испаніи призывали туда императора. Въ этихъ событіяхъ Лютеръ видѣлъ гнѣвъ Божій за измѣну Карла правому дѣлу. Удаленіе его изъ Германіи было чрезвычайно благопріятно для предпринятыхъ преобразованій.

Курфирстъ Фридрихъ и ландграфъ Гессенскій тѣмъ менѣе обращали вниманія на Вормскій эдиктъ, что опальный Лютеръ сошелъ съ народной сцены, и грозное перо его, казалось, безмолвствовало. Здѣсь надо упомянуть, что въ началѣ 1521 г. Эммануилъ, король португальскій, требовалъ отъ курфирста Фридриха, чтобы онъ защитилъ отъ нападеній Лютера единство церкви и незыблемость христіанской вѣры; затѣмъ, Генрихъ VIII, король англійскій, обратился 20-го мая къ Карлу V съ настоя-

тельной просьбой затушить пламя пожара, раздуваемое Лютеромъ, вырвать съ корнемъ плевелы ереси въ Германіи. Теперь при измѣнившихся обстоятельствахъ требованія обоихъ государей потеряли уже свое значеніе. И дѣйствительно, реформа Лютера, возмущая всѣ умы, проникла далеко за предѣлы Германіи. При дворахъ сѣверныхъ державъ сильно сочувствовали Лютеру. Возрожденіе церкви стало дѣломъ международнымъ.

Извѣстно, что религіозные диспуты въ Лейпцигѣ и Эрфуртѣ были представлены на рѣшеніе богословскому факультету парижскаго университета. Факультетъ долго медлилъ отвѣтомъ, не желая, по всей вѣроятности, давать своего сужденія о церковномъ спорѣ. Наконецъ, по обнародованіи папской буллы противъ Лютера и по приглашеніи его въ Вормсъ, на имперскій сеймъ, послѣдовало заключеніе факультета, обнародованное 15-го апрѣля 1521 года. По мнѣнію парижскихъ богословскихъ свѣтилъ, въ Лютерѣ вмѣщались всѣ ереси стараго и новаго времени, въ немъ гнѣздились всѣ язвы заблужденій. Подъ предлагаемыми имъ правилами, основанными будто бы на св. Писаніи, скрывался обманъ; еретики всѣхъ временъ безбожныя идеи кощунства старались подкрѣпить текстами изъ священныхъ книгъ. Тѣ же богословы полагали, что всѣ заблужденія Лютера сосредоточены въ его сочиненіи о «Вавилонскомъ плѣненіи», они не скрывали отъ себя, что его ученіе съ каждымъ днемъ находитъ себѣ все большее число сторонниковъ и все болѣе и болѣе распространяется, и потому такого соблазнителя народовъ слѣдовало стереть съ лица земли. Онъ совершилъ самыя тяжкія преступленія: отвергалъ святыя таинства, подрывалъ достоинство папы и епископовъ, ослабилъ ученіе о церковномъ разрѣшеніи, не признавалъ чистилища и осмѣлился даже утверждать, что сожженіе еретиковъ не согласно съ справедливостью. Онъ проповѣдывалъ ложное ученіе о грѣхѣ, о свободной волѣ, о милосердіи; сверхъ того, онъ смѣшивалъ философію съ богословіемъ. Вся его дѣятельность стремилась къ разрушенію церковныхъ обрядовъ и учрежденій; онъ уничтожалъ высокое значеніе св. Писанія и кощунствовалъ надъ дарами Св. Духа. Сочиненія Лютера должны быть, безъ исключенія, сожжены; его самого должно, по всей справедливости, принудить къ отреченію отъ его заблужденій. Таковъ былъ приговоръ главныхъ представителей богословской науки тогдашняго христіанскаго міра надъ новою нѣмецкою реформаціею и ея первымъ поборникомъ.

И такъ, надъ Лютеромъ произнесли свой судъ три главные авторитета вѣка: папа — верховный владыка церкви, императоръ — глава государственной власти и университетъ — высшій представитель науки.

Между тѣмъ, Лютеръ въ своемъ уединенномъ тюрингенскомъ замкѣ, имѣлъ время уяснить себѣ свое положеніе. Движеніе было вызвано его личностью; его умъ, дѣятельная сила и мужество руководили имъ до того времени, но что будетъ съ этимъ дѣломъ преобразованія, едва начатымъ, нигдѣ еще не пустившимъ корня, если Лютеръ не будетъ болѣе содѣйствовать ему и руководить имъ.

Оставаться въ бездѣйствіи теперь, когда его непремѣнной обязанностью и настоятельной потребностью было, удвоить усилія, казалось ему измѣной своему дѣлу. Какъ охотно пожертвовалъ бы онъ собою, для удовлетворенія ненависти своихъ враговъ; но онъ долженъ былъ жить и дѣйствовать. Ни разу не закрадывалось къ нему малодушіе въ эти одинокіе часы, когда онъ представлялъ себѣ весь ужасъ тогдашняго положенія церкви. Все тверже укоренялось въ немъ убѣжденіе, что на римскомъ престолѣ царствуетъ самъ антихристъ. Опаснѣе всего въ этой борьбѣ двухъ непримиримыхъ враговъ было то, что обѣ стороны приписывали происхожденіе ея сатанинскимъ силамъ. Потоки слезъ лились изъ глазъ Лютера при мысли о томъ, какъ римская церковь угнетала совѣсть несчастнаго нѣмецкаго народа. Уже 12-го мая письмомъ изъ Вартбурга увѣщевалъ онъ Меланхтона словами: «Будемъ вмѣстѣ переносить бѣдствіе, пока мы еще одни боремся; послѣ меня примутся и за тебя». Онъ уже заранѣе зналъ отъ Спалатина содержаніе императорскаго эдикта, обнародованнаго только 26-го мая; его утѣшала надежда, что кромѣ курфирста Іоахима Бранденбургскаго и герцога Георга Саксонскаго, никто изъ нѣмецкихъ князей не приведетъ эдикта въ исполненіе. Тверже стали былъ духъ его, но тѣло сильно страдало: его мучила безсонница и дурное пищевареніе; онъ тяготился бездѣйствіемъ и полуневолей; при всей предоставленной ему свободѣ движеній, онъ сравнивалъ себя съ птицею запертою въ клѣткѣ. Можетъ быть, Богъ считалъ его еще недостойнымъ вести открытую борьбу за Его слово? Такой вопросъ задавалъ себѣ Лютеръ съ искреннимъ смиреніемъ.

Для Лютера всего важнѣе было имѣть постоянныя свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ того времени. Для этого онъ велъ постоянную переписку съ тѣми, кто зналъ о его тайномъ заключеніи, т. е. съ Спалатиномъ, Меланхтономъ, Амсдорфомъ, Юстомъ Іонасомъ. Онъ просилъ извѣщать его какъ можно точнѣе о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ и такимъ образомъ имѣлъ постоянное живое сообщеніе съ движеніемъ реформы. При всей горячности характера онъ былъ замѣчательно сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ и постоянно отклонялъ всякія насильственныя мѣры, возбужденіе массъ и возстаніе народа. Могуществомъ слова, а не

мечомъ, должно было дѣйствовать на совѣсть и умы. Когда въ Эрфуртѣ студенты разрушили домъ священника, онъ выразилъ глубокое негодованіе за такое насиліе: подобные поступки постыдны для Евангелія и даютъ дьяволу полную волю. Ученіе вѣры требуетъ чистоты нравовъ; гдѣ ея нѣтъ, тамъ ученіе — одно пустословіе.

Въ тишинѣ его жилища нерѣдко находили на него грустныя мысли: ему казалось, что гнѣвъ Божій готовъ разразиться надъ землей, что наступаютъ послѣднія времена, и онъ едва надѣялся спасти при общей гибели самыхъ маленькихъ дѣтей. Такого рода опасенія высказывалъ тогда Лютеръ своему вѣрному Меланхтону, который уважалъ его, какъ отца. Еще болѣе его огорчало то, что въ такое страшное время онъ долженъ оставаться въ бездѣйствіи; тогда онъ брался за перо и, безъ достаточныхъ пособій, выказывалъ замѣчательную литературную дѣятельность. Онъ жаловался только на головокруженіе и на недостатокъ вѣры. Онъ хорошо зналъ, что торжество Евангелія зависитъ не лично отъ него. Возвратится ли онъ когда-нибудь въ Виттенбергъ? Онъ не терялъ надежды. Пусть папа принимаетъ свои мѣры, пусть преслѣдуетъ его приверженцевъ, еще живъ нѣмецкій народъ. Когда Лютеръ исчезъ такъ внезапно и непонятно, народныя массы пришли въ сильное волненіе; уже по этой причинѣ нельзя было привести въ исполненіе Вормскій эдиктъ. Народъ подозрѣвалъ, что Лютеръ сдѣлался жертвою коварной римской партіи, и онъ самъ замѣтилъ, шутя, что враги его, съ факелами въ рукахъ, охотно пошли бы отыскивать его, чтобы воротить его въ Виттенбергъ.

Въ срединѣ лѣта 1521 года Лютеръ сильно страдалъ: измученный тѣломъ и душею, онъ цѣлую недѣлю чувствовалъ себя неспособнымъ ни на какую работу; онъ не могъ писать; тогда ему пришла мысль тайно оставить свое убѣжище и посовѣтоваться въ Эрфуртѣ съ врачомъ. Впрочемъ такое состояніе продолжалось недолго.

Въ это время ему попался въ руки приговоръ парижскихъ богослововъ; возражать на него онъ предоставилъ другу своему, Меланхтону, для котораго отсутствіе Лютера становилось все болѣе невыносимымъ, и онъ поэтому радъ былъ оказать ему услугу.

Конечно, въ Виттенбергѣ не все шло по желанію Лютера; въ дѣлахъ гражданскихъ онъ былъ вѣрнымъ подданнымъ, но находился въ убѣжденіи, что правительство не имѣло права насиловать совѣсть. Когда въ Виттенбергскомъ университетѣ не были допущены, изъ уваженія ко двору, пренія о покаяніи, то онъ былъ крайне недоволенъ такою уступчивостью и говорилъ, что если бы онъ самъ былъ такъ уступчивъ въ борьбѣ съ папою, то не сдѣлалъ бы и половины того, въ чемъ имѣлъ успѣхъ,

Извѣстія подобнаго рода снова наводили но Лютера грустныя мысли: онъ считалъ ихъ дьявольскими искушеніями; нападки враговъ, какъ напримѣръ частыя выходки Эмзера, онъ приписывалъ также дьявольскому навожденію. Однако онъ самъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ, что ему въ Вартбургѣ видѣлись бѣсы, какъ передавали это впослѣдствіи.

Мало по малу сталъ распространяться слухъ о томъ, что Лютеръ скрывается въ Вартбургѣ; и поэтому онъ не рѣшался показываться въ Эрфуртѣ. Курфирстъ Фридрихъ былъ убѣжденъ, что не будетъ въ силахъ защищать его жизнь.

Лучшимъ средствомъ противъ галлюцинацій, мучившихъ Лютера, была прогулка на свѣжемъ воздухѣ. Онъ самъ съ удовольствіемъ разсказываетъ о своихъ странствованіяхъ по лѣсамъ и о поѣздкахъ въ болѣе отдаленныя мѣста. Онъ то собиралъ горную землянику, то, одѣтый рыцаремъ, съ мечемъ на поясѣ, посѣщалъ, въ сопровожденіи молчаливаго конюха, окрестные монастыри и гостинницы. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ рыцаря Георга, и всѣ удивлялись обширности его знаній и вѣрности сужденій. Иногда онъ любилъ охотиться вмѣстѣ съ другими обывателями замка; въ чащѣ лѣса ему вдругъ приходили въ голову страшныя мысли, и въ разгарѣ охоты на него находило богословское настроеніе.

Во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ, у него созрѣла мысль приступить къ дѣлу, выполненія котораго уже достаточно, чтобы увѣковѣчить его память; это дѣло—нѣмецкій переводъ Библіи.

Уже 14-го мая онъ извѣщалъ Спалатина, что его главное занятіе теперь состоитъ въ изученіи греческаго и еврейскаго текста Библіи. Къ основательному изученію Библіи побуждала Лютера уже его заключительная рѣчь на Вормскомъ сеймѣ, въ которой онъ объяснялъ, что слову Божію предаетъ онъ свою совѣсть и что только одни доводы, почерпнутые изъ св. Писанія, могутъ убѣдить его. Ему удалось постепенно вникать въ языкъ и духъ Библіи; въ особенности изученіе еврейскаго языка стоило ему большихъ трудовъ, но уже къ концу 1521 года онъ твердо рѣшился перевести для своего народа хоть Новый завѣтъ. Впрочемъ, сначала онъ не думалъ одинъ взяться за этотъ громадный трудъ—переводъ всей Библіи; онъ полагалъ, что въ каждомъ городѣ найдется ученый богословъ, готовый быть его сотрудникомъ, и такимъ образомъ онъ надѣялся окончить этотъ трудъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Библія должна была быть не только въ рукахъ, передъ глазами, въ умѣ у всѣхъ, но и въ сердцѣ.

Ему казалось, что напряженное усиліе, потребное для этого труда, выше человѣческихъ силъ; тогда только онъ понялъ,

почему до него никто не брался за такую работу. Въ началѣ 1522 года онъ уже думалъ также приняться и за переводъ Ветхаго завѣта не иначе, однако, какъ при помощи своихъ Виттенбергскихъ ученыхъ друзей; ему казалось, что такой трудъ долженъ возбудить въ Германіи всеобщее сочувствіе; уже поэтому онъ такъ сильно желалъ возвратиться въ Виттенбергъ: онъ хотѣлъ какъ можно скорѣй воспользоваться содѣйствіемъ друзей.

Литературные труды Лютера во время пребыванія его въ Вартбургѣ носятъ на себѣ явные слѣды его нетерпѣнія и грусти о стѣсненіи его свободы и ограниченіи дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ его дальнѣйшіе успѣхи въ дѣлѣ реформаціи. Между прочимъ, Лютеръ, считая первымъ долгомъ, оказать своему вѣрному другу и сподвижнику, Францу Зикингену, особый знакъ признательности, послалъ ему свое сочиненіе о томъ, «зависитъ ли исповѣдь отъ распоряженій папской власти». Въ посвященіи, предпосланномъ этому новому сочиненію, Лютеръ сравниваетъ мѣсто своего заключенія съ пустыней, съ Патмосомъ. Ядовитыя стрѣлы мечетъ онъ тамъ противъ папства. Римъ онъ называетъ притономъ убійцъ, адской пучиной. Только кровавая борьба съ римскимъ Вавилономъ, борьба на жизнь и смерть, продолжаетъ Лютеръ, можетъ спасти Германію. Въ томъ же посланіи Лютеръ нападаетъ больше всего на тайную исповѣдь; онъ былъ убѣжденъ, что отъ такой исповѣди зависѣло возвышеніе или паденіе церковной іерархіи; тайная исповѣдь, полагалъ онъ, служила для духовныхъ отцевъ средствомъ убивать совѣсть грѣшниковъ запутанностью своихъ постановленій. Послѣ того, какъ Лютеръ въ своемъ сочиненіи: «Къ нѣмецкому дворянству» уже обнародовалъ общинный принципъ, передавая общинамъ права и власть священниковъ, вязать и рѣшать, онъ считалъ необходимымъ настаивать на отмѣнѣ тайной исповѣди. Исповѣдь, говоритъ онъ, должна быть вполнѣ предоставлена свободному желанію каждаго; принуждать къ исповѣди впредь не допускается; истинное христіанство не насилуетъ ни совѣсти, ни вѣры.

Въ другихъ сочиненіяхъ своихъ Лютеръ каралъ первыхъ витій римской церкви. До того времени онъ еще не возражалъ на приговоръ парижскихъ богослововъ. Въ сильномъ раздраженіи, происходившемъ, вѣроятно, отъ его физическихъ страданій, онъ теперь горѣлъ нетерпѣніемъ облегчить душу; и вотъ въ особомъ язвительномъ посланіи, направленномъ противъ Якова Латомуса, пытавшагося отстаивать приговоръ богослововъ, Лютеръ жестоко разгромилъ противника. Его запальчивость и рѣзкость языка въ этомъ посланіи можно извинить тѣмъ безстыдствомъ, съ которымъ враги нападали на него, не скрывая намѣренія

возвести его на костеръ. Это не была обыкновенная полемика богослововъ, но борьба на жизнь и смерть. Въ Вартбургѣ Лютеръ писалъ, не прибѣгая къ пособіямъ библіотеки; у него была подъ рукой только библія, которую онъ ревностно изучалъ; въ ней онъ почерпалъ силу своихъ доводовъ и убѣжденій.

Лютеръ, издали слыша, какъ шумѣли, кипѣли и бушевали враги его, могъ предугадать, какая участь угрожала ему, и почти не сомнѣвался, что падетъ жертвою гнусныхъ злодѣевъ. Но еще часъ его не пробилъ; ему предстояло привести ихъ въ еще бо̀льшую ярость и потомъ честно умереть за свое дѣло.

Во время приготовительныхъ работъ для перевода Библіи Лютеръ, трудился также надъ составленіемъ книги нѣмецкихъ проповѣдей (deutsche Postille), въ высшей степени замѣчательнаго собранія тѣхъ проповѣдей, сказанныхъ имъ въ теченіе года, которыми онъ до глубины души умѣлъ растрогать нѣмецкій народъ и воодушевлять его къ усвоенію Евангелія. По прибытіи въ Вартбургъ, онъ сталъ употреблять въ своихъ занятіяхъ нѣмецкій языкъ предпочтительно предъ латинскимъ, что указываетъ на рѣшительный поворотъ его дѣятельности. Прежде Лютеръ, ратуя какъ богословъ противъ богослова, излагалъ свои мысли преимущественно языкомъ ученымъ, прибѣгая иногда и къ богословскимъ тонкостямъ и уверткамъ, но послѣ Вормскаго сейма онъ заговорилъ уже задушевнымъ народнымъ языкомъ; въ народѣ рѣшалась его участь, погибель или побѣда. Продолжать перебранку съ богословами значило напрасно тратить время и труды. Къ уму и сердцу народа долженъ былъ онъ обратиться съ своимъ словомъ, заговорить съ нимъ его языкомъ, долженъ былъ сблизиться съ бѣднымъ простымъ людомъ, чтобы сдѣлаться реформаторомъ христіанства. Переведенная Библія и книга проповѣдей проникли въ убогія лачуги. Скоро имя Лютера пріобрѣло извѣстность и гремѣло повсюду, гдѣ только раздавалась нѣмецкая рѣчь. Какъ потухающія звѣзды меркнутъ при восходѣ солнца, такъ исчезли всѣ знаменитости того времени, когда появился этотъ великій человѣкъ, умѣвшій дивнымъ образомъ соединить въ себѣ прошедшее и будущее для наступавшаго новаго вѣка.

(Luther in Wittenberg und in Worms.—Schenkel).

9. ЛЮТЕРОВЪ ПЕРЕВОДЪ БИБЛІИ.

Въ XV и въ началѣ XVI вѣка порча языка достигла своей высшей степени, мѣсто выразительнаго средневерхнегерманскаго нарѣчія заняли отдѣльные для каждой мѣстности, еще далеко

невыработавшіеся діалекты, именно нижнегерманскіе, и внесли съ собой множество неправильностей и произвола въ способѣ самаго выраженія. Замѣтивши это, Лютеръ задумалъ создать нѣмецкую прозу. Здѣсь онъ руководствовался свойственнымъ ему отъ природы тактомъ, своимъ вѣрнымъ чутьемъ къ пониманію языка, основательнымъ знаніемъ своего народа, его образа мыслей и способа выраженія и, дѣйствительно, его по-истинѣ патріотическія стремленія увѣнчались наилучшимъ успѣхомъ. «Въ своемъ переводѣ Библіи Лютеръ явился первымъ основателемъ новаго строя языка» (Фоссъ). «Онъ впервые установилъ классическую книжную рѣчь германцевъ». (Гердеръ).

Въ основаніе своего языка Лютеръ положилъ нарѣчіе, употреблявшееся въ саксонскомъ судопроизводствѣ, для того, какъ онъ самъ говорилъ, чтобы его могли понимать одинаково сѣверныя и южныя земли. При этомъ онъ не только оживилъ вновь имъ отысканное, но онъ съумѣлъ также вдохновить его для выраженія христіанскихъ воззрѣній и настроенія, которымъ животворно дышетъ его рѣчь. Самое возвышенное и глубокое изъ богатаго сокровища нѣмецкаго языка онъ избралъ для выраженія религіи, такъ что съ силою и глубиной его души, проникнутой Божественнымъ духомъ, въ его переводъ всецѣло проникла прелесть божественнаго слова, найдя себѣ на новой и чуждой почвѣ родное пристанище, новое отечество. Какъ языкъ Библіи былъ въ то же время откровеніемъ нѣмецкаго языка во всей его духовной, религіозной и поэтической силѣ, также точно и Библія являлась великимъ національнымъ сокровищемъ нѣмецкой литературы, *народной книгой*, служившей для различныхъ германскихъ племенъ тѣмъ пунктомъ единенія, какой иначе не могъ бы явиться при тогдашнихъ внѣшнихъ и политическихъ отношеніяхъ Германіи. Внѣшнимъ образомъ такое единеніе сказалось въ новой переработкѣ общаго письменнаго и книжнаго языка, языка образованныхъ слоевъ, *верхнегерманскаго*, того языка, который отличался какъ грамматической правильностью, понятнымъ и точнымъ обозначеніемъ, такъ и полнотой, жизненностью и внутреннимъ содержаніемъ. Лютеръ навсегда завоевалъ родную рѣчь для религіи; съ этихъ поръ проповѣдь, церковныя пѣсни протестантовъ и съ ними (пѣснями) связанное творчество оставались нѣмецкими.

Впрочемъ, стоитъ только мелькомъ просмотрѣть Лютеровскій переводъ Библіи, чтобы замѣтить, сколько труда и времени было потрачено на самыя мелочныя частности. Лишь новый завѣтъ и пятикнижіе Моисея Лютеръ перевелъ въ Вартбургѣ, остальныя книги стараго завѣта появились гораздо позже, а весь переводъ Библіи былъ оконченъ только въ 1534 году. О трудностяхъ своего дѣла Лютеръ самъ въ письмахъ къ своимъ

друзьямъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Мы теперь работаемъ», пишетъ онъ въ 1528 году къ Венцерлю Линку, «надъ онѣмечиваніемъ пророковъ. О Боже! какъ однако непобѣдимо-трудно заставить еврейскихъ писателей говорить по-нѣмецки! Какъ они неподатливы, не желая ни за что оставить свой еврейскій способъ выраженія и послѣдовать за грубымъ нѣмцемъ; точно какъ будто принуждаютъ соловья бросить его любимую мелодію и пѣть подобно кукушкѣ». А въ другомъ мѣстѣ: «Я старался надъ тѣмъ, что только могъ передать ясно и толково на нѣмецкомъ языкѣ, и намъ зачастую приходилось въ 14 дней изъ 3—4 недѣль доискиваться одного какого-нибудь слова, иногда все-таки не находя его. Надъ книгой Іова, мы, *М. Филиппъ* (Меланхтонъ), *Аврогаллъ* и я, работали такимъ образомъ, что едва успѣвали перевести въ 4 дня 3 строки. Тѣмъ охотнѣе теперь, когда все передано нѣмецкой рѣчью и подготовлено, каждый можетъ читать и продолжать, теперь всякій, кто пробѣжитъ глазами 3, 4 листа и не запнется, не замѣчаетъ, сколько шаткостей и колебаній заключалось здѣсь; тогда какъ теперь все идетъ, какъ по отесанной доскѣ, мы принуждены были потѣть и опасаться. Хорошо пахать, когда поле очищено».

Лютеровъ переводъ разсчитанъ по преимуществу для *народа*, такъ какъ онъ занимаетъ какъ-разъ середину между свободой, далеко отступающей отъ оригинала и осторожностью въ ущербъ духу роднаго языка.

Забота Лютера о правильной передачѣ для народа доходила до невѣроятностей. Онъ точно и обстоятельно узнавалъ названія извѣстныхъ животныхъ, хищныхъ птицъ и червей, которые встрѣчаются въ Библіи. Нерѣдко онъ вращался среди простонародья, чтобы наблюдать ихъ способъ выраженія какъ бы въ устахъ ихъ самихъ, и упрашивалъ своихъ друзей доставлять ему запасъ чисто народныхъ выраженій; ибо «слова замковъ и дворовъ» онъ не долженъ употреблять. Однажды онъ, какъ разсказываетъ *Матезій*, позволилъ себѣ даже зарѣзать у мясника барана и ознакомиться съ внутреннимъ строеніемъ тѣла, дабы употреблять правильныя выраженія для перевода тѣхъ мѣстъ Библіи, гдѣ говорится о жертвоприношеніяхъ левитовъ, о внутренностяхъ животныхъ и т. д. Такимъ-то образомъ Лютеръ старался драгоцѣннѣйшія Библейскія книги пересадить въ сердце нѣмецкаго народа, сдѣлать ихъ не только книгами пригодными для чтенія, но и книгами жизни и какъ бы словомъ самой жизни.

А. Любенъ. (Lebensbilder und Skizzen aus der Kulturgeshichte, Jastram. Лейпцигъ. 1875 г).

10. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

Первое волненіе поселянъ оказалось въ тѣхъ странахъ, которыя и прежде ознаменовались такимъ же стремленіемъ,—тамъ, гдѣ Шварцвальдъ отдѣляетъ истокъ Дуная отъ долины верхнерейнской. Стеклось много причинъ къ возстанію этой области: близость Швейцаріи, съ которой жители находились въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, особенная строгость австрійскаго правительства, коммисія, жестоко преслѣдовавшая проповѣдниковъ новаго ученія, личное участіе графа Зульца, правителя инспрукскаго, въ мѣрахъ противъ лютеранизма и поселянъ, присутствіе самого Мюнцера и наконецъ слѣдствіе града, уничтожившаго, лѣтомъ 1524 года, всѣ надежды земледѣльцевъ. Въ августѣ того же года Ганцъ Мюллеръ Бульгенбахъ собралъ огромную толпу крестьянъ и, водрузивъ трех-цвѣтное знамя (черное, красное и бѣлое), требовалъ освобожденія земледѣльческихъ общинъ и соединенія всѣхъ германскихъ областей. Подданные графовъ Верденберга, Монфорта, Лупфепа, Зульца возмутились тотчасъ же; къ нимъ присоединились жители города Цюриха. Войска эрцгерцога и швабскаго союза уничтожили мятежъ, но онъ возгорѣлся съ новою силою весною 1525 г.

Особенно отягощены были подданные аббата кэмптенскаго: за тридцать лѣтъ предъ этимъ они возстали и съ трудомъ были усмирены; здѣсь же поселяне одержали первую побѣду, разумѣется, съ помощію гражданъ. Аббатъ не могъ удержаться въ замкѣ, куда онъ было убѣжалъ; его привели въ городъ и заставили подписать всѣ условія, какія имъ вздумалось. Крестьяне удовольствовались добычею, заграбленною ими въ монастырѣ; но этотъ успѣхъ ободрилъ ихъ единомышленниковъ: двѣ новыя толпы нанесли сильныя опустошенія — одна во владѣніяхъ епископа аугсбургскаго, другая въ земляхъ швабскаго союза, занятаго тогда нападеніемъ герцога виртембергскаго; не скоро еще могли войска союза устремить оружіе свое противъ мятежниковъ, но, наконецъ, предводитель арміи союза, Трухзесъ, въ половинѣ марта, пошелъ противъ нихъ. Ему удалось отнять нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ и разбить нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ; но масса поселянъ была такъ сильна и многочисленна, что невозможно было уничтожить ее всю, тѣмъ болѣе, что многіе изъ возмутившихся сами нѣкогда находились въ рядахъ ландскнехтовъ и даже въ войскѣ непріятельскомъ имѣли единомышленниковъ. Къ нимъ безпрерывно присоединялись еще новыя толпы. Въ началѣ апрѣля, все народонаселеніе Шварцвальда собралось подъ начальствомъ Ганса Миллера изъ Бульгенбаха. Одѣтый въ красный плащъ и красный беретъ, шелъ онъ какъ

побѣдитель изъ мѣста въ мѣсто, и за нимъ на повозкѣ, украшенной зелеными вѣтвями и лентами, везли его боевыя знамена. Онъ обнародовалъ манифестъ въ двѣнадцати статьяхъ *), въ которыхъ изложилъ требованія народа относительно свободы охоты и рыбной ловли, рубки лѣса и уничтоженія взысканій за потраву полей (давно уже, съ основанія феодальныхъ владѣній, крестьяне приносили жалобы вездѣ, если касались этихъ ограниченій; подобная жалоба въ Нормандіи подана была еще въ 997 году). Далѣе, требовали крестьяне отмѣны нѣкоторыхъ новыхъ налоговъ, сильно ихъ тяготившихъ, и уничтоженія правъ, присвоенныхъ баронами въ общинахъ; наконецъ, они не хотѣли платить десятины, которая была, какъ говорили они, противна христіанству. Каждаго, противившагося этимъ постановленіямъ, объявляли отлученнымъ отъ христіанства, отъ всякаго гражданскаго и духовнаго покровительства. Владѣтели замковъ, члены монастырей и настоятели принимались въ союзъ, если они соглашались жить подобно крестьянамъ и не отличаться отъ нихъ одеждою; въ такомъ случаѣ, «они сохраняли все, что слѣдовало имъ по закону божественному» — такъ выражались мятежники. Въ концѣ марта обнаружилось возмущеніе во Франконіи. Въ одной долинѣ Оденвальда собрались до 2,000 крестьянъ и избрали предводителемъ своимъ трактирщика Георга Метцлера, человѣка безнравственнаго, привыкшаго къ разгульной жизни въ часто посѣщаемой имъ гостинницѣ. За тѣмъ въ Вёкингенѣ, въ Мергентеймѣ и другихъ мѣтахъ, возмутители обнародовали двѣнадцать статей, и толпы крестьянъ собрались отовсюду. Эти возмущенія легко было подавить на одномъ мѣстѣ; но, повторяясь въ столькихъ мѣстахъ, они необходимо пріобрѣли силу. Много содѣйствовали успѣху мятежа вѣстники, которыхъ установилъ Гансъ Миллеръ и которые распространили двѣнадцать статей, имъ составленныхъ; во Франконіи дѣйствовали согласно тому, какъ Мюллеръ дѣйствовалъ въ Шварцвальдѣ; франконскимъ поселянамъ было легче совершать свои грабительства и опустошенія, чѣмъ швабскимъ: на встрѣчу имъ не выслали союзнаго войска; владѣтели Розенберга, графы Гогенлоге и Левенштейны принуждены были подчиниться условіямъ крестьянъ и

*) *1)* «Мы не будемъ ни стеречь дичь, ни охотиться для господъ; дичью, рыбой и птицей должны имѣть право пользоваться всѣ; *2)* не должно принуждать крестьянъ водить своихъ собакъ въ намордникахъ; *3)* каждый имѣетъ право носить пищали и арбалеты; *4)* сгеря и лѣсничіе не должны никого обижать; *5)* крестьяне не обязаны возить помѣщику навозъ, не обязаны косить, жать, возить сѣно и дрова, ни платить никакихъ налоговъ, податей и пеней, кромѣ установленныхъ закономъ, ни ходить на барщину и пр. (Циммерманъ «Исторія крест. войны» стр. 260, I т.).

подписать статьи договора. Ужасна была участь тѣхъ, которые сопротивлялись, подобно графу Гельфенштейну! При первомъ сопротивленіи, въ бунтующейся черни закипѣла природная свирѣпость, дикая жажда крови; они поклялись истреблять все, что носило шпоры; когда попалъ къ нимъ въ руки Гельфенштейнъ, напрасно супруга его, побочная дочь императора Максимиліана, съ ребенкомъ на рукахъ упала въ ноги предводителямъ: при звукахъ трубъ и свирѣлей его подвергли жестокимъ истязаніямъ. Неистовства черни распространили всеобщій ужасъ: все дворянство отъ Оденвальда до швабской границы признало законы поселянъ. Желая скорѣе окончить свои дѣла, всѣ толпы направили силы свои противъ сильнѣйшаго владѣтеля Франконіи, епископа вюрцбургскаго. Дорогою, они не только обогатились и усилились, но пріобрѣли предводителей изъ числа рыцарей. Начальство надъ оденвальдскою толпою принялъ Гёцъ-фонъ-Берлихингенъ, частію потому, что опасно было сопротивляться разъяренной черни, частію потому, что воинская дѣятельность, составлявшая все его существованіе, могла быть устремлена противъ старыхъ враговъ его въ швабскомъ союзѣ. Другую толпу велъ Флоріанъ Гейеръ. 6-го и 7-го мая появились они съ различныхъ сторонъ передъ Вюрцбургомъ и радостно приняты были городскими жителями, которые поклялись дѣйствовать съ ними за-одно.

Въ это время, въ концѣ апрѣля и началѣ мая 1525 года, подобное же возстаніе совершилось въ Верхней Германіи и вездѣ съ такимъ же успѣхомъ.

Епископъ шпейерскій долженъ былъ принять ихъ условія; курфирстъ пфальцскій былъ остановленъ ими на полѣ и обѣщалъ облегченіе ихъ участи, на основаніи 12 статей; маркграфъ баденскій Эрнстъ сопротивлялся требованіямъ крестьянъ, но замки его взяли, и онъ самъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ; даже воинственный Трухзесъ, находившійся во главѣ войскъ швабскаго союза, долженъ былъ заключить договоры съ мятежными полчищами и признать мнимую справедливость ихъ требованій; они шли отъ успѣха къ успѣху: франконское и швабское поселенія были совершенно возмущены, и множество городовъ приняли сторону крестьянъ: Страсбургъ принялъ мятежниковъ въ число гражданъ, Ульмъ поддерживалъ ихъ оружіемъ, Нюрнбергъ—провіантомъ, Майнцъ требовалъ прежнихъ правъ своихъ. Подобные успѣхи повели ко многимъ перемѣнамъ. Крестьяне франконскіе составили планъ преобразованія имперіи. Стремленіе это, можно сказать, лежало въ крови народа. Чего напрасно искали князья на столькихъ сеймахъ, къ чему стремился за три года передъ симъ Зиккингенъ съ своими рыцарями, то думали крестьяне привести теперь въ исполненіе, разумѣется, въ

томъ смыслѣ, который благопріятствовалъ ихъ возстанію. Были сдѣланы опыты дать нѣкоторый порядокъ необузданному волненію. Въ Гейльброннѣ хотѣли установить общественный судъ для всѣхъ ополченій; массы должны были отправиться по домамъ и заняться своимъ дѣломъ, съ тѣмъ, чтобы въ полѣ осталось необходимое для порядка число людей, и принудили ослушныхъ къ принятію двѣнадцати статей; въ предположеніяхъ новаго управленія заключалось много идей, которыя впослѣдствіи обагрили кровію всю Францію въ концѣ XVIII вѣка.

Распространяясь все болѣе и болѣе, возмущеніе достигло Тюрингена, гдѣ оно совершило новую степень своего развитія Здѣсь причины религіознаго фанатизма были сильнѣе политическихъ. Мнѣнія, которыя отвергалъ Лютеръ въ Виттенбергѣ, отъ которыхъ онъ предостерегалъ своего государя, приняты были возмущенною чернью. Мюнцеръ возвратился въ Тюрингенъ и началъ снова проповѣдывать свое ученіе: онъ недоволенъ былъ Лютеромъ, который требовалъ, чтобъ преобразованіе совершилось безъ насилія, силою слова и убѣжденія; онъ утверждалъ, что плевелы должно искоренять всѣми средствами, подобно тому, какъ Іисусъ Навинъ предавалъ острію меча народы земли обѣтованной; разрушеніемъ всего общественнаго порядка онъ мечталъ водворить царство истины и благодати; ему не довольно было уже ограниченія власти дворянъ: онъ требовалъ общаго равенства, порицалъ даже договоры, которые заключили крестьяне въ Швабіи и Франконіи. Въ Мюльцгаузенѣ удалось ему снискать званіе властителя и пророка; тамъ предсѣдательствовалъ онъ въ совѣтѣ, предлагалъ разрушить монастыри и указывалъ, какія воинскія предпріятія начать въ Германіи. Прежде всего напали на священниковъ въ области герцога Георга, потомъ раззорили монастыри и замки дворянъ. Здѣсь не хотѣли и слышать объ условіяхъ, о будущемъ преобразованіи, — все безъ пощады жгли, разрушали и умерщвляли. «Любезные братья», писалъ Лютеръ жителямъ горъ въ Мансфельдѣ, «не допускайте въ себѣ чувства милосердія, хотя Исавъ вамъ и будетъ говорить ласковыя рѣчи; не обращайте вниманія на печаль безбожниковъ. Не давайте мечу вашему остывать отъ крови; закаляйте его на наковальнѣ Нимврода, свергните на голову враговъ скалу, пока есть еще время»!

Могущественно и грозно возсталъ Ѳома Мюнцеръ, идеалистъ и мечтатель. Мысли спиритуалистовъ прежняго времени проникнули его вмѣстѣ съ направленіями духовной и свѣтской реформы. Образовалось мнѣніе, по которому хотѣли уничтожить всѣ существующія власти и распространить безусловное повиновеніе лжепророку. Со всѣхъ горъ Тюрингена и Мейссена собрались толпы народа въ ожиданіи рѣшительнаго успѣха своему пред-

пріятію, которое не осталось чуждымъ и для остальной Германіи.

Такъ, наконецъ, грянула давно собиравшаяся втайнѣ гроза! Послѣ того, какъ власти, составлявшія правительство Германіи, перессорились между собою, возстали элементарныя силы, на которыя онѣ опирались. Изъ-подъ земли блеснула молнія, потоки общественной жизни вышли изъ береговъ, оставили свое обычное русло, буря, завываніе которой слышно было уже давно въ глубинѣ, выступила на поверхность, и тогда все должно было преклониться передъ нею!

Лютеръ, не принимавшій никакого участія въ дѣлахъ Зиккингена, не хотѣлъ содѣйствовать и предпріятіямъ поселянъ. Сначала онъ старался склонить князей къ миру, но потомъ осудилъ возмущеніе, противное божественному и евангельскому закону и грозившее разрушеніемъ свѣтской власти имперіи; онъ твердо держался раздѣленія духовной и свѣтской власти; оно составляло принципъ его мыслей, его ученія: «евангеліе, освобождаетъ душу», говорилъ онъ, «но не касается тѣла и имущества». Теперь, какъ и за три года предъ тѣмъ, Мартинъ не задумался броситься на встрѣчу опасности, онъ взывалъ къ владѣтелямъ, чтобъ они смирили мятежниковъ, что настало время гнѣва и меча; тѣхъ, которые падутъ за правое дѣло, защищая своихъ государей, называлъ мучениками за вѣру Христову; какъ смѣло нападалъ онъ на одну сторону существовавшаго порядка, на духовную, такъ твердо отстаивалъ другую — свѣтскую.

Наконецъ, видя грозную, неминуемую опасность, свѣтскіе властители начали рѣшительнѣе дѣйствовать: прежде всѣхъ возсталъ побѣдитель Зиккингена, юный ландграфъ гессенскій, Филиппъ; въ концѣ апрѣля созвалъ онъ своихъ рыцарей и вассаловъ, на вопросъ его, хотятъ ли они помогать ему, они поклялись жить и умереть за него. Прежде всего онъ обезопасилъ свои границы, что стоило ему большаго труда, хотя молва и баснословно увеличила опасность; потомъ перешелъ черезъ горы въ Тюрингію, на помощь родственникамъ своимъ, князьямъ саксонскимъ, съ которыми былъ всегда въ дружбѣ и союзѣ.

Въ то самое мгновеніе, когда сильнѣе всего бушевали бури народнаго возстанія, скончался курфирстъ Фридрихъ. Какую противоположность съ необузданною яростью междоусобія, наполнявшаго Германію, составляла тихая комната въ Лохау, гдѣ Фридрихъ, чувствуя предсмертныя страданія, ожидалъ кончины. «Вы хорошо сдѣлали», сказалъ онъ своему проповѣднику и секретарю Спалатину, который пришелъ къ нему, услыша о безнадежномъ его состояніи, «что пришли ко мнѣ, потому что больныхъ должно навѣщать»; потомъ велѣлъ подвинуть къ столу

низкое кресло, на которомъ сидѣлъ, положилъ руку свою въ руку этого повѣреннаго своихъ послѣднихъ лѣтъ и говорилъ еще съ нимъ о событіяхъ мірскихъ, о возстаніи крестьянъ, о докторѣ Лютерѣ и о близкой кончинѣ своей. Онъ былъ всегда добрымъ господиномъ своихъ бѣдныхъ подданныхъ: теперь онъ просилъ брата своего благоразумно и осторожно приступить къ управленію; онъ не страшился возможности, что крестьяне одержатъ верхъ, какъ ни важно было для него подобное событіе; безъ воли Божіей оно никогда не могло случиться. Эта увѣренность, руководившая его посреди движеній, произведенныхъ Лютеромъ, вдвойнѣ поддерживала его въ послѣднія минуты. Вокругъ него не было родныхъ: его окружали одни служители. «Любезныя дѣти», сказалъ государь: «если я чѣмъ оскорбилъ васъ, то прошу васъ, простите меня, ради Бога»... Онъ говорилъ только о Богѣ, о Богѣ кротости и милосердія, который утѣшаетъ умирающихъ. Въ послѣдній разъ устремилъ Фридрихъ угасающій взоръ свой на лице своего Спалатина, какъ бы ища успокоенія, потомъ пріобщился тѣла и крови Христовой изъ рукъ священника, котораго онъ очень любилъ. Въ немъ новое ученіе, развивавшееся подъ его покровительствомъ, было не свѣтскою властью, которая ищетъ утвердиться въ битвѣ и указываетъ новую будущность: для него оно заключалось въ божественномъ евангеліи, благоговѣніи и чистотѣ души; человѣкъ оставилъ міръ его суетамъ и возносился къ безконечному, возвращался въ лоно Бога и вѣчности. Такъ скончался онъ 5-го мая 1525 года. «Онъ былъ дитя мира и мирно разстался съ жизнію», сказалъ врачъ его.

Много трудностей предстояло преемнику его, курфирсту Іоганну, при вступленіи на престолъ посреди дикаго, опаснаго мятежа. Объ уступкахъ нечего было и думать: между нимъ и Фридрихомъ была такая же разница, какъ между первымъ и послѣднимъ сочиненіемъ Лютера, между сомнѣніемъ и рѣшительною враждою. Въ добрый часъ пришелъ къ нему на помощь Филиппъ Гессенскій; герцоги Георгъ и Генрихъ также присоединились къ нимъ: четыре князя стояли противъ возмутившихся поселянъ.

Мюнцеръ занялъ мѣсто на возвышенности подъ Франкенгаузеномъ, съ которой видна была вся обширная долина; тамъ хорошо было проповѣдывать, но защищаться очень худо. Мюнцеръ выказалъ совершенную неспособность; онъ не позаботился запастись ни порохомъ, ни оружіемъ для людей. Лжепророкъ, говорившій такъ много о силѣ оружія, хотѣвшій истребить всѣхъ безбожниковъ остріемъ меча, видѣлъ себя принужденнымъ положиться на чудо, знаменіе котораго возвѣстилъ войску своему, указывая на разноцвѣтный кругъ, образовавшійся около солнца;

когда загремѣли непріятельскія орудія, крестьяне запѣли духовную пѣснь и пошли въ битву; они были разбиты на голову, и большею частію погибли. Тогда всѣ области наполнилъ страхъ, обыкновенное слѣдствіе неудавшагося преступленія. Толпы поселянъ разбѣжались, города одинъ за другимъ признавали господство побѣдителей; даже Мюльгаузенъ палъ безъ большаго сопротивленія. Въ лагерѣ подъ Мюльгаузеномъ, гдѣ такъ долго владычествовалъ Мюнцеръ, совершилась и казнь его: казалось, что имъ до послѣдней минуты владѣлъ какой-то демонъ. Когда ему напомнили о безчисленномъ множествѣ людей, доведенныхъ имъ до гибели, онъ захохоталъ посреди мученій пытки, и воскликнулъ: «они сами того хотѣли». Онъ не раскаялся даже и тогда, когда его повели на казнь. Вслѣдъ за этимъ и съ другихъ сторонъ ополчились противъ мятежниковъ. Герцогъ Лотарингскій Антонъ привелъ войско Шампани и Бургундіи на помощь правителю Эльзаса, и 17-го мая разбилъ и уничтожилъ до 17,000 мятежниковъ. Виртембергъ палъ снова въ руки союза; предводитель союзнаго войска Трухзесъ уничтожилъ виртембергскихъ мятежниковъ, бралъ городъ за городомъ и, соединившись съ курфирстами пфальцскимъ и трирскимъ, двинулся во Франконію.

Замокъ Вюрцбургъ, тѣснимый двумя толпами крестьянъ, твердо еще держался. Сначала, жители согласились принять 12 статей, но условія капитуляціи, предложенныя осаждающими, были такъ унизительны, что осажденные рѣшились защищаться до послѣдней крайности. 15-го мая, въ день битвы съ Мюнцеромъ, приступили поселяне къ штурму при звукѣ трубъ, съ распущенными знаменами, и огласили воздухъ неистовыми кликами. Изъ замка отвѣчали имъ растопленною сѣрою, смолою и безпрерывными выстрѣлами изъ всѣхъ амбразуръ въ стѣнахъ и крѣпостяхъ. Торжественно и гордо стоялъ одинокій замокъ, при заревѣ этихъ безчисленныхъ огней, которые сокрушали непріятеля, покорившаго Франконію и угрожавшаго всей Германіи. Орудія и здѣсь рѣшили битву: въ два часа по-полуночи крестьяне отступили.

О возобновленіи нападеній поселянамъ нечего было и думать; со всѣхъ сторонъ получались извѣстія о низложеніи ихъ единомышленниковъ. Нѣсколько времени думали дѣйствовать они переговорами, старались отвлечь Трухзеса, но уже было поздно; довѣренности къ нимъ не имѣлъ никто; слѣдовательно, имъ должно было—или побѣдить, или погибнуть.

Соединенное войско все подвигалось впередъ, замки сдавались безъ условій, на произволъ князей; 2-го іюня настигли они первую толпу крестьянъ при Кёнигсгофѣ. То была оденвальдская толпа, которая имѣла мужество стать противъ побѣдонос-

наго врага, но была уже тогда слаба и дурно вооружена: одна конница разстроила ихъ ряды и до прибытія ландскнехтовъ всѣ крестьяне были разсѣяны; вслѣдъ затѣмъ и другая толпа, получа ложное извѣстіе о побѣдѣ, оставила Вюрцбургъ и 4-го іюня была совершенно уничтожена рейторами. Обѣ побѣды окончились ужасною рѣзнею — 600 человѣкъ, взятые заложниками и содержавшіеся въ Ингольштадтѣ, были почти всѣ умерщвлены.

Послѣ столькихъ побѣдъ, теперь необходимо было подумать объ окончательномъ уничтоженіи мятежниковъ. Труднѣе всего было укротить возстаніе въ верхнерейнскихъ областяхъ: здѣсь возгорѣлось возмущеніе и здѣсь же оно пустило широко свои корни. Поселяне стояли въ полѣ, и въ рядахъ ихъ находилось множество ландскнехтовъ. Даже на громы орудій Трухзеса умѣли они отвѣчать и сдѣлали побѣду сомнительною; къ счастію, старый Георгъ Фрундсбергъ, испытанный въ столькихъ битвахъ, еще во-время пришелъ на помощь къ Трухзесу. Впрочемъ, онъ лично имѣлъ вліяніе на нѣкоторыхъ предводителей поселянъ, его старыхъ ратныхъ товарищей и подчиненныхъ; или, можетъ быть, въ толпахъ мятежниковъ оказался недостатокъ въ военныхъ снарядахъ: они разсѣялись и удалились въ горы. Трухзесъ поспѣшилъ за ними и началъ убивать ихъ и жечь ихъ деревни.

Правда, союзъ запретилъ ему такъ дѣйствовать, но онъ смѣялся надъ этимъ повелѣніемъ; онъ, по своему происхожденію, лучше зналъ свое ремесло; онъ былъ увѣренъ, что этимъ средствомъ заставитъ каждаго подумать о своей родинѣ. Онъ не дробилъ своего войска, и ему легко было уничтожать отдѣльныя толпы по мѣрѣ ихъ приближенія: и здѣсь вазстановлена была обычная покорность.

(По Ранке).

11. Шпейерскій и Аугсбургскій Имперскіе сеймы и Нюренбергскій религіозный миръ.

Хотя Лютеръ, въ своихъ сочиненіяхъ, и сильно разражается противъ совершенныхъ турками ужасовъ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что именно страхъ, который внушали тогда турки, очень пригодился нѣмецкимъ протестантскимъ князьямъ, и что не будь этого обстоятельства, положеніе возникшей религіозной партіи было бы гораздо хуже, чѣмъ оно было на Шпейерскомъ сеймѣ весною 1529 года.

При постоянно возраставшей опасности со стороны турокъ, Императоръ и его братъ Фердинандъ видѣли единственное спасеніе въ единодушной, крѣпкой и продолжительной помощи со стороны цѣлаго германскаго государства. Но можно было быть

увѣреннымъ, что евангелическіе имперскіе чины не согласятся оказать эту помощь, если, согласно требованіямъ католической партіи и папы и твердому рѣшенію самого Карла, ихъ будутъ принуждать къ безусловному выполненію Вормскаго эдикта. При такомъ положеніи дѣлъ началась дѣятельность Шпейерскаго имперскаго сейма въ 1529 г., который былъ въ этотъ разъ очень многочисленъ. На очереди стояли два предложенія императора: 1) Оборона имперіи и 2) реформаціонный вопросъ. Но имперскіе чины, и даже тѣ, которые отличались католическимъ образомъ мыслей, измѣнили предложенный императоромъ очередной порядокъ сеймовыхъ занятій наоборотъ. Императорскія предложенія въ церковныхъ дѣлахъ показались католическимъ членамъ сейма слишкомъ мягкими и поэтому они значительнымъ большинствомъ голосовъ въ коммисіи провели постановленіе, по которому этимъ предложеніямъ слѣдуетъ придать болѣе рѣзкій характеръ и только въ такой измѣненной уже редакціи представить ихъ на рѣшеніе Имперскаго сейма. Это рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы до созыва папой вселенскаго собора впродолженіе одного года или до собранія свѣтскихъ и духовныхъ государей нѣмецкаго народа, всѣ тѣ имперскіе чины, которые до сихъ поръ выполняли Вормскій эдиктъ, придерживались его и на будущее время; въ крайнихъ случаяхъ даже силой принуждали къ этому своихъ подданныхъ; тѣ же имперскіе чины, которые терпѣли новое ученіе въ своихъ владѣніяхъ или даже сами вводили его, должны отказаться отъ всякой дальнѣйшей его пропаганды и вдобавокъ не запрещать никому совершать богослуженіе по католическому обряду. Никому изъ духовныхъ чиновъ не должно быть нанесено никакого ущерба въ отправленіяхъ его духовной или свѣтской власти; виновные въ этомъ будутъ наказаны изгнаніемъ изъ Германіи.

Но курфирстъ Іоаннъ Саксонскій, маркграфъ Георгъ Бранденбургскій, князь Вольфгангъ Ангальтскій и ландграфъ Филиппъ Гессенскій вмѣстѣ съ четырнадцатью имперскими чинами формальнымъ образомъ протестовали противъ рѣшенія сейма, затѣмъ послѣдовала съ ихъ стороны аппелляціонная жалоба на имя императора и требованіе, чтобы для рѣшенія религіозной распри былъ созванъ, свободный отъ всякихъ постороннихъ вліяній, вселенскій соборъ. Протестовавшіе государственные чины основывали свои доводы на томъ, что сеймовыя рѣшенія 1526 г., по которымъ до созыва вселенскаго собора каждый имперскій чинъ долженъ поступать въ отношеніи къ вормскому эдикту сообразно его личной отвѣтственности передъ Богомъ и Императоромъ, были постановлены большинствомъ голосовъ и теперь не могутъ быть отмѣнены однимъ только приговоромъ католической партіи сейма. Кромѣ того, они мотивировали свой протестъ тѣмъ, что въ данномъ слу-

чаѣ рѣчь идетъ не объ обыкновенныхъ государственныхъ дѣлахъ, а о вопросахъ совѣсти, которые можетъ рѣшать только вселенскій соборъ, или какое-нибудь другое собраніе, облеченное такимъ же высокимъ авторитетомъ. Но и они согласились оказать Императору помощь въ борьбѣ съ турками, понимая, что если Солиману удастся вторгнуться въ Германію, то самое ихъ существованіе будетъ подвергнуто опасности, немедленнаго же приведенія въ дѣйствіе Шпейерскихъ постановленій нечего было, по ихъ мнѣнію, опасаться, такъ какъ съ одной стороны угрожали турки, а съ другой политическое положеніе Италіи требовало тамъ присутствія Императора. Но разъ оба эти затрудненія, или хотя бы только одно изъ нихъ устранено, — слѣдуетъ уже ожидать со стороны католической партіи наступательнаго образа дѣйствія. Чтобы въ виду этого двусмысленнаго положенія дѣлъ соединить свои силы тѣснѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, они попытались устроить сперва догматическія распри, происходившія въ ихъ собственной средѣ. Ландграфъ Филиппъ Гессенскій взялся за это дѣло съ обычною энергіей. По его побужденію представители обоихъ реформатскихъ исповѣданій явились 1 октября 1529 г. въ Марбургъ. Здѣсь лично встрѣтились Лютеръ и Меланхтонъ съ Цвингли и Эколампадіусомъ. Послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ переговоровъ они пришли къ соглашенію въ большинствѣ спорныхъ пунктовъ, и отчасти даже въ ученіи о таинствѣ св. причастія. Но въ вопросѣ о тѣлесномъ присутствіи Христа въ св. причастіи нельзя было достигнуть между ними никакого соглашенія. Такъ какъ этому пункту продолжали однако приписывать огромное значеніе, то результатомъ происходившаго между Лютеромъ и Цвингли свиданія явилось совершенно противоположное тому, чего ожидали отъ ихъ личныхъ переговоровъ, — ясно и рѣзко выразилось убѣжденіе обѣихъ протестантскихъ партій въ томъ, что между ними нѣтъ единства въ вѣрѣ. Ландграфъ Филиппъ надѣялся все-таки добиться политическаго единства между протестантами; и Цвингли искренно помогъ бы ему въ этомъ, но курфирстъ Іоаннъ, по совѣту Лютера, объявилъ, что политическій союзъ можетъ служить только къ защитѣ и поддержанію истинной вѣры, и поэтому онъ можетъ быть заключенъ только тѣми, которые придерживаются истинной вѣры. Онъ два раза, сперва въ Швабахѣ, а потомъ въ Шмалькальденѣ, излагалъ 17 пунктовъ, составленныхъ въ смыслѣ самаго строгаго Лютеранства. Эти пункты долженъ былъ подписать каждый имперскій чинъ, прежде чѣмъ быть допущеннымъ къ совѣщанію о томъ, какого рода общія оборонительныя мѣры слѣдуетъ предпринять протестантамъ противъ католиковъ. Вслѣдствіе этого не только исчезла надежда на содѣйствіе союзныхъ имперскихъ чиновъ,

принадлежавшихъ къ реформатской церкви, и сильныхъ городовъ Цюриха, Берна и Базеля, но и важнѣйшіе юго-западные имперскіе города Страсбургъ, Ульмъ, Констанцъ, Линдау, Меннингенъ отказались подписать вышеупомянутые пункты, и не приняли никакого участія въ открытыхъ въ Нюренбергѣ въ 1530 году совѣщаніяхъ. Образъ дѣйствій протестантовъ въ Нюренбергѣ довольно замѣчателенъ. Изъ боязни угрызеній совѣсти они отреклись отъ своихъ самыхъ драгоцѣнныхъ для нихъ союзниковъ, и притомъ въ такую минуту, когда ежедневно ожидали возвращенія Императора изъ Италіи, который смотрѣлъ на Шпейерскій протестъ и аппелляціонную жалобу какъ на открытое возстаніе противъ него и Имперіи, съ которымъ онъ серьезно долженъ покончить. Два мѣсяца спустя послѣ назначеннаго времени, 15 іюля 1530 г., Карлъ явился изъ Италіи въ Аугсбургъ. 24 февраля этого года, въ день его рожденія, которое онъ праздновалъ теперь въ 30-й разъ, онъ принялъ изъ рукъ папы императорскую корону. Онъ былъ послѣднимъ изъ нѣмецкихъ государей, пріобрѣвшихъ это обычное украшеніе ихъ достоинства по старому обычаю.

Государственные чины явились въ Аугсбургъ еще въ большемъ числѣ, чѣмъ въ послѣдній разъ, и по большей части въ сопровожденіи свѣтскихъ и духовныхъ совѣтниковъ и авторитетовъ, такъ какъ здѣсь долженъ былъ окончательно рѣшиться великій религіозный вопросъ и поэтому здѣсь предстоялъ не обыкновенный имперскій сеймъ, но также и національный синодъ. Всякій съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за поведеніемъ императора. Протестанты не думали, что они многаго могутъ ожидать отъ него для себя, католическая же партія крѣпко на него разсчитывала. Но, къ общему изумленію, онъ обнаружилъ большую мягкость и склонность къ миролюбивому соглашенію. Обнаруженныя имъ мирныя наклонности имѣли на столько серьезный характеръ, на сколько онѣ вытекали изъ его намѣренія не исполнять всѣхъ желаній католической партіи и папы, чтобы посредствомъ такой уступчивости не сдѣлаться ихъ орудіемъ. Онъ самъ хотѣлъ держать въ своихъ рукахъ нити этого великаго вопроса и направить его сообразно своимъ интересамъ, которые, конечно, совпадали съ существеннѣйшими интересами католическаго исповѣданія, но ничуть не съ организаціей той или другой церкви.

По открытіи сейма, религіозный вопросъ былъ, разумѣется, прежде всего поднятъ на обсужденіи. Отъ имперскихъ чиновъ потребовали, чтобы они письменно изложили императору свое исповѣданіе вѣры. Протестанты приготовили уже такой актъ. Въ основаніи его были положены швабахскіе пункты, разработанные Меланхтономъ такимъ образомъ, чтобы они какъ по своему

содержанію, такъ и по формѣ, какъ можно меньше затрогивали противоположную партію. Самъ Лютеръ не былъ въ Аугсбургѣ. Онъ остался въ Кобургѣ, больше, впрочемъ, по настойчивому желанію курфирста, чѣмъ по собственной своей волѣ. Приверженцы его находили неумѣстнымъ, чтобы онъ, отлученный отъ церкви и присужденный къ изгнанію, явился на сеймѣ, предъ лицемъ императора и папскихъ легатовъ; а еще больше они опасались его безмѣрной горячности. Записка, въ которой протестанты изложили свое исповѣданіе, была прочтена 25 іюня въ торжественномъ собраніи сейма передъ императоромъ и государственными чинами, и именно на нѣмецкомъ языкѣ, а затѣмъ были поданы императору латинскій и нѣмецкій тексты этого исповѣданія. Его подписали курфирстъ Саксонскій, маркграфъ Георгъ Бранденбургскій, герцогъ Эрнстъ Брауншвейгъ-Лауенбургскій, ландграфъ Филиппъ Гессенскій, князь Вольфгангъ Ангальтскій, и представители имперскихъ городовъ Нюренберга и Рейтлингена, Страсбурга, Констанца, Меммингена и Линдау нашли себя вынужденными представить свое собственное исповѣданіе, исповѣданіе этихъ четырехъ городовъ; точно также и Цвингли послалъ императору особенное изложеніе своего исповѣданія. Послѣднее отличалось отъ двухъ остальныхъ рѣзкостью, съ которой оно противопоставляло разногласія евангелическаго и католическаго ученій. Къ великому изумленію протестантовъ, Императоръ выступилъ послѣ этого не въ качествѣ посредника, а въ качествѣ рѣшающаго судьи и, какъ они прежде полагали, высказался въ пользу враждебной имъ партіи.

Онъ поручилъ католическимъ богословамъ Экку, Кохлею, Вимпину, знаменитѣйшимъ изъ ученыхъ борцовъ противъ реформаціи, составить такъ-называемую рефутацію, опроверженіе аугсбургскаго исповѣданія, въ которомъ извѣстное число положеній протестантства было объявлено открытымъ заблужденіемъ. Императоръ потребовалъ, чтобы лица, подписавшія аугсбургское исповѣданіе, отреклись отъ этихъ пунктовъ, въ противномъ же случаѣ онъ будетъ поступать съ ними такъ, какъ приличествуетъ императору и стражу римской церкви. Протестанты не испугались однако императорскихъ угрозъ. Курфирстъ Іоаннъ своимъ спокойнымъ мужествомъ заслужилъ себѣ тогда названіе «Твердаго»; даже послѣ того, какъ всѣ дальнѣйшія попытки къ посредничеству остались тщетными, онъ своей нравственной силой заставлялъ протестантовъ бодро и съ достоинствомъ поддерживать другъ друга. Католическое большинство провело сеймовое постановленіе, по которому протестантамъ, для ихъ окончательнаго возсоединенія къ римско-католической церкви, назначается годичный срокъ (до 15 апрѣля 1531 г.), до тѣхъ поръ имъ запрещаются всякія нововведенія, прежнія, благопріятныя для нихъ

сеймовыя рѣшенія до 1529 г. отмѣняются и, что—опаснѣе всего было для протестантовъ, если бы оно только было приведено въ исполненіе, — предписывается судебнымъ мѣстамъ имперіи поступать безъ всякаго снисхожденія съ государственными чинами, которые не будутъ сообразоваться съ этимъ постановленіемъ, а особенно строго съ тѣми имперскими князьями, которые уменьшатъ или присвоятъ себѣ права и доходы духовныхъ имуществъ и учрежденій. Протестанты представили еще оправдательную записку, такъ называемую апологію аугсбургскаго исповѣданія, но императоръ даже и не принялъ ея, а объявилъ, что если они впродоженіе назначеннаго срока не будутъ покоряться сеймову постановленію, то будутъ принуждены къ этому силою. При такихъ обстоятельствахъ исчезли уже у протестантскихъ государственныхъ чиновъ всякія сомнѣнія въ необходимости обороны, а потому весною 1533 г., послѣ продолжительныхъ и неутомимыхъ переговоровъ составился оборонительный союзъ въ Шмалькальденѣ. При этомъ ясно было оговорено, что этотъ союзъ не направленъ противъ императора или когolибо другого изъ имперскихъ князей, но что онъ долженъ только служить дѣлу «поддержанія Евангелія», если будетъ употреблено насиліе для его подавленія. Всякій, кто не высказался открыто за Цвингли, былъ приглашенъ вступить въ этотъ союзъ. Также допустили сюда и тѣ четыре верхне-нѣмецкихъ города, которые представили въ Аугсбургѣ свое особенное исповѣданіе.

Этотъ союзъ скоро образовался изъ курфирста Іоанна, трехъ Брауншвейгскихъ герцоговъ, князя Вольфганга Ангальтскаго, графа Мансфельда и одинадцати большихъ городовъ, преимущественно имперскихъ; но въ числѣ ихъ были также Магдебургъ и Брауншвейгъ. Союзъ долженъ былъ пока считаться заключеннымъ на шесть лѣтъ. Его организація была еще на столько слаба, что еслибъ тогда дѣло дошло до войны, то союзъ могъ бы только оказать ничтожное сопротивленіе. Скоро политическая партія въ Германіи опять отпала отъ императора. Карлъ нашелъ, что теперь настало удобное время, чтобы провести избраніе его брата Фердинанда римскимъ королемъ и наслѣдникомъ Германской имперіи. Если онъ этимъ избраніемъ хотѣлъ дать прочную почву своей собственной дѣятельности, направленной къ возвеличенію его дома, то его желаніе не встрѣтило бы никакихъ препятствій, еслибъ даже онъ берегъ германскую корону для Фердинанда до самой своей смерти. И дѣйствительно, всѣ курфирсты, хотя съ затаеннымъ неудовольствіемъ, исполнили его желаніе и избрали Фердинанда римскимъ королемъ, за исключеніемъ одного только саксонскаго курфирста, протестъ котораго не былъ однако принятъ во вниманіе. Но герцогъ Виль-

гельмъ Баварскій самъ имѣлъ честолюбивые замыслы на нѣмецкую корону, и охотнѣе видѣлъ бы ее на головѣ всякаго другаго, чѣмъ на головѣ Фердинанда, его сильнѣйшаго сосѣда, побѣдоноснаго его соперника въ Богеміи и прежняго политическаго противника. Онъ былъ такъ раздраженъ избраніемъ Фердинанда, что съ одной стороны вступилъ въ переговоры со Шмалкальденцами, а съ другой съ Франсуа 1-мъ и обѣщалъ имъ свое содѣйствіе. Вліяніе его на его партію было такъ велико, что часть этой партіи не только была на его сторонѣ, но даже совершенно отпала отъ императора. Наконецъ, опять настала опасность со стороны турокъ: Солиманъ намѣревался отомстить за понесенное имъ пораженіе подъ Вѣной, и его приготовленія заставляли опасаться повторенія прежнихъ ужасовъ. Вторично представилась необходимость въ самой быстрой организаціи государственной обороны, такъ какъ въ противномъ случаѣ Австрія должна будетъ погибнуть. Но протестанты объявили, что, вслѣдствіе явныхъ враждебныхъ для нихъ намѣреній императора, они не согласятся оказать ему помощь въ борьбѣ съ турками. Кромѣ того, повидимому, была близка возможность образованія союза между всѣми врагами габсбургскаго дома, между Франціей, Англіей, Даніей, шмалкальденцами, Баваріей и другими недовольными князьями въ Голландіи, и турками. Это была неслыханная еще до тѣхъ поръ комбинація, которую тѣмъ не менѣе скоро попытались устроить.

Все это послужило причиной, вслѣдствіе которой не были приведены въ исполненіе строгія мѣры, угрожающія протестантамъ. Карлъ и Фердинандъ предупредили ихъ въ попыткахъ къ примиренію и съ хитро разсчитанной уступчивостью съумѣли повести дѣло такъ, что 23 іюля 1532 г. состоялся въ Нюренбергѣ миръ, которымъ обѣ стороны обязались не нападать другъ на друга, въ ожиданіи собора, о созваніи котораго императоръ ревностно настаивалъ у папы. Судебныя преслѣдованія положено между тѣмъ пріостановить, но распространяя условія мира только на тѣхъ, кто еще до заключенія его приступилъ къ Аугсбургскому исповѣданію. Этотъ договоръ связывалъ руки протестантамъ, ни мало не обезпечивая ихъ будущности.

Но тѣмъ не менѣе протестанты высказали теперь готовность къ энергическому оказанію помощи въ предстоящей борьбѣ съ турками. За дѣло вооруженія принялись съ необыкновенной энергіей, въ противоположность тому, что происходило прежде при обще-государственномъ вооруженіи. Особенно отличились имперскіе города, которые въ вооруженіи войскъ, въ обиліи и доброкачественности военныхъ снарядовъ, а главное въ своей превосходной артиллеріи выставили на-показъ все свое богатство. Такимъ образомъ составилось прекраснѣйшее войско, ка-

кого Германія не выставляла уже много столѣтій. Между тѣмъ Солиманъ наводнилъ своими полчищами Венгрію, но былъ надолго задержанъ особой маленькой крѣпостью Гюнца и значительно ослабленъ. Когда нѣмецкое войско явилось въ Вѣну, онъ быстро возвратился назадъ, не желая довести дѣло до генеральнаго сраженія. Этимъ была достигнута, по мнѣнію большинства имперскихъ князей, цѣль похода. Они не думали воспользоваться удаленіемъ Солимана, чтобы покорить для Фердинанда всю Венгрію, такъ какъ они желали только обезопасить нѣмецкія границы и отбить охоту у турокъ по крайней мѣрѣ на ближайшее время возвратиться въ Германію. Вслѣдствіе этого большая часть имперскаго войска была распущена, и только меньшая часть продолжала вмѣстѣ съ императорскими войсками войну въ Венгріи.

Die Geschichte der neuern Zeit in abgerundeten Gemälden, für Schule und Haus. Rütz, 1864.

12. РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Личность Цвингли. — Сравненіе его съ Лютеромъ; различіе ихъ реформы. — Противники Цвингли. — Побѣда реформаціи.

Хотя Швейцарія—страна самостоятельная съ независимою политикою, однако же и она была увлечена тѣмъ же умственнымъ движеніемъ, которое господствовало въ Германіи и именно въ верхней ея части.

Здѣсь уже давно обнаружились антиклерикальныя стремленія того вѣка. Спорнымъ вопросомъ въ это время было отстраненіе духовенства въ свѣтскихъ судахъ и установленіе особыхъ налоговъ; противъ перваго возставалъ особенно епископъ Турскій, противъ послѣдняго — владѣтельные прелаты Тургау.

Также скоро привилось здѣсь и литературное стремленіе нѣмецкихъ поэтическихъ школъ. Подобныя заведенія мы видимъ въ Люцернѣ, Сентъ-Галленѣ, Фрейбургѣ, Бернѣ, Турѣ и Цюрихѣ. Здѣсь образовался довольно значительный литературный кружокъ, средоточіемъ котораго сталъ Эразмъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Базелѣ.

Вслѣдствіе этого первыя сочиненія Лютера встрѣтили въ Швейцаріи также сочувствіе и были впервые напечатаны въ Базелѣ. Уже въ 1520 г. появилось сочиненіе одного крестьянина изъ Тургау подъ заглавіемъ: «Ein kurz Gedicht Luthern zu Lob und seinen Widerwärtigen zu Spott». Краткое стихотвореніе въ похвалу Лютеру и въ насмѣшку его противникамъ». Такое на-

правленіе поддерживали преимущественно студенты, возвращавшіеся изъ Виттенберга, и особенно прославляли имена тѣхъ изъ нихъ, которые присутствовали при сожженіи Лютеромъ буллы. Изъ равнины и городовъ проповѣдь проникла въ горы, въ Граубюнденъ, Аппенцель и Швицъ.

Хотя движеніе, охватившее Швейцарію, приняло здѣсь совсѣмъ другой характеръ относительно религіозныхъ вопросовъ, чѣмъ въ Германіи, но все-же его руководителемъ былъ одинъ человѣкъ, Ульрихъ Цвингли.

Цвингли родился въ общинѣ Вильдгаузъ въ Тоггенбургѣ, на рубежѣ котораго беретъ начало Туръ; эта община находится на горной высотѣ, гдѣ не произрастали ни полевые плоды, ни овощи, гдѣ виднѣлись зеленые альпійскіе луга и посреди ихъ сѣдые неприступные утесы.

Дѣтство его (онъ родился 1-го января 1484 г. и слѣдовательно былъ нѣсколькими недѣлями старше Лютера) совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда его община стала освобождаться отъ феодальнаго гнета, ставившаго ее въ зависимость отъ аббата Сентъ-Галленскаго. Этимъ движеніемъ главнымъ образомъ руководилъ его отецъ, бывшій почетнымъ человѣкомъ въ этомъ мѣстѣ; онъ владѣлъ многими лугами, имѣлъ многочисленное семейство — восемь сыновей — и его домъ не уступилъ бы дому патріарха по своему достоинству.

Одинъ изъ братьевъ долженъ былъ, по обычаю того времени, принять духовное званіе, и выборъ палъ на Гульдрейха; дядя его, бывшій первымъ священникомъ округа и избранный по желанію общины Вильдгауза, взялся приготовить его къ духовному сану.

Замѣчательную черту характера Цвингли составляетъ природная его правдивость. Однажды онъ разсказываетъ, что при размышленіи о разныхъ предметахъ ему пришло въ голову, что ложь должна быть строже наказываема, чѣмъ воровство, потому что правдивость, прибавляетъ онъ, есть мать и источникъ всѣхъ добродѣтелей.

Съ такою неиспорченною нравственностью, которую онъ вынесъ изъ чистаго горнаго воздуха, вступилъ онъ на поприще литературы, общественной и церковной жизни.

Онъ учился въ школахъ Базеля и Берна, потомъ перешелъ въ Вѣнскій университетъ, а затѣмъ въ Базельскій. Это было въ ту эпоху, когда средне-вѣковому схоластицизму противопоставили гуманизмъ. Цвингли примкнулъ къ этому направленію по примѣру своихъ наставниковъ и друзей и твердо держался его, не смотря на то, что сталъ въ 1506 году священникомъ въ Гларусѣ. Весь свой досугъ онъ посвятилъ занятіямъ. Онъ пробовалъ самъ писать въ духѣ латинистовъ, но ему не удалось

стать на ряду съ знаменитыми стилистами. Онъ преимущественно читалъ и изучалъ классическихъ писателей *). Погруженный въ изученіе классической литературы онъ со всѣмъ стараніемъ принялся за изученіе Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ,—изданнаго Эразмомъ. Чтобы освоиться съ посланіями апостола Павла, онъ переписалъ ихъ собственноручно, сдѣлавъ на поляхъ извлеченія изъ толкованій отцовъ церкви. Сначала его сбивали богословскія понятія, вынесенныя имъ изъ университетовъ, но онъ рѣшился изучать богословіе изъ простаго, чистаго слова. Ему стало все яснѣе, когда онъ безусловно отдался изученію текста. Но въ глубинѣ его души уже образовалось понятіе, противоположное правиламъ церкви. Пріѣхавъ въ 1516 году въ Эйнзидельнъ, онъ откровенно сказалъ кардиналу Шиперу, что существованіе папства не имѣетъ никакого основанія въ Св. Писаніи.

Характерическое направленіе было придано его дѣятельности совершенно инымъ обстоятельствомъ. Цвингли былъ республиканецъ; онъ выросъ среди необыкновенно дѣятельныхъ гражданъ, и ему было врождено живое сочувствіе къ политическимъ дѣламъ своего отечества. Въ тѣ годы итальянскія войны приводили въ движеніе всѣ силы союза и поставили его на ряду съ первоклассными европейскими державами. Не разъ Цвингли сопровождалъ войско на поле битвы; онъ былъ съ нимъ и при Мариньяно. Кончилась война, а вмѣстѣ съ нею прекратились и доходы; что чрезвычайно не нравилось народу, возмутившемуся въ Люцернѣ, Золотурнѣ, Бернѣ, Цюрихѣ; простолюдины ничего не хотѣли знать о союзахъ, которые увлекли братьевъ ихъ и сыновей на смерть въ земляхъ чуждыхъ; они требовали наказанія «Германо-французовъ, пожирателей кронъ». Несмотря на это вербовщики войска имѣли громадный успѣхъ: молодежь шла въ солдаты по первому призыву, и зло возрастало съ каждымъ днемъ. Цвингли, изучившій въ это время какъ латинскихъ писателей, такъ и народную нѣмецкую литературу, которая, какъ намъ извѣстно, возстаетъ противъ господствующихъ злоупотребленій, написалъ въ 1510 г. довольно замысловатую сказку; онъ представилъ въ ней происки союза, говоря, что жертвою ихъ становится самый союзъ, которымъ руководятъ хитрыя кошки, тогда какъ вѣрныя собаки тщетно хотятъ охранить его, а чрезъ это союзъ лишается свободы, которую слѣдовало бы защищать съ оружіемъ въ рукахъ по примѣру жителей Антвордена, а не заключать союзовъ съ иностранцами, потому что гдѣ

*) Они приковывали его вниманіе болѣе [illegible] стремленіемъ къ простотѣ и истинѣ, чѣмъ красотою формъ

дѣйствуютъ паймы и подкупы, тамъ не можетъ быть братскаго союза.

При всемъ томъ мы знаемъ, что онъ долгое время пользовался пенсіей отъ папы. Ему, безъ сомнѣнія, казалось, что получать небольшую пенсію отъ папы, какъ духовнаго главы союза, не все равно, что брать деньги отъ совершенно постороннихъ лицъ, напр. отъ французскаго короля, противъ сторонниковъ котораго онъ такъ сильно возставалъ. Въ 1516 году онъ боролся въ Гларусѣ съ французской партіей, которая утвердилась здѣсь, какъ и въ большей части Швейцаріи. Конечно, онъ уступилъ, потому что на сторонѣ короля были самые значительные люди страны; онъ не нажалуется на то, сколько долженъ былъ перенесть; наконецъ, онъ былъ принужденъ оставить свой приходъ и занять мѣсто викарія въ Эйнзидельнѣ. Однако все это послужило только къ полному развитію его прежнихъ воззрѣній. Такъ какъ французская партія постепенно пріобрѣтала первенство, то онъ сталъ возставать противъ нея и противъ платы.

Въ это время вошли во всеобщее употребленіе изъ личныхъ выгодъ союзы туземцевъ съ иностранцами, и Цвингли смотрѣлъ на нихъ какъ на событіе, служащее къ уничтоженію всеобщей свободы. Нравственность и общественное мнѣніе нашли въ немъ крѣснорѣчиваго защитника. Изученіе древнихъ и Св. Писанія въ противоположность нравственному и религіозному запустѣнію, сознаніе честной любви къ родинѣ, находившееся въ борьбѣ съ наемною усердной службой иностраннымъ дворамъ, все это породило въ немъ мысль, высказавшуюся въ его намѣреніи преобразовать положеніе церкви и государства и вмѣстѣ съ тѣмъ все это повело къ тому, что онъ получилъ хорошее мѣсто. Это мѣсто досталось ему въ 1519 году въ Цюрихѣ.

Цюрихъ былъ тогда хотя не единственнымъ въ своемъ родѣ, но значительнымъ городомъ союза, потому что не прельстился деньгами французовъ. Конрадъ Гофманъ, каноникъ въ Мюнстерѣ, строго соблюдалъ правила своего отечества, запрещавшія вступать въ службу къ иностранцамъ или брать деньги, онъ былъ такимъ проповѣдникомъ, который не устаетъ говорить толпѣ горькія истины. Это послужило главнымъ образомъ къ тому, что Цвингли былъ избранъ священникомъ въ Мюнстерѣ, на зло всѣмъ проискамъ.

Здѣсь Ульрихъ Цвингли обдумалъ со всѣхъ сторонъ свое новое положеніе, которое онъ и впослѣдствіи удержалъ за собой.

Прежде всего онъ уничтожилъ союзническія партіи иностранныхъ державъ и даже папы. Онъ говорилъ: «Кардиналъ Зиттенъ, вербовавшій солдатъ для папы, достоинъ носить свою красную шляпу и мантію: если ихъ сорвать, то оттуда потечетъ кровь близкихъ родственниковъ». Онъ смѣялся, что со-

граждане ополчаются противъ волка, который нападаетъ на другихъ животныхъ и не трогаетъ волковъ, а между тѣмъ чрезъ нихъ погибаетъ столько людей.

Въ это время въ Швейцарію проникло ученіе Лютера, и никто съ такимъ усердіемъ не содѣйствовалъ ему, какъ Цвингли. Ему пришлось бороться у себя съ продавцемъ индульгенцій, и онъ съумѣлъ удержать его. Онъ писалъ противъ опалы, которой римскій дворъ подвергъ Лютера, и явился защитникомъ его противъ буллы.

Его проповѣди оказывали необыкновенное дѣйствіе на слушателей, потому что онъ имѣлъ къ нимъ природный талантъ. Онъ съ жаромъ возставалъ противъ господствовавшихъ злоупотребленій и разъ такъ живо описалъ отвѣтственность, которой подвергается духовенство, что многіе молодые люди изъ числа его слушателей, готовившіеся къ духовному сану, отказывались отъ него. Иногда кто нибудь изъ слушателей думалъ, что проповѣдникъ мѣтитъ на него въ своихъ рѣчахъ, и Цвингли нашелъ необходимымъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ: «Благочестивый мужъ!» восклицаетъ онъ: «не приписывай этого лично себѣ!» и потомъ горячо продолжалъ далѣе, не заботясь объ опасностяхъ, угрожавшихъ иногда его жизни.

Главная задача его стараній состояла въ томъ, чтобы уяснить слушателямъ смыслъ св. Писанія. Получивъ на это дозволеніе, онъ сталъ объяснять не только отрывки, но и цѣлыя книги св. Писанія, потому что онъ хотѣлъ отыскать сущность Божественной мысли и сообщить ее другимъ. Онъ училъ, что религія состоитъ въ страхѣ Божіемъ, любви и праведности. Онъ избѣгалъ всего непонятнаго или слишкомъ ученаго: онъ достигъ въ своей рѣчи той понятливости, къ которой стремился, и внесъ въ обширный кругъ своихъ слушателей ту увѣренность, которая и въ смутное время служила ему опорою въ предпріятіяхъ.

Въ обыденной жизни онъ отличался веселостью и спокойствіемъ. Онъ выучился обращенію съ людьми въ республиканскихъ обществахъ и военныхъ лагеряхъ Эйнзидельна, куда стекалось множество иностранцевъ разныхъ націй. Ему не были чужды даже порочныя ошибки молодости, но изъ его переписки мы видимъ, что онъ съ горечью сожалѣлъ о нихъ и много работалъ надъ собою; спустя нѣсколько времени онъ уже велъ непорочную жизнь. Онъ старался побороть въ себѣ вспышки гнѣва и страстей, а появлявшуюся хандру заглушалъ музыкой, такъ какъ онъ очень любилъ ее и игралъ на многихъ инструментахъ. Долго онъ велъ жизнь по примѣру своихъ соотечественницковъ и питался, какъ они, преимущественно молочною пищею; но онъ никогда не отказывался отъ приглашенія: онъ шелъ въ цехи съ бюргерами, бывалъ на пирушкахъ у крестьянъ

и оживлялъ всѣхъ своимъ умомъ и пріятнымъ разговоромъ. Несмотря на то, что онъ былъ такъ трудолюбивъ, предпринималъ многое и приводилъ все въ исполненіе, онъ никого не отступалъ отъ себя, не сказавъ что нибудь пріятное. Это былъ стройный, красивый и здоровый человѣкъ, къ тому же необыкновенно веселый, обходительный и умный, однимъ словомъ, истый республиканецъ.

При сравненіи его съ Лютеромъ мы находимъ, что ему не приходилось выносить такихъ сильныхъ бурь, которыя потрясали все внутреннее существо Лютера. Ему не стоило большихъ усилій сдѣлать разрывъ съ Церковью, потому что онъ никогда не былъ ей особенно преданъ. Онъ сталъ реформаторомъ не изъ глубокаго пониманія идей вѣры и ея отношенія къ искупленію, подобно Лютеру, но главнымъ образомъ потому, что, при изученіи церковной и гражданской исторіи, онъ находилъ въ ихъ содержаніи противорѣчія. Цвингли не былъ также профессоромъ университета и никогда не раздѣлялъ господствовавшихъ ученыхъ мнѣній; онъ не имѣлъ призванія къ тому, чтобы преобразовать высшую школу, твердо держась всѣхъ убѣжденій и отступая только на существенныхъ пунктахъ. Задача его жизни, по его мнѣнію, состояла въ томъ, чтобы преобразовать республику въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи и возвратить союзъ къ его первобытному значенію. Если Лютеръ помышлялъ о преобразованіи религіознаго ученія, за которымъ должны были слѣдовать сами собой жизнь и нравственность, то Цвингли обратилъ вниманіе на улучшеніе самой жизни; его первоначальныя точки зрѣнія носили морально-политическій характеръ; нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ это и его религіозное стремленіе приняло особый отпечатокъ.

Если мы затронемъ теперь вопросъ о томъ, какія изъ реформаціонныхъ стремленій Цвингли были первенствующими, то увидимъ, что онъ еще въ 1517 году развилъ свои идеи и высказалъ свои ученія. Убѣжденія такого рода были свойственны въ то время многимъ. Все клонилось къ борьбѣ съ духовною властью и къ отдѣленію отъ нея. Эту борьбу впервые выдержалъ Лютеръ; онъ ввелъ впервые свое ученіе въ значительныхъ княжествахъ Германіи. Въ то время, когда Лютеръ былъ осужденъ Римомъ, Цвингли получалъ еще пенсію отъ папы. Кругъ, въ которомъ вращался Цвингли, былъ совершенно иной, чѣмъ кругъ Лютера. Въ то время, когда въ сѣверной Германіи всѣ высшія свѣтскія власти начали уже дѣйствовать, здѣсь еще шла рѣчь объ отложеніи одного города отъ своего епископства.

Но и съ этой стороны событіе имѣетъ особый интересъ; предпріятіе требовало ума и усилій и необходимо было съ особымъ вниманіемъ отнестись къ нему.

Цюрихъ, также какъ и другіе швейцарскіе города, уже давно отстаивалъ свою независимость отъ Констанцскаго епископства, подъ властью котораго онъ находился.

Тогдашній епископъ, Гуго Гогенланденбергъ, относился весьма недружелюбно къ продажѣ индульгенцій, которую вели въ его епархіи римскіе коммиссаріи; онъ былъ того мнѣнія, что Цюрихскій совѣтъ вышлетъ изъ своего округа продавщика индульгенцій --Самсона.

Цвингли тщательно хранилъ письма, въ которыхъ духовное начальство требовало, чтобъ онъ оказывалъ сопротивленіе уполномоченному Римской куріи.

Въ это время политическія обстоятельства сложились такъ, что Римская курія весьма снисходительно поступала съ этимъ городомъ.

Въ 1520 году Цвингли зашелъ очень далеко и радовался пріобрѣтенію довольно большаго числа рѣшительныхъ приверженцевъ. Дѣйствительно, совѣтъ тогда разрѣшилъ священникамъ и проповѣдникамъ толковать св. Писаніе Ветхаго и Новаго завѣта съ нововведеніями и прибавленіями, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ; это распоряженіе заключаетъ въ себѣ начало отпаденія отъ Римской Церкви. Нельзя сказать, чтобы это дѣло не было извѣстно римскому двору: здѣсь были два папскихъ нунція и кардиналъ, но они не осмѣливались ничего предпринять. Изъ слѣдующаго примѣра можно видѣть ихъ образъ дѣйствія. Они обѣщали Цвингли вмѣсто 50 гульд. пенсіи —100 г., только чтобы онъ не проповѣдывалъ противъ папы. Цвингли хотя и нуждался въ деньгахъ, но отклонилъ это предложеніе. Кромѣ этого условія они предлагали ему пенсію, но Цвингли не хотѣлъ ничего принимать. Однако нунціи болѣе заботились о вербованіи людей, съ помощью которыхъ они думали завоевать Майландъ, чѣмъ о богословскихъ вопросахъ. Хотя городъ почти совершенно отпалъ отъ нихъ, они все же вошли съ нимъ въ союзъ. Цвингли говоритъ: «Насъ не называли ни отступниками, ни вѣроломными, а величали высокими титулами». Ординаріусъ эпархіи покровительствовалъ новой проповѣди изъ сопротивленія папскимъ притязаніямъ; Римскій престолъ также терпѣлъ ее, чтобы достичь желаемой цѣли въ своихъ политическихъ переговорахъ; и новыя ученія распространялись безъ труда впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и пускали прочные корни въ умахъ слушателей.

Дѣло дошло до того, что наконецъ внѣшній церковный порядокъ былъ оскорбленъ и въ мартѣ 1522 года уничтожили посты и стали ѣсть мясо и яица. Тогда возсталъ прежде всѣхъ епископъ, который встрѣтилъ во всей своей епархіи сопротивленіе и презрѣніе къ его постановленіямъ; онъ отправилъ въ Цюрихъ посоль-

ство, требуя созванія совѣта, чтобы возстановить въ церкви существовавшіе до сихъ поръ обряды.

Но возможно ли было это сдѣлать? Могли ли пламенныя религіозныя убѣжденія этой эпохи подчиниться простому слову духовнаго начальства?

Во время диспута, послѣдовавшаго за докладомъ посольства главному совѣту, Цвингли утверждалъ, что многіе церковные обряды принадлежатъ къ тѣмъ, о которыхъ апостолъ Петръ выразился, какъ о невыносимыхъ. И ни разу онъ не встрѣтилъ продолжительнаго противорѣчія со стороны посланныхъ; одинъ изъ нихъ, Ваннеръ, предикантъ Констанцскаго монастыря, былъ въ глубинѣ души того же мнѣнія. Совѣтъ повидимому находился въ нерѣшительности, но на самомъ дѣлѣ твердо постановилъ, чтобы никто не нарушалъ постовъ «безъ достаточной причины» и просилъ епископа объяснить церковнымъ властямъ и ученымъ, какъ должно поступать въ отношеніи обрядовъ, чтобы не опровергать тотчасъ же постановленія Христовы. Епископъ отвѣчалъ, что онъ снова указываетъ совѣту на необходимость наблюдать за порядками и добрыми обычаями святой Церкви; онъ считалъ это равнымъ святому Евангелію. Въ весьма оживленномъ письмѣ къ каноникамъ онъ признавался, что теперь въ Церковь вкрадывается нѣчто, не совсѣмъ согласное съ св. Писаніемъ; ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ принимать ученій, которыя осуждены королемъ и папой; кто же не хочетъ слушать епископовъ, пусть совершенно отдѣлится отъ нихъ.

Но въ городѣ были еще монастыри, которыхъ не коснулось рѣшеніе совѣта; многіе знатные люди и простые, держались еще прежнихъ порядковъ, и такимъ образомъ вышло то, что это увѣщаніе не прошло безслѣдно. Самые ярые противники монаховъ получили приказаніе быть умѣренными въ выраженіяхъ на каѳедрахъ или на диспутахъ.

Однако же въ дѣйствительности не доставало только случайнаго происшествія, которое повело бы за собою совершенное отпаденіе.

Въ это время въ Швейцаріи появился францисканскій монахъ изъ Авиньона, тотъ самый Францъ Ламбертъ, котораго мы видимъ на соборѣ въ Гомбергѣ. Вступивъ въ юныхъ лѣтахъ въ монастырь очень строгаго устава, онъ не нашелъ въ немъ ни покоя, ни благочестія, чего такъ долго искалъ, а напротивъ — тайные пороки и отвратительную зависть; сюда дошли до него нѣкоторыя письма Лютера, и онъ рѣшился оставить монастырь и отыскать Лютера въ самомъ Виттенбергѣ.

Этотъ человѣкъ, въ монашескомъ одѣяніи, разъѣзжалъ по Цюриху на ослѣ. Его католическое правовѣріе было потрясено, но не совершенно разрушено. До сихъ поръ онъ не хотѣлъ ни

уничтожить обряды, ни отказаться отъ заступничества Святыхъ: и въ этомъ духѣ онъ сказалъ нѣсколько проповѣдей на латинскомъ языкѣ у главнаго престола въ каѳедральномъ соборѣ. Однажды при-этомъ Цвингли прервалъ его, сказавъ: «Ты заблуждаешься, братъ!»

Старовѣры думали найти въ Ламбертѣ опору себѣ, такъ какъ онъ былъ ученъ и хорошо владѣлъ языками, и потому они устроили диспутъ между нимъ и Цвингли. Въ четвергъ, 17 іюля, въ трапезной канониковъ произошелъ этотъ диспутъ, но вовсе не такъ, какъ предполагали. Этотъ францисканецъ былъ человѣкъ, дѣйствительно любившій правду и искавшій ее. Онъ скоро замѣтилъ, что основанія, противопоставленныя ему, слишкомъ превышали его собственныя, и убѣдился въ этомъ отрывками изъ Св. Писанія, на которые указывалъ ему Цвингли. Онъ поднялъ руки къ небу, благодарилъ Бога и обѣщалъ призывать Его только одного и отказаться отъ почестей. Послѣ этого онъ выѣхалъ изъ Цюриха на своемъ ослѣ, и по прошествіи нѣсколько времени мы видимъ его въ Эйзенахѣ, въ Виттенбергѣ, позднѣе, какъ уже было сказано, въ Гомбергѣ и наконецъ въ Марбургѣ. Попытка его придать церковнымъ постановленіямъ въ Германіи иную форму, нежели какую далъ имъ Лютеръ, увѣковѣчила память о немъ.

Этотъ диспутъ имѣлъ въ Цюрихѣ значительныя послѣдствія. Онъ происходилъ въ четвергъ: въ слѣдующій затѣмъ понедѣльникъ, 21 іюля, совѣтъ созвалъ въ пробство всѣхъ чтецовъ ордена, канониковъ и свѣтскихъ священниковъ. Цвингли чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы возстать противъ неосновательныхъ проповѣдей въ монастыряхъ. Бургомистръ снова предложилъ обѣимъ сторонамъ, предоставить ихъ споръ на рѣшеніе епископа. Но Цвингли заявилъ, что онъ самъ проповѣдникъ и епископъ города; что онъ заботился о душахъ тѣхъ, за которыхъ онъ принималъ присягу; что онъ не потерпитъ, чтобы въ монастыряхъ проповѣдывали противъ слова Божія, такъ какъ они и безъ того не имѣютъ на это права; но онъ открыто, съ каѳедры, возстанетъ противъ этого. Всѣ были на его сторонѣ; наконецъ бургомистръ объявилъ отъ имени совѣта, что въ городѣ ничего не должно проповѣдываться, кромѣ слова Божія. Прежде священникамъ была дозволена проповѣдь только относительно Св. Писанія; теперь же ее запретили и монахамъ. Спрашивается, по какому праву въ этомъ случаѣ Цвингли возставалъ противъ постановленій епископа? отвѣтъ на это вытекаетъ изъ его понятія объ общинѣ. Онъ—того мнѣнія, что все то, что Св. Писаніе говоритъ о церкви вообще, имѣетъ ту же силу и для отдѣльныхъ общинъ. Повидимому, онъ полагаетъ, что община не можетъ заблуждаться, если она не ищетъ ничего

новаго, а довольствуется только слушаніемъ слова Божія и обсужденіемъ въ спорныхъ случаяхъ. Если онъ приписываетъ ей такой значительный авторитетъ при обсужденіи спорныхъ пунктовъ вѣры, то онъ долженъ придать ей еще больше значенія относительно сочиненій! Право совмѣстнаго обсужденія въ главномъ совѣтѣ онъ разсматриваетъ гораздо болѣе со стороны церковной, нежели политической. По его словамъ, намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы каждый вопросъ предварительно обсудить въ проповѣди и чрезъ это удостовѣрить всѣхъ въ сущности дѣла, а потомъ передать его на разсмотрѣніе въ главный совѣтъ; послѣдній же вмѣстѣ съ слугами церкви долженъ сдѣлать необходимое постановленіе. По его выраженію, совѣтъ облеченъ большею властью, чѣмъ община.

Легко можно видѣть, что возникавшая церковная организація имѣла здѣсь совершенно иное основаніе, чѣмъ въ Германіи. Тамъ священники соединились съ властью князей, здѣсь съ городскимъ управленіемъ; въ чемъ тамъ полагались на рѣшеніе сейма, здѣсь совершалось само собою — и въ этомъ заключается различіе теоріи и будущаго развитія новаго ученія въ Швейцаріи и Германіи. Любопытны отношенія Цвинглиева ученія къ ученію Лютера. Подобно личному развитію обоихъ реформаторовъ, различны были ихъ отношенія къ общественной власти, различны были и противники, съ которыми они должны были бороться; отъ того и въ направленіи идей и въ расположеніи ученія, не смотря на всю аналогію ихъ, выразилось существенное несходство.

Главное различіе заключалось въ томъ, что Лютеръ болѣе всего старался сохранить въ прежнемъ постановленіи западнаго духовенства все, что, по его мнѣнію, не противорѣчило Св. Писанію; Цвингли же рѣшился уничтожить все, что нельзя было объяснить Св. Писаніемъ. Лютеръ оставался въ предѣлахъ латинской церкви; онъ хотѣлъ только очистить ученіе, и согласить его съ евангеліемъ; Цвингли же думалъ, что необходимо приступить къ совершенному преобразованію, и Лютеръ объявилъ его однимъ изъ тѣхъ мечтателей, съ которыми онъ такъ часто долженъ былъ бороться. Горячій бой завязался между двумя реформаторами: въ преобразованіи своемъ, Цвингли пошелъ еще далѣе Лютера, и потому неудивительно, что консервативныя идеи виттенбергскаго ученія не могли согласоваться съ бурнымъ, разрушительнымъ ниспроверженіемъ всего зданія западной церкви, представителемъ котораго явился Цвингли.

Придя къ тому убѣжденію, что ученіе Цвингли не поведетъ ни къ чему, и желая положить всему этому конецъ, совѣтъ постановилъ въ февралѣ 1523 г. установить диспутъ изъ своихъ священниковъ, духовниковъ, проповѣдниковъ. Такое постанов-

леніе было выгодно для Цвингли. Онъ думалъ, что Богъ не будетъ впослѣдствіи спрашивать, что постановилъ папа съ своими епископами, или совѣты и университеты, но что содержитъ слово Его. Епископъ, который повидимому не лишился еще надежды, послалъ депутатовъ и въ числѣ ихъ генералъ-викарія, Фабера, конечно, не затѣмъ, чтобы они приняли участіе въ диспутѣ, но чтобы присутствовали на немъ и примиряли раздоры партій. Диспутъ, однако же, вполнѣ благопріятствовалъ Цвингли. Что же можно было возражать, когда основное положеніе его заключалось въ томъ, что Св. Писаніе, которое никогда «не лжетъ и не обманываетъ», есть основа вѣры. Удивляюсь, какъ такой умный человѣкъ, какъ Фаберъ, осмѣлился вступить на этотъ скользкій путь. Онъ хвастался, что докажетъ изъ Св. Писанія призываніе Святыхъ: но когда Цвингли потребовалъ, чтобы онъ еще разъ привелъ это доказательство и, конечно, здѣсь оно было бы кстати, то онъ не могъ достичь цѣли, чего и слѣдовало ожидать. Вообще самые ярые противники сознавались, что Цвингли одержалъ полнѣйшую побѣду, да и всякій, кто теперь прочтетъ весь ходъ засѣданія, не можетъ не сказать того же. Слѣдствіемъ этого было то, что совѣтъ уполномочилъ его продолжать свое дѣло въ томъ же направленіи, въ какомъ оно было до сихъ поръ, а духовенству снова было объявлено, чтобы оно не бралось за то и не учило тому, чего не можетъ доказать словомъ Божіимъ.

Замѣтимъ слова «братья и учить»; они служатъ всегда заключеніемъ церемоній и проповѣдей.

Преобразованія во внѣшности церкви были уже въ полной силѣ. Духовенство поженилось; монахинямъ предоставлено было выходить изъ монастырей или оставаться тамъ: «Знаете, любезный мастеръ Ульрихъ», писалъ къ Цвингли отецъ экономъ, «мы съ аббатомъ рѣшились принять святое евангеліе и слово Божіе и съ этимъ умереть». Хотя въ Мюнстерскомъ монастырѣ были еще ярые приверженцы старины, однако же наконецъ каноники пришли къ рѣшенію сдѣлать у себя преобразованіе и привели свое намѣреніе въ исполненіе при содѣйствіи нѣкоторыхъ депутатовъ совѣта. Долги были большею частію уничтожены; о десятинахъ и другихъ рентахъ вышло такое постановленіе, которое дало возможность учредить значительное учебное заведеніе. Но болѣе всего занимало всѣхъ недоразумѣніе о почитаніи иконъ и о литургіи; вотъ два вопроса, которые все сильнѣе обнаруживались съ каждымъ днемъ. Уже появились письма противъ чина литургіи; значеніе иконъ было подорвано. Совѣтъ счелъ необходимымъ подвергнуть эти вопросы обсужденію особаго духовнаго собранія, которое состоялось въ октябрѣ 1523 года.

Самовластіе этого союза нигдѣ не проявлялось такъ сильно, какъ въ этомъ собраніи. Епископъ Костницъ остерегся послать вторично депутатовъ. Престарѣлый Конрадъ Гофманнъ, бывшій прежде покровителемъ Цвингли, напрасно повторялъ, что община не обязана установлять диспуты по подобнымъ вопросамъ. Цвингли также держался того принципа, что церковь состоитъ не изъ папы, кардиналовъ, епископовъ и ихъ собраній, но что община есть та же самая первобытная церковь, которая была установлена въ Іерусалимѣ. Только нѣкоторые духовные изъ городовъ и деревень собрали вмѣстѣ съ иностранными, какъ говорятъ, посланниками Антіохіи, подъ начальствомъ Макса Реуста совѣтъ для обсужденія двухъ самыхъ главныхъ вопросовъ, занимавшихъ всѣхъ христіанъ. Мастеръ Леу (Лео Юде), священникъ изъ мѣстечка Св. Петра, и Цвингли выставили тезисы, которые хотѣли защищать, одинъ о томъ, что при богослуженіи не нужны образа, другой — что месса есть жертва; они приглашали всѣхъ, несогласныхъ съ этими мнѣніями, опровергнуть ихъ Св. Писаніемъ. Какъ ни старались доказать то одинъ, то другой, ихъ доказательства были тотчасъ же опровергаемы. Затѣмъ были вызваны тѣ лица, которыя съ особеннымъ рвеніемъ возставали противъ нововведеній, называя ихъ чуть не еретическими. Нѣкоторые изъ нихъ не явились; другіе молчали; остальные же объявили наконецъ, что они убѣждены теперь въ ихъ пользѣ, и извинялись въ томъ, что раздѣляли всеобщее заблужденіе. Здѣсь былъ одинъ аббатъ, тотъ самый аббатъ изъ Каппеля, который увѣщевалъ жителей Цюриха смѣло принимать слово Евангелія. Послѣ этого духовникамъ было приказано не толковать болѣе тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя на диспутѣ были доказаны. Цвингли написалъ для нихъ руководство и публично познакомилъ ихъ съ нимъ; его можно считать первымъ изъ всѣхъ символическихъ книгъ евангелической церкви.

Такимъ образомъ Цюрихъ отдѣлился отъ епископства, а чрезъ это и отъ всей латинской іерархіи и занялся выработкой основанія новыхъ церковныхъ положеній согласно съ идеями общины.

Должно сознаться, что эти идеи были не вполнѣ осуществлены со стороны ихъ теоретическаго содержанія. Въ дѣйствительности онѣ были приведены въ исполненіе на столько, на сколько позволяло политическое положеніе города. Однако же неоспоримо и то, что жители городовъ и деревень приняли самостоятельное участіе въ этомъ преобразованіи. Ни одно нововведеніе не было употреблено въ дѣло, не получивъ одобренія и подтвержденія городской общины относительно его успѣха; главный совѣтъ высказывалъ свое мнѣніе послѣ. Уже прежде духовенство повторяло городскія постановленія. Впослѣдствіи отдѣльныя

общины высказывали въ граматахъ свое согласіе съ предшествовавшими дѣйствіями союза. Все пародонаселеніе приняло позитивный евангельскій духъ, который съ этихъ поръ остался навсегда присущъ ему.

13. ЗАЩИТА И РАСПРОСТРАНЕНІЕ УЧЕНІЯ.

Хотя Цвингли въ своемъ ученіи далеко опередилъ Лютера, но и не избѣжалъ распространеннаго противъ него мнѣнія; ему также пришлось бороться съ вопросомъ о перекрещеніи.

Отъ него требовали, чтобы онъ совершенно отдѣлилъ общину отъ истинно-вѣрующихъ, такъ какъ къ нимъ только однимъ должно относиться обѣтованіе. Онъ возражалъ, что нельзя же устроить царства небеснаго на землѣ; Самъ Христосъ училъ, что плевелы могутъ рости вмѣстѣ съ пшеницею.

Тогда потребовали, по крайней мѣрѣ, созвать для совѣщанія всю цюрихскую общину, а не довольствоваться совѣтомъ, состоявшимъ только изъ двухъ сотъ членовъ. Но Цвингли боялся вліянія пылкихъ демагоговъ на многочисленное собраніе и потому утверждалъ, что совѣтъ служитъ представителемъ общины, какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Молчаливое согласіе общины онъ счелъ достаточнымъ узаконеніемъ рѣшеній совѣта. Послѣдній же долженъ былъ употребить въ дѣло свою церковную власть, но съ условіемъ не нарушать правила Св. Писанія, такъ какъ это обѣщано общинѣ ея пастырями. Цвингли твердо держался понятія объ общинѣ, не проводя его, однако же, вполнѣ въ жизнь, подобно тому, какъ въ новѣйшія времена, основываясь на принципѣ народнаго главенства, какъ бы избѣгали предоставлять націю самой себѣ.

Вообще Цвингли не хотѣлъ потрясти разъ установленный уже порядокъ вещей. Чтобы выгадать что либо изъ послѣдняго, оппозиція требовала отмѣны десятины, которая никоимъ образомъ не составляетъ принадлежности божественнаго права. Цвингли возражалъ, что десятина, по соглашенію бюргеровъ, должна или перейти въ третьи руки, или служить на поддержку церквей и школъ. При этомъ, хотя онъ и не такъ рѣзко, какъ Лютеръ, настаивалъ на понятіи правительственной власти; все же онъ не рѣшался выйти изъ предѣловъ разъ установившагося политическаго порядка. Если же поднятый вопросъ не могъ охватить всего, то гдѣ-нибудь да нужно же было остановить начавшееся движеніе. Достигши этого пункта, онъ не пошелъ дальше и при-этомъ привлекъ на свою сторону общественное мнѣніе, отъ котораго въ республикѣ все зависѣло.

Затѣмъ въ Цюрихѣ выступилъ вопросъ о перекрещеніи. Обрядъ перекрещенія служитъ только внѣшней чертой того ученія, которое требовало для образованія общины полнѣйшаго равенства мнѣній и истиннаго христіанства. Однако же, въ характерѣ общины, основанной на немъ, заключается необходимость ставить принципъ преобладанія духовныхъ отношеній надъ свѣтскими; вскорѣ мы встрѣчаемъ ея приверженцевъ въ противорѣчіи со всѣми властями. Призванные къ суду, они объявляютъ, что не подчиняются земной власти, потому что только одна власть — Богъ, для нихъ высшая власть. Они, можетъ быть, открыто и не утверждали, что нельзя терпѣть надъ собой какую-либо правительственную власть, но, уча, что христіанинъ не можетъ принимать на себя подобной обязанности, или вести войну, они тѣмъ самымъ уже не признавали свѣтскую власть христіанскою. Идеаломъ земнаго существованія, къ которому всѣ должны стремиться, они признавали общность имуществъ. Такъ какъ подобныя идеи въ только что начавшемся возстаніи крестьянъ играли не безуспѣшную роль, и цюрихскіе перекрещенцы, какъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ Цвингли, выступали съ своимъ ученіемъ, что не только можно, но и должно убивать священниковъ, то вмѣстѣ съ проповѣдниками поднялись всѣ правительственныя власти, чтобы избавиться отъ нихъ. Нѣкоторые были изгнаны, другіе сами бѣжали; оба предводителя были безъ всякаго состраданія утоплены. Затѣмъ составленъ былъ новый церковный уставъ, такъ что внутреннее состояніе и устройство города и государства, потрясенныя этимъ волненіемъ, нисколько не пострадали.

Среди всего этого возникло новое, еще болѣе опасное, разногласіе изъ политическихъ мотивовъ, касавшихся всего союза.

Въ Цюрихѣ Цвингли былъ одинаково проникнутъ какъ своими религіозными, такъ и патріотическими идеями: онъ съ полнымъ успѣхомъ боролся противъ безпорядковъ, возникавшихъ относительно ежегодныхъ пенсій; священники должны были торжественно отречься отъ нихъ, а въ 1521 г. Цюрихъ, одинъ изъ всѣхъ кантоновъ, не согласился на новый союзъ съ Франціей. Цвингли старался воспользоваться всѣми несчастными обстоятельствами, происходившими отъ подобнаго союза, чтобы склонить на свою сторону и другихъ. Нужно прочесть его «göttliche Vermahnung», изданное имъ въ честь «старѣйшихъ, почтеннѣйшихъ собратовъ Швица», чтобы замѣтить связь, существовавшую между его религіозными и политическими стремленіями. Онъ былъ убѣжденъ, что тайные подарки иностранцевъ ослѣпляютъ и разумъ, и благочестіе, поселяя лишь одинъ раздоръ. Онъ особенно настаиваетъ на томъ, что слѣдуетъ изгонять всякое корыстолюбіе, въ какихъ бы видахъ оно ни про-

являлось. Если кто-нибудь спроситъ, какъ это возможно, потому что корыстолюбіе коренится въ сердцѣ каждаго человѣка, отвѣтъ на это былъ бы слѣдующій: нужно заботиться о томъ, чтобы слову Божію учили ясно и понятно, не прибѣгая къ мудрости людской, потому что только такимъ образомъ можно имѣть Бога въ сердцѣ. «Въ чьемъ же сердцѣ нѣтъ Бога, тотъ является просто человѣкомъ, думающимъ только о своей выгодѣ и наслажденіи». Въ этомъ заключается высшая мораль, которая, соединяя въ себѣ мистицизмъ съ религіей, оживляетъ вообще его идеи, что, въ свою очередь, даетъ окраску его политическимъ тенденціямъ. Въ Швицѣ, гдѣ у него было довольно личныхъ друзей, его сочиненіе произвело такое сильное впечатлѣніе, что 18 мая 1522 г. община отказалась отъ союза съ Франціею и потребовала того же отъ другихъ. Можно было ожидать, что Швицъ, гдѣ такъ долго сосредоточивали свою дѣятельность Герольдсэкъ, Цвингли и Лео Юде, послѣдуетъ примѣру Цюриха и въ дѣлѣ религіи.

Но этимъ онъ возстановилъ противъ себя самыхъ сильныхъ враговъ. Повсюду составились партіи изъ старшинъ общинъ, получавшихъ годовыя пенсіи, и изъ начальниковъ, водившихъ на поле битвы воинственную молодежь; всѣ они не думали такъ легко отказаться отъ своихъ преимуществъ: это были олигархи, дружно соединившіеся тогда въ сеймахъ. Самъ Цвингли находилъ, что новые дворяне не менѣе опасны, какъ и прежніе. Во всякомъ случаѣ они имѣли достаточно силы, чтобы уговорить жителей Швица взять назадъ свое рѣшеніе относительно отказа отъ иностранной службы. Особенно сильное вліяніе на такую политику въ лѣсныхъ кантонахъ имѣлъ старшина Гансъ Гугъ изъ Люцерна. На сеймѣ 1523 г. были формально подняты жалобы противъ Цвингли; и не могло быть иначе, чтобы недовольство его политическими тенденціями не перешло и на его религіозныя предпріятія. И развѣ они не были тѣсно связаны между собою? Одновременно были соединены идеи двоякаго рода, неразрывно одна отъ другой.

Сеймъ 1524 г. потребовалъ, чтобъ жители Цюриха отказались отъ своихъ нововведеній, но, получивъ уклончивый отвѣтъ, пригрозилъ имъ отказомъ собиранія на будущее время, возвративъ имъ свои записи, содержавшія въ себѣ полномочія отъ союза. Тогда на сеймѣ возбудились различныя уклончивыя мнѣнія, которыя даже иногда получали первенствующее значеніе. Въ 1525 г. пришли къ замѣчательному рѣшенію, въ силу котораго думали ограничить судебную власть духовенства въ той же степени, какъ это сдѣлано было въ нѣмецкомъ рейхстагѣ. Всѣ же приверженцы Рима и слышать не хотѣли о такомъ ограниченіи; въ результатѣ, однако, это рѣзкое мнѣніе одержало

верхъ. Прелаты, которыхъ до сихъ поръ оставляли въ покоѣ, вдругъ почувствовали твердую почву подъ ногами и вступили въ тѣсный союзъ съ олигархами. Мы остановимся здѣсь на замѣчательной дѣятельности генеральнаго констанцскаго викарія, Фабера, человѣка, который раньше держался одинаковаго направленія со своими верхне-германскими соотечественниками и самъ ободрялъ Цвингли на сопротивленіе индульгенціямъ; но, побывавъ въ Римѣ, онъ возвратился оттуда въ 1521 г. уже совершенно инымъ, поставивъ призваніемъ своей жизни — поддерживать старую вѣру: его-то стараніямъ и принадлежитъ возникновеніе и осуществленіе упомянутаго союза.

Диспутъ, происходившій въ Баденѣ въ маѣ 1526 г., на который явился и Эккъ, служилъ выраженіемъ новаго соглашенія олигархіи съ духовенствомъ. Теперь съ большимъ упорствомъ, чѣмъ когда либо, приверженцы старой вѣры утверждали, что побѣда на ихъ сторонѣ.

Но этому диспуту суждено было принести имъ не мало вреда. Цвингли не явился на него; вѣроятно, онъ испугался арестовъ, которымъ подверглись въ Констанцскомъ округѣ нѣкоторыя лица, какъ Гансъ Гюглинъ; Бернъ же и Базель, напротивъ, прислали отъ себя двухъ сторонниковъ новаго ученія, Бертольда Галлера и Экколампадія, которые, однако же, не только были далеки отъ мысли помогать побѣдѣ своихъ противниковъ, но, возвратившись назадъ, возбудили въ своихъ согражданахъ патріотическое сочувствіе своему дѣлу. Бернъ и Базель съ своей стороны также потребовали участія въ выдачѣ актовъ диспута, не желая предоставлять ихъ безслѣдно католическому большинству. Еще раньше не соглашаясь съ юридической постановкой вопроса, эти города теперь уже совершенно разошлись между собой во мнѣніяхъ.

Такому полному разрыву между ними помогло еще слѣдующее политическое обстоятельство.

Если новое ученіе, вслѣдствіе связи своей съ политикой, встрѣчало враговъ, то оно пріобрѣло себѣ также и друзей. Повсюду въ городахъ олигархамъ противопоставили въ большихъ совѣтахъ и бюргерствахъ сильный демократическій элементъ. На сколько первые стояли на сторонѣ духовенства, на столько вторые явились поборниками реформы. Теперь образовались двѣ тенденціи, діаметрально противоположныя какъ въ религіозномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ. Не можетъ быть и вопроса о томъ, что реформаціонный элементъ, имѣвшій для себя такое хорошее подспорье и все болѣе привлекавшій на свою сторону сочувствіе массы, наиболѣе способствовалъ перевѣсу въ концѣ концовъ демократической партіи въ могущественномъ Бернѣ.

Несогласія по поводу Баденскаго диспута также не мало содѣйствовали этому. При новыхъ выборахъ 1527 г. въ большомъ совѣтѣ заняли мѣста значительное число приверженцевъ реформы, противниковъ олигарховъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было то обстоятельство, что большой совѣтъ потребовалъ возвращенія всѣхъ своихъ прежнихъ правъ, которыя впродолженіе двадцати лѣтъ находились въ пренебреженіи.

Указы, твердо держаться старой вѣры, были отмѣнены; устроили диспутъ, окончившійся вполнѣ благопріятно для Цвингли, который присутствовалъ на немъ; Бернъ перенесъ къ себѣ всѣ его постановленія въ Цюрихѣ. Въ 1528 г. уже окончательно было устранено изъ обоихъ совѣтовъ все, придерживавшееся старой вѣры. Община собралась въ церкви, и здѣсь господа и слуги обѣщали свято повиноваться обоимъ совѣтамъ. Затѣмъ, вслѣдствіе двойственнаго характера реформы, приступили къ вопросу о пенсіяхъ, получаемыхъ въ Бернѣ многими знатными лицами евангелическаго исповѣданія. Не безъ оживленной борьбы отказались они отъ пенсій и объявили объ этомъ французскому королю, спросивъ предварительно мнѣніе народа въ городѣ и деревняхъ.

Нѣсколько дольше держалось въ Базелѣ существовавшее до сихъ поръ правленіе; оно льстило себя надеждою удержать равновѣсіе между обоими вѣроисповѣданіями. Однако же, евангелическая община постепенно заявляла превосходство своихъ силъ: на народномъ собраніи въ январѣ 1529 г. собрано только 800 голосовъ за католическое исповѣданіе и 3000 — за евангелическое. Въ февралѣ того же года началось сильное движеніе. Прежде всего измѣнено было городское устройство. Цехамъ возвращена прежняя ихъ самостоятельность и дано право посылать отъ себя на будущее время 60 человѣкъ въ большой совѣтъ; никто не могъ засѣдать въ маломъ совѣтѣ, не бывъ представленъ туда большимъ совѣтомъ, и всѣ католики вышли изъ малаго совѣта. Въ церквахъ стали раздаваться нѣмецкіе псалмы, и перваго апрѣля былъ обнародованъ приказъ совершать богослуженіе по образцу цюрихскаго, которое отличается вниманіемъ къ религіи и нравственной дисциплиной, составлявшими одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ мотивовъ этого предпріятія и способствовавшими уничтоженію войнъ.

Между этими тремя городами былъ заключенъ, для защиты предположеннаго нововведенія, союзъ, къ которому думали привлечь и своихъ остальныхъ соотечественниковъ, если «они достаточно просвѣщены уже словомъ Божіимъ».

Къ тому же, въ дѣйствительности, для этого было много надеждъ. Въ Гларусѣ, Аппенцеллѣ, Граубюнденѣ началось сильное волненіе между сторонниками нововведенія; Шафгаузенскій

совѣтъ неслыханно колебался между противоположными направленіями; въ Сенъ-Галленѣ побѣда была уже рѣшена. Еще въ 1528 г., вслѣдствіе измѣненія состава совѣта, были уничтожены въ городѣ католическія процессіи и провозглашена статья рѣшительной реформы. Тоже самое произошло въ Мюльгаузенѣ, гдѣ одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которые принимали дѣятельное участіе какъ въ союзническихъ событіяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ государю и папѣ, именно, государственный секретарь Гамсгохстъ, помогъ много движенію своимъ упроченнымъ авторитетомъ. Въ 1528 и 29 годахъ Сенъ-Галленъ, Биль и Мюльгаузенъ причислены къ союзу, послѣдній, впрочемъ, не безъ затрудненій и по особой просьбѣ Берна.

Развитіе этого ученія основывается на глубокой идеѣ, охватывающей одинаково какъ политическія, такъ и религіозныя стремленія. Цвингли поставилъ себѣ задачею освободить и церковь, и свое отечество отъ пагубныхъ злоупотребленій. Онъ не могъ бы произвести церковной реформы безъ политической, и политической — безъ церковной. Только одновременный успѣхъ той и другой соотвѣтствовалъ его первоначальнымъ идеямъ.

На Германію подѣйствовала преимущественно идея его о таинствѣ Евхаристіи. Страсбургскіе реформаторы, Бутцеръ и Капито, принимали участіе въ Бернскомъ диспутѣ и были долгое время сторонниками воззрѣній Цвингли. Вскорѣ Линдау и Меммингенъ примкнули къ Страсбургу. Въ этомъ же духѣ Сомій проповѣдывалъ въ Ульмѣ, Келларій—въ Аугсбургѣ, Глауреръ—въ Констанцѣ, Германъ—въ Реутлингенѣ и другіе—въ разныхъ городахъ этихъ странъ. Тамъ и сямъ породилась мысль примкнуть къ евангелическимъ мѣстностямъ союза какъ можно тѣснѣе и навсегда. И это случилось въ то самое время, когда во многихъ мѣстностяхъ восточной Германіи началась евангелическая организація въ духѣ Лютера.

Конечно, большимъ несчастіемъ было то обстоятельство, что оба ученія были противопоставлены другъ другу въ восточной и западной Германіи. Политическія сочиненія съ обѣихъ сторонъ поселяли въ умахъ всѣхъ сильное противорѣчіе. Однако же, изложенный нами взглядъ на ходъ этого дѣла вовсе не исключительный. Разногласіе опиралось не только на различномъ пониманіи догмата, но лежало въ основаніи обоюднаго движенія, а также въ политическомъ и церковномъ состояніи, отъ котораго то тамъ, то сямъ теперь освобождались. Еще оставалось сомнительнымъ, дѣйствительно ли правильно понимали самый догматъ. Но, безъ сомнѣнія, для Швейцаріи было счастіемъ, что реформа явилась слѣдствіемъ давнишнихъ стремленій, положила

свои собственные корни и испытала себя въ собственномъ развитіи: это придавало общему принципу реформы новую внутреннюю силу и прочность.

(Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation von Leopold Ranke. Vierte Auflage. Dritter Band, Seite 41—64).

14. КАРЛЪ V И МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ.

Морицъ Саксонскій измѣнилъ дѣлу своихъ единовѣрцевъ для достиженія званія курфирста. Теперь, обладая послѣднимъ, онъ явился измѣнникомъ императору и государству. Эта измѣна составляетъ одну изъ поучительнѣйшихъ главъ германской исторіи, такъ какъ она доказываетъ, на сколько въ то время въ Германіи религія должна была служить ареной для преслѣдованія частныхъ политическихъ цѣлей, для ослабленія единства государства, для подготовки непримиримыхъ враговъ Германіи. Чтобы понять смыслъ тогдашнихъ событій, необходимо предпослать имъ характеристику упомянутыхъ личностей.

Императоръ Карлъ V былъ вполнѣ государственнымъ человѣкомъ, проникнутымъ великимъ и блестящимъ идеаломъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы государство было ареной, на которой честолюбивые князья преслѣдовали бы свои частныя права, увеличивали бы число своихъ подданныхъ и доходы. По возвышенному понятію среднихъ вѣковъ онъ видѣлъ еще въ императорѣ главу христіанства и защитника единой западной церкви. Карлъ не допускалъ, чтобы такое государство опиралось на страну и нѣмецкую національность, какъ на свое законное основаніе. Полагая прочность его въ первоначальныхъ, а не въ искусственно измѣнившихся около полустолѣтія юридическихъ формахъ, и даже просто въ строгомъ ихъ соблюденіи, онъ въ то же время видѣлъ въ немъ средство къ объединенію своихъ наслѣдственныхъ государствъ: Испаніи, Неаполя, Сициліи, Сардиніи, Нидерландовъ и того, чѣмъ онъ владѣлъ еще какъ эрцгерцогъ австрійскій и отдѣльно въ Италіи, а также и того, чѣмъ владѣлъ его братъ въ качествѣ короля венгерскаго и богемскаго, куда относились еще Моравія, Силезія и Лузитанія. Такого же высокаго взгляда держался Карлъ и относительно церкви. Онъ не признавалъ того, что со времени послѣднихъ столѣтій въ ея внутреннемъ состояніи клонилось къ ея собственной порчѣ. Являясь ея защитникомъ, онъ мечталъ возстановить ея достоинство, чистоту и единство. Вотъ почему онъ настаивалъ съ такимъ усердіемъ на созваніи всеобщаго собора, ибо въ этомъ не могъ не видѣть умилостивительнаго средства,

освященнаго обычаемъ, возможности истинной реформы. Если даже онъ уклонился отъ извѣстнаго вліянія на этотъ соборъ, то все-же необходимо было отклонить всѣ интриги, которыя угрожали воспрепятствовать его назначенію. Онъ былъ строгимъ католикомъ, но и не желалъ считаться вассаломъ папы, а также умѣлъ передъ куріей защищать свои права, какъ императоръ, и исполнять обязанности, какія лежали на немъ, благодаря его положенію, относительно охраненія свободы государства, когда онъ пытался въ Германіи ея древнее церковное единство предохранить отъ окончательнаго разрушенія.

На сколько Карлъ V являлся возвышеннымъ въ своихъ взглядахъ, на столько же благоразумно и обдуманно поступалъ онъ и въ дѣлахъ государственныхъ. Въ этомъ отношеніи нельзя было замѣтить ни колебанія, ни малодушной медлительности, ни погони за непрочнымъ успѣхомъ, блескъ котораго вскорѣ могъ бы померкнуть. Карлъ всегда относился сознательно къ тому, что предпринималъ, и непоколебимо и рѣшительно приступалъ къ осуществленію, не забывая также о средствахъ, какія ему необходимы были въ данный моментъ. Изъ переписки, которую онъ велъ съ своею сестрой, Мудрой Маріей, съ своимъ братомъ Фердинандомъ и канцлеромъ Гранвеллой, вполнѣ можно видѣть, какой ясностью обыкновенно отличался взглядъ императора на политическія дѣла, какой основательностью и глубиной—его пониманіе. Наконецъ, что уже было рѣшено въ совѣщаніяхъ съ его совѣтниками, ему еще разъ представлялось для пересмотра и, по обстоятельному обсужденію, онъ свою резолюцію сопровождалъ краткими замѣчаніями. Для другихъ онъ оставался загадочнымъ; приближенныхъ у него было мало , но всѣ они избраны были съ большимъ умѣньемъ; инструкціи къ его посланникамъ были точно опредѣлены, зорко слѣдя за противникомъ, особенно за Франціей. Такимъ образомъ императоръ нерѣдко являлся одинъ среди борющихся партій, которыя, соперничая между собой въ ловкости и насиліи, довели бы государство до окончательнаго паденія, если бы Карлъ, противопоставляя силы этихъ партій одна противъ другой, дѣйствуя осмотрительно, а иногда и уступая ихъ требованіямъ, не старался неуклонно преслѣдовать свою высокую цѣль, если бы онъ не старался возстановить свое право въ государствѣ. Такимъ неутомимымъ заботамъ въ государственной жизни среди далекаго путешествія и лагерныхъ трудовъ предавался Карлъ еще въ послѣдніе годы своего правленія, уже болѣзненный и пораженный неизлечимымъ недугомъ. Отсюда также и его суровый образъ жизни. Если онъ довольствовался хорошимъ столомъ, какъ разсказываютъ, то онъ ѣлъ одинъ и молча, въ напиткахъ крайне воздержный, и едва ли шутки его придворныхъ шутовъ могли вызвать у него на

устахъ мимолетную улыбку. Крайней роскоши и праздничныхъ увеселеній онъ совсѣмъ не допускалъ. Напротивъ, онъ работалъ и часто молился въ своей уединенной комнатѣ, такъ что для нѣмцевъ того времени, когда каждый князь старался превзойти другого въ роскоши и блестящей одеждѣ, а также въ чрезмѣрной расточительности на празднества и пиры, подобная жизнь императора являлась несродной.

Совершенно другимъ человѣкомъ былъ *Морицъ Саксонскій*. Его не тревожили ни высокій идеалъ, ни колебанія совѣсти. Поэтому онъ умѣлъ ловко воспользоваться всѣмъ, что находилось къ нему близко, и вполнѣ практично дѣйствовать для собственныхъ цѣлей. Молодой и ловкій, мужественный, рано прославившійся военными подвигами, онъ былъ также въ милости у красивыхъ женщинъ при чужеземныхъ дворахъ, у себя же дома отличаясь смѣлостью среди оргій и силой на охотѣ въ своихъ лѣсахъ. О религіи онъ говорилъ совершенно равнодушно и въ письмахъ шутя упоминалъ, что очень мало молится. Но подъ такой поверхностью Морицъ скрывалъ отвагу, энергію, способную на всякое предпріятіе. Уже самый способъ, какимъ онъ пытался ввести въ своихъ земляхъ организованное устройство, заботясь объ улучшеніяхъ и не разъ пренебрегая школами, указываетъ на это. Свои тайныя государственныя порученія онъ большею частью исполнялъ самъ, только изрѣдка беря съ собой довѣреннаго секретаря. Его совѣтники никогда не исполняли вполнѣ какого либо уполномочія, какого либо предпріятія. Свои важныя государственныя бумаги онъ не довѣрялъ никакому архиву, но его жена хранила ихъ въ замкнутомъ ящикѣ. Такой человѣкъ могъ сдѣлаться опаснымъ императору, если бы онъ, пользуясь данными отношеніями, задумалъ подняться противъ него.

Въ сентябрѣ 1550 года Карлъ поручилъ курфирсту наказать Магдебургъ, объявленный опаснымъ, за его оппозицію *аугсбургскому религіозному уложенію* (Interim). Это Морицу дало случай тихо подготовить и организовать свою силу. Въ маѣ 1551 года въ Торгау онъ обратилъ вниманіе собравшихся тамъ протестантскихъ князей на то, сколько денегъ нужно ежемѣсячно для поддержки арміи, служащей на защиту религіи. Онъ предложилъ обратиться за этимъ къ Франціи и Англіи. Это было принято, и Фридрихъ Рейффенбергскій тотчасъ же былъ отправленъ въ Парижъ съ инструкціей, подписанной всѣми князьями. Французскому двору ничего не могло быть желательнѣе подобнаго предложенія, которое дѣлало возможнымъ одолѣть главу государства съ помощью самихъ же князей. Однако же съумѣли пойдти еще дальше. Уже отвѣтъ, принесенный Рейффенбергомъ, едва упоминалъ объ одномъ только оборонительномъ союзѣ противъ

главенства короля, онъ указывалъ скорѣе на необходимость открытаго нападенія на него. Еще яснѣе высказался вскорѣ затѣмъ посланный въ Германію французскій уполномоченный. На совѣщаніяхъ восторжествовало мнѣніе, въ силу котораго нужно было смирить австрійскій домъ, а для этого напасть на императора въ Нидерландахъ, сердцѣ его силы, всѣхъ же приверженцевъ Австріи въ Германіи тотчасъ удалить.

Тогда-то наконецъ открылись глаза маркграфу Іоанну. Какъ только онъ увидѣлъ, что здѣсь рѣчь шла ни о защитѣ аугсбургскаго исповѣданія, ни о какой либо обязанности по отношенію къ императору и государству, онъ отдѣлился отъ союзниковъ. Послѣдніе продолжали свое дѣло съ одной только Франціей. Морицъ и его приверженцы потребовали у короля военной помощи въ 100,000 кронъ въ мѣсяцъ. Послѣдній, напротивъ, пожелалъ занять принадлежавшіе государству города Мецъ, Туль, Вердэръ и Камбрэ. Согласились. Такимъ образомъ 5 октября 1551 г. въ замкѣ Лоэ постановленъ предварительный договоръ. Здѣсь курфирстъ говорилъ о защитѣ истинной религіи и почести Божіей, но особенно много о «чрезмѣрной тираніи скотскаго рабства», подъ гнетомъ котораго находились любезное отечество и нѣмецкая нація.

Императоръ Карлъ V нисколько не отгадывалъ этихъ ядовитыхъ шпилекъ, которыя должны были его ниспровергнуть. Папа Юлій II, старавшійся установить хорошія отношенія съ императоромъ, снова созвалъ соборъ въ Тридентѣ (открытый 31 августа 1551 года). Карлъ V удалился въ Инсбрукъ, чтобы быть ближе къ церковному собранію, отъ котораго онъ ожидалъ возсоединенія христіанства.

Теперь курфирсту Морицу нужна была демонстрація, которая могла бы подготовить умы къ осуществленію имъ задуманнаго. Удобный случай представилъ жестокое наказаніе, постигшее ландграфа Филиппа, о которомъ (наказаніи) Морицъ раньше очень мало заботился. Князья обратились къ императору съ ходатайствомъ за ландграфа. Просьба, какъ и можно было предвидѣть, не была уважена. На самомъ дѣлѣ Морицъ не могъ такъ ошибаться, чтобы ожидать уступки. Карлъ V, однако, хорошо зналъ бѣшеный, крайне непостоянный характеръ Филиппа Гессенскаго. Какъ онъ могъ положиться на его слово? И, однакожъ, герцогъ Ульрихъ Виртембергскій на другой день, какъ только подчинился ему, предъ нотаріусомъ и свидѣтелями громко протестовалъ противъ всѣхъ подтвержденныхъ присягою показаній. Политическій афоризмъ, считающійся изобрѣтеніемъ іезуитскаго ордена, «цѣль оправдываетъ средства» въ то время уже давно былъ извѣстенъ и примѣнялся совершенно другими людьми. Курфирстъ Морицъ, въ тайной перепискѣ котораго нѣтъ и слѣ-

да колебанія или угрызеній совѣсти по поводу его предпріятій, а скорѣе насмѣшливая гордость тѣмъ, что онъ можетъ побѣдить престарѣлаго, испытаннаго въ походахъ героя, переноситъ свое жилище въ Инсбрукъ, чтобы отправиться къ королю, и въ тоже время посылаетъ впередъ двухъ своихъ довѣренныхъ совѣтниковъ, которые должны были ожидать его у Баварской границы, недалеко отъ пограничной стражи. Въ январѣ онъ посылаетъ Меланхтона и двухъ другихъ теологовъ, славившихся своимъ краснорѣчіемъ, предварительно въ Нюренбергъ съ вѣрительной граматой къ собору, въ которой онъ высказывается съ необыкновеннымъ благочестіемъ. Курфирстъ даже самъ отправляется въ путь; но черезъ нѣсколько дней путешествія, такъ какъ онъ страдалъ колотьями въ боку, онъ возвращается назадъ, извиняясь своей болѣзнью. Напротивъ, два уполномоченные его дѣйствительно являются въ Тридентъ, гдѣ они съ большой наглостью выступаютъ противъ папы и римской церкви.

На 1-е марта курфирстъ созвалъ въ Торгау представителей сословій своихъ земель. Онъ высказалъ имъ, что онъ считаетъ себя вынужденнымъ отправиться въ Гессенъ по обязательству относительно сыновей ландграфа; что его братъ Августъ возьметъ на себя охрану страны, что слѣдовало бы посовѣтоваться на счетъ опасностей, которыя могли бы угрожать странѣ. Но сословія, не поддавшись на обманъ, заключавшійся въ этихъ словахъ, въ своемъ возраженіи прямо подходятъ къ дѣлу, убѣдительно отговариваютъ курфирста отъ начатаго имъ дѣла, опасность чего можно предвидѣть, и напоминаютъ ему о послушаніи, которымъ онъ обязанъ по отношенію къ высшимъ. Ландтагъ распускается; но Морицъ ведетъ свое войско въ Тюрингенъ, 20,000 пѣхоты и 5000 кавалеріи. Въ епископствѣ Роны молодой ландграфъ Гессенскій соединяетъ съ нимъ свое войско. Около Роттенбурга при Тауберѣ Альбрехтъ Кульмбахскій присоединяется къ союзникамъ съ 10,000 ландскнехтовъ и 2,000 кавалеріи. Поспѣшно они отправляются *подъ французскими знаменами* въ верхнюю Германію, посылая впередъ два манифеста, которые должны были оправдать ихъ предпріятіе противъ главы государства и союзъ съ Франціей. 1-го апрѣля курфирстъ располагается лагеремъ при Аугсбургѣ. Высшія сословія древняго имперскаго города желаютъ остаться на сторонѣ императора, протестантскіе граждане цеховъ однако же тотчасъ высказываются за союзниковъ. 12-го апрѣля князья подступаютъ къ Ульму съ требованіемъ какъ бы помощи своему предпріятію. Но совѣтъ и городскія сословія по единогласному рѣшенію отклоняютъ просьбу впустить въ городъ, или о деньгахъ и поддержкѣ. Вѣрный городъ тотчасъ заперъ ворота и свои превосходные снаряды перевелъ на валы. Нѣкоторыя неудачныя вылазки были

отбиты, что для князей было совсѣмъ неожиданно. И такъ какъ въ то же время пришло извѣстіе, что Нюренбергъ, который имъ заплатилъ большую сумму денегъ, чтобы отвлечь отъ себя нападеніе, теперь также отказывается отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ походѣ, то въ лагерѣ произошло замѣшательство. Послѣ немилосерднаго опустошенія Ульмской области, князья раздѣлились. Маркграфъ Альбрехтъ отдѣлился, чтобы самовольно расправиться съ богатыми монастырями и учрежденіями Швабіи. Молодой ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій и Георгъ Мекленбургскій съ главнымъ войскомъ по Дунаю отправились въ Гегау за полученіемъ отъ французовъ денежной помощи. Морицъ послѣдовалъ за приглашеніемъ короля Фердинанда въ Линцъ. Послѣдній, снова сблизившись съ своимъ братомъ, самъ сильно стѣсненный войною съ турками, не могъ тотчасъ же оказать помощь императору. Нужно было слѣдовательно выиграть время. Во время переговоровъ 18 апрѣля хотя и не было рѣшено многаго, 1-го мая однако принято формальное рѣшеніе съѣхаться снова на 26-е мая и пригласить остальныхъ курфирстовъ вмѣстѣ съ другими епископами и князьями. Съ 11 мая должно было наступить перемиріе. Фердинандъ отправился къ своему брату въ Инсбрукъ для переговоровъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, но при томъ предпріятіи, каково было задуманное курфирстомъ Саксонскимъ, медленность могла принести только несомнѣнный вредъ; ибо она давала возможность нерѣшительнымъ подумать о вѣрномъ пониманіи вещей. Это понималъ также Морицъ и задумалъ вознаградить потерянное измѣнническимъ ударомъ. Когда онъ съѣхался съ своими союзниками на верхнемъ Дунаѣ въ Гундельфингенѣ, послѣдніе, по его предложенію, хотя и согласились на 14-ти дневное перемиріе, но тайно постановили, что оно должно начинаться только съ 26 мая. 12 мая войско выступило изъ Лауингена. Дѣло касалось ни больше, ни меньше, какъ того, чтобы посредствомъ нападенія захватить въ плѣнъ императора, весь его дворъ и римскаго короля въ Инсбрукѣ. Тотчасъ же условились. Вооруженные, защищавшіе входы, большею частью поселяне, были взорваны, но самое мѣсто удержалось, а при нападеніи 18 мая было потеряно множество людей. При этомъ на слѣдующій день удалось Георгу Мекленбургскому взять приступомъ знаменитыя ущелья. Но высокій замокъ, построенный на утесистыхъ горахъ, не былъ взятъ. Гарнизонъ ущелья, пять знаменъ захвачены; тутъ не принималось въ разсчетъ, что ущелье принадлежало къ области короля Фердинанда, съ которымъ Морицъ находился въ мирѣ. Теперь все-таки была открыта дорога въ Инсбрукъ, по которой побѣдоносно пробирались его товарищи, между тѣмъ какъ онъ самъ былъ задержанъ на одинъ день возмущеніемъ рейффенбергскаго

полка, требовавшаго платы за штурмъ. 22-го мая онъ настигъ своихъ союзниковъ въ Цирлѣ, а на другой день отправился въ Инсбрукъ. Уже 19 мая пришло извѣстіе о приближеніи соединившихся. Въ тотъ же вечеръ выступалъ Карлъ V съ своимъ братомъ и свитой. Ночь была холодная и сырая, на горахъ лежалъ еще снѣгъ. Императоръ, страдая ревматизмомъ, былъ перенесенъ своими солдатами на носилкахъ черезъ Матрай къ проходу.

Въ Брунегенѣ императоръ отдыхалъ; отсюда братья отправились черезъ Пустерталь на виллу въ Кэрнтенѣ. Тамъ императоръ находился въ полной безопасности.

Нечего спрашивать, почему Морицъ не преслѣдовалъ далѣе короля и почему онъ не медлилъ болѣе въ Инсбрукѣ. Допустить, что онъ не хотѣлъ этимъ нарушить перемирія, отсроченнаго до 26-го мая, значитъ мало знать человѣческое сердце. Конечно, онъ не хотѣлъ ожидать призыва тирольскаго ландштурма, ибо сюда ему легче было войти, чѣмъ выйти. Послѣ того, какъ оставленный въ Инсбрукѣ обозъ императорской свиты былъ расхищенъ его солдатами (только то, что принадлежало Фердинанду, было пощажено), онъ поспѣшилъ изъ Тироля и отвелъ свое войско въ Эйхштадтъ. Расположеніе союзниковъ къ сѣверу отъ Дуная было невыгодно, такъ какъ Аугсбургъ отклонилъ ихъ предложеніе впустить гарнизонъ, передъ императоромъ же извинялся черезъ посланнаго и снова клялся въ вѣрности. Хотя теперь всѣ города ликовали по поводу бѣгства императора, однако дурной планъ курфирста Саксонскаго совсѣмъ не удался. Лишь успѣхи французскаго короля могли нѣсколько измѣнить порядокъ дѣлъ. Король Генрихъ II передъ своимъ походомъ издалъ манифестъ, превосходный образчикъ политической вѣтренности: «По внушенію Бога, онъ заключаетъ союзъ съ нѣмецкими князьями; несмотря на огромныя издержки, потребныя для этого, онъ не хлопочетъ для себя о личномъ пріобрѣтеніи или пользѣ, а только изъ чувства королевскаго достоинства заботится о свободѣ нѣмецкой націи и священнаго государства, желая избавить князей отъ жалкаго рабства, въ какомъ они находятся. Если найдется такой нечестивецъ, который осмѣлился бы помѣшать его предпріятію и перейти на сторону короля, того онъ будетъ преслѣдовать огнемъ и мечемъ и отринетъ его, какъ негоднаго члена въ здоровомъ тѣлѣ.»

13-го марта Генрихъ II дѣйствительно вступилъ въ страну, осадивъ имперскій городъ Туль. Также палъ крѣпкій Мецъ, преграда Германіи отъ Франціи, гдѣ нѣкогда императоръ Карлъ IV въ 1356 г. издалъ «Золотую буллу». Наконецъ отнятъ былъ и Вердэнъ. Это былъ славный походъ Генриха II, который на воздвигнутой въ Мецѣ тріумфальной аркѣ назвался «протекторомъ» священнаго государства.

Въ установленный день, 26 мая, собрались нѣкоторые князья, въ числѣ которыхъ былъ и герцогъ Альбрехтъ Баварскій, въ Пассау, другіе прислали отъ себя уполномоченныхъ. Всѣ были согласны въ одномъ, что необходимо всячески стараться продолжить мирное время въ государствѣ, которому угрожаетъ Франція и Османъ. При-этомъ приготовленія подвинулись впередъ медленно, такъ что перемиріе должно было протянуться дольше; Морицъ даже предпринималъ походъ черезъ Нюренбергъ во Франкфуртъ, чтобы своему дѣлу придать болѣе благопріятный видъ; а такъ какъ сила императора возрастала, то онъ счелъ за лучшее войти съ нимъ въ мирные переговоры. Такимъ образомъ договоръ въ Пассау былъ подписанъ князьями и ихъ уполномоченными 2 августа.

Главные пункты этого мирнаго переговора были слѣдующіе: Морицъ распускаетъ свои войска, которыя вступаютъ въ службу къ королю Фердинанду; ландграфъ Филиппъ снимаетъ арестъ съ горожанъ, если они останутся спокойны; никто не можетъ быть притѣсняемъ изъ-за религіи или перемѣнить послѣднюю до созыва рейхстага, который долженъ рѣшить религіозный вопросъ въ Германіи на будущее время; всеобщая амнистія, возвращеніе всѣхъ завоеваній? и т. д.

Императоръ Карлъ V былъ глубоко оскорбленъ. Мысль, изъ-за которой онъ въ теченіе всей своей великой жизни постоянно и неусыпно боролся, казалось, погибла. И, однако же, князья въ другомъ договорѣ въ Пассау рѣшили и обязались другъ передъ другомъ въ слѣдующемъ: если даже въ будущемъ рейхстагѣ не достигнутъ объединенія религіи, миръ все-таки безусловно не можетъ быть нарушенъ. Карлъ V, вѣроятно, еще тогда, когда онъ увидѣлъ противъ него возмутившихся нѣмецкихъ князей, порѣшилъ самъ съ собой. А все-таки исторія не можетъ сказать, чтобы хотя одинъ городъ былъ потерянъ въ его царствованіе. Въ глубокую осень онъ двинулся изъ Швабіи съ сильнымъ войскомъ въ 60,000 человѣкъ въ Лотарингію. 20 ноября онъ уже былъ предъ Мецомъ и приступилъ къ осадѣ съ крайней настойчивостью. Самъ императоръ подвергался всякой опасности и, не смотря на свою болѣзнь, переносилъ всякія лишенія. Но французы успѣли помочь укрѣпленію, гарнизонъ былъ многочисленный, а герцогъ Францъ Гизъ отчаянно защищалъ городъ; частыя сраженія и штурмы, сверхъ того заразительныя болѣзни, вслѣдствіе недостатка въ провіантѣ и холодныхъ вѣтровъ, похитили почти половину войска. 22 января 1553 года онъ принужденъ былъ снять осаду. Только съ глубокимъ прискорбіемъ въ душѣ Карлъ V отступилъ. Въ Германіи насмѣхались надъ позоромъ собственнаго главы.

Но курфирстъ Морицъ, этотъ измѣнникъ своему императору и Германіи, не могъ оставаться спокойнымъ, не устроивъ своихъ прежнихъ козней. Уже въ началѣ сентября 1552 онъ возобновилъ снова свой союзъ съ Франціей. Каю де Вирель, котораго Генрихъ II посылалъ къ нему во время войны съ Мецомъ, онъ повторилъ прежнія обѣщанія. Король будетъ именоваться викаріемъ государства, даже при ближайшемъ избраніи, если захочетъ, сдѣлается главою государства, за что Морицъ выговорилъ себѣ значительное жалованье ежегодно и полученіе области. Онъ обѣщалъ даже, въ случаѣ если король на слѣдующій годъ выступитъ въ походъ, привести ему на помощь 1000 человѣкъ кавалеріи и 12,000 пѣхоты. Только смерть предупредила исполненіе этой измѣны императору и государству. Морицъ запутался въ войну съ своимъ прежнимъ товарищемъ по службѣ, маркграфомъ Альбрехтомъ. 9 іюля 1553 года оба войска кинулись другъ на друга въ Люнебургской степи. Изъ среды кавалеріи Морицъ получилъ смертельный ударъ, отъ котораго на другой день умеръ. Когда императоръ узналъ о смерти человѣка, который доставилъ ему столько горя, онъ посидѣлъ нѣкоторое время молча, затѣмъ вспомнивъ то время, когда Морицъ называлъ его своимъ отцемъ, воскликнулъ: «о сынъ мой Авессаломъ»!

(Charakterbilder der allgemeinen Geschichte, Schöppner, стр. 101).

15. ГЛАВНАЯ ЗАСЛУГА И ПРИЗВАНІЕ НѢМЦЕВЪ ВЪ ДѢЛѢ РЕФОРМАЦІИ.

Съ Аугсбургскимъ религіознымъ миромъ 1555 года реформація приближалась къ своимъ конечнымъ результатамъ, на первый разъ довольно широкимъ и освященнымъ государственною властью, къ окончанію, которое, однако, не желало и не могло быть вѣнцомъ всего дѣла, тѣмъ болѣе, что оно не удовлетворяло вполнѣ обѣ стороны и слишкомъ мало вознаграждало протестантовъ. Но оно имѣло огромное значеніе, какъ признаніе въ этомъ самимъ государствомъ большаго пріобрѣтенія. Такимъ пріобрѣтеніемъ являлось возникновеніе оппозиціи противъ до сихъ поръ всемогущаго авторитета, нарушеніе церковнаго единства, ненормальность котораго (единства) была возможна лишь при посредствѣ самыхъ ненавистныхъ орудій страха, заимствуемыхъ въ вѣрѣ, и продолжительность котораго необходимо основывалась на обычномъ рабствѣ душъ.

Реформація привела ко многимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ: она усилила заботу о наукѣ, у которой друзья и враги одинаково принуждены были заимствовать свое ученое ору-

діе, она основала нѣмецкую народную школу *), до тѣхъ поръ едва существовавшую, для устройства которой нашла средства въ упраздненіи монастырей, приходовъ, епископствъ и другихъ духовныхъ учрежденій, она сдѣлала религію изъ церковнаго обряда принадлежностью души, она развила въ народѣ нравственную строгость, ему до тѣхъ поръ бывшую чуждой, она своимъ вліяніемъ развила чувства семьи и трудолюбіе и, всюду служа образцомъ и возбужденіемъ соревнованія, оказала спасительное вліяніе на католическую Германію. Самая же значительная заслуга реформаціи заключалась, какъ уже сказано, въ отпаденіи и вмѣстѣ съ этимъ въ освобожденіи ея послѣдователей отъ убійственнаго умственнаго и душевнаго гнета духовенства. Устраненіе посредствующаго лица между человѣкомъ и Богомъ, уничтоженіе патентованнаго толкователя религіозной истины и нравственныхъ обязанностей, съ самымъ установленіемъ христіанства, являлось великимъ освобождающимъ дѣломъ исторіи. Пока католическая церковь отражала свою непогрѣшимость на папѣ и епископѣ и даже на послѣднихъ сельскихъ священни-

*) Посланіе Лютера ко всѣмъ городскимъ совѣтамъ Германіи: «Милостивые государи, если уже признано необходимымъ издерживать ежегодно такъ много на вооруженіе, на устройство дорогъ, лѣстницъ, плотинъ и пр. для доставленія городу спокойствія и временныхъ удобствъ, то мы тѣмъ болѣе обязаны сдѣлать расходы, опредѣливъ при-этомъ постоянную сумму на содержаніе одного или двухъ свѣдущихъ людей въ качествѣ школьныхъ учителей. Вся сила и могущество христіанства заключается въ будущемъ поколѣніи, и если оставить безъ вниманія юношество, то съ христіанскими церквами будетъ тоже самое, что съ садомъ, который забросили весной. Есть не мало людей, у которыхъ служеніе Богу проявляется во многихъ весьма странныхъ обычаяхъ: они постятся, носятъ власяницы и дѣлаютъ тысячу тому подобныхъ вещей ради благочестивой цѣли; но они не исполняютъ истиннаго, настоящаго служенія Богу, которое заключается въ томъ, чтобъ хорошо воспитывать своихъ дѣтей, и поступаютъ при-этомъ какъ древніе Евреи, которые оставили храмъ Божій для того, чтобъ служить ему на высотахъ.

«Повѣрьте мнѣ, что для васъ будетъ несравненно полезнѣе, если вы позаботитесь о хорошемъ воспитаніи вашихъ дѣтей, чѣмъ если вы будете стремиться къ полученію отпущенія грѣховъ, будете долго стоять на молитвѣ, ходить на богомолье или налагать на себя разные обѣты.

«Я такого мнѣнія, что правительство должно принудить своихъ подданныхъ посылать ихъ дѣтей въ школы. Если уже оно имѣетъ власть заставить всѣхъ своихъ подданныхъ, способныхъ носить оружіе, брать приступомъ крѣпости, также какъ исполнять всякія другія обязанности военной службы, то оно тѣмъ болѣе въ правѣ принудить ихъ посылать своихъ дѣтей въ школу, потому что здѣсь дѣло идетъ о войнѣ болѣе страшной, именно о борьбѣ съ *діяволомъ*.

«Что же касается меня самого, то еслибъ я могъ и долженъ былъ отречься отъ моей обязанности проповѣдника и отъ духовныхъ занятій, то нѣтъ ремесла, за которое я взялся бы такъ охотно, какъ за должность школьнаго учителя или воспитателя, потому что я убѣжденъ, что послѣ званія проповѣдника *званіе учителя есть самое полезное, самое высокое, самое лучшее и едвали не самое достойнѣйшее изъ всѣхъ*».

кахъ и нищенствующихъ монахахъ, пока даже самый невѣжественный и испорченный священникъ носилъ на себѣ отпечатокъ божественнаго освященія и располагалъ душевнымъ спасеніемъ своихъ духовныхъ чадъ, до тѣхъ поръ община въ собственномъ смыслѣ была стадомъ пастуха. Только для этого послѣдняго существовала нравственная отвѣтственность, для перваго же никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ слѣпаго повиновенія. Чтобы создать умѣнье сообразоваться съ требованіями общаго блага, нужно было уничтожить духовную іерархію, что въ свою очередь обусловилось разрушеніемъ тогдашней системы вѣроученія. Реформація, указывая на Библію какъ на единственный источникъ религіозной истины, служила въ то же время сильнѣйшимъ толчкомъ къ самостоятельному развитію всѣхъ умственныхъ и душевныхъ силъ человѣка.

Если реформація вносила новый глубокій расколъ въ нѣмецкую жизнь и безъ того многообразную, то являлась необходимостью, такъ какъ нѣкоторая часть тогдашней политической власти была довольно сильна, чтобъ насильственно задержать движеніе, возникшее изъ глубины нѣмецкаго духа. Что протестантизмъ внѣ этого препятствія, которое ему противопоставляли въ тронахъ Карла и Фердинанда и епископской власти, если бы развитіе нѣмецкаго народа было предоставлено своему собственному ходу, овладѣлъ бы Германіей столь же полно, какъ это случилось съ Даніей, Швеціей и Норвегіей, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Лютеранство (о чемъ свидѣтельствуетъ масса доказательствъ) явилось формой христіанства, наиболѣе соотвѣтствующей духу XVI вѣка всѣхъ германскихъ народовъ и проникло, начиная отъ Исландіи и до Семиградіи, во всѣ германскія земли, населеніе которыхъ признавало его распорядителемъ своей собственной воли. Безспорно, было національнымъ несчастіемъ, что половина Германіи сильно поотстала въ церковныхъ формахъ, которыя она внутренно переросла; однако же еще гораздо большимъ несчастіемъ было бы, еслибы Германія во имя скорѣе кажущагося, чѣмъ дѣйствительнаго политическаго единства вообще отреклась разрушить желѣзную замкнутость тогдашняго церковнаго устройства.

Конечно, въ результатахъ, пріобрѣтенныхъ отъ реформаціи, не обошлось дѣло безъ отступленій. Совершенствованіе церкви нерѣдко замедлялось какимъ нибудь новымъ тормазомъ, и не во всѣхъ рукахъ Библія являлась орудіемъ духовнаго развитія и нравственнаго самообразованія. Во всякомъ же случаѣ, въ той пользѣ, какую принесла съ собой реформація, она признается благодѣтельницей не только для своихъ послѣдователей, но и для всего человѣческаго рода.

А. Poxay (Lebensbilder und Skizzen aus der Kulturgeschichte H. Jastram). Лейпцигъ, 1875 г.

16. КАРЛЪ V.

Герои древнихъ преданій описываются такъ: въ юные годы сидятъ они дома и совершенно ничего не дѣлаютъ; но, разъ показавшись на свѣтъ, они уже не знаютъ покоя и съ неутомимою радостію идутъ отъ подвига къ подвигу. Сила, собравшись разъ въ одинъ пунктъ, сама находитъ приличное для себя поприще.

Вотъ настоящій портретъ Карла V-го, въ Испаніи I-го! Скипетръ правленія вручили ему на 16-мъ году; но многаго ему недоставало еще для должнаго имъ распоряженія. Долго не знали, какое бы сковать ему насмѣшливое прозваніе, какъ дали отцу его; ибо и сынъ слишкомъ довѣрялся своимъ совѣтникамъ. На щитѣ велѣлъ онъ выставить девизъ: «еще не совсѣмъ». Круа правилъ имъ и государствомъ. Войска его смирили Италію, не одинъ разъ торжествовали надъ врагами; а онъ спокойно сидѣлъ въ Испаніи, ни въ чемъ не принималъ участія и казался привыкшимъ къ чужой волѣ. Такимъ его и почитали до 1529 года, до 30-лѣтняго возраста, до того времени, какъ онъ явился въ Италіи.

Какъ онъ явился инымъ человѣкомъ, вопреки всѣхъ ожиданій! Какъ онъ былъ тотъ же самый и—совершенно отличенъ отъ прежняго! Тайный совѣтникъ не рекомендовалъ ему ѣхать въ Италію, предостерегалъ отъ Іоанна Андрея Дорія, набрасывалъ тѣнь подозрѣнія на Геную. И какъ изумились, когда онъ отправился въ Италію, прямо удостоилъ Дорію своей довѣренности и настоятельно требовалъ высадки въ Геную! Казалось, онъ чуждъ былъ всякой страсти; притомъ, ни въ чемъ не спѣшилъ; всѣ его приговоры были зрѣлы; все онъ самъ обдумывалъ и пересматривалъ; первое слово его было и послѣднимъ.

Это замѣтили за нимъ въ первый разъ; потомъ какъ онъ былъ самостоятеленъ, какъ трудолюбивъ! Требовалось немалаго терпѣнія выслушивать длинныя рѣчи итальянскихъ пословъ, а ему хотѣлось еще распутать и точно понять отношенія ихъ государей и властей. Венеціанскій посолъ съ удивленіемъ разсказывалъ, что нашелъ его гораздо доступнѣе, разговорчивѣе, нежели каковымъ видѣлъ его въ Испаніи, три года назадъ.

Въ Болоньѣ онъ рѣшительно поселился въ томъ домѣ, изъ котораго могъ посѣщать папу секретно и какъ можно чаще, чтобы окончательно рѣшить съ нимъ всѣ спорные пункты.

Съ того времени началъ онъ вести переговоры лично, командовать войскомъ самъ; началъ быстро ѣздить изъ страны въ страну, гдѣ только необходимость и дѣла требовали его присутствія. То въ Римѣ, съ кардиналами жалуется онъ на неприми-

римую вражду Франциска I-го; то въ Парижѣ ищетъ и добивается расположенія Етампъ, то въ Германіи предсѣдательствуетъ на государственномъ сеймѣ, чтобы успокоить религіозныя волненія; то среди кастильскихъ кортесовъ старается опредѣлить налоги Seruicio. Но это мирныя занятія; чаще онъ является во главѣ войскъ. Онъ переходитъ чрезъ Альпы во Францію и наводняетъ солдатами Провансъ, приводитъ въ ужасъ Парижъ, со стороны Марны. Потомъ возвращается къ Востоку и Югу. Побѣдоносный Солиманъ удерживаетъ его на Раабѣ, Карлъ отправляется къ Алжиру. Войско, служившее съ нимъ въ Африкѣ, слѣдуетъ за нимъ на Эльбу — и въ Лошь-Гедъ слышали военный шумъ германцевъ. Значитъ, Карлъ V, — человѣкъ, посвящающій себя занятіямъ болѣе всѣхъ. Какъ часто плаваетъ онъ по Средиземному морю, а чаще всего по Океану! Между тѣмъ его моряки производятъ открытія въ доселѣ неизвѣданныхъ моряхъ; его солдаты завоевываютъ доселѣ недоступныя земли. Но отдаленность не препятствовала ему быть правителемъ ихъ, владыкою; поговорка его: больше, дальше — прекрасно оправдалась.

Такова жизнь его, разсматриваемая въ цѣлости, — полная дѣятельность послѣ необыкновенно долгаго покоя. Замѣчательное явленіе! покой, выжиданіе, высматриваніе, потомъ работа, даже впродолженіе всей, самой тревожной жизни, постоянныя частныя приключенія!

Хотя въ общихъ приговорахъ воли онъ былъ весьма рѣшителенъ, но иногда долго должно было ждать его опредѣленія. На каждое представленіе отвѣчалъ онъ сначала не точно — и едва ли не почтешь утвердительными его многозначительныя выраженія. Потомъ онъ соображалъ, часто писалъ причины, за и противъ, потомъ выражался въ столь хорошей связи, что стоило уступить ему только первую половину предложенія, по необходимости выскажешь и вторую. Въ Болоньѣ посѣщалъ онъ папу, въ рукѣ съ тетрадкою, на которой отчетливо обозначены были всѣ ноты переговоровъ.

Только Гранвеллѣ сообщалъ онъ каждый докладъ, каждый адресъ; послы находили у него даже до послѣдняго слова, которое они произносили; потомъ оба давали свое заключеніе. — Все это шло долго; иногда Карлъ держалъ курьера по два лишнихъ дня.

Но если онъ рѣшился разъ, ничто въ свѣтѣ не могло заставить его перемѣнить приговоръ. Это всѣ знали. Говорили: скорѣе погибнетъ міръ, нежели онъ согласится на какое-нибудь принужденіе. Не было еще примѣра, чтобы заставила его сдѣлать что либо сила или опасность.

Самъ онъ говорилъ объ этомъ Контарини съ наивною откровенностью: «я отъ природы упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ». Го-

сударь, отвѣчалъ тотъ, «стоять на хорошей мысли не упорство, а твердость». Карлъ возразилъ: «иногда я настойчивъ и въ дурныхъ».

Однако рѣшимость далеко не есть еще выполненіе. Карлъ какъ будто стыдился начать дѣло, хотя очень хорошо зналъ, что надобно было дѣлать. Въ 1538 г. говоритъ объ немъ Тіеполо: онъ медлилъ такъ долго, пока дѣло его, подвергаясь опасности, уже начинало портиться. Тоже чувствовалъ папа Юлій III-й, говоря: «Карлъ мстилъ за себя хорошо, но для этого надобно поднимать его толчками». Такъ, нерѣдко у императора недоставало денегъ; запутанная политика представляла ему тысячу затрудненій.

Впрочемъ, при всѣхъ выжиданіяхъ онъ не выпускалъ изъ глазъ враговъ своихъ. Наблюденія его были такъ точны, что даже послы удивлялись, какъ хорошо зналъ онъ правительства, какъ прекрасно судилъ о томъ, что они должны дѣлать. Наконецъ выходилъ случай, ударялъ часъ или благопріятный или крайній, тогда онъ выполнялъ то, что у него лежало на сердцѣ, можетъ быть, двадцать лѣтъ.

Вотъ была политика, которую враги его почитали достойною отвращенія, лукавою, а друзья—образцомъ мудрости. По крайней мѣрѣ на нее можно смотрѣть какъ на дѣло выбора, какъ на произволъ. Спокойная, постоянно образующаяся, упорная, поздно рѣшающаяся и непреклонная — такова была натура этого государя.

Таковъ онъ былъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ! Наказывалъ ли онъ? послѣ долгаго обсужденія; награждалъ ли кого? никогда не спѣшилъ наградою. Иные ждали возмездія цѣлые годы; потомъ онъ давалъ достойному человѣку какой-нибудь ленъ, съ такими доходами, которые могли обогатить счастливца; а между тѣмъ самъ онъ ничего не терялъ. Чрезъ это въ другихъ возбуждалась ревность до той степени, что на службѣ ему они переносили всѣ труды въ мірѣ.

Когда надѣвали на него оружіе, онъ замѣтно трепеталъ; но, вполнѣ вооруженный, являлся мужественнымъ и какъ бы вызывалъ на бой каждаго, кто бы осмѣлился посягнуть на его особу.

Такой человѣкъ, исполненный спокойствія и умѣренности, довольно снисходительный, чтобы ужиться съ людьми, довольно тонкій, чтобы держать большинство въ повиновеніи, кажется, весьма способенъ управлять многими націями. Хвалили Карла V за то, что онъ привлекъ къ себѣ нидерландцевъ своею уступчивостью, итальянцевъ — умомъ, испанцевъ — солидностью. Но чѣмъ онъ могъ правиться нѣмцамъ? По природѣ онъ неспособенъ былъ къ довѣрчивой откровенности, которую германцы лю-

бятъ и чтятъ въ своихъ знаменитостяхъ. Хотя онъ и охотно подражалъ пріемамъ прежнихъ императоровъ съ князьями и владѣтельными лицами; хотя онъ старался принимать германскіе нравы и даже носилъ бороду въ Германіи, по-нѣмецки, но нѣмцамъ всегда казался онъ чужестранцемъ, испанцемъ. Особенно послѣ шмалькальденской войны онъ совершенно разошелся съ мнѣніемъ націи. Обоихъ противниковъ его называли великодушными; а онъ, по ихъ словамъ, Карлъ Гентскій, злобно радовался, когда захватилъ въ плѣнъ добраго курфирста. Съ какимъ коварствомъ овладѣлъ онъ въ Галлѣ ландграфомъ! Итальянцы хвалили его простоту, когда онъ вошелъ въ ихъ городъ, въ простомъ плащѣ, среди блестящей, богато одѣтой свиты; нѣмцы и въ этомъ нашли много предосудительнаго. У Наумбурга захватилъ императора дождь; онъ приказалъ принесть изъ города старый беретъ, а новый снялъ съ головы и спряталъ подъ мышку. «Бѣдный государь, подумалъ я, — говоритъ Састровъ, — оружіемъ беретъ боченки золота, а изъ-за бархатной шапченки мокнетъ на дождѣ». Однимъ словомъ, въ Германіи было ему неловко. Ссоры заняли всю его дѣятельность—и дѣятельность не въ славу, не въ честь; климатъ былъ вреденъ для его здоровья; на верхненѣмецкомъ нарѣчіи говорилъ онъ неправильно; многочисленная разнородность націи не нравилась ему и не расположена была къ нему.

Жизнь его поздно получила начало самостоятельности и скоро достигла ее. Долго онъ не росъ, и уже пріискивали различныя снадобья, чтобы ускорить ростъ его. Развитіе его было необыкновенно неподвижно до 1521 г.; тогда только замѣтили, что у него ростетъ борода и онъ самъ становится мужественнѣе. Съ того времени росъ онъ нѣкоторое время въ полномъ здоровьи. Началъ чувствовать расположеніе къ охотѣ; въ Алпухарасѣ, въ толедскихъ лѣсахъ, не одинъ разъ заходилъ онъ такъ далеко, что никто не слышалъ его рога; однажды Морискъ поздно вечеромъ вывелъ его на дорогу и привелъ въ городъ, въ которомъ уже зажжены были большіе огни и звонили во всѣ колокола. На лошади участвовалъ онъ и на аренѣ и въ турнирахъ; игралъ на трубѣ и въ гинету; пѣшій не отставалъ отъ другихъ. Кончить споръ съ Францискомъ I онъ хотѣлъ поединкомъ; дѣло, въ его понятіи, было самое серьезное. Есть портретъ, снятый съ него въ это время, съ закрытымъ, однако, повелительнымъ ртомъ, съ большими огненными глазами, съ сжатыми чертами лица; портретъ во весь ростъ; государь держитъ за ошейникъ охотничью собаку. Но мало по малу и, впрочемъ, скоро отдѣлилась у него верхняя половина лица отъ нижней и составила тѣмъ, большею частію, очеркъ его характера. Нижняя челюсть выдалась впередъ, ротъ остался открытымъ, рѣсни-

цы опустились. Вошедши въ дѣятельную жизнь, онъ рѣдко пользовался здоровьемъ. Въ Неаполѣ, на 36-мъ году возраста, хотѣлъ онъ одѣться съ особеннымъ изяществомъ, чтобы заинтересовать дамъ, какъ самъ говорилъ, и замѣтилъ первые сѣдые волосы на вискахъ. Напрасно выщипывалъ онъ ихъ потомъ; сѣдины смѣнялись новыми. На 40-мъ году чувствовалъ онъ силы свои полуистощенными. Онъ потерялъ уже довѣренность къ себѣ и счастію и, удивительно, происшествія прежде этого времени онъ помнилъ гораздо лучше, нежели послѣдующія, не смотря на всю ихъ свѣжесть. Тогда же посѣтила его подагра и заставила вояжировать большею частію на носилкахъ. Когда-то онъ охотился за оленемъ, за кабаномъ, теперь для него довольно было стрѣлять изъ ружья воронъ и галокъ. Удовольствія искалъ онъ уже дома, гдѣ шутъ при столѣ срывалъ у него полуулыбку; гдѣ восхищалъ и забавлялъ его гофмейстеръ Монфалько — не острыми отвѣтами. Однако болѣзнь усиливалась. Подагра, говоритъ Кавальо, часто поднимается у него въ голову; даже разъ едва не лишила его жизни. Врачи всѣми силами просили его оставить Германію; но здѣсь удерживала его возрастающая запутанность дѣлъ. Потомъ развилась въ немъ страсть къ меланхолическому уединенію и слишкомъ долго обладала имъ; въ основаніи-то была страсть его матери, пока она жила въ свѣтѣ, и когда сдѣлалась чуждою ему. Карла не видалъ никто, развѣ по особенному приглашенію. Часто у него не было охоты подписывать дѣла. Распечатать письмо иногда не давала ему боль въ рукѣ. Въ комнатѣ, обитой черным сукномъ, освѣщенной семью факелами, стоялъ онъ по часу на колѣняхъ. По смерти матери чудилось ему, что онъ слышалъ голосъ ея, призывающій къ себѣ.

(Государи и народы Южной Европы, Л. Ранке. Переводъ В. Модестова, стр. 104—116.)

17. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ КАРЛА V.

Монастырь Сенъ-Юста.—Образъ жизни Карла въ Сенъ-Юстѣ.—Участіе въ дѣлахъ государственныхъ.—Болѣзнь и смерть.—Погребальныя почести въ Брюсселѣ.

Много лѣтъ назадъ, Карлъ, проѣзжая черезъ Эстремадуру замѣтилъ монастырь Св. Юста и избралъ его своимъ будущимъ жилищемъ. Въ монастырѣ этомъ жили монахи ордена Св. Іеронима. Хотя монастырскій уставъ былъ очень строгъ, однакожъ, при выборѣ мѣста и украшеній своего жилища, братство показало много эстетическаго вкуса. Монастырь ихъ находился въ

дикой, романтической равнинѣ, окруженной холмами, тянущимися вдоль сѣверной границы Эстремадуры. Самое зданіе, замѣчательное своею древностью, было окружено прекрасно-обработанными садами апельсинныхъ, лимонныхъ и миртовыхъ деревьевъ, запахъ которыхъ смягчался прохладной свѣжестью воды, въ изобиліи скатывавшейся съ вершины скалистыхъ холмовъ. Это было прекрасное убѣжище во всѣхъ отношеніяхъ: спокойная уединенность его и характеръ окружающей его мѣстности, дѣйствительно, могли оторвать умъ отъ мірской суеты и обратить къ серьезнымъ размышленіямъ. Здѣсь-то славный монархъ, послѣ многихъ лѣтъ жизни, исполненной честолюбивыхъ предпріятій, рѣшился провести остатокъ дней своихъ и посвятить ихъ заботѣ о душевномъ спасеніи. Онъ не могъ, однакожъ, подавить въ себѣ естественную симпатію къ дѣламъ своихъ прежнихъ подданныхъ, но рѣшительно отказался отъ прямаго участія въ рѣшеніи великихъ вопросовъ, волновавшихъ тогда міръ. Карлъ былъ совершенно чуждъ тѣхъ несчастныхъ мыслей, которыя помѣшали Діоклетіану спокойно промѣнять трудъ вѣнценосца на труды земледѣльца....

Онъ давно уже возъимѣлъ намѣреніе снять съ себя заботы правленія и, поселясь въ тихомъ уединеніи, посвятилъ остатокъ дней своихъ заботѣ о душевномъ спасеніи. Супруга его, императрица Изабелла, питала такое же намѣреніе, какъ видно изъ одного письма Карла, писаннаго въ Юстѣ. Преждевременная смерть помѣшала ей привести въ исполненіе эту мысль, и Карлъ, занятый важными политическими дѣлами, всегда мечтавшій о новыхъ предпріятіяхъ, только осенью 1555 г. почувствовалъ упадокъ силъ физическихъ и нравственныхъ, передалъ скипетръ, который сорокъ лѣтъ держалъ въ своей мощной рукѣ и удалился въ монастырь, чтобъ въ тишинѣ и покоѣ провести остальную жизнь свою.

Уголокъ, избранный Карломъ, находился въ семи миляхъ отъ Пласенсіи на склонѣ горъ, пересѣкающихъ Эстремадуру. Здѣсь, среди обнаженныхъ холмовъ, примыкающихъ къ дремучимъ дубовымъ и каштановымъ лѣсамъ, таится монастырь іеронимитовъ, совершенно защищенный отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Къ югу постепенно понижающаяся мѣстность сливается съ обширнымъ пространствомъ Вера-Пласенсіи, оплодотворенным обильными потоками, скатывающимися съ двухъ параллельныхъ горныхъ хребтовъ, и составляющимъ рѣзкую противоположность съ окрестностью монастыря. Человѣкъ, ищущій покоя, разорвавшій связь съ свѣтомъ, едва ли могъ бы найти мѣсто, болѣе удобное для молитвы и набожныхъ размышленій, которымъ предавалась мирная братія іеронимитовъ. Многіе изъ монаховъ этого монастыря прославились святою жизнью и ученостью;

монастырская библіотека до настоящаго времени хранитъ огромную коллекцію рукописей и рѣдкихъ книгъ. Общее достояніе братіи было употребляемо на увеличеніе недвижимаго имущества, такъ что монастырь владѣлъ довольно значительнымъ участкомъ земли; сверхъ того, бѣдняки находили здѣсь обильное подаяніе. Незадолго предъ тѣмъ, какъ Карлъ поселился въ Юстѣ, монастырское зданіе было расширено пристройкой прекрасной архитектуры.

Рѣшившись удалиться отъ свѣта, за три года до переселенія въ Юстъ, Карлъ послалъ туда искуснаго архитектора устроить ему жилище съ необходимыми удобствами. Оно было очень просто. Маленькій, двухъ-этажный домикъ, расположенный на южной сторонѣ монастыря, состоялъ изъ восьми небольшихъ, низенькихъ комнатъ, по четыре въ каждомъ этажѣ. Посреди зданія проходила открытая галерея, служившая для очищенія воздуха; сверхъ того, съ двухъ сторонъ, онѣ были защищены портиками отъ солнечныхъ лучей. Но какъ императоръ страдалъ подагрой и не могъ переносить сырости, то въ комнатахъ его были устроены камины, мало извѣстные въ этой суровой странѣ.

Окно его комнаты было обращено къ монастырской церкви. Когда болѣзнь удерживала его въ постели, онъ могъ изъ отворённаго окна видѣть выносъ даровъ во время литургіи. Мебель и прочая утварь въ жилищѣ Карла, по свидѣтельству современника, обыкновенно признаваемаго главнымъ авторитетомъ, отличались необыкновенной простотой. Между мебелью важнѣйшее мѣсто занимало кресло, которое на аукціонѣ оцѣнилось бы не дороже четырехъ реаловъ. Но опись вещей императора говоритъ совершенно противное. Въ ней, кромѣ обыкновенныхъ креселъ обитыхъ бархатомъ, мы находимъ еще два особенно устроенныя и предназначенныя исключительно для императора. Одно изъ нихъ было снабжено шестью подушками и подножками, на которыхъ покоились его больныя ноги. Гардеробъ его былъ не менѣе роскошенъ. Въ описи упоминается о 16 шелковыхъ и бархатныхъ платьяхъ, обшитыхъ горностаевымъ мѣхомъ и тонкою шерстью варварійскихъ козловъ. Комнаты его, какъ видно изъ той же описи, были убраны великолѣпно: кромѣ бархатныхъ покрывалъ, турецкихъ и алькантарскихъ ковровъ, здѣсь упоминается объ обояхъ, изъ которыхъ 25 штукъ были украшены цвѣтами и изображеніями животныхъ. Двѣнадцать штукъ шпалеръ изъ отличной черной матеріи находились въ спальнѣ императора, который, со времени смерти своей матери, не снималъ траура. Между украшеніями наиболѣе достойны вниманія четверо часовъ огромныхъ размѣровъ. Сверхъ того, у него было множество карманныхъ часовъ, составлявшихъ тогда

большую рѣдкость. О вѣрности ихъ императоръ такъ много заботился, что даже держалъ при себѣ часоваго мастера. Столовый сервизъ, вся кухонная посуда и всѣ принадлежности спальни были серебряныя и вѣсили около четырнадцати тысячъ унцій.

Въ описи находится также довольно значительный каталогъ книгъ, большею частью духовнаго содержанія, и картинъ, доказывающихъ, что Карлъ былъ знатокъ и любитель живописи. Девять изъ нихъ принадлежали кисти Тиціана, котораго императоръ цѣнилъ весьма высоко. Онъ привезъ въ Юстъ четыре портрета свои и императрицы работы великаго венеціанца и знаменитую картину Gloria, изображавшую Карла и его супругу среди сонма ангеловъ. Эту картину онъ повѣсилъ передъ своей кроватью, или, какъ утверждаютъ другіе, поставилъ въ алтарѣ монастырской церкви и часто смотрѣлъ на нее: она возбуждала въ немъ нѣжныя чувства и набожныя размышленія. Онъ воображалъ, какъ соединится въ небѣ съ существомъ, которое на землѣ было всего милѣе его сердцу.

Изъ галереи спускалась отлогая лѣстница въ большой тѣнистый садъ, окруженный высокою стѣною и скрывавшій императора отъ посторонняго глаза. Садъ состоялъ изъ померанцевыхъ, лимонныхъ, фиговыхъ и другихъ ароматическихъ деревьевъ, въ такомъ роскошномъ изобиліи произрастающихъ на плодоносной почвѣ Испаніи. Карлъ до страсти любилъ садоводство и заботливо ухаживалъ за молодыми растеніями. Въ хорошую погоду онъ ходилъ по длинной аллеѣ каштановыхъ деревьевъ къ прекрасной часовнѣ, выстроенной въ сосѣднемъ лѣсу, гдѣ и до настоящаго времени сохранились ея развалины. Здѣсь же было огромное орѣховое дерево, подъ которымъ часто сиживалъ задумчивый монархъ, благоговѣйно размышляя о будущей жизни или, быть можетъ, сожалѣя о прошломъ величіи и славѣ.

Здѣсь путешественникъ можетъ найдти нѣсколько мѣстъ, возбуждающихъ болѣе интереса, чѣмъ мѣста, на которыхъ императоръ созидалъ свое величіе. Еще полстолѣтія назадъ одинокій путникъ, утомленный дорогой, находилъ пріютъ въ гостепріимномъ монастырѣ. Но въ 1809 году французы разрушили монастырь: неистовство солдатъ маршала Сульта не пощадило ни зданій, ни даже богатой коллекціи рукописей, собранныхъ братствомъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Дворецъ императора, какъ называли монахи домъ Карла, подвергся не лучшей участи, хотя и перешелъ въ руки его соотечественниковъ. Нижнія комнаты этого зданія они обратили въ конюшни, верхнія—въ провіантскіе магазины. Впослѣдствіи въ опустѣломъ жилищѣ Карла разставлены были тутовыя деревья, взрощенныя имъ въ саду, и безмятежные шелковичные черви дѣятельно стали вить здѣсь

свои дорогіе коконы. Только природа ни въ чемъ не измѣнилась со времени Карла. Обнаженныя скалы Сьерры по-прежнему возвышаются надъ тучной равниной и сторожатъ могильный покой развалинъ; на южной сторонѣ холмовъ по прежнему зеленѣютъ дремучіе лѣса; далѣе тянется равнина, за которой, какъ въ туманѣ, обрисовывается живописная Вера-дель-Пласенсія, и путешественникъ, пройдя чрезъ развалившіеся портики и пустынныя аркады бывшаго дворца, можетъ упиться воздухомъ, наполненнымъ благоуханіемъ тысячи деревьевъ и дикихъ цвѣтовъ, которые нѣкогда лелѣяла заботливая рука монашествовавшаго императора.

На дорогѣ изъ Вальядолида въ Юстъ, Карлъ нерѣдко принужденъ былъ садиться въ носилки, особенно при переходахъ черезъ горы. Несмотря на то, долгое путешествіе до того утомило его, что онъ нѣсколько дней отдыхалъ въ деревнѣ Харандилья, лежащей недалеко отъ Юста. 3-го февраля 1557 года окончилъ онъ свое путешествіе. Монахи Сенъ-Юстскаго монастыря, гордившіеся выборомъ императора, встрѣтили его торжественнымъ «Te Deum». Карлъ вошелъ въ монастырскую церковь и, преклонясь предъ алтаремъ, благодарилъ Бога за благополучное путешествіе, послѣ чего монахи окружили его и выразили свое уваженіе къ его особѣ. Карлъ принялъ ихъ ласково, осмотрѣлъ монастырь и съ нѣкоторыми изъ иноковъ вошелъ въ свой домъ. Непостоянство было чуждо характеру Карла. Онъ долго обдумывалъ свои планы и съ трудомъ принимался за ихъ исполненіе; но еще труднѣе было ему измѣнить ихъ. Казалось, онъ до послѣдняго дня своей жизни былъ доволенъ и мѣстомъ и образомъ жизни, имъ избранными.

Поселясь въ Юстѣ, Карлъ устроилъ свою жизнь сообразно съ жизнію монашествующей братіи, на сколько это позволяло его слабое здоровье. Онъ, впрочемъ, вовсе не имѣлъ намѣренія ограничить себя условіями жизни простыхъ монаховъ. Свита его состояла изъ пятидесяти человѣкъ, преимущественно фламандцевъ. Число это не должно казаться большимъ, потому что дворы многихъ испанскихъ грандовъ того времени были гораздо многолюднѣе. Онъ учредилъ, однакожъ, такія должности, которыя были гораздо свойственнѣе дворцу, нежели монашеской келіи, таковы, напримѣръ: майор-домъ, милостынникъ, хранитель королевскихъ нарядовъ, хранитель драгоцѣнныхъ камней, камергеры, два часовыхъ мастера, нѣсколько секретарей, докторъ, духовникъ, кандитеры, повара, булочники, пивовары и множество слугъ. Многіе изъ нихъ были, кажется, не совсѣмъ довольны тихою жизнію въ Юстѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ письма Квихады, императорскаго майор-дома, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Карла. «Спальня его ве-

личества», пишетъ онъ, «довольна хороша, но видъ изъ нея очень бѣденъ: нагіе утесы и нѣсколько чахлыхъ деревьевъ; садъ умѣренной величины: въ немъ разбросаны померанцевыя деревья; дороги почти непроходимы; кромѣ ручья, вытекающаго изъ горъ, вовсе нѣтъ воды... Жалкая страна»! Низенькія, пасмурныя комнаты онъ находитъ весьма неудобными для императора, одержимаго болѣзнью. «Что касается монаховъ», пишетъ секретарь Гастелу, «то они должны благодарить Бога, что его величество терпитъ ихъ здѣсь; а это не такъ легко, потому что они пренесносный народъ». По всему видно, что придворные Карла, дѣлившіе съ нимъ уединеніе, охотно бы промѣняли тихую монашескую жизнь не веселые пиры въ Брюсселѣ.

Почтенный пріоръ монастыря, въ разговорахъ съ императоромъ, величалъ его обыкновенно титуломъ Paternidad, пока одинъ изъ монаховъ не присвоилъ ему титула Magestad. Дѣйствительно, на этотъ титулъ Карлъ имѣлъ полное право, потому что все еще былъ императоромъ. Отреченіе его отъ императорской короны, послѣдовавшее вскорѣ послѣ отреченія отъ испанскаго престола, было недѣйствительнымъ, такъ какъ сеймъ не могъ собраться въ то время, когда посланникъ его, принцъ Оранскій, находился въ Ратисбонѣ, весною 1557 года; притомъ война, начатая Филиппомъ съ Франціей, требовала, чтобы Карлъ отсрочилъ свое отреченіе, такъ что только 28 февраля 1558 г. во Франкфуртѣ Карлъ окончательно сложилъ съ себѣ достоинство германскаго императора, хотя, впрочемъ, сохранилъ императорскій титулъ.

Современники сохранили намъ точныя свѣдѣнія объ образѣ жизни Карла. Каждое утро, если здоровье позволяло ему выходить, онъ слушалъ обѣдню въ монастырской церкви, а послѣ обѣдни обѣдалъ часто въ монастырской трапезной. Онъ самъ разрѣзывалъ себѣ кушанье; но руки, ослабленныя подагрой, не всегда повиновались ему. При обѣдѣ, кромѣ доктора, съ соболѣзнованіемъ видѣвшаго, какъ его паціентъ, неотличавшійся воздержаніемъ, нарушаетъ діету, присутствовалъ любимецъ Карла, ученый фламендецъ фан-Мале. Бесѣда сокращала длинную и медленную церемонію обѣда. Иногда разговоръ обращался на вопросы естественной исторіи, въ которой императоръ имѣлъ довольно основательныя свѣдѣнія; иногда между собесѣдниками начинался споръ, и тогда духовникъ долженъ былъ разрѣшать его.

Послѣ обѣда, длившагося два часа, Карлъ слушалъ отрывки изъ любимѣйшихъ богословскихъ сочиненій. Въ молодости онъ съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ жизнь Людовика XI, написанную Коминомъ. Принципъ этого государя: «Qui nescit dissimulare, nescit regnare», довольно близко подходилъ къ харак-

теру Карла. Но теперь онъ искалъ надежнаго пути къ спасенію, и потому приказывалъ себѣ читать сочиненія Св. Бернарда и еще чаще Св. Августина, а вечеромъ слушалъ проповѣдь одного изъ монаховъ. Для этой цѣли были переведены въ Юстъ три или четыре ученѣйшіе іеронимита, которые поочередно произносили проповѣди въ монастырской церкви. Если же случалось, что императоръ не могъ присутствовать въ церкви, то приглашалъ къ себѣ своего духовника, патера Жуана-де-Регла, и бесѣдовалъ съ нимъ о предметахъ религіозныхъ. Карлъ былъ чрезвычайно точенъ въ исполненіи всѣхъ религіозныхъ обязанностей. Если болѣзнь иногда мѣшала ему строго соблюдать эти обязанности, то онъ замѣнялъ ихъ бичеваніемъ и иногда, особенно великимъ постомъ, сѣкъ себя такъ жестоко, что вся плеть покрывалась кровью. Филиппъ съ благоговѣніемъ говорилъ о набожности отца, которую онъ завѣщалъ сыну.

Возраставшая заботливость о собственномъ спасеніи внушила Карлу строгость къ другимъ. Замѣтивъ, что нѣкоторые молодые монахи, долѣе чѣмъ нужно, разговариваютъ съ женщинами, приходившими къ монастырю, Карлъ объявилъ, что всякая женщина, которая подойдетъ къ монастырскимъ воротамъ ближе, чѣмъ на два выстрѣла, будетъ наказана ста ударами плети. Разсказываютъ, будто одинъ монахъ, выведенный изъ терпѣнія наставленіями набожнаго Карла, однажды гнѣвно сказалъ ему: «Вамъ мало того, что всю жизнь ворочали міромъ, теперь хотите повернуть кверху дномъ бѣдный монастырь»!

Страстный любитель музыки и пѣнія, которымъ католическая церковь дала мѣсто въ своихъ церемоніяхъ, Карлъ находилъ въ церковной службѣ и эстетическое наслажденіе. Онъ самъ пѣлъ хорошо; его чистый, звучный голосъ нерѣдко слышался изъ отвореннаго окна его спальни, откуда онъ слушалъ церковную службу, когда болѣзнь мѣшала ему выходить.

Въ церкви становился онъ въ ряду монаховъ и пѣлъ вмѣстѣ съ ними. Его ухо не могло перенести фальшивой ноты: услышавъ невѣрный звукъ, императоръ переставалъ пѣть и вполголоса дѣлалъ довольно грубыя замѣчанія, которыя соглашались съ привычками стараго воина, но мало шли къ настоящему положенію императора.

Время, свободное отъ религіозныхъ обязанностей, посвящалъ онъ другимъ занятіямъ, къ которымъ чувствовалъ постоянную склонность, но отъ которыхъ отвлекали его государственныя обязанности. Карлъ, какъ было замѣчено, проводилъ довольно долгое время въ саду, ухаживая за молодыми растеніями; въ дурную же погоду занимался механическими работами. Еще за нѣсколько лѣтъ до прибытія въ Юстъ, живя въ Германіи, онъ весьма искусно устроилъ повозку, приспособленную къ его по-

ложенію; теперь же пригласилъ въ Юстъ знаменитаго инженера Торріано, прославившагося гидравлическими сооруженіями въ Толедо, и, пользуясь его свѣдѣніями въ механикѣ, сдѣлалъ нѣсколько деревянныхъ статуй, которыя представляли солдатъ, исполняющихъ разные военные пріемы. Современники и позднѣйшіе историки много говорятъ о маленькихъ деревянныхъ птицахъ, которыя могли вылетать и влетать въ окна императорскаго дома, что приводило въ крайнее удивленіе безхитростную монашествующую братію. Но ничто не возбуждало въ нихъ такого изумленія, какъ маленькая ручная мельница, которая въ одинъ день доставляла столько муки, что ея достаточно было одному человѣку на цѣлую недѣлю и даже больше. Добрые монахи были убѣждены, что въ изобрѣтеніи этой чудесной мельницы участвовала нечистая сила. Впослѣдствіи это обстоятельство было одною изъ причинъ преслѣдованія инквизиціи, которому подвергся несчастный механикъ.

Устройство часовъ также обращало на себя вниманіе императора: въ его комнатахъ было нѣсколько часовъ, которые своимъ мѣрнымъ стукомъ нарушали ничѣмъ невозмущаемую тишину. Современники сохранили одинъ весьма замѣчательный анекдотъ о часахъ. Карлъ всегда заботился, чтобы всѣ часы шли совершенно одинаково. Регулируя двое изъ нихъ, онъ наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и воскликнулъ: «Если эти бездушныя машины не могутъ совершенно походить другъ на друга, то не глупо ли требовать, чтобы всѣ люди одинаково понимали вопросы религіи?» Это восклицаніе, въ которомъ проглядываетъ духъ вѣротерпимости, неизвѣстный въ XVI вѣкѣ, могло бы послужить темой для серьезныхъ размышленій Филиппу II, начинавшему свое царствованіе страшными auto-da-fe и убѣжденному, что костры и пытки будутъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для поддержанія чистоты католицизма. Въ саду Юста еще очень недавно можно было видѣть остатки солнечныхъ часовъ, устроенныхъ Торріано, по которымъ Карлъ съ точностью могъ измѣрять медленно-влачившееся время.

Не смотря на все отвращеніе къ празднымъ церемоніаламъ и вовсе не желая принимать у себя посѣтителей, привлекаемыхъ въ Юстъ единственно любопытствомъ, Карлъ, однакожъ, не могъ не допустить къ себѣ нѣсколькихъ грандовъ, имѣнія которыхъ лежали въ окрестностяхъ Юста. Они явились къ своему старому королю съ искреннимъ желаніемъ выразить ему свою преданность. Но никто изъ нихъ не доставлялъ ему столько удовольствія, какъ Франциско Борджіа, герцогъ гандійскій, причисленный впослѣдствіи римско-католическою церковью къ лику святыхъ. Подобно Карлу, онъ занималъ блестящее положеніе въ свѣтѣ и, такъ же, какъ онъ, убѣдился въ суетѣ мірской славы.

Еще въ молодости удалился онъ отъ свѣта и вступилъ въ іезуитскую коллегію. По приглашенію императора, онъ нерѣдко пріѣзжалъ въ Юстъ и бесѣдой своей доставлялъ удовольствіе Карлу. Старые друзья вспоминали былыя времена и, сравнивая ихъ съ своимъ настоящимъ положеніемъ, радовались, что заблаговременно посвятили себя служенію Богу.

Двѣ сестры императора, вдовствующія королевы французская и венгерская, провожавшія его изъ Нидерландовъ въ Испанію, посѣтили его въ Юстѣ. Но трудности путешествія и самая жизнь въ уединенномъ убѣжищѣ императора не могли внушить имъ желанія продлить свое пребываніе тамъ, или повторить визитъ.

Въ это время никто не возбуждалъ въ Карлѣ такого глубокаго участія, какъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, жившій въ семействѣ его майор-дома, Квихады, поселившемся въ сосѣдней деревнѣ Куакосъ. Этотъ мальчикъ былъ никто другой, какъ Донъ-Жуанъ Австрійскій, будущій герой Лепанто. Онъ былъ побочный сынъ Карла; но до смерти императора никто не зналъ этой тайны, кромѣ одного Квихады, который ввелъ его въ монастырь въ качествѣ своего пажа. Мальчикъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ признаки благороднаго, открытаго и смѣлаго характера; онъ служилъ утѣшеніемъ для своего больнаго духомъ и тѣломъ отца и поддерживалъ въ немъ сердечныя привязанности, которыя заглушила бы холодная атмосфера затворнической жизни.

Воины, возвратившіеся съ поля битвы, могли быть увѣрены, что императоръ приметъ ихъ ласково и даже будетъ радъ имъ. Онъ охотно слушалъ разсказы о состояніи дѣлъ государственныхъ, разспрашивалъ объ арміи, ея организаціи, входилъ въ малѣйшія подробности.

Продолжительный разговоръ съ однимъ офицеромъ, прибывшимъ изъ Нидерландовъ, по имени Спиноса, доказываетъ, какое живое участіе принималъ онъ въ дѣлахъ правленія вообще и особенно въ военномъ дѣлѣ.

Обыкновенно говорятъ, что Карлъ V, отказавшись отъ престола, заживо схоронилъ себя. «Безучастіе его въ дѣлахъ правленія было такъ полно», говоритъ одинъ изъ его біографовъ, «какъ будто онъ никогда не принималъ въ нихъ участія»; «разрывъ его съ внѣшнимъ міромъ былъ совершенный», утверждаетъ другой современникъ: «никакой переворотъ, никакая война, ни золотыя горы, вывезенныя изъ Индіи, не могли бы поколебать его спокойствія». Мнѣніе это въ высшей степени неосновательно: императоръ не только сохранилъ интересъ къ дѣламъ правленія, но даже имѣлъ на нихъ вліяніе. Филиппъ былъ такъ благоразуменъ, что во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ политики

полагался на сужденіе своего отца, искушеннаго продолжительнымъ опытомъ; мало того: въ Филиппѣ, котораго привязанность къ власти и сану достигла невѣроятныхъ размѣровъ, нашлось столько самоотверженія, что, при началѣ войны съ папой и Франціей, онъ просилъ императора оставить Юстъ и помочь ему не только совѣтомъ, но и дѣломъ. Принцесса Іоанна, дочь Карла, бывшая въ то время регентшей, вела съ нимъ постоянную переписку, сообщая ему свѣдѣнія объ управленіи. Устранясь отъ отвѣтственности за административныя мѣры, предпринимаемыя Филиппомъ, онъ такъ заботился объ ихъ успѣхѣ, какъ будто онѣ были предначертаны имъ самимъ. «Пишите подробнѣе», говоритъ одинъ изъ секретарей Карла въ письмѣ къ секретарю совѣта регентши: «его величество желаетъ знать всѣ подробности событій». Самый живой интересъ возбудила въ немъ война съ папой, начатая Филиппомъ тотчасъ по вступленіи на престолъ. Карлъ не раздѣлялъ сомнѣній Филиппа, который никакъ не могъ помириться съ необходимостью объявить войну главѣ католицизма, и смѣло утверждалъ, что эта война—правая война во всѣхъ отношеніяхъ. Однажды, когда ему принесли письма, онъ нетерпѣливо воскликнулъ, отчего въ нихъ нѣтъ извѣстія о смерти Павла, или Караффы. Онъ былъ очень недоволенъ перемиріемъ, заключеннымъ Альбою съ папой, и сожалѣлъ, что сложилъ съ себя правленіе. Неудовольствіе его возрасло еще болѣе, когда ему прочитали мирный трактатъ: онъ былъ до того взволнованъ, что, какъ замѣчаетъ его секретарь, это могло имѣть дурное вліяніе на его здоровье.

Съ такимъ же участіемъ слѣдилъ онъ за ходомъ французской войны. Его столько же огорчила потеря Калэ, сколько обрадовала сенъ-кентенская побѣда, послѣ которой онъ ожидалъ, что Филиппъ двинетъ свои побѣдоносныя войска къ Парижу. По словамъ Брантома, всякій разъ, когда получались извѣстія съ театра войны, онъ спрашивалъ: «Что, Филиппъ въ Парижѣ?» и всегда сердился, услышавъ отвѣтъ отрицательный. Видно, онъ мало зналъ характеръ своего сына!

Въ то же время Карлъ вступилъ въ переговоры съ Наваррой и вслѣдъ затѣмъ началъ дипломатическія сношенія съ португальской регентшей, своей сестрой. Цѣль послѣднихъ состояла въ томъ, чтобы внукъ его, Донъ-Карлосъ, признанъ былъ наслѣдникомъ португальской короны въ случаѣ смерти юнаго короля, двоюроднаго брата принца Астурійскаго. Мысль, соединить подъ одинъ скипетръ два народа, принадлежащіе одному племени, говорящіе однимъ языкомъ, имѣющіе одинаковыя учрежденія, была завѣтной мыслью Карла, котораго даже въ монастырѣ не оставлялъ духъ властолюбія. Но ему не было суждено привести въ исполненіе этотъ давно задуманный планъ. Какъ

бы онъ былъ счастливъ, еслибъ могъ предвидѣть, что этотъ планъ будетъ исполненъ Филиппомъ!

Финансовые вопросы особенно привлекали къ себѣ вниманіе монашествующаго императора. «Во всѣхъ своихъ письмахъ къ вашей сестрѣ, регентшѣ», пишетъ онъ къ сыну: «я прошу ее заботиться особенно о финансахъ, стараюсь объяснить ей, какъ важно для васъ, если финансы находятся въ хорошемъ состояніи». Онъ постоянно отыскивалъ новые источники дохода, опасаясь, чтобъ недостатокъ средствъ не заставилъ Филиппа прекратить военныя дѣйствія. Этотъ фактъ, кажется, доказываетъ, что тѣ писатели, которые утверждаютъ, будто Филиппъ удерживалъ деньги, назначенныя Карлу, ошибаются. Карлъ опредѣлилъ себѣ сперва шестнадцать тысячъ дукатовъ, а потомъ увеличилъ эту сумму до двадцати тысячъ, которыя и уплачивались ему по частямъ. Мнѣніе это составилось, вѣроятно, вслѣдствіе того, что эти деньги выдавались не всегда своевременно: въ Испаніи аккуратность казалась бы чудомъ!

Злоупотребленія нѣкоторыхъ членовъ севильскаго комитета торговли возмущали императора. «Я долго не хотѣлъ писать къ вамъ», говоритъ онъ въ письмѣ своемъ къ регентшѣ кастильской, «полагая, что гнѣвъ мой пройдетъ. Но я ошибся въ ожиданіи. Я постоянно узнаю о новыхъ злоупотребленіяхъ... Еслибъ не болѣзнь, я давно бы поѣхалъ въ Севилью и разсчитался бы съ этими негодяями». «Его величество», пишетъ секретарь его Гастелу, «приказалъ мнѣ распорядиться, чтобъ виновные были заключены въ кандалы и среди бѣла-дня отправлены въ Химанказъ; онъ приказалъ помѣстить ихъ не въ комнатахъ, а въ подвалахъ, и потомъ казнить. Гнѣвъ императора былъ такъ силенъ, что онъ именно такими словами выразилъ свою волю, и потому, надѣюсь, вы извините меня, что письмо мое нѣсколько рѣзко». Севильскій комитетъ обязанъ былъ принимать въ государственную казну золото, привозимое изъ Индіи частными лицами и выдавать векселя. Нѣкоторые купцы, недовольные этимъ обезпеченіемъ, по соглашенію съ членами комитета, утаивали часть золота и обращали его въ свою собственность. Отсюда правительство понесло значительный убытокъ, что и было главной причиной неудовольствія императора. При всемъ спокойствіи характера, Карлъ всегда былъ склоненъ къ внезапнымъ взрывамъ гнѣва, и монастырская жизнь не изгладила въ немъ этого недостатка.

Хорошій климатъ, правильная жизнь, при отсутствіи безпокойствъ, соединенныхъ съ заботами правленія, такъ благодѣтельно подѣйствовали на Карла, что, въ первые десять мѣсяцевъ по прибытіи въ Юстъ, здоровье его значительно улучшилось. Припадки подагры становились рѣже и слабѣе. Но весною

1558 г. старая болѣзнь возвратилась съ новою силою. «Я не въ состояніи былъ прослушать ни одной проповѣди во весь постъ», писалъ онъ къ Филиппу. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не могъ взять въ руки пера. Духъ его былъ подавленъ физическимъ страданіемъ, къ которому вскорѣ присоединилось и нравственное: въ февралѣ 1558 г. онъ узналъ о смерти сестры своей, Элеоноры, вдовствующей королевы французской и португальской.

Между Карломъ и его двумя сестрами господствовала самая искренняя привязанность. Нравственныя достоинства королевы Элеоноры внушили Карлу такую глубокую привязанность къ ней, что, узнавъ о ея смерти, онъ былъ такъ огорченъ, какъ потерею собственнаго дитяти. «Она была истинная христіанка», говорилъ онъ своему секретарю, и слезы текли по щекамъ его: «мы всегда любили другъ друга. Она была старше меня только пятнадцатью мѣсяцами, и я, вѣроятно, не проживу болѣе пятнадцати мѣсяцевъ». Предсказаніе его сбылось гораздо раньше.

Около этого времени правительство обратило вниманіе на распространеніе протестантизма, находившаго во многихъ городахъ Испаніи значительное число приверженцевъ. Религіозная нетерпимость была въ такой же мѣрѣ свойственна Карлу, какъ и другимъ государямъ, происходившимъ изъ кастильской линіи. Пока онъ былъ на тронѣ, наслѣдственная ненависть его къ еретикамъ смягчалась политическими цѣлями; но послѣ отреченія всѣ эти цѣли смѣнились одною цѣлью—спасеніемъ души, и онъ далъ полную волю своему врожденному чувству нетерпимости. Въ письмѣ (отъ 3-го мая 1558 г) къ дочери своей Іоаннѣ онъ говоритъ: «Скажите отъ меня великому инквизитору, чтобъ онъ не забывалъ своей обязанности и топоромъ пресѣкъ зло, прежде чѣмъ оно успѣетъ распространиться далѣе. Я убѣжденъ въ вашей ревности; жду, что накажете виновныхъ всѣхъ безъ изъятія, и накажете со всею строгостью, какой требуетъ великость преступленія». Спустя три недѣли, онъ опять писалъ къ дочери: «Еслибъ я не былъ увѣренъ, что вы исполните долгъ свой—разомъ остановите усиливающееся зло, казните виновныхъ—я не въ силахъ былъ бы долѣе оставаться въ монастырѣ: я самъ принялъ бы средства противъ еретиковъ». Голосъ Карла, раздававшійся изъ уединеннаго монастыря среди пустынныхъ горъ, не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; вліяніемъ своимъ и настойчивостью онъ навлекъ на себя тяжкую отвѣтственность за тѣ ужасы, которыми ознаменовалось вступленіе его сына на испанскій престолъ.

Около половины августа припадки подагры усилились и сдѣлались весьма опасны. Это было приписано простудѣ; однакожъ, было бы основательнѣе сказать, что причиной болѣзни Карла

была невоздержность: по прежнему на столѣ его появлялись тѣ блюда, которыя могутъ быть полезны только совершенно здоровому человѣку, и онъ ѣлъ ихъ съ такимъ аппетитомъ, какъ въ то время, когда цѣлые дни проводилъ на конѣ. При немъ всегда находился докторъ, который возставалъ противъ поведенія своего паціента; но паціентъ, къ несчастію, не считалъ нужнымъ слѣдовать его совѣтамъ; паштеты, откормленные каплуны и другія кушанья въ этомъ родѣ имѣли для него слишкомъ большую прелесть, и онъ не въ силахъ былъ отъ нихъ отказаться.

Усилившаяся болѣзнь внушила ему предчувствіе приближающейся смерти, которое онъ и высказалъ прежде въ разговорѣ съ своимъ секретаремъ. Мрачныя размышленія привели его къ странной мысли—приготовить все необходимое къ погребенію и сдѣлать репетицію этой печальной церемоніи. Въ половинѣ августа пригласилъ онъ къ себѣ своего духовника и, сообщивъ ему свою мысль, спросилъ его мнѣніе. Сговорчивый патеръ не нашелъ ничего предосудительнаго, напротивъ находилъ намѣреніе императора похвальнымъ и назидательнымъ. На другой день послѣ этого совѣщанія, стѣны монастырской капеллы покрылись черной драпировкой, зажжены сотни восковыхъ свѣчъ, которыя, однакожъ, не могли разсѣять густаго мрака. Монахи, одѣтые въ траурныя ризы, и всѣ придворные императора въ глубокомъ траурѣ собрались у высокаго катафалка, поставленнаго по срединѣ церкви. Началась похоронная служба. Во время заунывнаго пѣнія монаховъ многіе изъ присутствующихъ плакали, представляя себѣ картину смерти своего императора. Самъ государь, одѣтый въ глубокій трауръ, со свѣчею въ рукѣ, стоялъ среди зрителей своихъ собственныхъ похоронъ. Когда церемонія кончилась, онъ передалъ свѣчу въ руки духовника, въ знакъ того, что передаетъ душу свою въ руки Всевышняго.

Такъ разсказываетъ объ этомъ печальномъ фарсѣ монастырская хроника, которая, безъ всякаго измѣненія, повторялась всѣми послѣдующими историками до настоящаго времени, пока историческая критика не заподозрила этого факта, основываясь на томъ, что ни одинъ изъ приближенныхъ Карла, жившихъ въ Юстѣ, не упоминаетъ о немъ.

Однако въ характерѣ и поведеніи Карла находимъ черты, не только не противорѣчащія разсказу монаха, но, напротивъ, подтверждающія его. Наклонность къ умственному затмѣнію была въ крови кастильскихъ государей, и ни въ комъ не проявлялась она такъ рѣзко, какъ въ Іоаннѣ, матери Карла V. Нѣкоторые признаки упадка умственныхъ способностей проглядываютъ въ поступкахъ Карла еще до отреченія его. Папа Павелъ IV,

узнавъ о намѣреніи императора отречься отъ престола и поселиться въ монастырѣ, сказалъ, что Карлъ съ ума сошелъ. Хоть мы и не можемъ согласиться съ этимъ, ужь слишкомъ рѣзкимъ мнѣніемъ папы, однакожъ въ нѣкоторыхъ поступкахъ Карла не можемъ не замѣтить признаковъ помѣшательства. Пристрастіе его, напримѣръ, къ похороннымъ церемоніямъ подтверждаетъ наше мнѣніе: онъ искалъ случая исполнить гдѣ-нибудь этотъ печальный обрядъ и пользовался смертію не только своихъ родственниковъ, но даже частныхъ людей, занимавшихъ какую-либо важную должность. Погребальныя церемоніи сдѣлались празднествами въ Сенъ-Юстѣ съ того времени, какъ поселился тамъ Карлъ. Онѣ имѣли для него особенную прелесть. Это напоминаетъ его мать, Іоанну, которая возила съ собою нѣсколько лѣтъ тѣло своего умершаго мужа. Отпраздновавъ похороны своихъ родителей и жены, что заняло нѣсколько дней, Карлъ возъимѣлъ наконецъ намѣреніе прорепетировать церемонію и своего собственнаго погребенія. Эта странная мысль покажется намъ еще болѣе вѣроятной, если вспомнимъ, что постоянныя размышленія о загробной жизни и приготовленія къ смерти должны были сильно раздражить его больное воображеніе.

13-го августа Карлъ заболѣлъ; въ слѣдующіе дни болѣзнь постоянно усиливалась, и симптомы постоянно становились опаснѣе. Въ монастырской хроникѣ также есть нѣсколько подробностей объ этой болѣзни, о которыхъ умалчиваютъ письма. Вечеромъ 31-го августа Карлъ приказалъ принести къ себѣ одинъ изъ портретовъ своей жены, находившихся въ его коллекціи, и долго всматривался въ ея прекрасное лице, «какъ будто просилъ ее, замѣчаетъ іеронимитъ, приготовить ему мѣсто въ горнихъ селеніяхъ, куда отлетѣла ея чистая душа». Потомъ, насмотрѣвшись вдоволь на другое произведеніе Тиціана, онъ приказалъ принести знаменитую картину этого художника «Gloria», находившуюся въ алтарѣ монастырской капеллы, откуда, вмѣстѣ съ останками императора, она была перенесена въ Эскоріалъ. Карлъ такъ долго и пристально всматривался въ эту картину, что привелъ въ недоумѣніе врача, который всѣми средствами старался удалять отъ него все, могущее раздражать его нервы. Недоумѣніе врача еще болѣе увеличилось, когда Карлъ пришелъ въ себя и, обратясь къ нему, сказалъ, что очень боленъ. У него была горячка; пульсъ ударялъ быстро и сильно. Докторъ открылъ ему кровь; но кровопусканіе не имѣло никакихъ послѣдствій. Регентша Іоанна, узнавъ объ опасной болѣзни отца, послала въ Юстъ своего доктора; но никакіе врачи и никакія земныя лекарства не могли помочь больному. Скоро не осталось сомнѣнія, что эта болѣзнь будетъ его послѣднимъ страданіемъ на землѣ.

Карлъ узналъ объ этомъ почти съ радостью и сказалъ, что уже давно желалъ этого. Первымъ дѣломъ его было пересмотрѣть длинное завѣщаніе, написанное за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. 9-го сентября онъ значительно дополнилъ его. Здѣсь онъ говорилъ преимущественно о тѣхъ лицахъ, которые раздѣляли съ нимъ монастырское заключеніе. О сынѣ своемъ, Донъ-Жуанѣ Австрійскомъ, Карлъ не сказалъ въ своемъ завѣщаніи ни слова, но передалъ волю свою Филиппу черезъ майор-дома Квихаду, съ которымъ долго бесѣдовалъ за нѣсколько дней до смерти. Филиппъ въ точности исполнилъ волю отца въ отношеніи къ своему брату.

Въ дополненіи къ завѣщанію находимъ мы одинъ пунктъ, достойный особеннаго вниманія. Заклиная сына повиноваться его волѣ, Карлъ убѣждалъ его преслѣдовать еретиковъ безъ пощады и исключеній и поддерживать инквизицію: въ ней императоръ видѣлъ вѣрнѣйшее средство къ достиженію святой цѣли—истребленія еретиковъ. «Такъ поступай, сынъ мой», заключалъ онъ: «и Богъ благословитъ тебя во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ». Это были послѣднія слова умирающаго императора къ сыну, и они упали на плодородную почву.

19-го сентября силы Карла до того ослабѣли, что духовникъ его нашелъ необходимымъ совершить надъ нимъ обрядъ послѣдняго мνропомазанія. Карлъ пожелалъ, чтобъ этотъ обрядъ былъ надъ нимъ исполненъ по тѣмъ правиламъ, какъ надъ монахами, и, несмотря на слабость, повторялъ за духовникомъ акафистъ, семь псалмовъ покаянія и нѣсколько мѣстъ изъ св. Писанія. На другой день онъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься. что дѣлалъ довольно часто во время болѣзни. Духовникъ замѣтилъ ему, что послѣ мνропомазанія это вовсе не необходимо. «Да, можетъ-быть», отвѣчалъ Карлъ: «но это хорошее напутствіе для человѣка, который собирается въ дальній путь». Изнуренный болѣзнью, императоръ стоялъ на колѣняхъ во все время обряда. Его глубокое, искреннее раскаяніе тронуло всѣхъ окружающихъ его.

Во время болѣзни Карлъ искалъ утѣшенія въ св. Писаніи и особенно въ псалмахъ, которые ежедневно ему читали. При немъ, по приглашенію майор-дома, находилось постоянно нѣсколько лицъ. Между ними былъ Бартоломé де-Карранса, впослѣдствіи архіепископъ толедскій, примасъ Испаніи, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ возстановленіи католицизма въ Англіи въ правленіе Маріи; но подъ конецъ жизни онъ самъ сдѣлался жертвой инквизиціи. Даже немногія слова, сказанныя имъ въ утѣшеніе умирающему императору, были замѣчены духовникомъ его, перетолкованы и послужили основаніемъ къ обвиненію его въ ереси.

21-го сентября, около двухъ часовъ по-полуночи, императоръ, долгое время не произносившій ни слова, воскликнулъ: «Теперь пора!» Его посадили на постели; въ правую руку подали ему зажженную свѣчу, а лѣвой онъ старался удержать серебряное распятіе, которое держала въ рукахъ его супруга въ часъ смерти. Карлъ тогда же приказалъ Квихадѣ сохранить это распятіе и подать ему въ минуту кончины. Оно нѣсколько времени лежало у него на груди, и архіепископъ толедскій, взявъ его и держа предъ Карломъ, который пристально смотрѣлъ на этотъ святой символъ, сталъ читать псаломъ De profundis. Когда архіепископъ кончилъ, императоръ сдѣлалъ слабое усиліе поцѣловать крестъ; но силы ему измѣнили — онъ упалъ на подушки, воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Ay Jesus!» и умеръ. Быть можетъ, опасаясь сдѣлаться жертвой наслѣдственной болѣзни, Карлъ постоянно молился, чтобы при смерти сохранить сознаніе, и молитва его была услышана.

Тѣло императора было набальзамировано и положено въ свинцовый гробъ. Въ теченіе трехъ дней оно находилось въ монастырской капеллѣ, и въ это время произнесено было три проповѣди лучшими проповѣдниками братства. На четвертый день оно съ должной торжественностью было предано землѣ, въ присутствіи всѣхъ монаховъ, придворныхъ и множества лицъ, съѣхавшихся въ Юстъ изъ окрестныхъ провинцій.

Погребеніе Карла не обошлось, однако же, безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Въ завѣщаніи своемъ онъ выразилъ желаніе, чтобы его похоронили подъ алтаремъ такимъ образомъ, чтобъ голова и верхняя часть тѣла находились на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ священникъ во время литургіи. Желаніе это внушено было императору искреннимъ смиреніемъ; однакожъ, между строгими служителями церкви возникъ вопросъ, возможно ли похоронить императора на такомъ священномъ мѣстѣ и именно такъ, какъ онъ желалъ. Начался весьма серьезный споръ, вслѣдствіе котораго рѣшено было измѣнить завѣщаніе. Вырыта была могила не подъ алтаремъ; но возлѣ него, такъ что ноги его пришлись на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ желалъ, чтобъ находилась голова. Впрочемъ, прахъ Карла не долго покоился въ скромной сенъ-юстской церкви: Филиппъ перенесъ его въ Эскуріальскій Соборъ, гдѣ находится также и гробница императрицы Изабеллы.

Въ Римѣ, въ Вальядолидѣ и въ Брюсселѣ торжественно была отдана почесть усопшему императору. Филиппъ находился въ Аррасѣ, когда въ Нидерландахъ получено было извѣстіе о смерти Карла. Онъ въ тотъ же день отправился въ монастырь, лежащій недалеко отъ Брюсселя, и провелъ тамъ въ уединеніи нѣсколько недѣль, въ то-же время отдавъ приказаніе, чтобы во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ во всемъ государствѣ, въ теченіе че-

тырехъ мѣсяцевъ, каждый день по три раза звонили въ колокола; всѣ празднества, народныя увеселенія и сходбища были прекращены. 28-го декабря Филиппъ ночью пріѣхалъ въ Брюссель, и на другой день, передъ началомъ вечеренъ, совершена была процессія въ церковь Св. Гудулы, которая еще и въ наше время обращаетъ на себя вниманіе путешественниковъ своей великолѣпной архитектурой.

Въ этой процессіи участвовало все высшее духовенство, монахи различныхъ монастырей (всѣ они несли зажженныя свѣчи), дворянство, придворные, высшіе государственные сановники; за ними слѣдовали кавалеры ордена Золотаго Руна, которые несли знаки императорской власти: маркизъ д'Агвиларъ несъ скипетръ, герцогъ Виллагермоза — мечъ, принцъ Оранскій — корону и державу. Филиппъ, одѣтый въ черную мантію, съ покрытой головою, медленно шелъ за ними. Шлейфъ его несъ Рюй-Гомесъ-де-Сильва, пользовавшійся особенной благосклонностью короля; возлѣ шелъ герцогъ Савойскій, также съ покрытою головой, какъ принцъ крови. Длинные ряды испанскихъ и германскихъ войскъ, въ національныхъ одеждахъ, тянулись по улицамъ Брюсселя, иллюминованнымъ факелами. Мерцавшее пламя ихъ разсѣявало вечерній полусвѣтъ и придавало печальному шествію еще болѣе печальный видъ.

Наиболѣе обращалъ на себя вниманіе зрителей длинный рядъ покрытыхъ велоколѣпными попонами лошадей, изъ которыхъ каждую вели два дворянина, державшіе знамена и гербы различныхъ государствъ, признававшихъ Карла своимъ повелителемъ.

Другое еще болѣе любопытное зрѣлище представляла роскошная галерея, составленная изъ картинъ, изображавшихъ сраженія, въ которыхъ участвовалъ императоръ. Возлѣ нихъ, на черномъ фонѣ, золотыми буквами сдѣланы надписи, объяснявшія ихъ содержаніе.

Отъ дворца до церкви Св. Гудулы процессія тянулась два часа.

По срединѣ церкви возвышалась капелла. Кровля ея, украшенная четырьмя вызолоченными коронами, опиралась на четыре іоническія колонны. Въ капеллѣ, освѣщенной тремя тысячами свѣчей, былъ поставленъ великолѣпный саркофагъ, покрытый темнымъ бархатнымъ саваномъ, съ огромнымъ малиновымъ крестомъ. Здѣсь оставили императорскую корону, скипетръ и державу.

На вершинѣ длинной лѣстницы, покрытой чернымъ сукномъ, былъ поставленъ тронъ Филиппа. У подножія ея заняли свои мѣста высшіе государственные сановники и дворянство.

Подъ арками висѣли драпри изъ темнаго бархата и золотой

матеріи. На нихъ виднѣлись императорскіе гербы. Возлѣ находилась галлерея, назначенная для герцогини Лотаринской и придворныхъ дамъ.

Путешественникъ, посѣщающій этотъ древній храмъ, гдѣ во времена Карла V собирался капитулъ ордена Золотаго Руна, можетъ увидѣть характеристическое изображеніе этого монарха на стеклахъ великолѣпныхъ оконъ. Онѣ напоминаютъ тотъ достопамятный день, когда фламанскій народъ собрался здѣсь отдать послѣднюю почесть своему усопшему государю, когда, среди облаковъ благовоннаго дыма и сіянія миріадъ зажженныхъ свѣчъ, раздавались торжественные звуки органа и, дрожа, замирали подъ высокими сводами, смѣшиваясь съ жалобнымъ пѣніемъ сотни голосовъ и заглушая тихія молитвы за упокой души великаго человѣка, отшедшаго изъ этого міра.

(Исторія царствованія Филиппа II, короля испанскаго, В. Прескотта. С.-Петербургъ, 1853 г.)

V.

Исторія Франціи.

1. ФРАНЦИСКЪ I. (1514—1547).

Францискъ I. возобновляетъ войну съ Италіей. — Битва при Мариньяно. — Министерство Дюпра. — Продажа судебныхъ должностей. — Конкордатъ. — Потеря Милана. — Битва при Ла-Бикокѣ. — Генрихъ объявляетъ себя противникомъ Франциска. — Искусная политика Карла V. — Лига противъ Франціи. — Измѣна конетабля Бурбонскаго. — Нападеніе на всѣ границы Франціи. — Неудача Бонниве въ Италіи. — Вторженіе въ Провансъ. — Отступленіе имперцевъ. — Осада Павіи. — Битва при Павіи. — Планъ Франциска. — Союзъ Генриха VIII и итальянскихъ государствъ противъ Карла. — Францискъ нарушаетъ мадридскій договоръ и возобновляетъ войну. — Взятіе Рима имперцами. — Неудача французовъ въ Неаполѣ и Миланѣ. — Договоръ въ Камбре. — Подчиненіе Италіи австрійскому дому. — Францискъ оказываетъ покровительство протестантамъ въ Германіи и вступаетъ въ союзъ съ турками. — Внутреннее состояніе Франціи. — Францискъ покровитель наукъ и искусствъ. — Состояніе реформаціи во Франціи. — Кальвинъ. — Францискъ остается вѣренъ католицизму. — Первыя гоненія противъ протестантовъ. — Францискъ приготовляется къ войнѣ. — Первый договоръ между Франціей и Портой. — Вторженіе въ Піемонтъ. — Императоръ объявляетъ войну Франциску. — Французы изгнаны изъ Піемонта. — Вторженіе имперцевъ въ Провансъ и отступленіе ихъ. — Непріязненныя дѣйствія въ Пикардіи и Артуа. — Союзъ Франциска съ Турціею. — Перемиріе въ Ниццѣ. — Францискъ оставляетъ своихъ союзниковъ и дѣлается другомъ Карла. — Путешествіе Карла во Францію. — Разрывъ между Францискомъ и Карломъ. — Регенсбургскій сеймъ. — Возобновленіе войны. — Союзъ Франциска съ турками. — Сеймъ въ Шпейерѣ. — Генрихъ объявляетъ себя врагомъ Франціи. — Битва при Геризолѣ. — Вторженіе имперцевъ въ Шампань. — Договоръ въ Креспи. — Смерть Франциска.

Францискъ I, внукъ графа Ангулемскаго, третьяго сына герцога Орлеанскаго, умерщвленнаго Іоанномъ Безстрашнымъ, вступилъ на престолъ двадцати лѣтъ; остроумный красавецъ, храбрый, ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, съ рыцарскими, романическими понятіями о чести, имѣвшими роковое вліяніе на всю его жизнь, — «это былъ король, говоритъ Баярдъ, при-

водящій въ восхищеніе все дворянство». Отпраздновавъ свое вступленіе на престолъ великолѣпными пиршествами, сильно истощившими казну, онъ сдѣлалъ конетаблемъ герцога Бурбонскаго, предоставилъ дѣла финансоваго управленія Буази и назначилъ министромъ юстиціи или хранителемъ печати Дюпра, перваго президента парижскаго парламента; но лице, сосредоточившее въ себѣ всю власть, была Луиза Савойская, мать короля, женщина тщеславная и завистливая, жаждущая нравиться и властвовать.

Франциськъ I, какъ супругъ Клодъ, дочери Людовика XII, изъявилъ, подобно своему тестю, притязанія на Миланъ, стремясь въ своемъ высокомѣріи отомстить итальянцамъ за тѣ униженія, которыми они подвергали французовъ въ Италіи. Вступивъ на престолъ, онъ началъ приготовляться къ войнѣ съ герцогомъ Сфорца, который въ то время могъ разсчитывать только на помощь швейцарцевъ, да на весьма сомнительное, ненадежное покровительство императора и короля Арагонскаго. Франциськъ возобновилъ миръ съ Генрихомъ VIII, королемъ англійскимъ, и союзъ съ венеціанцами, подчинилъ Геную своему владычеству, воспользовавшись интригами нѣсколькихъ граждань этой безпокойной республики; затѣмъ вступилъ въ переговоры противъ императора и короля Аррагонскаго съ внукомъ этого государя, Карломъ Австрійскимъ, которому онъ обѣщалъ руку второй дочери Людовика XII, обязуясь притомъ помочь ему со временемъ въ полученіи наслѣдства его дѣдовъ (1515 г. 24 марта).

При извѣстіи объ этихъ переговорахъ, священная лига въ лицѣ папы и императора рѣшилась поддерживать герцога Сфорца въ его владѣніяхъ; къ нимъ присоединились Фердинандъ Аррагонскій и швейцарцы.

Между тѣмъ въ Дофинѣ собралось французское войско, состоящее изъ 500 копьеносцевъ, 6,000 гасконскихъ пѣхотинцевъ, 4,000 французскихъ волонтеровъ и 8,000 ландскнехтовъ. Король, сдѣлавъ регентшею мать свою, отправился къ своему войску въ сопровожденіи коннетабля Бурбонскаго, герцоговъ Лотарингскаго, Вандомскаго, Алансонскаго и Гельдрскаго, маршаловъ Тривульціо и Шабаннь, Де-Ла-Тремуль, Баярда, Лотрека и другихъ.

Священная лига начала свои дѣйствія. Императоръ принималъ участіе въ союзѣ только одними обѣщаніями, но испанцы подъ предводительствомъ Кардонна уже отняли у французскихъ союзниковъ — венеціанцевъ Брешію, Верону и Виченцу; папская армія спѣшила соединиться съ ними; наконецъ герцогъ Сфорца отправилъ въ Піемонтъ 20,000 швейцарцевъ. Эти послѣдніе должны были подъ предводительствомъ Проспера Колонны за-

градить французамъ проходъ чрезъ Альпы и поэтому они расположились за горами, начиная отъ Монъ-Сени до Монъ-Женевра, занявъ такимъ образомъ единственные извѣстные въ то время проходы.

Французская армія рѣшилась обойти мѣстность, гдѣ расположились швейцарцы, избравъ себѣ путь черезъ горы, до сихъ поръ недоступныя. Она раздѣлилась на три корпуса, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ отрядовъ, назначенныхъ для внезапныхъ нападеній на проходы Монъ-Сени и Монъ-Женевръ, занятые Швейцарцами. Центръ французской арміи отправился изъ Кера, на Дюрансъ черезъ горное ущелье д'Аньело, пробираясь по южному склону Монъ-Визо узкой тропинкою, мало извѣстной самымъ отважнымъ охотникамъ; на эти-то высоты солдаты должны были поднять съ невѣроятными усиліями семьдесятъ два орудія (1515 г. 10 августа); эта часть войска шла въ Солюсъ; правое крыло, выйдя изъ Барселонеты, направилось черезъ Аржантьерское ущелье къ Демонту; лѣвое, выступивъ изъ Бріансона, шло черезъ Сестрирское ущелье къ Вилла-Франка; такъ какъ эта часть арміи находилась ближе чѣмъ другія къ швейцарскому войску, то ей и удалось захватить въ этомъ городѣ ихъ предводителя и сдѣлать его своимъ плѣнникомъ (15 августа).

Этотъ удивительный переходъ французовъ черезъ Альпы навелъ ужасъ на Италію. Швейцарцы начали отступать къ Милану; папская армія остановилась въ Моденѣ; Кардоннъ, тѣснимый Альвіано, предводителемъ венеціанцевъ, отступилъ къ Піаченцѣ. Французы быстро приближались, они не остановились въ Миланѣ, а шли прямо противъ швейцарцевъ, которые, отступая къ Піаченцѣ, надѣялись соединиться тамъ съ своими союзниками; французы вступили съ ними въ переговоры, обѣщая имъ, если они выведутъ свои войска изъ герцогства, 700,000 экю вознагражденія и пожизненный пенсіонъ герцогу Сфорца. Договоръ былъ заключенъ, и въ то время, какъ швейцарцы намѣревались отступать по дорогѣ къ Симплону, съ Альпійскихъ горъ спустилось до 20,000 новаго войска, состоящаго также изъ швейцарцевъ, подъ предводительствомъ кардинала Сіона; солдаты, пришедшіе сюда въ надеждѣ воспользоваться всѣми выгодами побѣды, уговорили своихъ соотечественниковъ нарушить договоръ и присоединиться къ нимъ; такимъ образомъ составилось войско въ 35,000 человѣкъ, которое немедленно взялось за оружіе. Французы дошли уже до Маленіано, или Мариньяно, надѣясь соединиться здѣсь съ венеціанцами и отдѣлить швейцарцевъ отъ папской и испанской арміи. Дѣйствительно Альвіано, прибывъ въ Лоди, не допускалъ Кардонна, стоявшаго на правомъ берегу По, начать военныя дѣйствія; швейцарцы же, видя себя отрѣзанными отъ своихъ союзниковъ, удалились въ

Миланъ Переговоры начались снова, и Францискъ, будучи увѣренъ; что они окончатся въ его пользу, выбралъ весьма невыгодную позицію для своей арміи, именно близъ Мариньяно; между тѣмъ швейцарцы, подстрекаемые кардиналомъ Сіономъ, внезапно вышли изъ Милана и быстро направились къ французскому лагерю, идя по узкой и длинной плотинѣ, устроенной между двумя болотами. Французы, пораженные этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, готовы были отразить враговъ, но конетабль настаивалъ на отступленіи; тогда король вскричалъ: «я рѣшусь скорѣе сражаться съ ними одинъ, чѣмъ отступить передъ этими мужиками». Французскіе конные латники по пятисотъ въ рядъ начали сильную атаку противъ приближающейся колонны швейцарцевъ, не будучи въ состояніи остановить ее: напрасно артиллерія обстрѣливала ее со всѣхъ сторонъ, напрасно ландскнехты, имѣя во главѣ своей блестящее дворянство, дѣлали нападенія на флангъ непріятеля — швейцарцы продолжали идти съ опущенными пиками, смыкая ряды свои по мѣрѣ того, какъ пушечные выстрѣлы вырывали изъ этихъ рядовъ свои жертвы; скоро они овладѣли первыми французскими батареями. Только ночь заставила ихъ остановиться. Такъ какъ во время битвы оба войска переступили черезъ рвы, раздѣлявшіе ихъ, то тѣла убитыхъ швейцарцевъ и французовъ перемѣшались во время ночи, и самъ король заснулъ на пушкѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятельскаго баталіона. Съ разсвѣтомъ битва возобновилась, конетабль собралъ свое войско и, составивъ отличный планъ атаки, сдѣлалъ нападеніе. Швейцарцы были отражены. Услышавъ крики венеціанцевъ, шедшихъ всю ночь, чтобы принять участіе въ сраженіи, они немедленно отступили, но въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, оставивъ на полѣ битвы 12,000 убитыхъ. Сфорца заперся въ Миланѣ, но вскорѣ долженъ былъ подписать капитуляцію, по которой уступалъ свое герцогство Франциску; самъ же онъ былъ отправленъ во Францію, гдѣ и умеръ. Слухъ о побѣдѣ французовъ при Мариньяно разнесся повсюду, даже враги превозносили ихъ храбрость; побѣда эта, стоившая побѣдителю такъ дорого (изъ войска выбыло 6,000 человѣкъ), положила конецъ военному могуществу швейцарцевъ. Францискъ началъ съ этихъ поръ безусловно вѣрить въ свой военный геній и свои способности и считалъ себя первымъ государемъ во всей Европѣ, такъ какъ онъ покорилъ тѣхъ, которыхъ называли «усмирителями государей».

Лига была побѣждена и французы снова господствовали въ Италіи. Францискъ, для того чтобы упрочить тамъ свое вліяніе, старался пріобрѣсти дружбу папы и швейцарцевъ, такъ какъ первый былъ главою, а вторые главными двигателями лиги. Левъ X, который считалъ свое дѣло погибшимъ, долженъ былъ

уступить Парму и Піаченцу, а владѣніе Флоренціею король утвердилъ за фамиліею Медичи. Швейцарцы заключили съ Францискомъ договоръ, по которому Франція могла набирать въ ихъ рядахъ войско, уплачивая имъ 700,000 экю, и этотъ договоръ, называемый вѣчнымъ миромъ, существовалъ до уничтоженія французской монархіи. Врагами Франциска оставались только Фердинандъ и Максимиліанъ. Въ силу условія, заключеннаго съ Кардонномъ, испанское войско возвратилось въ Неаполь. Что же касается Максимиліана, который являлся всегда слишкомъ поздно, то онъ вторгнулся въ венеціанскія владѣнія, когда Францискъ I уже возвратился во Францію (1511 г. мартъ). Конетабль, оставшійся для охраненія герцогства, отступилъ сначала передъ императорскимъ войскомъ, составленнымъ изъ авантюристовъ; но къ нему пришли на помощь 10,000 швейцарцевъ, которые заставили своихъ соотечественниковъ дезертировать изъ арміи Максимиліана; самъ же онъ, боясь измѣны, постыдно бѣжалъ.

Вскорѣ послѣ этого умеръ Фердинандъ Католикъ, оставивъ своему внуку королевства: Аррагонское, Неаполитанское, Сицилію и Сардинію, — богатое наслѣдство, для полученія котораго Карлу предстояло не мало затрудненій; поэтому-то, вмѣсто того, чтобы слѣдовать совѣтамъ Максимиліана и продолжать войну, онъ старался пріобрѣсти дружбу Франциска. Французскій король ни мало не безпокоился о томъ, какая масса владѣній доставалась Карлу, и, движимый скорѣе великодушіемъ, чѣмъ благоразуміемъ, онъ охотно заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ. Карлъ долженъ былъ вступить въ бракъ съ дочерью Франциска и обѣщалъ удовлетворить требованіямъ Жана д'Альбре относительно Наварры. Максимиліанъ принялъ эти условія; онъ возвратилъ Венеціи всѣ ея владѣнія; но эта республика, потерявшая свое прежнее значеніе, не могла болѣе быть оплотомъ для Италіи и служить интересамъ Франціи. Наконецъ всѣ эти переговоры кончились условіемъ, сдѣланнымъ съ Англіею, по которому она обязывалась возвратить Франціи Турне за сумму 600,000 кронъ.

Европа наслаждалась миромъ. Францискъ I, гордый своей побѣдой при Мариньяно, своимъ преобладающимъ вліяніемъ на Италію, своимъ протекторатомъ во владѣніяхъ Карла Австрійскаго, думалъ только о празднествахъ, любви, турнирахъ, щедро раздавая милости и деньги. Онъ воображалъ себя великимъ королемъ: все твердило ему объ этомъ, все склонялось передъ нимъ. Ни одному государю въ Европѣ не оказывали такого повиновенія; о сопротивленіи и непокорности феодаловъ не было и рѣчи; и если бы религіозная реформа не явилась пробудить затихшую на время оппозицію и напомнить дворянамъ о преж-

немъ ихъ могуществѣ, то безъ всякаго сомнѣнія неограниченная монархія утвердилась бы во Франціи сама собою, безъ всякихъ усилій. Францискъ I и Людовикъ XIV, отдѣленные другъ отъ друга религіозной революціей, были весьма сходны въ своихъ принципахъ. Одинъ хвалился тѣмъ, что поставилъ королевскую власть внѣ чьей бы то ни было зависимости; другой говорилъ: «государство—это я!»

Францискъ предоставилъ всѣ дѣла управленія государствомъ матери своей, а она въ свою очередь передала эту власть министру Дюпра, «одному изъ самыхъ порочныхъ людей, какіе когда-либо существовали». Дюпра своимъ самовластіемъ, неуваженіемъ законовъ, несправедливыми рѣшеніями, стѣснительными налогами, которые онъ безпрестанно придумывалъ, сдѣлался предметомъ народной ненависти. Впродолженіе своего двадцатилѣтняго управленія, будучи первымъ человѣкомъ въ государствѣ, смѣлый до крайности, онъ преслѣдовалъ всю жизнь свою двѣ цѣли: первою изъ нихъ было усиленіе королевской власти, второю — общественное обогащеніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ министровъ, которые, не будучи любимы своими государями, дѣлаются для нихъ необходимыми, какъ люди, охраняющіе ихъ права; это былъ человѣкъ неутомимой дѣятельности, но деспотическаго, жестокаго характера, хладнокровно выслушивающій жалобы подданныхъ своего короля, безропотно и смѣло встрѣчающій всѣ государственные перевороты, — это былъ Ришелье своего вѣка, не обладающій, однако, величіемъ и достоинствами кардинала.

Самыми непопулярными дѣйствіями этого министра были: продажа судебныхъ должностей и конкордатъ.

Такъ какъ предшественники Франциска I вели постоянно тяжелыя внѣшнія войны и вмѣстѣ съ тѣмъ окружали себя пышнымъ дворомъ, то обыкновенныхъ правильныхъ налоговъ было недостаточно для прикрытія всѣхъ расходовъ и поэтому уже Людовикъ XII придумывалъ различныя средства для пріобрѣтенія денегъ; между прочимъ онъ закладывалъ свои домены и учредилъ новыя судебныя должности, которыя потомъ продавалъ, получая отъ покупателей задатки, уплачиваемые изъ налоговъ. Францискъ I сдѣлалъ изъ этого послѣдняго средства, — которое предшественникъ его не переставалъ считать незаконнымъ и разорительнымъ, — неистощимый источникъ доходовъ. Въ началѣ своего царствованія, для того чтобы имѣть средства вести войну съ Швейцарцами, онъ учредилъ въ парижскомъ парламентѣ новую палату, состоящую изъ двадцати совѣтниковъ, мѣста которыхъ можно было получать за деньги. Парламентъ выказалъ при-этомъ энергическое сопротивленіе, говоря, что «оцѣнивать правосудіе на вѣсъ золота значитъ унижать и

оскорблять его», и затѣмъ внесъ это постановленіе въ свой протоколъ, только съ оговоркой: «таковъ былъ именной приказъ короля, повторяемый много разъ».

Образованіе новыхъ должностей однако состоялось, не смотря на стѣснительныя условія, предлагаемыя парламентомъ во время принятія новыхъ судей; было удвоено также число судебныхъ приставовъ, прокуроровъ, актуаріусовъ; во Франціи явилось множество чиновниковъ, безкорыстіе которыхъ было весьма сомнительно такъ какъ они, будучи на жалованьѣ у правительства, были вмѣстѣ съ тѣмъ освобождены отъ народныхъ повинностей. Это было страшное зло, противъ котораго повсюду раздавались жалобы. Между тѣмъ эти должности дѣлались въ рукахъ покупателей собственностью, которую можно было продать и передать кому вздумается, и вслѣдствіе этого судебныя палаты пріобрѣтали все болѣе и болѣе независимости, въ нихъ развился духъ оппозиціи, возстававшій противъ королевскаго деспотизма, что особенно обнаружилось въ дѣлѣ конкордата.

По заключеніи мира, Францискъ I имѣлъ съ папою свиданье въ Болоньѣ, и тамъ при посредствѣ канцлера было подписано условіе, уничтожавшее прагматическую санкцію (1516 г. 18 августа). Папа далъ французскому королю право распоряжаться духовными должностями, уничтоживъ всѣ прежнія отношенія, существующія между галликанскою церковью и папскимъ судилищемъ, какъ напр. право преемничества, духовной іерархіи, аппеляціи и др.; король же отказался отъ періодическаго созыванія соборовъ, предоставивъ папѣ право аннатъ или денежныхъ сборовъ.

Было, однако, необходимо, чтобы эта постыдная сдѣлка, гдѣ оба государя уступали другъ другу то, чѣмъ они не вправѣ были распоряжаться, получила утвержденіе на Латеранскомъ соборѣ и была одобрена парижскимъ парламентомъ. Соборъ былъ ничтожнымъ подражаніемъ великихъ средневѣковыхъ соборовъ; составленный только изъ итальянскихъ прелатовъ, слѣпо повиновавшихся папскимъ повелѣніямъ, онъ принялъ конкордатъ безъ разсужденій и окончилъ свои пренія въ 1517 г. 16 марта. Но во Франціи раздался крикъ негодованія противъ роковаго договора, по которому галликанская церковь отдавалась во власть монарха.

Духовенство, ученыя корпораціи, парламентъ — все протестовало противъ этого произвола. Король потребовалъ, чтобы дѣло было отдано на разсмотрѣніе парламента, который, послѣ двѣнадцати засѣданій, объявилъ, что не можетъ внести этого договора въ свой протоколъ и согласиться на конкордатъ и на уничтоженіе прагматической санкціи.

Францискъ, страшно раздраженный этимъ сопротивленіемъ, оскорбилъ судей и всѣхъ присутствующихъ въ парламентѣ.

«Скоро увидятъ, сказалъ онъ между прочимъ, что король Франціи управляетъ ею неограниченно; я никогда не потерплю въ своемъ государствѣ такого учрежденія, какъ сенатъ въ Венеціи». Духовенство пришло въ ужасъ. Было отдано приказаніе читать общественныя молитвы, какъ это дѣлалось во времена народныхъ бѣдствій; парламентъ сопротивлялся желанію короля впродолженіе года. Гоненія возобновились; заключали въ тюрьмы членовъ университета; жизнь самыхъ энергичныхъ совѣтниковъ парламента была въ опасности, — боялись за существованіе самого парламента, который въ послѣдній разъ возсталъ противъ насилія и подалъ аппеляцію въ общій совѣтъ, объявивъ, что никогда не уклонится отъ священныхъ постановленій прагматической санкціи, но наконецъ, уступая силѣ и необходимости, долженъ былъ внести конкордатъ въ свой протоколъ (1518 г. мартъ).

Не смотря на это, парламентъ, поддерживаемый всею націею, не переставалъ сожалѣть объ уничтоженіи прагматической санкціи и даже продолжалъ считать ее не совсѣмъ отмѣненной. Король, отчаяваясь побѣдить это упорство, отстранилъ совершенно парламентъ отъ участія въ управленіи духовными дѣлами, предоставивъ ихъ въ 1527 г. вѣдѣнію своего верховнаго совѣта. Долго еще произносились публично молитвы объ уничтоженіи конкордата; требовали возстановленія духовныхъ выборовъ на Тридентскомъ соборѣ; потомъ требованіе это было повторяемо на сеймѣ въ 1579 г., затѣмъ народными собраніями 1581, 1583, 1595, 1605, 1606 гг., но безъ всякаго успѣха, и конкордатъ, «по которому короли Франціи, говоритъ Боссюэтъ, приняли на свою совѣсть тяжелое бремя и отвѣтственность за душевное спасеніе своихъ подданныхъ, существовалъ до конца монархіи».

Короли располагали такимъ образомъ безъ всякаго насилія духовными имуществами, которыя составляли треть имуществъ всего королевства; они воспользовались этимъ правомъ, какъ средствомъ самаго непростительнаго подкупа; обращая эти имущества въ коменды или духовныя должности и награждая ими своихъ придворныхъ, военачальниковъ и любимцевъ; эти же въ свою очередь, пользуясь доходами, предоставляли исполненіе духовныхъ обязанностей священникамъ, обыкновенно закупленнымъ и недостойнымъ своего сана. Распущенность нравовъ и наглость прелатовъ, невѣжество и развратъ монаховъ достигли высшей степени. Въ то время, говоритъ кардиналъ Белларменъ, нечего было искать совѣстливости и справедливости въ духовныхъ судахъ, сдержанности и чистоты нравовъ среди духовенства, пониманія и добросовѣстнаго исполненія духовныхъ обязанностей, уваженія къ священнымъ предметамъ, такъ какъ религіи въ то время почти-что вовсе не было.

Въ 1519 году умеръ императоръ Максимиліанъ. Онъ сильно желалъ обезпечить за своимъ внукомъ императорскую корону, но, будучи самъ императоромъ по избранію или королемъ римскимъ, онъ не могъ назначить себѣ при жизни преемника, притомъ Карлъ Австрійскій, какъ Неаполитанскій король, не имѣлъ права домогаться императорскаго сана вслѣдствіе постановленія, изданнаго папой со времени паденія династіи Гогенштауфеновъ; наконецъ у него являлся опасный соперникъ въ лицѣ Франциска I, который въ своихъ романическихъ мечтаніяхъ видѣлъ уже себя императоромъ и задумывалъ подражать во всемъ Карлу Великому.

Австрійскій домъ далъ Германіи шесть императоровъ, а три послѣдніе царствовали впродолженіе 80 лѣтъ послѣдовательно одинъ за другимъ. Германія, которой угрожала опасность сдѣлаться наслѣдственной монархіей, склонялась къ избранію государя германской національности, но вмѣстѣ съ тѣмъ она нуждалась въ государѣ сильномъ и могущественномъ, способномъ отразить Турокъ, которые въ это время дѣлали нападенія на Венгрію. Наслѣдственныя владѣнія Карла въ Австріи были болѣе другихъ подвержены этимъ нападеніямъ Оттомановъ; съ землею же невѣрныхъ граничили принадлежащія ему Италія и Испанія, двѣ самыя могущественныя морскія державы того времени; онъ былъ членомъ Священной Имперіи, какъ владѣтель Австріи, Тироля и частью Нидерландовъ; наконецъ, какъ ни обширны были его владѣнія, но они не были сплочены въ одно цѣлое, а находились въ разныхъ частяхъ Европы, и главное изъ нихъ, королевство Испанія, лежало далеко отъ Германіи.

Но Карлъ родился во Фландріи, говорилъ по-французски, не имѣлъ никакого понятія о Германіи и былъ извѣстенъ только своею жестокостью. Что же касается Франциска I, то онъ былъ первый изъ французскихъ королей, выказавшій притязаніе на императорскую корону; царствуя въ государствѣ сосѣднемъ и враждебномъ Германіи, онъ принадлежалъ священной имперіи только какъ герцогъ Милана и какъ владѣтель маленькаго королевства Арль, но онъ былъ опасенъ для Германіи своею военной славой и деспотическимъ характеромъ. Трудно предположить, говорили курфирсты и принцы избиратели, чтобы онъ оставилъ Германіи ея свободу, когда мы видимъ, что во Франціи, гдѣ было нѣкогда столько могущественныхъ сюзереновъ, охранявшихъ законъ и свободу, теперь не осталось ни одного, который не трепеталъ бы передъ королемъ».

Вся Европа приняла участіе въ дѣлѣ и бранія и раздѣлилась на два лагеря. Оба соперника употребляли не совсѣмъ-то честныя средства, чтобы склонить на свою сторону избирателей. Францискъ наложилъ на свое государство большія подати «для

того, чтобы сдѣлаться императоромъ», и раздавалъ открыто деньги съ возмутительной расточительностью. Карлъ двинулъ свою армію къ Франкфурту. Между тѣмъ курфирсты подали голоса въ пользу Фридриха Саксонскаго. Покровитель и защитникъ Лютера, предвидя смуты, которыя должна была произвести религіозная реформа въ Германіи, отказался отъ имперіи, совѣтуя избрать Карла, который и былъ наконецъ избранъ 5 іюня 1519 года.

Неудача Франциска была большимъ счастіемъ для Франціи. Если бы король ея сдѣлался императоромъ, то не задумался бы принести ее въ жертву своимъ интересамъ, не жалѣлъ бы ни жизни своихъ подданныхъ, ни казны для того, чтобы вести войны, льстящія его честолюбію. Онъ не постыдился бы унизить свою наслѣдственную корону для того, чтобы возвеличить корону Цезарей; трудно было ожидать, чтобы онъ заботился о сохраненіи первенства Франціи, такъ ревниво охраняемаго его предшественниками отъ притязаній германскихъ императоровъ. Испанія съ неудовольствіемъ узнала объ избраніи Карла: она предвидѣла, и не безъ основанія, что ее принесутъ въ жертву интересамъ Германіи, какъ это уже было сдѣлано относительно Нидерландовъ и Италіи; и дѣйствительно, находясь подъ владычествомъ Австрійскаго дома, она достигла могущества и величія, которыя однако купила дорогою цѣною и за которыя ей приходится до сихъ поръ расплачиваться.

Однако Карлъ V, властитель Германіи, Испаніи, Италіи и Нидерландовъ, угрожалъ въ своемъ могуществѣ независимости Европы. Владѣнія Карла Великаго соединились вновь въ рукахъ человѣка дѣятельнаго, хитраго и честолюбиваго. Франціи предстояло отстоять свободу запада, и вотъ она начинаетъ дѣйствовать и бороться безъ устали впродолженіе 140 лѣтъ, отнимая одну за одной короны, сосредоточившіяся до сихъ поръ въ Австрійскомъ домѣ, которому судьба такъ долго благопріятствовала. Политика, которою Франція руководилась въ этой борьбѣ, была весьма простая; она указывалась ей географическимъ положеніемъ страны, равно какъ интересами и славой Франціи, — потому Францискъ тотчасъ же и избралъ ее и слѣдовалъ ей неуклонно; притомъ онъ желалъ отомстить своему сопернику за оскорбленіе, нанесенное его честолюбію. Но борьба эта, повидимому неравная, такъ какъ король французскій не имѣлъ блестящихъ способностей Карла и былъ гораздо слабѣе его въ политическомъ отношеніи, положила, однако, предѣлъ расширенію австрійскаго дома и окончилась черезъ сто лѣтъ полнымъ торжествомъ для Франціи.

Причинъ къ раздору было довольно у обоихъ соперниковъ. Францискъ требовалъ для себя возвращенія Неаполя и королев-

ства Наваррскаго для Жана д'Альбре. Карлъ выставлялъ свои права на Бургундію и Миланъ. Оба старались пріобрѣсти союзниковъ и приготовились къ войнѣ.

Англія, которая едва успокоилась отъ внутреннихъ волненій, спѣшила принять участіе въ войнахъ, происходившихъ на континентѣ; ея молодой король, обѣщавшій ей счастливое, славное царствованіе, казалось, былъ предназначенъ поддерживать равновѣсіе между силами императора и короля французскаго. «Кого я защищаю, тотъ и будетъ властелиномъ», таковъ былъ девизъ его. Оба соперника старались пріобрѣсти дружбу страстнаго, гордаго, прихотливаго Генриха, равно какъ и министра его Вольсею, который управлялъ государствомъ почти съ неограниченною властью. Карлъ, отправляясь изъ Италіи въ Германію, высадился на берегахъ Англіи. Онъ посѣтилъ Генриха, стараясь своими льстивыми рѣчами склонить его на свою сторону и обѣщая Вольсею папскую тіару. Францискъ, въ свою очередь, имѣлъ свиданіе съ англійскимъ королемъ среди поля, которое получило названіе «Drap d'or», между Гинь и Ардръ.

Оба монарха, окруженные блестящею свитой, поражали самою безразсудною пышностью и великолѣпіемъ и разстались, выказавъ другъ другу глубокое уваженіе и дружбу (1520). Но за всѣми этими празднествами не послѣдовало никакихъ переговоровъ, и Генрихъ на возвратномъ пути нашелъ въ Гравелинѣ Карла, который вышелъ къ нему навстрѣчу и возобновилъ съ англійскимъ королемъ дружественныя отношенія и обѣщанія помогать другъ другу.

Оба соперника старались пріобрѣсти расположеніе папы. Левъ X сильно хлопоталъ о возобновленіи войны, онъ заботился, подобно Юлію II, только о расширеніи Церковной Области и домогался пріобрѣсти Феррару, Парму и Піаченцу. Колеблясь долго между двумя соперниками, онъ велъ переговоры и съ тѣмъ и съ другимъ: сначала съ Францискомъ, чтобы раздѣлить съ нимъ Неаполитанское королевство, а потомъ съ Карломъ, чтобы пріобрѣсти часть Милана. Его прямой политикой было стать на сторону Франціи, но онъ нуждался и въ помощи императора для прекращенія смутъ въ Германіи, «и боялся Карла не безъ причины, такъ какъ у послѣдняго всегда было для него готово, говоритъ Веттори, сильное орудіе мести—ученіе Лютера.» Такъ послѣ постановленія Вормскаго сейма, направленнаго противъ Лютера, папа заключилъ съ Карломъ оборонительный и наступательный союзъ съ условіемъ возстановить герцога Сфорца въ его владѣніяхъ, присоединить Парму, Піаченцу и Феррару къ Церковной Области и образовать для Медичи новое государство въ Италіи.

Пока совершался этотъ договоръ въ Наваррѣ и Люксамбургѣ, начались военныя дѣйствія. Францискъ позволилъ сиру де-Леспарру вторгнуться въ королевство Наваррское и безпощадно опустошать его. Знаменитый Хименесъ, для предупрежденія возмущеній дворянства, упразднилъ всѣ крѣпости въ этомъ государствѣ, и французы весьма легко завоевали его и устремились къ границамъ Старой Кастиліи. Тамъ происходила борьба между аристократіей и кастильскими общинами; обѣ враждебныя партіи, хладнокровно смотрѣвшія на завоеваніе Наварры, соединились въ одно войско при появленіи чужеземцевъ въ Кастиліи, разбили враговъ и прогнали ихъ за Пиренеи (1521 г. 30 іюня).

Въ то же самое время Робертъ де ла-Маркъ, герцогъ Бульонскій, который не могъ простить императору какой-то въ отношеніи его несправедливости, передался французскому королю со всѣми крѣпостями и, написавъ Карлу вызовъ, напалъ на Люксамбургъ.

Графъ Нассаускій пошелъ противъ него, овладѣлъ его герцогствомъ и получилъ отъ императора приказаніе напасть на Шампань. Война была начата, и оба государя обвиняли другъ друга въ нарушеніи мира.

Францискъ нисколько не приготовлялся къ борьбѣ. Казна его была истощена пирами и празднествами, расточительностію и страшными издержками во время свиданія съ Генрихомъ VIII; города были дурно укрѣплены, на границахъ не было гарнизоновъ, войска были малочисленны. Онъ второпяхъ посѣтилъ Пикардію и Бургундію, досталъ денегъ продажею судебныхъ должностей, сдѣлалъ заемъ въ 200,000 ливровъ въ Парижской ратушѣ, собралъ ландскнехтовъ и Швейцарцевъ и велѣлъ 20,000 войску, подъ предводительствомъ герцога Алансонскаго, перейти границу Шампани. Карлъ былъ въ Брюсселѣ. Узнавъ о распоряженіяхъ Франциска, онъ вскричалъ: «Благодарю Бога и за то, что король французскій хочетъ еще усилить мое могущество, потому что въ скоромъ времени или я буду самымъ ничтожнымъ императоромъ, или онъ будетъ самымъ ничтожнымъ королемъ».

Герцогъ Алансонскій отступилъ передъ графомъ Нассаускимъ, пришедшимъ осаждать Мезьеръ. Монморанси и Баярдъ поспѣшили на помощь этой крѣпости, лишенной гарнизона и слабо укрѣпленной, они храбро выдержали натискъ имперцевъ и дали время французскому войску отбросить осаждающихъ. Сюда же явился Францискъ съ своимъ блестящимъ дворянствомъ и Швейцарцами, настигъ имперцевъ между Камбре и Валансіенъ, но отказался сдѣлать на нихъ нападеніе. «Если бы Францискъ вступилъ здѣсь въ сраженіе съ императорскимъ войскомъ», говоритъ Дюбеле, «то Карлъ лишился бы въ этотъ день и славы и всѣхъ

военныхъ трофеевъ»; самъ онъ находился въ Валансьенѣ, предаваясь сильному отчаянію, и уже ночью удалился во Фландрію въ сопровожденіи небольшаго отряда, состоящаго изъ сотни всадниковъ. Король овладѣлъ Гееденомъ и привелъ свое войско въ Аміень.

Францискъ назначилъ правителемъ Милана Лотрека, брата графини Шатобріанъ; это былъ человѣкъ храбрый, но суровый и неспособный къ управленію. Полагали, что число лицъ, изгнанныхъ имъ изъ Милана, равнялось числу оставшихся. Онъ съ нелѣпой настойчивостью преслѣдовалъ Гвельфовъ; не получая изъ Франціи денегъ, онъ позволялъ своимъ солдатамъ разорять страну и дѣлать незаконные поборы, поэтому, когда папское войско, подъ предводительствомъ Пескера, явилось подъ стѣнами города, то жители совершенно были готовы къ возмущенію. Лотрекъ, зная, какъ легкомысленны и безпечны люди, стоящіе во главѣ управленія во Франціи, самъ отправился въ Парижъ и просилъ дать ему 400,000 ливровъ для уплаты жалованья солдатамъ, объявляя, что въ противномъ случаѣ Миланъ будетъ потерянъ для Франціи. Повѣривъ слову короля, который обѣщалъ ему, что деньги будутъ посланы и что онъ получитъ ихъ по прибытіи въ Миланъ. Лотрекъ уѣхалъ, но онъ не получилъ обѣщаннаго и принужденъ былъ употребить насильственныя мѣры для новыхъ налоговъ и удвоить строгость для поддержанія дисциплины въ войскѣ.

Между тѣмъ папская армія осаждала Парму. Лотрекъ освободилъ этотъ городъ, но, узнавъ о пораженіи Швейцарцевъ, началъ приготовляться къ оборонѣ; онъ позволилъ непріятелю перейти По и Адду и заперся въ Миланѣ. Здѣсь онъ былъ застигнутъ врасплохъ Пескеромъ, который заставилъ его бѣжать и искать убѣжища въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Левъ X, присоединивъ Парму и Піаченцу къ Папской Области, умеръ чрезъ нѣсколько дней послѣ своего торжества, отъ сильной радости, какъ говорили одни, или отъ яда, какъ предполагали другіе. Папская армія разсѣялась, и Лотрекъ могъ бы снова овладѣть герцогствомъ, если бы у него было достаточно денегъ и войска.

Весною, получивъ подкрѣпленіе, состоящее изъ 10,000 швейцарцевъ, онъ соединился съ венеціанской арміей, перешелъ черезъ Адду и грозилъ напасть на Миланъ. Принужденный отступить отъ этого города, онъ овладѣлъ Наваррой и направился къ Монза, чтобы приблизиться къ границамъ Швейцаріи, надѣясь получить въ Арона посланныя ему изъ Франціи деньги. Но имперцы пошли ему навстрѣчу и въ четырехъ верстахъ отъ Милана укрѣпились въ замкѣ Ла Бикокъ, выбравъ себѣ выгодную позицію, защищенную сильной артиллеріей. Лотрекъ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи, солдаты его, не получавшіе впро-

долженіе 18 мѣсяцевъ жалованья, бунтовались; Венеціанцы не хотѣли вести войны, которая не представляла для нихъ никакой выгоды. Швейцарцы, утомленные безпрестанными переходами, просили или дать сраженіе, или отпустить ихъ на родину. Лотрекъ вынужденъ былъ напасть на замокъ. Онъ сдѣлалъ весьма искусныя приготовленія къ нападенію, но Швейцарцы разстроили всѣ его планы: они бросились по дорогѣ, ведущей къ замку и защищенной пушками, и были принуждены отступить, не причинивъ никакого вреда непріятелю; раздраженные неудачей, они удалились въ свои горы, не спросивъ даже на это позволенія. Венеціанцы направились также къ своимъ границамъ; Французы должны были вывести войска изъ всѣхъ крѣпостей и съ этихъ поръ лишились навсегда Милана.

Тогда въ Кале собрался конгрессъ съ цѣлію примирить императора съ королемъ при посредничествѣ Англіи: но онъ не имѣлъ никакого результата. Генрихъ VIII, котораго французскій король уговаривалъ стать на его сторону, обвинилъ Франциска, говоря, что онъ первый началъ непріязненныя дѣйствія, и самъ объявилъ ему войну (29 мая). Генрихъ и Карлъ обязались каждый съ своей стороны послать войско на границы Пикардіи и Пиренеевъ, но походъ этотъ не имѣлъ никакихъ важныхъ послѣдствій.

Лотрекъ возвратился во Францію; онъ жаловался на затруднительныя обстоятельства, въ которыя поставило его правительство; тогда узнали, что королева мать, изъ ненависти къ этому генералу, оставляла у себя деньги, предназначенныя ему. Главноуправляющій финансами Санблансе (Samblancey) показалъ записки, полученныя отъ нея, и открылъ такимъ образомъ эту безчестную продѣлку; но онъ былъ наказанъ за свою смѣлость. Герцогиня вмѣстѣ съ Дюпра начала съ нимъ процессъ, который окончился присужденіемъ Санблансе къ висѣлицѣ (1527 г.).

Въ то время, какъ государственное управленіе во Франціи находилось въ рукахъ своекорыстныхъ и недобросовѣстныхъ людей, Францискъ I окружалъ себя ничтожными фаворитами, интриганами, мало заботясь о предстоящей борьбѣ; между тѣмъ судьба въ лицѣ Карла посылала ему опаснаго соперника. Этотъ государь, не обладая геніальными способностями, отличался неутомимой дѣятельностію, осторожностію, разсчетливостію и необыкновеннымъ умѣньемъ выбирать искусныхъ полководцевъ и великихъ министровъ. Карлъ V, которому пришлось преодолѣть столько трудностей при вступленіи на престолъ, теперь утвердилъ совершенно свою власть. Его доброта, обходительность, привязанность къ народнымъ обычаямъ, расположили въ его пользу Испанцевъ, и страна эта служила ему постепенно главнымъ источникомъ доходовъ и богатствъ. Притомъ онъ возвелъ на

папскій престолъ своего наставника Адріана VI (1522 г. 9 января), отличавшагося добродѣтелями и мирными наклонностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознававшаго необходимость церковной реформы; однако благія намѣренія этого папы не могли быть приведены въ исполненіе, потому что, какъ онъ самъ говорилъ, «бываютъ эпохи, когда лучшіе изъ людей, не будучи въ состояніи противостоять силѣ обстоятельствъ, должны признать себя побѣжденными». Въ Генуѣ у Карла была преданная ему партія, которая съ помощью своего войска изгнала французовъ, избрала новаго дожа, ставшаго подъ защиту императора. Затѣмъ онъ возбудилъ негодованіе Венеціи противъ безпечности и легкомыслія Франциска, который постоянно подвергалъ эту республику всѣмъ случайностямъ войны, и такимъ образомъ Карлъ Пятый лишилъ Францію этой послѣдней ея союзницы (1523 г. 8 августа).

Могущественный союзъ образовался противъ Франціи; во главѣ его стояли папа съ императоромъ; къ нимъ присоединились король англійскій, Фердинандъ, эрцгерцогъ австрійскій, Венеція, Флоренція, Генуя и другія государства. Просперъ Колонна назначенъ былъ генералиссимусомъ союзныхъ войскъ. Франціи приходилось теперь, какъ при Людовикѣ XII, защищаться отъ нападеній всей Европы.

Близость опасности пробудила всю энергію Франциска I. Дофине и Провансъ были защищены Савойей, сохранявшей нейтралитетъ; Бургундію охраняла провинція Конте, часть Шампани охранялась Лотарингіею; только границы Пикардіи и Пиреней были открыты непріятелю, но здѣсь союзныя войска уже потерпѣли неудачу. Король собирался направить главныя силы своей арміи противъ Италіи. Между тѣмъ онъ не измѣнялъ своего образа жизни, не прекращалъ безумныхъ издержекъ, не платилъ солдатамъ жалованья, позволяя имъ грабить государство и, предоставивъ своей матери дѣла управленія, давалъ ей возможность дѣйствовать по своему произволу. Ко всѣмъ неурядицамъ, волновавшимъ Францію, присоединилась еще измѣна одного изъ могущественныхъ вассаловъ—герцога Бурбонскаго.

Карлъ III, графъ Монпасье, черезъ свой бракъ съ Сюзанной, единственной дочерью Анны Божё и Піерра II, герцога Бурбонскаго, соединилъ въ одно наслѣдственныя владѣнія этой фамиліи; ему принадлежали: ла-Маршъ, де-Бурбоне, Овернь, де-Форе, Божоле и другія мелкія области. Людовикъ XI никогда не думалъ объ уничтоженіи Бурбонскаго дома, такъ какъ онъ отличался всегда покорностью и преданностью династіи Валуа, и король еще болѣе привязалъ его къ себѣ, отдавъ въ замужество дочь свою Анну сиру де-Божё. Карлъ VIII и Людовикъ XII всегда оказывали расположеніе Бурбонамъ; но Франциску I, достигшему почти неограниченной власти и окружавшему себя

раболѣпными придворными и льстецами, сильно хотѣлось избавиться отъ этого могущественнаго вассала.

Герцогъ Карлъ отличался храбростью, гражданскими доблестями, знаніемъ военнаго дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ страшно вспыльчивъ, высокомѣренъ и мстителенъ; онъ презиралъ дворъ Франциска, его фаворитовъ, его мать, точно также какъ тѣ въ свою очередь ненавидѣли его, завидуя его славѣ и могуществу. Сюзанна умерла, сдѣлавши мужа единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ своихъ владѣній (1521 г.). Луиза Савойская вздумала тогда вступить въ бракъ съ коннетаблемъ, но, оскорбленная его отказомъ, рѣшилась погубить его, и вмѣстѣ съ Дюпра начала обдумывать планъ мщенія; сначала она хотѣла разорить его, оспаривая у него наслѣдство, какъ внучатая племянница обоихъ Бурбоновъ; король же съ своей стороны требовалъ конфискаціи наслѣдственныхъ владѣній этой фамиліи въ пользу государства. Тяжба была перенесена для обсужденія въ парламентъ, который рѣшилъ конфисковать половину имущества герцога Бурбонскаго и отдать ее королю, а тотъ передалъ ее своей матери. Карлъ, воспитанный въ феодальныхъ понятіяхъ, думалъ больше о потерѣ своего наслѣдства, чѣмъ о родинѣ, и рѣшился отомстить за обиду и оскорбленіе, призвавъ иноземцевъ во Францію. Для этого онъ вступилъ въ сношенія съ императоромъ и англійскимъ королемъ и раздѣлъ Франціи былъ уже рѣшенъ между ними. Карлъ Бурбонъ долженъ былъ получить Дофине и Провансъ и, присоединивъ ихъ къ своимъ прежнимъ владѣніямъ, возстановить древнее королевство Арль; Карлу V достались бы Бургундія, Шампань и Пикардія, а Генриху VIII все, что когда-то принадлежало Плантагенетамъ. Самое названіе Франціи должно было исчезнуть съ политической карты Европы. Никогда еще владѣтельный вассалъ не замышлялъ подобнаго преступленія и никакая королевская несправедливость или неблагодарность не могла служить ему извиненіемъ. Король, ничего не подозрѣвавшій, дѣятельно приготовлялся къ войнѣ. Онъ уже послалъ 20,000 войска по дорогѣ къ Альпамъ и отправился вслѣдъ за нимъ, чтобы стать во главѣ своей арміи; но, узнавъ о заговорѣ коннетабля, онъ поѣхалъ къ нему въ Муленъ, гдѣ взялъ съ него честное слово въ томъ, что онъ не далъ никакого обѣщанія императору. Измѣнникъ не задумался дать ему это слово, увѣряя, что не замедлитъ послѣдовать за своимъ королемъ, а самъ между тѣмъ тайно бѣжалъ на югъ; тутъ онъ велъ впродолженіе двухъ мѣсяцевъ скитальческую жизнь и явился наконецъ въ Италію, гдѣ былъ весьма холодно принятъ Карломъ V, такъ какъ онъ пришелъ къ нему не принцемъ, предводителемъ сильнаго войска, а одинокимъ изгнанникомъ, предлагавшимъ свои услуги.

Со временъ Людовика XI, когда попытки къ возмущенію были довольно часты, хотя ни одна изъ нихъ не была заклеймена названіемъ измѣны, произошелъ замѣтный переворотъ въ понятіяхъ и мнѣніяхъ самого дворянства и во всей Франціи раздался единодушный крикъ негодованія противъ вѣроломнаго герцога. Однако Францискъ былъ сильно встревоженъ; говорили, что большая часть дворянства принимала участіе въ заговорѣ; онъ видѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами. Двѣнадцать тысячъ ландскнехтовъ вступили въ Бургундію; они должны были соединиться съ войсками герцога Бурбонскаго и заградить Франциску возвращеніе изъ Италіи; въ это же самое время непріятельская армія вторгнулась въ Пикардію и перешла Пиренеи. Нападеніе ландскнехтовъ не имѣло успѣха по случаю бѣгства коннетабля; въ Пиренеяхъ испанцы овладѣли Фуентарабіею, но потерпѣли неудачу при осадѣ Байонны; въ Пикардію же вступило войско, состоящее изъ 20,000 пѣхоты и 6,000 конницы (1524 г. январь). Ла-Тремуль, который управлялъ этой провинціей, имѣлъ такъ мало войска, говоритъ Дибеле, что принужденъ былъ всякій разъ, послѣ того какъ непріятель уходилъ изъ какой нибудь крѣпости, выводить французскій гарнизонъ и идти съ нимъ отстаивать другое укрѣпленіе. Тѣмъ не менѣе онъ выказалъ упорное сопротивленіе, хотя и не могъ помѣшать непріятелю идти на Оазъ, находившійся въ одиннадцати лье отъ Парижа. Король, который въ это время былъ въ Ліонѣ, послалъ къ нему на помощь своихъ конныхъ латниковъ. Англичане, опасаясь, что французская армія окружитъ ихъ со всѣхъ сторонъ, удалились изъ Пикардіи.

Такимъ образомъ, сверхъ всякаго ожиданія, Бургундія, Гіень и Пикардія освободились отъ враговъ, и измѣна коннетабля не имѣла никакихъ пагубныхъ послѣдствій; но, ожидая со всѣхъ сторонъ нападеній, Францискъ опасался оставить Францію и поэтому поручилъ командованіе итальянской арміею Боннье, человѣку безъ всякихъ правилъ и способностей, который превосходилъ своего властелина пороками и былъ любимцемъ Луизы Савойской. Эта армія, состоящая изъ 18,000 конницы и 30,000 пѣхоты, перешла Альпы (1523 г. сентябрь), но она такъ медленно направлялась къ Милану, что дала время Пескеру собрать 25,000 войска и укрѣпить городъ. Бонньe терялъ время въ безполезныхъ стычкахъ, утомлявшихъ армію; потомъ онъ расположился въ Тессинскомъ кантонѣ; между тѣмъ войско Пескера усилилось присоединеніемъ къ нему венеціанцевъ и 6,000 волонтеровъ, приведенныхъ Карломъ Бурбономъ и вооруженныхъ на его счетъ. Пескеръ, видя превосходство своихъ силъ, перешелъ Тессино и хотѣлъ запереть французовъ въ Италіи, завладѣвъ Верселемъ (Verceil). Бонньe, въ ожиданіи швей-

царцевъ, шедшихъ къ нему на помощь, отступилъ къ Наваррѣ, такъ какъ сюда должны были прійти къ нему на помощь 10,000 швейцарцевъ; но эти послѣдніе, дойдя до Гаттинары, отказались идти далѣе, и Бониве принужденъ былъ самъ отправиться къ нимъ на встрѣчу; перейдя Сезіо близъ Раманіано и соединившись съ швейцарцами, онъ направился къ Ивре, намѣреваясь перейдти Альпы. Имперцы бросились преслѣдовать французское войско, заставляя его постепенно отбиваться отъ ихъ нападеній. Бониве сталъ въ арьергардѣ; онъ былъ сильно раненъ и передалъ командованіе войскомъ Баярду. «Рыцарь безъ страха и упрека» въ свою очередь былъ смертельно раненъ и умеръ три часа спустя *). Наконецъ французская армія перешла Альпы; всѣ крѣпости, занятыя французами, сдались непріятелю, и Францискъ вновь лишился Италіи.

Папа Адріанъ VI умеръ (1523 г. 14 сентября) и Юлій Медичи, двоюродный братъ Льва X, глава флорентинской республики, наслѣдовалъ ему подъ именемъ Климента VII; умный и сдержанный, новый первосвященникъ римскій хотѣлъ освободить папскую власть отъ зависимости императора. Вмѣстѣ съ Венеціею и Флоренціею онъ побуждалъ Карла V окончить войну, не имѣющую теперь никакой цѣли, такъ какъ французы были изгнаны изъ Италіи. Но герцогъ Бурбонскій, думая только о мщеніи, увѣрялъ императора, что онъ можетъ черезъ Дофине и Провансъ проникнуть въ свои прежнія владѣнія и произвести возмущеніе въ срединѣ Франціи. И дѣйствительно, сопровождаемый Пескеромъ, онъ направился къ Вару и вступилъ въ Провансъ съ 15,000 пѣхоты и 600 конницы.

Городъ Э и большая часть приморскихъ городовъ сдались непріятелю, но Марсель геройски защищилась и принудила имперцевъ къ отступленію. Францискъ самъ явился на помощь Провансу съ большимъ войскомъ, сильной артиллеріей и запасомъ денегъ. Впродолженіе 40 дней Бурбонъ съ своею арміею опустошалъ Провансъ и наконецъ принужденъ былъ удалиться; онъ направился черезъ Ниццу въ Генную, на всемъ пути постоянно тревожимый нападеніями Шабанна и Монморанси. Францискъ, видя безпорядочное отступленіе своихъ враговъ, вздумалъ возвратить Миланъ. Не смотря на увѣщанія и совѣты старыхъ и

---

*) Герцогъ Бурбонскій, увидя Баярда, лежащаго подъ деревомъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ непріятелю, сказалъ, что ему душевно жаль видѣть такого доблестнаго и добродѣтельнаго рыцаря въ столь горестномъ положеніи. «Сиръ», отвѣчалъ ему Баярдъ, «не жалѣйте меня, вѣдь я умираю честною смертію и сожалѣю о васъ, измѣнившемъ своему государю, своей родинѣ и своей присягѣ».

опытныхъ генераловъ, онъ оставилъ регентство матери и направился черезъ Альпы въ Италію, надѣясь прибыть въ Миланъ прежде имперцевъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ сдѣлалъ такой изумительно быстрый переходъ, что вошелъ въ Версель въ то время, какъ Пескеръ находился еще въ Танаро съ войскомъ, страшно измученнымъ и впавшимъ въ уныніе, не имѣя ни денегъ, ни продовольствія. Французскій авангардъ прибылъ въ Миланъ, гдѣ свирѣпствовала чума. Имперское войско пришло въ совершенное разстройство; солдаты бросали оружіе и бѣжали, ища убѣжища за рѣкой Аддой. Пескеръ оставилъ около 6,000 человѣкъ въ Павіи подъ начальствомъ Антуана де Лейва, а самъ удалился въ Лоди и укрѣпилъ этотъ городъ, въ то время какъ Карлъ Бурбонъ спѣшилъ въ Германію собрать войско. Императоръ оставлялъ своихъ генераловъ безъ денегъ, и потому они принуждены были употреблять для продовольствія своей арміи самыя постыдныя средства. Если бы Францискъ въ это время захотѣлъ преслѣдовать имперцевъ, то навѣрно уничтожилъ бы ихъ окончательно, снова нашелъ бы себѣ союзниковъ въ Венеціи и Флоренціи и произвелъ бы возмущеніе въ Неаполѣ; но онъ считалъ нужнымъ владѣть всѣми укрѣпленіями и началъ осаждать Павію, имѣя 2,000 конницы и 24,000 пѣхоты. Никогда еще не находился онъ въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ уже вся Италія склонялась на его сторону. Папа, Венеція и Флоренція объявили себя нейтральными; Генрихъ VIII, недовольный избраніемъ Климента VII, не предпринималъ ничего рѣшительнаго; гарнизонъ, находящійся въ Павіи, нуждался въ продовольствіи и боевыхъ снарядахъ и роппталъ противъ распоряженій своего военачальника. Францискъ такъ разсчитывалъ на близкое господство въ Италіи, что отдѣлилъ отъ своего войска 10,000 человѣкъ для покоренія королевства Неаполитанскаго.

Пескеръ долго не начиналъ военныхъ дѣйствій; онъ усмирилъ своихъ солдатъ, обѣщая имъ богатую добычу, и усилилъ свое войско, присоединивъ къ нему 12,000 волонтеровъ, пришедшихъ изъ Германіи для того, чтобы имѣть возможность грабить непріятельскія земли. Пескеръ, видя превосходство своихъ силъ передъ силами враговъ, поспѣшилъ на освобожденіе Павіи. При извѣстіи о движеніи императорскаго войска, опытные французскіе военачальники совѣтовали снять осаду съ города и поспѣшить выбрать выгодную позицію для предстоящей битвы, думая, что въ такомъ случаѣ императорская армія разсѣется, не вступая въ бой, или что ее легко будетъ тогда побѣдить, сражаясь среди мѣстности, перерѣзанной каналами вплоть отъ Милана до Павіи. Но Бонне и другіе любимцы и приближенные Франциска говорили, что «король французскій никогда не от-

ступаетъ передъ своими врагами и не измѣняетъ своихъ плановъ по ихъ прихоти». Рѣшено было ожидать непріятеля на лѣвомъ берегу Тессино; правый флангъ арміи примыкалъ къ рѣкѣ, лѣвый — къ парку Миребель, фронтъ же былъ защищенъ рвомъ и валомъ. Впродолженіе мѣсяца обѣ арміи, состоящія каждая изъ 15,000 пѣхоты и 1,500 человѣкъ конницы, не предпринимали ничего рѣшительнаго. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ Пескеръ проникъ въ паркъ Миребель, надѣясь вытѣснить французовъ изъ ихъ укрѣпленій, но авангардъ его нашелъ ихъ готовыми къ битвѣ и подъ прикрытіемъ сильной артиллеріи и потому потерпѣлъ страшное пораженіе. Центръ же его арміи и арьергардъ подверглись въ свою очередь убійственному огню артиллерійскихъ орудій; по приказанію своего генерала они старались какъ можно скорѣе перейти пространство, отдѣляющее ихъ отъ холма, гдѣ находились французы. Францискъ вскричалъ: «они бѣгутъ, стрѣляйте въ бѣглецовъ», и съ этими словами король со своею свитою, рыцарями и конными латниками стремительно вышелъ изъ рядовъ и, проѣхавъ мимо своихъ орудій, принужденныхъ прекратить пальбу, бросился въ атаку. Но испанское войско, пришедшее въ порядокъ, храбро встрѣтило нападеніе блестящей французской конницы; затѣмъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ ландскнехтовъ и швейцарцевъ и отсутствіемъ самой лучшей части французскаго войска, напали на правое крыло непріятеля, гдѣ находились швейцарцы, которые, устрашенные этимъ непредвидѣннымъ нападеніемъ, обратились въ бѣгство; ландскнехты выказали болѣе храбрости и сопротивленія, но были всѣ уничтожены; арьергардъ, подъ предводительствомъ герцога Алансонскаго, зятя короля (онъ былъ женатъ на сестрѣ Франциска, Маргаритѣ), бѣжалъ безъ боя съ поля сраженія. Тогда король и его конные латники увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Бонне, считая себя причиною этого страшнаго пораженія, самъ сталъ искать смерти и былъ убитъ. Ла Тремуль, Ла Палисъ, Санъ Северино и многіе другіе старые генералы Людовика XII погибли, сражаясь возлѣ короля. Францискъ пустилъ своего коня въ галопъ, надѣясь избѣгнуть преслѣдованія и достигнуть Тессино; но какой-то испанскій фузелеръ настигъ его и сбросилъ въ ровъ; множество всадниковъ окружили короля, которому грозила неминуемая смерть. Но тутъ французскій дворянинъ Покниеранъ, измѣнившій Франциску вмѣстѣ съ коннетаблемъ, узналъ короля и освободилъ его изъ рукъ солдатъ. Ланнуа, вице-король Неаполитанскій, явился на мѣсто дѣйствія, и Францискъ отдалъ ему свою шпагу. Битва при Павіи длилась только часъ, а убійства — цѣлый день. 8,000 французовъ легли на мѣстѣ, имперцы потеряли всего 700 человѣкъ. Уцѣлѣвшая

часть побѣжденной арміи разсѣялась и черезъ 15 дней послѣ сраженія ни одного француза не осталось въ Ломбардіи.

Франдискъ былъ отведенъ въ крѣпость Пицигеттоне (Pizzighettone). Находясь въ заключеніи, онъ не выказалъ твердости, соотвѣтствующей его высокомѣрію, и написалъ Карлу V самое покорное письмо: «Если вы будете», писалъ онъ, «столь справедливы и милостивы и позволите плѣннику вашему, королю французскому, надѣяться на полную безопасность, то пріобрѣтете въ немъ вѣчно преданнаго вамъ раба, а не несчастнаго, ни на что неспособнаго узника». Плѣнный король думалъ, что для него уже все погибло и разсчитывалъ только на великодушіе побѣдителя. Онъ написалъ также своей матери самое пустое, незначительное письмо, о которомъ можно упомянуть только потому, что придворные историки передѣлали изъ него одно выраженіе, сдѣлавшееся популярнымъ: «все погибло, кромѣ чести». Вотъ начало этого письма: «Извѣщая васъ о моемъ несчастіи, я скажу вамъ, что изъ всего, чѣмъ я до сихъ поръ обладалъ, у меня ничего не осталось кромѣ чести и жизни».

Битва при Павіи навела ужасъ на Францію. Эти итальянскія войны, которыя предпринимались повидимому изъ личныхъ интересовъ короля, заставляли теперь опасаться за цѣлость государства; конечно, въ сущности, были затрачены только огромныя суммы денегъ, потому что границы королевства оставались неприкосновенными; разбитая же армія состояла большею частію изъ наемниковъ. Но въ деспотическое царствованіе Франциска I вся Франція была тамъ, гдѣ былъ ея король; народъ боялся, что для выкупа изъ плѣна его властелина у него потребуютъ большихъ жертвъ; наконецъ, въ виду угрожающей опасности, народъ не зналъ, кому вручить судьбу свою. Дворянство было недовольно и роптало; буржуазія изнемогала подъ тяжестію налоговъ; духовенство было встревожено реформой Лютера. Не осталось ни одного принца крови; регентшею была ничтожная, безнравственная женщина, первымъ министромъ — человѣкъ, котораго народъ обвинялъ во всѣхъ несчастіяхъ, постигшихъ Францію.

Плѣнъ Франциска заставилъ союзниковъ императора понять всю несостоятельность ихъ политики, слѣдуя которой, они допустили уничтожить единственнаго защитника интересовъ Европы противъ усиливающагося преобладанія австрійскаго дома. Они приняли участіе въ спасеніи и независимости Франціи, какъ въ своемъ собственномъ, обѣщали регентшѣ помогать ей сохранять нейтралитетъ и убѣждали ее быть твердой и непреклонной, такъ какъ они боялись, что она, для возвращенія свободы своему сыну, согласится на условія, которыя послужатъ къ порабощенію Европы.

Луиза Савойская и канцлеръ Франціи своими дѣятельными, разумными переговорами содѣйствовали перевороту, совершившемуся въ европейской политикѣ. Первый изъ государей, открыто отказавшійся отъ союза съ императоромъ, былъ Генрихъ VIII, склоненный къ этому кардиналомъ Уэльсе; онъ подписалъ съ регентшей условіе, обѣщая сохранять нейтралитетъ, но требуя отъ Луизы Савойской не раздроблять Франціи и не дѣлать невыгодныхъ для государства уступокъ для освобожденія изъ плѣна короля. Итальянскія государства послѣдовали его примѣру: они видѣли, что имъ угрожаетъ побѣдоносная армія, совершенно распущенная, состоящая изъ преступниковъ и разбойниковъ, живущихъ только грабежемъ, и болѣе повинующаяся своимъ предводителямъ, чѣмъ императору; папа, Венеція, Флоренція и швейцарцы составили вмѣстѣ съ Генрихомъ VIII союзъ, съ цѣлью освободить французскаго короля изъ плѣна и возвратить Италіи ея независимость. Даже герцогъ Сфорца, видя, какъ имперцы разоряли его герцогство, примкнулъ тайно къ этому союзу съ условіемъ, что ему будутъ возвращены его владѣнія. Наконецъ регентша и самъ король стали вести тайные переговоры съ Турціею «и по ихъ просьбѣ», говоритъ турецкій историкъ, «падишахъ, движимый состраданіемъ, обѣщалъ сдѣлать нападеніе на Венгрію».

Раздоры предводителей, недостатокъ денежныхъ средствъ, неповиновеніе и безпорядокъ въ войскѣ уменьшили побѣдоносную армію; одна часть ея была распущена, другая разсѣялась сама собою. Ланнуа, опасаясь враждебныхъ намѣреній Пескера и Бурбона относительно его царственнаго плѣнника, рѣшился перевести его въ Испанію, гдѣ находился императоръ. Францискъ желалъ самъ этого перемѣщенія; онъ надѣялся при свиданіи съ своимъ побѣдителемъ склонить послѣдняго къ болѣе умѣреннымъ условіямъ и далъ приказаніе французскому флоту, крейсировавшему въ Средиземномъ морѣ, возвратиться въ свои гавани. Онъ сѣлъ на корабль въ Генуѣ и по прибытіи въ Испанію былъ отвезенъ въ Мадридъ. Карлъ, принявшій извѣстіе о побѣдѣ съ притворнымъ смиреніемъ, былъ однако въ душѣ ослѣпленъ своимъ счастіемъ, стоившимъ ему такъ много усилій. Онъ считалъ Францію погибшей безвозвратно и хотѣлъ воспользоваться своей побѣдой, не щадя побѣжденной. Онъ такъ грубо обошелся съ своимъ плѣнникомъ, что тотъ опасно заболѣлъ; онъ употреблялъ коварные и тиранническіе способы для того, чтобы заставить Франциска согласиться на постыдный для него миръ. Французскій король, доведенный до отчаянія, уже имѣлъ намѣреніе отказаться отъ престола въ пользу своего сына для того, чтобы лишить Карла V возможности воспользоваться безвыходнымъ положеніемъ своего плѣнника; однако онъ не на-

ставалъ на своемъ благородномъ намѣреніи и, видя, что Карлъ упорствуетъ въ своихъ требованіяхъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о союзѣ итальянскихъ государствъ, онъ рѣшился подписать условія, которыя императоръ предлагалъ ему, втайнѣ протестуя противъ насилія, которому его подвергали и которое налагало на него печать такого ничтожества.

По этому договору (1526 г. 14 января) Францискъ уступалъ Карлу Бургундію, отказывался отъ Неаполя, Милана, Генуи, отъ господства во Фландріи и Артуа; онъ обязывался возстановить Бурбона въ его владѣніяхъ, заставить Генриха д'Альбре отказаться отъ Наварры, обѣщалъ вступить въ бракъ со вдовствующей королевой Португальской, сестрой императора и оставлялъ своихъ сыновей заложниками; наконецъ онъ согласился на послѣднее униженіе — обязуясь доставить императору флотъ и армію, когда онъ отправится въ Римъ для коронованія, равно какъ и принимать участіе въ войнѣ, которую Карлъ намѣревался начать противъ турокъ и еретиковъ.

Францискъ, возвратившись во Францію (18 марта), подтвердилъ условія, заключенныя его матерью съ Генрихомъ VIII, увѣдомилъ папу о своей готовности пожертвовать всѣмъ для независимости Италіи и объявилъ, что считаетъ Мадридскій договоръ недѣйствительнымъ, вынужденнымъ у него силою и противнымъ желаніямъ Франціи. Между тѣмъ Ланнуа явился къ королю, требуя отъ имени императора исполненія данныхъ обѣщаній и договора. Въ Коньякѣ (Cognac) собрался совѣтъ, состоящій изъ важнѣйшихъ сановниковъ, которые въ присутствіи Ланнуа объявили, что король не имѣлъ права уступать фрацузскія провинціи своимъ врагамъ. Депутаты Бургундіи, принимавшіе участіе въ этомъ собраніи, протестовали противъ уступокъ, сдѣланныхъ королемъ, говоря, что они не желаютъ отдѣлиться отъ Франціи и что они готовы, съ оружіемъ въ рукахъ, сопротивляться постановленіямъ мадридскаго договора.

Король, думая, что достаточно было исполнить эту церемонію, чтобы оправдать себя въ нарушеніи даннаго слова, заключилъ союзъ съ папой, Венеціей, Сфорцой (22 мая). Итальянскіе союзники обязывались снарядить войско, которому король обѣщалъ платить жалованье; съ помощію этого войска надѣялись возстановить Сфорцу въ его владѣніяхъ и завоевать Неаполь. Генрихъ VIII былъ объявленъ протекторомъ этой лиги, Климентъ VII былъ ея двигателемъ, онъ мечталъ сдѣлать папскую власть независимой, возвратясь къ естественной, простой политикѣ, которой слѣдовали его предшественники, а именно — къ союзу съ Франціей; это было смѣлое рѣшеніе, которое погубило его. Никогда Италія не стремилась такъ единодушно къ войнѣ; эта прекрасная страна, разоряемая впродолженіе стольких лѣтъ

чужеземными войсками, думала, что наступила наконецъ минута возвратить утраченную свободу и независимость. «Въ этотъ разъ, говоритъ Джиберто, министръ Климента VII, дѣло идетъ не о ничтожномъ мщеніи, не о чьей нибудь поруганной чести, не о спасеніи одного города; нѣтъ, эта война должна рѣшить судьбу Италіи, ей предстоитъ или освобожденіе отъ ига, или рабство. Вся слава въ этомъ дѣлѣ будетъ принадлежать только намъ».

Минута для освобожденія была самая благопріятная. Францискъ оставилъ всѣ свои планы относительно завоеванія итальянскаго полуострова; надо было думать только объ изгнаніи оттуда императора. Карлъ V, замѣчая, что во всѣхъ владѣніяхъ его готовятся къ возмущенію, въ то время какъ ему нужно было бороться съ Турками, нападавшими на Венгрію, и зная, что половина Европы возстала противъ него, сильно встревожился и раскаялся въ своихъ политическихъ ошибкахъ; но судьба, всегда благопріятствующая австрійскому дому, и въ этотъ разъ помогла ему. Всѣ надѣялись, что Францискъ выкажетъ всю свою энергію и дѣятельность для того, чтобы отомстить за свое пораженіе; но онъ думалъ только объ удовольствіяхъ, совершенно подчинившись вліянію новой фаворитки, герцогини д'Етампъ; дѣла управленія находились въ странномъ безпорядкѣ; государство было обременено налогами; народъ роптадъ. Парламентъ старался своими увѣщаніями успокоить его, но король запретилъ судейскому сословію вмѣшиваться въ государственныя дѣла; онъ усмирилъ народный ропотъ, начавъ преслѣдованія противъ чиновниковъ финансоваго управленія. Францискъ думалъ устрашить Карла итальянской лигой и заставить его, пожертвовавъ при этомъ своими союзниками, заключить миръ на выгодныхъ для Франціи условіяхъ; поэтому онъ довольствовался тѣмъ, что послалъ въ Италію 4,000 ч. войска, предоставивъ итальянскимъ государствамъ однимъ бороться противъ императора. Тогда-то обнаружилась вся слабость этой Италіи, раздробленной на мелкія государства, гдѣ господствовала полная анархія и гдѣ владычествовали иноземцы. Война шла медленно; армія союзниковъ подъ начальствомъ герцога Урбино, превосходя императорское войско численностію, дѣлала на каждомъ шагу ошибки. Миланъ былъ взятъ Испанцами и отданъ на разграбленіе солдатамъ, которые разоряли его впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Сфорца, осажденный въ замкѣ, сдался на капитуляцію. Итальянцы были въ отчаяніи и роптали на бездѣйствіе Французовъ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, писалъ французскій посланникъ, что впродолженіе двухъ мѣсяцевъ Франція не оказала никакого содѣйствія къ освобожденію Италіи, между тѣмъ какъ папа и Венеціанцы затратили такъ много денегъ и

поставили себя въ самое непріятное положеніе. Лига замедлила свои дѣйствія; союзники боялись жертвовать собою для государя, такого щедраго на обѣщанія, но который среди удовольствій скоро забывалъ о дѣлѣ, близко касающемся его.

Между тѣмъ императорская армія увеличивалась. Ланнуа высадился въ Гаэтѣ съ 7,000 человѣкъ и преградилъ путь папскому войску, которое вошло въ Неаполитанское королевство; французскій флотъ, который подошелъ къ Неаполю, не приносилъ никакой пользы союзникамъ, такъ какъ онъ производилъ грабежи по берегамъ государства. Георгъ Фрюндсбергъ, предводитель волонтеровъ, привелъ изъ Германіи до 15,000 лютеранъ, отъявленныхъ враговъ папы, собиравшихся даже повѣсить его, и страстныхъ приверженцевъ Бурбона, котораго они считали героемъ. Онъ прошелъ съ ними черезъ Мантую, не будучи остановленъ на своемъ пути герцогомъ Урбино, и присоединился около Требіи къ Бурбону. Этотъ послѣдній не зналъ, что дѣлать съ своимъ войскомъ: онъ не въ состояніи былъ платить жалованье солдатамъ, распустить же ихъ значило отдать во власть врагу; онъ и такъ съ трудомъ вывелъ ихъ изъ Милана, гдѣ они предавались всевозможнымъ излишествамъ, убійствамъ и грабежу. Видя себя во главѣ 30,000 отчаянныхъ удальцовъ, онъ рѣшился идти съ ними въ землю, еще не разоренную войною, гдѣ имъ можно будетъ привольно жить на счетъ жителей; поэтому онъ направился къ Церковной Области, разсчитывая осадить Римъ и нанести этимъ страшный ударъ лигѣ и лишить навсегда папу его притязаній на независимость. Папа, окруженный съ одной стороны войскомъ Ланнау, а съ другой— Бурбономъ, пришелъ въ ужасъ; онъ поспѣшилъ заключить перемиріе съ Ланнау и распустилъ свою армію. Но Бурбонъ уже явился въ Болонью, увлекаемый своими солдатами, которые грабили и разоряли все на пути и къ которымъ присоединялись всѣ итальянскіе авантюристы; онъ не обратилъ вниманія на перемиріе, заключенное Ланнау, и продолжалъ подвигаться къ Риму, не встрѣчая никакихъ препятствій. Герцогъ Урбино отступилъ къ Тосканѣ для того, чтобы защищать Флоренцію. Бурбонъ подступилъ къ вѣчному городу съ 40,000 войскомъ. Онъ долго не рѣшался привести въ исполненіе свой святотатственный замыселъ, но его солдаты - мятежники и грабители заставили его пойдти на приступъ, и при первыхъ выстрѣлахъ онъ былъ убитъ. Войско его устремилось въ городъ (1527 г. 6 мая). Никогда еще побѣдители не злоупотребляли такъ своею силой; убитыхъ было мало: «не убиваютъ», говоритъ Веттори, «тѣхъ, которые не защищаются; но какъ грабятъ, какъ разоряютъ этотъ городъ, заключающій въ себѣ столько богатствъ, столько произведеній искусства!» и это длилось не день, а цѣлые де-

сять мѣсяцевъ. Каждый домъ былъ разграбленъ, каждая семья предана истязаніямъ съ какой-то варварской послѣдовательностью; это былъ новый способъ опустошенія, примѣръ которому былъ поданъ испанцами въ Миланѣ. Лютеране заставляли кардиналовъ давать за себя выкупъ, предавали священниковъ пыткѣ и на шутовскомъ конклавѣ провозгласили Лютера папой. Герцогъ Урбино, какъ трусъ, или можетъ быть измѣнникъ, не сдѣлалъ ничего для освобожденія города; папа, находившійся въ замкѣ Св. Ангела, сдался на капитуляцію; Церковная Область была приведена въ страшное разстройство. Имперцы, венеціанцы и герцогъ Урбино воспользовались этимъ растройствомъ и присвоивали себѣ, что могли, флорентинцы изгнали Медичи.

Вся Европа пришла въ ужасъ и негодованіе при извѣстіи о разграбленіи Рима. Императоръ выразилъ также притворное сожалѣніе, однако, не велѣлъ своимъ солдатамъ прекратить грабежи. Онъ далъ приказаніе читать общественныя молитвы для освобожденія папы, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ на страшно тягостныхъ условіяхъ выкупа его изъ плѣна. Францискъ и Генрихъ собрали войска для спасенія папы и Италіи.

Францискъ собралъ 16 декабря совѣтъ, состоящій изъ важнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ государства, и спросилъ ихъ согласія относительно нарушенія мадридскаго договора; что, такъ какъ условія были вынуждены императоромъ, то король французскій не обязанъ выполнять ихъ, равно какъ и не обязанъ возвратиться въ плѣнъ; собраніе это предлагало Карлу V два милліона для выкупа папы изъ плѣна. Императоръ обвинялъ Франциска въ вѣроломствѣ, но тотъ отвѣчалъ ему вызовомъ на поединокъ въ открытомъ полѣ. Король-рыцарь видѣлъ какое-то величіе въ этой романической выходкѣ, которая послужила только къ увеличенію ненависти между этими двумя государями.

Между тѣмъ Лотрекъ вступилъ въ Италію съ довольно большимъ войскомъ, къ которому присоединились еще отряды флорентинцевъ, венеціанцевъ и войско герцога Сфорца; онъ овладѣлъ Павіей и направился къ Риму. Безпорядочная толпа авантюристовъ и разбойниковъ, разграбившихъ этотъ городъ, сильно уменьшилась вслѣдствіе всевозможныхъ излишествъ, которымъ предавались эти солдаты-грабители; часть ихъ удалилась подъ предводительствомъ принца Оранскаго въ Неаполитанское королевство. Лотрекъ осадилъ Неаполь, въ то же время генуэзскій флотъ подъ начальствомъ знаменитаго Доріа окружилъ городъ съ моря. Но войско Лотрека не получало жалованья; къ тому же чума производила въ немъ страшныя опустошенія. Доріа же, недовольный Францискомъ, стѣснявшимъ торговлю и свободу Генуи, жаждалъ возвратить своей родинѣ ея независимость; и притомъ, боясь попасться въ плѣнъ, сталъ подъ защиту импе-

ратора, затѣмъ отдѣлился отъ французовъ, снялъ осаду съ Неаполя и не допустилъ привоза продовольствій для войска Лотрека. Эта измѣна была смертельнымъ ударомъ для французовъ. Лотрекъ умеръ 16 августа, войско его должно было отступить, постоянно безпокоимое нападеніями испанцевъ; вскорѣ измученные голодомъ и болѣзнями, уцѣлѣвшіе отряды французовъ сдались на капитуляцію въ Аверсѣ. Доріа привелъ свой флотъ въ Генуя, прогналъ французскій гарнизонъ, но отказался стать во главѣ своего государства, которому далъ республиканское устройство, существовавшее до 1797 г.

Другая часть французской арміи, посланная въ Италію во время осады Неаполя, находилась подъ начальствомъ графа С. Поля; она была остановлена въ Ломбардіи Антуаномъ де-Лейва, почему и не могла присоединиться къ войску Лотрека. Постоянные побѣги солдатъ, недостатокъ денегъ и неспособность военачальника уменьшили ее на половину; остальная часть, настигнутая Лейвой въ Ландріано, была разбита и разсѣяна (21 іюня).

Всѣ государства Европы были истощены этими нескончаемыми войнами: можно было еще найдти авантюристовъ, готовыхъ драться, но нечѣмъ было платить этимъ свирѣпымъ и ненавистнымъ грабителямъ. Италія была страшно разорена. Францискъ тяготился войною, въ которой на его долю достались только униженія и бѣдствія. Карлъ страшился лишиться тѣхъ выгодъ, которыя судьба посылала ему; счастіе дѣйствительно баловало его: такъ у него были прекрасныя войска, которымъ онъ не платилъ жалованья, онъ выигрывалъ блестящія побѣды — противъ всякаго ожиданія, онъ бралъ города, о которыхъ никогда не думалъ. Всѣ желали мира. И вотъ въ Камбре начались переговоры между Луизой Савойской и Маргеритой Австрійской и тутъ эти двѣ принцессы безъ всякихъ свидѣтелей и помощи подписали условія мира (1529 г. 5 августа).

Условія, заключенныя въ Камбре, были только нѣкоторымъ измѣненіемъ Мадридскаго договора. Бургундія оставалась за Франціею, которая утрачивала право господства во Фландріи и Артуа; король отказывался отъ Милана, Генуи и Неаполя; обязывался выплатить два милліона экю за свое освобожденіе изъ плѣна; вступить въ бракъ съ сестрою императора; отдѣлиться отъ своихъ итальянскихъ союзниковъ, обѣщая заставить ихъ подчиниться Карлу, и наконецъ долженъ былъ возвратить наслѣдникамъ Бурбона ихъ владѣнія *). Этотъ договоръ былъ од-

*) По приговору парламента въ 1527 году имущества и владѣнія Бурбона были конфискованы и одно изъ условій договора, заключеннаго въ Камбре, не было приведено въ исполненіе.

нимъ изъ самыхъ унизительныхъ для Франціи. Она лишалась, правда, только Италіи, но должна была уступить ее самому могущественному государю, обладавшему половиной Европы. Францискъ жертвовалъ всѣми тѣми, кто сражался за него, не заботясь о томъ, чтобы поручить ихъ милосердію побѣдителя; не было сдѣлано даже никакихъ условій относительно Венеціи, Флоренціи и Феррары. Франція пріобрѣла роковую извѣстность, но этимъ упрекомъ въ неблагодарности и вѣроломствѣ, не свойственнымъ этой націи, всегда такой великодушной и самоотверженной, она обязана своему королю Франциску, котораго придворные прославляли какъ образецъ честности и прямодушія. Король-рыцарь не постыдился протестовать втайнѣ противъ этихъ уступокъ, какъ будто здѣсь скорѣе чѣмъ въ Мадридѣ онъ не сдѣлалъ ихъ добровольно.

Договору въ Камбре предшествовало заключеніе мира между папой и императоромъ. Папа, чувствуя себя безсильнымъ и неспособнымъ отстоять независимость Италіи, смирялся передъ германскимъ императоромъ, поставляя все свое честолюбіе въ томъ, чтобы сохранить остатокъ своей духовной власти. Климентъ предоставлялъ своему побѣдителю право инвеституры въ Неаполѣ; Карлъ же возвращалъ папѣ его владѣнія съ условіемъ возстановленія Медичи во Флоренціи. Этотъ договоръ былъ началомъ подчиненія Италіи. Заключивъ миръ, императоръ сѣлъ на одну изъ галеръ, находившихся подъ начальствомъ Доріа, и отправился съ 30,000 арміею вступить во владѣніе Италіею, такъ легко уступленной ему его соперникомъ. Онъ высадился въ Генуѣ, имѣлъ свиданіе съ папой въ Болоньѣ и занялся прекращеніемъ смутъ и волненій на полуостровѣ. Спѣша возвратиться въ Германію, гдѣ турки осаждали Вѣну и гдѣ лютеранская партія угрожала ему своимъ усиливающимся могуществомъ, онъ милостиво обошелся съ покоренною страной, притомъ же лига, устрашенная и встревоженная, смирилась и положила оружіе. Сфорца были возвращены его владѣнія, но въ нихъ былъ оставленъ испанскій гарнизонъ и герцогство было обложено огромными налогами. Венеція возвратила свои завоеванія и заплатила военныя издержки; герцогъ Сфорца совершенно предался австрійскому дому, и Франція лишилась навсегда въ немъ союзника, охранявшаго границы Италіи; наконецъ Флоренція, издавна находившаяся въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ французскими королями, была отдана папѣ; она сопротивлялась впродолженіе десяти мѣсяцевъ императорской арміи и сдалась съ условіемъ сохраненія своей свободы и привилегій; но условія эти не были соблюдены, такъ какъ съ воцареніемъ Александра Медичи, перваго герцога Флоренціи, тутъ утвердилась самая гнусная, неслыханная тиранія. Тогда Карлъ короновался

въ Болоньѣ какъ императоръ и король Италіи и съ этихъ поръ онъ пользовался въ этой странѣ властію и могуществомъ, превосходящимъ могущество Карла Великаго и Оттона. Германія, или скорѣе австрійскій домъ, неограниченно господствовалъ на полуостровѣ. Франція отказалась отъ своего протектората, и можно сказать, что съ этихъ поръ Италія перестаетъ существовать какъ нація. Въ послѣдній разъ германскій государь входилъ въ итальянскій храмъ, чтобы получить изъ рукъ папы итальянскую корону. Не было болѣе коронованія для императоровъ, которые болѣе чѣмъ когда нибудь сдѣлались національными государями для Германіи и чужеземными властителями для Италіи и которые мало заботились о томъ, чтобы ихъ императорское достоинство было освящено духовною властью, сильно ослабѣвшей, довольствуясь титуломъ императоровъ по избранію.

Послѣ Аугсбургскаго сейма Карлъ V издалъ декретъ, по которому было строго воспрещено подданнымъ германскаго императора принимать ученіе Лютера и всѣмъ послѣдователямъ этого ученія грозила или смерть, или изгнаніе. Этотъ декретъ произвелъ сильное волненіе. Германскіе принцы протестанты, для защиты своихъ убѣжденій и правъ, составили оборонительный союзъ: это была знаменитая шмалькальденская лига, вслѣдствіе которой политическое единство Германіи было навсегда уничтожено, такъ какъ новое ученіе, пріобрѣтая приверженцевъ, пріобрѣтало и свое вліяніе, и свои законы, и свое войско. Оно немедленно выказало свою независимость, начавъ переговоры съ иноземными державами и прося помощи у Франціи и Англіи.

Францискъ сильно обрадовался, узнавъ о шмалькальденской лигѣ, такъ какъ это давало ему случай отомстить императору за всѣ униженія и оскорбленія, которымъ онъ подвергалъ его. Съ этихъ поръ онъ начерталъ свой планъ дѣйствій: ему слѣдовало оставаться въ душѣ католикомъ и казаться по наружности протестантомъ; этой двойственной политикѣ слѣдовали и его преемники, и она совершенно согласовалась съ національнымъ характеромъ французовъ.

Этотъ народъ такой живой и симпатичный, способный къ сильнымъ порывамъ, подобно всѣмъ жителямъ юга, и къ глубокимъ размышленіямъ, свойственнымъ жителямъ сѣвера, долженъ былъ съ одной стороны охранять католицизмъ, возстановивъ дисциплину среди своего духовенства; съ другой стороны заимствовать у реформаціи ея великій принципъ, который Франція выработала себѣ впродолженіе трехъ вѣковъ и посредствомъ котораго она до сихъ поръ двигаетъ всѣмъ міромъ. Францискъ, движимый оскорбленной гордостью, предугадалъ эту политику; онъ послалъ Дюбеле-Ланже къ шмалькальденскимъ

конфедератамъ и, не смотря на положительно высказанныя условія договора, заключеннаго въ Камбре, онъ велѣлъ передать имъ увѣренія въ своей готовности «помогать имъ, не щадя ничего»; наконецъ онъ взялъ лигу подъ свою защиту и послалъ ей субсидіи.

Соперникъ Карла V не остановился на этомъ; онъ возобновилъ сношенія съ турками. Союзъ его съ ними считался чѣмъ-то чудовищнымъ и святотатственнымъ, но онъ нисколько не подвергалъ Европу нашествіямъ турокъ, какъ говорили враги Франциска I. Въ самомъ дѣлѣ Франція, окруженная со всѣхъ сторонъ владѣтелями Австрійскаго дома, лишенная прежняго господства на Средиземномъ морѣ, должна была въ союзѣ съ новой державой искать средства къ поддержанію политическаго равновѣсія въ Европѣ. Вступить въ союзъ съ Турціей еще не значило измѣнить христіанскому дѣлу, потому что, не смотря на завоеванія турокъ и недавнее взятіе острова Родоса у рыцарей Св. Іоанна Іерусалимскаго, крестовые походы уже принесли свои плоды, и исламизмъ являлся слишкомъ поздно. Государственное устройство Запада было такъ просто, что онъ почувствовалъ себя непобѣдимымъ. Притомъ, двигателемъ тогдашней политики былъ одинъ личный интересъ, и большая часть государей нисколько не страшилась побѣдъ, одерживаемыхъ турками; зная, что ихъ всегда можно остановить во время, они думали только о выгодахъ, которыя имъ предстояло извлечь изъ возраставшаго могущества этихъ послѣднихъ пришлецовъ Европы.

Турецкимъ падишахомъ былъ въ это время Солиманъ, прозванный Завоевателемъ, Законодателемъ, Великолѣпнымъ. Онъ отвергъ союзъ, предлагаемый ему Карломъ V, но согласился на предложенія Франциска, сдѣланныя послѣ сраженія при Павіи, такъ какъ французскій король былъ врагомъ его личнаго врага. Слѣдуя своему обѣщанію, онъ два разъ нападалъ на Венгрію: въ первый разъ одержалъ побѣду надъ королемъ Людовикомъ II, послѣднимъ потомкомъ Ягеллоновъ, который погибъ въ сраженіи при Магачѣ (1526); во второй — онъ явился вмѣстѣ съ войскомъ Яна Заполія, воеводы Трансильванскаго, который оспаривалъ венгерскую корону у эрцгерцога Фердинанда, осадилъ Вѣну, но безуспѣшно (1529 г.). Договоръ въ Камбре не заставилъ его положить оружія; онъ сдѣлалъ третье нападеніе на Венгрію и осаждалъ Гунцъ, въ то время какъ къ нему явилось посольство отъ Франциска I, просившаго послать къ нему на помощь флотъ, когда онъ возобновитъ войну съ Австріей. Французскій посланникъ былъ принятъ съ такою пышностію и почестями, какія уже никогда не повторялись въ Высокой Портѣ для христіанскихъ посланниковъ. Султанъ согласился на прось-

бу своего друга Падишаха Франціи и началъ дѣлать приготовленія для вторженія въ Германію. Карлъ V приглашалъ всѣхъ принять участіе въ защитѣ христіанъ отъ невѣрныхъ и отвсюду, начиная отъ Вислы до Рейна, явились толпы волонтеровъ, которые стали подъ знамена императора. Опасность была такъ велика, что войскомъ овладѣлъ священный энтузіазмъ, подобный тому, который одушевлялъ крестоносцевъ. Король французскій, призванный также на помощь общему дѣлу, выказалъ притворное усердіе и готовность участвовать въ священной войнѣ; при этомъ онъ потребовалъ отъ духовенства двѣ десятыя отъ ихъ денежныхъ сборовъ, нисколько не заботясь о неудовольствіи папы, и предложилъ своему сопернику охранять Италію во время его отсутствія. Карлъ, испугавшись тайныхъ намѣреній и плановъ своего коварнаго союзника, который вздумалъ бы можетъ быть во время его отсутствія возмутить Германію, поспѣшилъ вступить въ переговоры съ протестантами, слѣдствіемъ которыхъ былъ мирный договоръ, заключенный въ Нюренбергѣ.

По условіямъ этого договора было постановлено, чтобы всѣ дѣла, касающіяся религіи, рѣшались на общемъ соборѣ, равно какъ, чтобы въ императорскомъ совѣтѣ присутствовали какъ католики, такъ и протестанты; духовенство же лишалось права собственности.

Протестанты, довольные такими большими уступками, поспѣшили стать въ ряды императорской арміи, которая состояла теперь изъ 150,000 человѣкъ. Войско же Солимана доходило до 300,000. Всѣ ожидали большаго сраженія, но Карлъ V такъ искусно дѣйствовалъ, что безъ всякаго кровопролитія избавилъ Германію отъ нашествія турокъ—побѣдителей. Враги удалились, и императоръ вышелъ со славою изъ этой первой борьбы, которую онъ самъ предпринялъ.

Францискъ, видя бездѣйствіе своихъ союзниковъ турокъ и нѣмцевъ, рѣшился отложить на время военные планы и занялся преобразованіемъ своего государства, увеличеніемъ арміи, финансовой реформой и улучшеніемъ флота. Уже 15 лѣтъ тому назадъ бретонцы, нормандійцы занимались рыбнымъ промысломъ на Ньюфаундлендѣ; мореплаватель Верацпани изслѣдовалъ по повелѣнію короля въ 1520 г. берега Сѣверной Америки. Жакъ Картье въ 1528 г. переѣхалъ рѣку Св. Лаврентія и открылъ Канаду. Хотя эти попытки были весьма ничтожны сравнительно съ открытіями португальцевъ и испанцевъ, но все-же онѣ доказывали нѣкоторое стремленіе къ дѣятельности и постепенное расширеніе внѣшней торговли. Марсельскій флотъ господствовалъ на Архипелагѣ и наводилъ страхъ на окрестныя земли. Въ Діепѣ судостроитель по имени Анго держалъ на морѣ

вооруженныя эскадры, для того чтобы наказывать королей, оскорблявшихъ его флагъ, и обращался съ ихъ посланниками какъ равный съ равными.

Не смотря на бѣдствія послѣдней войны, не смотря на тяжесть налоговъ, земледѣліе и промышленность были въ цвѣтущемъ состояніи и государственныя богатства не уменьшались.

Король, принимавшій болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія, сохранилъ все-таки свою страсть къ удовольствіямъ, блеску и роскоши; люди, окружавшіе его, отличались рыцарскимъ духомъ, вѣжливостью, даже ученостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшнымъ легкомысліемъ и распущенностью нравовъ; царствованіе его было господствомъ фаворитокъ, искусствъ и празднествъ. Онъ выстроилъ Шамборъ и Сенъ-Жерменъ, украсилъ Фонтенебло и началъ постройку Лувра; увеличилъ зданіе публичной библіотеки, основалъ Collège de France, гдѣ изучались сначала языки: греческій, латинскій и еврейскій, а впослѣдствіи математика, философія и медицина. По примѣру государей Италіи, онъ любилъ окружать себя учеными, поэтами и артистами; многихъ изъ нихъ онъ вызывалъ изъ ихъ родины во Францію. Такъ Ласкарисъ пріѣхалъ изъ Константинополя для распространенія греческой учености во Франціи, онъ основалъ въ Фонтенебло библіотеку и былъ потомъ посланникомъ въ Венеціи. Леонардо да Винчи умеръ на рукахъ короля; Россо изъ Флоренціи украсилъ своими картинами замокъ въ Фонтенебло; Приматичи изъ Болоньи продолжалъ работы Россо и начерталъ планъ Шамбора; Андре дель Сарто, Жюль Романо, Тиціанъ, Бенвенуто Челлини и множество другихъ артистовъ были осыпаны королевскими милостями. Искусства въ то время достигли совершенства, котораго не достигли послѣ, и это-то и составляетъ всю славу царствованія Франциска I. Итальянская живопись украшала готическіе замки; памятники, полные изящества и величія, воздвигались возлѣ укрѣпленныхъ башенъ среднихъ вѣковъ. Рядъ знаменитыхъ французскихъ артистовъ начался Жаномъ Кузеномъ, скульпторами — Жерменъ Пилонъ, Жанъ Гужонъ, Піерръ Бонтанъ, архитекторами Жаномъ Леско и Филиберомъ Делормъ. Франція соперничала съ Италіею своими учеными, и король всегда съ успѣхомъ пользовался ихъ совѣтами и отправлялъ часто посланниками къ иностраннымъ дворамъ. Три брата Дюбеле были отличными дипломатами и извѣстными писателями. Гильомъ Пелисье, Піеръ Данесъ, и Жоржъ де Сельвъ послужили Франціи своими дипломатическими способностями и просвѣтили ее своими знаніями. Гильомъ Бюде, который изучалъ всѣ науки и въ особенности греческій языкъ, исполнялъ должность купеческаго головы; «это было чудо Франціи», говоритъ о немъ Эразмъ Роттердамскій, философская школа кото-

раго нашла однако въ немъ противника. Послѣ нихъ замѣчателенъ былъ Юлій Цезарь Скалижеръ, который ввелъ и распространилъ изученіе латинскаго языка; Жозефъ Скалижеръ — изученіе хронологіи; Робертъ Этіень—ученый типографщикъ; Рамю — противникъ Аристотеля; Тюрнебъ, Мюре и др. Ученость была преобладающимъ стремленіемъ этой эпохи; филологія — любимой наукой; литература получила тяжелый полемическій характеръ. Поэзіи было трудно пробиться среди нескончаемыхъ ученыхъ комментаріевъ, которые отягощали умы; она была еще полна свѣжести и тонкости у Моро, но превратилась у его послѣдователей въ холодныя разсужденія, лишенныя всякаго вдохновенія. Притомъ строгое ученіе Лютера заглушило воображеніе и убило всю поэзію.

Въ 1529 году Генрихъ VIII обратился къ папѣ Клименту VII, прося расторгнуть бракъ его съ Екатериной Арагонской, такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе взять въ жены фрейлину королевы, Анну Болейнъ. Когда же папа не согласился на этотъ разводъ, то онъ грозилъ ему принять ученіе Лютера и возобновилъ свой союзъ съ Францискомъ. Оба короля имѣли свиданіе будто бы для обсужденія новаго крестоваго похода противъ Турокъ (1532 г. 20 октября).

Францискъ совѣтовалъ Генриху вступить въ бракъ съ Анной безъ разрѣшенія папы; а Генрихъ уговаривалъ французскаго короля отдѣлиться отъ папы и для того, чтобы ему было легче бороться съ Карломъ V, — стать во главѣ протестантовъ въ то время, какъ императоръ будетъ стоять во главѣ католиковъ.

Но Францискъ отклонился отъ этого предложенія; все еще разсчитывая на завоеваніе Италіи, онъ зналъ, что привести свои планы въ исполненіе онъ можетъ только съ помощію папы, и для того, чтобы вовлечь его въ союзъ, онъ предложилъ соедидить бракомъ втораго своего сына съ родственницей Климента VII — Екатериною Медичи (она была дочерью Лаврентія Медичи, племянника Льва X и Маргариты де Ла Туръ, владѣтельницы Болоньи). Папа, считая это льстивою приманкой, отказался подъ предлогомъ незнатности рода Медичи. Король, думая, что отказъ этотъ сдѣланъ по навѣтамъ императора, пришелъ въ гнѣвъ и послалъ сказать Клименту, чтобы тотъ подумалъ о послѣдствіяхъ, въ случаѣ если два могущественные короля, слѣдуя примѣру Германіи, Швейцаріи и другихъ государствъ, отложатся отъ католичества и увлекутъ за собою многихъ. Карлъ V также мало выказывалъ усердія къ католической религіи, какъ Францискъ I и Генрихъ VIII; онъ постоянно безпокоилъ папу, настаивая на собраніи собора, надѣясь найти въ постановленіяхъ послѣдняго средства возвысить императорскую власть надъ папской; онъ имѣлъ даже съ нимъ горя-

чій споръ во время свиданья въ Болоньѣ; говорили, что Карлъ хотѣлъ, пользуясь религіозными волненіями, унизить папскую власть и достигъ бы этого, но не рѣшился исполнить своего намѣренія, страшась союза папы съ Франциском I, который не замедлилъ бы тогда явиться въ Италіи. Только обоюднымъ опасеніямъ противниковъ обязана папская власть своимъ спасеніемъ. Климентъ VII, человѣкъ просвѣщенный, высокой нравственности, покровитель наукъ и искусствъ, уважаемый всѣми, долженъ былъ расплачиваться за ошибки своихъ предшественниковъ; онъ видѣлъ Римъ, преданный огню и мечу; Ватиканъ, лишенный своей славы; сѣверныя государства, отдѣлившіяся отъ папской власти; южныя — готовыя къ тому-же; онъ потерялъ голову и избралъ двусмысленную, непостоянную политику, доведшую римскую церковь до страшнаго униженія, изъ котораго она уже никогда не поднялась. Доведенный до крайности настоятельными просьбами Карла V и зная, что собраніе собора поведетъ за собою паденіе папства, онъ обратился къ Франциску, обѣщалъ ему союзъ для завоеванія Италіи и началъ вести съ нимъ переговоры относительно брака своей двоюродной сестры. Наконецъ онъ пріѣхалъ въ Марсель съ молодой Екатериной и здѣсь былъ заключенъ этотъ бракъ, почетный для фамиліи Медичи и не принесшій никакой выгоды Франціи (1533 г. 13 сентября).

Англія, подобно Германіи, Швейцаріи и Скандинавіи, отпала отъ римской церкви; въ Шотландіи, Нидерландахъ, Польшѣ и Венгріи происходили религіозныя волненія, броженіе умовъ чувствовалось въ Италіи и Испаніи, и еслибъ Франція послѣдовала общему влеченію, то католичеству грозила бы неминуемая гибель. Франція была совершенно предрасположена къ реформѣ; изъ этой страны раздавался впродолженіе столѣтія самый живой и страстный протестъ противъ папскаго деспотизма; голоса французскихъ ученыхъ возвышались надъ голосами ихъ собратовъ на Базельскомъ и Констанскомъ соборахъ; ученыя корпораціи и парламентъ распространяли идею о національной церкви; наконецъ Прагматическая санкція, казалось, была началомъ отпаденія отъ римской церкви. Ученіе Лютера нашло себѣ усердныхъ приверженцевъ во Франціи, въ особенности среди дворянства, судейскаго сословія и буржуазіи, значитъ тамъ, откуда всегда выходило сопротивленіе власти свѣтской или духовной. Ученые и нѣкоторые изъ поэтовъ принадлежали къ протестантской партіи. Рене, дочь Людовика XII, герцогиня Феррарская, Маргарита, королева Наваррская, вдова герцога Алансонскаго и сестра Франциска I открыто признавали реформу; герцогиня д'Етампъ была подозрѣваема въ ереси.

На улицахъ пѣли псалмы Давида, переложенные въ стихи поэтомъ Моро; духовныя бесѣды Эразма продавались въ 24,000

экземплярахъ; въ безчисленныхъ памфлетахъ повторялись насмѣшки Лютера, направленныя противъ католическаго Рима. Жанъ Кальвинъ, родившійся въ Нойонѣ въ 1509 году, изложилъ ученіе реформатовъ во Франціи въ своей книгѣ: «Христіанскія постановленія» (Institution chrétienne). Сочиненіе это было напечатано въ Базелѣ въ 1535 г. и посвящено Франциску I. Кальвинъ принялъ за основаніе вѣрованія внутреннее воодушевленіе, полагалъ оправданіе человѣка единственно черезъ заслуги Іисуса Христа, причемъ личные поступки не имѣли никакого значенія; онъ не признавалъ таинства покаянія, отвергалъ вѣру въ чистилище, не признавалъ поклоненія иконамъ, обѣдни, пресуществленія хлѣба съ Тѣломъ Христа при таинствѣ Евхаристіи, признаваемаго лютеранами, и пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя, признаваемаго католиками; онъ оставилъ только два таинства — Крещенія и Причащенія.

Ученіе Кальвина, болѣе смѣлое и логичное чѣмъ ученіе Лютера имѣло множество послѣдователей. Кальвинъ удалился въ Женеву, которая съ помощію Франциска I только что освободилась отъ владычества своего епископа и подчиненія герцогу Савойскому.

Всѣ почетныя и вліятельныя лица въ городѣ приняли ученіе Цвингли, но Кальвинъ сдѣлался здѣсь скоро единственнымъ учителемъ и строгимъ, неумолимымъ судьею и господиномъ, «ставъ—какъ онъ самъ выразился—между язычествомъ Цвингли и папизмомъ Лютера»; наконецъ онъ сдѣлалъ Женеву Римомъ Кальвинизма. Это былъ человѣкъ строгихъ правилъ, но суровый и даже жестокій, съ рѣчами полными желчи, твердый и проницательный; онъ основалъ свою церковь на такихъ строгихъ началахъ, что все общество, казалось, обратилась въ монастырскихъ затворниковъ. Онъ далъ церкви республиканскую форму; священники были выбираемы народомъ; вся духовная власть сосредоточивалась въ консисторіи или собраніи, состоящемъ изъ старшихъ членовъ каждой церкви. Тутъ рѣшались дѣла, касающіяся церковныхъ порядковъ, члены были хранителями складчинъ и сборовъ, предназначенныхъ для субсидій священникамъ, равно какъ и посредниками въ отношеніяхъ церкви къ гражданскимъ властямъ. Суровое ученіе Кальвина не допускало свободы совѣсти, запрещало думать о свѣтскихъ удовольствіяхъ; единственными развлеченіями были чтеніе библіи и проповѣди. За малѣйшее преступленіе противъ вѣры, за малѣйшую человѣческую слабость ожидало безпощадное наказаніе; безпрестанно появлялись кровавыя постановленія противъ безбожниковъ и вольнодумцевъ. «Въ особенности, совѣтовалъ Кальвинъ, старайтесь избавить страну отъ этихъ усердныхъ негодяевъ, которые

возбуждаютъ ее къ возстанію противъ насъ. Съ подобными чудовищами надо поступать такъ, какъ я поступилъ съ Мишелемъ Серве, т. е. уничтожать ихъ». Въ то время, какъ кальвинизмъ распространялся и учреждался во Франціи, правительство, казалось, колебалось между старымъ и новымъ ученіемъ. Дружественныя отношенія короля къ Генриху VIII и германскимъ государямъ, отпавшимъ отъ католичества, заставляли заподозрить Фринциска въ искренности; онъ былъ покровителемъ Рабле и Моро и все, что окружало его, казалось было проникнуто лютеранскими идеями; самъ онъ конечно желалъ освободиться отъ всякаго подчиненія Риму и сдѣлать власть свою неограниченной какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Но слава и обаяніе реформаціи затемнялись для Франціи политическими смутами въ Германіи, неистовствами анабаптистовъ, напыщенными, демократическими проповѣдями Кальвина. Францискъ находилъ, что ученіе Лютера посягало на королевскую власть, что оно легко могло возбудить къ мятежу усмирившуюся феодальную аристократію; онъ зналъ, что за религіозной реформой послѣдуетъ политическое броженіе, невыгодное для неограниченной монархіи, что оно угрожало старымъ христіанскимъ учрежденіямъ радикальной перемѣной, наконецъ онъ думалъ, что послѣднимъ слѣдствіемъ лютеранской революціи будетъ, можетъ быть, разрушеніе существующаго соціальнаго устройства. «Король французскій убѣжденъ, говоритъ Лютеръ, что у насъ нѣтъ ни политической власти, ни Церкви, ни религіи, ни даже брака. «Притомъ жестокое и грубое ученіе кальвинистовъ, которое считало идолопоклонствомъ любовь къ искусствамъ, запрещало всѣ удовольствія и строго наказывало всякій проступокъ;—это ученіе не соотвѣтствовало понятіямъ изящнаго и никогда ни въ чемъ не стѣснявшаго себя двора Франциска I. Наконецъ, король этотъ не имѣлъ, подобно Генриху VIII и германскимъ государямъ, существеннаго интереса въ принятіи реформы; ему не надо было завладѣть имѣніями духовенства; по конкордату онъ уже имѣлъ право распоряжаться ими; притомъ ему было совершенно безполезно слѣдовать по этому невѣрному пути новаго ученія и броситься въ міръ волненій и смутъ, грозившихъ подчинить папскую власть императору, а послѣднее разрушило бы планы Франциска относительно Италіи.

Случилось, что скульптурное изображеніе Богоматери въ Парижѣ было обезображено протестантами; народъ пришелъ въ ярость, правительство отдало приказаніе отыскать еретиковъ и совершено было нѣсколько казней съ различными религіозными церемоніями, на которыхъ присутствовалъ весь дворъ (1528 г.). Но настоящее гоненіе противъ протестантовъ началось только шесть лѣтъ спустя, когда король нашелъ даже въ своей ком-

натѣ насмѣшливыя истолкованія, направленныя противъ обѣдни. «Онъ страшно разсердился, говоритъ Гальяръ въ своей исторіи, и готовъ былъ, кажется, все истребить, еслибъ только это было въ его власти, объявивъ, что онъ не пощадилъ бы собственныхъ дѣтей и принесъ бы ихъ въ жертву Богу, если бы они вздумали принять ненавистное для него ученіе.» Онъ велѣлъ съ торжественностью сжечь нѣсколькихъ еретиковъ, издалъ строгіе эдикты противъ ереси, изгналъ типографщиковъ, но скоро отмѣнилъ послѣднее приказаніе съ условіемъ, чтобы каждая книга была представлена на разсмотрѣніе королю, грозилъ смертной казнью ослушникамъ. Союзники его въ Германіи были встревожены этими преслѣдованіями; но Францискъ въ оправданіе свое говорилъ, что всѣ тѣ, которыхъ онъ предалъ смерти, были политическими мятежниками подобно анабаптистамъ, что реформаты во Франціи глумились надъ Таинствомъ св. Причащенія, уважаемымъ самимъ Лютеромъ, наконецъ, что ученіе аугсбургскаго исповѣданія казалось ему самому достойнымъ уваженія и сочувствія и что онъ желалъ переговорить о немъ съ Меланхтономъ.

Францискъ старался поддерживать съ одной стороны союзъ съ папой, а съ другой—дружественныя отношенія съ Генрихомъ VIII и германскими государями, и разсчитывая на ихъ помощь, приготовлялся возобновить войну съ Карломъ V. Мать его умерла, оставивъ ему 1,500,000 экю; съ этими деньгами ему было легко предпринять походъ. Во Франціи религіозныя смуты не были такъ сильны, какъ въ другихъ странахъ; дворянство постоянно стремилось воевать за Италію; французская конница была отлично организована, національная пѣхота состояла изъ 30,000 человѣкъ, жалованье солдатамъ было точно распредѣлено, дисциплина строго поддерживаема; наконецъ въ Германіи можно было всегда собрать наемное войско. Случай къ войнѣ скоро представился.

Въ Миланѣ жилъ тайный агентъ французскаго короля, по имени Маравигліа; подъ предлогомъ частной ссоры, онъ былъ по приказанію императора арестованъ, преданъ суду и казненъ (1533 г.). Францискъ, оскорбленный этимъ посягательствомъ на личную свободу человѣка, требовалъ удовлетворенія, но не получилъ его; тогда онъ приготовился напасть на владѣнія герцога Миланскаго, побуждая въ то же время шмалькальденскихъ конфедератовъ къ начатію непріязненныхъ дѣйствій противъ императора. Онъ заключилъ тайный союзъ съ ландграфомъ Гессенскимъ съ условіемъ, чтобы послѣдній помогъ ему получить Виртембергское герцогство Ульриху, протестантскому принцу, низложенному съ престола Фердинандомъ въ 1520 году.

Въ самомъ дѣлѣ ландграфъ съ помощію субсидій, полученныхъ изъ Франціи, изгналъ Австрійцевъ и возвратилъ Ульриху

его права. Карлъ V встревожился; лига отказывалась отъ собранія собора; Лютеръ не хотѣлъ имѣть никакихъ соглашеній съ католиками; ландграфъ угрожалъ вступить въ наслѣдственныя владѣнія императора въ то время, какъ Францискъ вступитъ въ Италію; говорили, что папа втайнѣ одобрялъ всѣ эти планы. Карлъ и Фердинандъ начали мирные переговоры съ протестантами и подписали въ Каданѣ договоръ, подтверждающій тотъ, который былъ заключенъ въ Нюренбергѣ (1534 г. 20 іюня), вопросъ о конфискаціи имуществъ былъ объявленъ неотмѣнимымъ; курфирстъ Саксонскій призналъ Фердинанда римскимъ королемъ, а Виртембергъ остался за Ульрихомъ. Это была минута полнаго торжества для протестантовъ въ Германіи. Виртембергъ, Саксонія, Пфальцъ, Бранденбургъ и Померанія приняли реформу.

Тогда императоръ, не тревожась угрозами Франциска относительно Италіи, рѣшился нанести ударъ отоманскому могуществу, сдѣлавъ нападеніе на турецкій флотъ, что могло имѣть сильное вліяніе на союзничество Франціи съ Турціею.

Два брата, по имени Барбаросса, основали могущественное государство на берегахъ Африки и имѣли сильный флотъ подъ начальствомъ отважныхъ пиратовъ. Первый изъ братьевъ покорилъ королевства Алжиръ и Тлемсенъ, но былъ въ свою очередь побѣжденъ Испанцами (1518 г.). Второй, послѣдовавъ брату, подчинилъ свои владѣнія Солиману, который сдѣлалъ его начальникомъ своего флота; Барбаросса отъ имени султана овладѣлъ Тунисомъ. Тогда онъ сдѣлался властителемъ сѣвернаго берега Африки; корабли его въ числѣ 250 плавали по Средиземному морю, и пираты производили страшные грабежи на берегахъ Италіи и Испаніи, уводя въ плѣнъ множество христіанъ. Императоръ рѣшился положить конецъ могуществу этихъ варваровъ; онъ потребовалъ отъ Франциска во имя религіи и человѣчества заботиться о сохраненіи мира въ Европѣ во время его отсутствія. Французскій король, не желая выказать себя сообщникомъ пиратовъ, отложилъ на время свои воинственные планы, притомъ онъ былъ твердо увѣренъ, что Карлъ потерпитъ неудачу въ своемъ предпріятіи; но несмотря на совѣты папы Павла III, который наслѣдовалъ Клименту VII, онъ отказался помогать императору и сохранилъ для предполагаемой войны въ Италіи деньги, собранныя съ духовенства для этого новаго крестоваго похода.

Карлъ отправился изъ Каліари съ 500-ми кораблей и 30,000 войскомъ (4 іюня). Доріа командовалъ флотомъ, Дюгастъ—арміею. Онъ высадился въ Порто-Фарино, осадилъ Ла-Гулетъ, разбилъ армію Барбаросса и овладѣлъ Тунисомъ. Прежній король былъ возстановленъ въ своихъ владѣніяхъ; онъ призналъ себя данни-

комъ императора, уступивъ ему Голетту и другія гавани. Карлъ отправился въ обратный путь съ 20,000 христіанскихъ плѣнниковъ, которыхъ онъ освободилъ отъ рабства и прибылъ въ Сицилію чрезъ два мѣсяца послѣ своего отплытія (4 сентября). Эта экспедиція прославила императора: всѣ удивлялись его могуществу, военному генію и великодушію.

Францискъ I и Солиманъ не ошиблись на счетъ политической цѣли, которою руководился Карлъ V при взятіи Туниса, и рѣшились заключить открытый и торжественный союзъ, который могъ бы измѣнить послѣдствія этой побѣды. Тогда были подписаны первыя условія договора между Портой и Франціей (1535), по которому короли французскіе дѣлались покровителями христіанъ на Востокѣ и въ Палестинѣ и въ силу котораго корабли всѣхъ націй имѣли право плавать по морямъ, принадлежащимъ Турціи, но только подъ покровительствомъ французскаго флага; наконецъ французскія конторы въ Левантѣ были обращены въ французскія колоніи. Эти коммерческіе договоры, касающіеся торговли, были объявлены, политическіе же — оставались тайной для всѣхъ. Они состояли въ томъ, что Францискъ съ 50,000 войскомъ долженъ былъ напасть на Миланъ; Солиманъ же съ своимъ флотомъ—на Неаполитанское королевство.

Въ то время, какъ французская армія приготовлялась перейти Альпы, умеръ герцогъ Сфорца, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Миланъ какъ ленное владѣніе переходилъ къ императору и Антоній Лейва занялъ герцогство отъ имени Карла V.

Тогда Францискъ, остановленный въ своихъ намѣреніяхъ, рѣшился овладѣть Савойей и Піемонтомъ для того, чтобы французы могли и впредь проникать въ средину Италіи, не опасаясь нападеній съ тылу. Это былъ новый способъ владычества на полуостровѣ; Карлъ VIII желалъ пріобрѣсти Неаполь, Людовикъ XII—Миланъ, Францискъ же намѣревался завоевать Піемонтъ. Относительно войны и политики эти честолюбивые замыслы отличались большею основательностью, чѣмъ замыслы его предшественниковъ; въ нравственномъ же отношеніи завоеваніе Піемонта было еще менѣе извинительно, чѣмъ завоеваніе Неаполя и Милана. Слышались жалобы на то, что герцогъ Савойскій, бывшій впродолженіе ста лѣтъ союзникомъ Франціи, сталъ теперь на сторону императора; говорили, что онъ хотѣлъ отдать Карлу V Савойю и Ниццу и получить взамѣнъ ихъ императорскія владѣнія, находящіяся внутри Италіи. Однако Францискъ сдѣлалъ видъ, что не эти причины побуждаютъ его такъ дѣйствовать; онъ требовалъ Савойи и Брешіи какъ наслѣдства своей матери, несмотря на то, что она въ 1523 году формально отказалась отъ всѣхъ правъ относительно своего брата; онъ тре-

бовалъ также Ниццы и Асти, какъ удѣловъ Дофине и Прованса, Тунина и Піемонта, какъ владѣній Карла Анжуйскаго, брата Людовика Святаго.

Между тѣмъ императоръ прибылъ въ Неаполь и къ нему обратились съ жалобами всѣ государи Италіи, но онъ старался избѣгнуть войны, тревожимый нападеніями Турокъ, Шмалькальденскимъ союзомъ и волненіями въ Нидерландахъ. Францискъ настаивалъ на возвращеніи ему Милана. Карлъ обѣщалъ дать это герцогство во владѣніе третьему сыну короля, съ условіемъ, чтобы это государство никогда не было присоединено къ Франціи, требовалъ, чтобъ Генуя была свободна. Францискъ согласился на эти условія, обѣщая также свою помощь императору въ войнѣ съ Турками и протестантами въ Германіи. Король, не задумываясь, оставилъ всѣхъ своихъ союзниковъ, даже Генриха VIII, но просилъ дать Миланъ своему второму сыну. Императоръ медлилъ согласіемъ, представлялъ разумныя затрудненія, призвавъ на помощь всѣ средства своей хитрой политики, и достигъ наконецъ того, что война прекратилась. Французская армія, состоящая изъ 30,000 человѣкъ, вошла во владѣнія герцога Савойскаго и овладѣла ими безъ всякаго препятствія (1536 г.), но вмѣсто того, чтобы идти къ Милану и напасть на городъ врасплохъ она остановилась по приказанію короля, который довѣрялъ лукавымъ обѣщаніямъ своего противника. Карлъ же въ это время собиралъ войско, возобновлялъ союзъ съ сосѣдями, велъ переговоры съ Генрихомъ VIII. Онъ прибылъ въ Римъ, выслушалъ торжественно жалобу герцога Савойскаго и обнадежилъ ложными увѣреніями французскихъ посланниковъ; наконецъ, побуждаемый ихъ настоятельными требованіями объяснить свои поступки, онъ, въ присутствіи посланниковъ всѣхъ христіанскихъ государей въ консисторіи, собранной папой, забылъ о своей обычной сдержанности и лицемѣріи,—ослѣпленный счастіемъ и раздраженный постоянными нападеніями презираемаго имъ противника, онъ сбросилъ свою маску. Карлъ V напомнилъ присутствующимъ о своей жизни, о преданности дѣлу христіанства, о преградахъ, которыя вездѣ ставилъ ему французскій король, этотъ нечестивый союзникъ турокъ и еретиковъ, коварно завладѣвшій владѣніями герцога Савойскаго, онъ слагалъ на него отвѣтственность въ войнѣ, которая предстояла ему, войнѣ ужасной, послѣ которой побѣжденный долженъ былъ сдѣлаться самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ государей Европы; императоръ восхвалялъ съ непозволительной гордостью свои подвиги, свое могущество и величіе. «Еслибъ я не былъ такъ увѣренъ въ моихъ средствахъ, говорилъ онъ, и если бы надежды мои не имѣли болѣе прочнаго основанія, чѣмъ надежды французскаго короля, то я сейчасъ бы, со связанными руками и съ веревкой

на шеѣ, бросился къ ногамъ его, умоляя о пощадѣ». (Робертсонъ, ист. Карла V).

Францискъ могъ отомстить Карлу V за оскорбленіе, владычествуя въ странѣ, сильно укрѣпленной; ему слѣдовало немедленно идти къ Милану, гдѣ Лейва собралъ съ трудомъ 12,000 войска; но вслѣдствіе своей обычной расточительности, онъ нуждался вновь въ деньгахъ; такимъ образомъ французскій король, такъ настоятельно требовавшій войны, теперь думалъ только о мирныхъ переговорахъ. Притомъ союзъ съ турками принесъ ему мало пользы, и оттоманскій флотъ ограничился только разореніемъ береговъ Апуліи и Сициліи. Тогда онъ, распустивъ часть арміи, расположилъ остальную въ укрѣпленныхъ частяхъ Піемонта, поручивъ начальство надъ нею маркизу Салюсъ, человѣку, лишенному всякихъ административныхъ способностей, вѣроломному союзнику, который давно находился въ перепискѣ съ императоромъ.

Тогда Лейва перешелъ Сессіу (1536, 7 іюля). Карлъ соединился съ нимъ въ Савигліано, и, видя непослѣдовательность и безразсудство своего противника, который какъ будто отступалъ передъ нимъ, онъ рѣшился напасть на владѣнія Франциска и вступить во Францію. Армія его состояла изъ 24,000 нѣмцевъ, 14,000 испанцевъ, 12,000 итальянцевъ и 3,000 конницы, подъ начальствомъ Дюгаста, Лейва, герцога Альбы и другихъ. Всѣ крѣпости въ Піемонтѣ сдались вслѣдствіе измѣны маркиза Салюса, который перешелъ на сторону императора; только крѣпость Фоссано держалась впродолженіе мѣсяца.

Францискъ, который старался преобразовать свою армію и ввести въ ней дисциплину, не могъ защитить переходовъ черезъ Альпы и помѣшать непріятелю вторгнуться въ Провансъ. Карлъ не слушалъ совѣтовъ своихъ генераловъ, которые удерживали его отъ войны въ странѣ, до сихъ поръ не уступавшей своему врагу клочка родной земли безъ страшнаго кровопролитія. Но императоръ, чувствуя свое превосходство надъ Францискомъ, хотѣлъ покончить съ этимъ неискуснымъ соперникомъ, который, такъ необдуманно и безразсудно начавъ войну, спокойно уступалъ завоеванныя имъ земли и подвергалъ теперь свое королевство иноземному нашествію. Онъ перешелъ Варъ 25 іюля. Защита Прованса была поручена Монморанси, первому министру Франциска, человѣку несвѣдущему, высокомѣрному, неумолимому, который употребилъ самый варварскій способъ защиты. Онъ хотѣлъ заставить непріятеля отступить не силою оружія и умѣнья, а посредствомъ страшнаго разоренія тѣхъ земель, по которымъ должна была проходить императорская армія, и лишить ее такимъ образомъ продовольствія. По его приказанію отряды солдатъ, разсѣянные по Провансу, разоряли не толь-

ко селенія, но даже и укрѣпленные города, уничтожали мельницы, житницы, засыпали колодцы; Тулонь, Антибъ, Драгиньянъ, Э, которые впродолженіе какихъ-нибудь 15 дней были готовы къ защитѣ, стояли разрушенные, опустошенные. Только Марсель и Арль не были разорены. Весь Провансъ въ скоромъ времени представлялъ пустыню, покрытую развалинами; жители укрывались въ горахъ и лѣсахъ; множество народа погибло отъ нищеты; 600,000 человѣкъ лишились состоянія. Никогда еще не употреблялись такія страшныя мѣры для обороны; между тѣмъ Монморанси хвалился своими распоряженіями, какъ подвигами великаго полководца.

Имперцы, придя въ эту обширную пустыню, встрѣчали всюду слѣды разрушенія и опустошенія. Доріа, высадившись въ Тулони, привезъ продовольствія для арміи, но ихъ достало на весьма короткое время. Императоръ, послѣ неудачнаго нападенія на Марсель, овладѣлъ Арлемъ и хотѣлъ провозгласить себя королемъ Прованса, но дворянство, духовенство и парламентъ удалились изъ города до прибытія Карла. Страшныя болѣзни свирѣпствовали въ императорскомъ войскѣ; насчитывали до 20,000 умершихъ и больныхъ. Услышавъ, что французское войско собралось въ Авиньонѣ, Карлъ велѣлъ отступить. Французы хотѣли преслѣдовать враговъ, но герцогъ Монморанси не допустилъ этого. Карлъ перешелъ Варъ, не тревожимый французами, но войско его находилось въ странномъ разстройствѣ; вся дорога, по которой шли имперцы, была усѣяна трупами и отсталыми. Прибывъ въ Геную, Карлъ немедленно началъ приготовляться къ отплытію въ Испанію. Униженный въ своемъ высокомѣріи, онъ убѣдился, что, не смотря на неблагоразуміе своего короля, французы были всегда непреодолимымъ препятствіемъ его могуществу.

Торжество Франциска было омрачено смертью его старшаго сына. Думали, что онъ умеръ отъ отравы, и обвиняли въ его смерти императора; вслѣдствіе чего подвергнули пыткѣ мундшенка молодаго принца, вынудили у несчастнаго признаніе и осудили на страшную казнь — четвертованье. Оба государя питали другъ къ другу непримиримую вражду и не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы выказать свою ненависть. Король французскій, жаждущій театральныхъ церемоній, позвалъ на судъ въ парламентъ Карла V, какъ графа Фландрскаго и Артуа, за то, что онъ, какъ вассалъ Франциска, вызвалъ своего сюзерена на войну. Императоръ посмѣялся надъ этой угрозой, однако былъ объявленъ измѣнникомъ и лишенъ своихъ удѣловъ (1537 г.).

Война происходила также и на сѣверѣ. Въ то время, какъ императоръ проникъ въ Провансъ, графъ Нассаускій вошелъ въ

Пикардію, овладѣлъ Гизомъ и началъ осаждать Peроннъ; но этотъ городъ былъ храбро защищаемъ Флеранжемъ — и императорская армія начала отступать. Послѣ удаленія Карла, король отправился въ Пикардію, взялъ Гесденъ, разорилъ Артуа, поставилъ гарнизонъ въ С. Полѣ, но не укрѣпилъ города и распустилъ свою армію въ началѣ весны въ то время, какъ непріятельская армія начала дѣлать приготовленія къ походу. Въ самомъ дѣлѣ имперцы вошли въ Артуа, отняли у французовъ С.-Поль, вырѣзали гарнизонъ, оставленный такъ необдуманно въ городѣ. Наконецъ Монморанси прибылъ съ новой арміей, но, слѣдуя своей обычной тактикѣ, не начиналъ сраженія, чтобы не проиграть его, и, вступивъ въ переговоры съ непріятелемъ, заключилъ вскорѣ съ нимъ перемиріе.

Война въ Піемонтѣ и Артуа велась безъ всякаго плана, послѣдовательности и порядка; французскіе военачальники воевали или заключали перемиріе совершенно произвольно; войска не получали жалованья и безпрестанно бунтовались. Перевѣсъ остался все-таки на сторонѣ имперцевъ. Дюгастъ съ 25,000 ч. пѣхоты и 3,000 конницы овладѣлъ почти всѣми укрѣпленіями и занялъ Па-де-Сюзъ. Между тѣмъ французскій король напрасно старался возстановить противъ Карла итальянскія государства; всѣ его переговоры не имѣли успѣха, даже венеціанцы предложили свой флотъ императору. Тогда Францискъ опять призвалъ къ себѣ на помощь турокъ. Барберуса долженъ былъ высадиться въ Апуліи съ мусульманской арміей, которая направилась бы къ Риму, въ то время какъ французы сдѣлали бы нападеніе на Ломбардію. И дѣйствительно, Солиманъ явился въ Валонѣ съ 200,000 арміей, готовясь напасть на Италію; адмиралъ его высадился около Отранта и началъ опустошать берега, но скоро отступилъ передъ венеціанскимъ и генуэзскимъ флотомъ. Страшный ропотъ противъ Франциска раздавался по всей Европѣ, что заставило его колебаться въ исполненіи обѣщаній, данныхъ туркамъ. Тогда Солиманъ обратилъ свои силы противъ Венгріи и одержалъ надъ Фердинандомъ побѣду при Ессекѣ, причемъ погибло до 20,000 христіанъ. Едва турки вывели войска изъ Италіи, какъ французы ввели туда свои, овладѣли Па-де-Сюзъ и всѣмъ Піемонтомъ. Императоръ, устрашенный союзомъ Франціи съ невѣрными, вступилъ въ переговоры съ Францискомъ, который, слыша всеобщій ропотъ противъ своихъ дѣйствій, заключилъ перемиріе и перешелъ Альпы. Папа Павелъ III предложилъ быть посредникомъ между двумя государями и пригласилъ ихъ явиться для переговоровъ въ Ниццу. Пріѣхавъ туда и не сойдясь въ главныхъ условіяхъ для заключенія мира, согласились на десятилѣтнее перемиріе, во время котораго каждый изъ государей сохранялъ принадлежащія ему владѣнія

(1538 г.). Условія мирнаго договора, заключеннаго въ Камбре, были возстановлены. Францискъ разрывалъ союзъ съ турками и съ протестантами въ Германіи, а императоръ съ герцогомъ Савойскимъ, который былъ лишенъ своихъ владѣній.

Монморанси пріобрѣлъ большую извѣстность въ послѣдней войнѣ; льстивый придворный, человѣкъ ограниченнаго ума и корыстолюбивый, онъ умѣлъ выдавать себя за искуснаго полководца, суроваго и непреклоннаго *). Ставъ во главѣ управленія и получивъ званіе коннетабля, онъ отличался суровостью, высокомѣріемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимымъ рвеніемъ къ дѣлу; онъ овладѣлъ совершенно умомъ короля, уговаривая его измѣнить своей прежней политикѣ и искать союза съ Карломъ V. Это было постояннымъ желаніемъ императора, который никогда не хотѣлъ воевать съ Франціей, такъ какъ единственной, постоянной цѣлью его жизни было утвержденіе своего неограниченнаго наслѣдственнаго владычества въ Италіи и Германіи. Францискъ I былъ единственнымъ препятствіемъ къ исполненію этого великаго замысла, поэтому Карлъ готовъ былъ на всевозможныя жертвы для того, чтобы пріобрѣсть дружбу этого соперника, будучи увѣренъ, что, покончивъ борьбу съ протестантами и избавившись отъ турокъ, онъ всегда съумѣетъ одержать верхъ надъ французскимъ королемъ. Оба государя отказались отъ свиданія въ Ниццѣ, но согласились встрѣтиться безъ свидѣтелей въ Эгъ-Мортъ и здѣсь, забывъ объ обидахъ, нанесенныхъ другъ другу, они осыпали одинъ другаго проявленіями самой искренней дружбы (1538 г.). Послѣ этого свиданія Францискъ I началъ понемногу удаляться отъ своихъ союзниковъ—турокъ, протестантовъ и Генриха VIII. Онъ прекратилъ переписку съ Солиманомъ но одному испанскому выходцу, который былъ его агентомъ въ Константинополѣ, удалось поддержать въ султанѣ доброе расположеніе относительно Франціи. Карлъ объявилъ самъ на сеймѣ во Франкфуртѣ, что французскій король готовъ помогать ему въ возстановленіи католической религіи и императорской власти. Швейцарцы встревожились этимъ, и протестантскіе принцы вступили въ переговоры съ Англіею.

Генрихъ VIII продолжалъ свою церковную реформу, возставая одинаково, какъ противъ лютеранъ, такъ и противъ папи-

---

*) «Всякое утро—говоритъ Брантомъ—онъ не забывалъ прочесть «Отче нашъ», но въ народѣ говорили, что надо опасаться этихъ утреннихъ молитвъ коннетабля, потому что каждый разъ, прочитывая ихъ, онъ непремѣнно прибавлялъ: «велите-ка повѣсить такого-то, или привяжите къ дереву того-то, или надо изрубить этихъ мошенниковъ въ куски, надо сжечь такую-то деревню» и т. д.; оканчивалъ онъ свои молитвы, думая, что страшно согрѣшитъ, если отложитъ дѣла правосудія на нѣсколько минутъ; вотъ какова была его совѣстливость.»

стовъ и возбуждая подозрѣніе обѣихъ религіозныхъ партій, раздѣлявшихъ Европу. Онъ съ негодованіемъ видѣлъ, что Францискъ, оставаясь преданнымъ римской Церкви, призвалъ турокъ въ Италію и заключилъ союзъ съ Шотландіею, устроивъ бракъ Іакова V съ принцессою изъ дома Гизовъ; онъ также былъ возмущенъ тѣмъ, что французскій король отказалъ дать ему въ супруги одну изъ принцессъ королевской фамиліи. Генрихъ, казнивъ Анну Болейнъ, вступилъ въ бракъ съ Жанной Сеймуръ и, овдовѣвъ, намѣревался вступить въ бракъ въ четвертый разъ. Наконецъ онъ зналъ, что Францискъ и папа условились высадить свои войска на берегахъ Англіи и что они приглашали императора помочь имъ въ этомъ предпріятіи. Тогда онъ обратился къ врагамъ Франціи и началъ вести тайные переговоры съ Карломъ V.

Такимъ образомъ у Франциска не было союзниковъ и императоръ могъ свободно приводить въ исполненіе свои честолюбивые замыслы. Карлъ, радуясь этой неожиданной перемѣнѣ, старался увѣрить своего соперника въ искренности своего расположенія, обѣщалъ дать Миланъ его второму сыну, стараясь заинтересовать и увлечь Франциска къ войнѣ противъ турокъ. Полное бездѣйствіе Франціи было ему необходимо, потому что никогда еще не находился императоръ въ болѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ. Финансовыя дѣла его были разстроены; Перу и Мексика приносили еще мало дохода; а онъ нуждался постоянно въ деньгахъ для веденія безпрерывныхъ войнъ и долженъ былъ сдѣлать долгъ въ 7.000,000 дукатовъ, и предоставлялъ своимъ войскамъ, которымъ онъ не платилъ жалованья, разорять тѣ земли, гдѣ они были расположены. Солдаты его, находившіеся въ Миланѣ и Сициліи, взбунтовались, и онъ принужденъ былъ предать многихъ изъ нихъ казни и распустить эти безпорядочныя толпы наемниковъ. Испанія, видя себя обезсиленной вмѣшательствомъ въ чужія распри, объявила Карлу, что не будетъ болѣе давать средствъ для разорительныхъ предпріятій. Тогда императоръ уничтожилъ собранія кортесовъ въ Кастиліи, замѣнивъ ихъ коммисіею изъ 36 городскихъ депутатовъ, которые одобряли всѣ его дѣйствія. Нидерланды были изнурены тяжелыми налогами для веденія войны съ Франціею. Гентъ, вспомнивъ о своихъ старыхъ льготахъ и вольности, изгналъ императорскихъ чиновниковъ и просилъ помощи Франциска I, обѣщая подчиниться ему (1539 г.). Карлъ испугался. Эти возмущенія могли отвлечь соперника его отъ Италіи и заставить его возвратиться къ настоящей прямой политикѣ, отъ которой ему никогда не слѣдовало уклоняться. Для Франциска это былъ прекрасный случай присоединить Фландрію къ французской коронѣ, но король думалъ только о Миланѣ; коннетабль

безразсудно настаивалъ на продолженіи союза съ императоромъ. Жителямъ Гента было отказано въ помощи. Карла извѣстили о ихъ предложеніи и планахъ защиты, предложили ему совершить путешествіе во Фландрію черезъ Францію, обѣщая не упоминать во время пути объ обязательствахъ, данныхъ имъ касательно Милана. «Полагались, говоритъ съ своимъ обычнымъ высокомѣріемъ Монморанси, которому было поручено все дѣло, на прямодушіе, справедливость и дружбу Карла V». Императоръ, весьма довольный ошибками и легкомысліемъ Франциска, направился во Фландрію черезъ Францію. Его встрѣчали вездѣ со всевозможными почестями и устраивали въ честь его великолѣпныя празднества. Францискъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Шательро; онъ надѣялся своимъ великодушіемъ побѣдить коварную настойчивость противника, выказывая ему самую искреннюю дружбу и преданность. Его ослѣпленіе дошло до того, что онъ написалъ Солиману письмо, въ которомъ высказывалъ горячее сочувствіе къ Карлу, просящему у турокъ перемирія. Вотъ что отвѣтилъ ему султанъ: «Карлъ, король испанскій, желаетъ и ищетъ чрезъ ваше посредничество перемирія у Оттоманской Порты. Вѣрный братской дружбѣ, существовавшей до сихъ поръ между вами и мной, дружбѣ, которую я подтверждаю моимъ императорскимъ словомъ, я объявляю, что если король Испаніи желаетъ перемирія и если это также ваше собственное желаніе, то я съ своей стороны хочу, чтобы онъ сначала возвратилъ вамъ провинціи, земли и крѣпости, которыя онъ у васъ отнялъ. Когда онъ исполнитъ эти всѣ условія, то вы увѣдомите объ этомъ Высокую Порту, и я сдѣлаю все, чего вы желаете, и всегда благосклонно приму каждаго, кто придетъ отъ вашего имени, будетъ ли это для заключенія мира или для того, чтобы объявить войну нашему общему врагу». Но, несмотря на обѣщаніе, которое Монморанси далъ императору, Карлу V, постоянно напоминали о Миланѣ, такъ что всѣ почести и празднества не выкупали скуки и неудовольствій, которыя онъ долженъ былъ перенести во время своего путешествія по Франціи. Притомъ онъ не довѣрялъ всѣмъ этимъ изъявленіямъ почтительности и пріязни, которыя онъ встрѣчалъ повсюду, боясь, чтобы не открыли его недобросовѣстности; онъ зналъ, что многіе изъ придворныхъ совѣтовали королю задержать его какъ плѣнника, и несмотря на негодованіе, выраженное Францискомъ при этомъ предложеніи, Карлъ въ душѣ былъ не совсѣмъ спокоенъ. Едва онъ выѣхалъ изъ королевства, какъ французскіе посланники спросили у него подтвержденіе на владѣніе Миланомъ. Карлъ дѣйствовалъ весьма осторожно. Пріѣхавъ во Фландрію, онъ усмирилъ Гентъ, строго поступалъ съ жителями этого города, гдѣ онъ родился, и уничтожилъ всѣ его привилегіи.

Тогда онъ безъ всякаго стѣсненія высказался передъ посланниками, и когда ему напомнили его собственныя слова, прибавилъ: «Пусть покажутъ мнѣ бумагу, писанную мною». Однако онъ не хотѣлъ расторгнуть союзъ съ Франціею, который былъ такъ выгоденъ для него, и рѣшился еще разъ обмануть своего противника, обѣщая отдать Нидерланды своей дочери, которая должна была вступить въ бракъ съ герцогомъ Орлеанскимъ, вторымъ сыномъ короля, но съ условіемъ, что Франція возвратитъ Савойю.

Францискъ чувствовалъ, что его излишняя довѣрчивость къ Карлу V, послѣ явныхъ причинъ къ недовѣрію, сдѣлала его сказкой всей Европы и потому онъ началъ думать о возобновленіи войны. Однако онъ продолжалъ вести переговоры относительно новыхъ предложеній императора, но ни тотъ, ни другой не были искренни и подъ конецъ открыто разорвали дружественныя отношенія, которыя до сихъ поръ поддерживали. Францискъ объявилъ, что не должно быть и рѣчи о возвращеніи Савойи, а императоръ далъ право на владѣніе Миланомъ сыну своему Филиппу.

Король французскій, глубоко скорбя о своихъ ошибкахъ, слагалъ, однако, всю отвѣтственность въ постигшихъ его неудачахъ на окружавшихъ его министровъ и государственныхъ чиновниковъ. Онъ лишилъ коннетабля его должности; адмиралъ Шабо, обвиненный во взяточничествѣ, былъ привлеченъ къ суду, приговоренъ къ изгнанію и получилъ помилованіе только при посредничествѣ герцогини д'Етампъ. Канцлеръ Пойэ, замѣнившій Дюпра въ 1538 году, другъ коннетабля, преданный ему всей душою, подвергся также преслѣдованію и послѣ процесса, продолжавшагося три года, былъ приговоренъ къ штрафу и тюремному заключенію. Это былъ чрезвычайно умный законовѣдъ, постановленія котораго послужили основаніемъ новѣйшаго французскаго законовѣдѣнія. Король старался возобновить союзъ съ германскими принцами, дружбою которыхъ онъ пренебрегъ такъ легкомысленно. Въ Регенсбургѣ былъ собранъ сеймъ, на который папа послалъ своего агента, умнаго и сдержаннаго итальянца Контарини, которому поручено было склонить протестантовъ къ возвращенію въ католичество. Казалось, наступала благопріятная минута къ примиренію. Лютеръ, женатый и отецъ семейства, жилъ почти въ нищетѣ; покинутый ландграфомъ Гессенскимъ, онъ увидѣлъ, что трудился только для удовлетворенія честолюбія князей. «Они смотрятъ—говорилъ онъ—на все это дѣло какъ на комедію, которую играютъ между собою». Новая церковь, сильно протестовавшая противъ папской тираніи, находилась теперь относительно гражданской власти въ состояніи самой унизительной зависимости; она принуждена была вымали-

вать себѣ насущный хлѣбъ у тѣхъ, кому принесла въ даръ всѣ богатства духовенства, наконецъ она дошла до такого раболѣпства, и это было величайшимъ огорченіемъ для Лютера, что позволила ландграфу Гессенскому взять себѣ въ супружество двухъ женъ. Между тѣмъ совѣщанія въ Регенсбургѣ не привели ни къ какому результату: мягкость и уступчивость легата не имѣла никакого дѣйствія на протестантскихъ князей, которые хорошо знали, что возстановленіе религіонаго единства въ Германіи усилитъ могущество императора. Притомъ Францискъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы помѣшать согласію двухъ партій и, жалуясь папѣ на уступчивость легата, предложилъ для охраны церкви себя, своихъ сыновей и всѣ силы своего государства.

Карлъ, видя, что всѣ надежды на примиреніе напрасны, остерегался, однако, предпринимать строгія мѣры противъ протестантовъ, такъ какъ это заставило бы ихъ искать союзничества его соперника въ такую минуту, когда ему вовсе не хотѣлось возобновлять войну, такъ какъ ему нужно было думать о защитѣ Венгріи отъ Турокъ и онъ нуждался въ помощи Германіи. Переговоры, начатые въ Вѣнѣ и Каданѣ, были возобновлены. Протестанты отклонили предложеніе Франциска вступить съ ними въ союзъ и поспѣшили присоединиться къ императорской арміи.

Карлъ поручилъ своему брату продолжать войну въ Венгріи и рѣшился нанесть ударъ могуществу оттомановъ, которые постоянно разоряли берега Испаніи и Италіи. Карлъ хотѣлъ разрушить Алжиръ, главный притонъ пиратовъ; но экспедиція эта не имѣла успѣха. Флотъ императора былъ уничтоженъ бурей, и Карлъ возвратился въ Картагену.

Послѣ разрыва своего съ императоромъ Францискъ возобновилъ переговоры съ Солиманомъ; онъ послалъ къ нему двухъ агентовъ съ бумагами, излагающими предполагаемый договоръ. Эти агенты были подданные императора, изгнанные имъ за измѣну; они хотѣли отправиться въ Константинополь черезъ Венецію, проѣхали Ломбардію безъ охранной граматы, несмотря на настоятельныя убѣжденія Дюбеле-Ланже, губернатора Піемонта, совѣтовавшаго имъ запастить ею и сохранившаго у себя ихъ депеши. Они были умерщвлены по приказанію Дюгаста, губернатора Милана, который думалъ найти въ ихъ бумагахъ доказательства преступныхъ сношеній Франциска съ Турками. Французскій король требовалъ у императора удовлетворенія за это оскорбленіе и объявилъ Европѣ о нарушеніи мира и спокойствія, такъ сильно желаемаго всѣми. Въ Европѣ въ это время внимательно слѣдили за алжирской экспедиціей и не сочувствовали гнѣву союзника турокъ противъ защитника христіанства. Но послѣ несчастнаго похода Карла Францискъ послалъ къ Соли-

ману капитана Полена, который вышелъ изъ ничтожества и сдѣланъ былъ начальникомъ галеръ и барономъ Де-Ла-Гардъ; султанъ исполнилъ обѣщаніе, данное Франциску и послалъ ему на помощь свой флотъ, хорошо вооруженный и снабженный всѣмъ необходимымъ, отдавъ приказаніе капитану-пашѣ употребить всѣ усилія для уничтоженія враговъ французскаго короля. Потомъ Де-Ла-Гардъ отправился просить союза въ Даніи, Швеціи, Шотландіи, и скоро ему удалось образовать пять отдѣльныхъ армій. Первая состояла изъ 30,000 человѣкъ подъ предводительствомъ герцога Орлеанскаго, вторая и третья, подъ начальствомъ герцоговъ Клевскаго и Вандомскаго, направились къ Брабанту и Фландріи; четвертая, во главѣ которой былъ дофинъ, состояла изъ 40,000 и шла къ Руссильону; пятая, подъ начальствомъ адмирала Аннбо, находилась въ Піемонтѣ.

Герцогъ Орлеанскій съ помощію Клода герцога Гиза (сына Рене II, герцога Лотарингскаго; одна изъ дочерей Клода вступила въ бракъ съ Яковомъ V, шотландскимъ королемъ, и была матерью Маріи Стюартъ) завоевалъ въ два мѣсяца Люксамбургъ, гдѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ защитѣ; потомъ онъ распустилъ свои войска въ Руссильонѣ, гдѣ предполагали дать сраженіе. Но эту провинцію защищалъ герцогъ Альба; армія должна была удалиться, и въ это время Люксамбургъ былъ снова потерянъ для французовъ. Обѣ сѣверныя арміи сначала производили только грабежи и не предпринимали ничего рѣшительнаго, но на слѣдующій годъ онѣ овладѣли провинціей Артуа (1543 г.). Король отправился сюда, укрѣпилъ Ландреси, возвратилъ Люксамбургъ и удалился въ то время, какъ сюда явился Карлъ.

Императоръ быстро перешелъ Италію и Германію и устремился съ 30,000-й пѣхотой и 4,000-й конницей къ герцогству Клевскому, завоевалъ его, заставивъ герцога на колѣняхъ умолять о пощадѣ, вынудилъ у него согласіе отказаться отъ союза съ Франціей съ уступкою всѣхъ правъ на Гельдернъ. Потомъ онъ отправился осаждать Ландреси; этотъ городъ оказалъ мужественное сопротивленіе. Францискъ поспѣшилъ къ осажденнымъ на помощь и всѣ ждали большаго сраженія между двумя противниками, но Карлъ снялъ осаду.

Турки съ своей стороны также предприняли походъ, и вскорѣ вся Венгрія была ими завоевана. Барберусса, съ флотомъ, состоящимъ изъ 110 кораблей, опустошалъ Италію, затѣмъ направился къ Марсели, гдѣ онъ долженъ былъ присоединиться къ французскому флоту, состоящему подъ начальствомъ графа Энгіенскаго. По приказанію короля, оба флота отправились къ Ниццѣ, единственному городу, который принадлежалъ еще гер-

цогу Савойскому; они овладѣли этимъ городомъ, но при извѣстіи о приближеніи императорской арміи сняли осаду съ замка. Ницца была разграблена и сожжена, несмотря на капитуляцію; «но въ этомъ — говоритъ Віелевиль — нельзя обвинить ни Барберуссу, ни Сарацинъ, потому что они въ это время были уже далеко; однако эти злодѣйства были приписаны имъ для того, чтобы спасти честь Франціи и христіанскаго войска.

Къ такому-то ничтожному результату привело грозное вооруженіе и соединенныя усилія союзниковъ, между тѣмъ какъ они могли бы легко уничтожить испанскій флотъ. Турки получили 800,000 экю, и остались зимовать въ Тулонѣ, а на слѣдующій годъ возвратились въ Константинополь съ 14,000 рабовъ (1544 г.).

Всѣ христіанскіе государи съ ужасомъ видѣли, какъ невѣрные продавали въ Марсели христіанъ, похищенныхъ ими въ Италіи; они негодовали на святотатственный союзъ французовъ съ турками, на потомка Людовика Святаго, призвавшаго въ Европу варваровъ, враговъ просвѣщенія, опустошавшихъ христіанскія земли. Францискъ не осмѣлился болѣе вступить въ союзъ съ турками.

Императоръ собралъ сеймъ въ Шпейерѣ, на которомъ указалъ на всѣ опасности, грозившія имперіи. Онъ утверждалъ, что успѣхъ невѣрныхъ былъ слѣдствіемъ измѣны французовъ христіанскому дѣлу, что для того, чтобы побѣдить турокъ, надо нанести сильное пораженіе Франціи, этому близкому, домашнему врагу Европы.

«Вся моя жизнь—говорилъ онъ—была посвящена усмиренію религіозныхъ волненій и защитѣ христіанства отъ турокъ, тогда какъ французскій король всю жизнь помогалъ невѣрнымъ и поддерживалъ смуты, грозившія единству Церкви». И Карлъ показалъ протестантамъ письма, писанныя ему Францискомъ въ 1540 году, въ которыхъ онъ предлагаетъ ему свою помощь въ борьбѣ противъ нихъ. Все собраніе было глубоко оскорблено этимъ; оно отказалось выслушать посланниковъ Франциска, оправдывавшихъ его дѣйствія и поступки. Былъ отданъ приказъ немедленно собрать войско и готовиться къ войнѣ съ Франціею; всѣ съ восторгомъ встрѣтили датскаго посланника, объявившаго о намѣреніи своего государя отказаться отъ всякихъ сношеній съ союзникомъ турокъ.

Явился еще другой врагъ Франціи: Генрихъ VIII утвердилъ свое деспотическое владычество въ Англіи посредствомъ насилія и кровопролитія. Желая распространить свое вліяніе и свои религіозныя убѣжденія въ Шотландіи и заставить короля Іакова V разорвать союзъ съ Францискомъ, онъ объявилъ ему войну. Іаковъ потерпѣлъ пораженіе, умеръ съ горя, оставивъ престолъ

своей дочери Маріи Стюартъ, подъ опекой матери ея Маріи Гизъ (1542 г.).

Генрихъ хотѣлъ заставить послѣднюю выдать молодую королеву замужъ за его сына Эдуарда; регентша отказала ему въ этомъ, прося помощи у Франциска I. Тогда король англійскій, настоящей политикой котораго былъ союзъ съ Франціей, сталъ на сторону Карла V и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Было рѣшено, что англійская и испанская арміи двинутся, нигдѣ не останавливаясь, къ Парижу.

Францискъ былъ весьма озабоченъ всѣми этими приготовленіями: онъ видѣлъ себя окруженнымъ врагами; союзъ его съ турками былъ скорѣе гибеленъ, чѣмъ полезенъ для него. Финансы были истощены; приходилось создавать новыя служебныя должности и продавать королевскіе домены для того, чтобы выплачивать войску жалованье — громадную сумму, доходившую до 9.000,000 въ годъ. Все это дѣлалось безъ разрѣшенія и одобренія генеральныхъ штабовъ. «Король — говоритъ Сюлли въ своихъ мемуарахъ — налагаетъ подати въ силу своей собственной королевской власти, представляя какъ уважительную, по его мнѣнію, причину всѣхъ своихъ дѣйствій, слѣдующее: «я поступилъ такъ потому, что мнѣ такъ хотѣлось».

Два первые похода были неудачны и безполезны; въ началѣ третьяго въ Піемонтъ было послано подрѣпленіе подъ начальствомъ графа Энгіенскаго, младшаго брата Антуана Бурбона, герцога Вандомскаго. Осадили Кариньянъ. Дюгастъ хотѣлъ отрѣзать французамъ путь къ Альпамъ и оттуда проникнуть во Францію; войско его было сильнѣе французскаго, но въ то время, какъ онъ приводилъ въ исполненіе свое намѣреніе, герцогъ Энгіенскій сдѣлалъ на него нападеніе при Черизола съ такою стремительностію, что Дюгастъ былъ совершенно разбитъ и потерялъ 12,000 человѣкъ, оставивъ на полѣ сраженія свои пушки и обозъ.

Послѣ такой блестящей побѣды можно было надѣяться на возвращеніе Милана. Но враги грозили напасть на границы Шампани и Пикардіи; король вызвалъ изъ Піемонта 12,000 человѣкъ, и графъ Энгіенскій, послѣ взятія Кариньяна, заключилъ съ имперцами на три мѣсяца перемиріе.

Императоръ вступилъ въ Люксамбургъ съ 40,000-й арміей; онъ вошелъ въ Шампань и осадилъ С. Дизіе. Въ этомъ дурно укрѣпленномъ городѣ весь гарнизонъ состоялъ изъ 2,000 чел., но онъ находился подъ начальствомъ Сансера и Лалонда, которые два года тому назадъ мужественно защищали Ландреси. Городъ сопротивлялся впродолженіе цѣлаго мѣсяца и сдался съ честью на капитуляцію. Эта осада дала дофину время собрать армію, укрѣпить другіе города, тревожить императорскую армію

постоянными нападеніями, лишая ее продовольствія. Когда Карлъ шелъ къ Парижу, то ему приходилось проходить чрезъ страну совершенно разоренную, города которой были, однако, сильно укрѣплены, а рѣки и проходы бдительно охраняемы войсками; солдаты императора умирали съ голода и на возвратномъ пути встрѣчали страшныя затрудненія. Однако онъ овладѣлъ Эперне и Шато-Тіерра, гдѣ нашелъ большой запасъ продовольствій, заставилъ дофина отступить къ Мо и навелъ страхъ на Парижъ. Францискъ былъ въ отчаяніи отъ всѣхъ неудачъ и несчастій. «Боже! вскричалъ онъ, какъ дорого мнѣ приходится платить за эту корону, которая, какъ я думалъ, получена мною въ даръ отъ Тебя».

Между тѣмъ Генрихъ VIII высадился въ Кале; онъ пришелъ въ негодованіе, видя, что императоръ, не смотря на ихъ условія, выказалъ нерѣшительность при осадѣ С. Дизіе и потому приступилъ самъ къ осадѣ Булони. Между двумя соперниками произошло несогласіе, кончившееся полнымъ разрывомъ. Карлъ видѣлъ, что въ то время, какъ его армія уменьшилась почти на половину, французская все болѣе и болѣе усиливалась и что союзникъ его, король англійскій, готовъ былъ сдѣлаться его врагомъ; притомъ ему слѣдовало спѣшить въ Германію, чтобы отразить турокъ, готовящихся къ нападенію, и не допустить возобновленія лютеранской лиги. Онъ достигнулъ въ этой войнѣ своей цѣли. Франція не могла быть уничтожена, онъ зналъ это очень хорошо; онъ желалъ только, чтобы она не вмѣшивалась въ его дѣла и позволяла ему приводить въ исполненіе его намѣренія и планы относительно Германіи; онъ думалъ, что своими побѣдами принудилъ ее смириться, и потому предложилъ Франциску миръ, на который тотъ немедленно согласился, и договоръ въ Креспи былъ подписанъ (1544 г. 18 сентября).

Оба государя возвратили другъ другу свои завоеванія; герцогъ Орлеанскій долженъ былъ вступить въ бракъ съ дочерью или племянницей Карла; первая приносила въ приданое Нидерланды; вторая—Миланъ. Савойя должна была быть возвращена герцогу при заключеніи брака. Оба соперника давали обѣщаніе содѣйствовать водворенію религіознаго мира и обязывались защищать христіанъ отъ нападенія турокъ. Границы Франціи оставались такими же, какими онѣ были въ годъ смерти Людовика XII. Много уже значило и то, что она ничего не потеряла во время этой неровной и продолжительной борьбы, давъ побѣдителю только возможность пріобрѣсти Миланъ. Эта борьба, полная живаго интереса, заставила, не смотря на ошибки Франциска I, уважать его память; она доказываетъ также, что Франція была въ это время такъ могущественна и представляла такое плотно-объединенное государство, что она имѣла гораздо бо-

лѣе значенія на политическихъ вѣсахъ Европы, чѣмъ Испанія, Германія, Нидерланды и Италія, и боролась противъ большей половины европейскихъ государствъ. Вотъ единственное преимущество, выпавшее на ея долю во время этой продолжительной войны — «стоившей жизни 200,000 чел. и разорившей до милліона семействъ», говоритъ Монлюкъ; но обвиненіе въ этомъ падало на короля, такъ какъ онъ могъ бы, избравъ театромъ войны Нидерланды, получить за потерю Милана владѣнія, которыя навсегда остались бы за Франціей.

Между тѣмъ Генрихъ VIII, оставленный императоромъ, отказался дать согласіе на заключеніе мира, о которомъ были переговоры въ Креспи, и война продолжалась, но безъ всякой цѣли и весьма медленно. Король англійскій взялъ Булонь (1544 г.) и, оставивъ тамъ сильный гарнизонъ, возвратился въ свое королевство. На слѣдующій годъ во Франціи начались большія приготовленія къ войнѣ; адмиралъ Аннбо собралъ въ Гаврѣ, только-что построенномъ, большой флотъ, для предстоящей высадки въ Англіи, но всѣ его дѣйствія ограничились разореніемъ южныхъ береговъ; точно также какъ маршалъ Біезъ съ 30,000 войскомъ, назначеннымъ для блокады Булони, производилъ страшныя опустошенія въ графствѣ д'Оа (d'Oye). Король съ сыновьями прибылъ въ лагерь, расположенный передъ Булонью; герцогъ Орлеанскій умеръ отъ эпидеміи, распространившейся въ Пикардіи во время войны. Со смертью его королю какъ бы возвращались всѣ его права на Миланъ и Нидерланды; но императоръ отказался признать ихъ и рѣшился объявить войну. Францискъ удержалъ за собою Савойю и Піемонтъ и снова заключилъ союзъ съ турками и протестантами. Тогда-то Генрихъ VIII, тревожимый приготовленіями, которыя дѣлалъ императоръ для усмиренія смутъ въ Германіи, заключилъ миръ съ Франціей (1546 г. 7 іюня). Онъ обѣщалъ возвратить Булонь за сумму два милліона экю. Восемь мѣсяцевъ спустя, онъ умеръ (1547 г.), а черезъ два мѣсяца король французскій, приготовлявшійся возобновить войну съ Карломъ V, послѣдовалъ за нимъ въ могилу (31 марта).

Франциску было 53 года. «Онъ умеръ—говоритъ Таваннъ—преждевременно, вслѣдствіе своей невоздержной жизни. Этотъ король возвышалъ людей и осыпалъ ихъ своими милостями, безъ всякой съ ихъ стороны заслуги; предоставлялъ имъ вести войну и заключать миръ, для того, чтобы освободить себя отъ заботъ, нисколько не думая о послѣдствіяхъ своей безпечности. Женщины управляли всѣмъ; онѣ назначали даже генераловъ и военачальниковъ. Въ характерѣ Франциска было много великодушныхъ порывовъ, но, увлекаемый своими страстями, онъ скоро забывалъ о своихъ благихъ намѣреніяхъ. Онъ любилъ искус-

ства и постройки и заслуживаетъ имя Великаго во-первыхъ за побѣду свою при Мариньянѣ, потомъ за покровительство наукамъ и искусствамъ и въ третьихъ за сопротивленіе, которое онъ высказалъ во время борьбы со всей Европой».

(Histoire des Français par Théophile Lavallée. Tome deuxième. Paris, 1847. Sixième édition).

2. КАЛЬВИНЪ И СЕРВЕ.

Женева предъ появленіемъ Кальвина.—Политическая дѣятельность и моральное вліяніе Кальвина.—Процессъ Серве.—Другія жертвы кальвинизма.—Протестантская инквизиція.

Въ то время, какъ въ обширной Германіи былъ только одинъ реформаторъ, небольшая Швейцарія воспитала двухъ, одинаково имѣвшихъ всемірно-историческое значеніе.

Изъ нихъ только Цвингли былъ настоящимъ швейцарцемъ, другой же лишь пользовался почвой Швейцаріи, какъ болѣе вѣрнымъ убѣжищемъ, изъ котораго могъ, не вступая въ свое отечество—Францію, преобразовать ее, и оттуда распространять по всему свѣту свою вѣру въ предопредѣленіе, обратившуюся у него въ плоть и кровь.

Кальвинъ желалъ сдѣлать изъ Женевы протестантскую Францію въ миніатюрѣ, которая представляла бы собою для его отечества образцовое государство, какимъ, по его мнѣнію, оно должно быть. Поэтому нельзя считать Кальвина благодѣтелемъ собственно Женевы; онъ не былъ имъ. Напротивъ, его сердце никогда не лежало къ этому городу съ его свободой, но впродолженіе всей своей жизни онъ неуклонно преслѣдовалъ одну только цѣль—обращеніе Франціи въ протестантизмъ; для этого жертвовалъ онъ, не задумываясь, всѣмъ, что только препятствовало такой цѣли, какъ напр. демократическимъ устройствомъ Женевы, которое онъ старался замѣнить теократическимъ.

Населеніе мрачнаго стариннаго города, расположеннаго при истокахъ р. Роны изъ озера Лемана, тогда еще не украшеннаго теперешними набережными, мостами и отелями, и отдѣленнаго отъ озера стѣнами и узкими шлюзами, было уже обращено въ новую вѣру, благодаря усиленнымъ стараніямъ болѣе ранних проповѣдниковъ. Вильгельмъ Фарель, этотъ пламенный фанатикъ, которому никакія насилія со стороны разъяренной черни не помѣшали разрушить въ кантонѣ де Во и въ Невшателѣ *«иконопоклоненіе»* и вездѣ, по примѣру германской Швейцаріи, выбрасывать изъ храмовъ иконы, послѣ своего посѣщенія са-

войскихъ Вальденцевъ проповѣдывалъ также и въ Женевѣ; но его проповѣдь уничтожалась вліяніемъ женщинъ, преданныхъ старой вѣрѣ своихъ предковъ. Наученный неудачей Фареля, Антоній Фроманъ изъ Дофинэ, хроникеръ женевской реформаціи, дѣйствовалъ осторожнѣе. Онъ явился въ Женеву въ качествѣ учителя языковъ и врача и мало по малу сталъ употреблять свое время на бичеваніе злоупотребленій римской церкви и на проповѣдь протестантства. Но, не смотря на значительное число своихъ приверженцевъ, онъ былъ изгнанъ разъяренными торговками изъ города. Совѣтъ послѣдняго колебался между двумя партіями, которыя въ то же время проникли и въ союзные съ Женевой города—Бернъ и Фрейбургъ. Завязалась страшная борьба: отъ словеснаго спора перешли къ дѣйствительному бою и дѣло дошло даже до убійствъ. Фарель и Фроманъ снова появились и вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Петромъ Вире, проповѣдывали противъ доктора Сорбоннскаго университета Гуи Фурбити.

Наконецъ, благодаря вліянію Берна, два года спустя послѣ перваго прибытія Фареля въ Женеву (1534 г.), реформація здѣсь восторжествовала, союзъ съ Фрейбургомъ былъ нарушенъ, иконы разбиты, и католическіе священники, монахи и монахини бѣжали въ Савойю. Сестры монастыря св. Клары печальной процессіей и со слезами на глазахъ обошли свои покои и покинули городъ, сопровождаемыя ратсгерами до заставы.

Большая часть церковныхъ имуществъ была употреблена на основаніе госпиталя. Замѣчательно, что съ этого-то именно времени надъ женевскимъ гербомъ и появилось изрѣченіе: «post tenebras lux». Противъ грозящаго нападенія со стороны Савойи защитилъ Женеву, покоренный съ помощью Берна, кантонъ Во, и швейцарская партія Леманстадта (Guguenoten, т. е. союзники), особенно способствовавшая водворенію здѣсь реформаціи, съ тѣхъ поръ оставила свое названіе за всѣми французскими протестантами.

Спустя два года послѣ введенія новаго вѣроисповѣданія въ Женевѣ, явился туда пикардіецъ Іоаннъ Кальвинъ изъ Нойоны. Онъ родился въ 1509 г., а въ 1532 отправился уже протестантомъ въ Парижъ съ цѣлью смягчить Франциска I, этого любителя искусства, который огнемъ и мечемъ преслѣдовалъ новое ученіе; онъ издалъ тамъ сочиненіе Сенеки о «кротости», но цѣли своей все-таки не достигъ. Тогда ему пришла смѣлая мысль преобразовать, живя въ Парижѣ, всю Францію и онъ составилъ рѣчь, которую публично долженъ былъ произнести ректоръ Сорбонны. Эта рѣчь возбудила такой шумъ, что ректоръ принужденъ былъ бѣжать въ Базель, самъ же Кальвинъ съ трудомъ спасся въ ту минуту, когда преслѣдователи его при-

ближались уже къ его дверямъ. Его захваченныя бумаги подвергли опасности многихъ изъ друзей его; но онъ исходилъ вдоль и поперегъ всю Францію, неустрашимо проповѣдуя свое ученіе, и даже имѣлъ смѣлость снова возвратиться въ Парижъ. Но, наконецъ, гоненія на принявшихъ реформацію усилились до такой степени, что Кальвинъ, предварительно издавши ожесточенное опроверженіе ученія о перекрещеніи, проникшаго и во Францію, счелъ за лучшее покинуть свое отечество.

Онъ отправился въ Страсбургъ и Базель. Но и въ изгнаніи онъ не покидалъ своего великаго плана. Когда Францискъ I, желая доказать, что онъ, не смотря на свои войны съ Карломъ V, на союзъ съ султаномъ Солиманомъ и англійскимъ королемъ Генрихомъ VIII, отпавшимъ отъ католической церкви, и на его переговоры съ германскими и швейцарскими реформатами, всетаки правовѣрный католикъ, устроилъ процессію (ауто-да-фе) въ Парижѣ, участвовалъ въ ней пѣшкомъ и съ обнаженной головой, и когда ужасныя жертвы, сопряженныя съ этой церемоніей, не только не прекратились, но еще и умножились, тогда Кальвинъ написалъ свое сочиненіе «Институція христіанской религіи». Въ немъ онъ высказывалъ свои религіозныя убѣжденія, защищая своихъ единовѣрцевъ; присоединивъ къ нему рѣзкое предисловіе, обращенное къ Франциску I, онъ отослалъ его послѣднему. Догматъ о предопредѣленіи былъ самымъ замѣчательнымъ и выдающимся изъ всѣхъ его догматовъ; по этому догмату, будущее блаженство, внѣ всякаго отношенія къ личнымъ заслугамъ, зависитъ единственно отъ промысла Божія. Но и на это сочиненіе Францискъ I не обратилъ никакого вниманія.

Неутомимому реформатору показалось безполезнымъ долѣе его присутствіе въ Базелѣ, почти уже преобразованномъ, и потому, услышавъ, что новое ученіе быстро распространяется по Италіи, онъ перешелъ Альпы, гдѣ, подъ покровительствомъ феррарской герцогини, уже дѣйствовали реформаты. Но самъ герцогъ, находясь въ союзѣ съ папой и императоромъ, выгналъ изъ своихъ владѣній французовъ, какъ враговъ своихъ двухъ союзниковъ, и потому Кальвинъ долженъ былъ отказаться отъ мысли принять участіе въ дѣятельности этого круга. Тогда онъ еще разъ посѣтилъ Францію, но вскорѣ, изъ опасенія быть сожженнымъ на кострѣ, бѣжалъ оттуда въ Женеву; это было въ годъ покоренія кантона Во. Затѣмъ онъ хотѣлъ опять уѣхать изъ Женевы, но былъ удержанъ просьбами и угрозами Фареля, которому выгодно было имѣть такого талантливаго помощника. Такимъ образомъ Кальвинъ остался въ Женевѣ и считался проповѣдникомъ и учителемъ теологіи. Въ слѣдующемъ году онъ уже получилъ первый окладъ жалованья. Фарель и Вире

были его задушевными друзьями; всю свою жизнь они остались неразлучными и подавали примѣръ рѣдкой дружбы. Но въ то время какъ Фарель и Вире могутъ быть названы реформаторами Женевы въ настоящемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они дѣйствительно распространяли тамъ новое ученіе, Кальвину же несправедливо давать это названіе,—онъ явился въ Женеву уже тогда, когда церковный переворотъ совершился. Итакъ, онъ *не* былъ реформаторомъ Женевы; *чѣмъ* онъ былъ, покажетъ намъ его дѣятельность.

Чтобы достойно оцѣнить Кальвина, необходимо разсмотрѣть побудительныя причины его политической, нравственной и догматической дѣятельности въ Женевѣ, такъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ему удалось закрѣпить за собою главнѣйшій авторитетъ въ союзническомъ городѣ. Для созданія протестанской (относительно предопредѣленія) государственной церкви во Франціи, творецъ такой мысли нуждался въ *политикѣ*; ибо онъ долженъ былъ заручиться партіей, въ случаѣ же надобности и войскомъ, съ которымъ онъ могъ бы изъ Женевы, гдѣ онъ намѣревался положить основаніе своему образцовому государству, завоевать и свое отечество — Францію. Такъ какъ его цѣли были направлены на Францію, а не на Женеву, то и свою партію, и войско онъ формировалъ изъ соотечественниковъ, которые бѣжали изъ Франціи изъ-за дѣла своей вѣры или покрайней мѣрѣ выдавали себя за послѣдователей новаго ученія, чтобы служить цѣлямъ своего учителя. Доказано статистически, что со времени прибытія его въ Женеву, въ этой маленькой республикѣ усилился наплывъ французскихъ эмигрантовъ, изъ которыхъ одни получили права гражданства, а другіе только права поселенія, и число которыхъ постепенно стало превышать число мѣстныхъ уроженцевъ. Конечно, государственное устройство Женевы не позволяло этимъ пришельцамъ достигать высшихъ должностей, но зато реформаторъ пріобрѣлъ между старыми женевцами и особенно между тѣми, которые прежде стояли на сторонѣ Савойи, достаточное число приверженцевъ, такъ что въ случаѣ нужды могъ учредить новое правленіе и восторжествовать надъ республикой съ помощью эмигрантовъ. Партію Кальвина еще увеличивали крѣпостные, бѣжавшіе отъ своихъ господъ, жившихъ въ окрестностяхъ города; къ нимъ еще присоединились всѣ тѣ, въ интересахъ которыхъ было загладить свои прежніе преступленія и грѣхи мнимою набожностію.

Этой партіи противостояла другая, которая считала унизительнымъ для Женевы быть ареной для толпы искателей приключеній и слишкомъ дорожила свободой, только-что съ трудомъ и кровью защищенной отъ покушеній Савойцевъ, чтобы промѣнять ее на господство мрачнаго ревнителя церкви.

Эта старая женевская партія, всецѣло проникнутая швейцарскимъ духомъ и въ религіозномъ отношеніи примкнувшая къ Берну, гдѣ господствовало ученіе Цвингли, была большимъ бѣльмомъ въ глазахъ проповѣдника французскаго государственнаго протестантизма. Она служила для кальвинистовъ главнымъ предметомъ, который они старались всячески очернить, объявляя своихъ противниковъ безнравственными и попиравшими всякія права на вѣру и смѣшивая ихъ съ умысломъ съ либертинцами, названіе которыхъ принадлежало одной сектѣ, пользовавшейся въ то время весьма дурною репутаціею, хотя и никогда не проникавшей въ Женеву. А между тѣмъ эти либертинцы, или либералы, были благонамѣренными и достойными уваженія гражданами. Дошедшіе до насъ протоколы показываютъ, что они подвергались наказанію единственно за нежеланіе подчиниться тогда господствующимъ кальвинистамъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ. Піетисты же и реакціонеры упорно поддерживали эту клевету, пока, наконецъ, въ настоящее время мужественному Галиффе не удалось возстановить честь либертинцевъ и разоблачить «Реформатора».

Вражда между двумя партіями достигла такихъ размѣровъ, что Кальвинъ и Фарель, которые, не подчиняясь предписанному властями Бернскому богослуженію, вводили свое собственное, еще болѣе мрачное и суровое, заставляли гражданъ признавать катехизисъ составленный Кальвиномъ, и противившіеся этому присуждены были «либеральнымъ» національнымъ собраніемъ (conseil général) къ изгнанію. Въ то время, когда они жили въ Цюрихѣ, партія ихъ не оставалась въ бездѣйствіи. Она задумала предать Женеву Франціи, надѣясь въ такомъ случаѣ и тамъ ввести кальвинизмъ; а чтобы скрыть свой замыселъ, она обвиняла предводителей противной партіи въ намѣреніи предать Женеву Берну. И дѣйствительно ей удалось посредствомъ такой лжи такъ раздражить народъ, что Синдикъ — Иванъ Филиппъ, глава либераловъ, былъ приговоренъ къ смерти и обезглавленъ по одному только, ни чѣмъ не подтвержденному подозрѣнію, что онъ въ рукопашной схваткѣ партій убилъ одного своего противника; той же участи подвергся и одинъ изъ приверженцевъ Филиппа. Тотчасъ же былъ призванъ Кальвинъ (1541) послѣ трехлѣтняго изгнанія; ему приготовили великолѣпное помѣщеніе, выдали почетное платье, назначили большое жалованье и вознаградили его за путевыя издержки; наконецъ, ему было поручено «составить законы народнаго правленія».

Кальвинъ воспользовался своимъ значительнымъ вліяніемъ для подавленія самой ничтожной оппозиціи противъ своихъ политическихъ и религіозныхъ намѣреній. Способъ, какимъ это уничтоженіе оппозиціи приводилось въ исполненіе, состоялъ въ

искусно устроенномъ шпіонствѣ, благодаря которому «Реформаторъ», какъ его обыкновенно называютъ, ежедневно разузнавалъ «не только о поступкахъ, минахъ и словахъ, но даже и о мысляхъ и намѣреніяхъ каждаго женевца, хотя бы его и не было на лицѣ». Такъ, управитель цейгауза, Петръ Амо, былъ арестованъ за неодобрительныя выраженія о Кальвинѣ, но освобожденъ за недостаткомъ уликъ, изъ-за чего Кальвинъ грозилъ перестать проповѣдывать и называлъ оскорбленіе, нанесенное ему Амо, «богохульствомъ».—Тогда Петръ снова былъ схваченъ и приговоренъ къ слѣдующему наказанію: на трехъ главныхъ городскихъ площадяхъ онъ долженъ былъ просить помилованія у своихъ судей и признаться въ своей винѣ противъ Кальвина, стоя все время на колѣняхъ, въ одной рубашкѣ, съ обнаженной головой и съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ. Благодаря этому позору, онъ, понятно, лишился своей должности, и ему оставалось только приняться за свое прежнее ремесло—приготовленія разныхъ принадлежностей игры (картъ, игральныхъ костей и т. д.). Замѣчательно, что въ самый день его осужденія были запрещены въ рабочіе дни всѣ игры, замѣчательно также и то, что должность его получилъ его лживый другъ, оклеветавшій его. И послѣ даже Кальвинъ настойчиво преслѣдовалъ его. Судьба Петра замѣшала въ дѣло и священника Генриха де-ла Маръ, который по случаю процесса Амо сказалъ, вѣроятно, по собственному опыту: «Если Кальвинъ имѣетъ что нибудь противъ кого, то онъ этого никогда не забудетъ»; къ тому же это былъ единственный священникъ, не обязанный «Реформатору» своимъ мѣстомъ, котораго въ концѣ концовъ лишился. Такому же униженію, какъ и Амо, подвергся типографщикъ Дювуа, у котораго, какъ кажется, появились сочиненія съ религіозными взглядами, противными взглядамъ Кальвина; кромѣ того, вызванный его рѣзкими выраженіями, онъ назвалъ Кальвина лицемѣромъ.

Когда такимъ образомъ Кальвинъ показалъ, какъ онъ понимаетъ слова Спасителя: «Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему лѣвую», онъ, вѣроятно, хотѣлъ представить совершенную противоположность тому, какъ Христосъ обошелся съ грѣшницей, побуждая совѣтъ къ изданію указа, по которому раньше ненаказанные проступки подверглись бы наказанію теперь. Это было очень удобнымъ средствомъ обнаружить прошедшее старинныхъ женевскихъ фамилій, которыя были проникнуты либеральнымъ, національнымъ и ненавистнымъ чуждому пришельцу духомъ, тогда какъ переселенцамъ, т. е. приверженцамъ Кальвина, прошедшее которыхъ не было извѣстно, бояться было нечего. Первою жертвою этого закона, который, даже по понятіямъ того времени, не согласовался ни съ моралью, ни съ справедливостью, сдѣлался бывшій Синдикъ Францъ

Фавръ, прежній предводитель гугенотовъ, а теперь мирно жившій въ уединеніи. Его вдругъ неожиданно обвинили въ какомъ-то преступленіи, совершенномъ имъ 16 лѣтъ тому назадъ, въ какомъ именно — судьи и сами хорошенько не знали, но онъ избавился отъ предстоявшаго наказанія бѣгствомъ. Положившись на обѣщаніе, что съ нимъ будутъ обходиться снисходительно, онъ добровольно вернулся назадъ и былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ промучился болѣе десяти мѣсяцевъ, пока наконецъ не отдѣлался денежнымъ наказаніемъ.

Дочь его, жена Синдика Ами Перринъ, позволившая себѣ порицать жестокое обращеніе съ ея престарѣлымъ отцомъ, также была схвачена, но потомъ освобождена вмѣстѣ съ нимъ. До сихъ поръ Ами Перринъ былъ приверженцемъ Кальвина и даже не роптал̀ъ на такое заключеніе дорогихъ ему личностей, но когда духовная консисторія, подъ предлогомъ «мнимаго возмущенія», потребовала новаго изслѣдованія и когда Кальвинъ назвалъ Фавра «собакой», а жену Перрина «собачьей дочерью», тогда терпѣніе мужа лопнуло и онъ угрожалъ отомстить. Отецъ, дочь и зять были снова арестованы и, несмотря на ихъ болѣзнь, съ ними обходились такъ жестоко, что наконецъ Бернъ, гдѣ Фавръ былъ гражданиномъ, вмѣшался въ его дѣло, отправилъ посольство въ Женеву, которое съ трудомъ распутывало постыдную интригу, сплетенную шпіонами Франціи, бывшими въ то же время и задушевными друзьями Кальвина, пока наконецъ Перринъ не былъ отпущенъ безнаказанно.

Такой произволъ, заставляя стыдиться настоящихъ женевцевъ, въ молодомъ подроставшемъ поколѣніи возбуждалъ страстное желаніе мщенія. Во главѣ его стали братья Бертелье, сыновья благороднаго швейцарца, казненнаго въ 1519 году за оказанное имъ сопротивленіе господству Савойи. Благодаря усиліямъ, имъ нѣсколько разъ удавалось, при правильныхъ выборахъ, замѣнять кальвинскихъ правителей свободномыслящими людьми, а также и добиться нѣкоторыхъ либеральныхъ реформъ и отмѣны теократическаго правленія. Духовенство мстило этимъ смѣльчакамъ отлученіемъ отъ церкви, что въ свою очередь возбудило такое озлобленіе, что господство Кальвина висѣло на волоскѣ; но послѣднее подкрѣпилось новымъ приливомъ гражданъ и наскоро вооруженные имъ французскіе приверженцы принудили Перрина и старшаго брата Бертелье бѣжать изъ отечества. Шесть отцевъ семействъ, изъ которыхъ одни оказали вооруженнымъ сопротивленіе, а другіе и совсѣмъ невинные, въ томъ числѣ и младшій Бертелье, были обезглавлены, кромѣ того двое изъ нихъ еще и четвертованы. За этимъ послѣдовали другія казни и безчисленное множество изгнаній, такъ что вскорѣ была уничтожена всякая политическая оппозиція кальвинизму.

Что касается до нравственной дѣятельности Кальвина, то мы должны сказать по справедливости, что его прославленное безкорыстіе есть ничто иное, какъ басня. Кальвинисты указываютъ на его доходъ по тогдашней цѣнѣ и приводятъ это въ доказательство его умѣренности, благоразумно умалчивая о томъ, что извѣстная сумма въ настоящее время тогда значила гораздо больше. Онъ получалъ ежегодно жалованье въ 500 женевскихъ гульденовъ (на наши деньги 6,000 фр.); кромѣ того, онъ имѣлъ помѣщеніе съ садомъ, отопленіемъ, двѣнадцать четвериковъ пшеницы и 24 ведра вина; такъ что, не считая многихъ получаемыхъ имъ подарковъ, его ежегодный доходъ въ общей сложности доходилъ до 9, 10 тысячъ франковъ. Затѣмъ правительство меблировало его квартиру, дарило ему во многихъ случаяхъ деньги, дрова и вино въ большомъ количествѣ и наконецъ нанимало ему секретаря.

Когда въ Женевѣ появилась чума и похитила въ числѣ 2,000 человѣкъ также и пастора госпиталя, то правительство, изъ нѣжной заботливости къ Кальвину, запретило назначать его на это мѣсто; но и другіе пасторы думали, что ихъ жизнь что нибудь да стоитъ, и объявили совѣту, что не имѣютъ довольно мужества, чтобы утѣшать очумленныхъ.

Только одинъ согласился исполнить свой долгъ, если его выберутъ, но и онъ былъ зараженъ; такая же судьба постигла и многихъ служившихъ при госпиталѣ.

Между тѣмъ вскорѣ послѣ возвращенія Кальвина изъ изгнанія въ Женеву, всѣми овладѣлъ какой-то паническій страхъ, которымъ воспользовался пикардійскій фанатикъ, чтобы обратить свои личныя убѣжденія въ законы и положить во французскихъ земляхъ начало господству своей теологической системы. Впродолженіе пяти лѣтъ съ 1541 по 1546 годъ 76 человѣкъ было сослано, отъ 800 до 900 заключено въ темницы и 58 казнено; изъ послѣднихъ 34, въ томъ числѣ и 16 женщинъ, были казнены въ три мѣсяца въ 1545 году; въ этомъ же году снова появилась чума.

Изгнаніе въ большинствѣ случаевъ было пожизненнымъ и самовольное возвращеніе наказывалось смертью. Ни одному изъ этихъ изгнаній не подвергались за тяжкія преступленія, а обыкновенно оно присуждалось просто за незначительные проступки въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ; 27 же случаевъ вызваны были подозрѣніемъ въ колдовствѣ и въ распространеніи чумы; изъ 58 казней 38 относились къ этому роду преступленій, выдуманныхъ въ тѣ мрачныя времена. Правда, всеобщее отчаяніе овладѣло умами во время господства чумы, но тѣмъ не менѣе правительство, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ знаменитаго «Реформатора», весьма страннымъ обра-

зомъ примѣнялось къ ученію Христа о любви къ ближнему, если оно допустило систематическое преслѣдованіе людей, обвиняя ихъ въ умышленномъ распространеніи чумы, черезъ патираніе дверей мазью, и т. д., и затѣмъ лишеніе ихъ жизни за ихъ мнимые проступки. 28 изъ числа такихъ несчастныхъ жертвъ, присужденныхъ къ сожженію на кострѣ, были женщины, и между ними находилась и мать палача; послѣдній долженъ былъ сначала отрубить руку, кормившую его, и затѣмъ сжечь тѣло, которое дало ему жизнь. Подобное предварительное изощреніе наказанія разнообразилось вырываніемъ мяса калеными клещами и публичнымъ наказаніемъ кнутомъ, или пытками, послѣ которыхъ многіе умирали, не дождавшись казни.

Одна женщина, которая, по словамъ судебнаго протокола, «не могла надѣяться на милосердіе Божіе», съ отчаянія повѣсилась въ темницѣ, ея трупъ публично провели по улицамъ и отрубили ему правую руку; другая выбросилась изъ окна, такъ какъ на ночь, во избѣжаніе самоубійства, ей связали руки; ее подняли еще живой на тюремномъ дворѣ, затѣмъ стали рвать у ней мясо калеными клещами и наконецъ сожгли; ея мужъ, служившій тогда при госпиталѣ, подвергся такой же участи. Стоило купить себѣ только яда для уничтоженія вредныхъ насѣкомыхъ, чтобы навлечь на себя подозрѣніе въ распространеніи чумы, а этого въ свою очередь было уже достаточно для осужденія; въ приговорахъ часто самымъ яснымъ образомъ говорилось о преступленіи, которое не было доказано! И все это происходило какъ разъ въ то время, когда массы бѣдныхъ людей обременявшихъ правительство, а во время чумы и больные, выгонялись изъ города подъ страхомъ наказанія кнутомъ, въ то время, когда совершившіе обыкновенное преступленіе могли откупиться отъ наказанія деньгами, и только въ случаѣ недостатка ихъ, безпощадно предавались казни. И прославленный реформаторъ, составлявшій при помощи ратсгеровъ женевскіе законы, не могъ, или не хотѣлъ положить всему этому конецъ. Изъ судебныхъ протоколовъ видно, что въ обыкновенныхъ преступленіяхъ обвинялось очень мало уроженцевъ Женевы, а все больше переселенцы, число которыхъ умножилось со времени прибытія туда Кальвина. Кромѣ того, надо замѣтить, что страшныя пытки и варварскія наказанія были почти неизвѣстны женевцамъ и что все это перешло къ нимъ изъ Франціи.

Наряду съ этими кровавыми представленіями, выдвинутыми на сцену благодаря кальвинистской партіи, бросается въ глаза контрастъ въ томъ, какъ относились къ настоящимъ театральнымъ представленіямъ.

Извѣстно, что сценическія представленія составляютъ порожденіе церкви католической, столь богатой церемоніями въ

средніе вѣка. Въ Женевѣ съ давнихъ временъ театральныя представленія принадлежали къ числу народныхъ увеселеній, безъ которыхъ не обходился ни одинъ праздникъ. Реформація не отмѣнила этого увеселенія и даже Кальвинъ не посягнулъ на него, такъ какъ онъ былъ чужеземцемъ и не осмѣлился отнять у женевцевъ ихъ самое дорогое удовольствіе, хотя послѣднее и не согласовалось съ его мрачными воззрѣніями и нравственными убѣжденіями. Но его другъ, бывшій ректоръ Сорбонны, Михаилъ Копъ (убѣжавшій изъ привязанности къ нему изъ Парижа) относился къ нимъ иначе. Когда небольшой кружокъ любителей хотѣлъ представить такъ-называемую «Moralité» (такое названіе носили всѣ піесы религіознаго содержанія), то Копъ сталъ рѣзко проповѣдывать противъ этого въ соборѣ Св. Петра, не смотря на то, что самъ Кальвинъ нашелъ эту піесу, по разсмотрѣніи ея,—«благочестивой и угодной Богу»; Копъ же называлъ ее фарсомъ, а участвующихъ въ ней женщинъ — безнравственными. Совѣтъ призвалъ его за это къ отвѣтственности, но онъ отперся отъ своихъ выраженій. Неизвѣстно, какое ему присудили наказаніе, но только піеса была разрѣшена, и совѣтъ присутствовалъ на ея представленіи. Впрочемъ, по инниціативѣ духовенства, совѣтъ постановилъ черезъ нѣсколько времени «запретить на время подобныя исторіи» (представленія вообще назывались «Histoires»). При жизни Кальвина сценическія представленія въ Женевѣ больше не возобновлялись.

Но еще смѣшнѣе и яростнѣе былъ походъ кальвинистскаго духовенства противъ обычныхъ именъ, дававшихся до тѣхъ поръ при крещеніи, которыя объявлены были «папистскими»; здѣсь цѣль Кальвина была та же, что прежде: разрушить всѣ прежнія воспоминанія Женевы и создать новую Женеву по своему вкусу. Онъ провелъ постановленіе совѣта о томъ, чтобы дѣтямъ давались только тѣ имена, которыя встрѣчаются въ библіи. Отсюда священники должны были упорно отказываться совершать крещеніе при назначеніи не библейскихъ именъ.

Кальвина называютъ по преимуществу преобразователемъ женевскихъ нравовъ и его стараніямъ приписываютъ чистоту нравовъ старинныхъ женевскихъ фамилій, но правдивая и достовѣрная исторія доказываетъ всю невѣрность подобнаго предположенія. Настоящіе женевцы отличались чистотою нравовъ и до Кальвина, это было старинной характеристической особенностью замѣчательной маленькой республики, которой важно было сохранить всю цѣлость и нравственную стойкость при разнообразныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ ей Савойей и епископами. Почти всѣ нарушенія чистоты нравовъ и справедливости до реформаціи происходили отъ савойскихъ придворныхъ и отъ многочисленнаго духовенства, особенно отъ послѣдняго, благодаря

целибатству; послѣ же реформаціи всѣ преступленія и безнравственные поступки совершались преимущественно иностранцами, а именно французскими переселенцами, которымъ самъ Кальвинъ открылъ дорогу въ Женеву. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа ихъ усиливалась и безнравственность, между тѣмъ образъ дѣйствій Кальвина въ отношеніи ихъ не обѣщалъ улучшенія нравовъ.

Мы уже видѣли, что запрещеніе сценическихъ представленій не имѣло никакого разумнаго основанія, что запрещеніе игръ въ будни (почему же и не въ воскресенья?) было слѣдствіемъ личной ненависти Кальвина къ Петру Амо, что наказаніями, налагаемыми за нецѣломудренность, достигали совершенно противоположныхъ результатовъ. Дальнѣйшія постановленія о нравственности были въ такомъ же родѣ: вскорѣ послѣ упомянутаго запрещенія спектаклей, арестовано было въ городѣ до 30 знатныхъ мужчинъ и женщинъ за то, что они три недѣли до этого танцовали на одной свадьбѣ или присутствовали при танцахъ. Затѣмъ было запрещено всѣмъ гражданамъ и жителямъ города посѣщать трактиры, кухмистерскія и питейные дома, такъ что многіе трактирщики должны были разориться. Но чтобы не пришлось остаться на улицѣ тѣмъ, которые жили въ гостинницахъ, кальвинистскій совѣтъ устроилъ сперва три, а потомъ пять такъ-называемыхъ «цеховыхъ домовъ», гдѣ можно было ѣсть и пить подъ присмотромъ чиновниковъ. Но подобное стѣсненіе вызвало, какъ это всегда бываетъ, сильную распущенность нравовъ, такъ что совѣтъ вынужденъ былъ дозволить посѣщеніе трактировъ по крайней мѣрѣ холостякамъ, и число посѣтителей сильно увеличилось противъ прежняго. Странно видѣть, какъ въ виду такого общественнаго зла правительство издавало самые мелочные указы. Ненависть Кальвина и вообще иностранцевъ къ швейцарскимъ нѣмцамъ вызывала запрещенія носить платье, сапоги и даже бороду въ томъ видѣ, въ какомъ все это носилось до тѣхъ поръ въ Швейцаріи; запрещали также вдовѣ трактирщика оставлять на своей вывѣскѣ медвѣдя. Впрочемъ и поведеніе высшихъ властей не могло служить къ улучшенію нравовъ народа. Кромѣ упомянутыхъ случаевъ сожженія и обезглавленій, было введено въ употребленіе и четвертованіе, причемъ четыре части разорванной жертвы вѣшались на четырехъ крайнихъ пунктахъ территоріи города, а голова прибивалась къ стѣнѣ. Затѣмъ доказано, что очень часто законы о нравахъ не примѣнялись къ людямъ, преданнымъ господствующему порядку вещей. Прославленная простота нравовъ при Кальвинѣ получаетъ также своеобразную окраску въ пышныхъ пирахъ, извѣстныхъ старой Женевѣ, которые священники и ратсгеры задавали при первомъ удобномъ случаѣ.

До насъ дошли ménu кушаньевъ подобныхъ пировъ, изъ которыхъ видно, какими дорогими блюдами они изобиловали, такъ что нерѣдко обходились въ нѣсколько сотъ франковъ. Способъ выраженія Кальвина и всего духовенства также заслуживаетъ упоминанія. Реформаторъ въ своихъ проповѣдяхъ называлъ «волками, животными, собаками» тѣхъ, кто не посѣщалъ эти проповѣди, и такъ ораторствовалъ противъ женевской молодежи, обвиняя ее въ намѣреніи возстать противъ религіи, что даже преданный ему совѣтъ просилъ его «не кричать такъ на каѳедрѣ». Разъ онъ даже проповѣдывалъ, что нужно поставить двѣ висѣлицы и повѣсить семь или восемьсотъ женевскихъ юношей. Священникъ Раймондъ Шове, гасконскій уроженецъ, однажды закричалъ во время проповѣди своимъ слушателямъ: «призываю на главу вашу чуму, войну и голодъ». Проповѣдникъ Трепперо изъ Селиньи, лично вызванный Кальвиномъ изъ Турина, обратился къ своимъ прихожанамъ съ слѣдующими словами: «Вы дьяволы! Вы воображаете, что эта земля принадлежитъ вамъ, ничуть не бывало: она принадлежитъ мнѣ и моимъ собратьямъ, мы, чужеземцы, будемъ господствовать надъ вами, а вы можете злиться, сколько вамъ угодно!» «Скромность» Кальвина проглядываетъ еще въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «то, что онъ проповѣдуетъ, это идетъ отъ самого Бога, и кто обижаетъ его, тотъ обижаетъ Отца, Сына и Св. Духа». Такимъ образомъ въ Женевѣ водворилось господство тона, дотолѣ неизвѣстнаго, и грязныя, вульгарныя выраженія попадаются даже въ общественныхъ актахъ.

Лица, праздновавшія рожденіе Искупителя, поплатились двадцати четырехъ часовымъ тюремнымъ заключеніемъ; это было совершенно въ духѣ суроваго кальвинизма. Слуги были испытуемы въ вѣрѣ и обязывались посѣщать проповѣди; священники получали отъ правительства подарки. Кальвинъ постоянно заботился объ удержаніи своего вліянія, посредствомъ котораго онъ могъ привести въ исполненіе свои планы, и просилъ совѣтъ избрать въ синдики благонамѣренныхъ людей, а не такихъ дурныхъ, какъ въ прежніе годы; онъ даже напомнилъ совѣту о ничтожествѣ Женевы, и о томъ, чтобы онъ не думалъ о свободѣ и самостоятельности.

Нанятые составители ложной системы, Бонниваръ и еще болѣе превосходившій его въ наглости ханжа Михаилъ Розе, пользовались большимъ почетомъ.

О физическомъ и нравственномъ состояніи народа заботились такъ ревностно, что посадили на три дня на хлѣбъ и на воду троихъ кожевниковъ за то, что они съѣли за завтракомъ три дюжины паштетовъ; кромѣ того запрещено было читать романъ «Amadis von Gallien». Ясно, что такія мелочныя придирки могли

только вредить, и священникъ Симонъ Гуларъ сознался въ послѣднее время господства Кальвина знаменитому Іосифу Скалигеру, что нравы въ Женевѣ гораздо хуже, чѣмъ во Франціи. И такъ, Кальвинъ въ своихъ нравственныхъ стремленіяхъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско.

Дѣятельность Кальвина въ церковномъ отношеніи сопровождалась принужденіями, инквизицiей, сожженіями и казнями; насчитываютъ до 33 извѣстныхъ людей, подвергшихся преслѣдованію и тѣмъ или другимъ способомъ наказанныхъ Кальвиномъ за свои религіозныя убѣжденія. Мы остановимся только на судьбѣ самыхъ выдающихся между ними. Дерзость французскихъ священниковъ въ Женевѣ вызвала одно сочиненіе, направленное противъ нихъ; авторомъ его стали заподозрѣвать Жака Груе, старинной и извѣстной женевской фамиліи. Кальвинъ велѣлъ схватить всѣ бумаги обвиненнаго, чтобы сличить почерки, но при сравненіи оказалось, что они совершенно различны; однако, несмотря на то, послѣдняго подвергли пыткѣ, и такъ какъ въ его бумагахъ встрѣчались выраженія, противорѣчащія религіознымъ и политическимъ взглядамъ Кальвина, то его присудили къ обезглавленію и гвоздями приколотили его голову къ висѣлицѣ.

Теперь обратимся къ знаменитому процессу, окончившемуся сожженіемъ на кострѣ врача Михаила Серве изъ Вилланцева въ Аррагоніи. Этотъ замѣчательный оригинальный философъ-мечтатель родился въ 1509 году; съ 1528 года онъ началъ изучать правовѣдѣніе въ Тулузѣ; но движеніе, возбужденное Лютеромъ, его занимало гораздо больше, и онъ углубился въ чтеніе Библіи и религіозныхъ полемическихъ статей. Ставши на сторону реформаціи, онъ объѣздилъ, съ цѣлью распространенія ея, Италію, потомъ Швейцарію и южную Германію. Между тѣмъ Серветусъ (онъ придалъ своему имени латинское названіе) въ своихъ возрѣніяхъ уже слишкомъ далеко зашелъ; такъ напр., въ своихъ понятіяхъ о Св. Троицѣ онъ держался воззрѣній, идущихъ въ разрѣзъ съ протестантизмомъ. Это онъ высказалъ въ своей книгѣ «De trinitatis erroribus», появившейся въ 1531 году. Когда же его сочиненіе возбудило неудовольствіе Базельскихъ и Страсбургскихъ реформаторовъ, онъ удалился во Францію и жилъ попеременно или въ Ліонѣ, или въ Парижѣ, гдѣ онъ отдался самымъ разнообразнымъ занятіямъ; такъ, сначала изучалъ медицину, потомъ былъ корректоромъ въ типографіи, давалъ уроки математики, географіи и астрологіи, за послѣднее подвергся наказанію, затѣмъ сдѣлался практикующимъ врачемъ; наконецъ онъ поселился въ Віеннѣ, архіепископъ которой былъ въ числѣ его послѣдователей, и взялся за изданіе Птоломея и Библіи. Живя здѣсь, онъ въ первый разъ вступилъ въ сношеніе съ же-

невскимъ духовнымъ диктаторомъ, желая склонить его на свою сторону; это послѣднее обстоятельство конечно не говоритъ въ пользу его знанія людей, но зато показываетъ намъ все его добродушіе; Кальвинъ, этотъ непоколебимый проповѣдникъ предопредѣленія, прервалъ, какъ и слѣдовало ожидать, всякое сношеніе съ этимъ мечтателемъ, и написалъ Фарелю, своему поклоннику: «Серве недавно прислалъ мнѣ вмѣстѣ съ письмами объемистую книгу, наполненную его мечтами, и объявилъ мнѣ съ замѣчательной дерзостью, что я найду тамъ удивительныя, неслыханныя вещи. Онъ предполагаетъ пріѣхать сюда, если только я ничего противъ этого не имѣю; но я на это не согласенъ; если же онъ только появится здѣсь, я употреблю все свое вліяніе, чтобы не выпустить его отсюда живымъ». Неосуществившіяся надежды еще болѣе вооружили Серве противъ церковныхъ властителей обоихъ вѣроисповѣданій и въ 1533 году (въ послѣднемъ и самомъ плодотворномъ году своей жизни) онъ выпустилъ новую книгу «Christianismi restitutio», гдѣ онъ нападаетъ на оба ученія, какъ на противныя христіанскому духу. Это сочиненіе было его смертнымъ приговоромъ. Одинъ французъ изъ Ліона, Вильгельмъ де-Три, перешедшій въ протестантизмъ и потому жившій въ Женевѣ, написалъ въ Ліонъ къ своему родственнику, католику Арнею, что странно преслѣдовать съ такимъ ожесточеніемъ протестантовъ во Франціи, а въ Віеннь укрывать еретика, котораго слѣдуетъ осудить какъ католикамъ, такъ и протестантамъ, и что онъ достоинъ сожженія, гдѣ бы онъ ни былъ; это именно Михаилъ Серве, называющій себя нынѣ Вильнёвъ и издавшій упомянутую книгу. Этотъ доносъ былъ переданъ ліонской инквизиціи, и она приняла свои мѣры. Такъ какъ типографщикъ, будучи честнымъ человѣкомъ, не могъ выдать сочинителя, то католическая инквизиція не задумалась обратиться къ еретической Женевѣ, и безчестный бѣглецъ, Три, переслалъ ей собственноручныя письма Серве, полученныя имъ отъ самаго Кальвина, который сохранилъ ихъ со времени своей переписки съ несчастнымъ Серве. Изобличенный ею и арестованный, Серве думалъ спастись, убѣжавъ изъ тюрьмы, послѣ чего инквизиція могла только ограничиться сожженіемъ его изображенія и сочиненій. Но, къ несчастію, ему удалось избѣжать папской Харибды, чтобы попасть въ реформатскую Сциллу и тѣмъ доказать, что и между мнимыми приверженцами свободомыслія находились достойные ученики доминиканцевъ.

Собираясь бѣжать въ Италію, несчастная жертва двухъ инквизицій попала въ Женеву, какъ птичка попадаетъ въ зѣвъ гремучей змѣи.

Въ то время Кальвинъ велъ ожесточенную борьбу съ «либертинцами» и, казалось, былъ близокъ къ паденію, такъ какъ

они отняли у консисторіи право отлучать отъ церкви, а у священниковъ—право голоса въ «Генеральномъ Совѣтѣ». Въ такомъ критическомъ положеніи диктатору оставалось прибѣгнуть къ рѣшительному образу дѣйствій, чтобы смутить и испугать своихъ противниковъ, а Женеву привести въ ужасъ; такъ какъ только этимъ и можно было укрѣпить положеніе теократіи. Еслибы Кальвинъ не совершилъ въ это время чего-либо необыкновеннаго, ужасающаго, тогда бы ему не миновать вторичнаго изгнанія, съ нимъ вмѣстѣ погибли бы всѣ его смѣлые планы и его вліяніе на реформацію во Франціи. Вотъ почему онъ былъ необыкновенно радъ, увидѣвши однажды, во время своей проповѣди, испанскаго мечтателя, котораго любопытство и скука побудили оставить свое убѣжище; Кальвинъ тотчасъ же велѣлъ его схватить. Тогдашніе законы требовали, чтобы вмѣстѣ съ обвиняемымъ былъ арестованъ и обвинитель, для предохраненія отъ ложныхъ доносовъ, а потому Кальвинъ, желая самъ остаться на свободѣ, просилъ быть обвинителемъ своего секретаря де-ла-Фонтенъ, который и былъ арестованъ. Инквизиторская власть обвиняла Серве въ отрицаніи Св. Троицы, Божественности І. Христа, крещенія дѣтей и безсмертія души; Серве оправдывалъ себя уклончиво и объявлялъ Кальвина виновнымъ въ томъ, что послѣдній оскорбленіями довелъ его до разныхъ письменныхъ выраженій и былъ причиною его ареста въ Віеннь. Что же касается до его еретическихъ воззрѣній, то онъ не только не отказался отъ нихъ, но и защищалъ ихъ, за исключеніемъ вопроса о безсмертіи души, не признавая однако того, что будтобы онъ хотѣлъ оскорбить Кальвина, предложивъ послѣднему публично доказать свои заблужденія на основаніи Библіи. Дѣло обвиняемаго приняло такой серьезной оборотъ, что обвинителя освободили. Горячая защита Серве политическою главою «либертиновъ», Филибертомъ Бертеліе, могла только повредить этому послѣднему; раздраженный Кальвинъ теперь открыто выступилъ обвинителемъ Серве и спорилъ съ нимъ о Св. Троицѣ. Никто не осмѣлился защищать Серве противъ страшнаго теологическаго бойца. И государственный стряпчій, креатура Кальвина, составилъ обвинительный актъ, съ какимъ безпристрастіемъ—можно себѣ представить. Этотъ актъ, подъ названіемъ: «Ce sont les interrogatz et articles sur lesquels le procureur général de cette ville de Génève requiert interroger Michel Servet, prisonnier criminel pour blasphèmes, hérésies et perturbation de la Chrestienté», уже разсматривалъ дѣло съ точки зрѣнія теологической, а не личныхъ отношеній Серве къ Кальвину, въ виду того, что «либертины» были очень грозны. Поэтому Серве главнымъ образомъ обвиняли въ томъ, что онъ опасный человѣкъ, какъ для государства, такъ и для церкви, бунтовщикъ, нарушитель мира и

врагъ общественнаго порядка. Это была чисто инквизиторская хитрость. Нужно было нравственно уничтожить личность обвиняемаго и тѣмъ возвысить личность обвинителя. Да, Серве даже не имѣлъ защитника, и на его оправданія не обращали никакого вниманія. Въ то же время Кальвинъ, пользуясь своимъ положеніемъ, съ каѳедры громилъ его названіемъ «безбожника». Во время процесса Віенскій судъ требовалъ выдачи уже прежде судимаго имъ еретика, но совѣтъ Женевы не согласился и на это.

Усиліямъ «либертинцевъ» удалось прекратить споры между Кальвиномъ и Серве и выхлопотать послѣднему право письменнаго оправданія. Тогда завязалась жаркая полемика между двумя соперниками, въ которыхъ они, вмѣсто того, чтобы не затрогивать личностей, бросали другъ другу въ глаза самыя ужасныя оскорбленія. Серве называлъ Кальвина «магомъ», а его обвиненіе сравнивалъ съ «собачьимъ лаемъ». Этотъ же обвинялъ перваго въ намѣреніи потушить свѣтъ, проливаемый словомъ Божіимъ, и уничтожить всѣ религіи (злостная клевета, опровергаемая собственными сочиненіями Серве).

Очень понятно, что Серве въ этомъ отношеніи сорвалъ маску съ Кальвина и тѣмъ показалъ, что этотъ теократъ былъ его личный врагъ и называлъ его убійцей, лжецомъ и пр. Дѣло дошло наконецъ до того, что Серве требовалъ суда надъ Кальвиномъ, какъ надъ магомъ, изгнанія его изъ Женевы, а имущество Кальвина просилъ себѣ въ вознагражденіе за понесенныя несправедливости. Власти, между которыми было много соперниковъ у Кальвина, къ неудовольствію послѣдняго, совѣтовались о процессѣ Серве съ Берномъ, Цюрихомъ, Базелемъ, Шафгаузеномъ; но онъ, не теряя времени, вооружилъ эти кантоны противъ Серве и достигъ, благодаря своему теологическому авторитету, того, что всѣ четыре церкви единогласно признали несчастнаго виновнымъ въ томъ же, въ чемъ обвиняла ихъ самихъ католическая церковь. Недостойные послѣдователи Цвингли опозорили его память; они надѣялись кровью испанца смыть съ себя обвиненіе въ ереси, брошенное имъ въ глаза папистами. Тщетная надежда! Обвиненіе было принято властями, изъ числа которыхъ кальвинисты и безъ того уже рѣшили гибель Серве. Либертинцы стояли также на сторонѣ швейцарскихъ кантоновъ, а народъ остался равнодушенъ къ судьбѣ иностранца. Кто же осмѣливался заговорить о человѣколюбіи, того поражалъ Кальвинъ въ своихъ проповѣдяхъ. И потому нечего удивляться, что 26 октября 1553 года Малый Совѣтъ пропустилъ мимо ушей рѣчь своего предсѣдателя Перрина и даже не позволилъ подать аппеляцію въ Большой Совѣтъ, произнесши приговоръ большинствомъ 15 голосовъ противъ 5-ти (пять противниковъ Кальвина

не явились) и присудивши несчастнаго къ сожженію на кострѣ, чему въ Испаніи подверглись бы всѣ женевцы безъ исключенія.

Побѣда Кальвина была полная и побудила его въ первый и въ послѣдній разъ ходатайствовать за своего противника: онъ просилъ замѣнить сожженіе на кострѣ обезглавленіемъ; вотъ къ чему можно отнести утвержденіе Мерле д'Обинье, что Кальвинъ «единственный человѣкъ во всей Европѣ» возвысилъ голосъ въ пользу еретика. Впрочемъ, каноническій законъ былъ ясенъ: римская церковь не жаждала крови и потому она употребляла огонь; женевская церковь, слѣдуя примѣру римской, предпочитала черную смерть красной.

Серве, который питалъ тщетную надежду на освобожденіе, уныло выслушалъ приговоръ и просилъ помилованія; однако же онъ твердо отклонилъ отрѣченіе.

На другой день послѣ приговора высоко взвилось пламя на возвышеніи Шампель въ Женевѣ и поглотило одинокаго изслѣдователя.

Это дѣло навсегда наложило на память женевскаго реформатора неизгладимое черное клеймо. Доказано, что Кальвинъ еще раньше писалъ M-me Кани, упрекая ее въ томъ, что она почувствовала состраданіе къ еретику, менѣе виновному, чѣмъ Серве.

«Я желалъ бы, чтобъ онъ сгнилъ въ какомъ-нибудь рву, и увѣряю васъ, сударыня, что еслибъ онъ не убѣжалъ раньше, то я счелъ бы своей обязанностью провести его черезъ огонь».

И такъ, независимый и не совсѣмъ еще понятый ученый сдѣлался во время господства реформаціи жертвою двухъ инквизицій, потому что осмѣлился идти своимъ путемъ, не обращая вниманія на двѣ спорящія между собою религіозныя партіи; реформаторъ же, т. е. защитникъ свободнаго изслѣдованія, устранилъ съ своей дороги мыслителя тѣмъ же способомъ, къ какому прежде прибѣгла бы католическая церковь для уничтоженія его единовѣрцевъ и это только потому, что мыслитель грозилъ нанести вредъ его планамъ посредствомъ свободнаго изслѣдованія. Кальвинъ въ этомъ процессѣ выказалъ всему міру деспотическій и инквизиторскій характеръ, не смотря на всѣ уловки, которыя онъ употреблялъ, чтобы скрыть это. А остальные реформаторы того времени такъ испугались свободы мысли, что восхваляли протестантскаго великаго инквизитора въ Женевѣ за то, что онъ устранилъ еретика, хотя надо замѣтить, что ученія ихъ далеко не согласовались съ ученіемъ Кальвина.

Даже кроткій, тогда уже дряхлый, Меланхтонъ, Буллингеръ, прежде разумный послѣдователь Цвингли, встали на сторону этого мрачнаго варварства, а про Фареля и Вире, этихъ двухъ поклонниковъ Кальвина, и говорить нечего.

Однако всѣ защитники свободнаго изслѣдованія «возвысили свои голоса за свободу духа»; во главѣ ихъ стояли: ученый, переводчикъ Библіи, Кастелліо, лишенный Кальвиномъ мѣста ректора коллегіи въ Женевѣ за свои религіозныя убѣжденія, и знаменитый вольнодумецъ Социнусъ. Они поставили Кальвина въ такое стѣснительное положеніе, что этотъ наконецъ написалъ сочиненіе противъ Серве, въ которомъ доказывалъ всю справедливость наказанія этого еретика. Его опровергалъ итальянецъ Цельзусъ, который не разъ соглашался съ ученіемъ Серве. Сочиненіе этого послѣдняго «дышетъ евангельскою кротостію (пишетъ одинъ изъ почитателей Кальвина) и проникнуто христіанскимъ духомъ и большою любовью къ истинѣ». Въ такомъ же духѣ говорилъ и де-Ту во Франціи, а бернскій городской секретарь Цуркинденъ, другъ Кальвина, въ письмѣ къ нему совершенно откровенно порицалъ его поведеніе. Ненависть къ Кальвину росла съ каждымъ годомъ и «его имя было почти равносильно ругательному слову», говоритъ тотъ же почитатель Кальвина. Слѣдствіемъ этой ненависти было то, что созданная имъ церковь совершенно отвергла его религіозную систему, такъ что теперь почти нѣтъ настоящихъ кальвинистовъ.

Послѣ того какъ Кальвинъ устрашилъ всѣхъ своихъ враговъ, а въ томъ числѣ, какъ было уже сказано, «либертинцевъ», и такимъ образомъ лишилъ маленькую женевскую республику ея своеобразнаго, демократическаго характера, онъ не только сдѣлался тамъ полнымъ властителемъ, но скорѣе сталъ папой французско-протестантской церкви, послѣдователей ученія о предопредѣленіи, и былъ очень доволенъ, когда Женеву называли протестантскимъ Римомъ.

Но чтобы основать подъ своимъ собственнымъ папствомъ французско-протестантское церковное государство, Кальвину необходимо было подготовить священниковъ, преданныхъ его направленію и готовыхъ признать догматъ о предопредѣленіи; необходимость этого положила начало знаменитой женевской академіи, почтенному храму музъ, въ которой такъ много лучшихъ священниковъ вполнѣ посвящали себя наукѣ; но это твореніе нельзя приписать Кальвину въ томъ видѣ, въ какомъ оно впослѣдствіи сложилось; отъ Кальвина далека была мысль основать школу свободной науки, его же намѣреніе было просто на просто учредить въ своемъ Римѣ пропаганду своего ученія, и потому академія въ томъ видѣ, въ какомъ ее основалъ Кальвинъ, была по своей сущности теологическимъ учрежденіемъ. Всѣ другія науки проходились лишь на столько, на сколько это нужно было для изученія теологіи; такъ проходилась философія въ духѣ того времени, языки, на какихъ написана Библія, и т. д. Замѣчательно, что Кальвину хотѣлось вытѣснить преподаваніе латин-

скаго языка, какъ напоминающаго католицизмъ, и онъ всегда отдавалъ предпочтеніе передъ нимъ греческому и еврейскому. Эта академія окончательно подпала вѣдомству духовенства, и учащіеся при вступленіи должны были подписывать исповѣданіе вѣры Кальвина. Первымъ сотрудникомъ Кальвина въ этомъ дѣлѣ былъ Теодоръ де Беза, который впослѣдствіи свое имя прославилъ, какъ его преемникъ.

Въ это-то время возвратился въ Женеву и Вире, лишенный своей должности въ Лозаннѣ, такъ какъ не хотѣлъ отказаться отъ права отлучать отъ церкви. Хотя Кальвинъ главнымъ образомъ обращалъ все свое вниманіе на французскій протестантизмъ, но тѣмъ не менѣе онъ не упускалъ изъ виду протестантскихъ церквей и другихъ странъ, гдѣ онъ, или его ученіе могло имѣть вліяніе. Въ Германіи и Швейцаріи протестантская церковь со временъ Лютера и Цвингли была слишкомъ хорошо устроена, чтобы тамъ можно было что-нибудь сдѣлать; въ Англіи высшая администрація руководила дѣлами церкви, а въ южной Европѣ католицизмъ укоренился сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и потому Кальвинъ обратилъ все свое вниманіе на самый сѣверъ и востокъ Европы. Реформаторъ Шотландіи, Джонъ Ноксъ, положившій начало пресвитеріанской церкви, бѣжалъ изъ Британіи отъ преслѣдованій «кровавой Маріи», и долгое время пробылъ въ Женевѣ, гдѣ нашелъ церковное устройство, соотвѣтствующее своему идеалу; онъ былъ очень друженъ съ Кальвиномъ.

Возвратясь въ Шотландію, Ноксъ ввелъ тамъ точно такое же церковное устройство и такимъ образомъ на сѣверѣ возродилась община въ духѣ женевскаго реформатора. Въ Франкфуртѣ на Майнѣ Кальвинъ лично былъ посредникомъ между англійскими и французскими эмигрантами по поводу завязавшагося между ними спора о литургіи. Затѣмъ онъ старался войти въ сношенія съ Даніей и Швеціей, и съ этою цѣлью посвящалъ ихъ королямъ свои сочиненія, но ученіе Лютера закрыло ему дорогу туда; тогда онъ старался пріобрѣсти вліяніе въ Польшѣ. Онъ вступалъ въ сношенія съ мѣстнымъ дворянствомъ, склоннымъ къ протестантизму, и даже съ королемъ, удостоивая поставлять въ этой странѣ для евангелической церкви примасовъ, и старался побудить Польшу къ отпаденію отъ римской церкви, а польскій реформаторъ Ласки, обращенный Цвингли, сдѣлался его другомъ. И дѣйствительно реформація подвинулась въ Польшѣ много впередъ; этотъ успѣхъ былъ остановленъ со смертью Кальвина, но впослѣдствіи былъ окончально уничтоженъ благодаря дѣятельности іезуитовъ. Но главное вниманіе Кальвина было поглощено Франціей. Впрочемъ, онъ не дожилъ до конца ужасной войны, ве-

денной тамъ за его ученія; безъ сомнѣнія, надѣясь на позднѣйшее торжество своихъ приверженцевъ, онъ отклонилъ отъ себя предложеніе реформатской церкви въ Парижѣ — стать во главѣ ея, пока она еще угнетена. Но его высокимъ планамъ не суждено было осуществиться; его дѣятельность должна была ограничиться Женевой, казавшейся ему такой ничтожной, а число его единовѣрцевъ во Франціи значительно уменьшалось. Только тогда, когда онъ уже ясно увидѣлъ неизбѣжный исходъ своихъ стремленій, онъ обратился къ тому, чѣмъ прежде пренебрегалъ, изъ видовъ на обширное поле дѣятельности въ Парижѣ, и сталъ заботиться о правахъ гражданства въ Женевѣ. Его послѣдніе годы протекли безмятежно, и онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ. При рѣшеніи какихъ нибудь важныхъ вопросовъ, его часто приглашали на засѣданія тайнаго Совѣта и спрашивали его мнѣнія, а власти не забывали отъ времени до времени обращать въ своихъ протоколахъ вниманіе на то, что проповѣди Кальвина посѣщаются огромной массой народа. Утомленный многими работами, этотъ великій человѣкъ, пожертвовавшій для своего удивительнаго плана счастьемъ и жизнью многихъ людей, нашелъ наконецъ успокоеніе. 27-го мая 1564 г. онъ умеръ на рукахъ Безы; за нимъ вскорѣ послѣдовали Фарель и Вире. Онъ не оставилъ послѣ себя семейства: его жена и единственный сынъ давно уже умерли. Если мы теперь, триста лѣтъ спустя, всмотримся въ его худое, блѣдное лице, съ рѣдкой, длинной бородой, съ живыми, проницательными глазами и съ высокимъ лбомъ мыслителя, то невольно скажемъ: «Отдѣльныя личности для этого человѣка были ничто иное, какъ фигуры на шахматной доскѣ, отдѣльныя мѣста были не больше, какъ станціи на пути къ его цѣли, человѣчество—толпа, изъ которой онъ выбиралъ приверженцевъ себѣ для своего страннаго догматическаго государства. Можно сказать, что то былъ человѣкъ, который боролся за интересы будущей жизни, и потому совсѣмъ упускалъ изъ виду потребности и нужды человѣчества страдающаго въ этомъ мірѣ, но его идеалы были возвышенны,—поэтому онъ всетаки былъ великимъ человѣкомъ.

Мы уже видѣли, что и во времена Кальвина, и даже у самыхъ ревностныхъ изъ его приверженцевъ нравы не были такъ чисты, какъ это утверждаютъ почитатели его доктринъ. Если же мы слышимъ отъ искреннихъ почитателей реформатора, что послѣ его смерти сильно развился матеріализмъ и безнравственность, то всякій безпристрастный человѣкъ спроситъ: «Въ чемъ же состояло благодѣтельное вліяніе Кальвина на Женеву?» Главное занятіе жителей Женевы была торговля, а ростовщичество было такъ развито, что 10 и 15 проц. казались очень обыкновенными; когда сюда хотѣли переселиться франкфуртскіе евреи, то жи-

тели намѣревались основать банкъ. Дорогія платья, украшенія, роскошные обѣды взяли перевѣсъ; ратсгеры стали покрывать деревянныя скамейки своихъ предковъ пуховыми подушками; нарушеніе супружеской вѣрности искупалось нѣсколькими днями заключенія и незначительнымъ денежнымъ штрафомъ.

Духовенство совершенно напрасно проповѣдывало противъ распущенности нравовъ, а неумолимая строгость Теодора фонъ-Беза, преемника Кальвина, имѣла слѣдствіемъ только скандалы, а не исправленіе нравовъ, и тайная безнравственность была во всемъ своемъ развитіи. Впрочемъ Теодоръ Беза имѣлъ такое доходное мѣсто, что отказывался отъ подарковъ высшихъ властей и не относился такъ строго, какъ его предшественникъ, къ народному искусству, такъ что разрѣшилъ театральныя представленія. Но его правдивость была не по вкусу властямъ, все болѣе и болѣе освобождавшимся отъ вліянія духовенства, и Совѣтъ запретилъ написанную имъ книгу (de jure magistratuum) по поводу высказанныхъ въ ней «ненавистныхъ истинъ». Другой священникъ проповѣдывалъ въ то время, когда безжалостные чиновники гнали изъ города бѣдныхъ иностранцевъ, что въ Женевѣ на тысячу человѣкъ не найдется и двухъ благодѣтелей, и если бы Христосъ вторично пришелъ и поселился въ Женевѣ, то въ него бы не увѣровали безъ поручительства, и что девизъ: «post tenebras lux» совсѣмъ не подходилъ къ городу. За это священнику порядкомъ досталось отъ Совѣта. Церкви же вообще посѣщались очень мало.

Примѣръ, поданный процессомъ Серве, имѣлъ очень дурное вліяніе на остальныя протестантскія государства. Въ западныхъ швейцарскихъ кантонахъ сложилось убѣжденіе, что надо наказывать смертью тѣхъ, кто осмѣливается имѣть религіозныя мнѣнія, не согласныя съ мнѣніями властей, но восточная Швейцарія, гдѣ еще жилъ духъ Цвингли, не признавала этой нелѣпости. Это убѣжденіе западныхъ кантоновъ имѣло свою трагическую сторону, но, если жертва ускользала изъ ихъ рукъ, то, кромѣ комизма, трудно было найти что нибудь въ этомъ дѣлѣ.

Такъ, напримѣръ, въ Базелѣ въ 1566 году умеръ знатный гражданинъ Іоаннъ фонъ-Брукъ, переселившійся сюда въ 1554 г. изъ Нидерландовъ. И вдругъ, послѣ его смерти узнали, что это былъ никто иной, какъ Давидъ Іорисъ, родившійся въ 1501 году. Извѣстный мечтатель, проповѣдникъ перекрещенія, онъ считалъ себя Мессіей, проповѣдывалъ многоженство и, бѣжавъ изъ Базеля въ Женеву, отсюда управлялъ своимъ народомъ, но въ Швейцаріи не выдавалъ однако себя прозелитомъ, а напротивъ очень ревностно посѣщалъ церковь и напрасно добивался благосклонности Серве.

Когда такимъ образомъ его прошедшее было открыто, его обвинили богохульцемъ; не смотря на то, что уже прошло три года послѣ его смерти, вырыли его трупъ и торжественно сожгли вмѣстѣ съ его изображеніемъ и сочиненіями. А его дѣти, родные и слуги должны были въ соборной церкви публично отречься отъ своихъ заблужденій.

Печальную противоположность представляетъ кровавое дѣло, совершонное въ Бернѣ, ближе всего лежащемъ къ кальвинистскому государству. Тамъ пострадалъ одинъ ученый итальянецъ Валентинъ Гентилисъ, имѣвшій на счетъ Св. Троицы убѣжденіе такое же, какъ и Серве. Онъ также принадлежалъ къ жертвамъ Кальвина, такъ какъ, еще во время господства этого послѣдняго въ Женевѣ, его судили за его убѣжденія и приговорили къ смерти, не смотря на данное имъ унизительное для себя отреченіе, но приговоръ этотъ не осмѣлились привести въ исполненіе. Изгнанный изъ города послѣ постыднаго покаянія, онъ долго странствовалъ и пришелъ въ Гексъ, тогда принадлежавшій Берну, вызвавъ ландфогта на публичный диспутъ, съ цѣлью защищать свои положенія; но этотъ послѣдній велѣлъ его арестовать и отправить въ Бернъ; такъ какъ несчастный не хотѣлъ снова отречься, то и былъ, по выраженію хроники этого времени, «10 сентября 1566 года казненъ мечемъ, какъ отвратительное чудовище, смущающее людей, и его богохульная голова пала».

Такимъ образомъ и между протестантами стала распространяться, какъ бы въ насмѣшку надъ ученіемъ о свободномъ изслѣдованіи, ненавистное правило: cujus regio, illius religio. «Когда пфальцскій курфирстъ Фридрихъ III въ 1563 г. вздумалъ изъ лютеранина обратиться въ кальвиниста, то къ тому же принудилъ и своихъ подданныхъ, а непокорныхъ изгналъ; черезъ 13 же лѣтъ сыну его, Людовику, пришелъ капризъ снова сдѣлаться лютераниномъ, и вотъ опять разыгралась таже комедія, т. е. онъ принудилъ жителей Пфальца снова принять лютеранское вѣроисповѣданіе. Но этимъ еще дѣло не кончилось. Черезъ семь лѣтъ опекунъ Фридриха IV, Іоаннъ Казиміръ, опять ввелъ кальвинизмъ.

Такимъ образомъ народъ совершенно по-мимо своей воли признавалъ то ученіе объ оправданіи посредствомъ вѣры, то ученіе о предопредѣленіи. Можно себѣ представить, какая безнравственность и систематическое равнодушіе были слѣдствіемъ всего этого. То же самое происходило и въ Саксоніи: курфирстъ Августъ, будучи лютераниномъ, изгонялъ и притѣснялъ въ половинѣ XVI столѣтія кальвинистовъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ за непринятія ими лютеранскихъ формулъ вѣроисповѣданія. А воспитатель кронпринца Христіана, надворный совѣтникъ Николай Крелль, покровительствовалъ преслѣдуемымъ, правда, не столько изъ личной симпатіи къ ихъ ученію, сколь-

ко изъ желанія религіознаго мира, и когда его воспитанникъ Христіанъ I-й вступилъ на престолъ, то онъ запретилъ полемическія статьи и отреченіе отъ дьявола при крещеніи, а должности ввѣрялъ отличавшимся вѣротерпимостью. Появился катехизисъ и объясненіе Библіи, въ которыхъ проглядывалъ кальвинизмъ; затѣмъ Крелль побудилъ курфирста послать на помощь Генриху IV, королю французскому, саксонскія войска. Но когда Христіанъ I-й умеръ въ 1591 г., то герцогъ Веймарскій, будучи самъ ревностнымъ лютераниномъ, велѣлъ схватить Крелля, а священниковъ такого же направленія изгнать изъ страны; такимъ образомъ снова воцарилось лютеранство, а Крелль, защитникъ свободной религіи, обвиненный въ томъ, что подавалъ поводъ къ религіознымъ ссорамъ, давалъ дурные совѣты и измѣнялъ странѣ, впродолженіе 10 лѣтъ томился въ душной темницѣ, пока наконецъ не сложилъ своей головы на плахѣ 9 октября 1601 года въ Дрезденѣ, не смотря на то, что три лютеранскіе священника напрасно старались обратить его въ свою вѣру. Въ Лейпцигѣ образовалась временная лютеранская инквизиція изъ семи теологовъ и двѣнадцати ратсгеровъ, которые отрѣшили отъ должностей кальвинистскихъ профессоровъ и докторовъ. Бургомистръ Геннингъ, въ Брауншвейгѣ, былъ въ 1604 г. обвиненъ, какъ кальвинистъ, въ союзѣ съ дьяволомъ; его изувѣчили въ пыткѣ, приговорили къ смерти, обрубили ему два пальца, вырывали у него мясо каменными клещами, а потомъ изрѣзали ему тѣло; отъ времени до времени ему давали нюхать капли, боясь, чтобы смерть не помѣшала исполнить все, что было предназначено, а лютеранскіе священники все время уговаривали его обратиться въ ихъ вѣру.

Такимъ образомъ свирѣпствовали люди, стараясь доказать другъ другу, что ихъ пониманіе религіи самое вѣрное, но на самомъ дѣлѣ они доказали только то, что никто изъ нихъ не понялъ основной заповѣди Спасителя: «Возлюби ближняго твоего какъ самого себя»!

Kulturgeschichte des Zeitalters der Reformation. Von Otto Henne — Am Rhyn. 1870, Leipzig.

3. ГУГЕНОТЫ *).

Не будь Кальвина, духовнаго диктатора Женевы, приверженцы церковной реформы во Франціи исчезли бы и были бы

*) Въ Женевѣ было двѣ партіи: одна держалась епископа и впослѣдствіи осталась вѣрною Католицизму; другая была предана Швейцарцамъ и приняла реформацію. Противниковъ епископа называли «*Eidgenossen*», а французы исковеркали это въ «*huguenots*».

такъ же скоро забыты, какъ это случилось въ Италіи и Испаніи; съ помощью Кальвина и его неутомимой дѣятельности, руководимой блестящимъ идеаломъ, реформаты маленькой Женевы разрослись во Франціи въ могущественную, стремящуюся къ реформѣ, партію *гугенотовъ*. Рѣзкія, воспламеняющія сочиненія Кальвина, въ особенности его *«Наставленіе къ христіанской вѣрѣ»*, слава его могущественной проповѣди и всенизвергающаго церковнаго и политическаго вліянія, проповѣдники, посланные имъ, женевской академіей, а также и его сотрудниками и почитателями, Фарелемъ въ Нейбургѣ и Вире въ Лозаннѣ, увеличивали число, укрѣпляли волю и воодушевляли французскихъ «реформатовъ». Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ существовала въ Парижѣ церковь, принявшая эту форму вѣроученія; первый пасторъ ея прибылъ въ 1555 году тайно отъ тамошняго парламента, учредившаго во всемъ государствѣ для преслѣдованія еретиковъ такъ-называемыя «пламенныя палаты» («chambres ardentes».) Въ 1562 году во Франціи находилось 2150 реформатскихъ церквей, онѣ были также во всѣхъ значительныхъ городахъ, въ Нормандіи во всѣхъ городахъ и большихъ мѣстечкахъ, также во многихъ городахъ по Майну, въ Анжу и Турени; гугеноты составляли большинство народонаселенія въ Сентонжъ, Они *), Анжумуа и исключительно населяли Ла-Рошель, получившую по образцу Женевы республиканское устройство, но гораздо демократичнѣе ея. Реформаты въ Гіенни и Лангедокѣ рѣзко отличались отъ прочихъ жителей своею зажиточностію и образованіемъ и пользовались подобнымъ же республиканскимъ устройствомъ. Ихъ вѣроученіе принялъ даже королевскій домъ въ Наваррѣ, лишившійся своихъ испанскихъ владѣній и сохранившій только Беарнъ, по сю сторону Пиренеевъ,—также два брата короля Антона Наваррскаго, всѣ три подъ вліяніемъ своихъ женъ, а Шатильонскій домъ, къ которому принадлежалъ адмиралъ Колиньи, напротивъ того—по собственному убѣжденію. На югѣ Франціи вообще важнѣйшимъ разсадникомъ или распространителемъ кальвинизма былъ Монтабанъ. Въ Провансѣ содѣйствовали увеличенію числа послѣдователей новаго ученія многочисленные, устоявшіе противъ всѣхъ преслѣдованій, Вальденцы. Самое ограниченное число гугенотовъ было въ Лотарингіи, въ родовыхъ замляхъ Гизовъ, этихъ мрачныхъ предводителей папской партіи, и въ сосѣдственной съ ней Шампани. Гугенотамъ придана была республиканская организація; они жили въ тѣсномъ общеніи между собой, не имѣя общаго главы, но добро-

*) Сентонжъ, нѣкогда провинція въ западной Франціи, составляетъ нынѣ вмѣстѣ съ «Они» большую часть департ. Нижней Шаранты.

вольно подчиняясь совѣтамъ и нравственному вліянію Кальвина, а послѣ него его преемнику Беза. Распространенію новаго вѣроисповѣданія въ средѣ образованнаго класса болѣе всего содѣйствовали Бургскій университетъ, покровительствуемый сестрой Франсуа I, а въ народѣ—прядильщики шерсти изъ Мо; самый большой успѣхъ кальвинизмъ имѣлъ въ буржуазіи, потому что большая часть образованныхъ людей была индиферентна къ религіи, а большая часть поселянъ была очень набожна. Вообще гугеноты, которые не могли, какъ преслѣдуемые, открыто держаться исповѣданія своего главы, были образцовыми людьми и гражданами, честными и прилежными работниками и отличались непоколебимымъ мужествомъ. Подобно первымъ христіанамъ въ римскомъ государствѣ, они начали письменно распространять свое ученіе, несмотря на то, что парламенты и инквизиторы всегда преслѣдовали ихъ съ небольшими перерывами огнемъ и мечемъ, а народъ, наущаемый монахами, обвинялъ ихъ собранія въ пьянствѣ и безнравственности. Они наконецъ до того усилились, что рѣшились за мѣсяцъ до смерти Генриха II созвать въ Парижѣ генеральный синодъ, на которомъ установили общій символъ вѣры и одинаковую церковную организацію. Всѣ церковныя общины на этомъ синодѣ признаны были равноправными, отдѣльно независимыми и должны были имѣть консисторіи; духовные и церковнослужители должны были собираться регулярно въ провинціальные синоды, а въ важныхъ дѣлахъ— въ генеральный синодъ. Никто не смѣлъ противодѣйствовать имъ, потому что даже королева Екатерина Медичи тогда къ общему удивленію выражала благоволеніе къ гугенотамъ. Напротивъ того, совѣтникъ парламента Дюбуръ, стоявшій за вѣротерпимость, былъ сожженъ на кострѣ. Вскорѣ послѣдовали дальнѣйшія жертвы, а именно съ восшествіемъ на престолъ слабаго Франсуа II, супруга ревностной католички Маріи Стюартъ, племянницы дома Гизовъ, который съ этого времени началъ свое роковое господство. Это владычество было равносильно угнетенію протестантизма, поэтому послѣдователи его, узнавъ о побѣдѣ своихъ единовѣрцевъ въ Шотландіи, затѣяли въ 1560 году Амбуазскій заговоръ. Это предпріятіе, долженствовавшее низвергнуть Гизовъ и доставить протестантамъ свободу вѣроисповѣданія, усердно поддерживали Кальвинъ и Беза; отъ апостола французскаго протестантизма нельзя было и ожидать ничего другаго; но оно не удалось и стоило жизни 1,200 человѣкамъ. Хотя объ участіи Беза и были письменныя доказательства, Кальвинъ отвергнулъ, однакожъ, справедливость большинства показаній, данныхъ совѣту прибывшимъ въ Женеву бѣглецомъ Филье, но все же долженъ былъ признать вѣрнымъ одно изъ нихъ. Этимъ Филье возбудилъ противъ себя ненависть Кальвина и когда онъ

потомъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій совершенно справедливо утверждалъ, что всемогущая женевская консисторія представляетъ собою учрежденіе, неизвѣстное во времена апостоловъ, то вынужденъ былъ бѣжать; книга же его по приказанію Кальвина была сожжена палачемъ и тѣ, кто имѣлъ ее, должны были подъ страхомъ наказанія выѣхать впродолженіе 24 часовъ. Неудача заговора послужила только къ усиленію могущества Гизовъ; испрошенный ими *Роморантенскій* эдиктъ передалъ судъ надъ «еретиками» въ руки духовенства и запретилъ собранія протестантовъ. Послѣдующій эдиктъ смягчилъ это постановленіе на столько, что смертная казнь преслѣдуемыхъ была замѣнена ссылкой и всякіе доносы запрещены. За это слѣдовало благодарить канцлера Михаила Лопиталя, втайнѣ расположеннаго къ протестантамъ, и королеву—мать, которая не терпѣла Гизовъ и очень хотѣла поживиться отъ церковныхъ имуществъ для удовлетворенія своей страсти къ роскоши. Церковное собраніе въ Пуасси, на которомъ диспутировали духовные обоихъ исповѣданій, не привело къ ожидаемому соединенію; но гугеноты выхлопотали себѣ эдиктъ отъ января 1562 года, утверждавшій за ними свободу вѣроисповѣданія по крайней мѣрѣ въ деревняхъ, что однако не помѣшало Гизамъ кровожадно напасть черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого на протестантовъ, совершавшихъ богослуженіе въ мѣстечкѣ Васси, и овладѣть королемъ Карломъ IX и его матерью, которая съ этого времени склонилась на сторону католиковъ. Кровопролитіемъ въ Васси, за что впослѣдствіи былъ убитъ однимъ гугенотомъ Жаномъ де Мерси Франсуа Гизъ, и нерѣшительнымъ сраженіемъ при Дрё (1562 г. декабрь) началась ужасная религіозная и междоусобная война между католиками и гугенотами, въ которой обѣ партіи такъ свирѣпствовали другъ противъ друга и противъ обоюдныхъ религіозныхъ исповѣданій, не щадя ни жизни, ни собственности, что реформаціонное движеніе потеряло кредитъ, упало въ глазахъ большинства населенія страны, и проникшіе сюда іезуиты могли свободно развивать свою пагубную дѣятельность. Ихъ проповѣди повлекли за собой возстанія противъ гугенотовъ и разрушеніе реформатскихъ церквей. Пустой амбуазскій миръ 1563 года увеличилъ нѣсколько свободу вѣроисповѣданія; но условій его однако не исполняли; новыя притѣсненія — исключеніе гугенотовъ королевскимъ эдиктомъ изъ всѣхъ общественныхъ должностей и союзъ Екатерины съ Испаніей и папой, который также какъ и послѣдняя, прислалъ ей на помощь войска, — послужили поводомъ ко второй войнѣ 1567 г. Конде и Колиньи во главѣ гугенотовъ сражались единовременно и въ союзѣ съ жаждущими свободы Нидерландцами—также какъ королевскія войска съ испанскими, между тѣмъ какъ король эдиктомъ отъ 1568 года

запрещалъ проповѣди, собранія и исповѣданіе какой либо другой религіи кромѣ католической, апостольской, римской, какъ преступленіе противъ величества и нарушеніе спокойствія. Послѣ мира, прозваннаго «краткимъ», началась третья война, гибельная для гугенотовъ въ двухъ битвахъ при Жарнакѣ, гдѣ былъ убитъ Конде и при Монконтурѣ; подъ предводительствомъ молодыхъ принцевъ Конде и Наваррскаго гугеноты побѣдили при С. Жеммѣ и С.-Жерменскимъ миромъ 1570 г. получили свободу вѣроисповѣданія во всемъ государствѣ, за исключеніемъ Парижа. Ла-Рошель и еще три другіе города были отданы гугенотамъ въ залогъ. Это сильно укололо самолюбіе лицемѣрнаго короля и его вѣроломную, суевѣрную и въ глубинѣ души невѣрующую мать, достойную дочь порочныхъ Медичи. Съ постыднымъ притворствомъ выказывали они дружбу и благосклонность къ гугенотамъ, обманывали королеву Наваррскую и благороднаго Колиньи, особенно отличенныхъ при дворѣ, мѣрами, принимаемыми повидимому въ ихъ интересахъ, до тѣхъ поръ, пока первая не умерла, можетъ быть отъ яду. Они женили ея сына Генриха на дочери Катерины—Маргаритѣ Валуа и въ ночь на 24 августа 1572 года подготовили и устроили, заклейменную всемірной исторіей, Варѳоломеевскую ночь. Почти всѣ протестанты въ Парижѣ, Мо, Бургѣ, Орлеанѣ, Анжерѣ, Руанѣ, Троа, Ліонѣ, Тулузѣ и т. д. были умерщвлены; прежде всѣхъ Колиньи, въ котораго стрѣляли уже за два дня до этого. Съ нимъ погибъ и великій планъ его, чтобы Франція помогала Нидерландамъ противъ Испаніи, а основаніемъ колоній въ сѣверной и южной Америкѣ—сломила бы испанское могущество. Въ Парижѣ дрались три дня, король самъ стрѣлялъ въ убѣгавшихъ, на улицахъ валялись обнаженные и страшно израненные трупы, во всей Франціи повторился тотъ же кровавый свадебный пиръ, стоившій, какъ говорятъ, жизни около 50,000 гугенотамъ; деревни всѣ пылали. Особенно пострадали книгопродавцы; тутъ же палъ и благородный философъ Петръ Рамусъ; женщинъ нисколько не щадили. Бѣглецы укрылись у своихъ единовѣрцевъ въ Швейцаріи. Всѣ истые католики чрезвычайно радовались этому черному дѣлу и толковали довольно нагло объ «очищеніи Франціи»; папа Григорій XIII велѣлъ совершать благодарственныя молебствія и процессіи, зажигать фейерверки и въ память этого событія вычеканить медаль съ своимъ изображеніемъ на одной сторонѣ и избіеніемъ на другой, чтобы ясно было видно Колиньи, съ надписью: «избіеніе гугенотовъ»; а жестокій Филиппъ II испанскій на радости предложилъ помощь французскому двору для окончательнаго истребленія еретиковъ. Генрихъ Наваррскій спасъ свою жизнь только наружнымъ переходомъ въ господствующую, побѣдившую убійствомъ церковь, знамена которой побѣдо-

носно носились iезуитами и капуцинами. Монастыри и коллегiи выростали какъ грибы и Жанъ де ла Барьеръ установилъ строгiя правила Цистерцинцевъ. Самый чувствительный ударъ, который могъ постичь протестантовъ, былъ имъ нанесенъ; они никогда уже не могли оправиться отъ него; преслѣдованiе ихъ опять усилилось и вскорѣ Ла-Рошель и Сансерръ сдѣлались почти единственными ихъ убѣжищами, но они геройски выдерживали осаду королевскихъ войскъ. Миръ 1573 г. утвердилъ право исповѣданiя реформатской религiи и республиканскую свободу за Ла-Рошелемъ, Монтобаномъ и Нимомъ.

Но стеченiе разныхъ обстоятельствъ опять мало по малу оживило гугенотовъ; а именно: кромѣ обезпеченнаго владѣнiя этими тремя городами, въ ихъ интересахъ написано было нѣсколько сочиненiй и притомъ либеральнаго направленiя: это «Франко—Галлiя» Готоманна, доказывающее, что французская корона не наслѣдственна, а избирательна, — неизвѣстнаго сочинителя: «Vindiciae contra tyrannos», проводящаго мысль, что король получаетъ власть отъ народа, и она можетъ быть отнята у него этимъ же народомъ, если онъ злоупотребляетъ своимъ правомъ, и сочиненiе «О добровольномъ рабствѣ» (позже озаглавленное «Противъ одного») правовѣда *Ла-Боэти*, взывающаго въ страстныхъ выраженiяхъ къ народу, съ цѣлiю заставить его низвергнуть своихъ притѣснителей. Частiю противъ этихъ писателей выступилъ Жанъ Боденъ въ своемъ сочиненiи «О государствѣ». Онъ защищалъ неограниченную власть монарха, независимость отъ народа и его представителей; но несмотря на это онъ требовалъ, чтобы король терпѣлъ въ своемъ государствѣ иновѣрцевъ и не воевалъ съ ними. Второе обстоятельство, благопрiятствовавшее гугенотамъ, былъ ихъ союзъ съ оппозицiонной политической партiей, такъ-называемыхъ политиковъ или недовольныхъ, враговъ Гизовъ и двора, образовавшейся черезъ два года послѣ Варѳоломеевской ночи, когда по смерти молодаго тирана Карла IX на престолъ вступилъ его братъ, Генрихъ III. Тогда и французскiе гугеноты составили политическую партiю и явились поборниками не только свободы совѣсти и вѣроисповѣданiя, но добивались власти и влiянiя въ государствѣ; религiя, бывшая ихъ цѣлью, теперь служила только политикѣ. Между новыми союзниками и королевскими войсками началась опять сильная война. Во главѣ первыхъ сталъ герцогъ Алансонскiй (впослѣдствiи Анжуйскiй), которому были обѣщаны престолъ освобожденныхъ Нидерландовъ и рука англiйской королевы Елизаветы; къ нему присоединились—возвращенный изъ ссылки Конде и освободившiйся Генрихъ Наваррскiй. Миръ, заключенный въ 1576 г. въ Больё, утвердилъ за побѣдоносными протестантами широкую религiозную свободу и полную гражданскую равноправность.

Гизы составили по этому случаю такъ-называемую священную лигу, для охраненія нарушенныхъ правъ католичества; священники и монахи должны были возбуждать народъ противъ гугенотовъ, а сословное собраніе въ Блуа въ 1576 г. однимъ ударомъ уничтожило всѣ эдикты въ пользу протестантовъ, и ихъ духовные были приговорены къ изгнанію изъ Франціи. Это рѣшеніе вызвало только войну и миръ въ Пуатье въ 1577 г., нѣсколько похожій на С.-Жерменскій, т. е. полную свободу вѣроисповѣданія, доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, равноправность со всѣми гражданами. Новый миръ былъ продолжительнѣе прежнихъ; невоинственный и изнѣженный Генрихъ III проводилъ это мирное время то въ распутствѣ, то въ ханженствѣ, истощая народъ. Этотъ миръ былъ мученіемъ для лиги; она соединилась съ Испаніей и принудила короля издать уничтожающій вѣротерпимость эдиктъ 1585 года, который конечно снова вызвалъ войну, и папа Сикстъ V долженъ былъ отлучить отъ церкви Конде (который вскорѣ умеръ отъ яду) и Генриха Наваррскаго, противъ чего послѣдній сильно протестовалъ. Гугеноты потерпѣли пораженіе, и такъ какъ король ничего болѣе не предпринималъ противъ нихъ, то герцогъ Генрихъ Гизъ отправился къ нему и заставилъ его издать такъ-называемый «Союзный эдиктъ», 1588 года. Этимъ эдиктомъ король обязывался не слагать оружія, пока не истребитъ еретиковъ. Онъ подкрѣпилъ эти обѣщанія присягой и повелѣлъ своимъ подданнымъ противодѣйствовать ереси и тѣсно соединиться противъ нея. Вскорѣ послѣ этого Генрихъ Гизъ былъ умерщвленъ въ Блуа королевскими слугами, а за нимъ его братъ, кардиналъ, такъ какъ приближенные короля опасались, что иначе та же участь постигнетъ самого короля. Послѣ нихъ умерла и Екатерина (1589 г.). Ближайшимъ слѣдствіемъ этого былъ совершенный разрывъ между членами лиги и роялистами; королю ничего болѣе не оставалось, какъ соединиться со своими врагами гугенотами. Сорбонна запретила съ этихъ поръ молиться за него, какъ за отступника, а Гизы выхлопотали у папы отлученіе его отъ церкви. Раздраженный этимъ, онъ поклялся уничтожить Парижъ, благоговѣвшій передъ самымъ фанатическимъ католицизмомъ; но безумный доминиканскій монахъ Жакъ Клеманъ, подговоренный Гизами, предупредилъ исполненіе угрозы убійствомъ короля (1589) въ станѣ при С.-Клу и самъ былъ убитъ свитою своей жертвы. Во всѣхъ католическихъ церквахъ прославляли его какъ мученика; папа и всѣ князья католики были чрезвычайно рады этому убійству. Домъ Валуа, старшая линія Капетинговъ, вымеръ; законнымъ преемникомъ его, по праву старшинства, былъ представитель младшей линіи Бурбоновъ, Генрихъ IV, король Наваррскій, глава гугенотовъ. Труд-

ность его положенія конечно была не безъизвѣстна; поэтому и ревностные католики бывшіе въ его войскѣ и протестанты, обманувшіеся въ надеждѣ видѣть свое вѣроисповѣданіе господствующимъ въ государствѣ, оставили его; ожиданіе же ихъ не могло сбыться, потому что протестантизмъ исповѣдывался только незначительнымъ меньшинствомъ. Лига провозгласила королемъ подъ именемъ Карла X плѣннаго дядю Генриха IV, кардинала Антона Бурбона; такимъ образомъ во Франціи стало два короля—одинъ католическій духовный, а другой — протестантъ. Генрихъ IV, несмотря на небольшое войско, не потерялъ мужества. Онъ двинулся къ Парижу и побѣдилъ въ 1590 г. при С. Иври. Столица въ католическихъ брошюрахъ осыпала насмѣшками «еретичнаго Наваррскаго короля», совѣтовала ему жениться на англійской королевѣ и голодала для того, чтобы не впустить его въ городъ; когда король кардиналъ умеръ, то тамошняя партія ревнителей хотѣла лучше покориться Филиппу II, чѣмъ Наваррцамъ, и такимъ образомъ предпочитала измѣну странѣ — подчиненію иновѣрному монарху. Генрихъ IV бѣшено бился съ испанцами и лигою и наконецъ въ 1592 г. своимъ формальнымъ присоединеніемъ къ католической церкви въ С.-Дени, о которомъ онъ публично заявилъ 27-го декабря, превратилъ ихъ надежды въ позоръ, рѣшась скорѣе подчиниться обряду, который былъ ему чуждъ, чѣмъ допустить продолженіе междоусобной войны въ странѣ. Напрасно разгромленная лига старалась отклонить этотъ шагъ, напрасно пытались умертвить короля подосланнымъ Барьеромъ. Франція уничтожила испанскія интриги, ликовала о возстановленіи мира и провинціи и города одни за другими подчинялись королю, коронованному въ Шартрѣ и въѣхавшему при радостныхъ воскицаніяхъ въ Парижъ. Сорбонна и чернь, недавно враждовавшіе съ нимъ, охотно признали его. Попытка Жана Шателя убить его повлекла изгнаніе зачинщиковъ ея, т. е. іезуитовъ изъ Франціи. Маленькіе отряды послѣднихъ лигистовъ были также разбиты; папа Климентъ VIII призналъ короля хотя и при тяжкихъ условіяхъ, и даже Испанія заключила въ 1598 году въ Вервенѣ миръ. Больше всего Генрихъ заботился о своихъ прежнихъ единовѣрцахъ, мнѣнія которыхъ онъ продолжалъ въ душѣ раздѣлять; онъ кончилъ религіозную войну XVI столѣтія Нантскимъ эдиктомъ, доставившимъ протестантамъ всеобщую и почти неограниченную свободу совѣсти и вѣроисповѣданія (за исключеніемъ Парижа, его окрестностей и нѣкоторыхъ другихъ городовъ); но они должны были соблюдать католическіе праздники и платить десятину католическимъ духовнымъ, для чего имъ было назначено отъ государства пособіе въ 45,000 талеровъ. Право наслѣдства дѣтей протестантскаго духовенства было ограничено. Въ гражданскихъ правахъ гугеноты не потерпѣли

никакого ущерба, сохранили доступъ ко всѣмъ должностямъ и гарантію въ безпристрастномъ судопроизводствѣ. Ла-Рошель, Монтобанъ, Нимъ и нѣкоторые другіе города были оставлены имъ еще на восемь лѣтъ. Но вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ изъ 2000 реформатскихъ церквей осталось только 760 *). Напрасно Сорбонна, священники и парламенты шумѣли по поводу этого эдикта, находя въ немъ недостатки. Они должны были замолчать, потому что король согласился на возвращеніе іезуитовъ, вслѣдствіе присланной ими просьбы, въ которой они выставляли въ хорошемъ свѣтѣ ихъ орденъ, льстили и низкопоклонничали передъ королемъ; онъ сдѣлалъ это для избавленія себя отъ ихъ мести.

При Генрихѣ IV Франція вообще наслаждалась невозмутимымъ спокойствіемъ; никогда и никому не приходилось испытывать его продолжительнаго гнѣва; высшею его цѣлью было счастіе народа. Но онъ не ограничивался этимъ, а мечталъ вмѣстѣ со своимъ талантливымъ министромъ Сюлли объ обще-европейской христіанской республикѣ, для чего считалъ необходимымъ прежде всего изгнаніе турокъ и ослабленіе мрачнаго габсбургскаго дома. Іезуиты очень хорошо знали, что дѣлали, когда велѣли презрѣнному Равальяку (1610 г.) пронзить благороднѣйшее изъ сердецъ, бившихся въ груди государей того столѣтія. Убійца выставилъ поводомъ къ злодѣянію то, что король не притѣснялъ гугенотовъ и хотѣлъ воевать противъ папы, т. е. противъ Бога. Папа Павелъ V и Испанія ликовали!

Со смертью Генриха IV оканчивается во Франціи вѣкъ «Возрожденія», который представляетъ замѣчательный примѣръ междоусобной войны, начавшейся по религіознымъ причинамъ, а окончившейся политическими комбинаціями, не доставившей побѣды ни одной партіи, но указавшей приблизительно надлежащее положеніе обѣимъ; съ этихъ поръ начинается безхарактерный, безвкусный вѣкъ *„Рококо“* **), разоряющій народъ въ пользу привилегированнаго кружка и сословій.

Kulturgeschichte der neueren Zeit. Vom Wiederaufleben der Wissenschaften bis auf die Gegenwart. — Von Otto Henne Am Rhyn. 1870, Leipzig.

---

*) Война началась снова съ 1620 г., когда Людовикъ XIII началъ силою оружія вводить католицизмъ въ Беарнѣ. По вступленіи Ришелье въ управленіе Франціей, Ла-Рошель должна была сдаться королю (28 октября 1628 года), а вскорѣ за тѣмъ и прочія укрѣпленныя мѣста гугенотовъ; наконецъ по эдикту нимскому 1629 г. былъ подтвержденъ эдиктъ нантскій, съ этихъ поръ гугеноты стали занимать высшія государственныя и военныя должности. Людовикъ XIV началъ снова преслѣдовать гугенотовъ и наконецъ въ 1685 г. уничтожилъ нант. эдиктъ. По кодексу Наполеона I гугенотамъ предоставлены наравнѣ съ католиками гражд. и полит. права, которыя подтверждены хартіею Людовика XVIII и хартіею 1830 г.

**) «Рококо» такъ назывался стиль, господствующій въ архитектурѣ и въ украшеніяхъ въ XVIII столѣтіи и составляющій искаженіе древнихъ про-

4. ЮНОСТЬ КАТЕРИНЫ МЕДИЧИ.

Кому не извѣстно имя Катерины Медичи? Кто не знаетъ, хотя въ общемъ очеркѣ, тѣхъ кровавыхъ дѣлъ, которыя соединены съ ея памятью? Это имя врѣзано глубокими чертами въ исторіи Франціи. Оно нераздѣльно соединено съ исторіею величайшаго кризиса, какой только испытала страна до катастрофы 1789 года. Личное вліяніе Катерины сильно отозвалось на послѣднихъ судьбахъ дома Валуа. Когда одинъ за другимъ быстро сходили въ могилу его недолговѣчные представители, она одна поддерживала интересы фамиліи и давала единство ея политикѣ. Она пережила своего свекра, мужа и всѣхъ своихъ сыновей, за исключеніемъ послѣдняго, который былъ самымъ вѣрнымъ ея выраженіемъ. Едва ли когда женская жизнь была обуреваема столькими волненіями, едва ли когда отвѣтственность женщины была такъ велика за современныя событія и ихъ неизбѣжныя послѣдствія. Оттого изслѣдователи до сихъ поръ старательно собираютъ малѣйшіе слѣды дѣятельности Катерины и ея личнаго участія въ происшествіяхъ того времени.

Дочь Флоренціи, Катерина происходила отъ знаменитаго рода Медичисовъ. Но въ то время, когда Катерина увидѣла свѣтъ, цвѣтущая пора республики уже кончилась, да и вообще въ исторіи Флоренціи, какъ и цѣлой почти Италіи, произошелъ значительный поворотъ. Совершился кругъ блестящаго внутренняго развитія, которому немного еще находимъ примѣровъ въ новой исторіи; всѣ жизненныя силы, которыя только заложены были въ этой плодотворной почвѣ, вышли наружу и дали роскошный цвѣтъ. Въ политическомъ устройствѣ Италія перепробовала всѣ возможныя формы, она произвела свою собственную цивилизацію, которая давала ей право смотрѣть на остальной міръ какъ на варварскій. Ей обязана была наука своимъ столь плодотворнымъ возрожденіемъ. Пышный цвѣтъ ею же вызваннаго искусства только распускался; еще творились тѣ безсмертные образы, которые навсегда останутся предметомъ удивленія для потомства, недостижимымъ для подражанія: но это было уже естественное дѣйствіе прежде совершившагося развитія. За цвѣтомъ неминуемо должно было послѣдовать отцвѣтаніе. Однажды

стыхъ формъ. Самое слово происходитъ отъ rocaille—раковина, и дѣйствительно въ рококо господствуютъ украшенія на подобіе раковины. Главный признакъ этого стиля—фасады, въ которыхъ основная форма—кривая линія, такіе же фронтоны, манерность, въ украшеніяхъ дверей и оконъ множество вѣнковъ, гирляндъ и другихъ фантастическихъ орнаментовъ; рѣзныя ножки у столовъ, завитки и другіе орнаменты на спинкахъ стульевъ.

выработанные пріемы и преданія искусства продолжают жить и теперь, но творчество не могло долго держаться на одинаковой высотѣ и мало по малу перешло въ щегольство наружною формою.

Можетъ быть, самый этотъ избытокъ жизни искалъ себѣ выхода изъ Италіи, чтобы передать свои богатства и другимъ народностямъ, у которыхъ туго подвигалось дѣло образованія. Какъ бы то ни было, въ концѣ XV вѣка обстоятельства расположились такъ, что Италія волею или неволею должна была открыть свои границы чужеземцамъ и вступить съ ними въ обмѣнъ не только произведеніями искусствъ и ремеслъ, но и самыми идеями. Напоръ со стороны Германіи ослабѣвалъ съ каждымъ годомъ, зато со стороны Франціи плотина была прорвана и начался притокъ свѣжихъ силъ къ Италіи, нѣсколько разъ прорѣзывавшихъ ее до самой южной оконечности. Впродолженіе двухъ поколѣній Франція выслала въ Италію, одну за другою, нѣсколько армій, такъ что между двумя странами образовалось постоянное сообщеніе. Груды тѣлъ служили мостомъ, но жизнь не отвращается никакихъ путей. Между тѣмъ какъ французскія силы приливали къ сердцу Италіи, въ тылу ихъ итальянская цивилизація проникала все больше и больше во Францію. Вслѣдъ за произведеніями искусства, при дворѣ французскихъ королей появлялись одинъ за другимъ и самые художники. Прошло нѣсколько лѣтъ, и геній возрожденія (renaissance), обязанный своимъ бытіемъ Италіи, смѣло уже налагалъ свою руку на памятники средневѣковаго искусства въ самой родинѣ феодализма. Родственныя связи между двумя странами становились все чаще и чаще. Воинственное движеніе утихало, но Франція и Италія время отъ времени подновляли связь между собою новыми органическими нитями. Прежде Франція высылала за Альпы свои арміи, а потомъ взяло верхъ обратное движеніе, и она стала принимать у себя дѣтей Италіи, которыя, являясь мирно и по-одиночкѣ, скоро, однако, становились въ первые ряды общества и оказывали на него неотразимое вліяніе. Такихъ лицъ было нѣсколько: Катерина Медичи, Марія Медичи, кардиналъ Мазарини.

Въ эту эпоху, передъ концомъ своей независимости и самостоятельнаго развитія, Флоренція испытала у себя дома много потрясеній. Въ промежутокъ времени, когда она, заподозривъ Медичисовъ въ покушеніи на свою свободу, выслала ихъ изъ своихъ стѣнъ и потомъ, уступая превозмогающей силѣ, принуждена была снова допустить ихъ у себя, уже въ качествѣ владѣтельныхъ герцоговъ, жизнь иногда вспыхивала въ ней яркимъ огнемъ, такъ что заревомъ отъ него освѣщались и сосѣднія страны, не безъ страха видѣвшія около себя эти опас-

ныя вспышки. Таково въ особенности было время Савонаролы, когда вся Флоренція, вслѣдъ за этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, устремилась было на путь реформы и всесторонняго обновленія. Политическія страсти разыгрывались въ ней съ прежнею силою и нерѣдко приводили къ тѣмъ же роковымъ катастрофамъ. Между тѣмъ Медичисы успѣли проложить себѣ дорогу къ римскому престолу и связать свои виды съ его интересами. Это было едва ли не самое роковое событіе въ политической жизни республики. Отсюда началось то глубокое раздѣленіе интересовъ между Медичисами и ихъ родиною, которое могло кончиться или новымъ для нихъ униженіемъ, или совершеннымъ подчиненіемъ Флоренціи ихъ власти. Но съ тѣхъ поръ, какъ Медичисы располагали средствами и вліяніемъ римскаго престола, послѣднее предположеніе съ каждымъ днемъ получало болѣе вѣроятности. Республика не въ состояніи была одна бороться съ богатою фамиліею, которая, несмотря на изгнаніе, была сильна во Флоренціи своимъ вліяніемъ,—и въ то же время отстаивала свою свободу противъ Рима и его могущественныхъ союзниковъ. Клименту VII дѣйствительно удалось нанести ей послѣдній ударъ съ помощью Карла, но еще гораздо прежде, за нѣсколько времени до вступленія на папскій престолъ Льва X изъ той же фамиліи, флорентинцы принуждены были принять у себя изгнанныхъ Медичисовъ и возвратить имъ прежнее значеніе въ республикѣ.

Лоренцо II былъ прямой наслѣдникъ правъ своего дома. Онъ былъ сынъ Петра Медичи, умершаго въ изгнаніи, и внукъ Лоренцо I Великолѣпнаго, при дворѣ котораго возрождающаяся наука не только находила себѣ постоянное покровительство, но и пользовалась разными внѣшними удобствами, какъ будто у себя дома. Не смотря на молодость Лоренцо II, приверженцы его фамиліи соединяли съ любимымъ именемъ много блестящихъ надеждъ. Джованни Медичи, вступившій на римскій престолъ подъ именемъ Льва X, пользовался молодостью племянника и скоро обратилъ его въ орудіе своего честолюбія. Для исполненія своихъ плановъ, Левъ X имѣлъ сверхъ того вѣрную опору въ матери Лоренцо, Альфонсинѣ Орсини, которой гордость не удовлетворялась возвращеніемъ лишь прежнихъ правъ дома въ республикѣ. Одною изъ первыхъ заботъ папы было доставить племяннику титулъ владѣтельнаго лица, и какъ объ этомъ рано еще было думать въ самой Флоренціи, то онъ назначилъ Лоренцо герцогомъ урбинскимъ. Такъ одна неправда покрывалась другою. Въ свое время папа Юлій II, слѣдуя системѣ непотизма, еще прежде утвердившейся при римскомъ дворѣ, отдалъ герцогство своему племяннику, Франческо Марія делла-Ровере. Еще живъ былъ этотъ названный владѣтель Урбино, какъ Левъ

X подвергнулъ его владѣніе новому произвольному распоряженію, тоже въ пользу своей фамиліи. Чтобы вступить въ дѣйствительныя права герцога урбинскаго, Лоренцо сначала долженъ былъ завоевать ихъ себѣ. Права стараго узурпатора были ничѣмъ не хуже тѣхъ, которыя еще предстояло добывать мечемъ новому. Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, Лоренцо неохотно принялъ вызовъ дяди. Какъ бы то ни было, однако онъ вступилъ въ борьбу съ указаннымъ ему противникомъ и велъ ее до конца. Добыча не легко досталась завоевателямъ; борьба вышла упорная и кровопролитная. Самъ Лоренцо, при осадѣ Мандольфо, получилъ тяжелую рану и пролежалъ три мѣсяца въ Анконѣ. Но Франческо принужденъ былъ наконецъ уступить своему сопернику, или, лучше сказать, соперникамъ, и удалился въ Мантую, гдѣ, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, нашелъ себѣ пріемъ и убѣжище въ фамиліи Гонзага. Излѣчившись отъ раны, молодой Медичи возвратился во Флоренцію съ титуломъ герцога и своею ли личностью, или больше своимъ положеніемъ возбуждалъ уже столько участія къ себѣ, что Макіавелли рѣшился посвятить своего «Il Principe» его имени.

Но Левъ X и послѣ того не думалъ еще отказаться отъ опеки надъ племянникомъ. Лоренцо долженъ былъ сверхъ того послужить ему орудіемъ, чтобы завязать болѣе обширныя политическія связи. Дѣло шло о выборѣ невѣсты новому герцогу. Папа думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы сколько можно больше упрочить свое положеніе, которое казалось не довольно безопаснымъ въ самомъ Римѣ. Насильственное присвоеніе урбинскаго герцогства доставило Льву X много враговъ. Недоброжелательство и непріязнь къ нему проникли даже въ кардинальскую коллегію. Гроза могла вдругъ подняться съ нѣсколькихъ сторонъ. Чтобы предупредить ее, папѣ надо было постараться обезопасить себя помощью сильнаго союзника. Предположенный бракъ племянника представлялъ къ тому самый благопріятный случай. По многимъ соображеніямъ, Левъ X рѣшился искать ему невѣсту во Франціи. Кромѣ безопасности внутренней, онъ имѣлъ также въ виду возраставшее могущество Габсбургскаго дома и готовившееся его преобладаніе. Французскій королевскій домъ, казалось, одинъ только могъ быть преградою его властолюбію. Своимъ новымъ политическимъ видамъ папа не поколебался пожертвовать своими прежними антипатіями. Тѣ же причины располагали въ свою очередь и Франциска къ сближенію съ римскимъ епископомъ. Ни одна сторона не имѣла твердыхъ основаній много довѣрять другой; но тѣмъ не менѣе обѣ искали союза между собою и надѣялись каждая извлечь изъ него свою выгоду. Съ этою цѣлью, въ 1518 году

кардиналъ Биббіена, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка и довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ Льва X, отправленъ былъ въ качествѣ легата во Францію. Съ другой стороны также нашлись искусные посредники, и скоро все дѣло устроилось по желанію папы.

Избранная невѣста герцога урбинскаго была Маделена делла Туръ д'Овернь, дочь Жана, графа булоньскаго, и Катерины Бурбонской, отрасль знаменитаго дома по отцу и по матери. Лоренцо II лично явился въ Амбуазъ, тогдашнее пребываніе французскаго двора. Свадебныя празднества открылись парад- нымъ пиршествомъ за королевскимъ столомъ. Оно продолжалось далеко за-полночь. Яркое освѣщеніе отъ множества свѣчъ и факеловъ почти превращало ночь въ бѣлый день. Свадебный пиръ окончился танцами. Затѣмъ начались турниры, продолжавшіеся болѣе недѣли и удивившіе всѣхъ своимъ необыкновеннымъ изяществомъ. Герцогъ урбинскій и здѣсь имѣлъ случай показать себя съ выгодной стороны. Въ заключеніе дана была примѣрная осада деревяннаго замка, нарочно построеннаго на этотъ случай и снабженнаго необходимой артиллеріей. Герцогъ д'Алансонъ командовалъ внутри крѣпости, а коннетабль Бурбонъ вмѣстѣ съ Вандомомъ велъ ея осаду. Съ обѣихъ сторонъ происходили горячія схватки. Осажденные ждали Флеранжа, который съ 400 человѣкъ долженъ былъ придти къ нимъ на выручку. Вдругъ, въ то самое время, когда Флеранжъ началъ свое движеніе, откуда ни взялся самъ Францискъ въ полномъ вооруженіи и тотчасъ примкнулъ къ вспомогательному отряду. Изъ крѣпости въ то же время послѣдовала вылазка. Алансонъ схватился съ Бурбономъ, между тѣмъ какъ Вандомъ отражалъ короля и Флеранжа. Артиллерія гремѣла какъ въ настоящемъ бою. Большаго труда стоило развести сражающихся: до того распалились они боевымъ огнемъ. Въ заключеніе праздниковъ молодые получили богатые подарки, причемъ флорентинскіе посланники не могли довольно надивиться щедрости короля и его доброму расположенію къ дому Медичисовъ.

Въ апрѣлѣ 1519 года отъ брака Лоренца съ Маделеною родилась дочь, получившая при крещеніи имя Катерины. Спустя нѣсколько дней несчастная Маделена умерла, а вскорѣ, именно въ первыхъ числахъ мая 1519 г., кардиналу Медичи писали изъ Флоренціи, что герцогъ находится въ безнадежномъ положеніи. 4-го мая онъ, дѣйствительно, не существовалъ болѣе. Еще два или три дня, и флорентинцы въ торжественной процессіи проводили трупъ Лоренцо въ погребальный склепъ фамиліи.

Въ послѣдствіи времени надъ прахомъ такъ рано умершаго Лоренцо II, герцога урбинскаго, воздвигся великолѣпный памятникъ, которымъ по праву гордится новое искусство. Между мно-

жествомъ сооруженій этого рода, которыми полна монументальная базилика Санъ-Лоренцо, онъ по преимуществу останавливаетъ на себѣ вниманіе посѣтителя. Не многія еще изъ произведеній геніальнаго художника, который работалъ надъ нимъ не-задолго передъ своею смертью, въ состояніи возбудить къ себѣ столько симпатіи. Можно бы сказать, что Микель-Анджело вложилъ въ него свою душу. Памятникъ состоитъ изъ самой гробницы, по концамъ которой брошены, въ полулежачемъ положеніи, двѣ символическія фигуры, одна въ образѣ молодой женщины, другая—пожилаго мущины, изображающія собою раннюю зарю и сумерки. Не смотря, впрочемъ, на свое различное значеніе, обѣ онѣ равно проникнуты одною мыслію. Хотя нѣжный образъ зари и свѣтлѣе темныхъ сумерекъ, но все-же онъ не способенъ внушить зрителю отрадное чувство. Заря и сумерки, помѣщенныя рядомъ,—это, говорятъ, изображеніе тѣхъ прекрасныхъ надеждъ, которыя такъ рано были возбуждены въ итальянскихъ сердцахъ молодымъ Медичисомъ и такъ преждевременно погасли вмѣстѣ съ его жизнью. Его собственное изображеніе въ сидящемъ положеніи помѣщено въ нишѣ надъ гробницею. Онъ представленъ въ воинственномъ костюмѣ своего времени, съ шлемомъ на головѣ, нѣсколько надвинутымъ на брови. Правая рука его оставлена свободною, другою онъ задумчиво подпираетъ подбородокъ. Думою, грустною думою, проникнуто его, облагороженное художникомъ, лицо; она же потомъ отражается и въ самой позѣ его. Не даромъ фигура прозвана знаменательнымъ именемъ «Il pensiero». Она дѣйствительно воплотила въ себѣ задумчивую мысль... Но точно ли эта мысль есть настоящее выраженіе Лоренцо, вѣрно уловленное художникомъ въ живыхъ чертахъ его и потомъ искусно воспроизведенное рѣзцомъ? Или, можетъ быть, такъ выразились тѣ патріотическія надежды, которыя, говорятъ, флорентинцы привыкли соединять съ именемъ молодаго Медичиса? Нѣтъ, эта глубокая и вмѣстѣ столько печальная дума не могла принадлежать самому Лоренцо, и также мало была выраженіемъ обращенныхъ будто бы къ нему надеждъ флорентинцевъ. Мысль герцога урбинскаго была горда и самолюбива. Она подъ конецъ вся стала направлена къ тому, чтобы заставить флорентинцевъ признать его волю своимъ закономъ, и какъ, повидимому, все удавалось ему для этой цѣли, то въ душѣ его и не могло быть мѣста печальной думѣ.

Лишившись родителей, дочь Лоренцо и Маделены не осталась, впрочемъ, безъ всякаго призрѣнія. Сверхъ погасавшей старшей линіи, въ домѣ Медичисовъ было тогда налицо еще нѣсколько членовъ, высоко поставленныхъ въ обществѣ, которые всѣ считались въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ наслѣд-

ницею имени и правъ герцога урбинскаго и потому должны были позаботиться о ея участи. Въ окруженіи сироты не было, конечно, довольно теплаго родственнаго чувства, которое замѣняло бы ей нѣжную материнскую заботливость; но она вовсе не лишена была родственнаго покровительства и временно, по крайней мѣрѣ, могла находить въ немъ замѣну самой семьи.

Между этими кровными покровителями Катерины самое видное мѣсто принадлежало родному дядѣ ея отца, папѣ Льву. Мы видѣли уже прежде, какое живое участіе принималъ онъ въ судьбѣ своего дома и какъ много озабоченъ былъ положеніемъ тѣхъ его членовъ, которые находились во Флоренціи. Безъ сомнѣнія, высокое покровительство Льва X еще болѣе обезпечено было сиротѣ по смерти ея отца и матери. Онъ, впрочемъ, лишь полутора годами пережилъ своего племянника. Смерть застигла его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пожать плоды своихъ новыхъ связей съ Габсбургскимъ домомъ. Но Катерина и послѣ того не осталась безъ сильныхъ заступниковъ въ своей же фамиліи. Таковъ былъ кардиналъ Джуліо Медичи, одинъ изъ первыхъ сановниковъ при дворѣ Льва X, впослѣдствіи и самъ занявшій римскій престолъ. Ему поручена была опека надъ сиротою. Онъ, дѣйствительно, очень усердно взялся за свою новую обязанность и не хотѣлъ измѣнить ей даже по вступленіи своемъ на папскій престолъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ велико было его участіе въ устройствѣ послѣдующей судьбы Катерины и особенно въ ея политическомъ возвышеніи.

Изъ женщинъ, окружавшихъ наслѣдницу герцога урбинскаго въ ея дѣтствѣ, назовемъ особенно двухъ. Лишившись отца и матери, она осталась первое время на рукахъ своей бабки, Альфонсины Орсини, женщины весьма надменнаго свойства, которая считала себя всѣхъ знатнѣе въ домѣ и никогда не могла привязать къ себѣ ни чьей симпатіи. Ея внушеніямъ въ особенности приписываютъ то направленіе политической дѣятельности Лоренцо, которое было причиною отчужденія отъ него Флорентинцевъ. Здѣсь было бы мѣсто вопросу о томъ, какое вліяніе могла имѣть она на свою внучку; но Альфонсина жила еще менѣе по смерти сына, чѣмъ Левъ X. Она умерла прежде, чѣмъ началось воспитаніе Катерины въ собственномъ смыслѣ. Тогда мѣсто ея для сироты заступила тетка ея Клариса, родная сестра герцога урбинскаго. Она была замужемъ за Филиппомъ Строцци, наслѣдникомъ знатной и богатой флорентинской фамиліи, которая была почти одинаковаго происхожденія съ Медичисами. Клариса была женщина съ волею и характеромъ. Она не чужда была гордости, наслѣдованной ею отъ матери, но зато своимъ высокимъ духомъ нерѣдко могла напомнить знаменитаго своего дѣда, Лоренца I Медичи. Сама—мать довольно большой семьи—

Клариса Строцци, впрочемъ, всегда готова была удѣлить свои попеченія и своей осиротѣвшей племянницѣ, и Катерина надолго потомъ сохранила о ней благодарное воспоминаніе. Если въ дѣтствѣ своемъ она видѣла что нибудь похожее на любовь, то, конечно, это было въ домѣ ея тетки. Зато впослѣдствіи, когда сыновья Кларисы принуждены были бѣжать изъ отечества и остались почти безъ крова, имъ стоило только обратиться къ французскому двору, чтобы найти тамъ себѣ вѣрный пріютъ и надежное покровительство.

Прежде всего въ жизни Катерины Медичи замѣчательно то, что наслѣдница славнаго имени и богатой фамиліи не только не имѣла отеческаго дома, но и одного постояннаго гнѣзда. Первые годы своего несчастнаго дѣтства она переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія до тѣхъ поръ, пока ребенку не нашлось болѣе вѣрнаго убѣжища—въ стѣнахъ монастыря! Никто изъ ближайшихъ ея попечителей не жилъ постоянно во Флоренціи. Кардиналъ, который явился сюда тотчасъ послѣ смерти герцога урбинскаго, скоро отозванъ былъ обратно въ Римъ смертію Льва X. По своимъ фамильнымъ дѣламъ Клариса также большую часть времени проводила въ Римѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Маленькая герцогиня конечно пользовалась въ ея домѣ только временнымъ гостепріимствомъ, но не могла найти въ немъ себѣ постояннаго пріюта. Вѣроятно это самое обстоятельство заставило наконецъ Климента VII помѣстить сироту въ монастырѣ Санта-Лучіи и поручить ея воспитаніе тамошнимъ монахинямъ доминиканскаго ордена. Дѣлая этотъ выборъ, папа повидимому имѣлъ въ виду память тѣхъ благодѣяній, которыми монастырь обязанъ былъ щедротамъ Медичисовъ, перестроившихъ его вновь, въ половинѣ XV столѣтія. Съ того времени обитательницы Санта-Лучіи, заступившія мѣсто прежнихъ доминиканцевъ, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ домомъ своихъ благодѣтелей. Можетъ быть также Климентъ VII желалъ доставить племянницѣ сколько можно болѣе безопасное убѣжище во Флоренціи, такъ какъ монастырь Санта-Лучіи, существовавшій до конца прошедшаго вѣка или до французскаго завоеванія, находился близъ Санъ-Галло, т. е. на одной изъ самыхъ крайнихъ оконечностей города. Какъ бы то ни было, отеческій домъ рано пересталъ существовать для Катерины, и она, по волѣ самаго усерднаго изъ своихъ попечителей, была передана на руки монахинямъ, на которыхъ лежало теперь ея воспитаніе и развитіе въ ней первыхъ понятій.

Когда во Флоренціи разнеслась вѣсть, что Римъ взятъ штурмомъ войсками Карла Бурбона, и самъ папа, чтобы избѣжать плѣна, принужденъ запереться въ крѣпости Св. Ангела, то это извѣстіе подбавило масла въ огонь народныхъ страстей, который

продолжалъ тлѣть подъ наружнымъ спокойствіемъ, и произвело новый ихъ взрывъ, гораздо опаснѣе прежняго. Кардиналъ Пассерини, лишенный дѣятельной помощи герцога урбинскаго, оставался рѣшительно безсовѣтенъ и не зналъ что предпринять противъ усиливавшагося движенія. Враги Медичисовъ, напротивъ того, были сильны не только своимъ числомъ, но и своимъ единствомъ. Между ними главное мѣсто, конечно, занимали приверженцы демократіи въ обширномъ смыслѣ слова; но къ нимъ примкнули сверхъ того остатки партіи, которая господствовала во время Савонаролы; наконецъ сюда же присоединились многія знатныя фамиліи, ненавидѣвшія Медичисовъ за ихъ стремленія къ рѣшительному перевѣсу въ республикѣ. Связанные одною общею нуждою, эти разнородные элементы на первое время держались крѣпко между собою. Имъ даже удалось согласиться въ выборѣ одного главы: это былъ Никколò Каппони, человѣкъ столько же заслужившій общее уваженіе своимъ личнымъ характеромъ, сколько располагавшій къ себѣ и самымъ своимъ именемъ. Медичи вторично принуждены были покинуть городъ и передъ отъѣздомъ съ нихъ взяли обѣщаніе, что они сдадутъ новому правительству и всѣ, оставшіяся въ ихъ рукахъ, укрѣпленія. Эта первая уступка обличила слабость правителей и придала еще болѣе смѣлости неумѣренной партіи. Едва только Медичисы выѣхали изъ города, какъ народъ бросился къ ихъ дому съ явнымъ намѣреніемъ предать его расхищенію. Хотя съ большимъ трудомъ, Никколо Каппони удалось еще отвратить это насиліе; но народное волненіе послѣ того уже не утихало. На другой же день распространилась въ городѣ вѣсть, будто папа освободился изъ своего заключенія въ замкѣ, и Медичисы, ведя за собою многочисленное войско, находятся уже на пути къ Флоренціи. Подобные слухи, какъ ни мало были они основательны, увеличивали волненіе въ народѣ и внушали ему еще болѣе недовѣрчивости къ правителямъ. Умѣренная партія рѣшилась ввѣрить исполнительную власть въ однѣ руки и провозгласила Никколо Каппони гонфалоньеромъ. Лучшаго выбора повидимому нельзя было сдѣлать, Никколо былъ тогда самое популярное лицо въ Флоренціи. Но онъ не рожденъ былъ для тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тогда республика. Едва послѣдовало его назначеніе, какъ уже весь городъ былъ въ полномъ возстаніи. Казалось, побитая партія Савонаролы, спустя много лѣтъ послѣ ея пораженія, опять возстала въ прежнемъ своемъ составѣ. На этотъ разъ ей дѣйствительно принадлежало численное большинство и, слѣдовательно, перевѣсъ вліянія. Она привлекла къ себѣ сверхъ того многія изъ лучшихъ фамилій въ городѣ, чѣмъ еще болѣе ослабила силы своихъ противниковъ. Многимъ казалось, что возвратились времена вдохновеннаго домини-

канца. Рѣшенія синьоріи слѣдовали одно за другимъ, но не находили себѣ ни повиновенія, ни исполнителей. Когда нужно было дѣйствовать энергически, новый гонфалоньеръ думалъ, что еще не ушло время для примиренія, и надѣялся достигнуть его кроткими мѣрами. Мятежъ между тѣмъ разлился по всѣмъ улицамъ и скоро перешелъ въ открытое буйство. Ярость его прежде всего обратилась противъ дворца Медичисовъ. Уничтоживъ наружные щиты съ гербами фамиліи, мятежники ворвались во внутренность дома и тамъ продолжали разрушенія. Нигдѣ не встрѣчая противъ себя другой общественной силы, которая бы могла внушить къ себѣ уваженіе, они перенесли потомъ свое неистовство въ самыя церкви, чтобъ и въ нихъ не оставить никакихъ памятниковъ ненавистной фамиліи. Впрочемъ и эта необузданная ярость была не такъ слѣпа, какъ могло бы казаться съ перваго взгляда: она еще умѣла выбирать. Такъ въ монастырѣ Аннунціаты, стѣны котораго до сихъ поръ хранятъ въ себѣ столько живыхъ воспоминаній о временахъ Медичисовъ, предметами народной ярости сдѣлались особенно статуи Льва X и Климента VII; онѣ были разбиты въ куски.

Среди этихъ событій новая синьорія обнаружила только свое крайнее безсиліе. Она ничего не въ состояніи была сдѣлать, чтобы обуздать дикое своеволіе демократіи, и, предчувствуя свое неизбѣжное паденіе, равнодушно видѣла, какъ власть уходила отъ нея въ другія руки. Республика опять возвращалась къ тому безпокойному состоянію, въ которомъ жизнь ея слагалась изъ постоянныхъ тревогъ и волненій, потому что происходившее въ ней броженіе не оканчивалось еще преобладаніемъ той партіи, которая вела свое начало отъ приверженцевъ Савонаролы. За нею стояла другая, еще болѣе неумѣренная, дожидавшаяся своей очереди, чтобы поставить свою волю закономъ государству. Это были такъ-называемые аррабіаты, которые въ борьбѣ съ Савонаролою нѣсколько разъ имѣли случай обнаружить свою непримиримость. Но прежде, чѣмъ республика испытала вновь ихъ тяжелое господство, ей готовилось страшное мщеніе со стороны. Климентъ VII былъ глубоко возмущенъ событіями, происходившими во Флоренціи. Болѣе всего оскорблено было его самолюбіе тѣмъ, что̀ произошло въ монастырѣ Аннунціаты. Узнавъ, что народъ осмѣлился наложить руку на изваянія какъ его предшественника, такъ и его собственное, Климентъ вышелъ изъ себя и поклялся, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока униженная Флоренція не отворитъ предъ нимъ своихъ воротъ. Мстительная и въ то же время холодная душа его способна была выполнить эту горькую угрозу надъ отечественнымъ городомъ. Для того не усомнился онъ измѣнить свою внѣшнюю политику, для того согласился простить Карлу V самое разграбленіе Рима

его наемниками и подать руку на тѣсный союзъ съ тѣмъ, въ комъ видѣлъ опаснаго врага для независимости цѣлой Италіи, чтобы только скорѣе имѣть въ своихъ рукахъ средства отомстить Флоренціи! Уже заключая съ императоромъ свой мирный договоръ, онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Флорентинцы были лишены благодѣянія мира, — и, какъ только представилась первая возможность, то же буйное ополченіе наемниковъ всякаго рода, которое еще недавно безчинствовало въ Римѣ, по указанію папы направилось къ его отечественному городу, грозя ему страшною карою. Такъ руками Медичисовъ заготовлены были въ новомъ Римѣ цѣпи на свободу Флоренціи. Ту же участь терпѣла древняя Тоскана отъ стараго Рима, съ тою только разницею, что она не имѣла своихъ Медичисовъ.

Таковы были грустныя событія, среди которыхъ Катерина Медичи провела свое дѣтство и достигла десятилѣтняго возраста. О ней самой, о ея личной жизни въ первые годы ея жизни дошли до насъ лишь самыя односложныя извѣстія. Такъ, мы видѣли, что едва прошло нѣсколько дней послѣ ея рожденія, какъ она лишилась семьи и крова; что воспитаніе ея началось въ монастырѣ; что гражданскія бури и тамъ не оставили въ покоѣ ея дѣтства; что на нѣкоторое только время маленькая дукессина была пригрѣта участіемъ своей тетки, которая взяла ее съ собою даже во дворецъ Медичисовъ, но что скоро потомъ новыя тревоги заставили не только ребенка, но и самую его покровительницу опять искать убѣжища въ томъ же монастырѣ.

Едва только для нея наступилъ возрастъ, когда она могла нѣсколько понимать себя, какъ начался политическій кризисъ, въ которомъ она осуждена была играть самую страдательную роль. Ей некогда было даже задуматься, сосредоточиться въ себѣ: для того у нея не было довольно внѣшняго покоя. Какъ мы видѣли, Катерину то и дѣло переводили изъ одного мѣста въ другое или, пожалуй, передавали ее съ однѣхъ рукъ въ другія. Домашняя школа не удалась, такъ зато рано, даже слишкомъ рано началась для Катерины политическая школа. Ибо воспитаніе не слагается изъ однихъ только уроковъ въ собственномъ смыслѣ: въ ту пору, когда всѣ впечатлѣнія еще такъ свѣжи и сильны, ни одно внѣшнее событіе не проходитъ даромъ для молодаго ума; оно оставляетъ въ немъ глубокій слѣдъ, хотя и не вдругъ доходитъ до сознанія. Катерина, прежде чѣмъ могла знать, что такое политическія партіи, чуть не каждый день видѣла вокругъ себя ихъ волнованіе и отчасти на себѣ самой испытала ихъ неумѣренность. Страхъ предъ ними былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ и вмѣстѣ постоянныхъ чувствъ въ ней. Не видно, чтобы въ ребенкѣ могла образоваться какая привязанность. Не знаемъ даже, было ли среди этихъ безпрестанныхъ смутъ,

интригъ, взаимныхъ обвиненій между партіями, какое нибудь мѣсто для того чувства, которое такъ сказать всасывается съ молокомъ матери, т. е. для любви къ отечеству. Если бы Катерина по крайней мѣрѣ могла видѣть чаще добрые примѣры! Но вся сцена передъ нею занята была сплошь политическимъ дѣйствіемъ и нераздѣльными съ нимъ интригами. Политическія страсти проникли даже въ стѣны монастырей. Этотъ обычай ввелся во Флоренціи со времени Савонаролы. Монахини Санта-Лучіи, которымъ ввѣрено было воспитаніе Катерины, также раздѣлялись на два лагеря и нерѣдко вели между собою горячіе политическіе споры. Тогда какъ однѣ изъ нихъ продолжали доброхотствовать Медичисамъ, въ которыхъ видѣли единственное спасеніе для государства, нетерпѣливый патріотизмъ другихъ требовалъ немедленнаго удаленія ихъ изъ города. Эти сцены Катерина видѣла безпрестанно передъ собою. Хотѣла ли она примѣровъ на-сторонѣ? Передъ нею былъ примѣръ главы рода, старшаго члена фамиліи и главнаго защитника его интересовъ, страшный примѣръ Климента VII, который со всѣхъ сторонъ подкапывался подъ свободу своего роднаго города, чтобы на развалинахъ его возвысить власть своего дома... По истинѣ это было самое печальное дѣтство!

Въ декабрѣ 1527 года, когда эпидемія, свирѣпствовавшая въ городѣ, проникла и въ монастырь Санта-Лучіи, маленькая дукессина переведена была въ другой, болѣе отдаленный монастырь Delle-Murate, помѣщавшійся близъ самой городской стѣны. Неизвѣстно, кому именно обязана была Катерина этимъ заботливымъ вниманіемъ къ ея положенію; достовѣрно только то, что въ переводѣ ея изъ одного монастыря въ другой принималъ непосредственное участіе французскій посланникъ, находившійся тогда во Флоренціи. Въ этихъ обстоятельствахъ Климентъ былъ совершенно въ правѣ желать и прямо требовать отъ флорентинцевъ, чтобы они отпустили племянницу его въ Римъ. Къ сожалѣнію, требованіе его встрѣтило себѣ сильное противорѣчіе въ неумѣренной партіи. Предвидя себѣ постояннаго врага въ Климентѣ, флорентинскіе демократы не безъ основанія думали, что, получивъ возможность располагать рукою своей племянницы, онъ употребитъ ее орудіемъ новыхъ политическихъ связей, и упорствовали въ своемъ намѣреніи удержать ее у себя вмѣсто залога. Такъ уже въ самой ранней молодости Катеринѣ суждено было послужить яблокомъ раздора между своимъ отечественнымъ городомъ и главнымъ представителемъ своей фамиліи.

Еще Карлъ V не успѣлъ выѣхать изъ Испаніи, какъ между нимъ и папою были уже условлены главные пункты союза, т. е. вѣнчаніе Карла императорскою короной, возвращеніе Ми-

лана Сфорца, возстановленіе власти папы въ Романьи и главное—униженіе передъ нимъ мятежной Флоренціи. Черезъ нѣсколько времени послѣ того императоръ лично явился въ Италію и остановился въ Генуѣ, гдѣ опять встрѣченъ былъ римскими послами. Между тѣмъ Филибертъ, принцъ Оранжскій, тотъ самый, который командовалъ имперскими войсками во время римскаго грабежа, по вызову папы прибылъ изъ Неаполя въ Римъ для совѣщаній о планѣ войны съ Флоренціей. Когда потомъ Карлъ V изъ Генуи отправился въ Болонію, гдѣ положено было происходить торжественнному его вѣнчанію, Климентъ VII не замедлилъ вслѣдъ за имъ явиться туда же, и все, что еще оставалось между ними нерѣшеннаго, было окончательно улажено при личномъ свиданіи.

Такимъ образомъ вслѣдствіе изгнанія своей фамиліи Климентъ получилъ законный предлогъ къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Флоренціи. Между тѣмъ новый порядокъ вещей внутри республики ознаменовался многими насильственными мѣрами. Все рѣже и рѣже слышался голосъ людей умѣренныхъ, между тѣмъ какъ представители крайнихъ мнѣній не стѣснялись болѣе ничѣмъ въ выраженіи своихъ требованій и, дѣйствуя за одно съ исполнительною властію, нерѣдко увлекали за собою и законодательную. Флоренціи, незадолго до ея паденія, пришлось испытать многія крайности исключительнаго демократическаго владычества. Они росли и увеличивались по мѣрѣ того, какъ блокада города со стороны непріятеля становилась тѣснѣе. Никакія выраженія народной ненависти къ Медичисамъ не казались слишкомъ грубыми и неприличными. То она обращалась противъ какой-нибудь великолѣпной виллы, принадлежавшей изгнанной фамиліи, то изливала свою ненависть противъ нея въ карикатурахъ и пасквиляхъ. Болѣе всего доставалось папѣ Клименту. Катерина, которая изъ всѣхъ членовъ фамиліи одна находилась на-лицо въ городѣ, повидимому избавлена была отъ всѣхъ оскорбленій. Невинный возрастъ дукессины служилъ ей единственнымъ щитомъ противъ нихъ. Лишь въ одномъ упорствовали флорентинцы: они смотрѣли на нее не иначе какъ на заложницу и непремѣнно хотѣли удержать ее до конца войны въ стѣнахъ города. Поэтому за ней наблюдали довольно строго и не давали ей сдѣлать ни одного свободнаго шага внѣ монастыря. Впрочемъ, когда блокада подступила ближе къ городскимъ стѣнамъ, имя Катерины стало чаще произноситься на народныхъ сходкахъ. Льстивая угодливость безчеловѣчнымъ инстинктамъ толпы заводитъ иногда слишкомъ далеко. Такъ и въ этомъ случаѣ—можно было слышать голоса, которые, не стыдясь, высказывали мнѣніе, что самое вѣрное средство остановить дѣйствіе батарей принца Оранжскаго было бы

привязать наслѣдницу имени Медичисовъ къ крѣпостнымъ зубцамъ и поставить ее цѣлію непріятельскихъ выстрѣловъ. Едва ли даже и тотъ, кто имѣлъ духъ выговорить это варварское предложеніе, серьезно вѣрилъ его исполненію; тѣмъ менѣе могло оно встрѣтить одобреніе со стороны правителей города. Въ виду возрастающихъ опасностей они нашли необходимымъ только перемѣнить мѣстопребываніе Катерины. И въ самомъ дѣлѣ, монастырь Delle-Murate находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ городской стѣны, что нельзя было поручиться за безопасность жившихъ въ немъ въ случаѣ новыхъ успѣховъ непріятеля. Плѣнница вѣроятно и сама не пропустила бы случая бѣжать изъ своего заключенія, если бы со стороны помогли ей отворить дверь ея клѣтки. Въ монастырѣ, много облагодѣтельствованномъ въ прежнее время Медичисами, нѣсколько разъ уже замѣчаемы были сильныя симпатіи въ пользу изгнанной фамиліи и горячее участіе въ судьбѣ лицъ, ей преданныхъ и большею частію находившихся въ суровомъ заключеніи. Монахини не довольствовались тѣмъ, что посылали имъ отъ имени то настоятельницы монастыря, то Катерины, корзины съ разнымъ печеньемъ: подъ-конецъ, одобренныя успѣхами осаждающихъ, онѣ придумали еще болѣе выразительное средство для передачи своихъ чувствъ заключеннымъ. Вынося опорожненныя корзины, тюремный стражъ не разъ находилъ ихъ выложенный гербъ цвѣтами Медичисовъ. Извѣстія объ этихъ сношеніяхъ не укрылись отъ совѣта Десяти такъ-называемыхъ охранителей свободы, который вмѣщалъ въ себѣ почти всю исполнительную власть во время войны. Тогда состоялось рѣшеніе совѣта отдѣлить Катерину отъ малонадежной общины Delle-Murate и перевести ее обратно въ монастырь Санта-Лучіи, котораго обитательницы, вѣрныя доминиканскимъ преданіямъ и, находясь подъ вліяніемъ сосѣдственной обители Санъ-Марко, обнаруживали гораздо болѣе сочувствія къ демократической партіи.

Порученіе это возложено было на Сильвестра Альдобрандини, тогдашняго канцлера и тайнаго секретаря синьоріи. Сильвестръ явился у монастырскихъ воротъ въ сопровожденіи отряда гражданской стражи. Появленіе его произвело въ монастырской обители сильную тревогу. Думали уже, что для Катерины наступилъ послѣдній часъ, и готовились быть свидѣтельницами разныхъ насильственныхъ мѣръ противъ нея. Съ трудомъ могъ добиться повѣренный синьоріи, чтобы по крайней мѣрѣ выслушали отъ него, въ чемъ состоитъ данное ему порученіе. Наконецъ монахини вывели Катерину къ рѣшеткѣ пріемной комнаты. Дукессина была вся въ черномъ, и волосы у ней были подстрижены по-монашески. Сильвестръ обратился къ ней очень дружелюбно и въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ передалъ ей волю

правительства. «Ступайте и скажите моимъ повелителямъ и отцамъ, отвѣчала Катерина, что я намѣрена посвятить себя Богу и хочу провести всю жизнь мою съ этими почтенными матерями». Напрасно посланный старался успокоить своихъ собесѣдницъ и разсѣять всѣ ихъ опасенія; напрасно хотѣлъ онъ увѣрить дукессину, что правительство ищетъ только ея безопасности, и что она должна знать по своему собственному опыту, какого добраго пріема можетъ ожидать себѣ въ Санта-Лучіи. Всѣ увѣщанія остались совершенно безполезны. Катерина упорствовала въ своемъ намѣреніи, между тѣмъ какъ монахини со слезами умоляли посланнаго предоставить ей самой свободу рѣшенія. Все это кончилось тѣмъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ упали на колѣни и обратились къ Богу съ горячею молитвою быть ихъ защитникомъ и покровителемъ. Альдобрандини оставалось или уступить, или прибѣгнуть къ насилію. Онъ избралъ первое и отправился донести синьоріи о неуспѣхѣ своего порученія. Правители однако не хотѣли измѣнить своего рѣшенія и послали настоятельницѣ монастыря новое приказаніе отпустить дукессину. Чрезъ два дня потомъ тотъ же посланный снова явился у монастырскихъ воротъ. На этотъ разъ онъ встрѣтилъ со стороны монахинь болѣе готовности покориться волѣ синьоріи. Катерина горько плакала, когда ее вывели къ Альдобрандини, но онъ скоро успокоилъ ее своимъ привѣтливымъ и ласковымъ обращеніемъ. Переѣздъ совершился очень тихо и скромно. Простившись съ сестрами, Катерина сѣла на мула и въ сопровожденіи нѣсколькихъ служительницъ отправилась въ знакомое уже ей убѣжище Санта-Лучіи. Тамъ оставалась она до самаго конца осады Флоренціи.

Въ условіяхъ мира, предписаннаго Флоренціи послѣ рѣшительнаго пораженія ея войскъ при Гавиканѣ (2 августа 1530) ея врагами, повидимому не слышался суровый приговоръ побѣдителя: viae victis. Принужденная согласиться на возвращеніе Медичисовъ и другихъ изгнанниковъ, вступить въ союзъ съ императоромъ и заплатить военныя издержки, республика зато получила торжественное обѣщаніе, что ей будутъ сохранены ея права и независимость, какъ они существовали до войны. Но всякій, хотя нѣсколько знакомый съ характеромъ Климента VII, пойметъ, что послѣдняя часть договора продиктована была притворствомъ и ложью и что, утверждая его своею подписью, флорентинцы вмѣстѣ съ тѣмъ подписывали смертный приговоръ своей политической свободѣ и независимости. Климентъ точно не спѣшилъ наложить цѣпи на свою добычу, которая не могла больше уйдти отъ его рукъ. Цѣлый годъ потомъ онъ оставлялъ флорентинцевъ въ пріятномъ заблужденіи, что они спасли отъ погибели по крайней мѣрѣ самое существенное. Но наконецъ

очарованіе исчезло: Александръ Медичи провозглашенъ былъ герцогомъ Флоренціи, и бывшая республика скоро почувствовала надъ собою тяжелую руку деспота, котораго мстительность не хотѣла удовлетвориться никакими жертвами.

Напрасно хотѣли бы мы знать много подробностей о положеніи Катерины во время осады Флоренціи, когда самые современники ограничиваются только извѣстіями о перемѣщеніи ея изъ одного монастыря въ другой по волѣ флорентинскаго правительства. Тамъ, въ стѣнахъ Санта-Лучіи, она была какъ-бы погребена до конца войны, плѣнница города, который самъ, въ своихъ собственныхъ стѣнахъ, нѣкоторымъ образомъ былъ узникомъ осаждавшихъ его непріятелей.

Въ положеніи Катерины ничего не могло случиться счастливѣе, какъ прекращеніе осады. Событіе, лишившее независимости Флоренцію, было началомъ свободы для юной плѣнницы. Впрочемъ эта новая свобода имѣла для нея лишь относительное значеніе.

По прекращеніи осады, Катерина перевезена была потомъ по требованію Климента прямо въ Римъ, гдѣ и оставалась до новой важной перемѣны въ своей участи. Такъ проходила она въ своей ранней юности одну практическую школу за другою; то жизнь въ стѣнахъ монастыря, внутри осажденнаго города, подъ надзоромъ подозрительной демократіи, то почетная жизнь во дворцѣ (извѣстномъ впослѣдствіи подъ именемъ «Палаццо-Мадонна»), въ столицѣ католическаго міра, подъ непосредственною опекою и вліяніемъ человѣка, который почти ни на минуту не выходилъ изъ сплетенной имъ самимъ сѣти политическихъ интригъ.

Флорентинцы, удерживая Катерину во время осады, не безъ основанія думали, что въ рукахъ Климента она также можетъ превратиться въ орудіе его политики, направленной противъ независимости республики. И въ самомъ дѣлѣ, папа видѣлъ въ своей племянницѣ прекрасное средство расширить свои политическія связи, увеличить число своихъ союзниковъ, и постоянно озабоченъ былъ пріисканіемъ ей приличной партіи. Помимо воли дукессины и часто безъ ея вѣдома, на счетъ ея при римскомъ дворѣ безпрестанно строились новые планы; нити ихъ, перекрещиваясь между собою, нерѣдко составляли цѣлый лабиринтъ, въ которомъ могла не потеряться только изворотливая голова Климента VII. Еще Катеринѣ не исполнилось девяти лѣтъ, какъ уже у нея было, одинъ за другимъ, нѣсколько жениховъ.

Болѣе лестно должно было казаться Медичисамъ предложеніе, которое открывало имъ виды прямо на родственный союзъ съ однимъ изъ царствующихъ домовъ въ Европѣ. Въ одно время съ миланскимъ герцогомъ, французскій король искалъ руки

Катерины для втораго своего сына, герцога Орлеанскаго. Какъ по высокому личному положенію Франсуа I, такъ и по тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ онъ находился въ Италіи, предложеніе его представляло много выгодныхъ сторонъ для честолюбиваго первосвященника, употреблявшаго всѣ средства, чтобъ упрочить вліяніе своей фамиліи на дѣла полуострова. Лично для невѣсты также нельзя было пожелать болѣе приличной партіи. Генрихъ Орлеанскій былъ тогда въ самой цвѣтущей порѣ своей молодости. Не принадлежа къ числу богато-одаренныхъ личностей, онъ впрочемъ умѣлъ внушить современникамъ болѣе выгодное понятіе о себѣ, чѣмъ старшій его братъ, который считался наслѣдникомъ французскаго престола. Венеціанскіе послы, бывшіе при французскомъ дворѣ, хвалятъ статный видъ Генриха и отдаютъ полную справедливость его ловкости въ военныхъ упражненіяхъ. Онъ былъ отличный наѣздникъ, превосходно владѣлъ оружіемъ и не зналъ себѣ соперника ни въ какихъ занятіяхъ и играхъ, требовавшихъ матеріальной силы и ловкости.

Климентъ VII располагалъ совершенно по своей волѣ рукою своей племянницы. Отъ него одного зависѣлъ выборъ ей жениха. Устранивъ прочихъ претендентовъ и оставшись при двухъ послѣднихъ, онъ однако долго не хотѣлъ произнести рѣшенія между ними. Не то чтобъ онъ сомнѣвался—которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе по личнымъ качествамъ и достоинствамъ: разсчеты этого рода очень мало входили въ его соображенія. Папа Климентъ VII—въ томъ согласны всѣ свидѣтельства современниковъ — былъ человѣкъ робкаго духа и до крайности холоднаго сердца. Высокіе помыслы, широкіе планы не проникли въ его мелкую душу. Внѣ своихъ личныхъ и фамильныхъ интересовъ онъ не зналъ для себя никакихъ цѣлей. Заключившись въ этой тѣсной сферѣ, онъ постоянно озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы не потерять однажды пріобрѣтеннаго положенія, боялся за каждый свой шагъ, былъ труденъ на рѣшенія, нерѣдко двуличенъ и лживъ. Поставленный между двумя большими политическими силами, которыя вели между собою упорную борьбу за преобладаніе въ Италіи, онъ къ тому направлялъ свои усилія, чтобы только удержаться самому между двумя сильными соперниками. Онъ не имѣлъ ни столько честолюбія, чтобы искать для себя роли посредника и мало по-малу стараться возвыситься на степень трибунала надъ обѣими спорящими сторонами, ни столько духа и рѣшимости, чтобы, соединившись съ одной изъ нихъ, общими силами дѣйствовать противъ другой и потомъ имѣть свою долю въ добычѣ. Все искусство Климента, напротивъ, заключалось въ двусмысленномъ лавированіи между двумя соперниками такъ, чтобы ни одинъ

изъ нихъ не могъ считать его рѣшительнымъ врагомъ себѣ и при случаѣ могъ быть полезенъ ему противъ другаго. Само собою разумѣется, что этой цѣли никогда нельзя было достигнуть прямотою дѣйствій. Обманъ, ложь и лицемѣріе были единственно годныя для того средства. Не будучи въ тѣсномъ союзѣ ни съ Карломъ V, ни съ Франциском I, Климентъ старался держать себя такъ, чтобы не допустить до рѣшительнаго разрыва ни съ тою, ни съ другою стороной. Если одна изъ нихъ обѣщала ему больше выгодъ, онъ дѣлалъ видъ, что склоняется въ ея пользу; когда же она начинала брать видимый перевѣсъ надъ силами противника, папа спѣшилъ на дѣлѣ искать опоры противъ нея въ другомъ лагерѣ, а самъ между тѣмъ продолжалъ увѣрять ее въ своей дружбѣ.

Въ этомъ методическомъ отрицаніи прямаго и твердаго разсчета заключалась постоянная политическая система Климента. Нерѣдко она ставила его почти въ безвыходное положеніе. Разграбленіе Рима имперскими войсками было однимъ изъ горькихъ плодовъ ея. Но Климентъ и послѣ того не хотѣлъ измѣнить своего образа дѣйствій. Такъ, черезъ нѣсколько времени послѣ римской катастрофы, какъ мы видѣли, онъ не усомнился скрѣпить свой союзъ съ императоромъ, чтобы съ его помощью предписать свою волю Флоренціи. Союзъ этотъ былъ, казалось, окончательно утвержденъ въ Болоньи. Но когда Карлъ V, для рѣшенія вопроса о реформѣ, началъ настаивать на созваніи собора, папа, не прекращая дружественныхъ увѣреній передъ императоромъ, снова сталъ искать случая привязать свои интересы къ политикѣ Франціи. Въ такихъ обстоятельствахъ сдѣланы были Клименту съ обѣихъ сторонъ предложенія, относившіяся къ рукѣ его племянницы.

Возвратимся къ Катеринѣ Медичи. Мы оставили ее въ Римѣ. Когда рѣшался выборъ жениха ея, находимъ ее уже снова во Флоренціи, куда она опять была перемѣщена по волѣ своего попечителя.

Катерина давно уже перестала быть ребенкомъ. Для нея наступилъ тотъ возрастъ, когда женщина начинаетъ обращать на себя вниманіе самою своею внѣшностію. Еще находясь въ Римѣ, по тринадцатому году, она уже заставляла говорить о себѣ видѣвшихъ ее чужестранцевъ. До насъ дошло отъ того времени одно краткое описаніе ея внѣшняго вида, сохранившееся въ донесеніяхъ венеціанскаго посланника Соріано. «Дукессинѣ, говоритъ онъ, наступилъ тринадцатый годъ. Эта дѣвушка очень живыхъ свойствъ, общительнаго характера и тонкаго образованія. Она не велика ростомъ и худощава; черты лица ея нельзя назвать тонкими; въ наружности ея замѣчательны особенно выдающіеся глаза, какъ у большей части членовъ дома Медичисовъ».

Съ теченіемъ времени эти первыя скудныя извѣстія о внѣшности Катерины пополняются чертами болѣе наглядными. Мало по малу она становится интересною особою, такъ что многія лица, въ особенности близкія къ ней, желаютъ имѣть у себя ея изображеніе. Сколько извѣстно, въ Римѣ, уже Себастіанъ дель-Пьомбо, ученикъ Микель Анджело, писалъ съ нея портретъ; но почему-то художникъ не могъ окончить своего труда, и онъ остался въ гардеробной комнатѣ папы, какъ вещь, не достигшая своего назначенія. Нѣсколько портретовъ съ Катерины сдѣлано было потомъ во Флоренціи. Первый изъ нихъ писанъ былъ Вазари, имѣвшимъ тогда не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, по порученію герцога Александра; второй приписывается мастерской кисти Анджело Бронцино, одного изъ превосходнѣйшихъ флорентинскихъ колористовъ, котораго картина «Сошествіе въ адъ» безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ украшеній галереи Уффици. Говоря о своемъ портретѣ съ герцогини урбинской, Вазари разсказываетъ по этому случаю одну черту, которая также можетъ идти къ ея характеристикѣ. «Я бы очень желалъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, передать милую веселость ея нрава, но къ сожалѣнію она не поддается никакой кисти. Недавно еще она заставила меня много смѣяться. Однажды я провелъ цѣлое утро за ея портретомъ и потомъ ушелъ, оставивъ на мѣстѣ мою палитру съ красками. Послѣ обѣда возвращаюсь, чтобы опять приняться за работу, и что же нахожу? она ужъ успѣла намалевать тутъ какую-то негритянку. Я тотчасъ бросился назадъ, думая, что если такъ пойдетъ, то наконецъ и самому живописцу не миновать той же участи». Гораздо болѣе извѣстно впрочемъ третье изображеніе Катерины, приписываемое кисти Бронцино. Глядя на этотъ портретъ, который, хотя сдѣланъ позже другихъ, долженъ впрочемъ относиться къ той же порѣ въ жизни Катерины,—тотчасъ узнаешь италіянскій типъ. Правильныя, хотя нѣсколько грубыя черты, высокій лобъ, большіе глаза на выкатѣ, вообще красивое, хотя и не очень привлекательное лицо; выраженію не достаетъ женской нѣжности: въ немъ больше ума, нежели души. Описаніе Брантома, хотя оно сдѣлано много лѣтъ послѣ того, отчасти тоже можетъ идти сюда. Говоря о Катеринѣ, онъ хвалитъ ея красивый и величавый видъ, не лишенный впрочемъ пріятности, ея стройную талію, бѣлый цвѣтъ кожи и въ особенности прекрасную форму руки. По его словамъ, это послѣднее преимущество Катерина сохранила до конца своей жизни и какъ бы по наслѣдству передала его потомъ Генриху III, любимому изъ своихъ сыновей.

Такъ описывали кистію и перомъ наружность герцогини урбинской ея современники, имѣвшіе случай много всматри-

ваться въ нее. Очевидно, внѣшній видъ Катерины и ея умѣнье держать себя много говорили въ ея пользу. Она могла также нравиться и нѣкоторыми сторонами своего характера. Какъ видно, и въ ней игра молодости сказывалась наклонностію къ шуткѣ, и притомъ въ Катеринѣ не замѣчается ничего необыкновеннаго, что бы заставляло предполагать для нея особенное призваніе. Дочь своего вѣка, Катерина повидимому вовсе не имѣла назначенія стать выше его, а развѣ только вѣрно выразить собою нѣкоторыя характеристическія его стороны.

Въ образованіи герцогини немаловажное мѣсто занимаетъ вторичное пребываніе ея во Флоренціи. Неизвѣстно, какою мыслію руководился папа, отсылая племянницу обратно въ тотъ городъ, который столько времени служилъ ей мѣстомъ печальнаго заключенія. Придавалъ ли онъ особенную цѣну присутствію членовъ своей фамиліи среди флорентинскаго общества, послѣ того какъ для нихъ не было здѣсь болѣе никакой опасности? или онъ увидѣлъ необходимость помѣстить молодую дѣвушку въ болѣе приличной для нея средѣ, такъ чтобы она менѣе чувствовала свое сиротство и могла въ хорошихъ рукахъ довершить свое умственное и нравственное воспитаніе? Достовѣрно лишь то, что, отправляя племянницу снова во Флоренцію, Климентъ поручилъ ее особенному вниманію и попеченію одной дальней своей родственницы, Маріи Сальвіати де-Медичи.

Рядомъ съ послѣдней, нерѣдко также встрѣчается имя Катерины Тибо, герцогини Катерино. Послѣдняя пользовалась репутаціею высокообразованной женщины своего времени, которой понятія выходили изъ обыкновеннаго круга женскаго воспитанія. Сверхъ того она была женщина, тяжело испытанная жизнію, и не разъ имѣла случай показать свой крѣпкій духъ и непоколебимость своихъ правилъ. Не мудрено, что подъ вліяніемъ этихъ двухъ женщинъ пополнились нѣкоторые пробѣлы въ воспитаніи Катерины, оставшіеся отъ прежняго столько неблагопріятнаго для нея времени. По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что она принесла потомъ въ свое новое отечество много просвѣщенной любви къ искусству и образованнаго вкуса, которые долгое время были какъ бы наслѣдственнымъ качествомъ въ фамиліи Медичисовъ и до сихъ поръ составляютъ едва ли не лучшее ихъ право на почетное мѣсто въ исторіи. То были конечно медицейскія преданія лучшаго времени, которыя впослѣдствіи заставили Катерину предпринять распространеніе Лувра и сооруженіе вновь Тюльери и другихъ замковъ, выписывать въ Парижъ дорогія рукописи изъ Италіи и дарить свое высокое вниманіе и покровительство такимъ людямъ, какъ Лопиталь и Монтань. Но если бы спросили, въ какую пору жизни она могла лучше познакомиться съ этими преданіями, или, что впрочемъ то же са-

мое, подъ какимъ вліяніемъ развились въ ней подобные вкусы, мы можемъ указать въ отвѣтъ только на время вторичнаго ея пребыванія во Флоренціи, когда она сама достигла уже довольно зрѣлаго возраста и находилась подъ руководствомъ двухъ женщинъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ и опытностію.

Папа между тѣмъ озабоченъ былъ заготовленіемъ для своей племянницы приличнаго приданаго. Несмотря на свою скупость, онъ не жалѣлъ издержекъ, чтобъ отпустить ее отъ себя, какъ богатую невѣсту и ничѣмъ не уронилъ достоинства своего дома. Сверхъ наслѣдственныхъ имѣній своей матери, Катерина получила еще значительную сумму денегъ (130,000 золотыхъ монетъ aureorum solarium). Для покрытія этой суммы одинъ банкъ Строцци ссудилъ папѣ 80,000 дукатовъ подъ залогъ многихъ драгоцѣнныхъ вещей, въ томъ числѣ одной мантіи съ украшеніями Бенвенуто-Челлини. Не возвративъ при жизни Климента и половины своихъ денегъ, Филиппъ Строцци долженъ былъ потомъ вѣдаться съ его преемниками, которые впрочемъ очень мало были расположены платить чужіе долги. Сверхъ того большія суммы употреблены были на приготовленіе невѣстѣ богатаго приданаго. По показанію современниковъ, оно въ самомъ дѣлѣ отличалось не только роскошью, но и изяществомъ. Флорентинцы много дивились красотѣ различныхъ уборовъ и постельныхъ занавѣсовъ, вытканныхъ золотомъ по бархату. Весь домашній приборъ сдѣланъ былъ въ отличнѣйшемъ вкусѣ, какъ умѣли тогда дѣлать только въ Италіи. Притомъ, говорятъ, никогда еще не видно было въ такомъ количествѣ самаго дорогаго и красиваго жемчуга. Катерина привезла его во Францію въ такомъ обиліи, что изъ него потомъ составился еще богатый подарокъ для невѣстки ея, Маріи Шотландской, которую иногда можно видѣть въ этомъ нарядѣ на современныхъ изображеніяхъ. Но самою драгоцѣнною вещью въ художественномъ отношеніи изъ всѣхъ, которыя Катерина вывезла съ собою изъ Италіи, былъ небольшой ящикъ изъ горнаго хрусталя съ золотою оправою, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Валеріо Вигентино, въ искусствѣ рѣзьбы на камнѣ уступавшаго развѣ только древнимъ художникамъ. Этотъ ящикъ, неизвѣстно кому и по какому загадочному случаю, впослѣдствіи опять воротился въ Италію и въ настоящее время находится въ большомъ флорентинскомъ собраніи геммъ. Повидимому онъ назначался первоначально для церковнаго употребленія, и потому стѣнки его покрыты священными изображеніями изъ жизни Спасителя, отъ поклоненія волхвовъ до вознесенія на небо; но на крышѣ изображенъ гербъ Медичисовъ съ именемъ Климента. Всѣ эти работы, по увѣренію знатоковъ, въ техническомъ отношеніи немного имѣютъ себѣ равнаго. Вообще папа, отправляя племян-

ницу къ иностранному двору, не хотѣлъ ударить себя лицомъ въ грязь и старался богатствомъ и блескомъ дополнить то, чего не доставало ей для уравненія съ урожденными принцессами. Жаль только, что флорентинцамъ же пришлось поплатиться большею частію и за эти издержки. Такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ современники новый тяжелый налогъ, которымъ флорентинскіе граждане обложены были въ іюлѣ того же года. Предлогомъ къ тому служили работы, предпринятыя для возведенія одного новаго форта, въ самомъ же дѣлѣ большая часть собранной суммы пошла на приданое папской племянницы.

Наконецъ и приданое невѣсты было готово, но поѣздка ея во Францію долго еще отлагалась по причинѣ лѣтнихъ жаровъ. Боялись впрочемъ не столько за нее, сколько за здоровье Климента, который самъ хотѣлъ сопровождать племянницу и присутствовать при заключеніи брачнаго союза. Съ своей стороны Карлъ V употреблялъ различныя пружины, чтобы не допустить папу до свиданія съ Францискомъ. Но несмотря на всѣ препятствія, Климентъ не хотѣлъ болѣе измѣнять своего рѣшенія. Не располагаясь самъ ѣхать во Флоренцію, онъ далъ порученіе Филиппу Строцци собрать невѣсту въ дорогу и сопутствовать ей первое время. Послѣ прощальнаго обѣда, на который приглашены были знатныя флорентинскія дамы, Катерина навсегда откланялась своему родному городу и 1 сентября выѣхала по дорогѣ къ Пистойѣ. Катерина Тибо, Марія Сольвіати-Медичи и нѣкоторыя другія родственныя дамы провожали невѣсту далеко за городъ. Между спутниками ея, кромѣ Филиппо Строцци, упоминается также Фраческо Гвиччардини. Герцогъ Александръ дожидался поѣзда въ виллѣ Поджіо и отсюда провожалъ его до Пистойи. Между тѣмъ французскія суда ждали уже Катерину у живописнаго морскаго берега, неподалеку отъ Специи. Они были приведены сюда кардиналомъ Альбани, который не разъ уже участвовалъ въ сватовствѣ своей родственницы. Принявъ невѣсту на корабль, онъ отвезъ ее въ Ниццу, а самъ возвратился къ тосканскимъ берегамъ, чтобы служить при переправѣ другаго именитаго гостя, также направлявшаго свой путь къ предѣламъ Франціи.

Спустя недѣлю послѣ выѣзда Катерины изъ Флоренціи Климентъ VII также тронулся изъ Рима. Но, какъ въ предшествующемъ году во время вторичной своей поѣздки въ Болонью, такъ и теперь, онъ старался всячески миновать Флоренцію, и чтобы только не ѣхать на нее, предпочелъ пробираться почти безъ дорогъ черезъ Умбрію, гдѣ путешественнику приходилось иногда идти по нѣскольку миль пѣшкомъ, потому что лошади падали, и даже мулы не выдерживали труднаго пути. По его

словамъ, онъ дѣлалъ это для того, чтобы избавить флорентинцевъ отъ лишнихъ издержекъ, неизбѣжныхъ при проѣздѣ такого высокаго гостя, но всякій видѣлъ, что это была съ его стороны пустая отговорка. Никто также не подумаетъ искать настоящаго побужденія—почему бы папа желалъ во что бы то ни стало миновать Флоренцію—въ чувствѣ его раскаянія или стыда передъ ея жителями: и въ цвѣтущее свое время Медичисы не отличались много подобными чувствами, а въ XVI вѣкѣ, за весьма немногими исключеніями, кажется, утратили о нихъ и самое понятіе. Климента VII удерживала отъ проѣзда черезъ Флоренцію боязнь имъ же самимъ возбужденной ненависти и никогда не погасавшее въ немъ самомъ враждебное чувство къ ея гражданамъ. Ему, безъ сомнѣнія, непріятно было показаться въ городѣ, который онъ никогда не любилъ, и который продолжалъ испытывать на себѣ его мстительную политику. И такъ папа, въ сопровожденіи десяти кардиналовъ и многихъ епископовъ и прелатовъ, направился изъ Рима на Монтепульчіано и потомъ, продолжая путь долинами Кьяны и Эльзы, достигъ Пизы. Парадная галера ожидала его въ Ливорно. Когда онъ сѣлъ на корабль, эскадра Доріи и многія другія суда, стоявшія на рейдѣ, привѣтствовали его выстрѣлами изъ всѣхъ своихъ орудій и потомъ двинулись всѣ за нимъ, какъ-бы составляя почетную его свиту. Флотилія продолжала держаться берега и скоро пристала къ Виллафранкѣ, близъ Ниццы, гдѣ Катерина ожидала своего попечителя. Первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы отсюда ѣхать къ французско-савойской границѣ, гдѣ назначено было происходить помолвкѣ; но какъ герцогъ савойскій, по своимъ отношеніямъ къ императору, не соглашался допустить на своей землѣ свиданіе между папою и Францискомъ, то принято было новое рѣшеніе — взявъ невѣсту на корабль, ѣхать изъ Ниццы прямо къ Марсели, гдѣ уже сдѣланы были всѣ приготовленія для пріема именитыхъ гостей.

Самого короля еще не было въ Марсели, но посланный имъ впередъ маршалъ Монморанси ждалъ только приближенія флотиліи, чтобы выѣхать ей на встрѣчу. 12 октября 1533 года она показалась передъ городомъ. Едва завидѣвъ папскій флагъ, бригантины и фрегаты, стоявшіе въ гавани, съ музыкою пошли впередъ, въ городѣ раздался колокольный звонъ и загремѣло 300 орудій въ честь новопріѣзжихъ. Маршалъ принялъ папу на другомъ концѣ гавани, у дверей своего великолѣпно убраннаго дома, гдѣ гости нашли себѣ временное помѣщеніе. На другой же день послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ городъ. Климента несли на плечахъ въ большихъ креслахъ; онъ былъ въ одеждѣ первосвященника, но безъ тіары; за нимъ ѣхали на мулахъ кардиналы, по двое въ рядъ. Потомъ слѣдовала въ вели-

колѣпномъ нарядѣ герцогиня урбинская, окруженная пышною свитою дамъ и кавалеровъ, принадлежавшихъ къ обѣимъ націямъ. Въ такомъ порядкѣ процессія вступила въ городъ и остановилась въ нарочно-приготовленномъ для того дворцѣ. Тутъ помѣстился папа со своею племянницею и со всѣмъ своимъ штатомъ, а другой домъ, прямо черезъ улицу, приготовленъ былъ для пребыванія короля, и чтобы высокіе посѣтители во всякое время могли удобнѣе сходиться между собою, оба дома были соединены большими деревянными переходами, вмѣщавшими въ себѣ цѣлую огромную залу. Король также не заставилъ себя долго ждать. Онъ прибылъ на слѣдующій день, тоже остановился въ домѣ маршала и спѣшилъ прежде всего отдать папѣ свой поклонъ и принять отъ него благословеніе. Тогда открылась вторая процессія, почти не менѣе пышная, какъ и первая. Многіе принцы крови и другія знатныя особы сопровождали короля въ его шествіи. По тогдашнему обычаю, иностранные посланнники также слѣдовали за дворомъ. Папа встрѣтилъ короля съ обычною торжественностью, сидя на возвышенномъ мѣстѣ и окруженный своими духовными сановниками. Когда король сталъ передъ нимъ на колѣни, Климентъ приподнялъ его и принялъ въ свои объятія. Въ заключеніе церемоніи, парижскій епископъ, отъ имени короля, держалъ рѣчь передъ папою. Откланиваясь, Францискъ пригласилъ къ своему столу нѣкоторыхъ кардиналовъ, въ томъ числѣ Ипполита Медичи, который изъ всѣхъ присутствовавшихъ наиболѣе обратилъ на себя его вниманіе.

Вскорѣ послѣ того прибыла въ Марсель и Элеонора, вторая супруга Франциска I, она же сестра императора, съ принцами королевскаго дома. Когда наконецъ женихъ и невѣста были на лицо, немедленно было приступлено и къ самому брачному торжеству. Ни одно извѣстіе не говоритъ о томъ, успѣли ли они до того времени обмѣняться своими чувствами, ни даже какое произвели другъ на друга впечатлѣніе. Объ этомъ никто впрочемъ и не заботился, ибо бракъ былъ политическій. Такъ какъ по лѣтамъ женихъ и невѣста были подъ пару другъ другу, то казалось, что ужъ выполнены были и всѣ условія счастливаго союза. Современныя извѣстія гораздо болѣе заняты почетными гостямы, присутствовавшими на брачномъ торжествѣ, между которыми Климентъ VII и Францискъ I занимали главное мѣсто. Папа самъ благословилъ бракъ, такъ счастливо устроившійся согласно съ его видами и желаніями. Но общее вниманіе обращено было въ эти дни всего болѣе на Франциска, который показалъ себя тутъ же съ самой выгодной своей стороны и обворожилъ всѣхъ своими рыцарскими свойствами. Элеонора также старалась не отстать отъ мужа любезностью обращенія. Изъ

трехъ принцевъ королевскаго дома каждый умѣлъ тою или другою стороною расположить въ свою пользу присутствующихъ. О Генрихѣ замѣчаютъ, что веселостію нрава и общительностію онъ отличался даже передъ прочими братьями. Столько прекрасныхъ свойствъ, соединенныхъ въ одномъ семействѣ, если и не могли замѣнить для Катерины любви и симпатіи, по крайней мѣрѣ должны были облегчить ей переходъ въ новую семью и ужъ никакъ не предвозвѣщали ей тѣхъ тревогъ, которыя ожидали ее въ будущемъ.

Во Флоренціи память объ этомъ событіи до сихъ поръ сохраняется въ одной изъ залъ стараго палаццо (Palazzo vecchio), гдѣ происходили нѣкогда засѣданія синьоріи. Исполняя порученіе герцога Козьмы I, Вазари изобразилъ здѣсь на стѣнѣ брачный союзъ Катерины Медичи съ Генрихомъ Валуа. Хотя картина сдѣлана позже событія и не отличается особенными достоинствами кисти, но тѣмъ не менѣе она всегда останется интересна представленными на ней лицами. Главное мѣсто въ ней опять принадлежитъ Клименту VII. Онъ вручаетъ принцу руку своей племянницы. Около нихъ изображены, вмѣстѣ съ высокими свидѣтелями церемоніи, и нѣкоторые другіе знатные современники, какъ-то: король и королева наваррскіе, Марія Гизъ, королева шотландская, также многіе кардиналы. Изъ ближайшихъ родственниковъ Катерины не достаетъ только Филиппа Строцци; это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Козьма I, смертельный врагъ Филиппа, не хотѣлъ потерпѣть его подлѣ себя даже въ картинѣ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такъ вѣрно отражающей въ себѣ дѣйствительность.

Болѣе мѣсяца продолжалось пребываніе Климента VII и прочихъ высокихъ гостей въ Марсели. Лишь въ послѣднихъ числахъ ноября, послѣ торжественной службы, за которою было объявлено всеобщее отпущеніе грѣховъ, папа опять сѣлъ на корабль и отправился въ обратный путь. Въ томъ же старомъ палаццо флорентинской синьоріи и рукою того же художника представлено возвращеніе Климента въ Римъ послѣ бракосочетанія племянницы. Шествіе его имѣетъ видъ тріумфальнаго. Разныя символическія фигуры, побѣда, согласіе, спокойствіе и миръ ведутъ его въ Римъ какъ побѣдителя. Художникъ какъ будто хотѣлъ сказать зрителю, что дѣло, устроенное Климентомъ въ Марсели, было послѣднимъ вѣнцомъ его политики и источникомъ многихъ выгодъ какъ для него самого, такъ и для Италіи. Въ сущности впрочемъ выгоды новаго союза были вовсе не такъ значительны, какъ могло бы казаться съ перваго взгляда. Собственно говоря, онъ не произвелъ никакого важнаго измѣненія въ политикѣ: положеніе дѣлъ въ юго-западной Европѣ осталось послѣ него то же самое. На сторонѣ союзъ долженъ

былъ представляться тѣснѣе и грознѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Какъ ни нуждались Климентъ VII и Францискъ I въ помощи другъ другу противъ императора, котораго оба они имѣли причины опасаться, и какъ ни горько долженъ былъ плакаться первый въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ съ своимъ новымъ союзникомъ на недостатокъ единомыслія и добраго согласія въ прошедшемъ,—изъ послѣднихъ совѣщаній ихъ между собою не вышло никакого общаго плана дѣйствій и на будущее время. Вопервыхъ потому, что было уже слишкомъ поздно, или что самая лучшая пора, когда еще можно было надѣяться съ успѣхомъ противодѣйствовать общему врагу, была безвозвратно пропущена; вовторыхъ Климентъ VII даже и на этотъ разъ никакъ не могъ освободиться отъ свойственной ему нерѣшимости, или лучше сказать отъ своей трусливой и эгоистической политики, которая заставляла его упорно держаться на срединѣ разстоянія между двумя противоположными лагерями, никогда не становясь рѣшительно на одну сторону. Боязнь вооружить противъ себя Карла V побудила его и въ настоящемъ случаѣ довольствоваться лишь словесными обѣщаніями передъ Францискомъ и отвергнуть всякое письменное обязательство. Союзъ съ Франціею, при концѣ жизни, исполненной столькихъ тревогъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, конечно прибавилъ новаго блеска дому Климента, но не доставилъ ему политическихъ выгодъ, даже въ томъ смыслѣ, какъ онъ самъ привыкъ ихъ понимать.

Одно, чѣмъ могъ бы еще тщеславиться тогдашній глава фамиліи Медичисовъ, дѣйствительно вытекло впослѣдствіи изъ родственнаго союза, заключеннаго имъ съ французскимъ королевскимъ домомъ: это возвышеніе бывшей (впрочемъ по имени только) герцогини урбинской на степень французской королевы и потомъ даже правительницы государства. Но такое неожиданное обстоятельство никакъ не могло входить въ разсчеты Климента, потому что произошло вслѣдствіе преждевременной смерти дофина, котораго права на престолъ перешли такимъ образомъ на младшаго брата, мужа Катерины Медичи. Притомъ же Климентъ не дождался этой, столь лестной для всего дома, перемѣны въ судьбѣ своей племянницы. Онъ умеръ въ концѣ слѣдующаго (1534) лѣта, менѣе чѣмъ черезъ годъ по возвращеніи своемъ изъ Марсели. Верхомъ его политическаго искусства все-таки остается уничтоженіе свободы и самостоятельности своего роднаго города.

Въ одно время съ папою выѣхалъ изъ Марсели и Францискъ I съ своимъ вновь увеличившимся семействомъ. Изъ родственниковъ Катерины остался при ней лишь Филиппъ Строцци, котораго папа назначилъ своимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ. Королевскій кортежъ направился къ Авиньо-

ну, чтобы оттуда уже держать прямой путь къ Парижу. Катеринѣ Медичи не суждено было болѣе увидѣть свою родину: отнынѣ она сама, ея жизнь и вся ея дѣятельность неотъемлемо принадлежали Франціи.

По статьѣ Кудрявцева: Дѣтство и юность Катерины Медичи. («Русскій Вѣстникъ», 1857 г.).

5. ВАРѲОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ.

Узнавъ о покушеніи на жизнь адмирала Колиньи, Карлъ, внѣ себя отъ гнѣва и горести, сказалъ находившимся при немъ въ эту минуту королю Наваррскому и принцу Конде: «въ лицѣ адмирала оскорбили меня!» — «Скажите лучше всю Францію!» возразила королева мать. Карлъ заклиналъ принцевъ-гугенотовъ не оставлять Парижа и предоставить ему, королю, наказать виновныхъ и отомстить за случившееся несчастіе, прибавивъ, что съ ними поступятъ по всей строгости законовъ. Онъ поручилъ изслѣдованіе этого дѣла коммиссіи подъ предсѣдательствомъ перваго президента Де-Ту, велѣлъ запереть ворота Парижа, въ надеждѣ помѣшать побѣгу убійцы и его сообщниковъ, поспѣшилъ назначить отрядъ своей гвардіи для охраненія, вмѣстѣ съ швейцарцами короля Наваррскаго, дома, гдѣ жилъ адмиралъ, отправилъ губернаторамъ провинцій и протестантскимъ принцамъ письма, въ которыхъ извѣщалъ ихъ о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь адмирала и о своемъ неуклонномъ намѣреніи строго наказать виновныхъ. Роковое молчаніе, предвѣстникъ приближающейся бури, царствовало въ городѣ; вездѣ были размѣщены вооруженные солдаты: и въ Луврѣ, и на Гревской площади. Гизы и друзья ихъ спокойно ожидали грядущихъ событій. Самые отважные изъ гугенотовъ требовали немедленной расправы; но большая часть ихъ предводителей, успокоенные словами Карла IX, сказанными принцамъ, надѣялись на скорое отомщеніе законнымъ порядкомъ. Главы гугенотовъ толпились въ комнатѣ адмирала, который перенесъ съ обычной твердостью двѣ ужасныя операціи. Амбруазъ Паре, королевскій хирургъ, только-что вынулъ у него изъ праваго плеча пулю и отрѣзалъ указательный палецъ, раздробленный другою пулею. Адмиралъ утѣшалъ плачущихъ друзей, говоря: «считаю себя счастливымъ, что пострадалъ за имя Божіе». Онъ поручилъ маршалу Дамвилю и Телиньи попросить короля навѣстить его, такъ какъ онъ хотѣлъ сообщить своему государю много весьма важнаго, касающагося его собственной безопасности, много такого, чего никто другой не рѣшился бы открыть ему.

Король не замедлилъ навѣстить Колиньи и осыпалъ его изъявленіями своей дружбы, говоря: «отецъ мой, вамъ досталось въ удѣлъ страданіе и боль, мнѣ же обида и оскорбленіе», и потомъ съ обычной божбой прибавилъ, что не замедлитъ страшно отмстить убійцамъ. Адмиралъ, опасаясь, не отравлены ли его раны, говорилъ какъ человѣкъ, готовый предстать предъ лице Божіе. Онъ бралъ небо въ свидѣтели своей преданности королю и государству, упрекалъ короля, который упускалъ удобный случай возвеличить свое государство, обвинялъ въ вѣроломствѣ тѣхъ, которые передавали совѣщанія тайнаго совѣта герцогу Альбѣ, повѣсившему нѣсколько французскихъ дворянъ, взятыхъ во время пораженія при Genlis, потребовалъ суда надъ католиками, нарушившими миръ. Затѣмъ Колиньи пожелалъ поговорить съ королемъ наединѣ. По знаку Карла мать и придворные удалились. Это была минута страшнаго ожиданія для Катерины Медичи и герцога д'Анжу. Они были увѣрены, что адмиралъ возбудитъ противъ нихъ гнѣвъ короля; окруженные множествомъ протестантскихъ дворянъ, они читали на лицахъ ихъ выраженіе ненависти и угрозы. Катерина поспѣшила положить конецъ этой опасной для нихъ бесѣдѣ, сказавъ королю, что для адмирала весьма вредно такое долгое возбужденіе. Король, послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, позволилъ увести себя, назначивъ по желанію Колиньи во главѣ слѣдствія Кавень и двухъ другихъ протестантовъ. Королева мать и Анжу, на возвратномъ пути въ Луврь, нѣсколько разъ просили короля передать имъ свой тайный разговоръ съ Колиньи. Карлъ сначала молчалъ, потомъ, разразившись проклятіями, сказалъ, что все говоренное адмираломъ — истинная правда. «Власть и управленіе дѣлами государства незамѣтно ускользнули изъ моихъ рукъ; но этотъ надзоръ и это злоупотребленіе власти можетъ современемъ сдѣлаться весьма вреднымъ какъ для меня, такъ и для всего мое государства, вотъ о чемъ предупредилъ меня передъ смертью одинъ изъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ моихъ подданныхъ и слугъ. Такъ какъ вы желали знать, о чемъ говорилъ со мною адмиралъ, то я и передалъ вамъ слова его». Катерина и Анжу пришли въ ужасъ. Они не замедлили послать къ королю графа Ретцъ, человѣка способнаго овладѣть пылкимъ и подвижнымъ умомъ короля и умиротворить его. Ретцъ старался смутить его и поколебать, но въ этотъ разъ напрасно. Настроеніе духа короля въ отношеніи гугенотовъ было все то же. Гизамъ же онъ грозилъ своимъ гнѣвомъ, тѣмъ болѣе что обвиненій противъ нихъ по начатому слѣдствію было много. Утромъ 23 числа, въ субботу, герцогъ Гизъ и герцогъ Омальскій пришли къ королю, говоря, что такъ какъ Его Величество недоволенъ ихъ службой съ нѣкоторыхъ поръ, то они намѣрены

удалиться, если только ихъ отсутствіе можетъ быть ему пріятно. Король, «съ недобрымъ лицемъ и еще худшими словами», отвѣчалъ, чтобы они отправлялись, куда имъ угодно, но что правосудіе его всегда съумѣетъ открыть ихъ убѣжище. Они оставили Лувръ около полудня, направились, сопровождаемые вѣрной свитой, къ воротамъ С. Антуанъ; однако они не оставили Парижа и заперлись въ отелѣ Гизовъ. Король между тѣмъ продолжалъ оказывать знаки своего расположенія гугенотамъ; казалось, они были въ безопасности, и хотя намѣстникъ епископа Шартрскаго два разъ совѣтовалъ имъ оставить Парижъ, совѣты его были съ нетерпѣніемъ отвергнуты. Пополудни королева мать съ герцогомъ Анжу пригласила къ себѣ во дворецъ: графа Ретца, канцлера Бирагъ (Birague), маршала Таванна и герцога Де-Неверъ (De-Nevers). Тутъ обсудивъ свой планъ, они отправились всѣ вмѣстѣ въ Лувръ къ королю. Катерина Медичи начала возстановлять короля противъ гугенотовъ. «Они вооружаются вездѣ, говорила она, не для того, чтобы служить вамъ, но чтобы сдѣлаться вашими властелинами, чтобы господствовать: адмиралъ собираетъ войско, хотятъ ослабить вашу власть подъ предлогомъ общественнаго блага. Католики съ своей стороны рѣшили покончить со всѣмъ этимъ. Если вы не послѣдуете ихъ совѣту, они изберутъ себѣ предводителя, чтобы отразить гугенотовъ. Вы будете стоять одни между двумя партіями. Уже весь Парижъ взялся за оружіе». — «Какъ! вѣдь я запретилъ вооружаться».—«Но васъ не послушали». Страхъ овладѣлъ королемъ; герцогъ Анжу и другіе поддерживали Катерину. Она продолжала: «Одинъ человѣкъ виновенъ во всѣхъ бѣдствіяхъ—это адмиралъ; онъ употребляетъ короля какъ орудіе своего честолюбія и своей партіи, ведетъ государство къ гибели, говоря, что желаетъ возвысить его. Гугеноты захотятъ отмстить Гизамъ, но вы не можете пожертвовать Гизами; они, оправдавъ себя, обвинятъ вашу мать и вашего брата, и будутъ правы, такъ какъ мы нанесли ударъ чуть не смертельно адмиралу, чтобы спасти короля,—поэтому-то король долженъ довершить наше дѣло, если не желаетъ нашей и своей погибели!» Карлъ не понималъ, что происходитъ съ нимъ; имъ овладѣлъ страшный припадокъ безумнаго гнѣва противъ всѣхъ и всего; единственная ясная и сознательная мысль въ умѣ его была спасти адмирала, потому что полный глубокаго унынія онъ умолялъ своихъ злыхъ совѣтниковъ найти другое средство спасенія. Таваннъ, Бирагъ и Неверъ настаивали на смерти адмирала и главныхъ предводителей; Ретцъ былъ противъ этого. «Подобное дѣло послужитъ къ посрамленію короля и французской націи, говорилъ онъ, начнутся междоусобныя войны и тогда нечего будетъ и думать о мирѣ». Всѣ были поражены и удивлены, но не смотря на это

продолжали: «теперь уже поздно; Гизы выдадутъ всѣхъ участниковъ, не пощадятъ короля съ его матерью и братомъ. Гугеноты не повѣрятъ невиновности короля. Они покусятся на жизнь всей королевской семьи. Война неизбѣжна; лучше сразиться съ врагами въ Парижѣ, гдѣ находятся вожди гугенотовъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ, гдѣ погода сомнительна». Ретцъ молчалъ. Король боролся долго: «но моя честь! но мои друзья! адмиралъ! Ларошфуко! Телиньи!» Катерина, видя его колебаніе, сказала: «Государь, вы не соглашаетесь съ нами, позвольте же намъ, мнѣ и вашему брату, проститься съ вами и уѣхать». Король понялъ, что Катерина и Анжу не уѣдутъ далеко и что предводитель католиковъ уже избранъ ими; онъ содрогнулся. «Государь, не изъ боязни ли къ гугенотамъ отказываете вы намъ?» Онъ вскочилъ, опьяненный бѣшенствомъ: «пусть будетъ по вашему, предайте смерти адмирала, но въ мѣстѣ съ нимъ пусть погибнутъ всѣ гугеноты во Франціи, я хочу, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не избѣгнулъ своей участи и не посмѣлъ бы упрекать меня впослѣдствіи».

Такимъ образомъ рѣшена была погибель гугенотовъ. Бывшій городской голова Марсель собралъ въ ратушѣ главныхъ заговорщиковъ католической партіи и объявилъ имъ волю короля: «Принцы-протестанты и предводители гугенотовъ, говорилъ онъ, находятся внутри Парижа; сегодня ночью начнутъ съ нихъ; съ другими, находящимися въ провинціяхъ, поступятъ точно также; сигналъ къ избіенію гугенотовъ будетъ данъ изъ P. de Justice на разсвѣтѣ. Вѣрные католики узнаютъ другъ друга по бѣлому платку на лѣвой рукѣ и бѣлому кресту на шляпѣ». Вожди католической партіи слушали съ дикою радостью рѣчь Марселя и по окончаніи ея побѣжали разбудить своихъ приверженцевъ. Самые усердные къ правому дѣлу спѣшили вооружиться, и вскорѣ въ городѣ зажглись огни. Наступила ночь: многіе изъ протестантскихъ дворянъ присутствовали при вечерней аудіенціи короля. Карлъ IX, полюбившій Ларошфуко, какъ храбраго солдата и веселаго сотоварища, старался удержать его при себѣ и оставить ночевать вмѣстѣ со своими приближенными во дворцѣ; Ларошфуко извинился, что не можетъ исполнить желанія короля, и этотъ позволилъ ему уйти. Подобная же сцена происходила въ комнатахъ королевы-матери; но здѣсь Катерина сама приказывала своей дочери, королевѣ Наваррской, удалиться въ свои покои; въ то самое время, какъ Маргарита направлялась въ комнаты своего мужа, сестра ея, герцогиня Лотарингская, вся въ слезахъ остановила ее за руку, говоря: «Ради Бога, сестра, не ходите туда!» Катерина позвала герцогиню и сильно выговаривала ей, осуждая ея вмѣшательство. «Но вы играете ея жизнью, сказала герцогиня; если заговоръ откроется, она

будетъ первой жертвой мщенія». «Будь, что будетъ, отвѣчала Катерина, она должна идти къ своему мужу, чтобъ не возбудить подозрѣнія». Около полуночи войско расположилось въ Луврѣ и окрестностяхъ: нѣсколько отрядовъ по берегу рѣки, другіе частію по улицамъ, частію возлѣ дома адмирала, уже охраняемаго отрядомъ солдатъ, посланнымъ королемъ; послѣ покушенія на жизнь Колиньи, швейцарцамъ-католикамъ и нѣсколькимъ французскимъ полкамъ поручено было охранять Лувръ. Герцогъ Гизъ, по желанію короля, долженъ былъ начать рѣзню убійствомъ адмирала. Не задолго до разсвѣта, король, королева, мать и герцогъ д'Анжу направились къ главному входу въ Лувръ, выходящему на площадь Сенъ-Жермень л'Оксеруа, чтобы смотрѣть оттуда на избіеніе гугенотовъ. Говорятъ, Катерина, опасаясь, чтобы въ Карлѣ не заговорила совѣсть, велѣла ударить въ набатъ раньше въ ближайшей церкви Сенъ-Жермень л'Оксеруа. Сообщникъ Катерины, герцогъ д'Анжу, разсказываетъ иначе. Въ то время, говоритъ герцогъ, какъ король, его мать и братъ ожидали съ трепетомъ наступающаго событія и его послѣдствій, раздался пистолетный выстрѣлъ, который среди всеобщей тишины произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе, и, если вѣрить герцогу, немедленно былъ посланъ одинъ изъ дворянъ къ герцогу Гизу съ приказаніемъ не предпринимать ничего противъ адмирала, предполагая, что это приказаніе будетъ сигналомъ къ прекращенію всего кроваваго дѣла, но вскорѣ затѣмъ посланный, возвратясь, сказалъ намъ, продолжаетъ Анжу, что приказаніе пришло слишкомъ поздно. Страшный шумъ голосовъ, звонъ колоколовъ и пистолетные выстрѣлы возвѣстили начало «Парижской заутрени». Адмиралъ не спалъ; съ нимъ былъ его хирургъ, знаменитый Амбруазъ Паре, и священникъ Мерлинъ; Колиньи, услыша шумъ на улицѣ, подумалъ, что это возмущеніе, произведенное Гизами, которое утихнетъ при видѣ королевской стражи, поставленной у сосѣднихъ домовъ; но солдаты, ворвавшіеся въ его домъ, двери котораго были однако открыты имъ безъ сопротивленія, выстрѣлы, направленные противъ его слугъ и швейцарцевъ протестантовъ, посланныхъ ему королемъ Наваррскимъ — объяснили Колиньи все; онъ привсталъ: «господинъ аббатъ, сказалъ онъ, говорите ваши молитвы!» и потомъ прибавилъ: «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» Въ эту минуту одинъ изъ дворянъ, его приближенный, Корнатонъ, вошелъ въ комнату: «адмиралъ, сказалъ онъ, Богъ призываетъ насъ къ себѣ! Я давно уже приготовился умереть; вы же старайтесь спастись, если есть возможность». Слуги повиновались ему; одинъ изъ нихъ, нѣмецъ по происхожденію, не хотѣлъ оставить его, другіе пробовали искать спасенія на крышахъ домовъ; многіе были настигнуты и убиты въ сосѣднемъ домѣ; священникъ Мер-

линъ и Корнатонъ спаслись. Въ это время Коссенъ, начальникъ стражи, которому король поручилъ охранять адмирала, бывшій однимъ изъ приверженцевъ герцога Анжу, выломалъ дверь и ворвался въ комнату адмирала вмѣстѣ съ нѣмцемъ Бёмомъ, однимъ изъ близкихъ людей герцога Гиза, гасконцемъ Сарлабу и многими другими. Увидѣвъ маститаго старца, смѣло смотрѣвшаго въ глаза смерти, убійцы-соотечественники остановились въ нерѣшимости; иноземецъ приблизился: «Ты адмиралъ» спросилъ Бёмъ?. — «Да, отвѣчалъ Колиньи. Молодой человѣкъ, тебѣ бы слѣдовало быть почтительнѣе къ моей старости и немощамъ; впрочемъ, поступай какъ знаешь; ты не можешь сократить моей жизни ни на одно мгновеніе». Бёмъ съ проклятіемъ вонзилъ ему въ грудь охотничье копье, потомъ нанесъ ему ударъ по головѣ; другіе послѣдовали его примѣру, и адмиралъ упалъ, пораженный множествомъ ударовъ. «Бёмъ», кричалъ герцогъ Гизъ, остававшійся на дворѣ вмѣстѣ съ своимъ дядей, герцогомъ Омальскимъ и герцогомъ Ангулемскимъ, «кончилъ ли ты свое дѣло?» — «Все кончено!» отвѣчалъ тотъ.—«Брось намъ его черезъ окно, мы хотимъ удостовѣриться въ его смерти». Бёмъ и Сарлабу бросили умирающаго на мостовую. Побочный сынъ Генриха II, герцогъ Ангулемскій, отеръ кровь съ лица адмирала, чтобъ взглянуть на него, потомъ оттолкнулъ его своей ногой. Гизъ ,въ свою очередь, ударилъ ногою въ лице мученика. Одинъ итальянецъ, служитель герцога Де-Неверъ, отрубилъ голову Колиньи, чтобы отослать ее въ Римъ.

«Мужайтесь солдаты, вскричалъ герцогъ Ангулемскій, начало было хорошее; пойдемъ убивать другихъ: король этого желаетъ». Начались страшныя убійства; между тѣмъ чернь бросилась съ остервенѣніемъ на обезглавный трупъ адмирала и повлекла его съ дикими криками по улицамъ.

При звукѣ набатнаго колокола въ Palais de Justice, который отзывался на звонъ большаго колокола Сенъ-Жермень л'Оксеруа, толпы фанатиковъ устремились во всѣ концы города, подстрекаемые къ убійству солдатами короля и дворянами партіи герцоговъ Гиза и д'Анжу. Гизъ, герцогъ Ангуленскій, Де-Неверъ, Монпасье кричали, что гугеноты собпрались убить короля въ самомъ Луврѣ, что ужъ многіе изъ королевской стражи убиты, потому нечего щадить еретиковъ. «Пускайте же имъ кровь!» повторялъ Таваннъ, «кровопусканіе также полезно въ августѣ, какъ и въ маѣ мѣсяцѣ!» Умерщвляли безъ пощады всѣхъ дворянъ протестантовъ, размѣстившихся по приказанію короля по близости къ дому адмирала, чтобы защищать его въ случаѣ опасности, дворянъ, которыхъ Карлъ, допустившій смерть Колиньи, предавалъ теперь самъ въ руки палачей. Ларошфуко, съ которымъ Карлъ часа два тому назадъ ласково бесѣдовалъ и

шутилъ, вдругъ слышитъ сильный стукъ въ двери, съ приказаніемъ отъ имени короля открыть немедленно; дверь отворяютъ: шесть замаскированныхъ людей входятъ въ комнату; одинъ изъ нихъ—камердинеръ герцога Анжу—вонзаетъ ему въ грудь кинжалъ.

Зять адмирала, Телиньи, искалъ спасенія на крышѣ; мягкость его характера, умъ и ласковое обхожденіе располагали къ нему всѣхъ; придворные, открывшіе его убѣжище, не имѣли духу убить его; вообще пальма злодѣйства въ эти ужасные дни принадлежитъ слугамъ герцоговъ Анжу и Монпасье. Такъ они умертвили Лафорса и одного изъ его сыновей; всѣмъ извѣстенъ трогательный разсказъ о младшемъ сынѣ, двѣнадцатилѣтнемъ ребенкѣ, который, притворившись мертвымъ, скрывался отъ ножа убійцъ, лежа возлѣ труповъ отца и брата; ребенокъ вышелъ изъ своего убѣжища, услышавъ голосъ проходящаго мимо ремесленника, который произносилъ проклятія католикамъ; мальчикъ довѣрился ему и былъ спасенъ. Франкфуръ, канцлеръ короля Наваррскаго, и большая часть гугенотскихъ вождей, которыхъ выставляли парижанамъ какъ злоумышленниковъ противъ короля, убивали въ ихъ собственныхъ домахъ, въ постеляхъ, на крышахъ домовъ, беззащитныхъ, безоружныхъ. Но убійства, совершаемыя въ Луврѣ, отличались еще большимъ звѣрствомъ; нѣкто д'О, начальникъ гвардейскаго полка, отдалъ приказаніе призывать поочердно всѣхъ слугъ короля Наваррскаго и принца Конде, равно какъ и всѣхъ дворянъ, приглашенныхъ королемъ провести ночь въ комнатахъ этихъ двухъ принцевъ: по мѣрѣ того, какъ они спускались съ лѣстницы, ихъ обезоруживали и отдавали во власть Швейцарцевъ, которые ждали ихъ внизу. Они были умерщвлены въ глазахъ самого короля, котораго Катерина Медичи и Анжу привлекли къ окну, чтобы показать всѣмъ его соучастіе въ совершаемыхъ убійствахъ. Тутъ погибъ мужественный Пардаліонъ и храбрый Клермонъ де Пиль, который отнялъ у католиковъ честь побѣды при Монконтурѣ геройской защитой С. Жанъ-д'Анжели. Умирая, онъ грозно требовалъ у короля исполненія даннаго слова; Карлъ IX молчалъ. Старикъ Бріонъ, воспитатель маленькаго маркиза Конти, брата принца Конде, былъ убитъ возлѣ своего питомца, тщетно умолявшаго убійцъ о пощадѣ. Нѣкоторые изъ дворянъ прибѣжали въ Лувръ искать спасенія, — ихъ убивали вездѣ, даже въ комнатахъ принцессъ. Король простилъ нѣкоторыхъ изъ еретиковъ, которые сознались или въ совершенномъ безвѣріи, или въ весьма недостаточномъ знаніи догматовъ вѣры, обѣщая перейти въ католицизмъ. Король Наваррскій и принцъ Конде, въ то время какъ убивали ихъ друзей, ихъ солдатъ и слугъ, получили приказаніе явиться къ королю. Карлъ объявилъ имъ, что совершаемыя убійства дѣлаются по его при-

казанію. «Я хочу, говорилъ онъ, чтобы въ моемъ королевствѣ была одна господствующая религія, и такъ выбирайте: обѣдня или смерть. Генрихъ Наваррскій униженно напомнилъ королю о его обѣщаніи, умоляя не заставлять поступать противъ совѣсти. Конде выказалъ болѣе твердости; онъ отвѣчалъ: «я не хочу вѣрить, чтобы король нарушилъ священную клятву; что касается меня, то я останусь вѣренъ истинной религіи, если бы даже пришлось поплатиться жизнію». Король пришелъ въ ярость и грозилъ отрубить ему голову, если въ теченіе трехъ дней онъ не образумится. Избіеніе гугенотовъ, начавшееся въ Луврѣ и С. Ж. Оксеруа, теперь распространилось по всему городу; придворные и солдаты, зачинщики кроваваго дѣла, покончивъ съ дворянами-протестантами, съ которыми они пировали наканунѣ, перешли къ убіенію другихъ: городскаго начальства, судей, ремесленниковъ, подозрѣваемыхъ въ ереси. Тутъ было общее предательство. Одинъ выдавалъ своего сосѣда, другой—врага или родственника, отъ котораго ждалъ наслѣдства. Убійцы изъ народа, золотыхъ дѣлъ мастеръ Крюсе, мясникъ Пезу, книгопродавецъ Керверъ—жаждали превзойти дворянъ въ убійствахъ и переходили изъ одной улицы въ другую, выламывая двери въ домахъ, гдѣ по ихъ предположенію скрывались гугеноты. Однихъ убивали въ ихъ жилищахъ, заставляя отдать сперва все имущество, какъ бы для спасенія жизни; другихъ тащили въ тюрьмы, но большую часть послѣднихъ убивали на улицахъ, бросая трупы въ рѣку. Представьте себѣ, говорятъ современные историки, улицы, вымощенныя трупами, оглушительный шумъ, проклятія убійцъ, вопли жертвъ, неумолкаемый грохотъ пистолетныхъ выстрѣловъ, трескъ выламываемыхъ дверей и оконъ, изъ которыхъ выбрасываются обезглавленные трупы, подающіе на улицу съ какимъ-то страннымъ свистомъ, телѣги, нагруженныя ограбленной добычей и мертвецами, которыхъ спѣшатъ бросить въ рѣку, когда со всѣхъ сторонъ струятся кровавые потоки. Ужасно было видѣть, какъ сильный нападалъ на слабаго, не для того, чтобы побѣдить его, а чтобы уничтожить. Даже десятилѣтніе дѣти тащили изъ колыбели грудныхъ младенцевъ и душили ихъ. Фанатизмъ служилъ только предлогомъ къ пробужденію животныхъ инстинктовъ цивилизованнаго, но глубоко развращеннаго народа. Утонченный придворный также спокойно убивалъ и грабилъ, какъ и бродяга изъ Cour des Miracles. Принцы и самъ король воспользовались десятой частью ограбленнаго у богатыхъ брилліантщиковъ, вельможи оканчивали свои процессы ударомъ кинжала. Бюси д'Амбуазъ убиваетъ своего двоюроднаго брата Морица Ренель, чтобы завладѣть спорнымъ наслѣдствомъ; интендантъ герцога Монпасье, Лапатодіеръ умерщвляетъ управляющаго финансами въ Пуату, чтобы получить его

мѣсто; городской судья Таншу заключаетъ въ тюрьму королевскаго секретаря Ломени, вынуждая его отдать за ничтожную цѣну землю въ Версали графу Рену, убиваетъ его потомъ. Множество католиковъ изъ духовенства погибло изъ-за подобныхъ низкихъ побужденій.

Въ Варѳоломеевскую ночь погибло до 2,000 человѣкъ всякаго пола и возраста. Между этими несчастными нѣкоторые боролись отчаянно; такъ Таверни, начальникъ объѣздной команды, заперся въ своемъ домѣ и стрѣлялъ въ упоръ впродолженіе нѣсколькихъ часовъ въ осаждающихъ его домъ убійцъ, и палъ со шпагою въ рукѣ, окруженный трупами своихъ враговъ.

Однако, «кровавый потокъ не все увлекъ за собою».

Нѣкоторые изъ дворянъ избѣгли страшной смерти. Такъ Монгамери и намѣстникъ епископа Шартрскаго, напрасно убѣждавшіе друзей своихъ оставить Парижъ, и многіе другіе, жившіе за городомъ въ С. Жерменскомъ предмѣстьи. Бывшій городской голова Марсель взялся уничтожить ихъ и послалъ до тысячи убійцъ. Разбуженные шумомъ, доносившимся къ нимъ изъ города, они, подобно Колиньи, подумали, что это возмущеніе, произведенное Гизами. Рѣшившись бѣжать на помощь королю, они направились къ рѣкѣ, но тутъ они не нашли никого; съ противоположнаго же берега плыли прямо въ ихъ сторону лодки, наполненныя придворными и гвардейскими стрѣлками, которые прицѣливались въ нихъ и стрѣляли въ виду короля, смотрѣвшаго на всю эту сцену изъ окна. Говорятъ, что король самъ стрѣлялъ въ нихъ изъ своей охотничьей пищали, произнося страшныя проклятія, отвергая Бога, и кричалъ: «Бейте ихъ, они убѣгаютъ». Дѣйствительно, они убѣгали съ ужасомъ и бѣшенствомъ въ душѣ. Предводители убійцъ, узнавъ, что люди, посланные Марселемъ, не исполнили своего кроваваго намѣренія, устремились къ воротамъ Бюси, ведущимъ въ предмѣстье, но опоздали, взявъ не тотъ ключь, какой слѣдовало. Гизъ, герцоги Омальскій и Ангулемскій преслѣдовали бѣглецовъ до Монфоръ Л'Амори, но не могли настигнуть ихъ. Люди, избѣгнувшіе смерти, остались жить для мщенія. Король, раздраженный запахомъ крови, сжигаемый жаждою убійствъ, походилъ на разсвирѣпѣвшаго звѣря. Онъ не переставалъ кричать: «Бейте ихъ, бейте еретиковъ». Дѣйствительно, онъ не пощадилъ никого, кромѣ своего перваго хирурга Амбруаза Паре и кормилицы.

Ферравъ, одинъ изъ его офицеровъ, тщетно умолялъ пощадить капитана Монсена (Moncins), своего друга; король чуть не заставилъ его убить несчастнаго собственными руками. «Неправда-ли, я искусно съигралъ свою игру», кричалъ несчастный безумецъ, «неправда-ли я хорошо выучилъ урокъ, завѣщанный моимъ прадѣдомъ Людовикомъ XI». Онъ съ дикою радостью,

говоритъ Брантомъ, смотрѣлъ на трупы, проносимые мимо его оконъ, и на утопленниковъ, плывшихъ внизъ по теченію рѣки. Но скоро, за пароксизмомъ бѣшенства, послѣдовалъ совершенный упадокъ силъ.» — «У Карла IX, говоритъ д'Обиньи, помутился разсудокъ». Около полудня городской голова и старшины, которые не принимали никакого участія въ кровопролитіи, пришли къ королю жаловаться на злодѣйства и грабежи, совершаемые, большею частью, людьми, принадлежащими къ свитѣ его величества и ихъ королевскихъ высочествъ. «Парижъ, говорили они, походитъ на городъ, взятый приступомъ». Король, пришедшій въ себя, велѣлъ имъ отправиться подъ охраною нѣсколькихъ отрядовъ солдатъ и объявить въ городѣ его приказаніе — прекратить немедленно всякія убійства и грабежи. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлены были въ провинціи и города и къ посланникамъ короля при протестантскихъ дворахъ курьеры съ письмами, въ которыхъ король объявлялъ, что причиною народнаго возмущенія была старая вражда двухъ фамилій: Гизовъ и Шатильоновъ. Но всѣ усилія короля и Екатерины Медичи къ прекращенію рѣзни были напрасны. Ночью убивали заключенныхъ въ тюрьмахъ; на другой и на третій день убійства въ городѣ возобновились съ большею яростью. Убили между прочимъ 25 августа сира Бовуара, воспитателя короля Наваррскаго, историка Піера Лапласа, но самый славный изъ мучениковъ этихъ дней, послѣ Колиньи, былъ Филиппъ Рамю или Раме, погибшій отъ ножа убійцъ, подосланныхъ его невѣжественнымъ соперникомъ профессоромъ Шарпантье. Наконецъ безпорядки и убійства въ городѣ начали мало по малу прекращаться. По настоянію Гизовъ и другихъ вождей котолической партіи было дано отъ имени короля новое объявленіе, въ которомъ говорилось, что причиной кровопролитія былъ заговоръ гугенотовъ, составленный адмираломъ и его приверженцами противъ королевской фамиліи. Затѣмъ дано было приказаніе отпраздновать событіе Варѳоломеевской ночи, по которому Богу было угодно избавить отъ угрожающей опасности короля и государство. Въ тотъ же день Карлъ IX и весь дворъ отправились смотрѣть висѣвшій на монфаканской висилицѣ трупъ адмирала Колиньи. Въ то время какъ нѣкоторые изъ придворныхъ отворачивались отъ этого зрѣлища и старались отойти дальше, такъ какъ тѣло сильно подверглось разложенію, король съ злобной усмѣшкой сказалъ имъ: «а по моему тѣло мертваго врага хорошо пахнетъ». 3-го сентября начальникъ монетнаго двора Фавье представилъ королю двѣ медали, выбитыя въ память такой славной побѣды надъ непокорными.

Въ то время, какъ въ Парижѣ были съ торжествомъ отпразднованы кровавыя событія Варѳоломеевской ночи, въ другихъ

государствахъ Европы эта рѣзня и ея послѣдствія произвели различное впечатлѣніе. Въ протестантскихъ земляхъ всѣ были поражены ужасомъ и негодованіемъ. Тесть короля французскаго, императоръ Максимиліанъ, проливалъ слезы, услышавъ о преступленія своего зятя. Въ Испаніи же и Италіи раздавались, напротивъ, клики радости и торжества. Разсказываютъ, что Филиппъ II, получивъ извѣстіе о Варѳоломеевской рѣзнѣ, засмѣялся первый разъ въ жизни.

Въ Римѣ съ торжествомъ отпраздновали истребленіе гугенотовъ; служили благодарственные молебны, выбита была медаль, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ бюстъ папы Григорія XIII, а на другой — ангелъ истребитель, поражающій еретиковъ съ надписью: Hugonatorum strages (избіеніе гугенотовъ). Папа заказалъ знаменитому Вазори картину, изображающую пораженіе гугенотовъ со словами: Pontifex Coligni necem probat (папа одобряетъ смерть Колиньи). Картина эта до сихъ поръ находится въ Ватиканѣ.

(Histoire de France — Henri Martin. t. IX, quatrième édition.)

Франсуа I (1514—1547).

Генрихъ II въ супружествѣ съ Екатериною Медичи (1547—1559).

Франсуа II (1559—1560) (съ Маріей Стюартъ).	**Елизавета** (съ Филиппомъ II Испанскимъ).	**Карлъ IX** (1560—1574).	**Генрихъ III** (1574—1589).	**Франсуа** (герцогъ Алансонскій).	**Маргарита** (съ Генрихомъ IV).

Домъ Бурбоновъ.

Карлъ (первый герцогъ Вандомскій изъ дома Бурбоновъ † 1537).

Антонъ (въ супружествѣ съ Іоанною Наваррскою). — **Людовикъ I** (принцъ Конде † 1569).

Генрихъ IV Король Наваррскій (1593—1610). — **Генрихъ I** (принцъ Конде † 1588).

жены его: 1) **Маргарита**, дочь Генриха II.
2) **Марія Медичи.**

Людовикъ XIII (1610—1643). — **Изабелла** (супруга Филиппа IV Испанскаго). — **Генріета Марія** (супруга Карла I Стюарта).

Людовикъ XIV (1643—1715).

Людовикъ XV (1715—1774) (правнукъ Людовика XIV).

Людовикъ XVI (1774—1793) (внукъ Людовика XV).

Домъ Гизовъ.

Клавдій Гизъ.

Францъ (герц. Гизъ † 1563). — **Марія** (супр. Якова V Шот.) — **Карлъ** (кардиналъ) Лотарингскій.

Дети Франца: **Генрихъ** († 1588). — **Карлъ Майнск.** († 1611). — **Люд. кард.**

Дочь Маріи: **Марія Стюартъ** (супр. Франсуа II).

VI.

Исторія Англіи.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РЕФОРМАЦІЯ ВЪ АНГЛІИ И УСИЛЕНІЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ПРИ ТЮДОРАХЪ.

1. ГЕНРИХЪ VIII АНГЛІЙСКІЙ (1509—1547).

Ни въ одной странѣ реформація не имѣла такого ничтожнаго повода къ своему возникновенію, какъ въ Англіи, гдѣ она возгорѣлась вслѣдствіе порочной страсти сластолюбца и на его кровожадной тиранніи упрочивала свое существованіе. Генрихъ VIII уже 17 лѣтъ находился въ бракѣ съ Екатериной Аррагонской, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, когда порочная страсть побудила его нарушить бракъ и отпасть отъ прежней церкви. Придворная фрейлина *Анна Болейнъ*, воспитанная при парижскомъ дворѣ, женщина вѣтренная и легкомысленная, своей красотой возбудила въ королѣ сильную страсть. Генрихъ думалъ, что онъ не можетъ жить безъ нея, но на дорогѣ стояла королева. Тогда-то въ первый разъ послѣ 17-лѣтняго брака возникъ вопросъ о законности его! Екатерина раньше была замужемъ за Артуромъ, старшимъ братомъ короля,—это должно было теперь послужить основаніемъ къ разводу, хотя папа Юлій II тогда еще призналъ бракъ законнымъ по степени родства. Между тѣмъ Генрихъ отправился въ Римъ. Скоро однако оказалось, что онъ обманулся въ своей надеждѣ. Если папа вначалѣ не совсѣмъ рѣшилъ дѣло, но старался надолго затянуть его, разсчитывая на охлажденіе страсти Генриха, то этимъ самымъ уже признавалась необходимость при тогдашнихъ запутанныхъ политическихъ обстоятельствахъ Европы всевозможной снисходительности и уступчивости относительно короля Англіи. Генрихъ, не терпѣвшій ни отъ кого противорѣчій, не видя немедленнаго исполненія своей воли, сильно разгнѣвался. Прежде

всего его гнѣвъ обратился противъ канцлера *кардинала Вольсея*, архіепископа Іоркскаго, который обнадежилъ его въ успѣшности развода. До сихъ поръ сильный министръ былъ обвиненъ теперь въ государственной измѣнѣ (1529) и вскорѣ умеръ, удрученный горемъ и болѣзнью. Теперь въ душѣ короля возникли сильные планы, которые выразились въ неумѣренныхъ угрозахъ противъ папы и папства. Но вскорѣ явился человѣкъ, давшій имъ направленіе и опредѣленное содержаніе.

Въ то время нѣмецкая реформація уже достигла своего полнаго развитія. Многія положенія Лютера напоминали англичанамъ Джона Виклифа, который училъ, проповѣдывалъ и писалъ противъ папы, іерархіи и пресуществленія, который, подобно Лютеру, основывалъ свое ученіе единственно на священномъ писаніи и готовилъ переводъ его. Генрихъ VIII по всему ходу своего воспитанія былъ врагомъ какихъ-либо нововведеній въ догматахъ. Когда Мартинъ Лютеръ въ своемъ сочиненіи *"о вавилонскомъ плѣненіи церкви"* выступилъ даже противъ числа семи таинствъ и такимъ образомъ напалъ на святость, которую уважалъ Виклифъ, король въ защиту семи таинствъ написалъ противъ него: Assertio septem sacramentorum adversus Martinum Lutherum, edita ab invictissimo Angliae et Franciae rege et domino Hiberniae, Henrico ejus nominis octavo. Lond. 1521. Это сочиненіе при жизни короля было издано 3 раза и такъ понравилось папѣ Льву X, что онъ далъ королю титулъ *defensor fidei* (защитникъ вѣры), подтвержденный Климентомъ VII. Лютеръ того же года отвѣчалъ подъ заглавіемъ «Contra Henricum Angliae Regem Martinum Lutherus», въ такихъ выраженіяхъ противъ короля, что современный цензоръ умеръ бы при одномъ взглядѣ на нихъ.

Теперь уже Генрихъ и не помышлялъ (такъ онъ былъ разгоряченъ) примкнуться къ ученію Лютера, котораго онъ ненавидѣлъ. Онъ вначалѣ желалъ только пригрозить и перешелъ бы на противную сторону въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія Рима въ разводномъ дѣлѣ. Но когда онъ пошелъ дальше, ему сразу сдѣлалось яснымъ, какъ онъ могъ быть самъ папой своей страны, прежде всего освободивъ самого себя и затѣмъ наполнивъ свою сокровищницу, возстановивъ снова порядокъ престолонаслѣдія, пріобрѣтя дотолѣ неизвѣстную силу надъ парламентомъ и разливая свѣтъ королевской власти по всей Англіи.

Человѣкъ, который открылъ глаза королю, поставилъ цѣль его колебанію между папой и его возлюбленной, былъ сэръ *Томасъ Кромвель*. Онъ происходилъ изъ незначительнаго рода и былъ допущенъ къ занятію государственными дѣлами кардиналомъ Вольсеемъ. Вѣрность, которую онъ питалъ къ падшему долгое время, внушила довѣріе къ нему людей, стоявшихъ

теперь на краю. Его призвали снова. Теперь онъ испросилъ себѣ тайную аудіенцію у короля, представилъ ему, какъ могъ бы безъ опасности для своей вѣры послѣдовать примѣру нѣмецкихъ князей лютеранскаго вѣроисповѣданія, объявивъ себя вмѣсто папы главой англійской церкви. Случись это, разводъ зависѣлъ бы отъ самого короля и престолъ былъ бы обезпеченъ на будущее время той вѣрной властью, которой ему до сихъ поръ не доставало. Такой совѣтъ льстилъ одинаково любви короля и его привязанности къ произволу; Кромвель вскорѣ былъ приведенъ къ присягѣ на вѣрность службы въ качествѣ члена тайнаго совѣта. Затѣмъ изъ-за красивыхъ очей была разрушена преграда свѣтской власти, въ которой уже цѣлыя столѣтія жили, и Генрихъ былъ не прочь сорвать плодъ своего новаго могущества. Екатерина была удалена отъ двора. Какъ только папа, считая себя судьей въ этомъ дѣлѣ, началъ уговаривать короля возвратить къ себѣ законную супругу, Генрихъ созвалъ парламентъ и добился отмѣны папскихъ пфениговъ, аннатовъ или доходовъ перваго года со всѣхъ приходовъ и духовныхъ должностей, въ которыхъ до тѣхъ поръ утверждались папой въ Римѣ, также онъ лишилъ святѣйшій синодъ права издавать какія либо предписанія въ церковныхъ дѣлахъ безъ предварительнаго утвержденія ихъ королемъ. Далѣе, приступили къ разводу, прежде всего уничтоживъ посредствомъ парламентскаго рѣшенія послѣднее прибѣжище для несчастной королевы, аппеляцію къ папѣ. Такъ какъ Екатерина не явилась, то духовный судъ призналъ ее непокорной, объявивъ ея бракъ съ королемъ недѣйствительнымъ съ самаго начала, потому что онъ заключенъ противно Божескому запрещенію. Предсѣдателемъ духовнаго суда былъ новый архіепископъ Кентербери *Кранмеръ*, который своимъ сочиненіемъ въ защиту развода и своей дѣятельностью для той же цѣли снискалъ себѣ благосклонность короля и, благодаря всему тому, занялъ такой высокій постъ. Кранмеръ прежде былъ свѣтскимъ и только послѣ смерти своей жены принялъ посвященіе. Тѣмъ не менѣе во время своего пребыванія въ Германіи онъ женился во второй разъ на племянницѣ реформатора Осіандера. Уже одинъ этотъ шагъ показываетъ, что Кранмеръ внутренно шелъ дальше самого короля, который въ теченіе всей своей жизни оставался вѣренъ принципу безбрачія духовенства. Поэтому и Кранмеръ оставилъ свою жену въ Германіи, а король или не зналъ ничего объ этомъ, или смотрѣлъ на эту связь какъ на простое сожительство (конкубинатство).

Король всей процедурѣ духовнаго суда подчинился лишь какъ бы въ угоду архіепископу. Онъ считалъ себя съ тѣхъ поръ, какъ разорвалъ свои связи съ папой, сувереномъ, выше котораго не было на землѣ и который не подчиняется ника-

кимъ законамъ. Съ такой точки зрѣнія онъ могъ также, какъ и дѣйствительно сдѣлалъ, вступить въ бракъ съ Анной, прежде чѣмъ духовный судъ расторгнулъ бы его бракъ съ Екатериной; ибо, по его мнѣнію, онъ никогда не жилъ съ послѣдней въ бракѣ, а только въ кровосмѣшеніи. Онъ объявилъ поэтому, что онъ подвергнулъ дѣло суду собственной совѣсти, которая руководима была Духомъ Божіимъ, живущимъ и направляющимъ сердца царей. Здѣсь можетъ быть впервые практиковалось тайное вѣнчаніе. Черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ публичнаго объявленія или по заключеніи брака, Анна, будучи уже коронованной королевой, родила принцессу. Этой принцессой была Елизавета.

Такимъ образомъ король сдѣлался отцемъ двухъ дочерей. Одну онъ самъ объявилъ незаконной, а другая признавалась таковой же по мнѣнію преобладающаго большинства англичанъ. Ничто не было такъ поколеблено, какъ престолонаслѣдіе.

На угрозы папы король аппелировалъ всеобщему собору и требовалъ отъ парламента утвержденія всего того, что было признано до сихъ поръ въ дѣлѣ церкви. Теперь власть папы въ Англіи формально совершенно падала. Не только всѣ должностныя лица, духовенство, но и монахи и монахини должны были подтверждать присягой, что король ихъ духовный глава, что папа имѣетъ не болѣе правъ въ Англіи, чѣмъ всякій другой епископъ, и что бракъ короля съ Анной законенъ и единственный, на которомъ долженъ быть основанъ порядокъ престолонаслѣдія. Такая ужасная перемѣна произвела переворотъ во всѣхъ тогдашнихъ понятіяхъ. Кромвель при каждомъ удобномъ случаѣ проповѣдывалъ о необходимости безусловнаго повиновенія королю. Сэръ *Томасъ Муръ*, всѣми прославленный ученымъ человѣкомъ, преемникъ Вольсея въ канцлерскомъ достоинствѣ, которое онъ, будучи изъ свѣтскихъ, занималъ вопреки установившемуся обычаю, не хотѣлъ ничего знать о дѣлѣ Лютера и отвергалъ всякую попытку церковнаго обновленія, которая исходила отъ непризваннаго, хотя и не прочь былъ видѣть реформацію церкви изнутри ея самой и регулируемую свыше. Какъ просвѣщенный человѣкъ и другъ Эразма, онъ относился неблагосклонно къ несвоевременнымъ притязаніямъ Рима, но, возставая въ тоже время противъ произвола у себя на родинѣ, онъ лишился своего высокаго положенія. Ему, однако, не дали успокоиться. Недостаточно того, что онъ призналъ престолонаслѣдіе въ его новомъ видѣ, онъ долженъ былъ присягнуть, что бракъ съ Екатериной былъ съ самаго начала незаконнымъ. Тогда онъ предпочелъ Тоуеръ. Послѣ годоваго тюремнаго заключенія онъ взошелъ на эшафотъ въ своей ежедневной власяницѣ и съ свойственной ему обычной веселостью. Точно также *епископъ Фишеръ* изъ Рочестера въ глубокой старости поплатил-

ся такой же смертью за признаніе его убѣжденія, что новая высокая присяга противна ученію церкви. Головы обоихъ были повѣшены на Лондонскомъ мосту. Для отправленія всеобщаго духовнаго суда мѣсто короля заступилъ Кромвель съ титуломъ генералъ-викарія. Онъ уже перевелъ аннаты и десятины въ королевскую кассу. Королю оставалось спокойно идти тѣмъ же путемъ и однимъ ударомъ уничтожено было изъ 500 монастырей Англіи около 300. Лучшая часть добычи досталась королю. Въ слѣдующіе 4 года уничтожены были остальные монастыри и большая часть церковныхъ учрежденій, между которыми болѣе 100 больницъ. А сколько было потрачено и расхищено и все-таки ежегодный доходъ короны значительно увеличивался.

Около этого времени умерла бѣдная, униженная Екатерина, и Анна теперь съ удовольствіемъ почувствовала себя королевой. Но Генрихъ VIII въ семейной жизни, какъ и въ государственной, верховнымъ закономъ ставилъ свои прихоти. Вскорѣ предпочтеніе отдано было фрейлинѣ королевы, Жаннѣ Сеймуръ, а несчастная Анна была арестована и отвезена въ Тоуеръ. Она была обвинена въ постыдной связи съ пятью вельможами и, по признанію одного изъ нихъ въ надеждѣ на помилованіе, они всѣ были приговорены къ смерти. Анна, судимая вмѣсто всей верхней палаты коммисіей, состоявшей изъ 26 перовъ, также признана виновной. Она шла на эшафотъ, увѣряя въ своей невинности; не было представлено ни одной улики противъ нея. Съ какимъ безмѣрнымъ произволомъ Генрихъ подчинялъ всякую волю своему желанію, видно уже изъ того, что онъ заставилъ архіепископа Кранмера за два дня до казни королевы выставить грамату, которой бракъ съ Анной, какъ и прежній, объявлялся несуществовашимъ, и даже вслѣдствіе препятствія, которое Анна ему, архіепископу, должна была открыть, хотя оно навсегда осталось неизвѣстнымъ міру. Такимъ образомъ теперь Елизавета также являлась незаконной и была объявлена не имѣющей правъ на престолъ. При извѣстіи о смерти Екатерины Генрихъ плакалъ; теперь же онъ женился на другой день послѣ казни Анны. Онъ надѣялся, что изъ дѣтей новой королевы подростутъ преемники его; на случай же бездѣтности своей настоящей или будущей супруги онъ уполномочивался парламентомъ признать своимъ преемникомъ его самаго. И съ будущей супругой ему пришлось не долго пробыть. Іоанна родила королю долго ожидаемаго принца, слѣдующаго короля *Эдуарда*, и умерла спустя 2 недѣли послѣ этого. Тотчасъ была придумана четвертая жена.

Ею должна была сдѣлаться *Анна*, сестра герцога фонъ-Клеве. Генрихъ видѣлъ ея портретъ и съ удовольствіемъ узналъ, что она совершенно такого же роста, какой онъ считалъ необ-

ходимымъ для величія своей супруги. Но когда онъ въ первый разъ вышелъ къ привезенной переодѣтымъ, чтобы, какъ онъ выражался, дать пищу своему страстному любопытству, его разочарованіе было велико, такъ какъ онъ увидѣлъ ее дѣйствительно большаго роста, но лишенную всякой прелести. Совершенно пораженный, онъ обратился тотчасъ же за совѣтомъ къ своему другу, Кромвелю: «Долженъ-ли я положить голову въ эту петлю?» Дѣло же между тѣмъ слишкомъ далеко зашло и Генрихъ принужденъ былъ безропотно согласиться на вѣнчаніе. Новая королева не знала ни по англійски, ни по французски, она говорила лишь по нѣмецки, не умѣла ни играть, ни пѣть, она знала только читать, писать и шить. Король былъ въ отчаяніи, Кромвель долженъ былъ поплатиться за это. Послѣдній съ нѣкоторыхъ поръ уже не пользовался милостью, теперь его ненавидѣлъ король, такъ какъ онъ устроилъ этотъ бракъ; но Генрихъ не переставалъ одарять его почестями и помѣстьями лишь для того, чтобы тѣмъ плачевнѣе сдѣлать его паденіе. Кромвель выставилъ положеніе, въ силу котораго государственные измѣнники могутъ быть судимы безъ суда и слѣдствія по одному только доносу. Теперь ему самому приходилось осушить ту чашу, которую онъ наполнялъ для другихъ. Въ тотъ самый день, когда Кромвель занялъ свое мѣсто въ верхней палатѣ, какъ графъ Эссекскій, былъ прочитанъ доносъ на него. Результатомъ этого была казнь Кромвеля и разводъ съ Анной фонъ-Клеве.

Король выбралъ себѣ пятую супругу снова изъ природныхъ англичанокъ, *Екатерину Говардъ*. По истеченіи года она была обвинена въ легкомысленномъ и предосудительномъ поведеніи, осуждена биллемъ парламента и 18 февраля 1542 г. казнена.

Шестая королева, *Екатерина Парръ*, была гарантирована отъ наказанія въ силу этого указа, такъ какъ она завѣдомо была вдовой. Однако жъ она близка была къ гибели, читая запрещенныя книги и начиная сомнѣваться въ вѣрности англійскаго папы, который въ то же время былъ ея супругомъ. Только ея благоразуміе спасло ее.

Насколько всѣ эти брачныя похожденія не могутъ быть назидательны, настолько же они характеризуютъ произвольную и насильственную реформацію англійской церкви, исходившую отъ Генриха. Что возникло изъ страсти, то и продолжалось страстью. Не меньшее же значеніе въ этомъ имѣла раболѣпная толпа льстецовъ, окружавшая короля, главное занятіе которой состояло не только въ признаніи законными всѣхъ мѣръ тирана, но даже въ прославленіи ихъ, какъ наилучшихъ и святѣйшихъ. Кромвель былъ неисчерпаемъ въ ученіяхъ о безусловномъ повиновеніи, называлъ *такого* короля подобіемъ Божіимъ, неповиновеніе ему — Божескимъ ослушаніемъ. Даже Кранмеръ, человѣкъ,

у котораго боязнь Бога являлась по крайней мѣрѣ тогда, когда страхъ предъ людьми оставлялъ его въ покоѣ, даже онъ не стыдился побѣждать совѣсть благороднаго Томаса Моруса волей короля. Язва такого ученія о безусловномъ повиновеніи охватила все существо короля. При каждомъ открытіи парламента текла въ изобиліи всевозможная лесть: Генриха называли «Соломономъ по мудрости», «Самсономъ по силѣ», «Авессаломомъ по красотѣ». Удивительно ли, что тиранъ самъ наконецъ увѣровалъ въ собственную непогрѣшимость?

Что касается его реформъ въ англійской церкви, то онъ, какъ уже замѣчено, былъ далекъ отъ того, чтобы слѣдовать нѣмецкимъ предшественникамъ въ этомъ отношеніи; реформа англійской церкви скорѣе ограничивалась гораздо болѣе узкой сферой. Его знаменитые шесть §§ 1539 года, такъ называемые «кровавые пункты», трактуютъ о пресуществленіи, отнимаютъ у свѣтскаго чашу, о безбрачіи духовенства, обѣтѣ цѣломудрія монаховъ и монахинь, о необходимости панихиды и тайной исповѣди. Также чтеніе Библіи нѣкоторое время было дозволено всѣмъ мірянамъ, но вскорѣ запрещено для народа и ограничено высшими сословіями.

Самая характеристическая черта королевской реформаціи заключалась, слѣдовательно, не такъ въ измѣненіи догматовъ, какъ скорѣе въ тираническомъ и произвольномъ проведеніи излюбленныхъ Генрихомъ реформъ. Особенно нужно было уважать его верховное главенство. Отступавшіе отъ этого пункта были казнимы по преимуществу. Также всякому нарушителю шести §§ угрожало страшное наказаніе, а ожесточеннымъ грѣшникамъ—смерть. Мы получимъ полное понятіе о духѣ реформъ Генриха, если прибавимъ ко всему сказанному, что король запрещалъ на будущее время всякое измѣненіе въ его положеніяхъ, касающихся церкви.

Генрихъ въ послѣдніе дни своей жизни вполнѣ предавался удовольствіямъ стола. Поэтому духовный глава достигъ такого объема въ тѣлѣ, что только посредствомъ особыхъ приспособленій могъ передвигаться изъ одной комнаты въ другую. Онъ долженъ былъ отказаться отъ подписыванія бумагъ. Слѣпому самообольщенію его долгой жизни соотвѣтствуетъ его завѣщаніе, въ силу котораго на случай смерти его дѣтей безъ наслѣдниковъ, Эдуарда, Маріи и Елизаветы, призывалось бы на престолъ не потомство старшей сестры короля, королевы Шотландской, но потомство младшей, королевы Французской, впослѣдствіи герцогини Суффолькской. Смерть тирана спасла герцога Норфолькскаго, котораго казнь должна была состояться именно въ день смерти короля. Генрихъ умеръ 28 января 1547 г.

(Charakterbilder der allgemeinen Geschichte. III Theil: die neuere Geschichte. Dr. A. Schöppner, 1873 г. (Dritte Auflage).

2. ОСНОВАНІЕ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Около тридцати одного года протекло со времени появленія «положеній о разводѣ», погубившихъ Вольсея, и смертью Маріи Тюдоръ, первой царствовавшей королевы: для вступленія въ жизнь протестантизму англійской церкви необходимъ былъ этотъ долгій періодъ борьбы.

Имя Лоллардовъ *) никогда не было вполнѣ забыто въ Англіи, несмотря на то, что первый порывъ уже остылъ, а масса народа смиренно подчинилась догматамъ Римской церкви. Но въ странѣ всегда оставалась еще горсть жаждущихъ правды, которые съ недовѣріемъ отталкивали разукрашенную ложь, подносимую уму и сердцу ихъ вмѣсто истинной пищи. Небольшая толпа торговцевъ и студентовъ, извѣстная подъ именемъ «общества братьевъ во Христѣ», распространяла въ Лондонѣ и другихъ университетскихъ городахъ начатки такъ называемой «смертельной ереси» еще за долго до тѣхъ политическихъ событій, которыя расторгнули узы, приковывавшія Англію къ каѳедрѣ Св. Петра. Однимъ изъ такихъ людей былъ Ѳома Бильней, «юный Бильней изъ Кембриджа»: онъ первый направилъ Гуго Латимера, знаменитѣйшаго англійскаго реформатора, на путь стремленія къ истинѣ. То же самое можно сказать о Джонѣ Фритѣ и Вильямѣ Тиндэлѣ. Въ томъ духѣ, хотя и съ меньшей энергіей, дѣйствовали и Гарретъ, Дэлаберъ и Кларкъ, которые прятали евангеліе у себя въ подпольѣ подъ страхомъ пытки и сожженія на кострѣ. Каждый изъ нихъ умеръ мученической смертью.

Отпаденіе Англіи отъ Рима, которое, говоря языкомъ политическимъ, началось со времени появленія «положеній о разводѣ», рѣзко обозначилось обнародованіемъ законовъ знаменитаго парламента 1529 г., нерасходившагося въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ. Самыми выдающимися узаконеніями этого достопамятнаго періода были уничтоженіе церковныхъ доходовъ (1532 г.), запрещеніе обращаться съ аппеляціями въ Римъ, предоставленіе права исключительно королю избирать прелатовъ (1533 г.) и признаніе Генриха Тюдора единственною на землѣ и верховною главою англійской церкви (1534 г.). Этотъ титулъ служилъ лишь отголоскомъ мнѣнія, которое явно высказывалось среди собравшагося духовенства.

На аренѣ исторіи роль павшаго Вольсея беретъ теперь на себя Ѳома Кранмеръ, который въ скоромъ времени оставляетъ должность наставника въ Кэмбриджѣ, чтобы принять началь-

*) Приверженцы Джона Виклефа.

ство надъ Кэнтербюрійской епархіей. Въ присутствіи сенатора Гардинера и Альмонера Фокса произноситъ онъ какъ-то за ужиномъ въ Эссексѣ удачное изрѣченіе и привлекаетъ на себя вниманіе самого Генриха. По иниціативѣ короля европейскіе университеты занимались тогда вопросомъ: «можетъ ли человѣкъ взять за себя жену своего брата?». Къ счастью рѣшеніе соотвѣтствовало взглядамъ царственнаго вопросителя, и Кранмеръ сталъ быстро возвышаться. По смерти Варгама онъ тотчасъ же занялъ его каѳедру и былъ посвященъ въ санъ примаса въ мартѣ 1533 г. Анна Болейнъ, вышедшая въ томъ же году за Генриха, дружелюбно отнеслась къ Кранмеру, которому она частью была обязана короной. Взамѣнъ этого, примасъ, помня, что достигъ сана своего содѣйствіемъ королевы, провозгласилъ ее законной женой своего царственнаго покровителя и торжественно короновалъ ее въ присутствіи народа. Только слабый, недѣйствительный протестъ могла выставить отверженная, грустная Екатерина, лежа на одрѣ болѣзни въ Амптилѣ, близъ Дюнстебля. А «Нанъ Болейнъ», какъ звалъ народъ ея соперницу, сдѣлавшись вскорѣ матерью ребенка, названнаго при крещеніи Елизаветой, продолжала придерживаться легкомысленнаго и порочнаго образа жизни во все время краткихъ, но блестящихъ мѣсяцевъ своего величія.

Бѣдная монахиня (Бартонъ) изъ Альдингтона, въ Кентѣ, въ припадкѣ эпилепсіи или чего-то подобнаго, часто выкрикивала отдѣльныя слова, намекавшія на событіе той эпохи. Многіе монахи, которые съ ужасомъ смотрѣли на протестантскія тенденціи, выказанныя при разводѣ (Екатерина была католичкой, а Анна—лютеранкой), воспользовавшись немощью несчастной дѣвушки, придали ей мнимое значеніе прорицательницы. «Король долженъ былъ остерегаться: если онъ отвергнетъ Екатерину, — таинственная, ужасная смерть застигнетъ его по прошествіи семи мѣсяцевъ и дочь его будетъ царствовать вмѣсто него». Между лицами, замѣшанными въ это дѣло, или мнимо замѣшанными, были Фишеръ, епископъ Рочестерскій и сэръ Ѳома Муръ, эксъ-канцлеръ Англіи. Трое принимали особенное участіе въ раскрытіи обмана: Кромвель, Латимеръ и Кранмеръ, о которомъ уже было говорено.

Ѳома Кромвель, по преданіямъ сынъ кузнеца, родился въ мѣстечкѣ Пютнѣ, въ молодости онъ набрался юмора и обогатилъ себя знаніями, переходя изъ одного европейскаго города въ другой съ торговыми цѣлями. Отказавшись отъ фабричныхъ занятій, которымъ предавался въ Антверпенѣ, онъ направился въ Италію, гдѣ ему пришлось стать ближе къ людямъ и изучить жизнь. Вольсей, никогда не пропускавшій случая увеличить число своихъ сообщниковъ людьми даровитыми, принялъ

къ себѣ Кромвеля и сталъ давать ему постоянныя порученія. Если Кромвелю удалось видѣть подрывъ Рима въ 1557 г., то это было, какъ утверждаетъ Фоксъ, въ одно изъ его временныхъ пребываній въ Италіи, хотя письменное подтвержденіе этого обстоятельства утрачено.

Кромвель находился тогда въ услуженіи у Вольсея. Сочувствіе къ павшему кардиналу не помѣшало ему однако вступить на королевскую службу. По его совѣту, столь же удачному и опредѣленному, какъ и идеи Кранмера, королю слѣдовало свергнуть иго папства и объявить себя единственною верховною главою англійской церкви. Мысль эта послужила началомъ его быстрому возвышенію: она возвела его на вершину славы, съ которой онъ вскорѣ былъ сверженъ внезапнымъ ударомъ.

Но замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ трехъ дѣятелей является Гуго Латимеръ, сынъ Ланкастерскаго фермера. Онъ всегда отличался остроуміемъ и тѣмъ смѣлымъ юморомъ, который такъ свойственъ англійскому земледѣльцу, сроднившемуся съ заступомъ и плугомъ. Латимеръ родился около 1472 г. и учился въ Кэмбриджѣ. Лучъ новой зари, загоравшейся тогда въ Германіи, озарилъ его молодую душу и съ тѣхъ поръ никогда не угасалъ въ ней. Смѣло высказывалъ онъ идеи свои съ каѳедры въ Вильтшэйерѣ; многіе ненавидѣли его за это и искренно желали погибели неустрашимому поборнику истины. Но Кромвелль покровительствовалъ ему: онъ обратилъ на него вниманіе королевы Анны, и его-же стараніями Латимеръ былъ посвященъ въ епископы Ворчестера въ 1535 г.

Вопросъ о главенствѣ оказался пагубнымъ для Фишера и сэра Ѳ. Мура: оба, не желая признавать новаго закона о верховности, обнародованнаго парламентомъ въ концѣ 1534 г., стали во главѣ тѣхъ мучениковъ-католиковъ, которые собственною кровью поплатились за ошибочную, хотя и сознательную привязанность къ шаткому владычеству Рима. Послѣ многихъ мѣсяцевъ заключенія въ Тоуерѣ, Фишеръ былъ казненъ: сѣдую голову его выставили на позорныхъ кольяхъ Лондонскаго моста. Двѣ недѣли спустя въ обагренномъ кровью Товеръ-Гилѣ подвергся той же участи и сэръ Ѳ. Муръ: на свѣтлую умственную жизнь его легъ тоже отпечатокъ всеугнетающаго духа, который является характеристической чертой описываемой эпохи (1535 г.). Любимая дочь Мура, Маргарита Роперъ, спасла голову отца отъ дальнѣйшаго позора, предавъ ее погребенію. До сихъ поръ дѣйствія Генриха не представляли ничего подобнаго глазамъ Европы, и итальянцы въ особенности наперерывъ старались осыпать имя его проклятіями. Регинальдъ Поль, молодой англичанинъ съ блестящими дарованіями, находился тогда въ Италіи. Онъ былъ внукомъ знаменитаго почитателя Бахуса, Клэренса,

который тоже не сочувствовалъ королевскимъ движеніямъ противъ папы и лишь бѣгствомъ спасъ себѣ жизнь. Этотъ-то молодой священникъ, Поль, о которомъ мы еще будемъ говорить далѣе, присоединилъ краснорѣчивое слово свое къ произведеніямъ Эразма, оплакивая судьбу миролюбиваго, свѣдущаго и остроумнаго автора «*Утопіи*».

Около этого времени въ двухъ неспокойныхъ частяхъ государства стало обнаруживаться движеніе. Ирландія, изнуренная раздорами Бютлеровъ и Фитцгерольдовъ, возмутилась подъ вліяніемъ идей, навѣянныхъ Римомъ. Во главѣ инсургентовъ сталъ лордъ Ѳома Фитцгерольдъ, сынъ того стараго графа Кильдарскаго, который былъ сторонникомъ партіи «Бѣлой Розы» въ предшествующемъ царствованіи. Съ трудомъ усмирили возстаніе: Силькенъ Ѳома и пятеро дядей его были казнены въ Товеръ-Гилѣ (1537 г.). Лучшая участь выпала на долю княжества Валлійскаго; всѣ его до сихъ поръ независимыя многочисленныя и безпокойныя графства были тѣсно соединены подъ скипетромъ англійской державы. Вся горная область стала теперь управляться англійскими законами, а члены, выбираемые изъ отдѣльныхъ мѣстечекъ и каждаго изъ графствъ валлійскихъ, вошли въ составъ нижней палаты парламента (1536 г.).

Тутъ слѣдуетъ указать на обстоятельство, которое составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ чертъ реформаціи: я разумѣю переводъ Библіи, не прекращавшійся во все время вышеупомянутыхъ событій. Трудъ Джона Виклефа уже устарѣлъ и не соотвѣтствовалъ требованіямъ большинства, а потому Вильямъ Тиндаль задался благой цѣлью помочь дѣлу.

Подъ впечатлѣніемъ прожитаго имъ въ Кембриджѣ и въ графствѣ Глочестерскомъ, въ которомъ Тиндаль пробылъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ наставника, отправился онъ въ Германію для переговоровъ съ Лютеромъ. При содѣйствіи благодѣтельнаго Гумпрея Монмута, купца изъ Лондона, кончилъ онъ въ Антверпенѣ переводъ Новаго Завѣта, который и появился въ 1525 или 26 году. Несмотря на всевозможныя препятствія, книга эта нашла доступъ и въ англійскія семьи. «Пятикнижіе» и «Книга Іоны» появились изъ подъ того же пера, а самъ авторъ смертью на висѣлицѣ поплатился за благодѣтельное предпріятіе. Ревностнымъ сотрудникомъ Тиндаля въ этомъ дѣлѣ былъ Майльзъ Ковердэль, которому не удалось видѣть полнаго утвержденія англиканской церкви на ея обагренномъ кровью фундаментѣ. Помогая всѣми средствами сначала Тиндалю, выпустилъ онъ за годъ до смерти этого мученика изданіе in-folio, посвященное королю Генриху и заключавшее въ себѣ всю Библію, переведенную на англійскій языкъ. Ковердэль тоже погибъ на позорномъ столбѣ.

Время протекало быстро. Въ самый годъ смерти казненнаго Тиндаля (1536 г.) умерла въ Кимбольтонѣ одинокая страдалица Екатерина. Тогда же произошла и та ужасная сцена въ Товеръ-Гринѣ противъ капелы Св. Петра, когда Анна Болейнъ, обвиняемая въ прелюбодѣйствѣ и болѣе, сложила прекрасную голову подъ топоромъ палача. Генрихъ жестоко ошибся въ выборѣ своей второй жены, которая подобно первой оставила ему дочь,— но, въ отличіе безвинной испанской королевы, прошлое, навсегда запятнанное въ глазахъ потомства. На другой день казни, послѣдовавшей 19 мая, король предложилъ руку свою Іоаннѣ Сеймуръ. Королева эта тоже покровительствовала протестантизму, но вліяніе ея, будучи кратковременнымъ, не могло имѣть глубокаго значенія. Давъ жизнь принцу Эдуарду, она черезъ двѣнадцать дней скончалась отъ простуды. Король дождался наконецъ наслѣдника, но въ третій разъ терялъ жену и королеву.

За годъ до этихъ событій, заключавшихъ въ себѣ и горестныя, и радостныя минуты, Генрихъ нанесъ самый рѣшительный ударъ папскому вліянію въ Англіи. Слѣдуя политикѣ Вольсея, который, конечно былъ далекъ отъ желанія войти въ составъ главныхъ двигателей англійской реформаціи, король, опираясь на Кромвеля, сталъ преслѣдовать монастыри, считая ихъ главными притонами злодѣяній и лѣни, развращавшими народъ. Мы не должны, однако, приписывать слишкомъ большаго значенія Генриху въ этомъ существенно-необходимомъ движеніи: гнѣвъ и скупость, вѣроятно, были главнѣйшими побудительными причинами его стремленія.

Работа шла постепенно. Послѣ осмотра въ 1536 г., подъ началомъ Кромвеля, королевскаго викарія, наименѣе значительныхъ монастырей, рѣшено было уничтожить 380 изъ нихъ, ежегодный доходъ каждаго среднимъ числомъ не превышалъ 200 ф. стерл. Этой мѣрой король разомъ увеличивалъ доходъ свой на 100,000 ф. стерл., надѣясь въ будущемъ прибавлять къ нему ежегодно по 32.000 ф. стерл. Члены нижней палаты недоумѣвали, глядя на этотъ произволъ, несмотря на то, что монастыри дѣйствительно были пагубой для народа; но намекъ короля лицамъ, стоявшимъ во главѣ народныхъ представителей, касательно ихъ собственной безопасности, уничтожилъ всякое желаніе сопротивляться биллю, который былъ однимъ изъ послѣднихъ положеній знаменитаго парламента 1529 г. Король, какъ Тюдоръ, нелюбившій противорѣчій, скоро распустилъ его, а члены, возвратившись на родныя мѣста, нашли почти въ каждомъ приходѣ толпу бродягъ, прежнихъ монаховъ и монахинь, умиравшихъ безъ хлѣба и пріюта. Монашество, развивавшееся въ теченіе тысячелѣтія, далеко пустило корни въ англійскую почву,

проникнувъ въ самую глубь народнаго существованія, а потому неудивительно, что страна сочувственно отнеслась къ бѣдствіямъ, сопровождавшимъ разрушеніе этихъ вѣковыхъ убѣжищъ. Возмущеніе въ томъ періодѣ являлось естественнымъ послѣдствіемъ всякаго неудовольствія: народъ имѣлъ тогда эту единственную возможность обращаться къ престолу. Неудовлетворенные потрясеніемъ, произведеннымъ въ странѣ разрушеніемъ монастырей, король и его сотрудники издали постановленія («путаницу» по словамъ Латимера), которыя нація должна была признать за главнѣйшія основы новой церкви. Сущность обновленной религіи обусловливалась священнымъ писаніемъ и тремя символами вѣры — Апостольскимъ, Аѳанасіевскимъ и Никейскимъ, одинаковаго съ нимъ значенія. Иконопоклоненіе не допускалось. Многіе праздники, особенно во время жатвы, были уничтожены. Изъ семи таинствъ оставлялось только три — *Крещеніе*, *Покаяніе* и *Причащеніе* на прежнихъ основаніяхъ. Устная исповѣдь и ученіе о «пресуществленіи» являлись важнѣйшими подпорами вѣры: ихъ слѣдовало признавать подъ страхомъ самыхъ ужасныхъ наказаній. Съ чистилищемъ Генрихъ не зналъ что дѣлать. Этотъ смѣшанный символъ вѣры, изложенный въ книгѣ епископовъ (1537 г.) и навязываемый королемъ со всею настойчивостью Тюдора, сильно подѣйствовалъ на возбужденные умы націи. Въ Линкольншэрѣ началось возмущеніе; пламя революціи охватило затѣмъ и весь сѣверъ. 40 тысячъ ожесточенныхъ фермеровъ и земледѣльцевъ подъ предводительствомъ Роберта Аскью прошли по бассейну Узы; знамя ихъ носило изображеніе умирающаго Спасителя, а на рукавахъ одежды ратниковъ были отпечатаны знаки Христовыхъ ранъ. Назвавъ себя обществомъ «странниковъ для обрѣтенія благодати», они заняли Іоркъ, Гуль и Понтефрактъ съ твердой рѣшимостью искоренить ересь, недавно насажденную въ странѣ, возстановить разрушенные монастыри и возвратить католичеству его прежнее значеніе въ Англіи.

Бури и наводненіе въ Трентѣ разрушили ихъ замыслы. Королевскій военный законъ сталъ дѣйствовать отъ области Твида до Трента, топоръ и висѣлица начали обычное дѣло. Самыми значительными лицами изъ пострадавшихъ за участіе въ этомъ ложно направленномъ движеніи были Лордъ Дарси, казненный въ Товеръ-Гилѣ и Робертъ Аскью, убитый въ Іоркѣ.

Пытка Джона Никольсона, или Ламберта, священника, содержавшаго школу въ Лондонѣ, вполнѣ характеризуетъ идею Генриха о дѣйствіяхъ короля въ качествѣ главы церкви. Честный Ламбертъ, не будучи въ состояніи признать ученія о пресуществленіи, смѣло предсталъ передъ королемъ и епископами въ Вестминстеръ-Галѣ, въ ноябрѣ 1538 г. Одѣтый въ бѣлую шел-

ковую одежду, Генрихъ, уже не тотъ стройный атлетъ давно прошедшихъ дней, лично принялъ участіе въ дѣлѣ обвиненія. Солнце заходило, а красноватый свѣтъ факеловъ уже мерцалъ на дубовыхъ стропилахъ залы, когда тщетные переговоры прелатовъ наконецъ прекратились. Ламбертъ не отказывался отъ своего убѣжденія. «Хочешь ты жить или умереть»? грозно спросилъ его Генрихъ. «Я поручаю душу свою Богу», отвѣчалъ тотъ, «а себя милосердію Вашего Величества».—«Такъ умри же». И Ламбертъ погибъ среди пламени. Казнь его совершилась въ Синтфильдѣ. «Дымъ отъ горящихъ тѣлъ мучениковъ, подобныхъ Ламберту», говоритъ Патрикъ Гамильтонъ, «оказывалъ возбуждающее вліяніе на все, на что вѣялъ».

Грозный указъ Генриха коснулся между тѣмъ уцѣлѣвшихъ еще монастырей: ихъ разрушили по примѣру первыхъ. Не только многіе праздники были уничтожены, но даже и святые лишились прежняго почитанія. Бѣдный Ѳома Бекетъ, вычеркнутый изъ святцевъ по указу короля, былъ такъ потрясенъ въ своей могилѣ вызовомъ на судъ въ Вестминстеръ за измѣну, что позабылъ или побоялся появиться и далъ возможность обвинить себя. Во избѣжаніе возвращенія къ этому предмету порѣшу здѣсь съ вопросомъ объ уничтоженіи монастырей. Прекрасныя эти зданія, возникавшія въ странѣ постепенно со времени «покоренія», украшенныя изящными колоннами и орнаментами знаменитыхъ скульпторовъ и архитекторовъ, разрушались или обращались въ хлѣва и конюшни во все продолженіе бури до 1540 г. Рѣдкія картины, произведенія кисти итальянскихъ живописцевъ, сдѣлались добычею пламени.

Расписанныя окна превратились въ осколки разноцвѣтныхъ стеколъ. Колокола, звучно гудѣвшіе при восходѣ и закатѣ солнца, плавились или продавались. Книги монастырскихъ библіотекъ, изъѣденныя червями, пошли на обертку грошевыхъ кусочковъ мыла или на обтирку сапогъ невѣждамъ, для которыхъ произведенія людей думающихъ были лишь массою черныхъ точекъ на бѣломъ листѣ бумаги. Иконоборство господствовало въ странѣ.

Эпоха эта представляетъ собою смѣсь и хорошаго, и дурнаго. Поверхностный отчетъ отдавался о тѣхъ суммахъ, которыя поступали въ королевскую казну послѣ всѣхъ конфискацій: королевскіе карманы, подобно бочкѣ Данаидъ, не могли быть наполнены, такъ много встрѣчалось въ нихъ диръ, чрезъ которыя монеты ускользали. А бѣдный Кранмеръ мечталъ о распредѣленіи доходовъ съ цѣлью повсемѣстнаго утвержденія въ странѣ новоочищенной религіи. Вмѣсто того шесть бѣдныхъ епископствъ (Вестминстерское, Оксфордское, Питерборогское, Бристольское, Честерское и Глочестерское) возникли на развалинахъ англій-

скихъ монастырей, которые, какъ школы, госпитали, сосредоточеніе земледѣлія и странно-пріимные дома, имѣли для страны огромное значеніе. Оттого-то и паденіе ихъ оставило тяжелыя послѣдствія, на исправленіе которыхъ потребовалось много труда и времени. Страданіе, какъ результатъ крутой, хотя и необходимой перемѣны, а вслѣдствіе него и неудовольствіе, стали удѣломъ низшаго класса англійскаго общества.

Однажды лѣтомъ 1531 г. на Темзѣ происходило открытое состязаніе двухъ разукрашенныхъ галеръ, изъ которыхъ одна носила королевскій щитъ, другая — гербъ папы. Первая одержала верхъ, причемъ кукла, изображавшая владыку Рима, была выброшена за бортъ. Этимъ дѣйствіемъ король думалъ скрыть свое отступленіе отъ прежнихъ анти-папскихъ убѣжденій; незадолго до вышеупомянутыхъ обстоятельствъ онъ снова принялъ сторону римско-католической партіи, назвалъ герцога Норфольскаго главнымъ представителемъ палаты лордовъ и подъ руководствомъ Гардинера, епископа Винчестерскаго, издалъ шесть постановленій, оказавшихъ пагубныя послѣдствія и заслужившихъ вслѣдствіе этого страшное названіе «Кроваваго Устава».

Вотъ въ чемъ заключался онъ:

1) Въ таинствѣ евхаристіи хлѣбъ и вино, сохраняя свой наружный видъ, дѣйствіемъ освященія претворяются въ истинное тѣло и кровь Христову.

2) Причащеніе подъ обоими видами отдѣльно не есть необходимое условіе для спасенія.

3) Божественный законъ воспрещаетъ вступать въ бракъ духовнымъ лицамъ.

4) Клятвы цѣломудрія должны быть одинаково соблюдаемы мужчинами, женщинами, духовными лицами и монашествующими.

5) Частнымъ обѣднямъ придается важное значеніе.

6) Устная исповѣдь считается необходимой и вполнѣ удобной.

Этотъ уставъ, угрожая смерью сопротивляющимся, прошелъ въ собраніи и парламентѣ. Немедленное сожженіе на кострѣ ожидало всякаго, уклонявшагося отъ перваго постановленія. Неисполненіе одного изъ пяти остальныхъ считалось уголовнымъ преступленіемъ; однако смерть не слѣдовала за первымъ нарушеніемъ ихъ. Недовольные Латимеръ и Шекстонъ отказались отъ епископствъ Ворчестерскаго и Саллисбюрійскаго, негодуя на утвержденіе устава. Кранмеръ же остался на своемъ посту. Положеніе относительно брака близко касалось его: онъ былъ женатъ на нѣмкѣ и имѣлъ большую семью. Въ собраніяхъ, гдѣ обсуждался статутъ, онъ особенно энергично возставалъ противъ третьяго постановленія. Убѣдившись однако, что

король непоколебимъ, Кранмеръ отослалъ жену и дѣтей въ Германію съ намѣреніемъ оставить ихъ тамъ до смерти Генриха.

Обратимся теперь къ Кромвелю. Особенно ненавистный католической партіи, благодаря своему энергичному участію въ дѣлѣ разрушенія монастырей, онъ съ ужасомъ слѣдилъ за возрастающей при дворѣ силой противниковъ. Королева - протестантка казалась ему единственнымъ противодѣйствіемъ господствующему направленію.

Король между тѣмъ уже позаботился о себѣ и сдѣлалъ честь вдовствующей герцогинѣ Миланской, попросивъ у нея руки. Герцогиня, не желая рисковать жизнью, съ благодарностью отклонила предложеніе. Кромвелю удалось вскорѣ найти подходящую, по его мнѣнію, супругу для Его Королевскаго Величества: выборъ викарія палъ на Анну, сестру герцога Клевскаго. Поселившійся въ Англіи германскій уроженецъ, Гансъ Гольбейнъ, кисти котораго мы обязаны портретами временъ Тюдоровъ, взялся срисовать герцогиню. Генриху понравился портретъ и онъ пожелалъ жениться на оригиналѣ. Пріѣхавъ для сватовства въ Рочестеръ и увидѣвъ рослую, невозмутимую Анну, король вскипѣлъ бѣшенствомъ на всѣхъ участниковъ въ этомъ сватовствѣ. Однако онъ женился на герцогинѣ 5 января 1540 г., но менѣе чѣмъ черезъ полгода, назначивъ королевѣ пенсію, развелся съ нею въ пользу юной красавицы Кэтъ Говардъ, племянницы Норфолька. Ее встрѣтилъ король безъ сомнѣнія совершенно случайно за обѣдомъ у епископа Винчестерскаго. Около этого времени вліяніе Кромвеля на Генриха начинаетъ замѣтно ослабѣвать. Враги, окружавшіе престолъ, доносили на викарія и подрывали значеніе его въ глазахъ короля. Кромвель самъ приготовилъ себѣ погибель. Послѣ того какъ всѣ обвиненія приняли опредѣленную форму, онъ сталъ просить себѣ суда пэровъ, но получилъ отказъ. Когда возбуждался вопросъ о главенствѣ, король, съ помощью парламента и самого Кромвеля, провелъ деспотическій законъ о лишеніи подсудимаго права защиты. Это обстоятельство порѣшило разомъ судьбу главнаго викарія: его предали казни 28 іюня 1540 г., 11 дней спустя Генрихъ вступалъ въ бракъ съ Кэтъ, которая тоже погибла на плахѣ въ февралѣ 1542 г. Послѣдней женой Генриха была Екатерина Парръ, вдова лорда Латимера, пережившая своего царственнаго супруга.

Въ послѣдніе годы царствованія Генриха, Англія вела войну съ Франціей и Шотландіей, связанными тогда самыми тѣсными узами согласія. Шотландія подчинялась еще вліянію Рима, хотя воспоминаніе о мученикахъ (о Патрикѣ Гамильтонѣ напр., сожженномъ въ Сентъ-Андру 1528 г.) дѣйствовало съ полной силой. Возникновеніе войны въ то время можетъ быть приписано глав-

нымъ образомъ интригамъ кардинала Бетона, имя котораго является запятнаннымъ на страницахъ исторіи Шотландіи. Обнадеженный небольшимъ успѣхомъ у Галидонъ Рига, шотландскій король Іаковъ V собралъ въ темную ноябрскую ночь 10,000 человѣкъ войска (1542 г.) подъ предводительствомъ неопытнаго Оливера Синклера, приказавъ ему перейти границу. Нѣсколько часовъ спустя, армія эта была разбита при Сольвей-Моссѣ *) горстью фермеровъ изъ Кумберлэнда. Извѣстіе о пораженіи сильно подѣйствовало на короля. Онъ вскорѣ умеръ въ Фальклэндѣ, поручивъ женѣ своей, француженкѣ Маріи де-Гизъ, воспитаніе малолѣтней королевы, дочери, родившейся за двѣ недѣли до его смерти.

Франція глубоко сочувствовала тогда судьбѣ Шотландіи, а потому Англія, принявъ участіе въ возгоравшейся войнѣ, сдѣлалась сторонницей императора. Англійское войско, считавшее въ рядахъ своихъ нѣсколькихъ главнѣйшихъ представителей тогдашняго двора, отправилось сражаться съ французами во Фландріи. Въ слѣдующемъ 1544 г. англійскіе солдаты заняли Булонь. Но тутъ Карлъ нашелъ удобнымъ прекратить участіе въ войнѣ и заключилъ съ Францискомъ миръ въ Крепи **) 19 сентября 1544 г., оставивъ Генриха одного въ его борьбѣ съ Франціей ***).

Намѣреваясь однимъ рѣшительнымъ ударомъ уничтожить противника, Франція снарядила громадный флотъ для нападенія на берега Англіи. Изъ Сены въ Солентъ прибыло 200 судовъ съ 60,000 экипажа. Англія приготовилась къ битвамъ. Флагъ лорда Лайля развивался на мачтѣ большаго судна «Great Harry», вокругъ гигантскаго корпуса котораго толпилось около 60 мелкихъ парусовъ. Сначала легкія французскія галеры съ длиннымъ остріемъ на носу причиняли сильный вредъ англійскимъ кораблямъ. Высадка на островъ Вайтъ оказалась неудачной для французскаго флота, который потомъ безцѣльно отплылъ по направленію къ Сельси-Биллю. Произошла нерѣшительная стычка при Шорегэмѣ ****), и въ слѣдующую же ночь французскіе корабли, на которыхъ господствовали повальныя болѣзни, направили паруса свои къ родному берегу. Англійскій флотъ тоже потерпѣлъ отъ заразы.

---

*) Сольвей-Моссъ—болото въ Дюмфришэрѣ между Гретной и Эскомъ.

**) Крепи или Креспи Валуа, городъ, отстоящій на 13 миль южнѣе Компьежа въ департаментѣ Оазы.

***) Гранаты, изобрѣтеніе французскаго инженера, находившагося въ службѣ у англійскаго короля, впервые появились во время этой войны.

****) Шорегэмъ, городъ въ Сусексѣ, 24 мили, юго-вост. Чичестера. Прежній портъ находился на цѣлую милю внутрь страны.

Бросимъ теперь взглядъ на дальнѣйшій ходъ реформаціи. О «Книгѣ епископовъ» уже было говорено. Вскорѣ за ней вышло сочиненіе (1540 г.) подъ заглавіемъ: «Ученія и знанія, необходимыя для христіанина», въ которомъ снова признавалось семь таинствъ. Третье изданіе этого произведенія, напечатанное въ 1543 г., извѣстно подъ заглавіемъ «Книги короля», изъ-за предисловія, написаннаго Генрихомъ. Первый шагъ къ знаменитому литературному произведенію послѣдующаго царствованія былъ сдѣланъ въ ту минуту, когда англійскій языкъ сталъ употребляться при богослуженіи.

Въ 1544 г. Персонъ, Тествудъ и Фильмеръ были сожжены въ Виндзорѣ за отступленіе отъ правилъ обнародованнаго устава. Но изъ лицъ, пострадавшихъ въ эту эпоху, наибольшее участіе возбуждаетъ къ себѣ Анна Аскью, уроженка Линкольншэра. Отверженная отцемъ и мужемъ за свое стремленіе къ истинѣ, Анна часто проводила время за чтеніемъ Библіи въ соборѣ, куда желающіе сходились слушать ее. Арестованная въ Лондонѣ и заключенная въ Ньюгэтъ, героиня не унывала. Предъ судомъ въ Гильдгаллѣ она изложила свой взглядъ на пресуществленіе съ такою ясностью и рѣшимостью, что тотчасъ же подверглась смертному приговору. Анна Аскью и трое другихъ сообщниковъ были преданы сожженію передъ церковью Св. Варѳоломея 16 іюня 1546 г. Страшные костры пылали и въ Шотландіи. Въ праздникъ майскаго дня Джоржъ Вишартъ, которому вѣрный Ноксъ сопутствовалъ съ оружіемъ въ рукахъ во время его странствованій съ проповѣдническими цѣлями, былъ повѣшенъ и сожженъ въ виду древняго замка Св. Андрея. Жестокій Давидъ Бетонъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на предсмертныя страданія этого истиннаго Христова воина. Вскорѣ послѣ описаннаго событія, разъяренная толпа гражданъ бросилась при звукахъ набатнаго колокола къ стѣнамъ замка и остановилась, пораженная ужасомъ при видѣ кардинала, висящаго на опаленной рукѣ и ногѣ. Партія папы потеряла со смертью Бетона всякое значеніе въ Шотландіи.

Заговоръ, въ которомъ главными участниками являются герцогъ Норфолькскій и сынъ его, графъ Соррей, извѣстный поэтъ, нарушилъ спокойствіе послѣднихъ лѣтъ жизни Генриха. Норфолькъ былъ однимъ изъ представителей католической партіи въ Англіи, а потому его легко было заподозрить въ стремленіи возстановить папскую власть въ королевствѣ. Соррей дѣйствовалъ болѣе открыто. Пользуясь правомъ (въ качествѣ побочнаго потомка Плантагенетовъ) имѣть гербъ Англіи во второй четверти своего щита, онъ вздумалъ перевести эти герольдическіе знаки въ первую четверть, что дозволялось только наслѣднику престола. Этимъ дѣйствіемъ онъ думалъ, въ случаѣ вѣро-

ятно уже близкой кончины короля, поддержать право отца своего на протекторатъ. Изобличенный въ измѣнѣ — онъ былъ убитъ. Норфолька заключили въ темницу, но смерть Генриха спасла его отъ казни. Протекторатъ вступилъ въ права свои. Графъ Гертфордскій, дядя молодого короля, принялъ титулъ герцога Соммерсетскаго. Кромѣ него представителями совѣта были еще архіепископъ Кранмеръ, лордъ-канцлеръ Вріотлей, получившій графство Сутгемптонское, и Лайль, графъ Варвикъ. Сильная рука, разорвавшая нѣкогда оковы папскаго владычества только для того, чтобы замѣнить ихъ другими, болѣе удобными для королевской власти, была сокрушена теперь могуществомъ смерти. Лица, тяготившіяся исполненіемъ Устава и тому подобныхъ законоположеній, смѣлѣе выражали теперь свои убѣжденія. Настроеніе умовъ тотчасъ же высказалось въ уничтоженіи образовъ и картинъ, написанныхъ на церковныхъ стѣнахъ. Ридлей, глава Пемброкъ-Галя въ Кембриджѣ, возсталъ противъ иконопоклоненія и употребленія святой воды при церковныхъ обрядахъ. Архіепископъ Кранмеръ постомъ питался мясомъ въ ресторанѣ Ламбетъ-Палэса. Но крестьянское сословіе, какъ и всегда, съ меньшей энергіей отнеслось къ перемѣнамъ, происшедшимъ въ религіозномъ вопросѣ. По смерти Генриха, успѣхъ реформаціоннаго направленія, ничѣмъ уже болѣе не стѣсняемаго, возраталъ съ необычайною быстротою. Въ числѣ многихъ нововведеній, по инициативѣ Кранмера издана была и книга проповѣдей для руководства и поученія менѣе образованной части духовенства.

Брачный союзъ молодого Эдуарда съ маленькой Маріей Шотландской былъ любимой мечтой покойнаго короля Генриха, который, умирая, завѣщалъ Гертфорду осуществить это желаніе. Предложеніе англійскаго короля было принято шотландскимъ собраніемъ въ 1543 г., но Франція возстала противъ столь угрожающаго ей союза. Соммерсетъ весьма неосновательно сталъ предъявлять права свои на шотландскій престолъ: подобное стремленіе два столѣтія тому назадъ навлекло безчисленныя бѣдствія на обѣ страны. Однако политическій шагъ этотъ сильно воспрепятствовалъ осуществленію завѣтной мечты Генриха. Дѣло дошло наконецъ до оружія. Собравъ у Бервика армію въ числѣ 14,000 человѣкъ пѣхоты, 4,000 кавалеріи и 15 пушекъ, протекторъ перешелъ Твидъ и, не теряя изъ вида слѣдовавшаго за нимъ флота, скоро замѣтилъ бѣлѣвшіяся палатки шотландскихъ войскъ на берегу Эска въ Мюссельборо. Позабывъ о религіозномъ и сословномъ различіи, Шотландія единодушно принялась отстаивать прежнюю свободу королевства. Надѣясь на свои силы, шотландское войско перешло рѣку; желая лишить англичанъ возможности отступленія, оно намѣревалось занять

высоты, расположенныя за англійскимъ арріергардомъ, но Сомерсетъ предупредилъ исполненіе намѣренія. Тогда началось сраженіе при Пинки-Клёй.

Англійская кавалерія, направившись чрезъ сырую пашню, была разбита отрядомъ шотландскихъ пикенеровъ, которые, преслѣдуя отступающаго непріятеля, вскорѣ сами подпали подъ градъ пуль и стрѣлъ: ряды ихъ были разстроены и обращены въ бѣгство. Кавалерія съ возобновленными силами снова отбросила ихъ къ своимъ резервнымъ отрядамъ, и регентъ Арранъ началъ отступать. Черезъ нѣсколько мгновеній оба откоса покрылись бѣгущими шотландцами, бѣлая одежда которыхъ бросалась въ глаза преслѣдующему ихъ непріятелю. Побѣдоносный протекторъ вернулся въ Англію, увѣнчанный негромкой славой. Шотландцы потеряли Пинки, но отстояли королеву. Спасли ли они этимъ дѣйствіемъ отечество отъ неурядицъ или навлекли ему много бѣдъ — рѣшить трудно. Между тѣмъ одно событіе смѣнялось другимъ по волѣ Провидѣнія. Маріи не суждено было вступить въ супружество съ Эдуардомъ. «Наставленія и проповѣди», изданныя Кранмеромъ, распространившись среди англійскаго духовенства, встрѣтили много недовольныхъ. Особенно сильно не понравились онѣ лондонскому епископу Боннеру и Винчестерскому Гардинеру, которые за сопротивленіе были заключены въ Флитской тюрьмѣ.

Открытіе парламента въ ноябрѣ 1547 г. было предвозвѣстіемъ большихъ перемѣнъ, которымъ подверглись англійскіе статуты: многіе изъ нихъ, какъ напр. Кровавый уставъ и гнусные указы временъ Генриха IV и Генриха V, были уничтожены, а другіе (законъ Слова и законъ о верховенствѣ или главенствѣ), неисполненіе которыхъ влекло за собой обвиненіе въ уголовномъ преступленіи, утратили прежнее значеніе.

Большая опасность угрожала протекторату вслѣдствіе заговора лорда Сеймура Судлейскаго, генералъ-адмирала Англіи. Этотъ безразсудный, безнравственный человѣкъ женился на вдовствующей королевѣ, Екатеринѣ Парръ, несмотря на то, что давно имѣлъ намѣреніе искать руки принцессы Елизаветы, которая, по его мнѣнію, могла вполнѣ соотвѣтствовать стремленіямъ самолюбія. Скоропостижная смерть Екатерины дала лорду возможность приняться за осуществленіе своей мечты; онъ дѣйствовалъ хитро и энергично и, желая быть на все готовымъ, сталъ выливать пушки и ядра, заключивъ съ завѣдывающимъ монетнымъ дворомъ условіе, по которому во всякое время могъ получать желаемую сумму денегъ. Считая арестъ короля необходимымъ для своихъ цѣлей, онъ прибѣгнулъ къ помощи пиратовъ, которые цѣлыми роями плавали по англійскому фарватеру. Дѣла не могли однако оставаться въ такомъ положеніи: за на-

меками послѣдовалъ рѣшительный ударъ. Послѣ того, какъ билль о гражданской смерти прошелъ въ палатѣ лордовъ, заговорщикъ былъ казненъ въ мартѣ 1549 г. Къ этому же времени относятся и возстанія, волновавшія внутреннія части государства. Неудовольствія эти имѣли много оснований. Такъ крестьяне не могли забыть еще указа, который повлекъ за собою разрушеніе монастырей. Серебряная монета утратила прежнее достоинство. Земледѣльцевъ раззоряли двойными налогами, а потому на мѣстѣ прежнихъ цвѣтущихъ селеній остались лишь небогатыя пастбища. Скотоводство, съ цѣлью извлечь пользу изъ шерсти животныхъ, сдѣлалось теперь любимымъ занятіемъ помѣщиковъ, которые избѣгали законныхъ преслѣдованій отговоркой, что поля ихъ находятся еще въ разработкѣ, между тѣмъ какъ они только для виду проходили по нимъ плугомъ. Латимеръ, выпущенный изъ темницы послѣ смерти Генриха, какъ сынъ небогатаго помѣщика, глубоко сочувствовалъ угнетаемымъ земледѣльцамъ и энергично выразилъ свои благородныя стремленія въ проповѣди, произнесенной имъ въ Пауль'съ Кросѣ. Замѣчательныя рѣчи его произвели сильное впечатлѣніе, и члены нижней палаты горячо принялись за этотъ вопросъ. Въ Корнваллисѣ и Девонѣ возстаніе приняло религіозный оттѣнокъ. Новая литургія, составленная Кранмеромъ и одобренная парламентомъ, была прочитана въ первый разъ 9 іюня 1549 г. во всѣхъ британскихъ церквахъ, возбудивъ явное неудовольствіе жителей деревеньки Сампфорда Корнтене въ Девонскихъ дебряхъ. На слѣдующій день эти крестьяне заставили священника служить имъ обѣдню по латыни. Волненіе распространилось и далѣе. Мятежники потребовали возвращенія къ прежней вѣрѣ и обрядамъ, настаивая на уничтоженіи перевода Новаго Завѣта и другихъ книгъ Священнаго писанія. Большая опасность угрожала Эксетеру, когда его окружило войско инсургентовъ, которые перерубили всѣ водосточныя трубы и начали обстрѣливать городъ. Городской голова выдерживалъ осаду въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, но приближеніе лорда Росселя и лорда Грея изъ Гонитона и побѣда ихъ надъ упрямыми инсургентами при деревнѣ Сентъ-Мэри'съ Клистъ освободили городъ и усмирили мятежниковъ. На востокѣ въ Норфолькѣ возстаніе, возбужденное бѣдствіями земледѣльческаго класса, приняло иную форму. Робертъ Кетъ, кожевенникъ изъ Вэймондгэма, сталъ во главѣ восточныхъ бунтовщиковъ, центральный лагерь которыхъ находился на Моузегольдъ-Гилѣ. Тамъ, подъ тѣнью громаднаго дуба Кетъ производилъ судъ, а проповѣдники поучали толпу, между тѣмъ какъ вокругъ нихъ крестьяне пользовались добычей, пріобрѣтаемой ими на птичьихъ дворахъ помѣщиковъ.

Два раза Кетъ осаждалъ и бралъ Норвичъ. Наконецъ для подавленія возстанія явился честолюбивый Джонъ Дудлей, графъ Варвикскій, прежній лордъ Лайль и будущій герцогъ Нортумберлендскій, который неутомимо сталъ преслѣдовать мятежниковъ. Отецъ его, товарищъ Эмпсона, погибъ на плахѣ во времена Генриха VII. Несмотря на знатность происхожденія сынъ съумѣлъ однако бороться съ жизнью и этою борьбою достичь того высокаго положенія, лишеніе котораго было ему такъ чувствительно впослѣдствіи. При встрѣчѣ съ Дудлеемъ непокорные покинули лагерь и вышли въ открытое поле, избравъ себѣ этимъ вѣрную смерть. Ландскнехты королевской арміи стрѣляли такъ искусно, что необученная масса не могла выдержать ихъ дружныхъ выстрѣловъ. Многихъ изъ бунтовщиковъ повѣсили на дубѣ. Кетъ съ братомъ, допрошенные въ Лондонѣ, подверглись той же участи—одинъ въ Норвичѣ, другой въ Веймондгэмѣ.

Тайное несогласіе съ давнихъ поръ стало уже возникать между протекторомъ и совѣтомъ. Гордость и роскошная жизнь Соммерсета возбуждали ненависть и зависть въ средѣ, окружавшей его. Дворецъ, воздвигнутый протекторомъ на развалинахъ церкви, далъ поводъ къ многимъ подозрѣніямъ; по мѣрѣ того, какъ возвышались великолѣпныя стѣны зданія, богатство Англіи упадало. Казалось, что побѣда при Пинки Клёй вскружила Соммерсету голову. Въ совѣтѣ скоро возникъ противъ него заговоръ, душой котораго является Варвикъ. Когда же къ бѣдствіямъ междоусобія, едва подавленнаго дорогою цѣною крови, присоединилось опасеніе потерять Булонь и возможность новой войны съ Франціею, то Соммерсета разомъ отстранили отъ протекторства, въ которомъ пробылъ онъ около трехъ лѣтъ, и заключили въ Товеръ. Лишивъ его должности, парламентъ потребовалъ съ него часть имущества (въ количествѣ 2,000 ф. стер. ежегоднаго дохода). Затѣмъ ему возвратили свободу съ условіемъ не являться ко двору безъ разрѣшенія.

Въ слѣдующемъ мартѣ мѣсяцѣ французы получили Булонь, давъ за него выкупъ въ 400,000 шиллинговъ. Опасность войны миновала, и государственные люди Англіи могли свободно возвратиться къ вопросамъ внутренней политики. Въ религіозномъ духѣ времени чувствовалась дѣйствительная необходимость реформъ. Неизбѣжныя послѣдствія внезапныхъ перемѣнъ выразились въ состояніи умовъ народа.

Невозможно, чтобы люди, уничтожая образа въ церквахъ, сохраняли уваженіе къ преданію, воплощенному на ихъ стѣнахъ; на паперти церкви св. Павла бились объ закладъ и дрались на дуэляхъ; лошадиный топотъ раздавался подъ ея разукрашенными навѣсами, а дымъ на кладбищѣ отъ выстрѣловъ изъ ручныхъ ружей (новое изобрѣтеніе того времени) заявлялъ

о состязаніяхъ спортсмэновъ между могилами. Университеты пришли въ упадокъ; въ деревняхъ церковныя каѳедры занимались управляющими, сторожами, охотниками, назначаемыми безпечными или, соблюдающими собственныя выгоды, покровителями. Понадобилось всей смѣлости краснорѣчія Латимера и ему подобныхъ людей, чтобы искоренить возрастающее зло.

Мы подходимъ теперь къ послѣднимъ годамъ дѣятельности Соммерсета. Задаваясь цѣлями, исполненіе которыхъ было ему не по силамъ, онъ вовлекъ себя и націю, управляемую имъ, въ большія затрудненія. Однако любовь, которую съумѣлъ онъ пріобрѣсти въ народѣ, оправдываетъ нѣсколько многія изъ его дѣйствій. Борьба между прежнимъ протекторомъ и Варвикомъ не прекращалась; этотъ послѣдній къ безграничному честолюбію присоединялъ еще жестокость и не совсѣмъ честное отношеніе къ дѣлу вообще. Составился заговоръ для ареста и заключенія соперника Соммерсета; но Варвикъ узналъ объ угрожающей ему опасности чрезъ Пальмера и началъ противодѣйствовать заговорщикамъ. Тайно вліяя на воображеніе молодаго короля Эдуарда, онъ успѣлъ выхлопотать позволеніе заточить Соммерсета въ Тоуеръ, чтобы потомъ предать его казни. Въ одинъ изъ декабрскихъ дней, въ 5 часовъ утра, прибылъ Соммерсетъ водою въ Вестминстеръ-Голь и въ 9 явился на скамью подсудимыхъ. Жители Лондона, которые дѣйствительно любили его, толпились въ аллеяхъ парка, наполняя воздухъ проклятіями Варвику, герцогу Нортумберлендскому. 26 пэровъ и оберъ-сенешалъ составляли судъ,—рѣшено было считать Соммерсета виновнымъ въ предательствѣ, но неповиннымъ въ измѣнѣ. Результатомъ суда являлся смертный приговоръ. 22 Января онъ взошелъ на эшафотъ въ Товеръ-Гилѣ и, стоя на колѣняхъ, приподнялъ свою красивую голову, обращаясь къ народу. Послѣ его смерти многіе мочили платки въ кровь страдальца въ память благонамѣреннаго, но малодушнаго человѣка; можетъ быть при другихъ условіяхъ Соммерсету удалось-бы заслужить себѣ лучшей славы.

Между тѣмъ Кранмеръ въ тиши своего кабинета въ Ламбетъ-Палэсѣ неусыпно трудился надъ переводомъ богослужебныхъ книгъ. Я намѣренъ привести здѣсь слова, которыя съ удивительной точностью разъясняютъ намъ одно изъ наиболѣе темныхъ мѣстъ англійской исторіи Вотъ что говоритъ Фрудъ касательно вопроса о богослуженіи: «Равно какъ въ переводѣ Библіи замѣтенъ отпечатокъ мыслей Тиндаля, такъ во все время существованія англиканской церкви образъ Кранмера будетъ отражаться на страницахъ ея богослужебныхъ книгъ. Хотя лучшія части литургіи заимствованы имъ изъ «Служебника», однако тѣ же молитвы, передѣланныя другими, не могли бы произвес-

ти того впечатлѣнія, какое оказываютъ слова Кранмера на душу каждаго англичанина. Переводы и обращенія, которые принадлежатъ собственно викарію, отличаются тѣмъ же звучнымъ языкомъ и дышатъ душевною простотою. Пока Кранмеръ держался собственныхъ убѣжденій и не поддавался чуждому вліянію, чувства его отличались наибольшей гуманностью и патріотизмомъ. Уважая достоинства прошлаго, онъ сознавалъ въ то же время необходимость многихъ реформъ. Къ таинствамъ не относился онъ съ суевѣріемъ идолопоклонника, но считалъ ихъ назначенными свыше, а потому въ особенности святыми.

Литургія, возникшая на правильныхъ началахъ, помраченная, однако, впослѣдствіи вреднымъ вліяніемъ, является единственнымъ установленіемъ этого злополучнаго царствованія. Появившись на свѣтъ преждевременно, навязанная народу слишкомъ крутою мѣрою, она все-таки отвѣчала дѣйствительнымъ требованіямъ націи. Народъ сопротивлялся порядку новаго богослуженія только потому, что ему настойчиво предлагали его; но выдержавъ всевозможные перевороты, учрежденіе это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ какъ о самомъ себѣ, такъ и о достоинствѣ своего составителя».

Великій трудъ опредѣленія сущности и порядка англиканскаго богослуженія былъ оконченъ въ 1552 г. Начало свое ведетъ онъ съ часослова Генриха VII, затѣмъ слѣдуетъ литія, потомъ—первая книга для причастниковъ, въ 1549 г.—молитвенникъ и наконецъ дополненный служебникъ. Къ этому же времени относится раздѣленіе символа вѣры англиканской церкви на 42 члена.

Послѣдніе годы царствованія были наполнены интригами Нортумберленда, жертвою которыхъ сдѣлалась юная Іоанна Грей, старшая дочь герцога Суффолька, правнучка Генриха VII. Въ случаѣ объявленія принцессъ Маріи и Елизаветы незаконнорожденными и отстраненія отъ престола маленькой королевы Шотландской, Іоанна имѣла полное право назвать себя королевой Англіи. Эта скромная, 15 лѣтняя дѣвушка, получившая исключительное для того времени образованіе, предпочитала книги и уединеніе—блеску и пышности свѣтскаго общества. Вступивъ въ бракъ съ Генрихомъ Дудлеемъ, четвертымъ сыномъ герцога Нортумберлендскаго, она, ссылаясь на молодость свою, просила позволенія не покидать родительскаго дома. Горькихъ слезъ стоило ей промѣнять прежнее житье на корону, которой она и не помышляла добиваться. Глубоко поразило Іоанну извѣстіе о смерти короля Эдуарда, товарища ея дѣтскихъ лѣтъ, который, умирая, завѣщалъ ей престолъ. Порученный уходу какой-то неизвѣстной женщины, онъ скончался 6 іюля 1553 г. отъ чахотки и непонятныхъ симптомовъ, выразившихся въ отпаденіи ногтей и суставовъ пальцевъ.

Тогда началось десяти-дневное правленіе Іоанны. Провозглашенная королевой въ Лондонѣ при зловѣщемъ молчаніи окружающей толпы, она медлила на самыхъ ступеняхъ трона, пока Нортумберлендъ съ отчаянной энергіей стремился къ давно-желаемой цѣли. Однако національное чувство гражданъ слишкомъ сильно противодѣйствовало его замысламъ; онъ былъ заключенъ въ тюрьму, а принцесса Марія превозглашена королевой при торжественныхъ кликахъ лондонскаго населенія. (19 іюля).

Вступленіе на престолъ Маріи было началомъ короткой, но сильной реакціи въ исторіи реформаціи, потому что королева выказывала явную приверженность къ католицизму. Признанная незаконной дочерью супруги, отверженной королемъ, она, естественно, могла глубоко сочувствовать тѣмъ перемѣнамъ, которыя, говоря языкомъ политическимъ, основывались частью на униженіи ея матери. Въ теченіе предшествующаго царствованія ничто не могло принудить Марію измѣнить своимъ убѣжденіямъ; при восшествіи на престолъ она съумѣла воспользоваться своей энергіей; гранитная скала превратилась въ огнедышащій вулканъ, лава котораго стремилась подорвать только что заложенное основаніе реформатской церкви. Королева освободила Гардинера, Боннера, Тинстэля, Дея, Гита, заключивъ на мѣсто ихъ Ридлея, Латимера, Кранмера и другихъ реформаторовъ. Чтобы избавиться отъ интригъ Нортумберленда, она назначила Гардинера—канцлеромъ. Отреченіе отъ протестантизма и крестъ, начерченный Нортумберлендомъ на опилкахъ, не спасли его отъ казни: онъ былъ обезглавленъ въ Товеръ-Гилѣ въ присутствіи сыновей погубленнаго имъ Соммерсета. Нѣкоторые изъ приверженцевъ его остались еще въ живыхъ, но участь ихъ была уже рѣшена.

Теперь снова выступаетъ на сцену извѣстный намъ Регинальдъ Поль, который въ своихъ заальпійскихъ произведеніяхъ такъ энергично и остроумно обличалъ поступки отца новой королевы. Тотчасъ по воцареніи Маріи, Поль, почти утратившій національность вслѣдствіе долгаго пребыванія въ Италіи, былъ назначенъ папскимъ легатомъ въ Англію. Между тѣмъ тайный посолъ изъ Рима, получивъ аудіенцію королевы, узналъ, что она не можетъ принять легата до тѣхъ поръ, пока не заключитъ брачнаго союза, который увеличилъ бы прочность папскихъ интересовъ въ ея владѣніяхъ; при этомъ Марія заявила о своей полной и непоколебимой преданности престолу римскаго владыки. Не успѣлъ посолъ покинуть Англіи, какъ католическія обѣдни были возобновлены и съ радостью приняты жителями наименѣе цивилизованныхъ мѣстностей страны.

Иниціатива супружества, главная цѣль котораго состояла въ возстановленіи католицизма въ Англіи, принадлежитъ импера-

тору Карлу. У него былъ сынъ Филиппъ, десятью годами моложе королевы, который игралъ впослѣдствіи извѣстную роль въ судьбѣ Нидерландовъ. Въ жилахъ Маріи текла чисто испанская кровь. Союзъ Англіи съ Испаніей и Фландріей долженъ былъ кромѣ того затмить гордаго сосѣда ея—Францію. Марія медлила изъявлять согласіе, но народъ единодушно возсталъ противъ этого супружества.

Неудовольствія, тайно возбуждаемыя Франціей, скоро превратились въ возстаніе. Сэръ Питеръ Керью, послѣ неудачной попытки возмутить Девонширцевъ, бѣжалъ во Францію. Сэръ Ѳома Віетъ, сынъ поэта, друга Сюррея, дѣйствовалъ сначала съ нѣкоторымъ успѣхомъ; между тѣмъ какъ онъ возмущалъ Кентъ, слѣдуя по тому же пути, который довелъ Тэйлера и Кете до могилы, герцогъ Суффолькскій, отецъ Іоанны Грей, сдѣлалъ неуспѣшный приступъ къ Ковентрэ. Не имѣя возможности пройти по Лондонскому мосту, Віетъ съ уменьшенными силами направился къ Кингстону, безъ труда перешелъ Темзу и вступилъ въ Лондонъ, гдѣ его ряды были разъединены, а самъ онъ арестованъ. Возстаніе это тоже закончилось рядомъ казней: первыми пострадали Іоанна, супругъ ея и старый герцогъ, отецъ; Віетъ, подобно имъ, не избѣгнулъ своей участи. Принцессѣ Елизаветѣ угрожала опасность: если бы возстаніе привело къ благопріятнымъ результатамъ, приверженцы ея возвели бы ее на престолъ. Вслѣдствіе этого сторонники королевы Маріи нашли необходимымъ заключить Елизавету въ темницу, и мрачныя ворота Товера со стороны Темзы, извѣстныя подъ именемъ «воротъ измѣнниковъ», съ шумомъ захлопнулись за принцессой. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ тюремщики, не смѣя противиться общественному мнѣнію, перевезли Елизавету изъ темницы въ Вудстокъ.

Когда же къ берегамъ Англіи присталъ наконецъ давно ожидаемый женихъ, въ Солеитѣ, изъ боязни крейсеровъ, не раздалось ему въ салютъ ни одного выстрѣла. Его осунувшаяся физіономія подъ цвѣтъ желтымъ волосамъ и бородѣ носила отпечатокъ морской болѣзни и страха попасться французамъ.

Подъ сильнымъ дождемъ прибылъ Филиппъ верхомъ въ Винчестеръ, гдѣ Марія съ нетерпѣніемъ ожидала его. За обрученіемъ послѣдовало вѣнчаніе; этимъ дѣйствіемъ какъ-бы сковывался прочный союзъ Англіи съ католической церковью. Около года оставался новобрачный при англійскомъ дворѣ, въ которомъ не находилъ и не возбуждалъ ровно никакого сочувствія.

Въ томъ же году легатъ, кардиналъ Поль, прибылъ въ Англію черезъ Дувръ. Плывя въ изящномъ катерѣ, украшенномъ соребряннымъ крестомъ, отъ Гревзенда въ Лондонъ, итальянская свита кардинала съ изумленіемъ обратила вниманіе на при-

ливъ и отливъ, которыхъ имъ не удавалось видѣть въ родномъ Тибрѣ. На крыльцѣ Вайтъ Голя легатъ очутился въ объятіяхъ короля и королевы, которые встали изъ-за обѣденнаго стола, чтобы привѣтствовать представителя священной особы папы Іуліана. Затѣмъ кардинала помѣстили въ Ламбетъ-Палэсѣ вмѣсто бѣднаго Кранмера, заключеннаго въ одномъ изъ Тоуерскихъ казематовъ. Недѣлю спустя по прибытіи, Поль, осанка котораго изобличала знатность его происхожденія отъ Плантагенетовъ, окруженный толпою англичанъ и испанцевъ (двухъ элементовъ, не могшихъ слиться) провозгласилъ надъ колѣнопреклоненнымъ королемъ и рыдающей королевой высокомѣрныя слова формулы разрѣшенія; ими Англія снова принималась въ лоно католической церкви.

Вольнодумство, возраставшее въ Англіи въ теченіе 30 лѣтъ, не могло быть сразу вполнѣ подавлено. Указы Генриха VIII съ ихъ антипапскими стремленіями были тотчасъ же уничтожены содѣйствіемъ Гардинера, который имѣлъ сильное вліяніе на обѣ палаты парламента. Духовенство потребовало своихъ прежнихъ правъ и получило многія изъ нихъ. Но въ двухъ пунктахъ придворная партія встрѣтила сильную оппозицію со стороны членовъ нижней палаты: приверженцы Маріи не могли добиться у нихъ соглашенія на коронованіе Филиппа и на отстраненіе Елизаветы отъ престолонаслѣдія.

Сѣти ярыхъ приверженцевъ католицизма были разставлены по всей странѣ; тюрьмы наполнились еретиками, обреченными на сожженіе. Ревностная дѣятельность этой антиреформаціонной партіи сломила всѣ опоры протестантизма: главные представители очищенной вѣры стояли обнаженными въ жгучемъ пламени горнилъ. Во всякомъ приходѣ велась книга, въ которую вписывались имена обращавшихся къ католицизму до назначеннаго срока, т. е. до Пасхи. Роджерсъ, каноникъ собора Св. Павла, и благодѣтельный Гуперъ, епископъ Глочестерскій, вызванные на судъ въ церковь Сутгэмптона передъ Гардинеромъ, Боннеромъ и другими, и нежелавшіе отказаться отъ своихъ убѣжденій, были приговорены къ смертной казни. Роджерса заключили въ Ньюгетъ, а Гуперъ нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ на гнилой соломѣ въ сырой Флитской тюрьмѣ. Сначала умеръ Роджерсъ: онъ два раза просилъ допустить къ себѣ жену, но получалъ отказъ. На пути въ Смитфильдъ ему удалось видѣть ее, окруженную дѣтьми, и слышать ея радостныя восклицанія, которыми она выражала, что непреклонная вѣра и справедливое чувство гордости заглушали въ сердцѣ ея страданіе при видѣ умирающаго мужа. Гупера перевезли въ Глочестеръ и здѣсь на площади (въ виду городского училища) въ холодное и сырое февральское утро его окружили связками хво-

роста. Вѣтеръ, какъ бы отпѣвая его, завылъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ большого вяза, подъ которымъ онъ часто проповѣдывалъ. Толпа стекалась къ страдальцу. Взрывъ пороха, привязаннаго къ его членамъ, не ошеломилъ его. Отсырѣвшій хворостъ едва горѣлъ; вѣтеръ раздувалъ пламя. Страшна была эта медленная пытка, но Гуперъ спокойно выдерживалъ ее около трехъ четвертей часа. Подобная смерть могла, конечно, поселить твердость въ сердцахъ многихъ усумнившихся. Въ тотъ же день въ Ольдгемскомъ пустырѣ былъ сожженъ и Ролэндъ Уэлоръ, ректоръ Гадлея въ Суффолькѣ. Около этого же времени еще нѣсколько именъ увеличили число мучениковъ въ Англіи. Епископъ Феррорзъ погибъ на торговой площади въ Кермортенѣ, а Кердмэкеръ, имѣвшій пребенду въ Валлисѣ, сдѣлался жертвой пламени въ Смитфильдѣ. Но вѣнецъ мученичества не принадлежалъ тогда исключительно реформатскому духовенству: міряне, особенно торговое сословіе, твердо стояли за свои убѣжденія. Къ числу такихъ лицъ принадлежатъ Вильямъ Гюмтеръ, одинъ изъ лондонскихъ прикащиковъ, котораго застали за чтеніемъ Библіи въ Брентвудской церкви, и столяръ Варнъ, провожавшій Кардмэкера къ мѣсту казни. Пока дымъ отъ огней костровъ, истреблявшихъ мучениковъ, поднимался къ небу, надъ головою королевы сбирались грозныя тучи. Ея сильнѣйшее желаніе имѣть наслѣдника осталось тщетнымъ. Уступая общественному мнѣнію она должна была освободить Елизавету изъ заключенія въ Вудстокѣ. Филиппъ, скрывшій подъ видомъ строгой холодности самую отвратительную чувственность, бросилъ королеву по приказанію отца, въ душѣ котораго все болѣе и болѣе укоренялась мысль объ отреченіи отъ престола.

Въ темницѣ оставались еще трое изъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ реформаціонномъ движеніи. Поль собралъ комитетъ, чтобы разобрать дѣло Кранмера, Латимера и Ридлея: они предстали на судъ трехъ католическихъ епископовъ въ Оксфордѣ. «Въ черномъ плащѣ, опираясь на палку», Кранмеръ первый появился передъ алтаремъ церкви Св. Маріи, куда собрался комитетъ. Обвиняемый въ ереси и измѣнѣ, примасъ рѣшительно отвергъ авторитетъ римскаго епископа съ достоинствомъ и спокойствіемъ, отвѣчая на всѣ упреки королевскихъ прокуроровъ. Рѣшили продлить заключеніе Кранмера. Ридлей и его знаменитый сообщникъ судились въ духовномъ училищѣ. Окровавленный мечъ Генриха снова пошелъ въ дѣло. На вопросъ касательно ихъ вѣры въ пресуществленіе подсудимые тотчасъ дали рѣшительный отвѣтъ, который былъ признанъ судьями за отъявленную ересь. Простымъ и убѣдительнымъ языкомъ, который сообщалъ проповѣдямъ Латимера главную двигательную силу въ дѣлѣ англійской реформаціи, отста-

ивалъ 80-лѣтній старецъ свои убѣжденія. Поль надѣялся доводами испанскихъ монаховъ повлiять на убѣжденіе этихъ людей, но подобная мысль была, конечно, мечтою. 16 октября подсудимыхъ вывели на казнь: Ридлея, тщательно одѣвшагося въ черное мѣховое платье, въ мѣховой, бархатный палатинъ и бархатную шапку, — благороднаго Латимера въ томъ же одѣяніи, въ которомъ онъ явился предъ судомъ, т. е. въ изношенной бристольской фризѣ, въ платкѣ и въ ночномъ колпакѣ. Ридлей, снявъ одежду, предназначилъ друзьямъ своимъ нѣкоторые предметы на память: любимому другу—часы, прочимъ—новый гротъ, мускатныхъ орѣховъ, имбирныхъ лепешекъ. Подъ изношеннымъ платьемъ Латимера виднѣлся новый бѣлый саванъ. Шеи страдальцевъ обвязали порохомъ; затѣмъ зажгли хворостъ. Вдругъ изъ пламени костра послышались пророческія слова знаменитаго Латимера: «Не унывай, мистеръ Ридлей! Мужайся: мы сегодня съ Божьей помощью зажигаемъ въ Англіи огонь, который, надѣюсь, никогда не потухнетъ». Съ этими словами старецъ скончался, ошеломленный взрывомъ пороха. Бѣдный Ридлей, чувствуя пламя, медленно охватывавшее ему ноги, жалобно воскликнулъ: «Усильте огонь, я не могу сгорѣть!» Одинъ изъ близъ стоявшихъ сторожей подправилъ хворостъ, порохъ вспыхнулъ, и черезъ минуту на цѣпяхъ остался лишь обугленный трупъ страдальца.

Кроткій, застѣнчивый Кранмеръ, хотя и не самый главный изъ англійскихъ реформаторовъ, но справедливо заслужившій названіе отца англиканской церкви, смотрѣлъ на пытку изъ окна своей тюрьмы. Этимъ хотѣли напугать его и заставить отречься отъ прежнихъ убѣжденій. Неотступно уговаривалъ его и испанскій монахъ Сото въ надеждѣ склонить примаса на свою сторону.

Наконецъ Кранмеръ уступилъ, казалось.

Осужденный папою и разжалованный въ соборѣ Христа, гдѣ Боннеръ самъ стеръ слѣды мvра, которымъ помазывали примаса при посвященіи, Кранмеръ вернулся въ келію темницы и получилъ грозное письмо Поля, въ которомъ ему обѣщали жизнь и свободу только съ условіемъ обращенія къ католичеству. Утомленный Кранмеръ задумался надъ лукавыми словами легата, и по прошествіи нѣсколькихъ дней подписалъ пять пунктовъ, свидѣтельствовавшихъ объ его отреченіи; въ послѣднемъ изъ нихъ онъ выдавалъ Лютера и Цвингли, признавалъ папу главою церкви и объявлялъ свою вѣру въ пресуществленіе, семь таинствъ и въ чистилище. Прошелъ мѣсяцъ, но дворъ не дѣлалъ ему никакихъ заявленій. Наконецъ Поль принесъ ему бумагу, составленную вѣроятно самимъ же легатомъ и изложенную въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ; Кранмеръ подписалъ её, но все-таки былъ приговоренъ къ смерти: гнусный обманъ противни-

ковъ помогъ безхарактерному старцу смыть пятно съ своей совѣсти. Въ субботу утромъ 12 марта 1556 г. шелъ такой сильный дождь, что проповѣдь, въ которой заключался приговоръ Кранмера, не могла быть произнесена подъ открытомъ небомъ. Поль, Этонскій старшина, взошелъ на каѳедру церкви св. Маріи и сталъ разъяснять причины, по которымъ совѣтъ признаетъ необходимымъ приговорить къ сожженію человѣка, отрекшагося отъ своихъ заблужденій. Кранмера обвинили, какъ главнаго распространителя ереси въ государствѣ, и когда онъ возвысилъ голосъ, всѣ ожидали, что въ виду смерти старецъ до послѣдней минуты будетъ поддерживать свое отреченіе. Каково же было всеобщее удивленіе при слѣдующихъ словахъ, произнесенныхъ имъ съ энергіей: «Теперь я долженъ покаяться въ томъ, что тяжелѣе всего лежитъ у меня на совѣсти; подписывая отреченіе, я дѣйствовалъ вопреки собственному убѣжденію изъ желанія избѣгнуть смерти. Отъ папы, какъ врага Спасителя, антихриста и ложнаго ученія его отрекаюсь; таинствамъ придаю то значеніе, которое изложилъ въ своемъ сочиненіи противъ епископа Винчестерскаго». При этомъ его прервали и повлекли къ костру, на которомъ погибли Латимеръ и Ридлей. Здѣсь онъ еще разъ подтвердилъ искренность своихъ словъ, поднявъ къ огню руку, подписавшую отреченіе, такъ, чтобы она прежде всего могла сдѣлаться добычею пламени. На слѣдующій день Поль получилъ архіепископство Кэнтербюрійское.

Заговоры, подобные возмущеніямъ Вайта и Керью, продолжали волновать Англію. Сэръ Генрихъ Дудлей, двоюродный братъ герцога Нортумберлендскаго, съ нѣкоторыми пылкими юношами поднялъ мятежъ въ пользу Елизаветы. Эшафотъ и висѣлица возстановили спокойствіе. Разбойничій морской набѣгъ на Скарборо сэра Ѳ. Стаффорда кончился тѣмъ же. Внѣшнія политическія отношенія Англіи стали однако сильно запутываться. Филиппъ, который провелъ въ Англіи часть весны 1557 г., возбуждалъ королеву къ войнѣ съ Франціей. Причина тому легко нашлась: придрались къ недавнему нападенію французовъ на Калэ при содѣйствіи бѣглыхъ англійскихъ протестантовъ. Это объявленіе войны не понравилось папѣ, который, не страшась угрозъ, лишилъ Поля сана легата, назначивъ вмѣсто него Гринвичскаго монаха Пето. Но ужаснѣе всего для кардинала было обвиненіе, присланное изъ Ватикана и гласившее, что онъ—преслѣдователь еретиковъ—самъ зараженъ язвою, которую стремится излечивать.

Первымъ сраженіемъ въ новообъявленной войнѣ была битва при Сентъ-Кентенѣ *), въ которой войско Филиппа разбило ар-

*) Городъ въ провинціи д'Энь въ сѣв. Франціи, лежащій между Шельдой и Оазомъ, въ 80 миляхъ на СВ. отъ Парижа.

мію подъ предводительствомъ коннетабля Франціи (10 августа 1557 г.). Англичане не участвовали въ этомъ сраженіи, но присутствовали при грабежѣ и штурмовали городъ.

Пришло наконецъ время, когда Англіи суждено было утратить послѣдній вещественный признакъ своего прежняго могущества надъ Франціей, лишиться свѣтлѣйшаго алмаза изъ короны. Январскіе морозы подернули уже темнымъ льдомъ болота и плотины, окружавшія Калэ съ суши, а герцогъ Гизъ, исподоволь конгрессируя силы свои около Калэ, Гамма и Гизне и растянувъ укрѣпленія на протяженіи 3 миль по берегу канала, быстро двинулся къ центру аттаки (1 января 1558 г.). Англійское войско состояло изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, дурно вооруженныхъ и мало снабженныхъ пищею. Напрасно губернаторъ, лордъ Грей, требовалъ помощи: роковое оцѣпененіе, казалось, овладѣло англійскимъ дворомъ. Плотины и шлюзы были неисправны, и Грей боялся наводненія болотъ морскимъ приливомъ, потому что соленая вода легко могла просоcаться сквозь некрѣпкія плотины въ цистерны города. Овладѣвъ Рисбанкской мелью противъ города и пристани и установивъ на ней громадную пушку, привезенную изъ Булонь, французы стали обстрѣливать городъ. Между тѣмъ въ Англіи царилъ полный безпорядокъ: люди собирались безъ оружія, корабли не были въ состояніи выдержать плаваніе по каналу, ничего не предпринималось во время. Наконецъ, когда снарядили флотъ, поднялась страшная буря. Калэ сдался 6 января. Маленькій гарнизонъ города Гизне, предоставленный самому себѣ, дѣлалъ насыпи, чтобы поддержать обрушавшіяся стѣны, и храбрый Грей отстрѣливался до тѣхъ поръ, пока у него хватало пороху. Тогда Гизъ предложилъ легкія условія мира, которыя были приняты гарнизономъ. Это было послѣднимъ и худшимъ событіемъ изъ всѣхъ неурядицъ, скопившихся въ царствованіе Маріи.

Едва ли кому изъ государей Англіи приходилось умирать при болѣе ужасной обстановкѣ: страна нуждалась въ иностранномъ займѣ, лѣтнія жары навѣяли чуму на народъ, изнывавшій отъ религіозныхъ преслѣдованій. Огни горѣли еще въ Смитфильдѣ, и когда Боннеръ (Гардинеръ умеръ до Кранмера) не поспѣлъ зажечь костры при дневномъ свѣтѣ, онъ увлекъ жертву свою въ Брентвудъ и тамъ ночью предалъ её сожженію. Пораженіе французской арміи на пескахъ Грэвелина, гдѣ англійскіе корабли отстояли нападеніе Эгмонда, было единственнымъ отраднымъ явленіемъ того времени; однако французское знамя продолжало развѣваться на Рисбенкскихъ дюнахъ. Наконецъ чума поразила злополучную Марію, давъ смертельной поворотъ ея водяной болѣзни, мѣшавшей ей въ послѣдніе годы во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Съ послѣднимъ вздохомъ королева выразила же-

ланіе, чтобы сестра ея поддерживала католицизмъ (17 ноября 1558 г.). Нѣсколько часовъ спустя скончался и Поль, во время избѣгнувъ униженія, которому вѣроятно подвергся бы при новомъ порядкѣ вещей. Тогда Елизавета, покинувъ одинокій Гетфильдъ (въ 19 мил. отъ Лондона), вступила на престолъ Англіи.

Сама королева не знала сначала, которой изъ двухъ партій отдать преимущество въ религіозномъ отношеніи, но свѣтлые умы въ ея засѣданіи, видя сочувствіе общества реформаціонному движенію, посовѣтывали ей устроить протестантскую церковь на такихъ началахъ, которыя могли бы удовлетворить слабѣйшихъ изъ послѣдователей старой вѣры. Елизавета приказала во всѣхъ церквахъ возобновить литургію временъ Эдуарда, запретила выносить дары, пріостановивъ въ то же время уничтоженіе образовъ и сохранивъ въ своей частной молельнѣ употребленіе святой воды и распятіе. Возстановивъ анти-папскіе статуты Генриха VIII и Эдуарда VI, которые были уничтожены Маріей, отмѣнивъ законъ о сожиганіи за ересь, Елизавета двумя актами перваго въ ея правленіи парламента поставила религіозный вопросъ внѣ всякихъ недоразумѣній. По первому изъ актовъ требовалось, чтобы каждый, занимавшій какую-нибудь свѣтскую или духовную должность, имѣвшій университетскую ученую степень, приносившій присягу, носившій мундиръ, клялся признать королеву единственною верховною управительницею королевства въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ; вслѣдствіе этого—никакой иностранной державѣ, никакому духовному или свѣтскому лицу не дозволялось ни подъ какимъ предлогомъ вмѣшиваться въ ея правленіе. Гитъ, архіепископъ Іоркскій, Боннеръ, епископъ Лондонскій, и Тэнстэль, епископъ Дэргэмскій, болѣе всего выдавались изъ тѣхъ 14 прелатовъ, которые скорѣе согласились отказаться отъ митры, чѣмъ принести требуемую присягу. Законъ объ «Единообразіи» требовалъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, введенія молитвенника короля Эдуарда во всеобщее употребленіе. Такъ погасла и послѣдняя надежда папы на владычество въ Англіи. Англиканская же церковь приняла 1562 г. почти ту же форму, въ которой существуетъ и понынѣ, когда 42 члена ея символа были слегка измѣнены и низведены до 39.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ новоорганизованная церковь была сильно потрясена расколомъ. Пуритане отдѣлились, не желая признавать «Установленій» 1566 года.

Очеркъ англійской реформаціи оказался бы неполнымъ безъ выясненія началъ, изъ которыхъ возникла эта замѣчательная секта, появившаяся въ отдаленныя времена исторической жизни англійскаго народа. Джонъ Виклефъ и Лолларды были пуританами въ самомъ первобытномъ смыслѣ этого слова. Только въ

правленіе Эдуарда VI начинаютъ ясно обрисовываться черты разбираемаего нами общества: творческая сила появилась съ Запада. Изданіе «Интерима» въ Германіи, неудовлетворившее многихъ, привлекло нѣкоторыхъ протестантскихъ богослововъ въ Англію. Главнымъ изъ нихъ былъ Мартинъ Буцеръ, который проповѣдывалъ идеи свои въ Кембриджѣ, подобно Петру Мартиру въ Оксфордѣ. Гуперъ, получившій санъ Глочестерскаго епископа по протекціи Соммерсета, былъ первымъ защитникомъ пуританизма. Въ спорахъ о священномъ одѣяніи онъ весьма рѣшительно настаивалъ на томъ, что не допуститъ возложенія Библіи на голову вновь-избираемымъ епископамъ и требуетъ облаченія ихъ въ палліумъ, стихарь и четыреугольную шапку. Когда, разбирая *«законъ о главенствѣ»*, онъ указалъ молодому королю, раздѣлявшему его взгляды, на встрѣтившійся тамъ терминъ «святой», Эдуардъ съ негодованіемъ зачеркнулъ это неподходящее королю слово. Сочувствіе англійскаго протестантизма въ царствованіе Эдуарда безъ сомнѣнія было на сторонѣ женевскаго религіознаго общества, душой котораго былъ Джонъ Кальвинъ. Преслѣдованіе королевы Маріи способствовало лишь къ усиленію тѣхъ убѣжденій, которыя выработались въ душѣ приверженцевъ пуританизма; чтобы избѣгнуть заключенія и смертной казни, многіе изъ нихъ покинули Англію. Во время пребыванія своего въ Европѣ они пріобрѣли отъ Кальвина и его послѣдователей тѣ взгляды на церковное устройство, которыхъ всегда стремились достичь. Болѣе выдающимся ихъ этихъ изгнанниковъ, которые сосредоточились въ Женевѣ, былъ Джонъ Ноксъ, реформаторъ Шотландіи: его-то хитрый Нортумберлэндъ напрасно старался соблазнить предложеніемъ Рочестерской митры, желая лишить права полной самостоятельности.

Фоксъ, авторъ «Законовъ и Памятниковъ», Ковердэль—всей англійской Библіи, Гриндль, Сандисъ, Бель, Джуель и многіе другіе изъ самыхъ способныхъ людей Британіи долгое время находились въ изгнаніи.

Они вернулись по восшествіи на престолъ Елизаветы, но уже раздѣлившись на 2 партіи: умѣренныхъ, центръ ихъ Франкфуртъ, и крайныхъ—съ центромъ Женевой. «Книга обыденныхъ молитвъ» сдѣлалась предметомъ ихъ несогласія, и женевцы составили отдѣльный требникъ.

По возвращеніи ихъ въ Англію, представители франкфуртской партіи получили эпархію, упраздненную вслѣдствіе удаленія прелатовъ, игравшихъ роль въ предшествующее царствованіе; женевцы, принявшіе названіе пуританъ, остались номинальной частью Англиканской церкви, пока утвержденіе закона объ управленіи подъ вѣдѣніемъ архіепископа Паркера не заставило ихъ отдѣлиться отъ господствующей въ Англіи религіи.

History of England Dr. Collier. Lond. 1868. Chapter 2 (Стр. 260 — 283).

3. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РЕФОРМАЦІЯ ВЪ АНГЛІИ.

а) Происхожденіе бракоразводнаго вопроса.

Есть нѣкоторое вѣроятіе думать, что Вольсей по личному недоброжелательству къ королевѣ жаждалъ этого разрыва, такъ какъ строго нравственная Катерина отъ всей души ненавидѣла кардинала за его легкомысленные, дерзко-властолюбивые и подчасъ даже безнравственные поступки и стремленія. Однажды, не будучи въ состояніи сдержать своего негодованія противъ Вольсея, она даже открыто и грозно упрекала его за непристойное поведеніе, а тотъ въ свою очередь поклялся въ отмщеніе за обиду, нанесенную ему, низвергнуть ее съ престола.

Это личное желаніе англійскаго министра вскорѣ нашло себѣ поддержку и въ общественномъ мнѣніи. Королева, согласно ходившимъ тогда про нее слухамъ, вовсе не была чужда событіямъ дня и въ самыя опасныя минуты нерѣдко можно было застать у нея членовъ тайнаго совѣта, съ которыми она занималась обсужденіемъ предстоявшихъ вопросовъ. Когда Вольсей повелъ съ императоромъ Карломъ V борьбу на жизнь и смерть, то вліяніе королевы, питавшей къ своему племяннику большія симпатіи, стояло ему поперегъ дороги и потому, весьма естественно, прямымъ разсчетомъ министра было его уничтожить. По понятіямъ тогдашняго времени брачные союзы должны были соотвѣтствовать политическимъ цѣлямъ государства. Такъ, вскорѣ послѣ предложенія мира между Англіей и Франціей, Жиберти совѣтовалъ устроить бракосочетаніе англійской принцессы Маріи съ французскимъ принцемъ, и переговоры, начавшіеся было между двумя королевствами, вскорѣ были прекращены только потому, что принцесса была слишкомъ молода. Послѣ же того, когда произошелъ окончательный разрывъ между Англіей и Испанско - Бургундскимъ домомъ, то, по тогдашнимъ политическимъ соображеніямъ, слѣдовало разорвать и бракъ Генриха VIII съ Катериной, а для большей неразрывности союза между Англіей и Франціей устроить бракосочетаніе между этими двумя домами. Вольсей рѣшился соединить своего короля брачными узами съ сестрой или съ взрослой дочерью Франциска I, и еще въ 1527 г. въ бытность свою во Франціи увѣрялъ регентшу, мать короля, что не пройдетъ еще и года, какъ они доживутъ до полнѣйшаго разрыва англійскаго короля съ Испанско-Бургундскимъ домомъ и до тѣснаго союза Франціи съ Англіей.

Кромѣ всѣхъ, высказанныхъ нами, внѣшнихъ побудительныхъ причинъ для разрыва брака между Генри-

хомъ VIII и Катериной, была еще и другая, заключавшаяся въ безнадежности имѣть престолонаслѣдника.

Когда король получалъ отъ придворныхъ поздравленія по случаю рожденія дочери съ пожеланіями ей всякаго рода счастья, то при этомъ ему пришлось выслушать замѣчаніе, что рожденіе сына было бы гораздо желательнѣе англійскому народу. На это Генрихъ возразилъ, что не теряетъ надежды имѣть сына, благодаря молодости его и его супруги. Но такъ какъ эта надежда постепенно исчезала, а до сихъ поръ еще не было примѣра, чтобы какая нибудь королева въ Англіи правила совершенно самостоятельно, то мало по-малу стало составляться мнѣніе, что со смертью короля престолъ его будетъ упраздненъ. Въ народѣ даже составилась партія въ пользу герцога Бокингемскаго, который называлъ себя прямымъ и ближайшимъ наслѣдникомъ престола и говорилъ, что никому не уступитъ своихъ законныхъ правъ на него. За такого рода притязанія онъ былъ казненъ и хотя право престолонаслѣдія Маріи уже болѣе не оспаривалось, но во всякомъ случаѣ странѣ предстояла сомнительная будущность, такъ какъ принцессу хотѣли выдать замужъ то за императора, то за короля или принца французскаго и, слѣдовательно, права на престолъ въ Англіи должны были перейти или къ Бургундскому дому или къ дому Валуа, что чрезвычайно было опасно для самостоятельности страны. Принимая все это во вниманіе, Генрихъ VIII только потому и сдался на соображенія Вольсея, что у него не было сына—прямого наслѣдника и представителя интересовъ Англіи.

Конечно, перечисленныхъ нами причинъ было бы въ прежнее время совершенно достаточно для развода, но по тогдашнимъ понятіямъ никто не дерзалъ не только передъ свѣтомъ, но даже и передъ самимъ собою отвергать религіозный характеръ брака и находить достаточнымъ поводомъ для развода однѣхъ политическихъ причинъ. Бракъ, этотъ тѣсный союзъ двухъ существъ, на которомъ зиждился семейный и общественный порядокъ чрезъ церковное благословеніе, получалъ значеніе, равное съ другими религіозными учрежденіями и такимъ образомъ сдерживалъ въ должныхъ предѣлахъ произволъ одного изъ бракосочетавшихся. Въ виду этого, господствовавшаго въ общественномъ мнѣніи Англіи, понятія, необходимо было къ высказаннымъ нами политическимъ причинамъ присоединить еще и церковныя. Духовникъ короля напомнилъ ему теперь тѣ опасенія, которыя возникали у всѣхъ еще раньше — передъ его женитьбой на Катеринѣ, какъ на вдовѣ его брата, и которыя основывались на постановленіяхъ закона Моисея, строго воспрещавшаго вступать въ подобнаго рода бракъ подъ страхомъ наказанія бездѣтностью. Королю ста-

ло ясно, что надъ нимъ совершилась кара гнѣва Божія, такъ какъ два сына, родившіеся отъ этого брака, умерли одинъ за другимъ вскорѣ послѣ рожденія. Къ тому же въ католической церкви издавна существовалъ не рѣшеный вопросъ — можетъ-ли папа освобождать людей отъ исполненія надъ ними постановленій Св. Писанія. Божественное же наказаніе, обрушившееся на голову короля, теперь прямо ему доказывало, что папское разрѣшеніе, на основаніи котораго только и былъ совершенъ его бракъ съ Катериной, не имѣетъ того достаточнаго значенія въ области могущества Бога, которое ему приписывали. Хотя и казалось возможнымъ, чтобы папа взялъ назадъ разрѣшеніе, данное однимъ изъ его предшественниковъ королю, тѣмъ болѣе, что подтвержденіе недостаточнаго его значенія можно было найти въ одной изъ тогдашнихъ папскихъ граматъ, но все-таки сомнѣнія короля въ силѣ папскаго разрѣшенія, не заключавшія въ себѣ ничего положительнаго и вполнѣ соотвѣтствовавшія духу времени, нельзя было выставить единственнымъ предлогомъ для расторженія брака между нимъ и королевой. Вольсей съ своей стороны надѣялся, что папа, вынужденный крайней необходимостью противупоставить могуществу императора соединенныя силы Англіи и Франціи, поневолѣ выдастъ отмѣну разрѣшенія, сущность котораго будетъ заключаться въ разрывѣ брачнаго союза; къ тому же разсчитывая на свое личное вліяніе, для котораго до сихъ поръ ничего не было невозможнаго, кардиналъ вселилъ въ Генриха твердую увѣренность, что онъ устроитъ это дѣло.

Когда желаніе англійскаго короля дошло до папскихъ приближенныхъ, то они прежде всего приняли къ свѣдѣнію ту политическую выгоду, которую могло имъ доставить его осуществленіе. Намѣреніе Генриха VIII, поселявшее между нимъ и императоромъ вѣчную и непримиримую вражду, не допускало больше и тѣни сомнѣнія въ его твердой рѣшимости стать открыто на сторону Франціи, что для многихъ прежде было нѣсколько сомнительно. Если бы и папа увѣрился наконецъ въ этой поддержкѣ и согласился бы дѣйствовать въ видахъ короля, то его рѣшеніе, затрогивавшее интересы не только личностей, но и цѣлыхъ государствъ, имѣло-бы новое значеніе и для имератора.

Папа вначалѣ былъ склоненъ дѣйствовать по общему желанію, хотя бы даже потому, что недостатокъ престолонаслѣдника въ Англіи мужескаго рода могъ вызвать междоусобныя распри, которыя должны были сильно нарушить спокойствіе церкви. Онъ только просилъ не вынуждать его начать дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдится, что ему не грозитъ больше опасность со стороны императора. И вотъ, когда весною 1528 г. французское войско побѣдоносно проникло въ Италію на помощь

неаполитанскому королю и оттѣснило императорскія войска къ столицѣ, папа отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ предложенію Вольсея о разсмотрѣніи дѣла въ Англіи. Для основательнаго его обсужденія было составлено въ г. Орвіето, въ кабинетѣ папы, бывшемъ въ одно и тоже время и его спальнею, засѣданіе изъ двухъ кардиналовъ, декана римской роты и англійскихъ уполномоченныхъ. Одинъ изъ кардиналовъ высказался противъ коммисіи, потребованной Вольсеемъ, говоря, что она противорѣчитъ постановленіямъ Римскихъ законовъ за послѣднія столѣтія; но вслѣдствіе возраженія папы—«что въ дѣлѣ, касающемся такого почтеннаго короля, въ глазахъ Римскаго престола можно и отступить отъ условныхъ формъ», было поручено кардиналу Кампеджіо, какъ другу англичанъ, и Вольсею составить коммисію для полнѣйшаго обсужденія вопроса.

Конечно, эта мѣра папы хотя и поселяла въ Англіи надежду на возможность достиженія желаемой цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не рѣшала ничего окончательно въ пользу короля. Напротивъ, папа Климентъ VII въ это же самое время давалъ и императору нѣкотораго рода успокоивающія надежды, и такимъ образомъ цѣль папы, по мнѣнію Байонскаго епископа, была—дѣйствовать такъ, чтобы держать въ зависимости отъ себя обѣ стороны. Между тѣмъ, стремясь къ заключенію мира между Англіей и Франціей, желая укрѣпить его бракосочетаніемъ короля съ принцессой и вообще возстановить повсюду мирныя отношенія, Вольсей ко всему этому присоединялъ еще намѣреніе, высказанное имъ въ одномъ изъ дружескихъ разговоровъ,—преобразовать англійскіе законы въ духовно-монархическомъ отношеніи, и только по совершеніи всего этого считалъ себя въ правѣ удалиться отъ двора и посвятить остатокъ своей жизни на служеніе Богу.

Но Вольсей сталъ нѣсколько расходиться въ мнѣніяхъ съ королемъ, что онъ и высказывалъ напослѣдокъ въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ. Генрихъ VIII, хотя и желалъ получить разводъ, укрѣпить свою династію наслѣдникомъ мужескаго рода, достигнуть дружественныхъ отношеній съ французскимъ королемъ и водворить миръ въ своемъ королевствѣ, но онъ вовсе не стоялъ за свое бракосочетаніе съ однимъ изъ членовъ французскаго двора. Генрихъ былъ на нѣсколько лѣтъ моложе своей настоящей супруги, которая, согласно испанскому обычаю, придерживалась строгой набожности и считала потерянными тѣ часы, которые она проводила за своимъ туалетомъ. Король же представлялъ собою совершенную противуположность Катеринѣ: онъ любилъ проводить время въ турнирахъ и въ веселомъ обществѣ, любилъ музыку и искусства. Не заслуживая вполнѣ названія грубаго сластолюбца, онъ однако не былъ вѣ-

ренъ своей супругѣ: на сторонѣ у него уже былъ побочный сынъ и онъ все еще продолжалъ заводить подобнаго рода отношенія.

Послѣ него осталось много писемъ, въ которыхъ полетъ фантазіи, даже нѣкоторая мягкость души перемѣшаны съ грубой чувственностью, и которыя носятъ на себѣ общій характеръ рыцарскихъ романовъ.

Генрихъ VIII былъ, между прочимъ, поклонникомъ и Анны Болейнъ, недавно пріѣхавшей изъ Франціи и отъ времени до времени показывавшейся при дворѣ; нельзя сказать, чтобы она очаровывала своей красотой, но она привлекала къ себѣ своимъ умомъ, живостью своего характера и нѣкоторою сдержанностью, и тѣмъ крѣпче привязывала къ себѣ короля, чѣмъ болѣе ему противустояла.

Хотя въ числѣ побудительныхъ причинъ, заставлявшихъ короля желать разрыва его брачнаго союза съ Катериной и играли нѣкоторую роль дѣла внѣшней и внутренней политики въ государствѣ, точно также какъ и религіозныя сомнѣнія въ силѣ папскаго разрѣшенія, но очевидно, что самою главною причиной была новая страсть короля къ Аннѣ Болейнъ, которая, впрочемъ, вполнѣ согласовалась съ разсчетами многихъ партій, составившихся въ Англіи.

Высшіе сановники королевства отъ всей души ненавидѣли Вольсея за его непомѣрную гордость, нерѣдко оскорблявшую ихъ, и за то, что онъ, занявши такой видный постъ, этимъ самымъ заставилъ ихъ нѣсколько стушеваться и отодвинуться на задній планъ. Онъ могъ имѣть и высокій церковный санъ, могъ быть осыпанъ и церковными почестями, но всетаки въ глазахъ вельможъ онъ былъ только временщикомъ и они никогда не теряли надежды на его паденіе. Вражда сановниковъ противъ Вольсея разгорѣлась еще больше, когда онъ, задумавъ привести въ исполненіе женитьбу короля съ французской принцессой, этимъ самымъ пріобрѣлъ навсегда для себя поддержку со стороны французскаго двора и сдѣлался сильнѣе, чѣмъ когда либо. Кромѣ этого, между вельможами находились лица, расположенныя въ пользу Бургундскаго дома, и хотя нельзя было сказать, что они желали въ лицѣ императора видѣть всемірнаго властителя, но въ то же время не хотѣли и сражаться противъ него. Купцы и поселяне, сбывавшіе въ Нидерланды свои шерстяныя издѣлія, въ войнѣ съ ними усматривали сильный подрывъ своей торговли, такъ что когда Вольсей убѣждалъ папу въ возможности войны съ Нидерландами, то, по увѣреніямъ Байонскаго епископа, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ странѣ, серьезно о ней думавшемъ. Кардиналъ хорошо сознавалъ всеобщую антипатію къ этой войнѣ, и лишь для выдержки собствен-

ной личности распространялся объ уловкахъ, которыя понадобятся имъ для ея осуществленія. Недоразумѣнія, возникшія между Вольсеемъ и королемъ, о которыхъ мы уже упоминали, и увеличивающаяся все болѣе и болѣе страсть короля къ Аннѣ Болейнъ—вполнѣ благопріятствовали планамъ высшихъ сановниковъ въ Англіи.

Болейны сами по себѣ были простого происхожденія, но съ нѣкотораго времени находились въ родствѣ съ знаменитыми семействами въ королевствѣ. Жофрой, родоначальникъ этого дома, благодаря нѣкоторымъ счастливымъ торговымъ предпріятіямъ и искусному веденію дѣлъ, былъ возвышенъ до званія лордъ-майора въ Лондонѣ, а сынъ его Вильямъ женился на единственной дочери рыцаря Томаса Ормонда де-Рочфорта, Карла фонъ-Валтширъ, одного ирландскаго пэра, занимавшаго видное мѣсто въ парламентѣ и пользовавшагося тамъ значеніемъ. Этотъ титулъ пэра отъ его дочерей, по наслѣдію, перешелъ къ его внукамъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Томасъ Болейнъ, получилъ званіе виконта фонъ-Рочфорта и женился на дочери герцога Норфолькскаго. Отъ этого-то брака и родилась Анна Болейнъ, занявшая впослѣдствіи почетное мѣсто въ высшемъ англійскомъ обществѣ, преимущественно благодаря вліянію ея дяди—герцога Томаса Норфолькскаго, перваго между свѣтскими министрами Генриха VIII, исправлявшаго должность главнаго казначея и, вообще, бывшаго однимъ изъ самыхъ знатныхъ вельможъ въ Англіи. Будучи чрезвычайно дѣловымъ, а также безспорно умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, онъ, естественно, долженъ былъ сдѣлаться противникомъ Вольсея, и потому склонность короля къ его племянницѣ, такъ сильно шедшая въ разрѣзъ намѣреніямъ кардинала, вполнѣ соотвѣтствовала разсчетамъ какъ герцога Норфолькскаго, такъ и его друзей.

Мало-по-малу вліяніе Анны на короля дошло до того, что разъ, по ея желанію, Генрихъ снова приблизилъ ко двору одного изъ противниковъ Вольсея, оскорбившаго послѣдняго и вслѣдствіе этого удаленнаго имъ отъ двора. Вообще для внутренней политики въ королевствѣ склонность короля къ Аннѣ Болейнъ, доходившая до явнаго желанія сдѣлать ее своей супругой, имѣла чрезвычайно важное значеніе. Намѣреніе же Генриха VIII могло легко осуществиться, такъ какъ англійскіе короли не были непремѣнно обязаны вступать въ супружество, равное себѣ по происхожденію, чему примѣромъ могъ служить Эдуардъ IV, дѣдъ Генриха VIII, который женился на особѣ, не слишкомъ знатнаго рода. Если бы и теперешній король Англіи рѣшился вступить въ бракъ съ Анной Болейнъ, то государственные сановники заранѣе предвидѣли, что Вольсей не въ состояніи будетъ удержаться на своемъ мѣстѣ, и что главная власть въ

королевствѣ перейдетъ къ нимъ, и потому не только все дворянство, но даже и старый другъ кардинала, графъ Суффолькъ, раздѣлялъ общественное желаніе, относительно бракосочетанія короля съ Анной Болейнъ.

Ко всему этому поворотъ, совершившійся въ важнѣйшихъ общественныхъ дѣлахъ Европы, сильно затормозилъ дорогу Вольсею къ выполненію его политическихъ замысловъ.

Лѣтомъ 1528 г. союзныя войска Франціи и Англіи были не только отбиты отъ Неаполя, но даже истреблены, а уже весною 1529 г. имераторъ Карлъ одержалъ побѣду и въ Ломбардіи. Такъ какъ его власть въ Италіи сдѣлалась теперь сильнѣе, чѣмъ когда либо, то понятно, что козни, только что составленныя противъ него для уничтоженія его могущества, должны были рушиться сами собою.

Папа чувствовалъ себя уже счастливымъ и оттого, что не допустилъ себя еще ближе сойтись съ союзниками. Въ виду страха новаго нападенія на него императора и положенія дѣлъ въ Тосканѣ и Церковной области, онъ сознавалъ необходимость вступить съ императоромъ въ дружескія отношенія, а такъ какъ Карлъ V близко къ сердцу принялъ дѣло своей тетки и сильно протестовалъ противъ коммиссіи, составленной въ Англіи, съ согласія папы, для обсужденія его, то Климентъ VII и долженъ былъ всячески стѣснять ходъ ея дѣлъ.

Папа охотно оказалъ-бы свое расположеніе англійскому королю, но самъ чувствуя себя, какъ говорится, между молотомъ и наковальней, не могъ открыто дѣйствовать въ его пользу. Онъ даже предлагалъ Генриху VIII различнаго рода проекты, лишь бы только король отказался отъ своего требованія, но этимъ ничего не достигъ.

Между тѣмъ оба кардинала, Кампеджіо и Вольсей открыли судебное слѣдствіе. Передъ лицемъ суда явились король и королева, были выставлены должныя статьи закона и допрошены свидѣтели.

Изъ различныхъ корреспонденцій видно, что король и Анна Болейнъ съ большою увѣренностью ожидали отъ суда скораго и благопріятнаго для нихъ рѣшенія. Вольсей тоже желалъ разрыва брачнаго союза между Генрихомъ VIII и Катериной, хотя, по мнѣнію многихъ, для осуществленія его онъ не употребилъ съ своей стороны всѣхъ усилій, которыя могъ бы употребить. Впрочемъ положеніе Вольсея сдѣлалось чрезвычайно неудобнымъ и, стремясь къ исполненію бракоразводнаго дѣла, онъ наносилъ себѣ явный вредъ, а стремиться къ прекращенію этого дѣла было окончательной его гибелью.

Подобно человѣку, зовущему на помощь въ минуту самой сильной опасности, Вольсей обращался къ французскому двору

съ увѣщаніями употребить для общаго дѣла все свое вліяніе на папу, и выяснялъ, что предпринялъ его единственно для болѣе тѣснаго соединенія Англіи съ Франціей, что оно вполнѣ разумно и возможно и что папа едва ли захочетъ оскорбить отказомъ въ просьбѣ двухъ слившихся между собою коронъ. Скоро Вольсей узналъ, что не только папа Климентъ, но даже и король Францискъ I усердно добивались мира съ императоромъ. Несмотря на это, кардиналъ все еще продолжалъ вселять въ Генриха VIII сильную увѣренность въ томъ, что Франція никогда не захочетъ отдѣлиться отъ Англіи. Однако это отпаденіе произошло и теперь; понятно, что Англія не могла ожидать отъ римскаго престола никакого благопріятнаго для себя исхода въ дѣлѣ, столь непріятномъ для императора.

Дѣйствительно, легаты получили изъ Рима строгія приказанія вести дѣло какъ можно медленнѣе и ни въ какомъ случаѣ не произносить окончательнаго рѣшенія. Такимъ образомъ, въ то время, когда король и его приближенные съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ дѣла, ожидая его окончанія, кардиналы объявили засѣданіе прерваннымъ по случаю наступленія праздниковъ Римской роты. Король до такой степени былъ возмущенъ этимъ извѣстіемъ, что даже рѣшился измѣнить характеръ управленія государствомъ, котораго придерживался до сихъ поръ. Наперекоръ всѣмъ преданіямъ англійской исторіи, до сихъ поръ Генрихъ VIII, къ великой досадѣ свѣтскихъ лордовъ, раздѣлялъ бразды правленія преимущественно съ духовными. Въ настоящее же время, будучи поставленъ въ такое положеніе, онъ обратился къ лордамъ съ жалобой на поведеніе обоихъ кардиналовъ. Тогда Суффолькъ съ нѣкоторыми другими лордами явились въ залу засѣданія коммиссіи и потребовали отъ Кампеджіо и Вольсея непремѣннаго окончанія дѣла, хотя бы въ видѣ приговора, который могъ быть произнесенъ на слѣдующій день, наканунѣ праздниковъ. Кардиналы не могли на это согласиться, такъ какъ они очень хорошо понимали, что отсрочка рѣшенія дѣла была со стороны папы только уловкой для того, чтобы впослѣдствіи совершенно замять его. Видя ихъ нерѣшительность, Суффолькъ открыто объявилъ, что кардиналы и легаты никогда не были полезны для Англіи. Оба духовные сановника, пораженные такимъ дерзкимъ заявленіемъ, обмѣнялись другъ съ другомъ взглядами, въ которыхъ ясно выразилось предчувствіе того, что въ королевствѣ наступаетъ время борьбы свѣтскаго элемента съ духовнымъ и вообще эпоха вторженія чужеземнаго вліянія.

Правду говорилъ Вольсей о Генрихѣ VIII, что его нельзя было никакими доводами отклонить отъ разъ принятаго имъ намѣренія, и даже для испытанія, стоя на колѣняхъ, иногда умо-

лялъ министръ короля отказаться отъ чего нибудь задуманнаго имъ, и все было напрасно. Такъ и теперь Генрихъ медлилъ дѣйствовать единственно потому, что у него не отнимали еще надежды на возобновленіе преній коммиссіи; но когда появилась грамата папы Климента VII, отмѣняющая коммиссію и переносящая производство бракоразводнаго дѣла въ Римъ, тогда король ясно увидѣлъ, что вліяніе императора Карла V на папу пріобрѣло перевѣсъ надъ расположеніемъ этого послѣдняго къ нему и рѣшился дѣйствовать самостоятельно. Не высказывая настоящей причины, побуждавшей его искать развода съ Катериной, т. е. его страсти къ Аннѣ Болейнъ и затронутаго честолюбія, Генрихъ VIII съ нѣкоторою торжественностью объявилъ майору и альдермэну Лондона, что для блага страны онъ твердо рѣшился на разрывъ брачнаго союза съ своей настоящей супругой, а чтобы ему не пришлось отступить отъ разъ принятаго намѣренія, король задумалъ освободить свой народъ и страну отъ власти надъ нею духовнаго суда римскаго престола.

(Englische Geschichte — Ranke, zweites Buch, drittes Kapitel).

b) Схизма англійской церкви *).

Стефанъ Гардинеръ сказалъ уже папѣ въ Орвіето, что если король не найдетъ у него правосудія, то добудетъ его себѣ въ своемъ государствѣ. Потомъ папѣ откровенно объявили, что въ случаѣ, если перевѣсъ въ его совѣтѣ окажется на сторонѣ императора, то англійское дворянство съ королемъ во главѣ сочтетъ себя принужденнымъ свергнуть власть Рима. Но кажется, что Римскій дворъ все же этого не особенно испугался. Говорили, что король, рѣшившись на такой шагъ, самъ причинилъ бы себѣ ужасный вредъ. Папскій нунцій считалъ даже необходимымъ встрѣтить англичанъ строго и рѣзко, для того, чтобы пріобрѣсти ихъ уваженіе.

Но англичане придерживались этихъ тенденцій сильнѣе, чѣмъ думали въ Римѣ. Они присоединяли къ Кларендонскимъ статьямъ намѣренія короля Іоанна и антипапскія движенія при Эдуардѣ III; предстоящій вопросъ, заключающій въ себѣ негодную и подверженную всеобщему неодобренію побудительную причину, все-таки касался высшихъ интересовъ страны. Желаніе обезпечить престолонаслѣдіе было весьма одобрено. По собственнымъ сло-

---

*) *Схизма* (греч.)—отдѣленіе отъ господствующей церкви, или вѣрованія, расколъ.

вамъ Климента VII, въ Англіи были убѣждены, что единственнымъ препятствіемъ дать нужное для этого рѣшеніе—служило съ его стороны уваженіе къ императору. Его колебаніе весьма объяснимо и естественно; но оно не соотвѣтствовало представленію возложеннаго на него достоинства. Поэтому именно и должно было существовать независимое высшее духовное лице, способное рѣшать споры князей по существу дѣла, а не по пристрастію. Совершенно противно понятіямъ папства было то, что сплетенія политическихъ отношеній могли имѣть такое рѣшительное вліяніе, какое они имѣли въ этомъ дѣлѣ. Для англичанъ было во всякомъ случаѣ какимъ-то униженіемъ чувствовать въ важнѣйшихъ своихъ дѣлахъ реакцію италіанскихъ побѣдъ императора и превосходство его силъ.

Но если Генрихъ VIII рѣшился уничтожить церковное подчиненіе, которое дѣлалось столь вреднымъ политически, то обстоятельства благопріятствовали этому. Были тѣ времена, когда нѣсколько нѣмецкихъ княжествъ и сѣверныя государства дали себѣ конституцію, основанную на отдаленіи іерархическаго вліянія Рима: при своемъ предпріятіи король могъ разсчитывать на разнородныхъ союзниковъ. Пока продолжалось соревнованіе между императоромъ и королемъ Францискомъ ему нечего было бояться опасной вражды. Въ ихъ средѣ Генриху VIII нужно было только возвратиться къ его настоящей политикѣ нейтралитета. Веденіе дѣла было уже подготовлено въ странѣ никѣмъ болѣе, какъ кардиналомъ Вольсеемъ. Легатское достоинство, пожалованное ему папою Львомъ и потомъ возобновленное сперва на пять и на десять лѣтъ, а наконецъ и на всю жизнь, доставило ему обширный церковный авторитетъ. Чрезъ это онъ получилъ право надзора за всѣми духовными лицами и реформированія церковныхъ установленій, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя были самостоятельны по закону. Нѣсколько монашескихъ орденовъ, вздумавшихъ сопротивляться, были принуждены новыми буллами къ повиновенію. По осмотрѣніи монастырей, Вольсей приступилъ къ конфискаціи: древніе конвикты, какъ напримѣръ тотъ, который перенесъ имя одной англо-саксонской королевской дочери Фридесвиѳы изъ восьмаго столѣтія въ нынѣшнія времена,—онъ соединялъ съ великолѣпными коллегіумами, которые, для вспомоществованія учености и прославленія своего имени, богато устроивалъ въ Оксфордѣ или Ипсвихѣ. Его судилища заключали въ себѣ всѣ вѣтви церковной и смѣшанной судебной власти, и король не замедлилъ вооружить его законными правами, необходимыми для управленія церковью. Какія стремленія обнаружились впослѣдствіи, видно изъ договора, заключеннаго между Вольсеемъ и королемъ Франсуа I для предупрежденія какого-либо вліянія со стороны императора на плѣн-

наго папу. Такъ какъ въ немъ было опредѣлено, чтобы все безъ исключенія, установленное кардиналомъ и англійскими прелатами съ согласія короля, имѣло законную силу, то не скрывается ли уже подъ этимъ временная схизма?

Когда Клименту была дарована свобода, онъ назначилъ Вольсея своимъ главнымъ викаріемъ въ англійской церкви: его положеніе должно было снова стать такимъ, какимъ оно было сначала, т. е. олицетворять сочувствіе между папою и короною. Но что же если бы оно разстроилось? Вліяніе побѣдоноснаго императора на только что освобожденнаго папу было гораздо сильнѣе того, которое онъ когда либо имѣлъ на плѣннаго. При такихъ обстоятельствахъ подчинился Вольсей высшей духовной власти; король же рѣшился ей сопротивляться: это именно и послужило поводомъ къ открытой враждѣ между ними. Казалось, что кардиналъ нѣсколько времени не терялъ еще мужества; когда же въ день Св. Луки у него отняли большую печать, онъ лишился всякой твердости. Вольсей не былъ ни Хименесемъ, ни Ришельё. Онъ не имѣлъ другой подпоры, кромѣ милости короля; безъ нея онъ впадалъ въ свое прежнее ничтожество. Онъ тосковалъ какъ мальчикъ; король утѣшилъ его знакомъ благоволенія, хотя вѣроятно менѣе изъ личнаго участія, чѣмъ потому, что не совсѣмъ еще можно было обойтись безъ него. Главный казначей Норфолькъ, который вообще явился первымъ министромъ, получилъ печати до тѣхъ поръ, пока, нѣсколько времени спустя, не былъ избранъ въ канцлеры Томасъ Моръ. Между тѣмъ какъ эти послѣдніе управляли дѣлами въ Лондонѣ, Суффолькъ былъ назначенъ, въ качествѣ президента тайнаго совѣта, лично сопровождать короля.

Главное управленіе перешло въ руки двухъ замѣчательнѣйшихъ свѣтскихъ знаменитостей.

Рѣшеніе Генриха VIII собрать парламентъ имѣло почти еще большее значеніе для успѣшнаго хода дѣлъ, чѣмъ перемѣна министерства. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ своего управленія, Вольсей только одинъ разъ созвалъ парламентъ, а именно въ то время, когда онъ, рѣшившись въ союзѣ съ императоромъ вести войну противъ Франціи, чрезвычайно нуждался въ деньгахъ. Но его объясненія были встрѣчены безмолвно и неохотно. Одинъ присутствовавшій современникъ говоритъ, что никогда не была такъ живо представлена парламенту крайняя нужда въ деньгахъ и никогда не было встрѣчено большаго сопротивленія, такъ что послѣ двухнедѣльнаго совѣта предложеніе было только разъ принято, именно тогда, когда большинство присутствовавшихъ состояло изъ членовъ королевскаго дома и двора.

Парламентъ и страна издавна уже роптали на расточительность Вольсея и его неумѣніе вести денежныя дѣла; молва,

ему враждебная, преувеличила его позднѣйшую попытку сбирать недозволенные налоги. Его паденіе и созваніе парламента было причиной возвращенія къ парламентерскимъ правиламъ, которыя въ предстоящихъ вопросахъ соотвѣтствовали принятому намѣренію короля.

Въ первые годы царствованія Генриха VIII парламентъ захотѣлъ уничтожить нѣсколько значительныхъ отпаденій духовенства отъ свѣтской судебной власти; напримѣръ относительно предательства и смертоубійства. Духовенство же, напротивъ, простерло предѣлы своей судебной власти даже за преступленія противъ права собственности. Поэтому противоположность обѣихъ судебныхъ властей и обнаружилась тогда столь рѣзко. Свѣтскія права были замѣчательнымъ образомъ защищаемы однимъ ученымъ меноритомъ, а именно Генрихомъ Стандижъ, который считалъ совершенно законнымъ ограничить духовныя привилегіи ради общественнаго блага, особенно при преступленіи вообще неподлежащемъ духовному суду. Обѣ стороны обратились тогда къ королю: духовенство напомнило ему его обязанность поддерживать права святой церкви, міряне — напротивъ — его обязанность стоять за судебныя права его короны. Отвѣтъ короля склонялся болѣе въ пользу міряпъ; онъ совѣтовалъ духовенству допустить нѣсколько исключеній изъ ихъ декреталій. Но преніе было скорѣе прервано, нежели окончено. Послѣдовало управленіе Вольсея, во время котораго духовенство еще далѣе распространило свою судебную власть и въ самомъ дѣлѣ захватило въ свои руки надзоръ надъ всѣми отношеніями частной жизни. Духовенство не особенно уважало авторитетъ Вольсея и терпѣло его только потому, что это была все же духовная власть: міряне переносили его также съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

Иначе и не могло быть, чтобы при первомъ собраніи парламента не былъ возбужденъ вопросъ о судебныхъ недоразумѣніяхъ. Нижняя палата начала свое дѣйствіе съ подробной жалобы на духовныя судилища,— не только на злоупотребленія и угнетенія, отъ нихъ исходящія, но даже на ихъ свойства и на самое законодательство; она обвиняла духовенство въ изданіи законовъ, не только безъ вѣдома короля, но даже безъ участія какого либо свѣтскаго человѣка.

Королю предложили помирить разумными законами своихъ подданныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, такъ какъ онъ есть единственный глава, монархъ и покровитель обѣихъ сторонъ.

Слово легкое — «единственный глава духовныхъ и свѣтскихъ подданныхъ», но чрезвычайно важное по содержанію. Въ томъ именно и заключалась до сихъ поръ сущность духовенства, что оно приписывало себѣ коренное право законодательства, неза-

висимо отъ свѣтской власти: на полномъ владѣніи этимъ правомъ и было основано папское достоинство и его вліяніе на отдѣльныя земли. Не должно ли было духовенство предоставить королю, какъ представителю свѣтской власти, сравненіе недостатковъ своего законодательства со свѣтскимъ? Должно ли было оно его также признать своимъ главою, какъ и міряне?

Очевидно, что, оторвавшись такимъ образомъ отъ правилъ латинской церкви, оно должно было потерять всякую связь съ духовнымъ главою. Кто былъ авторъ этого изрѣченія, тотъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, такую цѣль. Король и міряне согласились и только само духовенство еще нужно было побудить къ принятію такого же рѣшенія.

Важнѣйшая побудительная причина, которая должна была этому способствовать, относится къ господству папъ тринадцатаго столѣтія въ Англіи, или, лучше сказать, къ реакціи, наполнившей собою четырнадцатое. Это ясно показываютъ положенія 1393 года, въ которыхъ каждому, способствовавшему тому, чтобы опредѣлить на духовное мѣсто во вредъ королю какое либо лицо изъ Рима, угрожало самое жестокое наказаніе, даже въ томъ случаѣ, если бы король самъ на это согласился. Духовенство и міряне возмутились тогда злоупотребленіями римской куріи. Вольсея обвинили въ нарушеніи этого статута, а именно въ томъ, что онъ, въ силу своей легатской власти, роздалъ духовныя мѣста и основалъ такую судебную власть, чрезъ которую королевская уменьшилась, и его формально въ этомъ обвинили. Онъ предупредилъ полное дѣйствіе этого рѣшенія тѣмъ, что покорился безъ возраженія, предоставивъ королю все свое имущество. Въ тоже время Іоркхаузъ въ Вестминстерѣ съ своими садами и принадлежащею къ нему землею, впослѣдствіи Витегаллъ, перешелъ во владѣніе казны. Пока онъ еще удержалъ свое архіепископство; но вскорѣ послѣ того мы его находимъ въ замкѣ Кайвудъ, сейчасъ же опять занятымъ своими постройками. Иногда король вспоминалъ о своемъ старомъ совѣтникѣ и нѣкоторымъ даже казалось, что онъ снова можетъ достигнуть могущества. Тогда разсказывали, что Анна Болейнъ употребила противъ этого все свое вліяніе. Но и большая часть остальныхъ лицъ, возвысившихся при дворѣ и въ государствѣ, была противъ Вольсея. Старался онъ развѣ въ самомъ дѣлѣ пріобрѣсти себѣ партію въ духовенствѣ, въ чемъ его и обвиняютъ, и побудить папу произнести церковное проклятіе надъ королемъ? Это неизвѣстно. Однимъ словомъ, нашли причину арестовать его какъ измѣнника: на дорогѣ же въ Тоуеръ онъ умеръ. На сколько извѣстно, онъ хотѣлъ себя уморить голодомъ; видя его желаніе умереть, ему въ этомъ и помогли. По своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, Вольсей не принадлежалъ къ раз-

ряду первостепенныхъ мужей: по своему положенію, по мѣрѣ тѣхъ способностей, которыя онъ обнаружилъ, по сильному честолюбію и политическимъ намѣреніямъ, по всему, что онъ дѣлалъ и испытывалъ, по своему счастію и несчастію, онъ остался незабвеннымъ для англійской исторіи. Тѣмъ, что онъ хотѣлъ тѣсно соединить узы между короною и папствомъ, онъ ихъ разорвалъ навсегда. Поводомъ къ этому разрыву послужило подчиненіе духовенства папѣ, послѣдовавшее тотчасъ по смерти Вольсея. Все духовенство было тѣмъ запутано въ вину Вольсея, что поддерживало его легатскую власть и этимъ соучаствовало нарушенію уставовъ. Это совершенно естественно въ Англіи, что король, согласившись и даже долгое время этому способствуя, теперь же опять является мстителемъ за нарушеніе закона. Контерберрійское собраніе было вынуждено выдать значительную сумму денегъ для отвращенія его немилости: но и этимъ онъ еще не былъ удовлетворенъ. Это ему скорѣе показалось самымъ крайнимъ и удобнымъ случаемъ сдѣлать духовенство сочувствующимъ англиканскимъ воззрѣніямъ согласно правиламъ капуны. Онъ потребовалъ отъ собранія ясное доказательство того, что оно его признаетъ покровителемъ и единственнымъ главою англійской церкви и духовенства; онъ запретилъ судьямъ выдавать разрѣшительную грамату, въ случаѣ, если объясненіе не будетъ принято въ биллѣ о выдачѣ денегъ. Что его именно тогда къ этому побудило, не трудно узнать: это былъ серьезный оборотъ, который приняло его разводное дѣло въ Римѣ. Онъ еще разъ обратился къ куріи съ требованіемъ рѣшить его въ Англіи. 22 декабря 1530 г. происходило объ этомъ совѣщаніе въ консисторіи кардиналовъ, послѣ чего было рѣшено предоставить членамъ римской куріи дѣйствовать по закону и обо всемъ доносить коллегіуму. Тѣмъ менѣе можно было сомнѣваться въ ихъ рѣшеніи, что курія болѣе чѣмъ когда-либо была привержена императору, который только что окончилъ въ ихъ духѣ аугсбургскій сеймъ и теперь исполнялъ его опредѣленія. Въ это время обнаружились слѣды новаго союза съ Римомъ, въ которомъ и обвинили Вольсея, какъ измѣнника. Король хотѣлъ разорвать эту связь объясненіемъ, на которомъ онъ и далѣе могъ бы основываться и этимъ доказать римскому двору, что ему его нечего бояться. 7 февраля 1531 года требованіе короля было предложено въ собраніи обѣихъ палатъ. Отъ кого могло бы ускользнуть его первенствующее значеніе? Духовенство, которое безъ особенныхъ трудовъ согласилось на выдачу денегъ, все же долго сопротивлялось объясненію, измѣняющему все его положеніе. Но крайняя необходимость заставила его покориться. Безъ прощенія грѣховъ, которое было связано съ этимъ объясненіемъ, какъ увѣряли судьи, духовенство находилось бы внѣ

зависимости короля и законовъ. Оно отослало двухъ епископовъ, чтобы лично выхлопотать смягченіе у короля; но Генрихъ VIII рѣшительно отказалъ имъ въ аудіенціи. Тогда духовенство предложило конференцію, состоящую изъ нѣсколькихъ членовъ обѣихъ палатъ, тайнаго совѣта и судей; но возраженіе было такого рода, что король не желаетъ переговоровъ, но требуетъ только точный отвѣтъ. Извѣстно было только то, что король приметъ рѣшеніе, безусловно признающее его покровителемъ англійской церкви и духовенства, но верховнымъ главою только настолько, насколько это допускаетъ религія. Это объяснили въ формулѣ «насколько дозволяется по христіанскому закону» выраженіе, къ которому можно присоединиться изъ противоположныхъ причинъ. Одни могли принять его, потому что видѣли въ немъ только ограниченіе, которому подлежитъ всякая власть по божескимъ законамъ; другіе полагали, что этимъ вообще уничтожится вліяніе свѣтской власти на дѣйствительныя духовныя дѣла. Когда 11 февраля, при утреннемъ засѣданіи это рѣшеніе было предложено, его приняли двусмысленнымъ молчаніемъ, но при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи оно оказалось единственнымъ возможнымъ средствомъ; къ вечеру одобрила его сперва нижняя, а потомъ и верхняя палата собранія. Послѣ этого денежный билль короля былъ принятъ и вознагражденъ рѣшительною граматою.

Духовенство имѣло еще и другія причины искать покровительства короля. Реформаціонныя сочиненія, въ которыхъ нападали на добрыя дѣла и обѣты, на обѣдню и духовенство, и вообще на всѣ ученія, на которыхъ основывалось духовное учрежденіе, нашли свою дорогу чрезъ каналъ и наполнили въ Англіи всѣ сердца соотвѣтствующими убѣжденіями.

Единственную защиту противъ этого доставила королевская власть: ея покровительство не было пустымъ словомъ; духовенство было бы потеряно, если бы навлекло на себя отвращеніе Генриха, относящееся къ папскому престолу. Но сила короля и влеченіе къ самосохраненію все же не были единственною причиною уступчивости.

Неоспоримо то, что понятіе о всеобщей церкви, по которому церковь страны казалась только частью одного цѣлаго, не менѣе было забыто духовенствомъ, чѣмъ мірянами. Собраніе подало просьбу парламенту 1532 года, въ которой оно требовало избавленія отъ денежныхъ платъ, до сихъ поръ вносимыхъ высшему духовному начальству, но прежде всего избавленія отъ аннатовъ. Церковь страны была господствующая и самостоятельная; для чего же ей было позволить наложить на себя платежи папской власти, безъ которой можно было и обойтись? Между тѣмъ какъ епископы жаловались, что этимъ по-

вредятъ ихъ семействамъ и приходамъ, парламентъ вычислялъ тѣ суммы, которыя уже получилъ Римъ на этомъ основаніи со временъ Генриха VII, которыя онъ еще потребуетъ при предстоящихъ ваканціяхъ, и какія потери при этомъ королевство уже потерпѣло и еще потерпитъ. При такомъ направленіи умовъ былъ рѣшенъ важнѣйшій вопросъ.

Парламентъ возобновилъ свои жалобы на злоупотребленія духовнаго законодательства; ученые утверждали, что нѣтъ такого божескаго изрѣченія, которое бы оправдало его; наконецъ епископы въ самомъ дѣлѣ отказались отъ своего права законодательства: они обязались впередъ не издавать ни одного закона или постановленія безъ вѣдома и разрѣшенія короля. Ревизія существующихъ правилъ, предоставленная смѣшанной коммисіи подъ предсѣдательствомъ общаго главы, короля, должна была возстановить единство общаго законодательства. Необходимо было бы тогда уничтожить условіе, которымъ до сихъ поръ ограничивалось признаніе преимущества государя надъ духовенствомъ. Представители свѣтской власти составляли широкіе планы. Они говорили, что и королю принадлежитъ также попеченіе о душахъ своихъ подданныхъ, и что парламентъ по божескому праву долженъ также дѣлать распоряженія въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ образовалось утвержденіе такого общественнаго мнѣнія въ Англіи, которое до сихъ поръ еще не имѣло ничего подобнаго себѣ на Западѣ. Одна изъ слѣдующихъ большихъ граматъ начинается объясненіемъ, въ которомъ говорится, что Англія есть государство съ верховною властью, данною самимъ Богомъ, съ однимъ верховнымъ главою, королемъ, которому политическій міръ обязанъ оказывать должное послушаніе немедленно послѣ Бога; этотъ міръ состоитъ изъ духовныхъ лицъ и мірянъ: первымъ принадлежитъ рѣшеніе когда рѣчь идетъ о божескомъ законѣ и о духовныхъ дѣлахъ; мірянамъ же отдается на распоряженіе все мірское; одно законодательство пополняетъ другое и такимъ образомъ помогаетъ общему правосудію, чужаго посредничества при этомъ не требуется. Это и есть та грамата, которая по этимъ именно причинамъ уничтожила судебныя аппеляціи Рима. Теперь можно было приступить къ исполненію того, что въ прежнія столѣтія оказывалось напраснымъ. Всѣ нарушенія прерогативы императорской власти должны быть уничтожены; судейскія права римской куріи отмѣнены: аппеляціи Рима были не только уничтожены, но даже запрещены подъ опасеніемъ наказанія. Различныя власти государства соединились, чтобы сбросить съ себя чужой авторитетъ, который до сихъ поръ на нихъ дѣйствовалъ и, какъ высшая власть, ограничивалъ національную автономію. Такъ какъ принесеніе присяги епископовъ было отмѣнено по принятымъ уста-

вамъ, то и король принялся за измѣненіе своей королевской клятвы. Онъ не хотѣлъ болѣе клясться соблюдать всѣ права церкви вообще, но только тѣ, которыя англійской церкви дозволены и безвредны для его собственнаго достоинства и судебной власти; онъ не обязывался поддерживать по совѣсти миръ церкви, но только хорошее согласіе духовенства и своихъ мірскихъ подданныхъ; онъ не желалъ управлять безусловно всѣми законами и обычаями страны, но только тѣми, которые не противорѣчили бы его власти и королевской обязанности. Онъ обѣщалъ милосердіе только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно необходимо. Какъ же тутъ могло преобладать такое сильное чувство власти, личнаго права и королевской самостоятельности! А Генрихъ VIII считалъ себя еще преемникомъ Константина Великаго, издававшаго церковные законы. Онъ говорилъ: «хотя короли и сыны церкви, но тѣмъ не менѣе они должны быть и главами христіанъ.» Изъ всѣхъ ученій, перешедшихъ изъ Германіи, величайшее одобреніе нашло то, въ которомъ говорится, что каждый обязанъ послушаніемъ правительству.

Извѣстна книга Тиндаля, въ которой говорится объ этомъ ученіи; чрезъ Анну Болейнъ она перешла въ руки Генриха VIII. Формальное приглашеніе въ судъ, сдѣланное ему папою Климентомъ, онъ назвалъ оскорбленіемъ королевскаго величества. «Неужели государь», восклицаетъ онъ, «покорится существу, которое самъ Богъ ему подчинилъ; неужели ему смириться предъ человѣкомъ, который хочетъ притѣснять его предъ Богомъ и закономъ? Это значило бы перемѣнить Божіе постановленіе.»

Слѣдя за всѣми упомянутыми вопросами — объ отношеніяхъ церкви и государства, о правахъ націй и королей — которые какъ для этого, такъ и для всѣхъ другихъ государствъ, безконечно важны, совершенно теряешь изъ виду дѣло о разводѣ, подавшее ко всему этому поводъ и продолжавшее идти, между тѣмъ, все своимъ чередомъ. Папа Климентъ не отступалъ насколько было возможно; не одинъ разъ предлагалъ онъ королю свое посредничество; но король уже настолько отдѣлился отъ Рима, что принять ихъ ему было невозможно. Въ началѣ 1533 года король тайно обвѣнчался съ Анною Болейнъ. Тогда, когда онъ еще ожидалъ рѣшенія отъ папы, — вздумалъ было дѣйствовать, опираясь на благопріятныя ему мнѣнія ученыхъ богослововъ. Съ этою цѣлью онъ самъ обратился къ важнѣйшимъ университетамъ Италіи, Германіи, Франціи и Англіи и съумѣлъ пріобрѣсти, несмотря на постоянное противодѣйствіе императорскихъ агентовъ, съ помощію различныхъ средствъ, значительное количество голосовъ, отвергавшихъ право индульгенцій папъ; даже славные университеты Парижа и Болоньи ока-

зались на его сторонѣ. Онъ увѣрялъ, что это такъ подѣйствовало на его совѣсть, что побудило его избавиться отъ брака незаконнаго и близкаго къ кровосмѣшенію и приступить къ другому бракосочетанію. Тѣмъ необходимѣе было теперь публичное признаніе законности этого брака въ формахъ, существующихъ теперь по праву. Онъ уже болѣе не хотѣлъ, чтобы папа это сдѣлалъ, но предложилъ вопросъ обоимъ собраніямъ англійскихъ церковныхъ областей. Смѣлое рѣшеніе собранія, признающее индульгенціи папы Юлія II по божескому праву непозволительными, представляетъ, въ связи съ церковно-историческими происшествіями, необыкновенно важное событіе. Церковный глава, считавшійся до сихъ поръ представителемъ божеской воли на землѣ, былъ обвиненъ церковнымъ судомъ одной страны въ проступкѣ противъ этой воли. Такимъ образомъ бракъ короля, заключенный на основаніи разрѣшенія, былъ объявленъ Кентерберрійскимъ епископальнымъ судомъ ничтожнымъ и съ самаго начала недѣйствительнымъ. Приказано было впредь считать болѣе Катерину не королевою, но только вдовствующею принцессою. Эта королева не имѣла никакого понятія о дѣлахъ, происходившихъ вокругъ нея. Требованіе отказаться отъ достоинства королевы возбудило въ ней столько же удивленія, сколько и негодованія. Она отвѣчала, «что не на рискъ пріѣхала въ Англію, но по волѣ достопочтенныхъ, покойныхъ королей; была обвѣнчана съ королемъ Генрихомъ съ разрѣшенія святаго отца въ Римѣ; она—помазанная и коронованная королева Англіи; еслибы она теперь отказалась отъ своего титула, то это значило бы, что она впродолженіе 24 лѣтъ была незаконною женою, а ея дочь — незаконнорожденнымъ ребенкомъ; это значило бы предать свою совѣсть и душу, такъ что духовникъ даже не могъ бы разрѣшить ея грѣховъ». Она все болѣе предавалась строго-католической набожности: вставала ночью, чтобы присутствовать при ранней обѣднѣ; подъ своею одеждою носила одѣяніе ордена св. Франциска; исповѣдовалась два раза и постилась два дня въ недѣлю; для чтенія служили ей легенды святыхъ. Такимъ образомъ она прожила еще нѣсколько лѣтъ, нетронутая церковно-политическими постановленіями, принятыми въ англійскомъ парламентѣ. До конца своей жизни она считала себя настоящей королевой Англіи. Непосредственно послѣ приговора надъ Катериною, приступили къ коронованію Анны со всевозможными старинными церемоніями, которыми хотѣли загладить ея происхожденіе. Въ четвергъ передъ Тройцею она выѣхала изъ Гринича, сопровождаемая мэромъ и собраніемъ лондонскихъ цеховъ, съ великолѣпно-разукрашенными барками, при звукахъ музыки, и была привѣтствуема пушечными выстрѣлами изъ Тоуера. Въ слѣдующую субботу былъ ея торжествен-

ный въѣздъ чрезъ Сити въ Вестминстеръ. Король назначилъ восемнадцать рыцарей, которые съ большею частью дворянства, польщеннаго возвышеніемъ Анны, должны были ее сопровождать: она сидѣла въ великолѣпной колесницѣ, подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ баронами пяти гаваней, съ непокрытою головою, какъ всегда прекрасная и повидимому необыкновенно счастливая. Въ воскресенье она была приведена въ соборъ архіепископомъ Кентерберрійскимъ, шестью епископами, Вестминстерскимъ аббатомъ и шестью другими аббатами. Она была въ порфирѣ по старому обычаю, ея дамы—въ платьяхъ ярко-краснаго цвѣта; герцогъ Суффолькскій несъ впереди ея корону, которую потомъ архіепископъ возложилъ ей на голову. Дворяне и простолюдины съ восторгомъ привѣтствовали ее; духовенство также присоединилось къ нимъ: оно ожидало отъ нея наслѣдника англійскаго престола. Но не сына, а дочь свою Елизавету носила она тогда подъ сердцемъ. Коронованіе Анны было въ то же время яснѣйшимъ указаніемъ на отпаденіе всей націи отъ римскаго престола; удивительно, что, несмотря на все это, папа Климентъ VII со своею каждую минуту разсчитывающею политикою все же не выговаривалъ своего послѣдняго слова. Какъ однажды онъ уступилъ императору, чтобы заключить съ нимъ миръ, точно такимъ же образомъ — ибо онъ не хотѣлъ вполнѣ отъ него зависѣть — онъ и теперь вступилъ въ близкое отношеніе съ Францискомъ, королемъ французскимъ, который, съ своей стороны, въ продолжающемся союзѣ съ Англіею видѣлъ условіе своего общественнаго положенія. Политическая сила Англіи дѣйствовала посредственно на папу: онъ уничтожилъ рѣшеніе архіепископа Кранмера, но на дальнѣйшій шагъ все же еще не хотѣлъ рѣшиться, хотя неоднократно обѣщалъ императору. Карлъ V далъ еще помощника своему послу въ Римѣ для того, чтобы выхлопотать у папы и святаго престола — онъ дѣлалъ при этомъ различіе — скорѣйшаго рѣшенія процесса. Папа спросилъ у него, что необходимо сдѣлать для исполненія этого рѣшенія. Императоръ отвѣчалъ, чтобы его святѣйшество сдѣлалъ то, что требуетъ правосудіе и чего онъ избѣжать не можетъ, если желаетъ исполнить свой долгъ относительно Бога и свѣта, и поддержать свое достоинство; церковь должна употребить всѣ свои средства, прежде чѣмъ обратиться къ свѣтской помощи: если уже дойдетъ до того, то за нимъ дѣло не станетъ, но чтобы объясняться раньше времени, онъ не видитъ никакой надобности. Какъ ни колебалась политика папы, но въ рѣшеніи римской куріи все же не могло быть никакого сомнѣнія. 23 Марта 1534 года одинъ изъ аудиторовъ, по имени Симонета, епископъ Пезарскій, читалъ объ этомъ докладѣ въ консисторіи кардиналовъ; между ними были трое, требующіе даль-

нѣйшей отсрочки; всѣ остальные были того мнѣнія, что бракъ Генриха и Катерины совершенно законенъ, также какъ и дѣти, рожденныя отъ этого брака. Имперскія войска считали это за большую побѣду и пустили по городу свое восклицаніе: «государство и Испанія»; но французы все еще надѣялись убѣдить папу перемѣнить свои мысли. Въ Англіи, между тѣмъ, дошли уже до крайности. Король Генрихъ считалъ себѣ за честь, что не согласился на косвенное предложеніе римскаго двора рѣшить дѣло въ его пользу и не обратилъ вниманія на его законы.

Онъ еще разъ предложилъ вопросъ ученымъ духовнымъ лицамъ о томъ, принадлежитъ ли авторитетъ въ Англіи римскому папѣ въ силу божескаго права; какъ говоритъ Оксфордскій университетъ, его богословы изслѣдовали послѣ того всѣ книги Св. Писанія и его толкователей; они сравнивали мѣста, совѣтовались между собою и пришли наконецъ къ тому заключенію, что вопросъ короля подлежитъ безусловному отрицанію. Кембриджскіе ученые и оба собранія были того же мнѣнія.

Парламентъ не замедлилъ отмѣнить іерархическій римскій законъ, по которому признавались до сихъ поръ только терпимыя и измѣняемыя права. Аннаты были уступлены государству, и Римъ никогда болѣе не могъ даровать англійскому епископу епископской мантіи (паллиумъ). Вмѣстѣ съ отмѣненіемъ права индульгенцій была уничтожена и слѣдующая за это законная плата. Древнѣйшее доказательство преданности англосаксонскаго дома римскому престолу, а именно, подать, платимая папѣ въ день св. Петра, была окончательно отмѣнена. Заботились о томъ, чтобы замѣнить аппеляціонное судилище, состоявшее изъ римскихъ судей, своими учрежденіями. При епископскихъ выборахъ, король, по крайней мѣрѣ, согласился на внѣшнее распространеніе свободы. Существовавшіе до сихъ поръ законы противъ еретиковъ были даже утверждены, но только подъ условіемъ ограниченія самостоятельныхъ дѣйствій епископовъ, вошедшихъ въ употребленіе во времена Ланкастеровъ. Хотѣли устроить католическо-англиканскую церковь подъ покровительствомъ короля, ибо было установлено держаться епископской конституціи и стараго ученія. Король прибавилъ къ своему титулу названіе «верховнаго главы англійской церкви на землѣ, непосредственно послѣ Бога». Парламентъ призналъ за нимъ право церковнаго надзора въ отношеніи злоупотребленій и заблужденій, также какъ и право преобразованія. Для исполненія церковныхъ обязанностей, которыя такимъ образомъ переходили къ нему, ему представился примѣръ, послѣдовать которому ему было необходимо. Вольсей, сперва въ качествѣ

папскаго легата, потомъ—его главнаго викарія, нѣсколько лѣтъ сряду управлялъ англиканскою церковью, основываясь на своихъ законахъ. Единство англійскаго общества изобразилось въ двухсторонней его власти, какъ легата и какъ перваго министра. Практически не было труднымъ переходомъ то, что король теперь самъ назначилъ главнаго викарія, который, имъ уполномоченный, всѣмъ управлялъ безъ всякаго отношенія къ папѣ. Это былъ помощникъ Вольсея, Томасъ Кромвель, въ то же время хранитель государственной печати, который повелъ дѣла по знакомой уже ему дорогѣ. Именно съ этой точки зрѣнія Вольсей дѣлается представителемъ этого перехода, вводящимъ національзацію въ англійскую церковь.

Хотя Генрихъ VIII и не всегда шелъ по стопамъ своего отца, но онъ все же былъ настоящимъ продолжателемъ начатаго имъ дѣла. Что первому Тюдору удалось сдѣлать на свѣтскомъ поприщѣ, именно уничтожить чужое вліяніе, — того же самаго достигъ и второй, только на церковномъ поприщѣ.

c) Противоположныя направленія въ схизматическомъ государствѣ.

Важнѣйшимъ изъ всѣхъ результатовъ англійскихъ событій можно принять то, что, по формальному рѣшенію парламента и на основаніи религіозныхъ мотивовъ, право наслѣдства дочери испанской супруги короля было отмѣнено, а престолонаслѣдіе признано за потомствомъ королевы Анны, въ томъ случаѣ даже, если у нея будетъ только единственная въ это время родившаяся дочь. Но дѣло тутъ не въ точнѣйшихъ опредѣленіяхъ, а прежде всего въ томъ, что теперь все таки было все покончено по желанію Вольсея съ политическимъ отношеніемъ, которое преобладало до сихъ поръ, и даже гораздо выгоднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Избѣгали не только французскаго соединенія; церковная схизма должна была сдѣлаться основою всего династическаго состава Англіи. Внутри страны болѣе всего чувствовалась тягость и насильственность основанія политическаго устава на церковныхъ идеяхъ. Это положеніе грозило строжайшимъ наказаніемъ всѣмъ тѣмъ, кто не только осмѣлится сдѣлать или написать, но даже сказать что-нибудь противъ этого: была назначена коммиссія, въ составъ которой входили герцоги Норфолькскій и Суффолькскій, и которая отъ каждаго могла требовать въ

этомъ присягу. Со всею силою англійскаго закона она должна была быть исполнена. Это и есть тотъ статутъ, жертвами котораго были: епископъ Фишеръ Рочестерскій и Томасъ Моръ. Они не отказывались сами признать установленный порядокъ престолонаслѣдія, но не захотѣли подъ присягою подтвердить высказанное въ этомъ статутѣ доказательство о положительной недѣйствительности брака Генриха съ Катериною. Моръ принадлежитъ къ оригинальнымъ людямъ этого великаго столѣтія; онъ былъ первымъ творцомъ англійской прозы; во время сильныхъ стремленій литературныхъ движеній, онъ попалъ въ затруднительное положеніе, ускоривъ ихъ сочиненіями въ эразмскомъ родѣ; въ качествѣ лордъ—канцлера Англіи, онъ принялъ строгія мѣры противъ злоупотребленій и не хотѣлъ допустить нарушеніе церковнаго единства. Насчетъ послѣдняго устава, онъ говорилъ, что если ему сопротивляться, то это будетъ смертью для тѣла, если же послѣдовать, то смертью для души: онъ предпочелъ спасти душу. Онъ умиралъ съ такимъ живымъ представленіемъ будущей жизни, въ которой оканчиваются всѣ смущенія настоящей, что смотрѣлъ на эту разлуку съ всегда свойственной ему ироніей. Казнь епископа, кажется, способствовала тому, что папа въ эту минуту назначилъ его кардиналомъ римской церкви. Фишеръ и Моръ оба умерли мучениками тѣхъ идей, которыми Англія была до сихъ поръ связана съ церковною общиною Запада и съ папскимъ авторитетомъ. Если посмотримъ извнѣ, то увидимъ, что уставъ о престолонаслѣдіи не могъ не произвести на императора Карла V самаго отвратительнаго впечатлѣнія. Онъ видѣлъ въ немъ политическую потерю, оскорбленіе не только своего семейства, но и всего царскаго рода, и опасность для церкви. Между тѣмъ какъ онъ думалъ самъ этому противодѣйствовать, онъ рѣшился склонить французскаго короля къ предпріятію противъ Англіи.

Онъ предложилъ ему бракъ его третьяго сына, герцога Ангулэмскаго съ принцессою Маріей, какъ съ признанною папскимъ престоломъ законной наслѣдницей Англіи, права которой при замужествѣ перешли бы къ этому принцу. Это было бы не трудно исполнить, говорилъ онъ, такъ какъ большая часть англичанъ возмущается поступками короля, его вторымъ бракомъ и отступленіемъ отъ церкви. Въ то же время императоръ предложилъ тогда самое близкое династическое соединеніе обоихъ семействъ посредствомъ брака своихъ двухъ дѣтей съ сыномъ и дочерью Франциска I. Чего бы только онъ не могъ достигнуть, склонивъ Францію на свою сторону! Его комбинаціи простирались какъ всегда на Западъ и на Востокъ, на церковь и на государство, на итальянскія, нѣмецкія и сѣверныя дѣла. Несмотря на ихъ удачу, и такъ явно поссорившись съ императоромъ,

Генрихъ VIII, все же долженъ былъ принять мѣры противъ его могущества. Мы уже упомянули, что въ союзникахъ у него недостатка не было. При такихъ обстоятельствахъ онъ сошелся съ сильными демагогами, которые изъ Любека добивались преобразовать Сѣверъ и вырвать его изъ подъ нидерландско-бургундскаго вліянія. Ему было теперь очень важно вступить въ союзъ съ протестантскими князьями и сословіями внутри Германіи, которые мало по малу въ противоположность съ папою и императоромъ становились могущественными. Осенью 1535 года мы находимъ въ Германіи англійскихъ посланниковъ: они присутствовали на сеймѣ въ Шмалькальденѣ, гдѣ велись самые серьезные переговоры. Обѣ стороны согласились не признавать собора, созваннаго тогда папою, потому именно, что онъ не имѣетъ права созывать соборы. Нѣмецкіе князья требовали, въ случаѣ нападенія на одну изъ сторонъ, чтобы другая не подавала помощи ея врагу; но королю этого еще было мало; онъ хотѣлъ, въ случаѣ нападенія, разсчитывать на помощь со стороны Германіи конницей, пѣхотой и кораблями, за что онъ готовъ былъ внести въ союзническую кассу значительную сумму денегъ. Говорили о томъ, что онъ принимаетъ на себя покровительство союза. Но при этомъ преобладало одно предположеніе, которое должно было побудить англичанъ къ дальнѣйшимъ церковнымъ перемѣнамъ. Генрихъ VIII имѣлъ дѣло не съ схизмой въ отношеніи конституціи и отправленія правосудія, а съ выработанною системою отступническихъ церковныхъ ученій. Нѣмецкіе протестанты поставили непремѣннымъ условіемъ своего союза съ Англіею единство религіознаго исповѣданія. Но тутъ возникаетъ вопросъ о возможности этого.

Если сравнить всѣ церковныя движенія и происшествія, случившіяся въ послѣдніе годы въ Германіи и Англіи, то нельзя не замѣтить ихъ огромнаго различія. Въ Германіи движеніе было богословски-популярно и соотвѣтствовало потребностямъ и нуждамъ территоріальнаго государства; въ Англіи оно было юридически-каноническое, лишенное популярнаго объявленія и свободной проповѣди и разсчитанное на единство націи. Хотя германскій сеймъ и допустилъ однажды реформу и даже закономъ утвердилъ ее, но все же въ своемъ большинствѣ противодѣйствовалъ ей; исполненіе же сдѣлалось дѣломъ меньшинства протестантовъ. Въ Англіи, напротивъ, все зависѣло отъ воли бароновъ и рѣшенія собранія государственныхъ чиновъ, въ которомъ участвовали почти всѣ епископы безъ исключенія. Болѣе отдаленную причину различія можно было бы найти въ томъ, что германскіе епископы пользовались большею независимостью, чѣмъ англійскіе, и что въ Германіи царствовалъ императоръ, который въ то же время былъ королемъ испанскимъ и неапо-

литанскимъ и мало заботился о единствѣ Германіи; между тѣмъ въ Англіи образовалась сильная государственная власть, присвоившая себѣ всѣ національные интересы и со всѣхъ сторонъ ихъ поддерживавшая. Но, несмотря на все это, схизма все же имѣла глубокую внутреннюю аналогію съ реформаціею.

Съ самаго начала судебная противоположность основывалась на исторической точкѣ зрѣнія, которую и Лютеръ считалъ очень важною. Стандижъ отстаивалъ право ограниченія духовной прерогативы, между прочимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что существуютъ же христіанскія церкви, вообще отвергающія ихъ, такъ напримѣръ греческая церковь, непризнающая закона о безбрачіи духовенства. Онъ также говорилъ, что, хотя и нельзя признать характеръ христіанства въ греческой церкви, то все же понятіе о всеобщей церкви должно быть совершенно другое, чѣмъ выставляетъ ее романизмъ. Основу же истинной общности церкви нашли въ Св. Писаніи.

Что касается бракоразводнаго вопроса, то германскіе богословы не соглашались съ англичанами; между тѣмъ какъ обѣ стороны единодушно утверждали, что существуетъ высказанная божеская воля, которой духовная власть не смѣетъ противорѣчить,—убѣжденіе въ томъ, что папство не представляетъ высшей общности человѣка съ духовными дѣлами, но основываетъ ее на божескихъ доказательствахъ, все болѣе и болѣе утверждалось. Примѣненіе Св. Писанія повліяло наконецъ и на отдѣльные вопросы Англіи. Для отмѣны аннатовъ было объявлено, что такіе налоги противорѣчатъ изрѣченію апостола Павла, а для уничтоженія папской судебной власти — что ни одно слово въ Св. Писаніи ее не оправдываетъ. Это было сказано въ томъ случаѣ, если стали бы отрицать утвержденіе, что папство имѣетъ божеское право.

Очевидно, почему Генрихъ VIII сталъ теперь покровительствовать распространенію Библіи на національномъ языкѣ. Однажды онъ высказалъ съ большею живостью, что распространеніе Божія слова совпадало съ увеличеніемъ значенія его собственнаго авторитета. Заглавный листокъ переведенной Библіи, вышедшей съ его привилегіей, заключаетъ слѣдующее изрѣченіе: «твое слово—свѣтило для меня». Вскорѣ послѣдовалъ приказъ, выставить Св. Писаніе во всѣхъ церквахъ, гдѣ бы каждый могъ провѣрить спорныя мѣста и удостовѣриться по этому высшему кодексу въ законности совершеннаго поступка. Остановиться на судебныхъ отступленіяхъ было тогда невозможно. Нѣмецкое изложеніе Библіи во всѣхъ отношеніяхъ проложило себѣ дорогу: образовалось богословское училище, которое при-

соединилось къ нему болѣе или менѣе открыто. Очень важно было то, что приверженцы этого мнѣнія доставили себѣ цѣлое количество епископскихъ мѣстъ. Архіепископство Кентерберрійское досталось уже человѣку, окончившему въ Германіи свое богословское образованіе: это былъ Томасъ Кранмеръ, рѣшившій дѣло о разводѣ,—одна изъ тѣхъ личностей, которыя для исполненія своихъ намѣреній должны имѣть опору въ верховной власти; въ этомъ случаѣ они дѣлаются на столько же предпріимчивы и храбры, на сколько въ противномъ—мягки и уступчивы; они не отличаются нравственнымъ величіемъ, но способны спасти при трудныхъ обстоятельствахъ начатое ужъ разъ дѣло до лучшаго времени. Болѣе сильнаго характера былъ Латимеръ, осмѣлившійся, несмотря на преслѣдованія, напомнить королю, капелланомъ котораго онъ былъ, о спасеніи его души и его королевскій долгъ. Хотя его шагъ сейчасъ и не подѣйствовалъ, но онъ все же способствовалъ изъясненію королю, оказывавшему ему иногда личное благоволеніе, значенія его титула «защитникъ вѣры». Латимеръ былъ пламенный и дѣятельный проповѣдникъ; онъ получилъ епископство Ворчестеръ.

Николай Сакстонъ, получившій Салисбюри, Гильзей, которому достался Рочестеръ, Бисгамъ, получившій С. Аза, а потомъ С. Давидсъ и Гудрихъ, получившій Эли,—всѣ они были протестанты. Эдвардъ Фоксъ, назначенный епископомъ Герсфордскимъ, въ Шмалькальденѣ, прямо объявилъ папу антихристомъ и увѣрилъ протестантовъ въ склонности его государя присоединиться къ ихъ исповѣданію. Это было значительное соединеніе тѣхъ ученыхъ и вѣрующихъ въ Св. Писаніе епископовъ, которые въ собраніи 1536 года рѣшили привести въ исполненіе дѣло о церковномъ сближеніи съ нѣмцами. Латимеръ открылъ борьбу горячею рѣчью противъ иконопоклоненія, разрѣшенія грѣховъ, чистилища и другихъ ученій, по его словамъ, противорѣчащихъ Св. Писанію. Кранмеръ доказывалъ, что человѣкъ можетъ найти въ Св. Писаніи все, что ему нужно для спасенія его души, но что преданій ему не надо. Епископъ Герсфордскій сообщилъ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ во время его путешествія, о томъ, что и міряне вездѣ желаютъ проповѣди одного только апокалипсиса. Большую услугу оказалъ имъ Томасъ Кромвель, присутствовавшій въ засѣданіяхъ вмѣсто короля и приведшій разъ туда только что возвратившагося изъ Виттенберга ученаго шотландца, для опроверженія до сихъ поръ существовавшаго ученія о таинствахъ. И на противоположной сторонѣ были люди сильные и видные: Левъ, архіепископъ іоркскій, вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ сильно воспротивившійся принятію новаго королевскаго титула; Гардинеръ Винчестерскій

и многіе другіе. Кажется, какъ будто-бы король, занятый тогда еще въ парламентѣ утвержденіемъ своихъ церковныхъ постановленій, думалъ найти въ этой партіи большое пристрастіе къ папству. Другая причина заключалась для него въ необходимости имѣть союзниковъ для собора; онъ рѣшительно перешелъ на сторону реформы. Отъ его имени въ собраніе было представлено десять статей, изъ которыхъ первыя пять заимствованы изъ Аугсбургскаго исповѣданія и его объясненій, одобренныхъ епископомъ Герсфордскимъ и Виттенбергскими богословами. Въ нихъ указываютъ вѣрующимъ исключительно на содержаніе Библіи и на три старѣйшіе символа вѣры; признаютъ только еще три таинства: крещеніе, покаяніе и причащеніе. Во всякомъ случаѣ эта тенденція не была такъ сильна, чтобы исключительно могла имѣть вліяніе.

Въ слѣдующихъ статьяхъ допущено поклоненіе и даже призываніе святыхъ и многіе прежніе обряды, въ такихъ словахъ, изъ которыхъ при всякомъ снисхожденіи нельзя не замѣтить ихъ отверженіе. Несмотря на эти ограниченія, грамата содержитъ еще несомнѣнное принятіе правилъ религіозной реформы, одобренныхъ въ Германіи. Она была подписана 18 епископами, 40 аббатами и игуменами и 50 членами нижней палаты. Король, какъ глава церкви, объявилъ ее достойною всеобщаго подражанія. Его представитель въ церковныхъ дѣлахъ приказалъ всѣмъ духовнымъ пастырямъ объяснять народу эти статьи и доказывать законное, въ извѣстное время, отверженіе папскаго авторитета. Онъ требовалъ, чтобы они, увѣщевая, отклонили народъ отъ иконопоклоненія, вѣры въ чудеса и путешествія къ святымъ мѣстамъ. Дѣти должны были впредь учить «Отче нашъ», символъ вѣры, десять заповѣдей — на англійскомъ языкѣ. Это было начало богослуженія на національномъ языкѣ, въ которомъ справедливо нашли лучшее средство избавить національную церковь отъ римскаго вліянія. Кромвель придумывалъ еще новое предпріятіе, не менѣе враждебное. Такого же мнѣнія, какъ великіе мужи государства и церкви, были и вѣрующіе члены монастырей и монашескихъ конвиктовъ; они противорѣчили высшей духовной власти, не изъ склонности къ непослушанію, какъ они говорили, но потому что святая матерь церковь иначе учитъ, чѣмъ велитъ король и парламентъ. Это—отговорка, послужившая имъ въ осужденіе. Въ тѣхъ правилахъ, которымъ они слѣдовали, и въ тѣхъ орденахъ, къ которымъ они принадлежали, яснѣе всего выражалось соединеніе латинскаго христіанства; это именно соединеніе король и парламентъ и хотѣли уничтожить. Какъ мы уже знаемъ, Вольсей предпринималъ съ помощію Кромвеля нѣсколько конфискацій: при новомъ порядкѣ вещей для монашескихъ инсти-

тутовъ совершенно не было болѣе мѣста; они должны были пасть жертвою единства страны и въ то же время корыстолюбія сильныхъ. Но теперь становилось немыслимо, чтобы такія важныя нововведенія были исполнены безъ сопротивленія. Послѣ всѣхъ стараній прежнихъ королей соединить христіанство въ согласіи съ Римомъ, послѣ побѣдъ папства, когда короли съ нимъ поссорились, и послѣ всѣхъ притѣсненій за каждое отступленіе,—и не могло иначе быть, какъ случилось; а именно, что вѣра іерархическихъ временъ какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, захватившая сердца людей въ самую ихъ глубину, большею частію владѣла ими еще и до сихъ поръ. Все то, что прежде считалось ересью, не потому ли только не заслуживало теперь этого названія, что было признано господствующею властью? Въ сѣверныхъ графствахъ ни духовенство, ни народъ ничего не хотѣли слышать про верховную власть короля, продолжали молиться за папу, на увѣщанія Кромвеля не обращали вниманія. Можетъ быть, что въ монастыряхъ и происходили отвратительныя злоупотребленія и преступленія, но всѣхъ въ этомъ нельзя одинаково обвинить: многіе служили мѣстами почитанія, гостепріимства и призрѣнія; было бы удивительно, если насильственное уничтоженіе этого не вызвало бы всеобщаго неудовольствія. Подобное настроеніе раздѣлялось всѣми важнѣйшими лицами въ провинціяхъ. Между дворянствомъ были еще люди, какъ лордъ Дарси Темплегурстъ, которые еще при Изабеллѣ и Фердинандѣ вооружались противъ мавровъ; какъ отвратительны должны были быть имъ нововведенія, противорѣчащія ихъ воспоминаніямъ!

Говорятъ, что лорды этихъ мѣстностей дали себѣ слово уничтожить ересь (такъ называли они протестантскія мнѣнія), вмѣстѣ съ его виновниками и покровителями.

Мѣстное общество, боявшееся дальнѣйшихъ завладѣній, было взволновано; начались сборы вспоможеній; выбирались сильнѣйшіе люди изъ каждаго прихода и снабжались нужнымъ оружіемъ: осенью 1536 г. обнаружился открытый мятежъ. Во главѣ сталъ свѣдующій въ законахъ предводитель, Робертъ Аске, который прежде всего сталъ доказывать вредъ, причиняемый сосѣднимъ мѣстностямъ уничтоженіемъ монастырей, сокращеніемъ ихъ доходовъ и отнятіемъ сокровищъ. Вскорѣ весь сѣверъ былъ на его сторонѣ. Городъ Іоркъ присоединился къ нему; Дарси принялъ его въ крѣпкомъ Помфреткастлѣ; во всемъ графствѣ только одна крѣпость осталась покорною правительству; потомъ и сосѣдніе регіоны заразились этимъ движеніемъ: Аске увидѣлъ себя скоро во главѣ войска состоящаго изъ 30,000 человѣкъ. Онъ направилъ свой путь въ Лондонъ, чтобы выгнать всѣхъ негодныхъ людей изъ совѣта короля и опять возстановить христіан-

скую церковь въ Англіи: онъ называлъ свой походъ пилигримствомъ милосердія. Но когда онъ при Донкастерѣ столкнулся съ королевскими войсками, онъ все же остановился; онъ вовсе не намѣревался начинать борьбу, которая дорого бы обошлась странѣ, но хотѣлъ только обнародовать большое ополченіе въ пользу прежней системы. Онъ ограничился представленіемъ своихъ требованій: уничтоженіе ереси, возвращеніе главной духовной паствы папѣ, возстановленіе монастырей, наказаніе Кромвеля и его помощниковъ и собраніе парламента. Если принять во вниманіе бунтъ Ирландіи, возмущеніе Корнваллиса и возбужденіе католиковъ, вызванное чужими князьями, то понятно, что въ тайномъ совѣтѣ короля нашлись голоса въ пользу уступокъ. Но Генрихъ VIII Тюдоръ не былъ способенъ уступить. Онъ указалъ мятежникамъ въ высокомѣрныхъ словахъ на ихъ глупость и дерзость и повторилъ, что все, что онъ дѣлаетъ и приказываетъ, соотвѣтствуетъ божескому закону и служитъ къ выгодѣ страны; особенно обѣщаніемъ собрать парламентъ въ Іоркѣ онъ вызвалъ угрожающее возмущеніе. Но при первыхъ же безпорядкахъ онъ взялъ опять назадъ свое слово; если онъ на минуту забылъ исполненіе своихъ прерогативъ, тѣмъ не менѣе снисходительно исполнилъ онъ ихъ сейчасъ же послѣ того. Наконецъ онъ овладѣлъ всѣми предводителями мятежа и явился предъ свѣтомъ побѣдителемъ. Но по этому только еще нельзя было предположить, что это движеніе осталось для него безъ послѣдствій. Его намѣреніемъ не могло въ самомъ дѣлѣ быть, чтобы изъ догматическихъ мнѣній поссориться съ своею націею и подвергнуть опасности свое государство.

Онъ твердо стоялъ на своемъ распоряженіи распространять Библію на англійскомъ языкѣ, ибо на Св. Писаніи основывалось его отпаденіе отъ іерархіи и требованіе послушанія себѣ отъ всѣхъ сословій: онъ не позволилъ сбить себя съ толку законно рѣшенною конфискаціею монастырей, но отъ дальнѣйшихъ нововведеній онъ отдалялся; во всѣхъ приказахъ все болѣе обнаруживалось его измѣнившееся направленіе.

Во время смутъ еще, онъ приказалъ епископамъ соблюдать обычные церковные обряды: онъ издалъ эдиктъ противъ брака духовенства, хотя и былъ, можетъ быть, болѣе склоненъ его допустить изъ уваженія къ народу. Введеніе печатныхъ книгъ въ чужихъ краяхъ, всякое обнародываніе какого нибудь сочиненія даже безъ предварительной цензуры—было строго запрещено въ Англіи. Процессіи, колѣнопреклоненія и другіе священные обычаи въ церковной и домашней жизни были снова введены. Самые строгіе эдикты были изданы противъ отступленія отъ ученія о таинствахъ и противъ другихъ еще болѣе широкихъ ученій. Король лично присутствовалъ при опроверженіи

невѣрующихъ. Этимъ онъ хотѣлъ доказать свѣту, что онъ не еретикъ. Выяснилось также, что со стороны императора не предстоитъ нападенія. Вскорѣ послѣ тѣхъ объявленій королю Франціи, Карлъ V понялъ, что ему его не склонить на свою сторону. Въ испанскомъ государственномъ совѣтѣ было принято во вниманіе то, что Генрихъ VIII, въ случаѣ какого либо предпріятія противъ него, будетъ постоянно имѣть помощь короля французскаго и можетъ легко быть побужденъ, при его страстномъ образѣ мыслей, къ поступкамъ, которыхъ лучше надо стараться избѣгать. Послѣ смерти Катерины, произошло сближеніе, которое, хотя и не привело къ полному согласію, но все же избавило отъ настоящихъ непріязненныхъ дѣйствій. Это совершенно бы разстроило взглядъ на дѣла, если бы мы стали здѣсь приводить разныя колебанія, въ которыхъ находились политическія обстоятельства и переговоры. Обстоятельство, ускорившее миръ, было все болѣе возрастающая торговля между Англіею и Нидерландами, отъ которой зависѣло благосостояніе обѣихъ странъ и остановка которой повредила бы государямъ. Когда нѣсколько времени спустя, подъ вліяніемъ новаго папы Павла III, императору была представлена возможность союза съ Франціею противъ Англіи, онъ отказался. Онъ замѣтилъ, что этимъ нѣмецкіе протестанты, на которыхъ прежде всего надо обратить вниманіе, были бы подкрѣплены. Только тогда можно было ожидать нарушенія этой системы, когда внутреннія волненія въ Англіи побудили бы императора къ поспѣшнымъ дѣйствіямъ. Однажды казалось даже, что іоркскія движенія могутъ соединиться съ религіозными. Потомокъ Эдуарда IV, маркизъ Эксетеръ, рѣшился жениться на принцессѣ Маріи и возстановить прежніе церковные обряды. Онъ встрѣтилъ къ этому нѣкоторое сочувствіе въ странѣ; содѣйствіе императора могло-бы тогда сильно повредить.

Генрихъ не позабылъ укрѣпить берега и морскія гавани противъ такого содѣйствія. Но лучшимъ средствомъ для предупрежденія всѣхъ опасностей подобнаго рода—было отнятіе у нихъ той почвы, на которой онѣ возникли. Генрихъ VIII не былъ расположенъ отказаться отъ части пріобрѣтеннаго имъ могущества; напротивъ, въ 1539 году, его верховная власть надъ церковными дѣлами была утверждена новою парламентарскою граматою; другая грамата заключала уничтоженіе значительныхъ монастырей, доходы которыхъ служили для обзаведенія нѣкоторыхъ новыхъ епископствъ, но преимущественно переходили въ собственность государства и лордовъ: церковное единство и согласіе страны были еще строже установлены. Но чѣмъ крѣпче Генрихъ рѣшился держаться нововведеній въ конституціи, тѣмъ нужнѣе оказалось избѣгать въ отношеніи ученія каждое отступ-

леніе, которое могло бы показаться еретическимъ. И если онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сблизился съ протестантами потому, что нуждался въ ихъ помощи противъ императора и папы, то теперь дѣла приняли скорѣе такой оборотъ, что онъ съ этой стороны тѣмъ болѣе могъ считать себя безопаснымъ, чѣмъ менѣе онъ приходилъ въ прикосновеніе съ нѣмцами. При совершенно другихъ предзнаменованіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, были снова возобновлены три года спустя религіозныя пренія, результатомъ которыхъ въ 1536 году было утвержденіе шести статей. Старовѣрческіе епископы были тверды какъ всегда и, насколько мы знаемъ, еще тѣснѣе связаны какимъ-то особеннымъ соглашеніемъ. Они съумѣли уничтожить въ королѣ, доказательствами полной преданности, подозрѣніе въ томъ, что намѣревались возстановить папское величіе и судебную власть. Протестанты, напротивъ, претерпѣли чувствительную потерю въ лицѣ епископа Фокса Герсфордскаго, который постоянно имѣлъ большое вліяніе на короля, но недавно умеръ. Объ изъявленіи тѣми или другими вопросовъ, смущающихъ свѣтъ, нельзя было и думать; они находились между собою въ непримиримой враждѣ. Пренія перешли по предложенію Норфолка въ парламентъ и собраніе; наконецъ сочли нужнымъ потребовать, чтобы каждая изъ двухъ партій представила проектъ билля въ своемъ родѣ.

Такъ и случилось: сперва оба билля были представлены королю, отъ слова котораго, по преобладающему образу мыслей, преимущественно зависѣло рѣшеніе. Кажется, какъ будто бы видѣли его съ обоими религіозными проектами въ рукахъ. Съ одной стороны находились продолжающіяся нововведенія, возрастающія волненія въ странѣ и союзъ съ протестантами; съ другой стороны—ограниченіе выгодъ, пріобрѣтенныхъ государствомъ, удовлетвореніе большинства жителей, державшихся старой вѣры, миръ и дружба съ императорами. Король также предпочиталъ ученія, исповѣдываемыя имъ съ юности. Перевѣсъ клонился на сторону старовѣрческихъ епископовъ: Генрихъ предпочелъ ихъ билль. Этотъ кровавый билль шести статей, насколько извѣстно, преимущественно дѣло епископа Гардинера Винчестера.

Ученіе о пресуществленіи и всѣ сопряженные съ нимъ обряды, литургія, тайная исповѣдь, связывающая сила обѣтовъ были здѣсь снова утверждены, а бракъ и чаша запрещены подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія. Все высшее дворянство единодушно согласилось съ этимъ утвержденіемъ, а нижняя палата сдѣлала рѣшеніе духовенства закономъ. Какъ жестоко были обмануты нѣмецкіе послы, поспѣшившіе сюда въ ожиданіи увидѣть своихъ пріятелей богослововъ побѣдителями въ Англіи!

Но они все же еще надѣялись, что дѣло не дойдетъ до исполненія этихъ рѣшеній. Причиною этого былъ новый бракъ короля съ нѣмецкой протестантской принцессой. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ Анну Болейнъ постигла ужасная судьба. Незадолго до свадьбы король представлялъ ее, какъ примѣръ невинности, скромности и стыдливости; едва прошло два года, онъ обвинилъ ее въ невѣрности, при обстоятельствахъ, которыя, будь они справедливы, показали бы ее дѣйствительно однимъ изъ самыхъ развратныхъ существъ въ мірѣ. Если прослѣдить всѣ доказательства, вызвавшія ея осужденіе, то трудно повѣрить, что они совершенно вымышлены, тѣмъ болѣе, что нашли подтвержденіе даже въ новѣйшее время. Если же, напротивъ, прочесть письмо, полное благородства и правдивости, въ которомъ Анна клянется королю въ своей невинности, то нельзя повѣрить въ возможность тѣхъ проступковъ, за которые она должна была умереть. Ко всему давно уже извѣстному можно только прибавить, что король, вскорѣ послѣ коронаціи, въ ноябрѣ 1533 года, сталъ уже выказывать нѣкоторое неудовольствіе къ ней. Или, можетъ быть, наконецъ ревнивому самодержцу все же было непріятно, что статсъ-дама его супруги теперь вмѣстѣ съ нимъ носитъ корону въ качествѣ королевы? Анна Болейнъ и не могла быть невиновною, такъ какъ никакихъ строгихъ правилъ особенно не придерживалась. Можетъ быть королю показалось знакомъ Божія неудовольствія то, что Анна Болейнъ послѣ второй беременности родила мертваго сына? Всегда говорили, что живое участіе, оказанное ею успѣхамъ протестантизма, поощрителями котораго были почти всѣ ея личные друзья, больше всего способствовало ея несчастію. Своими дѣйствіями она слишкомъ далеко заходила, по понятіямъ того дома, изъ котораго она происходила. Среди этихъ религіозныхъ и политическихъ партій, преслѣдуемая подозрѣніемъ и клеветою, а съ своей стороны мучимая ревностью, скорѣе подверженная опасности, чѣмъ защищенная обладаніемъ высшаго достоинства, она впала въ возбужденное состояніе, близкое къ сумасшествію. На другой день послѣ ея казни, король женился на Іоаннѣ Сеймуръ, ея фрейлинѣ, возбудившей именно ея ревность. Она въ самомъ дѣлѣ подарила ему сына, котораго онъ такъ желалъ, но сама умерла вскорѣ послѣ его рожденія.

Нѣсколько времени спустя, Кромвель рѣшился, для подкрѣпленія своей партіи, устроить бракъ короля съ нѣмецкою принцессой Анною Клевскою, близкою родственницею курфирста Саксонскаго, братъ которой былъ сильнымъ противникомъ императора. Это было въ то время, когда императоръ, на дорогѣ въ Нидерланды, посѣтилъ короля Франциска, и когда снова стали опасаться союза этихъ государей. Но опасенія исчезли и этимъ

уничтожилась побудительная причина къ протестантскому союзу короля, когда прибыла его новая супруга. Ея недостатки искупались ея любезностью; но человѣка, какимъ былъ Генрихъ она не могла плѣнить и онъ не замедлилъ расторгнуть и этотъ бракъ; Анна покорилась безропотно: король предпочелъ ей католичку изъ семейства Говардъ. Но перемѣны, происшедшія при выборѣ новой супруги, этимъ не ограничились. Всѣ надежды протестантовъ рушились теперь окончательно: это былъ самый сильный для нихъ ударъ. Кромвель, который главнымъ образомъ провелъ схизму въ странѣ и сталъ во главѣ реформатской партіи, былъ теперь преобладающей партіей присужденъ къ погибели. Онъ былъ еще насильственнѣе низвергнутъ, чѣмъ когда-то Вольсей. Во время занятій, ему объявили однажды въ собраніи тайнаго совѣта о его арестѣ; двое изъ его товарищей сорвали съ него всѣ бывшіе на немъ ордена, ибо онъ не былъ болѣе ихъ достоинъ; необдуманно высказанное слово, повредившее столь многимъ подъ его управленіемъ, погубило теперь его самаго.

Послѣ этого начались преслѣдованія нарушителей шести статей, такъ мало основательныя сами по себѣ и мало относящіяся къ самому дѣлу, но тѣмъ не менѣе губившія невинныхъ.

Епископы, какъ Латимеръ и Сакстонъ, были отправлены въ Тоўеръ. А сколько другихъ должны были за свою вѣру поплатиться жизнью! Робертъ Бернесъ, одинъ изъ основателей лучшихъ ученій въ Кембриджѣ, хорошо извѣстный и всѣми любимый въ Германіи, признавшій всѣ утвердившіяся тамъ доктрины, умеръ на эшафотѣ. Что однажды требовали крестьяне, то исполнилось теперь: еретики были по старымъ постановленіямъ снова сжигаемы. Но нѣсколько времени спустя, всѣ крайнія насилія были прекращены. Къ кровавымъ законамъ были присоединены смягчающія формы. Архіепископа Кранмера, на котораго также напали, король самъ защитилъ. Когда онъ вторично воевалъ противъ Франціи вмѣстѣ съ императоромъ, то прежде, чѣмъ отправиться для войны на континентъ, онъ ввелъ въ Англіи пѣніе «литіи» при процессіяхъ. Чтеніе Библіи на родномъ языкѣ и общая божественная служба не могли, несмотря на всѣ преслѣдованія, поколебать протестантскія идеи и стремленія.

Смѣшеніе семейныхъ дѣлъ съ политическими и религіозными придаетъ царствованію Генриха VIII отвратительный и смѣшной видъ. Королева Катерина Говардъ, бракъ которой въ то же время обозначалъ перевѣсъ католической партіи, на столько же, безъ сомнѣнія, была виновна, на сколько осуждали ея предшественницу Анну: ея родственники, предводители антипротестант-

ской партіи, потеряли при ея паденіи свое положеніе и вліяніе при дворѣ. Потомъ король женился на Катеринѣ Парръ, которая была такъ умна и хитра, что съумѣла поддержать его благосклонность. Она очевидно была на сторонѣ протестантовъ; однажды за это на нее серьезно напали; но король не препятствовалъ ея вліянію, такъ какъ оно не мѣшало его политикѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ святость брака была нарушена, положеніе супруги короля было также непрочно; противоположныя партіи старались погубить ту, которая имъ мѣшала; что прежде требовалось отъ другихъ членовъ придворнаго штата, именно, полное согласіе съ господствующею системою, тоже самое желалъ теперь король и въ отношеніи своихъ супругъ; значеніе брака показывалось теперь только еще въ насильственности, съ которою онъ нарушался. Этотъ упрямый и рѣшительный государь отнюдь не поступалъ, какъ полагаютъ, только по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Мы видѣли, какъ послѣ паденія Вольсея онъ сперва отдался протестантскимъ доктринамъ, а потомъ сталъ ихъ преслѣдовать. Какъ нѣкогда Эмпсона и Дудлея, такъ и Вольсея, а теперь Кромвеля онъ принесъ въ жертву возбужденнаго противъ нихъ мнѣнія. Онъ узнавалъ политическія нужды съ быстрою проницательностью и слѣдовалъ ихъ направленію. Странно то, что онъ, казалось, всегда весь предавался этимъ направленіямъ, какъ они ни расходились: онъ велѣлъ установить ихъ въ противорѣчащихъ другъ другу законахъ и строго слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Англія представляется при немъ единодушнымъ обществомъ, отречься отъ котораго никакъ нельзя, и которое постоянно тянетъ то въ одну, то въ другую сторону. Правила и наклонности Генриха VIII не заключали въ себѣ собраніе парламента, хотя это было необходимо для его церковнаго предпріятія. Онъ давалъ свободный ходъ его направленіямъ и всегда соображался съ его мнѣніями, такъ что умѣлъ его постоянно держать подъ своимъ вліяніемъ. Ни одинъ другой государь не видѣлъ болѣе преданныхъ парламентовъ, какъ онъ. Они приписали законную силу его приказамъ и предоставили ему право по своему располагать престоломъ: его же рѣшеніе они приводили въ исполненіе. Такимъ образомъ Генриху VIII было возможно привести въ исполненіе безпримѣрное политическое дѣло. Сперва онъ съумѣлъ духовнымъ направленіемъ пріобрѣсти вліяніе, а потомъ опять съумѣлъ и крайне ограничить. Онъ не хотѣлъ быть ни протестантомъ, ни католикомъ; а потомъ опять и тѣмъ и другимъ; это было бы не понятно, если бы дѣло шло только о мнѣніяхъ; но онъ даже свой народъ къ этому придерживалъ, потому что его намѣреніе—освободить страну отъ папскаго іерархическаго устройства и все же ни одного лишняго шага для этого не сдѣлать—соотвѣтствовало духу на-

рода. Въ первое время казалось, что онъ религіозными нововведеніями отклонитъ отъ себя Ирландію, гдѣ католицизмъ совпадалъ съ національностью. И дѣйствительно, были минуты, когда мятежные бароны въ союзѣ съ папою и съ императоромъ, съ помощью французовъ и шотландцевъ, отважились со всѣхъ сторонъ напасть на англичанъ и сбросить ихъ въ море. Но и въ этомъ ему безконечно помогло то, что онъ защищалъ догматы и отказался отъ конституціи. Въ Ирландіи монастыри и большія аббатства были также конфискованы. О'Бріены, Десмонды, О'Донели и другія семейства, получившія въ видѣ подарковъ ихъ имѣнія, были этому не менѣе рады, чѣмъ англійскіе лорды и дворяне.

При этихъ обстоятельствахъ, какъ-будто предчувствуя перемѣну государственнаго положенія, которую они чрезъ это получали, они признали Генриха VIII ирландскимъ королемъ: они получали отъ него ленныя помѣстья и появлялись въ его парламентѣ.

Подъ конецъ своего царствованія Генрихъ еще разъ, въ союзѣ съ императоромъ, поднялъ оружіе противъ Франціи. Его побудило къ этому нетолько дѣло императора, но и то, что французы постоянно помогали и поддерживали враждебную ему шотландскую партію. Онъ вовсе не заботился объ окончательномъ рѣшеніи обѣихъ сильныхъ державъ и довольствовался однимъ покореніемъ Булоня. Онъ возвратился къ политикѣ своего отца, — не позволять своимъ сосѣдямъ втягивать себя въ ихъ дѣла и пользоваться ихъ враждою для своей выгоды и безопасности. Еще больше пользы онъ могъ принести Англіи въ отношеніи оборонительнаго положенія. Считаютъ до 50 портовъ, устроенныхъ имъ не безъ помощи иностранныхъ мастеровъ; Дувръ и Кале, обѣ большія гавани, были приведены въ хорошее состояніе и снабжены годными для употребленія кораблями. Послѣ долгихъ лѣтъ онъ опять выстроилъ первыя большія суда, какъ Гарри, Мари Розе, которыя потомъ спустили во время войны. Можетъ быть, что лучше бы было сохранить монастырскія имѣнія, чѣмъ продавать ихъ большею частію за безцѣнокъ, но все-же большая часть ихъ доходовъ была употреблена для этой цѣли и принесла большую пользу странѣ.

Характеръ этого царствованія состоитъ въ смѣшеніи духовныхъ и свѣтскихъ интересовъ, въ соединеніи насилія и попеченія. Родовая вражда, которую долженъ былъ побѣждать Генрихъ VII, соединяется при Генрихѣ VIII съ религіозною: какъ Вильгельмъ Стэнли при отцѣ, такъ Фишеръ и Моръ должны были умереть при сынѣ, потому что они сомнѣвались въ утвержденіи установленнаго закона. Ужасно было видѣть, какъ при Генрихѣ VIII связанныхъ папистовъ и протестантовъ за оскорбленіе законовъ таскали на

мѣсто казни. Кто могъ себя чувствовать въ это время не притѣсняемымъ и безопаснымъ? Несмотря на это, при открытіи засѣданія въ 1542 г., послѣ изложенія канцлеромъ всѣхъ заслугъ короля, лорды и чернь преклонились предъ своимъ государемъ въ знакъ признательности и благодарности. Въ засѣданіи 1545 г. онъ снова сталъ самъ говорить. Онъ, какъ отецъ, уговаривалъ обѣ религіозныя партіи помириться; все собраніе какъ-будто вдругъ почувствовало, что это его послѣдняя просьба, и на многихъ лицахъ можно даже было замѣтить слезы.

Это была могущественная сила, покоряющая всѣ волнующіеся элементы и налагающая ненарушимые законы. На ихъ разнородностяхъ онъ основывалъ сильную систему общественнаго порядка. Въ Генрихѣ VIII нѣтъ ни самопожертвованія, ни благородства души, ни истиннаго участія къ живому человѣку: люди для него — только орудія, которыми онъ дѣйствуетъ, а потомъ ихъ уничтожаетъ; но у него безпримѣрно-практическій умъ и способность къ самой разнообразной дѣятельности; онъ соединяетъ быстроту рѣшеній съ постоянно твердою волею. За его царствованіемъ слѣдишь въ одно и то же время съ ужасомъ и удивленіемъ.

(Englische Geschichte — Ranke, zweites Buch.)

4. ЭДУАРДЪ VI (1547—1553 Г.).

Образованіе англиканской церкви.

Въ послѣдніе годы своего правленія Генрихъ VIII неутомимо стремился къ освобожденію страны отъ іерархическаго господства папы, оставляя въ то же время неприкосновенными всѣ остальныя доктрины католической религіи и даже, въ случаѣ необходимости, отстаивая ихъ законность въ королевствѣ. Подобнаго рода система, построенная на принципахъ, противорѣчащихъ одинъ другому, а слѣдовательно не имѣющая за собою прочнаго фундамента, никогда не могла осуществиться.

Невозможно было, отвергая папу, въ то же время свято признавать всѣ догматы католической вѣры, такъ какъ оба принципа возникли въ одно и то же время, одинъ естественнымъ образомъ вытекалъ изъ другаго, т. е. мысль о главенствѣ папы только и могла являться слѣдствіемъ всѣхъ вѣрованій и понятій католицизма.

Подобный характеръ правленія Генриха VIII въ концѣ его жизни какъ въ странѣ, такъ и при дворѣ создалъ двѣ партіи,

изъ которыхъ одна тайнымъ образомъ стремилась къ возстановленію въ Англіи господства папской власти, а другая добивалась полнѣйшаго развитія принциповъ протестантизма.

Генрихъ VIII назначилъ своимъ преемникомъ сына своего Эдуарда, отъ котораго право престолонаслѣдія переходило къ старшей дочери Генриха—отъ его испанской супруги, а затѣмъ къ младшей—отъ Анны Болейнъ. Эдуарду было тогда не болѣе 9-ти лѣтъ, а потому для всѣхъ партій вопросъ о назначеніи правителя во время его несовершеннолѣтія имѣлъ большое значеніе. Вслѣдствіе этого еще при жизни Генриха VIII начались происки съ обѣихъ сторонъ. Прежде всего свои права на управленіе заявилъ Эдуардъ Сеймуръ, братъ матери Эдуарда VI, пользовавшійся большимъ значеніемъ при дворѣ и въ войскѣ Генриха VIII. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ королевой, Катериной Парръ, и раздѣлялъ ея склонность къ протестантизму; но заявленія Эдуарда Сеймура были встрѣчены враждебно Норфольками, въ противоположность ему, гораздо болѣе склонными къ католицизму и въ первые годы правленія сильно вліявшими на ходъ дѣлъ въ королевствѣ. У молодаго Норфолька, графа Ѳоррея, возникла безнравственная мысль — воспользоваться когда-то бывшей страстью короля къ женскому полу. Предполагая, что страсть эта еще въ немъ сохранилась, несмотря на то, что жизнь его со дня на день замѣтно угасала, Норфолькъ вздумалъ привлечь Генриха на сторону своей семьи, а слѣдовательно и на сторону католицизма съ помощію женскаго вліянія на него своей сестры. Однако вслѣдствіе отказа ея играть такую незавидную роль, онъ въ этомъ дѣлѣ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу и за свои честолюбивые замыслы впослѣдствіи не только самъ поплатился жизнью, но и отецъ его былъ посаженъ въ тюрьму, а епископъ Гардинеръ, имѣвшій наибольшую возможность дѣйствовать въ видахъ католицизма, былъ исключенъ Генрихомъ изъ списка тѣхъ лицъ, которыя послѣ его смерти должны были войти въ составъ тайнаго совѣта. Вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ VIII умеръ въ январѣ 1547 года.

Желая и послѣ своей смерти, какъ можно вѣрнѣе, сохранить въ Англіи свою систему управленія, онъ распорядился такимъ образомъ, чтобы въ составъ тайнаго совѣта вошли одинаково люди обоихъ противоположныхъ направленій. Но не долго члены его пользовались равными правами. Въ Англіи слишкомъ привыкли видѣть высшую власть сосредоточенной въ рукахъ одного лица, а не цѣлаго совѣщательнаго учрежденія, и потому послѣ первыхъ же засѣданій тайнаго совѣта выдвинулся впередъ дядя Эдуарда IV, Гертфордъ, и получилъ званіе герцога Соммерсетскаго и управителя страны. Въ лицѣ его протестантизмъ долженъ былъ получить перевѣсъ надъ католицизмомъ.

Дѣйствительно, тотчасъ же послѣ смерти Генриха, при коронаціи молодаго короля, протестанты выказали свое вліяніе уже тѣмъ, что въ совершаемой церемоніи значительно отступили отъ формъ, заранѣе предначертанныхъ для нея Генрихомъ VIII, но шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ понятіями о Муропомазаніи. Архіепископъ Кранмеръ въ своей рѣчи, обращенной къ королю, самымъ явнымъ и рѣшительнымъ образомъ опровергнулъ убѣжденіе, до сихъ поръ тѣсно связанное съ этимъ таинствомъ и вслѣдствіе котораго еще со временъ Томаса Бекета помазанію муромъ приписывалось особенное освящающее дѣйствіе. Тогдашній архіепископъ Кентербюрійскій, для большей убѣдительности слушателей, за доказательствами высказываемыхъ мнѣній нѣсколько разъ обращался къ древнимъ временамъ, привелъ въ примѣръ Осію, который точно также, какъ и Эдуардъ VI, еще несовершеннолѣтнимъ вступилъ въ управленіе государствомъ и съ теченіемъ времени содѣйствовалъ искорененію въ немъ идолопоклонства; такъ и Эдуардъ VI, по словамъ архіепископа, можетъ впослѣдствіи совершенно уничтожить поклоненіе иконамъ въ королевствѣ, освободить страну отъ тираніи римскаго епископа и вообще быть разсадникомъ истиннаго богопочитанія. Въ концѣ своей рѣчи архіепископъ выяснялъ, что не самое муро дѣлаетъ короля помазанникомъ Божіимъ, но сила, даруемая ему при этомъ свыше, благодаря которой онъ становится намѣстникомъ Бога въ своемъ королевствѣ. Вотъ этотъ-то высшій даръ неба налагаетъ на него религіозный долгъ и уполномочиваетъ произвести реформу въ церкви, а не поддерживать въ ней до сихъ поръ существовавшій порядокъ.

По окончаніи коронаціи протестанты должны были рѣшить—какимъ путемъ преобразовать законы, когда-то утвержденные самимъ королемъ Англіи, и довольно-ли прочное положеніе займетъ, вслѣдствіе произведенныхъ перемѣнъ, королевство по отношенію другихъ державъ? Указывая на примѣръ Генриха VIII и основываясь на верховной власти короля, стали прежде всего составлять коммиссіи и разсылать ихъ по королевству съ цѣлію поднять и возбудить упавшій духъ протестантизма. Законность коммиссій подтверждали еще однимъ изъ изданныхъ когда-то предписаній Томаса Кромвеля, какъ-будто съ тѣхъ поръ всѣ они не были отмѣнены, а только, благодаря пристрастному и небрежному образу дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ, оставлены въ пренебреженіи.

Цѣлью разсылаемыхъ коммиссій было узнать—исполняются-ли въ точности приказанія, изданныя въ пользу протестантизма, т. е. изобличаютъ-ли епископы передъ народомъ злоупотребленія папы, учатъ-ли его священники тому, что сущность добрыхъ дѣлъ состоитъ не во внѣшнемъ исполненіи различнаго рода обрядно-

стей, а въ сознательномъ исполненіи своего долга, содѣйствуетъ-ли духовенство уменьшенію числа праздниковъ и путешествій къ святымъ мѣстамъ. Кромѣ всего этого коммиссіи потребовали уничтоженія св. иконъ, настаивали на томъ, чтобы юношество обучалось главнымъ членамъ вѣры на англійскомъ языкѣ, чтобы молодые люди каждое воскресенье читали по главѣ изъ Библіи, пользуясь для объясненія ея толкованіями Эразма. Проповѣди должны были быть замѣнены простыми бесѣдами, признанными законными властью архіепископа и короля; а архіепископъ Кранмеръ, который первый ихъ ввелъ въ употребленіе и еще ратовалъ за нихъ въ 1536 г., подтверждая разумность ихъ существованія, говоритъ, что Св. Писаніе содержитъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя человѣку для спасенія его души, а также, что отпущеніе грѣховъ зависитъ единственно отъ заслуги Спасителя и отъ нашей вѣры въ Него. Какъ необходимое слѣдствіе подобнаго рода ученія, являлась мысль о ничтожномъ значеніи священныхъ преданій и внѣшняго исполненія обрядностей для спасенія души человѣка.

Архіепископъ нашелъ себѣ поддержку въ краснорѣчивыхъ и ревностныхъ проповѣдникахъ, каковыми были—Матѳей Паркеръ, Джонъ Ноксъ и Гугъ Латимеръ.

Изо всѣхъ трехъ по силѣ и значенію своихъ проповѣдей для слушателей особенно выдавался Гугъ Латимеръ; онъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ, проповѣдывалъ еще во времена прежнихъ преслѣдованій протестантовъ, за что и былъ заключенъ въ Тоуеръ, и вотъ теперь, только что выпущенный оттуда, пострадавшій тѣлесно, но сохранившій всю духовную силу въ полной неприкосновенности, онъ снова явился на проповѣдь и, благодаря всѣмъ перечисленнымъ даннымъ, производилъ на народъ удивительно сильное впечатлѣніе.

Однако о положительной реформѣ въ церкви нечего было и думать до тѣхъ поръ, пока существовали еще шесть статей съ ихъ строгими карательными мѣрами; но парламенту, составившемуся подъ вліяніемъ новаго протестантскаго направленія, не доставляло особеннаго затрудненія выдать указъ объ отмѣнѣ ихъ. Дѣйствительно, протекторъ въ скоромъ времени издалъ постановленіе, совершенно уничтожающее ихъ значеніе, подъ предлогомъ настоятельной просьбы объ этомъ гражданъ, жизнь которыхъ подвергалась опасности во время ихъ существованія.

Затѣмъ мало-по-малу реформаторы стали сознавать, что догматы католической религіи до такой степени тѣсно связаны съ понятіемъ о папской власти, что невозможно, отрицая главенство папы, въ то же время допускать законное существованіе многихъ доктринъ католицизма, и что слѣдовательно для окончательной реформы необходимо отказаться и отъ сущности его

ученія. Вслѣдствіе этого возникшаго убѣжденія было издано соборное постановленіе, утвержденное единодушнымъ согласіемъ парламента, чтобы таинство Св. причащенія совершалось подъ обоими видами. Это нововведеніе больше всѣхъ, бывшихъ до сихъ поръ, отступало отъ обрядовъ римско-католической церкви и преимущественно содѣйствовало преобразованію общественнаго богослуженія въ Англіи.

Уже къ наступавшему празднику Воскресенія Христова (1548) была издана на англійскомъ языкѣ формула для совершенія таинства Св. причащенія. Затѣмъ, по желанію молодаго короля, была введена новая литургія, заключавшая въ себѣ всѣ домашнія и церковныя службы—требникъ съ литіей, когда-то пересмотрѣнной Генрихомъ VIII; это послѣднее добавленіе ясно показывало, что реформаторы еще только на-половину отступали отъ существовавшаго до сихъ поръ порядка вещей.

Новая литургія есть вѣрное отраженіе религіозныхъ чувствъ того времени, даетъ намъ настоящее понятіе о глубокой учености и смѣлости ея составителей. Она была съ восторгомъ признана парламентомъ въ полномъ его составѣ 1549 г., который въ своемъ отзывѣ о ней, между прочимъ, прибавляетъ, что она написана подъ вліяніемъ божественнаго вдохновенія.

Тотчасъ же вышло повелѣніе, отмѣняющее всѣ литургіи, существовавшія до сихъ поръ и вводящее въ употребленіе новую во всѣхъ церквахъ страны. Эта новая литургія, можно сказать, вскормила и воспитала религіозное чувство англійскаго народа. Такимъ образомъ реформа пустила глубокіе корни въ самую сущность ученія церкви.

Вскорѣ отмѣнена была тайная исповѣдь съ поясненіемъ, что каждому гражданину предоставляется свобода пользоваться ею или нѣтъ; но вообще же всякое нововведеніе старались узаконить, ссылаясь напримѣръ покойнаго короля, у котораго будто оно впервые создалось и имъ же было когда-то объявлено. Руководствуясь этимъ правиломъ, Соммерсетъ рѣшился привести въ исполненіе одно изъ намѣреній покойнаго Генриха VIII, какъ разъ соотвѣтствовавшее теперешнимъ религіознымъ реформамъ.

Еще въ 1542 г. Генрихъ VIII вступалъ съ нѣкоторыми изъ самыхъ знатныхъ вельможъ Шотландіи въ переговоры, цѣль которыхъ было желаніе короля не только произвести церковную реформу въ этой странѣ, но и то, чтобы шотландское правительство прекратило всякія сношенія съ Франціей и содѣйствовало пріѣзду молодой шотландской принцессы въ Англію для ея будущаго бракосочетанія съ сыномъ его, Эдуардомъ VI. Хотя предпріятіе покойнаго короля рушилось, вслѣдствіе вліянія многихъ враждебныхъ ему партій, но нѣкогда возникшая при-этомъ

мысль о соединеніи Англіи и Шотландіи въ одно большое протестантское королевство не могла быть уничтожена и во времена Эдуарда VI сильно занимала честолюбиваго Соммерсета, настойчиво стремившагося къ ея осуществленію. Ради этой цѣли стоялъ онъ теперь за войну съ Шотландіей и лѣтомъ 1547 г. даже самъ взялся за оружіе, въ надеждѣ заставить шотландцевъ признать прежнюю надъ ними власть Англіи, произвести посредствомъ бракосочетанія соединеніе обѣихъ странъ и уничтожить партіи, противодѣйствовавшія вторженію претестантизма, хотя преимущественно Соммерсетъ стремился слить Англію и Шотландію въ одно цѣлое, вслѣдствіе предполагаемаго ихъ династическаго и догматическаго единства.

Съ такой же точно религіозной точки зрѣнія смотрѣлъ на войну и питомецъ его, король Эдуардъ VI, который съ поля сраженія въ письмѣ своемъ къ протектору, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Они, т. е. шотландцы, сражаются за папу, мы же воюемъ за дѣло Божіе, а потому, безъ сомнѣнія, побѣдимъ».

Соммерсетъ съ войсками былъ уже въ самой Шотландіи, когда онъ рѣшился предложить противникамъ миръ подъ единственнымъ условіемъ бракосочетанія принцессы Маріи съ Эдуардомъ VI, но предложеніе его не было принято господствовавшей партіей въ странѣ. Вскорѣ насталъ день знаменитой битвы при Пинки, гдѣ Соммерсетъ одержалъ блистательную побѣду, не мало способствовавшую для пріобрѣтенія ему уваженія въ свѣтѣ, а также и тому, что нѣкоторыя пограничныя области Шотландіи принесли клятву въ вѣрности королю Эдуарду VI. Вообще же шотландцы были, вслѣдствіе одержанной побѣды Соммерсета, еще сильнѣе возбуждены противъ англичанъ; они слышать не хотѣли о сватовствѣ, устраиваемомъ съ оружіемъ въ рукахъ, и даже чрезъ нѣсколько времени (въ августѣ 1548) молодая принцесса была отвезена во Францію для бракосочетанія ея съ тамошнимъ дофиномъ.

Такимъ образомъ интересы католиковъ одержали еще разъ перевѣсъ надъ интересами англичанъ и протестантовъ. Да не только въ Шотландіи, но и въ самой Англіи намѣренія и предпріятія Соммерсета встрѣтили противодѣйствіе, такъ какъ здѣсь до сихъ поръ все еще были живы партіи, нѣкогда съ такимъ упорствомъ отрицавшія нововведенія Генриха VIII. И вотъ, лѣтомъ 1549 г., когда дѣло реформаторовъ сильно двинулось впередъ, между недовольными снова вспыхнулъ мятежъ.

Поводомъ къ этому послужило снятіе иконы въ одной изъ церквей Корнвалиса, причемъ королевскій комиссаръ былъ заколотъ священникомъ. Отсюда недовольные двинулись къ Девонширу, гдѣ они принуждали священнослужителей совершать ли-

тургію по католическому обряду, а когда число мятежниковъ значительно увеличилось, то они съ крестами, церковными свѣчами и иконами въ рукахъ составили цѣлое военное ополченіе и открыто выступили въ походъ противъ правительства, требуя для своего удовлетворенія — возобновленія 6 статей, совершенія литургіи по латинскому образцу и прежняго почитанія Св. таинствъ и иконъ. Хотя они не заходили въ своихъ требованіяхъ такъ далеко, какъ мятежники при жизни покойнаго Генриха VIII, т. е. не желали возстановленія власти римскаго престола, однако настаивали на признаніи постановленій общихъ соборовъ, въ особенности старыхъ церковныхъ уставовъ, наконецъ еще на томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, половина отнятыхъ церковныхъ имѣній была снова возвращена духовенству и чтобы въ каждомъ графствѣ оставлено было хотя по два монастыря. Такого рода смѣлыя и рѣшительныя дѣйствія мятежниковъ обусловливались нѣкоторыми исключительными обстоятельствами, именно тѣмъ, что въ одно и то же время съ ихъ религіознымъ движеніемъ произошло волненіе народа, вслѣдствіе недовольства его поведеніемъ дворянъ.

Еще издавна поселяне жаловались на то, что правительство ихъ заставляло часть пахатныхъ земель обращать въ луговыя пространства. Въ настоящее же время дворяне, дѣлая изъ духовныхъ владѣній свѣтскія, съ вновь пріобрѣтенными землями распоряжались точно такъ же и этимъ подали поводъ для народнаго волненія.

Подъ предводительствомъ главнаго своего вождя—кожевника, по имени Кетъ, толпы недовольныхъ какъ церковными, такъ и гражданскими нововведеніями, расположились на холмѣ близъ Норвича подъ большимъ дубомъ, который былъ названъ дубомъ реформъ. Ежедневно Кетъ заставлялъ читать литургію по древне-принятому обряду, но въ тоже время онъ не переставалъ думать о преобразованіи королевства въ демократическомъ духѣ, почему и съумѣлъ возбудить въ народѣ ожиданія самаго страннаго характера. Стали вѣрить предсказанію, что скоро будетъ уничтожено какъ королевское, такъ и дворянское достоинство и образуется новое правительство, во главѣ котораго будутъ поставлены 4 губернатора, избранные нижней палатой парламента. Фанатизмъ мятежниковъ былъ до того силенъ, что они готовы были убить каждаго, кто старался отговорить ихъ отъ задуманнаго предпріятія, что и случилось бы съ однимъ проповѣдникомъ, если бы во-время не успѣли его спасти. Однако попытки бунтовщиковъ не привели ни къ чему положительному. При Эдуардѣ VI они могли еще менѣе противостоять правительству, нежели при Генрихѣ VIII, а потому правительство въ скоромъ времени одержало надъ ними полную побѣду.

Такъ въ Девонширѣ мятежники были усмирены лордомъ Русселемъ, предкомъ герцоговъ Бетфордскихъ, а въ Норфолькѣ, гдѣ они утвердились всего сильнѣе, Джономъ Дудлеемъ, графомъ Варвикъ. Подъ знаменами этихъ предводителей находились и нѣмецкія войска, шедшія усмирять мятежниковъ, какъ враговъ протестантизма.

Хотя волненіе было подавлено, но оно успѣло произвести ослабляющее вліяніе на внутренній строй, а въ особенности на главу правленія.

Изо всѣхъ государственныхъ мужей Англіи протекторъ Соммерсетъ представлялъ собою образецъ человѣка, имѣющаго самое высокое понятіе о монархической власти. Въ немъ укоренилось убѣжденіе, что король-помазанникъ, благодаря силѣ, дарованной ему отъ Бога, въ своемъ лицѣ соединяетъ обѣ власти, какъ гражданскую, такъ и духовную. Вотъ почему молитва, съ которой онъ ежедневно обращался къ Богу, вся была проникнута сознаніемъ, что на немъ, какъ на опекунѣ и намѣстникѣ короля, лежитъ прямая обязанность заниматься веденіемъ и управленіемъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Точно такой же взглядъ былъ и у короля на Соммерсета; доказательствомъ этого служитъ письмо Эдуарда, въ которомъ онъ благодаритъ протектора за его готовность и усердіе водворить въ странѣ правду и истинную религію, и подчинить шотландцевъ королевской власти. Такимъ образомъ Соммерсетъ, заручившись взглядомъ короля на свое высокое призваніе, не старался держаться одного мнѣнія съ тайнымъ совѣтомъ, вполнѣ убѣжденный, что на немъ, а не на какомъ-нибудь другомъ, лежитъ отвѣтственность въ управленіи королевствомъ. Онъ считалъ себя уполномоченнымъ удалять, по собственному желанію, всѣхъ, оказывавшихъ хотя малѣйшее противодѣйствіе его проектамъ, а болѣзненное честолюбіе побуждало его относиться подозрительно и даже враждебно къ лицамъ, которыя, по своему положенію въ Англіи, въ состояніи были съ нимъ конкурировать. Между прочимъ, онъ не пощадилъ даже своего брата, Томаса лорда Сеймура, когда узналъ о его намѣреніи свергнуть настоящее правленіе, чтобы самому завладѣть высшей властью, — о переговорахъ, въ которые тотъ, лордъ-адмиралъ королевства, вступилъ съ морскими разбойниками, прося ихъ помощи для выполненія различнаго рода задуманныхъ имъ противозаконностей. Но несмотря на все, каждый призналъ жестокимъ приговоръ протектора, въ силу котораго его братъ подвергался всей строгости англійскихъ законовъ, тѣмъ болѣе жестокимъ, что побудительною причиною для подобнаго приговора послужилъ отказъ Томаса лорда Сеймура лично просить протектора, считавшаго себя оскорбленнымъ, о помилованіи. Такъ, одинъ изъ братьевъ предпочелъ

лучше умереть, чѣмъ унизиться просьбой о милости, а другой не иначе соглашался оказать ему помилованіе, какъ подъ условіемъ признанія его высокой власти. Однимъ словомъ, протекторъ Соммерсетъ исключительно захватилъ въ свои руки веденіе всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ: ни съ кѣмъ не совѣтуясь, по личному желанію, онъ раздавалъ министерскія и всякаго рода гражданскія мѣста, давалъ аудіенціи иностраннымъ посламъ и устроилъ въ своемъ домѣ коммиссію для принятія прошеній. Памятникомъ его могущества служитъ дворецъ, построенный имъ на морскомъ берегу и носящій до сихъ поръ его имя. Съ этимъ дворцомъ связано много воспоминаній; говорятъ, самовластіе протектора доходило до того, что по его приказанію разрушали не только дома и сады, но также и церковныя зданія, служившія помѣхою для созидаемой постройки или бывшія въ состояніи снабдить ее своимъ строительнымъ матеріаломъ.

Соммерсетъ представляетъ собою человѣка, который своимъ личнымъ усердіемъ пробилъ дорогу протестантскому вліянію въ королевствѣ, нѣсколько подавленному при Генрихѣ VIII, и придалъ англійскому правительству протестантскій характеръ. Въ связи съ этими задачами у него было желаніе соединить Шотландію съ Англіей и привести въ исполеніе мысль, имѣвшую большое значеніе для королевства, а именно — освободить новое вѣроисповѣданіе отъ антипатій простолюдина, которыя ясно высказались въ недавно-усмиренномъ возстаніи.

Вотъ почему, разбирая дѣла народнаго мятежа, онъ открыто стоялъ за требованія поселянъ, уничтожилъ выдѣлъ пахатной земли подъ луговыя пространства и далъ замѣтить, что этимъ людямъ нельзя такъ строго вмѣнять въ вину ихъ возмущеніе противъ правительства, такъ какъ имъ оставалось выбирать одно изъ двухъ—голодную смерть или возстаніе. По всему казалось, что уже въ слѣдующемъ засѣданіи парламента онъ, въ силу своего вліянія, съумѣетъ провести различныя мѣры въ пользу простаго народа.

Однако усердное ходатайство Соммерсета за простолюдиновъ возбудило противъ него непріязнь аристократіи, обвинявшей его за изданныя имъ прокламаціи, противорѣчившія мнѣнію тайнаго совѣта и вслѣдствіе этого еще болѣе подстрекавшія безпокойныхъ. Дворяне видѣли виновность протектора еще въ томъ, что онъ не только ничего не сдѣлалъ для усмиренія мятежниковъ, но даже оказывалъ поддержку и покровительство ихъ предводителямъ. Безъ сомнѣнія, это именно недовольство и было причиною того, что, несмотря на сильное желаніе Соммерсета, не ему, а его главнымъ соперникамъ—Джону Дудлею и Карлу Варвику поручено было предводительствовать войскомъ, назначеннымъ для усмиренія бунта въ Норфолькѣ; побѣда

же, одержанная послѣднимъ, благодаря дѣятельному участію дворянъ, шедшихъ защищать свои собственные интересы, подорвала окончательно авторитетъ Соммерсета. Послѣ этого событія даже лица, не вѣрившія его личному участію въ возстаніи, упрекали его въ слабости, допустившей народъ предписывать условія ему и правительству, изъ чего выходило, что простолюдинъ хочетъ занять мѣсто короля. Къ довершенію всего, плохое состояніе финансовъ въ королевствѣ, вслѣдствіе перемѣны монетной системы, неудачи въ войнѣ съ Франціей, все это помогло его противникамъ одержать перевѣсъ надъ нимъ въ тайномъ совѣтѣ. Однако Соммерсетъ не сразу сдался: сначала у него явилось намѣреніе заставить за себя дѣйствовать народъ, и вотъ, однажды, въ Гамптонкурѣ онъ обратился съ воззваніемъ къ довольно многочисленнымъ толпамъ поселянъ, приглашая ихъ идти на помощь королю, власть котораго дворяне хотятъ ограничить регентствомъ, хотя, надо замѣтить, что на самомъ дѣлѣ противники Соммерсета только его одного не желали больше видѣть въ главѣ правленія, и послѣ нѣкотораго колебанія онъ долженъ былъ имъ уступить. Этимъ Соммерсетъ спасъ свою жизнь, хотя подвергнутъ былъ тюремному заключенію; вскорѣ, однако, его выпустили на свободу и даже онъ снова вошелъ въ составъ членовъ тайнаго совѣта. Тогда Соммерсетъ еще разъ попытался овладѣть высшей властью съ помощью народа, но эта несчастная попытка довершила его окончательную погибель — онъ поплатился за нее своею жизнью. При его казни народъ, видѣвшій въ немъ передоваго борца за свое дѣло, выказалъ ему громкое и сердечное участіе.

Легко повѣрить тому, что Карлъ V, какъ говорили, принималъ живое участіе въ первомъ пораженіи, нанесенномъ Соммерсету. Послѣдній сдѣлался его личнымъ врагомъ съ тѣхъ поръ, какъ во время своего правленія далъ въ Англіи прочную основу протестантизму, низвергнутому императоромъ въ Германіи. Вотъ почему при дворѣ въ Брюсселѣ такъ радостно привѣтствовали переворотъ, происшедшій во внутреннихъ дѣлахъ Англіи, т. е. паденіе Соммерсета, хотя особенной выгоды оно не принесло Карлу V, вслѣдствіе происшедшей, невыгодной для него, перемѣны въ дѣлахъ внѣшней политики.

Сначала новое правленіе стало во враждебныя отношенія съ Франціей; но вскорѣ Карлъ Варвикъ, принявшій на себя обязанность правителя и званіе герцога Нортумберландскаго, былъ поставленъ въ необходимость заключить съ этой державой миръ, въ силу условій котораго Англія должна была отказаться отъ Булона и подчинить Шотландію вліянію Франціи.

Кромѣ того одна статья мирнаго договора содержала въ себѣ косвенный отказъ англичанъ отъ задуманнаго ими бракосочета-

нія англійскаго короля съ шотландской принцессой. Этотъ миръ былъ тѣмъ пагубнѣе для императора, что давалъ французамъ возможность возобновить противъ него недавно пріостановленныя враждебныя дѣйствія. Для этой цѣли они даже соединились съ нѣмецкими князьями, давно уже изнемогавшими подъ игомъ императора и обратившимися за содѣйствіемъ теперь также и къ англійскому правительству. Самъ по себѣ Эдуардъ былъ очень склоненъ подать руку помощи нѣмецкимъ князьямъ, но боязнь войны съ императоромъ Карломъ V удержала его отъ открытаго участія въ союзѣ, хотя достовѣрно извѣстно, что своимъ образомъ дѣйствій онъ существенно помогалъ нѣмецкимъ князьямъ взяться за оружіе, чтобы подорвать могущество императора.

Вообще личность Эдуарда VI, несмотря на его крайнюю молодость, сильно вліяла на ходъ всемірно-историческихъ событій.

Соммерсетъ, въ качествѣ опекуна, держалъ его довольно строго, тогда какъ герцогъ Нортумберландскій предоставилъ ему большую свободу, позволилъ имѣть свою собственную кассу, и съ удовольствіемъ замѣчалъ, когда онъ, раздавая подарки, выказывалъ себя настоящимъ королемъ. Научныя занятія, которымъ исключительно до сихъ поръ предавался Эдуардъ VI, были замѣнены теперь военными упражненіями. Въ нихъ онъ точно также проявилъ свои способности: былъ искуснымъ наѣздникомъ, натягивалъ лукъ и ломалъ копье не хуже всякаго юноши его возраста; вмѣстѣ съ этими упражненіями имъ не были забыты и ученыя занятія. Благодаря усидчивому труду, Эдуардъ VI обладалъ не только самыми разносторонними познаніями, но и глубокимъ умомъ, доказательствомъ чего служатъ оставшіяся послѣ него записки, въ которыхъ онъ, говоря напр. о своихъ отношеніяхъ къ обоимъ дядямъ Сеймурамъ, въ то же время проводитъ чрезвычайно вѣрный взглядъ на текущія событія. Чтобы установить систематичность въ образѣ изложенія мыслей, по совѣту своего учителя, онъ завелъ дневникъ, который, между прочимъ, отличается тѣми же качествами, какъ и его записки и можетъ служить историческимъ памятникомъ того времени. Король соединялъ въ лицѣ своемъ глубокую ученость и религіозность—онъ насквозь былъ проникнутъ духомъ протестантизма и самою задушевною его мыслью было, благодаря своему званію и могуществу,—стать когда-нибудь во главѣ протестантскаго міра. Вотъ почему герцогъ Нортумберландскій и не дерзалъ стѣснять реформаторовъ, когда послѣ Шмалькальденской войны Англія, сдѣлавшись какъ бы священнымъ убѣжищемъ для пострадавшихъ, съ радостью давала у себя пріютъ бѣжавшимъ ученымъ, сознавая безусловную пользу отъ ихъ содѣйствія въ борьбѣ съ католицизмомъ, далеко еще не подав-

ленномъ въ Англіи. Во дворцѣ Кранмера, въ Ламбетѣ, итальянцы, французы, поляки, швейцарцы, верхне-германцы и нижне-германцы всегда могли встрѣтить радушный пріемъ, а благодаря ходатайству статсъ-секретаря Вилліяма Сесиля, бывшаго еще на службѣ у прежняго протектора, и особенно возвысившагося послѣ его паденія, бѣглецы получали поддержку и покровительство отъ лица самого англійскаго короля. Такъ, Мартинъ Бутцеръ и Паулусъ Фагіусъ получили мѣста въ Кембриджѣ, а Петръ Мартиръ въ Оксфордѣ, гдѣ онъ даже выдержалъ большой диспутъ, на которомъ отстаивалъ правильность взгляда кальвинистовъ на таинство Св. причащенія, такъ какъ въ старинныхъ мѣстечкахъ Кентербюри и Гластонбюри находились валлонскія и французскія церкви и даже въ самомъ Лондонѣ Іоаннъ Ласки проповѣдывалъ въ церкви августинцевъ. Усердная служба этихъ иностранцевъ въ Англіи въ дѣлѣ распространенія протестантизма еще болѣе побуждала туземцевъ, недавно вернувшихся изъ изгнанія, отстаивать господствовавшіе религіозные взгляды на континентѣ. Сначала по собственному побужденію, а затѣмъ по настоянію тайнаго совѣта ревностные протестантскіе епископы уничтожили въ церквахъ престолы и замѣнили ихъ деревянными досками для совершенія таинства. Вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, возбудившій различнаго рода смуты въ Англіи, не могъ быть иначе рѣшенъ, какъ безусловно въ пользу свѣтскаго начала, хотя справедливо, что архіепископъ Кранмеръ сильно держался внѣшняго значенія видимой церкви. Обряды римской церкви при посвященіи въ духовный санъ, а также введенные въ послѣднія столѣтія нѣкоторые мистическіе обычаи были теперь замѣнены церковнымъ обрядомъ, образовавшимся въ еще болѣе раннюю эпоху, преимущественно въ африканской церкви. Но все-же самымъ главнымъ нововведеніемъ относительно этого рода церковныхъ церемоній была отвѣтственность, которой подвергали новопосвящаемыхъ: ихъ внутреннее призваніе должно было вполнѣ согласоваться съ волей Спасителя и съ законами страны, они должны были открыто признавать, что Св. Писаніе содержитъ въ себѣ все, что необходимо знать человѣку для своего спасенія, и обязывались искоренять всякое ученіе, несогласное по духу съ Св. Писаніемъ. Въ каждомъ преобразованіи необходимо было принимать участіе собору, коммиссіи изъ духовныхъ лицъ, архіепископу-примасу и значительному числу епископовъ, но окончательное рѣшеніе все-же зависѣло отъ парламента, еще со временъ Генриха VIII твердо присвоившаго себѣ духовную власть, а иногда и отъ одного тайнаго совѣта. Чтобы установить какую-нибудь норму для ученія, принялись за составленіе исповѣданія вѣры, которое въ скоромъ времени и появилось въ объ-

емѣ 42 статей. Общимъ желаніемъ всѣхъ составителей было имѣть своимъ главнымъ помощникомъ Меланхтона, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что его труды оказали сильное вліяніе на ихъ работу, которая носитъ на себѣ характеръ исповѣданій, составленныхъ въ Саксоніи Меланхтономъ, а въ Швабіи Бренцомъ, для представленія ихъ на судъ собора, и самое главное достоинство которой заключается въ томъ, что она помогла Англіи примкнуть самымъ тѣснымъ образомъ къ обществу протестантовъ на континентѣ.

Это вѣроученіе можетъ быть вполнѣ названо произведеніемъ Кранмера, такъ какъ уполномоченный королемъ и тайнымъ совѣтомъ приняться за составленіе исповѣданія вѣры, онъ, исполнивши возложенное на него порученіе, отдалъ на разсмотрѣніе свою работу сначала учителю короля—Эхеке, потомъ статсъ-секретарю—Сесилю, а затѣмъ всѣ они представили ее королю. Приглашены были нѣкоторые капелланы, чтобы подвергнуть ее тщательному пересмотру и наконецъ она была утверждена тайнымъ совѣтомъ.

Вліяніе правительства на замѣщеніе епископскихъ должностей сдѣлалось теперь еще очевиднѣе: епископы спокойно могли занимать мѣста только до тѣхъ поръ, пока высшая свѣтская власть оставалась вполнѣ удовлетворенною ихъ образомъ дѣйствій, и церковный судъ производился не отъ лица епископства, но точно также, какъ и свѣтскій, отъ имени короля съ его королевскою печатью. Вообще церковные законы не могли находиться въ противорѣчіи со свѣтскими уставами. Видя все болѣе и болѣе возрастащую зависимость духовнаго начала отъ свѣтскаго, нѣкоторые епископы, державшіеся старинныхъ убѣжденій, рѣшились не подчиняться подобному порядку вещей. Не желая открыто возстать противъ верховной власти, они стали утверждать, что нельзя признавать всѣхъ нововведеній по несовершеннолѣтію короля, и допустили въ небольшихъ церквахъ ихъ приходовъ прежнюю литургію, не соглашались на замѣну престоловъ простыми столами для совершенія таинства, или вступали въ споры относительно нѣкоторыхъ положеній вѣроученія. Правительство, съ своей стороны, желая во всѣхъ церквахъ водворить одинъ и тотъ же порядокъ, снарядило для суда надъ возмутившимися коммиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, которая, не долго думая, произнесла отрѣшеніе епископовъ отъ ихъ должностей. Такая судьба постигла Гардинера изъ Винчестера, Боннера изъ Лондона, Дея изъ Чичестера и Гита изъ Ворчестера. Напрасно возражали они, что не могутъ подчиниться рѣшенію суда, такъ какъ онъ не исключительно каноническій, правительство основывалось на всеобщихъ правахъ свѣтской верховной власти, чѣмъ и доказало по-

бѣду протестантскихъ прелатовъ надъ господствовавшими прежде церковными мнѣніями. Однако на этотъ разъ многіе изъ несогласныхъ откупились у правительства деньгами и пожертвованными имуществами, въ другихъ же мѣстахъ новопоставленные епископы согласились на такого рода уступки, которыя принесли выгоду не только англійской коронѣ, но даже, какъ напр. въ Лихфельдѣ, и частнымъ лицамъ. Наконецъ въ Англіи уже приступили къ рѣшенію вопроса—есть ли существенная разница въ званіяхъ епископа и пресвитера. Въ Лондонѣ основали церковь, которая должна была олицетворять собою чистое апостольское управленіе страной, правительство же, сдѣлавшись такимъ могущественнымъ, съ своей стороны помогало духовенству развивать въ народѣ непріязнь къ старинному устройству церкви.

Кто могъ предсказать, какъ далеко зайдутъ преобразованія, продолжая идти по проложенному имъ уже пути?

(Englische Geschichte—Ranke, zweites Buch, sechstes Kapitel.)

5. ЕЛИЗАВЕТА И МАРІЯ СТЮАРТЪ.

a) Вступленіе Елизаветы на престолъ.

Дочь Анны Болейнъ, Елизавета, была въ правленіе своей сестры, Маріи Тюдоръ, заподозрѣна въ участіи въ одномъ заговорѣ и потому заключена въ Тоуэръ. Господствовавшая тогда испанская партія, которая охотно освободилась бы отъ нея навсегда, подвергла ее строгому допросу. Но какъ усердно ни искали доказательствъ противъ нея, однако не могли найти ни одного, оскорбить же ее безъ явнаго обвиненія не осмѣливались. Она была наслѣдницей престола, признанной самимъ парламентомъ; народъ не терялъ надеждъ на будущее, соединявшихся съ ея царствованіемъ. Когда она, среди такой опасности, блѣдная и гордая появилась въ Лондонѣ, въ открытыхъ носилкахъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, и лицо ея носило отпечатокъ молодости, полной жизни и надеждъ, съ выраженіемъ невинности и грусти, она съ разу возбудила къ себѣ несомнѣнное расположеніе окружавшей ее толпы.

Елизавета не была, однакожъ, во главѣ народной оппозиціи противъ политики своей сестры; съ первой же минуты она встрѣтилась съ другой соперницей, притязанія которой должны были опредѣлить отношенія между ними. Когда Генрихъ VIII, утвердивши на престолѣ свою династію, обошелъ молчаніемъ

права своей сестры, вышедшей замужъ въ Шотландіи, права, которыя теперь переходили къ ея внучкѣ, Маріи Стюартъ, тѣмъ живѣе послѣ его смерти католическая партія въ странѣ вспомнила о нихъ, такъ какъ почитаніе, оказываемое папству, не согласовалось съ признаніемъ Елизаветы королевой, служа прямымъ противорѣчіемъ сущности послѣдняго. Также не было недостатка и въ политическихъ мотивахъ въ пользу Маріи Стюартъ. Соединеніе Англіи и Шотландіи, котораго такъ ревностно добивались Генрихъ VIII и Соммерсетъ, съ ея царствованіемъ было легко достижимо. Такое объединеніе всего полуострова являлось необходимымъ условіемъ развитія могущества. Рѣшено было тогда, что Марія Стюартъ вступитъ въ бракъ съ дофиномъ Франціи; такимъ образомъ она соединила бы Англію не только съ Шотландіей, но и съ Франціей, навсегда подчинивъ ихъ вліянію этой страны. Англія стала бы приморской провинціей Франціи, и вскорѣ французская политика сдѣлалась бы вполнѣ господствующей.

Нѣсколько часовъ спустя по смерти Маріи, общины были созваны въ верхній парламентъ, гдѣ имъ сообщили, что Марія умерла, и Богъ даровалъ имъ другую королеву, милэди Елизавету. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, она въѣзжала въ столицу при неописанномъ ликованіи народа, который привѣтствовалъ вступленіе ея на престолъ, какъ свое освобожденіе и спокойствіе.

Если она по природѣ своей питала нерасположеніе къ Франціи и Шотландіи, то передъ ней тѣмъ болѣе являлся вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ она должна находиться къ Испаніи. Филиппъ II рѣшился, сколько позволяло ему приличіе, добиваться ея руки и не только изъ личной склонности къ королевѣ, но и изъ политическихъ, а можетъ быть даже изъ религіозныхъ видовъ; этимъ бракомъ онъ надѣялся поставить въ тѣсную связь Англію съ Испаніей и съ католицизмомъ. И со стороны Англіи многое говорило въ его пользу. Ей нуженъ былъ союзникъ противъ Франціи для заключенія выгоднаго мира; опасались, что Филиппъ, получивъ отказъ отъ королевы, вступитъ въ бракъ съ одною изъ французскихъ принцессъ. Елизавета объявила, что должна посовѣтоваться съ парламентомъ о предложеніи короля, и что послѣдній можетъ быть увѣренъ, что, если она когда-нибудь выйдетъ замужъ, она никогда не предпочтетъ ему никого другаго. Въ этихъ словахъ уже слышалось рѣшеніе не выходить замужъ. Не послужило ли для нихъ основаніемъ непрочность брака ея отца съ вдовою его брата? Вѣдь могло бы случиться то же самое, если бы она вышла замужъ за своего зятя. Кромѣ того, для брака ей требовалось разрѣшеніе папы, — на что особенно обращалъ вниманіе Филиппъ, — ей, ко-

торая носила корону только вслѣдствіе признанія недѣйствительности папскаго разрѣшенія. Такимъ образомъ она стала бы въ противорѣчіе сама съ собой, которое съ теченіемъ времени унизило бы ее. Глубокая истина заключалась въ ея словахъ, когда она сказала, что она сочеталась съ своимъ народомъ, и интересы послѣдняго удерживали ее отъ всякой другой связи.

Еслибы она рѣшилась поддерживать тѣ отношенія съ Испаніей, въ которыхъ находилась къ ней до сихъ поръ Англія, то невозможно было бы заключить миръ съ Франціей. Это было бы невозможно, еслибы Елизавета настаивала на отдачѣ Калэ; она вскорѣ рѣшила отступиться отъ этого на нѣсколько лѣтъ.

b) Введеніе реформаціи.

Въ оппозиціи, поднятой первоначально противъ Рима, парламентъ стоялъ на сторонѣ короны въ борьбѣ съ папствомъ. Съ большой готовностью онъ соединился съ новой королевой, самое происхожденіе которой требовало такой политики, которая уничтожила бы всякую возможность къ соединенію съ римскимъ престоломъ. Титулъ «верховная глава церкви» Елизавета отклонила отъ себя, такъ какъ онъ вызывалъ неудовольствіе со стороны католиковъ и возбуждалъ сомнѣніе въ средѣ протестантовъ; въ сущности же вышло то же самое, когда она приняла наименованіе «верховной правительницы во всѣхъ дѣлахъ, какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ». *„Актъ единообразія“* былъ принятъ, и въ силу его съ ближайшаго Иванова дня богослуженіе должно было совершаться вездѣ одинаково въ томъ видѣ, въ какомъ оно было утверждено новой редакціей. Ревизіонная коммиссія состояла изъ людей, которые при Маріи Тюдоръ спаслись бѣгствомъ или жили въ тиши уединенія. Какъ при Эдуардѣ VI соображались съ первоначальными тенденціями, господствовавшими при Генрихѣ VIII, такъ и теперь снова возвратились къ постановленіямъ Эдуарда; но при этомъ были допущены нѣкоторыя измѣненія, съ цѣлью сдѣлать формы богослуженія пригодными и для католиковъ. Самое важное измѣненіе касалось таинства Евхаристіи. Елизавета и ея ученые снова ввели ученіе о пресуществленіи, основываясь на Амвросіи и Григоріи. Какъ нѣкогда при *аугсбургскомъ исповѣданіи* въ Германіи, такъ теперь въ Англіи старались, въ послѣдней редакціи требника, держаться по возможности ближе установленнаго ученія. Когда рѣшено было возстановить отмѣненное епископомъ Кранмеромъ исповѣданіе, которое по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ было утверждено въ формѣ 39 статей, то при этомъ исключены были

всѣ мѣста, сходныя съ личными воззрѣніями Цвингли, въ замѣнъ чего присоединены были новыя положенія, которыми опредѣлялось право властей и отдѣльныхъ государствъ устанавливать по собственному усмотрѣнію церковные обряды. Господствующею церковью признана была англиканская, которая, являясь чисто національной, не разрывала своей связи съ протестантскими церквами европейскаго континента, отличаясь отъ нихъ лишь учрежденіемъ особаго епископальнаго управленія. Разсчитывая на неудовольствія, которыя должны были возникнуть благодаря этому противъ Елизаветы въ средѣ католиковъ, и главнымъ образомъ—на содѣйствіе римскаго престола, Франція не задумалась открыто признать права дофины Маріи Стюартъ на англійскій престолъ. Еще сильнѣе высказалось такое притязаніе послѣ неожиданной кончины Генриха II, когда на французскій престолъ вступилъ Франсуа II. Дяди королевы Маріи Стюартъ, Гизы, видѣвшіе въ этомъ дѣлѣ свое возвышеніе и твердо державшіеся церкви, получили управленіе государствомъ. Опасность заключалась прежде всего въ томъ, что французы пріобрѣли почти преобладающее вліяніе въ дѣлахъ Шотландіи и надѣялись въ скоромъ времени завладѣть правами королевы.

Такъ какъ регентша, возвратясь въ Эдинбургъ, приняла въ гавань Лейтъ французскія вспомогательныя войска, чтобы съ иноземною помощью подавить реформацію въ Шотландіи, то лорды считали необходимымъ привести къ повиновенію принцессу, которая была только еще регентшей и не принимала въ соображеніе мнѣній о коронѣ высокорожденныхъ сановниковъ. Послѣ первыхъ неудавшихся мѣръ, лорды обратились къ своей сосѣдкѣ, могущество которой только-что начинало усиливаться,—къ королевѣ Елизаветѣ англійской. Несмотря на нерасположеніе королевы къ шотландскимъ церковнымъ реформамъ и къ проводнику ихъ, Джону Ноксу, протестантская Англія и протестантская Шотландія протянули другъ другу руки на зло Франціи. Вскорѣ шотландцы, подкрѣпляемые на морѣ и на сушѣ англійскими войсками, могли снова начать осаду Лейта. Въ это время регентша умерла, и изъ Франціи прибыли коммисары отъ Маріи Стюартъ и Франсуа II для переговоровъ о мирѣ; во главѣ ихъ стоялъ епископъ валенсскій, человѣкъ благомыслящій и умѣренный также въ церковныхъ дѣлахъ, который, убѣдившись въ невозможности далѣе вести успѣшно войну, принужденъ былъ шагъ за шагомъ отступать передъ непреклонностью англійскаго уполномоченнаго, Вилліама Сесиля. Онъ предложилъ Эдинбургскій договоръ, главнѣйшимъ условіемъ котораго признавалось удаленіе французскихъ войскъ изъ Шотландіи и срытіе укрѣпленій Лейта. Король и королева Франціи и Шотландіи

не должны носить болѣе герба и титула государей Англіи и Ирландіи. Въ Шотландіи вводилось временное правленіе, основанное на сословныхъ выборахъ; также опредѣлено было, что и на будущее время король и королева могутъ рѣшаться на войну или миръ только съ согласія сословій. Протестантское исповѣданіе допускалось почти безпрекословно, епископальная юрисдикція объявлена отмѣненною по совѣту лордовъ, торжественное отправленіе мессы не только запрещалось, но, по примѣру Женевы, не дозволялось подъ страхомъ тяжкаго наказанія.

c) Отношенія обѣихъ королевъ.

Предполагали, что достигли чего-то великаго и что навсегда положили незыблемое основаніе прочнымъ отношеніямъ; но на дѣлѣ оказалось не такъ. Франсуа II и его супруга, казалось, забыли свои обѣщанія въ инструкціи, данной посланникамъ, своимъ королевскимъ словомъ утверждать только то, что они установятъ: теперь же они отказывались ратифицировать Эдинбургскій договоръ, потому что королева Англіи заключила его собственно съ мятежниками, которые преимущественно и подписали его. Даже послѣ неожиданной ранней кончины своего супруга (въ концѣ 1559 г.) Марія не хотѣла согласиться признать Эдинбургскій договоръ. Вслѣдствіе этого Елизавета отказала ей въ просьбѣ возвратиться домой чрезъ Англію. Марія сочла это оскорбленіемъ. «Меня отвезли во Францію противъ воли ея брата,—говорила она,—такъ и теперь я возвращусь въ Шотландію помимо ея желанія. Она вступила въ союзъ съ моими мятежными подданными; но и въ Англіи есть также недовольные, которые охотно выслушаютъ предложеніе съ моей стороны; я королева такая же, какъ и она, у меня столько же отважнаго мужества, какъ и у нея, и не менѣе друзей, чѣмъ у нея».

Безъ помощи Елизаветы, но и безъ препятствій съ ея стороны, прибыла Марія въ августѣ 1561 года въ Голирудъ. Братъ ея, Джемсъ, выхлопоталъ ей позволеніе, хотя и не безъ затрудненій, обставить совершеніе мессы торжественностью. Самъ онъ получилъ управленіе государствомъ; протестанты удержали за собою перевѣсъ въ странѣ и въ королевскомъ совѣтѣ. Королева Марія не утверждала ни Эдинбургскаго договора, ни основанныхъ на немъ постановленій парламента; прежде всего она завладѣла трономъ и удержала права своей династіи.

Зрѣлище безподобное: обѣ королевы прекраснаго Альбіона, обѣ гордыя и чудныя созданія природы и обстоятельствъ.

Обѣ онѣ были высоко образованы. Отъ Маріи остались французскія стихотворенія, отличающіяся искренностью чувствъ и простотою языка, свойствомъ весьма рѣдкимъ въ литературѣ того времени. Также и Елизавета оставила нѣсколько стихотвореній, замѣчательныхъ не своими поэтическими достоинствами или гармоніею, но возвышенностью мыслей и стремленій. Она знала новѣйшіе языки, изучала древнихъ классиковъ и перевела нѣкоторыхъ изъ нихъ. Она блистала одинаково величіемъ и снисходительностью, доставлявшими ей множество почитателей, къ чему она постоянно стремилась внутренно. Она играла этими чувствами; Марія же относилась къ нимъ серьезно. Марія обладала тѣмъ природнымъ могуществомъ женской прелести, которое возбуждаетъ, если не прочную, то по крайней мѣрѣ сильную своими порывами страсть. Съ одинаковымъ рвеніемъ работали обѣ королевы въ тайномъ совѣтѣ, рѣшенія котораго принадлежали всецѣло имъ обѣимъ. Елизавета уважала мудрость опытныхъ совѣтниковъ, хотя послѣдніе ни на одно мгновеніе не считали себя увѣренными въ ея благосклонномъ расположеніи, всегда находясь въ затруднительномъ положеніи. Марія почти всегда относилась съ безусловнымъ довѣріемъ къ тому, кто предупреждалъ ея желанія.

Марія отказалась отъ титула королевы англійской, но всѣ ея мысли были направлены къ тому, чтобы заставить признать ея наслѣдственныя права на это государство. Къ достиженію цѣли ей представлялось два пути. Она могла доказать свои притязанія на англійскій престолъ одинаковымъ происхожденіемъ съ его владѣтельницею, чего она могла повидимому достигнуть легче тѣмъ, что Елизавета была не замужемъ, а это имѣло тогда значеніе для Англіи, или же она могла вступить въ родственный союзъ съ сосѣдней могущественной державой, чтобы съ помощью ея военныхъ силъ придать должную цѣну своимъ правамъ. Въ виду послѣдняго намѣренія нѣсколько лѣтъ велись переговоры относительно брака ея съ сыномъ короля Испаніи, донъ-Карлосомъ. Король Филиппъ II, не желая скрывать своего честолюбія, измѣнилъ первоначальный планъ, предложивъ вмѣсто сына—племянника, эрцгерцога Карла Австрійскаго. Она отказала эрцгерцогу, такъ какъ его владѣнія были недостаточны для достиженія ея намѣреній и находились слишкомъ далеко, чтобы онъ могъ оказать ей помощь. Въ то время явился новый претендентъ на ея руку, который, хотя и не имѣлъ возможности расширить ея могущество, могъ, однако, подтвердить ея права что для нея представлялось весьма желательнымъ.

Это былъ молодой лордъ, Генрихъ Дарнлей, потомокъ по матери дочери Генриха II, вышедшей замужъ въ Шотландіи, а по отцу, графу Леноксу, онъ происходилъ изъ фамиліи Стю-

артовъ. Дарнлей, молодой человѣкъ, обращавшій на себя вниманіе прекраснымъ тѣлосложеніемъ, произвелъ съ перваго раза сильное впечатлѣніе на королеву. Въ іюлѣ 1565 года состоялся ихъ бракъ, и Генрихъ Дарнлей провозглашенъ королемъ; герольды при обнародованіи королевскихъ указовъ называли прежде всего его имя. До сихъ поръ онъ открыто держался протестантскаго исповѣданія, но, послѣ нѣкотораго колебанія, перешелъ въ католицизмъ и привлекъ къ нему своимъ примѣромъ многихъ лордовъ. Католическіе интересы получили чрезъ это рѣшительный перевѣсъ при дворѣ.

Среди придворныхъ Маріи находился въ то время итальянецъ, Давидъ Риччіо, который въ качествѣ секретаря сопровождалъ въ Шотландію посланника герцога Савойскаго. Такъ какъ онъ обладалъ музыкальными способностями и принималъ участіе въ хорѣ придворной капеллы, то она упросила посланника позволить Риччіо перейти къ ней на службу. Онъ не былъ красивъ; еще молодой, онъ производилъ впечатлѣніе состарѣвшагося человѣка; въ немъ было что-то суровое, отталкивающее. Онъ былъ постоянно необходимъ и готовъ къ услугамъ и съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе. Онъ получилъ должность повѣреннаго секретаря тайнаго совѣта; онъ видѣлся съ государыней, когда только хотѣлъ, такъ какъ она находила пріятнымъ его сообщество, и обѣдалъ за ея столомъ. Дарнлей, который хотѣлъ быть королемъ не только de jure, но и de facto, требовалъ отъ парламента формальной передачи ему наслѣдственной короны, которая доставила бы ему самостоятельныя права. Королева, съ своей стороны, хотѣла удержать высшую власть безусловно въ своихъ рукахъ, и Риччіо, конечно, всячески способствовалъ этому, такъ какъ съ этимъ былъ связанъ его личный интересъ. Дарнлей приписывалъ сопротивленіе своей супруги не столько собственному ея рѣшенію, сколько вліянію иностранца низкаго происхожденія, къ которому (иностранцу) онъ питалъ сильную ненависть.

Въ узкихъ и мрачныхъ покояхъ голирудскаго дворца находится небольшая комната, куда удалялась королева, когда желала оставаться наединѣ сама съ собой. Здѣсь сидѣла Марія за ужиномъ 9 марта 1566 года съ своей сестрой, графиней Арджиль, съ братомъ, который былъ начальникомъ королевской стражи, и съ нѣсколькими придворными, среди которыхъ находился и Риччіо, когда вошелъ король, котораго ожидали нѣсколько раньше, и занялъ мѣсто возлѣ супруги. Въ эту минуту вошло нѣсколько лицъ, которыхъ совсѣмъ не ждали. Это были: лордъ Рутвенъ, который взялся отмстить Риччіо за короля и страну, — и еще нѣкоторые другіе. Изъ подъ одежды лорда, опушенной мѣхомъ, видно было оружіе и панцырь; въ испугѣ

королева спросила, что привело его сюда въ такое время. Онъ скоро разрѣшилъ ея сомнѣніе. «Я вижу здѣсь человѣка», сказалъ Рутвенъ, «занимающаго такое мѣсто, которое ему не подобаетъ; мы не позволимъ слугѣ управлять нами въ Шотландіи», и онъ готовился схватить Риччіо. Послѣдній бросился къ королевѣ, но чрезъ ея плечо его ранили и потащили вонъ. На лѣстницѣ онъ получилъ болѣе пятидесяти ранъ; говорятъ даже, что на тѣлѣ убитаго былъ виденъ знакъ собственнаго кинжала короля. Королева тотчасъ же узнала объ участіи своего супруга въ убійствѣ Риччіо; какъ же могла она когда нибудь снова полюбить его? Теперь онъ принужденъ былъ удалиться отъ достиженія наслѣдственной короны или пріобрѣтенія личнаго вліянія; теперь онъ увидѣлъ, что его отстраняли отъ участія въ дѣлахъ и презирали. При крещеніи своего ребенка въ замкѣ Стерлингъ онъ, какъ отецъ, не могъ присутствовать, хотя и находился во дворцѣ; онъ боялся возбудить къ себѣ открытое неуваженіе. Онъ стыдился своего положенія; думая оставить свое государство, онъ дѣлалъ даже нѣкоторыя приготовленія. Королева, съ своей стороны, не разъ давала понять, что желала бы освободиться отъ такого супруга. О расторженіи брака ей нечего было и думать. Дарнлей и его отецъ, Леноксъ, составили планъ, чтобы, помимо королевы, получить управленіе государствомъ во имя ея новорожденнаго сына.

Такимъ образомъ все было подготовлено къ новой катастрофѣ, когда замѣшалось личное отношеніе, вызвавшее послѣднюю. Между шотландскими магнатами особенно выдавался графъ Ботвель, красивою наружностью, полною жизни, отважнымъ мужествомъ, выказавшимся въ тысячѣ разнообразныхъ приключеній, и рѣшительностью сужденій. Будучи протестантомъ, онъ, не колеблясь, примкнулъ къ королевѣ и обѣщалъ ей свою помощь еще во время пребыванія ея во Франціи. Марія, цѣнившая только личную храбрость, часто высказывала ему свое удивленіе, и еще болѣе того: она, безъ сомнѣнія, почувствовала къ нему страстное влеченіе. Нельзя сказать, чтобы Ботвель отвѣчалъ на расположеніе Маріи тѣмъ же: во всѣхъ своихъ письмахъ и стихотвореніяхъ она побѣждаетъ соперницу, которой графъ повидимому отдаетъ предпочтеніе. Это—супруга Ботвеля, на которой онъ недавно женился. Ему настолько была нужна любовь королевы и она сама, насколько она могла раздѣлить съ нимъ свое могущество и верховную власть въ Шотландіи. Для этого ему было необходимо еще устранить короля. Какъ нѣкогда Дарнлей соединился съ политическими противниками Риччіо для преступленія въ Голирудѣ, такъ теперь Ботвель заключилъ союзъ для убіенія Дарнлея съ его врагами, которые давно питали подобное же намѣреніе.

Но спрашивается, не участвовала ли королева въ этомъ заговорѣ? Не преднамѣренно ли привезла она своего супруга, заболѣвшаго въ Глазго, въ Эдинбургъ, помѣстивъ его здѣсь въ простомъ домѣ, близъ дворца, подъ предлогомъ, что чистый воздухъ ускоритъ его выздоровленіе, а въ дѣйствительности для того, чтобы удобнѣе было умертвить его? Такъ думали тогда многіе; даже ея приверженцы, ревностные католики, склонны были повѣрить такому участію королевы. Существовало и другое мнѣніе: лучшія отношенія, установившіяся между супругами, не могли быть притворными, но обѣщали полное примиреніе и соединеніе ихъ: въ королевѣ боролась возраставшая склонность къ супругу съ страстью къ Ботвелю; послѣдній изъ опасенія лишиться добычи и награды своему честолюбію принужденъ былъ поторопиться исполненіемъ своего намѣренія. Онъ велѣлъ насыпать пороху подъ той комнатой, гдѣ спалъ Дарнлей, чтобы взорвать ее; испуганный шумомъ отворявшейся двери, молодой государь вскочилъ съ постели; когда онъ хотѣлъ спастись, то былъ задушенъ вмѣстѣ съ своимъ пажемъ; въ это время подожгли порохъ, и домъ взлетѣлъ на воздухъ.

Такъ случилось ужасное дѣло, и вскорѣ распространилась молва, къ удивленію и прискорбію всѣхъ, что королева вступаетъ въ бракъ съ тѣмъ человѣкомъ, которому приписываютъ убійство ея супруга. Стоя на колѣняхъ, представляли ей позоръ, которымъ она покроетъ себя чрезъ это, и опасность, которой она подвергаетъ своего ребенка. Ей показали письма изъ Англіи, въ которыхъ объявлялись недѣйствительными ея притязанія на англійскій престолъ, если она сдѣлаетъ подобный шагъ. Однако она не могла уже располагать собою. Ботвель выговорилъ себѣ у лордовъ, боявшихся его, оправданіе въ убійствѣ короля и даже согласіе ихъ на бракъ его съ королевой. Епископальная консисторія нашла въ родствѣ между Ботвелемъ и его женой поводъ къ разводу съ нею. Ботвель былъ сдѣланъ герцогомъ Оркнейскимъ; онъ по своему воспользовался королевской властью, его друзья, а также и участники въ убійствѣ получили повышеніе.

Какъ можно было ожидать, чтобы лорды, нежелавшіе сносить власть Дарнлея, потерпѣли бы господство Ботвеля? Подъ знаменемъ, на которомъ изображенъ былъ убитый король и его сынъ, просящій защиты, двинулось войско къ замку, гдѣ жили новобрачные. Ботвель думалъ удержать его, показавъ брачный контрактъ за подписью самой королевы. Но въ рѣшительную минуту враждебное настроеніе страны подѣйствовало и на его приверженцевъ; вмѣсто того чтобы сражаться, онъ долженъ былъ бѣжать. Онъ жилъ, какъ морской разбойникъ, въ сѣверныхъ моряхъ, потому что не могъ долѣе оставаться въ странѣ. Королева была захвачена лордами, которые заключили ее въ

крѣпкій замокъ, выстроенный Дугласами на островѣ Лохлевинѣ, и содержали ее здѣсь, какъ плѣнницу.

Судьба ея была уже рѣшена. Прежде всего королева Марія принуждена отказаться отъ шотландской короны въ пользу своего сына, а во время его малолѣтства назначить регентомъ брата своего, Мюррея. Вслѣдъ за этимъ была совершена надъ ребенкомъ церемонія помазанія и коронованія. Мюррей, возвратясь изъ Франціи, куда онъ добровольно удалился, могъ теперь управлять государствомъ въ томъ же духѣ какъ и прежде, только съ большей самостоятельностью.

Но Марія не думала подчиняться всему этому. Благодаря личнымъ отношеніямъ, установившимся между нею и молодымъ Георгомъ Дугласомъ, который надѣялся получить ея руку, ей удалось убѣжать изъ замка моремъ съ такою же смѣлостью, какъ и всегда. Въ странѣ было много такихъ, которые ставили себя настолько выше Карла Мюррея (который былъ незаконнорожденный), что считали позоромъ повиноваться ему; всѣ они собрались вокругъ нея; и такъ какъ она въ первый день послѣ побѣга отказалась отъ своего отреченія, то они соединились между собою, чтобы снова возвести ее на престолъ. При этомъ имѣлось въ виду также возстановленіе господства католической церкви. Значительное войско было выведено съ этой цѣлью на поле битвы. Но сила была на сторонѣ Мюррея и его приверженцевъ, а войска его были превосходно обучены. Королева, смотрѣвшая на встрѣчу войскъ съ лангсайдской возвышенности, должна была пережить пораженіе своихъ, которые не причинили врагу ни малѣйшаго вреда; — Мюррей потерялъ только одного человѣка и самъ запретилъ убивать бѣгущихъ. Но все-еще дѣло Маріи не казалось проиграннымъ, потому что не всѣ ея друзья участвовали въ сраженіи, и было еще нѣсколько крѣпостей, куда она могла укрыться. Ея мысли были направлены не на защиту, а на уничтоженіе своихъ враговъ. Поэтому она рѣшилась просить помощи у королевы англійской, такъ какъ послѣдняя въ строгихъ выраженіяхъ дала понять свое неудовольствіе шотландскимъ баронамъ и грозила отмстить имъ за права оскорбленнаго королевскаго достоинства. Она даже прислала разъ Маріи драгоцѣнный камень, какъ залогъ ихъ дружбы. Марію предостерегали придворные не слишкомъ довѣряться ей. Но коль скоро она принимала какое-нибудь рѣшеніе, она уже не отказывалась отъ него. Черезъ степи и лѣса, безъ служанки, имѣя для обѣда только шотландскій овсяный хлѣбъ, спѣшила Марія, очертя голову, къ берегу, откуда она направилась въ маленькой лодкѣ въ Карлэйль. Она жаждала побѣды надъ мятежниками и твердо надѣялась вовлечь королеву Елизавету въ борьбу съ ними; она ѣхала искать не пріюта, а войскъ и помощи.

Елизавета не одобряла поступковъ шотландскихъ вельможъ противъ ихъ законной королевы; но въ великихъ міровыхъ событіяхъ они были ея союзниками. Марія вѣрила обѣщаніямъ прошлаго, съ которыми Елизавета и ея министры давно уже покончили. Она считала себя свободной, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, отъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ ею Маріи. Еслибы она возстановила ея власть, то чрезъ это открыла бы доступъ новымъ притязаніямъ на Англію, вмѣсто того чтобы уничтожить ихъ. Она не хотѣла отпустить Марію во Францію, потому что во время пребыванія тамъ этой принцессы Англія не имѣла ни одного дня покоя. И такъ, политика препятствовала не только оказать ей какую-либо помощь, но требовала удержать ее въ Англіи. Марія чрезъ это не исчезла для міра; во время пребыванія своего здѣсь, гдѣ одни признавали права ея на престолъ, другіе же—права ея наслѣдника, она пріобрѣла гораздо большее значеніе; не только непріятности, но важная опасность возникла чрезъ это для англійскаго правительства. Папа Пій V, видѣвшій въ Елизаветѣ защитницу всѣхъ враговъ католицизма, обнародовалъ противъ нея буллу, давно подготовленную, но до сихъ поръ не изданную. Въ ней онъ объявлялъ лишенною государства Елизавету, которая утверждала за собой званіе королевы, и разрѣшилъ подданныхъ отъ данной ей присяги. Подъ вліяніемъ испанскихъ и итальянскихъ партій появились новыя попытки ее низвергнуть. Такъ герцогъ Томасъ Норфолькъ, знатнѣйшій изъ вельможъ государства, который пользовался большимъ вліяніемъ въ средѣ дворянъ, послѣдовалъ плану итальянца Ридольфи арестовать королеву Елизавету въ одномъ изъ ея загородныхъ дворцовъ и возстановить въ Англіи католическую религію. Онъ поплатился за свое намѣреніе жизнью на эшафотѣ, а королева Марія, на которой онъ хотѣлъ жениться, подверглась новымъ ограниченіямъ свободы.

Такъ какъ заговорщики вступили въ переговоры съ Испаніей, то Елизавета не задумалась вступить въ союзъ съ отпавшими отъ Испаніи Нидерландами. Но какъ скоро западныя и южныя Нидерланды были снова покорены Филиппомъ II, а принцъ Александръ Фарнезе Пармскій снова завоевалъ сѣверныя и восточныя провинціи, первый министръ королевы, Вилльямъ Сесиль, лордъ Бёрлей, государственный казначей, стали побуждать ее начать открытую войну. Верховную власть, предложенную ей нидерландцами, она отклонила и веденіе войны въ Нидерландахъ противъ испанцевъ ввѣрила графу Лейчестеру, самому довѣренному участнику въ ея политикѣ, въ знакъ того, какъ важно для нея это дѣло. Въ декабрѣ 1585 года Лейчестеръ прибылъ въ Флиссингенъ; 1 января 1586 года Францъ

Дракэ появился передъ С. Доминго и овладѣлъ имъ. Война началась на морѣ и на сушѣ.

Между тѣмъ внутри государства продолжались заговоры противъ Елизаветы. Одинъ англичанинъ, высланный во Францію, сэръ Томасъ Бабингтонъ, который находился въ союзѣ съ Мендозою, испанскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, и съ Маріей Стюартъ, согласился убить королеву, а когда прибудутъ испанскія войска, то освободить Марію изъ темницы и возвести ее на престолъ. Послѣдняя находилась подъ надзоромъ строгаго пуританина, сэра Аміаса Полета, на котораго она жаловалась, что онъ обращается съ ней, какъ съ преступницей, а не какъ съ королевой. Она сочиняла въ глубокой тайнѣ письма, полныя опасныхъ и обширныхъ плановъ и тщательно велѣла ихъ переписывать условными знаками; но всякое слово, писанное ею, было передаваемо человѣку, должность котораго состояла въ изслѣдованіи заговоровъ:—статсъ-секретарю Уэльсингэмъ. Послѣдній открылъ почти всѣ слѣды заговора; когда въ его руки попалось письмо Маріи къ Бабингтону, въ которомъ она подкрѣпляла его въ намѣреніи произвести возстаніе католиковъ въ различныхъ графствахъ и указывала ему средства освободить ее, то онъ болѣе не колебался арестовать всѣхъ виновныхъ; они сознались во всемъ, были осуждены и казнены. Тайному совѣту могъ быть предложенъ тогда вопросъ, слѣдовало ли призвать къ суду королеву и произнести приговоръ въ надлежащей формѣ. Даже былъ изданъ законъ, который имѣлъ въ виду исключительно только этотъ случай. Согласно съ актомъ парламента, была назначена коммиссія, состоявшая изъ знатнѣйшихъ государственныхъ людей и лучшихъ юристовъ страны. Въ Фодерингеѣ, куда привезли плѣнницу, великолѣпномъ родовомъ помѣстьѣ принцевъ Іоркскаго дома, гдѣ погребены многіе изъ нихъ, собрались они 14 октября 1586 г. Марія, выслушавъ замѣчаніе, что ее сочтутъ виновной, если она не дастъ показаній и отвѣта, согласилась на послѣднее съ условіемъ, что при-этомъ она не лишается правъ свободной королевы. Она сознавалась постепенно во всѣхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на нее, за исключеніемъ одного,—согласія на убійство Елизаветы. Судъ рѣшилъ, что это нисколько не измѣняло сущности дѣла, такъ какъ немыслимо представить себѣ возмущеніе, въ покровительствѣ которому Марія созналась, безъ опасности для правленія и жизни англійской королевы. Дворъ призналъ, что Марія виновна въ такомъ преступленіи, за которое въ парламентскомъ статутѣ полагается смерть. Въ этомъ нельзя видѣть правильнаго уголовнаго судопроизводства; это былъ приговоръ коммиссіи, которой представился случай къ примѣненію даннаго парламентомъ статута. Только-что созванный парламентъ вы-

слушалъ докладъ о судопроизводствѣ коммиссіи и одобрилъ ея приговоръ. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Королева Елизавета медлила привести приговоръ въ исполненіе. Многое напоминало ей, что исполненіемъ приговора будетъ оскорблено божественное право государей, которое заключалось въ томъ, что государь не можетъ быть оскорбляемъ и судимъ подданными. Въ тайномъ совѣтѣ нѣкоторые высказали мнѣніе, что для Маріи было бы достаточнымъ наказаніемъ строгое заключеніе, такъ какъ она была не зачинщицею послѣдняго заговора, а только соучастницею его. Елизавета выставляла на видъ депутатамъ парламента, какъ трудно ей, простившей столько бунтовъ и обошедшей молчаніемъ столько измѣнъ, наказать государыню, свою близкую родственницу, и просила дать ей другое средство. Но парламентъ держался того убѣжденія, что другой исходъ немыслимъ: онъ изложилъ въ подробномъ докладѣ, что собственное спокойствіе королевы, поддержаніе религіи и государства дѣлаютъ казнь безусловно необходимой.

Это замѣчаніе парламента взяло наконецъ надъ нею перевѣсъ. Но нельзя сказать, что чувство сопротивленія улеглось въ ней совершенно спокойно. Ее и во снѣ преслѣдовала картина казни. Ей приходила мысль, что какая-нибудь услужливая рука можетъ избавить ее отъ окончательнаго подтвержденія, приведя въ исполненіе приговоръ тайно, какъ бы по мимо ея желанія. Подписавъ приговоръ, она поручила своему секретарю Дэвисону приложить къ нему печать. Она, повидимому, думала, что по исполненіи всѣхъ формальностей, легче будетъ оказать ей услугу тайной казнью или, въ крайнемъ случаѣ, совершить ее скорѣе; но она еще думала удержать дѣло въ своихъ рукахъ, такъ какъ было обыкновеніе спрашивать ее передъ рѣшительнымъ шагомъ. Но Дэвисонъ, замѣтивъ ея колебаніе, счелъ это безполезнымъ въ настоящую минуту. Онъ сообщилъ объ этомъ лорду Бёрлею, который обратился за совѣтомъ къ членамъ тайнаго совѣта; послѣдніе взяли на себя переслать немедленно въ Фодерингеѣ приговоръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ: за подписью и печатью. 8 февраля 1587 г. въ залѣ, гдѣ происходили засѣданія суда, свершилась казнь Маріи. Въ противоположность безпокойству Елизаветы, которая не хотѣла сдѣлать того, что считала необходимымъ, а что она сдѣлала уже, того вовсе не желала, спокойствіе души, съ которымъ Марія дозволила свершиться судьбѣ, производитъ величественное впечатлѣніе. Несчастіе ея жизни заключалось въ притязаніи на англійскую корону. Оно ввело ее въ тотъ политическій лабиринтъ, въ тѣ запутанныя обстоятельства, которыя были соединены съ ея несчастнымъ бракомъ и съ религіозными воззрѣніями и навлекло на нее вину, которую ей приписываютъ

болѣе или менѣе справедливо. Оно стоило ей собственной страны, оно стоило ей жизни. На эшафотѣ даже она помнила свое высокое положеніе, которое не подчиняется законамъ. Умирая, она сохранила царскія и религіозныя идеи, съ которыми всегда жила.

Неоспоримо, Елизавета была удивлена этимъ извѣстіемъ; слышали ея вздохи, какъ-будто съ ней самой приключилось что нибудь тяжелое. Дэвисонъ поплатился за своеволіе продолжительнымъ арестомъ, и необходимый Берлей едва получилъ прощеніе. Въ городѣ звонили въ колокола и сжигали фейерверки, потому что какъ судъ, такъ и народъ былъ увѣренъ, что Марія старалась передать государство Испаніи.

Englische Geschichte, vornehmlich im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert, von Leopold Ranke. Erster Band. Berlin, 1862.

6. МАРІЯ СТЮАРТЪ.

Марія Стюартъ была очень развита для своего возраста. Она была высока и хороша собой. Ея блестящіе глаза дышали умомъ. Ея руки были въ высшей степени изящны. Она имѣла нѣжный голосъ, благородную наружность, исполненную граціи; говорила съ одушевленіемъ и вообще была чрезвычайно привлекательна. Рано выказались въ ней прелести, заставлявшія любить её и дѣлавшія очаровательнымъ даже самое дѣтство ея. Она была воспитана вмѣстѣ съ дочерьми Катерины Медичи, подъ надзоромъ ученой Маргариты французской, сестры Генриха II, покровительницы Мишеля де л'Опиталя, бывшей впослѣдствіи замужемъ за герцогомъ Савойскимъ. Дворъ, среди котораго выросла Марія Стюартъ, былъ самымъ великолѣпнымъ, самымъ изящнымъ, самымъ веселымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ развращеннымъ въ Европѣ. Сохраняя еще нѣкоторые воинственные обычаи среднихъ вѣковъ, въ то же время пріучаясь къ умственной дѣятельности эпохи возрожденія, онъ имѣлъ характеръ полу-рыцарскій, полу-ученый. Турниры и охота смѣшивались тутъ съ науками и ученостью, театральныя представленія и зрѣлища, дѣйствующія на умъ, смѣнялись гимнастическими упражненіями тѣла; грубыя древнія игры, основанныя на ловкости и силѣ, шли объ руку съ новыми утонченными наслажденіями искусствъ.

Ничто не могло сравниться съ блескомъ и шумомъ этого двора, введенными еще Францискомъ I, который привлекъ къ нему цвѣтъ французской аристократіи, воспитывая здѣсь молодыхъ дворянъ изо всѣхъ провинцій, въ качествѣ пажей, и украсивъ его почти двумя стами дамъ и дѣвицъ, принадлежавшихъ

къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства. Вся эта толпа придворныхъ безпрестанно переселялась то на берега Сены, въ роскошные дворцы Фонтенебло и Сенъ-Жермена, частію выстроенные вновь, частію передѣланные Францискомъ I, то въ увеличенные имъ замки Блуа и Амбуаза, на берега Луары, гдѣ проводили время предки его. Подражая отцовскому примѣру, Генрихъ II удержалъ то же великолѣпіе и при своемъ дворѣ, которымъ съ дѣятельностью и увлеченіемъ руководила ловкая итальянка, Катерина Медичи. Она привыкла къ этому при Францискѣ I, принявшимъ её въ маленькій отрядъ своихъ дамъ-фаворитокъ, съ которыми онъ ѣздилъ охотиться за оленями и нерѣдко проводилъ время одинъ въ своихъ увеселительныхъ домахъ. Но по большей части мущины смѣшивались съ обществомъ дамъ почти безпрерывно. Королева и дамы присутствовали при всѣхъ играхъ и увеселеніяхъ Генриха II и его придворныхъ, сопровождали его на охоту; король также со своей свитой проводилъ по нѣскольку часовъ утромъ и цѣлые вечера на половинѣ Екатерины Медичи. «Тамъ, говоритъ Брантомъ,—всегда находилась толпа земныхъ богинь, одна прекраснѣе другой: каждый вельможа, каждый придворный, говорилъ съ той, которая нравилась ему больше всѣхъ, между тѣмъ какъ король съ своими приближенными бесѣдовалъ съ королевой, или занималъ разговоромъ свою сестру, королеву-дофину (Марію Стюартъ) и другихъ принцессъ».

Въ этой-то школѣ изящества и разврата, откуда выходили такіе остроумные и порочные короли, такія любезныя и въ то же время вѣтренныя принцессы, выросла и образовалась Марія Стюартъ. Въ дѣтствѣ своемъ она почерпала одно только хорошее; но при этомъ нельзя было не дать ей замѣтить существовавшаго здѣсь зла, которому она невольно стала подражать впослѣдствіи, потому что видѣнные примѣры рано или поздно непремѣнно отражаются на поступкахъ. Но сначала она пользовалась только изяществомъ и образованностью, процвѣтавшими при этомъ очаровательномъ и ученомъ дворѣ, гдѣ дочери короля съ любовью изучали языки и искусства и гдѣ у каждаго государя былъ свой поэтъ: у Франциска I — Маро, у Генриха II — Сенъ-Желе, у Карла IX — Ронсаръ, у Генриха III — Депортъ. Это было время литературнаго переворота, который, отдаливъ французскую поэзію отъ наивной простоты среднихъ вѣковъ, съ цѣлью придать ей ученыя формы древности, — заставилъ ее потерять свою самостоятельность, не достигнувъ желаемаго величія. Такой родъ поэзіи могъ быть только минутной прихотью, хотя проповѣдывалъ его Іоакимъ дю-Беле, развивалъ Ронсаръ, покровительствовалъ ему канцлеръ л'Опиталь, удивлялся Монтень и апплодировалъ весь

дворъ Генриха II. Ронсаръ, жившій три года въ Шотландіи, въ качествѣ пажа при Іаковѣ V, былъ сначала наставникомъ Маріи Стюартъ въ поэзіи, а потомъ—ея поклонникомъ.

Скоро развернулись въ ней разнообразные дары ея богатой и очаровательной натуры. Въ десять лѣтъ она уже удивляла всѣхъ своею зрѣлостью, и въ письмахъ къ вдовствующей королевѣ, по поводу шотландскихъ дѣлъ, обнаруживала тонкость ума, необыкновенную для своего возраста. Тринадцати лѣтъ она декламировала передъ королемъ, королевою и всѣми придворными, въ залѣ Лувра, латинскую рѣчь, сочиненную ею самой. Уже способная къ скрытности, она умѣла сохранять политическія тайны, которыя довѣряла ей мать. Вотъ что писалъ объ ней кардиналъ лотарингскій къ своей сестрѣ: «Ваша дочь такъ развилась и развивается еще каждый день въ величіи, добротѣ, мудрости и добродѣтеляхъ, что совершеннѣе ея во всемъ прекрасномъ и благородномъ невозможно и быть, и теперь ничего подобнаго вы не встрѣтите въ нашемъ государствѣ, ни между аристократками, ни между дѣвушками средняго и низшаго классовъ, какія только находятся въ немъ. Я долженъ сообщить вамъ также, мадамъ, что король очень любитъ ее и всегда находитъ часъ времени для бесѣды съ нею, а она умѣетъ занять его разговоромъ о прекрасныхъ и разумныхъ предметахъ такъ, какъ это не съумѣла бы сдѣлать иная 25-тилѣтняя женщина.» Прекрасное воспитаніе, которое она получила, обогатило ея природныя способности разнообразными познаніями. Кромѣ латинскаго языка, на которомъ она хорошо говорила, она изучала исторію, знала живые языки, отличалась въ музыкѣ, очаровательно пѣла, акомпанируя себѣ на лютнѣ, и сочиняла стихи, приводившіе въ восхищеніе Ронсара и дю-Беле. Обладая живымъ и проницательнымъ умомъ, вкрадчивымъ и любезнымъ характеромъ, она составляла украшеніе двора, гдѣ всѣ восхищались ею. Кардиналъ лотарингскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ своей сестрѣ преобладаніе Маріи Стюартъ при дворѣ, который она съумѣла подчинить своему вліянію. «Увѣряю васъ, мадамъ, что никто не можетъ быть прекраснѣе и благороднѣе королевы, дочери вашей; она совершенно управляетъ королемъ и королевою».

Когда этой очаровательной принцессѣ наступилъ пятнадцатый годъ, Генрихъ II сталъ торопить ея бракъ съ дофиномъ. 31 октября 1557 г. онъ писалъ къ государственнымъ чинамъ Шотландіи, приглашая ихъ къ выполненію стариннаго обязательства, даннаго ими по этому предмету. 14 декабря государственные чины собрались въ Эдинбургѣ, подтверждая свои обѣщанія, которыя регентша съумѣла сдѣлать привлекательными для нихъ, и назначили десять коммиссаровъ для того, чтобы

они ѣхали въ Парижъ утвердить предстоящій бракъ отъ имени Шотландіи и присутствовать на торжествѣ. Этими коммиссарами были назначены: архіепископъ Гласгоскій, епископъ Росскій, епископъ Оркнейскій, графъ Ротъ, графъ Кассилисъ, лордъ Джемсъ Стюартъ, комендантъ замка Сентъ-Андре, бывшій въ это время двадцати шести лѣтъ, Лордъ Джемсъ Флеммингъ, Джорджъ Ситонъ и Джонъ Эрскинъ Дэнъ. Сообразно съ полученными инструкціями, они должны были прежде всего взять съ королевы и дофина клятву въ соблюденіи нераздѣльности законовъ и привилегій государства. Эта формальность была исполнена и контрактъ подписанъ 19 апрѣля 1558 г. на слѣдующихъ условіяхъ: старшій сынъ, происшедшій отъ этого брака, долженъ быть королемъ Франціи, если же отъ него произойдутъ только дочери, то старшая изъ нихъ дѣлается королевой Шотландіи, получая четыреста тысячъ экю, какъ французская принцесса. Она можетъ выйдти замужъ не иначе, какъ съ обоюднаго согласія государственныхъ чиновъ Шотландіи и короля Франціи. Дофинъ имѣетъ право пользоваться титуломъ и гербомъ короля шотландскаго, и если онъ умретъ на французскомъ престолѣ, то долженъ оставить королевѣ, женѣ своей, вдовью пенсію въ 60,000 турскихъ ливровъ.

Черезъ пять дней послѣ этого, бракосочетаніе происходило съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ въ церкви Богоматери. Кардиналъ де-Бурбонъ совершилъ его въ присутствіи короля, королевы, принцевъ крови и знатнѣйшаго дворянства. Едва только окончилась церемонія, новобрачная, примѣру которой послѣдовали и депутаты ея страны, поздравила дофина королемъ Шотландіи, и въ теченіе многихъ дней празднества смѣнялись одно другимъ, наполняя Парижъ движеніемъ и радостью. Повсюду прославлялось величіе блистательной принцессы, которая, казалось, была призвана счастливо носить двѣ короны. И кто могъ угадать въ это время, что меньше чѣмъ въ десять лѣтъ она потеряетъ ихъ одну за другою и должна будетъ впасть въ бездну несчастій.

Самый французскій дворъ способствовалъ ея паденію, научивъ ее двуличности и коварству, которыя были для нея впослѣдствіи такъ пагубны. Не довольствуясь тѣмъ, что этотъ бракъ еще болѣе скрѣплялъ союзъ съ Шотландіею, вовлеченною чрезъ него въ войну Франціи съ Англіей и Испаніей, Генрихъ II хотѣлъ упрочить за собою власть надъ этимъ королевствомъ, въ случаѣ, еслибъ Марія Стюартъ умерла бездѣтною. Онъ думалъ такимъ образомъ предотвратить восшествіе Гамильтоновъ на тронъ и присоединить къ Франціи страну, которая никогда не терпѣла мысли о соединеніи съ Англіей. 4 апрѣля 1558 г., т. е. за пятнадцать дней до принятія Маріей Стюартъ условій,

сообщенныхъ коммисарами шотландскаго парламента, она подписала въ Фонтенбло два тайныхъ документа чрезвычайно опасной важности. Первый изъ этихъ актовъ просто составлялъ полную отдачу Шотландіи королямъ французскимъ, въ уваженіе заслугъ, оказанныхъ этими королями въ разное время Шотландіи, въ защитѣ ея противъ англичанъ, старинныхъ и закоренѣлыхъ враговъ этой страны, и особенно въ вознагражденіе за помощь ей короля Генриха II, который, во время малолѣтства шотландской королевы, поддерживалъ ея государство на собственный счетъ.

Второй актъ былъ составленъ повидимому на случай неисполненія перваго, въ которомъ Марія Стюартъ передавала также Генриху II свои наслѣдственныя права на Англію и Ирландію. Онъ заключалъ въ себѣ предоставленіе королю французскому права пользоваться доходами королевства шотландскаго до тѣхъ поръ, пока этими доходами не уплачивалась сумма, израсходованная имъ на защиту Шотландіи. Такъ какъ это королевство, при своей бѣдности, не могло уплатить этой суммы, простиравшейся до милліона золотомъ, то Марія Стюартъ отдавала его во владѣніе короля Франціи до уплаты долга доходами. Такимъ образомъ, съ согласія ближайшихъ своихъ родственниковъ, герцога де Гиза и кардинала лотарингскаго, она отдала Шотландію подъ залогъ долга, котораго это королевство не признавало вовсе.

Оба эти акта столь же неудачные, сколько и неудобоисполнимые, не могли быть полезными королю Франціи, но въ значительной степени могли повредить королевѣ шотландской, научивъ её пренебрегать своимъ словомъ, играть своими обязанностями и черезъ это поставить ее на пути къ злополучію. И въ самомъ дѣлѣ, 4 апрѣля она подписала тайный протестъ противъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ пятнадцать дней спустя въ присутствіи шотландскихъ коммиссаровъ. Уничтожая заранѣе согласіе, которое должна была дать на статьи, составленныя чинами своего государства, сообразно съ его законами, она сказала въ этомъ протестѣ, что намѣрена располагать своимъ наслѣдіемъ на правахъ дѣйствительной королевы и потому, не желая чтобы оно досталось во власть какого нибудь туземнаго вельможи, она хочетъ связать, слить и соединить королевство шотландское съ короною Франціи. Далѣе она прибавила, что принуждена подчиниться по наружности требованіямъ своихъ подданныхъ, потому что живетъ далеко отъ своей страны, не имѣетъ во власти ея крѣпостей, а безъ этого опасается смутъ, которыя могутъ принести погибель.

И такъ первый шагъ въ жизни и управленіи Маріи Стюартъ ознаменовался актомъ слабости и предательства. Конечно, ее

нельзя строго обвинять въ этомъ, потому что она была еще очень молода и совершенно подчинена чужому произволу; но ей слишкомъ скоро пришлось раскаяться въ этомъ. Шотландскіе коммиссары, вовсе не подозрѣвая, что королева пренебрегла своими клятвами и произвольно распорядилась ихъ отечествомъ, возвратились въ Шотландію, чтобы и тамъ утвердить договоръ, заключенный 19 апрѣля. Парламентъ, видя свои желанія исполненными, ратификовалъ его въ декабрѣ 1558 г. и утвердилъ за дофиномъ корону, доставшуюся ему по браку. Онъ опредѣлилъ также, чтобы съ этихъ поръ всѣ акты издавались за подписью Франциска и Маріи, короля и королевы Шотландіи, дофина и дофины Франціи.

Этимъ бракомъ обозначалась высшая точка французскаго вліянія на Шотландію. Достигнувъ ея, какъ крайняго предѣла, это вліяніе стало немедленно ослабѣвать. Шотландія воспользовалась всѣми выгодами, какія оно могло доставить, и теперь замѣчала въ немъ одни только неудобства. Она чувствовала, что независимость ея, защищаемая отъ вліянія Англіи, можетъ подвергнуться опасности со стороны Франціи, а она вовсе не желала замѣнить одного чужеземнаго господства другимъ. Съ другой стороны, Марія лотарингская, достигнувъ всѣхъ своихъ цѣлей,—лишивъ регенства графа Арана, выдавъ свою дочь за сильнѣйшаго изъ государей Европы, доставивъ Шотландіи французскій протекторатъ, соблюдала меньше осторожности въ отношеніи къ людямъ, которые, по ея мнѣнію, уже не могли быть для нея ни полезны, ни страшны. Она исключительно окружила себя своими соотечественниками и этимъ привела въ раздраженіе недовѣрчивую и завистливую шотландскую аристократію, которая по своимъ наклонностямъ и привычкамъ уже стремилась отдѣлиться отъ нея. Знатнѣйшіе бароны, и во главѣ ихъ герцогъ Шательро и графъ Гэнтли, уже обнаруживали свое недовѣріе по поводу войны, которую вели Франція и Шотландія противъ Англіи и Испаніи. Собравшись въ Кельсо, они отказались отъ вторженія въ англійскія владѣнія, опираясь на то, что для нихъ нѣтъ никакого интереса начинать наступательныя дѣйствія и что они должны ограничиваться только защитою королевства въ случаѣ нападенія непріятелей.

Начавшіяся такимъ образомъ несогласія скоро пошли дальше. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія королевы шотландской съ дофиномъ Франціи, Марія Тюдоръ умерла, и съ ея смертію рушился тѣсный союзъ Испаніи съ Англіей. Кромѣ того эта смерть повлекла за собою вторичное паденіе католицизма въ послѣдней странѣ, безпрестанно мѣнявшей свои религіозныя вѣрованія, подчиняя ихъ произволу государей. Дочери Катерины аррагонской наслѣдовала дочь Анны Болейнъ, немедленно воз-

становившая исповѣданіе, котораго держались отецъ ея, Генрихъ VIII, и братъ, Эдуардъ VI. Вступленіе Елизаветы на тронъ въ ноябрѣ 1558 г. измѣнило какъ отношенія Маріи Стюартъ къ Англіи, такъ положеніе и чувства партій въ Шотландіи. Елизавета была объявлена незаконнорожденною, когда ея мать была обезглавлена, и французскій дворъ смотрѣлъ на нее, какъ на неспособную къ царствованію и по рожденію, и по религіи. По пристрастному взгляду этого двора, Марія Стюартъ, какъ происходящая по прямой линіи отъ Генриха VII и его старшей дочери Маргариты Тюдоръ, бывшей замужемъ за Іаковомъ IV, была законною наслѣдницей англійской короны. Съ опрометчивостью, превосходившею даже неблагоразуміе актовъ, заключенныхъ въ Фонтенбло, Генрихъ II заставилъ дофину принять гербъ Англіи и соединить его съ гербомъ Шотландіи. Этимъ поступкомъ онъ положилъ начало страшной борьбѣ между нею и Елизаветой.

Но какова была въ самомъ дѣлѣ эта личность, вражду которой къ Маріи Стюартъ такъ безбоязненно возбудилъ французскій дворъ, и которая съ этой минуты сдѣлалась ея соперницей, какъ королева и какъ женщина? Съ возвышеннымъ умомъ, съ повелительнымъ характеромъ, съ чрезвычайною гордостью соединяя сильную энергію, большую хитрость и способности, Елизавета должна была скрывать свои чувства и вѣрованія впродолженіе всего грознаго царствованія сестры своей, которая навѣрно бы сослала ее куда-нибудь, еслибы за нее не вступился Филиппъ II. Подозрѣваемая, она жила подъ надзоромъ, въ удаленіи отъ двора, и здѣсь получила привычку къ притворству, которая соединялась въ ней съ непреклонными и пылкими страстями, наслѣдованными ею отъ отца. Вотъ какъ описываетъ ее венеціанскій посланникъ Джовани Микеле въ 1556 г. незадолго до ея восшествія на престолъ; тогда ей было двадцать три года. «Она одинаково замѣчательна,—говоритъ онъ,—какъ по своей наружности, такъ и по уму, хотя лицо ея скорѣе привлекательно, чѣмъ красиво. Она высока ростомъ и хорошо сложена. Цвѣтъ лица ея нѣженъ, хотя она довольно смугла. У нея прекрасные глаза, но особенно хороши ея руки, которыя она любитъ выставлять на показъ. Ея умъ и проницательность удивительны, и она доказала это умѣньемъ держать себя среди подозрѣній, предметомъ которыхъ она служитъ и опасностей, которыя окружаютъ ее. Въ знаніи языковъ она превосходитъ сестру свою, королеву. Кромѣ англійскаго, испанскаго, французскаго и латинскаго, въ этихъ онѣ обѣ одинаковы сильны—она въ совершенствѣ владѣетъ языкомъ греческимъ и гораздо лучше королевы говоритъ по итальянски; послѣдній языкъ ей очень нравится и она любитъ употреблять его. Она горда и надменна. Рожденная

матерью, обезглавленною за нарушеніе супружеской вѣрности, она все-таки считаетъ себя равною съ королевой, сестрой своей, и свое происхожденіе законнымъ, говорятъ, что она очень похожа на отца, который за это особенно любилъ ее, воспиталъ такъ же хорошо, какъ и королеву и столько же позаботился о ней въ своемъ завѣщаніи». Обладая большими свѣдѣніями, Елизавета отличалась также разнообразными талантами. Она была прекрасной музыкантшей и восхитительно танцовала. Ея личныя достоинства, очарованіе свѣтлаго ума, всѣ прелести блистательнаго воспитанія, особенная оригинальность, необыкновенная граціозность и живое, сильное воображеніе, заставляли видѣть въ ней замѣчательную женщину, а въ то же время тонкость и проницательность ея сужденій, ея глубокая наблюдательность, изворотливый и высокомѣрный характеръ, дѣятельное честолюбіе предвѣщали въ ней великую королеву.

Въ самый день своего вступленія на тронъ, она показала, чѣмъ будетъ впослѣдствіи. Она съ достоинствомъ приняла корону и изъ угнетенія перешла къ власти спокойно, безъ малѣйшаго смущенія. Принявъ политику, составившую славу ея правленія, она всегда слѣдовала ей, и ни разу не уронила ея значенія. Нельзя сказать, что она была ревностной протестанткой, но она удалилась отъ католицизма, какъ отъ исповѣданія, угнетавшаго ее въ дѣтствѣ и опаснаго для ея власти. Она скорѣе могла ненавидѣть его, чѣмъ опровергать. Несмотря на то, что, по ея словамъ, она читала творенія св. Іеронима и св. Августина, и не была знакома съ сочиненіями Лютера и Кальвина, ей все-таки казалось, что между различными исповѣданіями христіанской религіи въ сущности очень мало разницы. Поэтому она приняла протестантство больше изъ политическихъ цѣлей, чѣмъ изъ убѣжденія; въ этомъ она видѣла средство привлечь къ своей партіи общественное мнѣніе, придать ей главнѣйшее значеніе въ государствѣ и ослабить партію ей враждебную.

Она немедленно же окружила себя людьми преданными и опытными. Между ними первыя мѣста занимали: лордъ Робертъ Дэдлей, одинъ изъ сыновей герцога Нортэмберленда, назначенный ею великимъ шталмейстеромъ и до самой смерти бывшій ея любимцемъ, и Вилліамъ Сесиль, получившій должность государственнаго секретаря и остававшійся сорокъ лѣтъ первымъ министромъ Елизаветы. Умѣя сохранить привязанность тѣхъ, кого она съумѣла выбрать, она всегда могла положиться на этихъ людей. Но при этомъ никогда ни на минуту не подчинялась она вліянію своихъ любимцевъ; самые лучшіе министры ея были только полезными орудіями въ ея рукахъ, но не больше. Она постоянно совѣтовалась съ ними, но рѣшеніе всегда предоставляла себѣ. Свою волю, подчинявшуюся только лич-

нымъ разсчетамъ или политическимъ интересамъ, она высказывала иногда медленно, часто смѣло, но всегда повелительно, по королевски. Небольше какъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ она заняла тронъ Маріи Тюдоръ, испанскій посланникъ писалъ о ней къ Филиппу II: «Ее несравненно больше боятся, чѣмъ королеву, сестру ея. Она повелѣваетъ и дѣлаетъ все, что ей угодно, также рѣшительно, какъ и король, отецъ ея». Отзываясь о себѣ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства и могущества, Елизавета сказала около того же времени: «Я докажу свѣту, что въ Англіи есть женщина, которая умѣетъ дѣйствовать мужественно и которой не помогаютъ ни коннетабль Монморанси, какъ королю французскому, ни епископъ аррасскій, какъ королю испанскому!»

Такова была королева, сдѣлавшаяся опорой всѣхъ религіозныхъ диссидентовъ и всѣхъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ дѣлъ Шотландіи. Марія Стюартъ, слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, сама принудила ее къ этому, вызвавъ своими поступками горячую ненависть ея. Число такихъ диссидентовъ и недовольныхъ безпрестанно увеличивалось, потому что регентша, Марія Лотарингская, выдавъ свою дочь за дофина, не считала нужнымъ быть снисходительной къ партіи реформы и думала, что можетъ безнаказанно пренебрегать высшей аристократіей государства. Она управляла имъ при помощи французскихъ солдатъ, слѣдуя совѣтамъ Франціи, къ которой въ это время питали въ Шотландіи такую же ненависть, какую прежде—къ Англіи. Когда же на французскій престолъ вступили зять и дочь Маріи Лотарингской, она стала дѣйствовать еще неосторожнѣе.

Генрихъ II умеръ 10 іюля 1559 г. отъ удара копьемъ, полученнаго имъ на турнирѣ, и оставилъ корону молодому Франциску II, который совершенно подчинился вліянію герцога Франсуа де Гиза и кардинала лотарингскаго, братьевъ регентши шотландской. Хотя за три мѣсяца предъ этимъ (2 апрѣля) былъ заключенъ общій миръ въ Като-Камбрези и хотя Елизавета была признана по этому трактату, однакожъ Марія Стюартъ не оставляла герба Англіи, а теперь даже приняла титулъ королевы Англіи и Ирландіи. Это дерзкое и тщеславное присвоеніе титула заставило Елизавету поддерживать съ своей стороны членовъ высшей аристократіи и религіозныхъ сектаторовъ реформатскаго исповѣданія, возстановившихъ въ Шотландіи англійскую партію. Съ этой минуты между мѣстнымъ дворянствомъ и чужеземными войсками, между протестантами и католиками, возникъ важный вопросъ о томъ, кто одержитъ верхъ—аристократія или королевская власть, старый или новый порядокъ вещей. Отсутствіе Маріи Стюартъ и неблагоразуміе Маріи лота-

ригской сильно способствовали рѣшенію его въ пользу феодальной аристократіи и пресвитеріанской церкви, которыя пріобрѣтали господство въ королевствѣ.

(Исторія Маріи Стюартъ, соч. Минье, пер. Дмитріева. Ч. I, глава II.)

7. НЕПОБѢДИМАЯ АРМАДА.

Приготовленія Филиппа.—Отплытіе Армады изъ Лиссабона.—Армада входитъ въ Ламаншъ — разбита бурей и вынуждена возвратиться чрезъ с. Шотландіи.—Посѣщеніе Елизаветою арміи въ Тильбюри.

Если вспомнить, какія оскорбленія наносила Англія ежегодно Филиппу, захватывая его сокровища, помогая его мятежнымъ подданнымъ наемными иностранными войсками, допуская англійскихъ моряковъ убивать и грабить его подданныхъ на моряхъ и испанскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ, то весьма естественнымъ должно явиться то колоссальное предпріятіе испанцевъ противъ Англіи, которое только по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ не могло привестись въ исполненіе. До поры до времени изъ политическихъ видовъ Филиппъ II скрывалъ свои настоящія чувства подъ личиной презрѣнія. И этотъ государь, относившійся надменно ко всѣмъ остальнымъ державамъ, казалось, съ глубокимъ равнодушіемъ сносилъ всѣ возмутительные поступки Елизаветы. Но постоянное возобновленіе оскорбленій, софизмы, которыми отвѣчали нѣкогда на его жалобы, и мысль, что королева обязана ему не только свободой, но даже, можетъ быть, жизнью, которой грозила опасность въ царствованіе ея сестры, все это разжигало въ немъ злобу и жажду мести, а если онъ медлилъ ударомъ, то единственно желая отмстить навѣрняка. Въ 1583 г. послѣ пятнадцати лѣтъ терпѣнія онъ понялъ, что насталъ, наконецъ, часъ расплаты. Герцогъ Анжуйскій былъ изгнанъ изъ Нидерландовъ, Францію волновала междоусобная война, а пораженіе его соперника дона Антоніо и взятіе Терцеры укрѣпило за нимъ португальскую корону. Такимъ образомъ, свободный отъ другихъ враговъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на Елизаветѣ; но для его медленной, осторожной натуры требовались размышленіе и свободное время, чтобъ сообразить планъ дѣйствій и сдѣлать приготовленія. Пять лѣтъ прошло, пока Армада, долженствовавшая покорить Англію, могла выступить въ море. Поступки Елизаветы за это время были такого рода, что не могли смягчить его злобы. Она послала бельгійскимъ бунтовщикамъ на помощь войска, начальникъ которыхъ присвоилъ себѣ званіе правителя возставшихъ

провинцій, и послѣ небывалаго въ лѣтописяхъ Европы процесса возвела на эшафотъ королеву Шотландіи. Первое равнялось объявленію войны, которое пропустить безъ вниманія онъ не могъ, чтобъ не выказать себя слабымъ, второе было оскорбленіемъ величества, за которое отмстить онъ считалъ своимъ прямымъ долгомъ, какъ самый могущественный изъ христіанскихъ государей.

Послѣдній человѣкъ, готовый признать за папою право располагать коронами, былъ король Испаніи; онъ не задумался нѣкогда объявить войну Павлу IV и предписывать Ватикану условія мира чрезъ генерала своего, герцога Альбу. Честолюбіе и жажда мщенія заставили его дѣйствовать инымъ путемъ: онъ сообщилъ подъ секретомъ свои намѣренія папѣ Сиксту V и ходатайствовалъ о его содѣйствіи относительно одной попытки, цѣлью которой было, между прочимъ, возстановленіе папской власти въ Англіи, и для этого просилъ денежной помощи, возобновленія осужденія, обнародованнаго противъ Елизаветы прежними папами, и кардинальской мантіи для доктора Оллена, который въ случаѣ успѣха долженъ былъ отправиться въ Англію, устроить дѣло религіи, какъ это было нѣкогда сдѣлано кардиналомъ Поль, и вручить побѣдителю инвеституру государства. Олленъ, не знавшій объ этотъ планѣ, жилъ въ Спа для поправленія здоровья, его вызвали въ Римъ подъ благовиднымъ предлогомъ и хотя теперь, какъ и при папѣ Григоріи XIII, онъ отказался отъ этого сана, его все-таки сдѣлали кардиналомъ подъ именемъ Сен-Мартино Монтибусъ. Напрасно Сикстъ V старался скрыть ввѣренную ему тайну; политики римскаго двора подозрѣвали причину такого повышенія Оллена и папа, боясь, что она откроется, торопилъ Филиппа, обѣщая выдать ему милліонъ кронъ субсидіи, лишь только испанскія войска высадятся на берегахъ Англіи.

Приготовленія Филиппа въ Испаніи и Нидерландахъ соотвѣтствовали важности предпріятія. Никогда еще океанъ не видалъ болѣе блестящаго флота, какъ тотъ, который стоялъ теперь въ портахъ Испаніи. Сто тридцать пять военныхъ кораблей съ восемнадцатью тысячъ моряковъ и девятнадцать тысячъ войска было подъ командою маркиза де Сента-Крусъ—воина, посѣдѣвшаго на морѣ и увѣнчаннаго славой. Важскій лѣсъ во Фландріи былъ вырубленъ, арсеналы Антверпена, Ньюпорта, Дюн-Кирка и Гравестнгена кипѣли работниками, рѣки и каналы были заняты плоскими судами, которыя должны были служить для транспортовъ въ готовившемся нападеніи. Имя Фарнезе и заманчивая опасность предпріятія привлекали волонтеровъ изъ лучшихъ фамилій Европы; по всѣмъ дорогамъ, къ назначенному мѣсту спѣшили цѣлыя толпы народа изъ Испаніи,

Италіи и Германіи, такъ что когда герцогъ Пармскій сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ, далъ графу Мансфельду одиннадцать тысячъ солдатъ сверхъ обыкновеннаго гарнизона на охрану страны, у него осталось еще тридцать тысячъ человѣкъ для похода въ Англію *).

Невозможно, чтобы англійское правительство не замѣчало этихъ приготовленій, но Филиппъ распространялъ о цѣли ихъ ложные слухи, и Елизавета находилась въ мучительной неизвѣстности о томъ, гдѣ именно разразится буря, надъ нею или надъ бельгійскими бунтовщиками. Ей необходимо было быть настророжѣ, но мелочная разсчетливость побуждала ее недовѣрять совѣтамъ министровъ и тому, что сообщали ихъ шпіоны, такъ что она то спѣшила приготовленіями, то задерживала ихъ, смотря по тому, страхъ или надежда волновали ее. Она легко согласилась на учрежденіе военнаго совѣта для защиты государства и на то, чтобы все мужское населеніе отъ восемнадцати до шестидесяти лѣтняго возраста было призвано къ оружію, а лорду намѣстнику разрѣшено составлять отряды ополченцевъ, назначать офицеровъ и запастись оружіемъ на счетъ графствъ. Но призвать такую массу народа на дѣйствительную службу стоило бы правительству громадныхъ денегъ. Она все-еще надѣялась на возможность избѣжать войны и если былъ, наконецъ, данъ приказъ собрать двѣ арміи, одну въ тридцать шесть тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ лорда Гунсдона для защиты королевской особы, а другую въ тридцать тысячъ для охраны столицы, то эти мѣры такъ запоздали, что первая армія существовала лишь на бумагѣ, а численность второй никогда не превзошла и половины означенной цифры. Да это было и не важно, потому что наборъ неопытныхъ, импровизованныхъ солдатъ могъ дать лишь слабый отпоръ многочисленному и

*) «Флотъ Филиппа былъ самый значительный изъ всѣхъ, какіе когда либо европейскимъ державамъ приходилось выводить въ море, если не по числу, такъ по громадности и вмѣстимости кораблей. Всѣ области Пиренейскаго полуострова наперерывъ помогали королю; соотвѣтственно имъ флотъ былъ раздѣленъ на эскадры: первая изъ нихъ была португальская, за нею слѣдовала эскадры кастильская, андалузская, потомъ итальянская, такъ какъ и изъ Италіи прибыли корабли и люди. Съ неменьшимъ усердіемъ вооружались и въ католической части Нидерландовъ, во всѣхъ валлонскихъ и фламандскихъ провинціяхъ билъ барабанъ, по всѣмъ улицамъ двигались толпы воиновъ. Здѣсь также собралось много итальянцевъ, корсиканцевъ, жителей церковной области, неаполитанцевъ въ великолѣпномъ вооруженіи; здѣсь же можно было встрѣтить братьевъ В. герцога Тосканскаго и герцога Савойскаго; король Филиппъ II дозволилъ участвовать въ католическомъ походѣ даже сыну одного мавританскаго князя. Изъ католической Германіи также прибывали пѣхота и конница». (См. Ранке, «Englische Geschichte,» т. I, стр. 427).

дисциплинированному войску, которымъ командовалъ герцогъ Пармскій, и спасеніе Англіи зависѣло отъ искусства и неустрашимости ея морскихъ силъ.

Осенью опасенія вынудили у королевы приказъ набрать пять тысячъ моряковъ, а въ январѣ, раскаяваясь въ такой расточительности, она велѣла отпустить двѣ тысячи человѣкъ. Однако, когда слухи о нападеніи стали усиливаться, она уступила настоянію совѣта и первоначальный составъ флота былъ не только пополненъ, но даже увеличенъ двумя тысячами человѣкъ. Королевскій флотъ состоялъ изъ тридцати четырехъ военныхъ кораблей, изъ которыхъ пять были въ 800 и 1,200 тоннъ; отъ Лондона было прибавлено 33 и 18 отъ частныхъ лицъ; кромѣ того въ виду критическихъ обстоятельствъ прибавили 43 наемныхъ и 30 прибрежныхъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ по своему чину адмиралъ Англіи, рѣшительный и безстрашный лордъ Говардъ *Эффингемъ*, у котораго былъ подъ рукою совѣтъ опытныхъ, искусныхъ моряковъ. Подъ его начальствомъ служили волонтерами: графъ Кумберлэндъ, лордъ Генрихъ Сеймуръ, Томасъ Говардъ и Эдмундъ Шефильдъ. Дрекъ былъ произведенъ въ лейтенанты флота, а лучшіе корабли поручены Гаукинсу, Фробишеру и друг., которые во время прежнихъ промышленныхъ и разбойничьихъ своихъ поѣздокъ пріобрѣли опытъ и ту удаль, которая издавна составляетъ отличительную черту англійскихъ моряковъ.

Единственными изъ сосѣднихъ державъ, отъ кого Елизавета могла ожидать помощи, были Бельгійскіе Штаты и Шотландія. Первые отстаивали свою независимость благодаря ея покровительству и потеря этой независимости была бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ паденія Елизаветы. Чувство благодарности и собственныя выгоды заставили ихъ откликнуться на ея призывъ, всѣ недавнія обиды были забыты; они взялись закрыть навигацію по Шельдѣ и послали къ флоту эскадру изъ 20 кораблей. Что же касается короля Шотландіи, Елизавета не смѣла разсчитывать на его дѣйствительную помощь, но было весьма важно заручиться его нейтралитетомъ. Іаковъ колебался; среди шотландцевъ образовалась испанская партія: испанское войско и деньги дали бы ему возможность выйти изъ бездѣйствія, отмстить за смерть матери, что̀ и было предложено въ совѣтѣ Филиппа, но онъ не довѣрялъ Шотландіи, политика которой состояла въ томъ, чтобы не вступать въ сношенія въ какой-либо изъ партій прежде, чѣмъ выяснится вѣроятный исходъ борьбы. Если въ угоду своимъ протестантскимъ подданнымъ онъ подписалъ союзъ пресвитеріанъ, и уничтожилъ покушенія Максвеля на границахъ, зато хладнокровно выслушивалъ приводимыя лордомъ Гунсдономъ причины оправданія смерти королевы

Маріи, изъявлялъ свои притязанія тономъ сильнѣйшаго и оставлялъ англійскій кабинетъ въ нерѣшительности до тѣхъ поръ, пока вынудилъ у посланника Асби самыя выгодныя обязательства: тогда онъ дѣйствительно запретилъ своимъ подданнымъ помогать непріятелю (4 августа) и предложилъ въ распоряженіе Елизаветы всѣ свои силы; но это было уже въ то время, когда Армада была уничтожена и испанцы преслѣдуемые бѣжали вдоль береговъ Шотландіи.

Гораздо болѣе, чѣмъ всѣ эти отсрочки шотландцевъ и вражда Филиппа, тревожило правительство сомнѣніе въ вѣрности католиковъ; дѣйствительное число ихъ въ Англіи не было извѣстно, потому что благодаря строгости уголовныхъ законовъ многіе скрывали свое вѣроисповѣданіе, но приблизительно ихъ насчитывали до половины всего населенія. До сихъ поръ ихъ безпрерывно преслѣдовали и потому легко можно было ожидать, что они встрѣтятъ испанцевъ, какъ своихъ избавителей. Главою ихъ церкви Елизавета была отрѣшена отъ престола и это могло послужить имъ достаточнымъ предлогомъ, чтобъ вырвать изъ рукъ ея тотъ желѣзный скипетръ, которымъ она правила ими. Подъ вліяніемъ такихъ опасеній нѣкоторые изъ ея совѣтниковъ предложили умерщвленіе всѣхъ главныхъ лицъ католической партіи, точно въ ужасѣ Варѳоломеевской ночи они видѣли полезный примѣръ, и если бы не милосердіе королевы, то главы этихъ партій пали бы жертвою своихъ враговъ; но Елизавета отвергла этотъ звѣрскій проектъ и такъ какъ не могли открыть и слѣда измѣны, заявила, что не обагритъ своихъ рукъ кровію невинныхъ. Между тѣмъ вѣрность католиковъ была подвергнута самымъ строгимъ испытаніямъ. Подъ видомъ предосторожности, были арестованы всѣ подозрительныя лица и цѣлый списокъ «заподозрѣнныхъ въ религіозномъ отношеніи» былъ потребованъ изъ магистратовъ столицы; во многихъ, даже быть можетъ во всѣхъ графствахъ произвели домовые обыски и на всѣхъ концахъ Англіи массы католиковъ безъ различія пола и сословія подверглись тюремному заключенію, а духовенство съ каѳедръ гремѣло противъ тираніи папы и измѣны папистовъ. Ничто однако не могло вызвать ихъ на неосторожный шагъ. Ихъ патріотизмъ былъ не меньше патріотизма протестантовъ, къ которымъ правительство было благосклонно. Пэры вооружали своихъ ленниковъ и слугъ на службу королевѣ; многіе изъ дворянъ снаряжали цѣлые корабли, предоставляя протестантамъ начальство надъ ними, другіе же просили разрѣшенія сражаться въ рядахъ простыхъ солдатъ противъ общаго врага.

Страннымъ покажется, что среди такихъ тревогъ и заботъ Филиппъ и Елизавета повидимому весьма искренно хлопотали о мирѣ. Королева не теряла надежды избѣжать опасной борьбы и

напрасно Лейчестеръ и Волсингемъ силились доказать, что такой оборотъ дѣйствій съ ея стороны можетъ охладить рвеніе народа и ободрить врага; поддержанная Борлэ, она назначила коммисаровъ: графа Дерби, лорда Кобгэма, сира Джэмса Крафта и двухъ юрисконсультовъ, Дэля и Роджерса. Они высадились въ Остенде и послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ формальностей вступили въ переговоры съ испанскими коммиссарами: англичане начали требованіемъ перемирія, испанцы согласились на него, но не согласились относительно возвращенія четырехъ заложенныхъ Штатами, городовъ Елизаветѣ. Тогда англичане предложили три условія: возобновленіе союза между Англіей и Бургундскимъ домомъ, удаленіе войскъ Филиппа изъ Нидерландовъ и чтобы эти провинціи пользовались свободою совѣсти. Имъ отвѣтили, что король Испаніи ничего не имѣетъ противъ возобновленія союза, но что было бы неосторожно съ его стороны удалять свои войска въ то время, когда Англія и Франція остаются вооруженными, и что королева не могла ожидать снисхожденія къ протестантамъ, пока преслѣдовала у себя католиковъ. Испанцы потребовали отдачи городовъ, данныхъ Штатами въ залогъ Елизаветѣ, а противники ихъ—выплаты денегъ—данныхъ королевою взаймы; никто не уступалъ, и переговоры длились до тѣхъ поръ, пока Армада появилась въ устьяхъ Ла-Манша. Общій голосъ былъ, что обѣ стороны въ своихъ переговорахъ желали только провести одна другую, но, если вѣрить частной перепискѣ министровъ, Елизавета горячо желала мира.

Впродолженіе пяти лѣтъ Филиппъ отличался медленностью, теперь онъ вдругъ возсталъ и началъ дѣйствовать рѣшительно. Маркизъ Санта-Круцъ предостерегалъ относительно опасности плаванія по узкому и бурному морю, гдѣ не имѣлось у Испаніи ни одного порта, удобнаго для прикрытія флота отъ бурь. Герцогъ Пармскій просилъ разрѣшенія на взятіе порта Флиссингена до отправленія экспедиціи, а сиръ Вильямъ Стэнли совѣтовалъ занятіе Ирландіи какъ необходимую мѣру, чтобъ заручиться вѣрностью побѣды надъ Англіей; но король не допускалъ никакихъ замедленій. Онъ зналъ, что у папы все готово, деньги собраны, назначеніе легата отправлено; но папа не желалъ компрометировать себя публичной оглаской своихъ дѣйствій, пока испанскія войска не высадятся въ Англіи. Филиппъ тотчасъ далъ адмиралу формальный приказъ выступить немедленно въ море, а Фарнезе—держать армію готовою къ отплытію, какъ только флотъ появится у береговъ Фландріи. Но Санта-Круцъ уже умеръ 31 января, онъ палъ жертвою поспѣшности удовлетворить нетерпѣніе своего монарха, и мѣсто его неудачно занялъ герцогъ Медина-Сидонія, которому, какъ и лорду-адми-

ралу Англіи, дѣло морской службы было совершенно чуждо. Подъ его командой Армада вышла изъ Таго. Величіе этой картины возбуждало самыя блестящія надежды на славную побѣду, но спустя нѣсколько дней эти мечты разлетѣлись. Близъ мыса Финистерре южный вѣтеръ замѣнился западнымъ ураганомъ, и Армада была разбросана вдоль береговъ Галисіи (9 іюня), три галеры стали на мель у береговъ Франціи, у восьми кораблей сорвало мачты, всѣ остальные понесли значительныя поврежденія и герцогъ пробылъ три недѣли въ портѣ Корунья, чтобы собрать и исправить свой полуразрушенный флотъ.

Это бѣдствіе было возвѣщено Елизаветѣ, какъ гибель Армады и конецъ похода. Обрадованная этой вѣстью, она не забыла, однакожъ, своей обычной разсчетливости и лорду-адмиралу тотчасъ былъ данъ приказъ распустить войска съ четырехъ самыхъ большихъ кораблей королевскаго флота. Къ счатью онъ рѣшился ослушаться, принявъ издержки на свой счетъ, и двинулся чрезъ Бискайскій заливъ, чтобъ удостовѣриться въ состояніи Армады; но сильный юго-западный вѣтеръ заставилъ его вернуться, а непріятель воспользовался этимъ же вѣтромъ, чтобы покинуть Корунью, и едва успѣли англичане кинуть якорь въ Плимутѣ, какъ герцогъ Медина появился у м. Лизарда (19). Тамъ онъ созвалъ самыхъ опытныхъ изъ своихъ капитановъ на военный совѣтъ. Они единодушно предложили всѣ смѣлую, но рѣшительную мѣру аттаки англійскаго флота, пока онъ на якорѣ; но адмиралъ предъявилъ свои инструкціи, гдѣ ему строго воспрещалось нападеніе, пока армія Фландріи не высадится благополучно на англійскомъ берегу. Они повиновались по-неволѣ.

Армада выстроилась въ полукругъ, концы котораго занимали пространство въ нѣсколько миль, и гордо возвратилась въ Ла-Маншъ. Это было поразительно-величественное зрѣлище. Величина кораблей, необыкновенное устройство галеассовъ поражали зрителя удивленіемъ и страхомъ. Лордъ-адмиралъ уже составилъ планъ дѣйствія,—его корабли, хотя и уступали испанскимъ по величинѣ, зато превосходили скоростью хода. Сопротивленіе было опасно, но онъ могъ тревожить ихъ издали и замедлять ихъ путь, нападая на самые медленные по ходу и захватывая отставшіе. Не прошло и двухъ часовъ канонады съ Рикальдецомъ, командиромъ арьергарда, какъ герцогъ долженъ былъ прислать ему подкрѣпленіе.

Дѣло обошлось безъ значительныхъ уроновъ съ обѣихъ сторонъ, но ночью одинъ пушкарь фламандецъ, оскорбленный подозрѣніями своего капитана въ трусости и измѣнѣ, поджогъ одинъ изъ самыхъ большихъ галіоновъ, другое судно, случайно потерявшее мачту, было взято послѣ горячей схватки, третье,

отставъ въ темнотѣ отъ флота, претерпѣло ту же участь у береговъ Франціи. Эти неудачи научили испанскаго адмирала осторожности. Его путь сталъ еще медленнѣе и труднѣе, потому что врагъ былъ смѣлъ, а погода измѣнчива. У нѣкоторыхъ изъ его кораблей были перебиты рангоуты въ безпрестанныхъ схваткахъ, другіе засѣли у незнакомыхъ береговъ на мель, а необходимость защищать остальные отъ постояннаго преслѣдованія англичанъ такъ замедляла его путь, что только черезъ шесть дней онъ достигъ назначеннаго мѣста и бросилъ якорь близъ Кале (27).

Въ то время испанцы научились уважать силу и мужество врага; англичане въ свою очередь благодаря тому, что одержали хотя и незначительный верхъ, пріобрѣли ту увѣренность, которая часто предшествуетъ побѣдамъ. Между тѣмъ главная опасность, именно прибытіе арміи, все еще не наступала. Герцогъ Пармскій окончилъ свои приготовленія и по прорытымъ въ странѣ каналамъ отправилъ свои транспорты въ Дюнкирхенъ и Ньюпортъ. Четырнадцать тысячъ человѣкъ дивизіи уже сѣли на корабли въ Ньюпортѣ и почти столько же было готово въ Дюнкирхенѣ и ожидало только приказаній главнокомандующаго; полагали, что дѣло начнется на слѣдующій день пріѣзда герцога Медины, но въ ту же ночь, темную и бурную, море внезапно освѣтилось заревомъ восьми зажженныхъ брандеровъ, которыхъ волною и вѣтромъ гнало прямо на Армаду. Крикъ ужаса раздался среди испанцевъ, припомнившихъ опустошенія, произведенныя такими же брандерами при осадѣ Антверпена. Немедля перерубивъ канаты, они вышли въ открытое море и среди ужаса и безпорядка сдѣлали себѣ больше вреда, чѣмъ всѣ предшествовавшія сраженія. Брандеры между тѣмъ сгорѣли безъ послѣдствій у береговъ; но въ то время, какъ герцогъ радовался, что избавился отъ нихъ, поднялся сильный юго-западный вѣтеръ; дождь лилъ ручьемъ, молнія смутила матросовъ, и на разсвѣтѣ увидали Армаду разбросанною вдоль береговъ Остенде и Кале. Вскорѣ пушечная пальба въ направленіи Гравилингена возвѣстила о непріятельскомъ флотѣ. Цѣлый день испанцы съ сорока судами выдерживали храбро аттаку англичанъ, но къ ночи усилившійся вѣтеръ понесъ ихъ на мель и песчаные рифы у устьевъ Шельды. На слѣдующее утро благопріятный вѣтеръ избавилъ ихъ отъ опасности, но они потеряли два галіона, одинъ потонулъ, другой взяли голландцы, а неаполитанскій галеассъ сталъ на мель подъ баттареями Кале. Герцогъ по этому случаю созвалъ на совѣтъ самыхъ опытныхъ изъ своихъ офицеровъ. У него осталось около восьмидесяти четырехъ кораблей, изъ которыхъ всѣ значительно пострадали; пытаться перевезти армію или возвратиться Ла-Маншемъ значило идти на вѣрную ги-

бель, и всѣ согласились, что имъ остается одинъ только путь въ обходъ сѣверныхъ береговъ Шотландіи и Ирландіи, путь опасный и страшный для людей, незнакомыхъ съ берегами и не привыкшихъ къ бурнымъ морямъ, но все-же онъ подавалъ нѣкоторую надежду на возможность сохранить ихъ государю хотя остатки его нѣкогда грознаго флота. Впервые испанцы открыто бѣжали передъ врагомъ, недостатокъ военныхъ запасовъ вынудилъ англичанъ войти въ портъ въ ту минуту, когда они могли уничтожить противниковъ. Бѣглецы между тѣмъ не встрѣтили на сѣверѣ ни одного непріятеля, но имъ пришлось бороться противъ вѣтра и волнъ; берега Шотландіи и Ирландіи покрылись обломками испанскихъ кораблей и герцогъ, окончивъ свой неудачный походъ, въ портѣ Св. Андрея увидалъ, что не достаетъ тридцати первоклассныхъ кораблей и десяти тысячъ человѣкъ. Кристоваль де-Моура послѣ нѣкоторыхъ преній съ товарищами взялся объявить королю печальную вѣсть. Онъ засталъ Филиппа за писаніемъ писемъ въ кабинетѣ. Филиппъ выслушалъ его, не измѣнившись въ лицѣ «Благодарю Бога, сказалъ онъ, за то, что Онъ даровалъ мнѣ средство перенести безъ труда подобную потерю и что я въ состояніи отправить въ море другой такой же флотъ. Отрубленъ сукъ, но дерево цвѣтуще и дастъ другой плодъ». Взявъ опять перо, онъ спокойно продолжалъ писать. Однако же Армада, по словамъ посланника Мендозы, стоила Филиппу болѣе 100 м. червонцевъ.

Остатки ея прибыли въ сентябрѣ въ порты Сантандера и Коруньи, подъ предводительствомъ герцога Медины-Сидонія, который не былъ допущенъ къ королю и получилъ приказаніе удалиться въ свои помѣстья.

Филиппъ II немедленно послалъ 50,000 кронъ для раздачи оставшимся въ живыхъ, запретилъ публичный трауръ и всенародно благодарили Бога за сохраненіе флота отъ окончательной гибели. Испанцы утѣшились, приписывая свои потери непогодамъ. Герцогъ Пармскій получилъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ одобреніе и увѣреніе въ монаршей милости, такъ что тщетныя попытки англійскихъ министровъ подкупить его, послужили лишь къ увеличенію уваженія къ нему государя.

Во время этого важнаго кризиса въ Елизаветѣ заговорило мужество Тюдоровъ. Она казалась увѣренной въ успѣхѣ и намѣревалась выступить на встрѣчу врагу и воодушевить войска своимъ присутствіемъ. Осторожность ли или любовь побуждали Лейчестера порицать это намѣреніе, только онъ писалъ Елизаветѣ слѣдующее (27 іюля): «Что касается до вашей особы, составляющей драгоцѣнный и священнѣйшій предметъ всѣхъ нашихъ земныхъ заботъ, я не могу согласиться, чтобъ онъ подвергся опасности, дорогая государыня, ибо все спасеніе Англіи

зависитъ отъ личной безопасности Вашего Величества, поэтому вы должны беречь себя какъ зеницу ока. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не желалъ бы, чтобъ такое по истинѣ царственное и рѣдкое величіе души было сокрыто отъ глазъ народа и общества. Все, что вы, ваше величество, можете сдѣлать, если то вамъ будетъ угодно, это отправиться въ вашъ гаверингскій дворецъ и для ободренія войскъ и народа тѣхъ графствъ провести тамъ два, три дня, въ осмотрѣ фортовъ и лагеря. Вотъ предѣлъ, до котораго я могу рѣшиться допустить Ваше Величество подвергать опасности свою драгоцѣнную особу». Она послушалась и спустя двѣ недѣли (9 августа) выѣхала въ Тильбюри. То была минута торжества для надменной Елизаветы. Опасность прошла: Армада, грозившая ниспровергнуть ея престолъ, боролась съ враждебными стихіями, стараясь возвратиться въ Испанію, и народъ, упоенный восторгомъ, изъявлялъ королевѣ самую горячую любовь. На бѣломъ конѣ, съ маршальскимъ жезломъ въ рукахъ, она ѣхала по рядамъ войскъ. Солдаты оглашали воздухъ торжественными кликами, а новобранцы сожалѣли, что имъ не привелось помѣряться силами со старыми испанскими воинами.

Histoire d'Angleterre, par le Docteur S. Lingard, traduite par M. Léon de Wailly. Tome quatrième. Paris, 1844.

8. ЕЛИЗАВЕТА И МАРІЯ СТЮАРТЪ.

Вступленіе Елизаветы на тронъ. — Вильямъ Сесиль, лордъ Борле. — Реформа.—39 положеній Высокой церкви.—Моральное состояніе королевы.—Марія Стюартъ.—Бракъ ея съ Франсуа II. — Положеніе Шотландіи. — Побѣда кальвинизма въ лицѣ Д. Нокса. — Прибытіе Маріи въ Шотландію. — Бракъ съ Дарнлеемъ.—Риччіо.—Гибель Дарнлея.—Ботвель.—Марія бѣжитъ въ Англію.—Заговоры.— Марія въ Фотерингеѣ.—Процессъ Маріи.—Приговоръ и казнь.—Взрывъ негодованія католиковъ.—Армада.—Основаніе морскаго могущества Англіи.—Судьба Ганзы.—Ирландія и Эссексъ. — Казнь Эссекса.—Смерть Елизаветы.

Тоуэръ смѣнился для Елизаветы трономъ. Ей было тогда 25 лѣтъ. Выросши въ суровой школѣ страданій, одаренная отъ природы, развивши себя серьезными занятіями, она явилась теперь повелительницей. Въ какой бы степени ни была она нерѣшительна, какъ женщина, какъ бы глубоко ни вкоренилось въ ней упрямство ея отца, всегда служившее основой ея нравственнаго міра, за ней все-таки остается одна неоспоримая заслуга, именно умѣнье выбирать себѣ совѣтниковъ, подобныхъ, напр., сэру *Вильяму Сесилю*. Этотъ великій государственный мужъ родился въ 1520 г. Нѣкоторое время онъ исправлялъ должность

секретаря лорда у Эдуарда Соммерсета и поэтому ему приходилось постоянно сталкиваться съ Елизаветой. Самъ онъ былъ горячимъ поборникомъ протестантизма и на упроченіи послѣдняго въ Англіи основывалъ ея политическое значеніе въ Европѣ. Хотя только третья часть народа оказывалась склонной къ новому ученію, но въ общемъ протестантская политика подкупала въ свою пользу чувства почти всей націи. Сесиль сдѣлался государственнымъ секретаремъ, государственнымъ канцлеромъ, и хранителемъ печати онъ назначилъ *Николая Бэкона*, отца индуктивнаго философа, а въ члены кабинета избраны были *Николай Трокморторнъ* и сходные съ нимъ по направленію. Сиръ Вольсингамъ пріобрѣлъ себѣ славу самаго безкорыстнаго министра. Кормило правленія оказалось такимъ образомъ въ рукахъ мужчинъ.

Гонимые за религію были освобождены. Да и какъ иначе могла поступить новая королева! Послѣ казни ея матери, воспитательница ея обращалась изъ Тоуэра къ *Кромвелю*, прося его состраданія къ своей маленькой питомицѣ, которая испытывала крайнюю нужду и лишенія во всемъ, даже въ предметахъ первой необходимости. Масса заключенныхъ привѣтствовала новую монархиню благословеніями. Судъ надъ еретиками былъ отмѣненъ. Теперь сдѣлалось яснымъ, на сколько непрочной была политика Маріи Тюдоръ. Изъ 15 епископовъ только одинъ согласился на ея коронацію; остальные 14 были просто устранены. Изъ 10,000 духовенства только 174 человѣка потеряли свои мѣста. Парламентъ, по желанію правительницы, немедленно собирался черезъ посредство шерифовъ и представителей правительства въ графствахъ.

Законоположенія Эдуарда VI снова вошли въ прежнюю силу. И при всемъ этомъ реформація оставалась по прежнему королевской привилегіей, превосходившей всѣ другія, какія только допускались въ странѣ, вступавшей на путь цивилизаціи. Духовенство сохраняло свое облаченіе,—преклоненіе колѣнъ предъ именемъ Іисуса Христа или предъ Св. Дарами оставалось по прежнему обязательнымъ. 42 статьи Эдуарда VI сокращены были въ 1562 г. въ 39 положеній, окончательно утвержденныхъ въ 1571 году. Въ 1562 г. «Актъ Единообразія» былъ объявленъ всеобщимъ церковнымъ закономъ въ государствѣ.

Съ тѣхъ именно поръ и установилось убѣжденіе, что только король въ парламентѣ и можетъ измѣнить оффиціальную религію. Конечно принудительные законы, которые имѣютъ свою особенную исторію, въ правленіе Елизаветы были отмѣнены. Особой коммиссіи, состоявшей изъ 12 епископовъ, 39 тайныхъ совѣтниковъ и пр., было поручено приводить въ исполненіе эти 39 статей и всякое отступленіе отъ нихъ преслѣдовать какъ государственное преступленіе. Королева въ качествѣ духовной

главы церкви удержала за собою право принуждать подданныхъ къ посѣщенію церквей; англичане не показывавшіеся въ теченіи мѣсяца въ храмѣ, должны были платить штрафъ въ 25 фунт. стерл. По прошествіи многихъ лѣтъ этотъ законъ существовалъ только по имени; въ 1569 г. Елизавета довольствовалась уже однимъ наружнымъ исполненіемъ его. Лишь грозная папская булла 1570 г. внесла подобную строгость относительно его примѣненія къ неисполнявшимъ его. Извѣстный Джонъ Шекспиръ испыталъ послѣднюю на себѣ, когда ему пришлось заплатить большую сумму денегъ.

Религіозныя преслѣдованія со стороны Елизаветы въ Англіи начались со дня прибытія туда Маріи Стюартъ. Насколько они касались тайныхъ католиковъ, они являлись политическимъ актомъ, вытекавшимъ изъ государственныхъ соображеній. Чисто же церковный характеръ они имѣли только тамъ, гдѣ они распространялись на возвратившихся на родину изгнанниковъ, которые образовали секту пуританъ. Здѣсь, прежде чѣмъ обрисовывать разницу между той и другой королевой, разницу, послужившую причиной трагической участи Маріи Стюартъ, было бы умѣстно сказать нѣсколько словъ о нравственной физіономіи англійской королевы. Извѣстно, что у Елизаветы не было недостатка въ претендентахъ на ея руку. Филиппъ II, этотъ женихъ-дипломатъ, который охотно бы женился на всемъ, что носило корону и владѣло землями, уже въ 1553 г. отзывался о ней съ хорошей стороны не безъ эгоистическаго разсчета на снисходительность ея сестры. Послѣ смерти Маріи онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Елизавета отказала. Послѣ того одновременно искали ея руки датскій король Фридрихъ II и шведскій Эрихъ, преемникъ Густава Вазы, но оба получили отказъ. Екатерина Медичи предлагала ей поочередно своихъ трехъ сыновей и даже сохранился документъ, написанный рукой Сесиля, въ которомъ говорится о предполагаемомъ брачномъ союзѣ между Елизаветой и 14 лѣтнимъ Карломъ IX. Вѣроятно, чтобы уклониться отъ этихъ предложеній, Елизавета обратилась къ императору Максимиліану съ просьбой прислать его сына, эрцгерцога Карла, въ Англію для личнаго знакомства съ ней. Послѣдній, впрочемъ, являлся сюда уже во второй разъ въ качествѣ претендента на руку королевы.

Ни съ однимъ изъ нихъ дѣло не доходило ни до чего серьезнаго. При рѣшительномъ объясненіи она объявляла, что желаетъ оставаться «дѣвственной королевой». Самымъ неограниченнымъ довѣріемъ и расположеніемъ ея пользовался лордъ Дудлей, извѣстный подъ именемъ Лейчестера, и существуютъ данныя, свидѣтельствующія о легкомысленномъ и неприличномъ поведеніи ея какъ съ нимъ, такъ и съ герцогомъ Алансонскимъ. Подобное поведеніе оставило неизгладимое пятно на всемъ царствованіи

Елизаветы и затмѣваетъ собою значеніе хорошихъ ея поступковъ и дѣйствій. Противъ нея составилось вооруженное ополченіе съ осмѣяннымъ Филиппомъ II во главѣ. Ей противопоставляли орудіе реакціи въ лицѣ Маріи Стюартъ. Съ этого времени впродолженіе 20 лѣтъ интересы Англіи и континента являются въ полной зависимости отъ борьбы этихъ двухъ женщинъ.

Марія Стюартъ, правнучка Генриха VII, дочь Якова V шотландскаго и Маріи Гизъ, была выдана замужъ за сына Генриха II и Екатерины Медичи, бывшаго впродолженіе двухъ лѣтъ французскимъ королемъ подъ именемъ Франциска II. 19 апрѣля 1558 г. 16-лѣтняя Марія и 15-лѣтній Францискъ сочетались бракомъ.

Яковъ V былъ ревностный противникъ реформаціи и вступилъ въ войну съ дядей своимъ Генрихомъ VIII, въ которой потерпѣлъ пораженіе. Онъ умеръ въ 1542 г., въ годъ рожденія своей дочери. Вслѣдъ за этимъ наступили междоусобія въ средѣ дворянства изъ-за регентства и борьба съ гугенотами (пресвитеріанами) по поводу введенія кальвинизма. Шотландія, такъ сказать, однимъ порывомъ изъ дикаго невѣжества и грубаго варварства была увлечена новымъ потокомъ времени. Неудивительно, что нетронутыя силы природы искали себѣ выхода. Католическое духовенство Шотландіи было невѣжественно до послѣдней степени. Многіе священники никогда даже не видѣли перевода Библіи. Отправленіе службъ обратилось у нихъ въ ремесло. Деморализація Шотландіи не уступала невѣжеству. Запрещены были браки между родственниками до восьмаго колѣна. Это представляло случай къ постояннымъ денежнымъ сдѣлкамъ съ духовенствомъ. Церкви принадлежала половина всѣхъ государственныхъ имуществъ; представители ея и служители при папахъ Александрѣ VI и Львѣ X погрязали въ грѣхахъ.

Высшее духовенство продавало за деньги все: изгнаніе, проклятіе, блаженство и отпущеніе грѣховъ. Такъ поступалъ напр. *Тецель* съ своими индульгенціями. Если реформація и улучшила нѣсколько положеніе вещей, однакожъ все-таки очень мало; такъ даже духовенство въ массѣ видѣло въ лицѣ Лютера сочинителя Новаго Завѣта. Бокль утверждаетъ, что въ слѣдующемъ XVII ст. каждый еще вѣровалъ въ злыхъ духовъ, витающихъ надъ землей, живущихъ въ воздухѣ, искушающихъ людей и вредящихъ имъ. Во главѣ этихъ духовъ стоялъ сатана, являвшійся въ разныхъ видахъ и пугавшій всѣхъ и каждаго. Онъ принималъ на себя видъ черной собаки, темнаго кобальда, ворона, быка, человѣка въ черной одеждѣ, или чернаго человѣка въ бѣлыхъ перчаткахъ, ноги у него какъ у двукопытныхъ; чѣмъ онъ былъ старше, тѣмъ лукавѣе. Духовенство говорило, что онъ учился впродолженіе 5000 лѣтъ и

становился все ловчѣе и хитрѣе. Если онъ и надѣвалъ на себя обликъ свѣтскаго человѣка, однакожъ онъ не стыдился принимать видъ слуги Евангелія. Онъ заключалъ договоры съ людьми и разъ даже вступилъ въ таковой съ духовенствомъ.

Все это говорилось и думалось спустя только столѣтіе, послѣ введенія кальвинизма и пресвиторіанской церкви.

Такого рода люди во всемъ подчиняются руководящимъ факторамъ и энергіи своихъ вожаковъ. Кто могъ только овладѣть этой сѣверной фантазіей, для того легко было дѣлать съ ними что угодно. Во главѣ католической партіи по смерти Якова V стояла королева — вдова Марія и архіепископъ—кардиналъ *Битонъ*. Графъ Яковъ Арранъ изъ дома Гамильтоновъ, внукъ Якова IV по матери, свергнулъ кардинала, заключивъ его въ тюрьму.

Когда же онъ былъ освобожденъ, Яковъ заключилъ съ нимъ союзъ, и костры для еретиковъ запылали по повелѣнію кардинала. Тогда составился заговоръ изъ 16 человѣкъ, рѣшившихся проникнуть къ кардиналу и убить его. Здѣсь главное участіе принималъ шотландскій кальвинистъ Д. Ноксъ. Таковы были первыя проявленія реформаціи въ Шотландіи.

Антагонизмъ между Англіей и Шотландіей отозвался и на католичкѣ Маріи Тюдоръ. Когда Марія Стюартъ осталась при французскомъ дворѣ Генриха II, то ея мать вступила въ войну съ Англіей, такъ какъ послѣдняя вслѣдствіе брачнаго союза съ испанскимъ домомъ вовлечена была въ войну съ Франціей. Здѣсь уже, конечно, роль игралъ вовсе не религіозный мотивъ.

Между тѣмъ кальвинизмъ все сильнѣе распространялся по Шотландіи. Одно изъ самыхъ суровыхъ воззрѣній на міръ, какія только могли возникнуть въ христіанствѣ, здѣсь пріобрѣтало себѣ все больше и больше послѣдователей. Поборники новаго ученія въ противоположность «Общинѣ сатаны» именовали себя «Христовымъ Союзомъ». Марія Гизъ не безъ умыслу передала Шотландію своему зятю Франциску. Ей угодно было допустить богослуженіе на народномъ языкѣ въ церкви; между тѣмъ проповѣди и поученія проникали бы въ частныя дома. Послѣднее, добавляли новые фанатики, пока Богу не будетъ угодно внушить государю мысли ввѣрять дѣло общественной проповѣди истиннымъ, благочестивымъ пасторамъ церкви. Естественно—все это повлекло за собою перемѣну. Католики снова зажгли костры, а протестанты нападали на католическія процессіи. Марія получила изъ Франціи совѣтъ—дѣйствовать рѣшительно и строго и нарушить слово, данное кальвинистамъ.

Между тѣмъ на англійскій престолъ вступила Елизавета, и въ Шотландіи разразилась буря. Реформаторомъ въ Шотландіи

явился сѣверный пророкъ Илія, Д. Ноксъ, человѣкъ, отличавшійся стойкимъ убѣжденіемъ, сильнымъ и потрясающимъ народнымъ краснорѣчіемъ. Долгое время находился онъ въ изгнаніи; два года служилъ на французскихъ галерахъ, принялъ во Франкфуртѣ кальвинизмъ и въ Женевѣ Кальвинъ сдѣлалъ изъ него свое подобіе. Въ 1559 году онъ возвратился въ Шотландію и возбудилъ тамъ дикую ярость противъ всякаго проявленія римскаго богослуженія, покровительствуемаго регентшей. Множество англійскихъ учениковъ его, преслѣдуемые мрачною Маріею Тюдоръ, отправились за нимъ въ Шотландію и пріобрѣли безчисленное множество прозелитовъ въ этой странѣ, гдѣ со временъ *Фингала* и *Оссіана* климатъ и туманы способствовали развитію мрачныхъ ученій и даже поэтовъ, вооруженныхъ противъ житейскихъ радостей. Ноксъ, какъ Кальвинъ, проповѣдывалъ республиканскіе принципы. Хотя ему пришлось снова бѣжать изъ Шотландіи, но своими письмами изъ Женевы онъ поддерживалъ фанатизмъ своихъ послѣдователей. Образовался великій кальвинистскій союзъ подъ именемъ «*Ковенанта*», во главѣ котораго стояли графъ Аржайль и Муррей, братъ Маріи Стюартъ. Франція послала сухопутное войско и деньги, Елизавета флотъ и войско. Ея договоръ съ мятежниками долженъ продолжаться въ теченіе года со дня брака Маріи Стюартъ съ Францискомъ. Марія же Стюартъ передала Франціи тайнымъ актомъ шотландскую корону вмѣстѣ съ правами, принадлежащими ей на Англію и Шотландію, до тѣхъ поръ, пока Шотландія не выплатитъ Франціи милліона, полученнаго въ помощь отъ нея. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого она подписала актъ о независимости Шотландіи и заявила притязанія на Англію и Ирландію, въ качествѣ правнучки Генриха VII. Францискъ и Марія приняли титулъ и гербъ Англіи.

Въ 1560 году состоялся миръ. Англія требовала, чтобы Францискъ и Марія Стюартъ обязались сложить титулъ и гербъ Англіи и Ирландіи и признали Елизавету законной наслѣдницей этихъ государствъ. Въ Эдинбургѣ эти условія были приняты, но въ Парижѣ отвергнуты.

Между тѣмъ кальвинизмъ окончательно восторжествовалъ въ Шотландіи; церковныя имущества были конфискованы, хотя, къ сожалѣнію, корыстолюбивымъ дворянствомъ. Когда среди самаго разгара войны, правительница умерла, парламентъ окончательно изгналъ католицизмъ и ввелъ кальвинистское исповѣданіе. Пресвитеріанское исповѣданіе сдѣлалось государственной религіей. Конечно, проповѣдниковъ новаго ученія едва доставало только для городовъ, по деревнямъ же принуждены были довольствоваться «чтецами» и увѣщевателями. Ноксъ сталъ какъ-бы королемъ Шотландіи. Къ чести его надо замѣ-

тить, что онъ тотчасъ же приказалъ учреждать во всемъ королевствѣ народныя школы, хотя эти послѣднія способствовали только объединенію кальвинизма.

Вдругъ умеръ слабый Францискъ II, 18-лѣтняя вдова его, нелюбимая Екатериной Медичи, должна была подумать объ отъѣздѣ въ Шотландію. Какая перемѣна, какой контрастъ! Марія была воспитана въ строго католическихъ правилахъ и воспиталась среди легкомыслія французскаго двора.

Со временъ Франциска I дамы королевской фамиліи принимали участіе въ разныхъ шумныхъ увеселеніяхъ и, какъ говоритъ Брантомъ, «дрессировались» въ фривольномъ остроуміи. Въ этой «дрессировкѣ» на охотѣ за оленями и въ королевскихъ увеселительныхъ замкахъ дѣятельно подвизался и самъ благочестивый кардиналъ Гизъ. Въ то время при дворѣ вошло въ обычай, чтобы у каждаго государя былъ свой лейбъ-поэтъ. Такимъ у Франциска I былъ Клеманъ Маро, у Генриха II — Сенъ-Желе, у Маріи Стюартъ и Карла IX — Пьеръ Ронсаръ, у Генриха III — Депортъ. Марія Стюартъ, знавшая латынь и новые языки, знакомая съ исторіей и прекрасно игравшая на лютнѣ, была и сама поэтессой. Замѣчательнѣйшимъ ея произведеніемъ считается элегія на смерть мужа и на прощаніе съ Франціей и элегія, сочиненная предъ смертью въ мрачной темницѣ. Стихи ея дышатъ глубиной и мягкостью чувства. Къ великому для нея несчастію она была красива, въ глазахъ матовый отливъ, рука какъ-будто выточена изъ слоновой кости, съ свѣтло-розовымъ оттѣнкомъ ногтей: это была испанская мадонна. Для такой интересной вдовы не могло быть недостатка въ искателяхъ ее руки. Филиппъ II уже снова предлагалъ ей руку, на этотъ разъ для своего несчастнаго сына Донъ-Карлоса. Датскій и шведскій короли также являлись претендентами на ея руку. Но охотнѣе всего она осталась бы во Франціи. Жребій же бросилъ ее въ сумрачную Шотландію. А тутъ еще и Елизавета запретила ей проѣздъ чрезъ Англію. Почти тайно пробиралась Марія въ Шотландію, въ сопровожденіи своего Ронсара, не отрывая глазъ отъ Франціи, и 19 августа 1561 г. остановилась въ Лейтскомъ портѣ. Густой туманъ лежалъ надъ моремъ и страной.

По пріѣздѣ въ Эдинбургъ она должна была довольствоваться самымъ скромнымъ помѣщеніемъ и обстановкой, да къ довершенію всего граждане Эдинбурга явились подъ ея окнами, выражая свою радость печальнымъ пѣніемъ псалмовъ. O la belle France!

Даже въ собственной ея резиденціи ей было запрещено слушать мессу. Братъ ея Муррей лично принужденъ былъ защищать ее. Ноксъ объявилъ ей, что онъ охотнѣе допустилъ бы высадку 10,000 непріятелей, чѣмъ одну католическую обѣдню въ странѣ. Тонъ, которымъ онъ говорилъ съ королевой, былъ для

нея неслыханнымъ: только Карлу Стюарту передъ республиканскимъ парламентомъ, да Людовику XVI передъ французскимъ конвентомъ пришлось испытать нѣчто подобное. Эдинбургскій магистратъ постановилъ, чтобы всѣ люди нетрезваго и неприличнаго поведенія, а также паписты-священники, монахи и монахини въ 24 часа выѣхали изъ города, подъ страхомъ тюремнаго заключенія и сожженія на кострѣ.

Магистратъ былъ упраздненъ, месса удержалась, но за этимъ возгорѣлась война на жизнь и на смерть. Ноксъ требовалъ головней. Когда Марія спросила бунтовавшаго болѣе всѣхъ Нокса, за что онъ ее такъ ненавидитъ, онъ отвѣчалъ, что готовъ ей повиноваться, но какъ нѣкогда ап. Павелъ — Нерону.

Борьба за принципы, которую вела Елизавета и Сесиль, обратилась противъ Гизовъ и Филиппа II. Въ этой борьбѣ даже Нидерланды представляютъ только блѣдный эпизодъ. Противники англійской политики выбрали Марію Стюартъ только слѣпымъ орудіемъ. Въ частномъ же спорѣ съ своей противницей Елизавета требовала полнаго утвержденія за собою англійской короны, а Марія — признанія ея правъ на Англію. Шотландскіе кальвинисты, на сторону которыхъ стала Елизавета, служили для нея только орудіемъ въ великой европейской борьбѣ.

Въ 1562 и 1573 годахъ Марія сильно настаивала на свиданіи съ королевой, и уже мѣсто свиданія было назначено, но Елизавета постоянно медлила. Потомъ возникъ вопросъ о вторичномъ замужествѣ Маріи, съ котораго и начались ея бѣдствія. Марія выбрала себѣ супругомъ Генри Дарнлея, внука графа Ленокса Стюарта и вдовы Якова IV. Ея наслѣдственное право на англійскій престолъ въ силу этого брака получило серьезное подтвержденіе.

Не только «главой англійской церкви», но и воплощеніемъ протестантскаго принципа въ Европѣ въ это время являлась женщина. Изнанка дѣла обнаружилась во время переговоровъ съ шотландской королевой болѣе чѣмъ когда-либо. Когда къ Елизаветѣ явился посланникъ Маріи, сиръ Джемсъ Мельвиль, она являлась къ нему поперемѣнно въ англійскомъ, французскомъ и итальянскомъ костюмахъ и наконецъ спросила, у кого лучше волосы — у нея или у Маріи? На это Мельвиль нашелъ дипломатическій отвѣтъ, что она прекраснѣйшая изъ англичанокъ, точно также какъ Марія первая по красотѣ въ Шотландіи. Кокетничая такимъ образомъ, она подъ конецъ все-таки отказалась признать законность правъ Маріи Стюартъ на англійскій престолъ. Тогда Марія избрала себѣ мужа по собственному усмотрѣнію. Раздраженная этимъ поступкомъ Елизавета едва не согласилась выйти замужъ за эрцгерцога австрійскаго Карла.

Борьба въ самой Шотландіи не утихала ни на одно мгновеніе. Муррей соединился съ Ноксомъ и англійской партіей. Марія принудила его бѣжать. Въ это время грубый и охотникъ выпить, Дарнлей, изъ ревности къ очень довѣренному секретарю Маріи «пѣвцу Риччіо», который былъ не больше, какъ литературно-образованный туринецъ, напавши на него съ своими товарищами въ самыхъ комнатахъ королевы, убилъ его. Марія была на 6-мъ мѣсяцѣ беременности. «Не плакать, сказала она, я хочу мстить».

Вскорѣ у нея родился сынъ Яковъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Якова VI. Затѣмъ она перевозитъ своего больнаго мужа подъ предлогомъ перемѣны воздуха изъ Эдинбурга въ загородный домъ, проводитъ съ нимъ одну ночь, а 10 февраля 1567 г. этотъ домъ съ находящимся въ немъ трупомъ короля взлетаетъ на воздухъ. Она полюбила грубаго и грязнаго *Ботвеля*, который черезъ три мѣсяца послѣ взрыва развелся съ своей женой и женился на шотландской королевѣ. Этотъ поступокъ возмутилъ шотландскихъ бароновъ и они изгнали Ботвеля; онъ поселяется на Гебридскихъ островахъ и дѣлается пиратомъ, наконецъ датчане поймали его и онъ въ съумасшествіи умираетъ въ мѣстечкѣ Мальме.

Марія была посажена въ Лохлевенскій замокъ, должна была торжественно отказаться отъ короны, а братъ ея Джемсъ Стюартъ Муррей принялъ на себя регентство во время малолѣтства Якова, 13-ти мѣсяцевъ помазаннаго на царство.

Марія бѣжала изъ заключенія, собрала войско, потерпѣла пораженіе при Лангсайдѣ и поѣхала не во Францію, а чрезъ Сольвейскій заливъ въ Англію. Когда она пріѣхала въ Карлэйль (16 мая 1568 г.), она сдѣлалась главнымъ предметомъ вниманія всей европейской политики. Здѣсь началась 19-ти лѣтняя борьба между страхомъ и рабствомъ, обратившаяся впослѣдствіи въ борьбу между двумя государственными системами и окончившаяся Фотерингеймскимъ эшафотомъ.

Марія требовала, чтобъ ее допустили къ Елизаветѣ; эта же послѣдняя не хотѣла ее видѣть до тѣхъ поръ, пока она не оправдается отъ обвиненія въ нарушеніи брака и убійствѣ.

Кальвинистская партія въ ея королевствѣ доставила Елизаветѣ разныя бумаги, которыя могли компрометировать Марію; онѣ свидѣтельствовали, что Ботвель былъ убійцей короля, а Марія, знавши это, вышла за него замужъ. При этомъ не нужно забывать, что шотландцы признали во всемъ этомъ процессѣ верховныя ленныя права англійской короны надъ Шотландіей, когда сдѣлали судьей надъ Маріей Елизавету.

Въ Англіи составилась католическая партія за обвиняемую, во главѣ ея сталъ герцогъ Норфолькскій. Герцогу пришло въ

голову жениться на Маріи, возвести ее какъ законную королеву на англійскій престолъ и возстановить въ странѣ прежнюю религію. Норфолькъ былъ схваченъ и посаженъ въ Тоуеръ. На сѣверѣ возстали на защиту Маріи герцоги Нортумберландскій и Вестморландскій, но были разбиты, первый бѣжалъ къ шотландцамъ, былъ выданъ ими и обезглавленъ. Та же участь постигла и Норфолька. Въ 1572 году писали: съ нѣкотораго времени Франція и Испанія соединились для преслѣдованія реформаціи. Во Франціи уже въ теченіе 10 лѣтъ свирѣпствовала междоусобная война. Елизавета посылала на помощь свои войска. Филиппъ старался всѣми силами покорить Нидерланды, Елизавета приказываетъ захватывать испанскіе корабли.

Главы возстанія, Эгмонтъ и Горнъ погибаютъ на эшафотѣ. Въ то же время въ 1570 году Пій V отлучаетъ Елизавету отъ церкви. Наконецъ къ довершенію всего воспослѣдовала Варѳоломеевская ночь. Цѣлью испанско-папской политики было убійство Елизаветы; такъ во время возмущенія Норфолька запятнанный кровью суровый солдатъ Альба писалъ въ одной депешѣ: «и такъ, мнѣ кажется, что въ случаѣ *естественной* или *иной смерти* англійской королевы....»

Борьба была въ самомъ разгарѣ; противоположности безпощадно сталкивались между собой. Такого положенія дѣлъ нельзя забывать, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о дальнѣйшей политикѣ Елизаветы.

Въ 1571 году воспослѣдовали постановленія парламента противъ папистовъ; до 1576 года выселились изъ Англіи 68 человѣкъ, имѣнія которыхъ были конфискованы. Затѣмъ начались казни: первою жертвою былъ Гутбертъ Майне, за нею послѣдовали другія. Самые суровые законы появились въ 1581—85 годахъ, жестокія преслѣдованія продолжаются вплоть до 1589 года; причемъ, говорятъ, погибло 800 католиковъ и не малое число пуританъ. Но такія преслѣдованія были только временнымъ явленіемъ и являлись какъ бы отвѣтомъ на жестокія безчинства и воззванія къ мятежу. Если эти преслѣдованія считать казнью, то во всякомъ случаѣ казнью политической, а не религіозной. И большая часть ихъ являлась слѣдствіемъ необходимости. При такихъ обстоятельствахъ такая плѣнница какъ Марія для Елизаветы была безцѣннымъ сокровищемъ. Изъ Карлэйля она, подъ надзоромъ графа Шрусберри, отправилась въ Шеффильдъ.

Даже по ея собственнымъ отзывамъ графъ обращался съ ней очень снисходительно, такъ, вслѣдствіе ея страданій отъ печени и ревматизма въ рукѣ, онъ предоставилъ ей возможность пользоваться Букстонскими купаньями и свободной прогулкой въ паркѣ. Она занималась воспитаніемъ птицъ и дер-

жала разныхъ собакъ; изъ ея переписки видно, что она придавала большое значеніе этому занятію. Такъ она писала своему дипломатическому представителю въ Парижѣ Глезговскому архіепископу о своихъ голубяхъ и берберскихъ курахъ, а дядю своего кардинала просила присылать ей изъ Ліона собакъ. Кромѣ того, она занималась приготовленіемъ маленькихъ подарковъ своего рукодѣлія Елизаветѣ, и эта послѣдняя никогда не возвращала ихъ назадъ, т. е. повидимому принимала ихъ благосклонно.

Въ Шотландіи въ это время наступили смуты и реакція. Мѣсто Муррея, умерщвленнаго Гамильтономъ, заступилъ новый регентъ, отецъ Дарнлея, но и онъ умеръ насильственною смертію; наконецъ послѣдній правитель Мортонъ былъ казненъ. Елизаветѣ не пришло въ голову послать въ Шотландію Марію, которая произвела бы тамъ еще большее волненіе. Сынъ несчастной королевы, Яковъ, оставался непреклоннымъ и ни за что не хотѣлъ примириться съ матерью, несмотря на всѣ ея просьбы, вопервыхъ потому, что она убила его отца, а вовторыхъ потому, что онъ получалъ отъ Елизаветы жалованье.

Самыми опасными орудіями реакціи были воспитанники іезуитскихъ семинарій въ Реймсѣ и Римѣ. Они предназначались для Англіи; 100 такихъ миссіонеровъ были пересланы туда тайно. Впослѣдствіи они подали сигналъ къ рѣшительному удару.

Елизаветѣ приходилось зорко слѣдить за всѣмъ. Испанская экспедиція 1580 года была уже рѣшена окончательно. Ей въ третій разъ былъ предложенъ союзъ съ Франціей. Черезъ шесть лѣтъ послѣ предложенія, сдѣланнаго ей отъ лица Карла IX, претендентомъ на ея руку явился герцогъ Анжуйскій, впослѣдствіи король Генрихъ III, но она по обыкновенію отказала ему. Теперь въ 1580 г. Екатерина Медичи предложила ей въ мужья третьяго своего сына, герцога Алансонскаго, впослѣдствіи ставшаго Анжуйскимъ, принимавшаго нѣкоторое участіе въ войнѣ съ Нидерландами.

Совершено было обрученіе, обмѣнялись подарками. Елизаветѣ въ то время было 49 лѣтъ; она позволяла себѣ весьма нескромное обращеніе съ нарѣченнымъ женихомъ, а потомъ опять дѣло кончилось ничѣмъ, и она по-прежнему осталась «дѣвственной королевой». Англійскіе проповѣдники сильно возмутились этимъ скандаломъ съ однимъ изъ Валуа. Одному пуританину, написавшему о немъ, была отрублена рука. Нѣкоторыхъ перекрещенцевъ сожгли по приказанію Елизаветы. Когда въ палатѣ общинъ возникъ вопросъ о продолженіи распространенія реформаціи, королева велѣла президенту палаты выйти изъ засѣданія, и когда члены стали требовать его, онъ отвѣчалъ, что они вмѣшиваются въ дѣла, которыхъ не понимаютъ.

Въ это время принцъ Оранскій былъ убитъ; Антверпенъ покоренъ. Графъ Лейчестеръ уѣхалъ въ Нидерланды. Послѣ совершенія злодѣянія въ Дельфтѣ Вальтазаромъ Жераромъ, въ Англіи составился заговоръ Франца Трогмортона. Главными участниками въ немъ были Генрихъ Перси графъ Нортумберландскій, братъ казненнаго, Филиппъ Говардъ, сынъ погибшаго Норфолька, Лордъ Пагетъ и испанскій посланникъ въ Парижѣ, Мендоза. Трокмортонъ палъ подъ ударомъ топора. Марія была взята изъ подъ надзора графа Шрусберри и перевезена въ Тэтбери въ заключеніе. Лошади ея были отправлены назадъ въ Шеффильдъ. Несмотря на ревматическую боль въ ногахъ у нея, ее помѣстили въ сырой и холодный замокъ, почти безъ всякой мебели. Надзоръ за ней былъ порученъ Аміи Полету, бывшему посланнику въ Парижѣ, горячо преданному новому вѣроученію. Въ прогулкѣ ее сопровождали 18 вооруженныхъ людей.

Англія была въ опасности. Парламентъ постановилъ въ 1584 году преслѣдовать всѣхъ претендентовъ на престолъ. Всѣ іезуиты должны были въ 40-дневный срокъ выѣхать съ острова, въ противномъ случаѣ подвергались преслѣдованію, какъ государственные преступники. Марію перевезли въ Фотерингай, отняли у нея бумагу и всѣ письменныя принадлежности.

Вильямъ Перри, съ благословенія папы и при сочувствіи къ его намѣренію кардинала Комо, задумалъ умертвить Елизавету. Въ это время обнаружился новый заговоръ Бабингтона, Саважа и Балларда; 14 заговорщиковъ были казнены, а къ Маріи примѣнено постановленіе парламента 1584 года.

Странное явленіе! «Свободная иноземная государыня» находится въ плѣну въ Англіи, предъ которой она ни въ чемъ невиновата, и куда пріѣхала искать защиты и помощи! Эта королева, переводимая изъ одного мѣста заключенія въ другое, вынуждена наконецъ принять участіе въ заговорѣ, если только это справедливо, для возвращенія себѣ свободы! Наконецъ противъ нея издается законъ, которому она неизбѣжно должна подчиниться! Ее обвиняютъ въ побужденіи испанцевъ къ походу на Англію; въ обѣщаніи испанскому посланнику Мендозѣ передать корону Шотландіи Филиппу, если сынъ ея Яковъ не приметъ католицизма. Ее обвиняютъ въ переговорахъ съ Филиппомъ же объ англійской коронѣ и о выдачѣ ея сына папѣ и, наконецъ, ее обвиняютъ въ планахъ умерщвленія Елизаветы. Никто, конечно, не поставитъ въ вину Маріи, что она, несмотря на вынужденное у нея отреченіе отъ престола въ 1567 году, все-таки считала себя законной правительницей Шотландіи, особенно, если принять въ соображеніе постоянныя колебанія, какимъ подвергалось общественное мнѣніе въ Англіи и Шотландіи. Сегодня признанное законнымъ—на завтра уже счита-

лось государственнымъ преступленіемъ, и наоборотъ. Старая исторія, что она признавала себя законной наслѣдницей англійской короны и на этомъ основаніи легко могла быть привлечена къ обвиненію тотчасъ по прибытіи въ Карлэйль. Еще изъ Шотландіи она писала Тридентскому собору, что подчиняетъ Шотландію и Англію папѣ. Она имѣла неоспоримое право чувствовать, думать и дѣйствовать въ католическомъ духѣ, точно также какъ шотландцы имѣли право заставить ее признать новое вѣроисповѣдываніе. Вѣдь и сама Елизавета въ началѣ своего царствованія придерживалась католицизма и потомъ нѣсколько разъ выказывала расположеніе къ примиренію съ церковью.

Изъ всѣхъ обвиненій, возводимыхъ на Марію, она отрицала только одно, именно покушеніе на жизнь Елизаветы. Тщетно настаивала она на свидѣтельскихъ показаніяхъ. Парламентъ уговорилъ королеву не препятствовать правосудію; однако же на дѣлѣ оказалось, что и парламенты способны обойти законъ и склониться на его нарушеніе. 22 ноября 1586 г. былъ, наконецъ, произнесенъ смертный приговоръ надъ ней, несчастной.

Тогда только вздумалъ вмѣшаться въ это дѣло Яковъ VI (I), надѣясь, что мать откажется отъ престола въ его пользу и будетъ помилована; но Елизавета объявила, что осужденная лишена всѣхъ правъ состоянія.

Елизавета колебалась съ ноября 1586 года до февраля 1587 года; *„блѣдность мысли“* ложилась тяжелымъ гнетомъ на *„оттѣнокъ рѣшимости“*. Между тѣмъ, министры настаивали, Сесиль торопилъ ее, народъ жаждалъ крови. «Такъ Богу угодно». Елизавета охотнѣе склонялась на тайную смерть; благородный Лейчестеръ стоялъ за ядъ. Времена Ричарда III прошли. Елизавета жаловалась: «я ненавижу ее, я презираю этихъ краснобаевъ, все обѣщающихъ и ничего неисполняющихъ, которые всю тяжесть правленія возлагаютъ на ея плечи». Но вѣдь прежде же она была душей всей Англіи, вѣдь прежде же она сама не хотѣла, чтобы другіе вмѣшивались въ дѣла, которыхъ они не понимаютъ.

Весь этотъ процессъ съ юридической точки зрѣнія *былъ просто фарсомъ, насмѣшкою надъ всякимъ правомъ*. Просто нужно было уничтожить политическаго противника, открыто же сознаться въ этомъ и принять отвѣтственность на себя,— не хватало мужества у «дѣвственной королевы».

Послѣ произнесенія приговора, Марія написала трогательное письмо къ Елизаветѣ, которое осталось безъ разсмотрѣнія. Тогда, видя, что нельзя разсчитывать на пощаду, она написала превосходнѣйшіе стихи, образецъ французской рѣчи временъ Renaissance. Этотъ сонетъ мы и приводимъ въ оригиналѣ.

Que suis-je, hélas, et de quoy sert ma vie?
Je ne suis fors qu'un corps privé de cueur,
Un ombre vain, un objet de malheur,
Qui n'a plus rien que de mourir envie.

* * *

Plus ne portez, o ennemies, envie
A qui n'a plus l'esprit à la grandeur.
Ja consomé d'excessive doulleur,
Votre ire en brief se voirra assouvie.

* * *

Et vous, amis, qui m'avez tenue chère,
Souvenez-vous que sans heur, sans santais,
Je ne scaurays aucun bon œuvre fayre.

* * *

Souhatez donc fin de calamitais,
Et que sa-bas étant assez punie,
J'aye ma part en la joye infinie! *).

Наконецъ Берлей потребовалъ ожидаемой подписи приговора и все-таки послѣдній оставался еще въ рукахъ Дависона, секретаря Елизаветы. Но такъ какъ участь Маріи подписью этого документа была уже рѣшена, то министры завладѣли имъ и начали приводить въ исполненіе. Въ замкѣ Фотерингей былъ воздвигнутъ эшафотъ. Марія могла съ трудомъ дойти изъ своего помѣщенія до мѣста казни. Но и передъ самой смертью ее не оставляли въ покоѣ; протестантскій деканъ старался обратить католичку Марію на путь спасенія. Она же читала псалмы на латинскомъ языкѣ. Потомъ она должна была говорить о религіи съ графомъ Кентскимъ. Споръ продолжался до послѣдней минуты жизни Маріи.

---

*) „Was bin ich noch, und wozu dient mein Leben?
Ein Körper nur, ein einzig großes Leid;
Ein leerer Schatten, ganz Unseligkeit,
Nur noch der Sehnsucht nach dem Tod ergeben.

* * *

In mir erlosch jedwedes hohe Streben,
Laßt ruhen, Feinde, endlich Euren Neid!
Vom grimmen Schmerz verzehrt, bin ich bereit,
Der Wuth die volle Sättigung zu geben.

* * *

Und Freunde, Ihr, die mich geliebt am meisten,
Daß freudlos ich und siechen Leibs, bedenkt!
Was könnt' ich Arme Gutes denn noch leisten?

* * *

So wünscht mir, daß die Qual zum Hafen lenkt,
Und der, die hier genugsam büßen mußt',
Gönnt ihren Antheil an der ew'gen Lust."

Было 8-е февраля 1587 года, когда совершилась казнь Маріи. Извѣстіе объ этомъ сильно подѣйствовало на Елизавету; гнѣвъ ея главнымъ образомъ обрушился на Дависона, она велѣла посадить его въ тюрьму, оштрафовать 10,000 фунтовъ, сама облеклась въ трауръ, сначала отослала своихъ министровъ, потомъ снова возвратила ихъ. А между тѣмъ въ Лондонѣ вѣсть о казни шотландской королевы произвела необыкновенную радость; колокольный звонъ продолжался цѣлые сутки, вечеромъ зажжена была иллюминація. Министры Берлей и Вальсингамъ во имя національной высокой церкви исполнили любимое выраженіе Елизаветы:

(Aut fer, aut feri, ne feriare feri !
Терпи или убивай ! Но убивай прежде, чѣмъ тебя убьютъ).

Гнѣвъ католиковъ разразился теперь во всей своей силѣ. Нужно было теперь ему противостоять. Филиппъ замышлялъ ужасную месть. Сикстъ V-й выходилъ изъ себя. Еще Григорій XIII объявилъ Елизавету отлученною отъ церкви; Сикстъ V-й повторилъ это отлученіе, разрѣшилъ ея подданныхъ отъ присяги, обѣщалъ испанцамъ милльонъ субсидіи. Приготовлялся страшный ударъ. Весь иберійскій флотъ приведенъ былъ въ дѣйствіе. Въ Нидерландахъ принцъ Пармскій снаряжалъ другой флотъ. Въ гавани тогдашняго испанскаго Лиссабона собралось 135 судовъ съ 8000 матросовъ и 19 т. солдатъ. Первыя суда возникли подъ названіемъ гальясъ; это были огромные корабли съ башнями въ нѣсколько ярусовъ, гдѣ находились большія орудія. Александръ Форнезе приказалъ вырубить для постройки судовъ цѣлый лѣсъ во Фландріи.

Филиппъ думалъ завоевать Англію, чтобы потомъ обратить ее въ католицизмъ. Для этой цѣли на корабляхъ, кромѣ необходимыхъ запасовъ на 6 мѣсяцевъ, находился генералъ-викарій и болѣе чѣмъ 100 іезуитовъ и монаховъ. Это была *Непобѣдимая Армада*, стоившая Филиппу болѣе 100 м. дукатовъ. Главное начальство поручено было сначала маркизу Санта Круцъ, а потомъ Алонзо Перецъ Гусману, герцогу Медина-Сидоніи.

Англія ничего не могла выставить противъ этой адской военной машины. Но зато она обладала мужествомъ и самопожертвованіемъ и съ геніемъ соединилась природа! Елизавета обратилась въ мужчину. Королевскій флотъ состоялъ изъ 30 судовъ, изъ которыхъ большая часть была третьяго и четвертаго разряда, какъ теперь считается. Но англійскій патріотизмъ проявился въ такой степени, въ какой его не видало человѣчество со времени золотаго вѣка Аѳинъ. Лондонъ вмѣсто 15, требуемыхъ у него судовъ, выставилъ 33, а дворянство 43. На по-

мощь были призваны 53 береговыхъ мореплавателя; Нидерланды выставили 20 кораблей; всего набралось до 180 кораблей и до 7000 матросовъ. Но важнѣе всего было то, что Елизавета могла назначить генералъ-адмираломъ лорда *Говарда*, католика, въ которомъ патріотизмъ взялъ верхъ надъ религіей.

Подъ контролемъ Говарда находились Францъ Драке, Гаукинсъ и Фробишеръ. Послѣднимъ уже приходилось выказать свою опытность на морѣ противъ испанцевъ. Они являлись настоящими морскими разбойниками въ борьбѣ за протестантизмъ. Францъ Драке, кругосвѣтный мореплаватель, привезшій въ Европу *картофель* и *табакъ*, уже опустошилъ испанскую Вестъ-Индію и перехватилъ множество кораблей. Когда Армада была вооружена, онъ занялъ Кадикскую гавань и задержалъ такимъ образомъ экспедицію. Товарищъ его Томасъ Кавендишъ возвратился изъ одного подобнаго разбойничьяго похода съ судами, украшенными камчатными и парчевыми парусами; 22 матроса щеголяли въ шелку и бархатѣ. Въ то же время Елизавета собрала на сушѣ всеобщее ополченіе; всѣ мужчины отъ 18—60 лѣтъ призывались на защиту отечества. И снова патріотическое чувство пересилило религіозныя распри; католики, находившіеся въ заключеніи, просили освободить ихъ, чтобы сражаться за родную землю.

Армада тяжело и самоувѣренно подвигалась по направленію къ каналу. 6 августа 1588 г. она подошла къ Калэ. Величественно и стройно раздавались на ея корабляхъ слова папской буллы и стихи, проникнутые католическимъ фанатизмомъ.*)

Медина Сидонія находился въ каналѣ, но принцъ Пармскій не пріѣхалъ туда; внезапно въ Армаду были пущены 8 англійскихъ ядеръ. Испанцы обрубили мачты и отодвинулись назадъ.

---

*) „O Insel, einst katholisch, einst so mächtig,
Des Glaubens Dom, doch jetzt der Ketzer Tempel!
Du Feld des Mars, Minervens hohe Schule.—
Verdienst, daß wo ein königlicher Stempel,
Die goldne Kron', einst ruhte, leuchtend prächtig.
Die Stirne jetzt mit dürrem Tange buhle.
Mutter des Glücks, auf deren Herrscherstuhle
Die Artus, Eduard und Heinrich thronten,
Bei denen Tapferkeit und Glauben wohnten, —
Nunmehr bist du verdammt zu ew'ger Schmach,
Seit jenem schwarzen Tag,
Wo sie, die nur der Kunkel werth,
Das Szepter hob und schwang das Schwert.
Das Weib von Vielen und der Vielen Schnur,
Schmach-Königin, nicht Kön'gin, Tigerkopf,
Gelüst und Blutdurst athmend nur!
Des Himmels Flammenstrahl auf deinen Schopf!“

Подулъ юго-западный вѣтеръ, поднялась буря. Одно изъ самыхъ большихъ испанскихъ судовъ сѣло на мель у Калэ. На остальныя напалъ Драке при Гравелингѣ. Морское сраженіе продолжалось съ 4 часовъ утра до 6 вечера. Испанцы потеряли 14 лучшихъ судовъ. Побѣда осталась за англичанами. Медина-Сидонія объѣхалъ Шотландію и привелъ домой едва половину флота.

Въ то время, когда онъ объѣзжалъ Шотландію, Англія все еще ожидала новой высадки непріятеля. Елизавета явилась сама въ Гаверингскій станъ, чтобы ободрить ополченіе. Здѣсь въ энергичной рѣчи она указала на великое призваніе Англіи и глубокое значеніе даннаго момента, но при-этомъ выразилось также маленькое опасеніе, внушенное ей умирающимъ Лейчестеромъ.

«Преданный мнѣ народъ!» такъ говорила Елизавета,—«трусы предостерегали меня не довѣряться вооруженнымъ массамъ, опасаясь измѣны, но увѣряю васъ, что я скорѣе не захотѣла бы жить, чѣмъ не вѣрить своему народу. Только тираны могутъ бояться, я же всегда поступала такъ, что, кромѣ Бога, единственную поддержку для себя видѣла въ преданности и любви своихъ подданныхъ. Вотъ почему я и пришла къ вамъ, не ища спасенія въ средѣ васъ, а рѣшаясь жить или умереть вмѣстѣ со всѣми вами въ пылу сраженія, пожертвовать за своего Бога, свое царство и свой народъ! Я знаю, тѣломъ я слаба, какъ женщина, но зато во мнѣ сердце короля и, именно—короля Англіи. Горькой насмѣшкой представляется мнѣ дерзкая рѣшимость Испаніи, или какого-нибудь другаго европейскаго монарха переступить границы моего королевства. Прежде чѣмъ допустить такое поруганіе, я сама возьмусь за оружіе, буду вашимъ полководцемъ и судьей и ни одного изъ вашихъ дѣяній не оставлю безъ награды».

Филиппъ, всегда недоступно спокойный, на этотъ разъ произнесъ въ утѣшеніе своему адмиралу извѣстныя слова: «Я посылалъ васъ не противъ скалъ и бурь!» Елизавета же проѣзжала въ это время на бѣломъ конѣ, съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, по улицамъ Лондона, встрѣчаемая и сопровождаемая радостными криками толпы.

Испанія была побѣждена.

Папа Сикстъ V сказалъ про Елизавету: «Если бы она не была еретичкой, то была бы достойна цѣлаго міра». Отсюда видно, какъ высоко ставила свою противницу, знавшая людей, курія и какъ легко затмить заслугу государственнаго человѣка, регента или правителя. На самомъ дѣлѣ Елизавету нельзя назвать великой, но время ея правленія возвышалось до величія.

Религіозныя понятія Елизаветы были очень шатки и неопредѣленны; сама она охотно называлась «католичкой», но католи-

ческое исповѣданіе въ государствѣ тѣмъ не менѣе считала опаснымъ. Она упрочила епископальную церковь въ Англіи, которая принятая дворомъ, такъ и осталась придворной, рабольпной слугой королевской власти и на встрѣчу всякаго умственнаго прогресса въ народѣ она шла съ вѣчнымъ проклятіемъ......

Англійскій парламентъ при Тюдорахъ, въ XVI столѣтія, былъ въ полномъ подчиненіи королевской власти. При Генрихѣ VIII онъ былъ послушнымъ слугою, при Эдуардѣ VI онъ являлся только исполнителемъ высшей воли; при Маріи заявлялъ о себѣ очень слабо, протестуя только противъ Филиппа и его денежныхъ требованій, а при королевѣ Елизаветѣ окончательно потерялъ самостоятельность, руководствуясь указаніями и требованіями ея. Только дважды онъ повидимому вспомнилъ о своемъ назначеніи. Въ 1575 г. *Вентвортъ* сказалъ замѣчательную рѣчь о правахъ и независимости Палаты Общинъ и Пэровъ, о томъ, что пора перестать подчиняться въ своихъ постановленіяхъ и рѣшеніяхъ произволу королевы и т. п. Нижняя Палата привлекла за это къ отвѣтственности оратора и онъ былъ заключенъ въ Тоуеръ, однако Елизавета предоставила Палатѣ право освободить его *).

Вторая попытка возвратить себѣ независимость была въ концѣ царствованія Елизаветы во время знаменитой борьбы *за монополію.* Парламентъ горько жаловался на злоупотребленіе королевскими патентами ко вреду средняго сословія. Елизавета лично явилась въ парламентъ и сначала сопротивлялась его требованіямъ, но потомъ съ достоинствомъ сдалась, сказавши, что: «Ни одинъ король такъ не любилъ своихъ подданныхъ, какъ она любитъ; что хотя Богъ и возвысилъ ее, но она считаетъ величайшею честью для себя управлять согласно мнѣніямъ парламента. Благодарила Палату за ея преданность и за то, что члены ея предотвращаютъ тѣ ошибки, которыя она могла бы сдѣлать по невѣдѣнію и не опытности, за то, что они, не колеблясь, открыто заявляютъ свое мнѣніе и предупреждаютъ поступки, могущіе послужить не къ чести ея, или уменьшить любовь къ ней подданныхъ. Обѣщала непремѣнно прекратить

---

*) По повелѣнію королевы и отъ ея имени министръ Мильдвей объявилъ парламенту по этому случаю слѣдующее: «Королева поступаетъ весьма снисходительно, подвергая дерзкаго оратора только одному мѣсяцу заключенія. Но парламентъ не долженъ воображать, что имѣетъ право говорить, что хочетъ и о комъ хочетъ. Парламентскіе члены обязаны помнить, что подобныя дерзости всегда наказывались. Имъ рекомендуется остерегаться и не злоупотреблять добротою королевы, иначе кротость ея скоро прекратится и обратится въ надлежащую строгость».

злоупотребленія и наказать тѣхъ, кто незаконнымъ образомъ извращаетъ ея намѣренія, притѣсняетъ своихъ согражданъ, и выразила надежду, что Богъ не взыщетъ съ нея за ошибки подобныхъ людей». Однимъ словомъ, въ этой рѣчи она явилась именно тѣмъ, что *Гукеръ* назвалъ королевой не упорствующей и не противорѣчащей.

Духъ промышленности, пробудившійся при королевѣ Маріи, охватилъ всѣ сословія въ царствованіе Елизаветы. Начали составляться цѣлыя общества съ цѣлью распространенія торговли и открытія новыхъ земель; устраивались компаніи, составлялись планы экспедицій и надежда на громадные барыши, которая, хотя и рѣдко осуществлялась, увлекала цѣлыя массы жертвовать своими капиталами, и министры, дворянство и сама королева рѣшались рисковать значительными суммами въ этихъ смѣлыхъ предпріятіяхъ. Агенты русской компаніи старались черезъ Россію и Персію проникнуть въ Китай. Торговцы съ Турціею ввозили произведенія Востока; англійскіе мореходы изслѣдывали то берега Африки, то берега Америки и дѣлали частыя попытки въ различныхъ направленіяхъ, чтобы пробить себѣ путь сквозь льды сѣверныхъ предѣловъ стараго и новаго свѣта. Смѣльчаки приносили отечеству богатство и извѣстность; но многіе изъ нихъ вдали отъ родины отдавались вполнѣ произволу своихъ грубыхъ страстей: ихъ алчность попирала права народовъ и заглушала голосъ человѣколюбія, такъ что, отдавая полную справедливость способностямъ и стойкой энергіи этихъ людей, мы не можемъ не видѣть въ нихъ въ то же время пиратовъ и убійцъ. Наибольшую извѣстность между ними пріобрѣли мореплаватели: *Гаукинсъ*, *Френсисъ Дрэкъ*, *Томасъ Кавендишъ* и *Вальтеръ Ралей*.

Вальтеръ Ралей (1552—1618), солдатъ и мореплаватель, отправился въ 1579 г. въ Америку и основалъ колонію Виргинію. Онъ плавалъ въ Вестъ-Индію и Южную Америку.

Находясь въ темницѣ въ теченіе 13 лѣтъ въ правленіе слабоумнаго Іакова I, онъ написалъ первую Всемірную исторію, въ своемъ родѣ очень замѣчательную, особенно для англійской литературы.

Френсисъ Дрэкъ, прославившійся какъ мореплаватель, объѣхавшій вокругъ свѣта, былъ типъ пирата, экипажи его судовъ были набраны изъ разбойниковъ и разныхъ негодяевъ, съ которыми онъ захватывалъ испанскіе транспорты съ драгоцѣнными металлами, преимущественно въ Мексиканскомъ заливѣ. Вѣсть о награбленныхъ имъ среди мира богатствахъ произвела на англичанъ и голландцевъ такое же впечатлѣніе, какъ недавно открытіе калифорнскаго и австрійскаго золота — на всѣ народы, не исключая даже и китайцевъ. Съ тѣхъ поръ и испанскія вла-

дѣнія и богатства стали считаться открытымъ источникомъ поживы для каждаго, и море вскорѣ наполнилось англійскими и голландскими пиратами. Въ 1577 году онъ плавалъ вдоль восточнаго берега Америки и чрезъ Магеллановъ проливъ прошелъ въ Санъ-Яго въ Перу. Здѣсь онъ совершалъ дикія и безчеловѣчныя жестокости противъ испанцевъ, съ которыми Англія была тогда въ мирѣ: онъ опустошилъ весь берегъ Санъ-Яго до Лимы, разрушилъ гавани и города, захватилъ и сжегъ тамошніе корабли. Въ концѣ 1580 года возвратился въ Плимутъ съ 800,000 ф. стерл., десятую часть которыхъ роздалъ матросамъ, и тотчасъ разлетѣлась вѣсть о его успѣхахъ, что пробудило алчность множества дерзкихъ убійцъ и разбойниковъ. Онъ вывезъ изъ Виргиніи въ Европу язву куренія табака, что прибавило лишнюю и безполезную потребность бѣдному классу нашей части свѣта, а впослѣдствіи отняло много земли изъ подъ хлѣбныхъ полей.

Гаукинсъ занимался въ испанскихъ колоніяхъ контрабандой и продавалъ негровъ въ Вестъ-Индію. Торговля эта была, разумѣется, выгодна для англійскаго кармана, но ужъ очень не шла къ благочестивой внѣшности англичанъ.

Въ 1591 году англичане утвердились на индѣйскомъ полуостровѣ; въ 1600 г. заселили островъ св. Елены, мысъ Доброй Надежды и основали Остъ-Индск. Компанію. Уже гораздо ранѣе въ 1553 г. *Виллоуби* нашелъ путь къ Архангельску; въ 1567 г. Фребишеръ отыскивалъ сѣверо-западный проходъ въ Азію; въ 1585 г. Девисъ открылъ проливъ, названный его именемъ.

Нидерландцы, спасавшіеся бѣгствомъ отъ Альбы, искали убѣжища у Елизаветы; фламандскіе чулочные ткачи обогатили Англію. Въ 1594 г. Ли изобрѣлъ чулочный ткацкій станокъ. Начали устраиваться стеклянныя фабрики. Въ Лондонѣ находились огромные склады товаровъ. Народная промышленность доставляла матеріалъ для торговли.

Приближался послѣдній часъ процвѣтанія Ганзейской торговли. Этотъ торговый союзъ, перекупавшій и въ свою очередь перепродававшій въ разныхъ странахъ товары, не могъ сохранить своего первенствующаго значенія въ борьбѣ съ торговлей произведеніями національной промышленности. Уже Карлъ V отдалъ преимущество передъ Ганзой нидерландцамъ. Одинъ изъ ея складочныхъ пунктовъ, Новгородъ, потерялъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннъ Грозный подвергнулъ его разгрому. Ганза замѣнила Новгородъ Нарвою, но англичане отыскали путь въ Бѣлое море и тѣмъ нанесли новый ударъ Ганзейской торговлѣ.

Когда нидерландцы пріобрѣли значеніе на морѣ, они стали наносить сильный вредъ германскому торговому союзу. Но окон-

чательный ударъ былъ ему нанесенъ англичанами. Въ Лондонѣ Ганза пользовалась разными привилегіями. Сначала столкнулись съ ней странствующіе торговцы, merchant adventurers, потомъ пошлина, которую платили иностранцы, потеряла для англичанъ свою цѣну. Появилось запрещеніе вывозить некрашенныя и необдѣланныя сукна, которыя до сихъ поръ выдѣлывались заграницей. Наконецъ 4 августа 1598 г. Елизавета закрыла ганзейскую контору въ Лондонѣ, рѣшивъ, что Англія можетъ вести собственную торговлю.

Англійская торговля поддерживалась народной промышленностью, которая въ свою очередь нуждалась въ рабочихъ рукахъ. Лордъ Бурлей понялъ, что лучшими работниками будутъ свободные люди и въ 1584 г. освободилъ остальныхъ крѣпостныхъ. Такимъ образомъ со временъ Елизаветы начало развиваться стремленіе къ выгодѣ и богатству и начались тѣ ужасныя столкновенія разныхъ силъ, въ которыхъ невооруженная рабочая сила должна была обыкновенно уступать. Образовалась «свободная конкуренція», приведенная въ систему только Адамомъ Смитомъ, которая довела Англію до того состоянія величія и богатства, въ которомъ она теперь находится.

Послѣдніе годы жизни и правленія Елизаветы (1598—1601) до сихъ поръ покрыты особенной темнотой. Продолжалась борьба съ Филиппомъ испанскимъ, а потомъ началась война съ ирландцами, окончившаяся извѣстной, хотя и не совершенно разъясненной, семейной драмой.

Неутомимый Филиппъ не довольствовался пораженіемъ его армады и восшествіемъ на престолъ Генриха IV французскаго. Онъ возбудилъ возмущеніе въ Ирландіи. Тогда Елизавета послала въ Кадиксъ флотъ, разграбившій и разорившій эту гавань и взявшій большую сумму денегъ за пощаду жизни ея обитателей. Эссексъ, пасынокъ Лейчестера, командовалъ сухопутными войсками. Черезъ годъ послѣ этого Филиппъ вооружился на защиту Ирландіи, Эссексъ опять отправился на югъ, захватилъ испанскіе корабли и покорилъ нѣкоторые изъ Азорскихъ острововъ. Филиппъ умеръ въ 1598 г. въ бѣдности и несчастіи, между тѣмъ какъ Англія обогатилась.

Внутри пуритане подняли свою голову нѣсколько выше; къ нимъ присоединились нѣкоторые католики; и тѣ и другіе получили названіе «рекузантовъ». Время Шекспира открыто не мирилось съ лицемѣріемъ. Личностей, старавшихся отличиться религіозною ревностію, не встрѣчалось, поэтому Елизавета могла вполнѣ вознаградить себя за военныя издержки, собирая штрафъ за нерелигіозность. Одинъ дворянинъ, не посѣщавшій церкви впродолженіе 29 мѣсяцевъ, заплатилъ 1380 ф. ст. Кто не былъ въ состояніи заплатить денегъ, лишался свободы. Въ 1592 г.

рекузантамъ былъ назначенъ трехмѣсячный срокъ для принятія англиканскаго вѣроисповѣданія. Но они не такъ-то скоро сдались.

Ирландскій вопросъ, съ которымъ и до сихъ поръ никакъ не покончатъ и который ни одной династіи не давалъ успокоиться, выдвинутъ былъ впервые Генрихомъ VIII, когда онъ подчинилъ Зеленый островъ, какъ отдѣльное королевство, англиканскому закону. Только на востокѣ острова находились англійскіе колонисты, преданные новому вѣроисповѣданію. Елизавета хотѣла придерживаться политики своего отца, чтобы отнять у испанцевъ пунктъ, чрезъ который они уже нѣсколько разъ дѣйствовали на Англію. Ирландцы, поджигаемые Испаніей и Римомъ, возмутились противъ этого, подъ предводительствомъ О'Нелля, графа Тиронскаго.

Молодой 30-лѣтній Эссексъ былъ любимцемъ 66-лѣтней королевы. Трудно повѣрить всему, что говоритъ по этому поводу Канканъ, до такой степени оно отвратительно. Графъ Эссексъ представлялся влюбленнымъ, восхищался красотой королевы, благоговѣлъ передъ ней, называя ее въ тоже время «старухой, сужденія которой столь кривы, какъ его позвоночный хребетъ.» Онъ вынудилъ силой дать ему предводительство надъ войсками въ Ирландіи.

Въ 1599 году онъ отправился въ Ирландію. Въ качествѣ намѣстника онъ сдѣлалъ графа Саутгемптона, задушевнаго друга Шекспира, главнокомандующимъ надъ конницей; Елизаветѣ не понравился этотъ выборъ и она низложила Саутгемптона. Вмѣсто того, чтобы совершить геройскіе подвиги, Эссексъ дѣйствовалъ противъ католическихъ ирландцевъ очень слабо и заключилъ миръ съ Тирономъ, который, по мнѣнію Елизаветы, былъ унизителенъ.

Возвратясь изъ Лондона, молодой намѣстникъ прошелъ прямо въ кабинетъ королевы и поразилъ ее какъ своимъ появленіемъ, такъ и зловѣщей опухолью въ лицѣ и съ этихъ поръ находился подъ полицейскимъ надзоромъ. Онъ представился благочестивымъ, скромнымъ, а въ душѣ горячился, стремясь къ нововведеніямъ. И не онъ одинъ желалъ ихъ; вся молодежь была недовольна существующими порядками. Королева уже слишкомъ долго управляла. Порядокъ престолонаслѣдія все еще не былъ установленъ. Недовольные склонялись на сторону Якова шотландскаго, сына Маріи Стюартъ. Пуритане же, какъ впослѣдствіи оказалось, ожидали рѣшительныхъ мѣръ отъ Эссекса.

Составился заговоръ. Въ немъ принялъ участіе Саутгемптонъ; замыселъ состоялъ въ томъ, чтобы проникнуть во дворецъ, истребить злыхъ совѣтниковъ королевы, продиктовать ей порядокъ престолонаслѣдія и затѣмъ просить у ней прощенія. Они были

арестованы. Эссексъ продолжалъ и въ темницѣ игру; онъ сознался во всемъ и ожидалъ помилованія. 6 сентября 1600 г. онъ писалъ Елизаветѣ: «Спѣши бумага туда, откуда я, несчастный, изгнанъ. Поцѣлуй ту прекрасную руку, которая исцѣляетъ мои малѣйшія раны, но не облегчаетъ самой глубокой. Скажи, что тебя посылаетъ униженный и страдающій Эссексъ.»

Но онъ ошибся въ разсчетѣ; 25 февраля 1601 г. онъ былъ обезглавленъ; графъ Саутгемптонъ былъ посаженъ въ темницу, откуда его освободилъ уже Іаковъ.

Можетъ быть и на этотъ разъ поэтъ лучше обрисуетъ настроеніе умовъ, нежели другіе документы. Вотъ одинъ его сонетъ:

„Mein wundes Herz trägt nach dem Tod Verlangen;
Denn wer die heil'ge Treu' sieht abgeschworen,
Und dürft'ges Nichts mit buntem Schmuck behangen,
Und das Verdienst zum Bettelstab geboren;

* * *

Wer sieht, wie sich in Gold die Schande kleidet,
Der Wüstling reine Frauentugend schändet,
Wie Manneswürde bittren Hohn erleidet,
Kraft sich an lahmes Regiment verschwendet;

* * *

Die Kunst am Leitezaum der Obrigkeit,
Den Geist, der alberner Zensur erliegt;
Wie treue Einfalt heißt Einfältigkeit,
Der Brave sich dem schlechtern Herren schmiegt

* * *

Dem krankt das Herz. Drum wünscht' ich mir den Tod,
Blieb' nicht der Freund zurück in dieser Noth!"

Въ это полное событіями время, появились «Юлій Цезарь», драма заговора, «Гамлетъ», трагедія нерѣшительности.

Судя по внѣшности, счастіе не покидало Елизавету до могилы. Она преодолѣвала всѣ опасности. Но до самой смерти ее преслѣдовало противорѣчіе между тщеславной женской природой и ея высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ.

Кокетство никогда не было брошено ею. Ея посланникъ въ Парижѣ былъ приведенъ Генрихомъ IV къ прекрасной Габріэли д'Эстре, но онъ, по долгу службы, объявилъ, что Габріэль хотя и красива, однако ей далеко до Елизаветы. Затѣмъ онъ показалъ королю портретъ своей королевы; по его словамъ, Генрихъ долго глядѣлъ на портретъ и наконецъ воскликнулъ: «Я побѣжденъ!»

Французскому посланнику Бирону 68-лѣтняя Елизавета еще въ 1601 г. пѣла и играла на лютнѣ. Все это было великолѣпно.

Когда ей было 69 лѣтъ, она танцовала съ рѣдкой граціей съ герцогомъ Неверскимъ. Но когда она оставалась одна, то бросалась на колѣни, плакала и вздыхала. Можетъ быть тѣнь Фотерингеймской казни преслѣдовала ее.

За два дня до смерти она назначила себѣ преемника. Яковъ VI сдѣлался королемъ Англіи.

Елизавета умерла въ 1603 г., 70 лѣтъ отъ роду.

(По «Kulturgeschichte des Sechzehnten Jahrhunderts» von Karl Grün. Leipzig, 1872). (Стр. 373—410.)

Домъ Тюдоровъ, Стюартовъ и Ганноверскій.

Генрихъ VII Тюдоръ (1485—1509).

- Артуръ † 1502 принцъ Валлійскій, (въ супружествѣ съ Екатериною дочерью Фердинанда Католика).
- **Генрихъ VIII** (1509—1547).
  - 2) **Марія** 1553—1558 (супр. Филиппа II).
  - 3) **Елизавета** (1558—1603).
  - 1) **Эдуардъ VI** (1547—1553).
- **Маргарита** (супруга Іакова IV Шотландскаго).
  - **Іаковъ V.**
    - **Марія Стюартъ** (зам. за Франсуа II).
      - 1) **Яковъ VI (I)** († 1625).
        - **Елизавета**, супруга Фридриха V пфальц. (кор. Бог.).
          - **Софія** супруга Эрнеста Августа Ганноверскаго.
            - 7) **Георгъ I** (1714—1727).
              - 8) **Георгъ II** (1727—1760).
                - **Людовикъ** принцъ Валлійскій († 1750).
                  - 9) **Георгъ III** (1760—1820).
                    - 10) **Георгъ IV** (1820—1830).
                    - 11 **Вильгельмъ IV** (1830—1837).
                    - **Эдуардъ** (герцогъ Кента).
                      - 12) Королева **Викторія** (съ 1837).
        - 2) **Карлъ I** († 1649).
          - 3) **Карлъ II** (1660—1685).
          - **Марія** (супр. Вильг. III).
            - 5) **Вильгельмъ III.**
          - 4) **Яковъ II** (1685—1688).
            - 6) **Анна.**
- **Марія.**

VII.

Изъ культуры XVI вѣка.

а) Пища и питье. — Костюмы и моды. — Законы о роскоши. — Улицы и дома. — Домашняя утварь. — Религіозныя процессіи и реликвіи. — Похороны.

Характеристическою особенностью частной жизни европейскихъ привилегированныхъ сословій XVI в. было непомѣрное *пьянство* и *обжорство*. Высокопоставленныя лица передъ обѣдомъ выпивали залпомъ огромные бокалы за здравіе монарха и обносили всѣхъ присутствовавшихъ до тѣхъ поръ, пока никто изъ нихъ не могъ болѣе держаться на ногахъ. Затѣмъ трубы сзывали къ обѣду, во все время котораго не переставала играть музыка.

Въ то время славились англійскія жаркія, въ Италіи колбасы и *бычачьи языки* изъ Феррары, и *угри* изъ Комачіо.

Въ большомъ употребленіи было питье на сонъ, но это не были какіе-нибудь усыпляющіе напитки, а просто гомерическіе попойки передъ отходомъ ко сну. По одному дошедшему до насъ описанію отъ 1550 года мы узнаемъ что, на этихъ пирахъ подавались, при яркомъ освѣщеніи восковыхъ свѣчей, холодное жаркое, дичь, паштеты изъ рыбъ и дичи, жареная рыба разныхъ сортовъ, вареныя въ уксусѣ коровьи и телячьи ножки, затѣмъ овощи и пряности, облитыя медомъ и сахаромъ, черешни, вишни, смородина, фрукты, свекловица, лимоны, померанцы, мускатные орѣхи, финики, фиги, изюмъ, миндаль, орѣхи, каштаны и т. д.; затѣмъ печеныя квитскія яблоки, хлѣбъ, вымоченный въ винѣ, позолоченныя конфекты изъ миндаля, корицы, инбиря, укропа, аниса, тмина и мускуса; наконецъ блины, медовые пирожки, вафли, марципанъ, сыръ и овощи. Ко всему этому подавали хлѣбъ, яичные короваи, крендели и различные сорты винъ, а также и вишневую воду. Всѣ эти

кушанья приносились на столъ, пирующіе веселились и тѣшились, завязывались дружескіе разговоры, пѣлись цѣломудренныя пѣсни и пускались въ ходъ остроумныя поговорки, ухаживали, танцовали, играли. Такіе пиры продолжались иногда цѣлыя ночи напролетъ и часто только отеческая власть полагала имъ конецъ. У необразованныхъ людей все это было грубо и дико, всякій ѣлъ, что и какъ хотѣлъ. Самыми любимыми ихъ кушаньями были: похлебка съ ветчиной, кислый молочный супъ, яйца въ топленомъ маслѣ, сосиски, селедки съ уксусомъ и лукомъ, соусъ изъ кислой капусты, поджаренный въ маслѣ бѣлый хлѣбъ. Конфекты приготовлялись аптекарями изъ самыхъ различныхъ снадобій, преимущественно плодовъ, сахара и вина. Мелко рубили листья и цвѣтъ растеній и приготовляли изъ нихъ консервы, предварительно, конечно, выжавъ сокъ, а изъ сока приготовляли сиропъ или лекарственный взваръ; изъ засахаренныхъ сѣмянъ растеній дѣлались конфекты и желудочные порошки, а изъ различныхъ крѣпительныхъ напитковъ (ароматическихъ винъ) — торты и т. п.

Датскій королевскій столъ въ 1515 году имѣлъ слѣдующую роспись кушаньямъ: капуста съ ветчиной, говядина съ соусомъ, солонина съ горчицей, телятина, вареныя куры или лѣсныя птицы, соленая или свѣжая дичь. Въ постные дни: селедки, супъ изъ вина или каша, штокфишъ съ макомъ, свѣжіе дорши и другія озерныя рыбы, яйца и свѣжее масло. Въ 1556 году въ Базелѣ было положено, чтобы мясной обѣдъ на одного человѣка стоилъ не болѣе трехъ шилинговъ, а рыбный не болѣе двухъ батценовъ. Пиръ, который былъ устроенъ Брауншвейгскимъ совѣтомъ для новаго герцога Юлія, 6 октября 1569 года, продолжался съ 12 до 4 часовъ и состоялъ изъ 12 смѣнъ.

Въ началѣ XVII столѣтія въ Европу стали проникать горячіе напитки изъ Китая, Аравіи и Мексики, т. е. чай, кофе и шоколадъ, но сначала употребленіе ихъ запрещалось и преслѣдовалось правительствомъ и осуждалось духовенствомъ; та же участь постигла и табакъ, «питье» или «сосанье» (такъ—называли куреніе), а также и нюханье которое начало распространяться. Англійскій король Іаковъ II очень не любилъ этого одуряющаго растенія. Гораздо медленнѣе принималось въ Европѣ разведеніе въ пищу другихъ американскихъ растеній — маиса и картофеля.

Въ началѣ XVI столѣтія во Франціи даже при дворѣ обѣдали въ 10 часовъ утра, а ужинали въ 4 часа пополудни; впослѣдствіи стали обѣдать и ужинать часомъ позже; императоръ Карлъ V обѣдалъ въ 11 часовъ, ужиналъ въ 7 часовъ, а въ 10 часовъ лѣтомъ и въ 11 зимой его дворъ уже ложился спать; въ верхне-германскихъ владѣніяхъ простые люди ужинали въ

6 часовъ, а знатные самое позднее въ 7. Въ 8 же часовъ, если не было какого-нибудь празднества, всѣ уже спали, хотя бы, какъ напр., лѣтомъ это было еще засвѣтло, но за то вставали съ восходомъ солнца. Въ Бранденбургѣ вставали въ пять часовъ, завтракали въ восемь, обѣдали въ 10, ужинали въ три, закусывали на ночь въ пять, и ложились спать уже въ семь или въ восемь часовъ. Въ Берлинѣ въ 1581 г. въ случаѣ свадьбы все это дѣлалось часомъ позже, но во всякомъ случаѣ танцы должны были прекратиться въ 9 часовъ. Въ это же время классы въ гимназіяхъ Берлина продолжались утромъ отъ шести до восьми, и послѣ обѣда отъ двѣнадцати до двухъ часовъ; въ среду же они продолжались утромъ до 9 часовъ, но за то послѣ обѣда классовъ не было. Совѣщанія властей въ Швейцаріи въ большинствѣ случаевъ начинались въ 6 часовъ утра.

Эта эпоха была самою причудливою также и по отношенію къ одеждѣ и модамъ. Лучшимъ доказательствомъ ея сумасбродства служитъ такъ-называемый *дурацкій нарядъ*. Не только дураки, но и уважаемые люди носили, начиная съ XIV вѣка, погремушки на платьяхъ и сапогахъ; также удержались и средневѣковые башмаки съ длинными носками, но съ тою только разницей, что съ XIII по XV столѣтіе они были господствующей модой, тогда какъ въ XVI столѣтіи эти башмаки, а равно и погремушки встрѣчались уже рѣдко. Любимою одеждою была разноцвѣтная; именно: въ средніе вѣка носили разныхъ цвѣтовъ рукава, фалды, брюки, чулки; случалось и то, что вся лѣвая сторона была одного цвѣта, а правая—другаго; этой моды держались всѣ сословія, и она продолжалась вплоть до XVII столѣтія. Но въ XVI столѣтіи особенно былъ распространенъ обычай носить шаровары, широкіе, длинные, съ множествомъ складокъ, на которыя шло отъ 60 до 80 и даже до 130 локтей матеріи; они дѣлались самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, имѣли самыя разнообразныя подкладки и приготовлялись сперва изъ сукна, а когда это показалось тяжелымъ, то изъ шелковой матеріи. Смѣшна была господствующая тогда страсть вышивать на колѣняхъ фамильный гербъ. Всѣ постановленія правительства и проповѣди духовенства противъ этихъ шароваровъ не повели ни къ чему, особенно любили ихъ франты, гуляки и солдаты; больше всего они были распространены между 1550 и 1585, даже 90 годами; затѣмъ они стали короче и уже, что продолжалось до половины XVII столѣтія; когда дѣлались уже обыкновенные короткіе, впослѣдствіи распространенные брюки.

Брюки замѣняли собой также и чулки, которые вошли въ употребленіе не ранѣе середины XVI столѣтія и то только вязанные, а шелковые составляли парадный нарядъ даже для королевы англійской Елизаветы.

Въ XVI столѣтіи не только граждане, но и духовенство считали за большую честь имѣть полное желѣзное вооруженіе, броню и копье, которыя развѣшивались въ парадной комнатѣ. Проповѣдники не иначе вступали на каѳедру, какъ со шпагой, которую они носили съ боку, какъ и всѣ граждане; тогда какъ ихъ собратья въ Италіи скрывали эту шпагу подъ монашеской рясой, не рѣдко употребляя ее въ дѣло. Офицеры, служившіе въ военной службѣ, имѣли у себя цѣлые арсеналы.

Въ это время господствовали законы о роскоши, возникшіе еще въ средніе вѣка.

Еще въ началѣ XVI вѣка появилось въ Венеціи и Феррарѣ касательно роскоши нѣсколько постановленій: женское платье не должно было стоить болѣе 15 дукатовъ и женское украшеніе болѣе 50; была точно обозначена величина и цѣнность каждаго платья для обоего пола. Крестьянки не имѣли права носить шелка, жемчуга, золота или серебра, а всѣмъ другимъ женщинамъ было запрещено имѣть шлейфъ, длиннѣе чѣмъ въ пол-локтя; конечно, это правило не простиралось на лицъ знатныхъ и дамы одѣвались въ золотую парчу, въ бархатъ, шелкъ разныхъ цвѣтовъ съ горностаевыми опушками. Во время коронаціи англійская королева имѣла пурпуровое, а ея фрейлины — яркокрасныя платья. Головные уборы того времени дѣлались изъ золотой ткани и украшались брильянтами, ожерелья — изъ жемчуга; а мужчины носили на шеѣ толстыя, тяжелыя золотыя цѣпи; пуговки часто замѣнялись драгоцѣнными каменьями. Знатныя дамы съ удовольствіемъ носили на своихъ платьяхъ вышитые астрологическіе знаки, ноты, изображенія животныхъ, человѣческія фигуры, и т. п.

Но и для низшихъ классовъ законы о роскоши не приносили никакой пользы, не смотря на то, что по церквамъ были придѣланы ящики, куда каждый могъ бросать анонимные доносы на тѣхъ, кто преступалъ эти законы.

Обычай носить бороду, вышедшій изъ употребленія во времена рыцарства, т. е. впродолженіе двухъ столѣтій крестовыхъ походовъ, снова появился въ XIV вѣкѣ, впрочемъ его еще долго считали неприличнымъ, и потому въ XV и XVI столѣтіяхъ на гробницахъ дѣлали портреты умершихъ безъ бороды. Въ Германіи стали носить бороду въ началѣ XVI столѣтія, въ Англіи начиная съ 30 годовъ этого столѣтія; а въ половинѣ его даже духовенство.

Нерѣдко встрѣчаемъ мы въ XV столѣтіи употребленіе накладныхъ волосъ, которые дѣлались изъ бѣлаго и тертаго шелка, причемъ отдавали преимущество тому цвѣту волосъ, который въ странѣ встрѣчался рѣже. Такъ въ Италіи, напримѣръ, предпочитая бѣлокурые волосы, дамы красили свои черные волосы

въ бѣлокурые; кто имѣлъ хорошіе волосы, тотъ носилъ ихъ въ большинствѣ случаевъ распущенными.

Было также обыкновеніе раскрашивать себѣ все лице, даже вѣки и зубы и, употреблять слишкомъ много духовъ; въ Италіи во время празднествъ душили даже муловъ. Вообще не было недостатка въ разныхъ косметическихъ средствахъ.

Чѣмъ болѣе цивилизовались народы, тѣмъ болѣе заботились они о тѣлесной чистотѣ. И потому италіянцы, стоявшіе во главѣ цивилизаціи, не уступали никому въ опрятности, а нѣмцы пользовались у нихъ славой людей крайне нечистоплотныхъ; роскошь проявлялась въ бѣльѣ, въ постеляхъ, въ платьяхъ и въ домашней утвари. Все это душилось духами, которые приготовлялись сперва изъ шафрана, потомъ изъ мускуса, амбры, лавендовой воды и т. д.; къ этому присоединялись еще различныя душистыя травы, какъ напр. алое, розовые листья, маіоранъ, розмаринъ, коріандеръ, ладанъ, бензой, ливанъ и т. д. Особенно въ большомъ употребленіи были выхухольные шарики, приготовляемые зимой изъ дерева и кореньевъ, а лѣтомъ изъ цвѣтовъ; употребляли также курительныя свѣчки и порошокъ; голову и бороду мыли благоуханными мылами, самаго тщательнаго приготовленія. Женщины и мужчины носили вмѣсто шляпъ вѣнки, даже иногда золотые; они употреблялись и зимой во время катанья на санкахъ; особенно былъ распространенъ этотъ обычай въ XVI столѣтіи.

Въ это же время вошли въ употребленіе широкія фижмы и огромные галстуки; но правительство запретило ихъ.

Тогда же обратили вниманіе и на хорошую мостовую, такъ какъ ѣздить приходилось чаще, нежели ходить. Первыя кареты отличались роскошнымъ убранствомъ; тѣ пять каретъ, которыя Лукреція Борджіа въ 1502 году получила въ подарокъ отъ своего тестя, феррарскаго герцога Геркула, считавшагося ихъ изобрѣтателемъ, имѣли: одна — крышку изъ золотой парчи, а всѣ остальныя — изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій; въ первую были запряжены четыре бѣлыя лошади, изъ которыхъ каждая стоила 50 дукатовъ. Верховыя лошади, принадлежащія знатнымъ особамъ, имѣли нерѣдко бархатные чапраки, а вышитая золотомъ сбруя дамскихъ лошадей стоила иногда отъ шести до восьми тысячъ дукатовъ. Еще въ срединѣ XVI вѣка при коронованіяхъ королевъ стали употреблять вмѣсто каретъ носилки или кушетки, запряженныя лошадьми, причемъ одинъ изъ высокопоставленныхъ долженъ былъ нести впереди короны. Въ то же время богатые Фуггеры въ Аугсбургѣ имѣли также кареты.

О саняхъ упоминается уже въ XV столѣтіи. Уже тогда эти повозки, а равно и ихъ лошади украшались колокольчиками;

устраивали часто ночныя катанья на саняхъ, хотя они и запрещались правительствомъ; впрочемъ, обыкновеніе скатываться на маленькихъ саночкахъ съ отлогостей, даже ночью, было распространено и между взрослыми.

Для защиты отъ дождя и солнца носили, исключительно только надъ знатными лицами, какъ напр. императорами, папами,—зонтики, и то только въ торжественныхъ случаявъ. Зонтики эти имѣли огромные размѣры, въ сорокъ футовъ ширины, были разрисованы красками, украшены фигурами и назывались «непромокаемыми шляпами».

Въ XV столѣтіи большая часть узкихъ и кривыхъ улицъ германскихъ городовъ не имѣла мостовыхъ, освѣщалась мало и рѣдко, содержалась неопрятно. Дома гражданъ строились изъ дерева и глины, крылись гонтомъ, но уже имѣли трубы и печи. Каменные дома и черепичныя кровли встрѣчались относительно рѣдко, что значительно облегчало какъ распространеніе заразы, такъ и распространеніе пожаровъ, которые очень часто случались. Стеклянныя окна появились въ Германіи еще въ X столѣтіи, но получили распространеніе только въ XIV и XV вѣкахъ; эти стекла заключались въ круглыхъ или шестиугольныхъ рамкахъ, соединенныхъ между собою свинцемъ. Въ общественныхъ зданіяхъ, а также и въ домахъ богатыхъ частныхъ лицъ вставлялись разрисованныя стекла съ изображеніемъ гербовъ или событій изъ св. Исторіи; частнымъ лицамъ такія стекла дарились ихъ друзьями, а вліятельнымъ — правительствомъ, ратуши же получали ихъ отъ другихъ правительствъ, съ которыми они были въ хорошихъ отношеніяхъ. Гдѣ еще не были введены стеклянныя окна, тамъ употребляли слюду, бумагу, пропитанную масломъ, тонкія пластинки рога, матеріи и т. д. Снаружи дома украшались картинами; кромѣ существовавшихъ уже флюгеровъ, на крышахъ стали устраивать кровельные жолобы. Къ общественнымъ зданіямъ кромѣ церквей относились: ратуша, танцовальный домъ, торговый домъ, гдѣ сосредоточивалась торговля и промыслы, больницы, бани, а послѣ закрытія монастырей къ нимъ присоединились и городскія школы.

Не смотря на свою чрезвычайно легкую постройку, дома значительныхъ городовъ Германіи славились въ XV столѣтіи своимъ изяществомъ и казались нѣкоторымъ италіянскимъ путешественникамъ, напр. Энею Сильвію Пикколомини, впослѣдствіи папѣ Пію II и Маккіавелли ничуть не хуже ихъ родныхъ городовъ; особенно хвалитъ Пикколомини Кёльнъ, Аугсбургъ, Нюренбергъ и Вѣну; а французскій писатель Монтань Аугсбургу отдаетъ преимущество передъ Парижемъ.

Вѣна имѣла 5,000 шаговъ въ окружности, высокіе дома, просторные дворы, съ великолѣпными садами, а также и отлич-

ные погреба. Число жителей простиралось тогда до 50,000 человѣкъ: главное занятіе ихъ было винодѣліе, и они извѣстны были за гастрономовъ и меломановъ.

Аугсбургъ славился богатствомъ. Впрочемъ, чтобы прослыть богатымъ, тогда требовалось меньше имѣть, чѣмъ теперь. Петръ фонъ Аргенъ, имѣвшій 2,600 гульденовъ годоваго дохода, считался первымъ богачемъ въ городѣ; стоило получать только 200 или 300 гульденовъ въ годъ, чтобы уже прослыть богатымъ; родоначальникъ фамиліи Фуггеровъ, славившійся своимъ богатствомъ, возбуждалъ всеобщее удивленіе тѣмъ, что имѣлъ 13,000 гульденовъ годоваго доходу, а принадлежащіе этой фамиліи дома, съ капеллами, купальнами, картинами, статуями, каминами, древностями, коврами и серебряной посудой, а также и дачи съ садами и фонтанами казались дворцами изъ «Тысячи и одной ночи», точно также какъ задаваемые ими пиры съ каруселями и танцами переносили насъ въ сказочный міръ. Съ фамиліей Фуггеръ соперничала въ XV столѣтіи фамилія Вельзеръ, которой въ XVI столѣтіи въ южной Америкѣ принадлежала Венесуэла.

Полъ въ комнатахъ въ большинствѣ случаевъ былъ паркетный; на стѣнахъ рисовались или вырѣзывались фигуры, съ нравственными изрѣченіями изъ классиковъ или изъ Библіи. Полъ въ спальняхъ дѣлался большею частію изъ одноцвѣтныхъ, обожженныхъ камней, иногда впрочемъ украшенныхъ цвѣтами или другими рисунками; потолокъ украшался разрисованной или позолоченной рѣзьбой, а также и гипсовыми фигурами. Движимое имущество, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, достаточныхъ людей отличалось великолѣпіемъ. Любили особенно содержать чужеземныхъ животныхъ, какъ напр. обезьянъ, попугаевъ; ихъ содержали въ такомъ огромномъ количествѣ, которое теперь показалось бы просто баснословнымъ.

Вмѣсто нашей мебели уставляли вокругъ стола длинныя скамейки; скамейка для хозяина и хозяйки покрывалась сукномъ; болѣе богатые люди приготовляли для гостей стулья съ бархатными подушками, обшитыми шелковой, серебряной или золотой бахромой, а другіе имѣли для гостей стулья, обтянутыя кожей, или покрытыя вышивками своихъ дочерей. Кресла же употреблялись большею частію только для старыхъ и больныхъ. Во время празднествъ столы покрывались вышитыми коврами.

На стѣнахъ висѣли картины, изображающія ландшафты или же портреты; картины религіознаго содержанія были запрещены у протестантовъ; на стѣнахъ еще часто висѣла оловянная посуда, послѣдняя иногда впрочемъ дѣлалась изъ серебра съ позолотой въ видѣ воиновъ, лошадей и другихъ животныхъ (которые представляли собой фамильный гербъ).

У богатыхъ протестантовъ въ парадной комнатѣ лежала Библія въ богатомъ бархатномъ переплетѣ, оправленномъ въ золото и даже въ жемчугъ.

Большою честью и почетомъ для хозяекъ и дочерей дома считалось, если все необходимое для дома полотно приговлялось ими самими, и только тогда, когда былъ сдѣланъ достаточный запасъ полотна въ домѣ, онѣ покупали себѣ различныя украшенія, преимущественно серебряныя и золотыя цѣпи.

Посуда для питья дѣлалась очень рѣдко изъ стекла, а больше изъ дерева и металла (у богатыхъ изъ серебра, у бѣдныхъ изъ олова), ложки дѣлались изъ дерева, а о вилкахъ и салфеткахъ не имѣли и понятія; столъ покрывался скатертью.

Религіозныя церемоніи, особенно въ послѣднее время передъ эпохой реформаціи, отличались великолѣпіемъ. Въ 1478 году Геркулъ I, герцогъ феррарскій, человѣкъ искренно набожный, ввелъ въ своихъ владѣніяхъ слѣдующій обычай: во время Пасхи герцогъ долженъ былъ омывать ноги бѣднымъ и странникамъ, и онъ самъ первый со своими братьями показалъ этому наглядный примѣръ и кромѣ того всѣхъ бѣдныхъ одарялъ платьями и деньгами.

Процессіи соперничали между собой въ пышности и блескѣ, относительно костюмовъ; онѣ не обходились безъ мистерій и никогда не задумывались выводить на сцену самого Бога. Въ 1587 году 21 іюня Карлъ Бурбонъ, кардиналъ-епископъ Руана и аббатъ Сен-Жермена, задумалъ оставить по себѣ память великолѣпной и вмѣстѣ съ тѣмъ странной процессіей. Онъ велѣлъ поставить въ рядъ всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ изъ предмѣстья Сен-Жермена; всѣ они были въ бѣлой одеждѣ, босикомъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ; на мальчикахъ надѣты были вѣнки. За ними слѣдовали капуцины, августинцы и кающіеся въ бѣлыхъ одеждахъ, къ нимъ присоединились монахи Сен-Жермена съ реликвіями, за всѣми ними слѣдовала музыка; мужчины въ однѣхъ рубашкахъ несли семь ракъ монастыря. Самъ король, Генрихъ III, въ одеждѣ кающагося, принималъ участіе въ этой процессіи и остался ею очень доволенъ.

Издавались строгіе законы противъ богохульства и назначенъ былъ опредѣленный штрафъ: за оскорбленіе Бога и Богородицы платилось шесть фунтовъ, а за оскорбленіе святыхъ 3 фунта. Тѣхъ же, кто не въ состояніи былъ заплатить эту сумму, подвергали наказанію кнутомъ и изгнанію. Если же кто провинялся снова въ этомъ, то тому пробивали языкъ гвоздями, во второй разъ—вырывали языкъ; клятвопреступникамъ прибивали языкъ гвоздями къ колодкѣ.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и во время постовъ было запрещено продавать говядину подъ опасеніемъ штрафа.

Былъ распространенъ обычай нанимать за себя людей, которые совершали бы путешествія къ св. мѣстамъ. Самъ набожный герцогъ, Геркулъ I феррарскій, пользовался этими путешествіями для своихъ политическихъ цѣлей или для заключенія брачныхъ союзовъ въ своемъ семействѣ, о чемъ никто не долженъ былъ знать заранѣе.

Эти странствованія къ св. мѣстамъ совпадали съ ярмарками, что случалось въ большинствѣ случаевъ тогда, какъ посѣщаемое мѣсто выставляло въ это время свои реликвіи. Въ Нюренбергѣ, вплоть до реформаціи, торжественно выставляли почти каждый годъ государственныя драгоцѣнности, переданныя ему въ 1424 году, а также и принадлежащія къ нимъ реликвіи: часть яслей Христа, зубъ Іоанна Крестителя, руку св. Анны, кусокъ отъ платья Іоанна Евангелиста, кусокъ скатерти отъ Тайной Вечери и полотенце, которымъ опоясывался Господь, омывая ноги ученикамъ своимъ, нѣсколько звѣньевъ цѣпей, въ которыя были закованы Петръ, Павелъ и Іоаннъ, нѣсколько терніевъ отъ терноваго вѣнца І. Христа; наконечникъ копья, которымъ было проткнуто Его ребро и одинъ изъ гвоздей.

Подобное же празднество бывало и въ Магдебургѣ въ день св. Мориса, именно тогда показывалось: знамя св. Маврикія, часть креста Іисуса и умывальника, въ которомъ Іисусъ мылъ ноги своимъ ученикамъ, кусокъ отъ того хлѣба, которымъ онъ насытилъ 5,000 человѣкъ, волосы Маріи, капли крови и волосы изъ бороды Іоанна Крестителя, одинъ камень изъ тѣхъ, которыми побитъ св. Стефанъ и т. д. Папа Бонифацій VIII разрѣшалъ отъ грѣховъ всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ эти святыни. Но еще болѣе драгоцѣнныя вещи хранились въ Магдебургскомъ соборѣ, какъ напр. часть лѣстницы, съ помощью которой сняли тѣло Христа, часть фонаря, бывшаго при Іудѣ въ то время, когда онъ предавалъ Христа, а также и чаша, въ которой Пилатъ умывалъ свои руки.

Замѣчательно, что передъ самой реформаціей была построена въ Регенсбургѣ, на мѣстѣ одной разрушенной Іудейской синагоги, новая церковь въ честь «прекрасной Маріи». Тамъ мнимо-исцѣлились нѣсколько больныхъ, и вотъ всѣми жителями окрестностей овладѣла страсть къ странствованіямъ: люди всѣхъ возрастовъ и сословій бросали свою работу и стекались сюда, чтобы увидѣть чудо; въ первомъ году было отслужено 25,374 обѣдни, въ Троицу стекалось сюда до 50,000 человѣкъ! Впрочемъ, въ церковь проникало народу очень мало. Спустя три года, въ 1528 г. церковь опустѣла, а въ 1542 въ ея часовнѣ служили протестантскую обѣдню. Но такія вещи, правда комичныя, но для человѣческаго разума очень печальныя, происходили въ другихъ мѣстахъ Германіи. Эта манія обратилась въ

такую же трагическую пародію, какъ и крестовые походы 1212 года; такъ съ 1457 по 1462 г. изъ Баваріи и Швабіи дѣти собирались сотнями и даже тысячами, чтобы совершить путешествіе на поклоненіе св. Михаилу въ Нормандіи (на островѣ Гернзей); ихъ никакъ не могли удержать и они всѣ погибли на пути черезъ Францію. Это было какимъ то полнѣйшимъ эпидемическимъ религіознымъ безумствомъ.

Храмовые праздники подавали поводы къ дикимъ удовольствіямъ, потому что они всегда сопровождались ярмаркой, представлявшей случай къ отчаяннымъ попойкамъ. Карлъ V издалъ въ Нидерландахъ постановленіе, «что тотъ, кто будетъ праздновать обновленіе храма больше одного дня, долженъ заплатить 50 гульденовъ штрафу, но это однако не помогло, и продолжали праздновать, какъ и прежде, восемь дней сряду. Въ Страсбургѣ былъ обычай пировать освященія храмовъ всю ночь напролетъ въ соборѣ; собравшіеся тамъ бичевали другъ друга—это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ 1481 г. проповѣдникъ Гейлеръ Кейзерсбергъ не настоялъ на запрещеніи такого безобразія.

Въ Германіи различные церковные праздники имѣли значеніе не только религіозное, но и гастрономическое. На Пасхѣ пекли блины, во время Троицы пили пиво, въ день св. Пантелеймона ѣли окорока, жиръ, копченую колбасу и чеснокъ, въ день св. Мартина ѣли гуся и пили новое вино.

По умершимъ носили траурную одежду; срокъ опредѣлялся, смотря по лѣтамъ, степени родства, отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ; также имѣли обыкновеніе сохранять вещи, принадлежащія покойнымъ и долгое время избѣгали всѣхъ удовольствій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носили на головѣ, по смерти какого-нибудь лица «Klagkappe», чтобы, какъ говоритъ насмѣшливый Севастьянъ Франкъ, «люди не видѣли радости наслѣдниковъ»; въ другихъ же мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Цюрихѣ, женщины ходили въ черномъ платьѣ какъ на похороны, такъ и на свадьбу.

Хоронили въ Германіи въ самой церкви или на церковной оградѣ; въ епископствѣ Аугсбурга, а также и въ другихъ мѣстахъ было обыкновеніе класть хлѣбъ и одну или двѣ свѣчи на могилу, а потомъ на алтарь; ихъ бралъ служившій обѣдню «ради бѣдной души», иногда же клали на алтарь хлѣбъ, муку и ставили вино; набожный священникъ съ своей кухаркой съѣдалъ это «въ память души умершаго», какъ говоритъ Севастьянъ Франкъ. Если кто былъ при смерти, къ нему являлся священникъ съ Святыми дарами и внушалъ больному, что ему для достиженія блаженства необходимо покаяться; когда онъ умиралъ, то звонили во всѣ колокола, конечно если только онъ былъ богатъ; затѣмъ священникъ служилъ по немъ панихиду,

пока друзья умершаго дѣлали приношенія муки, вина, хлѣба, свѣчей и т. д. Кто изъ католиковъ умиралъ безъ причастія, для того нужно было покупать позволеніе быть похороненнымъ на освященной землѣ. Послѣ похоронъ необходимо было хорошо угостить всѣхъ явившихся священниковъ. Если наслѣдники не расположены были «плакать и охать», то они нанимали плакальщицъ, которыя заранѣе натирали себѣ глаза лукомъ; а въ Италіи также было обыкновеніе нанимать людей, которые бы плакали и молились на могилахъ, для перваго употреблялись женщины, для втораго—мужчины. Тѣ и другіе, получивъ плату, возвращались съ танцами и смѣхомъ.

До половины XVI столѣтія почти по всей Германіи зарывали мертвыхъ, зашивая ихъ въ полотно, прямо въ землю: гробы еще не были извѣстны; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ это продолжалось вплоть до XVII вѣка; въ Нюренбергѣ, напримѣръ, въ началѣ этого вѣка только священниковъ погребали въ «ящикахъ». Впрочемъ знатные господа еще и прежде хоронились въ гробахъ и вкладывались въ каменныя гробницы. Если хоронили безъ гроба, то трупъ несли на кладбище на открытыхъ носилкахъ.

Между набожными людьми или ханжами былъ распространенъ до реформаціи (у католиковъ и позже) обычай надѣвать вмѣсто савана рясы нищенствующихъ монаховъ, такъ какъ эти послѣдніе учили, что погребенные въ ихъ рясахъ меньше пробудутъ въ чистилищѣ. Похороны богатыхъ были очень пышны, домъ покойника убирался трауромъ, а за погребальными носилками шло много народу въ черныхъ платьяхъ. Надгробное слово вошло въ обычай только со времени реформаціи.

При погребеніи императоровъ и королей были въ употребленіи нѣкоторые языческіе обычаи, такъ напримѣръ принесеніе въ жертву лошадей. Когда въ 1378 г. хоронили Карла IV, то было принесено въ жертву 26 лошадей, на послѣдней ѣхалъ верхомъ вооруженный всадникъ, подъ «золотымъ балдахиномъ и принесъ себя въ жертву вмѣстѣ съ лошадью» (но какъ — неизвѣстно).

При похоронахъ императора Максимиліана II, пять мѣсяцевъ спустя послѣ его смерти, въ 1577 г., лошадей, правда, уже не приносили въ жертву на его могилѣ въ Прагѣ, но оставляли ихъ въ даръ собору.

b) Наемники. — Оружіе. — Экзекуціи. — Празднества. — Карнавалъ. — Театръ. — Праздники стрѣлковъ. — Танцы. — Дѣтскіе праздники.

Наемники или ихъ правительства заключали съ нанимающимъ ихъ полководцемъ контракты и условія о числѣ солдатъ,

ихъ обязанностяхъ и правахъ. Нѣкоторыя государства, напримѣръ швейцарскіе кантоны, формально продавали, начиная съ XV столѣтія, своихъ соотечественниковъ Франціи, папѣ и т. д. за годовое жалованье, которое впрочемъ часто оставалось незаплаченнымъ. Также и въ отдѣльности взятые воины, особенно трубачи, ружейные и шпажные мастера и др., отличавшіеся опытностію и искусствомъ, нанимались къ полководцамъ по контракту. Особенною, хотя и не безкорыстною храбростію между наемниками XVI столѣтія отличались швейцарцы и нѣмецкіе ландскнехты. И тѣ, и другіе служили тому, кто больше платилъ: такъ напримѣръ швейцарцы во времена папы Юлія II сначала сражались за него, послѣ же несчастной битвы при Мариньяно (1515) перешли на сторону побѣдителей-французовъ, съ которыми и заключили въ 1516 году вѣчный миръ, а въ 1521—союзъ съ обѣщавіемъ доставлять наемниковъ; къ нимъ не присоединился только Цюрихъ, гдѣ противъ поступленія на службу къ иноземцамъ ратовалъ Цвингли. Швейцарцы часто сражались въ рядахъ имперскихъ войскъ противъ своихъ соотечественниковъ, находившихся на службѣ у французовъ. Даже сами жители Цюриха, незадолго до того принявшіе протестантское ученіе, согласились, вопреки увѣщаніямъ Цвингли, на предложеніе папы Льва X биться за него съ французами, между которыми находились и католики-швейцарцы! 14,000 швейцарцевъ, помогавшихъ герцогу Ульриху Вюртембергскому возвратить (въ 1519) отнятую у него непріятелемъ страну, были строго наказаны по настоянію Цюриха, какъ преступившіе волю правительства. Между тѣмъ при Мариньяно была сломлена національная сила оружія швейцарцевъ, при Бикоккѣ (1522) они лишились значенія только какъ наемники, а послѣ сраженія при Павіи—и военной извѣстности вообще. Также безтактно вели себя въ военной службѣ и нѣмецкіе ландскнехты. Ихъ толпа, подъ названіемъ «черной громады», въ которой отличался хвастовствомъ дерзкій Георгъ Лангмантель, служила французамъ въ борьбѣ ихъ съ императоромъ, причемъ Лангмантель, громкимъ голосомъ и съ странными ужимками вызывавшій на поединокъ предводителя ландскнехтовъ, Георга Фрундсберга, и вся его шайка были разбиты, уничтожены и обращены въ бѣгство. Георгъ Фрундсбергъ заслужилъ добрую славу; подобно древнимъ швейцарцамъ онъ передъ каждой битвой молился со своимъ войскомъ Богу. Онъ ввелъ строгую дисциплину и никогда не позволялъ своимъ подчиненнымъ предаваться грабежу; поэтому союзные съ нимъ испанцы всю добычу отъ войны брали себѣ.

Недостатки среднихъ вѣковъ, распри и кулачное право были еще въ полной силѣ въ XVI столѣтіи. Тогда не государство

или правительство вело войны, но каждый, чувствовавшій себя достаточно сильнымъ, чтобы отмстить врагу, формально объявлялъ ему разрывъ и войну. Наемники и слуги, даже крѣпостные, не задумываясь, оставляли своихъ начальниковъ и господъ. Рыцари-разбойники отказывались служить городскому совѣту, купцы въ свою очередь—рыцарямъ, іудеи—своимъ преслѣдователямъ. Вызовъ врагу начинался съ угрозъ и передавался герольдомъ или пажемъ въ большинствѣ случаевъ на концѣ копья.

Оружіе находилось въ то время въ очень хорошемъ состояніи. Герцогъ Бургундскій, Карлъ Смѣлый, храбрѣйшій князь той эпохи, заготовилъ для осады Нейса 1475 г. пять желѣзныхъ ружей (изъ которыхъ одно завинченное, т. е. вѣроятно граненое) длиною отъ 10 до 11 футъ, девять мѣдныхъ — одно изъ нихъ такой же длины, а восемь поменьше съ львиными головами; одну большую желѣзную змѣю длиною въ 13 фут. и 4 маленькихъ въ 6 фут.; 6 желѣзныхъ мортиръ на колесахъ, величиною въ 4$^1/_2$ фут., 44 «мѣдныхъ змѣй» отъ 7 до 11 фут., 66 круглыхъ змѣй на колесахъ отъ 6 до 9 фут., 9 большихъ каменныхъ ружей, 12 коннодѣйствующихъ мельницъ и одну вѣтряную и т. д.

Даже и при такомъ распространенномъ примѣненіи пороха были въ употребленіи и другіе заряды, напр. огромныя стрѣлы, пускаемыя изъ лука, который назывался также метательнымъ снарядомъ. Съ помощію пращей въ осаждаемыхъ бросали осколками скалъ, брандскугелями, даже грязью, углемъ и другими нечистотами. Лукъ вышелъ изъ употребленія въ концѣ XV столѣтія, а пращи только въ концѣ XVI.

Достойное дополненіе системы наказаній въ гражданской жизни составляло военное уголовное право. Проступки и преступленія ландскнехтовъ обыкновенно обсуждались рано военнымъ совѣтомъ «на тощакъ». Профосъ принималъ на себя обязанность обвинителя и замыкалъ отвѣтчика въ кругъ ландскнехтовъ. Войско посредствомъ поднятія рукъ большинствомъ голосовъ выражало свое согласіе на обвиненіе, причемъ какъ профосъ, такъ и каждый изъ обвиняемыхъ получали по «ходатаю». Послѣ переговоровъ, ведущихся черезъ фельдфебеля, впродолженіе которыхъ прапорщики опускали знамена остріемъ къ землѣ, произносился приговоръ, причемъ знамена снова поднимались. Чаще всего смертной казнью служило прохожденіе сквозь строй; преступникъ, простясь съ товарищами, долженъ былъ пройти между ихъ рядами, расположенными въ какомъ нибудь переулкѣ, подъ ихъ палочными ударами. Другія наказанія состояли въ разстрѣливаніи, вѣшаніи и обезглавленіи; самымъ же отвратительнымъ, ужаснымъ и между тѣмъ существовавшимъ въ хри-

стіанской Европѣ почти до XVIII столѣтія, было сажаніе на колъ. Оно состояло въ томъ, что въ туловище преступника вколачивали острый колъ, такъ что онъ выходилъ наружу уже между плечъ и тогда уже снимали съ него несчастнаго, послѣ чего онъ иногда жилъ еще нѣсколько дней. Сажаніе на колъ служило большею частію наказаніемъ за тяжкія смертоубійства и измѣну. Такъ былъ посаженъ на колъ (въ Саганѣ 1575 г.), послѣ предварительныхъ истязаній, Петръ Вольфгангъ, ограбившій шесть церквей, совершившій тридцать убійствъ, вырывавшій дѣтскія сердца и ѣвшій ихъ, суевѣрно думая, что это спасетъ его отъ рукъ преслѣдователей. Та же участь постигла въ 1615 году одного разбойника въ Бреславлѣ, совершившаго 96 убійствъ и три поджога.

Люди этой эпохи вели дикій, шумный образъ жизни не только впродолженіе войны, но и внѣ ея, т. е. въ мирное время, которое впрочемъ обыкновенно не долго продолжалось.

Повсемѣстное распространеніе новыхъ идей въ XV столѣтіи вело за собой развитіе великолѣпія и роскоши въ публичныхъ празднествахъ, что, впрочемъ, въ Италіи и особенно во Флоренціи, замѣчалось еще ранѣе. Тріумфальныя шествія, въ подражаніе древнимъ процессіямъ, не были рѣдкостью въ Римѣ, и нѣсколько позже вошли въ моду и въ другихъ мѣстахъ и не только въ дѣйствительности, но воспѣвались даже въ поэзіи. При этомъ главную роль постоянно играла зачастую несчастная и неудачная аллегорія, которая, особенно въ эпоху господства гуманизма, часто встрѣчалась также въ поэзіи и живописи. Та же аллегорія примѣнялась и къ церковнымъ торжествамъ. Такъ напр. во время праздника Тѣла Христова сами папы старались представить воспоминаемое событіе въ лицахъ. Говорятъ, что Борджіи ввели при этомъ даже пушечный громъ. Такимъ же образомъ праздновались разныя мірскія событія; особенно великолѣпны были праздники въ честь политическихъ событій въ республикѣ Венеціи. Когда въ городъ пріѣзжали владѣтельныя особы женскаго пола, то ихъ встрѣчали богато одѣтые музыканты, трубачи, барабанщики и пр. Королевскія бракосочетанія и коронаціи, особенно во Франціи и Англіи, совершались съ необыкновеннымъ блескомъ; при этомъ дѣло никогда не обходилось безъ аллегорическихъ и символическихъ маскарадовъ; за окна вывѣшивались ковры. При свадебномъ поѣздѣ Генриха VIII и Екатерины Аррагонской ѣхалъ герольдъ и вызывалъ на поединокъ каждаго, кто не хотѣлъ признать его господина законнымъ повелителемъ; въ награду за это король подарилъ ему золотой кубокъ, наполненный виномъ. Подобныя зрѣлища особенно нравились королевѣ Елизаветѣ, поэтому при проѣздѣ ея черезъ страну ей всегда устраивали торжественную встрѣчу. Разъ,

когда она была въ Норвичѣ, къ ея дворцу подъѣхалъ въ фантастически-разукрашенной колесницѣ крылатый Меркурій въ голубомъ бархатномъ, шитомъ золотомъ, камзолѣ и пригласилъ ее на драматическое представленіе, устроенное по случаю ея пріѣзда. Оно состояло въ сраженіи Венеры, Купидона и нѣкоторыхъ аллегорическихъ пороковъ съ богиней Цѣломудрія и сопровождающими ея добродѣтелями, подъ которыми подозрѣвали королеву и ея дамъ, и конечно побѣдили своихъ противниковъ. Впродолженіе всего пути вокругъ нея пѣли и танцовали нимфы и феи, а съ другой стороны забавный контрастъ имъ представлялъ почтенный пасторъ, благодарившій ее за покровительство преслѣдуемымъ протестантамъ. Въ 1581 году былъ устроенъ въ честь французскаго посольства большой праздникъ въ Вайтгаллѣ. Въ великолѣпномъ зданіи, потолокъ котораго былъ украшенъ солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздами и облаками, происходила осада «замка идеальной красоты», т. е. мѣста, гдѣ находилась королева; осаждающими были рыцари-«питомцы». Послѣ безуспѣшной напыщенной рѣчи молодаго, фантастически одѣтаго парламентера, началась перестрѣлка цвѣтами, сластями и т. п., потомъ начался турниръ, на которомъ были побѣдителями рыцари совершенной красоты.

Рожденіе наслѣднаго принца сопровождалось колокольнымъ звономъ, благодарственными молебствіями; бѣднымъ раздавались пища и одежда. Въ Италіи, а можетъ быть и еще гдѣ нибудь, сжигались скамьи изъ судовъ и училищъ; если же королевскій домъ былъ особенно щедръ и не жалѣлъ вина, то предпринимались нападенія на дома и магазины съ той же цѣлью.

Въ Римѣ въ XV столѣтіи былъ въ большомъ ходу карнавалъ, съ лошадиными, ослиными, буйволовыми скачками, стариками, евреями и т. п.; тотъ же самый праздникъ во Флоренціи отличался совершенно противоположнымъ, деликатнымъ, художественнымъ характеромъ, которому, впрочемъ, часто вредили непристойныя стихотворенія, которыя при-этомъ обыкновенно распѣвались на улицахъ. Особенно блестящъ былъ карнавалъ въ Феррарѣ, гдѣ не допускалась необузданность, замѣтная въ Венеціи, не позволялось одѣваться въ монашеское платье и тѣмъ предавать посмѣянію духовное званіе и давать возможность лицамъ этого званія вести себя слишкомъ распущенно. При-этомъ не довольствовались однимъ карнаваломъ въ годъ, а устроивали ихъ нѣсколько.

Неразрывно съ развитіемъ празднествъ шло развитіе театра. Мѣстомъ его рожденія была, какъ извѣстно, церковь; драматическія представленія тайнъ вѣры получили названіе *мистерій.* Развитіе пышности и роскоши при этихъ представленіяхъ способствовало освобожденію ихъ отъ церковной зависимости. Те-

атры, на которыхъ давались мистеріи, были трехъ-этажные; первый этажъ представлялъ адъ, второй—землю, третій—рай или небо; во Флоренціи уже съ XIV столѣтія примѣнялись къ дѣлу машины собственнаго изобрѣтенія. Безъ малѣйшаго колебанія выводились на сцену ангелы, Мадонны и даже самъ Богъ, и выставлялась цѣна за золоченую бумагу для ангельскихъ крыльевъ или за позолоту одежды Бога. Христосъ и другіе мученики являлись съ синяками и ранами, а народъ плакалъ отъ умиленія. Поводомъ къ этимъ представленіямъ служили разныя мірскія событія, напримѣръ въѣздъ королей. При-этомъ бывали смѣшны анахронизмы, такъ напр. ветхозавѣтныя личности призывали въ клятвахъ Дѣву Марію, а древніе язычники—Магомета; также встрѣчались и непристойности: такъ Адамъ и Ева являлись на сцену совершенно нагіе и только во время представленія закрывались листьями смоковницы. За мистеріями слѣдовали пантомимы не только мірскаго, но даже языческаго характера, въ составъ которыхъ входила и миѳологія, чему не противодѣйствовали сами кардиналы (напр. Ріаріо въ 1473 г. въ Римѣ). Знаменитый художникъ Леонардо да-Винчи представилъ въ Миланѣ въ 1489 году, по случаю бракосочетанія короля,—планетную систему, и когда во время движенія планетъ одна изъ нихъ подошла къ невѣстѣ, то изъ нея вышло божество, именемъ котораго она называлась, и поздравило ее въ стихахъ. Сочинить подобную аллегорическую драму не составляло ни малѣйшей трудности; каждый значительный праздникъ оканчивался ею; для постановки ея учреждались особенныя общества. Блистательнѣе всего были вышеупомянутыя тріумфальныя шествія; одно изъ такихъ было устроено съ античными сценами во время избранія папы Льва X въ 1513 г.

Въ половинѣ XV столѣтія мистеріи замѣнились представленіями религіознаго характера, подъ названіемъ «Moralitäten», т. е. отрывки религіознаго характера, въ которыхъ главную роль играли вмѣсто чудесъ—добродѣтели и пороки, и дѣйствующими лицами являлись не монахи, а простые граждане или студенты. Во время реформаціи ими пользовались для того, чтобы подготовить общественное мнѣніе къ принятію ея основныхъ положеній, возстановивъ его противъ испорченности старой церкви. Дьяволъ замѣнялъ комическій элементъ, рѣдко не подвергаясь той же участи, какую испытывалъ порокъ въ борьбѣ съ добродѣтелью. Въ XVI столѣтіи черезъ постепенное индивидуализированіе отвлеченныхъ понятій, мало по малу совершенно изчезавшихъ, явилось настоящее *драматическое представленіе*, рѣшительно вытѣснившее къ концу этого столѣтія «Moralitäten». Во время королевскихъ семейныхъ празднествъ устроивались на публичныхъ площадяхъ, мимо которыхъ проходила церемо-

нія, подмостки и миөологическія личности привѣтствовали тѣхъ, въ честь кого былъ праздникъ, стихами, за что были награждаемы. Главные же театры помѣщались въ публичныхъ зданіяхъ; на нихъ было до сотни актеровъ, представленія которыхъ смѣнялись танцами и пантомимами. Смѣсью представленій двухъ послѣднихъ родовъ былъ *мореска*,—танецъ въ военныхъ костюмахъ, съ оружіемъ или въ странномъ фантастическомъ нарядѣ.

Самыми любимыми драматическими представленіями въ эпоху гуманизма были комедіи Плавта и Теренція. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ съ народнымъ театромъ соперничала труппа италіанскихъ комедіантовъ, которые, особенно въ Германіи, возбуждали своими непристойными комедіями, заимствованными у Аретино и другихъ безстыдныхъ поэтовъ, негодованіе образованнаго класса и удовольствіе черни. Въ пантомимахъ часто являлись на сцену лошади, козы, а если представлялась охота или занятія сельскаго хозяйства, то переодѣтые въ звѣриныя шкуры люди изображали дикихъ звѣрей. Во время постовъ свѣтскія драматическія представленія прекращались, а на мѣсто ихъ въ церквахъ представлялись страданія Христа и такимъ образомъ на сцену опять появлялись мистеріи.

Вмѣстѣ съ театромъ возникла «*кукольная комедія*» или игра «*маріонетокъ*». Карданъ разсказываетъ въ половинѣ XVI столѣтія, что видѣлъ двухъ маленькихъ деревянныхъ куколъ, показываемыхъ однимъ сицилійцемъ; онѣ играли между собой, били въ барабанъ, танцовали и дѣйствовали головой, руками и ногами подъ звуки музыки. Изъ другихъ достопримѣчательностей, выставлявшихся на сценѣ, мы уже въ 1443 году встрѣчаемъ живыхъ слоновъ, которые въ 1629 г. являются уже дрессированными, а съ XVI же столѣтія самые разнообразные звѣри, съ которыми знакомились послѣ открытія новыхъ странъ. Сюда же относились великаны, карлики, женщины съ бородами, безрукіе люди, слишкомъ тучныя дѣти, уроды, далѣе—травля коровъ, быковъ и медвѣдей, которыхъ потомъ убивали. Особенно большое вниманіе обратили на себя такъ-называемые канатные плясуны, появлявшіеся во время разныхъ торжествъ. Въ половинѣ XVI столѣтія они спускались съ башенъ по канату, скользя внизъ съ распростертыми руками, возили взадъ и впередъ мальчиковъ въ тачкахъ, сжигали на канатахъ фейерверки и танцовали съ мѣшками на головахъ или въ панцыряхъ и т. д. Съ ними соперничали испанскіе и итальянскіе фигляры и комедіанты, знавшіе цѣлую систему прыжковъ разныхъ наименованій (прыжки обезьяны, кошки, зайца). Являлись также шарлатаны, продавцы теріака (эссенція), фокусники, предлагавшіе съ смѣшными ужимками свои товары и услуги, особенно вы-

хваляя средство противъ отравленія. Нѣкоторые комедіанты показывали поющихъ собакъ, танцующихъ козъ, волшебныя зеркала; атлеты позволяли бить себя молоткомъ въ грудь, ѣли паклю, изрыгали пламя, отрѣзывали, повидимому, носы другъ другу и т. д. Если же не было иностранныхъ фигляровъ разнаго рода, то сами жители заботились о публичныхъ увеселеніяхъ. Начинались переодѣванья, маскированные вечера, турниры, стрѣльба изъ лука и ружей, лазанье по мачтамъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ важную роль играли лотереи; учредители ихъ заманивали обѣщаніями выигрыша и обманывали самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Первый примѣръ этого мы встрѣчаемъ въ 1477 г. въ Эрфуртѣ во время одного праздника стрѣлковъ; самый первый выигрышъ состоялъ изъ двухъ гусей и фунта инбирю, а послѣдній изъ одного гульдена; другіе выигрыши состояли изъ серебрянныхъ кубковъ, пожертвованныхъ стрѣлками. Билеты съ именами вкладчиковъ и номерами выигрышей клались въ закрытый сосудъ и вынимались неграмотнымъ слугой въ присутствіи членовъ магистрата и ихъ писцовъ. Даже герцогъ Вильгельмъ Веймарскій взялъ билетъ, но ничего не выигралъ. Подобная же игра въ лотерею была въ Оснабрюкѣ въ 1521 г., въ Нюренбергѣ въ 1561 г., въ Аугсбургѣ въ 1570 г.; здѣсь было 36,464 билета по 8 пфенниговъ; происходили также конскія состязанія, въ которыхъ принимали участіе владѣтельныя особы, напр. самъ герцогъ Христофоръ Баварскій, а лошадь герцога Вольфганга взяла призъ. Въ Аугсбургской лотереѣ 1578 г. самый большой выигрышъ заключался въ баварской гостинницѣ, стоющей 4,500 гульденовъ. Лотерея въ Страсбургѣ была въ 1576 г., которую Цюрихцы прославили извѣстной поѣздкой съ теплой просяной кашей. Въ Базелѣ лотереи были запрещены въ 1585 г. Между прочими играми была запрещена игра въ кости, между тѣмъ какъ самъ магистратъ Нюренберга проигралъ въ 1472 г. 20 гульденовъ въ шахматы.

Въ XVI столѣтіи процвѣтали *праздники стрѣлковъ*. Они вошли въ обычай уже съ XIV столѣтія, особенно въ Швейцаріи и южной Германіи. На этихъ праздникахъ отличались преимущественно стрѣлки изъ лука и ружья. Прежде цѣлью для стрѣльбы изъ лука служила великолѣпно украшенная птица на высокомъ шестѣ, но съ распространеніемъ праздниковъ стрѣлковъ она была замѣнена, сначала въ Швейцаріи и Швабіи, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ, особенно для огнестрѣльнаго оружія, болѣе удобной цѣлью. Въ сѣверной же Германіи, именно въ Силезіи, птица еще долго держалась. Въ этихъ празднествахъ принимали участіе и князья, напр. герцогъ и курфюрстъ Августъ Саксонскій на послѣднемъ нюренбергскомъ праздникѣ выиграл первый призъ — 100 дукатовъ, выставленный марк-

графомъ Георгомъ Фридрихомъ, который устроилъ стрѣльбу по случаю своей свадьбы. Мѣсто состязанія украшалось картинами. Повсюду кипѣла жизнь, дѣятельность, суета и раздавалась музыка. Однако же удивительно, что въ Нюренбергѣ было только 111 пріѣзжихъ и состязалось 136 стрѣлковъ, изъ которыхъ каждый дѣлалъ впродолженіе пяти дней праздника по 24 выстрѣла. Поэтому, кажется, самая стрѣльба въ цѣль была отодвинута на второй планъ, такъ какъ извѣстно, что городской совѣтъ давалъ стрѣлкамъ ежедневно до 32 бочекъ вина, хлѣба, сыру и плодовъ. На мѣстѣ стрѣльбы были расположены 24 палатки. Болѣе же посѣтителей было на Аугсбургской стрѣльбѣ 1508 года, въ которой участвовало 544 стрѣлка изъ лука и 919 изъ ружья.

Въ описаніи княжеской свадьбы въ началѣ даннаго періода, а именно свадьбы герцога баварскаго Георга съ дочерью польскаго короля (1475), мы находимъ слѣдующія извѣстія. Самъ римскій императоръ выѣхалъ со всѣми князьями, рыцарями и оруженосцами на встрѣчу невѣстѣ, предъ которой сражались на острыхъ копьяхъ четыре рыцаря. Передъ женихомъ ѣхали на коняхъ девять пажей. Лошадиная сбруя была украшена жемчугомъ, а поводьями были серебряныя цѣпи. У жениха на шляпѣ было украшеніе цѣною въ 15,000 гульденовъ, на рукавѣ его одежды находилась вышитая дѣвица, держащая на веревкѣ льва съ надписью: «In ehren sie mir liebet». Императоръ и его свита сошли съ коней и пошли на встрѣчу невѣстѣ, за которой слѣдовали 10 дѣвицъ на бѣлыхъ иноходцахъ и двѣ золоченыя кареты. Четыре форрейтора ея и польскіе вельможи были съ позолоченными шпорами; какъ у нихъ, такъ и у пажей ихъ были шитыя золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями платья и сбруя. Когда всѣ въѣхали во владѣнія жениха, то императоръ и маркграфъ Бранденбургскій ввели невѣсту въ церковь, гдѣ епископъ Зальцбургскій совершилъ бракосочетаніе. При наступленіи ночи начались танцы, которые открылъ самъ императоръ съ молодой. На слѣдующій день всѣ отправились въ церковь, а затѣмъ въ богатой залѣ, обитой краснымъ бархатомъ и серебряными украшеніями, былъ поданъ обѣдъ, за которымъ слѣдовалъ турниръ. Вообще присутствовавшихъ на свадьбѣ было до 10,000 человѣкъ. Денегъ было истрачено 55,776 гульд.; однѣхъ приправъ вышло: 207 ф. шафрану, 388 фунт. перцу, 286 инбирю, 205 корицы, 105 гвоздики, 85 мускатнаго орѣха и 500 ф. сахару.

Свадьбы богатаго дома Фуггеровъ въ Аугсбургѣ сопровождались танцами, катаньемъ на саняхъ, каруселями, маскарадами и переодѣваньями; послѣднее, впрочемъ, было запрещено магистратомъ въ 1628 г. по случаю войны.

Никакое домашнее или публичное увеселеніе не обходилось безъ танцевъ, которые не порицались даже и церковной проповѣдью, о чемъ свидѣтельствуютъ появившіяся въ Страсбургѣ «свадебныя проповѣди» пастора Киріака Шпангенберга. Послѣдній дѣлилъ танцы по Библіи на духовные, языческіе, гражданскіе и непристойные. Первый родъ танцевъ исполняли іудейскія женщины послѣ перехода черезъ Черное море; второй—поклонники «золотаго тельца» и третій—составляютъ танцы всѣхъ благопристойныхъ людей, четвертый же подходящій только людямъ распутнаго поведенія. Послѣдній родъ танцевъ, по словамъ этого пастора, былъ въ большомъ употребленіи и притомъ отличался неслыханнымъ безстыдствомъ. Танцующіе, нисколько не стѣсняясь, проходили мимо церквей, въ которыхъ совершалось богослуженіе, съ барабаннымъ боемъ и трубными звуками. По окончаніи танцевъ, принимавшіе въ нихъ участіе очень неумѣренно наѣдались и напивались и вели себя самымъ отвратительнымъ образомъ. Они кричали, шумѣли, били стаканы и прочую посуду, заглушали пѣніе мальчиковъ, и даже иногда, смотря по расположенію духа, колотили ихъ, зажигали иллюминаціи и т. д. Если же это бѣснованіе происходило по случаю свадьбы, то гости пѣли передъ затворенными дверьми комнаты новобрачныхъ безстыдныя пѣсни; даже выламывали двери и звали молодыхъ танцовать! Нѣкоторые изъ самыхъ бѣшеныхъ бѣгали по городу, неистовствовали, шумѣли, били въ барабанъ, опрокидывали лотки торговцевъ, сбрасывали кареты и возы въ воду, даже врывались въ дома и разбивали въ дребезги все, что попадалось подъ руку. Съ 1555 г. саксонская полиція старалась не допускать подобныхъ безчинствъ во время танцевъ и назначила наказаніе за непристойности. Съ введеніемъ реформаціи въ Цюрихѣ танцы разрѣшались только на свадьбахъ, но и то съ условіемъ, чтобы они продолжались не позже солнечнаго заката. Бальная музыка состояла изъ барабана, двухъ флейтъ, двухъ скрипокъ и арфы, причемъ военные инструменты конечно заглушали звуки остальныхъ. Въ 1557 г. танцы были запрещены на цѣлый годъ по случаю бури съ градомъ.

Аугсбургцы особенно отличались любовью къ танцамъ. «Даже простой народъ угощался и плясалъ на улицахъ, расхаживалъ по улицамъ, пировалъ за столами, накрытыми передъ дверьми домовъ и производилъ при этомъ такіе безпорядки, что городское начальство запретило въ 1512 г. такъ-называемые «товарищескіе дни». Образованный классъ веселился въ танцовальномъ домѣ; нерѣдко въ танцахъ принимали участіе императоръ, короли и князья; при этомъ маскировались; музыка со-

стояла изъ рога, флейты или свирѣли, цитры, барабана и тромбона. Но и эти танцы прекратились въ 1577 году.

Дѣтскія увеселенія и праздники были почти тѣ же, что и въ новѣйшія времена. Мальчики играли, какъ видно изъ описаній, въ обручи, ручныя вѣтряныя мельницы, лошадки, волчки, солдаты, ходили на ходуляхъ, прыгали черезъ козла; дѣвочки же занимались куклами, кухонной посудой, домашней утварью и т. п. Дѣти знатныхъ людей устраивали турниры между игрушечными рыцарями, или же сражались между собой, стоя на плечахъ услужливыхъ людей. Въ Швейцаріи мальчики справляли праздникъ стрѣлковъ изъ лука. Въ Регенсбургѣ любимымъ дѣтскимъ праздникомъ былъ «Virgatumgehen», когда, угощаясь, молодежь, украшенная зелеными вѣтвями выходила со своими учителями за городъ и тамъ предъ многочисленными зрителями показывала разныя гимнастическія упражненія, которыя съ 1554 г. замѣнились музыкой и танцами. Въ Вюртембергѣ же въ настоящее время бываетъ этотъ праздникъ въ маѣ. Говорятъ, что сохранился еще остатокъ средневѣковой игры въ епископы, состоящій въ томъ, что мальчики выбирали въ шутку изъ своей среды епископа. Въ 1487 г. императоръ Фридрихъ III устроилъ въ Нюренбергѣ дѣтскій праздникъ, причемъ одѣлялъ учащуюся молодежь сластями.

Въ Цюрихѣ и Ааргау было обыкновеніе дѣлать подарки тѣмъ, кто лечился морскими ваннами; подарки эти дѣлались знакомыми и друзьями больнаго; если же послѣдній былъ бургомистромъ и пасторомъ, эту обязанность принимала на себя цѣлая община; цеховые старшины получали подарки отъ своего цеха, учителя — отъ училища. Богатые люди дарили серебряные бокалы и другую посуду, вина, рѣдкія яства, иногда быковъ, лошадей и т. д., или же желѣзные доспѣхи; получившій подарокъ отплачивалъ за него по выздоровленіи приглашеніемъ на ужинъ; иногда же, хотя это и рѣдко случалось, больной приглашалъ даривших погостить къ себѣ на воды.

Ааргаускія купанья были самыми знаменитыми въ описываемое нами время. Самыя раннія свѣдѣнія мы имѣемъ отъ извѣстнаго гуманиста Іоанна Франца Поджіо Браціолини изъ Флоренціи (род. въ 1380, умеръ въ 1459 г.), бывшаго канцлеромъ своего отечественнаго города. Сопровождая папу Іоанна XXIII на Констанцскій соборъ, онъ заѣхалъ на возвратномъ пути въ Баденъ, чтобы полечиться отъ ломоты въ рукахъ и описалъ свою жизнь тамъ на латинскомъ языкѣ въ письмѣ къ своему другу Николо Никколи (1417 г.). Онъ говоритъ, что общественная жизнь въ Баденѣ гораздо веселѣе, чѣмъ на водахъ Путеоли, и находитъ, что сама Киприда и все, что есть

прекраснаго въ мірѣ, соединилось для удовольствія живущихъ тамъ. Уже въ то время на разстояніи четверти часа ходьбы отъ городка Бадена были расположены гостинницы съ особой купальней для каждой. Для женскаго пола было назначено два открытыхъ мѣста.

(Kulturgeschichte des Zeitalters der Reformation. S. 577 — 588, Otto Henne — Am Rhyn.)

Конецъ перваго тома.

Замѣченныя опечатки и погрѣшности:

Стр.	строка	напечатано	слѣдуетъ читать.
148	св. 18	одна за другою	одно за другимъ
181	» 9	очетномъ	почетномъ
182	сн. 3	Сикстата	Сикста
185	св. 8	самаго возмутительнаго равнодушія	самое возмутительное равнодушіе
185	сн. 1	Otto Henn am Rhyn	Otto Henne — Am Rhyn
196	св. 9	Двое изъ братьіи	Двое изъ братіи
197	сн. 16	отысканными Петраркой,	отысканными Петраркой
199	св. 3	кружокъ флорентинскихъ ученыхъ привѣтствовали	кружокъ флорентинскихъ ученыхъ привѣтствовалъ
211	сн. 22	большня	большая
215	св. 10	горькую потерю потерпѣла наука	горькую потерю потерпѣла наука,
218	сн. 22	бесопаснымъ	безопаснымъ
228	св. 6	Гварино фонъ Верона	Гварино изъ Вероны
229	» 12	въ монастырѣ	въ монастырь
230	» 13	оказанное ему	оказанное ему,
243	сн. 20	Но Карлъ уступилъ	Но Карлъ уступилъ,
245	» 19	гдѣ недостаточно благоразумія	гдѣ недостаточно благоразумія —
259	св. 18	въ Эффуртѣ	въ Эрфуртѣ
269	сн. 18	какъ бы слабы еще и были	какъ бы слабы еще ни были
279	св. 17	принадлежали къ числу самыхъ,	принадлежали къ числу самыхъ
303	» 21	колосовъ	колоссовъ,
310	» 4	палигримовъ	пилигримовъ
320	» 15	неправильно переводился, атрибутомъ	неправильно переводился атрибутомъ
320	сн. 2	коллосальныя	колоссальныя
328	» 19	не столько для того чтобы, везти дары	не столько для того, чтобы везти дары
330	» 5	хотѣлабъ	хотѣла бъ
360	св. 5	лица, бывшіе	лица, бывшія
360	сн. 3	такъ хорошо бы было начать платить по нему	такъ хорошо бы было начать платить по немъ
392	св. 3	ему ставилась въ вину	ему ставилось въ вину
398	» 4	имперскомуу сейму	имперскому сейму
434	» 16	Rütz,	Pütz
449	сн. 20	диступа	диспута
651	» 12	судилица	судилища
671	» 22	потратиться жизнью	поплатиться жизнью
732	» 18	Алек. Форнезе	Алек. Фарнезе.
735	св. 33	не опытности	неопытности.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.